

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

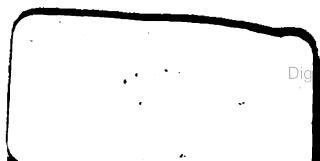
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919549 5

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

59
ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXXVIII. — ТОМЪ CD.—¹/₄ МАРТА 1904.

1

ВѢСТНИКЪ

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

176

226

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

39

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

176

1904

NEW YORK
PUBLISHED BY
299978
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATION
1904

3817

ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА

ВЪ

АНГЛІИ

I.

Школьный вопросъ, это—большое мѣсто Англии, ея болѣзнь, наследственная, такъ сказать, и вмѣстѣ хроническая. Онъ зародился еще тогда, когда была основана первая школа въ Англии, такъ какъ въ силу преемственного, строго эволюціоннаго характера всей англійской жизни даже въ новѣйшихъ ея учрежденіяхъ всегда можно прослѣдить зародышевыя формы, заложенныя много вѣковъ тому назадъ. Въ сѣдой древности школа принадлежала церкви. Ставъ хозяиномъ школы, церковь въ Англии уже никогда не хотѣла разставаться съ нею. Проходили вѣка. Католичество уступило реформаци; за реформацией послѣдовало диссидентство. Въ самой англиканской церкви появились разные виды протестантства, но желаніе церкви завладѣть народнымъ образованіемъ оставалось прежнее. И до 1870 года народное образованіе въ Англии было дѣйствительно почти всецѣло въ рукахъ духовенства. Англиканская церковь имѣла свои школы; католическая—свои; диссиденты—свои; евреи—свои. Государство—никакихъ школъ не имѣло. Лишь въ 1870 г., парламентъ окончательно призналъ тотъ принципъ, что государство и общество, сами обязаны заботиться о всеобщемъ элементарномъ образованіи, и принялъ законъ, который съ разными дополненіями существовалъ до 1902 года.

Существенной чертою закона 1870 г. было то, что онъ оставилъ по старому всѣ тѣ школы, которыя уже существовали,

но къ нимъ прибавилъ новый разрядъ школъ, школъ *общественныхъ*. Первая категорія школъ, названныхъ въ законѣ „voluntary schools“, должна была продолжать существовать на добровольныя пожертвованія, пользуясь лишь субсидіей отъ государства соотвѣтственно числу учениковъ и успѣхамъ ихъ; вторая же, новая категорія, названная „board schools“, должна была содержаться на счетъ общественныхъ налоговъ и находиться подъ руководствомъ специальныхъ школьных совѣтовъ, избравшихся населеніемъ каждаго графства и каждаго большого города отдѣльно и извѣстныхъ подъ именемъ „school boards“. И школы этой категоріи также пользовались еще субсидіей отъ правительства. Тамъ, гдѣ не было „волунтарной“ школы или хотя такая школа и была, но не менѣе тридцати обывателей требовали постройки общественной школы,—школьный совѣтъ данной мѣстности обязанъ былъ выстроить школу и содержать ее на счетъ налоговъ.

Парламентъ, принявъ этотъ законъ въ 1870 г., однако, школьнаго вопроса не рѣшилъ, а еще больше запуталъ его. Въмѣсто того, чтобы сразу совершить смѣлую и необходимую операцію изыятія школы изъ сферы церковныхъ и догматическихъ споровъ, онъ только далъ рядъ компромиссовъ и палліативовъ, служившихъ лишь тормазомъ для истиннаго образованія и просвѣщенія и предметомъ постоянныхъ жалобъ и неудовольствій. Общества и конгрегаціи, которымъ принадлежали „voluntary schools“, жаловались на то, что пожертвованія притекаютъ слабо и что государственнаго пособія недостаточно для содержанія школъ въ достойномъ видѣ. Между тѣмъ, по ихъ словамъ, будто только въ ихъ школахъ, въ этихъ „voluntary schools“, дѣти получаютъ настоящее религіозное образованіе. А въ „board schools“, по закону 1870 года, преподаваніе религіи должно было быть „undenominational“, т.-е. не принадлежащимъ ни къ какому опредѣленному исповѣданію; запрещалось всякое догматическое ученіе, и учителя должны были ограничиваться однимъ чтеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Стараго и Новаго Завѣта, доступныхъ дѣтскому пониманію и имѣющихъ исключительно моральный характеръ, какъ, напримѣръ, десять заповѣдей, молитва „Отче Нашъ“ и нѣкоторыя притчи. Англиканское и римско-католическое духовенство и наиболѣе ревнующіе о церкви міряне жаловались, что религіозное ученіе въ „board schools“ на самомъ дѣлѣ не „undenominational“, а „denominational“, т.-е. не общее всѣмъ религіямъ, а свойственное лишь диссидентамъ, и что существованіе такихъ школъ, содержащихся всецѣло на счетъ государства и пригодныхъ лишь для нонконформистовъ, обидно для англиканцевъ, католиковъ, евреевъ,

агностиковъ и другихъ, которые не могутъ воспользоваться имъ. Они поэтому всегда настойчиво продолжали требовать, чтобы и „voluntary schools“ содержались всецѣло на счетъ государства.

Съ другой стороны, нонконформисты, вполне довольные „board-schools“, требовали, однако, чтобы государство не выдавало субсидій волунтарнымъ школамъ, какъ рассчитаннымъ лишь для дѣтей опредѣленнаго исповѣданія. Правда, какъ въ „board-schools“, такъ и въ волунтарныхъ школахъ, религіозное преподаваніе ни для кого не было обязательно, и родителямъ всегда предоставлялось право не посылать дѣтей своихъ на уроки по закону Божию, если они противъ такихъ уроковъ. Рѣчь, однако, тутъ шла не столько объ обученіи собственныхъ дѣтей, сколько объ уплатѣ денегъ за обученіе нежелательнымъ предметамъ другихъ дѣтей. И неудовольствія, и споры, и агитація шли crescendo съ перваго же дня принятія закона 1870 года, этого перваго широкаго признанія государства и общества отвѣтственными за воспитаніе юношества. И чѣмъ дальше, тѣмъ натискъ партіи, защищающей интересы „voluntary schools“, дѣлался сильнѣе. На сторонѣ этой партіи оказались не только англиканское и католическое духовенство, т.-е. самый вліятельный въ Англіи клерикализмъ, но и цифры, и обстоятельства. Въ 1870 году было всего 8.281 школа, содержавшіяся на частныя средства, а теперь ихъ больше 14.000; въ 1870 г. въ нихъ училось 1.693.000, а теперь—больше 3.000.000, т.-е. больше половины школьныхъ дѣтей Англіи и Валлиса. Затѣмъ обстоятельства сложились благоприятныя. Во главѣ правительства стоитъ уже давно консервативное министерство, относившееся всегда благосклонно къ интересамъ англиканской церкви, а еще къ тому нынѣшній премьеръ, Артуръ Бальфуръ, давно извѣстенъ, какъ сторонникъ „voluntary schools“ и специально-религіознаго, догматическаго образованія для каждой религіи отдѣльно. Кромѣ того, консервативное большинство настолько велико, а оппозиція за послѣдніе три-четыре года, особенно съ начала бурской войны, оказалась такой распатанной и слабой, что клерикальная партія и не могла ожидать болѣе удобнаго случая для своего нападенія, какъ именно въ это время. И нападеніе было сдѣлано. Но къ удивленію нападавшихъ, побѣда вовсе не была такъ легка. Оказалось, что религіозная совѣсть, этотъ вѣчный стражъ личнаго человѣческаго достоинства и общественной свободы, далеко еще не заснула въ Англіи. Религіозная совѣсть—одна изъ самыхъ чуткихъ сторонъ человѣческой души. Она можетъ ошибаться, обиды ея могутъ быть лишь воображаемыя, цѣль ея можетъ быть не всегда ясна и

опредѣленна, предметъ ея борьбы не всегда даже благотворный, но, какъ и молнія въ воздухѣ, она всегда дѣйствуетъ очищающимъ образомъ, съ жгучей силой и съ неожиданными взрывами. Внесенный въ 1901 г., школьный билль удостоился лишь перваго чтенія. Возбужденная имъ оппозиція оказалась настолько сильной, что Бальфуръ счелъ нужнымъ взять его обратно. Но давленіе со стороны англиканской церкви продолжало расти, и въ 1902 году былъ опять внесенъ школьный билль, значительно измѣненный. Несмотря на очевидную непопулярность билля, Бальфуръ, опираясь на свое покорное большинство, провелъ его съ нѣкоторыми существенными поправками, и 18-го декабря 1902 года билль его сталъ закономъ. Но то, что Бальфуръ удалось сдѣлать въ парламентѣ, ему было не такъ легко провести въ жизнь. Если парламентскую оппозицію и можно побѣдить большинствомъ голосовъ, то ничѣмъ нельзя побѣдить оппозицію спиритуальную, духовную, готовую на самопожертваніе и не знающую компромиссовъ.

Принятый парламентомъ, школьный билль встрѣтилъ отпоръ въ странѣ и наткнулся на такъ называемое „пассивное сопротивленіе“, на это превосходное орудіе слабого меньшинства. Начиная съ 1-го іюня прошедшаго года, т.-е. со дня начала дѣйствія новаго школьнаго закона, вся англійская провинція охвачена давно небывалой и въ высшей степени интересной борьбой изъ-за школьнаго закона. Ниже мы дадимъ описаніе нѣкоторыхъ эпизодовъ этой борьбы, но для лучшаго пониманія ея необходимо хотя бы вкратцѣ изложить раньше главныя основанія новаго школьнаго закона.

II.

Въ прежнее школьное законодательство новый законъ внесъ три существенныхъ измѣненія.

Во-первыхъ, онъ уничтожилъ прежніе школьные совѣты, спеціально избиравшіеся для вѣдѣнія дѣла элементарнаго образованія, и передалъ школьное дѣло въ руки совѣтовъ, графствъ и муниципалитетовъ, ставшихъ — на языкѣ новаго закона — „мѣстной образовательной властью“ (Local Education Authority). Эти мѣстные учрежденія сдѣланы теперь полными хозяевами какъ общаго, такъ и техническаго образованія.

Во-вторыхъ, онъ предоставляетъ большимъ городамъ (county borough, съ населеніемъ обыкновенно свыше 50.000 чел.) и совѣтамъ графствъ расходовать сколько угодно и на какое угодно

образование. До сихъ поръ среднее образование, съ точки зрѣнія государства или, что то же самое, налогоплательщика, въ Англии не существовало. Всѣ общія среднія школы безъ исключенія содержались на особня, частныя средства. Налогоплательщикъ если и былъ заинтересованъ въ среднемъ образовании, то это было техническое, на распространеніе котораго совѣты графствъ и города уполномочивались закономъ взимать налогъ. Правда, подъ именемъ технического образования въ большинствѣ случаевъ преподавались предметы общаго образования, но это была лишь лазейка, вовсе не предусматривавшаяся закономъ о техническомъ образовании. Теперь же это все мѣняется,—и среднее образование, и высшее, какъ и элементарное, официально признается предметомъ, достойнымъ заботъ и общественныхъ денегъ.

Въ-третьихъ, новый школьный законъ сравнивалъ въ денежномъ отношеніи „voluntary-schools“ съ „board-schools“. Съ изданіемъ этого закона, собственно говоря, исчезаютъ и самыя термины „voluntary“ и „board-schools“, такъ какъ первыя уже больше не зависятъ отъ „добровольныхъ“, отъ частныхъ пожертвованій, а вторыя уже не состоятъ въ вѣдѣніи „school-board“’овъ. По терминологіи новаго закона, бывшія волонтерныя школы называются „non-provided“, а бывшія „board-schools“ — „provided“, потому что зданія первыхъ выстроены не на общественныя деньги, а зданія вторыхъ—на общественныя.

Вотъ эти три измѣненія и составляютъ всю школьную реформу, созданную парламентомъ въ 1902 г. Все остальное остается по прежнему. Въ бывшихъ „board-schools“ религія будутъ обучать по прежней системѣ или вовсе не обучать ей, въ зависимости отъ желанія муниципалитетовъ или совѣтовъ графствъ. Раньше преподаваніе зависѣло отъ „schools-board“’а. Въ бывшихъ же волонтерныхъ школахъ тоже все остается по прежнему, и будетъ преподаваться тотъ же катехизисъ и тѣ же догмы, что и раньше. Въ этомъ отношеніи никакихъ перемѣнъ не произошло. Реформа вообще совершенно не коснулась внутреннихъ порядковъ школы и программъ. Она имѣетъ лишь характеръ финансовый и административный.

Когда билль обсуждался, ни первый пунктъ, ни второй, не вызвали почти никакой оппозиціи. Хотя многіе и отстаивали прежній порядокъ и предпочитали спеціальныя школьныя совѣты, особенно въ большихъ городахъ, такъ какъ въ эти совѣты, будто, устремлялись все спеціалисты и преданные друзья народнаго образования, но и эти оппоненты должны были признать, что съ точки зрѣнія демократической, съ точки зрѣнія болѣе

широкаго участія общества въ дѣлѣ народнаго образованія, муниципалитеты и совѣты графствъ имѣютъ преимущество, тѣмъ болѣе, что по новому закону всѣми подробностями дѣла будетъ завѣдывать не самъ муниципалитетъ, а избранный имъ комитетъ, въ который войдутъ члены думы (а въ деревняхъ—совѣтъ графства) и лица, рекомендованныя или назначаемаыя разными учрежденіями, какъ университетомъ, совѣтомъ рабочихъ союзовъ, разными педагогическими обществами и пр. Большинство членовъ комитета должны быть гласные думы или совѣта графства, и составъ комитета опредѣляется самой думой или совѣтомъ графства. Такимъ образомъ, дума, оставаясь во главѣ образованія и единственной финансовой властью его, будетъ имѣть всегда возможность залучить въ школьные дѣятели свои наиболѣе извѣстныхъ въ данной мѣстности экспертовъ и ревнителей народнаго образованія.

Еще меньше оппозиціи вызвало второе измѣненіе, на основаніи котораго расширена компетенція мѣстныхъ учреждений въ обложеніи населенія для цѣлей всякаго рода и степени образованія. Если нѣкоторые члены парламента и возставали противъ этого, то лишь ужь очень упорные консерваторы, испугавшіеся „экстравагантности“ со стороны иныхъ муниципалитетовъ.

Главная борьба сосредоточилась на пунктѣ, сравнившемъ вольuntaryныя школы съ общественными и заставляющемъ содержать ихъ на счетъ налоговъ. По новому закону, бывшія „voluntary schools“ будутъ пользоваться одинаковыми государственными субсидіями и одинаковыми мѣстными налогами, какъ и общественныя школы, и въ то же время во многомъ сохранять свою обособленность и свои прежнія привилегіи. Онѣ будутъ пользоваться общественными деньгами, но не будутъ подлежать тому общественному контролю и тѣмъ порядкамъ, какимъ подлежатъ школы общественныя. Правда, и надъ ними хозяиномъ будетъ считаться дума или совѣтъ графства (для краткости, будемъ дальше употреблять лишь слово „дума“, подразумѣвая и совѣты графствъ). Отъ думы будетъ зависетьъ выдача денегъ на содержаніе школы, но непосредственный надзоръ и управленіе будутъ находиться въ рукахъ „комитета управителей“ (managers), состоящаго не меньше, чѣмъ изъ шести лицъ. Изъ нихъ только двое должны быть представителями думы, остальные же четверо назначаются администраціей школы. Эти „управители“ и будутъ назначать и увольнять учителей, съ согласія думы,—будутъ устанавливать программу преподаванія и вообще отвѣчать за порядки въ школѣ. Младшіе учителя и ученики-учителя (pupil-

teachers) должны быть принимаемы на службу въ эти школы на общихъ основаніяхъ, безъ всякаго отношенія къ ихъ религіи; главные же учителя должны, если того желаютъ управители, быть того вѣроисповѣданія, къ конгрегаціи котораго принадлежить школа.

Предлагая обществу содержать церковныя школы, каковыми вообще слѣдуетъ считать „voluntary schools“, защитники новаго закона выдвинули нѣсколько очень основательныхъ аргументовъ, убѣдившихъ даже такихъ выдающихся школьныхъ дѣятелей и политическихъ мыслителей, какъ Сидней Веббъ и Голдэнъ. — Мы всѣ, — говорятъ защитники закона, — признаемъ, что образованіе, и при томъ образованіе хорошее, необходимо для блага Англіи. Между тѣмъ элементарное образованіе, особенно въ деревняхъ, находится въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Много районовъ вовсе не имѣютъ общественныхъ школъ и довольствуются церковными, крайне плохо обставленными. Даже тамъ, гдѣ были общественныя школы, образованіе часто было изъ рувъ вонъ плохое, потому что мѣстные лэндлорды и фермеры боялись высокаго налога и дѣлали все возможное, чтобы тратить на народное образованіе поменьше. Дѣти такимъ образомъ обречены были часто посѣщать плохо обставленныя церковныя школы, вмѣсто хорошо обставленныхъ общественныхъ, т.-е. больше половины школьныхъ дѣтей въ Англіи и Валлисѣ, около 3.000.000, не получаютъ хорошаго элементарнаго образованія. Правда, государство платитъ въ годъ до 4.300.000 ф. стерл. пособія церковнымъ школамъ; но этихъ денегъ мало, а добровольныя пожертвованія слишкомъ скудны въ сравненіи съ тѣмъ, что получаютъ „board-schools“ изъ школьнаго налога. Остается одно изъ двухъ: или давать больше средствъ церковнымъ школамъ, или выкупить ихъ всецѣло въ пользу государства. Но въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы ихъ сравнять съ общественными школами и въ отношеніи преподаванія религіи, т.-е. католики и англикане совершенно лишились бы права обучать дѣтей своихъ въ школахъ катехизису и догмамъ. Авторы школьнаго закона вынуждены были поэтому принять первое рѣшеніе и, уравнивъ церковныя школы съ общественными въ отношеніи средствъ, сохранили за ними характеръ вѣроисповѣдный во всемъ, что касается преподаванія религіи. Преподаваніе не-свѣтскихъ предметовъ должно быть въ нихъ поставлено такъ же, какъ и въ общественныхъ школахъ, при чемъ, какъ и въ послѣднихъ, уроки религіи вполнѣ добровольны, — по желанію родителей учащіяся могутъ быть освобождены отъ нихъ, и составители новаго

закона не видятъ поэтому причины, отчего бы и дѣтямъ нонконформистовъ не посѣщать церковной школы тамъ, гдѣ нѣтъ общественной.

На упрекъ же въ томъ, что общественныя деньги пойдутъ на обученіе опредѣленнымъ религіознымъ догмамъ, далеко не раздѣляемымъ всѣми, защитники новаго школьнаго закона отвѣчаютъ, что церковныя школы получаютъ общественныя деньги вовсе не за обученіе религіознымъ догмамъ, а за обученіе свѣтскимъ предметамъ. Уроки же по катехизису погасятся собственными средствами школы. При этомъ они дѣлаютъ слѣдующій расчетъ. Всего учебныхъ часовъ въ недѣлю около 25. Изъ нихъ около четырехъ,—если считать и чтеніе Евангелія, и молитвы, т.-е. если даже включить и ту часть религіознаго преподаванія, которая допускается въ общественныхъ школахъ,—уходятъ на преподаваніе религіи. Всего, значить, преподаваніе религіи занимаетъ приблизительно одну шестую часть всѣхъ школьныхъ часовъ, какъ разъ именно такую часть, какую въ общей суммѣ содержанія церковныхъ школъ составляла бы стоимость найма помѣщеній. Такъ, напримѣръ, въ 1901 г. содержаніе церковныхъ школъ обошлось въ 4.399.267 фунт. стерл. Если же пришлось бы платить ренту за зданія, то излишекъ составлялъ бы въ общемъ 700.000 ф. ст. Защитники новаго закона и говорятъ, что государство, пользуясь школьными зданіями даромъ, должно по крайней мѣрѣ предоставить церкви одну шестую часть школьнаго времени для цѣлей чисто церковнаго преподаванія.

Въ общемъ, защитники школьной реформы увѣряютъ, что нонконформистамъ не только грѣшно жаловаться на новый законъ, но они должны еще быть благодарны консервативному министерству за проведеніе его, такъ какъ онъ не только не задрѣваетъ обученія въ общественныхъ школахъ, но еще открываетъ для контроля нонконформистовъ и англиканскія, и католическія школы, дѣлая ихъ подчиненными муниципальнымъ управленіямъ и, слѣдовательно, общественному контролю. Этого именно взгляда придерживается Артуръ Джемсъ Бальфуръ, первый министръ и авторъ школьной реформы. Въ письмѣ, опубликованномъ имъ 24 іюня, онъ старается кратко и ясно изложить тѣ выгоды, которыя нонконформисты „по заблужденію“ отрицаютъ въ новомъ законѣ.

Бальфуръ очень недоволенъ движеніемъ „пассивнаго сопротивленія“, противъ котораго и было направлено его письмо-манифестъ.

„Политика такъ называемаго пассивнаго сопротивленія къ

уплатѣ школьнаго налога кажется мнѣ, — пишетъ онъ, — совершенно недостойной гражданъ свободной страны, каковы бы ни были достоинства или недостатки новаго закона. Совершенно вѣрно, что законъ многими изображенъ въ грубо-ложномъ свѣтѣ, и вслѣдствіе этого его иногда плохо понимали. Утверждали, а многіе очевидно этому повѣрили, что онъ уменьшаетъ „общественный контроль“. На самомъ же дѣлѣ онъ значительно расширяетъ этотъ контроль, а что касается волунтарныхъ школъ, то онъ тамъ даже въ первый разъ и вводится новымъ закономъ.

„Утверждали, и многіе очевидно этому повѣрили, что законъ исключаетъ или стремится исключить изъ учительской профессіи дѣтей нонконформистовъ. Между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ оказываетъ имъ двойное благо: онъ предоставляетъ подготовляющимся въ учителя занимать мѣста рѣшительно во всѣхъ школахъ безъ всякихъ сектаріанскихъ ограниченій и, во-вторыхъ, въ первый разъ обществу предоставляется готовить учителей въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на счетъ налоговъ.

„Утверждали, и повидимому повѣрили этому, что законъ будто заставляетъ дѣтей посѣщать деноминаціональныя школы (denominational schools—школы, принадлежащія одному какому-либо опредѣленному исповѣданію). На самомъ же дѣлѣ онъ въ первый разъ предоставляетъ возможность обзавестись не-деноминаціональной школой даже тамъ, гдѣ есть достаточно свободнаго мѣста въ школахъ деноминаціональныхъ.

„Утверждали и, повидимому, повѣрили этому, что законъ дѣлаетъ какія-либо религіозныя ограниченія учителямъ. Между тѣмъ если онъ въ чемъ-либо и измѣнилъ прежнюю систему назначенія учителей, то не въ увеличеніи, а въ сокращеніи тѣхъ учительскихъ должностей, которыя открыты только для лицъ извѣстнаго исповѣданія“.

Письмо Бальфура—очень длинное, и мы здѣсь привели главные лишь пункты его, касающіеся закона. Но каковы бы ни были его аргументы и доказательства, они не могутъ имѣть никакого успѣха и никого изъ противниковъ школьнаго закона не могутъ убѣдить въ правотѣ его по той простой причинѣ, что у Бальфура и его противниковъ точки зрѣнія совершенно разныя. Онъ рассуждаетъ съ точки зрѣнія права и конституціи, а они—съ точки зрѣнія религіозной совѣсти. Правда, отвѣчая ему, они стараются доказывать свою правоту и съ точки зрѣнія конституціонной, но все-таки не разногласія въ толкованіяхъ англійскаго права подвинули ихъ на пассивное сопротивленіе школьной

реформѣ. Несочувствіе биллю лежитъ глубже его юридической обоснованности. Оно коренится въ чуткой совѣсти, въ которой оно черпаетъ свою силу и свое огромное національное значеніе. Но, съ другой стороны, нельзя отказать противникамъ билля и въ чисто юридическихъ основаніяхъ для ихъ нежеланія подчиняться новому закону. Какъ конституціоналисты, они выставляютъ два пункта. Раньше всего они указываютъ на то, что парламентъ, избранный въ 1900 году, не имѣлъ права издать законъ настолько спорный, какъ швольный. Этотъ парламентъ былъ избранъ по вопросу о войнѣ. Всѣ другіе вопросы отступили тогда на задній планъ, и правительство добивалось тогда полномочій главнымъ образомъ для продолженія войны и сокрушенія двухъ маленькихъ республикъ. Правительственная партія и не упомянула даже въ своихъ избирательныхъ манифестахъ о швольной реформѣ. И хотя правительство всегда имѣетъ право внести въ парламентъ какіе угодно билли, но оно все-таки не должно пользоваться случайнымъ большинствомъ, полученнымъ на выборахъ по одному какому-либо вопросу, для проведенія законовъ, вовсе не желательныхъ для огромной части населенія, по другимъ вопросамъ. Само собою разумѣется, что когда мы употребляемъ здѣсь слова „право“ и „конституція“, мы имѣемъ въ виду традиціи и чувство законности, а не что-либо написанное и подписанное. Кодексъ политической честности и политическаго поведенія въ Англійи выработался многими вѣками и состоитъ изъ обычаевъ и пріемовъ, основанныхъ не на чемъ другомъ, какъ на чувствахъ добропорядочности и справедливости, естественныхъ среди гражданъ всякаго благоустроеннаго общества.

Затѣмъ, — говорятъ противники швольной реформы, — если бы даже парламентъ и имѣлъ полномочіе на принятіе вообще швольнаго закона, онъ все-таки не имѣлъ права принять именно этотъ законъ, противорѣчащій основамъ англійской конституціи, всему духу ея, т.-е. противный тому естественному праву каждаго англичанина не поддерживать того, что идетъ въ разрѣзъ съ совѣстью, и не платить налоговъ, которыми вы не распорядитесь. Это право не можетъ отнять никакое большинство, никакой парламентъ, потому что по самой природѣ своей человѣкъ всегда будетъ возмущаться такой несправедливостью.

Но, конечно, всѣ эти разсужденія, весьма вѣрные сами по себѣ, имѣютъ очень малую убѣдительную силу, когда рѣчь идетъ о новой швольной реформѣ, о законѣ, насчетъ котораго требуется еще доказать, что онъ анти-конституціоненъ или что онъ нарушаетъ естественное право человѣка. Другое дѣло, когда про-

тивники переносят споръ на почву религіозной совѣсти. Тутъ они непобѣдимы, потому что тогда человѣкъ заявляетъ: „хорошъ ли законъ или нѣтъ—мнѣ все равно, но моя религіозная совѣсть противъ него“, аргументы и резоны дѣлаются излишними, и борьба принимаетъ уже характеръ, при которомъ одна сторона какъ бы выступаетъ въ роли преслѣдователя, а другая сторона—въ роли мученика. Такой именно характеръ школьная распря приняла въ видѣ движенія „пассивнаго сопротивленія“.

III.

Главными вождями движенія выступили проповѣдники нонконформистскихъ сектъ, извѣстные ораторы Джонъ Клиффордъ, Мейеръ, Кемпбелъ и другіе. Мейеръ, выдающійся пасторъ баптистовъ, тотчасъ же по принятіи школьнаго билля, опубликовалъ слѣдующее письмо:

„Я не стану платить добровольно школьнаго налога, потому что человѣкъ совершаетъ беззаконіе, грѣша противъ своей совѣсти. Поддерживать же систему, которая дѣлаетъ невозможнымъ для священника (priest), англиканскаго или римскаго, внушить свои религіозныя понятія молодежи, я считаю совершенно противнымъ моей совѣсти. Умирая, я бы чувствовалъ бремя на моей совѣсти, если бы я не сдѣлалъ все для меня возможное для освобожденія Англии отъ системы, которая погубила ее такъ же, какъ она губитъ Испанію, Францію и Южную Америку. Конечно, я не окажу противодѣйствія воллектору (сборщику налоговъ), но и самъ также платить не буду. Другимъ способомъ трудно протестовать. Аргументы кажутся напрасными“.

Пасторъ конгрегационалистской секты въ извѣстной лондонской церкви на улицѣ Гоборнъ, въ City Temple, рекомендуя политику „пассивнаго сопротивленія“, отвергъ всякіе компромиссы. Бальфуръ, защищая новый законъ, указывалъ на то, что нонконформисты могутъ воспользоваться имъ не хуже англиканъ и выстроить собственныя школы, которыя будутъ также содержаться на счетъ государства. „Ничего подобнаго не можемъ сдѣлать!—воскликаетъ пасторъ Кемпбелъ.—Когда Бальфуръ пойметъ, когда вообще государственные люди поймутъ, что нонконформисты отвергаютъ денежную помощь отъ государства въ дѣлахъ своей вѣры!.. Если ваши принципы дороги вамъ, дѣлайте то же самое, что мы дѣлаемъ, и стройте ваши церковныя школы и содержите ихъ на собственный счетъ. Начиная со времени при-

нятія закона 1870 года, мы сами, хотя и не такія богатія общины, какъ англиканскія, строили собственныя церкви и школы. Мы не просили милостыни у государства. Наши религіозные принципы мы преподавали въ своихъ собственныхъ школахъ. Не требуйте отъ насъ жертвъ взаменъ права на помощь отъ государства; мы привыкли приносить жертвы, чтобы избавиться отъ государственной помощи“.

Для болѣе яснаго пониманія точки зрѣнія нонконформистовъ мы приведемъ еще слѣдующую выдержку изъ рѣчи директора семинаріи секты конгрегационалистовъ въ Ноттингемѣ, пастора Митчеля. Объясняя на публичномъ митингѣ положеніе лицъ, сопротивляющихся школьному налогу, онъ между прочимъ сказалъ:

„Государство имѣетъ право на содѣйствіе гражданъ, когда оно дѣйствуетъ въ законной своей сферѣ. Но требовать отъ гражданъ содѣйствія распространенію какихъ бы то ни было опредѣленныхъ религіозныхъ догмъ—не есть область государственныхъ заботъ. Тамъ же, гдѣ религіозныя догмы, предлагаемыя государствомъ къ распространенію, по мнѣнію части гражданъ, ошибочны и вредны, оказаніе содѣйствія государству было бы просто грѣшно. Школьный законъ дѣлаетъ возможнымъ обученіе опредѣленнымъ религіознымъ догмамъ на счетъ общественныхъ средствъ. До сихъ поръ это обученіе оплачивалось изъ частныхъ средствъ, а теперь оно будетъ оплачиваться общественными деньгами. Затѣмъ, во многихъ тысячахъ школъ, которыя отнынѣ будутъ цѣликомъ содержаться на счетъ государства, главные учителя должны будутъ принадлежать къ опредѣленной религіи. Существуютъ и другія причины. Опасность клерикализма, опасность упадка парламентскихъ традицій, упадокъ политической чести—все это заставляетъ насъ прибѣгнуть къ пассивному „послушанію“. Исторія показала, что такая политика сопротивленія или „послушанія“ ведетъ къ благотворнымъ результатамъ, дающимъ надежду думать, что своимъ поведеніемъ мы оказываемъ отечеству неопѣнимую услугу“.

Движеніе пассивнаго сопротивленія замѣчательно тѣмъ, что оно ведется совершенно легально и въ предѣлахъ существующаго законодательства. Въ этомъ отношеніи англійскіе диссиденты имѣютъ прекрасный опытъ. Ихъ борьба противъ церковнаго налога въ сороковыхъ годахъ, закончившаяся полной побѣдой и биллемъ 1868 года, велась главнымъ образомъ на почвѣ легальнаго сопротивленія. Законъ велитъ платить налоги, устанавливаемые законо-уполномоченной на то властью—парламен-

томъ или мѣстнымъ учрежденіемъ. Но неплатежъ налога еще нигдѣ не былъ сдѣланъ преступленіемъ уголовнымъ. За налогъ отвѣчаетъ имущество, и личность можетъ быть арестована лишь въ случаѣ сокрытія имущества. Въ своей рѣчи, которую мы уже здѣсь цитировали, пасторъ Кемпбелль сказалъ: „Когда сборщикъ позвонитъ, мы ему отворимъ дверь. Онъ войдетъ и заберетъ часы въ передней, если у насъ таковыя имѣются, и никто изъ насъ ему не помѣшаетъ. Мы даже сами будемъ въ толпѣ на аукціонѣ и, быть можетъ, сами же и купимъ свои вещи“.

Новый школьный законъ вошелъ въ силу 1-го іюня, и съ этого времени началось „пассивное сопротивленіе“, организованное по всѣмъ правиламъ англійской общественной жизни, съ центральнымъ комитетомъ въ Лондонѣ и съ отдѣленіями, извѣстными подъ именемъ „лигъ гражданъ“, въ провинціи. Собственно говоря, Лондонъ, какъ изъятый изъ школьнаго закона 1902 г., тутъ ни при чемъ, и все движеніе происходитъ въ провинціи, но, какъ центръ нонконформистскихъ организацій, Лондонъ является самымъ удобнымъ мѣстомъ для „главнаго штаба“ движенія.

Обыкновенно процедура взиманія мѣстныхъ налоговъ въ Англии вратцѣ слѣдующая. Раза два въ году налогоплательщикъ получаетъ счетъ съ приказомъ уплаты по немъ. Если въ теченіе семи дней онъ денегъ не внесъ и никакого объясненія не прислалъ, онъ можетъ быть вызванъ въ судъ, который долженъ состоять изъ двухъ мировыхъ судей. Судъ, выслушавъ его и не находя законныхъ причинъ къ неуплатѣ требуемаго налога, выдаетъ исполнительный листъ на имя мѣстныхъ *overseer*'овъ, которые поручаютъ арестъ имущества *bailiff*'у. Арестованное имущество затѣмъ продается съ аукціона и изъ вырученной суммы погашаются налогъ и расходы по взиманію его. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что всѣ власти, участвующія въ этой процедурѣ—люди выборные. *Overseer*'ы—это члены „*Board of guardians*“ или „*district councils*“, на которыхъ возлагается обязанность опѣнщиковъ и взиманіе налоговъ. Мировые судьи (*Justices of the Peace*) бываютъ и выборные, и по назначенію, но обязательно мѣстные люди, которые въ большинствѣ случаевъ бываютъ и членами мѣстныхъ выборныхъ учреждений. Что же касается до *bailiff*'а и аукціониста, то они—простые обыватели, получившіе разрѣшеніе на производство соотвѣтственныхъ ихъ званію актовъ.

И вотъ, среди первыхъ оппонентовъ школьной реформы выступили именно два *overseer*'а въ приходѣ Ньютонѣ, въ Дербиширѣ. Они заявили своему „*board of guardians*“, что откльо-

няють отъ себя взыскаііе школьнаго налога, потому что, будучи диссидентами, они сами рѣшили не платить и, конечно, не могутъ требовать уплаты его отъ другихъ. Въ другомъ приходѣ, въ томъ же графствѣ, одинъ изъ судей заявилъ, что не будетъ участвовать въ слушаніи дѣлъ по взысканіямъ налоговъ. То же случилось въ Регби, гдѣ судья, во время слушанія дѣла о неуплатѣ налога, заявилъ, что онъ вполне сочувствуетъ отвѣтчику, всталъ и отошелъ отъ судейскаго стола.

Конечно, судьи не могутъ входить въ нравственное разсмотрѣніе вопроса. Ихъ дѣло—чисто формальное. Мѣстное учрежденіе требуетъ уплаты налога, и они обязаны выдать исполнительный листъ. Но все-таки отвѣтчики считаютъ необходимымъ заявить на судѣ свою точку зрѣнія, и такимъ образомъ мелкіе суды Англій обратились въ удобныя мѣста для пропаганды идеи пассивнаго сопротивленія и публичнаго осужденія новаго школьнаго закона. Одинъ отвѣтчикъ въ защиту свою даже сослался на знаменитаго государственнаго человѣка и оратора Эдмунда Бэрка (Burke), который заявилъ разъ въ парламентѣ, что „изъ уполномочій правительства исключается передача чьихъ-либо денегъ на обученіе религіозной системы, не одобряемой лицомъ, у котораго деньги взяты. Человѣчество, при всѣхъ формахъ гражданственности (polity), имѣетъ прирожденное право (a charter of nature) не соглашаться на такое злоупотребленіе общественнымъ добромъ“.

Одной выдачи исполнительнаго листа, однако, еще мало для продажи имущества. Продать же имущество, въ большинствѣ случаевъ, обазывается совершенно невозможнымъ, такъ какъ рѣдко какой правоспособный аукціонистъ соглашается выступать съ публичной продажей заарестованныхъ вещей. Мѣстные люди рѣшительно всѣ отказываются, изъ нежеланія компрометтировать себя передъ знакомыми и сосѣдами. Приходится, поэтому, выписывать людей изъ сосѣднихъ городовъ, но и иногородные не всѣ соглашаются, а тѣ, которые берутъ на себя продажу, часто не рады и жизни, такъ какъ насмѣшки и угрозы враждебно настроенной противъ нихъ толпы принимаютъ иногда довольно опасный характеръ. Такъ, напримѣръ, въ Гэстингсѣ для продажи вещей пришлось пригласить аукціонныхъ дѣлъ мастера изъ Лондона. Мѣстные же всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отказались дѣйствовать. Но и лондонскій порученія не могъ исполнить и вынужденъ былъ бѣжать, подъ охраной полиціи, съ мѣста продажи прямо на вокзалъ.

Первая аукціонная продажа вещей, вызванная новымъ школь-

нымъ закономъ, происходила въ Вирксвортѣ, въ Дербиширѣ. По словамъ сотрудника „Daily News“, тамъ были употреблены всяческія усилія, чтобы склонить „трехъ честныхъ людей“ (ихъ-то имущество и продавалось) отказаться отъ сопротивленія и добровольно внести налогъ. Но ни арестъ вещей, ни просьбы малодушныхъ друзей, ни хитрости властей, не имѣли желаемаго результата. Съ приближеніемъ дня продажи, — говорить корреспондентъ немного въ приподнятомъ стилѣ, — „опоясали свои чресла не одни герои борьбы, но и многіе другіе въ Вирксвортѣ стали присоединяться къ движенію, и теперь въ число сопротивленцевъ записалось уже свыше ста человекъ. Печатныя объявленія о продажѣ были выпущены лишь около девяти часовъ вечера въ четвергъ, а продажа была назначена на слѣдующее утро въ девять часовъ. Этими надѣялись предупредить публичную демонстрацію и прибытіе Клиффорда, вождя движенія. Но расчеты властей оказались плохими. Въ десять часовъ городъ былъ уже во всеоружіи. Зазвонили разные колокола на всѣхъ улицахъ и раздались громкіе крики: „Passive resisters, awake, awake!“ (Сопротивленцы, бдите!). Почтмейстера заставили открыть телеграфную станцію, и депеши полетѣли во всѣ концы Англіи; были наняты кэбы, и вскорѣ копыта верховыхъ лошадей застучали по известковымъ дорогамъ: это посланцы спѣшили въ ближайшіе Белпэръ, Дэрби и другія мѣста. Никогда прежде на памяти старожиловъ ничего подобнаго не происходило въ Вирксвортѣ“.

Результатомъ всѣхъ этихъ курьеровъ и депешъ было то, что первый же утренній поѣздъ привезъ цѣлую толпу друзей и вождей движенія. Былъ собранъ митингъ до продажи, и вещи были куплены за безцѣнокъ друзьями же ихъ владѣльцевъ. И тотчасъ же по окончаніи аукціона состоялся второй публичный митингъ на базарной площади, на которой произнесъ рѣчь Джонъ Клиффордъ, убѣждавшій слушателей стойко слѣдовать политикѣ сопротивленія.

Но эта первая продажа, кажется, была и единственной, прошедшей болѣе или менѣе благополучно. Въ другихъ же мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Бюри-Сен-Эдмундсѣ, она сопровождалась беспорядками и насильственными дѣйствіями, такъ что ничего продавать нельзя было. И чѣмъ дальше, тѣмъ движеніе росло. Начавшись съ единичныхъ случаевъ отказа платить школьный налогъ, оно потомъ считало тысячи и десятки тысячъ лицъ, послѣдовавшихъ примѣру первыхъ, и цѣлыя мѣстечки и города начинаютъ „пассивно сопротивляться“. При этомъ все больше и больше обрисовывается истинный характеръ движенія,

которое несомнѣнно анти-церковное. Сопrotивленіе школьному закону въ Англіи—это, прежде всего, походъ противъ Рима, противъ католичества, угрожающаго Англіи своимъ натискомъ. Вотъ почему къ „сопротивленцамъ“ изъ нонконформистовъ применило и не мало членовъ англиканской церкви, даже многіе пасторы ея, дорожащіе еще своимъ протестантствомъ. Говоря проповѣдь въ Белпэрѣ, англиканскій пасторъ, докторъ Тэйлоръ Уорренъ, совѣтовалъ пассивное сопротивленіе и просилъ всѣхъ „стоять на стражѣ протестантства“. „Иначе,—прибавилъ онъ,—папскія доктрины отпущенія грѣховъ и исповѣди будутъ насильно внушены дѣтямъ, купели наполнятся „святой“ водой, и ладанъ будетъ куриться, и свѣчи горѣть на алтаряхъ нашей національно-протестантской церкви“.

И этотъ именно характеръ школьной распри особенно ожесточаетъ борцовъ и дѣлаетъ школьный законъ 1902 г., т.-е. въ той части его, которая касается „voluntary schools“, совершенно неосуществимымъ,—такъ что не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что въ одну изъ ближайшихъ законодательныхъ сессій парламенту опять придется заняться школьнымъ вопросомъ.

Лондонъ.

С. Р.

БРАТЯ

ПОВѢСТЬ.

ХІІ *).

Только-что пронеслась гроза, ранняя, съ ночи, запоздалая и живительная.

Столѣтніе клены въ большой аллеѣ „старого“ сада блестяще еще листвою, покрытой брилліантами грозовыхъ капель.

Шель восьмой часъ утра. Въ усадьбѣ—слишкомъ обширной для ея обитателей—стояла полная тишина, какъ, впрочемъ, и въ другіе часы.

Домъ—обширный, выштукатуренный, одноэтажный, съ мезониномъ, съ нѣсколькими пристройками—стоялъ на лужайкѣ, гдѣ влѣво, подъ тремя развѣсистыми рябинами, пріютилась круглая дерновая скамья.

Къ рѣкѣ спускается паркъ, разбитый изъ лѣса, съ лиственными породами; влѣво—старый дворянскій садъ изъ четырехугольника, съ площадкой, заросшей разной дичью.

Это—родовое имѣніе Бабичевыхъ, доставшееся Ивану при добровольномъ раздѣлѣ съ меньшимъ братомъ.

Село Бабичево лежитъ въ полуверстѣ, на другомъ берегу рѣчки Проталки, въ полую воду судоходной.

Веснѣ подходитъ уже конецъ. Позади и Троица, и Духовъ день. Черезъ недѣлю—іюнь мѣсяць. Весна задалась ранняя; все въ цвѣту: боярышникъ, сирень, кусты жимолости; еще недѣля—другая—и подойдетъ сѣнокося.

*) См. выше: февр., 505 стр.

Послѣ грозы, на зарѣ, съ сердитой молніей и оглушительными раскатами грома—все ликуеть и радуется безоблачному солнцу.

Въ мезонинѣ живетъ младшій Бабичевъ. Онъ остался въ Россіи, совершенно противъ своихъ первоначальныхъ плановъ; въ концѣ зимы ѣздилъ въ Москву и въ Петербургъ, на время, вернулся опять къ брату и прожилъ съ нимъ до весны въ городѣ, а сюда перебрался раньше его, въ началѣ мая.

Старшій братъ, Иванъ, здѣсь только съ недѣлю—служба не позволяла взять отпускъ раньше.

На разсвѣтѣ ударъ грома разбудилъ Питѣра. Онъ любилъ грѣзы. Въ воздухѣ, полномъ электричества, его голова легко возбуждалась. И приближеніе грозы онъ всегда чувствовалъ въ видѣ особенныхъ, очень тонкихъ ощущеній въ головѣ, въ пальцахъ и въ спинѣ.

Ударъ разбудилъ его, но, на этотъ разъ, не отнялъ сна. Онъ полежалъ съ четверть часа, слышалъ еще нѣсколько ударовъ, но молніи не видалъ отъ плотныхъ ставень, послѣ чего крѣпко заснулъ и всталъ, какъ всегда—съ наступленія теплыхъ дней—около семи.

Неизмѣнно онъ „сочинялъ“ по утрамъ. Ночной работы онъ боялся и по зимамъ. Она выгодна для игры воображенія, но обманчива. Придетъ вдругъ мелодія, за нее ухватишься, какъ за что-то крупное и „вкусное“—называетъ онъ на своемъ жаргонѣ,—сейчасъ же начнешь развивать ее, тормошить и придумывать оркестровку. Просмотришь, напишешь ночью,—все окажется... блестящимъ фейерверкомъ, но безъ глубины содержанія.

„Жидко!“—восклицалъ онъ всегда въ такихъ случаяхъ.

Ранняя работа зимой—тоже своего рода ночная, съ лампой и свѣчами; но и она лучше.

Но утро весной, лѣтомъ, ранней осенью, непременно на воздухѣ, съ тихой прогулкой—вотъ настоящіе творческіе часы. И съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, въ Бабичевѣ, каждое утро приноситъ съ собою „кошдаку“ идей, образовъ, фразъ, настроеній, цѣлыя сцены. Одинъ финалъ былъ задуманъ и выполненъ вчера въ два утра, въ любимой его аллеѣ, задней—она уже и тѣнистѣе—въ той, что идетъ вдоль забора, выходящаго на крутой оврагъ.

Но не одна „композиторская“ работа такъ спорится здѣсь. Онъ отдается и мыслительнымъ настроеніямъ. Въ ранніе часы выплываютъ изъ глубины мыслящаго „я“ самые цѣнные выводы. Онъ не собирается писать философскую книгу, но рядомъ съ музыкантомъ живетъ въ немъ и мыслитель.

Часто это—тоже—лирическія излінія. Онѣ приходятъ если не съ готовыми рѣшеними, то, все-таки, въ музыкальномъ ритмѣ. Или отдѣльныя мысли, которыя онѣ тутъ же заноситъ въ свою книжку.

Сегодня, послѣ дѣла, онѣ, еще натошавъ, спустился въ садъ. На немъ фланелевый костюмъ, башмаки и холщевая шляпа съ широкими полями и вдавленной, съ двухъ концовъ, тульей.

Ходитъ онѣ сначала быстро, для моціона, обойдетъ весь квадратъ липовыхъ аллей нѣсколько разъ, потомъ присядетъ, на одномъ изъ угловъ, на скамьѣ, и непременно вынетъ изъ бокового кармана свою продолговатую записную книжку, имѣющую форму тетради.

Съ тѣхъ поръ, какъ братъ его Иванъ живетъ въ усадьбѣ, Питеръ уходитъ еще сильнѣе въ свое „сочинительство“.

На это есть особая причина. Ее онѣ какъ бы боится затрогивать, хотя сознаетъ отчетливо, даже безповоротно, что дальше такъ продолжаться не можетъ, и онѣ не желаетъ уподобляться той африканской птицѣ, которая суетъ голову въ песокъ, зачуявъ опасность.

Но сегодня онѣ въ необычайно приподнятомъ творческомъ „трансѣ“—безъ нервности, съ ясностью головы и съ ощущеніемъ легкости во всѣхъ членахъ.

Замедля шагъ противъ обыкновеннаго, онѣ обошелъ уже раза три квадратъ аллей. Садитесь на угловой диванъ ему еще не хотѣлось.

Прищуривая глаза и держа въ рукахъ карандашъ, онѣ шелъ, смотря въ глубь аллей, спускавшейся въ этомъ мѣстѣ, по пригорку, на которомъ раскинулся старый садъ.

И ему показалось, что тамъ вдали, у того мѣста, гдѣ есть калитка на лужайкѣ передъ домомъ, бѣлѣтъ какая-то фигура.

Онѣ, по утрамъ, не надѣвалъ ринсе-пез, а видѣлъ плохо, какъ сильно близорукій.

Да, это—тотъ пріятель Ивана, пріѣхавшій наканунѣ, погостить на нѣсколько дней, его товарищъ по университету, Руженцовъ—химикъ на заводѣ ихъ сосѣда, коммерсанта Хаева, изъ московскихъ „династій“.

Этотъ „физикъ“—такъ онѣ его про себя назвалъ—скоро заинтересовалъ его, по первой же бесѣдѣ, какая завязалась вчера за обѣдомъ и, по русской привычкѣ, затянулась на весь почти вечеръ.

Объ этомъ Руженцовѣ онѣ много уже зналъ отъ брата, до его пріѣзда сюда, вчера.

Не по вкусу ему была нѣкоторая тривіальность его тона, самый его жаргонъ и московско-провинціальныи говоръ, съ растягиваньемъ гласныхъ и пѣньемъ, его смѣхъ, манера ѣсть, курить. Но онъ не причислилъ его къ „хамамъ“. Въ немъ сидѣло нѣчто несомнѣнно *свое* въ тонѣ, въ складѣ его ума, въ взглядахъ на жизнь вообще и въ особенности на русскій „кавардакъ“, какъ онъ выражается обо всемъ, что братъ Иванъ привыкъ трактовать всегда въ либерально-просвѣтительномъ духѣ.

Кажется, у нихъ недавно была какая-то „коллизія“. Иванъ, по своей деликатности, ничего не разсказалъ Питѣру, но изъ вчерашняго „а раге“ самого Руженцова не трудно было догадаться, что онъ въ чемъ-то уже покаялся передъ Иваномъ.

Сначала онъ говорилъ все больше про своего принципала Хаева и его „благовѣрную“, беспощадно разбирая „психологію ихъ степенствъ новѣйшей формаци“. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ вызывалъ смѣхъ у Питѣра. Но дальше онъ самъ перевелъ разговоръ на Ивана, его службу, его „гражданскія“ стремленія, его школу, которой онъ, въ теоріи, сочувствовалъ, но считалъ и ее „жертвой на алтарѣ дворянскаго прекраснодушія“.

Эта формула очень понравилась Питѣру; но Руженцовъ, тутъ же, взявъ Ивана за руку, вскричалъ:

— Прости! Не буду! Веди твою линію, коли таково твое credo. Я вѣдь брюзга, и печенка у меня не въ порядкѣ.

Пріѣхалъ онъ послѣ серьезной болѣзни—что-то вродѣ воспаления печени—весь желтый, съ кашлемъ и большой худобой.

Въ другое время Питѣръ болѣе бы тяготился такимъ гостемъ; но теперь ему, почему-то, становилось все болѣе и болѣе жутко оставаться съ глазу на глазъ съ братомъ. Такой говорунъ, какъ Руженцовъ, явился очень хорошей диверсіей.

Но вдругъ какъ онъ поведется, каждое утро, ходить сюда и мѣшать ему?

Онъ—умный малый, и можно будетъ ему прямо сказать, что это—самые драгоценные часы для него.

Руженцовъ остановился и, заслонивъ рукой глаза, сталъ всматриваться, потомъ поклонился.

На немъ былъ бѣлый картузъ и пара изъ неизбѣжной чесунчи.

Питѣръ пошелъ къ нему на встрѣчу. Они встрѣтились на половинѣ аллеи.

— Виноватъ!—началъ Руженцовъ, подавая ему руку.—Нарушилъ ваше одиночество!

Руженцовъ многое зналъ о немъ, но прежде видалъ его мелькомъ, и то—давно, когда тотъ былъ еще въ подросткахъ.

Онъ зналъ, что Иванъ Бабичевъ нѣжно любить своего „Питѣра“, и считалъ это слабостью, хотя и признавалъ рѣдкимъ, даже и въ „старо-дворянскомъ быту“.

Иванъ, въ Москвѣ, не ожидалъ, что Питѣръ прїѣдетъ такъ скоро, и они почти-что ничего не говорили о немъ съ Руженцовымъ. Конечно, онъ, ни подъ какимъ видомъ, не обмолвится о томъ, что братъ его сталъ, въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, знаменитостью по части легкой музыки; но вчера Руженцовъ могъ понять, что меньшей Бабичевъ серьезно занимается композиторствомъ.

Передъ прїѣздомъ сюда, онъ имѣлъ о немъ представленіе, какъ о заграничномъ „модникѣ“, съ дилеттантскимъ образованіемъ, который кое-чему учился и у англичанъ, и у нѣмцевъ, и у французовъ.

Вчерашняя, подъ конецъ очень взвинченная бесѣда показала ему этого модника въ другомъ свѣтѣ. То-и-дѣло онъ, и красивыми глазами, и жестомъ своей интересной и несомнѣнно умной головы, поддакивалъ ему. Это сначала его какъ бы немного смущало: не подсмѣивается ли онъ надъ нимъ, или не науськиваетъ ли: „какое, молъ, онъ еще колѣно выкинетъ“!

Но кромѣ ободряющей мимики, меньшей Бабичевъ сказалъ и нѣсколько фразъ—уже совсѣмъ недвусмысленныхъ и все въ его духѣ.

Только чувствовалось въ его тонѣ и нѣкоторой сдержанности, что онъ не хочетъ „пускаться во всю“, не желая огорчить брата.

И это понравилось Руженцову. Онъ, до сихъ поръ, на своемъ бѣгу, не видалъ еще такой дружбы между братьями. И она не казалась ему нисколько смѣшною.

— Вы меня простите, Петръ Степановичъ, — продолжалъ извиняться Руженцовъ, — я вѣдь моціонъ дѣлаю... по приказанію своего эскулапа.

— Лѣчитесь?

— Пью эмсъ-крѣнхенъ! — выговорилъ онъ чисто русскимъ звукомъ.

Питѣръ сдержалъ улыбку.

— Да... съ сывороткой. И надо между стаканами произвести хожденіе... по крайней мѣрѣ въ полчаса... какъ въ заграничныхъ курортахъ. Вы, небось, продѣлывали это?

— Случалось.

— Такъ вы, пожалуйста, Петръ Степановичъ, не стѣсняйтесь. Это у васъ, я вижу, облюбленное мѣсто. А гулянья здѣсь достаточно. Тотъ... парекъ, и за рѣкой лѣсокъ.

— Въ эту минуту я ничѣмъ не занятъ, увѣряю васъ,—выговаривалъ Питѣръ просто и ласково.

— Ой-ли? Вы вѣдь творите. Настроение — по нынѣшнему термину—дороже всего.

— Этими словомъ, кажется, начинаютъ у насъ злоупотреблять.

— И какъ еще! У насъ на фабрикѣ „разлисть“ какой-нибудь... Питѣръ остановилъ его взглядомъ.

— А это тѣ штукаръ, что на мѣдныхъ валахъ нарѣзываютъ рисунки ситцевъ.

— Благодарю васъ.

— Просто загулялъ малый. Прежде онъ пришелъ бы и повинился. А нынче онъ говоритъ: „у меня не было настроения къ работѣ“. Или барышни... далось имъ слово: „безумно“. Мало того, что онѣ восхищаются— „безумно хороша“, „безумно счастлива“, а то я слышалъ даже такую оцѣнку: „она безумно молода“.

Оба засмѣялись въ разъ.

Питѣру, болѣе вчерашняго, стало съ нимъ легко.

У этого пессимиста нравъ скорѣе веселый и—своеобразный юморъ истаго русака-студента.

Питѣръ бросилъ на него боковой взглядъ, идя съ нимъ въ ногу.

— Вы пьете воду отъ катарра?

— Да, постомъ у меня, кромѣ порядочной гадости въ печени, еще и плевритъ оказался.

— А за границу васъ не шлютъ?

Руженцовъ махнулъ рукой.

— Развѣ это не все равно? Здѣсь я бурду эту пью или тамъ, въ Эмсѣ? Да еще мнѣ одинъ бывалый заграничникъ сказывалъ, что въ этомъ самомъ Эмсѣ, если пріѣхать раньше конца іюня—разлюбезнымъ манеромъ адски простудиться. Тамъ, по утрамъ, холодище бываетъ и рѣчонка есть преехидная, а черезъ нее надо переходить безпрестанно.

— Это вѣрно. Я бывалъ тамъ.

— Да и не все ли равно, Петръ Степановичъ?

Руженцовъ остановился и сдвинулъ свой бѣлый картузь на затылокъ.

Сталь и Питѣръ.

— Вообще... развѣ вы не находите, что такъ называемое культурное человѣчество слишкомъ возится съ самимъ собою?

— И весьма нахожу!

Это было сказано съ усмѣшкой, но убѣжденно.

— Смѣху подобно!—продолжалъ Руженцовъ, оживляясь.— Не то, что мы — двуногіе обитатели планеты, но и самая-то планета — мразь, кусочекъ охладѣлой земли, вертящейся въ безпредѣльномъ пространствѣ. А мы-то пыжимся, мы-то надуваемся, мы-то воображаемъ, что безъ насъ все рухнетъ!

— Ха-ха!—неожиданно разсмѣялся Питѣрь, и въ его смѣхѣ зазвучали личные ноты.

— Вонъ, какой-то ученый дошелъ до того вывода, что солнце — совсѣмъ не расплавленное тѣло, все въ кипѣніи и огненныхъ колебаніяхъ газообразной геенны... что оно твердое; а это только оболочка, отъ которой идетъ къ намъ свѣтъ, и тепло, и жизнь. А на самомъ-то ядрѣ—существа...

— Будто?

— Выдаю за то, что самъ читалъ. Если оно такъ — а гипотеза держится, пока она не сведена къ абсурду — то ужъ конечно у тѣхъ обитателей солнца совсѣмъ другая организація, чѣмъ у насъ, грѣшныхъ.

— Болѣе, чѣмъ вѣроятно!

— Это можно положить априори. И какъ же они тамъ должны стоять выше насъ, потому что они на миллионы лѣтъ могутъ быть старше! И сколь имъ покажутся жалкими и смѣшными наши идеи, вѣрованія, страхи, а главное, иллюзіи насчетъ своихъ силъ, способностей и всемірнаго прогресса?!

Они подходили къ дивану.

— Не хотите ли присѣсть?—пригласилъ Питѣрь.

— Посидимъ... Только вы меня, пожалуйста, прогоните, когда надобѣмъ своей болтовней.

— Помилуйте... то, что вы сейчасъ сказали, Викторъ...

— Павловъ!—подсказалъ Руженцовъ.— Да это не нужно—довольно и одной фамиліи.

— Это такъ совпадаетъ съ тѣмъ, о чемъ я такъ часто думаю.

— Да, все это такъ; а безъ иллюзіи, видно, нельзя. Вотъ, посмотрите на меня, на что я похожъ?.. И мои лихіи болѣсти на двѣ-трети—оттого, что у меня на душѣ осадокъ отъ сухой переговки. Простите за это химическое сравненіе: и черно, и вязко, и безформенно, и довольно-таки зловонно.

Онъ хотѣлъ-было засмѣяться и закашлялся.

— Вамъ пора второй стаканъ.

— Нѣтъ, еще рано. Это такъ... першить. Эксудатъ мой авось всосется. Да-съ, безъ иллюзіи нельзя! И вотъ я вамъ покажусь... Отчасти вы уже слышали вчера за обѣдомъ... то бишь, за чаемъ, потому что мы, безъ малаго, шесть часовъ просидѣли

за тѣмъ же столомъ... Я передъ вашимъ братомъ Иваномъ провинился, повелъ себя какъ чистый хамъ въ Москвѣ, передъ масляной, на одномъ юбилейномъ обѣдѣ. И даже еслибы этого не случилось,—я бы уже не сталъ такъ доѣзжать его своимъ развѣдающимъ анализомъ и доказывать, что онъ вращается въ мѣрѣ призраковъ, предается самообману, что нельзя у насъ ничего ни создать, ни провести, если быть вполне послѣдовательнымъ.

— Вы тысячу разъ правы!

Возгласъ Питѣра звонкой нотой разлился по аллеѣ.

Руженцовъ вскинулъ глаза на своего собесѣдника и взялся за козырекъ картуза.

— И вы того же мнѣнія?

— Безусловно.

— Но все вѣдь это чересчуръ жестоко.

— Нисколько!—возразилъ Питѣръ, также горячо.—Я слишкомъ люблю брата, уважаю его безусловно, но не считаю себя достаточно авторитетнымъ, чтобы разрушать его иллюзіи. А вы—его товарищъ, человѣкъ со стороны, живете здѣсь долгіе годы, знакомы съ прелестями русской дѣйствительности. Меня онъ считаетъ... какъ бы это связать...

— Субъективистомъ?

— Да! мечтателемъ... мозговникомъ, витающимъ въ сферѣ безплотныхъ образовъ...

— А меня вправдѣ считать озлобленнымъ неудачникомъ... ругателемъ всѣхъ и вся... какихъ на Руси шатаются сотни... если не тысячи...

Переведа духъ, Руженцовъ придвинулся къ Питѣру, взялъ его свободной рукой за рукавъ и сталъ говорить въ полголоса:

— Такой чудесный человѣкъ, какъ Иванъ, чистый, какъ хрусталь... Душу свою всю полагаетъ на то, чтобы возродить обывательское самосознаніе, поддержать то, что онъ называетъ...

— Хоровое начало?

— Вотъ-вотъ! А того не видитъ, что вокругъ него только каверза, блудословіе и пакостное ехидство, что онъ уже со всѣхъ сторонъ опутанъ сплетней! Да и помимо этого, не можетъ ни онъ, ни кто другой съ его программой сохранить въ чистотѣ свое сгедо. Или дѣлайся оппортунистомъ, или пошелъ вонъ, пока тебя не хватятъ по шалѣй... Право, Петръ Степановичъ, взяли бы вы да увезли его по добру, по здорову туда, гдѣ:

„Солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное“...

Онъ не договорилъ, увидавъ кого-то въ концѣ аллеи.

ХІІ.

Иванъ издали привѣтствовалъ ихъ рукой. Онъ былъ также въ свѣтломъ и въ бѣлой полотняной шляпѣ.

Съ зимы онъ замѣтно похудѣлъ въ лицѣ и сталъ менѣе живъ въ движеніяхъ, шелъ, немного наклонивъ голову, чего прежде не замѣчалось въ немъ.

Пріѣзду Руженцова онъ искренно обрадовался. На то письмо, которое онъ получилъ отъ него, зимой, онъ отвѣтилъ тогда же, какъ испытанный пріятель, говоря, что онъ и не думалъ сердиться за такой „инцидентъ“.

Видъ Руженцова огорчилъ его, и онъ вчера еще сталъ уговаривать его продлить житье у него въ усадьбѣ и дѣлать свой „нахмуръ“ методически. Сегодня у него должна быть, немного поздне, женщина-врачъ изъ сосѣдняго села, по дѣлу, и онъ заставитъ Руженцова дать себя обстукать и выслушать, не преобресть ея совѣтомъ.

Ему, въ концу вчерашней бесѣды, было и забавно, и—скорѣе—пріятно видѣть, что у Питѣра пошли лады съ Руженцовымъ. Онъ съ нимъ не спорилъ, но и не соглашался. И если у нихъ начнутся продолжительныя бесѣды—это будетъ для него облегченіемъ; почти такъ, какъ чувствовалъ и Питѣръ.

Что-то назрѣваетъ, что онъ болѣе „чуетъ“, чѣмъ видитъ. Или, лучше, онъ не желаетъ видѣть многого, что другой бы, на его мѣстѣ, уже разглядѣлъ.

Но подозрѣвать онъ не былъ способенъ ни въ чемъ—ни въ дѣлахъ, ни въ свѣтскихъ отношеніяхъ, ни въ дружбѣ, ни въ любви.

Оба — и Руженцовъ, и Питѣръ — привстали и сдѣлали нѣсколько шаговъ къ нему на встрѣчу.

— Сидите, сидите!—остановилъ ихъ жестомъ Иванъ и, подойдя, обмѣнялся съ каждымъ рукопожатіемъ.

— Дайте мнѣ мѣстечко между вами.

Иванъ сѣлъ по срединѣ.

— Что? Выдерживаешь искусство? Пилъ воду?—обратился онъ къ Руженцову.

— Вотъ еще посижу, и второй стаканъ хлопну. Братъ твой со мной поделикатничаль, а ему давно бы слѣдовало прогнать меня. Я прохлаждаюсь, а онъ творить.

— И въ работѣ нужна маленькая пауза... вѣдь да, Питѣръ? Тотъ ласково кивнулъ головой.

— А тебя, Викторъ,—обратился Иванъ къ Руженцову,—я еще разъ прошу пожить здѣсь. подольше. Вѣдь твой принципалъ далъ тебѣ отпускъ?

— На двѣ недѣли.

— Хочешь, я напишу ему? Онъ всегда очень внимателенъ и услужливъ, и какъ сосѣдъ, и вообще.

— Спасибо! Только съ какой стати, скажи на милость, тебѣ просить о чемъ-нибудь ихъ степенство? Да я и самъ не желаю. У меня въ контрактѣ выговорено три раза въ году — по двѣ недѣли или лѣтомъ мѣсяцъ, зимой—двѣ недѣли. И я никакихъ милостей не желаю.

— Да отчего ты такъ относишься къ Хаеву?—выговорилъ шутливо Иванъ и, повернувъ голову въ сторону брата, пояснилъ: —это фабрикантъ, миллионеръ, у котораго Викторъ главнымъ химикомъ, и нашъ сосѣдъ... всего въ сорока верстахъ.

— Изволили познакомиться съ этимъ продуктомъ московской цивилизаціи?—спросилъ у Питѣра Руженцовъ.

— Нѣтъ.

— И супругу его не знаете?

— Не имѣю удовольствія.

— Махровый цвѣтокъ того же воздѣлыванья, какъ и ея супругъ, Захаръ Захарычъ.

— Позволь, Викторъ,—продолжалъ Иванъ въ томъ же добродушномъ тонѣ,—она очень милая женщина...

— Говори—дама.

— Если хочешь... и дама.

— Ну, конечно. И „парлѣ-франсѣ“, и по-аглички ее обучали, и на курсахъ была, и даже—если не ошибаюсь—въ „фишеркахъ“ состояла.

— Чтò это такое?—остановилъ Питѣръ.

— Гимназистки классической гимназіи, разыгрывающія Софокла и Эсхила на выпускныхъ экзаменахъ.

— Въ этомъ нѣтъ ничего особенно дурного,—какъ бы про себя замѣтилъ Питѣръ.

— Право, она мила, — продолжалъ Иванъ больше въ сторону брата.—Ты увидишь. Воспитана прекрасно... много дѣлаетъ для нашихъ крестьянъ, выучила ихъ разнымъ кустарнымъ производствомъ, открыла цѣлыхъ двѣ школы. Чего же больше желать?

— Ну, да! ну, да!—возразилъ Руженцовъ, ероша волосы.—Ты, разумѣется, долженъ все это поощрять, какъ радѣтель земскаго дѣла. Но подъ всѣмъ этимъ,—обратился онъ къ Питѣру,—все та же закваска...

— Какая же?—остановилъ Иванъ.

— Какъ будто ты не знаешь? Мы давно на линіи дворянъ— и во всемъ должны ихъ за поясъ заткнуть, да и заткнемъ. Мы— благодѣтели, мы—культуртрегеры. И все это—ложь и тщеславіе. Прежде: „въ трехъ каретахъ поѣду“, а теперь, если на то пошло, университетъ отгерю и воздвигну вавилонскую башню— только бы доблестное имя почетныхъ гражданъ Хаевыхъ обезсмертить!

— Полно, Викторъ, извини меня; но это уже слишкомъ, какъ бы сказать, запоздалый взглядъ на нихъ.

— Нужды нѣтъ! Не запоздалый, а коренной, основной, непреложный!

Обернувшись круто къ Питѣру, Руженцовъ взялъ его опять за рукавъ.

— Знаете... все, что они создали, начиная съ ихъ мануфактурнаго и заводскаго дѣла... все это—декорація, вродѣ тѣхъ, какія возводили по берегамъ Днѣпра, когда „великая російская жена“ плыла на югъ въ своей галерѣ. Цвѣтущія села, города, пейзажи и пейзажи въ красныхъ рубахахъ и сарафанахъ. А причаль къ берегу и поди взглядишь попристальнѣе— и выйдеть „мерзость запустѣнія“.

— Тебѣ, какъ ученому технику, не слѣдовало бы, Викторъ, впадать въ такіе парадоксы.

— Пусть будетъ по-твоему, хотя ты въ этомъ не убѣжденъ. Какъ земець, ты не можешь не стоять за земледѣіе. Но оставимъ всякія препирательства. Допустимъ, что ихъ степенства поднимуть экономическій бытъ нашего отечества. Но ты не знаешь ихъ психики, ты видишь ихъ съ казоваго конца. Вѣдь это— ужасная порода людей,—ужасная!—протянулъ онъ и развелъ руками.

— Будто?—съ усмѣшкой въ глазахъ усомнился Питѣръ.

— Это—нѣчто чудовищное по своему сходству съ идолами, съ буддійскими божвами. Возьмите вы кого вамъ угодно—хоть азіатскаго владыку, во вкусѣ древне-персидскаго Ксеркса, который прогнѣвался на море и приказалъ его выдрать плетью. Все-таки онъ чувствовалъ, такъ или иначе, связь съ своей землей, съ народомъ, съ войскомъ, съ дружиной. А эти—доходятъ до полнѣйшаго отрѣшенія отъ всѣхъ, кто имъ не нуженъ. Ежели ты со мной не въ крупныхъ дѣлахъ или ты не забавляешь меня своей компаніей—ты для меня не существуешь, кто бы ты ни былъ, хотя бы всемірный геній!

— Не они одни такъ чувствуютъ!—замѣтилъ Иванъ.

— Нѣтъ, рѣшительно они и никто больше! Знаете,—Руженцовъ опять повернулся къ Питэру, который слушалъ его съ большимъ интересомъ,—ихъ жены, даже и такія, какъ высококультурная патронша моя, Настасья Семёновна—плоть отъ той же плоти, и если страдаютъ отъ грубости и тиранства тѣхъ мужей, которые еще не обтесались, то онѣ все-таки не могутъ ихъ такъ понимать, какъ тѣ несчастныя—изъ образованныхъ барышень, дворянокъ, которыя польстятся на ихъ капиталы. Я слышалъ покаянныя изліянія такихъ купчихъ изъ интеллигенціи. Тѣ раскусили своихъ идоловъ! Послушайте ихъ, и онѣ вамъ вывернуть на изнанку всю душу такого вотъ культурника, какъ мой принципаль, Захаръ Захаровъ Хаевъ.

— Когда онъ женится на бѣдной барышнѣ, — возразилъ Иванъ, — это—доказательство, что онъ влюбляется въ нее.

— Но любовь-то его какая? Ты—моя, сиди со мною или развѣзжай по Европамъ, но какъ для меня никто не существуетъ, такъ чтобы и для тебя. Забаву я тебѣ всякую предоставлю, но знай, что, при моихъ милліонахъ, ты можешь плевать на кого ни попало.

— Однако, такая вотъ Настасья Семеновна—ты самъ знаешь, Викторъ,—весьма обходительная особа.

— Почему? Потому что она желаетъ быть первымъ номеромъ во всей губерніи по самой передовой культурности. Потому что она ведетъ постоянную кампанію противъ своего мужа: ты отвалишь кушъ—и я; ты нумизмать и коллекционеръ—и я отворю музей; ты то—и я также! И все на свои деньги. Она бѣднѣе его, но тароватѣе; одно на другое и найдеть.

— Очень яркая характеристика!—засмѣялся Питэръ.

— Ужъ слишкомъ безпощадная, Викторъ!—замѣтилъ, поднимаясь съ мѣста, Иванъ.—Да тебѣ и не полезно, другъ, такъ раздражаться изъ-за ихъ степенствъ. Пускай они, какъ ты говоришь, свою линію ведутъ. Они, право, какъ общественный элементъ, не вреднѣе многихъ другихъ.

Всѣ трое встали.

— Пойдемте пить кофе! — пригласилъ Иванъ. — Тебѣ еще ставанъ?—спросилъ онъ Руженцова.

— Я съ вами посижу... въ компаніи мнѣ веселѣе будетъ свою бурду глотать; а теперь побѣгаю въ паркѣ. До свиданія, господа!

Онъ поднялъ бѣлую фуражку и пошелъ, ускоряя свою качающуюся походку.

Братья остались одни.

Они прошлись сначала, минуты съ двѣ, молча.

Иванъ взглянулъ вбокъ на Питѣра.

— Онъ тебѣ помѣшалъ обдумывать? — въ полголоса спросилъ онъ.

— Не особенно. Я уже давно хожу.

— Можетъ, теперь желаешь остаться одинъ?

Противъ зимы, въ городѣ, въ тонѣ обоихъ чувствовалось что-то новое—даже и у старшаго брата.

Какъ будто Иванъ все чего-то ждалъ; а самъ боялся начать какой-то неизбежный разговоръ.

Почти въ такомъ же положеніи былъ и Питѣръ. Здѣсь, съ пріѣзда Ивана, это стало гораздо замѣтнѣе тяготить ихъ обоихъ.

— Какъ поживаетъ Елена Сергѣевна?—не мѣняя тона, спросилъ Иванъ; но на брата не взглянулъ.

Сулина была уже въ своей усадьбѣ болѣе недѣли. Она ѣздила, по какимъ-то дѣламъ, въ Петербургъ.

Питѣръ зналъ, что братъ не собрался къ ней до сихъ поръ, дожидаясь отъ нея письма; зналъ и то, что письма этого она не написала, потому что ей слишкомъ тяжело быть откровенной.

Чѣмъ-то въ родѣ посредника приходилось дѣлаться ему же.

— Она еще въ разныхъ хлопотахъ,—отвѣтилъ онъ такимъ же, будто бы равнодушнымъ тономъ.—Вы оба—и въ деревнѣ—*les deux esclaves de votre consigne.*

Къ французскимъ фразамъ онъ прибѣгалъ непременно, когда чувствовалъ какое-нибудь стѣсненіе.

— Вотъ и сегодня не могъ бы собраться,—сказалъ Иванъ.— Ты не поѣдешь?

— Я—всегда свободенъ.

— Можетъ, она соберется къ намъ... на дняхъ?

Выходило что-то неладное. Оба теряли тонъ.

— Мы могли бы поѣхать вмѣстѣ,—сказалъ Питѣръ, наклонивъ голову, точно онъ что-то разглядывалъ на землѣ.

— Конечно, конечно. Но я не управлюсь. Вотъ сейчасъ—женщина—врачъ. А тамъ—надо ѣхать на распланировку нашей учебной фермы. Ты не поѣдешь, Питѣръ?

— Да вѣдь я ничего не смыслю, милый Жан. Ты берешь какого-нибудь техника?

— Какъ же... сегодня къ обѣду долженъ пріѣхать таксаторъ...

— Ученый?—шутливо добавилъ Питѣръ.

— Да, очень хорошей. И земскаго агронома я просилъ.

— Мое присутствіе развѣ необходимо для полного представительства фирмы?

Иванъ тихо разсмѣялся.

— Я боюсь, тебѣ будетъ очень скучно. Если я управлюсь, я, можетъ быть, къ вечеру явлюсь.

— Устанешь?

— А велосипедъ на что? Я могу дѣлать до двадцати верстъ, а тутъ всего двадцать-шесть верстъ до Катериновки. Только вы меня не ждите. Ну, я иду. Кофе ждетъ насъ.

Онъ два раза кивнулъ Питэру головой и пошелъ внизъ по аллеѣ, къ тому мѣсту, гдѣ калитка.

Питэръ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ.

И вдругъ онъ ощутилъ жаръ въ щекахъ. Внезапная краснота показалась на нихъ.

Ужели между нимъ и его милымъ, честнымъ, искреннимъ и великодушнымъ „dear fellow“ уже есть нѣчто неладное?

Что братъ лишился душевнаго повоя—это ясно. Но онъ могъ бы давно положить всему конецъ, еще въ городѣ, до поѣздки его—Питэра—въ Петербургъ.

Стоило ему только сказать прямо:

„Питэръ, у меня серьезная привязанность. Я—съ любимой женщиной—въ такихъ-то и такихъ-то отношеніяхъ“.

Больше ничего и не надо, никакихъ лишнихъ откровенностей, на которыя такъ падеи мужчины.

Эту любовную болтливость Питэръ презиралъ самъ и никогда ею не грѣшилъ. Онъ выработалъ себѣ давно взглядъ на женщину и не стѣснится высказать его даже передъ женщиной, которая начинаетъ его привлекать. Но то, какъ женщины съ нимъ поступали, кѣмъ онъ „обладалъ“—даже и въ легкихъ связяхъ—все это его „партикулярное дѣло“, и онъ даже и съ братомъ никогда не вель и теперъ не ведетъ такихъ разговоровъ.

Но у брата уже черезчуръ стыдливая натура. И о своемъ чувствѣ онъ не рѣшится говорить, хотя бы въ такой вотъ сжатой формѣ.

Когда онъ—Питэръ—пріѣхалъ зимой къ Ивану и присмотрѣлся къ тому, насколько братъ хорошъ съ „сушкой“ и какъ она себя „аттестуетъ“—онъ употребилъ это слово,—онъ видѣлъ, что между ними большая дружба и что онъ болѣе къ ней льнетъ, чѣмъ она къ нему.

Иванъ могъ бы разрубить узелъ очень просто, сдѣлавъ ей предложеніе. Но она слишкомъ часто и много говорила о жадѣ безусловной свободы. И онъ не рѣшался наткнуться на отказъ.

И она ни разу тамъ, въ городѣ, не дала ему—Питэру—понять, что имѣетъ брачные виды на Ивана,—это слишкомъ бы

противорѣчило ей тогдашней, почти экзальтированной пропагандѣ женской виѣбрачной свободы.

И къ побѣдѣ въ Петербургъ у него сложился такой выводъ, что въ „сушки“ нѣтъ увлеченія его братомъ, нѣтъ даже и того, что принято называть „саргисе“ или „тоquade“.

Предупреждать его онъ не считалъ деликатнымъ. Огорчить брата онъ менѣе боялся; ему казалось, что въ немъ—болѣе „напускное“ чувство. И себя онъ не хотѣлъ зондировать, когда сталъ замѣчать, что его начинаетъ тянуть въ тотъ дворянскій особнякъ, гдѣ Елена Сергѣевна зажилась больше мѣсяца и гдѣ они, то-и-дѣло, засиживались до позднихъ часовъ въ угловой.

При разставаніи ничего особеннаго не произошло; но будь онъ болѣе фатъ,—онъ имѣлъ бы право припомнить нѣкоторыя „улики“.

Изъ Петербурга онъ вернулся совершенно неожиданно и для самого себя. За границу его уже не тянуло. И опять вторая половина поста прошла въ обществѣ „сушки“. Она вернулась какъ будто по своимъ „общественнымъ“ интересамъ и прожила въ отелѣ цѣлыхъ четыре недѣли.

Вотъ тогда ему надо было „улетучиться“. И онъ этого не сдѣлалъ, точно дожидаясь, что братъ придетъ и будетъ ему изливаться.

Незамѣтно очутился онъ и здѣсь. И было бы слишкомъ наивно впадать въ самообманъ и не сознаться, что главный мотивъ его житья въ Бабичевѣ, это—близкое сосѣдство съ сельцомъ Катериновкой и его владѣлицей.

А что-то надо сдѣлать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Онъ такимъ же замедленнымъ шагомъ обошелъ еще квадратъ аллеи и со стороны парка прошелъ къ дому.

На террасѣ уже раздавался голосъ Руженцова. Онъ спорилъ о чемъ-то съ женщиной-врачомъ. Ея высокій альтъ разносился еще звонче.

„Счастливыцы! Имъ есть о чемъ спорить!“ — подумалъ Питъръ, поднимаясь по ступенькамъ.

XIV.

Елена Сергѣевна — третій день—въ полномъ одиночествѣ въ своей Катериновкѣ. Ей съ недѣлю какъ нездоровится; но она была, все время, на ногахъ.

Съ Питѣромъ она видѣлась уже не разъ.

Она знаетъ, что Иванъ Бабичевъ въ усадьбѣ, уже съ конца прошлой недѣли. Она ему написала записку съ нарочнымъ, поздравила его съ прїѣздомъ и спросила: когда онъ къ ней одинъ „или съ братомъ“, зная, что Питѣръ у нея будетъ сегодня.

И вотъ теперь—время уже близилось къ обѣденному—она, сидя на тѣнистой террасѣ, въ соломенномъ креслѣ, готовилась къ встрѣчѣ младшаго брата, но думала о старшемъ.

Между нею и „чудеснымъ“ Иваномъ Степановичемъ не вышло ничего „особеннаго“—также какъ и между двумя братьями Бабичевыми.

Но она чувствуетъ уже съ поста, когда вернулась въ губернский городъ, подъ „благовиднымъ“ предлогомъ, что въ ихъ дружбѣ произошло нѣчто.

Она и теперь высоко ставитъ Ивана Степановича, считаетъ человѣкомъ съ „прозрачной“ душой, признаетъ его умъ, образованіе, большой ораторскій талантъ, его право быть виднымъ общественнымъ дѣятелемъ.

Но и на „дѣятеля“ она смотритъ уже иначе, съ тѣхъ поръ, какъ началось ея сближеніе съ его младшимъ братомъ.

Ей его дѣлается, все чаще, и чаще „жалею“. Она уже склонна смотрѣть на его земскую роль, какъ на „донкихотство“ и, нерѣдко досадуетъ на то, что онъ все хочетъ „смазать“, не видитъ, какъ вокругъ него всякая дрянь ставитъ ему разныя каверзы, какъ онъ становится предметомъ пересудъ и даже анекдотовъ.

И какъ его другъ она уже не та,—гораздо сдержаннѣе, какъ бы боится говорить ему настоящую правду и все яснѣе сознаетъ, что онъ уже не имѣетъ, для нея, того обаянія, какъ это было въ началѣ зимы, и какъ личность, какъ характеръ, какъ выдающійся земскій человѣкъ.

И все это... сдѣлало сближеніе съ младшимъ братомъ. Въ этомъ она стала сознаваться самой себѣ не такъ давно,—съ наступленіемъ весны.

Сегодня—ожидая Питѣра—она, почему-то, начала ставить себѣ категорическіе вопросы о своихъ отношеніяхъ къ Ивану Бабичеву.

Въ чемъ можетъ она себя упрекнуть—прежде всего какъ честный человѣкъ, лучше того, какъ честный *мужчина*, безъ всякихъ женскихъ увертокъ и самооправданій?

Виновна ли она въ сознательномъ завлеченіи его въ какія-нибудь „пути“?

„Нѣтъ!“—отвѣтила она безъ всякаго колебанія.

Но она, не отдавая себѣ въ томъ отчета, могла завлекать его особаго рода кокетствомъ,—играя въ дружбу, не замѣчать того, что его расположеніе получаетъ иной отгвѣнокъ.

Кое-что ей начинало сдаваться, какъ разъ передъ прїѣздомъ младшаго брата.

Игра въ чувство, даже и вспышки страсти, все эротическое, любовное, особенно такое, какое усиленно процвѣтаетъ въ провинціи,—послѣ ея тяжкаго супружескаго „опыта“ наполняло ее чуть не отвращеніемъ.

Она дѣйствительно жаждала свободы, хотѣла забыть, что была когда-либо „замужемъ“, т.-е. рабой условной лжи и жертвой мужской дрянности. Она отдыхала душой на такой личности, какъ Иванъ Бабичевъ, котораго знала уже нѣсколько лѣтъ, но никогда о немъ не мечтала, какъ о предметѣ увлеченія.

Ни на чемъ подозрительномъ, въ самой себѣ, она себя не поймала. Благодушно настроена, въ его присутствіи, ни задумчивости, ни нервности. Если и оживляется, иногда даже взволнуется, то изъ-за его общественной роли.

Она солгала бы, еслибъ сказала — вотъ теперь, что и въ немъ не замѣчала она ничего, кромѣ пріятельства.

Но все это было такъ сдержанно, почти неуловимо. Ихъ дружба вошла уже въ обычную колею, хотя со стороны можно было, пожалуй, считать ихъ очень близкими.

И когда она, впервые, подумала, что Питѣръ можетъ считать ихъ *очень* близкими—это ее кольнуло, и она, въ его присутствіи, и даже съ глазу на глазъ съ Иваномъ—стала переходить въ другой тонъ.

Не одинъ разъ—въ послѣднее время — она желала, чтобы Иванъ высказался; даже сама рѣшалась вызвать въ немъ что-нибудь болѣе ясное—почти такъ, какъ Питѣръ, когда тотъ—еще сегодня въ аллеѣ—думалъ на ту же тему.

И это ей не удавалось... быть можетъ, оттого, что она охладѣла къ Ивану, даже какъ къ другу.

И выходило, въ концѣ ея „анализа“, что она—и не виновата, и не права.

Это ее огорчило и даже немножко разсердило.

Она *не хочетъ* быть виноватой.

Будь на мѣстѣ Ивана другой мужчина, менѣе мягкій—она сказала мысленно: „рыхлый“,—онъ давно зналъ бы: „à quoi s'en tenir“.

Ей самой—впору справиться съ тѣмъ, что она несомнѣнно переживаетъ, съ тѣхъ поръ, какъ меньшей Бабичевъ сдѣлался

также ея „другомъ“, въ глазахъ всего губернскаго монда, а затѣмъ и сосѣдей.

Ея „равновѣсіе“ давно нарушено, еще тамъ, въ губернскомъ городѣ,—то настроеніе, въ которомъ ей было такъ хорошо съ своимъ пріятелемъ и—пожалуй—поклонникомъ, Иваномъ Бабичевымъ.

И сдѣлалъ это „Питѣръ“.

Она уже такъ называетъ его про себя; случилось, звала его и въ разговорахъ съ Иваномъ.

Если она чтѣ въ себѣ цѣнить, такъ это то, что она не боится никакой правды—когда говорить съ самой собою.

Появленіе меньшого брата дало толчокъ ея женской душѣ. Такого мужчины она еще не встрѣчала—ни въ Россіи, ни за границей.

Въ сущности, ея опытность, по части мужчинъ, сводится къ нѣсколькимъ десяткамъ знакомыхъ. Изъ нихъ ни одинъ не нравился ей, даже и для простого ухаживателя. До дружеской близости съ Иваномъ Бабичевымъ не было у нея и ни одного пріятеля, ни молодого, ни пожилого.

Ея женскій опытъ сводился къ браку, къ мужу, къ слишкомъ затянувшейся, сначала тайной, потомъ открытой борьбѣ съ мужчиной, который взялъ ее почти „дѣвчонкой“, владѣлъ ею, въ качествѣ „супруга и повелителя“, лѣтъ пять—не меньше. Когда она увидала, что его не любитъ и не любила, и становясь подъ вѣнецъ, „поумнѣла“, распознала, чтѣ это за „индивидъ“,—она возмутилась своей неволей и унижительнымъ положеніемъ „законной наложницы“, воспользовалась тѣмъ, что онъ, какъ мужъ, позволялъ себѣ на сторонѣ, и добилаь развода, причѣмъ заставила его взять вину на себя.

Не обошлось это и безъ денежныхъ тратъ, довольно значительныхъ. Она знала, что на языкѣ купцовъ и бракоразводныхъ адвокатовъ это называется „отступное“.

И въ эти три-четыре года она накопила въ себѣ большой запасъ враждебности не къ личности только своего „благовѣрнаго“, но къ мужчинамъ вообще, къ такимъ, какихъ сотни и тысячи вездѣ, во всѣхъ классахъ, отъ великосвѣтскихъ до мужицкихъ, къ тѣмъ мужчинамъ, въ которыхъ вѣками выработывалась освященная обычаемъ фальшь, въ томъ, какъ они обходятся съ женщиной, въ ихъ чувствахъ и взглядахъ на нее.

Это—ея коренные враги и эксплуататоры, принимающіе личину преданныхъ рабовъ, или совѣтниковъ, или опекуновъ, или защитниковъ.

Сильные „контры“ съ мужемъ и начались вѣдъ у нея не исторіями ревности или разоблаченій его распущенности нравовъ, а на почвѣ ея „эмансипаціи“,—какъ онъ называлъ ея запросы, ея протесты, ея желаніе выработать изъ себя личность съ своими интересами, а не довольствоваться ролью какого-то одушевленнаго „придатка“, которому предоставляется принимать гостей, рядиться и—платить долги мужа на лошадей, карты и любовницъ.

Когда пріѣхала Петръ Бабичевъ, она переживала періодъ успокоенія. Она наслаждалась своей свободой. Ее радовало то, что она вполне владѣть своимъ „я“, что ничто не волнуетъ ее, какъ женщину, нѣтъ у нея ни съ кѣмъ ни какихъ счетовъ.

На Ивана Бабичева она смотрѣла не снизу, вѣрхъ, а совершенно какъ равноправный товарищъ. Они принадлежали къ одному лагерю, ихъ занимали одни и тѣ же планы, они готовы были работать надъ тѣми же задачами.

Ничего неудовлетвореннаго она въ себѣ не находила и не желала отыскивать. Мечты, экзальтація, безпрестанное взываніе къ „счастью“, поиски чего-то жуткаго, роковаго—все это сдѣлалось ей чуждо, почти противно.

Въ такомъ именно настроеніи напелъ ее Питеръ.

Первое впечатлѣніе было скорѣе непріятное.

Она знала—какъ нѣжно его любить Иванъ. Для нея онъ былъ, прежде всего, меньшей братъ ея друга.

Въ немъ она сразу почувала—не врага, а что-то другое, болѣе обидное и *отталкивающее* отъ всего, что для нея сдѣлалось дорого и цѣнно въ жизни.

„Феминистка!“—слышалось ей сквозь вѣжливыя и уклончивыя фразы этого высшей пробы интеллигента.—„C'est soupe! Насъ этимъ не привлечешь, голубушка“!

Но это впечатлѣніе стало ступеневываться гораздо быстрѣе, чѣмъ она думала и желала на первыхъ порахъ.

„Интеллигентъ высшей пробы?“ Да. Но не снобъ, не фронтъ, щеголяющій какими-нибудь заграничными фасонами.

„C'est quelqu'un!“—уже послѣ второй, большой бесѣды опредѣлила она, и, прежде всего, его тонъ—не свѣтскій, а тонъ всего его духовнаго склада—сталъ привлекать ее, характеръ его развитости, его личные итоги, какъ онъ смотритъ на самыя высшія побѣды человѣчества.

И, вмѣстѣ, его скромность. Онъ необычайно даровитъ, много учился, имѣетъ двѣ высшія степени, композиторъ—и никакого фатовства, никакихъ замашекъ—все сводитъ къ своему „я“.

Ее сталь, очень скоро, беспокоить вопросъ: какъ же онъ относится къ женщинѣ? Неужели равнодушно? Или носить только маску?

О себѣ онъ не любитъ разсказывать, вообще, и еще менѣе о своихъ любовныхъ испытаніяхъ. Она поймалась гораздо раньше его и стала—безъ всякихъ съ его стороны „подходовъ“—изливаться ему.

Изъ этихъ изліаній ясно было для него, что она еще очень мало жила, что она не знала ни пылкой страсти, ни болѣе спокойной, глубокой привязанности.

Онъ даже, разговорясь о героинѣ какого-то романа, похожей на нее, называлъ ее: „un fruit sec“, что ее очень задѣло; но она этого не показала.

Чутьемъ женщины, хотя и „сушки“—Иванъ проговорился, шутя, что Питеръ такъ ее зоветъ—она стала распознавать въ немъ любителя женщинъ, какого она еще никогда не встрѣчала, такого, который никогда и ни въ чемъ „преклоняться“ передъ женщиной не будетъ и выработалъ себѣ особаго рода честность—ни въ чемъ и никогда не льстить, даже и той, кто ему начнетъ серьезно нравиться, не ставить ей никакихъ ловушекъ, не привлекать ее приманками, на которыя ловятся тысячи женщинъ.

Но вѣдь и это могло быть системой, приѣмомъ, безпощадной и злобной ловушкой. И была такая недѣля во второй періодъ ихъ сближенія, когда эта мысль начала мозжить ее.

Не могла она не чувствовать, что Питера влечетъ къ ней. То, что у всякаго другого было бы только легкое ухаживание—то въ немъ являлось крупнымъ признакомъ.

Но тонъ оставался пріятельскимъ—не больше. Его сдержанность она стала объяснять „уколами совѣсти“, если онъ знаетъ что-нибудь о чувствахъ брата.

Это сдѣлало его, сразу, гораздо симпатичнѣе. Былъ одинъ моментъ, когда она хотѣла съ нимъ объясниться. Но ждала чего-то отъ Ивана—и прождала.

Ей казалось, что Питеръ „мучится“, хотя ничто не выдавало его внутреннихъ страданій.

Она находила, что онъ слишкомъ „корректенъ“. Намеками заговорила она о томъ, что съ Иваномъ у нея нѣтъ ничего „серьезнаго“.

Кажется, отъ этого ему стало легче.

На этомъ они простились.

Ничего не вышло неожиданнаго, нервнаго, ничего такого,

что обязывало бы ее или его къ чему-нибудь въ ближайшемъ будущемъ.

На прощаньи она сдерживала себя; и на другой день у нея былъ нервный припадокъ.

Питъръ долженъ былъ ѣхать за границу. Онъ не звалъ ее туда, какъ зовутъ на свиданіе, не совѣтовалъ ей „освѣжиться“, — давалъ ей „шепу“ своихъ заграничныхъ переѣздовъ.

И вдругъ—очутился въ усадьбѣ.

Это была побѣда женщины. Сомнѣваться—наивно... прямо глупо!

Передъ пріѣздомъ сюда, въ Бабичево, онъ писалъ ей. Но въ этихъ письмахъ было все—по прежнему. Пробивались, правда, струйки... какой-то грусти... элегическія строки... ноты почти что нѣжности... но какой-то безплотной, точно дуновение изъ тѣхъ высшихъ сферъ мысли и творчества, куда онъ такъ любитъ подниматься.

Здѣсь—онъ первый пріѣхалъ, не дожидаясь ея приглашенія, экспромтомъ, захватилъ ее въ большомъ беспорядкѣ, одѣтой совсѣмъ не такъ, какъ бы она одѣлась... для него.

И тутъ она поймала себя на досадной нервности. Когда онъ нагнулся, чтобы поцѣловать ея руку—и эта рука, и губы, прикоснувшись къ его виску—задрожали. И онъ не могъ этого не почувствовать.

Хитрить съ самой собой—нельзя. Она никогда, рѣшительно никогда такъ не томилась скукой, какъ въ эту недѣлю, хотя въ теченіе десяти дней они видѣлись не менѣе четырехъ разъ.

Какъ-то вдругъ, разомъ, дѣлалась у нея пустота, въ головѣ и груди, какъ только она не думала о немъ, не тосковала о немъ.

Вся ея „обывательская“ жизнь—его выраженіе, — роль благодѣтельной помѣщицы и передовой интеллигентной женщины—точно куда-то провалилась.

У нея есть вѣдъ нѣсколько очередныхъ дѣлъ („затѣй“, — сказалъ бы Питъръ), но ей стало казаться, что ничего этого не нужно, ни ей, ни крестьянамъ, что сдѣлается это и безъ нея.

Сегодня, съ утра, на нее напала особенная вялость. Всю недѣлю у нея головныя боли и приливы къ темени и вискамъ.

Начались жары. Въ комнатахъ нестерпимо душно; на террасѣ комары и мухи, мухи, мухи. Доносятся раздражающіе звуки со скотнаго двора. Индюшки, куры, цыплята—забираются въ цѣвѣтнякъ, роются въ куртинахъ, гдѣ только-что распускаются цвѣты.

Отъ цвѣтовъ слишкомъ сильный запахъ, и онъ только усиливается ея приливы къ вискамъ.

Сегодня, къ завтраку, она ждала земскаго врача—толковать объ устройствѣ амбулаторіи и зимняго помѣщенія для школьниковъ, которые, въ вьюгу и трескучіе морозы, будутъ оставаться въ школѣ,—какъ целесообразнѣе устроить дортуары и столовыя.

Докторъ прислалъ сказать, что сегодня не можетъ быть, а постарается заѣхать завтра.

Онъ — хорошій малый, изъ мужиковъ, сынъ простой бабы изъ уѣзда, разумѣется—народникъ и обличитель. Но онъ говоритъ все въ одномъ и томъ же тонѣ, завязъ въ политикѣ уѣзда, слишкомъ громко смѣется, курить за обѣдомъ, даже не спрося позволенія, и ѣсть рѣшительно все съ ножа: и горошекъ, и рыбу, и даже спаржу.

Позавтракала она одна—почти ничего не ѣла, все смотрѣла на стѣнные часы, хотя прекрасно знала, что онъ не прійдетъ раньше, какъ къ обѣду.

Жаръ сталъ еще невыносимѣе послѣ полудня.

Она прилегла въ „диванной“—угловой комнатѣ, отдѣланной въ восточномъ вкусѣ, еще въ первый годъ ея замужества. Ея „супругъ“ служилъ въ одномъ изъ драгунскихъ полковъ, на Кавказѣ; не освободился и позднѣе отъ восточныхъ вкусовъ; носить, вѣроятно, и теперь, серебряный браслетъ съ чернью на сгибѣ правой руки, такъ что его видно изъ-подъ обшлаговъ рукава.

Она стала разрѣзывать книжку, изъ тѣхъ, что ей прислали изъ Москвы, изъ французскаго магазина на Кузнецкомъ.

Серьезныхъ книжекъ она давно не читаетъ. Иванъ Бабичевъ держалъ ее постоянно „au courant“; но въ послѣднее время у нихъ не клеились и „книжные“ разговоры; а повиниться въ своей теперешней лѣни—ей совѣстно.

Чтобы не испытывать томленія, она стала усиленно читать.

Парижскій романъ... Авторъ—модный „психологъ“—спеціалистъ по изученію женскаго сердца.

Прежде, какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ назадъ—она бы бросила эту книжку съ третьей-четвертой главы, увидавъ, что это опять—та же „любовная канитель“, какъ она тогда называла, блажь праздныхъ „бабенокъ“ и ихъ соблазнитель, на подкладкѣ пріѣвшихъ всѣмъ пикантностей.

А теперь—нѣтъ; щеки у нея разгорѣлись, страница летитъ за страницей. Въ одномъ мѣстѣ она даже тихо вскрикнула—ее укулоло сходство „états d'âme“ героини съ тѣмъ, что она переживаетъ съ нѣкотораго времени и что обострилось здѣсь, въ

деревнѣ, гдѣ близость ея дѣлаетъ ея одиночество и ихъ „tagivaudage“ еще невыносимѣе.

Въ ней—одно противъ другого—стоятъ въ вызывающихъ позахъ два существа, двѣ женщины: одна ухватила зубами за свою свободу, презираетъ всякое подчиненіе мужчинѣ, считая его если не позоромъ, то предательствомъ передъ своимъ женскимъ „я“, убѣждена въ томъ, что всякая страсть,—какъ бы она ни была издали плѣнительна—приносить съ собою или временное рабство, или полный крахъ своей личности. Другая женщина хочетъ любить, испытать свое обаяніе на того, кто не поддается ей, хотя и подходить къ ней все ближе и ближе.

И эта женщина захватываетъ поле битвы. Еще одна-двѣ схватки—и она можетъ побѣдить.

— Неужели такъ будетъ?—вслухъ прошептала Елена Сергѣевна, бросила книгу на полъ и закрыла глаза руками.

На окнахъ были спущены марезы. Въ комнатѣ стоялъ розоватый полусвѣтъ.

„Не хочу!“—прошептали ея губы.

И она добавила про себя:

„Лучше останусь сушкой“!

И пускай! Не будетъ ни онъ, ни кто другой праздновать побѣду надъ нею.

Да, но если она дѣйствительно „сушка“—развѣ она не можетъ—безъ большой опасности для себя—привести этого интеллигента высокой пробы къ ея ногамъ?

Эти избытныя слова: „къ ея ногамъ“—отрезвили ее. Ей стало совѣстно самой себя. Она поднялась, и, пройдя до двери на боковой балконъ, куда падала уже тѣнь отъ стѣны, она оглянула себя, свой туалетъ, башмаки, кружево на широкихъ рукавахъ.

Волосы, навѣрное, растрепались. Она пошла въ свою уборную, черезъ столовую, гдѣ ужъ накрывали къ обѣду.

Она недолго любила мужской прислуги и держала только мальчика и, кромѣ своей „камеристки“, еще горничную „за лакея“, которую неизмѣнно—и въ городѣ, и въ деревнѣ—одѣвала въ черное платье съ большимъ бѣлымъ фартукомъ,—какіе носятъ гарсоны за границей.

— На два прибора прикажете?—спросилъ мальчикъ Вася.

— Да... на два... докторъ Панкратовъ не будетъ.

— Слушаю-сь!

Елена Сергѣевна, отвѣчая мальчику, уже не въ первый разъ чувствовала, что она немножко стѣснена.

Ни съ камеристкой, ни съ горничной, она не любила разго-

варивать; но все чаще и чаще она ловила себя на желаніи спросить ихъ о чемъ-нибудь насчетъ „Бабичевскихъ господъ“, какъ называли ихъ въ кухнѣ и въ хуторской избѣ.

Въ уборной камеристка ея Липа, выглянувъ вдругъ въ окно — изъ него видна цѣлая половина двора съ вѣздомъ высокими воротами, — тихо вскрикнула:

— А вотъ и Петръ Степановичъ ѣдутъ... верхомъ!

— Сюда?

Елена Сергѣевна подбѣжала къ окну и взялась за босякъ. Въ груди какъ-то ёкнуло. Но она не хотѣла показать Липѣ своего волненія и обыкновеннымъ своимъ тономъ сказала:

— Да, это онъ. Мальчишъ увидалъ его. Пожалуйста, поскорѣ поправьте мнѣ волосы.

И сѣла передъ туалетомъ.

Боясь нервности въ пальцахъ, она сложила руки на груди и вытянула ноги.

А въ головѣ ея все прыгали слова:

„Сушка, такъ сушка! Пусть будетъ такъ“!...

Она правила своей любимой бѣлой лошадыю „Пулькой“. Сидѣть въ низкомъ тюльбюри было тѣсновато.

Отъ привосновеній къ нему, особенно при неровностяхъ лѣсной дороги — на нее нападала особенная, еще неизвѣданная ею „жуть“.

Они уже съ полчаса ѣхали лѣсомъ, по направленію къ полянѣ, гдѣ давно еще была поставлена бесѣдка изъ березовыхъ бревешекъ.

— Будетъ гроза, — сказала Елена Сергѣевна, взглянувъ вверхъ, на полосу неба, надъ узкой и кочевойтой дорогой.

— Вы думаете? — переспросилъ Питѣръ.

Онъ былъ во всемъ свѣтломъ, въ лондонскомъ сьютѣ изъ полосатой фланели и въ соломенной шляпѣ.

— Непремѣнно... я чувствую это по своимъ нервамъ.

— Нервы! нервы! — произнесъ онъ съ юморомъ. „Il y avait de l'orage dans l'air!..“ Въ доброе старое время романисты такъ начинали главу, гдѣ героиня должна пасть, — протянулъ онъ это слово.

Сегодня онъ — точно по какой программѣ — былъ или желалъ быть „самимъ собою“ и не сбивался съ тона суховатой шутки. Такъ прошелъ потомъ весь обѣдъ.

Впечатлѣніе на нее было вродѣ того, какое онъ произвелъ при своемъ появленіи зимой.

„Неужели это съ умысломъ?“ — вѣскольво разъ спрашивала она себя, мѣняла сюжетъ разговора, настроивала себя на увѣренно-спокойный, пріятельскій ладъ; и ничего изъ этихъ потугъ не выходило. Она дѣлалась все нервиѣе, внутри она вся вздрагивала. Большихъ усилій надъ собою стоило ей не крикнуть ему, къ концу обѣда:

„Да полвоте ломаться! Это невыносимо!“

Говорилъ онъ и о братѣ Иванѣ.

Никогда онъ еще такъ не явилъ „нелѣпую“ трату силъ этого „мученика выдуманнаго долга“, какъ сегодня. А ей хотѣлось возразить ему:

„А вы кто? Вы — модникъ, фешенебль, снобъ! живете вы только для высшихъ наслажденій, на всемъ готовомъ, какъ... какъ истый паразитъ“!..

Никогда еще она такъ назойливо не чувствовала принципиальной враждебности мужчинѣ, его высовомѣрью и хищничеству, мужской самовлюбленности, какъ сегодня за обѣдомъ.

Они пили кофе на террасѣ. Питеръ продолжалъ быть все такъ же непріятель. Ей дѣлалось все тягостнѣе и тягостнѣе. Она и физически задыхалась.

Дорогой разговоръ ихъ безпрестанно обрывался. Никогда она не находила себя такой растерянной, ненужной, такой „дѣвчоной“.

Послѣдняя французская фраза Питера — насчетъ грозы — была почти дерзостью.

Но она не могла ничего отвѣтить ему.

Какая-то беспомощность разливалась по всему ея существу.

Неожиданно, безъ подготовительнаго гудѣнья, загрохоталъ громъ, и молнія освѣтила дѣрвья.

Лѣсъ гулко разнесъ этотъ раскатъ.

Она вся вздрогнула и, закрывъ глаза одной рукою, чуть не выронила возжи.

— Развѣ вы боитесь... какъ настоящая русская помѣщица?

Его вопросъ прозвучалъ еще обиднѣе.

— Нѣтъ, я не боюсь, но...

И она не докончила фразы. Ея „жуть“ все возростала.

— Сейчасъ хлынетъ! — сказалъ онъ, точно поддразнивая ее.

У него не было дождевого зонта; у нея — свѣтлый шелковый.

Бѣлая лошадь покатила иноходью, подергивая ушами.

— Недалеко лужайка съ бесѣдой.

Они доѣхали туда въ пять минутъ. И только-что остановились у бесѣдки, какъ захопали крупные капли дождя, и молнія

клубомъ свалилась въ чашу лѣса, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ лужайки.

Оба они видѣли это. Елена Сергѣевна, блѣдная и трепетная, насилу могла соскочить съ подножки тюльбюри и почти упала на руки Питѣра.

Его сильныя руки взяли ее за талию увѣренно, холодно. Онъ поставилъ ее на землю и ввелъ въ бесѣдку, потомъ, не торопясь, отвелъ лошадь подъ развѣсистую ель.

Разразился ливень.

Она сидѣла на диванчикѣ, выращенномъ „подъ березу“; онъ стоялъ въ углу, лицомъ къ двери, и, видимо, любовался грозой.

— Электричество,—заговорилъ онъ точно самъ съ собою,— великая и таинственная энергія вселенной, въ рукахъ человѣка... мужчины—поправился онъ, и тутъ только взглянулъ на нее— великое благодѣяніе... но предоставленное само себѣ—темная, разрушительная сила. Не такъ ли немножко и женщина?

— Не знаю...—глухо отвѣтила она и чуть не кривнула:

„Отстаньте отъ меня! Не хочу я васъ слушать“!

— Васъ это обижаетъ, мой другъ?—продолжалъ онъ все тѣми же замедленными нотами, покачиваясь съ ноги на ногу.— Но вѣдь я неизлечимъ въ моемъ кошунственномъ отношеніи къ тому, что принято обсахаривать. У женщинъ нѣтъ органа для распознаванія всей той лжи, каковой ихъ обкуриваютъ такъ называемые знатоки женскаго сердца.

Она сидѣла въ напряженной, неловкой позѣ, взявшись руками за край скамьи. Зонтикъ она отставила.

— Женщины...—доносился до нея все тотъ же голосъ, въ которомъ ей слышалось утонченное издѣвательство надъ нею,— женщины, — протяжно повторилъ Питѣръ, — никакъ не могутъ допустить той эмпирической истины, что мужчина не созданъ для моногаміи. И сейчасъ — смертельная обида, проклятiя... вражда... ломка всей жизни!

„Что такое онъ говоритъ?—спрашивала она себя.—И онъ ли такъ говорить“?

Гдѣ его тактъ, воспитанность? Это какой-то нахаль, заставляющій выслушивать подобные афоризмы. И онъ видитъ, какъ она беспомощна въ эту минуту. Онъ все видитъ и все понимаетъ.

Быстрый взглядъ на него съ дѣланной усмѣшкой красиваго рта заставилъ ее выпрямиться.

Слѣдовало бы встать, подбѣжать къ нему близко и кинуть

ему въ лицо одно слово, но такое, чтобы онъ былъ раздавленъ, уничтоженъ.

Но моментъ прошелъ. Она опять взялась руками за край дивана и опять опустила голову. Дождь льетъ не такъ порывисто, громъ загудѣлъ уже вдали; но воздухъ еще грозовой. Ей тяжело дышать; она ощущаетъ влагу на лбу.

— Мнѣ сейчасъ вспомнилось, — продолжалъ Питэръ, подойдя поближе: — вы меня спрашивали, въ одномъ письмѣ, способенъ ли я съ полной искренностью высказать свой взглядъ на женщину и ея значеніе для такого человѣка, какъ я. Вѣдь да?

— Кажется, — едва выговорила она.

— Но я не былъ тогда въ настроеніи писать на эту тему. Въ письмѣ это сейчасъ получить видѣ... литературнаго упражненія... для потомства, — прибавилъ онъ и разсмѣялся. — Вотъ сегодня... можетъ быть, оттого, что въ воздухѣ разлито электричество... я формулирую въ нѣсколькихъ словахъ мое... еретическое credo. Женщина одна способна дать вамъ въ извѣстную полосу жизни полный аккордъ бытія, самую трепетную ласку, самое теплое сочувствіе. Но... она этимъ никогда не довольна! Мужчнна поднимается въ другія сферы, а она не можетъ туда и тащить его внизъ, къ своимъ ногамъ. Оттуда — вѣчная трагикомедія любви.

Она выслушала что-то вродѣ приговора.

Въ груди у нея заняло. Вотъ сейчасъ что-то выйдетъ... роковое и постыдное.

Слезы обиды подступили къ горлу. Она совсѣмъ закрыла глаза и откинулась на дощатую спинку дивана.

Ея рука очутилась въ его рукѣ. Она его чувствуетъ тутъ, рядомъ съ собою, слѣва. Но раскрыть глаза, заговорить, сдѣлать болѣе рѣшительное движеніе — она не въ силахъ.

— Вамъ не по себѣ? — тихо спрашиваетъ онъ.

Голосъ уже не тотъ.

„Какая сатанинская ловушка!“ — успѣла она подумать, и у нея вырвался глухой возгласъ:

— Зачѣмъ? Какъ... это...

Она не могла дальше ничего выговорить. Голова упала на его плечо, неудержимыя слезы хлынули изъ глазъ, которые ничего не видѣли ни передъ собою, ни около себя.

— Другъ мой! Простите!

Что онъ еще говорилъ — она не слыхала. Ея руки почти судорожно обвилились вокругъ его шеи и губы искали отвѣта.

XV.

Въ рессорномъ тарантасѣ, съ передней скамейкой, ѣхали, на тройкѣ, съ двумя воловочниками, братья Бабичевы и Руженцовъ.

Иванъ заставилъ Руженцова сѣсть на заднее сидѣнье, а самъ сѣлъ на скамью. Кучеръ Викентій—въ молодецки закинутой на бокъ шляпѣ, „гречушникомъ“, перевитой лентами, въ бархатной безрукавкѣ—погибивалъ на лошадей, и кумачные рукава его рубахи развѣвались по вѣтерку.

Они отправлялись на „вечерній чай“ въ принципалу Руженцова—богачу Хаеву, губернскому гласному и уже болѣе десяти лѣтъ крупнѣйшему землевладѣльцу въ уѣздѣ.

Хаевъ живетъ въ усадьбѣ половину лѣта, а потомъ уѣзжаетъ въ Біарриць, или на итальянскія озера. Его жена иногда остается еще недѣлю-другую. Она много занимается кустарнымъ промысломъ крестьянъ и въ ближайшемъ селѣ завела образцовую школу кружевницъ.

Теперь и мужъ, и жена—въ имѣннн и сегодня даютъ свой первый для избранной публики „чай“.

Руженцова его „принципалъ“ попросилъ особымъ письмомъ, дѣлая тонкій намекъ на то, что имъ надо имѣть и дѣловой разговоръ.

Всю дорогу Руженцовъ, кашляя и морщась отъ солнца, говорилъ о ихъ степенствахъ. Питеръ находилъ, про себя, что это дѣлается немножко однообразно; но онъ былъ радъ тому, что Руженцовъ поѣхалъ съ ними.

Послѣ того грозоваго послѣ-обѣда въ лѣсу, онъ не оставался ни разу, съ глазу на глазъ, съ старшимъ братомъ.

Иванъ не явился въ Катериновку, прислалъ записку съ мальчикомъ на велосипедѣ. Они оба свободно вздохнули.

Это было двое сутокъ назадъ; но они еще не видались. Было условлено между ними, что они увидятся у Хаевыхъ.

— Любопытно,—заговорилъ Руженцовъ, продолжая морщиться отъ солнца,—какъ въ своихъ пригласительныхъ запискахъ мой „хозява“,—произнесъ онъ по-мужички,—обозначать свой вечерній чай. Навѣрно по-аглицки... какъ бишь это... гार्денъ-партн... такъ, что-ли?

Иванъ Бабичевъ усмѣхнулся.

— Кажется.

— Ну, непременно. Какъ же имъ иначе! У президента Любѣ,

у принца Валлійскаго, теперь Эдуарда VII, бывали эти самыя „садовыя партіи“, а чтобы у нихъ не было?! Потѣха! И все это въ какихъ-нибудь два поколѣнія. Кузьма роди Захара, Захаръ роди опять Захара. А Кузьма былъ шаршавый крѣпостной мужикъ и всякими правдами и неправдами выползъ въ горшеники.

— Горшками торговалъ?—остановилъ Питѣръ.

Руженцовъ разсмѣялся.

— Это вамъ невдомѣтъ! По подмосковному, такъ называются мастеровые, которые у себя, въ избахъ, красятъ миткаль и промышляютъ дешевымъ ситцемъ. Могу такъ сказать—коллеги. А краски, разумѣется, въ горшкахъ держать. Отсюда и „горшеники“.

— Этого и я не зналъ,—отозвался Иванъ и поглядѣлъ на брата ласково и какъ бы приглашая его взглядомъ быть поразговорчивѣе.

Всѣ эти дни онъ былъ внѣ дома—занимался съ таксаторомъ и земскимъ агрономомъ, вчера даже не обѣдалъ дома, возвращался усталый.

По лицу его трудно было бы распознать въ немъ какую-нибудь внутреннюю тревогу. Но Питѣръ распознавалъ ее. И не одна тревога жила въ его душѣ, а и новое чувство сердечной боли послѣ того, какъ онъ убѣдился, что нѣчто вышло... тамъ, въ Катериновкѣ, двое сутокъ назадъ.

По какимъ признакамъ могъ онъ придти къ такому рѣшительному выводу?

Все обошлось такъ гладко, такъ обыденно—когда Питѣръ вернулся домой... совсѣмъ не поздно, въ десять часовъ съ чѣмъ-то.

У Ивана еще были дѣловые гости. За чайнымъ столомъ Питѣръ нашелъ, кромѣ женщины-врача и Руженцова, еще двоихъ господъ, таксатора и агронома. Питѣръ выпилъ чашку чаю, братъ перекинулся съ нимъ нѣсколькими словами, спросилъ о здоровьи Елены Сергѣевны и предложилъ ему „не стѣсняйся“—идти спать, послѣ таковой проѣздки, верхомъ, въ Катериновку и назадъ.

Но, за этимъ чайнымъ столомъ, Питѣръ поймалъ взглядъ Ивана на него, который онъ тотчасъ же отвелъ.

Въ немъ онъ прочелъ:

„Все я знаю. И зачѣмъ ты меня обманываешь“?

„Но какой же тутъ обманъ?“—спрашиваетъ онъ себя третій день, и теперь вотъ, подъ хриплые разносы Руженцова, подъ звяканье двухъ колокольчиковъ и гиканье молодцоватаго кучера.

А то какъ же назвать?

„Ну, да,—продолжалъ онъ раздумывать,—по буржуазной морали это, пожалуй, обманъ или, точнѣе, умолчаніе, подъ которымъ есть уколъ совѣсти“,—отчетливо выговорилъ онъ про себя.

Но вѣдь и уколъ совѣсти—тоже предразсудочный.

Что онъ зналъ вѣрнаго о чувствѣ брата къ Сулиной? Ничего вѣрнаго. Если Иванъ не считалъ нужнымъ излиться ему, значить: или онъ самъ не былъ захваченъ ничѣмъ глубокимъ, или не имѣлъ довѣрія къ нему.

И какъ ему было повести себя по возвращеніи изъ Катериновки? Дождаться, когда гости разойдутся, пойти въ спальню Ивана и все ему бухнуть?

Но какое онъ имѣлъ бы на это право?

Это даже пошловатый французъ изъ донъ-Жуановъ назвалъ бы: „une lâcheté impardonnable“.

Оттого, что женщина отдалась ему, онъ присвоилъ бы себѣ право разоблачить сейчасъ же ея тайну?

„Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ!“

Это—*ея* дѣло, а не его, Питѣра, и не его, Ивана, который не выступалъ даже и обыкновеннымъ, банальнымъ претендентомъ на ея руку. Да она и не переставала повторять и ему, и Питѣру, вотъ уже сколько мѣсяцевъ, что она ни за что на свѣтѣ не лишится свободы, и бракъ ей ненавистенъ.

„Тогда что же?“—приставалъ самъ къ себѣ Питѣръ съ категорическими вопросами; онъ дѣлалъ ихъ все строже и строже. „Что же? Повиниться въ собственной слабости? Въ томъ, что онъ разыгралъ роль мужчины, который не могъ не отвѣтить на взрывъ страсти или каприза—онъ въ это не входилъ—женщины для него совсѣмъ не „безразличной“?

Это глупо, неловко и опять неоправданно—тотчасъ послѣ того, что произошло въ березовой бесѣдкѣ.

Оправдываться? Въ чемъ? Онъ поѣхалъ въ Катериновку съ цѣлой программой поведенія. Онъ хотѣлъ—безъ всякаго лицемерія—пустить въ ходъ все, что могло бы охладить, заставить сжаться, уйти въ себя.

И онъ выполнилъ эту программу, вплоть до послѣдняго момента, зашелъ даже слишкомъ далеко, позволилъ себѣ почти безцеремонныя выходки.

„А результатъ вышелъ вотъ какой!“—выговорилъ онъ съ грустнымъ юморомъ.

— Эхъ вы, брилліантовья!—гаркнулъ кучеръ, и тарантасъ подкатилъ къ мостику, передъ березовой аллеей усадьбы Хаевыхъ.

— Владѣнія ихъ степенствѣ!—указалъ рукой Руженцовъ и отъ толчка взялся за грудь.

Питѣръ попадалъ впервые въ усадьбу Хаева. Онъ зналъ, что прежде она принадлежала графамъ Бунинымъ. Домъ былъ построенъ едва ли не самимъ Растрелли и стоялъ запущенный до послѣднихъ годовъ, когда этотъ Хаевъ, женившись, купилъ его. Графы, потомки одного изъ „случайныхъ“ людей Елизаветинской эпохи, не жили въ усадьбѣ десяти лѣтъ. Въ уѣздѣ ихъ никто даже и не помнить.

— И видите,—пояснилъ Руженцовъ, обернувшись къ фасаду дома, когда они въѣхали въ обширный дворъ съ газономъ по срединѣ.—Прежде тятенька моего принцепала сталь бы все ломать и передѣлывать по послѣднему журналу; а мой Захаръ Захарычъ считаетъ себя знатокомъ зодчества. Онъ сейчасъ же нанялъ профессора-реставратора, отвалилъ ему кушъ и возобновилъ домъ, и снаружи, и внутри, такъ, какъ онъ былъ, когда здѣсь принимали чуть не самое „великую россійскую жену“. А Потемкинъ, навѣрное, ночевывалъ—и не разъ.

— Прекрасный домъ!—сказалъ Иванъ Бабичевъ, обернувшись къ брату.

Зданіе—въ два высокихъ этажа—напоминало одинъ изъ лѣтнихъ дворцовъ и было выкрашено въ нѣжно-зеленоватый цвѣтъ. Всѣ скульптурныя украшенія, фронтоны, оконныя рамы, колонны, вариатиды—все это было восстановлено въ первоначальномъ видѣ.

— Да, очень стильно!—согласился Питѣръ, вставляя въ глазъ большой круглый монокль безъ оправы.

— На томъ возьмите!—не унимался Руженцовъ.

Подъѣздъ былъ съ вариатидами. На широкомъ перронѣ стояли два лакея въ бѣлыхъ галстукахъ, у самыхъ дверей; а пониже—два „ѣздовыхъ“ въ русской полуохотницкой формѣ, въ цвѣтныхъ казакинахъ, перетянутыхъ золотыми кушаками.

Питѣръ замѣтилъ, что въ большихъ домахъ въ Лондонѣ дежурятъ такіе жокеи и вучера. Они же выкрикиваютъ экипажи, ночью, и подсаживаютъ господъ.

Когда они поднимались на крыльцо, Иванъ спросилъ тихо брата:

— Елена Сергѣевна, навѣрное, будетъ здѣсь?

— Она говорила,—коротко отвѣтилъ Питѣръ.

Въ громадныхъ сѣняхъ, немного расширенныхъ противъ прежнихъ, пріятная прохлада обвѣяла ихъ. Два мальчика, въ курткахъ, съ бархатными воротниками, бросились снимать съ нихъ верхнее платье, чистить ихъ вѣничкомъ и щеткой.

— Господа на террасѣ, — доложилъ одинъ изъ мальчиговъ.

Они прошли столовой, гдѣ былъ уже приготовленъ буфетъ, залитый живыми цвѣтами, — на террасу. Она выходила въ садъ полукруглымъ возвышеніемъ, съ колоннами, которыя поддерживали верхній балконъ.

Справа и слѣва спускались въ роскошный цвѣтникъ двѣ мраморныя лѣстницы.

Общество было уже въ сборѣ. Иванъ всѣхъ зналъ, Питѣръ — только нѣкоторыхъ.

Около длиннаго чайнаго стола, покрытаго также цвѣтами, сидѣла группа съ хозяйкой по срединѣ. Остальные разбрелись по террасѣ. Двѣ-три фигуры виднѣлись внизу, въ цвѣтникѣ, передъ средней куртеной изъ кустовъ азалій въ цвѣту.

Питѣръ узналъ Шестевова, госпожу Мирковичъ, которую видѣлъ зимой. Около хозяйки сидѣла и Сулина, въ прелестномъ туалетѣ изъ свѣтлаго фуляра и короткой кофточкѣ — вродѣ душегрѣйки — съ кружевнымъ широкимъ воротникомъ.

Хозяйка сейчасъ же встала и тихо оклинула мужа, который стоялъ съ Шестевымъ и еще двумя господами, Питѣру не знакомыми.

Руженцовъ, войдя, оглядывалъ всѣхъ хмуро, и весь его видъ говорилъ:

„Всѣхъ бы васъ я въ одну ступу“!

Настасья Семеновна Хаева смотрѣла постарше своего мужа; брюнетка, съ неснѣжимъ цвѣтомъ кожи, хорошаго роста, худая, съ красивыми глазами, вездѣ и всегда — и въ Москвѣ, и за границей, и въ деревнѣ — она затмѣвала всѣхъ туалетами.

Сегодня на ней нѣжно-бирюзовое платье, и на плечи накинутъ изъ бѣлаго, покрытаго тысячнымъ кружевомъ, кашемира „шущунъ“ — кафтанъ съ длинными рукавами.

Когда она пожимала руки у обоихъ братьевъ и гораздо суше поздоровалась съ Руженцовымъ, Питѣръ успѣлъ рассмотреть цѣпочку темныхъ жемчужинъ. Тутъ было на десятки тысячъ жемчугу.

Цѣпочка эта была надѣта умышленно небрежно.

Мужъ ея подошелъ съ почтительнымъ поклономъ и протянулъ Ивану обѣ руки.

Его можно бы было принять за актера: совсѣмъ бритое, худое, длинное лицо, съ острымъ носомъ, остриженные подъ гребенку русые волосы, сухо-ласковые глаза и одна и та же сдержанная усмѣшка. Шея уходила въ высокій, туго накрахмаленный воротникъ. Онъ былъ одѣтъ въ смокингъ, при бѣломъ

жилетъ и въ башмакахъ, уже совершенно по-лондонски, при гороховыхъ шоловыхъ чулкахъ.

Даже Питеръ былъ въ обыкновенныхъ ботинкахъ.

— Иванъ Степановичъ!—заговорилъ Хаевъ высокимъ теноромъ.—Весьма польщенъ... Съ приѣдомъ... И братецъ вашъ заглянулъ въ наши палестины.

Обернувшись къ Руженцову, онъ подаль ему руку.

— Викторъ Павловичъ! Какъ здоровьице? Душевно радъ! Милости просимъ.

Купеческія интонаціи все-таки пробивались въ его рѣчи. Жена говорила совсѣмъ какъ московская барыня, съ новѣйшей скороговоркой, которую она себѣ „натаскала“, какъ выразился бы Руженцовъ.

Продолжались рукопожатія и поклоны. Шестовъ—весь въ чесунтѣ—поздоровался съ братьями Бабичевыми довольно фамильярно. Госпожа Мирковичъ придержала Ивана за руку и довольно громко сказала:

— Буду вамъ жаловаться на васъ же самихъ.

Хозяйка подвела обоихъ братьевъ въ Сулиной.

— Васъ знакомить не надо,—сказала она совершенно просто; но фраза кольнула Елену Сергѣевну.

Питеръ пожалъ ей руку молча; братъ его заговорилъ съ ней, отвѣдя ее немного въ сторону.

Питеръ испытывалъ неловкость совсѣмъ новаго рода: точно будто онъ тайный возлюбленный замужней женщины и мужъ тутъ же, и онъ видитъ ихъ вмѣстѣ въ первый разъ послѣ... того, что случилось непоправимаго.

Онъ отвѣчалъ невпопадъ на какую-то фразу Хаева, разсердился на себя за такое малодушіе, но не могъ вполнѣ овладѣть собою.

Ему эта „garden-party“ сдѣлалась сразу несносной. Хоть бы поскорѣе пошли гулять или что-нибудь дѣлать въ паркѣ, а не топтались тутъ, на этой террасѣ въ растреліевскомъ стилѣ.

— Вы не будете особенно строги къ нашимъ музыкантамъ?—говорилъ ему хозяинъ.

— Какимъ?—остановилъ онъ его.

А тотъ ему уже докладывалъ, что онъ пригласилъ, „для курьезу“, странствующій хоръ чеховъ или вообще „цыцарцевъ“. И на верхнемъ балконѣ заиграли какую-то увертюру.

Это позволило Питеру уклониться отъ дальнѣйшаго разговора.

Братъ его все еще стоялъ немного въ сторонѣ съ Сулиной.

На нихъ поглядывали Шестковъ и Мирковичъ, полузагадочно улыбаясь. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Питѣру.

— Настя!—окликнулъ Хаевъ жену.—Слишкомъ громко выходитъ,—онъ указалъ вверхъ рукой.—У нихъ духовенство,—съострилъ онъ по-московски,—забываетъ струнные инструменты.

— Хорошо!—согласилась она.—Но куда же ихъ посадить?

— На берегу озера, въ бесѣдкѣ. Пора просить дорогихъ гостей покататься на лодкахъ... подь музыку.

Хозяинъ пошелъ распорядиться. Настасья Семеновна опять начала занимать Питѣра, рассказывать ему о томъ, какъ она работаетъ надъ поднятіемъ крестьянскаго кустарнаго дѣла во всемъ уѣздѣ.

Онъ плохо ее слушалъ и отвѣчалъ, повидимому, невпопадъ.

Вѣроятно, и она обратила вниманіе на то, что его глаза, то-и-дѣло, обращаются въ ту сторону, гдѣ стояли у стола Иванъ Бабичевъ и Сулина.

Вотъ они подошли и сѣли около нихъ. Придвинулись и Шестковъ съ госпожей Мирковичъ. Питѣръ сидѣлъ почти противъ Елены Сергѣевны, но на нѣкоторомъ разстояніи, и ему нелегко было заговорить съ нею.

Разговоромъ овладѣла хозяйка—очень рѣчистая, но съ утомленнымъ голосомъ.

Она стала спрашивать Ивана Бабичева о его „другѣ“—князѣ Мионовѣ и его „супругѣ“, и распространилась о томъ званіи, какое дастъ ему теперь особенный ходъ.

Князь былъ предводителемъ другого уѣзда. Съ княгиней Настасья Семеновна не соперничала, потому что зимой живетъ исключительно въ Москвѣ или за границей; но она ее считаетъ „гордичкой“ и заискивать въ ней—не желаетъ.

— Вы думаете, — вмѣшался въ разговоръ Шестковъ, подтягиваясь и отдуваясь въ своей чесунчѣ,—что князь нашъ ближайшій губернской предводитель?

— Навѣрное!—рѣшила Хаева и, повернувъ голову къ Ивану, продолжала:—Какъ жаль, что такіе люди, какъ вотъ Иванъ Степановичъ, не хотятъ служить по дворянскимъ выборамъ. Вы извините меня, Иванъ Степановичъ, вы съ Мионовымъ пріятель; но вѣдь милѣйшій князь—*pas d'une intelligence transcendante*,—выговорила она очень старательно.

— Иванъ Степановичъ предпочитаетъ скользкій путь земскаго представителя,—замѣтилъ Шестковъ.

Подошелъ Хаевъ.

— У васъ о мѣстной политикѣ разговоръ?—спросилъ онъ, становясь позади кресла, гдѣ сидѣла Сулина.

— Отъ нея никуда не уйдешь!—отозвалась Мирковичъ.— Иванъ Степановичъ рискуетъ больше всякаго другого, потому что онъ ни въ чемъ не желаетъ поступиться своими принципами.

— Да-съ, принципистъ! Это совершенно вѣрно, — громко выговорилъ Шестовъ.

Питѣра весь тонъ разговора сталъ коробить. И Елену Сергѣевну онъ неприятно волновалъ. Имъ обоямъ былъ дорогъ этотъ человекъ. И оба считали себя передъ нимъ виноватыми.

Съ какой стати онъ позволяетъ разбирать себя такъ—хотя бы и въ полусушливой формѣ, точно его посадили съ извѣстныхъ поръ „sur la sellette“.

— Иванъ Степановичъ,—заговорила опять хозяйка, — вѣренъ всегда и во всемъ тому, что считаетъ правымъ.

— Настя!—остановилъ ее мужъ.—Не пора ли просить нашихъ дорогихъ гостей въ садъ и паркъ? Музыканты сейчасъ размѣстятся въ бесѣдкѣ. Лодки готовы.

Всѣ встали. Хозяйка протанула руку Ивану Бабичеву и повела его по лѣвой лѣстницѣ.

Питѣръ тутъ только продвинулся къ Еленѣ Сергѣевнѣ и предложилъ ей свою руку.

— Дайте имъ всѣмъ спуститься,—сказала она ему въ полголоса.

Онъ почувствовалъ, что рука ея нервно задрагиваетъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—выговорилъ Питѣръ, чувствуя, что онъ никакъ не можетъ найти подходящаго тона.

Они стали медленно сходить по засвѣжѣвшимъ мраморнымъ ступенькамъ.

Все общество взяло налѣво, вокругъ газона съ большой куртеной.

— Пройдемъ туда!—указала Сулина вправо на тоннель съ дикимъ виноградомъ.

Тамъ она его придержала.

— Я такъ больше не могу!—вырвался у нея глухой взглядъ.

И она присѣла на скамью, у самаго входа въ тоннель.

Питѣръ не садился и стоялъ въ нерѣшительной позѣ, стѣсненный.

„Неужели она сократилась?“—быстро подумалъ онъ.

Но въ ея глазахъ была нѣжная мольба не сердиться на нее за то, что въ ней происходитъ.

— Какъ?—сдержанно спросилъ Питэръ.

— Надо ему все сказать.

Онъ понялъ—кому.

— Вы думаете?

На „ты“ они еще не переходили и тамъ, въ лѣсу, и потому у нея, въ Катериновѣ.

— Онъ—такой жалкій. Только сейчасъ вотъ, здѣсь, когда онъ заговорилъ со мною, я почувствовала, какъ онъ меня любить и какъ страдаетъ.

— Стало быть, онъ все знаетъ! Только—не отъ меня.

— Развѣ вамъ... не тяжело съ нимъ?

— Тяжело.

— Исходъ одинъ—все ему сказать!

Питэръ повелъ головой.

— Васъ я объ этомъ не прошу... Я это сдѣлаю... И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Она замѣтно блѣднѣла, говоря это.

Тутъ только онъ присѣлъ.

— Не дѣлайте этого, мой другъ... прошу васъ.

Онъ протянулъ руку; она схватила ее.

— Почему?

— Это была бы ненужная игра въ честность.

— Игра? Когда человѣкъ страдаетъ... и мы оба... со-знаёмъ...

— Что мы провинились передъ нимъ...

Она вскинула на него глаза, полные слезъ.

— Такъ грѣшно говорить о немъ.

Питэръ не смутился отъ ея словъ.

— Вы виноваты передъ нимъ?—строже спросилъ онъ.—Въ чемъ же?

И его взглядъ досказалъ:

„Развѣ вы были съ нимъ такъ близки“?

Она стала еще блѣднѣе.

— Онъ не имѣлъ на меня никакихъ правъ.

— Стало быть, что же?

— Но я такъ не могу!...—почти растерянно повторила она и поникла головой.

Питэръ взялъ ея руку и удержалъ въ своей.

— Я прошу васъ... Hélène... не дѣлать ему признанія... по крайней мѣрѣ здѣсь... и раньше меня.

Голосъ его нервно зазвучалъ.

Она ничего не возразила.

— А теперь пойдите. Наше отсутствіе могутъ замѣтить.

Елена Сергѣевна подала ему руку и пошла... какъ бы вся разбитая.

Хозяева усиленно старались занимать своихъ гостей. Но всѣмъ было скучно. Катанье на лодкахъ, подъ музыку, тянулось вяло. Одна изъ молодыхъ барышень—кажется, родственница Настасья Семеновна—пѣла дуэты съ молодымъ сосѣдомъ, изъ отставныхъ артиллеристовъ—въ лодкѣ. Но и это выходило вяло и какъ-то странно: точно ихъ навяли, какъ венеціанскихъ уличныхъ пѣвцовъ въ гондолахъ; только у тѣхъ вышло бы и веселье, и съ большимъ темпераментомъ.

Пили и ѣли въ два приема: сначала—чай съ холоднымъ бужетомъ, потомъ—ужинъ. Шампанское подавали все время.

Руженцовъ воздерживался отъ вѣрныхъ напитковъ; но за ужиномъ вступилъ въ споръ съ Шестковымъ и госпожей Мирковичъ, и наговорилъ имъ много весьма ехидныхъ вещей, въ особенности лжелиберальной „земищѣ“—какъ онъ ее называлъ,—доказывая ей, какъ у нея „шуйца“ въ солидномъ противорѣчій съ десницей. Хозяйка старалась его унимать; но мужу ея такое обличеніе было, кажется, по душѣ.

Его масляные, хитрые глазки поглядывали на „господъ дворянъ“ и говорили:

„Про меня, небось, никто этого не скажетъ; ни про меня, ни про мою супругу. Она—настоящая благодѣтельница края, не держитъ мужиковъ въ кабалѣ, въ гостинныхъ не либеральничаетъ и не распинается фарисейски за „бѣдныхъ мужичковъ“.

Мирковичъ была зла на Ивана Бабичева за то, что онъ не далъ ей такого отвѣта, на какой она рассчитывала,—и подъ конецъ ужина, вмѣстѣ съ Шестковымъ, начала пускать разные шпильки по его адресу, намекать на то, что онъ мирволитъ только той „крамолѣ“, которая свила себѣ гнѣздо въ ихъ губерніи, подъ видомъ статистиковъ, врачей, агрономовъ и разныхъ другихъ „тайныхъ агентовъ“,—какъ у нея даже вырвался возгласъ.

Было уже поздно—около двухъ часовъ,—когда гости стали собираться. Всѣ они—за исключеніемъ двухъ дамъ и Шестова—возвращались въ ту же ночь домой. Руженцовъ также остался, по дѣлу, и, провожая Бабичевыхъ, сказалъ на-ухо Ивану:

— Наплевалъ бы я, на твоемъ мѣстѣ, дружище, на всѣхъ и на все!

Онъ чувалъ, что у Ивана есть сердечная „незадача“, но не позволилъ себѣ никакого вопроса; только все время—и на воз-

духъ, и за чаемъ, и за ужиномъ—поглядывалъ то на братьевъ, то на интересную „разводку“, съ которой ему не привелось сказать ни одного слова. Она, вѣжета, и не замѣчала его послѣ того, какъ его ей представили.

Елена Сергѣевна исполнила просьбу Питѣра. Простилась она съ обоими братьями при всѣхъ и сказала Ивану громко:

— Я къ вамъ на дняхъ!

Она пріѣхала одна, съ мальчикомъ, въ своемъ тюльбюри. У Мирковичъ была коляска четверней.

Когда всѣ вышли на крыльцо, все было залито свѣтомъ рефлекторовъ съ какимъ-то особеннымъ освѣщеніемъ, вродѣ электрическаго.

По лѣвую сторону выстроились по два экипажа въ рядъ; а вправо, съ факелами въ рукахъ, стояли „ѣздовые“—изъ тѣхъ, что принимали гостей—на лошадяхъ свѣтлыхъ мастей: одна—буланая, другая—бѣлая, третья—чубарая.

Этотъ „генге“ вводили Хаевы у себя, по примѣру нѣкоторыхъ богатыхъ баръ изъ сосѣдней губерніи.

Сулина и братья Бабичевы отказывались любезно отъ такихъ фавельщиковъ, но должны были уступить усиленнымъ упрашиваньямъ хозяевъ не отказать имъ въ такой бездѣлицѣ.

Первымъ поскакалъ ѣздовой передъ тюльбюри Сулиной. За нимъ—тарантасъ Бабичевыхъ.

— Прощайте, Жан! Прощайте, Питѣръ!—раздался имъ возгласъ, когда они выѣхали изъ воротъ.

— До свиданія!—крикнулъ Иванъ.

Лошади въ ихъ тройкѣ сначала пугались развѣвующагося пламени высоко поднятаго факела, отъ котораго шелъ смолистый запахъ, чѣмъ-то продушенный.

— Точно... погребальная процессія,—сказалъ Питѣръ.

И тотчасъ же его кольнуло то, что онъ сказалъ.

Погребена любовь его брата... въ той, вонъ, женщинѣ, что впереди ихъ, въ темнотѣ ночи, ѣдетъ съ такимъ же факеломъ.

И передъ нимъ всталъ вопросъ:

„Когда же объясниться? Дордогой, сейчасъ, или оставить до завтра“?

XVI.

Дня черезъ два, Руженцовъ ходилъ по аллеѣ, допивая свою вторую—уже дообѣденную—порцію воды съ сывороткой.

Кашель его немного ослабъ; но общее состояніе было не-

важное. Вернулся онъ отъ Хаевыхъ злой-презлой, хотя „принципаль“ ничего ему неприятнаго не сказалъ, и предложилъ ему только рассмотреть планъ работъ по перестройкѣ красочной лабораторіи.

Но резиденція его хозяевъ воротила ему съ души; всѣ эти фасоны, высокостильныя замашки, приемъ гостей, обстановка, штаты прислуги, играніе въ какихъ-то ландлордовъ, которые живутъ въ своемъ замкѣ только чтобы осыпать благодареніями „пейзанъ“.

И эта сладко-высокоприличная Настасья Семеновна, съ ея культурно-просвѣтительными затѣями, обѣситъ его едва-ли еще не больше, чѣмъ Захаръ Захаровичъ.

А въ концѣ концовъ ихъ степенства обработаютъ всѣхъ господъ дворянъ—и перваго Ивана Степановича, со всѣми его гражданскими добродѣтелями. Таковъ ходъ русской культуры.

Ивана Бабичева ему съ каждымъ днемъ все болѣе жаль и обидно за него.

Мало того, что всякая тамъ „патріотическая дрянь“, какъ Шестковъ, начинаетъ прохаживаться на его счетъ, но и сердечныя его дѣла—въ самомъ унижительномъ положеніи.

Иванъ не допускалъ его до своей душевной „подоплёки“, но Руженцовъ учуялъ, что выходитъ нѣчто для его товарища неладное, и главный виновникъ—это Питеръ, съ которымъ Иванъ нянчится, какъ съ своимъ кровнымъ чадомъ.

У этого „штукара“ голова—изъ ряду вонъ—Руженцовъ долженъ былъ это признать,—и они давно уже спѣлись во взглядахъ на идеализмъ Ивана, глупую трату силъ на служеніе общественному дѣлу, которое, само по себѣ, „выѣденнаго яйца“ не стѣдитъ.

Но теперь въ немъ сталъ копошиться червякъ противъ того же высокоевропейскаго „штукара“ за то, что онъ отнимаетъ у старшаго брата давно имъ облюбованную „бабенку“.

Изъ оконъ мезонина, выходящихъ въ садъ, Руженцовъ слышалъ—съ полчаса назадъ—игру на фортепіано.

Въ музыкѣ онъ мало смыслилъ, и никогда она не входила въ его потребности. Хаживалъ въ раекъ въ Большомъ театрѣ, послушать какую-нибудь пѣвицу; но классическую музыку—симфоніи и квартеты—считалъ „тоскливѣйшей канителью“.

То, что наигрывалъ Питеръ, съ маленькими паузами,—пріятно щекотало его слухъ.

„Сочиняетъ—злецъ!“—рѣшилъ онъ про себя. Онъ уже зналъ, что Питеръ—серьезный музыкантъ, и надъ чѣмъ-то уже не первый годъ работаетъ.

Протянулось еще съ четверть часа. Игра смохла. И опять у Руженцова начало вловотать внутри, противъ этого „хвата“, который только притворяется мыслителемъ-художникомъ, а въ сущности—просто охотникъ за женскимъ поломъ, способный „слюзить“ все, что плохо лежитъ по этой части.

Жаръ уже спалъ. Скоро и обѣдать.

Руженцовъ пошелъ въ фруктовый садъ, гдѣ густыя аллеи уже начинали пестрѣть красивыми точками только-что покрашенныхъ молодыхъ вишенъ.

Онъ шелъ, низко опустивъ голову, съ пустой кружкой въ правой рукѣ.

— Викторъ Павловичъ, здравствуйте! — окликнули его слѣва, гдѣ, въ углубленіи, было устроено что-то вроде бесѣдки, изъ фруктовыхъ же деревьевъ.

Питѣръ сидѣлъ съ маленькой розоватой книжкой въ рукѣ.

— Ась! — откликнулся Руженцовъ и остановился. — Вы тутъ изволите прохладиться?

Ужасно ему захотѣлось сразу взять его „на цугундеръ“.

— Что изволите читать? — спросилъ онъ съ усмѣшкой и присѣлъ къ нему на дерновый диванъ.

— Каждый годъ перечитываю это, — началъ Питѣръ особеннымъ тономъ. — Текста латинскаго съ собою нѣтъ. Это хорошій нѣмецкій переводъ.

— Чего? — смѣю спросить.

— „De rebus natura“ Лукреція.

— Какого? — храбро остановилъ Руженцовъ такимъ тономъ, что, молъ, „ты насъ не удивишь, ученостью насъ не огорошишь“.

— Лукрецій всего одинъ, добрейшій Викторъ Павловичъ... Великій умъ и великій поэтъ мірозданія!.. И какое звучное, если выговорить полное имя!

Опустивъ рѣсницы, Питѣръ пѣвуче произнесъ:

— Titus Lucrescius Cagus! Да, истинно cagus! Дорогъ всѣмъ, кто будетъ бороться съ предрассудкомъ... до конца дней нашей планеты.

— Такъ-съ! Позвольте на минутку.

Руженцовъ взялъ книжечку въ розовой обложкѣ, развернулъ и сдѣлалъ движеніе—точно хотѣлъ обнюхать ее.

— Дешевое, значитъ, изданіе?

— Я бы желалъ, чтобы она стоила не шестьдесятъ пфенниговъ, а десять.

Возвращая книжку, Руженцовъ повелъ губами и что-то промычалъ.

— Приводилось встрѣчать и мнѣ... и приблизительно знаю — въ чемъ дѣло. Но, грѣшный человѣкъ, не читалъ. По-русски врядь ли есть переводъ... а по-латыни я давно все забылъ.

— Викторъ Павловичъ! — Питѣръ всплеснулъ руками: — вы натуралистъ... химикъ!.. И не знать этой поэмы — самой грандіозной по замыслу, какая когда-либо выходила изъ-подъ пера человѣка?!

— Съ тѣмъ возьмите! Но какія же знанія могъ онъ имѣть... вашъ Лукрецій... въ тѣ времена... примѣрно?..

— Лѣтъ за пятьдесятъ до христіанской эры, — подсказалъ Питѣръ.

— Вонъ видите.

— А кто же увѣровалъ такъ въ атомы, безъ которыхъ все зданіе вашей науки рушится?

— Такъ вѣдь онъ могъ только вѣрить.

— А мы съ вами можемъ доказать, что атомы недѣлимы? — мягко, но съ удареніемъ спросилъ Питѣръ и поглядѣлъ пристально на своего собесѣдника.

„Ты что меня экзаменуешь? — разсердился про себя Руженцовъ. — Франтъ-дилеттантъ!“

— Разумѣется, — продолжалъ Питѣръ, — онъ не ушелъ отъ наивныхъ представленій древнихъ. Солнце, луна, звѣзды — для него точно такой величины или почти что такія, какъ мы ихъ видимъ простымъ глазомъ.

— Вотъ такъ астрономъ! Нечего сказать!

— Да... и кое-что другое въ такомъ же родѣ. Но какая глубина мысли, обнимающей все бытіе! Какая смѣлость! И что за талантъ въ образномъ изложеніи чisto физическихъ явленій! Неподражаемо! Чудесно! За двѣ тысячи лѣтъ создать себѣ такое неповолебимое credo въ законы природы, въ то, что мы называемъ эволюціей, безстрашно смотрѣть на конецъ всего живого на землѣ. И какое благоговѣнное чувство благодарности къ своему учителю Эпикуру!

— Значить, эпикуреецъ былъ вашъ Лукрецій?

Питѣръ поглядѣлъ на Руженцова вбокъ.

— Вы это такъ произнесли, милѣйшій Викторъ Павловичъ, что для васъ... тотъ греческій мыслитель — проповѣдникъ жуирства?

И его глаза досказали:

„Ты и меня причисляешь къ такимъ же жуирамъ“.

Руженцовъ чуть-было не сказалъ:

„И ваша милость — того же поля ягода“.

— Послушайте, Руженцовъ, — заговорилъ. Питѣрь другимъ тономъ и привоснулъ къ его рукѣ. — Сколько я васъ понимаю... вы въ такомъ фазисѣ душевной жизни, когда вся человѣческая возня становится, въ вашихъ глазахъ, мало достойной мыслящаго существа.

— Мало ли что! — перебилъ Руженцовъ.

— Я рискую получить отъ васъ отпѣтку дилеттанта и эпикурейца въ самомъ низменномъ смыслѣ. Но забудьте обо мнѣ. Развѣ не выше всего уходить не однимъ разсудкомъ, но всѣми силами духа въ созерцаніе судебъ вселенной, достигать до высшихъ мыслительныхъ и творческихъ настроеній?

— А пить-ѣсть какъ же?

— Развѣ это возраженіе, Викторъ Павловичъ? — Питѣрь опять всплеснулъ руками. — Возьмите вы организмъ человѣка... Онъ не мыслимъ безъ химическихъ процессовъ питанія. Но куда онъ идетъ въ развитіи человѣчества? Къ торжеству животныхъ инстинктовъ?

— А то къ чему же?

— Полноте! Все одухотворяется колоссальной работой самага избраннаго меньшинства! Пытливый духъ человѣка — выше природы... Еслибъ онъ могъ заново создать человѣка — въ нашемъ организмѣ не было бы слишкомъ ста бесполезныхъ и вредныхъ пережитковъ другихъ, чисто животненныхъ эпохъ!

Руженцовъ сидѣлъ, опустя голову. Что и какъ говорилъ Питѣрь — было ему по душѣ, но онъ не желаетъ вовсе, чтобы ему заговаривали зубы. Сладко поетъ этотъ архи-тонкій жуиръ, а съ братомъ, небось, поступаетъ какъ предатель.

— Все это прекрасно, — заговорилъ онъ, поднимая голову, — но при высшей интеллигенціи, при полетахъ въ звѣздное пространство и даже при геніальныхъ открытіяхъ и созданіяхъ искусства можно страдать тѣмъ, что называется „нравственнымъ помѣшательствомъ“, полнымъ отсутствіемъ моральнаго чувства.

Это было уже не въ бровь, а прямо въ глазъ.

И свою тираду Руженцовъ подкрѣпилъ весьма выразительнымъ взглядомъ.

Питѣрь сталъ догадываться.

— Не знаю... Не думаю, — спокойно возразилъ онъ. — Высота развитія немислима безъ идеаловъ. Но то, что только считается правиломъ, нравственнымъ долгомъ, — то для человѣка, освободившаго свой умъ и внутреннее чувство — запоздалый вздоръ, печальный пережитокъ первобытныхъ суевѣрій.

Онъ далъ легкій ударъ пальцемъ по розовой книжкѣ.

— Прочтите то мѣсто, гдѣ Лукрецій выступаетъ противъ всего этого печальнаго старья. Вѣдь и его тогдашніе филистеры и ханжи, жрецы и то стадо барановъ, какое они стригли— считали извергомъ естества.

И уже прямо отвѣчая на то, чѣмъ Руженцовъ началъ свой разговоръ, Питѣръ прибавилъ съ особымъ удареніемъ:

— Намъ съ вами, Викторъ Павловичъ, весьма легко сговориться въ каждомъ вопросѣ, даже и чисто моральномъ, личнаго поведенія. Ни передъ какимъ инвизиторскимъ допросомъ мы не должны терять мужества своихъ убѣжденій.

Посмотрѣвъ на часы, онъ добавилъ:

— Скоро и обѣдать! Идемте къ брату...

Обѣдъ отошелъ. Братья пили кофе на террасѣ. Руженцовъ пошелъ за чѣмъ-то въ свою комнату.

Имъ пришлось очутиться съ глазу на глазъ.

Питѣръ не видалъ Елены Сергѣевны съ вечера у Хаевыхъ. Его тянуло къ ней вчера; но онъ не поѣхалъ. Ждалъ посланнаго съ запиской—и ничего не пришло изъ Катериновки.

Будь это за границей, имѣи онъ дѣло съ французенкой, итальянкой—съ кѣмъ угодно,—онъ былъ бы увѣренъ, что никакихъ лишнихъ „мученій совѣсти“ не явилось бы.

Но „супка“—славянка, болѣе того, русская барыня.

За порывомъ—сейчасъ же „оборотъ на себя“, нравственная Grubelei... Та же недодѣланность во всемъ душевномъ складѣ, какая—по его мнѣнію—составляетъ отличительный признакъ расы и въ физическомъ типѣ русскихъ женщинъ.

Но и собой онъ не болѣе доволенъ. Не можетъ онъ найти такой почвы, на которой улаженъ былъ бы его „cas de conscience“ съ братомъ. Тотъ молчитъ, ведетъ себя совсѣмъ не такъ, какъ бы позволительно было ожидать отъ его прямой природы, отъ его привычки дѣйствовать во всемъ открыто, брать рискъ на самого себя.

Все это копошилось у него внутри. Онъ сидѣлъ еще у стола, передъ чашкой кофе, а Иванъ маленькими шагами прохаживался у перилъ.

— Елена Сергѣевна пріѣхали, —раздался жиденкій голосокъ мальчика.

Питѣръ тотчасъ же поднялся.

— Гдѣ она?—спросилъ мальчика Иванъ.

— Въ гостиной онѣ... шляпку снимаютъ.

— Надо было предложить ей умыться. Питѣръ! Пожалуйста! Приглашеніе брата какъ бы значило: „иди... вамъ вѣдь надо же поцѣловаться“.

Питеръ быстро вышелъ.

Все это дѣлалось совсѣмъ не такъ, какъ бы ему хотѣлось. Въ гостиной Елена Сергѣевна сняла уже шляпу и поправляла волосы передъ зеркаломъ.

— Bonjour! — поздоровалась она съ нимъ спойно и сухо.

Произошло рукопожатіе. Съ ея стороны — никакого „лирическаго“ возгласа или жеста.

Смотрѣть на него прямо она избѣгала.

— Вы пріѣхали — началъ Питеръ въ полголоса — говорить съ нимъ?

— Да, если вы уже не объяснились.

— Между нами ничего не было.

— Тѣмъ болѣе!.. Онъ вѣдь дома?

— На террасѣ. Послалъ меня сюда, точно съ умысломъ.

— Я хотѣла писать. Но у меня ничего не вышло. Съ такимъ хорошимъ человѣкомъ, какъ Жан, довольно будетъ одного искренняго слова.

„Но гдѣ же твое чувство? — подумалъ Питеръ. — Гдѣ же трепетная женщина? Я тебѣ чужой“?

А внутри уже начинало клокотать. Вѣдь онъ еще совсѣмъ не овладѣлъ этой женщиной. Неужели она играетъ имъ... имъ, Питеромъ Бабичевымъ? Глаза его влюбленно впивались въ ея блѣдное, нервное лицо, въ ея глаза, губы, станъ.

— Я здѣсь буду лишній. Вамъ всего дороже ея спокойствіе... а я точно не существую.

Она только пожала плечами.

— La situation devient insoutenable! — шопотомъ выговорилъ Питеръ и, выйдя на террасу, громко сказалъ: — Жан... Елена Сергѣевна желаетъ съ тобою говорить, — послѣ чего повернулъ въ столовую и поднялся къ себѣ наверхъ.

„Богъ знаетъ, чтѣ это такое!“ — подумалъ Питеръ.

Собственное его поведеніе выходило такъ малодушно. Что-то мальчишеское, глупое, низменное, прямо отвратительное.

„Но гдѣ же у нея любовь, порывъ? — повторялъ онъ, ходя у себя въ комнатѣ. — Развѣ такъ, черезъ два дня послѣ сцены въ лѣсу, выказала бы себя любая иностранка... да еще совершенно свободная женщина“?

Клеймить себя онъ больше не сталъ. Сдѣлалось такъ, какъ она захотѣла въ своей чисто-русской моральной „блажи“, — выразился онъ мысленно.

Не было никакого резона дѣйствовать такъ рѣзко. И если

нужно было въ чемъ-нибудь каяться передъ Иваномъ, то не ей, а ему.

„А почему ты это знаешь?“ — вдругъ точно холодной струей обдалъ его вопросъ самому себѣ.

„Почему ты знаешь, до чего доходила ихъ близость?“

Его начало душить, и онъ точно въ клеткѣ бѣгалъ по комнатѣ...

Въ прѣтннкѣ, у схода съ террасы, подъ полотнянымъ навѣсомъ, сидѣли рядомъ Иванъ и Елена Сергѣевна.

Главное она сказала, и вышло это у нея гораздо проще и спокойнѣе, чѣмъ она могла думать... И именно оттого, что она до той минуты не знала, — какъ этотъ человекъ любитъ ее.

Она и теперь не знаетъ этого. Онъ не вмѣнился въ лицѣ: ни внезапной блѣдности, ни красноты. Голова, правда, опущена и рукой онъ обрываетъ вѣтку, которую сорвалъ съ куста.

„Но какъ же было поступить?“ — повторила она, про себя, чувствуя, въ то же время, что сдѣлала что-то ненужное и жестокое, если онъ страдаетъ.

И тутъ правъ Питеръ.

— Благодарю васъ... мой другъ, — началъ онъ своимъ обыкновеннымъ пріятельскимъ тономъ: большаго довѣрія вы мнѣ не могли оказать... И я заслужу его.

„Зачѣмъ ты такъ? Точно на засѣданіи! — мысленно вскрикнула она. — Разнеси меня! Заставь разревѣться!“

— Вы — полноправная личность... вы не любили... Дай Богъ вамъ... счастья.

XVII.

На дворѣ стоялъ запряженный тройкой тарантасъ — тотъ самый, что возилъ братьевъ и Руженцова въ усадьбу Хаевыхъ.

Къ задку возель привязанъ большой заграничный сундукъ въ холщевомъ чехлѣ.

Господа завтракали. Отъѣздъ назначенъ былъ на два часа. чтобы угодить на станцію въ приходу московскаго поѣзда.

Вся прислуга жалѣла молодого барина, какъ она звала Петра Степановича. Всѣмъ хотѣлось, чтобы онъ пожилъ подольше.

Питеръ былъ очень щедръ и сдержанно-ласковъ съ прислугой, не допуская, однако, фамильярности.

И отъѣздъ его считали экстреннымъ. Писарь въ конторѣ, самый умственный человекъ, рѣшилъ, что ему дома — „не въ ногу“, тянетъ въ заграничные края.

Кофе пили въ столовой.

Питѣръ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, но съ возбужденнымъ выраженіемъ глазъ, одѣтъ по дорожному, въ сѣрую блузу съ кушакомъ и на груди съ широкими складками, какъ всегда, очень изящный.

То, что вышло въ послѣдніе дни, дѣлалось какъ-то само собою, точно не касаясь его.

Послѣ того вечера, когда Елена Сергѣевна прилетѣла къ нимъ и пошла объясняться съ его братомъ, все какъ бы оборвалось между нимъ и ею. Она скрылась такъ же быстро, написавъ ему письмо на двѣнадцати страницахъ, пылкое, очень смѣлое, сказала, что отказаться отъ него она не въ силахъ. Но просила пожалѣть брата. Необходима пауза. Ей слишкомъ тяжело быть тутъ, подъ бокомъ видаться съ Питѣромъ у себя, если не тайкомъ, то все-таки съ постоянными уколами.

И, не простившись съ нимъ, она уѣхала въ Москву, откуда прислала депешу, что она взяла паспортъ и черезъ двое сутокъ будетъ уже на границѣ.

Это показалось Питѣру еще новой „дамской“ выходкой. Онъ на другой день сообщилъ брату, что она—на пути за границу. Иванъ ничего не сказалъ. Между ними не было никакого объясненія. Питѣръ понялъ, что для брата слишкомъ тяжело говорить на эту тему, и было бы жестоко самому его о чемъ-нибудь спрашивать.

Да и въ чемъ же объясняться? Дѣло такъ просто. Никто не виновать. Зачѣмъ же создавать моральныя осложненія, когда случилась самая простая вещь? И никто не хитрилъ, не обманывалъ, не носилъ личины, не увлевалъ съ намѣреніемъ коварно измѣнить.

Такъ прошло нѣсколько дней.

Питѣръ вдругъ затосковалъ. Онъ сначала не хотѣлъ признаться самому себѣ, что ему убійственно скучно и обидно, что въ головѣ у него пустота, что имъ цѣлые дни владѣетъ тревога.

Это тотчасъ же замѣтилъ не только братъ, но и Руженцовъ, загостившійся у нихъ еще на недѣлю.

И вотъ, вчера, Иванъ поднялся къ нему утромъ, безъ всякихъ подходовъ, сѣлъ къ нему на постель, обнялъ его и сказалъ:

— Зачѣмъ ты себя мучишь Питѣръ? Тебя тянетъ... туда... за ней. Поѣзжай, милый!

Питѣръ едва не прослезился. Доброта и всепрощеніе брата просто уничтожали его.

Но онъ не сталъ изворачиваться. Отъѣздъ былъ рѣшенъ—

на другой день. Въ депешѣ Елены Сергѣевны стояло—куда ей писать *poste restante*.

Туда онъ и поѣдетъ.

Такъ его еще не тонуло ни къ одной изъ женщинъ въ его любовномъ прошломъ.

Больше никакихъ изліяній между братьями не было, вплоть до этого прощальнаго завтрака.

Руженцовъ все это „моталъ на усъ“. Сначала онъ заново вознегодовалъ на „штукаря“ и такъ искренно ушелъ въ эту „гисторію“, что одну ночь совсѣмъ не спалъ.

Вмѣшиваться онъ не признавалъ за собою ни малѣйшаго права. Сердечно жалѣлъ онъ Ивана.—Но это „не резонъ“—разсуждалъ онъ—для того, чтобы, подъ предлогомъ дружбы, придти и начать ковырять у него въ нутрѣ; ему и безъ меня достаточно „моркотно“.

За завтракомъ онъ занималъ ихъ обоихъ разными своими филиппиками. Въ деревнѣ онъ очень оправился, и даже голосъ его сталъ терять свою хриплость.

Оба брата были ему, внутренно, благодарны за то, что имъ не пришлось сидѣть за столомъ, съ глазу на глазъ.

— Значить,—обратился Руженцовъ къ Питеру,—ваша милость послѣ завтрака уже за кордономъ.

— Надѣюсь,—лаконически отвѣтилъ Питеръ.

— Вотъ бы съ вами махнуть... уйти къ чудесамъ цивилизаціи отъ нашей мляѣйшей дѣйствительности. Именно съ вами, Петръ Степановичъ, снимать однѣ сливки природы, искусства, приобрѣтеній науки. Ибо если окунуться въ самое пекло тамошней жизни—тоже вѣдь не Богъ вѣсть какое эльдорадо.

— Приѣжайте!—сказалъ поласковѣе Питеръ.

— А контрактъ съ паевымъ товариществомъ Захара Хаева сыновой? Чувствую я, что только тогда попаду въ страны, гдѣ зрѣютъ лимоны и апельсины, когда уже мнѣ господа эскулапы пропишутъ подорожную въ другой, лучшей міръ, и для очистки совѣсти отправятъ въ Ментону, туда, что-ли, а можетъ и на Мадеру, гдѣ изволилъ скончаться, какъ разъ, тятенька моего принципала—самъ Захаръ Хаевъ.

Вошелъ мальчикъ и въ дверяхъ доложилъ:

— Вещи уложены, Петръ Степановичъ. Прикажете подавать?

Оба брата быстро обмѣнялись взглядомъ.

— Не рано? — измѣнившимся голосомъ спросилъ Иванъ и посмотрѣлъ на свои часы.

— А вы къ какому поѣзду?

На этотъ вопросъ Руженцова Питэръ что-то, молча, соображалъ.

— Поѣздъ отходить въ четыре съ четвертью, — напомнилъ Руженцовъ.

— Минуть десять-пятнадцать еще наберется, — выговорилъ, сдерживая волненіе, Иванъ и поднялся.

За нимъ встали и остальные.

— Я скажу, когда подавать, — распорядился Иванъ и прошелъ на террасу.

Руженцовъ нарочно прошелъ въ смежную комнату, служившую старшему брату кабинетомъ.

Питэръ нашелъ Ивана на террасѣ.

— Ну, прощай, my poor fellow!

Раскрытныя руки Питэра протянулись къ брату.

Тотъ пододвинулся, нервно обнялъ его, прижалъ къ груди и поцѣловалъ сначала въ одну щеку, потомъ въ другую.

— Будь здоровъ... дитя мое! — выговорилъ онъ тихо, произнося эти слова съ замѣтнымъ усиліемъ.

Онъ подвелъ Питэра къ соломенному диванчику у перилъ и посадилъ рядомъ съ собою, не выпуская его руки.

— Сважи, — началъ онъ, — она тебѣ дорога? Это не простой капризъ... или отвѣтъ на ея потребность любви?...

Какъ бы испугавшись слишкомъ смѣлыхъ вопросовъ, онъ смолкъ, чего-то не досказавъ.

— Да, она не знала любви. И въ ней есть что-то необычайно плѣнительное.

— И только? — чуть слышно выговорилъ Иванъ. — Неужели только, Питэръ?

— Ты знаешь, я не люблю никакихъ клятвъ. Намъ влекло другъ къ другу. Кого больше, кого меньше — я не могу рѣшить. И никто не рѣшитъ.

— Было бы великимъ грѣхомъ...

Иванъ, не досказавъ, опустилъ голову.

— Бросить ее? Ты это хочешь сказать? Но она сама не хотѣла бы никакихъ обязательствъ. Она — фанатикъ полной свободы.

— Это теорія.

— А остальное укажетъ сама жизнь. Прости, милый! — Питэръ положилъ руку ему на плечо. — Я не умѣю говорить... въ твоемъ тонѣ... Но ты можешь вѣрить своему питомцу... ничего некрасиваго я на душу свою не возьму.

„Развѣ это любовь?“ — спросилъ себя Иванъ, и сердце у него сжалось.

— Господа Бабичевы! Четверть часа прошло! — раздался изъ столовой голосъ Руженцова. — Можно и опоздать въ поѣзду.

— Ну, съ Богомъ!

Иванъ еще разъ обнялъ Питѣра и поцѣловалъ его.

Колокольчикъ еще заливался тамъ, подъ горой.

Иванъ стоялъ на крыльцѣ и все махалъ платкомъ. Онъ хотѣлъ проводить брата до станціи; но тотъ не согласился на это.

Нѣсколько позади стоялъ и Руженцовъ, но платкомъ не махалъ.

Онъ пожалъ только руку Питѣру, когда тотъ сходилъ со ступенекъ крыльца.

— Всякого благополучія! — сказала онъ ему вслѣдъ.

Питѣръ, когда сѣлъ въ тарантасъ, снялъ свою бѣлую шляпу и крикнулъ брату:

— Благодарю, милый мой Жан!

Въ сторону Руженцова онъ выговорилъ съ добродушной усмѣшкой:

— Жду васъ на распутьяхъ Европы!

Слышно было изъ комнатъ, по звону колокольчика, какъ спускается тарантасъ, справа отъ дома, по крутому спуску — шагомъ. Потомъ пошла опять бойкая рысь — внизу, къ мѣстиву, и дальше, на низкое, по плоскогорью, по дорогѣ въ сосѣднему селу Худолѣву.

Вслѣдъ за Иваномъ — Руженцовъ вышелъ на террасу, откуда вся дорога, на цѣлыхъ полверсты, видна, какъ на ладони.

Они стояли молча и смотрѣли, пока тройка, бойкой рысью, ѣхала по плоскогорью. Красные рукава кучера и золотисторыжая, низкая грива лѣвой пристяжной горѣли на солнцѣ, и бляшка на длинныкъ ремнякъ хомутовъ огненными точками искрились, играя на припекѣ. Но изъ-за опущеннаго верха тарантаса была видна только бѣлая мятая шляпа Питѣра.

На тотъ же диванчикъ, гдѣ онъ имѣлъ послѣдній разговоръ съ братомъ, присѣлъ Иванъ, положилъ обѣ руки на колѣни и весь опустился. Руженцовъ, взглянувъ на него, сейчасъ же подумалъ: „Какъ онъ постарѣлъ, въ эти дни!“

Ему даже показалось, что на лѣвомъ вискѣ у него заблестѣла сѣдина.

Тихо подо двинулся онъ къ нему и сѣлъ на ручку диванчика, сроша волоса:

— Ты со мной, дружище, пожалуйста не церемонься! — началъ онъ.

Иванъ поднялъ голову и вопросительно взглянул на него.

— Тебѣ хочется одному остаться?.. Ты меня прогони... до завтрашняго числа. А утромъ я, чѣмъ свѣтъ, отправился бы во свояси.

— Зачѣмъ?—вяло выговорилъ Иванъ.

— Чудакъ-человѣкъ! „Зачѣмъ“? Точно я ничего не вижу и не понимаю. Залѣзай въ твою душу, другъ Бабичевъ, я не стану... не безпокойся. Все, что въ этой самой душѣ происходитъ, я слишкомъ принимаю къ сердцу... въ этомъ ты, быть можетъ, не сомнѣваешься.

Иванъ молча подошелъ немного, пожалъ руку товарищу.

— Спасибо... голубчикъ.

— Вѣдь мои больныя печенки еще не превратили меня въ нравственнаго уродъ. И было бы великимъ свинствомъ, еслибы я вдругъ сталъ тебѣ теперь читать нотации. Тогда ты долженъ былъ бы преспокойнымъ манеромъ выставить меня наружу...

Иванъ чуть-чуть улыбнулся. Его пріятель говорилъ отъ сердца, но не могъ и тутъ освободиться отъ своего жаргона.

— Спасибо!—повторилъ онъ, вставая.—Только зачѣмъ же ты хочешь бѣжать?

— Говорю тебѣ, мнѣ и безъ того пора... ежели безъ нарушенія контракта. А у тебя, вѣдь, навѣрняка, найдутся и здѣсь всякія злободневности. На время это — хорошая оттяжка. Но только на время. Иванъ Степановичъ, только на время.

Иванъ опять молча поглядѣлъ на него.

— Вольному воля... Но помани ты мое слово... Не пройдетъ и года, и тебѣ не миновать какой-нибудь перворазрядной гадости.

— Какъ такъ?

— Воспылаешь рвеніемъ... затрепещетъ твоя земская подоплека, представится тебѣ, что хоровое начало начинаетъ возрождать всѣхъ и вся... и пропишутъ тебѣ... подорожную...

— Не страшно, братъ!

— Это на охотника. Но иллюзіи намъ съ тобой не полагаются имѣть. Не къ лѣтамъ, другъ!

Руженцову сильно захотѣлось вслухъ обидѣться, еще разъ, за то — какъ съ Иваномъ, у Хаевыхъ, стали „поговаривать“ Шестковы и желибералки, вродѣ „бабы-жохи“ —землевладѣлицы Мирковичъ,—но онъ удержался.

— Выйдетъ какой-нибудь пассажъ... осенью или зимой... тебя вызовутъ... За тебя станетъ большинство... наберется-таки смѣлости. Выберутъ тебя во второй разъ... обѣдъ дадутъ, спичей наговорятъ... Все это—мыльные пузыри!..

— Будто?—остановилъ Бабичевъ.

— Пузыри! На мою оцѣнку, другъ Иванъ Степановичъ! Ничего-то изъ этого,—подчеркнулъ онъ,—не выйдетъ. И заплатишься ты одинъ—никто больше.

— Какъ же иначе, Викторъ Павловичъ?

— Бросить во-время; а если—въ видѣ спорта, что-ли,—потянуть еще лямбу, то глядя въ оба, безъ миражей, безъ самообмана и самовнушенія.

Онъ чего-то еще не досказалъ и поднялся.

— Ну, прогони меня, я опять хватилъ черезъ край. Ты не глупѣ меня... извини. Это уже—какъ нѣмецкіе цирки печатають въ саженныхъ афишахъ...

И онъ своимъ архи-русскимъ произношеніемъ выговорилъ:

— Увидеррүфлихъ цумъ летценъ малъ!

Бабичевъ разсмѣялся и ласково кивнулъ головой.

— Обѣдать-то придешь?—сказалъ онъ ему въ догонку.

— Коли не осерчалъ—пришли за мной.

Скрипучія подошвы Руженцова уже не слышались больше.

Жаръ все еще не спадалъ. Жуткое безмолвіе владѣло всей усадьбой. Домъ стоялъ совсѣмъ пустой.

Иванъ поднялъ голову и сталъ глядѣть туда, на плоскогорье съ сѣровой лентой проселка.

Зеленая крыша сельской церкви видѣлась дальше, надъ желтой штукатуркой стѣнъ купола.

И куда ни оберни голову—отовсюду выглядываетъ земская страда. Громада крестьянъ, ея тяготы, невѣжество, беспомощность, голодовки, требующія миллионныхъ затратъ и трепетной вѣры въ болѣе свѣтлое будущее.

Вотъ его „оттяжка“,—какъ называлъ сейчасъ Руженцовъ,—отдушина для личнаго горя.

Еще два-три дня—Питѣрь долетитъ до того мѣста, гдѣ остановилась она. Не будетъ у нихъ тамъ живого попрека въ видѣ тонной фигуры... смѣшного земца, „безъ страха и упрека“.

Онъ закрылъ вдругъ лицо ладонями, и слезы навернулись у него на глазахъ.

И ему показалось, что тамъ, гдѣ-то, на спускѣ къ селу Худолѣву, звачкаеть боловольчикъ.

II. Боворыкинъ.

„НОВЫЙ ГРАДЪ“ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

„Славное возглаголетъ о тебѣ, градъ Божій“.

I.

Изъ идей, имѣвшихъ наиболѣе сильное воздѣйствіе на людскія убѣжденія и на ходъ исторіи, первое мѣсто принадлежитъ представленію о „новомъ царствѣ“, которое должно въ болѣе или менѣе скоромъ будущемъ водвориться на землѣ. Такія представленія возникали въ разные вѣка и у разныхъ народовъ, и ничто такъ не оврѣяло людей, высоко поднимая ихъ моральныя инстинкты; ничто не вызывало, съ другой стороны, такого мрачнаго фанатизма.

Проповѣдь о новомъ, грядущемъ царствѣ составляетъ отличительную черту новой исторіи человѣчества, его христіанскаго періода. Древніе, языческіе народы исходили изъ противоположнаго принципа — ихъ идеаль былъ не впереди, а позади; они жили не надеждами на лучшее будущее, а воспоминаніями, и скорбѣли о лучшемъ прошломъ. У всѣхъ культурныхъ народовъ древности, въ Европѣ, Азій и Африкѣ, мы встрѣчаемъ представленіе о свѣтломъ прошломъ, о начальномъ благополучіи, которое постепенно омрачается, уступая мѣсто житейской прозѣ и жизненной тревогѣ. Египетскіе жрецы облакали такое сознаніе въ представленіе о смѣнѣ трехъ вѣковъ, — божественнаго, героическаго и человѣческаго; греки, а за ними италии — въ пред-

ставленіе о смѣнѣ вѣковъ золотого, серебрянаго и желѣзнаго; семиты Месопотаміи—въ представленіе о потерянномъ раѣ.

Среди этой скорби объ утраченномъ благополучіи, среди этой гнетущей поворности предъ тяжелой дѣйствительностью, раздалась „благая вѣсть“ о грядущемъ новомъ царствѣ. Она стала источникомъ религіозно-правственнаго обновленія человечества, путеводнымъ идеаломъ къ лучшему будущему, залогомъ усовершенствованія и прогресса. Никто не потратилъ столько душевныхъ силъ и страсти на призыкъ къ новому царству, никому не удалось придать этой мечтѣ, этой надеждѣ, таковой реальный образъ и превратить этотъ образъ въ живую историческую силу, какъ Августину.

Откуда же самъ Августинъ почерпнулъ свою идею о новомъ царствѣ, о *Божьемъ градѣ*, которая такъ связана съ его именемъ и прослала его болѣе другихъ его сочиненій? Онъ могъ, конечно, найти ее тамъ, гдѣ нашелъ свою вѣру, въ поученіяхъ Христа. Основой Евангелія является благая вѣсть о новомъ грядущемъ царствѣ, которое то называется *царствомъ небесъ* (τοῦ οὐρανοῦ—у Маттея), то *царствомъ Бога* (basileia τοῦ θεοῦ—у Марка и Луки). Вопросъ о томъ, какое значеніе имѣли эти слова, т.-е. какія понятія тогдашнее еврейское общество соединяло со словомъ, соотвѣтствовавшимъ этимъ греческимъ выраженіямъ, вызвалъ въ послѣднее десятилѣтіе весьма интересную и обильную литературу ¹⁾. Выяснилось, что выраженіе „*malakuth Iahve*“ (царство Іеговы) имѣло двойной смыслъ—*владычества* или *власти* Іеговы, и *владычій*, т.-е. могло быть понято болѣе реально, какъ особое царство Іеговы, отличное отъ другихъ, — или духовно, какъ моральная связь въ общемъ поклоненіи Іеговѣ. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на этомъ понятіи, такъ какъ не изъ него исходитъ авторъ „Божьяго града“. Августинъ самъ указываетъ, откуда онъ заимствовалъ это названіе, а отчасти и самое понятіе, и приводитъ четыре текста изъ псалтири, гдѣ оно упоминается ²⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, названіе „градъ Божій“ примѣнено къ Іерусалиму: въ первыхъ двухъ восхваляется этотъ „градъ Божій“; въ третьемъ о немъ сказано, что Господь его „установилъ на вѣки вѣчные“; въ четвертый разъ говорится о „незыблемости Господа въ царствѣ Его“. Изъ этихъ и подобныхъ свидѣтельствъ, приводитъ

¹⁾ См. особенно I. Weiss: „Die Predigt v. Reiche Gottes“ во *второмъ* изданіи 1900 г., и статью Bousset о томъ же въ „Theologische Rundschau“, Nov. 1902, съ прекраснымъ анализомъ вопроса.

²⁾ Пс. 86,8; 47,2; 47,9; 45,5.

которыя было бы слишкомъ долго“,—заявляетъ Августинъ,—мы узнали, что существуетъ какое-то „Божье царство“, гражданами коего мы пожелаемъ быть, въ силу той любви, которую внушилъ намъ его Создатель. Учредителю этого-то святого царства,—продолжаетъ Августинъ,—граждане царства земного предпочитаютъ своихъ боговъ, не вѣдая, что Онъ—Господь надъ богами, не ложными, т.-е. нечестивыми и гордыми, алчущими божескихъ почестей, но богами благочестивыми, предпочитающими поклоняться Богу, чѣмъ быть чтимыми вмѣсто Него“.

Признаніе Августина въ томъ, какимъ образомъ ему раскрылось представленіе о Божьемъ градѣ и что его навела на эту мысль не евангельская проповѣдь, а восхваленіе Сіона, какъ Божьяго града, — чрезвычайно характерно для пониманія Августиновскаго Божьяго града. Вліяніе Ветхаго Завѣта отразилось прежде всего формально, на самомъ названіи, которое Августинъ далъ своему „граду“. Онъ назвалъ его не царствомъ Бога, о которомъ говорится въ Евангеліи, а *градомъ*—*Civitas Dei*. Это даетъ ему возможность говорить о *гражданахъ* (*cives*) земного и небеснаго града, т.-е. какъ бы о совнательныхъ, правоспособныхъ членахъ обоихъ царствъ. Что это произошло не безъ вліянія *римской* традиціи, можно заключить изъ замѣчанія Августина, что царство Христа можно было бы назвать и *республикой*, „потому что нельзя не признать, что и оно есть (на подобіе римской республики—*res-publica*) достояніе народа, хотя это выраженіе обыкновенно употребляется въ иномъ смыслѣ“.

Но гораздо важнѣе отступленіе Августина отъ евангельскаго Божьяго царства по существу дѣла. Евангеліе призываетъ послѣдователей Христа въ *новое* царство, которое съ тѣхъ поръ осуществилось, изъ идеи перешло въ дѣйствительность, но все-же и во времена Августина остается *новымъ* по сравненію съ тѣмъ, что было и что имъ отвергнуто. Примыкая своимъ представленіемъ о Божьемъ градѣ не къ евангельскому царству, а къ ветхозавѣтному граду Господнему, Сіону, Августинъ совершаетъ *проектию* своего града въ *прошлое*, охватываетъ въ общемъ синтезъ христіанскую эпоху съ до-христіанскою, переноситъ возникновеніе Божьяго царства отъ рожденія Христа къ сотворенію человѣка. Изъ религіозно-этического представленія градъ Божій становится историческою идеей, освѣщающей судьбу всего человѣчества въ его земномъ и загробномъ существованіи. Но Августинъ на этомъ не остановился: евангельское царство Божіе было продолжено имъ назадъ, до сотворенія человѣка; спасеніе человѣчества, совершенное Христомъ, было выведено изъ грѣхо-

паденія; но откуда грѣхъ? откуда зло въ мірѣ? Съ тревогой ища отвѣта на эти вопросы, Августинъ сталъ когда-то изъ язычника манихеемъ, а изъ манихея—христіаниномъ. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ принесло съ собою новое расширеніе Божьяго града. Изъ историческаго это представленіе стало космоическимъ.

Такъ вмѣстѣ съ работою расширялись у Августина раменн трудя и развивалась самая идея труда. Начавъ съ обличенія римскихъ боговъ и языческаго римскаго царства, Августинъ противопоставилъ ему царство Христа; но затѣмъ этотъ антагонизмъ расширился до представленія о земномъ градѣ въ смыслѣ совокупности земныхъ царствъ вообще и Божьяго града, обнимающаго всѣхъ праведныхъ, и начало обоихъ градовъ было потомъ возведено въ начало добра вообще и началу всякаго зла.

Окончивъ въ десяти книгахъ свою первую, обличительную задачу, Августинъ принялся за совидательную работу и изложилъ въ двѣнадцати книгахъ въ систематическомъ строеніи и въ извѣстномъ, мало выдержанномъ параллелизмѣ—*возникновеніе, ходъ исторіи и конецъ* обоихъ царствъ, посвящая каждому изъ этихъ отдѣловъ по четыре книги.

Преслѣдуя свою повѣствовательную цѣль, Августинъ постоянно имѣеть въ виду указывать и на различіе между обоими царствами, земнымъ и Божіимъ,—разъясняя преимущество Божьяго передъ земнымъ во всѣхъ трехъ отношеніяхъ—по происхожденію, по ихъ назначенію и по ихъ достоинству.

Повѣствованіе о происхожденіи Божьяго царства у Августина весьма пространно и можетъ теперь казаться мало содержательнымъ; но оно получить для насъ жизненный интересъ, если мы вспомнимъ о читателяхъ, для которыхъ оно было написано. Оно показываетъ намъ, чѣмъ жилъ вѣкъ Августина, какіе ставились въ то время вопросы, и какъ они рѣшались. Современники Августина жили на вулканѣ, который своимъ изверженіемъ могъ ежечасно поглотить ихъ со всею ихъ цивилизаціей; во чѣмъ менѣе былъ для нихъ обезпеченъ завтрашній день, тѣмъ глубже они погружались въ самые затаенные религіозные вопросы о происхожденіи міра и о началѣ зла или грѣха.

Августинъ начинаетъ свой разсказъ о происхожденіи идеальнаго царства весьма издалека и отводитъ въ немъ значительное мѣсто космогоническимъ вопросамъ; это было ему необходимо въ виду манихейства. Оторвавшись отъ реалистическаго представленія Манеса, что міръ произошелъ отъ вторженія мрака въ область свѣта и знаменуетъ собою временную побѣду силъ мрака надъ началомъ свѣта и добра, Августинъ не могъ не остановиться

на опроверженіи этой этической при всемъ своемъ реализмѣ космогоніи, и даже тамъ, гдѣ нѣтъ рѣчи о манихейскъ, мы чувствуемъ, противъ чего ведется рѣчь, какъ напр. въ торжественномъ вступленіи: „Величайшее изъ всѣхъ видимыхъ явленій — это міръ; величайшее изъ невидимыхъ — Богъ. Что міръ существуетъ, мы видимъ воочію; въ существованіе же Бога мы вѣримъ. А что міръ сотворенъ Богомъ, на то мы имѣемъ достовѣрнѣйшее свидѣтельство, данное намъ самимъ Господомъ“.

Но не одна полемика противъ доктринъ о происхожденіи міра — манихеевъ, неоплатониковъ и даже христіанскаго учителя Оригена — наполняетъ первыя книги „Божьяго царства“; онѣ посвящены величайшей заботѣ учителей тогдашней церкви — истолкованію Священнаго Писанія, особенно Вѣтхаго Завѣта, который былъ камнемъ преткновенія для эпигоновъ классическаго міра и служилъ также арсеналомъ для нападковъ на христіанство со стороны гностиковъ, и въ особенности манихеевъ. Эта сторона сочиненія Августина придавала, при его авторитетѣ, первоклассное значеніе его произведенію въ борьбѣ съ ересями и въ исторіи христіанской догматики. Божіе царство возникаетъ у Августина съ сотворенія ангеловъ. Но не мало труда доставилъ Августину вопросъ о времени ихъ сотворенія, такъ какъ въ библейской космогоніи онъ остается неразрѣшеннымъ. Августину пришлось по этому поводу полемизировать съ неоплатониками и опровергать мнѣніе какъ *тлсъ*, кто утверждалъ, что ангелы существовали раньше возникновенія міра, такъ и тѣхъ, кто училъ, что люди — *твореніе* ангеловъ.

Еще болѣе существеннымъ для христіанскаго богословія и этики являлся вопросъ о грѣхопаденіи ангеловъ и о происхожденіи злыхъ ангеловъ и діавола. Здѣсь пролегалъ, такъ сказать, водораздѣлъ между христіанствомъ и манихействомъ: одинъ неосторожный шагъ, одна незначительная уступка — и христіанствъ, какъ хорошо было извѣстно Августину, опутывался сѣтями манихейской діалектики. Поэтому Августинъ такъ твердо настаивалъ на единствѣ естества (*патига*) добрыхъ и злыхъ ангеловъ и на томъ, что вопреки ученію „еретиковъ-манихеевъ“ діаволъ не обладалъ особымъ, какъ бы противоположнымъ добру и свѣту естествомъ. Добрые и злые ангелы у Августина противоположны не по существу, ибо Господь творилъ только хорошее — а по *воли* своей и стремленіямъ, въ силу чего одни вѣчно пребываютъ въ истинѣ и любви, т.-е. въ Богѣ, другіе, въ упоеніи своеволіемъ, стали сами для себя благомъ и отпали отъ Господа. Эту мысль Авгу-

стинь подробно развиваетъ съ помощью свойственной ему, иногда весьма искусственной, діалектики, не поддающейся переводу.

При разъясненіи вопроса объ *отпаденіи* отъ Бога Августину пришлось столкнуться съ Оригеномъ, который воспользовался этимъ представленіемъ для объясненія *разнообразія* видимаго міра и впалъ въ своего рода маникейство. По его ученію разнообразіе міровыхъ явленій обуславливалось тѣмъ, что души, сотворенныя Богомъ и затѣмъ отпадавшія отъ него, удалялись на меньшее или большее разстояніе, и соответственно этому удаленію, т.-е. степени своего грѣха, въ наказаніе облекались, какъ бы плѣвившей ихъ плотью различной плотности. Августинъ возражаетъ, что еслибы это было такъ, демоны, — „уже которыхъ ничего нѣтъ“, должны бы быть облечены самой тяжелой плотью, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Примѣръ Оригена показываетъ, какъ соблазнительны были въ эпоху паденія язычества даже для христіанъ космогоническія теоріи, объяснявшія происхожденіе міра, такъ сказать, *эволюціонно*, или самопроизвольно — то посредствомъ прогрессивнаго отпаденія отъ абсолютнаго начала и постепеннаго воплощенія, то посредствомъ захвата матеріей частицъ свѣтлаго начала. Борьба противъ этихъ мнѣній было бы тѣмъ болѣе затруднительно, что они находили поддержку, при извѣстномъ толкованіи, въ самомъ Священномъ Писаніи. Августинъ самъ указываетъ на то, что антагонизмъ между двумя общинами (*societates*) ангеловъ, добрыхъ и злыхъ, выраженъ въ книгѣ Бытія понятіями *света* и *мрака*, и приводитъ слова апостола Петра, что Господь не пощадилъ грѣшныхъ ангеловъ, но ввергнулъ ихъ въ темницу преисподняго мрака. Тѣмъ болѣе важно было для Августина утвердить въ хаосѣ мнѣній о происхожденіи видимаго міра доктрину о сотвореніи міра волею единаго Бога и о Провидѣніи, управляющемъ міромъ, ибо на этой основѣ виждилось ученіе объ искупленіи.

Теоріи „философовъ“ о происхожденіи міра или, какъ выражается Августинъ, „*контроверсы* о началѣ вещей“, смущали его еще и потому, что имѣли непосредственное примѣненіе къ человѣку. „Если міру не было *начала*, то и человѣкъ *всегда* существовалъ“... Такъ дѣйствительно думали многіе философы, и Августинъ приводитъ слова Апулея: „Индивидуально люди смертны, въ совокупности же, въ цѣломъ родѣ—вѣчны“. Иные, правда, допускали, что міръ не вѣченъ. Но одни изъ нихъ полагали, что міръ не одинъ, а что существуетъ безчисленное количество міровъ; другіе же, — что міръ хотя и одинъ, но безпрестанно то

возникаетъ, то гибнетъ по истеченіи извѣстныхъ періодовъ времени.

То же самое они предполагали относительно человѣка и человѣчества. Напрасно имъ возражали, — говоритъ Августинъ, — что еслибы человѣчество всегда существовало, то какимъ образомъ исторія могла бы повѣствовать о томъ, кто были первые изобрѣтатели, и что они изобрѣли; кто были первые наставники людей въ наукахъ и искусствахъ; кѣмъ была впервые заселена та или другая страна, тотъ или другой островъ?.. Они на это отвѣчали, что потопаы и вулканическія изверженія отъ времени до времени опустошаютъ большую часть земли и сводятъ почти до нуля человѣчество, которое потомъ снова размножается. Они утверждаютъ, — замѣчаетъ Августинъ о приверженцахъ этого мнѣнія, — то, что думаютъ, а не то, что знаютъ.

Покончивъ съ этими противниками, Августинъ обращается противъ тѣхъ, кто, допуская, что человѣкъ былъ сотворенъ Богомъ, однако удивляются, почему это случилось такъ поздно. Августинъ на это возражаетъ, что сравнительно съ вѣчностью самый длинный періодъ вѣковъ покажется ничтожнымъ. Поэтому, еслибы считать не пять или шесть тысячъ лѣтъ отъ сотворенія міра, а шестьдесятъ тысячъ или шестьсотъ тысячъ лѣтъ или шесть милліоновъ или все далѣе и далѣе, умножая это число до тѣхъ поръ, когда не хватитъ и названій для чиселъ, то и тогда можно было бы спросить, почему же Господь сотворилъ человѣка не раньше?

Оставалось еще одно возраженіе, на этотъ разъ не отвлеченное, а фактическое, основанное на одномъ историческомъ документѣ. Августинъ упоминаетъ о (мнимомъ) письмѣ Александра Македонскаго къ его матери Олимпіадѣ, въ которомъ приводится историческая справка о продолжительности монархій, сообщенная какимъ-то египетскимъ жрецомъ и почерпнутая имъ изъ „священныхъ“ книгъ. По письму Александра продолжительность Вавилоно-Ассирійскаго царства опредѣлялась въ 5.000 лѣтъ слишкомъ; продолжительность Персидскаго и Македонскаго царствъ до дней Александра — въ 8.000 лѣтъ слишкомъ. Сопоставляя эти цифры съ хронологіей греческихъ историковъ, полагавшихъ, что отъ царствованія Бела до конца Вавилонскаго царства прошло лишь около 1.300 лѣтъ, Македонское же царство до смерти Александра существовало лишь 485 лѣтъ, а Персидское 233, — Августинъ указываетъ на несообразность цифръ, приводимыхъ египетскимъ жрецомъ. Даже еслибы принять въ расчетъ то, что у египтянъ когда-то годъ продолжался лишь четыре мѣсяца, и потому втрое уменьшить цифры египетскаго жреца, то и тогда

египетское лѣтончисленіе не совпадетъ съ греческимъ. Августинъ признаетъ послѣднее болѣе заслуживающимъ довѣрія, такъ какъ оно не превышаетъ количества лѣтъ, показанныхъ въ книгахъ, на *самомъ дѣлѣ* „священныхъ“ — и приходитъ къ выводу, что если знаменитое письмо Александра Великаго такъ мало согласно съ истинной хронологіей, то тѣмъ менѣе слѣдуетъ придавать вѣры другимъ повѣствованіямъ, исполненнымъ предположеній о баснословной древности.

II.

Такъ въ постоянной борьбѣ съ противными мнѣніями устанавливаетъ Августинъ начало исторіи человѣчества. Съ этого момента открывается новый періодъ въ исторіи Божьяго царства. Августинъ спѣшитъ, однако, предупредить своихъ читателей, что это начинается не новое царство, а продолжается прежнее; что не *четыре* царства слѣдуетъ признавать — два для ангеловъ и два для людей — а всего два царства, обнимающія каждое и ангеловъ, и людей, т. е. праведныхъ и злыхъ.

Какъ началомъ раздвоенія царствъ послужило отпаденіе ангеловъ отъ Бога, такъ это раздвоеніе имѣло своимъ продолженіемъ грѣхопаденіе человѣка. Августинъ, конечно, очень долго останавливается на этомъ для его задачи основномъ фактѣ. Онъ разсматриваетъ прежде всего послѣдствія грѣхопаденія и посвящаетъ этому вопросу цѣлую книгу — пятнадцатую. „Послѣдствіемъ грѣхопаденія была смерть; ибо Господь создалъ людей иначе, чѣмъ ангеловъ; карою послѣднихъ за отпаденіе отъ Бога была не смерть, а лишь справедливое проклятіе; людей же въ наказаніе постигла смерть. Душа человѣка, правда, безсмертна, однако и она претерпѣваетъ въ извѣстномъ смыслѣ смерть. Она считается безсмертной, потому что не перестаетъ жить и чувствовать; въ этомъ отношеніи она отличается отъ тѣла, которое называется смертнымъ, потому что можетъ лишиться всякой жизни и само по себѣ не можетъ жить. Смерть тѣла наступаетъ, когда его покидаетъ душа, а смерть души — когда ее покидаетъ Господь. Такимъ образомъ, полная смерть человѣка наступаетъ тогда, когда душа, повинутая Богомъ, покидаетъ тѣло“.

Въ разсужденіяхъ Августина о смерти тѣлесной и о второй смерти — гибели души — играетъ не малую роль диалектика съ ея антитезами. Но есть въ этой диалектикѣ мѣстами и своего рода лирика, какую любилъ средневѣковой аскетизмъ. Особенно вы-

дается въ этомъ отношеніи десятая глава на тему, не слѣдуетъ ли жизнь человѣка скорѣе почитать за смерть, чѣмъ за жизнь—ибо „всякое мгновеніе жизни укорачиваетъ срокъ жизни, такъ что вообще все время жизни—не что иное, какъ погоня за смертью, погоня, во время которой никто не воленъ хотя бы на мигъ остановиться или нѣсколько замедлить движеніе, — всѣ принуждены идти одинаково быстро“. Эти обстоятельныя разсужденія Августина о смерти знаменуютъ собою наступленіе новаго міровоззрѣнія и могутъ быть названы панихидой по падшемъ язычествѣ, которое было обоготвореніемъ жизни, жизненныхъ силъ и явленій физической жизни. Августинъ отводитъ немного мѣста самому разсказу о грѣхопадении и мало касается роли искуителя и первой женщины—излюбленныхъ темъ, вызывавшихъ столько декламацийъ въ средніе вѣка. Его главная цѣль—доказать, что грѣхопаденіе заключалось въ неповиновеніи Богу; это неповиновеніе было актомъ воли перваго человѣка и вполне лежитъ на его отвѣтственности. Поэтому Августинъ такъ подробно полемизируетъ противъ мнѣнія платониковъ, по его словамъ, хотя и менѣе ошибочнаго, чѣмъ ученіе манихеевъ, но все-же ложнаго, такъ какъ они видятъ въ плоти причину всѣхъ пороковъ. Августинъ возражаетъ имъ, что обвинять плоть во всѣхъ грѣхахъ и порокахъ есть обида Творцу, который и плоть сотворилъ благою.

Не плоть обусловила собою грѣхопаденіе, а грѣхопаденіе извратило плоть и сдѣлало ее порочною вслѣдствіе того, что воля человѣка, не повинаясь Творцу, утратила надъ нею власть. Августинъ проводитъ эту мысль съ чрезмѣрной подробностью, оправданія которой нужно искать въ африканской обстановкѣ писателя, въ культѣ небесной богини Кароагена и въ юродствѣ севты винниковъ, обличаемыхъ Августиномъ въ этой же книгѣ.

Посвятивъ четыре книги *возникновенію* Божьяго царства или тому, что можно было бы назвать трансцендентальной исторіей его, и „достаточно обсудивши великіе и труднѣйшіе вопросы“ о началѣ міра, о душѣ и о родѣ человѣческомъ, Августинъ приступаетъ къ исторіи Божьяго царства на *землѣ*. Оно началось съ той поры, когда стали родиться и умирать люди. Съ самаго возникновенія его, бывали люди двухъ родовъ, живущіе по-мірски и живущіе по-божески; отсюда и двѣ общины людскія, которыя аллегорически называются „градами“: одна—предназначенная вѣчно царствовать съ Богомъ, другая—подлежащая вѣчной карѣ совместно съ дьяволомъ. Родоначальниками этихъ двухъ царствъ были Каинъ, представитель мірскаго царства, и Авель, предста-

витель божескаго царства. Августинъ придаетъ немалое значеніе тому, что старшій изъ нихъ былъ гражданинъ міра сего, а за нимъ слѣдовалъ *скиталецъ въ міръ* и, по Божьей милости, гражданинъ Божьяго царства. Иначе не могло и быть, какъ по словамъ апостола (1 Кор. 15, 46), такъ и потому, что человекъ вообще, происходя отъ падшей породы, прежде всего проявляетъ собою злое и плотское начало и лишь затѣмъ, возрождаясь во Христѣ къ новой жизни, можетъ стать добрымъ и духовнымъ существомъ. О Каинѣ сказано въ Писаніи, что онъ основалъ *градъ*; Авель же, какъ скиталецъ, града не основалъ, ибо градъ святыхъ находится на небѣ, хотя рождаются граждане, въ которыхъ онъ проявляется на землѣ, пока не наступитъ время его полного владычества. Вотъ этотъ-то первый градостроитель на землѣ былъ братоубійца и изъ зависти умертвилъ своего брата, гражданина вѣчнаго царства и скитальца на землѣ. Неудивительно, — восклицаетъ Августинъ, — что по этому образцу или, какъ выражаются греки, прототипу, возникъ много позднѣе тотъ городъ, который сталъ столицей земного царства и владыкой надъ многими народами. И въ этомъ городѣ, по словамъ поэта (Лукана), „первыя стѣны оросились братскою кровью“, съ той лишь разницей, что и Ремъ и Ромулъ были оба граждане земного царства. Оба они искали *своей* славы въ основаніи Рима и оба они считали возможнымъ обладать Римомъ не иначе, какъ единолично; ибо, ища власти изъ тщеславія, они видѣли въ сотовариществѣ умаленіе ея. Причиной же вражды Каина къ Авелю было не властолюбіе, ибо Авель не искалъ власти въ городѣ, построенномъ братомъ, а та дьявольская зависть, въ силу которой злые завидуютъ добрымъ — не почему-либо иному, какъ только потому, что тѣ добры — а они злы. Поэтому ссора между Ромуломъ и Ремомъ есть символъ того, какъ возникаютъ междоусобія въ земномъ царствѣ; исторія же Каина и Авеля показываетъ, какая существуетъ вражда между царствомъ земнымъ и царствомъ Божіимъ. И такъ враждуютъ между собой злые; бываеъ вражда и между злыми и добрыми, но вражды между добрыми не можетъ быть, если они совершенны. Указывая на различіе между Каиномъ и Ромуломъ относительно побужденія къ братоубійству, Августинъ не отмѣчаетъ между обоими разсказами аналогіи, заключающейся въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ поводомъ было предпочтеніе, оказанное одному брату божествомъ; одинъ былъ ему угоднѣе, чѣмъ другой. Все вниманіе Августина поглощено затрудненіями, какія представляло истолкованіе текста: „на Каина и на даръ его Господь не призрѣлъ“. Много объ-

ясней, — говоритъ Августинъ, — породилъ темный смыслъ этихъ словъ; и онъ самъ признается, что не легко установить, почему именно Каинъ былъ негоденъ Господу. Указывая затѣмъ на то, что и слова, обращенныя Иеговой къ Каину, не предотвратили его отъ замышленнаго имъ убійства, — Августинъ отмѣчаетъ упрямство Каина. Въ этомъ отношеніи онъ является не только прототипомъ основателя Рима, но „обозначаетъ собою“ и евреевъ, умертвившихъ Христа, пастыря человѣческаго стада, предвѣстникомъ котораго былъ Авель, пастырь овецъ, — какъ это подробнѣе выяснилъ Августинъ въ своей полемикѣ съ манихеемъ Фаустомъ.

III.

Этимъ знаменательнымъ фактомъ — братоубійствомъ основателя перваго города — и исчерпывается собственно исторія Божескаго царства въ первомъ его періодѣ, который заканчивается потопомъ. Между тѣмъ пятнадцатая книга — одна изъ самыхъ длинныхъ; это объясняется тѣмъ, что она наполнена различными отступленіями, которыя приходилось дѣлать Августину, то для объясненія трудныхъ мѣстъ въ книгѣ Бытія, то для устранения различныхъ затрудненій въ повѣствованіи, вслѣдствіе неправдоподобныхъ въ немъ фактовъ или противорѣчій. Уже по поводу построенія города Каиномъ Августинъ восклицаетъ, что теперь ему приходится защищать исторію, чтобы не показалось незаслуживающимъ довѣрія „Писаніе“, повѣствующее о построеніи города въ эпоху, когда на свѣтѣ было всего только четыре человѣка, а по убіеніи Авеля — только три. Августинъ отвѣчаетъ критикамъ, что Писаніе перечисляетъ не всѣхъ народившихся отъ Адама людей, а называетъ только нѣкоторыхъ для обозначенія поколѣній и установленія родословной связи между Авраамомъ и прародителемъ людей. Рѣшительно высказываясь противъ раціоналистическаго пріема сокращать цифры, приводимыя библіей, на основаніи предположенія, что въ древности годъ былъ на десять разъ короче, и доказывая, что даже съ помощью такого сокращенія нельзя обойти затрудненій, Августинъ признаетъ долговѣчность первыхъ людей. Самая эта долговѣчность людей до потопа служитъ Августину для объясненія упомянутаго факта о построеніи города. Точно также отстаиваетъ онъ правдивость разсказа о громадномъ ростѣ и силѣ тогдашнихъ людей. Августинъ ссылается по этому случаю не только на Виргилія и Плинія Младшаго, но и о себѣ разсказываетъ, что онъ, и съ

нимъ другіе видѣли на берегу моря близъ Утнки человѣческой зубъ, изъ котораго можно было бы сдѣлать сотню современныхъ. Болѣе, чѣмъ долговѣчность людей, затрудняютъ Августина хронологическія противорѣчія между еврейскимъ текстомъ Ветхаго Завета и греческимъ у 70-ти толковниковъ. Стараясь согласить такія противорѣчія, Августинъ высказываетъ положеніе, что тамъ, гдѣ это невозможно, слѣдуетъ держаться оригинальнаго текста, съ котораго сдѣланъ переводъ. Видно, что въ затруднительныхъ вопросахъ Августинъ для разрѣшенія ихъ изучалъ и сличалъ многочисленныя рукописи. Такъ поступилъ онъ въ вопросѣ о лѣтахъ Маеусаила: по одной хронологіи, Маеусаилъ на 14 лѣтъ пережилъ потопъ, что противорѣчило извѣстію о гибели всѣхъ людей, кромѣ семьи Ноя. Августинъ по этому случаю сообщаетъ, что въ трехъ греческихъ рукописяхъ, въ одной латинской и даже одной сирійской, согласно показано, что Маеусаилъ умеръ за шесть лѣтъ до потопа. Многихъ смущали извѣстія, что у патриарховъ первые сыновья рождались въ очень преклонномъ возрастѣ: Августинъ возражаетъ критикамъ, что въ этихъ случаяхъ упомянуты не *первые* сыновья, а тѣ, чрезъ которыхъ родословная связь нисходила до Ноя. Не смущаетъ Августина и то, что сестры въ первое время выходили замужъ за братьевъ; это только содѣйствовало, по его словамъ, скрѣпленію семейной связи: но то, что въ первое время было вызвано необходимостью, стало потомъ тѣмъ болѣе предосудительно, что было воспрещено религиознымъ закономъ.

Гораздо болѣе затрудняетъ Августина повѣствованіе Книги Бытія о томъ, что ангелы Божіи, узрѣвши красоту дочерей людскихъ, брали ихъ себѣ въ жены. Размышленія Августина по поводу этого текста показываютъ, до какой степени христіанскіе учителя находились подъ вліяніемъ взглядовъ и вѣрованій языческаго общества, противъ которыхъ они боролись. Они обнаруживаютъ также, какъ много было въ Августинѣ искренности, той искренности, которая есть зачатокъ объективности, а затѣмъ и критики въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Такъ какъ ангелы—*духи* (Пс. 103, 4), то Августинъ ставитъ вопросъ, который можно назвать роковымъ,—настолько были ужасны выводы, которые изъ него дѣлали въ средніе вѣка, —могутъ ли духи имѣть общеніе съ женщинами? Августинъ ссылается по этому поводу на общепринятую молву о Сильванахъ и Панахъ и на извѣстія о демонахъ, которыхъ галлы называютъ Дузіями, —сообщаемая „такими авторитетами, что отрицать это казалось бы безстыдствомъ“. Въ виду всего этого Августинъ не рѣшается ска-

затѣ по этому вопросу что-либо опредѣленное, но во всякомъ случаѣ отрицаетъ, чтобы ангелы Божіи могли такъ низко пасть, и ссылается на Священное Писаніе, устанавливающее безъ всякой двусмысленности, что это были не ангелы, а люди. Чтобы подтвердить это мнѣніе, Августинъ прибѣгаетъ къ критикѣ текстовъ, ссылается на ученаго Аввилу, котораго евреи ставятъ выше всѣхъ истолкователей, и въ особенности на 70 толковниковъ, называющихъ въ данномъ случаѣ ангеловъ Божіихъ — *сынами* Божіими. При этомъ Августинъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: отдавъ раньше предпочтеніе еврейскому тексту передъ греческимъ, онъ здѣсь говоритъ: „по справедливости, семидесяти толковникамъ приписывается пророческій даръ, такъ что если они въ силу его авторитета что-либо измѣнили или иначе выразили, то это должно считаться божественнымъ откровеніемъ“.

Бракомъ съ дочерями людскими сыны Божіи впади въ обычай земного царства; карою за это былъ потопъ, отъ котораго погибли всѣ люди, кромѣ восьми. По вопросу о потопѣ Августинъ высказывается противъ тѣхъ, кто видитъ въ немъ одинъ лишь историческій фактъ, не придавая ему аллегорическаго значенія; точно также Августинъ осуждаетъ и тѣхъ, кто, отрицая фактическую его подкладку, видитъ въ повѣствованіи о потопѣ одинъ лишь аллегорическій смыслъ. Поэтому Августинъ съ своей стороны тщательно устраняетъ всѣ недоумѣнія, которыя могъ бы возбудить рассказъ о ковчегѣ Ноя и о пребываніи въ немъ представителей всѣхъ породъ животнаго царства, кромѣ водяныхъ. Въ аллегорическомъ смыслѣ ковчегъ Ноя знаменуетъ для Августина не только церковь, но и царство Божіе. Такимъ образомъ, Августинъ въ данномъ случаѣ приходитъ къ непосредственному *отождествленію* обоихъ этихъ понятій, которыя не вездѣ у него совпадаютъ: „Ковчегъ, — говоритъ онъ, — есть несомнѣнно образъ скитающагося въ этомъ мірѣ царства Божія, то-есть *церкви*, спасаемой древомъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ“. Для установленія этой аналогіи Августинъ находитъ нужнымъ войти въ разсмотрѣніе размѣровъ ковчега и соотвѣтствія между ними и частями человѣческаго тѣла, какъ онъ уже это сдѣлалъ въ полемикѣ съ манихеемъ Фаустомъ. „Можетъ быть, — заключаетъ Августинъ свои размышленія, — что-нибудь объяснить это лучше насъ, пусть только все имъ сказанное относилось бы къ царству Божію, которое носится въ этомъ мірѣ, полномъ зла, какъ на волнахъ потопа“.

IV.

Съ потопа начинается новая жизнь въ мірѣ, и потому возникаетъ и для Августина рядъ новыхъ проблемъ о „началѣ вещей“. Всѣ ли животныя произошли отъ тѣхъ, которыя обрѣтались въ Ноевомъ ковчегѣ, даже и тѣ, которыя находятся на отдаленнѣйшихъ отъ материка островахъ? а нѣкоторые изъ этихъ острововъ такъ далеки, что звѣри не могли бы туда переплыть. Конечно, люди могли перенести ихъ съ собою для цѣлей охоты; могли это сдѣлать и ангелы по повелѣнію Божию. Но если они произошли отъ животныхъ, произведенныхъ землею при сотвореніи міра согласно повелѣнію Божию (Б. I, 24), то въ такомъ случаѣ, — восклицаетъ Августинъ, — стало бы еще яснѣе, что въ ковчегѣ были собраны всѣ породы звѣрей не столько для восстановления ихъ послѣ потопа, сколько для представленія въ образѣ ковчега — церкви, включающей въ себѣ разныя породы людей. Это мѣсто весьма замѣчательно потому, что въ немъ особенно ярко обнаруживается, насколько преобладало для Августина пророческое и аллегорическое значеніе Ветхаго Заветъа, — служившее главнымъ свидѣтельствомъ въ пользу божественности Христа, надъ фактическимъ или историческимъ его значеніемъ.

Такой же вопросъ возникаетъ относительно людей: всѣ ли породы людскія, не исключая и самыхъ уродливыхъ, происходятъ отъ одного праотца? Баснословные рассказы древности о чудовищныхъ народахъ дѣлали этотъ вопросъ въ вѣкъ Августина весьма затруднительнымъ. Августинъ упоминаетъ, напр., о народахъ, у которыхъ только одинъ глазъ среди лба, о такихъ, у которыхъ ступни обращены назадъ; о народѣ двуполомъ, о народѣ, не имѣющемъ рта и живущемъ только воздухомъ, вдыхаемымъ черезъ носъ, о народѣ пигмеевъ, ростомъ въ локоть, о людяхъ, которые пяти лѣтъ женятся, а восьми умираютъ. „Что сказать, наконецъ, — восклицаетъ Августинъ, — о Скиподахъ, названныхъ такъ потому, что они навзничъ лежатъ на берегу моря, поднявши ноги и закрываясь ими отъ солнца; о людяхъ, у которыхъ глаза на плечахъ и т. п., изображенныхъ на мозаической картинѣ на морской улицѣ Каррагена. Августинъ предостерегаетъ, что нѣтъ надобности вѣрить въ существованіе всѣхъ народовъ, о которыхъ идетъ молва, но никто изъ вѣрующихъ не усомнится, что всякій человекъ, т.-е. существо, одаренное разумомъ и смертное, ведетъ свое начало отъ перваго сотвореннаго человека (protoplasto). Что же касается до уродливыхъ

народовъ, то ихъ существованіе не представляетъ—по мнѣнію Августина—большей загадки, чѣмъ появленіе отдѣльныхъ уро-довъ, рождающихся по волѣ Божіей и среди нормальныхъ лю-дей. Итакъ,—осторожно заключаетъ Августинъ свое рассу-жденіе:—„или то, что пишутъ о нѣкоторыхъ народахъ—ложь; или же если это правда, то это не люди, а если люди, то они происходятъ отъ Адама“.

Подъ это первое положеніе Августинъ подводитъ извѣстія объ антиподахъ, считая невозможнымъ, чтобы люди могли пе-реплыть океанъ и по ту сторону его продолжать потомство Адама. Къ тому же объ этихъ антиподахъ нѣтъ никакихъ свѣ-дѣній (*historica cognitio*), и это лишь одна догадка, основанная на отвлеченномъ разсужденіи.

Но кромѣ такихъ случайно возникавшихъ и требовавшихъ разрѣшенія проблемъ, главная задача, которую принялъ на себя Августинъ—исторія царства Божія,—очень затруднялась самымъ методомъ, которому слѣдовалъ историкъ. Въ чемъ заключался этотъ методъ, показываютъ намъ слѣдующія слова Августина. „Мы вникаемъ въ тайны Священнаго Писанія, насколько въ со-стояніи это сдѣлать—одинъ болѣе, другой менѣе удачно,—од-нако, искренно считая несомнѣннымъ, что все, что совершилось или занесено въ Писаніе, имѣетъ пророческій смыслъ и должно быть отнесено къ Христу и его церкви, представляющей царство Божіе“. Ибо,—поясняетъ Августинъ далѣе,—если въ Писаніи что-либо сказано о людяхъ, не состоящихъ гражданами небеснаго царства, то это сказано для того, чтобы изъ сравненія или про-тивоположенія оно послужило на пользу или къ выясненію этого царства. Такимъ образомъ, Августинъ былъ принужденъ искать рѣшительно во всѣхъ лицахъ и фактахъ, упоминаемыхъ въ Вет-хомъ Завѣтѣ, отношеніе къ небесному царству, что конечно, во-влекало его въ натяжки. Но даже и при натяжкахъ это не всегда оказывалось возможнымъ, что и побудило Августина сдѣ-лать слѣдующую оговорку: „Конечно не все, о чемъ повѣствуется въ Писаніи, обозначаетъ что-нибудь по отношенію къ Божьему царству; но ради того, что имѣетъ такое значеніе, идетъ рѣчь и о томъ, что его не имѣетъ“... Августинъ поясняетъ это срав-неніемъ: однимъ только остриемъ плуга взрывается земля; но для того, чтобы это можно было сдѣлать, необходимы и другія части плуга.

Обратимся теперь къ исторіи Божьяго царства послѣ потопа. Во время потопа оно представлялось семьей Ноя; но послѣ этого становится труднымъ отыскать слѣды его и на основаніи ясныхъ

словъ Священнаго Писанія рѣшить, „продолжалось ли оно непрерывно, или было прервано нечестіемъ наступившихъ тогда временъ. Трудно это потому, что послѣ Ноя въ каноническихъ книгахъ вплоть до Авраама божественное Писаніе не называетъ ни одного праведника. Построеніе вавилонской башни указываетъ на сильный ростъ земного царства. Но башня была сокрушена, челоѳъчество разсѣяно; вмѣсто одного языка—еврейскаго—явились 72 языка и 72 народа. Августинъ замѣчаетъ при этомъ, что впоследствии число народовъ значительно умножилось противъ числа языковъ. „Мы сами,—говоритъ онъ,—знаемъ въ Африкѣ нѣсколько варварскихъ народовъ, говорящихъ на одномъ языкѣ“. Исторія Божьяго царства снова выступаетъ въ лицѣ патріарха Авраама и яснѣе становятся съ тѣхъ поръ божественныя обѣщанія, „нынѣ исполнены во Христѣ“.

Подробно поэтому объясняются Августиномъ всѣ событія жизни Авраама, въ особенности рожденіе Исаака, сына не по естеству, а по благодати. Отношенія къ Агари служатъ къ прославленію Авраама; болѣе затрудненій находить Августинъ въ указаніи пророческаго смысла въ бракѣ Авраама, по смерти Сары, съ Хеттурой. Къ чему этотъ бракъ, когда Господь уже обѣщаль умножить потомство Исаака подобно звѣздамъ небеснымъ и песку морскому? Но если, по указанію апостола Павла, Агарь и Измаилъ представляютъ собою жившихъ плотью людей Вѣтхаго Завѣта, то не обозначаетъ ли Хеттура съ ея потомствомъ живущихъ плотью подъ знаменіемъ Новаго Завѣта?

Кратко касается Августинъ исторіи Исаака и Иакова,—пущая въ ходъ всю свою діалектику для оправданія послѣдняго отъ упрека въ многоженствѣ.

Въ одной, небольшой главѣ, даетъ онъ сжатый обзоръ исторіи евреевъ отъ смерти Иакова до царя Давида.

V.

Воцареніе Давида является переломомъ въ исторіи Божьяго царства; Августинъ видитъ въ этомъ событіи указаніе на предстоящую смѣну Вѣтхаго Завѣта Новымъ и замѣну прежняго жречества новымъ іереемъ—онъ же и царь—Иисусомъ Христомъ. Начинающаяся съ Давида новая книга (семнадцатая) доводитъ исторію Божескаго царства до рожденія Христа. На самомъ дѣлѣ, однако, объ этой исторіи очень мало сказано: Августинъ лишь вскользь касается историческихъ судебъ еврейскихъ царей

и самъ находить нужнымъ оправдаться въ этомъ. Весь историческій періодъ отъ начала пророчествъ Самуила до плѣненія израильскаго народа въ Вавилонъ и возвращенія его, по истеченіи 70-ти лѣтъ, Августинъ называетъ эпохой пророковъ, оговариваясь, что хотя и раньше этого Ной и нѣкоторые другіе могутъ считаться пророками, а Авраамъ и Моисей прямо такъ и называются въ Писаніи, однако „дни пророчества“ преимущественно относятся ко времени Самуила и слѣдующихъ за нимъ пророковъ. Изложить все, что пророки предсказывали о Христѣ, Августинъ признаетъ для себя задачей необъятной въ его глазахъ; даже событія царской эпохи столько же относятся къ будущему, сколько къ прошлому, т.-е. имѣютъ столько же пророческаго, сколько историческаго значенія, и для указанія этого пророческаго смысла понадобились бы цѣлыя томы; непосредственныхъ же пророчествъ о Христѣ и о царствѣ небесномъ такъ много, что изслѣдованіе ихъ выступило бы изъ предѣловъ предпринятаго труда. Поэтому Августинъ намѣревается писать о пророчествахъ такъ, чтобы не сказать лишняго и не опустить нужнаго.

Приступая къ изложенію пророчествъ, Августинъ устанавливаетъ самый методъ для выясненія ихъ. Изреченія пророковъ тройкія (tripertita): одни относятся къ земному Іерусалиму, другія къ небесному, третьи—къ тому и другому. Въ примѣръ перваго рода Августинъ приводитъ угрозы Наавана, посланнаго къ Давиду, чтобы обличить его въ тяжкомъ грѣхѣ и предсказать дурныя послѣдствія его поступка. Кому не ясно,—воскликаетъ Августинъ,—что все это относится къ земному царству. Съ другой стороны, слова: „Вотъ наступаютъ дни, когда я заключу съ домою Израиля и съ домою Іуды новый завѣтъ“, очевидно имѣютъ въ виду горній Іерусалимъ, наградой котораго будетъ самъ Господь. Оба же Іерусалима подразумѣваются, когда Іерусалимъ называется Божіимъ царствомъ и ему пророчится, что въ немъ будетъ стоять домъ Божій. Такое пророчество имѣетъ двоякое значеніе: историческое и аллегорическое; оно осуществилось въ исторіи земнаго Іерусалима, когда Соломонъ построилъ свой знаменитый храмъ,—и оно же представляетъ собою образъ (figura) небеснаго Іерусалима. Такія двойныя или смѣшанныя пророчества въ каноническихъ книгахъ имѣютъ, по словамъ Августина, большую важность и много занимали и занимаютъ умы изслѣдователей. Это привело многихъ,—поясняетъ Августинъ,—къ убѣжденію, что въ священныя книги нѣтъ ни одного слова и ни одного факта, которые бы не имѣли аллегорическаго зна-

ченія для горняго царства Божьяго и его сыновъ, скитающихся въ этомъ мірѣ.

Но если бы это было такъ, то изреченія пророковъ и все прочее содержаніе священныхъ книгъ имѣли бы лишь двойное, а не тройное значеніе, и ничто не относилось бы къ земному Іерусалиму. Августинъ признаетъ такое убѣжденіе большой ошибкой и большой опрометчивостью, причѣмъ онъ оговаривается, что этимъ отнюдь не желаетъ осуждать тѣхъ, которымъ удалось бы изъ историческаго факта добыть духовный смыслъ, лишь бы они не искажали при этомъ первоначальной исторической правды.

Этой программѣ Августинъ и слѣдуетъ въ семнадцатой книгѣ, почти не останавливаясь на историческихъ фактахъ, за исключеніемъ расторгенія Соломонова царства и нѣсколькихъ замѣчаній о дальнѣйшихъ царяхъ въ Іудеѣ и Израилѣ—и посвящая всю книгу истолкованію пророчествъ и отдѣльныхъ текстовъ изъ псалмовъ.

Такъ доводитъ Августинъ свое сочиненіе до самой интересной части его — восемнадцатой книги. Посвятивъ предшествовавшія три книги исключительно исторіи царства Божьяго, „какъ будто оно одно существовало въ мірѣ“, Августинъ обращается къ царству земному, чтобы въ краткомъ очеркѣ прослѣдить его судьбу. Августинъ считаетъ пужнымъ мотивировать свою программу желаніемъ какъ можно явственнѣе выставить общанія Господни относительно Христа, не прерывая разсказа указаніями на противоположное царство, существовавшее одновременно съ небеснымъ. Теперь онъ возвращается назадъ для восполненія пробѣла и ставитъ себѣ задачей прослѣдить со временъ Авраама исторію царства земного въ параллель съ царствомъ Божиимъ для того, чтобы читатели могли то и другое сравнить.

Если предшествующая часть имѣла въ свое время капитальное значеніе для христіанскаго богословія, которое должно было доказать языческимъ ученымъ и философамъ, что христіанство — не новый толкъ, а испованъ вѣка общанная Богомъ для спасенія человѣка истина, то современный читатель найдетъ болѣе пищи для своей любознательности въ восемнадцатой книгѣ: онъ увидитъ здѣсь первую знаменательную попытку сочетать въ одно языческую или гражданскую исторію съ еврейской или священной, сочетать ихъ не простымъ хронологическимъ сдѣвленіемъ, а посредствомъ глубокаго религіознаго синтеза, который вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ много интереснаго матеріала для языческой культуры, почерпнутаго Августиномъ преимущественно у знаменитаго римскаго археолога и энциклопедиста — Варрона.

Августинъ даетъ намъ прежде, всего свою теорію о происхожденіи человѣческихъ обществъ. Такія общества возникали въ различныхъ мѣстахъ, но такъ какъ природа человѣка одна и та же, то и возникновеніе общества вездѣ тождественно. Вездѣ люди ищутъ своей пользы и удовлетворенія своихъ страстей; а такъ какъ то, къ чему они стремятся, нивого или не всѣхъ удовлетворяетъ, то происходятъ междоусобія, и болѣе сильныя одолеваятъ слабѣйшихъ. Побѣжденные же подчиняются побѣдителямъ, такъ какъ предпочитаютъ власти или даже свободѣ какой-бы то ни было миръ и свое спасеніе, такъ что тѣ, которые предпочитали гибель порабощенію, всегда служили предметомъ удивленія. Отсюда произошло, не безъ Божьяго промысла, ибо въ его власти и побѣда и пораженіе, что нѣкоторые захватывали власть, другіе подчинялись имъ. Такъ возникло нѣсколько царствъ. Но для Августина съ его дуалистическимъ представленіемъ о *двухъ* царствахъ—небесномъ и земномъ,—судьба всѣхъ царствъ на землѣ сливается въ исторію *одного* земного царства или *двухъ* „болѣе всѣхъ прочихъ прославившихся“—Ассиро-Вавилонскаго и Римскаго, изъ которыхъ одно составляетъ продолженіе другого, хотя одно было раньше, другое позднѣе, одно возникло на востокѣ, другое на западѣ, начало одного совпало съ паденіемъ другого. Остальныя царства Августинъ называетъ лишь придатками къ первому изъ нихъ. Такимъ образомъ все разнообразіе земныхъ царствъ сводится Августиномъ къ единству, къ исторіи царства земного, проявившагося на востокѣ въ царствѣ Ассиро-Вавилонскомъ и имѣвшаго затѣмъ на западѣ свое продолженіе въ царствѣ Римскомъ.

Такимъ придаткомъ Августинъ считаетъ Сикіонское царство, съ котораго ученѣйшій Варронъ ведетъ свою исторію римскаго народа, переходя отъ Сикіона къ Аѣниамъ, а оттуда къ латинянамъ, и затѣмъ къ Риму. Относительно Аѣинъ Августинъ согласенъ съ Саллюстіемъ, что хотя подвиги аѣинянъ значительны, однако не настолько, какъ они прославлены. Славѣ Аѣинъ содѣйствовали литература и философія, тамъ процвѣтавшія. Для Августина на первомъ планѣ стоитъ не маленькое Сикіонское царство, а обширное Ассирійское, охватившее, за исключеніемъ Индіи, всю Азію, обнимающую половину земного круга—до границъ Ливіи. Исторіи ассирійскихъ царей Августинъ считаетъ нужнымъ касаться для того, чтобы было видно отношеніе Вавилона—этого какъ бы *перваго* Рима—въ скитающемся на землѣ царству Божію. Матеріалъ же для сравненія обоихъ царствъ—земного и Божьяго—Августинъ заимствуетъ болѣе изъ исторіи

Греціи, лучше извѣстной римскимъ писателямъ, чѣмъ ассирійская, и изъ исторіи Рима.

Исходный пунктъ обоихъ царствъ—Вавилонскаго и Божьяго—по Августину совпадаетъ, такъ какъ Авраамъ родился въ Халдейской землѣ, при Нинѣ, преемникѣ перваго ассирійскаго царя, Бала. Отсюда вытекаетъ для Августина задача—провести хронологическую параллель между исторіей патріарховъ и исторіей земныхъ царствъ, установить, при какихъ царяхъ ассирійскихъ, сиціонскихъ, египетскихъ, жили Іаковъ, Іосифъ, Моисей и т. д. Составляя свое синхронистическое изложеніе языческой и священной исторіи, Августинъ пользуется Варрономъ для обличенія язычества и языческихъ боговъ, въ чемъ ему значительно помогаютъ наивныя мудрствованія античныхъ археологовъ и грамматиковъ. Интереснымъ примѣромъ ихъ толкованій можетъ послужить рассказъ Августина „объ аргивскомъ царѣ Аписѣ, котораго египтяне переименовали въ Сераписа, оказывая ему божескія почести“. Когда этотъ аргивскій царь, переѣхавши въ Египеть, тамъ умеръ, его положили въ саркофагъ, называемый по-гречески „загов“, и стали ему поклоняться. Изъ этихъ двухъ словъ: „загов“ и „Апис“, образовалось, измѣненіемъ одной буквы, какъ это бываетъ, имя Сераписа, ставшаго величайшимъ богомъ у египтянъ; издавшихъ законъ, воспрещавшій, подъ страхомъ смертной казни, говорить о немъ, что онъ когда-то былъ человѣкомъ. По этой же причинѣ въ храмахъ Изиды и Сераписа находится изображеніе, требующее молчанія наложеннымъ на уста пальцемъ.

Что же касается до быка Аписа, которому поклоняются египтяне, то его такъ называютъ потому, что его чтутъ живого—не въ саркофагѣ. По смерти такого Аписа, разыскиваютъ теленка съ такими же бѣлыми пятнами на лбу, и когда находятъ, то считаютъ это чудомъ. Но, по замѣчанію Августина, это не что иное, какъ обманъ демоновъ: не трудно имъ бываетъ внушить матери этого теленка соответствующее признакамъ Аписа видѣніе (*phantasma*).

Но не всѣ басни и миѣны, которые приходилось Августину приводить, слѣдуя Варрону, такъ легко объяснялись. Особенно смущали Августина рассказы о превращеніи людей въ животныхъ; напр., рассказъ о причисленіи къ богамъ Діомеда, не возвратившагося къ своимъ по разрушеніи Троя, и о превращеніи его воиновъ въ птицъ. Храмъ Діомеда находился на островѣ, близъ горы Гаргано, въ Апуліи; вокругъ него летали птицы, приносявшія въ храмъ воду и обрызгивавшія ею людей; когда

въ храму подходили греки или потомки грековъ, птицы ихъ встрѣчали ласково, а на чужихъ нападали и иногда до смерти забивали по головѣ своимъ большимъ и жесткимъ клювомъ.

Подобный фактъ превращенія Варронъ отмѣчаетъ и въ Аркадіи, гдѣ люди, по жребію на это обреченные, переходили черезъ какое-то болото и, по превращеніи тамъ въ волковъ, уходили жить съ подобными себѣ въ необитаемыя пространства; если при этомъ случалось, что они въ теченіе девяти лѣтъ не вкушали человѣческаго мяса, то они снова обращались въ людей. Варронъ даже называетъ нѣкоего Деменета, отвѣдаваго отъ мяса ребенка, котораго аркадійцы приносили въ жертву своему богу Ликею, и обратившагося затѣмъ въ волка. Десять лѣтъ спустя, этотъ Деменетъ получилъ свой прежній образъ и сдѣлался побѣдителемъ въ кулачномъ бою на олимпійскихъ играхъ. Варронъ даже самое прозвище Пана или Зевса Ликейскаго (волчяго) объясняетъ этимъ обращеніемъ людей въ волковъ.

Этотъ разговоръ Августинъ не рѣшался объяснять вымысломъ поэтовъ или языческихъ богослововъ. „Если мы скажемъ,—замѣчаетъ онъ,—что такимъ вещамъ не слѣдуетъ вѣрить, то и въ настоящее время найдутся люди, которые станутъ утверждать, что они о подобныхъ случаяхъ слышали отъ вѣрнѣйшихъ людей или сами на себѣ испытали“. Онъ и самъ слышалъ, „когда былъ въ Италіи“, что гдѣ-то въ этой странѣ есть женщины-скотницы, которыя посредствомъ кусочка сыра, когда вздумаютъ, превращаютъ прохожихъ въ вычухныхъ лошадей, а послѣ снова возвращаютъ ихъ къ людскому состоянію. Во время такого превращенія эти люди сохраняютъ человѣческое разумное сознаніе, какъ рассказываетъ о себѣ или выдумываетъ и Апулей о своемъ превращеніи въ осла.

„Что сказать,—воскликаетъ Августинъ,—о такомъ коварствѣ демоновъ? что сказать иное, какъ то, что надо бѣжать изъ предѣловъ Вавилона! Это пророческое слово надо понять въ томъ смыслѣ, что мы должны изъ царства этого міра, представляющаго общину нечестивыхъ ангеловъ и людей, искать убѣжища путемъ вѣры въ живого Бога“.

Однимъ призывомъ къ вѣрѣ Августинъ, впрочемъ, не ограничивается, но старается дать объясненіе своему разговору. Онъ предполагаетъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ обманъ демоновъ, оговариваясь, однако, что демоны не имѣютъ власти превращать человѣка въ животное, или замѣнить его тѣло звѣринимъ тѣломъ; они могутъ лишь наводить на людей призраки, которые, не будучи плотскими, могутъ, однако, облежаться въ тѣлесный

образъ во время сна или безчувствія человѣка. Этимъ объясняетъ онъ и рассказъ, слышанный имъ самимъ въ Италіи. Его объясненіе основано на свидѣтельствѣ нѣкоего Престанція, повѣдавшаго своему отцу, что, поѣвши отравленнаго сыра, онъ лежалъ у себя въ домѣ въ глубокомъ снѣ, изъ котораго его нельзя было пробудить, и въ это время видѣлъ во снѣ, что онъ, въ образѣ лошади, тащилъ на себѣ провіантъ, отправляемый въ Рецію тамошнему войску. „По справкѣ, все это (т.-е. отправленіе транспорта въ Рецію) оказалось вѣрнымъ“.

Кто-то другой рассказывалъ Августину, что однажды, ночью, передъ сномъ увидѣлъ пришедшаго къ нему хорошо знакомаго философа, который ему объяснилъ какой-то трудный вопросъ изъ философіи Платона, чего онъ прежде не хотѣлъ сдѣлать, несмотря ни на какія просьбы. Когда этого философа, затѣмъ, спросили, почему онъ сдѣлалъ въ чужомъ домѣ то, чего у себя не хотѣлъ объяснить, тотъ отвѣчалъ: „Я этого не дѣлалъ, но видѣлъ во снѣ, что сдѣлалъ“.

Августинъ прибавляетъ къ этому, что слышалъ это не отъ *кого-либо*, не заслуживающаго вѣры, а отъ такихъ людей, которыхъ онъ считаетъ неспособными его обмануть. Такимъ психическимъ обманомъ онъ считаетъ возможнымъ объяснить рассказъ о превращеніи людей въ волковъ демонами Аркадіи и о превращеніи Цирцеей товарищей Одиссея,—если, впрочемъ, это дѣйствительныя происшествія, — прибавляетъ онъ. Что же касается до птицъ, въ которыхъ обращены были товарищи Діомеда, порода которыхъ и теперь существуетъ, то тутъ, по мнѣнію Августина, не было никакого превращенія, ни дѣйствительнаго, ни мнимаго, а произошла *подстановка*, какъ при жертвоприношеніи Ифигеніи, когда на ея мѣстѣ оказалась лань. Товарищи Діомеда были загублены злыми демонами, а на ихъ мѣсто приведены птицы. А что эти птицы приносятъ въ храмъ воду и ласковы къ потомкамъ грековъ, этому нечего удивляться, такъ какъ это происходитъ по наущенію демоновъ, которые заинтересованы въ томъ, чтобы ввести въ заблужденіе людей и заставить ихъ вѣрить въ обожествленіе Діомеда.

Спасаясь, такимъ образомъ, изъ лабиринта языческихъ мифовъ и басенъ, Августинъ одновременно пробирается также по лабиринту, созданному древними хронографами для установленія времени царей и царствъ.

VI.

Такъ дошелъ Августинъ до основанія Рима, которому по волѣ Господа было суждено завоевать и замирить земной кругъ, объединивши его подъ общими законами и единой властью, на всемъ его пространствѣ. Сравнивая Римское царство съ предшествующимъ, Августинъ отдаетъ ему преимущество передъ ними, указывая, что если Ассирійское царство и завоевало почти всю Азію, то потому, что имѣло дѣло съ народами еще дикими и не такими храбрыми, какъ Римъ, который поэтому и не могъ совершить такъ быстро свои завоеванія и охватить Западъ и Востокъ.

Уваженіе, которымъ проникнуть въ данномъ случаѣ Августинъ къ римской державѣ, повидному отразилось и на его отношеніи къ Ромулу; онъ приводитъ здѣсь мнѣніе Цицерона о томъ, что обоготвореніе людей уже настолько вышло изъ обычая въ эпоху Ромула (если оно возобновилось во времена цезарей, прибавляетъ Августинъ, то это было слѣдствіемъ лести, а не заблужденія), что признаніе его богомъ свидѣлствуетъ о большихъ его достоинствахъ, ибо онъ получилъ божескія почести не во времена грубыя и невѣжественныя, а, по свидѣтельству Цицерона, въ эпоху высокой культуры и науки, хотя тогда еще не размножилась толпа хитроумныхъ и болтливыхъ философовъ.

Основаніе Рима даетъ Августину поводъ заговорить о Сивилинскихъ пророчествахъ, такъ какъ онъ относитъ къ этому времени появленіе эритрейской Сивиллы, съ оговоркой, что, по мнѣнію Варрона, Сивиллъ было нѣсколько, а не одна. Не входя въ обсужденіе этого вопроса, Августинъ утверждаетъ, что нѣкоторыя изъ пророчествъ эритрейской Сивиллы, очевидно, относились къ Христу. Въ этихъ словахъ высказалось давно уже установившееся среди христіанъ мнѣніе. Еще во II-мъ вѣкѣ до Рождества Христова произошло на почвѣ еврейскаго гелленизма смѣшеніе сивилинскихъ изреченій и ветхозавѣтныхъ пророчествъ и вызвало цѣлую литературу предсказаній о грядущихъ бѣдствіяхъ и разрушеніяхъ.

Когда же подъ ударами Рима палъ Іерусалимъ, тогда и еврейско-сивилинская литература отличилась враждою противъ Рима. Проникнувъ къ христіанамъ, эта сивилинская литература пустила у нихъ третій ростокъ—христіанскій. Уже Лактанцій могъ подобрать въ какихъ-то сивилинскихъ книгахъ пророчества на всю исторію страстей Христовыхъ. Августинъ приводитъ

эти пророчества, а также двадцать-семь латинскихъ стиховъ, представляющихъ переводъ одного греческаго акростиха, въ которомъ изображается разрушеніе міра и страшный судъ. Августинъ познакомился съ греческимъ оригиналомъ этого акростиха, благодаря бывшему проконсулу Флакціану, показавшему ему греческую рукопись, которая заключала въ себѣ, по словамъ этого сенатора, пророчества эритрейской Сивиллы. Такъ какъ этотъ отрывокъ не содержалъ въ себѣ ничего языческаго, а напротивъ, былъ направленъ противъ приверженцевъ ложныхъ боговъ, то Августинъ пришелъ къ выводу, что Сивилла—эритрейская ли, или, какъ иные полагаютъ, кумейская,—имѣетъ отношеніе къ царству Божію.

Продолжая свою параллель между земными и Божьими царствами, Августинъ считаетъ нужнымъ отмѣтить, что изгнаніе царей и установленіе свободы въ Римѣ совпадаетъ съ возвращеніемъ евреевъ изъ вавилонскаго плѣненія.

Еще болѣе важное свидѣтельство въ пользу провиденціальнаго хода исторіи заключается для Августина въ другомъ совпадении: изслѣдованіе надъ временемъ жизни пророковъ приводитъ его къ заключенію, что литература пророческихъ книгъ появляется лишь ко времени возникновенія Римскаго государства, то-есть, западнаго Вавилона, въ которомъ долженъ былъ явиться Христосъ для воцаренія надъ нимъ. Августинъ усматриваетъ божественный промыслъ именно въ томъ, что хотя въ Израилѣ всегда были пророки съ тѣхъ поръ, какъ имъ стали править цари, но эти древніе пророки предназначались только для евреевъ, а не для языческихъ народовъ; когда же учрежденъ былъ городъ, которому суждено было сдѣлаться владыкою надъ „языками“, тогда появились и пророчества, предназначенныя для этихъ языковъ.

Указавъ на это новое проявленіе божественнаго промысла въ исторіи, Августинъ подробно излагаетъ все, чтѣ въ книгахъ пророковъ предсказано относительно Христа, первы, Новаго Завета, спасенія міра во Христѣ и призванія язычниковъ къ этому спасенію. Въ большей древности пророковъ передъ философами Августинъ усматриваетъ новое преимущество Божьяго царства передъ земнымъ: свѣтъ, идущій отъ пророковъ, древнѣе, чѣмъ мудрость языческихъ философовъ. Это слѣдуетъ изъ того, что эта мудрость началась съ Пифагора, прославившагося лишь во время освобожденія евреевъ изъ плѣна. Еще много позднѣе пророковъ жили, слѣдовательно, прочіе философы: Сократъ, учитель всѣхъ, былъ современникъ Ездры. Одни только поэты-бого-

слова — Орфей, Линъ и Музей — жили раньше тѣхъ пророковъ, сочиненія которыхъ вошли въ каноническую литературу. Но они — замѣчаетъ по этому поводу Августинъ — уступаютъ въ древности нашему богослову, Моисею, возвѣстившему единого истиннаго Бога. Поэтому греки, у которыхъ въ особенности развились мірскіе писатели, не могутъ хвастаться своею мудростью и утверждать, что она „если не выше нашей вѣры, заключающей въ себѣ истинную мудрость, то, по крайней мѣрѣ, древнѣе ея“. Правда, Августину приходится оговориться, „что если не въ Греціи, то у варваровъ, въ Египтѣ, существовало уже во время Моисея ученіе, которое было для нихъ мудростью; иначе не было бы сказано въ Писаніи, что Моисей былъ обученъ всякой мудрости египетской. Но Августинъ, тѣмъ не менѣе, не допускаетъ пріоритета египетской мудрости передъ пророческой на томъ основаніи, что и Авраамъ былъ „пророкъ“. А къ тому же, какая могла быть мудрость у египтянъ прежде, чѣмъ Изида научила ихъ грамотѣ? — Изида же считается дочерью Инаха, перваго царя аргивянъ, жившаго тогда, когда у Авраама уже были внуки.

Въ виду этого Августинъ поднимаетъ на смѣхъ тѣхъ, кто утверждаетъ, что египтяне уже болѣе ста тысячъ лѣтъ знакомы съ астрономіей. Изъ какихъ книгъ почерпнуто это число, когда азбука появилась въ Египтѣ лишь двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, благодаря Изидѣ? Августинъ ссылается при этомъ на Варрона, „немаловажный авторитетъ въ исторіи“, тѣмъ болѣе, что его свидѣтельство совпадаетъ съ указаніемъ Священнаго Писанія. „А кому же лучше вѣрить относительно прошлаго, какъ не тому, кто предсказывалъ будущее, нынѣ осуществившееся? Къ тому же побуждаетъ и разногласіе между историками: граждане нечестиваго царства, читая сочиненія ученѣйшихъ людей, противорѣчащихъ другъ другу относительно отдаленнаго прошлаго, не знаютъ, кому изъ нихъ вѣрить. Мы же, опираясь въ исторіи нашей вѣры на божественный авторитетъ, считаемъ ложнымъ все, что съ нимъ не согласно — что бы ни было писано въ мірскихъ книгахъ, которыя — правдивы ли онѣ или нѣтъ — не содержатъ никакихъ указаній относительно блаженной и праведной жизни“... Разногласіе языческихъ историковъ даетъ Августину поводъ заговорить о еще большемъ разногласіи языческихъ философовъ и моралистовъ и противопоставить ему единство духа и согласіе между собою каноническихъ книгъ. Но не появилось ли разногласіе въ этой области съ тѣхъ поръ, какъ Священное Писаніе стало переводиться съ еврейскаго на другіе языки? Августинъ рассказы-

васть, поэтому, какъ по промыслу Божию Священное Писаніе было переведено семьюдесятью толковниками, а съ этого перевода сдѣланъ переводъ его и на латинскую рѣчь, принятый *латинскими церквами*. Хотя іудеи признаютъ переводъ семидесяти толковниковъ вѣрнымъ, но иные увѣряютъ, что они во многихъ случаяхъ впадали въ заблужденіе; христіанскія же церкви, однако, ставятъ выше всего авторитетъ столькихъ мужей, избранныхъ первосвященникомъ Елеазаромъ для этого именно дѣла. Августинъ поддѣрживаетъ свой взглядъ указаніемъ на то, что работа семидесяти толковниковъ была коллективная и что ими принималось окончательно лишь то истолкованіе, которое принадлежало не кому-либо одному изъ нихъ, а всѣмъ вмѣстѣ. Поэтому Августинъ отдаетъ предпочтеніе редакціи семидесяти толковниковъ передъ четырьмя другими греческими переводами, которые не приняты церковью и о существованіи которыхъ многимъ и не извѣстно.

Правда, есть разногласіе между текстомъ еврейскимъ и переводомъ семидесяти толковниковъ, и потому нѣкоторые сочли нужнымъ исправить послѣдній съ помощью оригинальнаго текста. Какъ мы выше указали по поводу лѣтъ Маусаила, Августинъ самъ держался такого способа, т.-е., въ случаѣ разногласія, слѣдовалъ еврейскому оригиналу. Вслѣдствіе этихъ разногласій между оригиналомъ и греческимъ переводомъ стали появляться такія редакціи перевода, въ которыхъ приводилось въ кавычкахъ или въ скобкахъ то, что было пропущено семьюдесятью толковниками или что они отъ себя прибавили. Эти разногласія не приводятъ Августина въ затрудненіе; Духъ Божій,—поясняетъ онъ,—желалъ въ одномъ случаѣ воспользоваться одними пророками, въ другомъ—другими. Правда, есть и противорѣчія, которыя можно усмотрѣть лишь при сличеніи обѣихъ редакцій—еврейской и греческой, но и это не смущаетъ Августина—онъ видитъ въ этихъ случаяхъ только *инословія*, заключающія въ себѣ иной смыслъ, не противный первому, или, другими словами, истолковывающія тотъ же смыслъ: Августинъ тутъ же даетъ и образчикъ такого истолкованія: въ еврейскомъ текстѣ пророкъ Іона грозитъ ниневитянамъ, что ихъ городъ погибнетъ черезъ сорокъ дней; у семидесяти толковниковъ сказано: „черезъ три дня“. Кому же вѣрить?—спроситъ кто-нибудь: сорокъ—не три, а три—не сорокъ. „Если меня спросятъ,—отвѣчаетъ Августинъ,—то я скажу, что, по моему мнѣнію, пророкъ Іона говорилъ о сорока дняхъ. Но такъ какъ Ниневія обозначаетъ собою языческій міръ, приведенный Христомъ къ раскаянію, то можно было

сказать и три дня, и сорокъ дней; первое будетъ относиться къ воскресенію Христову“.

Возвращаясь къ евреямъ, Августинъ указываетъ, что со времени возстановленія храма у нихъ прекратились пророчества и они стали подвергаться постояннымъ бѣдствіямъ; онъ усматриваетъ въ этомъ доказательство, что пророчества имѣли въ виду сооруженіе не этого храма, а другого, т.-е. Христовой церкви. Въ это время евреи и подпали подъ власть Рима, который, широко распространивъ свое владычество, былъ уже не въ состояніи вынести собственной тяжести. Помпей, взявши Іерусалимъ, вошелъ въ святая святыхъ не какъ почитатель Бога, а какъ осквернитель храма.

VII.

Рожденіе Христа и возникновеніе церкви вызываютъ со стороны Августина рядъ новыхъ вопросовъ, имъ разрѣшаемыхъ. Такъ какъ до рожденія Христа царство Божіе было въ израильскомъ народѣ, то Августинъ теперь поднимаетъ вопросъ, были ли до Христа *они* Израиля участники „небснаго града“? Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, какъ и въ перепискѣ съ Марцелиномъ, въ утвердительномъ смыслѣ, и въ доказательство ссылается на то, что книга Іова—не еврей—принята въ число каноническихъ книгъ Ветхаго Завѣта. „Поэтому и сами евреи, какъ думаетъ Августинъ, не дерзаютъ утверждать, что никто, кромѣ Израиля, не былъ причастенъ Господу Богу. Правда, никакой другой народъ, помимо израильскаго, не былъ Божьимъ народомъ; но нельзя отрицать, чтобы и среди другихъ народовъ не было отдѣльныхъ людей, принадлежавшихъ къ числу истинныхъ израильскихъ гражданъ горней отчизны. Такимъ именно былъ святой Іовъ, бывшій не туземцемъ, не прозелитомъ, т.-е. пришельцемъ въ Израилѣ,— а изъ рода идумейскаго, въ Идумеѣ родился и тамъ же умеръ.“

„Съ другой стороны, въ наши злополучные дни, когда церковь смиреніемъ обезпечиваетъ себѣ грядущее величіе и находитъ поученіе въ переживаемыхъ ею тревогахъ, а среди искушеній и бѣдствій утѣшается надеждой—многіе нечестивые примѣшиваются къ праведнымъ. Но никакія бѣдствія не вредятъ церкви, и она растетъ въ славу и въ могущество какъ отъ страданій мучениковъ, такъ и отъ козней еретиковъ. Разнообразныя мученія и казни „свидѣтелей“ возвѣстили всему міру Евангеліе для того, чтобы языческіе народы увѣровали во Христа и почтили кровь, которую они пролили въ дьявольской злобѣ; а сами

цари, своими законами тѣснѣвшіе церковь, подчинились тому имени, которое они пытались жестокостью изгнать съ земли и начали преслѣдовать ложныхъ боговъ, изъ-за которыхъ почитатели истиннаго Бога прежде подвергались преслѣдованіямъ“ ... Подобнымъ образомъ и появленіе раскола послужило въ глазахъ Августина ко благу церкви, такъ какъ и въ данномъ случаѣ оправдались слова апостола, что „любящимъ Бога все содѣлываетъ ко благу“ (Римл., 8. 28). „Видя, какъ пустѣютъ храмы демоновъ, дѣволъ возбудилъ еретиковъ, чтобы они подъ предлогомъ христіанскаго ученія воспротивились Христу — какъ будто возможно въ Божьемъ царствѣ допустить безъ наказанія различныя и противоположныя мнѣнія, подобно тому, какъ царство смуты (земное) безразлично допускаетъ у себя различныя секты философовъ. Но и эти враги не опасны церкви: ибо если они, ослѣпленные заблужденіемъ или зараженные злобою, причиняютъ ей реальное зло, то лишь испытуютъ терпѣніе церкви; если же вредятъ ей заблужденіями, то упражняютъ *мудрость* церкви; сама же церковь проявляетъ по отношенію къ своимъ врагамъ свое благоволеніе и распространяетъ на нихъ свои благодѣянія, когда принимаетъ противъ нихъ мѣры, склоняя ихъ къ себѣ убѣдительнымъ поученіемъ или угрожающимъ карою взыскаіемъ“.

Изъ этихъ словъ можно заключить, что когда Августинъ ихъ писалъ, онъ отступилъ отъ своего прежняго неодобренія принудительныхъ мѣръ противъ еретиковъ. Теперь онъ ихъ допускаетъ не только со стороны государства, но какъ будто и со стороны самой церкви, ставя на одинъ уровень „убѣдительное поученіе“ съ „угрожающимъ зысканіемъ“ и, увлекаясь риторической антитезою — называетъ послѣднее *благодѣяніемъ* со стороны церкви. Несмотря, однако, на это торжествующее положеніе церкви, Августинъ считаетъ возможнымъ примѣнить къ ней текстъ „учителя“: „Да и всѣ, желающіе жить благочестиво во Христвъ Іисусѣ, будутъ гонимы (II къ Тим. 3, 12)“. Ибо хотя преслѣдованія со стороны вѣшнихъ враговъ (языческихъ властей) прекратились, къ утѣшенію слабыхъ христіанъ, „но еще много враговъ внутри церкви, подвергающихъ благочестивыхъ мученіямъ и позорящихъ христіанское и католическое имя“.

Эти враги — еретики, которые своими раздорами удерживаютъ многихъ отъ принятія христіанства и даютъ поводъ клеветникамъ хулить христіанство, такъ какъ и они себя называютъ христіанами. Такимъ образомъ, благочестивые христіане претерпѣваютъ преслѣдованія отъ дурныхъ нравовъ и заблужденій еретиковъ — преслѣдованія не тѣлесныя, а душевныя, ибо испыты-

вають отъ нихъ сердечную боль. Но боль эта къ пользѣ болѣющихъ, такъ какъ проистекаетъ изъ любви, не желающей допустить гибели или *исправленія* тѣхъ, гибель которыхъ ихъ тревожила. Августинъ употребилъ здѣсь слово — „*согестіо*“, имѣющее двойной смыслъ—добровольнаго обращенія и повесеннаго наказанія. Какъ легко было впоследствии одинъ смыслъ замѣнить другимъ! „Такъ,—заключаетъ Августинъ,—проживаетъ въ этомъ мѣрѣ, въ эти злополучные дни, церковь, скитаясь среди преслѣдованій со стороны міра и утѣшеній отъ Бога — не только современни Христа и апостоловъ, но и Авеля, перваго праведника, убитаго братомъ—и такъ будетъ она проживать до конца міра: сего“.

Допуская этимъ какъ бы возможность новыхъ преслѣдованій церкви, Августинъ счелъ нужнымъ оговориться. По общепринятому уже тогда мнѣнію, насчитывалось десять преслѣдованій церкви—отъ Нерона до Діоклеціана—и ожидалось новое, одиннадцатое, относительно котораго „никто не сомнѣвался“, —при Антихристѣ.

Сближая эти десять преслѣдованій съ десятью язвами египетскими, а преслѣдованіе при Антихристѣ съ гибелью египтянъ въ Черномъ морѣ при погонѣ за евреями, многіе выводили отсюда заключеніе, что иныхъ преслѣдованій церкви уже не предстоитъ. Возражая противъ отождествленія преслѣдованій христіанъ съ египетскими язвами, Августинъ заявляетъ, что оно внушено не пророческимъ духомъ, а основано на людскихъ догадкахъ, которыя иногда обрѣтаютъ истину, но и впадаютъ въ заблужденіе. Онъ не считаетъ возможнымъ признать только десять преслѣдованій. Чтò сказать о преслѣдованіи самого Христа и о распятіи его? А если даже и не принимать въ расчетъ страданій самого Христа, то куда зачислить мученичество св. Стефана, апостола Іакова и преслѣдованія апостоловъ *до* Нерона? и наконецъ, времена Юліана! Развѣ его запрещеніе христіанамъ учить и учиться наукамъ—не преслѣдованіе церкви? А его поступки въ Антиохіи? Августинъ указываетъ еще на преслѣдованія каеоликовъ аріанскимъ императоромъ Валентомъ, готскимъ царемъ въ Готіи, когда тамъ были одни лишь католики, и въ Персіи, откуда многіе были даже принуждены бѣжать въ Римскую имперію. Съ своей стороны, Августинъ уклоняется отъ разрѣшенія вопроса о новыхъ преслѣдованіяхъ церкви и ограничивается лишь опроверженіемъ слишкомъ опрометчиваго его разрѣшенія.

Но когда же наступитъ послѣднее преслѣдованіе церкви и

съ нимъ пришествіе Христа? Во дни Августина тревога, которую возбуждало ожиданіе скорого пришествія Христа, уступила мѣсто болѣе спойному отношенію къ этому вопросу, и Августинъ поэтому не отводитъ ему большого мѣста въ своихъ разсужденіяхъ. Ссылаясь на отвѣтъ Христа вопрошавшимъ его о времени востановленія царства Израиля — „не ваше дѣло знать времена и сроки, которые Отець положилъ въ своей власти“, — Августинъ считаетъ излишнимъ опровергать мнѣнія тѣхъ, кто высчитывалъ промежутокъ въ четыреста, пятьсотъ или тысячу лѣтъ между вознесеніемъ Христа и его пришествіемъ. Все это — человѣческія предположенія, и ничто въ нихъ не основано на авторитетѣ каноническаго писанія.

Но вопросъ этотъ представлялъ еще другую сторону — имъ интересовались не одни христіане, а также язычники; и вотъ Августинъ выступаетъ противъ „нелѣпнѣйшей лжи язычниковъ, утверждавшихъ, что христіанская вѣра будетъ существовать не болѣе 365 лѣтъ. Это мнѣніе основывалось на оракулѣ въ греческихъ стихахъ, который былъ, будто бы, добытъ апостоломъ Петромъ путемъ магіи, причемъ годовалый ребенокъ былъ убитъ, разсѣченъ и погребенъ. Августинъ осыпаетъ насмѣшками „геніальныхъ ученыхъ“, не хотящихъ вѣрить въ Христа и вѣрящихъ тому, что ученикъ Христа, Петръ, былъ колдуномъ.

Несмотря, однако, на то, что сама исторія опровергла это пророчество, Августинъ считаетъ нужнымъ торжественно доказать его нелѣпость. Соглашаясь считать 365 лѣтъ не съ рожденія Христа, а со дня основанія христіанской церкви (сошествія св. Духа), что было въ иды мая, въ консульство Геминновъ, и прибавивъ къ этому 365 лѣтъ, Августинъ высчитываетъ, что конецъ христіанству долженъ былъ наступить въ иды мая въ консульство Гонорія и Евтихіана. „Но это не только не случилось, а какъ разъ въ слѣдующемъ за тѣмъ году въ знатнѣйшемъ и главномъ городѣ Африки, въ Картагенѣ, графы императора Гонорія, Гауденцій и Ювій, въ семнадцатый день апрѣля низвергли храмы мнимыхъ боговъ и разбили ихъ идоловъ! А кто не знаетъ, какъ съ тѣхъ поръ въ теченіе почти тридцати лѣтъ распространялось почитаніе имени Христа, особенно съ того времени, какъ стали христіанами тѣ, кого удерживала еще вѣра въ мнимый оракулъ, оказавшійся пустымъ и смѣшнымъ“!

VIII.

На этомъ заключаетъ Августинъ земную исторію двухъ царствъ, небеснаго и земного,—земного, которое творило себѣ ложныхъ боговъ, подбирая ихъ даже среди людей, чтобы служить имъ жертвоприношеніями,—и небеснаго, скитающагося по землѣ, не творившаго себѣ боговъ, но сотвореннаго самимъ Богомъ и представляющаго собою истинное жертвоприношеніе ему. Оба царства на землѣ одинаково пользуются благами и страдаютъ отъ зла, но различны между собою по вѣрѣ, различны по надеждѣ, различны по любви, пока не будутъ разлучены на послѣднемъ судѣ, когда наступитъ имъ конецъ, который не имѣетъ конца. Концу этихъ двухъ царствъ Августинъ и посвящаетъ послѣднія четыре книги своего сочиненія. Но слово *конецъ* (finis) на языкѣ римскихъ философовъ имѣетъ еще значеніе *конечной цѣли*. Этимъ объясняется, что Августинъ прежде, чѣмъ изобразить конечную судьбу своихъ двухъ царствъ, останавливается на вопросѣ о ихъ конечной цѣли, а это даетъ ему поводъ—въ новой параллели между земнымъ и небеснымъ царствомъ — выставить на видъ всѣ преимущества послѣдняго, для вящаго его прославленія. Это и составляетъ содержаніе девятнадцатой книги, особенно интересной для пониманія Августиновскаго „царства“, такъ какъ въ ней наиболѣе собрано чертъ для его характеристики. Вся книга—какъ бы непрерывный гимнъ „царству Божію“, гимнъ, захватывающій своимъ искреннимъ паѳосомъ, несмотря на присутствующую ему риторику.

Проблема, которую съ наибольшимъ напряженіемъ старались разрѣшить философы, заключалась въ вопросѣ, что дѣлаетъ человѣка наиболѣе счастливымъ (beatum), или, другими словами, въ чемъ заключается наивысшее благо?—Много потрудились надъ этимъ, по выраженію Августина, тѣ, кто посвятилъ себя изученію мудрости въ суетѣ сего міра! Маркъ Варронъ, который въ своемъ сочиненіи о философіи съ особенной тщательностью прослѣдилъ различное разрѣшеніе вопроса о высшемъ благѣ, насчиталъ не менѣе 288 ученій о немъ, включая въ это число не только опредѣленія дѣйствительно высказанныя, но и возможные. Этому разнообразію разсужденій со стороны смертныхъ, съ помощью которыхъ они пытались обезпечить себѣ счастье въ „несчастіяхъ сего міра“, Августинъ противопоставляетъ истинное блаженство, „чтобы можно было усмотрѣть, насколько отъ ихъ суетности отличается наша надежда“,—причемъ онъ опирается

не только на божественный авторитетъ, но и на разумъ, „ради невѣрующихъ“. Самъ Варронъ держался ученія, которое онъ приписывалъ „старымъ академикамъ“, слѣдуя въ этомъ своему учителю Антиоху, бывшему также учителемъ Цицерона, хотя послѣдній считалъ его болѣе стойкомъ, чѣмъ „старымъ академикомъ“. „Но что намъ до этого,—заключаетъ Августинъ свое перечисленіе мнѣній философовъ о высшемъ благѣ,—такъ какъ мы должны болѣе руководиться сужденіемъ о немъ по существу самого дѣла, чѣмъ гоняться за тѣмъ, чтобы знать, что думалъ о немъ тотъ или другой изъ смертныхъ“.

Всѣмъ этимъ ученіямъ Августинъ противопоставляетъ то, чему учитъ Божье царство по вопросу о высшемъ благѣ: „Оно заключается въ вѣчной жизни, высшее же зло—въ вѣчной смерти“. Съ этой точки зрѣнія онъ приступаетъ къ опроверженію отдѣльныхъ философскихъ ученій. Не трудно ему было бороться съ тѣми, кто ищетъ высшаго блага въ какомъ-нибудь земномъ благѣ—будь то удовольствіе или покой, или какое-нибудь изъ благъ физическихъ или духовныхъ, даруемыхъ природой,—ибо, восклицаетъ онъ, „че краснорѣчіе можетъ исчерпать всѣ бѣдствія земной жизни“! И Августинъ набрасываетъ по этому случаю въ сжатомъ, но внушительномъ очеркѣ картину того, какъ горе нарушаетъ удовольствіе и покой; какъ болѣзнь уничтожаетъ красоту и силу тѣла; какъ утрачивается способность познавать міръ съ наступленіемъ глухоты или слѣпоты; какъ извращается разумъ у человѣка, теряющаго рассудокъ. Но и добродѣтель, приобрѣтаемая ученіемъ и упражненіемъ во всѣхъ ея видахъ, установленныхъ древней этикой,—умѣренность, благоразуміе, справедливость,—оказывается непрочной и несостоятельной, ибо она не опирается, какъ у христіанъ, на надеждѣ. Христіане же блаженны среди мірскихъ невзгодъ и бѣдствій, въ надеждѣ на грядущее блаженство. Въ это блаженство философы не хотятъ вѣрить, ибо не видятъ его, и потому пытаются сочинить себѣ мнимое блаженство съ помощью добродѣтели тѣмъ болѣе надменной, чѣмъ она обманчивѣе!

Августинъ проявляетъ не разъ все мастерство своего увлекательнаго краснорѣчія, когда, противопоставляя Божье царство земному, изображаетъ бѣдствія человеческой жизни, какъ кару за грѣхъ. „Кто бы не пришелъ въ ужасъ,—восклицаетъ онъ,—и не предпочелъ бы смерть, если бы ему было предложено на выборъ или умереть, или еще разъ пережить дѣтство?“—и какъ бы въ подтвержденіе этого Августинъ приводитъ преданіе,

что Зороастръ только однажды улыбнулся въ жизни—при самомъ рожденіи,—и то была чудовищная улыбка“.

Даже одну изъ послѣднихъ главъ своего сочиненія Августинъ посвящаетъ изображенію бѣдствій и золь, отъ которыхъ родъ человѣческій заслуженно страдаетъ за грѣхопаденіе. Какъ изъ рога изобилія выбрасываетъ Августинъ цѣлый подборъ словъ, обозначающихъ всевозможныя физическія и моральныя бѣдствія, которыя сопряжены со всякимъ возрастомъ и со всякимъ положеніемъ. Однимъ изъ послѣдствій грѣха является та ужасающая бездна невѣжества, изъ котораго вытекаетъ всякое заблужденіе и отъ котораго человѣкъ не можетъ освободиться безъ труда, горя и страха. Изображеніе ужасовъ дѣтскаго воспитанія является дальнѣйшимъ развитіемъ этой мысли. „Для чего педагоги, для чего учителя, фериулы, ремни, розги, для чего тѣ наказанія любимаго сына, о которыхъ говоритъ Писаніе, какъ не для борьбы съ невѣжествомъ и дурными наклонностями, съ которыми мы появляемся на свѣтъ? Отчего мы съ трудомъ запоминаемъ, безъ труда забываемъ; отчего намъ учиться трудно, а въ невѣжествѣ пребывать легко? а самый трудъ, хотя онъ намъ и полезенъ, мы считаемъ наказаніемъ“?

На подобіе дѣтскихъ каръ, безъ которыхъ нельзя научиться тому, чему желаютъ научить насъ старшіе,—хотя и „не всегда путному“,—страданіе и бѣдствіе преслѣдуютъ человѣка во всей его жизни. Августинъ обращается за доказательствами и въ римской комедіи, приводя стихъ:

„Взялъ я жену,—сколько было мнѣ отъ этого горя!
Родились сыновья,—и пошла мнѣ новая забота“!

Ссылаясь на другой стихъ Теренція, Августинъ спрашиваетъ: „Развѣ обиды, подозрѣнія, вражда и смѣна вражды и мира не наполняютъ жизни человѣка; развѣ они не омрачаютъ даже лучшихъ дружескихъ отношеній? согласіе—невѣрное благо, ибо намъ невѣдомы сердца тѣхъ, съ которыми мы желаемъ жить въ ладу, и если бы мы могли сегодня узнать то, чтò таится въ этихъ сердцахъ, то мы бы не знали, чтò будетъ въ нихъ завтра“...

Но пусть такъ, восклицаетъ Августинъ: „пусть счастье будетъ невозможно въ личной жизни, пусть самыя добродѣтели безсильны его обезпечить!“—есть еще иная жизнь, которую Августинъ ставитъ много выше—жизнь общественная! Эта жизнь для мудреца предпочтительнѣе личной, ибо если бы не было жизни въ обществѣ съ другими, то не было бы и для праведниковъ Божьяго царства. Но если домашняя жизнь, общее прибѣжище рода люд-

скаго, не представляеть обезпеченнаго счастья, то и общественная жизнь людей въ этомъ мірѣ изобилуетъ бѣдствіями; что сказать о счастья города или государства? Чѣмъ они обширнѣе, тѣмъ обильнѣе на форумѣ гражданскіе и уголовные процессы, хотя бы и смолкали мятежныя, а часто и кровавыя смуты и войны, которыя, если не всегда происходятъ, то всегда угрожаютъ!

„Но и во время полнаго мира, какой постоянный источникъ бѣдствій и горя представляеть человѣческій *судъ*! ибо судьей приходится быть тому, кто не можетъ знать совѣсти тѣхъ, кого онъ судить, вслѣдствіе чего онъ часто принужденъ доискиваться истины въ чужомъ дѣлѣ посредствомъ пытки невинныхъ свидѣтелей“.

Становясь обличителемъ современнаго ему римскаго уголовного процесса, Августинъ высоко поднимается надъ своей средой; его гуманное чувство, возмущенное пыткой, этимъ безуміемъ, тяготѣвшимъ цѣлые вѣка надъ римскимъ, а потомъ и надъ европейскимъ судопроизводствомъ, внушаетъ ему одну изъ его лучшихъ страницъ; никто изъ противниковъ пытки въ XVIII вѣкѣ такъ энергично и убѣдительно не обличалъ этой язвы, какъ этотъ учитель церкви, къ внушеніямъ котораго осталась глуха церковь.

Со своей искусной и сокрушающей діалектикой Августинъ изображаетъ, какъ ради того, чтобы узнать, виновенъ ли обвиняемый, подвергается мученію невинный и изъ-за неизвѣстнаго преступленія несетъ несомнѣнное наказаніе. Какъ невѣдннне судья большею частью становится бѣдствіемъ для невиннаго, и—что еще болѣе невыносимо и достойно потоковъ слезъ—судья для того пытается обвиняемаго, чтобы не погубить, по незнанію, невиннаго, и этимъ именно губить невиннаго, котораго онъ пыталъ для того, чтобы не засудить невиннаго. Какъ обвиняемый, предпочитая, согласно съ земною мудростью, повинуть сей мірѣ, чѣмъ далѣе подвергаться пыткамъ, заявляетъ, что онъ совершилъ то, чего не совершалъ, и какъ, по осужденіи и казни приговореннаго, судья все-таки не знаетъ, казнилъ ли онъ преступника или невиннаго. Согласится ли послѣ этого мудрецъ во мракѣ этой жизни сѣсть на судебное кресло? Конечно, воссядетъ, его принудить къ тому человѣческое общество, не служить которому онъ считаетъ неправдой. А развѣ это не неправда,—спрашиваетъ Августинъ,—когда пытаются въ чужомъ дѣлѣ невинныхъ свидѣтелей, или когда казнятъ того, кто, не выдержавъ пытки, отъ боли ложно призналъ себя виновнымъ? Развѣ то не неправда, когда не подлежащіе смерт-

ной казни подсудимые умираютъ во время пытки или отъ ея послѣдствій? Развѣ же въ томъ не неправда, когда обвинитель, желавшій, можетъ быть, принести пользу обществу и не допустить безнаказанности преступленія, но, не бывши въ состояннн доказать свое справедливое обвиненіе вслѣдствіе ложныхъ показаній свидѣтелей или вслѣдствіе того, что виновный мужественно выдержалъ пытку и не признался—самъ привлекается къ отвѣтственности не вѣдущимъ судьей“?

За обличеніемъ горестей семьи и города слѣдуетъ перечисленіе бѣдъ человѣчества. Это—третья степень человѣческаго общенія; но какъ этому общенію препятствуетъ различіе языковъ, до такой степени разъединяющее людей, что человѣкъ охотнѣе проводитъ время съ собакой, чѣмъ съ иноплеменникомъ! „Конечно,—говоритъ Августинъ,—отождествляя Римскую имперію съ человѣчествомъ, властолюбивый городъ успѣлъ, положивъ на это не мало труда, собрать побѣжденные народы въ одно мирное общество и навязать имъ не только свое иго, но и свой языкъ, такъ что въ немъ нѣтъ недостатка въ толмачахъ. Но цѣною сколькихъ и сколь тяжелыхъ войнъ это достигнуто? Сколько истреблено ради этого людей, сколько пролито крови! И съ достиженіемъ цѣли еще не наступилъ конецъ бѣдствіямъ, ибо помимо того, что всегда бывали враждебные иноземные народы, съ которыми велись и ведутся войны, самая обширность имперіи порождаетъ войны худшаго свойства—междоусобныя, причиняющія больше страданій человѣческому роду,—какъ въ то время, пока происходятъ, такъ и послѣ, отъ страха, чтобы онѣ не возобновились. На это мнѣ замѣтятъ, что мудрый правитель ведетъ только справедливыя войны. А развѣ такой правитель, если вспомнить, что онъ человѣкъ, не станетъ еще сильнѣе оплакивать необходимость вести справедливыя войны, потому что еслибы онѣ не были справедливы, ему не пришлось бы ихъ и вести, и слѣдовательно не было бы и вовсе войнъ“.

Всѣ эти бѣдствія,—заключаетъ Августинъ,—такъ велики и такъ ужасны, что всякій, кто о нихъ подумаетъ, долженъ признать себя несчастнымъ; если же мысль о нихъ не повергнетъ его въ скорбь, то онъ станетъ еще несчастнѣе въ своемъ мнимоиъ счастьи, такъ какъ утратилъ всякій человѣческій смыслъ“...

Такимъ образомъ, людское общеніе на землѣ, или царство земное, составляетъ полную противоположность царству Божію. И однако, несмотря на это, у обоихъ царствъ есть нѣчто общее—желаніе мира; ибо миръ есть условіе всякаго существованія и высшее благо всего существующаго, а стремленіе къ

миру есть мировой законъ. Какъ никого нѣтъ въ мірѣ, кто не желалъ бы радости въ жизни, такъ нѣтъ никого, кто не хотѣлъ бы мира. Даже тѣ, кто желаетъ войны, стремятся лишь путемъ войны и побѣды добиться славнаго мира. Ибо къ чему вѣдетъ побѣда, какъ не къ подчиненію противниковъ? и какъ скоро оно достигнуто, устанавливается миръ. Даже и тотъ, кто нарушаетъ миръ, не миръ ненавидитъ, но по своему усмотрѣнію желаетъ его видоизмѣнить. Даже сами разбойники, чтобы съ большей безопасностью и успѣшностью нарушать миръ другихъ, желаютъ мира среди своихъ сообщниковъ.

Но именно по отношенію къ миру, котораго чають и земное царство, и царство Божіе, между ними проявляется новое и самое существенное различіе. Земное царство, которое не живетъ вѣрою, стремится къ земному миру и поддерживаетъ согласіе между гражданами для того, чтобы установить соглашеніе между ними по отношенію къ вещамъ, касающимся брэнной жизни. Небесное же царство, или, точнѣе, та часть его, которая скитается въ брэнномъ мірѣ и живетъ вѣрою, пользуется по необходимости также и этимъ (земнымъ) міромъ, пока здѣсь обрѣтается; а потому, будучи какъ бы въ плѣну у земного царства, но обладая залогомъ грядущаго освобожденія, безъ колебанія повинуется законамъ земного царства, которымъ подчинено все, что необходимо для земной жизни,—для того, чтобы существовало согласіе между обоими царствами, одинаково подтвержденными брэнности. Но такъ какъ въ земномъ царствѣ были мудрецы, обманутые демонами, и вѣровавшіе во многихъ боговъ, полагая, что каждому изъ нихъ подчинено нѣчто особое въ мірѣ—кому тѣло, кому душа, кому жатва, кому вино,—небесное же царство звало единаго Бога и ему одному считало необходимымъ поклоняться, то оно не могло имѣть въ религіи общихъ законовъ съ земнымъ государствомъ и въ раздорѣ съ нимъ претерпѣвало отъ него вражду и преслѣдованіе. Вотъ это небесное царство, пока скитается по землѣ, призываетъ къ себѣ гражданъ изъ всѣхъ народовъ и на всѣхъ языкахъ собираетъ къ себѣ скитальцевъ, не принимая во вниманіе различій въ нравахъ, законахъ и учрежденіяхъ, нужныхъ для земного міра, ничего изъ всего этого не отвергая и не разрушая, но наоборотъ, служа и подчиняясь всему, что содѣйствуетъ земному миру, лишь бы оно не препятствовало почитанію единаго и истиннаго Бога. Въ этомъ своемъ скитаніи небесное царство пользуется земнымъ міромъ, усматривая въ немъ отраженіе небеснаго мира, который есть истинный миръ. И когда наступитъ этотъ истинный миръ,—не

будетъ вовсе жизни смертной, не будетъ тѣла брэннаго, отягочающаго душу, а будетъ тѣло духовное, ни въ чемъ не нуждающееся и во всемъ повинующееся волѣ духовной“...

Изложивъ такимъ образомъ *конечную цѣль*, назначеніе Божьяго царства, Августинъ описываетъ и самый конецъ обоихъ царствъ, посвящая этому послѣднія три книги своего труда: въ двадцатой книгѣ идетъ рѣчь о концѣ міра и о страшномъ судѣ, въ послѣднихъ двухъ—о его послѣдствіяхъ: карѣ, которая постигнетъ діавола и его приверженцевъ, и о вѣчномъ блаженствѣ праведныхъ. Обстоятельность, съ которою Августинъ рассматриваетъ эти вопросы, объясняется тѣмъ, что они имѣли для его современниковъ не только общее богословское значеніе, но и личный реальный интересъ, такъ какъ среди христіанъ было еще очень распространено убѣжденіе о скоромъ наступленіи конца міра и пришествіи Христа.

Объемъ этихъ книгъ объясняется, кромѣ того, и обычными отступленіями Августина, и длинными разсужденіями, которыя онъ влетаетъ въ свое изложеніе. Такъ, въ двадцать-первой книгѣ онъ отстаиваетъ *вѣчность* мученій, опровергая высказанные противъ этого сомнѣнія и вывода ея изъ справедливости Божіей. При этомъ ему приходится излагать свой взглядъ на чудеса въ природѣ и разныя чудесныя исцѣленія, совершившіяся въ его время и частью на его глазахъ. Въ двадцать-второй книгѣ Августинъ говоритъ о воскресеніи мертвыхъ и о воскресеніи Христа, засвидѣтельствованномъ апостолами и удостовѣренномъ величайшимъ чудомъ,—тѣмъ, что міръ безъ чудесъ увѣровалъ въ чудо воскресенія. Сочиненіе кончается главой о вѣчномъ блаженствѣ царства Божьяго и о „субботнемъ днѣ“, за которымъ не наступитъ вечера, а настанетъ день Господній. Тогда мы будемъ отдыхать и созерцать, созерцать и любить, любить и прославлять. Вотъ чтò послѣдуетъ въ концѣ, которому не будетъ конца. Ибо какой же можетъ быть намъ конецъ, какъ не вступленіе въ то царство, которое будетъ безконечно“?

Такъ, вторая часть сочиненія Августина о Божьемъ царствѣ,—онъ самъ говоритъ, что цѣлое сочиненіе получило свое названіе отъ *лучшей* части,—заканчивается гармоническимъ аккордомъ и вполне симметрично. Оно началось съ объясненія, какъ зло вошло въ міръ вслѣдствіе отпаденія діавола и демоновъ отъ Бога, и въ заключеніе изображаетъ, какъ нарушенный этимъ моральный порядокъ въ мірѣ восстанавливается, благодаря справедливости и благодати Божіей.

IX.

Предпосланный анализъ сочиненія Августина даетъ возможность судить о его значеніи для современниковъ и для потомства. Оно прежде всего было торжествомъ христіанства надъ язычествомъ. Въ героическихъ сказаніяхъ идетъ рѣчь о волшебномъ мечѣ, съ помощью котораго герой сразилъ злого врага. Такой мечъ сковалъ себѣ Августинъ въ представленіи о „Божьемъ царствѣ“. И объ Августинѣ можно сказать, что въ этомъ знаменіи онъ побѣдилъ; идея Божьяго царства заключала въ себѣ приговоръ не только надъ современнымъ ему язычествомъ съ его сѣтованіями и обветшалыми притязаніями, но и надъ всѣмъ языческимъ міровоззрѣніемъ и эллинской культурой. Поэтому объ Августинѣ можно сказать, что если современный ему императоръ Теодосій разгромилъ язычество своими законами и распоряженіями, насколько оно проявлялось въ храмахъ, идолахъ и обрядахъ, то Августинъ сокрушилъ его въ его же философіи, въ его же морали, въ его исторіи,—вообще, въ его идеалахъ.

Но Августинъ сдѣлалъ больше. Полная побѣда христіанства надъ язычествомъ требовала еще иного—не сокрушенія только языческой культуры, а подчиненія ея христіанской, использованія ея въ интересахъ христіанскаго міровоззрѣнія. Задача IV-го вѣка по Р. Х., начавшагося съ признанія христіанства терпимой римскимъ государствомъ религіей и окончившагося признаніемъ язычества *нетерпимой* государствомъ религіей, заключалась въ объединеніи двухъ столь различныхъ міровоззрѣній,—отходящаго въ прошлое античнаго и торжествующаго христіанскаго. Эта задача представляла собою естественное продолженіе культурнаго процесса, совершавшагося уже нѣсколько вѣковъ въ Римской имперіи, соединившей подъ одною властью всѣ народы древняго міра съ ихъ различными языками, богами, нравами и бытомъ. Но несравненно важнѣе, чѣмъ эта ассимиляція, было сочетаніе въ общемъ синтезѣ язычества и христіанства. Пока христіане боролись съ язычниками и съ языческимъ государствомъ за свое существованіе, они могли чуждаться античнаго міра. Когда же христіанство восторжествовало, оно не могло ограничиться однимъ отрицаніемъ. Пусть императоры угнетали язычниковъ законами, пусть воинствующие епископы и фанатическіе монахи разбивали храмы и идолы, предъ которыми христіане претерпѣвали муки—язычество, даже исчезая, оставалось въ прошломъ и требовало не только опроверженія, но и своего объясненія. Христіанское міровоззрѣніе, поднимаясь надъ нимъ, должно было указать ему его мѣсто въ общемъ міровомъ порядкѣ и этимъ окончательно

побѣдить его. Это и сдѣлалъ Августинъ, противопоставивъ язычеству, въ видѣ земного государства, Божье царство.

Другой стороною Божье царство Августина было обращено непосредственно къ христіанамъ. Какъ ни были краснорѣчивы утѣшенія, съ которыми Августинъ обратился къ христіанамъ, пострадавшимъ при разореніи Рима,—вполнѣ убѣдительно они становились лишь при сознаніи, что вмѣсто прежняго, брэннаго пострадавшіе обрѣли новое, лучшее отечество. Но, противопоставляя земному Риму горній и нерушимый градъ Божій, Августинъ вознесся высоко надъ этимъ дуализмомъ, и его кругозоръ расширился. Онъ обращался уже не къ однимъ христіанамъ города Рима, но и къ разрушителямъ его, варварамъ—ко всему христіанскому міру, и подъ земнымъ царствомъ онъ подразумѣвалъ уже не одинъ градъ Ромула, разрушенный новыми галлами, а весь міръ съ его земными благами. Пренебреженіе къ міру, проповѣдуемое Евангелиемъ и поддерживавшееся въ эпоху гоненій, было забыто, когда христіанство овладѣло міромъ и стало имъ управлять. Въ Божьемъ царствѣ Августина эта проповѣдь снова раздается съ усиленной страстностью и съ безусловными формулами. Въ Евангеліи аскетизмъ является настроеніемъ, *моральнымъ* требованіемъ—у Августина онъ выступаетъ во всеоружіи, становится доктриной, основанной на разумѣ и на опытѣ челоувѣчества. Пользуясь аргументами языческихъ философовъ, такъ часто разсуждавшихъ о высшемъ благѣ, и свидѣтельствами языческихъ историковъ, Августинъ доказываетъ путемъ разумныхъ доводовъ и съ помощью исторіи, что на землѣ нельзя найти высшее благо, и что высшее благо заключается лишь въ вѣчной жизни—въ царствѣ Божіемъ; высшее же зло—вѣчная смерть—есть конецъ земного царства. Такимъ образомъ, какъ религія, такъ и философія, и исторія, сводятся у Августина къ одному результату—аскетическому міровоззрѣнію. Но Августинъ писалъ не для однихъ бѣглецовъ изъ Рима, не для однихъ современниковъ, а для потомства. Много лѣтъ спустя послѣ того, какъ послѣдній язычникъ незамѣтно угасъ на почвѣ Италіи, и разореніе Рима готами было забыто подъ впечатлѣніемъ другихъ, болѣе тяжкихъ бѣдствій, краснорѣчивый африканскій епископъ былъ признанъ великимъ учителемъ западнаго христіанства, и его „Божій градъ“ сталъ руководящимъ свѣточемъ для средневѣкового міровоззрѣнія, знаменемъ, подъ которымъ шла церковь къ власти и царству, и колыбелью первой и долго господствовавшей философіи исторіи.

В. ГЕРЬЕ.

УРАЛЬСКІЕ ЭТЮДЫ

I.—Поздней осенью.

Эту осень Семень Косыхъ съ своей молодухой Марьей живетъ не на заводѣ, а въ горахъ, въ глухомъ и дикомъ Волчьемъ логу. Онъ арендуетъ у заводскаго управленія пахотную землю и въ качествѣ арендной платы обязанъ представлять на заводъ ежегодно двѣсти коробовъ угля, который онъ долженъ выжечь самолично. Это очень неприятная повинность: выжигать уголь можно только осенью и гдѣ-нибудь далеко въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ завода, такъ какъ ближе всѣ лѣса давно уже вырублены и сожжены. Работать нужно не меньше мѣсяца, и жить все это время приходится въ сооруженной на скорую руку землянкѣ, сырой и холодной. Да и самая работа не изъ легкихъ: надо сложить десятокъ громадныхъ, сажени по 3—4 въ диаметрѣ, кучь дровъ, покрыть ихъ сверху полуаршиннымъ слоемъ земли и лохомъ; когда въ середину каждой кучи введенъ огонь и кучи горятъ, нужно постоянно, и днемъ и ночью, слѣдить, чтобы онѣ горѣли равномерно и такъ же равномерно осѣдала земляная насыпь каждой кучи на прогорѣвшія мѣста. А для этого нужно ходить кругомъ кучи и колотить по насыпанной на ней землѣ „чекмаремъ“, —тяжелымъ, пуда въ два, деревяннымъ молоткомъ. Кругомъ сыро, сверху идетъ, не переставая, мелкій и холодный дождь, при каждомъ ударѣ чекмаря работника обдастъ грязью, дымъ лѣзетъ прямо въ лицо... Впрочемъ, постоянная работа у кучь необходима только въ теченіе первыхъ двухъ недѣль послѣ ихъ „запала“, —дальше можно ограничиться только дневнымъ уходомъ. Но надзоръ за кучами долженъ быть постояннымъ почти до самаго окончанія углесиднаго сезона: если

огонь гдѣ-нибудь въ серединѣ кучи распалится и не будетъ во-время сдержанъ, много тогда нужно хлопотъ, чтобы остановить его. А такія, незамѣченныя и неостановленныя во-время, шалости огня даютъ въ результатъ нѣсколько воробовъ „недосиду“. А за „недосиды“ полагается серьезный штрафъ...

Осень выдалась на рѣдкость дождливой и непритной. Весь сентябрь и половину октября сѣялся изъ свинцовыхъ, бѣгущихъ надъ самой землей и задѣвающихъ горы, облаковъ мелкій и злой дождикъ. Временами онъ переставалъ, но его смѣняли большіе и тяжелые хлопья снѣга, таявшіе при одномъ соприкосновеніи съ землей, а потомъ съ удвоенной энергіей опять принимался идти дождь. Съ вечера падалъ на землю туманъ и дѣлалъ ненастные ночи еще болѣе угрюмыми и темными. А по утрамъ онъ поднимался медленно и тяжело вверхъ, но останавливался на вершинахъ горъ, чтобы къ вечеру опять спуститься въ долины. И въ Волчьемъ логу, узкой долиной между двумя горами, одной—крутой и высокой и другой—пониже и съ пологимъ скатомъ, было темно и неуютно. На днѣ долины бѣжалъ сердитый горный потокъ, цѣлый день удерживавшій около себя туманъ, а на его пологомъ берегу чернѣли десять стоящихъ рядомъ безобразныхъ кучъ. Дымъ отъ нихъ не поднимался вверхъ, а стлался по лощинѣ, смѣшивался съ туманомъ. Около кучъ днемъ суетились четверо грязныхъ людей, нерѣдко перекликавшихся между собой злыми и охрипшими голосами. Ихъ крики тоже не поднимались высоко надъ землей,—казалось, что дождь прибываетъ ихъ къ землѣ, не давая имъ подняться надъ дымомъ, надъ туманомъ. Къ вечеру люди уходили въ чернѣвшую на другомъ, высокомъ и крутомъ берегу ручья, какъ разъ противъ кучъ, землянку, и тогда ихъ крики смѣнялись иными звуками, странными и непонятными, похожими и на человѣческое заунывное пѣніе, и на далекій звѣриный вой, и на жужжанье большого шмеля.

То игралъ на дудкѣ Семеновъ работникъ, башкиръ Хайридинъ. Дудка сама по себѣ издавала слишкомъ слабыя звуки, и притомъ эти звуки не могли почему-то поспѣвать за всѣми изгибами пѣсни,—и Хайридинъ подпѣвалъ дудкѣ еще голосомъ. Отъ этого звуки становились и громче, и послушнѣе... Пѣсни Хайридина были дико и бесконечно печальны, и въ нихъ, должно быть, совсѣмъ не было никакого содержанія, кромѣ тоски, потому что Хайридинъ тосковалъ безъ думъ, безъ желаній, безъ воспоминаній,—у него болѣло сердце, ему было тяжело, и его тоска походила скорѣе на физическую боль въ груди. Онъ давно передумалъ всѣ свои думы, и отъ нихъ осталась у него на

сердцѣ тяжелая, какъ камень, печаль. Ей было тѣсно въ груди, она просилась наружу, сжимая сердце,—и Хайридинъ изливалъ ее въ своемъ пѣвнѣ. И всѣмъ, кто слушалъ его, становилось грустно, тяжело... Сырая, холодная ночь, придавившая густой, какъ чернила, тьмой лощину, плакала злыми и холодными слезами, а въ глухомъ ропотѣ бѣжавшаго внизу потока слышались и подавленные рыданія, и проклятія, произносимыя кому-то сдавленнымъ шопотомъ...

Хайридинъ, вѣроятно, пѣлъ бы каждую ночь напролетъ, но каждую ночь прерывали его музыку. То вылѣзетъ изъ землянки сердитый Акимъ, Семеновъ дядя, сухой мужиченко съ деревянной ногой, и крикнетъ на Хайридина:

— Чего воешь, чортъ сивый?.. Всю душу вымоталъ...

То какая-нибудь куча начнетъ шалить,—трещать и шипѣть... Это означало, что ея земляная насыпь скоро провалится надъ прогорѣвшимъ мѣстомъ и надъ кучей поднимется яркій снопъ огня и искръ. Тогда Хайридинъ открывалъ дверь землянки, кричалъ внутрь ея:

— Огонь играть!

—и бѣжалъ къ такъ дерзко нарушившей обычный ходъ вещей кучѣ. Слѣдомъ за нимъ бѣжали и его хозяева, не исключая и хромого Акима, который спотыкался и падалъ чуть не на каждомъ шагу: онъ, бѣдняга, могъ управлять своей деревянной ногой только когда шелъ не спѣша и не думалъ о ней... Люди окружали зашалавшую кучу и, осыпаясь искрами, въ ѣдкомъ, слѣпящемъ глаза дыму, бросали на прогорѣвшее мѣсто сырыя полѣнья и такимъ образомъ подавляли расходившееся пламя. Но случалось и такъ, что „шалить“ начали двѣ-три кучи сразу,—тогда дѣло оказывалось серьезнымъ и труднымъ, особенно если поднимался вѣтеръ. Тогда не легко было забросать пламя сырьемъ, и только послѣ нѣсколькихъ часовъ упорнаго труда люди уходили къ своей землянкѣ, угорѣвшіе, опаленные, съ слезящимися глазами, всѣ въ копоти... А черезъ часъ-другой приходило утро, и нужно было опять идти къ кучамъ и стучать по нимъ чекмаремъ.

Не легко доставалась Семену его „ренда земли“; не легко доставались и Хайридину тѣ два рубля, что онъ получалъ за углесидный сезонъ.

Въ землянкѣ тепло, но душно и дымно. Она не больше кубической сажени, и добрую треть ея занимаетъ „шуваль“, устроенный въ одномъ изъ ея угловъ. Это—жалкое подобіе печи, сложенной изъ дикаго камня и не имѣющей трубы. Шуваль

вѣчно даетъ угарь, а потому обитатели землянки спать тяжело и беспокойно и поднимаются утромъ съ тяжелыми, большими головами.

Темно. День былъ очень беспокойный: огонь въ кучахъ „шалить“ то-и-дѣло, и работники устали крѣпко. Однако, имъ не спится. Акимъ возится и поминутно крикитъ, — у него болитъ поясница и ноютъ кости. У Семена не болитъ ничего, но ему мѣшаетъ спать забота: ему кажется, что кучи не дадутъ нужнаго количества угля, и съ него за „недосидѣ“ возьмутъ штрафъ. Въ прошломъ году ему этотъ штрафъ не былъ страшенъ: онъ былъ одинъ, а извѣстное дѣло—одна голова не бѣдна. А теперь у него молодуха и какое ни есть, а все-же хозяйство. Арендованная земля дала плохой урожай, такъ что ее не стоило бы и арендовать, „кабы знато“. Кучи отняли полтора мѣсяца, и денегъ нѣтъ ни гроша... Какъ тутъ обернешься? И бѣсъ его надоумилъ жениться... Нешто рабочему человѣку въ нынѣшнее время можно жениться? Это баловство не про него...

У одной Марьи веселыя думы. Она вспомнила, какъ намеренно сватился съ горы хромою Акимъ и какъ поспѣшно мелькала въ воздухѣ его деревяшка. Она не можетъ удержаться отъ смѣха, прыскаетъ и смѣется, весело и задорно. Смѣхъ у нея чистый и звонкій, и когда она смѣется, то, глядя на нее, нельзя не улыбнуться: такъ хорошъ и заразителенъ ея смѣхъ. Но на этотъ разъ онъ не производитъ обычнаго эффекта, — Семень сердито тычетъ ее локтемъ въ бокъ и такъ же сердито ворчитъ на нее:

— Чего ржешь?..

Марья успокоивается, но черезъ минуту тихонько спрашиваетъ Акима:

— Дядя Акимъ... а, дядя Акимъ... Ты спишь?

— Нѣту... Чего тебѣ?

Марья опять прыскаетъ и со смѣхомъ въ голосѣ шепчетъ:

— Мнѣ мамка сказывала, что ты такъ съ влюкой и родился...

И вся трясется отъ сдерживаемаго смѣха.

— Ну и дурында, прости, Господи!..—недовольно ворчитъ Акимъ.

Опять молчаніе. Крикитъ Акимъ, вздыхаетъ Семень. А снаружи доносится унылое жужжаніе Хайридиновой дудки.

— Дядя Акимъ,—тихо спрашиваетъ Семень.—А вѣдь у насъ угля-то нехватка будетъ...

— А ты думалъ, какъ?—живо отзывается Акимъ.—Они, хриstopродавцы, въ тому и гнутъ, чтобы никто ренды не могъ высидѣть... Имъ припентъ оттого.

— Коробовъ, чай, двадцать нехватка будетъ...

— Коли не больше... Спи съ Богомъ... Утро вечера мудренѣе...

Семену не спится. Черезъ минуту-другую онъ тяжело вздыхаетъ и опять говоритъ, не то Акиму, не то про себя:

— Какъ зимовать-то будемъ?.. Штрафъ большой вычтутъ... И опять же дровъ отщипать не будутъ, покупай...

— А ты думалъ, какъ?.. Ты думалъ, что бариномъ жить будешь?.. Подождешь... Вотъ еще ребята пойдутъ—не такъ взвоешь.

— Не знай, какъ и быть...

— Такъ и будешь... Сегодня не поѣшь, завтра долотомъ закусишь, послѣ-завтра топоръ сварить—щецъ похлебаешь... Топоръ-отъ наварный... Какъ отцы наши жили, такъ и мы живемъ, да и дѣти наши того... Такое ужъ заведеніе, чтобы крестьянскій рабочій человѣкъ сытымъ не былъ... А то работать не станеть... Я вотъ сытымъ никогда не былъ, а ничего... прожилъ...

Акимъ ударяется въ философію—и толкуетъ о томъ, какъ быстро бѣжитъ жизнь и какъ человѣкъ постоянно бьется, хлопочетъ, надѣется на что-то, ждетъ чего-то, и въ концѣ концовъ умираетъ, ничего не дождавшись. А Семень—и слушаетъ, и не слушаетъ; но слова дяди ложатся на его сердце тяжелой недоумѣвающей тоской.

— Есть такая загадка,—философствуетъ Акимъ.—Такого рода вопросъ: что всего быстрее? Отгадка на вопросъ есть: мысль... Только она, отгадка эта, неправильная: всякую мысль другая мысль, пошустрѣе, догонитъ и перегонитъ... А быстрый всего—жизнь: ну-ка, догони вчерашній день?.. Давно ли, скажемъ, я молодой былъ?.. Или, скажемъ...

Его прерываетъ звонкій смѣхъ Марьи: она представляетъ себѣ, какъ сухопарый дядя Акимъ бѣжитъ догонять вчерашній день. Хромаетъ, спотыкается, и такъ и сверкаетъ на солнцѣ желѣзнымъ наконечникомъ своей клюки...

— Куды ужъ тебѣ, хромому, вчерашній день догонять... Помнишь, какъ онъ догонялъ башкира, который у него шапку укралъ?—толкаетъ она подъ бокъ мужа.

— Отстань,—какъ будто сердито отвѣчаетъ тотъ, но и самъ не можетъ не разсмѣяться, вспомнивъ происшествіе.

— Ну, заржали, черти...—обязается Акимъ.—Чему рады?.. Спать пора...

Супруги хохочутъ долго,—и у Семена на сердцѣ становится немного веселѣе. Но смѣхъ мало-по-малу замираетъ, и имъ опять

овладѣваетъ прежнее настроеніе, и опять онъ задумывается, — какъ жить? Ежели весь вѣкъ такъ маяться, стѣитъ ли и жить? Стѣитъ ли овчинка выдѣлки?.. Вонъ Авимъ прожилъ вѣкъ, Хайридинъ... какой отъ этого прокъ? Все равно, помрешь, а рано или поздно — тоже все равно... Ежели рано, такъ еще лучше: маяться меньше.

— Дядя Авимъ, — опять начинается онъ разговоръ. — Ежели бы можно вдругорядъ жизнь прожить, ты согласился бы?

Авимъ съ полминуты молчитъ, потомъ точно нѣхотя отвѣчаетъ:

— Пожалуй...

И вдругъ оживляется, — садится на своемъ ложѣ и со вздохомъ восклицаетъ:

— Кабы вдругорядъ... да кабы съ здоровой ногой... Показалъ бы я фигуръ-манерь... Да будетъ, шутъ васъ дери, зря болтать-то... Спать пора... Спите съ Богомъ.

Въ землянку влѣзаетъ Хайридинъ, внося съ собой струю свѣжаго воздуха и своеобразный запахъ, присущій башкирскому тѣлу и башкирской одеждѣ.

— Холодна больно, — оправдывается онъ. — Мало-мало погрѣюсь, опять уйду.

— Смотри ты, собачье рыло... — недовольно ворчитъ Авимъ. — Какъ бы тамъ кучи-то...

Хайридинъ садится на корточки возлѣ самой двери.

— Снѣгъ идетъ, — сообщаетъ онъ, немного помолчавъ.

Нѣсколько минутъ въ землянѣ молчатъ, но потомъ тишина нарушается фырканьемъ Марьи.

— Чего ты? — освѣдомляется Семень, и въ его вопросѣ слышны смѣшливый нотки.

— Пахнетъ отъ Хайридина... Сказываютъ, что отъ медвѣдя башкиромъ пахнетъ...

— Это вѣрно, — отзывается Авимъ. — Мнѣ одинъ человѣкъ сказывалъ, шелъ онъ разъ по лѣсу съ башкиромъ. Вдругъ медвѣдь. Они его видятъ, а онъ ихъ нѣтъ. Водитъ медвѣдь носомъ, чуетъ, значитъ, что пахнетъ... А потомъ замурлыкалъ, ласково эдакъ: „мурръ, мурръ, мурръ“... Подумалъ, значитъ, что это медвѣжиха близко... А это башкиръ... Ха-ха-ха!..

И Авимъ хохочетъ, — у него очень глупый и странный смѣхъ, похожій на рычанье. Смѣются и Семень, и Марья, и ея звонкій смѣхъ покрываетъ гоготанье мужчинъ и донимаетъ даже Хайридина, который тоже ухмыляется.

— Хорошій твоя баба, Самёнъ,—говорить онъ, когда перестаютъ смѣяться.

— А что?.. Хороша, да не больно...

— Веселый баба,—ухмыляется Хайридинъ.—Веселый баба рабочему человѣку—первый дѣло...

А потомъ добавляетъ уже грустнымъ тономъ:

— У меня тоже баба былъ...

Потомъ вздыхаетъ и, согнувшись, вылезаетъ изъ землянки. А черезъ минуту доносится снаружи тоскливое жужжанье его дудки.

— О бабѣ, знать, взгрустнулось собагѣ,—замѣчаетъ Акимъ.—Ишь воетъ, лѣшманъ... Ну, однако,—спать пора... Спите съ Богомъ...

Мало-по-малу всѣ засыпаютъ. Тишина. Слышно, какъ гудить вѣтеръ, проносясь по логу, и какъ аккомпанируетъ ему на дудкѣ Хайридинъ.

Выплакало ли небо всѣ свои слезы, соскучилось ли по землѣ солнце, только въ серединѣ октября неожиданно выдался свѣтлый и теплый денекъ. Ночью шелъ дождь, но утро занялось скорѣе и свѣтлѣе, чѣмъ всегда; туманъ поднялся кверху быстрѣе и легче и не остановился даже у вершинъ горъ; да и облака какъ будто стали гораздо выше и бѣлѣе. А къ полудню они прорвались сразу въ двухъ мѣстахъ, и въ эти окна было видно смѣющееся голубое небо, а потомъ образовалось третье окно—и изъ него брызнулъ на землю яркій и веселый лучъ солнца. И все кругомъ повеселѣло... Туманъ, обычно скрывавшій потокъ, исчезъ, и дымъ отъ кучъ поднимался кверху сѣрыми, съ мягкими округлыми очертаніями, клубами.

Хайридинъ соорудилъ на берегу потока костеръ и сидѣлъ воелъ него на корточкахъ, щуря подслѣповатые глаза на солнце и улыбаясь ему всей своей широкой монгольской физиономіей. Рядомъ съ нимъ лежалъ на спинѣ Акимъ и курилъ цыгарку. Молодыхъ не было видно,—они спали въ землянкѣ. Сезонъ выжиганія угля кончался, — кучи, истратившія всю свою энергію на бесплодныя попытки разойтись во всю, не могли больше шалить и не требовали никакого надзора. Нужно было только выждать, когда дымъ, идущій отъ нихъ, будетъ прозрачнѣе и нѣжнѣе,—тогда можно будетъ разваливать кучи и начинать заключительный актъ сезона—возить уголь на заводъ.

Хайридинъ улыбался недолго: стоило ему только отвести отъ веселаго солнца и смѣющагося неба усталые глаза и посмотреть на лощину, чтобы опять стать печальнымъ, какъ всегда.

Но, должно быть, солнце отогрѣло его душу, и его печаль не была уже безпредметной и нѣмой, какъ прежде, и въ его мозгу шевелилась мысль. Онъ смотрѣлъ печальными глазами на склоны горъ, одинъ крутой и другой покатый, и думалъ о томъ, что еще недавно они, эти склоны, были покрыты густымъ и могучимъ лѣсомъ. Тутъ росли и столѣтнія сосны, и мохнатая ели, и веселыя лиственницы, — и Волчій логъ представлялъ дикій, совершенно еще нетронутый и потому прекрасный уголокъ. Чаща тутъ была такая, что и въ свѣтлые лѣтніе дни на днѣ лощины были вѣчныя сумерки. И было тутъ всегда свѣжо и сыро... По деревьямъ бѣгали бѣлки, устраивали свои гнѣзда птицы, а внизу, у мшистыхъ корней деревьевъ, всегда была торжественная и таинственная тишина. Тогда и потокъ не шумѣлъ такъ громко, какъ сейчасъ: онъ не смѣлъ нарушать вѣковой тишины, онъ былъ подавленъ величіемъ обступившихъ его задумчивыхъ елей.

Хайридинъ равьше былъ только разъ въ Волчьемъ логу, — давно, лѣтъ пять тому назадъ, когда онъ и самъ былъ бодрѣе и когда его тоска имѣла опредѣленныя формы. Это мѣсто считалось у окрестныхъ башкиръ священнымъ: среди нихъ сохранялось, передаваясь изъ рода въ родъ, преданіе, будто великій пророкъ Магометъ, когда онъ обходилъ всю землю, жилъ въ этомъ логу цѣлыхъ три дня. И никто изъ правовѣрныхъ не могъ осквернить своимъ присутствіемъ святого мѣста, и оно было полно торжественной и загадочной тайны, которая такъ шла къ задумчивой и красивой долинкѣ... Преданіе очень точно указывало мѣсто, на которомъ усталый Магометъ отдыхалъ отъ пути три дня и три ночи: это была небольшая полянка у потока, тамъ, гдѣ онъ образовывалъ небольшую заводь. Къ Магомету ходили на поклонъ и на судъ всѣ жившіе окрестъ правовѣрные, и пришли однажды къ нему двое: богатый и бѣдный. Богатый обижалъ всѣхъ, но бѣдный больше другихъ терпѣлъ отъ него: у бѣднаго была красивая жена, и богатому хотѣлось отнять ее у него, хотя у самого и было уже три жены и много наложницъ. Онъ отнял у бѣднаго самоваръ, лошадь и козу, выгналъ его изъ дому и подъ конецъ пришелъ къ нему и сказалъ:

— Отдай мнѣ свою Сутымъ, а то я скажу начальнику, что ты у меня угналъ изъ табуна лошадь, и онъ тебя посадитъ въ тюрьму. Тогда все равно Сутымъ будетъ моя, отдай ее лучше добровольно.

Заплакалъ бѣдный и подумалъ:

„Вотъ пророкъ близко на отдыхъ стоитъ. Пойду къ нему на судъ, пускай рассудитъ“.

Ваялъ комъ крута — все, что у него осталось, — въ подарокъ пророку—и пошелъ. А богатый узналъ, что бѣдный пошелъ на судъ къ пророку, и тоже отправился къ нему. И отобралъ для подарка самыхъ жирныхъ барановъ, лучший чиликъ масла и самую толстую изъ женъ, и подумалъ:

„Мои подарки будутъ лучше подарковъ бѣднаго, и пророкъ будетъ на моей сторонѣ“.

И предстали оба передъ пророкомъ. Выслушалъ ихъ пророкъ, улыбнулся, указалъ на заводъ, на берегу которой сидѣлъ, и сказалъ:

— Смотрите.

Вода въ заводи была спокойна и прозрачна, и было видно дно ея до мельчайшаго камешка, а въ водѣ рѣзвились, сверкая на солнцѣ серебристой чешуей, стада веселыхъ рыбокъ. А на двѣ лежала хищная щука и жадно высматривала добычу, и время отъ времени бросалась на рыбокъ, какъ стрѣла, пущенная изъ туго натянутого лука, и глотала ихъ. И оттого бѣлое брюхо ея становилось толстымъ и блестящимъ. И когда она наѣлась и улеглась спокойно на сѣромъ днѣ, среди камней, отъ которыхъ было трудно отличить ея сѣрую спину, пророкъ внезапно крикнулъ и топнулъ ногой. И маленькія серебряныя рыбки и щука испугались и бросились изъ заводи. Но въ узкомъ мѣстѣ потока была поставлена рыбакомъ верша и заграждала имъ путь. Серебристыя рыбки, какъ блестящи, скользнули въ щели между прутьями верши и ушли, а щука просунула въ самую широкую щель голову, но ея толстое брюхо не могло пройти сквозь нее,— и щука завязла. Тогда вышелъ изъ-за дерева рыбакъ, взялъ щуку, проткнулъ ей сквозь жабры вѣтку и унесъ.

Понялъ богатый—и лицо его потемнѣло, какъ туча.

А пророкъ улыбнулся и сказалъ:

— Пойдемъ на гору и помолимся Аллаху, чтобы онъ разсудилъ васъ.

Гора была высокая и крутая, и на нее было трудно взбираться. Но пророкъ шелъ легко: деревья передъ нимъ разступались и неровный путь сглаживался. Бѣдный шелъ слѣдомъ за нимъ, и потому ему тоже было легко идти. А богатый, толстый и во многихъ одеждахъ, скоро усталъ, не могъ близко слѣдовать за пророкомъ, и такъ какъ деревья, разступившись передъ святымъ, быстро смыкались опять и земля подъ ногами принимала прежній неровный видъ, обезсилѣлъ и упалъ на дорогѣ. Поэтому на вершину горы взопли и молились Аллаху только

пророкъ и бѣдный,—и Аллахъ услышалъ ихъ молитву и громомъ изъ тучи сказалъ пророку:

— Возьми все у богатаго и отдай бѣдному.

Такъ богатый уподобился щукѣ, завязшей въ вершѣ.

„Великъ Аллахъ... и Магометъ — пророкъ его“, — думаетъ Хайридинъ и опять, улыбаясь, смотритъ на яркое солнце, на синее небо... А потомъ опять переводитъ усталые глаза на гору, на которой, по словамъ преданія, пророкъ и бѣдный молились Аллаху. Гора очень крутая, и дѣйствительно, жирному человѣку никакъ нельзя на нее взойти. Вершина ея состоитъ только изъ скалъ, и на одной скалѣ есть ровная площадка, которую видно отсюда и на которой именно и молился пророкъ, какъ разсказывали старики.

Но когда здѣсь былъ пророкъ, склонъ горы и весь Волчій логъ были великолѣпно убраны могучимъ и прекраснымъ лѣсомъ, ради котораго, вѣроятно, пророкъ и выбралъ себѣ это мѣсто для отдыха... Хайридину жаль, жаль до боли, до слезъ, до щемящей сердце тоски, сгубленной красоты этого уголка, жаль оскорбленной святыни, и къ этой жалости еще другое чувство — чувство личнаго оскорбленія, личной обиды. Магометъ, который обходить всю землю разъ въ тысячу лѣтъ, могъ вѣдь опять остановиться на отдыхъ въ этой долинѣ, — понравилась же она ему при его прошломъ путешествіи... Но теперь онъ пройдетъ мимо нея — что теперь хорошаго въ ней, обезображенной и оголенной? — и какъ узнаешь, гдѣ онъ возляжетъ на отдыхъ?.. А еслибы былъ близво Магометъ, — о! тогда бы онъ услышалъ жалобы правовѣрныхъ, и бѣднымъ стало бы лучше. Пришелъ бы къ нему Хайридинъ и сказалъ бы:

— Пророкъ! Намъ, вѣрнымъ твоимъ, нельзя стало жить. У насъ отняли нашу землю, наши лѣса, и мы разорились. Ты, пророкъ, разсудилъ богатаго и бѣднаго. Разсуди и насъ, бѣдныхъ башкиръ, и...

И Хайридинъ разсказалъ бы пророку всю свою жизнь. Онъ разсказалъ бы, какъ обманомъ отняли у башкиръ землю и лѣсъ... Онъ это смутно помнить: помнить онъ только, какъ объѣзжали башкирскія деревни какіе-то „бояръ“ на тройкахъ, собирали сходы, поили башкиръ виномъ, давали имъ чай, сахаръ, товаръ. Народъ тогда сначала было удивлялся, откуда ему привалило такое счастье, и былъ немного смущенъ тѣмъ, что старосты ихъ деревень были засыпаны всевозможными подарками... Но потомъ,

послѣ двухъ-недѣльной безпросыпной пирушки, башкиры уже не считали свое разгульное житье чѣмъ-то удивительнымъ, необыкновеннымъ, и привыкли къ нему. Чтобы угодить добрымъ „бояръ“, они скакали передъ ними на лошадяхъ, боролись, пѣли имъ пѣсни, плясали; а когда „бояръ“ попросили ихъ подписать какія-то бумаги, они съ легкимъ сердцемъ и безъ всякой боязни исполнили и эту ихъ просьбу. И „бояръ“, уѣзжая, давали башкирамъ деньги, и башкиры благодарили Аллаха за неожиданно привалившее имъ счастье. А потомъ... потомъ деньги всѣ вышли, въ дѣсахъ понастроены были новыя избышки, въ которыхъ поселились сердитые и нахальные люди. И оказалось неожиданно-негаданно, что и дѣсь, и землю башкиры продали ласковымъ „бояръ“... Они не могли больше сѣять хлѣбъ, не могли рубить себѣ дрова,—и когда наступила холодная и голодная зима, они окончательно поняли причину странной ласковости „бояръ“. Хайридинъ и сейчасъ дрожить отъ страха, вспоминая, что тогда было... Тогда у него умерла мать, а отца убили въ драгѣ. Дрался много: били старость и ихъ прислѣшниковъ, били другъ друга... и какъ били!.. Ходили жаловаться къ начальникамъ, къ царю, но... начальники держали руку богатыхъ „бояръ“, а до царя ходоки не дошли... То было страшное время: изъ города приходили солдаты и стрѣляли въ башкиръ... Богаты были „бояръ“ и все, что хотѣли, могли сдѣлать съ бѣдными башкирами. То было страшное время: много перебили мулъ, подозрѣвая, что они подкуплены „бояръ“ и неправильно молятся Аллаху...

И началась для башкиръ печальная жизнь. Въ деревняхъ остались только старухи, да маленькіе ребята, а всѣ взрослые разошлись по заводамъ, отыскивая работу. „Бояръ“, видя, что они беззащитны и доведены до крайней нищеты, обидѣли ихъ и тутъ: заставляли дѣлать самую трудную работу и давали самую малую плату... И съ тѣхъ поръ пошелъ на убыль правовѣрный народъ... Пропали, вымерли, растаяли цѣлыя деревни,—исчезла съ лица земли и родная деревня Хайридина.

Да, вѣрѣе обидѣли богатые „бояръ“ бѣдныхъ башкиръ... Много принялъ отъ нихъ горя и обиды и бездомный Хайридинъ. Но имъ мало того, что они отняли все у него, нѣтъ—они еще, какъ побѣдители надъ побѣжденными, вѣчно издѣваются надъ нимъ, надъ тѣмъ, что онъ не русскій, а башкиръ. Его зовутъ только собакой, для него держать особую посуду, которую считают поганой, надъ нимъ смѣются, оскорбляютъ и его самого, и его вѣру, и его народъ... Они отняли у него его жену: она у него простудилась, возя зимой съ мужемъ руду на заводъ, и

заболѣла. Тогда русскіе силой взяли ее у Хайридина, утащили въ больницу и тамъ уморили... Хайридину казалось, что онъ не можетъ больше терпѣть, и что теперь пожалѣютъ его Аллахъ и Магометъ; но какъ онъ ни плакалъ, какъ ни молилъ Аллаха услышать его, Аллахъ не услышалъ... Тогда онъ и ходилъ въ Волчій логъ, на священное мѣсто. Это было зимой, морозною ночью. Хайридинъ проваливался въ глубокомъ снѣгу, плавалъ отъ горя и усталости, но все шелъ и шелъ по лѣсу, къ логу. Усталый, измученный, дошелъ онъ до него, и какъ онъ тогда молилъ Аллаха, молилъ Магомета!.. Но и тутъ они не услышали его, потому что оба были высоко-высоко,—тамъ, за чернымъ небомъ, за далекими звѣздами...

Хайридинъ хотѣлъ-было убить себя, но потомъ рѣшилъ подождать еще. Кто знаетъ, когда долженъ пройти по землѣ Магометъ, кто знаетъ, гдѣ онъ пройдетъ? А если онъ будетъ на землѣ и пройдетъ близко, онъ опять остановится въ Волчьемъ логу: лучше и удобнѣе ему не найти мѣста... Тогда онъ опять расудить бѣднаго съ-богатымъ... И эта надежда росла и крѣпла въ забитой душѣ Хайридина, и онъ рѣшилъ жить и ждать. Каждое новолуніе онъ съ тревожнымъ ожиданіемъ слѣдилъ, не остановится ли молодой мѣсяцъ на небѣ и не уважетъ ли такимъ образомъ мѣста, на которомъ отдыхаетъ пророкъ. Но шли недѣли, мѣсяцы и годы, а Магометъ не приходилъ... Много разъ Хайридинъ замѣнялъ испортившійся комъ крута, который онъ берѣгъ для подарка пророку,—свѣжимъ, много истопталъ за это время сарывовъ, съѣлъ всѣ свои зубы, растерялъ волосы, а Магометъ не приходилъ...

Но жила въ сердцѣ Хайридина надежда, и его тоска не была безпросвѣтной... И эту надежду, которой только и жилъ бѣдный башкиръ, отняли теперь богатые...

Это было весной. Еще не сошелъ снѣгъ съ вершинъ горъ, еще не опушились лиственницы, какъ въ Волчій логъ пріѣхали русскіе. Ихъ была цѣлая толпа. Вечеромъ они пѣли пьяными голосами, ругались, играли на гармоніяхъ и пьянствовали, а утромъ взяли топоры и пилы и... качались и со стономъ падали одно за другимъ священныя деревья. Черезъ недѣлю весь логъ былъ покрытъ ихъ трупами, а русскіе обрубали съ умирающихъ деревьяевъ сучья, пилили ихъ стволы и выводили одну за другой неуклюжія и громадныя полѣнницы.

Съ того времени и появилась въ груди Хайридина эта тоска-звѣя, сжимающая его сердце своими холодными кольцами. Погасъ послѣдній лучъ надежды, и впереди была безпросвѣтная

ночь. И не о чемъ стало больше думать... Хайридинъ ни о чемъ и не думалъ, а только—когда его безобразная тоска становилась невыносимой и грозила задушить его—онъ бралъ свою дудку и пѣлъ. Это было больше по ночамъ: днемъ заглушала тоску тяжелая работа.

Ничего не думалъ Хайридинъ и тогда, когда осенью явился съ Семеномъ въ Волчій логъ жечь на уголь священныя деревья. Только вылъ какъ будто громче, чѣмъ всегда...

Но теперь, когда послѣ долгаго томительнаго ненастья опять выглянуло солнце, обогрѣло и обсушило его, и такъ ярко освѣтило картину опустошенія, въ немъ снова проснулась мысль: теперь больше не на что надѣяться, Аллахъ и Магометъ окончательно и безповоротно забыли его... И эта мысль, острая и злая, какъ тонкое, стальное лезвіе, проникла ему въ грудь, рвала и терзала его бѣдное старое сердце... И это было неизмѣримо мучительнѣе и ужаснѣе обычной тупой, давящей боли.

Впрочемъ, это продолжалось недолго: острая боль мало-по-малу утихла, мысль уснула и ее замѣнила, вытѣснила хорошо знакомая прежняя безпредметная тоска безъ образовъ, безъ думъ, безъ воспоминаній. И Хайридинъ не видѣлъ больше ни веселаго солнца, ни неба, — онъ закачался изъ стороны въ сторону и запѣлъ гортаннымъ дикимъ голосомъ свою заунывную пѣсню.

Акимъ повернулся къ нему, насмѣшливо посмотрѣлъ ему въ лицо и сказалъ:

— Ну, опять завылъ!.. Чего ты воешь? солнышко вѣдь. Какого рожна тебѣ еще надо?

Хайридинъ умолкъ, а Акимъ все продолжалъ смотрѣть на него презрительно и насмѣшливо.

— Связываютъ, будто въ этомъ логѣ вашъ собачій богъ, Магометъ, жилъ?..

— Богъ—Аллахъ, а Магометъ...

— Дуракъ былъ этотъ вашъ уповойникъ Магометъ...

Хайридинъ давно привыкъ къ такимъ оскорбленіямъ, и потому молчалъ. А Акимъ вспомнилъ старый анекдотъ о Магометѣ, разсмѣялся ему и, выволачивая трубку о деревянную ногу, принялся рассказывать:

— Ловили разъ рыбу русскіе и башкиры. Про боговъ разговаривались. Ну, конечно, русскіе говорятъ: нашъ богъ хорошъ, башкиры—нашъ. Одинъ русскій и говоритъ: „Вотъ чтѣ, ребята. Давайте помолимся, мы—нашему богу, а вы—вашему. Чей богъ

кому рыбы больше пошлетъ, тотъ, значить, богъ и лучше". Ладно. Согласились. Башкиры, значить, сейчасъ свои сарыки долой, на ворточки и давай: „Аллахъ-бишмиллахъ! Аллахъ-бишмиллахъ! дай наша рыба больше!“—А русскій тѣмъ временемъ возьми, да у ихняго башкирскаго бредня мотню и перерѣжь... Что, не-скусно, ваше башкирско благородіе?—сдѣлалъ Акимъ паузу.

Хайридину уже давно кололи глаза этимъ анекдотомъ, и онъ слушалъ его совершенно равнодушно. Тѣмъ не менѣе, онъ флегматично, точно отмахиваясь отъ назойливой мухи, отвѣтилъ привычной фразой:

— Врешь ты.

— Ага, донимать, видно!..—заржалъ Акимъ.—Ну, побалакали это башкиры и говорятъ русскимъ: „Мы своего бога молимъ, можно рыбачить“. А русскіе говорятъ: „Пойдемъ. Петръ и Павелъ, апостоли, и безъ молитвы знаютъ, чего намъ надо“. Забрели... разъ, два. У русскихъ полонъ бредень рыбы, у башкиръ—ничего. Забрели еще и еще,—у русскихъ рыбы возъ, у башкиръ—ничего. Забѣгали, заталалакали башкиры, а невдомѣкъ башкамъ немаканымъ бредень свой обсмотрѣть. Полопотали, полопотали, да какъ заорутъ въ одинъ голосъ: „Петра и Паша, дай рыбки наша! Наша Магометъ—ни черта толкъ нѣтъ“!

Акимъ заржалъ опять побѣдоносно и громко. А Хайридинъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Ваша—много, наша—мало... Ваша—богатый, наша—бѣдный... А то бы... Сила наша нѣту... И Магометъ на небо ушелъ...

И опять закачался изъ стороны въ сторону и заплѣлъ...

II—Лѣтний ночью.

Уже поздно—одиннадцатый часъ, а у Спиридона Леванива только еще ужинаютъ. За столомъ сидитъ его жена, Елена, и ледящій мужиченко Касьянъ, который служитъ у Спиридона въ батракахъ,—у Спиридона, заводскаго рабочаго, нѣтъ времени для работы по хозяйству, и потому онъ въ горячее время года нанимаетъ батрака. Самого Спиридона нѣтъ,—сегодня онъ загулялъ и потому вернется домой не ранѣе полуночи. Елена надѣялась-было, что онъ вернется рано, и по возможности оттягивала время ужина, но потеряла надежду и рѣшила поужинать безъ мужа. Она сердито ходитъ отъ стола къ печкѣ, сердито ѣстъ и такъ же сердито рассказываетъ Касьяну новости заводскаго дня.

— Митрій опять бабу избилъ... Сегодня въ банѣ показывала,—мѣста живого не осталось, синякъ на синякѣ.

— Дивная сторона!—вздыхаетъ Касьянъ.—Сибирь-матушка...

Касьянъ—изъ „Расей“ и потому въ заводу, его населенію и жизни относится съ презрѣніемъ. Говоритъ онъ „по-расейски“, на а, и его мягкая рѣчь рѣзко отличается отъ грубаго голоса Елены, жестоко упирающей на о.

— Арина жалиться хочеть,—продолжаетъ Елена.—Не могу, баеть, больше терпѣть, онъ меня, баеть, жизни рѣшить... Это, баеть, супостать, а не мужъ... Да и что, въ самомъ дѣлѣ, терпѣть отъ всякаго идола?

Этотъ вопросъ довольно сильно задѣваетъ и самое Елену: Спиридонъ во хмелю тоже даетъ рукамъ волю.

— Да на нихъ, чертей, и управы-то не сыщешь. Вонъ Петровна наемни мужа съ сударьей въ лѣскѣ накрыла. Ну, пожалилась старшинѣ: законъ, дескать, мужъ нарушаетъ. „Поучи, баеть, будь отецъ родной, посади ты его, анаемому, хоть дня на три въ холодную. Да и сударку-то тоже поучилъ бы, потому съ чужими мужьями спать тоже закону нѣтъ“... А старшина и удумалъ: возьми да и посади въ темную и мужика, и сударку, да обонхъ вмѣстѣ... Ну, не язва?.. Петровна—къ земскому: такъ и такъ, молъ. А земскій руки въ боки да ха-ха-ха... Надъ нами же и смѣются.

Физиономія Касьяна расплывается въ улыбку, но онъ благополучно побѣждаетъ нектати охватившую его смѣшливость, качаетъ головой и опять вздыхаетъ.

— Дивная сторона... Сибирь-матушка... Въ Расей этого нѣту.

Елена рассказываетъ еще одинъ эпизодъ изъ вѣковѣчной войны бабъ съ мужьями, и опять приходитъ къ выводу, что на нихъ, нынѣшнихъ мужиковъ, управы нѣтъ, и что бабамъ въ нынѣшнее время житье—чистая каторга.

— Что же ты не ѣшь ничего?—перебиваетъ ее Касьянъ.

— До ѣды ли тутъ... Ты думаешь, онъ какой придетъ? Звѣрь вѣдь звѣремъ...

Трапеза приходитъ къ концу. Касьянъ широко, „по-расейски“, крестится и вылѣзаетъ изъ-за стола.

— Покорно благодарю за хлѣбъ, за соль,—говоритъ онъ.—Сибирь-матушка!.. Не люди, а звѣри. Ровно волеи... Не то что мужики, а и мальчишки-то—чистые разбойники. Его отъ земли не видать, а онъ ужъ что-нибудь супротивъ тебя злоумышляетъ... Намедни, и ѣду съ дровами, а мальчишка давай въ меня кам-

нами пушить. „Эй, — кричить, — расейска вошь!“... По-сейчасъ рука ноетъ... Проклятой отъ Бога народъ...

Касьянъ глубоко, отъ всей души ненавидитъ окружающій его проклятой народъ. А заводская публика отплачиваетъ ему той же монетой: „не нашъ, расейскій“. Всегда, когда Касьяну приходится сталкиваться съ толпой мастеровыхъ, изъ толпы обязательно раздастся окригъ:

— Эй, расейска вошь! Куда ползешь?

И обязательно кто-нибудь изъ той же толпы отвѣчаетъ ди-скантомъ, какъ будто подражая голосу насѣвомаго:

— Въ Черноземскій — кормиться: у насъ хлѣбъ не ро-дится...

Въ толпѣ хохотъ, а потомъ кто-нибудь сердито кричить:

— Не ходи близко! Шею намылимъ!.. Переломаемъ расей-скія-то ребра!..

И эти, изо дня въ день повторяющіяся, сцены глубоко воз-мущаютъ Касьяна и вѣрнѣе задѣваютъ его самолюбіе: какъ ни какъ, а сюда онъ, дѣйствительно, пришелъ кормиться. Чтѣ подѣлаешь, коли земля не родитъ, отошала?.. И, пожалуй, они, дѣйствительно намылятъ шею и переломаютъ ребра. Отъ нихъ станется: не люди, а звѣри... И Касьянъ ждетъ — не дождется, когда онъ выберется съ этого проклятущаго Урала на свою сто-ронку, которой онъ теперь никогда не оставитъ: „съ голоду по-мру, а своей стороны не сповину“, — думаетъ онъ. Къ осени, Богъ дастъ, получить онъ заработанныя у Спиридона деньги — и поминай тогда, какъ его, Касьяна, звали...

Касьянъ садится на скамейку возлѣ двери и энергично че-шеть о косякѣ спину.

— У васъ и блоха, прости Господи, злѣе... Рыжая...

Елена не слышитъ его замѣчанія: она одерлась руками о подоконникъ и тоскливо смотритъ въ низенькое окно — въ тем-ноту ночи.

— Эхъ, гдѣ-то мой Спиридонушка, чортъ окаянный, хоро-водится?.. Кабы знать да вѣдать, нѣшто пошла бы замужъ? Спала бы я теперь спокончкомъ у мамыньки, а тутъ вотъ пьянаго мужа домой жди. День-деньской бьешься-бьешься, маешься-маешься, да и ночью спокоемъ вѣтъ... А пьяный придетъ, да ни за что, ни про что изобьетъ...

Елена утираетъ слезы.

— Чтѣ и говорить, бабѣ житье не сладкое, — сочувственно вздыхаетъ Касьянъ.

— Хоть петлю на шею!.. — плачущимъ, но по прежнему гру-

бымъ голосомъ продолжаетъ Елена.—Хороводится тамъ, лѣшій, съ какой-нибудь шлюхой... Знаю я эту сударку. Нечего сказать, хороша... Она его и растравляетъ на меня... Придетъ домой, какъ звѣрь... Ну-ка, перенеси... Господи, Господи!..

Елена плачетъ. Касьянъ, вряхтя, поднимается съ лавки.

— Охъ, грѣхи, грѣхи...

И медленно, точно нѣхотя, вряхте и почесываясь, выходитъ изъ избы на дворъ.

На дворѣ темно и тихо. Слышно только легкое похрапыванье и фырканье лошади да повизгиваніе щенка въ дальнемъ углу. Пахнеть свѣжимъ, сегодня привезеннымъ съ поля сѣномъ. Оно тоже издаетъ легкій шумъ, легкій и сухой шелестъ и такое же сухое и нѣжное потрескиваніе.

Касьянъ подходитъ къ лошади и легонько хлопаетъ ее ладонью по спинѣ. Она повертываетъ къ нему голову, спокойно глядитъ на него съ полминуты, не переставая жевать, и отворачивается.

— Ышь, Ышь съ Богомъ!—хлопаетъ ее еще разъ Касьянъ и лѣветъ рукой къ яслямъ, посмотрѣть, довольно ли тамъ сѣна.

Потомъ онъ выходитъ за ворота и усаживается на свое любимое мѣсто—на заваленку, гдѣ онъ сидитъ каждый вечеръ послѣ ужина. Сидитъ и мечтаетъ о далекой „Расей“, считаетъ дни, которые ему остается провести въ разлукѣ съ родимой стороной, воображаетъ, съ какими капиталами онъ въ нее явится.

— Лѣто, а темень какая... И добро бы дождя была, а то и дожди нѣтъ, и неба чистая, а темень, какъ у шайтана за пазухой... Самый непутѣвый клеймать!—озирается по сторонамъ Касьянъ, устраиваясь поудобнѣе на своемъ мѣстѣ. Устраивается—и погружается въ раздумье. Сначала онъ думаетъ, что бабы напрасно жалобятся на судьбу и мужей, потому что и сами онѣ не Богъ вѣсть какія угодницы; потомъ воображаетъ, много ли ему остается свезти съ поля сѣна, и, наконецъ, переходитъ къ любимой мечтѣ. Трудовой день конченъ, о мамонѣ похлопотали достаточно,—можно доставить и душѣ удовольствіе.

Изъ „Расей“ Касьянъ ушелъ только въ прошломъ году, но уже и теперь она ему рисуется какой-то волшебной страной съ молочными рѣками и кисельными берегами. И это—несмотря на то, что выжила его изъ „Расей“ нужда: измаяли мужики землю, разгнѣвали и ее, и небо, и Бога, и пересталъ Богъ давать благословеніе на урожай, и небо не давало дождя, а земля—ни

травъ, ни хлѣба. И что ни годъ, то все было хуже и хуже — и жить стало не въ моготу. Начались среди мужиковъ разговоры о переселеніи, и поползли они, какъ муравьи, въ разные стороны отъ своей деревни, кто навсегда, продавая землю и домашность, кто — на время, заколотивъ только на-глухо свою избѣнку. Наговорилъ Касьяну одинъ знакомецъ о томъ, какъ легко добываются въ Сибири и на Уралѣ деньги, — и Касьянъ тоже рѣшилъ уйти изъ деревни на годъ, на два, сходить на Уралъ за деньгами. Тѣмъ временемъ и земляца его отдохнетъ, и Господь, можетъ быть, смилостивится, и вернется онъ не съ пустыми руками.

Ушелъ, добрался до Урала, который оказался вовсе ужъ не такимъ золотымъ дномъ, какимъ представлялъ его себѣ Касьянъ, — и затосковалъ. Давила его здѣсь природа: и эти нависшія надъ душой горы, и этотъ колючій, серьезный и угрюмый лѣсъ, и это темное, неласковое небо. Давили его и здѣшніе люди, грубые и насмѣшливые: онъ, съ его мягкой рѣчью и странными манерами, казался имъ чужимъ и смѣшнымъ. Его не любили, надъ нимъ издѣвались... И скоро опротивѣлъ Касьяну Уралъ — и онъ мечталъ о родной сторонѣ, какъ узникъ мечтаетъ о свободѣ.

Нѣтъ, должно быть, на свѣтѣ стороны милѣе „Расей“. Тамъ все лучше, ласковѣе, роднѣе... Положимъ, Касьянъ — бобыль, и въ „Расеѣ“ у него нѣтъ никого близкихъ, но вѣдь тѣмъ болѣе онъ долженъ сродниться съ своей сторонкой.

Да, въ „Расеѣ“ все лучше. „Клеймать“ тамъ чудесный, мягкій и ласковый, народъ, въ сравненіи съ здѣшнимъ, — ангелы... Касьянъ воображаетъ себя въ своей деревенькѣ: тепло, хорошо, нѣтъ этакой темени, кругомъ не сердитыя, оцетинившіяся непривѣтливимъ ельникомъ, горы, какъ здѣсь, а привольное, широкое и веселое поле. Съ него доносятся крики перепеловъ, дергача (ахъ, милая птица: дергъ, дергъ!.. здѣсь ея нѣтъ: „Клеймать“ не дозволяетъ), кругомъ — все свое, родное. Гдѣ-то, вдали, поютъ пѣсню, не здѣшнюю разбойничью, а унылую и стройную, умную пѣсню. Поютъ не всѣ хоромъ, какъ здѣсь, а заговвааетъ сначала одинъ, лучше всего — баба, и ея голосъ, сначала неувѣренный и слабый, мало-по-малу врѣпнетъ и звенить все громче и громче... И сколько въ немъ, этомъ голосѣ, родной печали, родного томленья...

Выходили на дорогу три молодца,
Трое братьевъ родимыхъ...

Вотъ подхватываютъ мотивъ еще нѣсколько голосовъ, муж-

спіхъ и женскихъ, и пѣсни льется широко и привольно, какъ льются „расейскія“ рѣки...

Смотрѣли они въ разны стороны,
Нѣтъ дороженькѣ конца-краю...

Каждое колѣнце пѣсни неизбежно кончается протяжной, замирающей нотой; мужской голосъ стелется низко-низко, по самой землѣ, припадая къ ней и плача надъ нею, а женскій звенитъ безъисходной печалью подъ самымъ небомъ, и теряется, и замираетъ гдѣ-то высоко-высоко въ тоскливой мольбѣ... Слушаешь эту родную пѣсню—и пробирается до самой души печальный напѣвъ, и плачетъ душа, и рвется за пѣсней... Эхъ, нѣшто здѣсь, на Уралѣ, можетъ кто понимать „расейскую“ пѣсню?

Да, въ „Расей“ все лучше... Вспоминается Касьяну его заколоченная избенка въ концѣ длинной и беспорядочной деревенской улицы. Избенка покривилась немного на одинъ бокъ и, какъ старушка, всѣмъ своимъ дряхлымъ тѣломъ налегла на костыль, чтобы не упасть. На ея крышѣ теперь прорастаетъ, поди, трава; скудный заборъ вокругъ нея, вѣроятно, растаскали зимой на дрова,—и стоитъ она сирота-сиротой, безъ хозяина... А хозяинъ ушелъ въ чужедальнюю сторонушку поискать себѣ доли—и живетъ среди чужихъ людей, и вздыхаетъ по своему углу...

Посмотрѣли братья на дороженьку—призадумались:
Э-хъ, куда же ты, дороженька, ведешь?

Эхъ, чего бы не далъ Касьянъ за удовольствіе взглянуть хоть однимъ глазкомъ на свою старушку-избенку, посидѣть хоть съ полчаса не на чужой, а на своей заваленкѣ!..

Здѣсь, на заводѣ, только одно напоминаетъ немного „Расей“,—вотъ эти отрывистые, сухіе и звонкіе звуки сторожевой колотушки, доносящіяся съ того конца длинной заводской улицы. Они приближаются, становятся громче,—сторожъ поднимается вверхъ по улицѣ. Онъ то стучитъ монотонно и равнодушно—и звуки несутся ровные, одинъ за другимъ, на равномъ разстояніи, то начинаетъ колотить нервно и торопливо—и звуки летятъ беспорядочно и безтолково, точно въ испугѣ обгоняя другъ друга, то слабые, то сильныя...

Вотъ они уже совсѣмъ близко, и изъ темноты вырисовывается сторбленная фигура сторожа. Онъ подходитъ къ Касьяну и перестаетъ стучать.

— Сидишь, полуночникъ?.. Все, чай, объ Расеѣ думаешь?..
Доброе здоровье!

Слова сторожа звучатъ насмѣшливо и добродушно. Онъ привыкъ каждую ночь находить Касьяна на заваленкѣ и всегда присаживаетъ съ нимъ часъ-другой. Оба они—бобыли, оба—не здѣшніе, оба—не спятъ по ночамъ,—причинъ взаимной симпатіи много.

— Караулишь?.. Воровъ пугаешь?—въ тонъ сторожу спрашиваетъ Касьянъ.—Здравствуй...

Сторожъ присаживается рядомъ съ Касьяномъ.

— Нонче что-то тихо,—говорить онъ.—Вчера вотъ не приведи, Господи, чтѣ было. Головорѣзъ-народъ... Изъ году въ годъ все хуже... А съ кого спрось? Съ меня—что не углядѣлъ... Ворота кому намажутъ—я виноватъ; человекъ изрѣжутъ—опять я... А развѣ въ этакую темень углядишь? Да и углядишь, не сунешься—не объ двухъ головахъ... Головорѣзъ-народъ...

— Сибирь-матушка...

— Ну, опять затвердила „сорока Якова одно про всякова“.
Молчаніе.

— Комаръ, чтобъ те треснуть! — хлопаетъ себя по рукѣ Касьянъ.—Здѣсь и комары-то не какъ въ Расеѣ,—добавляетъ онъ, помолчавъ.— Одно званіе, что комары... Въ Расеѣ комаръ-отъ что твой котенокъ. Какъ быкъ, гудѣтъ.

— Ну, ужъ ты... Понесъ!—улыбается сторожъ.

— Ей-Богу, право... Ужъ на что паскудная тварь—лягушка, а и та въ Расеѣ чище.

Касьянъ немного горячится, чтѣ съ нимъ бываетъ всякій разъ, когда онъ рассказываетъ о „Расеѣ“ и когда ему не вѣрять. Онъ и самъ чувствуетъ, что немного пересаливаетъ, и въ силу этого говорить еще съ большей горячностью, и даже божится, чтобы доказать хоть этимъ правдивость своихъ словъ. Онъ вскакиваетъ и, показывая руками невѣроятные размѣры „расейскихъ“ лягушекъ, горячо говоритъ:

— У насъ лягушки—вѣ... По картузу, Господь съ ними... По травѣ-то, значить, какъ лошади ситаютъ... Бухъ, бухъ... Ей-Богу, право...

— Чего и баять,—смѣется сторожъ.—А чтѣ огонь у васъ въ избѣ-то?—даетъ онъ разговору другое направленіе: разговоры о „Расеѣ“ ему почему-то неприятны.

— Спиридона нѣту. Загулялъ, должно.

— А-а... Плохо живутъ. У бабы-то, значить, грѣхъ былъ до свадьбы,—ну, конечно, Спиридону и неприятность. Мужикъ-отъ

онъ гордый... Какъ пьяный напьется, значить, такъ и давай бабу учить... А что ужъ — не вернешь... Опоздалъ малость съ наукой-то.

— Э-эхъ, жисть!—вздыхаетъ Касьянъ.

— Да, братъ, жисть... Тамъ дерутся, здѣсь ругаются, тутъ блудятъ, воруютъ,—тутъ и жисть вся. Конецъ, должно, скоро... Передъ концомъ это. Народъ болтаетъ: знаменіе ужъ было... Да... Днемъ, значить, работаютъ, а какъ ночь—и начинается. Ночью живутъ, потому днемъ не до жизни. Много я насмотрѣлся... И такъ надо говорить—жисть теперь нестоющая... По нонѣшнимъ бы временамъ первѣйшее бы дѣло въ пустыню идти, чтобы, значить, людей званія не было, да гдѣ ее найдешь, пустыню-то? Вездѣ напакостили, вездѣ торчатъ...

Сторожъ говоритъ неспокойно, даже какъ будто сердито.

— Въ Расеѣ не такъ, — начинаетъ-было Касьянъ, но не развиваетъ своей мысли, такъ какъ уже знаетъ, что сторожъ не вѣритъ въ возможность дневной жизни на землѣ и что разговоры о „Расеѣ“ его раздражаютъ, хоть онъ ничѣмъ и не выказываетъ этого.

— Что тамъ Расея... Вездѣ одно... Довольно я насмотрѣлся... Жисть прожить—не поле перейти, всего навидался... Въ старину, бають, лучше было, да кто е знаетъ... Тутъ, значить, живешь, небо коптишь, счастья не видишь, а на томъ свѣтѣ—въ адъ милости просимъ, жилъ неправильно. Э-эхъ-ма!.. Плохо, братъ Касьянъ.

Молчаніе.

— Спокой человекъ надобенъ,—нарушаетъ его Касьянъ.— И чтобы на своей сторонѣ...

— Губы-то у тебя не дуры... Спокой!.. Нѣтъ, тебѣ говорятъ, человекъ спокой ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ. Праведники—ну, тѣмъ, конечно, другая планида, а намъ, Касьянушка, лучше бы, значить, и не жить вовсе.

— Ежели бы на своей сторонѣ, такъ еще туда-сюда... Можно-бы...

— Въ пустыню бы вотъ, говорю, уйтить, да... У меня старшой братъ ходилъ въ пустыню-то... Да, видно, кому положено отъ Бога спастись, тотъ спасется, а кому не положено — тотъ ужъ какъ ни бейся, ничего не подѣлаешь... Ушелъ, значить, братъ въ пустыню, въ лѣсъ, землянку себѣ сочинилъ и началъ-было спасаться....

— Ну?

— Ну и не выдержалъ: недѣли черезъ двѣ назадъ при-

шелъ, въ мѣръ... Испушенія не выдержалъ: черненькіе запугали. Однавъ, говорить, въ лѣсу напали да давай рогами. Чуть на смерть не забодали, да, говорить, сжалился Господь, привелъ на умъ воскресную молитву... А то разъ ночью приходять къ нему въ видѣ какъ бы двѣ дѣвицы. „Пусти,—говорять,—почевать, дѣдушка, потому какъ шли и заблудились, а въ лѣсу ночью боязно“. А дѣло было зимой, а онѣ чуть не нагишомъ... Великій былъ соблазнъ... А въ дверь каждый день ломились. Да мало ли чего было... Ну, и не выдержалъ: ежели вѣдь одного чорта встрѣнешь, и то чай съ перепугу подохнешь; а ну, какъ они десятками да сотнями передъ тобой орудовать начнутъ, мудровать всячески?.. Такъ оно, значить, и выходитъ: въ міру отъ людей не спасешься, а въ пустынь—отъ чертей... Куда ни кинь, вездѣ влѣтъ: въ міру отъ людей тѣсно, въ пустынь—отъ чертей. Ни въ чему все, выходитъ... Какъ тамъ ни бейся, а все равно...

Гдѣ-то вдали раздаются звуки гармоник и пьяные голоса. Сторожъ обрываетъ свою неспокойную рѣчь и прислушивается.— Вотъ-те и Спиридонъ идетъ!—замѣчаетъ онъ.

Пьяная толпа, повидимому, приближается,—звукъ гармоник становятся все громче и громче. Пьяный хоръ на всю улицу горланить пѣсню. Мотивъ у пѣсни странный... Походитъ на то, какъ будто кому-то понадобилось въ коротенькой и бойкой музыкальной фразѣ выразить великую и отчаянную жалобу, нескондачную тоску. И потому издали пѣсня кажется какъ будто веселой, а вблизи—тоскливой до холоднаго отчаянія. Кажется, что давно подавляемое горе проснулось въ пьяныхъ сердцахъ и выливается въ дивихъ и пьяныхъ крикахъ...

Посмотрю на своо сына,—
Сердце оборвется...

Пьяные голоса точно обрубаютъ послѣднюю ноту, гармоника подхватываетъ мотивъ... Низкіе минорные тоны... но они кричатъ и чередуются другъ съ другомъ быстро-быстро, точно въ разудалой плясовой пѣснѣ... Это—пьяное рыданье, это—ужасъ передъ судьбой, это—безпросвѣтное, полусумасшедшее отчаяніе...

А потомъ опять нестройно орутъ пьяные голоса:

Та же горькая судьбина
Ему достается...

— Спиридонъ и есть,—различаетъ Касьянъ въ хорѣ голосъ своего хозяина.—Дюже весель... Будеть бабѣ...

Толпа съ пѣньемъ и крикомъ проходитъ мимо. Отъ нея отдѣляется темная фигура и, шатаясь, приближается въ себе-сѣдникамъ.

— Кто сидитъ? — раздается сердитый и хриплый окрикъ. Кажется, что Спиридону нужно сорвать на комъ-нибудь свою злость, и своимъ вызывающимъ окрикомъ онъ хочетъ вызвать такой же задорный и злой отвѣтъ.

— Это я... мы...—робко отвѣчаетъ Касьянъ.

— Вы, чортъ васъ дерн... А по какому полному праву огонь въ избѣ горить... безъ хозяина?—опять придирается Спиридонъ. Касьянъ молчитъ.

Спиридонъ, ругаясь, вваливается въ ворота и съ шумомъ, что-то роняя по дорогѣ, проходитъ въ избу. Касьяну и сторожу сначала слышно только, какъ Спиридонъ ругается, а потомъ до слуха доносится дикій крикъ Елены:

— Убидь!.. Уби-илъ!.. Добрые люди-и...

Касьянъ вскакиваетъ. Онъ вѣрше струсилъ и дрожить.

— Убить бабу...—шепчетъ онъ.—Дюже весель...

— Не наше дѣло,—спокойно удерживаетъ его сторожъ.— Семейное дѣло... Охъ, грѣхи..., грѣхи! Ихнее дѣло... Уйти отъ грѣха... Ишь, какъ кричить... Со всѣхъ печеней кричить...

Онъ поднимается и, побрякивая колотушкой, уходитъ. Крики въ избѣ затихли; не слышно ни Спиридона, ни Елены. Съ полминуты тянется непрятная тишина, а потомъ слышно, что въ избѣ опять начинается какая-то возня. Что-то упало съ трескомъ и звономъ... Кто-то рычитъ, какъ звѣрь... Потомъ заглушенный и отчаянный стонъ...

Касьянъ въ ужасѣ бѣжитъ въ избу. На крыльцѣ онъ сталкивается съ Спиридономъ.

Спиридонъ говоритъ прерывисто, задыхаясь.

— Тебя куда чортъ несетъ?—рычитъ онъ на Касьяна.

Касьянъ еле держится на ногахъ отъ здорового удара по головѣ. Онъ быстро сбѣгаетъ съ крыльца и выбѣгаетъ на улицу.

— Господи... Упаси, Господи... Борони, Господи...—бормочетъ онъ. Онъ не знаетъ, что ему дѣлать, и въ изнеможении опускается опять на заваленку. Немного погодя, выходитъ за ворота Спиридонъ и, тяжело дыша, садится рядомъ съ Касьяномъ.

— Ничего, отдышется... не въ первой,—говоритъ онъ.

Касьянъ, собственно говоря, тоже склоняется въ этому мнѣнію, — онъ живетъ у Спиридона почти мѣсяцъ, и уже четвертый разъ наблюдаетъ сцену его мести, которая повторяется, какъ по стереотипу, каждую субботу. „Прошлые разы отдышалась, отдышется и теперь... Бабы — народъ живучій“... Тѣмъ не менѣе ему жаль бабы, и онъ робко говоритъ Спиридону:

— Напрасно ты ее этакъ... Жалко бабу-то...

— Не блуди! — отрывисто и сердито отвѣчаетъ Спиридонъ. — Будеть, нахлебался я сраму-то.

— Алена, быдто, ничего живетъ... Честно, благородно...

— Много ты понимаешь... Честно, благородно... Когда дѣвкой была, у управителя жила — разъ. Съ Ванькой таскалась — два... Честно, благородно!..

Молчаніе. Касьянъ опять погружается въ раздумье. Мало-помалу его мысли принимаютъ опредѣленное направленіе: на заваленкѣ онъ можетъ думать только о „Расеѣ“... Опять встаетъ передъ его глазами заволоченная сирота-избенка, улица родной деревеньки... Спиридонъ сидитъ, тяжело дыша и вздыхая, и тоже о чемъ-то думаетъ.

Гдѣ-то кричитъ пѣтухъ. Ему отвѣчаетъ другой, третій...

— Идти въ уснуть, — поднимается Касьянъ съ заваленки и уходитъ во дворъ. Тамъ, въ углу, въ саняхъ, помѣщается его ложе. Онъ укладывается спать, долго ворочается съ боку на бокъ, но уснуть не можетъ. Его воспоминанія и мечты о далекой „Расеѣ“ перешли въ тихую и сладкую грусть. „Щемитъ сердце“ и какъ будто хочется плакать... Касьянъ тихонько затягиваетъ пѣсню. Онъ выводитъ одинъ только мотивъ, заунывный, тоскливый, настоящій „расейскій“... Отъ пѣнья ему становится еще грустнѣе; онъ чувствуетъ, какъ по его щекѣ пробѣжала слезинка. Слезы слышны и въ его мелодіи.

На дворѣ раздаются шаги. Это, должно быть, Спиридонъ пробирается на сѣноваль, тоже спать. Касьянъ обрываетъ свою пѣсню: онъ не любитъ, когда другіе замѣчаютъ, что онъ плачетъ... Имъ овладѣваетъ дремота.

Тишина. Небо замѣтно поблѣло.

Григ. Бѣлорѣцкій.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

ОБЗОРЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

I.

По смерти Некрасова, его биографы, рассказывая его жизнь, не однажды дѣлали также обзоръ его поэтической дѣятельности, и при этомъ останавливались, между прочимъ, на самыхъ раннихъ его литературныхъ трудахъ; любители библиографическихъ подробностей рассказывали, гдѣ и когда были напечатаны его первыя стихотворенія и статьи, приводили въ извѣстность литературу о Некрасовѣ ¹⁾. Когда годъ назадь справлялись юбилейныя поминки о Некрасовѣ, это опять вызвало поиски за первыми—если не литературными, то книжными работами Некрасова, въ которыхъ онъ обратился какъ скудному средству существованія по приѣздѣ въ Петербургъ и послѣ неудачныхъ попытокъ продолжить свое образованіе въ университетѣ ²⁾. Наи-

¹⁾ Такова была, напримѣръ, книжка, собранная А. Голубевымъ: „Ник. Ал. Некрасовъ. Биографія. Критическій обзоръ поэзіи. Собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Сводъ (точнѣе списокъ) статей о Н. А. Некрасовѣ съ 1840 года... Сиб. 1878.

Этотъ списокъ (стр. 139—153) составленъ былъ извѣстнымъ библиографомъ С. И. Пономаревымъ, который составилъ примѣчанія и въ первому посмертному изданію, которое сдѣлано было сестрою Некрасова, Анной Алекс. Буткевичъ:

— Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе. Томъ I. 1845—1860. Томъ II. 1861—72. Томъ III. 1873—1877. Томъ IV. Приложенія. Сиб. 1879 (биографія, составленная А. М. Скабичевскимъ, была напечатана первоначально въ „Отечеств. Запискахъ“ (1878, май), но для этого изданія исправлена и дополнена.

²⁾ „Литературный Архивъ“, г. Картавова. Сиб. 1902; рядъ библиографическихъ разскавъ и замѣтокъ въ „Литературномъ Вѣстникѣ“, 1903, г. Ляшенка, коллекція обильной Некрасовской выставки въ Ярославѣ, 1903.

болѣе обстоятеленъ, въ этомъ предметѣ, остается до сихъ поръ трудъ В. П. Горленка о литературныхъ начинаніяхъ Некрасова ¹⁾.

Самъ Некрасовъ въ послѣдствіи никогда не хотѣлъ повторить изданіемъ свои „Мечты и звуки“,—какъ вообще писатели, достигшіе прочнаго развитія своихъ силъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и славы, не любятъ вспоминать своихъ юношескихъ опытовъ (Гоголь, Тургеневъ и т. д.),—и въ этомъ они обыкновенно совершенно правы: въ этихъ опытахъ имъ бросались въ глаза, какъ бросились бы теперь и другимъ, крупные недостатки,—неясность основной мысли и настроенія, неловкость формы,—которыми имъ не хотѣлось бы нарушать гармоніи своихъ зрѣлыхъ произведеній. Бѣлинскій нѣкогда негодовалъ на тѣ посмертныя „полныя“ собранія, гдѣ издатели старались собирать все, что когда-нибудь, и въ самой ранней юности, было написано знаменитымъ (въ послѣдствіи) писателемъ и что, по мнѣнію Бѣлинскаго, было только неумѣстнымъ хламомъ въ изданіи, гдѣ должно быть собрано только художественно цѣнное и любопытное. Но „потомство“ думаетъ обыкновенно иначе,—и особенно теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, распространено мнѣніе, что намъ „драгоценна каждая строка“ великаго писателя. Бывало, и бываетъ, что собиратели „драгоценныхъ строкъ“ ведутъ слишкомъ далеко свое усердіе, и иное можно было бы просто сберечь какъ реликвию въ общественной библиотекѣ и музеѣ; но въ этомъ старанія собрать сколько можно эти подробности и даже незначительныя мелочи бываетъ свое основаніе—всего чаще недостаточность біографическихъ данныхъ. Сами по себѣ, эти біографическія мелочи бываютъ иногда лишены значенія, не заключая въ себѣ ничего художественно-интереснаго; но въ нихъ бываетъ нерѣдко немалый интересъ матеріала біографическаго.

Не будемъ повторять того, что собрано упомянутыми біографами—какіе именно первые стихи, небольшіе рассказы, театральныя и иныя рецензіи, водевили, юмористическіе альманахи и пр. печатались Некрасовымъ въ журналахъ конца 1830-хъ и начала 1840-хъ годовъ, или отдѣльными книжками; но эти мелкія работы въ разныхъ отношеніяхъ любопытны. Во-первыхъ, онѣ могутъ служить иллюстраціей къ его тогдашнему матеріальному „быту“. Какъ извѣстно, Некрасову съ давнихъ поръ и до конца его жизни, и въ „потомствѣ“, привелось имѣть очень много враговъ, и враговъ упорныхъ. Некрасовъ въ своихъ сти-

¹⁾ „Литературные дебюты Некрасова. Біографическіе матеріалы“, въ „Отч. Запискахъ“ 1878, № 12, стр. 149—165.

кахъ не однажды говорилъ о тяжелыхъ испытаніяхъ и бѣдствіяхъ, перенесенныхъ имъ въ юности. Враги его, отвергая и унижая его назвію, обвиняя его въ „фальши“, между прочимъ и эти его автобіографическія показанія подвергали иногда сомнѣнію, что-де его положеніе тогда не было такъ дурно, какъ онъ хотѣлъ увѣрить, что у него были, однако, свои заработки, и т. п. Были, однако, современники, которые знали этотъ періодъ жизни Некрасова и оставили о томъ свои свидѣтельства, какъ, напр., Григоровичъ; а затѣмъ, наличность мелкихъ литературныхъ работъ Некрасова за это время,—когда гонораръ былъ вообще очень умѣренный, а для отдѣльныхъ книжекъ Некрасова издателемъ былъ мелкій книгопродавецъ-аферистъ,—наличность этихъ „трудовъ“ сама свидѣтельствуешь, что его заработокъ не могъ быть сколько-нибудь значителенъ. Разказы Григоровича о тогдашней жизни Некрасова, и то, что намъ случалось слышать отъ него самого, совершенно подтверждаютъ тотъ способъ выраженія, въ какомъ Некрасовъ вспоминалъ о своей молодости, въ стихахъ. „Петербургскіе углы“, которымъ онъ посвятилъ одинъ разказъ въ „Физиологія Петербурга“ (1845), очевидно, были ему извѣстны по собственному опыту; какъ и написанный раньше разказъ: „Безъ вѣсти пропавшій пѣта“, съ подобными чертами жизни пролетарія, по свидѣтельству Ѡ. А. Кони, который близкъ зналъ тогда положеніе Некрасова, несомнѣнно имѣлъ автобіографическое значеніе ¹⁾.

¹⁾ Разсканія бібліографовъ о первыхъ трудахъ Некрасова въ его ранней молодости безъ сомнѣнія весьма цѣнны, но онѣ еще нуждаются въ болѣе точности и провѣркѣ. Напримѣръ, г. Горленко (въ „Отеч. Зап.“ 1878, и въ большомъ изданіи Некрасова, 1879, т. IV, стр. CLXII, CLXVII) съ увѣренностью, на основаніи словъ Ѡ. А. Кони, приписываетъ Некрасову книжку „Дѣдушка Крыловъ“, 1845,—между тѣмъ мы читаемъ въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ Д. В. Григоровича (Полное собраніе сочиненій, изд. Маркса, т. XII. Спб. 1896, стр. 268) совсѣмъ иной и совершенно опредѣленный разказъ:

Однажды — „утромъ, зимою, раздался сильный стукъ въ мою дверь; отворивъ ее, я увидѣлъ Некрасова съ толстою книжкой въ рукахъ“...

(Надо вспомнить, что Григоровичъ и Некрасовъ, оба очень молодые люди, были тогда въ весьма дружескихъ отношеніяхъ и иногда вмѣстѣ дѣлали свои „литературные дебюты“).

„— Григоровичъ, — сказалъ онъ, спѣшно входя въ комнату, — вчера умеръ нашъ знаменитый баснописецъ Крыловъ... Я привнесъ вамъ сочиненіе Бавтншъ-Каменскаго, матеріалы для біографіи Крылова: садитесь и читайте его біографію, но не теряйте минуты... Я уже прежде, тѣмъ быть у васъ, заѣхалъ въ литографію и заказалъ его портретъ.“

„Дѣдушка Крыловъ, — продолжаетъ Григоровичъ, — книжка, написанная мною въ десять дней, немногимъ отличалась въ литературномъ отношеніи отъ предшествовавшихъ „Первое апрѣля“ и „Помѣлка въ Петербургъ“.

Съ другой стороны эти первыя работы любопытны какъ образчикъ того, какъ складывалась тогдашняя литературная манера Некрасова, державшаяся долго и отчасти удѣлывшая до послѣднихъ его годовъ.

Образованіе Некрасова было очень скудное. Онъ это очень ясно сознавалъ, и когда неудалось поступленіе въ университетъ, ему оставалось учиться чтеніемъ, и онъ съ жадностью читалъ; біографъ замѣчаетъ, что между прочимъ онъ особенно любилъ европейскихъ классиковъ, которыхъ читалъ, конечно, въ переводахъ, и едвали сомнительно, что здѣсь особенно положена была основа того замѣчательно тонкаго художественнаго вкуса, какимъ онъ послѣ отличался; въ русской литературѣ несомнѣнно онъ съ первыхъ сороковыхъ годовъ учился на Бѣлинскомъ, котораго, — какъ мы видѣли это раньше, — Некрасовъ умѣлъ въ послѣдствіи понимать серьезнѣе, чѣмъ понимали гораздо болѣе образованные его друзья въ кружкѣ „Современника“.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Некрасовъ попалъ въ журнальный кругъ средняго уровня; но въ „Пантеонѣ“, „Литературной Газетѣ“ онъ встрѣчалъ людей умныхъ и образованныхъ, какъ Ѳ. А. Кони, который имъ заинтересовался и въ первое время руководилъ отчасти его работами. Собственныя небольшія работы Некрасова складывались съ тѣмъ содержаніемъ и манерою, какія были въ ходу въ этомъ среднемъ уровнѣ литературы; подвижной умъ, различно направлявшіеся интересы молодого человѣка, живость и находчивость, дѣлали его и рассказчикомъ, и рецензентомъ, и водевилистомъ, и вездѣ не безъ удачи. Его пьесы имѣли успѣхъ; уже вскорѣ его рассказы находили мѣсто въ серьезномъ журналѣ, какъ „Отечественныя Записки“; здѣсь же его рецензіи (къ сожалѣнію, ихъ нелегко теперь выдѣлить) обратили на себя вниманіе Бѣлинскаго.

Замѣтимъ, что если, какъ находятъ собиратели первыхъ работъ Некрасова ¹⁾, въ этихъ начинаніяхъ неопытнаго юноши бывало иногда явное и натянутае подражаніе (именно въ первыхъ рассказахъ), то, съ другой стороны, уже здѣсь была извѣстная доля той оригинальности, которая принадлежала собственному характеру писателя, а также цѣлому характеру литературной эпохи. Не трудно видѣть, что складъ его рассказовъ образовался подъ тѣми влияніями Гоголя, которыя породили такъ

„Всѣ эти мелкія, шлохія книжонки сбывались Некрасовымъ книгопродавцу Подякову, издававшему ихъ почти лубочнымъ образомъ, но умѣвшему сбывать ихъ съ замѣчательною ловкостью“...

¹⁾ В. П. Горленко.

называемую тогда „натуральную школу“. У противниковъ Го-голя, это названіе стало однопозначительно съ бранью, но въ немъ все-таки осталось указаніе на желаніе изображать именно живую, а не фантастическую или дѣланную дѣйствительность. Натуральная школа обыкновенно не задавалась широкими задачами, не имѣла притязаній на романъ и довольствовалась жанромъ. Самъ Некрасовъ не сдѣлалъ ничего крупнаго въ жанровомъ разсказѣ; но самый жанръ въ то время получилъ высокую художественную цѣнность—ему принадлежать „Записки Охотника“ Тургенева, въ нашей живописи ему служилъ Федотовъ; въ повѣи сюда принадлежали вскорѣ потомъ у Некрасова многія изображенія крестьянскаго быта.. Эта склонность къ реально-правдивому содержанію (то, что уже Бѣлинскій называлъ „дѣльностью“ и одобрялъ) составляла одну изъ основныхъ особенностей въ поэтическомъ талантѣ Некрасова и такимъ образомъ здѣсь уже не была она случайностью, навѣянной временемъ. Точно также, постоянной чертой была та шутивая, комическая сторона его стихотворства, которая въ первое время, въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, сказалась въ его охотѣ къ водевилю и водевильному куплету, въ его охотѣ къ шуточному, почти шутовскому разсказу, въ родѣ разсказа „Необыкновенный завтракъ“¹⁾, „Новоизобрѣтенная привилегированная краска Дирлинга и К^о“²⁾: это опять жанровыя картинки нравовъ. Сборникъ, изданный имъ подъ заглавіемъ „Физиологія Петербурга“, 1845, состоялъ изъ такихъ правоописательныхъ разсказовъ. „Петербургскій Сборникъ“, 1846, былъ уже какъ бы приготовленіемъ къ изданію „Современника“.

Характеръ журнала сложился вполнѣ по вкусу и взгляду Некрасова. Общій типъ журнала уже былъ тогда выработанъ: со времени „Телеграфа“ Полевого, „Телескопа“ Надеждина, „Московского Наблюдателя“ до „Отечественныхъ Записокъ“, для журнала была обязательна программа, гдѣ были бы отдѣлы „взящной словесности“, наукъ, критики, библиографіи, наконецъ „смѣси“. Такъ было и въ „Современникѣ“, но преобразованный послѣ издательства Плетнева журналъ все-таки явился новостью—во-первыхъ, по очень взящной внѣшности, во-вторыхъ по содержанію. Здѣсь, хотя и недолго, дѣйствовалъ еще Бѣлинскій; а затѣмъ, по его смерти, „Современникъ“ продолжалъ оставаться лучшимъ литературнымъ журналомъ по характеру редакціи, о

¹⁾ „Отеч. Записки“ 1843.

²⁾ „Современникъ“ 1850.

чемъ мы говорили уже раньше. Это былъ литературный кружокъ, гдѣ собрались лучшіе таланты того времени, гдѣ они чувствовали себя въ своей средѣ, гдѣ находили они и веселую дружескую бесѣду и гдѣ могли также обмѣняться мыслями по серьезнымъ интересамъ своей литературной работы. Вообще жилось и работалось дружно, и безъ сомнѣнія главная редакціонная заслуга принадлежала здѣсь Некрасову.

Вообще поднять журналъ было нелегко, и съ внѣшней матеріальной стороны, и по существу дѣла. Чтобы поставить журналъ, обезпечить его движеніе, когда онъ самъ еще не могъ окупать себя, нужны были значительныя средства, а ихъ не было, и журналъ былъ начатъ на занятія деньги; „Современникъ“ не скоро могъ расквитаться съ этимъ долгомъ. Некрасовъ, который еще раньше затѣвалъ небольшія издательскія предпріятія, и здѣсь показалъ свою практическую находчивость, и эта забота лежала исключительно на немъ. Ближайшіе друзья знали это положеніе вещей, и Некрасовъ (какъ мы видѣли это въ письмахъ къ Тургеневу) говорилъ имъ прямо, когда онъ былъ стѣсненъ въ средствахъ, но говорилъ прямо, когда его дѣла поправлялись, самъ предлагалъ деньги и увеличивалъ цифру гонорара: отношеніе было очень дружеское и не мелочное.

Какъ обыкновенно въ тѣ времена (да и донныѣ), другой крупной внѣшней заботой были хлопоты съ цензурой. Когда начинался журналъ, время было въ этомъ отношеніи очень безпокойное. Не будемъ рассказывать подробностей, потому что эта сторона существованія нашей литературы нашла въ послѣднее время цѣлый рядъ специальныхъ источниковъ, къ которымъ и можемъ обратять читателя ¹⁾: довольно сказать, что цензура была постояннымъ Дамокловымъ мечомъ, въ концѣ концовъ привычнымъ, — и Некрасовъ не однажды въ своихъ стихахъ говорилъ объ этомъ, иногда подшучивалъ, по старой манерѣ, и надъ писателемъ, угнетаемымъ цензурой, и надъ самимъ угнетающимъ цензоромъ. Бывали, впрочемъ, случаи, когда обоимъ было не до шутокъ.

По литературному содержанію „Современникъ“ былъ лучшимъ журналомъ того времени. Въ дружескомъ кружкѣ редакціи собрались и давали журналу свои труды самые сильныя таланты, — какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Дружининъ, нѣсколько позднѣе гр. Л. Н. Толстой; изъ поэтовъ — Фетъ, Полонскій,

¹⁾ Книги и статьи гг. Скабичевского, Энгельгардта, Лемке; длинный рядъ статей въ „Р. Старикъ“ 1901—1908.

Алексѣй Жемчужниковъ, наконецъ самъ Некрасовъ; въ пятидесятихъ годахъ, какъ скажемъ далѣе, Некрасову посчастливилось издать, въ видѣ особаго приложенія къ журналу, цѣлый сборникъ стихотвореній Тютчева. Это было первое изданіе его произведеній, долго единственное. Наконецъ являлись здѣсь труды В. Боткина, очерки изъ иностранной литературы Дружинина; научныя статьи Кавелина, Соловьева, Грановскаго, Афанасьева, Ѳ. Корша, Владимира Милютина; провинціальныя письма Анненкова, и др. Большое вниманіе было направлено особенно на отдѣлъ литературный, и въ журналѣ всегда было обиліе беллетристики, русской и переводной: беллетристика являлась не только въ своемъ специальномъ отдѣлѣ, но также въ отдѣлѣ „смѣси“ — не только повѣсти и рассказы небольшого объема, но частями переводились даже такія вещи, какъ „Повѣя и правда“ Гёте, „Исторія моей жизни“ Жоржа Занда; сжатые изложенія книгъ, какъ книга Ломени о Бомарше, и т. п.

Но беллетристическаго матеріала бывало иногда недостаточно, не однажды цензура ставила журналъ въ безвыходное положеніе—на это иногда жаловался Некрасовъ въ письмахъ Тургеневу,—и это было для Некрасова однимъ изъ побужденій предпринять, вмѣстѣ съ Станицкимъ, сочиненіе большихъ романовъ: „Три страны свѣта“ (1849) и „Мертвое озеро“ (1851). Первой цѣлью было дать занимательное чтеніе, которое, въ правоописательномъ рассказѣ, должно было, по убѣжденію Некрасова, давать обществу и извѣстное поученіе—изображеніями дѣйствительной жизни. — Общій планъ и тонъ этихъ романовъ былъ данъ, конечно, Некрасовымъ ¹⁾.

Оба романа производятъ теперь впечатлѣніе чего-то чрезвычайно старомоднаго. Современная критика, — а это была критика другихъ журналовъ, обыкновенно весьма враждебныхъ къ „Современнику“, какъ сильному сопернику, — эта критика не преминула отмѣтить слабыя стороны этихъ произведеній, и отмѣтить правильно. Дѣйствительно, здѣсь не могло быть рѣчи о серьезной художественной задачѣ; романъ, писанный вдвоемъ, напоминалъ тѣ французскіе романы, писанные вдвоемъ (напр. Макэ и Дюма), которые рассчитывались не на тонкихъ знатоковъ, а на массу, исхавшую чтенія и въ своихъ вкусахъ не весьма требовательную. Чтеніе было довольно занимательное: это были правоописательные романы съ приключеніями, съ запутанными

¹⁾ Въ какихъ условіяхъ писался романъ, объ этомъ очень обстоятельно рассказано въ воспоминаніяхъ А. Я. Панаевой (1890), стр. 197—204. Какъ разъ въ это время начиналось дѣло Петрашевскаго, и сама цензура была въ переполохѣ.

исторіями, эффектнымъ сценами и развязками; критика указывала на подражаніе Диккенсу, Евгенію Сю и даже Виктору Гюго,—хотя, говоря по справедливости, подражаніе заключалось не въ повтореніи сюжетовъ и характеровъ, а главнымъ образомъ въ типѣ романа, который давалъ бы не картину одного даннаго положенія, а изображеніе цѣлыхъ біографическихъ исторій въ сложныхъ сплетеніяхъ общественной жизни...

Одинъ изъ біографовъ Некрасова правильно объяснилъ, что въ изображеніи главнаго героя въ романѣ „Три страны свѣта“ отразилось одно изъ тогдашнихъ движеній въ передовомъ русскомъ обществѣ. Одни, самые крайніе мечтатели, увлекались социализмомъ: но это было нѣчто слишкомъ теоретическое, или даже фантастическое, что могло бы быть развѣ только отдаленной программой общественнаго благополучія. Но на другой сторонѣ стояла отталкивающая дѣйствительность крѣпостнаго права. „Съ каждымъ днемъ патріархально-крѣпостной складъ жизни чувствовался все болѣе невыносимымъ. Въ оппозицію крѣпостной распущенности нравовъ, у насъ явились новые буржуазные идеалы бережливости, скопидомства, семейной чистоты и наживы путемъ индивидуальнаго труда или честной промышленности. Въ русскомъ обществѣ подобныя идеалы развились тѣмъ быстрѣе, что передъ нашими глазами былъ уже готовый образецъ ихъ на Западѣ, гдѣ въ то время буржуазный строй достигъ апогея своего владычества и поражалъ насъ своими успѣхами промышленности, представляя бросающуюся въ глаза противоположность съ сонною неподвижностью и апатіею помѣщичьей жизни, день ото дня клонившейся къ полному разоренію. Въ силу этого, въ литературѣ нашей и начали появляться типы практическихъ Адуевыхъ, энергическихъ Штольцевъ, предприимчивыхъ помѣщиковъ и купцовъ на манеръ англійскихъ пропріетеровъ и негоціантовъ — въ противоположность изнѣженнымъ, распущеннымъ, непрактичнымъ и лѣнливо-соннымъ обитателямъ Обломовокъ“... „Романъ („Три страны свѣта“), въ цѣломъ своемъ составѣ, представляетъ собою не что иное, какъ апогеозъ честной наживы путемъ энергической, практической предприимчивости... На первыхъ же страницахъ этого романа рисуется передъ нами герой его Каютина въ видѣ интеллигентнаго пролетарія, въ образѣ котораго Некрасовъ вспоминаетъ свою молодость“¹⁾.

¹⁾ Отъ одного свидѣтеля той поры жизни Некрасова мы слышали, что въ описаніи жизни Каютина въ Петербургѣ до начала его дѣловыхъ аферъ и приключеній (напр. даже до описанія его квартирнаго хозяина Дожожирова) прямо передаются черты автобіографическія, т.-е. самизъ Некрасовимъ видѣнныя и испытанныя.

Неточно, однако, связать, чтобы имѣлся въ виду только „апопсозъ наживы“, хотя бы и честной, но „наживы“. Цѣлью была не нажива, а обезпеченіе семьи; а второю цѣлью былъ отказъ отъ обычнаго тогдашняго способа дворянскаго благополучія — закупапія деревень и крѣпостного труда; наконецъ, апопсозъ, — если ужъ говорить объ апопсозѣ, — личнаго труда, въ которомъ не было уже ничего лѣнливо-барскаго и который, напротивъ, соединенъ былъ со всякими невзгодами и даже съ опасностью самой жизни. Самый трудъ указывался на почвѣ такъ называемыхъ „неизвѣданныхъ“ богатствъ, которыя въ дѣйствительности или лежали втуѣ, или разрабатывались грубымъ и хищническимъ образомъ, — и эти богатства предлагалось извѣдать. Далѣе, для разумнаго, болѣе или менѣе просвѣщеннаго и энергическаго человѣка молодыхъ поколѣній рекомендовался трудъ, при исполненіи котораго было бы необходимо знакомство съ обширными пространствами „отечества“, — которому, вонечно, должно было быть не одной книжной отвлеченностью или школьной фразой, а живымъ представленіемъ для человѣка, желающаго сознательной дѣятельности личной и сознательной жизни самого общества. Естественно, что въ этихъ странствіяхъ по „тремъ странамъ свѣта“ герою романа неизбѣжно было встрѣтиться съ „народомъ“.

Дѣйствительно, въ торговыхъ и промышленныхъ приключеніяхъ Каютина выходятъ на сцену и люди изъ народа, смѣтливые рабочіе и купцы, мореходы на Ледовитомъ океанѣ, отважные до геройства, выносливые промышленники и т. д. Это были люди изъ народа, способные внушать удивленіе. Герой романа и вынесъ изъ встрѣчи съ ними это удивленіе...

Эта черта опять любопытна. Тридцатые и сороковые годы поставили вопросъ о „народности“. Она была включена въ патриотическій символъ гр. Уварова; она стала предметомъ философскихъ истолкованій; различное пониманіе ея стало поводомъ къ раздору западниковъ и славянофиловъ; она стала предметомъ изученій этнографическихъ; со времени Пушкина вошла она какъ литературный элементъ въ русскую поэзію; въ разсказахъ Дали народныя типы пролагаютъ себѣ путь въ повѣсть и разсказъ, — наконецъ, съ послѣднихъ сороковыхъ годовъ изображеніе народной жизни вполне установилось какъ прочное приобрѣтеніе цѣлой литературы... Къ послѣднимъ сороковымъ годамъ принадлежалъ и романъ Некрасова.

Отношеніе къ „народу“ было, однако, все еще неясное. Одинъ изъ первыхъ начинателей народническихъ исканій, Саха-

ровъ, говорилъ о народѣ въ сантиментально-напыщенномъ тонѣ и ему мерещились только „нѣмцы“, какъ единственная помѣха ¹⁾); славянофилы впадали въ мистицизмъ; но надъ всѣмъ этимъ тяготѣло еще неприкосновенное крѣпостное право, и его вліяніе, также еще неприкосновенное въ умахъ и правахъ владѣющаго класса, производило особенный взглядъ на народную массу, съ которымъ еще надо было считаться: эта масса полагалась именно только грубой рабочей силой, для которой нужно было руководство крѣпостного права.

Герой романа, образованный дѣлецъ-промышленникъ, приходилъ къ такимъ впечатлѣніямъ и выводамъ:

„Въ моихъ странствованіяхъ, несчастіяхъ и трудахъ одна была у меня отрада, безъ которой, можетъ быть, я не вынесъ бы своей тяжелой роли. Не зналъ я русскаго крестьянина; готовы истины были въ основѣ моего о немъ мнѣнія. Какъ всѣ мы, изъяснялъ я каждый поступокъ его по внѣшности факта, а еще чаще старался удаляться такихъ мыслей, такъ же какъ и столкновеній съ простымъ классомъ.

„Но необходимость свела меня съ нимъ, скука и общая доля сблизилась; познакомился и породнился я съ русскимъ крестьяниномъ... среди моря, гдѣ равно каждому не разъ грозила смерть, въ снѣжныхъ степяхъ, гдѣ отогрѣвали мы другъ друга рукопашной борьбой, а подъ часъ и дыханьемъ, въ сырой и тѣсной избѣ, гдѣ голодные и холодные жались мы другъ къ другу, шестьдесятъ дней не видя солнца Божьяго...

„Труденъ доступъ къ его сердцу. Онъ суровъ, неразговорчивъ, неохотно обнаруживаетъ свое чувство, глубоко запрятываетъ въ душу тяжелую кручину. Ошибается тотъ, кто иначе думаетъ; кто, побродивъ по базару въ праздничный день, увидавъ двѣ-три деревенскія сходки, поговоривъ, хотъ и за чаркой, съ нѣсколькими мужиками, думаетъ знать всю ихъ подноготную... Жалокъ такой наблюдатель! Нѣтъ, сердце его открывается не всякому и не вдругъ. Вотъ ужъ, кажется, ты довольно сблизился съ нимъ: онъ воленъ съ тобой въ обращеніи, и за словомъ въ карманъ не ходитъ; ты думаешь, говорить онъ тебѣ свою подноготную... Погоди! она у самого у него неясна, а ты не настолько расположилъ его къ себѣ и расшевелилъ, чтобы она у него высклилась, облеклась въ слово... Ты самъ скоро убѣдишься, что не поймалъ еще истины, когда замѣтишь, что черезъ день онъ уже говорить не то, съ полнымъ равнодушіемъ, которое такъ часто тебя обманывало, приводя къ ложнымъ и неотраднымъ выводамъ! Будешь говорить ты съ нимъ еще разъ, узнаешь больше, услышишь много опять новаго, но и тутъ часто не то еще, чего ищешь... Будь простъ и добръ, а главное — будь искрененъ, спрячь подалеже чувство собственнаго превосходства, умѣй отстранить всѣ порывы неизбѣжной

¹⁾ Въ томъ же духѣ обскурантный „Маякъ“ рекомендовалъ писать „маленько мужицкимъ языкомъ“.

надменности, которая невольно пробивается въ подобныхъ отноше-
нiяхъ, да еще не показывай, что ты стараешься подъ него подла-
диться, и тогда только можешь ждать его искренности...

„И тогда увидишь ты, что въ немъ есть душа, чувство, энергiя
и что, главное, въ немъ много иронiи, иронiи дѣльной и мѣткой, ко-
торая уже можетъ быть давно твою собственную особу пустила хо-
дячей притчей по всему околодку...

„Ни въ комъ кромѣ русскаго крестьянина не встрѣчалъ я такой
удали и находчивости, такой отважности, при совершенномъ отсут-
ствiи хвастовства (замѣтите, черта важная!) и, опять повторяю, такой
удивительной насмѣшливости.

„Эти черты ужели мало говорятъ въ пользу его?

„Я много люблю русскаго крестьянина, потому что хорошо его
знаю. И это, подобно многимъ нашимъ юношамъ, послѣ обычной
„жажды дѣла“, впалъ въ апатию и сидитъ сложа руки, кого трево-
жатъ скептическiя мысли, безотрадныя и безвыходныя, тому совѣтую
я, подобно мнѣ, прокатиться по раздольному нашему царству, побывать
среди всякихъ людей, посмотреть всякихъ дивъ...

„Въ столбовенiи съ народомъ, онъ увидитъ, что много жизни,
здоровыхъ и свѣжихъ силъ въ нашемъ миломъ и дорогомъ отечествѣ,
увидитъ, что все идетъ впередъ... можетъ быть иначе, чѣмъ думали
кабинетные теоретики, но совершенно согласно съ характеромъ на-
роднымъ, съ его судьбами, древними и настоящими, и съ неизмѣн-
нымъ закономъ историческимъ... Увидитъ и устыдится своего бездѣй-
ствiя, своего скептицизма, и самъ, какъ русскiй человѣкъ, разохотится,
расходится: откинетъ лѣнь и положитъ посильный трудъ въ сокро-
вищницу развитiя, славы и процвѣтанiя русскаго народа“... ¹⁾

Не припомнимъ, какое впечатлѣнiе оставлялъ романъ въ
массѣ читателей, — для которой онъ, конечно, и предназначался;
но мысль была оригинальна. Некрасову мечталось дать образ-
чики промышленнаго дѣла, къ которому могли бы обратиться
предпримчивые образованные люди, дѣла новаго, вводящаго въ
самую горячую среду народнаго труда, съ опасностiю, рискомъ,
но и громадною прибылью: здѣсь и хлѣбная торговля, и рыбные
промыслы, и сѣверное звѣроловство: Каспiй, Волга, Бѣлое море
и Ледовитый океанъ, Камчатка и (иногда) русская Америка.
Сколько можно было по живымъ рассказамъ или по книгамъ,
онъ хотѣлъ дать картины этихъ краевъ. Критики того времени
ставили какъ бы въ упрекъ Некрасову, что онъ — описывая, напр.,
Новую Землю — пользовался книжными источниками, но въ этомъ
не было ничего страннаго, и онъ, видимо, пересмотрѣлъ не мало
книгъ, и кромѣ пейзажа онъ не безъ успѣха изображалъ типъ
неустрашимаго поморскаго промышленника, какого, конечно,

¹⁾ Три страны свѣта. Спб. 1849, VIII, стр. 9—11.

нельзя было встрѣтить ни на Невскомъ проспектѣ, ни въ ярославской деревнѣ. Любопытна для читателя должна была быть и картина волжскаго хлѣбнаго каравана, описаніе каналовъ, Боровицкихъ пороговъ, и т. п. Это не была выдуманная фантастика французскаго романа, а попытка вдвинуть въ рамку романа настоящую русскую дѣйствительность — все-таки мало кому извѣстную.

Въ первые годы въ „Современникѣ“ являлось мало стиховъ. Въ „Примѣчаніяхъ“ къ большому изданію Некрасова, 1879, это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что Некрасовъ въ тѣ годы занятъ былъ „Тремя странами свѣта“, отчасти тѣмъ, что „самъ „Современникъ“ возбудилъ гоненіе на стихи, въ лицѣ „Новаго поэта“¹⁾.

„Новый поэтъ (собрательное имя, подѣ коимъ писали Панаевъ, Некрасовъ, В. Гаевскій и др.) объявилъ себя непримиримымъ врагомъ всѣхъ посредственныхъ стихотворцевъ и сталъ писать пародіи на всякую слабую вещь, даже у писателей перво-степенныхъ, и печатать ихъ, съ единственною цѣлю доказать, что послѣ Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова писать звучные стихи ровно ничего не значить, что это только небольшой механической трудъ“²⁾...

Въ 1850, въ январьской книгѣ, Некрасовъ посвятилъ цѣлую статью вопросу о состояніи русской поэзіи³⁾.

„Стиховъ нѣтъ, — начинаеть авторъ. — Немногіе объ этомъ жалѣютъ, многіе этому радуются, большая часть ничего объ этомъ не думаетъ. Но отчего нѣтъ стиховъ? Причина очевидна. Въ этомъ родѣ литературы преимущественно и прежде всего обращаетъ на себя вниманіе форма. Чѣмъ труднѣе достиженіе чего-либо, тѣмъ болѣе въ нашихъ глазахъ выигрываетъ достигающій. Но трудность выраженія или формы обусловливается, разумѣется, кромѣ личности писателя, степенью развитія и работанности языка...

¹⁾ Надо прибавить: на стихи шлохіе и безсодержательные.

²⁾ Стихотворенія, 1879, IV, стр. XXIV.

³⁾ Русскіе второстепенные поэты. Н. Н., стр. 42—74. Здѣсь поставлены слѣдующія темы:—Современное состояніе русской поэзіи. О стихотвореніяхъ, присылаемыхъ въ редакцію Современника. Нѣкоторые изъ этихъ стихотвореній. Два новыя стихотворенія Н. Огарева. Стихотвореніе Т. Л. Г. О. Т-въ и его стихотворенія (1896—1840).

Т. Л. были буквы И. С. Тургенева подѣ его стихотвореніями. О. Т.—въ былъ О. И. Тютчевъ.

„Наша литература, возникшая и укрьпившаяся въ самое короткое время, находится уже на той степени, когда изящная форма почитается не достоинствомъ, а условіемъ необходимымъ. Їтъ десять тому назадъ, даже и меньше, весьма охотно прощали отсутствіе содержанія и даже смысла за нѣсколько удачныхъ выраженій, гладкость и благозвучіе. Стоить только припомнить времена гг. Марлинскаго и Бенедиктова... Пушкинъ и Лермонтовъ до такой степени усвоили нашему языку стихотворную форму, что написать теперь гладенькое стихотвореніе сдумать всякій, владѣющій въ нѣкоторой степени механизмомъ языка; и потому гладкость и правильность стиха не составляютъ уже въ наше время ни малѣйшаго достоинства, а такъ какъ стихотворная форма непременно стѣсняетъ автора, не выкупая недостатокъ его произведенія, то весьма понятно, что проза, болѣе доступная по формѣ, представляетъ болѣе простора его уму, взгляду на вещи и наблюдательности, на которыя обработанность языка не имѣетъ вліянія, и которыя составляютъ неотъемлемую, личную принадлежность писателя...

„Вотъ главная причина, почему нѣтъ стиховъ вообще. Почему нѣтъ хорошихъ стиховъ, тому другая причина: нѣтъ поэтическихъ талантовъ, или ихъ слишкомъ мало и они также обратились къ прозѣ... Теперь эпоха положительная. Каждый литераторъ естественно хочетъ извлечь наибольшую выгоду изъ своего таланта, а при всеобщемъ равнодушіи къ стихамъ и при невозможности много писать стихами, конечно, проза представляетъ болѣе удобствъ въ этомъ отношеніи“...

Авторъ жалѣетъ объ этомъ.

„Дѣло въ томъ, что у кого-нибудь изъ этихъ авторовъ, добровольно отказывающихся отъ поэтическаго поприща, можетъ быть, развился бы значительный и самобытный поэтический талантъ, еслибъ они продолжали развивать свою поэтическую искру. *А поэтический талантъ, хоть и не обширный, стоитъ десяти талантовъ повѣствовательныхъ*, потому что такіе таланты рѣдки во всѣхъ литературахъ“...

Авторъ жалѣетъ, что журнальная критика часто такъ недружелюбно относится ко всякой книжкѣ стиховъ: можетъ случиться, что и человекъ умный и талантливый побойтся при этой враждебности выступить на поэтическое поприще...

„А одна возможность подобнаго случая насъ пугаетъ. Какъ ни толкуютъ о положительности нашего времени, мы увѣрены, что хорошій поэтъ былъ бы совсѣмъ не лишній въ настоящей русской литературѣ; между любителями чтенія всегда есть люди

(и мы имѣемъ слабость принадлежать къ числу ихъ), которымъ недовольно однихъ романовъ и повѣстей, какъ бы они ни были хороши, у которыхъ просто есть слабость, обратившаяся въ потребность, время отъ времени прочесть новое хорошее стихотвореніе, и которые, за недостаткомъ хорошихъ, радѣхоньки иногда прочесть даже чуть-чуть хорошенькое стихотвореніе... да и въ какомъ сердцѣ не найдется струнки, которая не отозвалась бы на прекрасную поэтическую мысль, изящно выраженную? Слушаемъ же мы Гривы и Марію, наслаждаемся ими, даже говоримъ, что жить безъ нихъ не можемъ: вѣдь все это тѣ же стихи, поэзія, только въ другихъ формахъ,—и кто иначе думаетъ, тотъ не понимаетъ ни поэзіи, ни итальянской оперы и истинно не наслаждается ею.

„Итакъ, потребность стиховъ въ читателяхъ существуетъ несомнѣнно. Если есть потребность, то невозможно, чтобъ не было и средствъ удовлетворить ее. Поэтическихъ талантовъ даже не такъ мало у насъ, какъ многіе думаютъ, и настоящая цѣль этихъ статей есть именно показать, что еще недавно поэтовъ съ истиннымъ талантомъ у насъ явилось гораздо болѣе, чѣмъ привыкли думать“.

И авторъ приводитъ рядъ талантливыхъ стихотвореній, которыя на ту минуту нашлись въ запасѣ самой редакціи журнала. Не всѣ были равнаго достоинства; но нѣкоторыя прямо указывали на возможность дальнѣйшаго совершенствованія; нѣкоторыя говорили именно о сильномъ талантѣ,—авторъ указываетъ особенно стихотворенія Огарева, а также и Тургенева; а затѣмъ Некрасовъ переходитъ къ главному предмету своей статьи, къ произведеніямъ поэта, который при началѣ своего поприща „вовсе не былъ замѣченъ“ и который въ дѣйствительности имѣетъ право на одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ русской поэзіи. Это былъ Тютчевъ.

„Въ 1836 году Пушкинъ основалъ новый журналъ „Современникъ“. Основаніе этого журнала и появленіе первыхъ его вѣпшекъ сопровождалось въ нашей литературѣ весьма замѣчательными толками, спорами и событіями... Съ третьяго же тома въ „Современникѣ“ начали появляться стихотворенія, въ которыхъ было столько оригинальности мысли и прелести изложенія, столько, однимъ словомъ, поэзіи, что, казалось, только самъ же издатель журнала могъ быть авторомъ ихъ. Но подъ ними весьма четко выставлены были буквы „Ѳ. Т.“; носили они одно общее названіе: „Стихотворенія, присланныя изъ Германіи“.

„Прежде всего скажемъ, что хотя они и присылаемы были

изъ Германіи, но не подлежало никакому сомнѣнію, что авторъ ихъ былъ русскій: всё они написаны были чистымъ и прекраснымъ языкомъ, и многія носили на себѣ живой отпечатокъ русскаго ума, русскою души. Подпись Θ . Т.—въ, вмѣсто Θ . Т., появившаяся вскорѣ подъ однимъ изъ нихъ, окончательно подтвердила, что авторъ ихъ нашъ соотечественникъ. Сдѣлавъ это замѣчаніе для тѣхъ, которыхъ могло бы испугать заглавіе стихотвореній ¹⁾, мы продолжаемъ. Съ тѣхъ поръ (съ 1836) время отъ времени продолжали появляться въ „Современникѣ“ стихотворенія за этою подписью, до 1840 года включительно. Съ 1841 года мы уже не встрѣчали этого имени въ „Современникѣ“; въ другихъ журналахъ оно также не появлялось, и можно сказать, что съ того времени оно вовсе исчезло изъ русской литературы. Неизвѣстно навѣрное, обратило ли оно на себя какое-нибудь вниманіе публики въ то время, когда появлялось въ печати, но положительно можно сказать, что ни одинъ журналъ не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія.

„Между тѣмъ стихотворенія г. Θ . Т. принадлежать къ немногимъ блестящимъ явленіямъ въ области русской поэзіи. Г-нъ Θ . Т. написалъ очень немного; но все написанное имъ носить на себѣ печать истиннаго и прекраснаго таланта, верѣдко самобытнаго, всегда граціознаго, исполненнаго мысли и неподдѣльнаго чувства...

„Главное достоинство стихотвореній г. Θ . Т. заключается въ живомъ, граціозномъ, пластически вѣрномъ изображеніи природы. Онъ горячо любитъ ее, прекрасно понимаетъ, ему доступны самыя тонкія, неуловимыя черты и оттѣнки ея, и все это превосходно отражается въ его стихотвореніяхъ. Конечно, самый трудный родъ поэтическихъ произведеній—это тѣ произведенія, въ которыхъ повидимому нѣтъ никакого содержанія, никакой мысли; это пейзажъ, въ стихахъ, картинка, обозначенная двумя, тремя чертами. Уловить именно тѣ черты, по которымъ въ воображеніи читателя можетъ возникнуть и дорисоваться сама собою данная картина, дѣло величайшей трудности. Г-нъ Θ . Т. въ совершенствѣ владѣеть этимъ искусствомъ“...

Въ подтвержденіе Некрасовъ указываетъ цѣлый рядъ стихотвореній Тютчева, и каждый разъ онъ приводитъ его въ восхищеніе. Напримѣръ, по поводу стихотворенія „Осенній вечеръ“ онъ говоритъ:

„Превосходная картина! Каждый стихъ хватается за сердце, какъ хватаютъ за сердце въ иную минуту беспорядочные, внезапно

¹⁾ Т.-е. „присланныя изъ Германіи“.

набѣгающіе порывы вѣтра; ихъ и слушать больно, и перестать слушать жаль. Впечатлѣніе, которое испытываешь при чтеніи этихъ стиховъ, можно сравнить съ чувствомъ, какое овладѣваетъ человекомъ у постели молодой умирающей женщины, въ которую онъ былъ влюбленъ. Только талантамъ сильнымъ и самобытнымъ дано затрогивать такія струны въ человѣческомъ сердцѣ; вотъ почему мы нисколько не задумались бы поставить г. О. Т. рядомъ съ Лермонтовымъ; жаль, что онъ написалъ слишкомъ мало "...

Очень жаль, что въ изданіяхъ Некрасова не собрано писанное имъ въ прозѣ: въ этомъ было, конечно, многое, что имѣло только временный, случайный смыслъ и интересъ, но нашлось бы и нѣчто, не лишенное значенія для его литературной характеристики, какъ на примѣръ указанная сейчасъ статья о русскихъ поэтахъ... Она можетъ служить и образчикомъ литературныхъ сужденій Некрасова, о которыхъ сохранилось у насъ впечатлѣніе, упомянутое въ разсказанныхъ раньше воспоминаніяхъ; эти сужденія вообще бывали интересны и иногда дѣйствительно привлекательны.

Онъ любилъ литературу, литературное дѣло, любилъ поэзію какъ высшее въ литературѣ, какъ выраженіе благороднѣйшихъ стремленій человѣческой мысли и чувства и отвѣтъ на подобныя запросы въ отдѣльномъ лицѣ и въ обществѣ. Какъ человѣкъ реального ума и литературнаго дѣла, онъ ставитъ, въ началѣ статьи, вопросъ о русской поэзіи на практическую почву, указываетъ историческія условія, въ которыхъ находилась она въ данную минуту, когда послѣ Жуковскаго, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова литературная форма была доведена до совершенства и одни внѣшнія достоинства, сдѣлавшись обязательными, переставали удовлетворять выработавшемуся вкусу, — что и произвело охлажденіе къ новымъ, обыкновенно менѣе удачнымъ поэтическимъ опытамъ, и какъ будто охлажденіе къ самой поэзіи; онъ объясняетъ усиленіе прозы и возростаніе матеріальной стороны литературной дѣятельности, — но онъ настойчиво говоритъ о высокомъ значеніи поэзіи въ цѣлой жизни литературы, соединяя въ немъ чувство изящнаго и чувство нравственное. Въ поэзіи Тютчева онъ съ горячими сочувствіями указываетъ обществу мало замѣченнаго поэта, въ произведеніяхъ котораго онъ видитъ высокое созданіе русской поэзіи, — онъ готовъ поставить его рядомъ съ Лермонтовымъ... Въ недавнихъ историческихъ воспоминаніяхъ о О. И. Тютчевѣ, по поводу столѣтней годовщины его рожденія, и въ объясненіяхъ блестящихъ красотъ его поэзіи, за-

были сказать, что первое сильное объясненіе Тютчева дано было именно Некрасовымъ.

Въ слѣдующей книгѣ 1850 года этотъ вопросъ о современной русской поэзіи былъ продолженъ статью В. Боткина о стихотвореніяхъ Фета.

Въ 1854 году Некрасовъ издалъ цѣлую книжку стихотвореній Ѳ. И. Тютчева, въ приложеніи къ „Современнику“ и отдѣльно. Это было первое изданіе Тютчева.

Кромѣ стихотвореній,—которыя составили Некрасову широкую славу особенно съ половины пятидесятихъ годовъ,—онъ много писалъ въ „Современникѣ“ прозой. Раньше, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, онъ написалъ повѣсть „Опытная женщина“ (1841), рассказъ „Необыкновенный завтракъ“ (1843); въ „Современникѣ“—упомянутый рассказъ „Новоизобрѣтенная привилегированная краска Дирлинга и К^о“ (1850); „Тонкій человекъ“ (1855); два большихъ романа, писанныхъ вмѣстѣ съ Н. Станицкимъ (А. Я. Панаевой): „Три страны свѣта“ и „Мертвое Озеро“. О первомъ мы говорили; во второмъ Некрасовъ принималъ мало участія. Затѣмъ, биографъ замѣчаетъ: „вся проза Некрасова состоитъ изъ критики, рецензій, журналистики, фельетоновъ, носившихъ въ то время характеристическое названіе „Смѣси“ и т. п. Какъ на болѣе выдающіяся и позднѣйшія его критическія статьи, мы можемъ указать на „Журнальныя Замѣтки“ въ „Современникѣ“ 1856 года, которыя онъ писалъ по случаю отъѣзда за границу И. Панаева, завѣдывавшаго этимъ отдѣломъ“¹⁾...

Эти указанія остаются, однако, весьма неясны, а частью совсемъ невѣрны. До сихъ поръ не было отмѣчено съ точностью (или даже только предположено), какія именно „рецензій“, „критики“, „фельетоны и т. п.“ были написаны Некрасовымъ въ „Современникѣ“ пятидесятихъ годовъ. По поводу приведенныхъ словъ биографа можно замѣтить, что собственно „критическихъ“ статей (въ отдѣлѣ „критики“) у Некрасова не было ни одной. Единственной статьей подобнаго рода была упомянутая сейчасъ статья о второстепенныхъ поэтахъ и о Тютчевѣ, помѣщенная въ „Смѣси“. Эта послѣдняя рубрика вовсе не означала „фельетона“, а представляла цѣлый отдѣлъ журнала, и очень большой, гдѣ помѣщались самыя разнообразныя статьи, напр. цѣлые рассказы (небольшого объема), напр. Диккенса, изложенія большихъ

¹⁾ Стихотворенія 1879, т. I, стр. LXVI—LXVII.

сочиненій иностранныхъ („Поэзія и правда“ Гёте, „Жизнь“ Жоржа Занда, изложенія большихъ путешествій), новости иностранной литературы, фельетоны о русской литературѣ (напр. „Письма иногороднаго подписчика“ — Дружинина), о петербургской жизни, наконецъ „Литературный Ералашъ“, юмористическая проза и стихотворство, конечно сборникъ, гдѣ между прочимъ появлялись первыя произведенія Кузьмы Пруткова и гдѣ былъ первый поводъ повдѣйшаго „Свистка“. Сказать, что Некрасовъ былъ авторомъ „фельетоновъ, носившихъ названіе смѣси“ — значитъ, сказать нескладницу.

Что касается „Журнальныхъ замѣтокъ“ 1856 года, полагаемыхъ „болѣе выдающимися изъ критическихъ статей“ Некрасова, то здѣсь въ словахъ біографа опять заключается цѣлый рядъ неточностей.

Объ этихъ „Замѣткахъ“ въ первый разъ говорилъ г. Горленко въ статьѣ „Литературные дебюты Некрасова“, въ 1878 ¹⁾. Онъ указываетъ, что Некрасовъ писалъ эти замѣтки съ конца 1855 и до августа 1856 года (біографъ приписываетъ Некрасову „замѣтки“ 1856 года вообще) и также придаетъ „замѣткамъ“ очень важное значеніе для опредѣленія литературныхъ идей Некрасова, и видитъ въ этихъ идеяхъ одно изъ лучшихъ достоинствъ Некрасова, какъ журнальнаго дѣятеля...

Можетъ показаться страннымъ одно обстоятельство.

Въ большомъ изданіи Некрасова, 1879, гдѣ біографическій и бібліографическій комментарий данъ былъ г. Скабичевскимъ и С. И. Пономаревымъ, была также повторена статья г. Горленка о литературныхъ дебютахъ Некрасова, но не повторенъ (или исключенъ) тотъ конецъ этой статьи, гдѣ именно идетъ рѣчь о „журнальныхъ замѣткахъ“ и ихъ великомъ достоинствѣ. Думаемъ, что комментаторы усомнились объ этомъ концѣ статьи, гдѣ Некрасову приписывалось такое, что едва-ли онъ могъ написать ²⁾; но были, повидимому, не въ состояніи разрѣшить этого противорѣчія.

¹⁾ „Отеч. Записки“, 1878, кн. 12, стр. 149—165.

²⁾ Напримѣръ, Горленко, въ „Отеч. Запискахъ“ 1878, стр. 165: „Эти „Замѣтки“ (онъ не подписаны) вообще обличаютъ въ поэтѣ,—т.-е. авторѣ ихъ,—безпредѣльную любовь къ литературѣ и удивительное художественное чутье... Есть тамъ и полемика съ славянофилами, и полемика все съ тѣмъ же (?) Чичеринимъ объ историческомъ значеніи русской сельской общины“. Въ изданіи Некрасова, 1879, это опущено. Дѣйствительно, вопросъ объ историческомъ значеніи общины былъ и не по силамъ Некрасову, и находился внѣ его интересовъ. Объ этомъ въ „Замѣткахъ“, очевидно, писалъ не онъ.

Г-нъ Скабичевскій, въ біографіи, прибавляетъ замѣчаніе, что въ этихъ „Замѣткахъ“ 1856 года статьи Некрасова „можно легко отличить по тому, что *ося оны* начинаются со словъ ¹⁾ „читатель“ — на это отличіе есть письменное указаніе въ бумагахъ Некрасова“ ²⁾. Но здѣсь опять является недоумѣніе: въ „Замѣткахъ“ 1856 года словомъ „читатель“ начинается только *одна* статья ³⁾, изъ десятка; всѣ другія начинаются иначе.—Наконецъ, есть еще противорѣчіе показаніямъ біографа и г. Горленка, и самое крупное: „Замѣтки о журналахъ“, съ 3-й книги „Современника“ (за февраль) 1856 по 7-ю книгу (за іюнь) 1857 года вошли въ составъ изданія сочиненій Н. Г. Ч—скаго ⁴⁾. Сколько помню, принадлежность статей этого и другихъ томовъ тогдашняго изданія Н. Г. Ч—му была опредѣлена не только по памяти и преданію, но и по справкѣ со старыми конторскими книгами (принадлежавшими тогда Ипп. Ал. Панаеву), и наконецъ по сохранившимся „оригиналамъ“, въ числѣ которыхъ были и „оригиналы“ „Замѣтокъ о журналахъ“.

Фактъ—тотъ, что лишь немногое въ статьяхъ, печатавшихся подъ этой рубрикой въ „Современникѣ“ 1856—1857 года, принадлежало Некрасову; большая часть была написана Н. Г. Ч—скимъ.

Объяснимъ это подробнѣе въ слѣдующей статьѣ.

А. Пыпинъ.

¹⁾ Т.-е.: со слова?

²⁾ Изданіе 1879, I, стр. LXVII.

³⁾ Въ мартовской книгѣ 1856, за февраль того года; и еще разѣ за февраль 1857 года.

⁴⁾ „Замѣтки о современной литературѣ 1856—1862 гг.“ („Современникъ“ 1856—1862 гг.). Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1894.

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ СОВРЕМЕННОГО ЖИТЯ-БЫТЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Константинъ Градусовъ — сынъ крестьянской дѣвушки, жившей на промыслахъ въ Петербургѣ; лишившись матери, еще груднымъ ребенкомъ, онъ былъ привезенъ въ деревню Многосущенскую и отданъ на воспитаніе въ семью своего дѣда, Нифата Гурьянова.

Никому въ семьѣ Нифата, конечно, не было извѣстно, кто былъ отцомъ мальчика, и ему дали прозвище Градусова, по прозвищу ходившаго въ то время по деревнямъ, такого же безроднаго, юродиваго, носившаго вериги и увѣрявшаго всѣхъ, что его никто не родилъ, а онъ самъ родился.

Градусовъ воспитывался въ такихъ условіяхъ, въ какихъ обыкновенно воспитываются крестьянскія дѣти. Никто на развитіе его не обращалъ никакого вниманія; неграмотные родственники его, вовсе не имѣли представленія о томъ, что ребенку потребно развитіе, и были озабочены только тѣмъ, какъ бы помогъ Богъ „выкормить“ внука до того возраста, когда онъ станетъ помогать имъ въ ихъ крестьянской работѣ.

Ребенокъ былъ очень воспріимчивъ и чутокъ, и только-что началъ произносить односложныя слова, уже всѣ удивлялись его бойкости и смѣтливости. Онъ замѣчалъ, что дѣлали взрослые, и съ поразительной настойчивостью старался перенять все это и сдѣлать самъ.

Нифать, въ особенности когда бывалъ подъ хмелькомъ, любилъ забавляться съ своимъ внукомъ: онъ бралъ его на руки и, лаская, училъ, какъ произносить крѣпкія бранныя слова, привычныя мужику и которыя такъ часто повторяются имъ.

Ему любо было слушать, какъ внукъ его, своимъ картавымъ дѣтскимъ языкомъ, не безъ усилія выговаривалъ эти слова.

— А и воръ ты будешь у меня, Коська!—съ восторгомъ говорилъ онъ:—иному пять годовъ, да онъ того не сможетъ, что ты, двухгодовалый, дѣлаешь. Первымъ будешь!

— Хорошему ли учишь мѣльца?—заступалась за внука жена Нифата, Оекла.

— Эхъ, баба!—отвѣчалъ ей мужикъ:—ужли жъ и онъ, когда вырастетъ, будетъ такимъ же дуракомъ, какъ мы съ тобой?.. Нѣтъ, онъ будетъ умнѣ насъ.

— Да вотъ отъ тебя хорошему займется!

— А ты опять свое! Такъ мы съ тобой и говорить не станемъ, а вотъ съ внукомъ поговоримъ. Внучекъ, зайчикъ мой милый, мы знаемъ не меньше бабы?—спрашивалъ онъ Костю, глядя его по волосамъ.—Она—баба, и не ей насъ учить. Вотъ мы съ тобой вырастемъ, тогда умнѣ будемъ, все станемъ понимать, что къ чему. Лады! Вѣрно, внучекъ, будемъ умнѣ? Первыми будемъ?..

Мальчикъ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ то на бабушку, то на дѣда, прислушиваясь къ тому, что они говорили, и лепеталъ, какъ эхо: „Путемъ пельвымъ“...

И изъ всего, что осталось въ памяти Градусова отъ его ранняго дѣтства, всего сильнѣе и ярче запомнились ему дѣдовскія слова: „ты будешь первымъ“.

Ребенокъ подрасталъ, и характеръ его сталъ опредѣляться; въ играхъ съ своими сверстниками онъ всегда былъ впереди всѣхъ: никто не бѣгалъ такъ быстро, какъ онъ; никто не могъ бросать камней такъ далеко, какъ онъ; никто не могъ ѣздить на конѣ такъ смѣло и шибко, какъ онъ.

Оекла учила внука молитвамъ, и когда ходила въ церковь, всегда брала его съ собою. Мальчикъ быстро и правильно заучивалъ молитвы...и любилъ ходить съ бабушкой въ церковь; большое помѣщеніе, золоченый иконостасъ, облаченіе духовенства, пѣніе и проповѣдь—все это производило на него сильное впечатлѣніе, наполняя удивленіемъ и какой-то торжественностью его дѣтское воображеніе. Онъ видѣлъ, какъ молилась его бабушка, какъ лицо ея въ это время становилось особеннымъ, важнымъ, серьезнымъ и умиленнымъ. И онъ старался придать

своему лицу такое же выраженіе, падалъ на колѣни и, часто думая совсѣмъ не о молитвѣ, а о другомъ, или вовсе ни о чемъ не думая, клалъ земные поклоны съ большимъ усердіемъ.

Потомъ, послѣ этого, въ сердцѣ его загоралась какая-то искра, она зажигала его кровь и теплотой радостнаго умиленія разливалась въ немъ. И ему было пріятно, какъ послѣ этого бабушка брала его на руки и долго ласкала и цѣловала, съ восхищеніемъ глядя въ его сіяющіе глаза.

— Бабушка, Боженька глядитъ на насъ? Онъ видитъ?— спрашивалъ онъ.

— Видитъ, дорогушенька моя! Онъ все видитъ...—говорила бабушка, и ея старческій голосъ дрожалъ отъ глубокаго внутренняго волненія.

Но какъ только приходилъ онъ домой, слышанное и видѣнное имъ въ церкви забывалось или уходило куда-то въ даль, какъ нѣчто бывшее у взрослыхъ чѣмъ-то праздничнымъ, не имѣющимъ съ ихъ обыденной жизнью видимой и ощутительной связи... И опять игры, забавы, разговоры съ дѣдомъ и поступки окружающихъ его людей увлекали и поглощали все его маленькое существо...

Когда исполнилось ему одиннадцать лѣтъ, дѣдъ повелъ его въ школу.

Но учительница не могла принять Градусова—у нея уже было восемьдесятъ человѣкъ учащихся и не было ни одного свободнаго мѣста за партами.

На другой годъ мальчикъ былъ приведенъ въ школу въ тотъ день, когда было объявлено по деревнѣ о приѣмѣ дѣтей,—мѣсто нашлось, и его приняли.

Ученье его шло блистательно: въ одну зиму онъ научился читать и писать, во вторую зиму успѣшно изучилъ всѣ четыре правила ариметики и Законъ Божій настолько, насколько позволяла программа начальнаго училища.

И теперь, какъ и въ дошкольное время, онъ былъ между своими сверстниками первымъ. Одинъ только разъ случилось, что онъ не могъ объяснить толкованіе заповѣдей Моисея, и учительница сказала ему:—Плохо; всегда ты готовилъ уроки лучше всѣхъ, а сегодня—хуже всѣхъ.

Эти слова „хуже всѣхъ“ такъ глубоко подѣйствовали на Градусова, что онъ въ обѣденное время не притронулся къ хлѣбу и картошкѣ, которые были даны ему изъ дома бабушкой, а сидѣлъ за партою и твердилъ неудавшійся урокъ. Выйдя изъ школы, онъ дорогою не игралъ съ товарищами, былъ задумчивъ

и сосредоточенъ, а на другой день съ такой ясностью и отчетливостью объяснилъ урокъ, что учительница похвалила его.

— Теперь я всегда лучше всѣхъ буду готовить уроки! — сказалъ Градусовъ.

— Хорошо. Только не хвались этимъ, — отвѣтила ему учительница.

II.

Въ одинъ зимній день съ утра поднималась вьюга и былъ сильный морозъ. Изъ Многосущенской нужно было ходить въ село Мохоболотное за полторы версты. Градусовъ ходилъ вмѣстѣ съ тремя мальчиками и двумя дѣвочками. И сегодня они вышли вмѣстѣ. По деревнѣ было хорошо идти, но въ полѣ дорогу мѣстами занесло снѣгомъ. Дѣти давно привыкли ко всякимъ непогодамъ и, не смущаясь, храбро переходили черезъ сугробы. Но вьюга все усиливалась; они вязли въ снѣгу и, пройдя половину дороги, устали. Въ особенности одна дѣвочка, Даша, самая младшая и одѣтая хуже всѣхъ: она совсѣмъ измучилась и отстала отъ другихъ.

— Погодите меня! — кричала она школьникамъ, задыхаясь отъ усилія, чуть не плача и стараясь бѣжать какъ можно скорѣе.

— Ну, ты! Тебѣ все не поспѣть!

— Эхъ, ты, разувайха! — кричали ей дѣти, останавливаясь на дорогѣ.

Даша поровнялась съ ними.

— Не поспѣть... Какъ не шибко-то, такъ поспѣю, — бодрилась она, сунувъ себѣ въ ротъ пальцы, покраснѣвшіе отъ холода.

Градусовъ поглядѣлъ на ея рваную куцавейку, худые лаптишки, иззябшія руки, посинѣвшее лицо, и ему припомнилось, какъ онъ, съ толпою ребятишекъ, катался съ горы на салазкахъ въ сильный морозъ, упалъ въ снѣгъ и потерялъ варежки. Ребятишки, ватившіеся сзади, замаяли въ снѣгу его варежки, и онъ долго искалъ ихъ и не могъ найти. Тогда у него сильно озябли руки, и онъ, какъ теперь Даша, совалъ ихъ себѣ въ ротъ и не могъ отогрѣть — онѣ ныли нестерпимо. Ему тогда хотѣлось плакать, и онъ съ трудомъ сдерживался, стыдился, что будутъ смѣяться надъ нимъ. А руки все ныли...

Онъ пошелъ съ Дашей рядомъ и сердито крикнулъ школьникамъ:

— Она не виновата, что у ней силы меньше нашего!

Пройдя съ Дашею нѣсколько времени молча, онъ сказалъ ей:

— Дай, я твою котомку понесу!

— Ничего, я сама снесу, — отвѣчала она.

— Чего сама?! Давай!

Онъ почти насильно взялъ отъ нея котомку съ книгами и хлѣбомъ для обѣда.

Уже близко подошли къ селу, гдѣ была школа. Тутъ, на дорогѣ, у высокой горы, нанесло такіе большіе сугробы снѣга, что дѣти завязли въ немъ по поясъ.

— Ай, братцы, снѣгу-то сколько Богъ далъ!

— Никакъ намъ и до школы не добратся?..

— До школы-то доберемся, что будетъ изъ школы?—кричали дѣти, барахтаясь въ снѣгу.

Кое-какъ выбравшись на гору, гдѣ снѣгъ сдувало вѣтромъ и дорога была незапесена, дѣти бойко побѣжали другъ за другомъ.

Градусовъ, пробѣжавъ нѣсколько времени, оглянулся и увидѣлъ, что Даши не было съ ними. „Чего она опять отстала?“ — съ досадою подумалъ онъ. И воротился назадъ.

Подойдя къ сугробу, онъ увидѣлъ, что Даша сидѣла въ снѣгу: у нея разулся лапоть, и она силилась обернуть оборою ногу. Руки ея совсѣмъ свело холодомъ, и обернуть обору никакъ не удавалось.

— Чего ты тутъ?—спросилъ онъ.

А Даша только смотрѣла на него, не говоря ни слова; губы ея посинѣли, слезы бѣжали изъ глазъ и замерзали на щекахъ.

— Ну, ты, обуться не можешь!—дѣлая голосъ сердитымъ, сказалъ ей Градусовъ. И, наклонившись къ ней, онъ снялъ съ рукъ варежки и хотѣлъ завязать ей обору. Но старая обора совсѣмъ разорвалась, и ее нельзя было завязать. Въ лапти Даши и за онучи набилось снѣгу. У Градусова у самого зазябли руки. Онъ приложилъ ихъ ко рту и сталъ отогрѣвать своимъ дыханіемъ. А Даша сидѣла, засунувъ руки къ себѣ за пазуху, и плакала.

— Брось же ты плакать-то! Экая... Пойдемъ хоть такъ!—сердился Градусовъ. И, взявъ Дашу за руку, онъ силился поднять ее изъ снѣга. Дѣвочка не могла подняться и только плавала.

А вьюга поднималась все сильнѣе и сильнѣе; снѣгъ съ рѣвкимъ шумомъ, кружась, летѣлъ по вѣтру, какъ дымъ на пожарѣ. Около нихъ навѣяло свѣжій большой сугробъ.

„Что я буду дѣлать?“—подумалъ мальчикъ, съ недоумѣніемъ озираясь кругомъ. Потомъ, бодро встряхнувшись и снова стараясь сдѣлать свой голосъ грубымъ и сердитымъ, онъ сказалъ Дашѣ:—Сиди же ты тутъ, а я за дѣдкой въ деревню побѣгу.

Онъ вытащилъ изъ-за пазухи ея руки и одѣлъ на нихъ свои

варежки, потомъ отвязалъ съ своей шеи платокъ и обвертѣлъ имъ голову Даши. И послѣ этого побѣжалъ обратно, домой.

Онъ сильно измучился, пока прибѣжалъ. И только-что вошелъ въ избу, закричалъ Нифату:—Дѣдушка, поѣзжай скорѣе—она замерзнетъ!

Нифать съ удивленіемъ поглядѣлъ на него и, не понимая его словъ, спросилъ:

— Ты откуда? Кто замерзнетъ?..

— Она! Дарка, тамъ, на дорогѣ!..

— Какая Дарка? Гдѣ?—спросила Оекла, жалостливо глядя въ изыбшее лицо внука.

— Да тамъ вонъ, у крутой горы, оставши... Въ снѣгу-у!..

И Градусовъ громко заплакалъ оттого, что ему было холодно и что Даша, можетъ быть, замерзла, а дѣдъ и бабушка не понимаютъ ничего этого.

Но мужикъ понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ сталъ торопливо одѣваться и сказалъ внуку:— Ну, не реви; сейчасъ пойду къ маткѣ Даркиной и сважу.

— Чего къ маткѣ пойдешь?—нетерпѣливо крикнула на него жена:—пока ходишь, дѣвчонка замерзнетъ. Запрягай скорѣе коня да поѣзжай за ней!

— И то вѣрно!—согласился мужикъ. И бросился запрягать коня.

Оекла схватила внука за голову и прижала къ своей груди. А онъ, плача, говорилъ ей:—Скорѣе, бабушка, пусть онъ. Тамъ, у крутой гор-ры!..

— Внучекъ ты мой милый! Желанный мой!—говорила баба, еще крѣпче прижимая его къ своей груди и осыпая поцѣлуями его голову и заплаканное, холодное отъ мороза лицо.

Потомъ она, накинувъ на плечи кафтанъ, побѣжала во дворъ помогать мужу запрягать лошадь. Градусовъ тоже вышелъ. И когда мужикъ, запрегши коня, сѣлъ въ дровни, онъ бросился въ дровнямъ, чтобы ѣхать съ нимъ. Но Оекла схватила его на руки и понесла въ избу

Нифать гвалъ коня, какъ только могъ. Но, пріѣхавъ къ крутой горѣ, онъ не нашелъ тамъ Даши. Онъ подумалъ, что она уже выбралась изъ снѣга и ушла въ школу. Но, поглядѣвъ, какъ сильно востъ вѣтеръ и кружить снѣгъ, рѣшилъ, что ей не дойти до села.

„Не навралъ ли Костя, что у крутой горы?“—подумалось ему.

Проѣхавъ гору, онъ поворотилъ коня обратно и поѣхалъ шагомъ, пристально приглядываясь по сторонамъ. Подъ горой, въ

большомъ сугробѣ, ему показалось, что что-то чернѣло изъ-подъ снѣга. Онъ подумалъ, что это камень. Но сообразивъ, что камня не было на этомъ мѣстѣ, подѣхалъ ближе, и тогда явственно различилъ торчащую изъ подъ снѣга кучавейку Даши. Дѣвочку всю занесло и только одно плечо было видно.

Мужикъ выскочилъ изъ дровней и, вытащивъ ее изъ снѣга, поднялъ на руки. Даша дремала, закрывъ глаза, и уже не чувствовала холоду...

— Что ты тутъ?—спросилъ онъ.

Она молчала, ничего не понимая.

Онъ отряхнулъ съ нея снѣгъ, завернулъ ее въ свой армякъ, сѣлъ на дровни и скорѣй погналъ лошадь домой.

У деревни съ плачемъ встрѣтила ихъ мать Даши. Дѣвочку внесли въ избу, раздѣли и стали оттирать суконками съ водкой. У нея сильно озябли руки и ноги, но лицо не обмерзло, обвернутое платкомъ Градусова.

Узнавъ о случившемся, учительница послѣ сама пришла къ Дашѣ и принесла ей лекарства. Она позвала къ себѣ Нифата и благодарила его за внука, называя Градусова Дашинымъ спасителемъ.

Мужикъ съ веселой усмѣшкой выслушалъ ея похвалы, почесалъ въ затылкѣ и съ достоинствомъ проговорилъ:—Онъ у меня смышлѣнный,—шельмецъ!—И потомъ прибавилъ:—Только и баловаться иной разъ бываетъ золь; ты его, въ случаѣ чего, почаще за уши-то подергивай, потому — для чего же у него и уши?.. Это ему будетъ пользительно.

Градусовъ кончилъ ученье въ школѣ первымъ и получилъ, какъ водится, свидѣтельство на льготу.

Боже, съ какой радостью, съ какимъ сознаниемъ своего достоинства принесъ онъ домой это свидѣтельство!

И Нифатъ взялъ свидѣтельство въ руки, поглядѣлъ на него, подумалъ и сказалъ:—Молодчина, Костя, не отсталъ отъ другихъ, а всѣхъ перегналъ!

Потомъ положилъ бумагу въ сторону и прибавилъ:

— Ну, это ладно. А теперя, братъ, пора отправлять тебя въ Питерь, —тебѣ уже четырнадцать лѣтъ. Тутъ былъ первымъ, а вотъ какъ-то тамъ ты себя окажешь?

Градусовъ былъ отправленъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ ученье къ полотерному мастеру, за жалованье 24 рубля въ годъ.

III.

Ему пришлось жить въ обществѣ полотеровъ, состоявшемъ изъ двадцати человекъ взрослыхъ работниковъ и пяти мальчиковъ-первогодковъ.

Съ первыхъ дней жизни въ этомъ новомъ для него обществѣ, Градусовъ заявилъ себя смышленнымъ и ловкимъ мальчикомъ. Нѣкоторые изъ его товарищей первогодковъ были старше его лѣтами и сильнѣе его, но Градусовъ не уступалъ имъ, и гдѣ не могъ взять силой, тамъ бралъ ловкостью. Когда случалось ему схватываться съ котормъ-нибудь изъ нихъ бороться (что для взрослыхъ работниковъ было немалою потѣхой), Градусовъ умѣлъ или ударить противника подъ жилки, или, быстро падая, перебросить его черезъ себя.

И въ работѣ онъ оказался не менѣе способнымъ: никто изъ первогодковъ не могъ такъ ловко разбрызгивать мастику; когда намазывали ею полы, у другихъ всегда брызги попадали на стѣны, а у него—никогда.

И полотеры полюбили его: идя на работу, они давали ему нести ведро съ мастикою или мѣшокъ съ опилками, изъ такихъ, которые были поменьше и полегче.

Полотеры уходили на работу въ пять или шесть часовъ утра и приходили на обѣдъ въ три или четыре часа дня. Были на недѣлѣ два дня, въ которые они не работали послѣ обѣда. Тогда, отдохнувъ, они пили чай дома или въ трактирѣ и послѣ сажлись играть въ карты, „въ козла“. Градусовъ скоро понялъ эту игру и могъ играть съ такимъ искусствомъ, что и большіе работники часто брали его въ партнеры.

Иногда, сидя въ трактирѣ за чаемъ, Градусова заставляли читать газету, и онъ бойко прочитывалъ, какъ въ какой-нибудь изъ улицъ Петербурга маляръ оборвался съ лѣсовъ и разбился, или гдѣ-либо возникъ пожаръ и сколько частей съѣзжались гасить его.

— Молодецъ, Костя! — говорили полотеры. И давали ему окурки папиросъ, обѣщая когда-нибудь, въ праздникъ, свести въ такое мѣсто, гдѣ очень весело...

Ихъ похвалы льстили его самолюбію, а поощренія вызывали на подражанія и Градусовъ старался не отставать ни въ чемъ отъ взрослыхъ работниковъ.

Въ такихъ условіяхъ прожилъ онъ годъ. На другой годъ уже сталъ получать жалованья по шести рублей въ мѣсяцъ.

Нифать прислалъ ему письмо, въ которомъ велѣлъ жить въ городѣ и „не баловаться“, а присылать домой денегъ больше. Письмо заканчивалось такими словами: „любезный внучекъ, мы справимся дома и безъ тебя. А хлѣба у насъ каждый годъ не хватаетъ и взять намъ негдѣ, ежели ты не будешь помогать“.

Градусовъ жилъ послѣ этого въ городѣ еще два года. Онъ получалъ уже девять рублей въ мѣсяцъ и держалъ себя скромно; посылалъ дѣду на подати и повинности, приобрѣлъ для себя новые сапоги съ закированными голенищами, гармонию, вышитую рубашку и серебряные часы съ шейною цѣпочкой.

Изъ него развился молодцоватый паренекъ. Только въ лицѣ его не стало и признака того здоровья, которымъ могъ бы онъ похвалиться, живя въ деревнѣ; не было той крѣпости мускуловъ и выносливости въ работѣ, какъ прежде... Онъ привыкъ уже пить водку и напиваться допьяна, хвалясь тѣмъ, что можетъ выпить больше другихъ. Но въ сущности онъ не любилъ водки и не усвоилъ изъ нея употребленія пагубной привычки, напиваясь только при случаѣ, когда нужно было показать себя.

Не одна прислуга въ домахъ, гдѣ приходилось Градусову натирать полы, засматривалась на него. Товарищи замѣчали ему объ этомъ, и Градусовъ старался не уронить себя: уходя на работу, онъ одѣвалъ чистую рубашку и часы съ шейною цѣпочкой; въ праздники дѣлалъ по нѣскольку визитовъ къ разнымъ землячкамъ, и гордился тѣмъ, что у него „сударокъ семьдесятъ-семь, и одна надо всѣмъ“!

И теперь, какъ и прежде, онъ былъ первымъ между своими товарищами-полотерами. Они завидовали ему и удивлялись его успѣхамъ.

Когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, дѣдъ прислалъ ему письмо, въ которомъ велѣлъ пріѣзжать на лѣто въ деревню.

IV.

Послѣ четырехлѣтней жизни въ городѣ, Градусову не понравилось въ деревнѣ. Тамъ онъ хотя и спалъ на одной кровати втроемъ съ товарищами, и пытался одѣмищами съ кашею или съ картошкой, которую хозяйка всегда умышленно старалась остудить прежде, чѣмъ подавать на столъ, въ расчетѣ, чтобы ее меньше съѣли, но зато почти каждый день приходилось получать „на чай“ и угощаться въ трактирѣ. А въ деревнѣ пища была не лучше, на чай не давали и работать приходилось

отъ зари до зари. Кромѣ того, Градусовъ усвоилъ городскія манеры, гнушался грубости деревенской.

Какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, онъ не отсталъ отъ своихъ товарищей: былъ одѣтъ франтомъ, умѣлъ, какъ сказать слово, и когда парни собравшись на гулянье, желая выказать свою удачу и молодечество, пѣли непристойныя пѣсни, Градусовъ старался превзойти ихъ. И все легко ему давалось, во всемъ онъ преуспѣвалъ.

— У насъ Костя не убавить дѣла, а прибавить, — съ гордостью говорили о немъ холостяки.

Словомъ, и теперь онъ былъ первымъ между своими товарищами.

Однажды, въ праздничный день, въ ихъ деревнѣ собралось на гулянье много молодежи.

Градусовъ, вмѣстѣ съ другими парнями, былъ съ утра приглашенъ на посѣбе къ сосѣду, косить, и здѣсь угостился такъ, что пришелъ на гулянье, едва держась на ногахъ. Сознаніе слабо сохранилось въ немъ, ощущенія и впечатлѣнія быстро и неопредѣленно кружились въ головѣ, а сердце вышло наружу, и Градусову неудержимо хотѣлось въ чемъ-нибудь проявить эти порывы, — сказать или сдѣлать что-нибудь такое, отъ чего всѣмъ было бы весело, любо и потѣшно.

На крыльцѣ избы, по другую сторону дороги, собралась толпа бабъ и молодыхъ, пришедшихъ посмотрѣть, какъ гуляетъ молодежь. Въ этой толпѣ сидѣла Даша, которую нѣкогда Градусовъ спасъ отъ смерти. Бѣдная дѣвушка, послѣ школы, была укушена собакою и съ тѣхъ поръ отъ испуга страдала падучею болѣзнию. Когда она чувствовала себя нехорошо, то уже не ходила на гулянье, а садилась въ сторонку, съ бабами и молодыми.

Градусовъ подошелъ къ этой толпѣ и хотѣлъ сказать бабамъ что-нибудь такое ухарское, чтобы посмѣялись всѣ. Но въ головѣ его не складывалось ничего остроумнаго.

„Чего Дашка-то не гуляетъ? — подумалъ онъ. — Ну-ка, приласкаюсь я къ ней: она навѣрное рада будетъ“.

И онъ подошелъ къ Дашѣ.

— Чтò ты припечалилась тутъ, съ молодыми сидѣвши? — ласково спросилъ онъ ее, прислоняясь къ ней плечомъ къ плечу.

— Костя, уйди прочь! — тихо сказала ему Даша.

Но ему и въ голову не приходило, что она можетъ быть недовольна его лаской, а сердце его было полно нѣжныхъ чувствъ, которыми ему хотѣлось подѣлиться съ Дашею. Онъ обнялъ ее за шею и наклонился, чтобы поцѣловать.

— Оставь же, Костя, дуракъ! — уже грубо и сердито сказала Даша.

И вдругъ съ необыкновенною силою вырвалась отъ него и толкнула его въ грудь такъ сильно, что онъ упалъ на грязную дорогу.

Градусовъ вскочилъ на ноги; его вышитая рубашка была запачкана грязью, фуражка слетѣла съ головы...

Онъ былъ глубоко уязвленъ такимъ приѣмомъ. Никогда ни одна дѣвушка не брезгала имъ, а тутъ, при такомъ народѣ, Даша, не совсѣмъ здоровая и считающаяся не изъ лучшихъ, гонить его прочь, называетъ дуракомъ!

Ему казалось, что всѣ глядятъ на нихъ и ждутъ, что будетъ, какъ удастся выйти ему изъ этого неловкаго положенія. Онъ желалъ бы убѣжать куда-нибудь прочь, подальше отъ народа, скрыться отъ глядящихъ на него глазъ. Но это было невозможно. И чтобы не показать людямъ своего позора, онъ хотѣлъ обратиться все въ шутку.

— Чего ты, глупая, сердилъсь? Вѣдь я не въ лихо къ тебѣ пристаю, — сказалъ онъ Дашѣ и снова подошелъ къ ней.

Но Даша уже была въ томъ состояннн нервного возбужденія, въ которомъ было опасно ее трогать. Она выхватила изъ изгороди палку, и только-что онъ подошелъ къ ней, ударила его по головѣ.

Въ глазахъ Градусова все помутилось.

— А, такъ ты такъ! — не помня себя, закричалъ онъ и, ухватившись за палку, повалился съ Дашею на дорогу.

Падая, онъ вспомнилъ, что у него въ карманѣ лежитъ кусокъ свинца, взятый имъ для драки. „Достать его — да и ляпнуть!“ — мелькнуло въ его головѣ. Но въ это время Даша больно дернула его за волосы; онъ сталъ отводить ея руку, и едва возникшее намѣреніе вылетѣло изъ его памяти...

На канавѣ, недалеко отъ избы, гдѣ происходило все это, сидѣли мужики, и одинъ изъ нихъ, сельскій староста, братъ Даши, рассказывалъ что-то изъ житія какого-то святаго. Когда мужики увидѣли особенное движеніе на дорогѣ и услышали крики дерущихся, они не обратили на это серьезнаго вниманія, не понимая, въ чемъ дѣло. Но вотъ приближали нѣсколько бабъ и стали кричать, перебивая другъ друга:

— Что жъ разнимать-то не идете?..

— Коська съ Даркой-то по дорогѣ волочатся!..

— Сельской, что жъ сестру не отнимешь?

Сельскій прервалъ разсказъ и, не особенно торопясь, пошелъ узнать, въ чемъ дѣло.

Градусова съ Дашею уже растащили. Даша стояла въ толпѣ бабъ, поддерживаемая ими за руки и плечи, дрожа всѣмъ тѣломъ и часто икая, и издавая странные звуки, похожіе на собачій лай, а Градусовъ стоялъ съ колостягами и, поправляя испачканную грязью рубашку, произносилъ безсмысленныя ругательства...

Сельскій подошелъ къ нему и съ бранью сталъ спрашивать, за что онъ побилъ его сестру? Градусовъ, поощряемый товарищами, хотѣлъ оттолкнуть отъ себя старосту. Тотъ не удержался и ударилъ его по лицу.

Товарищи заступились за Градусова, и удары посыпались на старосту со всѣхъ сторонъ. Градусовъ пришелъ въ себя, когда уже нѣсколько человѣкъ держали его за руки. Это пришли мужики разобрать, въ чемъ дѣло.

— Что жь съ нимъ дѣлать? Больше не что, какъ связать, да и посадить въ хлѣвъ! Извѣстно! А то что же?

Слышались голоса.

— Не надо и вязать, — вонъ въ мой хлѣвъ сажайте, оттуда не уйдетъ — цѣль будетъ, — говорилъ староста, державшій Градусова какъ въ желѣзныхъ тискахъ.

Товарищи попытались выручить Градусова, но мужики такъ грозно закричали на нихъ, что они отступили.

— За такого пьянаго молокососа да вы будете драку заводить! — кричалъ староста, уже начинавшій приходить въ раздраженіе.

— Этакъ будетъ тутъ всякъ за своихъ заступаться, такъ и вся деревня передерется! — замѣтилъ въ толпѣ здоровенный и спокойный мужикъ, сурово глядя на расходившихся парней.

— Ведите, сажайте въ хлѣвъ! — кричалъ староста.

Градусова повели и бросили въ хлѣвъ, на навозъ, закрывъ дверь и подперевъ ее снаружи коломъ, чтобы онъ не могъ выйти.

Оставшись одинъ, Градусовъ новялъ свое униженіе. Страшное горе и обида на кого-то охватили его сердце. Онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— Рѣшу себя — удавлюсь! — закричалъ онъ въ бѣшенствѣ. И сталъ исвать, изъ чего бы можно было сдѣлать петлю. Но не нашлось ничего такого...

Въ хлѣвъ, гдѣ плакалъ онъ, была заперта овца съ ягнятами. Можетъ быть, удивляясь присутствію здѣсь плачущаго человѣка, она подошла къ Градусову, стала обнюхивать его и блеять.

„Коли они такъ дѣлають, то и я же имъ надвлю Пусть имъ убытокъ!“—въ приливѣ злости и отчаянiя подумалъ Градусовъ. И, не помня себя, бросился на овцу. Долго онъ бѣгалъ за нею по хлѣву, слабо освѣщенному маленькимъ оконцемъ со стекломъ; наконецъ ему удалось схватить ее за длинную и мягкую шерсть, и онъ, подмявъ ее подъ себя, началъ душить обѣими руками.

Но этотъ безумный порывъ прошелъ въ немъ такъ же быстро, какъ и возникъ. „Что я, дуракъ, дѣлаю?..“—мелькнуло въ его умѣ. И онъ бросилъ овцу. Страшная тоска сдвинула ему сердце. Онъ схватилъ себя за волосы и сталъ неистово рвать ихъ, не ощущая боли, потомъ онъ царапалъ себѣ ногтями лицо, скрежеталъ зубами и рыдалъ, какъ безумный...

Черезъ нѣсколько времени онъ немного пришелъ въ себя и сталъ искать выхода изъ хлѣва. Попробовавъ дверь и убѣдившись, что отпереть ее невозможно, онъ подошелъ къ окну, съ размаха ударилъ по стеклу и разбилъ его въ дребезги. Потомъ поднялся въ окно и, разорвавъ рубашку и расцарапавъ тѣло объ оставшіеся въ рамѣ осколки стекла, вылезъ въ окно и, прямо черезъ огороды, бросился бѣжать домой.

V.

Черезъ мѣсяцъ Градусова вызвали на волостной судъ за оскорбленіе Даши и за убытки, причиненные старостѣ.

Ссоры и драки—явленіе обыкновенное въ деревнѣ. За это Градусова не осудили бы строго, тѣмъ болѣе, что онъ извинился передъ Дашею и она примирилась съ нимъ, но староста заявилъ, что Градусовъ причинилъ ему убытокъ, разбивъ стекло въ окнѣ хлѣва и „потравивъ“ овцу, которая хотя и осталась жива и послѣ поправилась, но два дня была нездорова и почти ничего не могла ѣсть. Онъ не взыскивалъ за разбитое стекло деньгами, а просилъ судей наказать виноватаго розгами, „чтобы онъ впередъ былъ умнѣе и не дѣлалъ такъ“.

Судьи долго совѣщались, какое наложить на виновнаго взысканіе, и наконецъ разсудили, что подвергать его штрафу—не слѣдовало, потому что у крестьянина каждая копейка на счету и дорого ему стоитъ, арестъ—тоже наказаніе неудобопримѣнимое, ибо сидѣть крестьянину подъ арестомъ въ рабочую пору тоже дорого стоитъ. И они избрали самое „дешевое“: подвергнуть виновнаго тѣлесному наказанію.

Хотя Градусовъ родился въ то время, когда розги были еще въ ходу; несмотря на введеніе великихъ реформъ, но въ училищахъ онъ уже не употреблялись, и до сихъ поръ онъ никогда не испыталъ, что значить быть наказаннымъ розгами.

Онъ и раньше всегда сознавалъ, что въ этомъ наказаніи есть что-то ужасное, унижающее и подавляющее человѣка, но понялъ это вполнѣ только теперь, когда приходилось испытать на себѣ.

Одна мысль быть наказаннымъ розгами приводила его въ такое состояніе, что онъ скорѣе готовъ былъ наложить на себя руки, чѣмъ подвергнуться этому.

Но, благодаря заступничеству учительницы, у которой онъ учился грамотѣ, горячо и убѣжденно ходатайствовавшей за него передъ начальствомъ, въ зависимости отъ котораго находился волостной судъ, тѣлесное наказаніе было замѣнено для него арестомъ при волостномъ правленіи.

— Что, Костя, какъ твой крѣстный поживаетъ?—съ насмѣшливой спрашивали его товарищи.

— Какой „крѣстный“?

— А сельскій: онъ вѣдь тебя святымъ вулакомъ окрестилъ...

И они смѣялись надъ Градусовымъ, а онъ мѣнялся въ лицѣ отъ злости и досады и не зналъ что сказать имъ.

Во всемъ онъ винилъ старосту и поклялся отомстить ему. Въ праздники у него только и было на умѣ, какъ бы найти случай придратъся къ своему врагу и поколотить его. Но тотъ зналъ это и былъ остороженъ.

Въ одну изъ темныхъ августовскихъ ночей, когда Градусовъ спалъ, надъ Многосущенской разразилась гроза, и отъ молніи загорѣлось у сосѣда старосты гумно.

Градусовъ былъ разбуженъ криками: „пожаръ! пожаръ!“ Онъ выскочилъ на улицу.

Мужики хватали топоры и багры, бабы—вѣдра, и всѣ они, словно муравьи, когда встревоженъ муравейникъ, бѣжали на огородъ старосты, перегоня другъ друга. Съ колокольни церкви въ Мохоболотномъ ударили въ набать; изъ сосѣднихъ деревень народъ стекался на пожаръ толпами.

Когда Градусовъ прибѣжалъ на огородъ, гумно уже было все въ огнѣ, и сѣнной сарай старосты, стоявшій въ разстояніи нѣсколькихъ сажень, загорѣлся съ одной стороны.

Крестьяне, подбѣгая къ огню, съ размаха выливали на него

воду изъ ведеръ, но вѣтеръ дулъ прямо на сарай, слабыя струи воды незамѣтно исчезали въ пламени и огонь быстро разрослся. Сухія сосновыя бревна постройки съ трескомъ и шумомъ горѣли такъ жарко, что не было возможности подойти къ сараю на нѣсколько сажень; дымъ отъ горящаго сѣна поднимался снизу бѣловатыми волнами, потомъ, выше, разливаясь въ темныя кружащіяся клубы, прорѣзываемые фонтанами искръ, разрывался вѣтромъ на клочки и высоко, почти подъ облаками, разсѣвался въ ночной темнотѣ.

Вдругъ изъ сарая, уже объятаго пламенемъ, раздались страшныя вопли. Это кричалъ староста, въ нетрезвомъ видѣ забравшійся почевать въ сарай, въ отверстіе между воротами и крышей, задвинувъ засовъ воротъ сарая снаружи, чтобы его никто не потревожилъ, и проснувшійся въ ту минуту, когда уже смерть была неизбежна.

Послышался отчаянный стукъ въ ворота, но они не отворились,—старостѣ не удавалось ни открыть засовъ, ни выломать ворота.

— Сгорить! сгорить!—въ ужасѣ говорили кругомъ.

— Милые! что жъ это будетъ-то?!—рыдая, голосила жена старосты, съ отчаяніемъ обращаясь къ народу. Но никто ей ничего не отвѣчалъ, всѣ только съ безпомощной жалостью смотрѣли на нее...

Когда Градусовъ услышалъ крикъ своего врага, внезапная радость шевельнулась въ его сердцѣ: „Ага! такъ и надо тебѣ!“—подумалъ онъ. Но это злорадное чувство было мгновенно: онъ тотчасъ же представилъ въ своемъ воображеніи, какъ староста долженъ былъ мучиться тамъ, въ огнѣ, при видѣ неминуемой и страшной смерти, можетъ быть прощаясь съ семьей своей и со всѣмъ міромъ,—и Градусову стало грустно.

— Братцы! надо что-нибудь дѣлать—вѣдь сгорить человѣкъ!..—кричалъ одинъ мужикъ, подошедшій ближе всѣхъ къ огню и закрывая лицо рукавомъ своего кафтана.

— Онъ вѣдь у самой стѣны, у воротъ вопилъ; тута только бы вбѣжать—сразу его можно выволочь!—кричалъ другой мужикъ.

— Милые мои!—голосила жена старосты, ставъ передъ мужиками на колѣни,—спасите! Пожалуйте малыхъ дѣтей! Желаные!..

— Эй! берись за багоръ! Ну, смѣлѣе!—шумѣли мужики. И схвативъ багоръ, они бросились къ воротамъ сарая, но, охваченные жаромъ, возвратились назадъ.

Градусовъ смотрѣлъ на эту страшную картину—и въ сердцѣ

его происходила борьба: онъ уже забылъ о своей враждѣ къ старостѣ и только сознавалъ, что тамъ, въ огнѣ, въ сараѣ, у стѣны близъ воротъ, умираетъ человѣкъ.

Когда жена старосты голосила: „милые, спасите, пожалѣйте малыхъ дѣтей“, какая-то горячая волна жалости и неудержимой отваги хлынула на сердце его. Онъ закусилъ нижнюю губу такъ, что чуть кровь не брызнула изъ нея, потомъ быстро нахлобучилъ обѣими руками шапку на глаза, оттолкнулъ стоящаго противъ мужика и бросился прямо въ огонь.

Сначала Градусовъ почувствовалъ боль лица отъ охватившаго его пламени, потомъ дыханіе его сперлось отъ дыма горящаго сѣна; не видя засова воротъ, онъ нащупалъ его руками, рванулъ его къ себѣ изо всѣхъ силъ, и больше онъ уже ничего не чувствовалъ и не помнилъ.

— Давайте больше воды! Лейте на него!—кричали въ толпѣ вслѣдъ исчезнувшему въ дыму Градусову.

Прошло нѣсколько мгновений, показавшихся всѣмъ часами, вдругъ раздался трескъ раскрывшихся воротъ сарая, и изъ пламени и дыма въ мужикамъ выбѣжалъ человѣкъ, несущій что-то въ рукахъ передъ собой: это былъ староста; онъ несъ на рукахъ Градусова, который былъ уже безъ чувствъ.

Градусовъ, устремившись въ огонь, успѣлъ открыть засовъ воротъ сарая и упасть безъ памяти у раскрывшихся воротъ. Въ это время староста, бросившись вонъ, наткнулся на него, схватилъ его въ охапку и вынесъ изъ огня.

Мужики сняли шапки и, вкрестясь, благодарили Бога за такое чудесное избавленіе.

VI.

Староста пострадалъ отъ огня меньше Градусова—одѣтый на немъ кафтанъ изъ грубаго домашняго сукна защитилъ его тѣло, а лицо онъ спряталъ въ сѣно, послѣ тщетной попытки открыть засовъ и выломать ворота. И лишь благодаря этому онъ не задохся отъ дыма. Только въ то время, когда пытался открыть засовъ и когда бѣжалъ изъ огня, держа на рукахъ Градусова, ему опалило бороду и обожгло кисти рукъ.

У Градусова оказались болѣе серьезные ожоги: ему сильно обожгло кисти рукъ и шею. Большой опасности, однако, не было; его свезли въ земскую больницу, гдѣ пролечившись три недѣли, онъ пришелъ домой совершенно здоровымъ.

Послѣ этого онъ бросилъ деревню и уѣхалъ въ Петербургъ — на промыслы.

Градусовъ прослужилъ опять полоторомъ только два мѣсяца, затѣмъ ему вышло мѣсто разсылнаго въ одномъ большомъ книжномъ магазинѣ, съ большимъ, противъ полоторскаго, жалованьемъ.

Эта новая должность такъ понравилась Градусову, что онъ не поѣхалъ на слѣдующее лѣто въ деревню, а прислалъ денегъ для найма работника вмѣсто себя и просилъ Нифата оставить его пожить въ городѣ до отбытія воинской повинности, чтобы имѣть возможность прикопить нѣсколько денегъ для предстоящей солдатчины.

Онъ устроился на квартирѣ съ двумя своими товарищами-сослуживцами, нанявъ комнату за десять рублей въ пятомъ этажѣ одного грязнаго дома на грязной и густо заселенной торговымъ и чернорабочимъ людемъ улицѣ. Квартира почище была имъ не по карману. Но здѣсь они устроились довольно уютно: у одного изъ товарищей былъ комодъ, крашенный подъ орѣхъ, у другого — кухонный столъ и нѣсколько стульевъ. Градусовъ тоже приобрѣлъ сундучокъ, маленькій столикъ, этажерку и зеркало, и товарищи дѣлились этими вещами такъ, какъ будто они были ихъ общимъ достояніемъ.

Кромѣ занимаемой ими комнаты, въ квартирѣ были еще двѣ комнаты, раздѣленные деревянными перегородками, и маленькая кухня; въ одной комнатѣ, рядомъ, жили, до принсканія мѣста, старикъ-лакей съ женой, въ другой, слѣдующей, помѣщался хозяинъ квартиры, женатый, имѣвшій двухлѣтняго ребенка, человекъ, служившій кондукторомъ на конкѣ, а въ кухнѣ занимала уголь, за полтора рубля въ мѣсяцъ, какая-то молодая дѣвушка, искавшая мѣста домашней прислуги.

Въ квартирѣ этой, помѣщавшейся на заднемъ дворѣ, несмотря на ея населенность, было тихо и уединенно, какъ въ пустынѣ; даже днемъ здѣсь былъ едва слышенъ шумъ улицы, какъ отдаленный ропотъ моря во время прибой. Лакей съ женой рѣдко бывали дома, а когда бывали, то почти не разговаривали или разговаривали такъ тихо, словно сообщали другъ другу великія тайны; дѣвушка на кухнѣ тоже часто уходила на весь день и иногда не приходила ночевать, а хозяинъ-кондукторъ въ ѣздовые дни поднимался съ пяти часовъ утра, уходилъ въ паркъ и возвращался домой въ полночь или позже, укладывался спать такъ тихо, что черезъ комнату его совсѣмъ не было слышно, въ свободные же дни спалъ почти все время, а жена его — тихая и набожная деревенская женщина — только прихо-

дла въ определенное время убрать комнату „магазинныхъ жильцовъ“, поставить имъ самоваръ, и много-много, что скажетъ иной разъ что-нибудь о погодѣ, дороговизнѣ дровъ, състныхъ продуктовъ—и только.

Зато въ квартирѣ надъ ними, подъ самой крышей, помѣщались какіе-то уже слишкомъ „оживленные“ жильцы,—тамъ по субботамъ, вечеромъ, и по воскресеньямъ—въ особенности по субботамъ—стоялъ непрерывный шумъ и гудѣнье, и въ нижнюю квартиру довольно явственно доносились пьяные голоса, пѣніе и топотъ ногъ.

Градусову какъ-то случайно пришлось быть въ этой квартирѣ, и онъ вынесъ оттуда ошеломляющее впечатлѣніе грусти, ужаса и отвращенія.

Вся квартира состояла изъ комнаты съ однимъ окномъ и круглой печкой. Она была большая, какъ сарай, сажени три въ ширину и сажень пять въ длину; въ углу, налѣво отъ входа, вдали отъ окна, царилъ и днемъ постоянная полутьма; здѣсь были устроены въ два яруса нары; въ правомъ углу, противъ окна и вдоль всей противоположной стѣны, куда достигалъ свѣтъ, стояли койки, завѣшанныя ситцевыми пологами и просто юбками. Всѣхъ коевъ было семь. Ихъ занимали жильцы почище: мастеровые, работающіе недѣлю, въ субботу пропивающіе до остатка свой заработокъ и живущіе въ кредитъ до слѣдующей субботы, и пожилыя, или молодыя, но казавшіяся пожилыми, женщины. На нарахъ ютился, вповалку, разный сбродъ: женщины и мужчины, разныя калѣки, попрошайки и бродяги. Говорили, что самъ хозяинъ этой квартиры,—женатый и семейный бравый отставной солдатъ,—былъ профессиональнымъ карманникомъ; онъ торговалъ водкой въ своей квартирѣ и обыгрывалъ въ карты своихъ жильцовъ...

Но, за исключеніемъ субботъ и воскресеній, и въ этой квартирѣ было почти такъ же тихо, какъ и въ нижней; жалкіе обитатели чердака сжимались отъ безденежья, голода, а можетъ быть и отъ боязни, какъ бы къ нимъ не заглянула полиція, и только въ извѣстные дни давали себѣ волю разгуляться во всю мочь...

Съ товарищами Градусовъ жилъ очень дружно. Они сообща покупали продукты, и хозяйка готовила имъ ужинъ, стоившій отъ десяти до пятнадцати копѣекъ на человѣка; по утрамъ пили дома чай, а обѣдали на ходу, кому и когда гдѣ пришлось.

Одинъ изъ товарищей, тридцатипятилѣтній крестьянинъ, служившій разсылнымъ уже около десяти лѣтъ и получавшій жа-

лованья двадцать-пять рублей въ мѣсяцъ, имѣлъ въ деревнѣ старушку-мать, жену и двоихъ дѣтей. Онъ постоянно былъ озабоченъ положеніемъ своей семьи, имѣвшей надѣлъ земли въ полторы десятины и находившейся въ полной зависимости отъ его заработка. Онъ былъ очень религіозенъ и каждый праздникъ регулярно ходилъ въ церковь къ утрени и обѣднѣ; любилъ читать духовно-нравственныя книги, умилялся отъ прочитаннаго и склоненъ былъ считать себя великимъ грѣшникомъ за свой, казавшійся ему роскошнымъ, образъ жизни.

Другой товарищъ—молодой и такой же одинокій, какъ и Градусовъ, съ вьющимися темными волосами, любилъ весело пожить, прилично одѣться, бывать въ театрахъ и прочихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, въ обществѣ молодыхъ женщинъ, и считалъ себя непобѣдимымъ въ покореніи женскихъ сердецъ. Онъ былъ непьющій, но жалованья его никогда не хватало на разныя „необходимыя“ потребности, въ родѣ пирушекъ со знакомыми, посѣщеній трактировъ и пр., и несмотря на то, что ему покупала одежду и нерѣдко давала денегъ мать его, служившая гдѣ-то кухаркой, онъ никогда не выходилъ изъ долга у Градусова.

Градусовъ въ праздничные дни чаще бывалъ въ обществѣ своего второго товарища, но недолюбливалъ и жалѣлъ его за легкомысліе, а перваго товарища болѣе уважалъ и любилъ. Ему нравилось разговаривать съ нимъ о деревнѣ, о семейной жизни и о всемъ, что близко и дорого для крестьянина.

— Вотъ, другъ мой,—часто говорилъ ему тотъ, ласково и добродушно улыбаясь,—иной разъ, какъ приспичитъ нужда, затоскуешь; думаешь: Господи, какое житье наше каторжное! А тамъ, какъ отойдетъ это время,—опять ничего, хорошо; въ семьѣ у насъ всегда, благодаря Бога, согласие, дѣтишки здоровыя, подрастаютъ; пріѣдешь когда—встрѣчаютъ тебя, лопочуть, смѣются... Въ ту пору думаешь: „слава Тебѣ, Господи, хорошая жизнь, лучше и не надо“! Такъ вотъ и живешь.

И Градусову необыкновенно нравилось это разсужденіе и добрая улыбка, сопровождавшая его.

Новая должность, не говоря о вознагражденіи, тѣмъ выгоднѣе и пріятнѣе была для Градусова, что здѣсь онъ могъ читать хорошія книги, бывать въ обществѣ болѣе развитыхъ людей,—своихъ сослуживцевъ и ихъ знакомыхъ,—и часто посѣщать театры, Публичную бібліотеку, музеи, выставки, что ему чрезвычайно понравилось, какъ только успѣлъ онъ этого вкусить.

Теперь онъ созналъ, что его прошлая жизнь была не только

непривлекательна, но и пошла, и ничтожна, а общество, въ которомъ онъ могъ казаться какимъ-то героемъ, не менѣе пошло и ничтожно.

Теперешняя сфера жизни припала ему болѣе по себѣ; онъ страстно полюбилъ чтеніе, преимущественно поэтовъ, и театры.

Въ этомъ онъ нашелъ для себя новый, до сихъ поръ невѣдомый ему, міръ, полный грезъ и чудныхъ образовъ, міръ, въ который онъ могъ уноситься въ мечтахъ, отрываясь отъ дѣйствительной жизни, столь мало приглядной и не дающей удовлетворенія его пылкому уму и чуткому сердцу. Онъ привыкъ мечтать, создавать въ умѣ существованіе новыхъ положеній, условий и отношеній небывалыхъ въ жизни... И въ этомъ находилъ необыкновенную сладость очарованія.

Можетъ быть, и природныя свойства сказались въ немъ — онъ до того увлекся стихами, что и самъ сталъ сочинять ихъ. Вначалѣ ему трудно давались рѣшмы, но онъ скоро преодолѣлъ эту трудность и сталъ писать довольно легко, и при этихъ упражненіяхъ у него оказались рѣдкія способности позаимствованную мысль формою выраженія ея обращать въ свое достояніе, какъ бы она имъ самимъ была создана.

Въ минуты вдохновенія онъ чувствовалъ въ себѣ какую-то особенную силу и былъ убѣжденъ, что изъ него со временемъ должно выработаться нѣчто замѣчательное. И эта вѣра въ свои силы и въ свое призваніе, которыхъ сущности онъ не могъ себѣ ясно представить и опредѣлить, никогда и послѣ не покидала его.

Но онъ былъ застѣнчивъ и нечестолюбивъ и не обладалъ тѣмъ несокрушимымъ упорствомъ, благодаря которому люди пробиваютъ себѣ путь къ извѣстности и славѣ. Тамъ, въ деревнѣ, въ кругу своихъ полудикихъ сверстниковъ, и позже, среди полоторовъ, онъ, поощряемый похвалами, стремился быть первымъ, потому что имѣлъ на это нѣкоторое моральное право, право, признаваемое за нимъ; здѣсь же, теперь, онъ его не имѣлъ, считая себя въ обществѣ людей развитыхъ и образованныхъ, — въ Публичной библиотекѣ, на примѣръ, когда бывалъ тамъ, — невѣждою, и презиралъ тѣхъ, кто дарованія и умъ замѣняетъ умѣньемъ приспособляться.

Иногда, въ минуты одушевленія, онъ проявлялъ такую силу духа, что всѣ удивлялись ему, подозрѣвая въ немъ нѣчто особенное, но вскорѣ послѣ этого приводилъ всѣхъ въ недоумѣніе своей апатіей, задумчивостью и разсѣянностью, какъ будто все,

что онъ видѣлъ и слышалъ кругомъ, давно ему до смерти надоѣло и онъ ничѣмъ не можетъ заинтересоваться.

— Ты, должно быть, вчерашняго дня не можешь найти?— говорили ему.

И онъ или гордо хмурилъ брови, отвѣчая презрительнымъ взглядомъ, или улыбался неопредѣленною и безразличною улыбкой.

Онъ часто ощущалъ въ себѣ какіе-то порывы къ чему-нибудь необыкновенному, ему хотѣлось бы совершить что-нибудь особенное, замѣчательное,—и для этого онъ стумѣлъ бы пожертвовать собой!—но онъ не зналъ, къ чему именно слѣдовало стремиться и чего желать.

Градусовъ не только не гордился и не хвалился своими поэтическими попытками, но тщательно скрывалъ ихъ даже отъ самыхъ близкихъ своихъ товарищей. Одинъ только разъ онъ рѣшился испытать свое счастье, и послалъ въ редакцію какого-то журнала свое стихотвореніе, показавшееся ему написаннымъ болѣе удачно. И черезъ недѣлю прочелъ въ „Почтовомъ ящикѣ“ этого журнала ядовитый совѣтъ: поучиться правиламъ орфографіи, прежде чѣмъ приниматься за поэзію;—въ рукописи своей онъ, не изучившій какъ слѣдуетъ грамматику, сдѣлалъ двѣ крупныя ошибки!

VII.

Онъ прослужилъ въ магазинѣ до призыва къ отбытію воинской повинности и въ концѣ сентября поѣхалъ въ деревню.

Поѣздъ, съ которымъ онъ ѣхалъ, прибылъ на станцію среди ночи.

Градусова еще съ вечера ждалъ здѣсь Нифатъ, пріѣхавшій встрѣтить его на своемъ маленькомъ и неторопливомъ Воронкѣ, запряженномъ въ двухколесную телѣгу.

Градусовъ, ѣхавшій въ заднемъ вагонѣ, едва успѣлъ вынести на платформу свои пожитки,—чемоданъ и нѣсколько тяжеловѣсныхъ пачекъ книгъ,—какъ уже прозвонилъ третій звонокъ и поѣздъ тронулся. На платформѣ близъ него никого не было,—только тамъ, при входѣ въ вокзалъ, свѣтился фонарь, мелькала красная фуражка начальника станціи и толпилась кучка пріѣхавшихъ пассажировъ и встрѣтившихъ ихъ знакомыхъ. Градусовъ съ безпокойствомъ поглядѣлъ кругомъ: неужели за нимъ не пріѣхали?

Но вотъ изъ круга свѣта, скромно разливаемого фонаремъ и

какъ бы ослабѣвавшего отъ давленія ночного мрака, наступавшаго на него со всѣхъ сторонъ, отдѣлилась темная фигура, стала приближаться къ нему и онъ услышалъ знакомый голосъ:

— Пріѣхалъ, родной? Вотъ и слава Христу!

И Нифатъ, крѣпко сжавъ его руку въ своей мозолистой, холодной и мокрой отъ дождя руцѣ, поцѣловался съ нимъ три раза.

— Всѣ ли здоровы, дѣдушка?—спросилъ Градусовъ.

— Всѣ, всѣ. Чего намъ тутъ дѣлается! Здоровы, слава Богу. Ты какъ?

— Я—ничего; здоровъ.

— Это будетъ твое?—бвнулъ старикъ на чемоданъ и книги.

— Мое.

— Нестъ же на телѣгу. Ой, ой! никакъ тутъ у тебя денегъ мѣдныхъ наложено?—пошутить онъ, поднявъ пачку книгъ.— Вишь ты, глядѣть, такъ и небольшія, а грузно!

— Это книги,—сказалъ Градусовъ.

— Книжки? Неужь все книжки? Ого, братъ, тутъ читанья будетъ вволю. Все охочь?

— Какъ и раньше.

— Такое дѣло. Побудь тутъ; я сношу.

И онъ принялся таскать черезъ вокзалъ пожитки Градусова.

Ихъ едва умѣстили на телѣгу, и Градусову съ Нифатомъ приходилось идти пѣшкомъ.

Погода окончательно испортилась: небо заволокло тучами, изъ-за которыхъ изрѣдка, какъ въ отворенныя двери, вырывался бѣлый свѣтъ луны и быстро скрывался, заслоняемый низко бѣгущими тяжелыми облаками; вѣтеръ усилился и пошелъ дождь, мелкій, медленный, но таковой упорный, что, казалось, ему и конца не будетъ.

Когда все было уложено и затянута веревкой, Нифатъ встряхнулся и невесело поглядѣлъ на небо.

— Вишь, вѣдь, наладился,—сказалъ онъ, добродушно усмѣхаясь, какъ будто принимая отъ кого-нибудь давно знакомую и привычную шутку. Но потомъ съ безпокойствомъ прибавилъ:— Надо бы взять фонарь. Сплоховалъ я. Эти ночи все мѣсяцъ проглядывалъ,—не думано, что будетъ такая темень да дождь. Мнѣ ништо—я въ кафтанѣ, не вдругъ промокну, а какъ тебѣ?..

— А у меня кожанъ,—сказалъ Градусовъ, одѣвая на себя клеенчатый макинтошъ.—Ты, небось, озябъ? На-ка, согрѣйся немножко, на дорогу.

Онъ досталъ изъ кармана и передалъ Нифату бутылку съ

водкою.—Только закуски нѣту подь рукой; въ чемоданѣ колбаса есть, можно достать.

— Это вотъ—лады!—воскликнулъ старикъ съ веселой улыбкой, принимая бутылку.—Закуски не надо, что тамъ!

И проворно откупоривъ бутылку, онъ сталъ тянуть изъ нея въ горло.

— Ну, теперь хоть въ Москву, хоть въ Калугу!—сказалъ онъ, выпивъ чуть не добрую половину бутылки и отирая ротъ рукавомъ кафтана. Затѣмъ отвязалъ Воронва отъ тумбы, и они тронулись, обходя лужи на дорогѣ и шлепая ногами по грязи.

Дорогой они мало разговаривали—вѣтеръ, дождь и лужи подь ногами мѣшали имъ. Градусовъ спросилъ только, кто съ нимъ назначенъ на призывъ. Оказалось, что изъ Многосущенской призываются: Платонъ Карчевининъ и Спирва Матренинъ, оба „любовные“, т.-е. не имѣющіе льготы по семейному положенію, а изъ Мохоболотнаго—нѣсколько парней, съ которыми Градусовъ учился въ школѣ.

— У нихъ кажинъ день гулянки,—объяснялъ Нифатъ:—Спирва съ гармоньей ходить. А у тебя-то есть?

— Есть. Въ чемоданѣ.

— Такъ. Только, вотъ, у насъ дѣвокъ осталось мало, въ городъ поразѣхались, гулять вамъ тутъ не съ кѣмъ. Это—не ляды.

Но Градусова мало тронуло послѣднее обстоятельство: онъ не ждалъ веселья отъ деревенскихъ гуляній, давно отвыкнувъ отъ нихъ.

Подѣхавъ къ избѣ Нифата, Градусовъ едва узналъ въ темнотѣ свой родной пріютъ—такою маленькою и веткою показала ему низенькая и старая, крытая соломой избушка.

Трезоръ, называемый на деревенскомъ нарѣчій „Трезономъ“, съ неистовымъ лаемъ бросился имъ подь ноги, но потомъ, узнавъ своихъ, ласково завилалъ хвостомъ, взвизгивая отъ радости.

Черезъ минуту въ избѣ засвѣтился огонь, и къ нимъ вышелъ съ фонаремъ въ рукѣ пятнадцатилѣтній сынъ Нифата, Романъ.

— А я давно не сплю—все слушаю, когда вы подѣдете,—сказалъ онъ.

Градусовъ поцѣловался, здороваясь съ нимъ, и быстро взбѣжалъ по шаткимъ ступенькамъ крыльца въ избу.

— Костенька, родимый!—воскликнула бабушка Оекла, встрѣчая Градусова у порога. И обнявъ его за шею, она громко заплакала, прижавшись къ его груди.

Рядомъ съ нимъ стояла Груша, родившаяся въ двойняхъ съ Романомъ; она привѣтливо улыбалась, краснѣла и застѣнчиво потупляла глаза, ожидая, когда съ нею поздороваются. А съ полатей, изъ-подъ посвоннаго одѣяла, любопытно выглядывалъ на нихъ курчавый восьмилѣтній сынъ Нифата, Трофимъ.

Градусовъ, поцѣловавшись съ Грушей и сказавъ ей: „какая ты большая да хорошенькая стала!“ — подошелъ къ мальчику, и тотъ, утирая свой носъ рукавомъ рубахи, подставилъ ему губы для поцѣлуя.

— Какъ получили мы отъ тебя письмо, что прійдешь, я кажинъ день все плачу, — говорила Оекла. — Съ Груняшкой тутъ тебѣ ручниковъ наладили да онучи обрубил: тамъ вѣдь все понадобится, не въ родной матѣвѣ пойдешь...

И она снова заплакала.

— Ну, ты, баба, это теперь брось: мы съ дороги прозябли да и ѣсть захотѣли, накрывай-ка на столъ, — сказалъ Нифатъ.

Тотчасъ же стали собирать на столъ ужинъ для нихъ и поставили самоваръ. Пройдя дорогу въ двѣнадцать верстъ по лужамъ, подъ дождемъ и на вѣтру, Градусовъ и Нифатъ съ удовольствіемъ распили оставшуюся въ бутылкѣ водку и съ превосходнымъ аппетитомъ плотно поѣли щей съ телятиной, нарочно сегодня для нихъ приготовленныхъ, картошки, гречневой каши, и улеглись спать, когда пѣли предутренніе пѣтухи.

Градусову постлали постель одному въ большемъ углу, поставивъ въ лавкѣ скамейку. Нифатъ съ пріятнымъ вряхтѣньемъ взобрался на печь, остальные расположились на полатяхъ.

VIII.

Градусовъ проснулся поздно.

Въ избѣ было тепло и немного чадно отъ недавно вытопленной печки. Онъ протянулся, зѣвнулъ и, оглянувъ избу, увидѣлъ сидящую на лавкѣ, близъ его постели, молодую и красивую дѣвушку, одѣтую въ широкой куцавейкѣ и повязанную ситцевымъ платкомъ. Она застѣнчиво улыбнулась ему, покраснѣла и сказала, слегка кивнувъ головой:

— Здравствуй!

Градусовъ поздоровался и, припоминая въ лицѣ ея какъ будто что-то знакомое, пристально поглядѣлъ въ ея большіе, выразительные глаза. Дѣвушка не опустила глазъ подъ его взгля-

домъ. И онъ смутился, подумавъ: неужели ему придется вставать съ постели при ней?

Она замѣтила это, тотчасъ же встала и, тихо сказавъ что-то Грушѣ, вышла вмѣстѣ съ нею изъ избы.

— Кто это? — спросилъ Градусовъ у Феклы, мывшей посуду.

— А то Ермолаева дочка, Наталочка. Аль не поминишь?

— Ахъ, это она?.. — вспомнилъ Градусовъ дѣвочку, видѣнную имъ когда-то играющею въ куклы съ Грушей. — Гдѣ же узнать, выросла какъ!

— Время и выросли — она годомъ постарше нашей Груняшки, а и нашей скоро шестнадцатый годъ. Онъ тутъ, родной, что грибы растутъ!

Градусовъ всталъ, убралъ самъ постель на полати и принялся умываться изъ рукомойника, повѣшеннаго надъ лоханью. Вдругъ слухъ его былъ пораженъ рѣзкими и нестройными звуками гармоника, раздавшимися подъ окномъ, и вслѣдъ затѣмъ грубый и натушный мужской голосъ запѣлъ пѣсню, въ которой нельзя было ничего разобрать.

— Чтѣ это такое? — спросилъ онъ, прислушиваясь, хмурия брови и въ то же время усмѣхаясь.

— Неужъ не узнашь? То твои товарищи-некрута къ тебѣ идутъ; Спирка Матренинъ играетъ, а Платонъ Карчевининъ поеть, — объяснила Груша, уже пришедшая въ избу.

— А-а! Да что жъ это они этакъ среди бѣла-дня да и на улицѣ?

— Тутъ вѣдь деревня, — усмѣхнулся Нифать. — Они, знать, выпили утречкомъ, вотъ теперя у нихъ и лады.

Черезъ минуту въ избу вошли Платонъ и Спирка.

Платонъ, войдя въ дверь, и не взглянулъ ни на кого, а снявъ фуражку, обратился къ божницѣ и, перекрестившись три раза на образа, взглянулъ тогда на Градусова, подошелъ къ нему, скрипя новыми сапогами, и протянулъ руку, сказавъ:

— Костентину Богдану, наше вамъ почтеніе. Съ прѣздомъ васъ!

И затѣмъ поклонился остальнымъ, бывшимъ въ избѣ.

Платонъ сѣлъ на лавку, откинувъ полы своего драпового пальто, и разбѣреннымъ движеніемъ поправилъ крѣпко обвязанный около шеи дешевый полшолоковый платокъ и закрученную около него въ два ряда серебряную цѣпочку часовъ. Потомъ положилъ на окно свою новую, въ полтора рубля, фуражку, предварительно смахнувъ съ нея соринку кончиками пальцевъ, дунувъ на нее и оглядѣвъ мѣсто, куда ее клалъ.

„Такой аккуратный и солидный, а какъ поеть!“ — подумалъ Градусовъ, наблюдая парня и любуясь его высокой, молодцеватой фигурой.

За Платономъ въ избу влетѣлъ Спирка, одѣтый въ легкій, растегнутый, однобортный пиджачокъ, съ гармоникой подъ мышкой, съ фуражкой на затылѣ и съ выраженіемъ самой беззаботной веселости въ голубыхъ глазахъ.

— А, Костя! — закричалъ онъ, еще крестясь на образъ. — И ты, братъ, не миновалъ съ нами вмѣстѣ? Здравствуй, братуха, Константинъ Богданчъ!

И онъ нѣсколько разъ съ силою тряхнулъ руку Градусова.

— Ничего, здоровъ, — отвѣчалъ Градусовъ. — Какъ вы тутъ?

— И мы — ничего. Гуляемъ и кутимъ, скоро во солдаты полетимъ. Извѣстное дѣло! Только дѣвокъ тутъ у насъ стало на умаленья, такъ въ Шилоги ходимъ — тамъ много.

— И у насъ-то кому мало, а тебѣ хватаетъ небось Нешки Кузнецовой, — замѣтила Груша.

Нифать и Оекла улыбнулись.

— А ты уже и подцѣпила! — весело вскричалъ Спирка, хлопнувъ Грушу по плечу.

— Смотри, Нешкѣ скажу, — погрозилась она.

Спирка самодовольно осклабился.

— А у тебя гармонь-то есть ли? — спросилъ онъ потомъ Градусова.

Градусовъ досталъ ему изъ чемодана гармонику. Спирка бойко перебралъ голоса и одобрительно произнесъ:

— Мететь!

Столъ уже былъ накрытъ. Сѣли пить чай и водку, за которой Нифать чуть свѣтъ сходилъ въ Мохоболотное; закусывали яичницею съ телятиной.

Послѣ этого Градусовъ былъ приглашенъ товарищами къ нимъ на угощеніе. Тамъ тоже пили чай, водку, и закусывали яичницею съ мясомъ — для людей, готовящихся сдѣлаться солдатами, родственники ихъ не жалѣли расходоваться на угощенье и тратили послѣдніе гроши. Тѣ, у кого не имѣлось денегъ, входили въ долгъ или продавали домашнюю скотину, обращая ее въ водку и закуску. Таковъ обычай.

Градусовъ выпилъ немного, — съ тѣхъ поръ, какъ поссорился съ Дашею, онъ никогда не напивался до-пьяна, — и отказался больше пить.

Спирка возмущился и рѣшительно объявилъ, что будетъ выливать невыпитую водку ему на голову. Но Градусовъ такъ вы-

разительно посмотрѣлъ на него, что онъ смутился и больше не приставалъ.

Градусовъ не могъ развеселиться и слушалъ гармонику и пѣсни своихъ товарищей, нахмурившись и съ нетерпѣннѣмъ ожидая, когда они умолятъ.

Такъ прошелъ день. Наступилъ долгій осенній вечеръ. Градусовъ хотѣлъ заняться чтеніемъ и нигуда не выходить изъ дома. Но товарищи настойчиво просили его сходить погулять на гумно богатаго многосущенскаго мужика, Вакулы, у котораго сегодня бабы и дѣвки мали ленъ пособьемъ, и онъ, не желая обидѣть ихъ, согласился пойти.

Шлепая по грязи, въ непроглядной темнотѣ пошли они въ огородъ Вакулы. Хлопанье мяловъ на гумнѣ гулко раздавалось по деревнѣ въ перемежку съ громкимъ и веселымъ говоромъ и смѣхомъ женскихъ голосовъ. Подходя къ гумну, Спирка остановилъ своихъ товарищей, сказавъ, что нужно подкрасться незамѣтно и напугать бабъ. Они тихонько подошли къ воротамъ гумна и вдругъ съ неистовымъ крикомъ бросились къ бабамъ. Тѣ завизжали еще громче, кто дѣйствительно напугавшись, кто притворившись напуганной.

— А, воры, какъ испугали!

— Какъ подкрались—мы и не слышали!

— Вишь, какъ тихо подошли!

Громко, перебивая другъ друга, заговорили бабы. И всѣ онѣ съ веселой и одобрительной усмѣшкой глядѣли на гуляющихъ рекрутъ.

Пошли оживленные разговоры о томъ, кто нынче призывается въ солдаты, кому есть льгота и кому нѣтъ, и проч. Градусовъ съ любопытствомъ осматривался кругомъ. Давно знакомая картина: на гумнѣ полу-тьма; одинъ тусклый фонарь, повѣшенный на деревянномъ гвоздѣ, вбитомъ въ стѣну, скупо проливаетъ свѣтъ изъ маленькой лампочки безъ стекла и кажется какимъ-то желтымъ пятномъ среди пыли и летающей въ воздухѣ кострицы; работающія одѣты въ приличествующія работѣ лохмотья, съ завязанными отъ пыли головами, такъ что лицъ ихъ почти совсѣмъ не видно...

Градусовъ черезъ нѣсколько минутъ незамѣтно ушелъ изъ гумна, оставивъ тамъ своихъ товарищей, и пошелъ одинъ домой. Этотъ шумъ и говоръ не могъ развлечь его, и ему было не по себѣ. Онъ съ облегченіемъ вздохнулъ, когда дома, въ тишинѣ, сѣлъ за столъ, рядомъ съ Романомъ, твердившимъ урокъ, и раскрылъ томикъ стихотвореній Пушкина.

— Что ты мало погулялъ?—спросила его бабушка.

— Тамъ... нагулялся. Ходили на гумно къ Вакулѣ, тамъ лѣнъ мнуть; ребята остались, а я ушелъ.

Старушка съ грустью глядѣла на него, оставивъ пряжу и подперши щеку рукою.

— Какъ будетъ дотянуть до призыва? — озабоченно сказалъ онъ.

— Уже стоснулъ ждать?

— Да.

— Скоро теперя, рѣднѣй. Не торопись... недолго осталось тебѣ покрасоваться на вольной волюшкѣ...

Она стала сморкаться и отирать слезы.

— Коли гулять стоснулъ, такъ не хошь ли къ намъ въ школу на чтеніе прійти?—сказалъ Романъ.

— На чтенія? А какія у васъ чтенія?

— Разныя. Завтра изъ жизни Николая Чудотворца и Іоанна Крестителя будемъ читать. У насъ хорошо: картины показывають съ волшебнымъ фонаремъ.

— Хорошо, рѣднѣй, поглядѣть,—подтвердила и Овля;—я одинъ разъ ходила, такъ гораздо хорошо— „Капитанскую дочку“ показывали.

Градусова это заинтересовало.

— Это кто же устроилъ у васъ чтенія? — спросилъ онъ Романа.

— Нашъ учитель. Онъ хорошій — любить это. Народу въ нему валить сколько, страсть! Со всѣхъ ближнихъ деревень идутъ, —восторженно объяснялъ Романъ.

— Я съ удовольствіемъ пойду,—сказалъ Градусовъ.

— Ладно. Я же на твою долю билетъ ужъ вечеромъ принесу.

— А развѣ по билетамъ ходять?

— Да. Семенъ Алексѣичъ говоритъ, что это для порядку, чтобы привыкали.

— И намъ съ Наташей по билету принеси,—попросила Романа Груша.

И на другой день вечеромъ Романъ принесъ четыре бумажные арлячка съ номерами отъ 215 до 218.

IX.

Земская школа въ селѣ Мохоболотномъ стояла въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крестьянскихъ построекъ. Это было зданіе,

считавшееся образцовымъ, построенное на средства крестьянъ специально для школы, съ окнами, дающими много свѣта, съ участкомъ земли для огорода въ тридцать квадратныхъ сажень.

Подходя къ нему, Градусовъ увидалъ идущихъ сюда мужиковъ и бабъ, которые переговаривались между собою:

— Про что сегодня?

— Говорять, про Николая угодника да про Ивана Хрестителя.

— Читать-то будетъ самъ, али попъ?

— Самъ.

Пройдя корридоръ, освѣщенный небольшою жестяною лампой, въ концѣ его Романъ открылъ дверь и ввелъ Градусова въ просторную комнату, по стѣнамъ которой были прибиты деревянные вѣшалки — больше ничего. Здѣсь толпился народъ. Приходящіе вручали билеты школьнику старшаго отдѣленія, снимали съ себя верхнее платье и, повѣсивъ его въ прихожей, оправлялись и проходили черезъ филеичатую дверь въ классную комнату, гдѣ устроивалось чтеніе. Градусовъ сдѣлалъ то же, что и другіе, и, оставшись въ пиджакѣ, пошелъ вмѣстѣ съ мужчинами и бабами

Аудиторія была уже почти полна; противъ входа сидѣли за школьническими партами мужики, бабы и подростки, кра янціе почтительное молчаніе или переговаривавшіеся между собою шопотомъ; передъ партами, къ противоположной сторонѣ комнаты, имѣющей сажень пять въ длину и около трехъ въ ширину, было натянута отъ потолка до полу четырехъ-аршинное полотно, а въ другой стѣнѣ, отъ прихожей, былъ сдѣланъ свободный проходъ на другую половину комнаты, гдѣ стоялъ маленькій столикъ и некрашенный табуретъ; за полотномъ, на другомъ маленькомъ столикѣ, помѣщался дешевый волшебный фонарь и рядомъ съ нимъ лежали въ кучкѣ свѣтотыя картины. На этой половинѣ стояли только двѣ парты, предназначавшіяся для священника и другихъ клирошанъ. На нихъ сидѣли только дьяконъ и псаломщикъ съ женою; батюшки не было.

Учитель, молодой, лѣтъ двадцати-пяти, темнорусый, высокій и худощавый, съ курчавыми волосами, въ одной вышитой коломанковской русской рубашкѣ, настраивалъ фонарь. Трое учениковъ старшаго отдѣленія помогали ему урегулировать огонь, пробуя вставлять картинки и устанавливая надлежащее разстояніе и положеніе отъ полотна. Одинъ изъ школьниковъ, держа въ рукѣ кружку съ водой, набиралъ воды въ ротъ и прыскалъ ею на полотно тонкими струйками. Капли воды, стекая внизъ, оставляли на полотнѣ прозрачныя полосы, какъ масляныя пятна на бумагѣ.

Несмотря на довольно просторное помѣщеніе класса и открытые въ окнахъ и круглой печи вентиляторы, воздухъ становился нѣсколько спертымъ—на всѣхъ партахъ тѣсно, плечомъ къ плечу, сидѣлъ народъ, и у входа образовалась большая толпа не намеднихъ свободнаго мѣста для сидѣнья.

Градусовъ сталъ у входа.

— Ну-съ,—съ привычной отчетливостью, громко заговорилъ учитель, обращаясь къ публикѣ и держа въ рукѣ тоненькую, въ желтой обложкѣ брошюрку,—сегодня, господа, будемъ читать о жизни святыхъ: Николая Мирликійскаго Чудотворца и Пророка Предтечи и Крестителя Господня Іоанна!

Народъ почтительно молчалъ и одобрительно глядѣлъ на него, ожидая, когда онъ начнетъ чтеніе.

Учитель подошелъ къ столу и замѣтилъ стоящаго невдалекѣ Градусова. Онъ положилъ брошюрку на столъ и, подойдя къ нему, вѣжливо проговорилъ:

— Вы—господинъ Градусовъ?

— Да,—отвѣчалъ тотъ.

— Мнѣ говорилъ о васъ вашъ односельчанинъ, Романъ. Мнѣ пріятно было бы познакомиться съ вами. Учитель Ворсиловъ!

Они поздоровались.

— Если васъ не затруднитъ, то помогите мнѣ: потрудитесь вставлять картинки въ фонарь и держать равномерный огонь. Мои помощники дѣйствуютъ не совсѣмъ удовлетворительно.

Градусовъ выразилъ готовность помочь и сказалъ:

— Затрудненіе мое будетъ только въ томъ, что я, можетъ быть, не смѣю обращаться съ фонаремъ,—никогда этимъ не занимался.

— Это ничего, пустяки; дѣло не сложное, вы моментально поймете. Картинки всѣ подобраны по порядку текста, и я буду говорить, когда нужно ихъ перемѣнять.

Ворсиловъ подвелъ Градусова къ фонарю и проворно показавъ ему, что нужно дѣлать.

Огонь въ лампѣ погасилъ, осталась зажженной только свѣчка, заслоненная отъ публики большимъ листомъ папки; фонарь открыли, и на срединѣ натапнутаго и прозрачнаго отъ воды полотна появилось изображеніе человека въ священническомъ облаченіи, съ открытой головой, какъ изобразилъ Николай Чудотворца на своей картинѣ Рѣпникъ. Чтеніе началось.

Крестьяне слушали съ большимъ вниманіемъ и интересомъ; на томъ мѣстѣ, когда Николай спасаетъ приговоренныхъ къ смерти, въ комнатѣ послышались вздохи. Кончилось чтеніе. Вор-

словъ объявилъ перерывъ на десять минутъ. Зажгли лампу, и при свѣтѣ ея Градусовъ замѣтилъ на глазахъ у нѣкоторыхъ дѣвушекъ и бабъ навернувшіяся слезы.

Въ настроеніи этой сѣрой публики не было ни празднаго любопытства, ни критическаго вниманія къ искусству чтенія, ни наслажденія чтеніемъ какъ искусствомъ, но словно душа слушателей наполнялась какою-то свѣтлою радостью, смѣшанною съ чувствомъ умиленія и грусти.

Во время перерыва Ворсиловъ пригласилъ Градусова въ свою комнату.

Эта комната была не болѣе сажени въ ширину и сажень трехъ въ длину; круглая печь, деревянная некрашенная кровать, столикъ съ книгами и тетрадями, два гнутые съ прорванными сидѣвными стула и большой шкафъ съ книгами—составляли все ея убранство.

— Мы кончимъ чтеніе, пожалуй, этакъ, черезъ часъ; тогда будетъ половина девятого. Вы можете остаться здѣсь, когда всѣ уйдутъ? — спросилъ Ворсиловъ Градусова, глядя на стоящіе на столѣ часы.

— Да, я свободенъ и могу остаться, — отвѣчалъ Градусовъ.

— Отлично. Тогда чайку попьемъ и потолкуемъ, познакомимся. Я слышалъ, что вы—любитель чтенія и привезли изъ города много книгъ?

— Привезъ нѣсколько. А вы тоже любитель чтенія?

— Также любитель... У меня есть кое-какія книги, когда пожелаете прочесть—къ вашимъ услугамъ.

Градусовъ поблагодарилъ и съ своей стороны выразилъ готовность къ такимъ же услугамъ. Съ нѣсколькихъ словъ они оба остались довольны другъ другомъ и вошли въ классъ продолжать чтеніе, какъ давно знакомые товарищи.

Чтеніе о Іоаннѣ Крестителѣ прошло съ еще болѣшимъ интересомъ; Ворсиловъ любилъ разяснять нѣкоторыя мѣста изъ прочитаннаго своими словами, и дѣлалъ это такъ хорошо, просто, ясно и занимательно, что положительно увлекъ всю аудиторію. Онъ сумѣлъ вложить въ объясненія свои столько трогательнаго чувства, столько благоговѣнія къ подвигамъ Пророка, что не только женщины,—многіе мужчины прослезились. Жизнь Праведника Божія тронула въ сердцахъ слушающихъ ту божественную искру любви, изъ которой, при лучшихъ условіяхъ жизни человѣческой, могъ бы разгорѣться неугасимый, согрѣвающій всѣхъ и оживляющій огонь благодати Духа...

Окончивъ чтеніе, Ворсиловъ всталъ и объявилъ, что слѣдую-

щее чтеніе будетъ черезъ недѣлю; о времени начала его и о томъ, что будетъ читаться, онъ дастъ знать черезъ учащихся. Затѣмъ, онъ велѣлъ одному изъ старшихъ учениковъ посвятить въ прихожей.

Его со всѣхъ сторонъ стали благодарить и прощаться съ нимъ.

— Не на чемъ,—говорилъ имъ Ворсиловъ.—Спасибо вамъ, что пришли. До свиданія!

Народъ сталъ расходиться. Ворсиловъ и Градусовъ пошли въ учительскую комнату.

X.

— Нравится ли вамъ чтеніе наше?—спросилъ Ворсиловъ Градусова.

— Да, очень; народъ, какъ видно, интересуется, для него полезно.

— Это—моя цѣль.

Они немного помолчали, осторожно оглядывая другъ друга и какъ бы выбирая тонъ для разговора.

— Отчего священника на чтеніи не было?—спросилъ Градусовъ.

— Онъ рѣдко бываетъ.

— Что-жь?

— Богъ знаетъ. Я думаю, что онъ не любитъ меня, а въ сожалѣнію нѣкоторые люди такъ странно устроены, что если кого не залюбить, то уже не любятъ и того дѣла, которое дѣлаетъ нелюбимый человѣкъ, не входя въ сущность того, полезно ли это дѣло, или не полезно. Сядемте. Сейчасъ посягнетъ самоваръ. Курить хотите?

— Благодарю васъ; я не курю.

— Совсѣмъ не курите?

— Совсѣмъ. Не могъ привыкнуть; мнѣ, видно, не по натурѣ—горько и голова кружится—больше ничего...

Ворсиловъ закурилъ папирску и, пустивъ кверху струйку дыма, продолжалъ прерванный разговоръ.

— Нашъ батюшка еще и потому, можетъ быть, мнѣ не чувствуетъ, что хлопочетъ, вопреки моему желанію, о томъ, чтобы крестьяне передали эту школу въ вѣдѣніе попечительства о церковно-приходскихъ школахъ. Можетъ быть, съ будущаго учебнаго года школа эта будетъ уже не земскою, а церковно-приходскою.

— Лучше ли будетъ тогда?—спросилъ Градусовъ.

— Поживемъ — увидимъ, — вздохнулъ Ворсиловъ. И спросилъ:—Вы въ народной школѣ учились?

— Да; здѣсь, въ Мохоболотномъ. Тогда не эта школа была, а другая; внизу, подъ волостнымъ правленіемъ помѣщалась. Учила учительница; она недавно, какъ я слышалъ, умерла въ чахоткѣ. Хорошая личность; у многихъ крестьянъ она въ поминанье записана... А вы гдѣ учились?

— Я, въ качествѣ сына протоіерея, прошелъ семинарію и поучился въ академіи, но не дошелъ до конца — соскучился и бросилъ.

— Что жъ такъ?

— Не имѣю призванія идти по духовной части. Жизнь наша коротка, а нѣтъ ничего тяжелѣе замѣчать, какъ время уходитъ въ занятіяхъ, которыя хотя, можетъ быть, и не лишни, но не обязательны для того, чтобы сдѣлаться народнымъ учителемъ; я же стремился сдѣлаться имъ. По моему мнѣнію, народъ, то-есть крестьянство, стоитъ теперь хотъ и далеко еще отъ просвѣщенія, но все же на пути къ просвѣщенію, и отъ этого зависитъ его благополучіе и дальнѣйшее нравственное совершенствованіе. Что бы тамъ ни говорили, а невѣжество все-таки было, есть и будетъ вѣчной помѣхой для людей на пути къ благополучію и нравственному совершенствованію, и тотъ фактъ, что многіе образованные люди—негодяи, ничего не доказываетъ или доказываетъ только то, что образованные негодяи образованны лишь поверхностно, а не глубоко. Больше ничего.

Градусовъ слушалъ его съ удовольствіемъ, любуясь его живой и выразительной рѣчью, и молчалъ.

Тогда Ворсиловъ сталъ спрашивать его о томъ, какъ онъ жилъ раньше въ деревнѣ и послѣ — въ городѣ, чѣмъ занимался, интересовался и увлекался.

Градусовъ разговорился и понемногу пришелъ въ то рѣдкое посящающее его настроеніе, въ которомъ онъ могъ высказываться довольно свободно. Онъ рассказывалъ о томъ, какъ увлекался чтеніемъ книгъ, служа въ магазинѣ, какъ въ первый разъ былъ въ Публичной библиотекѣ, въ театрѣ, гдѣ давали „Грозу“, Островскаго... Ворсиловъ одобрительно посматривалъ на него.

— А извините за нескромность, — правда ли, что вы писательствомъ занимаетесь?—спросилъ онъ.

Градусовъ встрепенулся.

— Нѣтъ, не то чтобы занимаюсь, а такъ... Выразалъ кое-

что, что порой накипало на сердцѣ и требовало выраженія. Стихотворенія писалъ.

Онъ покраснѣлъ и застыдился.

— Что же вы, для себя только, для своего, такъ сказать, удовольствія занимались этимъ, или чувствуете призваніе къ этому?

— Иногда чувствовалъ!.. А больше—для себя. Гдѣ же,— трудно! —сказалъ Градусовъ, вздохнувъ и вспомнивъ о своей попыткѣ напечатать стихотвореніе въ журналѣ.

— Да, конечно, трудно: работать надо много и упорно,— сказалъ Ворсиловъ.—но это не препятствіе: если есть талантъ, его, какъ и въ Писаніи сказано, не надо зарывать въ землю. Надо работать.

Градусовъ задумался и вздохнулъ.

— Какъ бы было съ кѣмъ посоветоваться, поговорить по душѣ, да поучиться какъ слѣдуетъ, тогда, можетъ быть, что и вышло бы... Я вѣдь иногда—право!—чувствовалъ это: какой-то голосъ, тамъ, въ душѣ, говорилъ мнѣ, чтобы я работалъ. И мнѣ такъ радостно бывало написать что-нибудь, излить въ любимыхъ звукахъ свое сердце и думы... Пока не напишешь, все что-то тяготить и лежить на душѣ камнемъ; какъ напишешь—сразу легче. И такъ радостно!..—говорилъ онъ. И лицо его сіяло одушевленіемъ.

— Что же вы теперь намѣрены дѣлать съ собой, какъ устроить жизнь свою? —спросилъ Ворсиловъ.—Вѣдь для того, чтобы жить сознательной жизнью, надо имѣть опредѣленную цѣль, знать, что дѣлать и вѣрять въ свое дѣло, — прибавилъ онъ.

— Да. Но мнѣ, во-первыхъ, нужно отбыть солдатчину... А тамъ уже—что Богъ дастъ, я еще самъ ничего не знаю.

— Ахъ, да: вамъ еще солдатчина предстоитъ... Это неутѣшительно—въ ней-то вамъ уже не будетъ поддержки.

Градусовъ возразилъ, что и солдатчина не можетъ въ конецъ испортить человѣка, если въ немъ есть задатки добра. Они заспорили и такъ увлеклись, что не замѣтили, какъ часовая стрѣлка стала на 12-ти и на селѣ запѣли пѣтухи.

Градусовъ спохватился, что давно бы пора ему идти домой, и сталъ прощаться.

— А вы тоже не занимаетесь ли писательствомъ? —спросилъ онъ вдругъ Ворсилова, уже одѣвая пальто.

— Почему вы такъ думаете?

— Да такъ.

— Имѣю къ этому нѣкоторую прикосновенность,—улыбнулся

Ворсиловъ.—Я учусь писать прозою; грѣшилъ когда-то и стихами, но оставилъ ихъ, убѣдившись въ томъ, что для писанія стиховъ нуженъ значительный и, такъ сказать, специальный талантъ, котораго у меня, я полагаю, не имѣется.

— А что же вы въ прозѣ пишете?

— Я говорю же вамъ, что учусь,—значить, только еще готовлюсь писать. То, что писалъ до сихъ поръ, меня не удовлетворяетъ.

— А вы что бы хотѣли писать: о чемъ?—спрашивалъ Градусовъ, застегнувъ пальто и останавливаясь у стола.

— Я, видите ли, хотѣлъ бы сперва ближе, непосредственно, наблюдать и изучать крестьянскую жизнь и потомъ уже описывать ее въ мелкихъ разсказахъ. Я увѣренъ въ томъ, что въ этой области имѣется цѣлая бездна источниковъ и матеріаловъ, еще мало изслѣдованныхъ и разработанныхъ въ литературѣ. Можетъ быть, при упорномъ трудѣ и удачѣ, я когда-нибудь чего-нибудь и достигну...

— А вѣрите ли вы въ то, что достигнете?

— Да иначе я бы и не брался за это.

— Помогите вамъ Богъ!—сказалъ Градусовъ.

Они расстались, заинтересованные другъ другомъ.

ХІ.

Градусову стало веселѣе,—какимъ-то живымъ духомъ повѣяло на него. Онъ сталъ часто бывать у Ворсилова, и Ворсиловъ бывалъ у него; они брали другъ у друга книги, иногда читали вмѣстѣ и разсуждали. Градусовъ далъ прочитать ему тетрадь своихъ стихотвореній, и Ворсиловъ выбралъ изъ нея нѣсколько пьесъ, которыя горячо хвалилъ, и совѣтовалъ Градусову продолжать писать. И онъ, въ свою очередь, прочиталъ Градусову нѣсколько своихъ набросковъ и очерковъ, которыхъ Градусовъ не могъ оцѣнить по достоинству и которые ему не особенно понравились, въ чемъ онъ откровенно сознался Ворсилову. Но это ничуть не повредило ихъ пріятельскимъ отношеніямъ.

Теперь даже гулянья съ деревенскою молодежью стали Градусову не такъ скучны и непріятны, хотя и не могли его увлечь: онъ пришелъ къ сознанию того, что какъ бы ни была непріглядна и груба крестьянская жизнь, но она все-же жизнь, и отъ нея не слѣдовало отворачиваться и презирать ее.

Груша вначалѣ часто приставала къ нему съ просьбой придти

къ нимъ на посидѣлку съ гармоніей, и онъ все отказывался. Теперь же, когда она возобновила свои просьбы, прибавивъ къ нимъ совѣтъ взять съ собой книжку „позанятій“ и почитать имъ, онъ охотно согласился.

Посидѣлка въ Многогосущенской состояла изъ четырехъ дѣвушекъ: Груши, Наташи, Домны и Нены Кузнецовой. Онѣ, чередуясь помѣщеніемъ, собирались по вечерамъ съ казнимъ-нибудь руководѣлемъ.

Сегодня очередь была сидѣть у Наташи; встать, отца ея, съ которымъ они жили вдвоемъ, не было дома — онъ поѣхалъ съ сѣномъ на рынокъ уѣзднаго города — и безъ него посидѣлкамъ было свободнѣе.

Платонъ и Спирка ушли съ товарищами-рекрутами гулять въ сосѣднюю деревню, и Градусовъ одинъ пошелъ на посидѣлку, взявъ съ собой гармонику и два томика Пушкина и Лермонтова.

Дѣвушки сидѣли на лавкѣ въ большомъ углу вокругъ стола, на которомъ горѣла жестая лампа, поставленная на муравленомъ горшкѣ, опрокинутомъ вверхъ дномъ, и, наклоняясь къ сѣту, занимались руководѣлемъ: Груша вышивала по канвѣ, Наташа вязала кружево для полотенца, а Домна шила что-то изъ ситца зеленого цвѣта.

Онѣ всѣ три были почти однолѣтки, въ томъ возрастѣ большихъ подростковъ, когда еще не считались невѣстами, но черезъ годъ готовились сдѣлаться ими, и теперь физически были уже настолько развиты, что любую изъ нихъ можно было выдавать замужъ. Груша казалась моложе своихъ подругъ и была поменьше ростомъ; Домна сразу производила впечатлѣніе чего-то солиднаго и внушительнаго своими широкими и округлыми, почти мужскими плечами, значительнымъ ростомъ и спокойнымъ, нѣсколько суровымъ взглядомъ; сидѣвшая съ нею рядомъ, Наташа, ростомъ почти равняясь съ нею, своей тоненькой фигурой напоминала стройное и еще нѣжное, сильное молодое деревцо, растущее въ сосѣдствѣ съ коренастымъ дубкомъ. Она была очень миловидна въ своей ситцевой, поношенной, но чистенькой, спитой, вѣроятно, давно и становившейся узкою въ плечахъ и груди, кофточкѣ; въ румяномъ, съ нѣжною кожей лицъ ея было нѣчто стремительное, рѣшительное, рѣзвое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что называется „себѣ на умѣ“; нѣсколько прядей темныхъ волосъ упрамо выбивались изъ-подъ гладкой прически и, завиваясь въ колечки, падали на ея бѣлый, открытый лобъ.

Дѣвушки ласково поздоровались съ Градусовымъ и подвинулись на лавкѣ, давая ему мѣсто ближе къ лампѣ. Сначала онѣ

очень сдерживались, стѣсняясь его присутствіемъ, но Градусовъ сыгралъ имъ на гармоникѣ нѣсколько деревенскихъ пѣсенъ, которыя онѣ пропѣли съ удовольствіемъ, потомъ разговорились и скоро освоились.

— Что рѣдко ходите къ намъ?—спросила Наташа.

— Такъ; другими дѣлами занимаюсь,—отвѣчалъ Градусовъ.

— Онъ все къ учителю ходитъ да книжки дома читаетъ,—объяснила Груша.

— Великая ему у насъ утѣха!—скептически замѣтила Домна, не мѣняя своего суроваго вида.

Поговоривъ о солдатчинѣ, о гулянкахъ рекрутъ, о льнѣ и пряжѣ, дѣвушки стали просить Градусова почитать имъ что-нибудь.

Градусовъ, уже соскучившійся и собиравшійся уходить съ своими любимыми поѣтами, немного оживился. Но онъ затруднился выборомъ чтенія и, раскрывъ Пушкина, перелистывалъ страницы, не зная, на чемъ остановиться.

— Ты бы про мельника да про князя намъ прочитай,—сказала Груша.

— „Русалку“?

— Да.

Градусову показалось это подходящимъ. И онъ сталъ читать.

Дѣвушки сразу заинтересовались судьбою дочери мельника и слушали внимательно, боясь упустить малѣйшія подробности. На томъ мѣстѣ, когда мельничиха, повинутая княземъ, бросилась въ рѣку, вниманіе ихъ дошло до высокой степени; Домна сосредоточенно нахмурилась,—видно было, какъ она жалѣла обманутую и погубленную княземъ дѣвушку;—Наташа остановила на Градусовѣ широко раскрытые глаза, а Груша сіяла восторгомъ и торжествомъ, что чтеніе такъ удалось.

Окончаніе драмы онѣ выслушали съ такимъ же интересомъ, но уже въ лицахъ ихъ не было видно той серьезности и душевнаго волненія.

— Сказка,—сказала Домна спокойно. И потомъ съ искреннимъ чувствомъ прибавила:—А хорошо!

— Неужь не хорошо? Господи, бѣдная она! А онъ-то, подлець, насмѣялся!—воскликнула въ волненіи Наташа.

— А послѣ-то что жъ у нихъ было?—спросила Домна.

Градусовъ объяснилъ, что Пушкинъ не успѣлъ написать конца, и что было дальше—не извѣстно.

— А отчего жъ онъ не успѣлъ?

Пришлось объяснять кое-что изъ біографіи Пушкина и причины его безвременной кончины.

— Господа-то еще хуже мужиковъ—не боятся грѣха убивать другъ дружку,—сказала Домна.

— Прочитайте еще что-нибудь!—стала просить Наташа.

Градусовъ, ободренный успѣхомъ, сталъ читать „Балу“ Лермонтова.

Это чтеніе произвело еще большее впечатлѣніе.

Когда Градусовъ кончилъ, дѣвушки молчали. Онъ посмотрѣлъ на нихъ. Наташа низко склонилась головой надъ своей работой, руки ея нервно вздрагивали, крючокъ не попадалъ въ петлю вязанья, и двѣ слезинки, блестя къ свѣту лампы, ползли по ея лицу. Груша была задумчива и грустна, Домна глубоко вздохнула и сказала:

— Какія вы все исторіи печальныя читаете!

Градусовъ радостно улыбался.

И долго они разговаривали, припоминая и объясняя по-своему всѣ трогательныя мѣста изъ прочитаннаго.

Домна кончила шитье и достала изъ божницы пальцы, въ которыхъ были натянута полотнища полотенца.

— Ахъ, я бѣдная, горькая, — забыла дома крючокъ! Вѣдь еще ужинала и думала, не забыть бы взять, и не взяла. Нѣтъ ли у тебя?—спросила она Наташу.

— Да вѣту, дорогушенька; Нешка иногда взяла и не отнесла.

— Какъ же тутъ дѣлаться?

— Сходимъ къ тебѣ за крючкомъ,—сказала Груша.

— И то правда.

Онѣ пошли за крючкомъ, оставивъ Градусова съ Наташей однихъ.

— Счастье вамъ,—сказала Наташа Градусову, когда они остались вдвоемъ, — хоть книжекъ разныхъ читаете. Вы, я думаю, изъ книжекъ про все можете узнать.

— Не про все, а многое такое, чего безъ нихъ никогда бы не узналъ,—отвѣчалъ Градусовъ. — Я вообще знаю очень немного... А по настоящему-то, такъ каждый человѣкъ долженъ бы знать и то, что въ немъ, и то, что надъ нимъ, и то, что подъ нимъ и вокругъ него.

Она вопросительно поглядѣла на него.

— Такъ это и безъ книжекъ всякій знаетъ,—немного подумавъ, сказала она.

— Какъ?..

— Что жъ, въ насъ — извѣстно, душа; надъ намъ—небо; подъ намъ—земля, а вокругъ насъ... изба.

— Такъ-то оно такъ. Да въ насъ, кромѣ души, есть еще много разныхъ свойствъ, а на небѣ есть звѣзды и планеты, въ землѣ есть огонь и вода и разные металлы, а вокругъ насъ, кромѣ избы, есть еще и люди, и ихъ жизнь...

Наташа ничего на это не сказала, только вздохнула, потупилась, и румянецъ еще ярче залилъ ей щеки.

Градусовъ глядѣлъ на нее, любуясь ея нѣжностью, обаятельною силою молодости, и наслаждался ея волненіемъ. И вдругъ привычки прежняго побѣдителя дѣвическихъ сердець зашевелились въ немъ, а сердце загорѣлось страстнымъ желаніемъ обнять Наташу и прижать ее къ себѣ, осушить поцѣлуями ея нѣжныя щеки, еще не успѣвшія высохнуть отъ слезъ (такихъ прекрасныхъ слезъ!). Онъ подвинулся къ ней близко, обнявъ ее обѣими руками за шею и прильнулъ къ ея губамъ.

Онъ почувствовалъ, какъ при его прикосновеніи въ Наташѣ какъ бы что-то дрогнуло; она удивилась, застыдилась и слѣдала движеніе освободиться отъ его объятій, отвернуться отъ поцѣлуя. Но это было одно мгновеніе, и затѣмъ она какъ-то ослабла, поворилась и отдалась охватившему ее порыву страсти.

Когда пришли Домна и Груша, Наташа еще не могла вполнѣ оправиться и придти въ себя—щеки ея пылали и, казалось, всю ее жгло какимъ-то огнемъ.

Домна подозрительно наблюдала за ней своимъ пристальнымъ и суровымъ взглядомъ.

— Не стоснули ль вы тутъ безъ насъ?—спросила она.

— Ну, да! Чего тутъ намъ тоснуть? Да что!—стараясь казаться спокойною, бойко отвѣтила Наташа.

— То-то!

XII.

Съ этихъ поръ время шло для Градусова еще болѣе весело и незамѣтно. Онъ сталъ чаще бывать на дѣвичьихъ посидѣлкахъ, и хотя стѣснялся ухаживать за Наташею открыто, считая ее еще недозрѣвшей дѣвочкой, но ему было пріятно быть близъ нея, смотрѣть на нее, наблюдая ея волненіе,—несомнѣнный признакъ того, что она была къ нему равнодушна.

Наступило время явиться въ уѣздный городъ для вынутаго жребія.

Наканунѣ отъѣзда много было вздыханій и пролитыхъ слезъ

въ семьѣ Нифата; кромѣ живой грусти разставанія съ близкимъ и любимымъ человѣкомъ, родные жалѣли Градусова еще и потому, что лишились въ немъ помощи, въ которой онъ никогда имъ не отказывалъ.

Рекрутъ вышелъ провожать за деревню родственники, нѣкоторые чужія сердобольныя бабы и всѣ дѣвушки. Платонъ плакалъ, забывъ все свое степенство; Спирка бодрился и игралъ на гармоникѣ во весь мѣхъ; Градусовъ былъ спокоенъ, сосредоточенъ и грустенъ. Прощаясь, дѣвушки цѣловались съ рекрутами, и Наташа при этомъ такъ горячо прильнула къ Градусову, что онъ боялся, какъ бы не замѣтили со стороны.

Далеко отъѣхавъ отъ деревни, Градусовъ, оглядываясь, видѣлъ, какъ толпа, провожавшая ихъ, все еще не расходилась и стоящія впереди три фигуры—одна сгорбленная, словно клонясь подъ непосильной тяжестью, другая—печальная, но бодрая, и третья—тоненькая и стройная, застывшая въ неподдѣльномъ, юномъ чувствѣ любви и грусти и какъ бы готовая улѣтъ въ слѣдъ за нимъ,—то были: Оекла, Груша и Наташа...

Въ городѣ остановились на ночлегъ на постояломъ дворѣ, грязномъ, вонючемъ и биткомъ набитомъ пьяными и плачущими людьми.

Всѣхъ рекрутъ сельскіе старосты и волостные старшины собрали во дворѣ присутствія, для провѣрки, и потомъ повели ихъ по широкой, скользкой и облѣпленной свѣжею грязью отъ ногъ тысячной толпы лѣстницѣ, наверхъ, въ присутственные мѣста.

Тамъ разбили ихъ на группы по волостямъ и послѣ общаго молебна и рѣчи воинскаго начальника, въ которой онъ просилъ рекрутъ вести себя прилично, угрожая строгимъ взысканіемъ за безобразіе и нарушеніе тишины, приступили къ провѣркѣ заготовленныхъ ярлычковъ съ нумерами—жеребьевъ, громко считая ихъ и на глазахъ у всѣхъ присутствующихъ опуская въ стеклянную урну.

Когда это было окончено, приступили къ вынутію жеребьевъ. Рекруты Мохоболотной волости шли въ третьей группѣ. Волостной старшина, Нилъ Гавриловъ, коренастый и плѣшивый, съ большой черной бородой мужикъ, съ величественной осанкой, приобретенной имъ при многолѣтнемъ отправленіи своей должности, зорко и строго оглядывалъ своихъ ребятъ, какъ оглядываетъ старый пастухъ свое стадо передъ выгономъ его на новое пастбище.

Какъ только ихъ вызвали, имъ велѣли засучить правую руку по локоть, и поочередно вызываемые по именамъ и фамиліямъ,

гуськомъ другъ за другомъ, они подходили къ столу, на которомъ стояла урна и вокругъ котораго сидѣло начальство, опускали руку въ урну и брали жребій. Нѣкоторые выбирали долго, рылись въ кучѣ ярлычковъ, свернутыхъ въ трубочку, и вызывали этимъ улыбки членовъ присутствія.

Впереди Градусова шелъ Спирка. Онъ смѣло и бойко, какъ будто торопясь скорѣй покончить неприятное, но необходимое дѣло, опустилъ руку въ урну и долго рылся въ ней, выбирая жребій. Наконецъ, выбралъ я и подаль его воинскому начальнику. Тотъ, не спѣша, развернулъ его и громко произнесъ:

— Номеръ одиннадцатый!

Спирка слегка поблѣднѣлъ и, улыбувшись черезъ силу, махнулъ рукой, сказавъ:

— Ну и выбралъ!

Въ толпѣ рекрутъ раздался смѣхъ.

Настала очередь Градусова.

Онъ, когда еще Спирка вполался въ урнѣ, замѣтилъ одинъ жребій, торчавшій выше всѣхъ концомъ кверху, и рѣшилъ, что возьметъ его. Онъ подошелъ и, аккуратно вытащивъ его за конецъ, подаль начальнику.

— Номеръ пятьсотъ-шестьдесятъ-шестой!—сказалъ начальникъ, и какимъ-то особеннымъ взглядомъ поглядѣлъ на рослую и статную фигуру Градусова.

„Ого!—подумалъ Градусовъ:—а и всѣхъ-то ихъ, говорятъ, шестьсотъ-два“!

Но онъ не далъ ходу возникшему въ немъ радостному чувству, вспомнивъ, какъ часто берутъ не только всѣхъ „любовыхъ“, но даже и изъ имѣющихъ льготу второго разряда. А въ этомъ случаѣ ему предстояло прожить въ городѣ, на вонючемъ постояломъ дворѣ, дольше другихъ и все-таки быть сданнымъ въ солдаты.

Послѣ вынутія жребіевъ начался приемъ новобранцевъ. Въ первый день было принято, „для почину“, только пятнадцать человѣкъ, въ числѣ ихъ и Спирка.

Выйдя изъ приема, Спирка тотчасъ же наполнился „съ горя“ и все хотѣлъ подраться съ какимъ-то рекрутомъ, парнемъ сосѣдней деревни, отомстить ему за то, что тотъ когда-то сказалъ ему что-то оскорбительное. Его долго уговаривали быть поумнѣе и не безобразить, потомъ насильно уложили на телѣгу и повезли домой, такъ какъ его пребываніе въ городѣ уже никому не было нужнымъ, а срокъ явки для распредѣленія новобранцевъ по полкамъ былъ назначенъ черезъ мѣсяцъ.

Во второй день было принято 160 человекъ; всего оставалось принять только 90 человекъ, а приемъ остановится на 250-мъ жребіи.

Говорили, что много взяли изъ оставшихся для поправленія здоровья съ прошлаго года, и поэтому нынче много останется любовыхъ. Въ душѣ Градусова стала зарождаться робкая надежда избавиться отъ солдатчины за дальнимъ жребіемъ.

На третій день онъ чувствовалъ себя жутко—сегодня должна была рѣшиться его судьба! Онъ пошелъ узнать, скоро ли дойдетъ до него очередь.

У присутственныхъ мѣстъ на улицѣ къ нему подошелъ многосущенскій староста, тотъ, съ которымъ они спасали другъ друга на пожарѣ, и, отведя его въ сторону, шепнулъ:

— Меня за тобой послали. Только лучше не ходи, братъ, въ приемъ: осталось взять всего, говорятъ, человекъ около двадцати, а жребій дошелъ только до четвертой сотни, и бракують—страсть! Сдають на отборъ, изъ десяти человекъ одного выбираютъ, который приглянется. Платона Карчевинина только-что сдали, у него былъ четыреста-тридцать-девятый жребій...

— Я же пойду, по городу пошлаюсь.

— Вотъ! Такъ-то лучше—можетъ, Богъ дастъ, и останешься.

Градусовъ пошелъ бродить по улицамъ. Сходилъ на рынокъ, на вокзалъ желѣзной дороги, прошелся по берегу рѣки и часа въ два исходилъ весь городъ вдоль и поперекъ. И вдругъ спохватился, что ему давно нужно явиться въ приемъ. Сдерживая невольное волненіе, направился онъ къ присутственнымъ мѣстамъ.

На встрѣчу ему съ широкаго крыльца присутствія вышли нѣсколько чиновниковъ, за ними волостные старшины, сельскіе старосты, урядники, сотскіе и много молодыхъ парней.

— Ну, братъ, спрыски съ тебя: остался—приемъ конченъ!—весело привѣтствовалъ его многосущенскій староста.

— Можешь отправляться домой,—сказалъ Нилъ Гавриловъ;—ратническое свидѣтельство опосля получишь.

Градусовъ почувствовалъ, какъ на душѣ его просвѣтлѣло; такъ было съ нимъ одинъ только разъ въ жизни—когда онъ получилъ въ школѣ свидѣтельство объ окончаніи курса и похвальный листъ.

Когда они съ Нифатомъ, не преминувшимъ выпить, ѣхали домой, тотъ былъ необыкновенно разговорчивъ, почти къ каждому слову прибавлялъ свое „лады!“ и всю дорогу пѣлъ старинныя пѣсни.

Зачисленный въ ратники ополченія, Градусовъ долженъ былъ

приписаться къ какому-нибудь сословію: крестьянскому или мѣщанскому. Онъ приписался къ мѣщанскому въ своемъ уѣздномъ городѣ.

Онъ писалъ на мѣсто своей службы, въ книжный магазинъ, о томъ, что освободился и желаетъ снова поступить на прежнюю должность, и просилъ увѣдомить его, можетъ ли онъ разсчитывать на это. Ему отвѣтили, что готовы принять его на службу разсылнаго; но не ранѣе какъ въ первой половинѣ января.

Между нимъ и Наташей установились отношенія трогательной любовной дружбы; она любила его той робкой, стыдливой и чистой любовью, какая бываетъ въ юности у человѣка, не тронутаго растлѣвающимъ дыханіемъ жизни, когда еще порывы страстей ни разу не находили въ немъ исхода, ведущаго къ разочарованіямъ, отвращенію или безумной распущенности, а онъ любовался ею, какъ существомъ, преданнымъ ему, нѣжнымъ и чистымъ.

И они часто видѣлись, когда Наташа приходила къ Грушѣ, дружески разговаривали, шутили, смѣялись.

Разъ, глядя на нихъ, Нифать пошутилъ: — Вотъ, погодимъ годокъ-другой, да тамъ и женимъ васъ — и ладно будетъ!

Наташа покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, и застыдилась, можетъ быть принимая въ серъезъ эти слова. Градусовъ не обратилъ на нихъ вниманія.

Иногда Ворсиковъ бывалъ съ нимъ на дѣвичьихъ посидѣлкахъ, но недолго, — онъ тамъ скоро начиналъ скучать и часто говорилъ Градусову: — Эти посидѣлки порой могутъ быть и не лишены своеобразной прелести, даже поэзіи, но онѣ не могутъ меня сильно увлечь; онѣ — какъ ручейки, журчанье которыхъ любопытно послушать, но черезъ нѣкоторое время хочется перешагнуть черезъ нихъ и идти куда-нибудь дальше, искать болѣе сильнаго, величественнаго и глубокаго...

И Градусовъ соглашался съ нимъ.

XIII.

— Спасибо вамъ, — вы хорошія сѣмена посеяли во мнѣ, я этого никогда не забуду, — говорилъ Градусовъ Ворсикову, прощаясь съ нимъ передъ отъѣздомъ въ городъ.

И онъ говорилъ правду: вліяніе Ворсикова оставило глубокій слѣдъ на его послѣдующемъ умственномъ развитіи. Онъ сталъ

вдумываться въ явленія жизни, стремясь разбираться въ нихъ, уяснить себѣ ихъ основной смыслъ; сталъ дорожить временемъ, считая грѣхомъ заниматься чтеніемъ такихъ книгъ, изъ которыхъ не могъ извлечь никакой свѣжей мысли или серьезнаго чувства.

Онъ раньше прочиталъ много книгъ безъ всякой системы, беря только тѣ, которыя попадались подъ руку, или приглянулись и понравились ему интереснымъ заглавіемъ, заманчивымъ и увлекательнымъ описаніемъ потрясающихъ сценъ и необыкновенныхъ происшествій. Онъ не успѣвалъ и не стремился къ тому, чтобы усвоить и продумать содержаніе прочитаннаго, и сохранялъ въ себѣ только то, что производило сильное дѣйствіе на его впечатлительное сердце.

Въ памяти его образовался складъ впечатлѣній, примѣровъ и наблюдений, совершенно не нужныхъ въ жизни и ни къ чему полезному не примѣнимыхъ. Онъ не понималъ того, что чтеніе такихъ книгъ—то же, что бесѣды съ пустымъ человѣкомъ, только человѣкъ все-же живое существо и изученіе его иногда можетъ быть полезно, тогда какъ во многихъ книгахъ, прочитанныхъ имъ, не было ничего живого. Позже, уже передъ „солдатчиной“, онъ сталъ читать и понимать лучшихъ русскихъ писателей и иностранныхъ, и это нѣсколько просвѣтило и расширило его умственный кругозоръ.

И какъ корни дерева берутъ изъ земли и впитываютъ въ себя только тѣ соки, какіе имъ нужны для произрастенія известной особи, такъ чувства Градусова брали и впитывали въ себя изъ этихъ книгъ только тѣ мысли, образы и положенія, въ которыхъ сказывалась любовь къ человѣку, уваженіе къ человѣческой личности безъ разбора сословныхъ и другихъ подраздѣлений, и если онъ и допускалъ эти подраздѣленія, то лишь въ пользу бѣдныхъ и обездоленныхъ, созданныхъ по тому же образу и подобію, какъ и богатые.

Онъ всегда тяготѣлъ къ крестьянству и, зная за мужиками многое нехорошее, все-таки любилъ ихъ, прощая имъ все это нехорошее за тотъ великій, тяжкій трудъ, который несли они и которымъ всецѣло поглощались.

Но и теперь въ выборѣ чтенія онъ руководствовался только заглавіями, которыя часто жестоко обманывали его: возьметъ книгу, которая, судя по заглавію, должна бы рѣшить въ корнѣ мучившій его вопросъ,—и ничего не можетъ извлечь изъ нея, добросовѣстно и упорно перебравъ въ умѣ миллионы словъ, не идущихъ, какъ ему казалось, къ дѣлу и ничего не рѣшающихъ.

Ворсидовъ совѣтовалъ ему прочесть Бокля, Спенсера, Милля. Бокль понравился Градусову своей убѣжденностью, немногословіемъ, простотой и смѣлостью мыслей, показавшихся ему какимъ-то откровеніемъ; Милля онъ не повялъ; и прочитавъ одинъ томъ Спенсера, нашелъ, что теорія этого философа о государствахъ и обществахъ, какъ живыхъ организамахъ, гораздо лучше выражена у Шекспира въ „Коріоланъ“, когда Мененій Агриппа объясняетъ взбунтовавшимся гражданамъ, что они въ государствѣ суть не что иное, какъ члены въ живомъ организмѣ. И Градусовъ никогда не могъ забыть и всегда съ отвращеніемъ и враждой вспоминалъ слова Агриппы, обращенныя къ одному изъ гражданъ: — „О чемъ хлопчешь ты — палець отъ ноги“?

Въ словахъ этихъ было нѣчто глубоко оскорбительное для личности человѣка. И Градусовъ возмущался духомъ, разсуждая про себя: „Нѣтъ, это неправда: человѣкъ не долженъ быть пальцемъ отъ ноги, ни рукою, ни головою — онъ долженъ быть цѣльнымъ живымъ организмомъ; созданный по образу и подобію Божію, онъ самъ въ себѣ заключаетъ весь міръ“!

Градусовъ остановился на распутьи: обогатить свой умъ готовыми знаніями онъ не могъ, потому что не находилъ въ нихъ той животворящей силы, которая подвигнула бы его на пути къ духовному просвѣщенію, а рѣшить собственнымъ мышленіемъ мучившіе его вопросы и открыть въ жизни новые пути — тоже не могъ, потому что былъ духовнымъ невѣждою...

Предположенія Ворсидова оправдались: въ слѣдующій учебный годъ мохоболотная школа перешла въ вѣдомство церковно-приходскихъ школъ, и онъ перебрался, вмѣстѣ съ своимъ волшебнымъ фонаремъ и картинами, въ сосѣдній уѣздъ, въ земскую школу.

Онъ писалъ Градусову, что лично для себя не особенно огорчается этой переменной, потому что и въ другой школѣ будетъ имѣть возможность продолжать дѣлать то же, что и въ селѣ Мохоболотномъ, для такихъ же, какъ и тамъ, крестьянъ, „а утрата близкаго сосѣдства съ о. Теодоромъ еще меньше можетъ огорчить меня“, — шутиливо выражался онъ въ своемъ письмѣ.

Ему выходили два вакантныя мѣста: одно — въ большомъ селѣ, близъ станціи желѣзной дороги, съ окладомъ жалованья въ 300 рублей, съ приличнымъ, какъ говорили, помѣщеніемъ, другое — въ 70-ти верстахъ отъ желѣзной дороги, тоже въ селѣ, съ помѣщеніемъ въ крестьянскомъ домѣ, съ жалованьемъ 240 рублей, но съ участкомъ земли для сада. Ворсидовъ избралъ послѣднее.

„Пожить въ уединеніи, въ глуши, мнѣ давно хотѣлось, — объяснял онъ Градусову въ письмѣ. — Я прекрасно знаю, что значить жить въ большомъ селѣ близъ желѣзной дороги, — это значить: имѣть невольныя и ненужныя знакомства, развлечения, отнимающія много времени и не дающія никакого нравственнаго удовлетворенія. Тогда какъ въ глуши — просторъ для дѣятельности, почва для этого благотворнѣе, — потому что гдѣ же еще болѣе нужно просвѣщеніе, какъ не въ глуши? — и здѣсь больше шансовъ сохранить въ неприкосновенности отъ соблазновъ и лѣни, пустословія и всяческой мелочности, свою моральную физиономію“.

Онъ, не скрывая радости, сообщалъ, что у него скопляется интересный матеріалъ наблюденій надъ крестьянской жизнью, изъ котораго онъ составляетъ канву для нѣсколькихъ разсказовъ...

Отъ этого письма на Градусова опять повѣяло тѣмъ живымъ духомъ, вліяніе котораго онъ уже испыталъ при первомъ знакомствѣ съ Ворсиловымъ. Ему припомнилось пребываніе свое въ деревнѣ передъ солдатчиной: народныя чтенія въ школѣ, чтенія съ нимъ вдвоемъ, разговоры, знакомство съ Наташей...

О знакомствѣ съ нею онъ тоже любилъ вспоминать — въ ихъ отношеніяхъ тогда было много трогательнаго, хотя несерьезнаго, почти дѣтскаго, но это-то именно и составляло для Градусова главную прелесть. Онъ живо представлялъ въ своемъ воображеніи Наташу, слушающую „Бѣлу“ Лермонтова, ея волненіе и дрожащія пальцы, держащія вазальный крючокъ, слезинки на лицѣ ея, звонкій голосъ, въ которомъ сказывалась стремительность и рѣшимость характера, первый поцѣлуй...

— Но къ чему все это? — спрашивалъ онъ себя. И пожмалъ плечами.

Четыре года прожилъ онъ въ Петербургѣ и ни разу не сѣзидилъ въ деревню.

Въ это время въ семьѣ Нифата произошли важныя перемѣны: Груша вышла замужъ, весной, въ послѣдній годъ пребыванія Градусова въ городѣ, а осенью въ томъ же году женили Романа, потому что, какъ увѣдомляли объ этомъ Градусова въ пригласительномъ на свадьбу письмѣ, для дому нужна была работница, такъ какъ старыя становились плохи, а Груши уже нѣтъ.

Градусовъ послалъ денегъ, извинился и не поѣхалъ ни на ту, ни на другую свадьбу, зная, что тамъ не ожидаетъ его ничего особенно отраднаго.

И такъ, до послѣдняго времени, его мало тянуло въ деревню,

только по лѣтамъ иногда было скучно,—хотѣлось бы подышать воздухомъ родныхъ лѣсовъ и полей.

У него заболѣла нога, и онъ нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ въ больницѣ. Тамъ никто, кромѣ двухъ товарищей-сослуживцевъ, не навѣстилъ его, и онъ въ первый разъ испыталъ горечь одиночества и тоски, мучительную жажду теплаго участія, ласковаго слова... Тамъ онъ обдумалъ многое такое, чего прежде никогда не приходило ему въ голову,—онъ понялъ, что отъ жизни, какою онъ жилъ до сихъ поръ, ему нечего ждать, кромѣ мелкихъ заботъ и одиночества. Ему предстояло кончить хуже, чѣмъ онъ началъ: никому не принесеть пользы его существованіе и ему самому не дастъ счастья!

Тогда онъ сталъ переживать въ себѣ періодъ упорнаго исканія основной цѣли жизни, того идеала, къ которому можно было бы стремиться съ убѣжденіемъ и вѣрою, отдавая ему свой трудъ и всего себя. И онъ не находилъ этого.

Теперешняя его жизнь не могла дать ему идеала и въ ней даже не могло быть для него цѣли, къ которой было бы желательно и слѣдовало бы стремиться. Его давно угнетало замѣчаемое имъ постоянное, страстное и эгоистическое влеченіе городскихъ людей къ наживѣ, къ славѣ, и вѣчное рабское поклоненіе ихъ передъ богатствомъ.

„Жить на крестьянствѣ—вотъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и сомнѣній и удовлетвореніе идеальныхъ стремленій!“—думалъ Градусовъ.

Но какъ вступить въ эту жизнь? Съ чего начать и что потомъ дѣлать?

Все это не тревожило его—въ крестьянской средѣ онъ былъ своимъ человѣкомъ; у него есть желаніе трудиться и дѣлиться своими знаніями съ людьми, которыхъ онъ уважаетъ и любитъ,—значить, онъ тамъ будетъ полезенъ. Чего же болѣе?..

Выйдя изъ больницы, онъ не могъ сразу поступить на службу въ магазинъ—ему предложили подождать, пока одинъ изъ рассыльныхъ уволится. Онъ обидѣлся на такое отношеніе къ себѣ, и это окончательно рѣшило его дальнѣйшую судьбу—въ первой половинѣ мая онъ уѣхалъ въ деревню.

Уѣзжая, онъ еще не могъ ясно представить себѣ, что онъ сдѣлаетъ съ собою, на что рѣшится, но предчувствовалъ, что съ нимъ уже начинается совершаться нѣчто такое, что будетъ имѣть окончательное вліяніе на всю его жизнь.

XIV.

Градусовъ сошелъ на станціи утромъ, часа за полтора до восхода сол. ца, и, оставивъ пожитки у знакомаго сторожа, взялъ съ собою узелокъ съ самыми необходимыми вещами и пошелъ домой пѣшкомъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи дорога пошла лѣсомъ, въ перемежку съ полями и лугами... Какъ много зелени! Какъ воздухъ чистъ и дышется легко!.. Уже птички пробудились и наполняли воздухъ веселымъ пѣніемъ и щебетаньемъ, а жаворонки звенѣли въ поляхъ; заря на востокѣ разгоралась все болѣе и болѣе, и солнце, бросая вверхъ по небосклону полосы своихъ яркихъ, пламенныхъ лучей, готовилось выплыть изъ-за горы.

Знакомая дорога... Четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Градусовъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ, но казалось, что это было такъ недавно. Съ любопытствомъ и сердечнымъ волненіемъ оглядывалъ онъ знакомыя мѣста—лѣсокъ, пригорки и овраги,—и въ сердцѣ его воскресали картины и впечатлѣнія минувшаго дѣтства. Отрадные и грустные воспоминанія!

Въ Многосущенской еще спали, когда Градусовъ къ ней подошелъ; день былъ праздничный, и крестьяне давали себѣ волю понѣжиться—только куры уже бродили подъ овнами, разгребая ногами землю. Шаршавая собачонка бойко залаяла на него, выскочивъ изъ подворотни крайняго дома... Какое и здѣсь все знакомое и родное!—направо и налево отъ улицы видны огороды, обнесенные частоколомъ и кривыми изгородями; нежилыя постройки,—гумна, сарай и бани,—разбросаны въ беспорядкѣ; а по срединѣ, по обѣимъ сторонамъ улицы, тянутся въ гору ровными рядами избы, съ деревьями по подоконью, и дальше, за горой, уже виднѣются только соломенные крыши. Очепъ колодца стоитъ отдѣльно, какъ какой-то маякъ, при подъемѣ въ гору. Вотъ на самомъ краю—двѣ большія избы подъ одной крышей, обшитыя тесомъ, съ раскрашенными распашными овнами—это хоромы бывшаго кабатчика, богача Вакулы, а рядомъ стоитъ покачнувшаяся на бокъ избушка вдовы Матрены Карпушихи; дальше—крашеный, съ балкономъ, домъ фельдфебеля и георгиевскаго кавалера, накопившаго денегъ и живущаго на барскую ногу; рядомъ—скромная избушка Егора Сбитня, а тамъ—двѣ крѣпкія избы подъ одною связью зажиточнаго крестьянина Ермолая Иванова, отца Наташи...

И сколько живыхъ воспоминаній связано со всѣми этими избами, гумнами, сараями, огородами!.. Какія игры въ прятки, горѣлки, лапту, въ бабки! Въ избѣ вдовы Матрены онъ когда-то чувствовалъ себя какъ дома, и чего-чего тутъ не было у нихъ съ ея сыномъ, Спиркою, его сверстникомъ и „побратимомъ“! А какія чудныя сказки рассказывала, бывало, Матрена, сидя на печкѣ въ долгіе зимніе вечера! У Сбитня онъ тоже часто бывалъ и дружился съ его сыномъ, Нефедомъ; тогда изба ихъ была съ печкою безъ трубы и топилась „по черному“. Отъ Нефедова всегда, бывало, пахло дымомъ... У нихъ собирались мужики чуть ли не изъ всей деревни съ работой, по вечерамъ...

Градусову хотѣлось бы видѣть ихъ всѣхъ и узнать, какъ живутъ они.

Но вотъ подошелъ онъ къ старенькой избушкѣ съ такими низкими окнами, что, проходя мимо, можно было оглянуть всю внутренность ея, и постучалъ рукой въ раму. Черезъ минуту послышались шаги по избѣ, и къ окну подошла его бабушка, безъ кокошника и въ одной рубашкѣ. Охая, зѣвая и крестя ротъ, открыла она форточку окна и просунула въ нее свою съдѣющую голову.

— Кто тутъ?

И вдругъ лицо ея оживилось и просвѣтлѣло.

— Родимые! да нивакъ это Костенька пришелъ?!

— Я, бабушка.

— Ахъ, Ты, Господи! Вотъ и не знали мы, и не вѣдали. Да не Богъ ли тебя принесъ, родимый ты нашъ?.. Сейчасъ отложу воротечки.

Она побѣжала въ сѣни отпереть калитку и по пути крикнула младшему сыну, спавшему на лавкѣ съ Нифатомъ:

— Трошка! Трошечка! вставай! — Костенька пришелъ. Дѣдъ, а ты что жъ не встаешь?..

— А-а! Неужто? Ахъ!

И слышно было, какъ Трофимъ быстро вскочилъ съ постели, глухо стуча по полу босыми ногами, и кричѣлъ Нифать.

— Всѣ ли вы тутъ здоровы?—говорилъ Градусовъ, входя въ избу. Потомъ, по обычаю, помолился на божницу и сталъ съ ними здороваться.

— Костенька-то! Костенька-то нашъ!.. — говорила бабушка Оекла, разглядывая Градусова, цѣлуя его и плача отъ радости.— Давно не видѣлись съ тобой, а ты какой, вишь, сталъ: усы отросли... Да что ты какъ похудѣлъ ровно?..

— Ну, ничего; ужъ у насъ поправится, Богъ дастъ,—сказалъ Нифать.

— Неужто вѣтъ!

Трофимъ вѣжливо объялъ Градусова, поцѣловавъ три раза, потомъ сталъ поодаль и глядѣлъ ему въ глаза, радостно улыбаясь.

— А Романъ съ женой гдѣ же?

Но Романъ, спавшій въ сѣнникѣ надъ хлѣвомъ, услыша происшедшее въ избѣ движеніе и радостные возгласы и догадавшись, что пришелъ Градусовъ, уже входилъ въ избу вмѣстѣ съ женою.

Градусовъ поздоровался съ ними и съ удовольствіемъ оглянулъ рослую и вѣтвистую фигуру молодухи, съ широкими плечами, высокою грудью и легкою поступью.

— Ты, рѣдкій, умаялся съ дороги-то,—не спавши вѣдь ночь, да и пѣшкомъ шелъ,—поѣсть, поди, хочешь?—тревожилась бабушка Фекла.

Но Трофимъ перебилъ ее:

— Ты вотъ бы, какъ весна-то началась, тогда бы и приѣхалъ,—онъ въ увлеченіи схватилъ Градусова за рукавъ,—вотъ бы хорошо! Ай, тогда у насъ и красиво было: и яблони-то, и вишенъе, черемха—все цвѣтеть; духъ такой... Птички-то поютъ, пчелы въ вѣтвяхъ жужжать, бабурочки летаютъ...

— Ну, да ты брось про это, шило!—остановилъ его Нифать:—послѣ, ужъ, про бабурокъ да про пчелъ расскажешь,—онъ поѣсть хочетъ. Гораздо нужны твои бабурки! Сбѣгай-ка, вотъ, къ дядѣ Ермохѣ, попроси самовара; поставимъ да пусть горячаго напьется. Мы тутъ постройку завели, такъ и самоваръ продать пришлось,—объяснилъ онъ Градусову.—Видѣлъ ты избу-то новую?

— Гдѣ?

— Не видѣлъ! Вотъ она!—указалъ старикъ въ окно на новую избу, построенную по другую сторону дороги.—Это наша!

— Ахъ, это ваша? Ну, вотъ, и слава Богу. Но вы бы написали мнѣ, что нуждается въ деньгахъ, чѣмъ самоваръ продавать.

— Ты и то не мало намъ высылалъ, спасибо тебѣ. Надо пожалѣть и тебя,—мы все это понимаемъ,—сказалъ Нифать дрогнувшимъ голосомъ.

— А какъ живетъ Груша замужемъ?

— Нештѣ. Недавно была у насъ. Живутъ, покажѣсть, хорошо. Про тебя спрашивала,—отвѣчала Фекла.

— Спасибо. Самовара не нужно, — остановилъ Градусовъ молодуху, уже готовую идти къ Ермолаю; — дайте мнѣ только молока да хлѣба; я закушу и лягу отдохнуть.

— Ну, ладно, какъ хочешь. Я чаю нагрѣю въ чугуиъ, какъ печку топить буду, — сказала Ѳекла. — Молока у насъ, слава тебѣ, Господи, хватаетъ: коровушекъ хорошия и обѣ доятся. Маня, накрывай на столъ!

Но невѣстка уже вынимала изъ сундука чистую скатерть и принялась накрывать на столъ въ большемъ углу.

— Вотъ и пріѣхалъ, — говорилъ Романъ, садясь на лавку рядомъ съ Градусовымъ, — погуляешь, ужъ, сегодня. У насъ теперь дѣвокъ много изъ Питера поваѣхало, все такія форменныя: одѣжа городская, платья модныя, шерстяныя. И ребятъ много. Только гармонья хорошей вѣту, у Спирки Матренинаго есть кое-какая.

— А Спирка уже отслужился?

— Его въ побывку отпустили на два мѣсяца.

— А Платонъ Карчевининъ?

— Тотъ давно дома: совсѣмъ отпущенъ, по слабости здоровья.

— Такой-то богатырь?

— Да. Заболѣлъ; хрипитъ теперь, какъ старикъ.

— А тутъ что у тебя? — спрашивалъ Трофимъ, ощупывая узелъ Градусова съ пожитками.

— Тутъ бѣлье. Надо развязать да убрать куда-нибудь. У меня вещи на станціи оставлены.

— Ужъ съѣздимъ.

Трофимъ развязалъ узелъ и, увидѣвъ гармонику, подпрыгнулъ отъ радости.

— Ай! гармонь!

Онъ нажалъ на басы, и изба огласилась рѣзкимъ и нестройнымъ звукомъ.

— Да бросишь ли ты? Экой вѣдь! Не понимаетъ ничего, еще испортить! — окрикнула его Ѳекла.

Трофимъ стиснулъ мѣхъ и бережно положилъ гармонику на лавку въ большій уголъ.

— А гдѣ ты, рѣднй, ляжешь-то: тутъ, али въ сѣнникѣ? Тутъ-то, можетъ, тебѣ душно будетъ? — спросила Ѳекла.

— А то — вонъ въ новую избу можно, — сказалъ Нифатъ.

— Нѣтъ, я на чердакѣ лягу, гдѣ всегда, бывало, спалъ лѣтомъ. Тамъ у васъ свободно?

— Тамъ слободно.

— Вотъ тамъ и постелите. Да разбудите меня, когда зазвонятъ въ церкви, въ Мохоболотномъ—я къ обѣднѣ пойду.

Молодуха захватила въ охапку постель съ полатаей, подушки и одѣяло, и понесла все это на чердакъ. Градусовъ еще разъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, какъ она легко пошла съ ношею, точно ей это не стоило никакого усилія.

Черезъ нѣсколько времени онъ уже лежалъ на чердакѣ и, глядя въ соломенную крышу, въ концѣ которой мѣстами сквозилъ свѣтъ, съ удовольствіемъ потянулся. Время, проведенное въ Петербургѣ, ушло отъ него куда-то далеко, какъ сонъ, и онъ какъ будто продолжалъ жить прежней дѣтской жизнью подъ этимъ милымъ кровомъ, согрѣтый ласками своихъ родныхъ.

XV.

И въ церкви впечатлѣнія минувшаго дѣтства чуднымъ роємъ залетали въ его памяти, тѣснясь въ его сердце и наполняя его радостью и грустью. Ему припомнилось, — съ такой живостью, какъ будто это было вчера, — какъ онъ молился здѣсь съ бабушкой, усердно клалъ земные поклоны, — и прежнія чувства радостнаго умиленія и теперь сообщались ему, волнуя его и лаская.

Выйдя изъ церкви, Градусовъ увидаль остановившихся у ограды троицъ мужичиъ, которые своей одеждой, осанкой и самоувѣренными жестами отличались отъ деревенскаго простонародья. Между ними онъ узналъ волостного старшину Нила Гаврилова, который съ того времени, какъ Градусовъ видѣлъ его въ присутствіи, въ уѣздномъ городѣ, измѣнился только тѣмъ, что сталъ еще приземистѣе, солиднѣе.

Нилъ Гавриловъ поздоровался съ Градусовымъ, какъ съ давнишнимъ знакомымъ, за руку и спросилъ о здоровьи.

— А вотъ и они идутъ, — прежде чѣмъ Градусовъ успѣлъ отвѣтить, сказалъ онъ двумъ своимъ собесѣдникамъ, указывая на идущихъ къ нимъ отъ церкви двухъ молодыхъ людей, одного высокаго и чернаго, другого — чуть поменьше, полнаго и бѣлокураго, одѣтыхъ въ свѣтлыя пиджачныя тройки, манишки и въ мягкихъ широкополыхъ шляпахъ.

Тѣ подошли къ нимъ и, поздоровавшись, остановились.

— Такъ, господа, — сказалъ Нилъ Гавриловъ, обращаясь къ нимъ, — прошу васъ почтить меня сегодня для дня моего ангела — прийти ко мнѣ, этакъ вечеромъ, часовъ около пяти, на рюмку водки и на стаканъ чаю!

Тѣ поблагодарили за приглашеніе и общались быть.

— А теперь вы вмѣстѣ съ нами, али къ отцу Ѳеодору будете заходить?—спросилъ ихъ Нилъ Гавриловъ.

— Я зайду, — сказалъ высокій. И спросилъ своего товарища: — А вы зайдете?

— Пожалуй, и я зайду.

Они простились, сказавъ: до свиданія, и направились къ дому священника.

Градусовъ пошелъ до села вмѣстѣ съ Ниломъ Гавриловымъ и двумя его товарищами. Дордогой Нилъ Гавриловъ разговорился съ нимъ, выражая свою нѣсколько тяжеловѣсную общительность и любезность, выпрашивая его, когда онъ пріѣхалъ, долго ли пробудеть въ деревнѣ, нѣтъ ли чего новенькаго въ городѣ, и съ своей стороны сообщивъ ему, что приглашенные имъ на именины молодые люди — земскій фельдшеръ и учитель церковно-приходской школы — хорошіе, простые люди.

И когда дошли до дороги, по которой Градусову нужно было свернуть домой, Нилъ Гавриловъ сказалъ ему, какъ старому знакомому:

— А и вы тоже не зайдете ли ко мнѣ, ужъ, вечеромъ? Пожалуйста! Тутъ и познакомитесь съ нашей компаньей, а то вѣдь вамъ съ деревенскими-то мужиками хуже, я думаю, не поладить? Приходите.

Градусовъ раскланялся и простился съ двумя его товарищами по деревенскому обычаю за руку, хотя только отдаленно зналъ, что одинъ изъ нихъ былъ сидѣлецъ винной лавки, а другой — волостной писарь.

Вечеромъ онъ былъ у Нила Гаврилова и ближе познакомился съ волостнымъ писаремъ, Иваномъ Михайловичемъ, любителемъ охоты, молодыхъ дѣвушекъ и скабрѣзныхъ анекдотовъ; съ сидѣльцемъ винной лавки, франтомъ, любящимъ похвастать своими бывшими знакомствами съ важными людьми; съ фельдшеромъ, высокомерно относящимся къ мужикамъ, и учителемъ, племянникомъ отца Ѳеодора, заступившимъ мѣсто Ворсилова.

Всѣ эти люди отнеслись къ Градусову очень внимательно, какъ къ человѣку порядочнаго круга, вѣжливому, обладающему нѣкоторыми знаніями и понимающему толкъ въ городскихъ ма-
нерахъ.

Вечеромъ, часовъ въ восемь, Градусовъ вернулся съ именинъ Нила Гаврилова и пошелъ на деревенское гулянье.

Молодежь вся была въ скопѣ; и пѣсни, и смѣхъ раздава-

лись здѣсь безъ умолку. Градусовъ остановился въ сторонѣ и сталъ наблюдать.

Въ толпѣ дѣвушекъ Наташа выдѣлялась своей стройностью, миловиднымъ лицомъ, звоннымъ голосомъ и заразительною веселостью. Она теперь вполне развилась физически и сложилась въ типъ крестьянки, который могъ бы привести въ восхищеніе художника, любителя народного жанра. Ей очень бы шелъ костюмъ русской боярышни... Но вліяніе города и на нее—хотя она еще не жила въ городѣ—положило свой отпечатокъ модной раздражительности „не-простымъ барышнямъ“. Она была въ шерстяномъ коричневомъ платьѣ, безъ передника; широкой модной кушакъ съ блестящими металлическими застежками туго охватывалъ ее талію; бѣлый шолковый платокъ съ небольшими ярко-розовыми цвѣтами рисунка не былъ повязанъ на голову, а накинута на плечи.

Еще выдѣлялась яркостью и своеобразностью наряда дочь многосущенскаго богача, бывшаго кабатчика, Вакулы, тоже не живавшая въ городѣ, но имѣющая претензію не уступать въ нарядахъ городскимъ. Тяжелый, краснаго цвѣта, манчестеровый сарафанъ ея былъ обшитъ по подолу въ нѣсколько рядовъ шолковыми цвѣтными лентами; широкая и тоже манчестероная кофта съ „пышными“ рукавами, обшита понизу бѣлыми кружевами, сидѣла очень изящно на ея невысокой, но плотной фигурѣ; на черномъ, отдѣланномъ дешевыми кружевами, передникѣ было неуклюже вышито зелеными нитками ея имя: „Ана Авулишна“, а на головѣ былъ повязанъ шолковый, голубой, съ розовыми цвѣтами и разводами, платокъ.

Остальныя дѣвушки были одѣты—нѣкоторыя приблизительно такъ же, а другія—какъ одѣваются городскія горничныя въ небогатыхъ домахъ.

Градусовъ замѣтилъ, что Наташа, какъ только онъ подошелъ къ гуляню, покраснѣла, мелькомъ взглянула на него и, отвернувшись въ сторону, бойко заговорила съ дѣвушками и парнями, чтобы скрыть свое волненіе.

Градусова попросили играть на гармоникѣ кадрилъ. Но это ему скоро надоѣло, и онъ, отдавъ гармоникѣ Спиркѣ, пошелъ отъ гулянья, намѣреваясь пройти въ поле. Ему встрѣтился на дорогѣ парень, небольшого роста, одѣтый въ пиджакъ и брюки навыпускъ.

— Добраго здоровья!—сказалъ онъ ему и протянулъ руку.

Тогда Градусовъ узналъ въ немъ своего односельчанина Аванася, сына бѣдной вдовы.

Аеанасій былъ двумя годами моложе Градусова, и когда Градусовъ былъ въ школѣ въ старшемъ отдѣленіи, онъ только-что начиналъ учиться. Всегда задумчивый, не по лѣтамъ серьезный и сосредоточенный, Аеанасій, несмотря на свой небольшой ростъ и невзрачный, словно заморенный видъ, пользовался въ кругу товарищей-школьниковъ извѣстностью, какъ смѣлый, правдивый, рѣзкій и настойчивый, мѣткій на слова малый. Мать Аеанасья, овдовѣвъ, когда ему было одиннадцать лѣтъ, оставила пашню и платила за землю спуста, пользуясь однимъ сѣновосомъ, а когда сынъ окончилъ ученіе въ школѣ, отправила его въ Петербургъ, въ переплетную мастерскую, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ и пріѣхалъ домой уже взрослымъ парнемъ. Тогда они снова взяли крестьянское тагло. Градусовъ не видѣлся съ нимъ около десяти лѣтъ, и потому узналъ его не сразу.

— Чтѣ, какъ чувствуешь себя на деревенскомъ лонѣ природы?—спросилъ Аеанасій.— Сжучаешь, небось?

— Нѣтъ, ничего; не сжучаю пока,—отвѣчалъ Градусовъ.

— Надолго пріѣхалъ?

— Не знаю. Думаю подольше пожить здѣсь.

— Струсишь, какъ долго-то,—усмѣхнулся Аеанасій.— Теперь —нештѣ: лѣто, благодатная пора; а вотъ ужѣ придетъ матушка-осень, „заглянетъ черезъ прясло“, а потомъ „вслѣдъ за нею зима въ теплой шубѣ придетъ“, тогда будетъ дѣло иное.

— Я и зимой живалъ здѣсь,—замѣтилъ Градусовъ.— А чтѣ тебя днемъ не видно было?—перемѣнилъ онъ разговоръ.

— А сапоги починить нужно было, такъ занялся. На будняхъ—некогда.

— Какъ: развѣ ты уже сапожничаетъ? Вѣдь ты у переплетчика жилъ?

— Жилъ. Только подъ-конецъ схватился, что это дѣло по крестьянству не совсѣмъ подходящее, и подучился шить сапоги.

— Вотъ ты какъ!—удивился Градусовъ.

— Домой идешь?—спросилъ Аеанасій.

— Нѣтъ, по полю хочу пройтись.

— Въ теперешнюю пору не хочешь съ народомъ время проводить, а какъ же будешь зимой? Вишь, ночь-то какая, тепломъ, какъ паромъ въ банѣ, обдаешь; кузнечики трещать; насѣкомыя надъ болотомъ толкутся; лягушки задаютъ концерты... Въ эту ночь грѣхъ и спать ложиться! Али изъ нашихъ дѣвъ ни одна не приглянулась? Не надо брезговать: разгляди—тутъ найдутся такія „одалиски“, какихъ ни у кого не найдешь... От-

чего-жъ бы, хоть на время, на себя мужичью шкуру не одѣтъ?!..
Пріятныхъ сновъ!

Онъ быстро протянулъ Градусову свою жесткую, сухую руку и пошелъ прочь.

— А ты, видно, нашелъ себѣ „одалиску“?—крикнулъ ему вслѣдъ Градусовъ.

— Хоть не такой рожи, а на то похоже!—отвѣчалъ Аванасій.

Онъ нѣсколько озадачилъ Градусова своими книжными фразами. „Этотъ мужикъ какого-то новаго типа. Не даромъ онъ у переплетчика нѣсколько лѣтъ прожилъ: небось, тамъ тоже читался!“—подумалъ Градусовъ.

Въ полѣ была тишина; только въ болотахъ квакали лягушки, трещалъ коростель, да изъ сосѣдней деревни, Дударевки, и изъ Мохоболотнаго доносились звуки гармоникъ и пѣсень.

Градусову здѣсь было какъ будто лучше, чѣмъ тамъ, въ полѣ, но... грустно!.. Хотѣлось бы поговорить съ кѣмъ-нибудь, подѣлиться своими думами и чувствами...

Часа черезъ полтора онъ возвращался домой.

XVI.

Въ семьѣ Нифата пока не было спѣшной работы: навозъ былъ уже вывоженъ; Романъ допахивалъ пашню подъ озимое, Трифонъ боронилъ попеременно съ молодухой, а Нифатъ и Оекла работали на огородѣ и кое-что „около дому“.

Нифатъ главнымъ образомъ былъ занятъ окончательной отдѣлкой новой избы; онъ подобралъ изъ нея щепки, сдѣлалъ для Градусова деревянную кровать и замышлялъ со временемъ украсить окна снаружи какими-нибудь фигурными вырѣзами, придумывая разные рисунки.

Погода стояла прекрасная, и Градусовъ въ это время успѣлъ насладиться прогулками съ книгою по полямъ и лѣсамъ, откуда всегда возвращался съ цѣлыми ворохами ландышей и другихъ цвѣтовъ. Онъ чувствовалъ, какъ благодатный воздухъ, покой и превосходный аппетитъ быстро укрѣпляютъ его душу и тѣло, и часто порывался взяться, какъ бывало прежде, за работу: пахать, поборонить. Но его всѣ отговаривали:—Ладно, родной, погуляй, пока можно; тамъ ужъ сѣнокосъ подойдетъ, такъ поработашь,—говорили ему.

Но вотъ пришло и время сѣнокоса.

Въ пустоши, арендуемой крестьянами у помѣщика, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Многосущенской, Нифать взялъ пай на два тягла. Погода установилась ясная, жаркая, удобная для сѣнокоса, и работа закипѣла. Мужики не приходили домой ночевать, помѣщаясь въ пустоши въ шалашахъ, устроенныхъ на скорую руку, и бабы приносили имъ ѣду изъ дому.

Сѣнокосъ былъ раздѣленъ по-полосно, и Нифатовымъ приходилось „гнать“ на два тягла, не отставая отъ другихъ. Вначалѣ, съ непривычки, Градусову было трудно работать отъ зари до зари, — болѣли плечи и на рукахъ натерлись мозоли, — но черезъ нѣсколько дней это прошло. Бабы, Нифать и Трифонъ сушили сѣно и убирали, а Градусову съ Романомъ приходилось только косить. Градусовъ и раньше всегда любилъ сѣнокосъ; теперь онъ втянулся въ работу и чувствовалъ себя прекрасно. Самое пріятное время для косьбы было утромъ и вечеромъ; среди дня тяжелѣе — жарко и томить жажда.

На сѣнокосѣ ему приходилось встрѣчаться и перемолвиться словомъ съ Наташей. — Не стоснулись-ль здѣсь у насъ? Не замаялись ли? — спрашивала она, идя мимо, останавливаясь и любуясь, какъ Градусовъ дѣлалъ сильные взмахи косяго, подвигаясь съ каждымъ разомъ впередъ на цѣлый слѣдъ.

— Отчего же? Нѣтъ, не замаялся; я не забылъ работать.

— Это ладно. Только вотъ почитать-то вамъ теперь слободы нѣту... Можетъ, и скучно, — сочувственно говорила она.

Это сочувствіе было очень трогательно: Градусовъ съ отрадой замѣчалъ, что она понимала потребность, безъ удовлетворенія которой ему дѣйствительно было бы скучно... И онъ весело ждалъ праздника, — отдохновенія и свободы.

Но въ праздникъ снова повторялись тѣ же гулянья, чтеніе давно прочитанныхъ книгъ и одинокія прогулки по полямъ...

„Какъ только затихнетъ работа, схожу къ Ворсилову“, — рѣшилъ Градусовъ.

Еслибы ѣхать къ Ворсилову по желѣзной дорогѣ, то пришлось бы сдѣлать шестьдесятъ верстъ и двадцать верстъ отъ станціи до села, въ которомъ онъ учительствовалъ; по прямому же направленію, по проселочнымъ дорогамъ, до него было сорокъ верстъ. Градусовъ пошелъ къ нему пѣшкомъ, наканунѣ праздника Спаса Преображенія, который приходился въ субботу.

Утомясь ходьбою по пыльной дорогѣ при сильной жарѣ, онъ, проходя черезъ одну деревню, дворовъ въ сорокъ, захотѣлъ напиться и отдохнуть. Но, пройдя полъ-деревни, напрасно заглядывалъ онъ въ овна избъ — онѣ были пусты, нѣкоторые заперты

на замокъ, и нигдѣ не встрѣтилось никого, чтобы попросить напиться—народъ весь работалъ въ полѣ. Ему на дорогѣ попадались только дѣти, простоволосыя и босыя, загорѣлыя, какъ голубешки, и одѣтыя въ однѣхъ рубашонкахъ.

Но вотъ онъ увидѣлъ подъ окномъ одной избы дѣвочку лѣтъ десяти, навѣчающую съ груднымъ ребенкомъ и причитающую нараспѣвъ:

„А, баю, баюшки, баю—колотушекъ надаю;
Колотушекъ двадцать-пять—будетъ сынушка мой спать“.

— Милая, нельзя ли воды испить?

Она повернула къ Градусову свою курчавую головку и, посмотрѣвъ ему въ глаза, картава проговорила:

— У насъ нѣту-ти. Вонъ тамъ, у колодца, у дѣдушки спроси.

И говоря это, она указала ему на избушку, стоящую у колодца.

Онъ пошелъ къ избушкѣ.

Еслибы ему не указали на нее, онъ не рѣшился бы войти въ эту избушку и предположить, что въ ней живетъ кто-нибудь—до того избушка эта была ветхая и убогая. Она была безъ трубы и снаружи подперта въ двухъ мѣстахъ; одно окно ея было неплотно заколочено досками, а въ другомъ стекла выбиты; сверхъ крыши ея торчалъ голый конекъ, а по бокамъ, на обгнившихъ жердяхъ, еще уцѣлѣла солома и на ней росъ зеленый мохъ. Дворъ, прилегающій къ избушкѣ, былъ совершенно раскрытый и обнажалъ въ нѣсколько ступенекъ крыльцо, ведущее на сѣни.

Было видно съ улицы, какъ у окна избушки шевелилось какое-то живое существо. Градусовъ вошелъ по ступенькамъ на сѣни и открылъ дверь.

Хотя избушка была очень маленькая, но въ ней поражалъ видъ пустоты: вся закоптѣлая, съ развалившеюся печкой, безъ полокъ, полатей, стола и скамеекъ, съ однимъ маленькимъ обномъ, скупо пропускавшимъ свѣтъ, она походила скорѣе на баню, какія строятся у крестьянъ, — только недоставало каменки и полка. Матица, поддерживающая потолокъ, была подперта по срединѣ избы; въ углу, у двери, была брошена охапка соломы и „пучня“ лыка; у окошка, на лавкѣ, сидѣлъ сгорбленный старикъ, съ длинными сѣдыми волосами и бородою, и плелъ лапотъ. Рядомъ съ нимъ стояло ведро съ водой. Несмотря на лѣтній жаръ, старикъ былъ одѣтъ въ рваную овчиную шубу.

— Дѣдушка, нельзя ли воды испить?—спросилъ Градусовъ.

Старикъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на него и голосомъ-сильнымъ и звучнымъ проговорилъ:

— Чего-жь, можно. Да ты присядь на лавку-то, тута.

И онъ, отодвинувъ въ сторону лыко, освободилъ Градусову мѣсто на лавкѣ.

— Вотъ, пей; недавно начерпнута,—указалъ онъ на ведреко съ водой.

Градусовъ поблагодарилъ и, усѣвшись на лавку, съ наслажденіемъ утолилъ жажду. Старикъ съ тѣмъ же любопытствомъ смотрѣлъ, какъ онъ пилъ, и въ лицѣ его было замѣтно выраженіе какого-то пріятнаго удовольствія, какъ будто онъ радовался тому, что могъ доставить прохожему такое удовольствіе. Потомъ онъ опять принялся плести лапотъ.

— Чего ты въ избѣ-то сидишь? — на улицѣ такая благодать,—сказалъ Градусовъ.

— Да, тепло... Такъ! На солнышкѣ-то припекаетъ больно, а въ зѣсны — зябко. Тута вольготнѣе.

— Твои домашніе-то, знать, на работу ушли?

— Какіе домашніе! У меня нѣту домашнихъ.

— А ты развѣ одинъ тутъ живешь?

— Я тутъ почитаю-что и не живу.

— А гдѣ же ты живешь? Видно, изба ваша въ другомъ мѣстѣ?

— Была въ другомъ мѣстѣ. Теперя—нѣту.

Градусовъ удивился.

— Какъ же такъ?

— Да такъ, что одинъ я оставши отъ семьи. Ну, работать не могу теперя и ради-Христа просить ходить—тоже не могу; вотъ и хожу по деревнѣ по чередамъ. Такъ и питаюсь.

— А гдѣ же твои родные?

— Померли. Родныхъ-то у меня было всего только жѣнка да сынъ. Вотъ, померли, а я и остался. Лѣтомъ, вотъ, въ свою хату ночевать хожу, на соломѣ постилаюсь, а зимой—по чередамъ; тамъ въ которой избѣ на хлѣбахъ, въ той и ночую.

— Трудно такъ жить?

— Какъ-то не трудно! Трудно. А надо жить, пока смерти Богъ не дасть. Нигуда не дѣнешься!

Въ послѣднихъ словахъ его слышна была глухая скорбь и привычная покорность судьбѣ. Онъ еще ниже склонился надъ своей работой и сталъ сильнѣе стучать костью о лапотъ.

Градусову очень хотѣлось разговориться съ нимъ и подробнѣе узнать, какимъ путемъ дошелъ онъ до такого тяжелаго и

безвыходнаго положенія. Но онъ боялся, захочетъ ли старикъ быть съ нимъ откровеннымъ. Помолчавъ съ минуту, онъ снова спросилъ его:

— Изъ-за чего же ты такъ, дѣдушка, остался въ такомъ одиночествѣ? Давно померли твои жена и сынъ?

— Давно-то не такъ чтобы давно, годовъ съ десятокъ будетъ. Сперва сынъ, потомъ и баба.

— Изъ-за чего же они? Али болѣзнь какая была?

Старикъ серьезно поглядѣлъ на Градусова и задумался.

Прошло минуты двѣ—а онъ все сидѣлъ и молчалъ. Потомъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Изъ-за чего?.. Про то Богу извѣстно. Сыну и двадцати-пяти годовъ не было, какъ померъ...

Лицо старика стало грустно и голосъ дрогнулъ при послѣднихъ словахъ.

— Желанный... царство тебѣ небесное!—сказалъ онъ. И перекрестился.

— Ты очень жалѣешь сына?

— Какъ же не жалѣть-то, родимый? Такого сына—да не жалѣть! Коли бы зналъ ты, какой это былъ человѣкъ-то... Не я одинъ, а и вся деревня, вся волость, почитай, жалѣетъ его.

Онъ опять задумался на минуту и продолжалъ:

— Какъ не жалѣть! Хоть и свой былъ, а какъ не похвалить, коли хорошій человѣкъ? Да, видно, хорошихъ-то и Богу надо. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ утѣхой для насъ съ бабой. Только одинъ и былъ. Жили мы не бѣдно: и домикъ у насъ былъ справный—кромѣ этой избушки была еще новая изба, насупротивъ, по той сторонѣ дороги стояла,—сдворокъ хорошій, земли и скотины—полно. Жили, какъ говорится, хорошо, а ждали еще лучше. Да вся наша жисть-то за Богомъ: дѣлается все не по нашему, какъ бы мы хотѣли.

Старикъ взялъ ведро съ водой и, отпивъ изъ него, снова принялся за лапотъ.

XVII.

— А грамотный былъ сынъ-то твой?—спросилъ Градусовъ, стараясь завлечь старика разговоромъ.

— Грамотный! Такихъ грамотѣвъ поискать; волостному писарю не уважить. Я рано его въ школу послать, ему еще и двѣнадцать годовъ не было. Да такъ онъ сразу хорошо занялся, что учитель нахвалиться имъ не могъ. Гораздо уже ко

Всему былъ прибойный и занятый, — что увидитъ, то и сдѣлаетъ, а пока не сдѣлаетъ — ни ѣсть, ни спать не станетъ. Вотъ былъ какой! Какъ отходилъ онъ въ школу-то двѣ зимы, читать и писать научился и, тамъ, рехметику, я хотѣлъ больше и не пускать, потому и для домашнихъ дѣловъ онъ намъ самимъ иной разъ былъ надобенъ. Такъ учитель самъ пришелъ ко мнѣ и сталъ просить, чтобы я его отпускалъ: „Твоему, говорить, сыну Богъ талантъ большой раскрылъ къ наукамъ. Его надо научить, чтобы онъ зналъ не меньше меня. И ты, говорить, въ этомъ не спорь: ему это для хорошаго дѣла впереди пригодится. Теперь времена другія противъ прежнихъ. Это вы когда крѣпостные были, такъ вамъ ничего такого не требовалось, и знали вы только соху да борону. А теперь — что больше знаетъ человѣкъ, то и лучше“. Ну, и точно: худого отъ этого не было — послѣ, что только кому надо: письмо ли, условіе какое, приговоръ — все составитъ и напишетъ, какъ слѣдуетъ. А бѣдныхъ такъ шибко жалѣлъ и все для нихъ даромъ дѣлалъ. Въ славу вошелъ, всѣ почитали его. А мнѣ такъ каждый завидовалъ: „Ну, что и за сынъ у тебя! Желанный человѣкъ!“ Такъ его желаннымъ и прозвали. Отпустилъ я его въ городъ, такъ надо быть, что на семнадцатомъ году. На фабрику онъ тамъ опредѣлился... О-охъ!

Старикъ снова отпилъ изъ ведерка.

— А для чего же ты въ городъ-то его отпустилъ?

— А то какъ же? До-суль, когда я, помню, подросткомъ былъ, это вѣрно, что у насъ и порядку такого не было, чтобы изъ деревни въ городъ на житье идти, — только вешто съ сѣномъ когда и съѣдимъ. Такъ тогда статья была не такая: земли было больше и хлѣбъ родился лучше. А потомъ, годъ отъ году, деревня стала все больше да больше, а земли прибавки нѣту. Ну, и тѣсно стало; нехватки. И стали тогда въ городъ на заработки ѣздить.

— Это ты вѣрно говоришь, — согласился Градусовъ.

— Что было, то и говорю. У меня семья была невелика, самъ-треть, а и то, бывало, себѣ ежели запасешь на прокормъ на годъ, то оброку отдать уже и не знаешь какъ; а кромѣ оброку еще и одежду надо. Гдѣ взять? Вотъ и послалъ сына въ городъ. Ему посчастливилось и тамъ: другіе поденно работаютъ, а его на задѣльную заработку поставили. Денегъ онъ мнѣ въ зиму-то полсотни высылалъ, окромя того что на себя тратилъ. Приѣхалъ домой чистякомъ: одежда хорошая, самъ изъ себя пригожій, гармонь привезъ хорошую, потому и раньше,

когда дома жить, онъ это гораздо любилъ. Противъ его, бывало,—куда тутъ! — не сыграть никому. Вотъ игралъ! Подъ евоно игру пѣть не напоешься и плясать не напляшешься. Дивятся, бывало, всѣ: откуда онъ такіе хитрыя колѣна научился выигрывать? Да иной вѣдь и всѣ почитай эти колѣна знаетъ, а заиграетъ — все не то! Не такъ размахисто, складно и бойко. А тутъ—сами ноги ходять.. Повладный; съ каждымъ обойдется по хорошему. Въ праздникъ престольный къ мужикамъ придетъ играть да пѣсни пѣть. Любилъ слушать, какъ старинныя пѣсни мужики пѣли. Всѣ: „Родной нашъ! желанный! золотой!“ На рукахъ носить его рады. Дѣвки за нимъ придуть, къ себѣ тянуть. Ну, пойдетъ и къ нимъ поиграть... А то, бывало, въ чужой деревнѣ когда о праздникѣ гуляли, да холостежь иной разъ, по зависти тамъ, поговорятъ, чтобы побить его, такъ за него горой всѣ мужики и бабы. Никто пальцемъ тронуть не смѣлъ. Ну, пьяный онъ никогда не напивался; выпьетъ немного, для веселья,—и квинтъ. А ежели когда побольше случится выпить, то спать уйдетъ. А шумѣть и драться—ни, Боже мой! И привычки этой не имѣлъ. Чтожъ, онъ въ славѣ да въ почетѣ, а намъ съ бабой и любо. Женить все его ладилась, да онъ самъ все откладывалъ,—погодите, моль, дайте невѣсту въ совѣсть прибрать. Вотъ, въ послѣдній-то годъ, уже совсѣмъ женить его собрались — и солодъ былъ срощенъ на пиво, бычокъ въ лѣто пущевъ на мясо для свадьбы. Все было ладно. Да попуталъ грѣхъ — и деньги-то на свадьбу вѣдь были!—а думали: пусть до Рождества съ осени-то въ городѣ поживетъ, заработаетъ лишнюю копѣйку, такъ не мѣшаешь. И отпустили его въ городъ... Отпустили—словно въ гробъ положили!..

Голось старика дрогнулъ, и по морщинистымъ щекамъ его побѣжали слезы. Опять наступило молчаніе.

— А что же съ нимъ въ городѣ случилось?—спросилъ Градусовъ.

— Что? Народъ тамъ взбунтовался на фабрикѣ-то, гдѣ онъ работалъ. Ну, не всѣ за одно сердце стояли: кто не хотѣлъ работать, а кто и хотѣлъ... Драка у нихъ зашла, да сына-то тутъ и побили такъ шибко, что онъ въ больницу слегъ. Не долго онъ, бѣдняжка, пролежалъ въ этой самой больницѣ—письмо прислалъ намъ, что не надѣется въ живыхъ остаться и хочетъ пріѣхать домой, чтобы умереть на родимой сторонѣ. Просилъ у насъ совѣта, какъ сдѣлать лучше. А какой мы могли дать совѣтъ?.. Поплакали мы съ бабой, читавши евоно письмо! И горько намъ было, вотъ какъ!.. Словно камнемъ насъ какимъ притиснуло...

Въ тотъ же день отвѣтъ послали ему, чтобы прїѣзжалъ. Прїѣхалъ онъ скоро домой — и не узнать его стало: то былъ парень — кровь съ молокомъ, а тутъ схудѣлъ такъ, что только-только косточки кожей поволовши; глаза большіе такіе сдѣлались, борода проросла, а самъ сталъ такой задумчивый да печальный... Кашлялъ все съ кровью и на грудь жаловался, что тамъ у него вся боль была. Не ѣлъ ничего, только молокомъ однимъ и питался. Въ деревнѣ-то почитай-что каждый навѣститъ его приходилъ, и кто что несетъ ему: кто — толокна, кто — ягодъ. Прошелъ весь великій постъ и Свѣтло Христова Воскресенья, весна красная наступила — а онъ все не поправляется. Только какъ солнышко-то пригрѣвать стало, да лѣсъ въ листѣ обрутился, такъ онъ сталъ на огородъ выходить. Попросить насъ, мы и сведемъ; подъ яблонью его посадимъ, книжекъ ему принесемъ, онъ тамъ и сидитъ да читаетъ, да слушаетъ, какъ птички поютъ. Немного спустя послѣ вешняго Николы, ему уже и совсѣмъ худо сдѣлалось; ослабъ такъ, что и на огородъ не могъ выходить; уже и попъ былъ у него — помирать готовился. Однажды разъ, вечеромъ, пришелъ я съ работы въ избу, а онъ лежитъ на постели да и зоветъ меня къ себѣ. Я подошелъ. „Батюшка, говорить, я завтра, навѣрно, помру. Ты, говорить, не печалься обо мнѣ, а молись Богу, чтобы Онъ васъ съ матушкой на старости поддержалъ“... Я крѣпокъ на слезы, а тутъ не стерпѣлъ — заплакалъ. — Желанный нашъ, — говорю ему, — на кого ты насъ спокладаешь?.. А онъ взглянулъ на меня такъ ясно и говоритъ: „На Бога. А обо мнѣ не плачьте: *я за правду въ землю иду*“... На другой день и Богу душу отдалъ. Схоронили. И какъ только схоронили его, все наше счастье рѣшилось: баба отъ горя хворать стала и съ годъ не протянула — умерла. Остался я одинъ-одинѣшенекъ на хозяйствѣ. Какое мужику одному житье?!.. И въ полѣ работать надо, и скотину обрывать, и печку топить, стирать, шить. Побился я нѣсколько время, тоска меня обуяла. Сталъ выпивать. Выпьешь, бывало, придешь домой, сядешь одинъ за столъ, о-середь избы, да плачешь-плачешь!.. Чувствуешь, что внизу идешь, а никакъ не остановиться. Землю сдалъ въ деревню, скотину продалъ и только одну корову себѣ оставилъ, избу новую тоже продалъ. Денегъ-то у меня и порядочно скопилось, да всѣ онѣ промежъ пальцевъ вышли. Черезъ пять годовъ изъ исправнаго крестьянина я уже голякомъ сталъ. Пока сила была, все тянулся — работалъ лѣтомъ на подевщинѣ, а зимой кое-какъ самъ собой перебивался; потомъ, какъ силы не стало работать, по міру Христа-ради по-

шелъ просить, а потомъ уже дошелъ до того, что и это дѣлать стало не въ силу. Теперь вотъ сижу на шеѣ у міру, ѣмъ чужой хлѣбъ. А смерть когда еще придетъ—Богъ знаетъ!..

„То же самое можетъ быть и со мною, — думалъ Градусовъ, выйдя отъ старика и удаляясь отъ деревни.—Только я иду по другому пути и могу кончить хуже этого „желаннаго“: онъ погибъ, но съ радостнымъ сознаніемъ того, что „за правду въ землю идетъ“ (да это и не погибель: мы умираемъ, но поступки наши никогда не умираютъ!), а я?... У меня нѣтъ никакой правды, за которую можно бы отдать жизнь свою“!

И вдругъ онъ почувствовалъ, какъ въ сердцѣ его что-то загорѣлось, какъ будто искра упала туда, и она мгновенно воспламенила его кровь и мозгъ; въ головѣ съ быстротой, которую невозможно было услѣдить, заронились разныя мысли; онъ съ чрезвычайнымъ напряженіемъ сталъ искать образа, въ который можно было бы заключить то, что его взволновало. Градусовъ прошелъ нѣсколько верстъ, не замѣчая разстоянія и не чувствуя усталости, и все обдумывалъ и отдѣлывалъ мысленно форму стихотворенія, которое слагалось у него въ мозгу. И когда уже достигъ вполне того, чего хотѣлось, успокоился.

Но ему все было грустно. И онъ чувствовалъ, какъ желаніе остаться въ деревнѣ навсегда снова поднималось въ немъ; оно зрѣло и укрѣплялось, и какъ только Градусовъ начиналъ думать объ этомъ, ему становилось отчасти жутко, но легче, спокойнѣе, а изъ его туманнаго будущаго показывался какой-то свѣтъ, неотразимо влекущій его къ себѣ...

XVIII.

Ворсиловъ занималъ вмѣстѣ съ помещеніемъ для себя и школою крестьянскую пятистѣнную избу, которая отличалась отъ сосѣднихъ избъ только тѣмъ, что на стѣнѣ ея снаружи красовалась вывѣска со словами: „Земская Школа“.

Градусовъ вошелъ въ классъ въ то время, когда тамъ баба мыла полъ.

— Вамъ кого надо?—спросила баба, разгибаясь съ мочалкою въ рукѣ и другой рукой стыдливо обдергивая высоко поднятое платье.

— Мнѣ нужно видѣть Семена Алексѣича, — сказала Градусовъ.

— Сейчасъ его нѣту; въ баню пошелъ. Повремените.

Баба внимательно осматривала Градусова, стараясь по его внѣшности опредѣлить, чтò это за человекъ, а онъ, пока разговаривалъ съ нею, успѣлъ оглядѣть классную комнату.

Она была въ три окна, съ низкимъ потолкомъ, и имѣла квадратную форму. Бревенчатыя стѣны ея были украшены небольшою иконою въ правомъ углу, олеографическими царскими портретами, картами восточнаго и западнаго полушарій и росписаніемъ школьныхъ занятій. Парты размѣщались у оконъ, оставляя небольшое свободное пространство при входѣ. На этомъ пространствѣ въ одномъ углу стояла классная доска и узенькій столикъ съ тетрадами и книгами, въ другомъ—русская печка.

— А гдѣ же помѣщеніе Семена Алексѣича?

— Вотъ здѣсь. Да идите сюда—тутъ и подождете,—предложила баба, удовлетворенная осмотромъ незнакомца.

Она ввела его въ помѣщеніе Ворсилова и ушла домывать полъ.

Это помѣщеніе состояло изъ узенькой, шага въ четыре, облеенной обоями, комнатки съ однимъ окномъ. Близъ окна стоялъ покрытый клеенкою столъ съ книгами и канцелярскими принадлежностями; противъ него на стѣнѣ висѣли на гвоздикахъ нѣсколько фотографическихъ карточекъ и маленькое зеркало въ жестяной оправѣ; по обѣ стороны стола—два деревянные стула и табуреты, на которыхъ лежали книги. Дальше, вдоль стѣны, видѣлись изъ-за деревянной вѣшалки съ платьемъ сундукъ, окрашенный красною краскою, и уже знакомый Градусову, волшебный фонарь, а въ самомъ концѣ—желѣзная кровать съ краснымъ кумачевымъ одѣяломъ и двумя тоненькими подушками, тоже въ красныхъ кумачевыхъ наволочкахъ, и деревянный шкапъ для книгъ.

Книгъ было множество разложено и разбросано и на столѣ, и на табуретахъ, и на подоконникѣ. Градусовъ съ любопытствомъ оглядѣлъ нѣкоторыя, лежащія на столѣ и табуретахъ. Тутъ были не одни учебники, а классическіе русскіе писатели и нѣсколько различныхъ періодическихъ изданій за нынѣшній и прошлый года. Мелкіе рассказы, статьи о школахъ и этнографическія были отмѣчены карандашомъ—очевидно, онѣ болѣе всего интересовали Ворсилова. Подъ кучею ученическихъ тетрадей съ отмѣтками лежала мелко исписанная рукопись съ заглавіемъ: „На тернистой почвѣ“, а внизу: „Рассказъ изъ крестьянской жизни“.

По помаркамъ и недописаннымъ словамъ не трудно было догадаться, что Ворсиловъ сочинялъ рассказъ. Это заинтересовало Градусова, и онъ рѣшилъ про себя спросить его о рукописи, когда выберется удобный моментъ.

Черезъ полчаса пришелъ Ворсиловъ, съ узелкомъ бѣлья подъ мышкой, и, удивленный и обрадованный, остановился на порогѣ своей комнаты.

— Ахъ, это вы? Вотъ надумали пожаловать...

— У меня давно было надумано, но спѣшныя работы удерживали, — говорилъ Градусовъ, крѣпко сжимая руку своего друга. — Вотъ вы гдѣ...

— Что жъ, понравилось мое помѣщеніе? Здѣсь нѣсколько тѣснѣе, чѣмъ въ Мохободотномъ, но... хорошо!.. Да объ этомъ — послѣ. А теперь, прежде всего, нужно самоваръ согрѣть. Вы, чай, проголодались съ дороги и захотѣли пить. Марья Николаевна, устрой намъ, пожалуйста, самоваръ, — сказалъ онъ, швыряя подъ крозатъ бѣлье и высказывая въ классную комнату.

— Сейчасъ, тутъ только вотъ насухо дотру, — отвѣчала та.

Ворсиловъ сѣлъ напротивъ Градусова, и они подѣлились впечатлѣніями, какое производили другъ на друга. Ворсиловъ сказалъ, что находить Градусова еще болѣе возмужалымъ и нѣсколько посолондѣвшимъ; Градусовъ нашель, что Ворсиловъ еще болѣе похудѣлъ и сдѣлался увѣреннѣе и проще.

— Я проходилъ вашу мѣстность и видѣлъ, что народъ здѣсь пожалуй еще бѣднѣе, чѣмъ у насъ, — говорилъ Градусовъ. — Какъ вы ладите съ нимъ и съ другими здѣшними обитателями?

— Ничего, лажу. Съ нѣкоторыми даже почти въ дружбѣ состою; тутъ есть одинъ старый пчеловодъ — имѣлъ когда-то большую пасѣку, а потомъ пчелы у него въ одинъ годъ вымерли всѣ отъ какой-то болѣзни. Такъ я ему помогаю вновь заводиться: новые рамочные ульи съ нимъ дѣлаемъ. У него есть кое-какой столярный инструментъ. Съ приходскимъ батюшкой живемъ, что называется, „душа въ душу“, хотя видимся не такъ часто и разговариваемъ немного — онъ любитъ уединеніе и не имѣетъ склонности къ пространнымъ разглагольствованіямъ. Это „настоящій“ священникъ, какихъ надо желать побольше: онъ на видъ нѣсколько суровъ, въ разговорѣ грубоватъ, но за треба беретъ столько, сколько ему даютъ, а тѣмъ прихожанамъ, которые очень нуждаются, помогаетъ изъ своихъ средствъ и — что всего болѣе трогательно и прекрасно — старается дѣлать это тайнѣ.

— Это — слава Богу, — простодушно сказалъ Градусовъ.

— Да. Веселѣе и увѣреннѣе живется и работается, когда встрѣчаешь такія личности и вступаешь въ общеніе съ ними...

Послѣ чаю Ворсиловъ съ живой радостью показывалъ Градусову школьный садикъ, пасѣку, состоящую изъ трехъ разборныхъ ульевъ, и школы плодовыхъ деревьевъ. Онъ съ такимъ увлеченіемъ рассказывалъ ему о жизни пчелъ, какъ будто самъ состоялъ членомъ ихъ семей.

— Для мужиковъ легко объяснять это при посредствѣ волшебнаго фонаря, — сказалъ онъ. — Многіе интересуются. О, современемъ, Богъ дастъ, это дѣло будетъ для нихъ найденнымъ кладомъ!

Потомъ онъ повелъ Градусова осматривать мѣстности, такъ расхваленныя имъ въ письмахъ къ нему.

— Я бы всѣ эти пустыри борového мѣста засѣялъ хвойнымъ лѣсомъ, — говорилъ Ворсиловъ, указывая на большія пространства необработанной и заросшей дикими травами земли, — и ввелъ бы здѣсь четырехпольное хозяйство, вмѣсто теперешняго трехпольнаго. Это было бы полезно мужикамъ. Но теперь они еще этого не понимаютъ и будутъ дѣлать себѣ пользу лишь тогда, когда станутъ просвѣщеннѣе. Тогда они будутъ имѣть возможность ввести травосѣяніе и увеличить количество домашнихъ животныхъ, а вмѣстѣ съ этимъ земля будетъ удобряться лучше и дастъ лучшіе урожаи...

Градусовъ съ удовольствіемъ слушалъ эти разсужденія, удивляясь сердечной заботливости и энергіи, съ какою Ворсиловъ объяснялъ все это.

Уже позднимъ вечеромъ они вернулись домой.

Градусовъ, утомленный ходьбою, радъ былъ, когда добрался до постели.

XIX.

На другой день, утромъ, за чаемъ, онъ вспомнилъ о рукописи Ворсилова, видѣнной имъ на столѣ, и подумалъ: „Интересно узнать: какой онъ написалъ разсказъ изъ крестьянской жизни“.

— Вы писали о томъ, что собрали много матеріала для разсказовъ изъ крестьянской жизни... — заговорилъ онъ.

— Кое-что подготовилъ, — съ живостью отвѣчалъ Ворсиловъ.

Градусовъ сталъ просить его прочитать что-нибудь, и онъ прочиталъ ему разсказъ: „На тернистой почвѣ“.

Въ разсказѣ своемъ онъ изображалъ судьбу одного крестьянскаго мальчика, Дмитрія, очень даровитаго, чуткаго и восприм-

чиваго, дарованія котораго не развились и заглохли въ тяжелыхъ условіяхъ жизни, и самъ герой умеръ потомъ отъ скоротечной чахотки.

Разсказъ производилъ сильное и очень грустное впечатлѣніе.

Окончивъ чтеніе, Ворсиловъ посмотрѣлъ на Градусова, быстро всталъ и принялся ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

Градусовъ сидѣлъ, облокотившись на столъ, задумавшись, и, казалось, все еще слушалъ или ждалъ чего-то.

— Таковую же почти исторію слышалъ я отъ одного мужа, когда шелъ сюда,—сказалъ онъ задумчиво.

Ворсиловъ радостно встрепенулся,—сама жизнь подтверждала правдивость его сочиненія! Онъ остановился передъ Градусовымъ и, казалось, весь превратился въ слухъ, когда тотъ разсказывалъ ему все, что слышалъ о „Желанномъ“ отъ старика.

— Я позавидовалъ этому Желанному,—сказалъ Градусовъ: онъ зналъ, за что боролся и умиралъ. Жалко вашего Дмитрія... Зачѣмъ вы, Семень Алексѣичъ, такъ рано уморили его въ чахоткѣ? Такой хорошей человѣкъ—пусть бы онъ лучше жилъ.

— Не я уморилъ.

— Я знаю, что жизнь... тяжелая... да...

— А я беру изъ жизни только тѣ явленія, которыя существуютъ въ дѣйствительности,—больше ничего,—сказалъ Ворсиловъ съ слабою улыбкой.

— Такъ-то такъ. Только какая же утѣха для читателя? Неужто непременно нужно писать, что зло торжествуетъ, а добро уничтожается? Дмитрій былъ добрый и хороший, ну и пусть бы хоть у него и силы не хватило побѣждать, такъ хоть поборолся бы за правду, сколько могъ,—все бы хорошей примѣръ показалъ. Мало ли и этого бываетъ?

Эти слова чувствительно затронули Ворсилова.

— Я самъ, повѣрьте мнѣ, Константинъ Богданчъ,—очень бы,—о, страстно бы, желалъ такой борьбы!—горячо воскликнулъ онъ, останавливаясь передъ Градусовымъ.—Но что же дѣлать, когда крестьянская жизнь не даетъ этого? Не видалъ я этого, не знаю я этого! Нельзя же описывать то, чего нѣтъ!..

— Да. Но можно описывать то, что могло бы быть и на вѣрное будетъ со временемъ.

— Чтò?

— Борьба за правду.

— Ну, вотъ, когда она будетъ, тогда—дѣло другое.

Градусовъ еще болѣе задумался. Онъ казался возбужденнымъ, опечаленнымъ и недовольнымъ.

— Да вѣтъ, все это—не то!—съ нетерпѣніемъ и досадою снова заговорилъ онъ.—Можетъ, и есть въ людяхъ правда; можетъ, они и борются за нее, да только мы этого не видимъ и не можемъ замѣчать. Втайнѣ это дѣлается! И тѣ, кто дѣлаетъ это, виду не хотятъ показать... Вотъ, я не могу вамъ явственно передать все, что думаю! Понимаете, что въ полѣ только пустые колосья кверху торчатъ, а съ зернами—клонятся внизу. И въ жизни тоже: пустые люди топорщатся и всѣмъ показываютъ себя, а добрые—скрываются въ тайнѣ. Вотъ вамъ и не разглядѣть! Да и гдѣ же разглядишь, когда люди не только скрываютъ свои добрые поступки, свою душевную красоту, а еще прикрываютъ себя чѣмъ-нибудь непригляднымъ, чтобы ихъ добра и не видно было? И если вы снаружи будете разсматривать, то, какъ разъ, даже идеальнаго человѣка сосчитаете идиотомъ. Право такъ! Я даже примѣры знаю. Значитъ, не въ томъ причина, что вѣтъ добра въ людяхъ и что они не борются за правду, а въ томъ причина, что мы разглядѣть этого не въ силахъ. Вотъ что!

Градусовъ вздохнулъ съ облегченіемъ и повеселѣлъ оттого, что ему удалось напасть на мысль, выводящую его изъ затрудненія.

— Можетъ быть, вы и правы,—задумчиво произнесъ Ворсиловъ.—Еще много надо мнѣ наблюдать и думать! А это очень можетъ быть, — повторилъ онъ, — это въ характерѣ русскаго мужика...

Онъ схватилъ его руку и крѣпко пожалъ ее.

Нѣсколько времени они молчали. Потомъ Градусовъ досталъ изъ кармана клочокъ бумаги, весь исписанный карандашомъ, и молча подаль его Ворсиллову.

Тотъ прочиталъ про себя.

— Откуда у васъ это стихотвореніе?

— А это я, когда шелъ сюда, такъ дорогой надумалъ... когда вышелъ отъ старика.

Ворсиловъ весьма одобрилъ.

Но Градусовъ не раздѣлялъ его восторга; онъ былъ какъ будто чѣмъ-то озабоченъ и разсѣянно слушалъ его, съ какимъ-то тупымъ недоумѣніемъ глядя ему въ глаза.

Ворсилова поразили эта разсѣянность и тупое недоумѣніе. Готовый-было излиться въ восторженныхъ похвалахъ прочитанному стихотворенію и его автору, онъ вдругъ остановился, озадаченный, и снова принялся ходить по комнатѣ, не зная, что ему говорить и даже думать...

XX.

На третій день, утромъ рано, Градусовъ собрался идти домой. Ворсиловъ пошелъ провожать его до ближайшей деревни, стоявшей на пути въ разстояніи шести верстъ.

Они напились чаю на дорогу, когда солнышко еще только-что готовилось выплыть на ясномъ горизонтѣ безоблачнаго неба; струи яркаго свѣта заливали небосклонъ и золотили верхушки деревьевъ видѣвшагося изъ окна березоваго лѣса.

Въ воздухѣ было свѣжо, тихо и росисто. Въ деревнѣ куры бродили по улицѣ, мычали коровы, ожидавшія выгона въ поле, а за деревней—пѣли жаворонки и изъ ближняго лѣса слышались голоса птичекъ.

— Хорошее утро!—сказалъ Ворсиловъ выходя за деревню, закуривая папироску и распространяя вокругъ себя чутко пахнуцій въ свѣжемъ воздухѣ табачный дымъ.—Такое утро жалко проспять.

— Да, — согласился Градусовъ, вздыхая полной грудью. И прибавилъ:—Я думаю, что если не сегодня, то завтра рано буду въ Многосуспенской.

Градусову до сихъ поръ такъ и не пришлось еще сказать Ворсилову о своемъ намѣреніи остаться жить въ деревнѣ и узнать его мнѣніе объ этомъ. Теперь онъ рѣшился объясниться.

Кстати, Ворсиловъ самъ навелъ его на этотъ разговоръ.

— Что же, вы долго намѣрены пробыть въ деревнѣ?—спросилъ онъ.

— Да, долго; я думаю навсегда остаться здѣсь,—отвѣтилъ Градусовъ.

— Какъ навсегда? — съ недоумѣніемъ взглянулъ на него Ворсиловъ.—Что же вы тутъ станете дѣлать?

— То же, что и всѣ: работать; въ свободное время—читать.

Градусовъ вспомнилъ, какъ онъ читалъ дѣвушкамъ на сидѣлкѣ, — и какая-то бодрость и увѣренность заволновали его сердце.

— Но, кромѣ всего этого, у васъ есть какія-нибудь серьезныя намѣренія?—спрашивалъ Ворсиловъ.

— Никакихъ, кромѣ того, что мнѣ хотѣлось бы жить вмѣстѣ съ крестьянами и помогать имъ всѣмъ, что я имѣю и чѣмъ могу быть для нихъ полезнымъ.

— Что-то не совсѣмъ ясно, — съ серьезной задумчивостью проговорилъ Ворсиловъ.

Градусовъ не торопился съ объясненіемъ, и они съ минуту молчали.

— Вотъ что я скажу вамъ, Константинъ Богданъчъ, — началъ Ворсиловъ. — Я вполне вѣрю вашей искренности, доброжелательности и безкорыстію. И, разумѣется, такіа намѣренія, какъ ваше, полезны несомнѣнно. Но они теперь, какъ мнѣ представляется, у васъ только еще въ зародышѣ, то-есть именно лишь „намѣренія“, а не самое дѣло, которое вы хотите дѣлать. И намѣренія перейдутъ въ дѣло и дадутъ плодъ только тогда, когда вы будете имѣть въ рукахъ вѣрные способы осуществлять эти намѣренія на дѣлѣ. Безъ этого добрыми намѣреніями, по словамъ Данта, вымощенъ адъ... У меня давно была эта мысль, — а теперь и вы сами, какъ разъ кстати, выражаете рѣшимость навсегда остаться въ деревнѣ, — сдѣлать вамъ предложеніе такого рода: отчего бы вамъ не подучиться и не сдѣлаться народнымъ учителемъ? Относительно этого, я, чѣмъ могу, всегда къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю, — сказалъ Градусовъ, и задумался.

— Поприще широкое для осуществленія добрыхъ намѣреній, — продолжалъ Ворсиловъ. — Помните, что мы еще далеки отъ просвѣщенія, но все-же хорошо и то, что стоимъ на пути къ просвѣщенію; жизнь коротка и терять времени не слѣдуетъ!

— Вотъ что, Семенъ Алексѣичъ: еслибы дѣло стояло такъ, что у насъ было бы школъ очень много, а учителей очень мало, тогда бы — это вѣрно — прежде всего слѣдовало бы идти въ учителя. А то вѣдь какъ разъ наоборотъ... Хоть и нищенское жалованье дается учителямъ и многіе изъ нихъ бѣгутъ изъ школы при первой возможности, а ихъ все-же больше, чѣмъ школъ. Не въ учителяхъ недостатокъ, а въ школахъ! Вотъ что. А жить вмѣстѣ съ мужиками, работать съ ними, участвовать въ ихъ общественныхъ дѣлахъ, дѣлиться съ ними знаніями, какія имѣешь, — развѣ это не полезно и не нужно?

— Да, это полезно и нужно. Но... это очень трудно и, повторяю, для меня не совсѣмъ ясно... Положимъ, вы сами изъ народа и, такъ сказать, будете здѣсь своимъ человекомъ. Но скажите пожалуйста: какъ вы себѣ представляете эту жизнь, какую себѣ намѣтили? Вы вѣдь не крестьянинъ, а мѣщанинъ, вы — сирота и одинокій человекъ; ни осѣлости не имѣете, ничего того, на чемъ можно бы обосноваться, „ни кола, ни двора“, какъ говорится. Въ батраки пойдете?

— Я буду жить у дѣдушки... А ежели бы пришлось и въ

батраки пойти, чего жъ не пойти? Въ городъ жилъ же я—и столько лѣтъ!—въ батракахъ...

— Все это не то!—съ нетерпѣніемъ сказалъ Ворсиловъ.— Все это смахиваетъ на какое-то непонятное юродство. Право, такъ!

Лицо Градусова стало мрачнымъ и печальнымъ.

— Я понимаю такъ,—продолжалъ Ворсиловъ:—если сдѣлаться крестьяниномъ, то надо сдѣлаться „заправскимъ“, настоящимъ; тогда только ваше вліяніе въ общественныхъ и иныхъ дѣлахъ можетъ выразиться въ реальной формѣ: будете имѣть право голоса, можете взять какую-либо общественную должность и прочее. Иначе—я не понимаю, для чего и огородъ городить?.. Можетъ быть, вы имѣете въ виду переписаться въ крестьянскому сословію, взять тягло и жениться?

— Я объ этомъ еще не думалъ,—задумчиво произнесъ Градусовъ.—Можетъ быть, и женюсь, и возьму тягло...—Ему почему-то вспомнилась Наташа и все, что было между ними.—Я готовъ на все рѣшиться, только бы переменить свою безцѣльную, бесполезную и тяжелую жизнь!—воскликнулъ онъ съ азартомъ.— Жизнь уходитъ, лучшіе годы уходятъ, силы умираютъ, способности гложутъ... Для чего?.. Ну, для чего? А въ крестьянствѣ нужна просвѣщенность, энергія, правда, а я, природный крестьянинъ, буду прозябать гдѣ-то въ городѣ, исполняя бесполезныя, дурацкія обязанности! Я этого не хочу!..

Градусовъ сдѣлалъ энергичный жестъ, глаза его разгорѣлись, лицо зарумянилось и освѣтилось душевнымъ свѣтомъ и рѣшимостью.

— А какъ же, что же будетъ тогда съ вашимъ поэтическимъ дарованіемъ?—спросилъ Ворсиловъ.—Или уже это совсѣмъ оставить, поставить надъ этимъ крестъ?

— Зачѣмъ? Были пахари и писали стихи. Коли есть талантъ, онъ не долженъ пропасть.

— Вы думаете?—задумчиво спрашивалъ Ворсиловъ.

Они прошли лѣсокъ и поднялись на косогоръ, съ котораго въ верстѣ отъ нихъ видна была деревня; слышно было мычанье коровъ и бляенье овецъ, идущихъ по выгону въ паровое поле. Подъ ногами у нихъ лежала равнина, засѣянная рожью; легкій, освѣжающій и ласкающій, теплый вѣтерокъ безъ шума волновалъ начинающіе созрѣвать колосья; солнышко замѣтно стало припекать.

— Сядемте здѣсь,—сказалъ Ворсиловъ, указывая на большой, плоскій камень близъ дороги.

Они сѣли и продолжали начатый разговоръ.

— Для человѣка вашего типа, ищущаго въ жизни доброй, созидающей цѣли или подвига, какой можетъ быть наилучшій выходъ? Вотъ въ чемъ вопросъ,—сказалъ Ворсиловъ, закуривая новую папироску.

— Только одно изъ двухъ и можно сдѣлать,—отвѣчалъ Градусовъ:—либо стать крестьянникомъ, либо учителемъ.

— Нѣтъ, есть еще третье—идти въ монастырь.

Градусовъ поглядѣлъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Я туда не пойду; этого я не желаю и для этого не го- жусь,—сказалъ онъ.

— Отчего?

— Да оттого, что, сдѣлавшись монахомъ, нужно отречься отъ самого себя, обезличить самого себя, свести на нѣтъ, уни- чтожиться. Чтѣ же въ этомъ хорошаго?

— Вы вѣрно опредѣляете: отречься отъ себя и уничтожиться. Но сдѣлать это для Бога, чтобы потомъ возродиться духовно и вліять на народъ,—сказалъ Ворсиловъ.

Градусовъ снова поглядѣлъ на него, думая: не шутитъ ли онъ? Но лицо Ворсилова было очень серьезно.

— Нѣтъ, это мнѣ не подходитъ,—рѣшительно сказалъ Гра- дусовъ.

Они замолчали и оба задумались.

— Тамъ, въ городѣ, когда я въ больницѣ лежалъ,—загово- рилъ Градусовъ вдумчиво и печально,—мнѣ впервые пришли эти мысли, и захотѣлось непременно обновить свою жизнь— такъ мнѣ было тягостно одному и такъ мнѣ опротивѣла моя служба! Господи, вѣдь и сила во мнѣ есть, и желаніе добра, а я такъ путаюсь! „Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга“!.. Да, худая жизнь въ городѣ! И не моя только, а и вообще-то вся, у всѣхъ городскихъ жителей: кругомъ вездѣ неправда, все тамъ лживо, продажно и не по-божески!..

— А въ деревнѣ—все грубо, невѣжественно, а часто и... жестоко!—сказалъ Ворсиловъ.—Одно другого, пожалуй, стоятъ...

— Такъ вотъ намъ и надо приложить старанье, чтобы этого не было!—горячо заявилъ Градусовъ.

Ворсиловъ тихо разсмѣялся.

— Вы такъ говорите, какъ будто это самое простое и легкое дѣло! Нѣтъ, это не такъ просто и легко, Константинъ Богданычъ!

— Ну, что-жъ, пусть будетъ не легко, эка важность!—воз- разилъ Градусовъ.—Семень Алексѣичъ, другъ, не отговаривай

меня отъ этого!—вдругъ перешель онъ на „ты“:—ты у меня одинъ на свѣтѣ человекъ, передъ которымъ мнѣ охота открыть свою душу и посовѣтоваться... Неужели же намъ и вправду такъ и полагается отступать тамъ, гдѣ трудно, себя только беречь и о себѣ заботиться?.. Ежели такъ, то не стоитъ и жить на свѣтѣ!..

Голосъ Градусова задрожалъ и глаза его затуманились слезами.

— Я не отговариваю тебя,—отвѣчалъ Ворсиловъ такъ, какъ будто они уже давно были на „ты“,—только говорю: трудно это! Ты берешь на себя подвигъ, можетъ быть, труднѣйшій, чѣмъ монашескій. Вотъ только что я хочу сказать.

— Ну, ладно; все же я его возьму—Богъ не оставитъ. Я и самъ не знаю хорошенько, какъ буду жить и что со мною будетъ—право, такъ!—только... я—хоть это и странно—бываетъ иногда, слышу какой-то голосъ, который меня зоветъ къ этому...

— Если зоветъ—иди!

Ворсилову вдругъ припомнилось одно изъ стихотвореній Градусова; глядя въ кроткое и правдивое, одушевленное чисто дѣтскимъ чувствомъ рѣшимости и вѣры, лицо своего друга, онъ почему-то мучительно жалѣлъ его...

Они простились и крѣпко обнялись, облобызавъ другъ друга.

М. А—новъ.

І. Л. РУНЕБЕРГЪ

И

ЕГО ПОЭЗІЯ

Памяти финскаго поэта, по поводу совершившагося столѣтія со дня его рожденія:
род. 5 февраля 1804 г., ум. 6 мая 1877 г. ¹⁾.

....Какъ же имѣ, сосѣдямъ, не мѣняться
Свѣтомъ знанья, свѣтомъ дарованій?
Пусть, какъ волны Финскаго залива
Съ синевою Балтики слилися,
Такъ живое слово и наука
Съ береговъ ихъ на одинъ алтарь
Золотыхъ плодовъ кошницы сносятъ!
Францезъ.

При чтеніи твореній такого поэта, какъ Рунебергъ, каждый финнъ переживаетъ то душевное настроеніе, которое такъ художественно выражено нашимъ Тургеневымъ въ одномъ изъ его

¹⁾ Въ нашихъ газетахъ были помѣщены подробности чествованія памяти Рунеберга въ гельсингфорскомъ университетѣ, 23 января (5 февраля). Между многочисленными телеграммами, полученными въ этотъ день изъ Германіи, Франціи, Англіи и др., была также телеграмма и отъ нашей Академіи наукъ, слѣдующаго содержанія:
„Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, присоединяется къ чествованію памяти Рунеберга, поэта родной своей природы и родного быта, чья пѣсня, обновленная свѣжими звуками народной финской и сербской поэзіи и когда-то встрѣченная критикой академіи и фосфористовъ, проложила себѣ путь въ европейскую поэзію“.

превосходныхъ „стихотвореній въ прозѣ“: „Въ дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты мнѣ одинъ поддержка и опора“... Рунебергъ завѣщалъ финскому народу свою поэзію, какъ драгоценный источникъ чистой жизни, изъ котораго потомство можетъ черпать нравственныя силы. Его произведенія проливаютъ и теперь благотворный свѣтъ на страну, которую онъ такъ любилъ и для которой онъ столько потрудился.

Рунебергъ принадлежалъ къ сонму тѣхъ поэтовъ, которые останавливаются охотнѣе на изображеніи всего того, что составляетъ въ жизни область возвышеннаго, счастливаго; и это въ значительной мѣрѣ обусловливается характеромъ самого народа, въ свою очередь зависящимъ отъ совершенно исключительныхъ причинъ этнографическихъ и историческихъ.

Народъ этотъ не великъ, онъ не разбросанъ на большомъ разстояніи, а потому поэтъ видѣлъ его постоянно передъ собою, бесѣдовалъ съ нимъ непосредственно, да и самъ онъ вышелъ изъ народа. Вотъ почему его поэзія сдѣлала финскій народъ болѣе способнымъ предаваться серьезнымъ думамъ относительно задачъ національнаго саморазвитія, во имя, однако, развитія общечеловѣческаго.

Рунебергъ измѣнилъ, такимъ образомъ, литературныя вкусы, литературныя привычки своихъ современниковъ. Онъ придалъ финской поэзіи новую свѣжесть, простоту, естественность. Впервые выступаетъ у него идея непосредственности воспроизведенія природы и жизни безъ всякихъ прикрасъ. Его поэзія, правда, не содержитъ отвѣтовъ на тѣ всеобъемлющіе вопросы челоуѣческаго духа, которыми величайшіе творческіе гении терзались въ поискахъ за ихъ рѣшеніемъ; но зато во всѣхъ его произведеніяхъ свѣтитъ чистая душа, въ которой природа и люди отражаются, какъ въ свѣтломъ зеркалѣ. Рунебергъ—не могучій міровой поэтъ, но онъ тѣмъ не менѣе движетъ сердца миногда обаятельными ныхъ великановъ-поэтовъ; стоя въ тѣсной связи съ народомъ, иди въ то же время впереди его, ведя его за собою по пути духовнаго развитія, онъ вносилъ и въ сокровищницу міровой поэзіи большую долю правды, красоты, добра. Когда послѣ чтенія какаго-нибудь великаго всемірнаго поэта, задумавшагося надъ неразгаданными тайнами, переходишь къ поэзіи Рунеберга, то, кажется, спускаешься съ горныхъ вершинъ, откуда едва различаешь людей,—въ очаровательную долину, гдѣ вращаешься среди милыхъ, простыхъ существъ, не мудрствующихъ лукаво, гдѣ дышишь свѣжестью и прохладю природы, гдѣ радуешься своему существованію и ощущаешь жизнь вокругъ себя...

I.

Уже въ ранней поэзіи Рунеберга замѣчается броженіе художественныхъ идей, полусознательное творчество, игра страсти, подъемъ чувствъ, перемежающійся проявленіемъ жизнерадостности бодрого и смѣлаго юноши; затѣмъ, слѣдуетъ сосредоточенное раздумье о судьбахъ родины; наконецъ, чувствуется твердая вѣра въ нравственныя силы окружающей его среды: таковы три главныхъ момента, послѣдовательно обнаруживавшихся въ поэзіи Рунеберга, въ связи съ тремя фазисами собственнаго его развитія. Надъ всѣмъ этимъ объединяющимъ началомъ свѣтитъ мысль о благѣ, мысль о счастіи соотечичей, дѣляемая имъ съ малыхъ лѣтъ, зрѣвшая въ немъ вмѣстѣ съ сильною волею, которая въ свою очередь закалялась условіями личной жизни.

Жизнь эта съ внѣшней стороны не сложная—вся она долго проходитъ въ борьбѣ за существованіе; нужда, иногда голодъ, всегда бѣдность; но никогда онъ не жалуется, не ропщетъ, и даже съ юморомъ рассказываетъ о вынесенныхъ имъ невзгодахъ и несбывшихся надеждахъ. Какъ позже, въ дни славы, когда онъ стоялъ очень высоко, его не соблазняло величіе, такъ и въ первую пору молодой, но сознательной и дѣятельной жизни, его не унижало ощущеніе гнета отъ бѣдности. Привычка къ бѣдности шла у Рунеберга рука объ руку съ сознаниемъ своей духовной независимости. Когда миновала тяжелая пора матеріальныхъ невзгодъ, онъ попрежнему старался и сумѣлъ сохранить свободу своей совѣсти и независимость духа. Любовь къ родинѣ рано зажгла въ его душѣ поэтической огонь, искреннее вдохновеніе. Уже весьма рано въ немъ сказывается сильное чувство товарищества; въ школьные годы онъ беретъ подъ свою защиту слабѣйшаго товарища. Въ школѣ онъ развиваетъ силу и крѣпость тѣла, ловкость, выносливость; а позже сила тѣлесная соединится съ силою духовною и нравственною и сдѣлаетъ его человекомъ непоколебимыхъ убѣжденій, смѣлымъ, стойкимъ, прямымъ.

Рунебергъ никогда не былъ пѣвцомъ скорби, если не считать изображенія мимолежнаго чувства разочарованія въ одномъ изъ раннихъ произведеній періода его „Drang und Sturm“; объяснять же отсутствіе скорбныхъ мотивовъ можно именно тѣмъ, что въ его воображеніи вѣчно рисовались образы будущей счастливой жизни родины. Во всякомъ случаѣ, его цѣльная, здоровая, крѣпкая натура, врожденныя силы инстинктивно давали отпоръ

всему, что могло мѣшать развитію въ немъ дара поэтическаго въ сторону воспроизведенія всего жизнерадостнаго. Этому въ значительной степени содѣйствовалъ, вѣроятно, и характеръ семейной жизни, особенно характеръ матери его, женщины жизнерадостной, умѣвшей иногда пѣніемъ разгонять тоску отъ невгодъ жизни, а также и отца, смѣлаго моряка, привыкшаго глядѣть смѣло впередъ во всякую бурю.

II.

Ясное представленіе о первыхъ произведеніяхъ Рунеберга, въ которыхъ съ опредѣленностью выступаетъ характеръ настроенія юноши-поэта, могутъ дать его лирическія стихотворенія. Очень разнообразны мотивы этой поэзіи, но по той или другой категоріи можно легко судить объ остальныхъ. Остановимся на тѣхъ, гдѣ выражается чувство любви на разныхъ его стадіяхъ; по этимъ небольшимъ прелестнымъ произведеніямъ можно бы, казалось, воспроизвести цѣлую исторію сердца. То это какъ будто цѣлый романъ, то отрывокъ изъ романа, говорящій о мукахъ любви, о жертвѣ, принесенной довѣрчивостью, о разбитой жизни; или о жизни, полной надеждъ и очарованій, а иногда—напрасныхъ ожиданій. Вотъ, напр., стихотвореніе, въ которомъ даются отвѣты дочери на вопросы матери, отчего у первой послѣ всякой прогулки то руки красны, то губы красны, а щеки такъ блѣдны; на первый вопросъ дочь отвѣчаетъ:— „Я розы, видишь, срывала, о шипы, знать, задѣла немножко“; на второй вопросъ:— „Ходила я за малиной, такъ въ соку, вѣрно, окрасила губы немножко“; на третій:— „Охъ, дорогая, блѣдны-то, блѣдны!“—и прибавляетъ:

„Рой мнѣ яму, законай поглубже,
Крестъ поставь, да на крестѣ томъ вырѣжь:
—Разъ она изъ роци воротилась,
Воротилась съ красными руками,
До красна своими жалъ ихъ милый!
Какъ еще изъ роци воротилась,
Воротилась съ красными губами:
Горячо такъ цѣловать ихъ милый!
Въ третій разъ изъ роци воротилась,
Воротилась съ блѣдными щевами:
Позвобилъ измѣною ихъ милый“¹⁾.

¹⁾ Переводъ В. Авенаріуса.

Вотъ другая пѣсня, граціозная, въ высшей степени простая, но полная трагизма борьбы молодого любящаго существа и страдавшаго нѣжнаго сердца, бессильнаго повиноваться голосу разсудка:

Три совѣта дала мать дочери своей:
 Не вдыхать, не тосковать
 И не цѣловаться съ парнемъ.
 —Матушка, хотъ и послушаюсь,
 Послушаюсь въ одномъ совѣтѣ;
 Но въ двухъ первыхъ слушаться нѣтъ мочи.

Еще изящнѣе, еще граціознѣе и проще изображеніе вдругъ пробивающейся въ сердце любви,—превосходная иллюстрація Тургеневскаго анализа любви, по которому въ ней „все тайна: какъ она приходитъ, какъ развивается, какъ исчезаетъ; то является она вдругъ, несомнѣнная, радостная, какъ день, то долго глѣбеть, какъ огонь подъ золой, и пробивается пламенемъ въ душѣ, то вползетъ она въ сердце какъ змѣя....“ Стихотвореніе и носитъ названіе: „Любовь“.

Мать бранила дочку:—„И зачѣмъ я
 Отъ любви спасти тебя старалась?
 Весь мой трудъ пропалъ, какъ поглажу я!“
 Дочь въ отвѣтъ ей:—„Выслушай, родная!
 Отъ него на ключъ я запералась—
 Онъ въ окошко входитъ вмѣстѣ съ солнцемъ;
 Отъ него я въ поле убѣгала—
 Онъ по вѣтру вздохъ свой посылаетъ;
 Я глаза и уши закрывала—
 Онъ же, плутъ, стучится прямо въ сердце“¹⁾.

Вотъ еще поэтическая иллюстрація психологическаго анализа появленія любви, о которой Тургеневъ говоритъ, что она „обыкновенно овладѣваетъ человѣкомъ безъ спроса, внезапно, противъ его воли“:

Пятнадцать лѣтъ ужъ парню миновало,
 А парень и не чувствуетъ, что есть любовь на свѣтѣ;
 Еще пять лѣтъ онъ прожилъ, и все еще не знаетъ,
 Что есть-таки любовь на свѣтѣ.
 А вотъ пришлось ему красавицу увидѣть,
 И въ нѣсколько часовъ онъ научился
 Тому, чего онъ двадцать лѣтъ не вѣдалъ.

„Любовь даже вовсе не чувство, она—болѣзнь, извѣстное состояніе души и тѣла; она не развивается постепенно..... съ ней нельзя хитрить.....“ Таки разсуждаетъ о приступѣ любви

¹⁾ Переводъ Н. Новича.

Тургеневъ; а вотъ какъ изображаетъ этотъ моментъ ея Рунебергъ въ замѣчательномъ стихотвореніи, написанномъ въ народномъ духѣ, отчасти подъ влияніемъ славянской поэзіи (сербской), отразившейся вообще на его лирикѣ. Статный и могучій, „какъ утесъ, поросшій елью крѣпкой“, Паво вытѣкаетъ изъ толпы силача, который былъ бы въ состояніи удержать его на мѣстѣ хоть одно мгновеніе, такъ,—

Чтобы подъ его рукой могучей
 Ни на шагъ не могъ сойти я съ мѣста!
 Пусть беретъ мою избу съ землею,
 Пусть беретъ моихъ коровъ молочныхъ,
 Пусть беретъ моихъ коней ретивыхъ,
 Я же самъ слугою ему буду
 И душой, и тѣломъ до могилы!

Толпа въ недоумѣніи; парни молчатъ и поникли головою; дѣвушки съ любовью смотрятъ на него, а самъ онъ,—

Онъ стоитъ, какъ дубъ среди лѣсочка,
 Какъ сосна среди кустовъ ольховыхъ,—

и посмѣивается въ сознаніи своей несокрушимой силы...

Но вотъ вышла молодая Айна
 Изъ толпы, какъ ясная денница,—
 И подходитъ прямо къ Ойонъ Паво,
 Обвилась вокругъ него руками
 И щекой къ щекѣ его прильнула,
 Поглядѣла ему прямо въ очи
 И сказала: „Сбрось мои оковы!“
 Но стоитъ покорно сильный Паво
 И не можетъ двинуться онъ съ мѣста.
 Но потомъ сказалъ онъ, наклоняясь къ Айнѣ:
 „Айна, Айна! Мой закладъ потерянь,
 Такъ бери жъ мою избу съ землею!
 Такъ бери жъ мои стада и деньги!
 Я же самъ слугою тебѣ буду
 И душой, и тѣломъ до могилы!“ ¹⁾

Въ другихъ стихотвореніяхъ Рунеберга передается тоска ожиданія; „длинный день“ кажется дѣвушкамъ ползучимъ: является у нея неодолимость соблазна отъ настойчивыхъ просьбъ юноши пустить его къ ней:

Три длинныхъ вечера подрядъ
 У окна ея просился парень,
 Просить, молить, чтобъ его пустила.

¹⁾ Переводъ ** сдѣланъ очень близко къ подлиннику.

Первый вечеръ—брань лишь и угрозы;
 Во второй—мольба да рѣчи;
 Въ третью ночь—окошко отворилось.

Есть пѣсни, гдѣ слышится горестное предчувствіе намѣны и робкая мольба не разбивать сердца. Одно такое стихотвореніе переведено, но оно много теряетъ въ существующемъ переводѣ; зато образъ такъ поэтиченъ, что и въ слабой передачѣ все-таки сохраняется прелесть его; оно носить заглавіе: „Не мутн души дѣвичей“:

Мила дѣвушка однажды
 Пожики бѣлыя въ ручьи,
 А надъ ней запѣла птичка:
 —„Не мутн воды хрустальной!
 Вѣдь ручей мой переставеть
 Сводъ небесный отражать!“
 Подпала она къ пѣвунѣ
 Очи, мутныя отъ слезъ:
 —„Не тревожься ты, малютка,—
 Вновь ручей твой прояснится!
 Но когда меня ты ночью
 Вмѣстѣ съ юношей увидишь,
 Го ему тогда пропѣй:
 —„Не мутн души дѣвичей!
 Ей не стать вѣдь снова ясной
 И небесъ не отражать!“¹⁾

Иной характеръ носить у Рунеберга любовь мужчины—въ ней уже меньше идеализма, нѣжности, самоотверженія; большая доля примѣси чувственности и эгоизма. Такъ, напр., „Затруднительный выборъ“ напоминаетъ нѣсколько Гейневское: „Ich weiss nicht, welche soll ich lieben, da Beide liebenswürdig sind“.

Глазу я на дѣвушекъ милыхъ
 И тщательно ихъ изучаю;
 Я лучшую выбрать хотѣлъ бы,
 Но все нахожусь въ затрудненьи:
 У первой—прелестныя глазки;
 Вторая зато посвѣжѣ;
 У третьей—румяныя губки;
 Четвертая—сердцемъ помягче;
 И нѣтъ ни одной, отъ которой
 Я могъ бы легко отказаться,—
 Во всякой особая прелесть!
 О, еслибъ обнять ихъ всѣхъ сразу!²⁾

¹⁾ Переводъ Пр. Б.

²⁾ Переводъ Н. Новича.

Въ другомъ стихотвореніи слышится отъѣвнокъ расчетливости, нѣкоторой доли хитрой преднамѣренности, при искренней любви, и счастье отъ нея:

Горько плача надъ лихою долею,
 Къ жениху красавица припала:
 „О, мой милый! отъ пожара ночью
 У меня сгорѣли домъ и стадо—
 Все, что было у меня на свѣтѣ!“
 Онъ же втайнѣ ликовалъ и думалъ:
 „Пусть ей домъ сожгло пожаромъ: вдвое
 Домикъ мужа будетъ ей мигѣ;
 Пусть у ней сгорѣло стадо: вдвое
 Стадо мужа дастъ ей утѣшеня;
 Пусть всего она лишилась: вдвое,
 Вдвое самъ я буду ей дороже!“¹⁾

Всѣ эти отрывки даютъ только нѣкоторое представленіе о богатствѣ и разнообразіи моментовъ чувства любви, изображаемыхъ поэтомъ, о естественности и правдивости, объ отсутствіи всякой аффектаціи, о наблюдательности надъ проявленіями жизни души. Всѣ они подымаютъ необыкновенной простотой формы и легкостью концепціи. По переводу нельзя, разумѣется, судить о присутствіи народности при воспроизведеніи общечеловѣческихъ сторонъ; но знающіе шведскій языкъ замѣтятъ въ оригиналѣ множество чертъ, характеризующихъ финна, въ частности финскаго крестьянина.

Приведемъ еще нѣсколько другихъ стихотвореній изъ категоріи мелкихъ произведеній, гдѣ народность выступаетъ во всей красотѣ, даже и въ переводѣ. Въ этихъ лирико-эпическихъ произведеніяхъ сказывается, между прочимъ, именно тотъ мотивъ, который становится основнымъ, преобладающимъ во всей дальнѣйшей дѣятельности Рунеберга: сочувствіе къ характеру отношенія финна къ своей землѣ, къ природѣ и къ людямъ своей страны. Вотъ, напр., „Крестьянскій парень“, „Воинъ и Крестьянинъ“ и „Паво“. Первое стихотвореніе передаетъ, какъ работникъ усталъ отъ непосильной работы; она его изнуряетъ, истощаетъ силы:

Лишь кору я ѣлъ зимой
 И только воду пилъ,—

говорить онъ, а потому замышляетъ поискать работы въ другомъ приходѣ; на трудъ онъ „гораздъ“; можетъ быть, тамъ

¹⁾ Переводъ В. Авенаріуса.

люди дадутъ ржаного хлѣба, или, думаетъ онъ, не пойти ли въ городъ, гдѣ люди щедрѣе...

Но такъ ли съ горъ тамъ глѣсъ шумить,
Дрожа въ морскихъ водахъ?...
И такъ ли солнце днемъ горитъ,
И такъ ли спитъ въ волнахъ?
Цвѣтушій есть ли тамъ лужокъ,
Сосновый боръ густой?

И онъ не долго колеблется въ выборѣ между своимъ роднымъ и чужимъ; онъ остается дома въ надеждѣ на то, что, —

Быть можетъ, нашъ народный стонъ
Услышитъ Богъ сиротъ... ¹⁾

Въ другомъ стихотвореніи: „Воинъ и Крестьянинъ“, въ селянину входитъ старый воинъ безъ ноги, опираясь на костыляхъ. Селянинъ спрашиваетъ его, каково ему, когда „гремятъ пальба и ядра свищутъ“?—и воинъ отвѣчаетъ тихо:

Какъ тебѣ, когда порой осеней
Градъ свиститъ и молнія сверкаетъ,
Ты же съ нивъ уносишь хлѣбъ для кровныхъ“ ²⁾.

Это прекрасное сравненіе, этотъ простой отвѣтъ даетъ яркую картину смиренія передъ мощными силами природы, съ которыми напрасно вступать въ борьбу, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно рисуетъ сочувствіе силѣ любви къ родинѣ, къ ближнему, какая живеть въ финнѣ вопреки всѣмъ невзгодамъ.

Это стихотвореніе составляетъ какъ бы дополненіе къ другому, — „Паво“, гдѣ наглядно представлены и вся неравная борьба между человѣкомъ и природой, и зависимость, хорошо сознаваемая труженикомъ, пытающимся, однако, совершить все, что дается ему его волею и его средствами.

Въ глубинѣ глѣса, —разсказывается въ этомъ болѣе объемистомъ изъ мелкихъ произведеній, —обработывалъ свою землю крестьянинъ Паво и „ѣлъ съ семьей въ потѣ лица свой хлѣбъ“. Насталъ ужасный годъ: весна на половину сгубила озимь вслѣдствіе быстро стаявшаго снѣга; лѣтній ливень съ градомъ уничтожилъ колосъ; осень взяла послѣдки, и вотъ голодъ—приходится по міру идти.

¹⁾ Переводъ В. Головина.

²⁾ Переводъ Я. Грота.

„Испытуетъ Богъ, не покидаетъ“,—такъ старается утѣшить жену старикъ;—„ты возьми коры на половину, да скорѣе къ хлѣбу примѣшай; я канавъ нарою вдвое больше“. Продавъ онъ овецъ, посѣялъ рожь;—но опять тоже горе, что и въ прошедшемъ году: градъ и ливень лѣтомъ, осенній холодъ—уничтожили все. Горько плачетъ старуха:

„Смерть страшна, но жизнь еще страшнѣе“...

Снова успокоиваетъ ее мужъ:

„Ну, теперь возьми коры ты вдвое!“

Вдвое шире мужъ роетъ канавы; продавъ онъ и коровъ, снова рожь посѣялъ, и теперь—удача!

На колѣни палъ старикъ, отъ избытка счастья; молится въ радости старуха и уже готовится оставить жесткую кору и спечь изъ цѣльной ржи хлѣбъ свой,—но—

Мужъ жену взялъ за руку и молвилъ:
„Только тотъ и стоекъ въ испытаньи,
Кто въ бѣдѣ не покидаетъ ближнихъ!
Вновь возьми коры на половину
Да скорѣе къ хлѣбу примѣшай-ка...
Вонъ—померала жатва у сосѣда“¹⁾.

Читатель видитъ, какъ восторгается самъ поэтъ привязанностью финна къ родному своему пепелищу:—въ первомъ стихотвореніи этой основной чертѣ народа онъ придаетъ особенное значеніе; во-второмъ — осязательно представлено счастливое чувство довольства отъ сознанія исполненнаго долга; это—другая основная черта финна, которая позже занимаетъ наиболѣе видное мѣсто въ поэзіи Рунеберга; наконецъ, въ третьемъ стихотвореніи обрисована мужественная сила, безмѣрное терпѣніе, выдержка смиренія, способность перенесенія лишеній, доходящая до героизма, въ связи съ потребностью откликаться на чужое горе,—все это черты характера, подмѣченныя Рунебергомъ въ его народѣ, и воспроизведенныя имъ съ правдивостью истиннаго народолюбца.

Рунебергъ, въ первую пору своего творчества, еще платилъ нѣкоторую дань, какъ отмѣчено выше, приемамъ поэтическимъ, бывшимъ тогда въ ходу: неестественныя страданія и муки сердца, небывалыя страсти и преувеличенное горе, романтическія грезы и фантастическія похождения; но платилъ онъ эту дань не долго. Стихотвореніе, извѣстное подъ именемъ: „Ночи ревности“,

¹⁾ Переводъ В. Головина.

свидѣтельствуемъ о томъ, что поэтъ не избѣгъ посторонняго вліянія. Герой у Рунеберга не знаетъ покоя отъ мукъ, вызванныхъ тѣмъ, что женщина, которую онъ любилъ, которою былъ самъ любимъ, стала женою другого. Онъ ищетъ чего-то, проситъ бури, бросается съ одного мѣста въ другое, — наконецъ, встрѣчаетъ ее снова, но уже душевно больною отъ поисковъ за нимъ. Въ его объятіяхъ она приходитъ въ себя, однако для того только, чтобы возвратиться къ мужу. Но она уже окончательно надломлена, и вскорѣ онъ находитъ примиреніе — на ея могилѣ.

Нельзя, впрочемъ, отрицать въ этомъ довольно объемистомъ стихотвореніи проявленія крупной творческой силы, просившейся наружу; она проливается пламенною страстью, горячимъ воображеніемъ, но далеко не выдержана: вездѣ одни порывы пессимистическаго настроенія, вовсе не соответствующіе природѣ творчества поэта.

III.

Перейдемъ къ поэтической дѣятельности Рунеберга во второмъ ея періодѣ: она именно и создала ему славу на скандинавскомъ сѣверѣ. Въ эту отдаленную отъ насъ эпоху умы были подавлены, какъ бы застыли, и принуждены были замкнуться въ весьма тѣсный кругъ идей и образовъ. Страхъ создаетъ безсиліе, безсиліе боится всякой новизны, и въ извѣстныхъ сферахъ вызываетъ одно самодовольство. Въ области поэтическаго творчества искали тогда больше всего удовольствія, развлеченія, и этимъ принижали ее. Въ лучшемъ случаѣ, изображались личныя ощущенія, но и въ нихъ не было ни силы, ни мысли, ни оригинальности.

Въ эту пору выступаетъ Рунебергъ съ иными воззрѣніями; задача художника, по его мнѣнію, состоитъ въ выраженіи того, что непосредственно взято изъ міра чувствъ и міра мысли. Блестящая сила наблюдательности, при громадномъ воображеніи, открывала ему природу его страны и людей, любить которыхъ онъ пріучился съ малыхъ лѣтъ. Его образы были уже не игрою восторженной фантазій и мечтаній авторскихъ, — это были добросовѣстные творенія, созданныя на основѣ тщательныхъ наблюденій и тонкаго пониманія своихъ соотчичей. Онъ былъ принципиальнымъ врагомъ всякихъ интригъ съ воображаемыми лицами, вмѣсто живыхъ людей, съ красивыми вымыслами и придуманными страданіями. Въ критическихъ своихъ статьяхъ о поэтическомъ творествѣ Рунебергъ нападалъ даже на главу романти-

ческой школы, Гюго, и на все направление шведской литературы, съ знаменитымъ Тегнеромъ во главѣ. Онъ не одобрялъ отсутствія единства мотива, отсутствія цѣльности въ построении произведенія. Онъ дѣлалъ имъ упреки въ пренебреженіи основными условіями искусства: естественностью и правдивостью изображенія. Ему были противны и чужды пристрастія къ эффектамъ и всякимъ ужасамъ, съ цѣлью производить желаемое впечатлѣніе. Онъ не придаетъ значенія полутемнымъ намекамъ и выраженіямъ,—вообще, онъ врагъ всего фальшиваго, преувеличеннаго, всего, чего не знаетъ дѣйствительность. Въ поэзи ему дорога, какъ и въ наукѣ, настоящая, неприкрашенная правда. Сюжеты онъ беретъ изъ жизни, въ ней онъ почерпаетъ вдохновеніе.

Въ Рунебергѣ прежде всего выступаетъ его оригинальная сила, не наблюдаемая до него на всемъ скандинавскомъ сѣверѣ—это, именно, воспроизведеніе природы. Его поэзія съ удивительною простотою и непринужденностью передаетъ всю красоту тѣхъ скромныхъ мѣстъ, которыя нужно было такъ любить, какъ ихъ любилъ поэтъ, чтобы рисовать художественно. Товарищи Рунеберга по охотѣ, которую онъ страстно любилъ, по рыбной ловлѣ, до которой онъ также былъ большой охотникъ, по лѣтнимъ экскурсіямъ, которыя онъ часто дѣлалъ,—рассказываютъ въ своихъ воспоминавіяхъ, какимъ дивнымъ сіяніемъ свѣтились глаза его, какъ преображалось все лицо его, когда повѣтъ на него тишиною лѣса, когда онъ смотритъ на зеркальную поверхность воды, или когда его остановитъ явленіе, сопровождающее восходъ и закатъ солнца. „Nog är detta vackert“,—скажетъ онъ только, вздыхая,—но это „com'è bello“, выражающее верхъ восторга итальянца, обозначало всю невыразимую силу чувства сдержанной натуры, испытываемаго отъ созерцанія и дѣйствія на него явленій природы. Вотъ образецъ описанія мѣстности Саариярви, сдѣланнаго Рунебергомъ въ одномъ изъ его прозаическихъ очерковъ:

„Приходъ Саариярви богатъ красотою природы, какъ и большая часть внутренней Финляндіи. Ничто не дѣйствуетъ на душу сильнѣе этихъ неизмѣримыхъ первобытныхъ лѣсовъ. Ходишь по нимъ—словно очутился на днѣ морскомъ, гдѣ царствуетъ вѣчная однообразная тишина, и только высоко надъ головою шумитъ вѣтеръ въ вершинахъ елей да въ подоблачныхъ вершинахъ дивныхъ сосенъ. Мѣстами попадаетъ лѣсное озеро—точно спускъ въ подземное царство—съ крутыми берегами, окаймленное деревьями; оно недоступно вѣтру, и ничто не колеблетъ его зеркальную поверхность; только плеснетъ оунъ, да

проплыветъ одинокій нырокъ. Глубоко подъ ногами стелется отраженное небо; оно еще безмятежнѣе горняго неба, — и тихо все, и точно стоишь у входа въ вѣчность, и точно боги и духи окружаютъ тебя, и какъ будто видишь ихъ, и какъ будто вотъ-вотъ уловишь ихъ шопотъ. А тамъ вдали слышится журчанье ручья. Идешь на зовъ; кажется, вотъ-вотъ онъ близѣхонько, — но передъ тобою стелется одинъ верескъ, да ряды сосенъ тамъ да сямъ, и потомъ ужъ, на нѣкоторомъ разстояніи, на противоположной сторонѣ, показываются верхушки березъ, а затѣмъ берегъ, а тамъ ужъ блескъ воды между листьевъ; правой рукой обопрешься о стволъ одной березы, лѣвой ухватишься за верхнія вѣтви другой, и безопасно спустишься внизъ. У самаго ручья видишь надъ собою узкую, въ нѣсколько саженой полосу неба, а по обѣимъ сторонамъ — непроницаемую гущу стволовъ и листьевъ. Наконецъ, послѣ долгихъ странствій, все тѣми же соснами да елями достигаешь опушки лѣса, и взорамъ представляется вдругъ, какъ будто волшебствомъ, разнообразнѣйшая картина: рядъ озеръ съ зелеными островами, мысы, рѣки, поля, холмы. Удивительное богатство тѣней, смѣнь свѣта и тьмы! Взоръ охватываетъ ихъ одновременно — отъ черныхъ елей болотной низины до сосноваго лѣса, который высится за нимъ, и березъ, которыя красуются вокругъ дальней горы, и снизу, и съ боковъ ея. Вся эта картина принимаетъ видъ еще болѣе очаровательный, когда солнце играетъ лучами, мѣняя тѣни отъ проходящихъ облаковъ“ ...

По всему видно, что это — плодъ непосредственнаго творчества даровитаго поэта. Онъ словами рисуетъ, какъ художникъ кистью, — передъ нами пространственныя отношенія, которыя такъ рѣдко поддаются описанію художественному. Но подробныхъ описаній Рунебергъ обыкновенно не дѣлаетъ; нѣсколько штриховъ болѣе характерныхъ для пониманія картины въ цѣломъ, господствующее настроеніе, по необходимости создаваемое даннымъ моментомъ — и читатель получаетъ превосходное представленіе поэта о красотахъ, попутно имъ воспѣваемыхъ, — а человекъ для Рунеберга — начало и конецъ творчества. Онъ не изъ тѣхъ художниковъ, которые надѣляютъ природу своими чувствами и своими мыслями; онъ видитъ красоту въ ней самой, а также гармонию, и рисуетъ ее такъ, какъ обнаруживаетъ она сама себя. „Никакое искусство не восполнить и не изувраситъ природу“, — рассуждалъ Рунебергъ теоретически, а на дѣлѣ показалъ, что и незачѣмъ украшать ее, — она красива сама по себѣ. Онъ — поэтъ дѣйствительности, и особенно въ случаѣ изображенія животныхъ и растений, моря и неба, журчанья ручья

и шума вѣтра; поэтому онъ ихъ не олицетворяетъ и не навязываетъ имъ чертъ изъ характера жизни человѣка. Сходство между жизнью природы и жизнью человѣка онъ подчасъ и усматриваетъ, но мистическихъ бредней не создаетъ.

Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что лѣтомъ онъ всегда „жилъ съ природой жизнью одною“, въ полномъ смыслѣ слова; работалъ онъ мало, вѣрнѣе сказать, вовсе не писалъ, а пускалъ въ ходъ весь запасъ силъ на наблюденіи, на ознакомленіе съ окружающимъ. Не подлежить сомнѣнію, что природа была поэтому его воспитательницею и учительницею; отъ нея онъ научился и тому мужественному тону изображенія, который слышится повсюду, тону безъ сентиментальностей, которыя замѣчаются у многихъ поэтовъ его времени. Самосознаніемъ и мощью дышать даже элегіи, когда въ нихъ выражается чувство смиренія передъ неодолимыми препятствіями или условіями жизни; въ нихъ всегда—бодрая надежда на лучшее будущее. Онъ сознаетъ, напр., что, человѣку не разрушить финскихъ скалъ, не замѣнить ихъ черноземомъ, не смягчить грозныхъ морозовъ, уничтожающихъ годовой трудъ поселянна, трудъ его въ потѣ лица. Въ борьбѣ съ этими силами не устоятъ человѣку; но отказываться отъ борьбы, съ цѣлью отвоевать въ пользу жизни хоть что-либо, человѣкъ не долженъ. Отсюда—изображеніе сильныхъ характеровъ, созданныхъ самою природою Финляндіи; отсюда же—изображеніе красоты, представляющей въ гармоніи между природою и человѣкомъ, при всемъ кажущемся ихъ антагонизмѣ. Въ произведеніяхъ Рунеберга эта сторона особенно поражаетъ читателя. Встрѣчаются и типы безстрастные, но они таковы только съ виду. Бѣдность и стѣсненіе, въ которыхъ живетъ финнъ, заставили его войти вглубь себя, а потому и душевныя силы дѣйствуютъ внутрь, рѣдко и слабо обнаруживаясь дѣломъ,—вотъ потому терпѣливость, кротость, свойственныя финну, встрѣчаются часто въ образахъ Рунеберга. Финнъ съ виду иногда мало способенъ, какъ будто даже тупъ, негоденъ для дѣятельности, требующей живости, подвижности; но сквозь эти мало привлекательныя для другихъ націй черты просвѣчиваетъ часто душа, готовая на подвиги самоотверженія. Заботы о пропитаніи, непрерывно гнетущія обитателя скупой земли, не позволяютъ ему самому предаваться живой радости; все наслажденіе его—сонъ и покой, а отсюда и вялость, кажущееся равнодушіе. Но понять красоту и значеніе изображенныхъ Рунебергомъ типовъ можно только при анализѣ бросающагося въ глаза явленія,—народной честности и развитаго въ высшей степени чувства личности. Эти

типы особенно ярко представлены въ трехъ произведеніяхъ Ру-неберга, съ которыми слѣдуетъ ознакомиться ближе, чтобы оцѣнить его какъ народнаго писателя и какъ знатока народной жизни: „Охотники за лосями“ (Elgskyttarne), „Ганна“ (Наппа) и „Рождественскій вечеръ“ (Julkvällen). Содержание всѣхъ трехъ составляютъ: бытъ, нравы, воззрѣнія финскаго народа и всѣхъ слоевъ населенія страны на различные вопросы жизни.

Въ первой изъ этихъ тѣмъ разсказывается простая исторія сватовства къ деревенской красавицѣ, привлекающей къ себѣ множество жениховъ. Приготовленіе къ охотѣ служить поводомъ начала сватовства, а появленіе охотниковъ въ деревнѣ, гдѣ охота должна происходить, сопровождается множествомъ отдѣльныхъ эпизодовъ, объединенныхъ вмѣстѣ обстановкой жизни крестьянства, въ высокой степени художественно представленной. Самая охота составляетъ только одинъ изъ наименѣе значительныхъ моментовъ повѣсти, происходящихъ даже не передъ глазами читателя, и введена затѣмъ лишь, чтобы дать событію сватовства совершиться. Многіе полагаютъ, что въ первоначальномъ своемъ видѣ разсказъ заключалъ подробное описаніе охоты, которое составляло, вѣроятно, по себѣ художественное цѣлое. Происходитъ состязаніе жениховъ; связанныя съ этимъ проявленія страстей, торжество одного, зависть и злоба другихъ, радость и гордость родныхъ, затѣмъ свадьба со всѣми связанными съ нею обрядностями и увеселеніями, плясками, толкотней, виномъ, развязывающимъ языкъ даже тому, кто бываетъ угрюмъ, важенъ и молчаливъ. Поэма состоитъ изъ большихъ девяти пѣсней—и передать содержаніе ихъ очень трудно, въ виду отсутствія такъ называемой сложной интриги; весь интересъ заключается въ описаніяхъ. О художественной силѣ поэмы можно судить по одному тому, что по прочтеніи ея выносите полную картину внѣшней и внутренней жизни финскихъ крестьянъ. Описаніемъ вечернихъ занятій въ домикѣ торпаря открывается поэма, а затѣмъ идетъ изображеніе дня съ самаго утра. Объ искусствѣ повѣствованія читатель можетъ судить по отрывку, помѣщаемому нами ниже.

Напрасно было бы отыскивать психологическихъ анализовъ въ этомъ произведеніи. Жизнь финна такъ проста, а люди такъ безхитростны, связь же ихъ съ природою такъ близка, что говорить объ индивидуальностяхъ было бы напрасно, какъ напрасно говорить о каждой отдѣльной березѣ и ели, съ которыми вырастаетъ человѣкъ на одной почвѣ. Но общій характеръ типическій воспроизведенъ поэтомъ неподобно, и кто сколько-нибудь знакомъ съ финской деревней—не можетъ не оцѣнить

всей прелести Рунеберговскихъ картинъ и рисунковъ. Заботливая, распорядительная хозяйка, — какъ вездѣ, — хозяйка въ домѣ; дочь — ея помощница, такая же, какъ вездѣ: онѣ хлопочуть, убирають, раскладываютъ, готовятъ, какъ это дѣлается вездѣ и всегда, а все-же передъ нами именно финская хозяйка, финская дѣвушка. Онѣ ходять и двигаются медленно, какъ то свойственно финскому темпераменту; говорятъ неторопливо, съ разстановкой, что лежить въ самой природѣ спокойнаго мышленія; онѣ разсудительны, спокойны и взвѣшиваютъ всѣ обстоятельства дѣла; нѣтъ ни порывовъ, ни суетливости, ни страстности. Хозяйка если выходитъ подчасъ изъ себя, то все-же достоинство не покидаетъ ее ни на минуту, мѣры она не переходитъ. Въ ея характерѣ порядокъ и благоустройство во всемъ внѣшнемъ бытѣ. Удивительно типично изображены невозмутимость и спокойствіе хозяйина семьи, о которой идетъ рѣчь — финна отъ головы до пятковъ; въ немъ оттѣнокъ мягкой лѣни, съ притязаніями на удобства; онъ медлителенъ въ поворотахъ и тяжелъ на подъемъ; скупъ на слова — развѣ вино развяжетъ ему языкъ, — а вмѣстѣ съ этимъ упоренъ и настойчивъ, хотя уступчивъ, гдѣ то нужно. Веселятся и пляшутъ финны также по-своему; сопоставленіе ихъ веселья съ весельемъ художественно выведенныхъ русскихъ (архангельскихъ) воробейниковъ оттѣняетъ ярко характеръ первыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ все широко, размахисто, разудало, безъ удержу; и повадка вся другая, и разговоры иные, и рѣчи молодецкія, безшабашныя, съ оттѣнкомъ грубости, некультурности; а у финновъ все сдержанно, хотя тоже шумно; спокойно, хотя и разгралась душа на радости; отношеніе къ людямъ гуманно и основано на пониманіи христіанской морали и на сознаніи выгодъ для души отъ бережнаго обращенія съ сосѣдомъ, напр., потерявшимъ состояніе, или съ нищимъ, находящимъ кровь въ каждомъ болѣе или менѣе обеспеченномъ семействѣ. И отрицательныя стороны выставлены поэтомъ типично, напр., въ лицѣ злой старухи-ворчуньи; она злится и ворчитъ именно по-фински, безъ ругани, брани, безъ крика и шума, какъ-то сдержанно и сухо.

IV.

Рунебергу приходилось переносить въ жизни всякаго рода непріятности, невзгоды, горя; но мужественная его натура не поддавалась ихъ гнету. Средствъ для облегченія души во время житейской борьбы было много въ немъ самомъ. „Какъ лебедю

свойственно нырнуть, чтобы сполоснуться въ свѣтломъ ручьѣ, такъ человѣку слѣдуетъ переноситься въ свѣтлую дѣтскую пору, чтобы сбросить съ себя тяготы жизненной борьбы“,—говаривалъ Рунебергъ, и въ воспоминаніяхъ своего дѣтства онъ находилъ богатый матеріалъ для поэтическаго творчества, которое служило ему отдохновеніемъ и радостью. Дѣйствительно, источникомъ для его произведеній служили факты, пережитые имъ въ дѣтствѣ и дополненные въ юные годы. Онъ былъ счастливъ въ томъ отношеніи, что его всегда окружали неиспорченные люди, дѣти природы, и сама природа, къ голосу которой онъ охотно прислушивался. Его поэзія, въ которой нѣтъ ничего искусственнаго, такъ какъ она—само искусство, почти вся основана на дѣтскихъ и юношескихъ впечатлѣніяхъ, твердо и живо сохранившихся въ памяти поэта; они только перерабатываются его воображеніемъ, а потому нарисованныя картины врѣзываются въ память читателя въ томъ самомъ освѣщеніи, какое даетъ имъ Рунебергъ; лица, какъ живыя, стоятъ передъ нами: баба-ворчунья, работникъ съ трубкой, важный хозяинъ, нищій, дѣти, гамъ и шумъ при пляскѣ, всѣ тѣ мелочи, которыми бываетъ полна жизнь,—все это у него представлено типично, ярко.

Ко всему этому присоединяются искреннее и легкое вдохновеніе поэта, всегда чистый, изящный языкъ,—изящный, именно простотою своей ¹⁾,—живое и правдивое пониманіе жизни труженниковъ, изображаемыхъ съ нѣжностью и симпатіею во всѣхъ подробностяхъ ихъ ежедневной жизни. Рисуя этихъ людей, безъ предвзятой мысли, какими онъ ихъ видѣлъ и какими ихъ любилъ, Рунебергъ обнаруживаетъ и свое собственное чувство, которое отличается такою же правдивою простотою. Вотъ, напримѣръ, разговоръ нищаго, въ которомъ прелесть душевныхъ движеній не можетъ быть создана и самымъ искуснымъ вымысломъ; нельзя не быть тронутымъ этой наивной поэзіей, полной изліаній, проникающихъ до глубины души ²⁾.

„У меня была въ Соини, —разсказываетъ нищій, —мыза Кангасъ, которая одна стояла четырехъ; много въ ней было лѣсу и полей, было и озеро съ зелеными берегами. Эту мызу наслѣдовалъ отецъ мой вмѣстѣ съ ея молодою хозяйкой, и тамъ спокойно, какъ лѣтній вечеръ, окончилъ онъ свой вѣкъ. Отъ него имѣніе перешло ко мнѣ, и я, въ свою очередь, начиналъ старѣть, живя какъ царь въ своемъ богатомъ Кангасѣ. У меня

¹⁾ Поэмы написаны гекзаметромъ, и мы точно читаемъ Гомера—такъ легко владѣлъ Рунебергъ этимъ любимымъ имъ размѣромъ.

²⁾ Переводъ Я. К. Грота.

были работники за плугомъ и съ топоромъ въ рукахъ; были и работницы; какъ цвѣты росли вокругъ меня ребята утѣшеніемъ своей матери, надеждою моею старости. Годъ за годомъ я платилъ безъ труда тяжелыя подати; были люди, которые мнѣ завидовали, но всѣ меня уважали, пока не пришло несчастье и не уничтожило моей радости. Холодная ночь истребила хлѣбъ, еще не сжатый; хищный звѣрь пожралъ почти все стадо. Такъ прожилъ я съ горемъ зиму. Я занялъ ржи и хотѣлъ осенью заплатить этотъ долгъ; но осенью колосья дали не хлѣбъ, а одиѣ ледяныя иглы. Работники и работницы оставили домъ мой, подати платить было вѣтѣмъ, жизнь требовала хлѣба, а въ печь сохла только кора. Однакожь еще можно было жить кое-какъ, пока уцѣлѣвшія коровы давали молоко, чѣмъ запивали мы хлѣбъ изъ коры, и такимъ образомъ существовали. Наступило Рождество: мы были изнурены, однако еще перемогались. Вотъ, разъ, возвращаясь изъ лѣсу, съ ношей коры на спинѣ, встрѣчаю чужихъ у своихъ дверей. „Пріятель, — сказала одинъ изъ нихъ, — заплати-ка долгъ, коли не хочешь, чтобы съ тебя насильно взыскали его“. Пораженный этимъ, я отвѣчалъ: „Потерпи, почтенный господинъ; я заплачу, когда Господь позволитъ“. Не говоря ни слова, они вошли въ избу, сняли со стѣны какія у насъ были орудія, забрали все, что еще оставалось изъ платья, и снесли въ сани. Добрая жена моя сидѣла въ постели на соломѣ и плакала, видя это; но она молчала и только старалась унять ребенка, который родился за сутки передъ тѣмъ и жалостно кричалъ на ея груди. Я пошелъ взглянуть за жестокими и вынесъ послѣднее, что еще можно было заложить: я былъ равнодушенъ какъ сосна, когда топоры стучать у корней ея. На дворѣ произвели оцѣнку моимъ вещамъ; но онѣ не покрывали половины моего долга. „Пріятель, — сказали мнѣ: — мало; да нѣтъ ли у тебя коровъ на скотномъ дворѣ? Затѣмъ они тотчасъ пошли въ хлѣвъ, гдѣ коровы мычали отъ голода. Ихъ отвязали и начали выводить; бѣдныя животныя сопротивлялись и печально оставляли свои мѣста. Шесть изъ нихъ уже были подведены къ санямъ; седьмая, самая тощая и слабая, никакъ не хотѣла идти, и мнѣ изъ милости позволили удержать ее. Молча отправился я въ избу и отворилъ дверь. „Аронъ, другъ мой, — сказала жена моя, лежа на кровати, — дай чѣмъ-нибудь утолить голодъ: я такъ голодна! и капля молока была бы мнѣ утѣшеніемъ: мнѣ хочется пить, ребенокъ не находитъ болѣе пищи“. У меня потемнѣло въ глазахъ. Съ трудомъ добрался я до хлѣва. Корова стояла, повѣся голову, и жевала солому. Я хотѣлъ подойти ее, но напрасно хватался дро-

жащею рукою то за одинъ, то за другой сосецъ—изъ нихъ не выходило ни капли молока. Наконецъ, я, въ отчаяннѣ, нажалъ ихъ сильнѣе—кровь показалась на днѣ ведра. Въ бѣшенствѣ, какъ медвѣдь, которому вопсе провзило грудь, я пошелъ въ избу, взялъ хлѣбъ съ пшеста, разрубилъ его топоромъ, и во всѣ стороны полетѣли куски черной коры. Я снесъ ихъ жевѣ: „Вотъ,—сказалъ я,—все, что у насъ осталось: ѣшь и накорми ребенка“. Она взяла кусочекъ, молча повертѣла его въ рукахъ, поглядѣла на него; потомъ прижала дитя ко груди и безъ чувствъ упала навзничъ на солому. Я скорѣе надѣлъ лыжи и побѣжалъ къ ближайшему сосѣду; до него была только трубка табаку при скорой ходьбѣ. Я попросилъ у него помощи, и онъ по-братски подѣлился со мной своимъ имуществомъ. Съ бутылкой молока на спинѣ возвратился я поспѣшно домой. Въ дверяхъ услышалъ я печальный вопль, и когда вошелъ, то увидѣлъ, что двое старшихъ дѣтей, рыдая, стояли возлѣ матери: одинъ трясъ ее за руку, а другой—за кудрявую голову; но она лежала неподвижно и безмолвно; смертная блѣдность покрывала одеревенѣлыя щеки, на глазахъ лежала мочь. Такъ все погубло, и прекрасный Кангасъ превратился въ пустыню. Я поднялъ руки къ небу, взялъ посохъ и пошелъ, и потащилъ за собою дѣтей на салазкахъ: такъ скитался я, сѣдой, изъ прихода въ приходъ и просилъ милостыни. Но время испѣлило печаль: дѣти цвѣтутъ опять на чужихъ дворахъ; а я съ довольнымъ сердцемъ вымаливаю свой хлѣбъ и играю на своемъ варганѣ, какъ кузнечикъ, который, сидя на усохшемъ листѣ, поетъ и въ пасмурное время“...

Другая поэма, взятая также изъ быта финскаго народа, „Наппа“, отличается тѣми же достоинствами, но среда уже иная; здѣсь представлены люди средняго сословія въ лицѣ пастора, его дочери и сына, станового и студента. Но и здѣсь дѣйствіе несложное. Содержаніе его построено на вопросѣ, какой бракъ предпочтительнѣе, бракъ ли по расчету, основанный на убѣжденіи: „стерпится—слибится“, или бракъ по любви,—и рѣшается въ послѣднемъ смыслѣ. Отецъ дѣвушки, сельскій пасторъ, разъясняетъ дочери положеніе, въ которомъ она находится: онъ уже старъ, ему не долго остается жить, и тяжело отъ сознанія, что онъ ее оставитъ сиротой, одинокой и неопытной, но ей представляется возможность устроить свою судьбу теперь, соединяясь съ почтеннымъ сосѣдомъ, мѣстнымъ становымъ, состоятельнымъ и уважаемымъ. Отецъ указываетъ на всѣ условія, обѣщающія и обезпечивающія счастливую жизнь. Въ такомъ же духѣ ведетъ рѣчи свои съ дѣвушкой старая служанка, добрая, безхитростная женщина,

всѣ интересы которой въ этой семьѣ, и которая въ бракѣ съ пятидесятилѣтнимъ человѣкомъ усматриваетъ залогъ благополучія своей барышни. Иначе смотреть на такое сватовство подруга Ганны. Она взываетъ къ молодости ея, къ ея красотѣ, и предупреждаетъ о несчастіи, весьма обычномъ и возможномъ въ этомъ случаѣ отъ неравнаго брака. Ганна, по природѣ своей веселая, жизнерадостная, впечатлительная, почти ребенокъ въ вопросахъ семейной брачной жизни, но отзывчивая ко всему, что дорого молодому честному сердцу, внемлетъ голосу подруги, склоняется на ея сторону и, не предвидя вовсе счастья съ другимъ, заявляетъ, что она не хочетъ разстаться съ тѣмъ, что ей пока такъ мило, такъ близко—отчій домъ, дуга, лѣса, и отказывается отъ брака съ богачомъ, который ранѣе, въ свою очередь, сулитъ ей всякія блага. Вдругъ пріѣзжаетъ братъ ея съ своимъ товарищемъ на вакаціи; они вносятъ радость въ домъ. Молодое сердце встрѣтило другое, такое же молодое, и счастье въ будущемъ соединить ихъ жизнь навсегда.

Несмотря на простоту замысла, повѣсть дышетъ необыкновенною прелестью и жизненной правдой. Рѣшеніе не выходить за старика основано, какъ это и вполне естественно, не на убѣжденіи, не на пониманіи жизни, а на простомъ чувствѣ, перешедшемъ случайно въ сознание, благодаря подругѣ, открывшей возможность лучшаго счастья съ молодымъ другомъ ея брата.

Особенность этой повѣсти—отсутствіе сентиментальности, между тѣмъ какъ легко было впасть въ нее, трактуя о такомъ предметѣ, какъ изліяніе чувствъ передъ подругой, передъ отцомъ, передъ самой собою, а господствовавшій въ то время вкусъ охотно поддавался сентиментализму. У Рунеберга повсюду течетъ свѣжая, здоровая жизнь; простота и честность отношеній; отсутствіе мелочности, при всей ограниченности интересовъ. Люди подкупаютъ своею близостью къ природѣ, а писатель—своею любовью и къ людямъ, и къ природѣ,—и все это вноситъ миръ въ душу, не возмущаемую, впрочемъ, никакими вопросами, переходящими за черту дома.

Третья повѣсть имѣетъ содержаніемъ картины изъ жизни военнаго сословія. Тутъ нѣтъ, быть можетъ, того единства, какое замѣчается въ первыхъ двухъ поэмахъ, но зато въ этой повѣсти, съ свойственною Рунебергу яркостью красокъ, рисуется вполне жизненно-семейный бытъ людей, стоящихъ на болѣе высокомъ уровнѣ развитія и образованія. Дѣйствіе происходитъ въ рождественскій вечеръ. Старый воинъ, Пистоль, живущій поодаль отъ имѣнія отставнаго майора, отправляется къ послѣд-

нему на вечерь въ гости, пѣшкомъ. Его обгоняетъ молоденькая дочь майора, ѣдущая домой съ ближайшей мызы. Радостная, веселая, живая и подвижная Аугуста сажаетъ старика въ себѣ. Весело и беззаботно вбѣгаетъ она въ домъ, гдѣ неожиданная вѣсть поражаетъ ее глубокою печалью; газеты сообщаютъ, что отрядъ, въ которомъ служить мужъ ея сестры, попалъ въ плѣнъ. Общее горе велико, особенно несчастной женщины, плачущей надъ младенцемъ въ сосѣдней комнатѣ. Майоръ не хочетъ поддаться горю и поддерживаетъ бодрость духа въ женѣ, угнетенной скорбью; но главная роль выпадаетъ на долю Аугусты, являющейся добрымъ гениемъ въ домѣ. Она приноситъ утѣшеніе всѣмъ. Отца развлекаетъ чарующею своею игрою на роялѣ, съ аккомпаниментомъ пѣсни, которую она поетъ въ полголоса; сестрѣ своей говоритъ слова успокоенія, внушая довѣріе къ разсказу о томъ, что вселяетъ надежды,—вѣдь извѣстіе о гибели мужа ничѣмъ еще не подтвердилось. Она журитъ ласково Пистоля, не умѣвшаго сдержатъ языка; ласкаетъ младенца. Что-то безконечно нѣжное, участливое, теплое и искреннее исходитъ отъ этого милаго созданія, чарующаго своею чистою душою. Повѣсть приходитъ къ счастливой развязкѣ,—мужъ благополучно возвращается — но теперь наступило горе для стараго Пистоля; вся его надежда сосредоточилась на любимомъ единственномъ сынѣ, отправившемся на войну, — и сынъ погибъ. Пистоля ожидаетъ ужасное одиночество старости. Ему майоръ предлагаетъ свой домъ,—но старый воинъ понимаетъ, какъ горекъ чужой хлѣбъ, и возвращается домой, чтобы повончить свои дни въ горькомъ одиночествѣ.

Разсказъ очень простъ; но и здѣсь заключается очень много превосходныхъ картинъ, рисующихъ нравы и душевную жизнь людей, умѣющихъ чувствовать и сочувствовать. Эти люди такъ отличаются отъ современной массы, что можно принять ихъ за вымышленныхъ; но все это оказывается вполне правдивымъ, при сопоставленіи съ нравами, господствующими и донинѣ среди провинціальной жизни, не испорченной нашимъ временемъ съ его ложью и фальшью, притворствомъ, требовательностью, погонею за добычей, превращающею людей въ звѣрей.

V.

Наиболѣе замѣчательнымъ, преимущественно народнымъ произведеніемъ являются „Разказы фэнрика (прапорщика) Столя“ —

Fänrik Ståls Sägner. На нихъ мы остановимся нѣсколько подробно, но предварительно выскажемся относительно произведеній Рунеберга съ содержаніемъ, взятымъ изъ областей, не имѣющихъ отношенія къ финской жизни. Тутъ Рунебергъ не создалъ ничего выдающагося, что могло бы содѣйствовать увеличенію его славы; мы имѣемъ въ виду: „Надежду“ и „Короля Фьяларъ“. Первая поэма переноситъ насъ въ Россію во временахъ Екатерины II, о которой Рунебергъ могъ слышать (и дѣйствительно слышалъ) отъ очевидцевъ. Поэма основана на сказаніи о томъ, что крѣпостная дѣвушка, чудо красоты, полюбилась двумъ князьямъ-братьямъ. Одинъ изъ нихъ, Владиміръ, владѣлецъ этой дѣвушки, увозитъ ее отъ вождѣлвнн брата, женится на ней, давъ ей предварительно свободу, и держитъ въ тайнѣ самый бракъ отъ матери и отъ брата. Когда, наконецъ, все было открыто, и братъ, а въ особенности мать, готовятся отмстить Владиміру, прїѣзжаетъ въ тѣ края императрица Екатерина II, и, благодаря ей, Надежда, теперь уже мать двухъ малютокъ, становится законною женою, а дѣти пріобрѣтаютъ отца въ лицѣ Владиміра. Финскіе критики ставятъ эту поэму очень высоко, но едва ли основательно. Я. К. Гротъ, современникъ и другъ Рунеберга, находилъ почему-то, что обстановка, лица, характеры — исторически вѣрны; но самое поверхностное знакомство съ этой поэмой говоритъ противъ господствующаго въ финской литературѣ мнѣнія, основаннаго на показаніяхъ Грота. Ни Владиміръ, ни Дмитрій, — вовсе не типы, а вымышленныя лица, изъ коихъ одни — олицетвореніе доброты, великодушія, а другіе — злобы, мстительности. Ничего русскаго нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Повидимому, Рунебергъ имѣлъ въ виду изобразить духъ крѣпостнаго права Екатерининскаго времени, но это ему удалось въ весьма малой мѣрѣ, такъ какъ случайныя намеки на произволь со стороны матери Владиміра и Дмитрія, гордой, злой, жестокой женщины, и на вождѣлвнн мрачнаго Дмитрія — весьма недостаточны, чтобы постичь весь ужасъ крѣпостнаго права. Екатерина II является добрымъ геніемъ, Потемкинъ — олицетвореннымъ великодушіемъ. Мѣстнаго колорита — никакого; наши крестьяне этой эпохи изображены „пейзажами“.

Другое произведеніе, которое по характеру своему еще дальше отстаетъ отъ всего, созданнаго Рунебергомъ — „Kung Fjalag“, „Король Фьяларъ“. Рунебергъ самъ разсматриваетъ эту поэму, какъ гимнъ богамъ, какъ небольшое эпическое произведеніе, имѣющее содержаніемъ изображеніе величія, могущества боговъ и ихъ милосердія. Являясь выраженіемъ отвлеченной идеи, не

почерпнутой изъ дѣйствительности, эта поэма построена на образахъ, созданныхъ представленіемъ о сверхчужденномъ. Предметъ взятъ изъ шведскихъ преданій, повѣствующихъ о трагической судьбѣ, постигшей короля Фьялара, самоувѣренно и заносчиво выступившаго со своею волею наперекоръ великіимъ богамъ. Критиками шведскими и финскими это произведеніе Рунеберга ставится также очень высоко; но для нашего времени оно едва ли представляетъ большой интересъ. Все построеніе въ высшей степени придуманно и искусственно, притомъ фантастично. Все сводится къ тому, чтобы выразить торжество боговъ, руководящихъ судьбою людей. Самостоятельности мало въ самомъ замыслѣ, напоминающемъ, хотя отдаленно, мифъ объ исполненіи предсказанія, что сынъ убьетъ отца и женится на матери.

Возвратимся къ вышеупомянутымъ „Разсказамъ фѣнрика Столя“. Нѣсколько разъ Рунебергъ высказывалъ, что онъ никогда и ничего не написалъ по первому впечатлѣнію, по первому вдохновенію. Онъ давалъ зарождающейся идеѣ выясниться, созрѣть. Проходили иногда мѣсяцы и годы, прежде чѣмъ поэтическіе образы принимали окончательную форму и отдѣлку, и тогда только онъ переносилъ ихъ на бумагу. Этимъ, кстати сказать, объясняется особенность, замѣченная у Рунеберга: онъ съ перваго раза клалъ произведеніе на бумагу и въ такомъ видѣ, будто оно было начисто имъ переписано съ какой-нибудь черновой. „Не думайте,—отвѣтилъ онъ однажды Я. К. Гроту на выраженное послѣднимъ удивленіе, какимъ образомъ можетъ онъ писать безъ всякихъ помарокъ,—не думайте, что стихи мои мнѣ не стоили труда. Напротивъ, я долго и съ трудомъ обрабатываю свою мысль, и только тогда берусь за перо, когда чувствую, что она мнѣ выяснилась вполнѣ, и я могу облечь ее въ лучшую, по моему мнѣнію, форму. Большой поэмы я никогда не начиналъ писать прежде, чѣмъ въ моей головѣ не сложился совершенно ясный и стройный ея планъ“.

Эти слова примѣнимы особенно къ поэмѣ, сдѣланной народной въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова. Съ давнихъ поръ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ западали въ душу поэта симпатіи къ народнымъ героямъ, которыхъ онъ такъ художественно и поэтично изобразилъ въ „Разсказахъ прапорщика Столя“. Изъ біографіи Рунеберга видно, что въ поэмѣ воспѣваются люди, съ которыми поэтъ встрѣчался лицомъ къ лицу. Вотъ, морякъ, старый матросъ, простой, честный и добродушный человѣкъ. Сына его требуютъ на службу, но онъ слабъ и щедушенъ; старикъ-отецъ предлагаетъ себя на его мѣсто, доказывая негодность

молодого парня. Или вотъ другой молодець: въ бурю, въ грозу стоитъ онъ на посту своемъ, безъ страха борется со стихіями— и погибаетъ на рейдѣ, упавъ въ море. Все это—сильные характеры, закаленные въ бѣдствіяхъ, создаваемыхъ самой природой, и съ чуткой душой, одаренной воспримчивостью ко всему, что поражало поэта въ его молодости и увлекало его. Онъ былъ ребенкомъ, когда происходила русско-шведская война 1808-9 годовъ; неподалеку отъ его родного города, Якобстата, слышалась пальба. Онъ помнилъ эти событія и вспоминалъ героевъ. Одинъ изъ нихъ, нашъ Кульневъ, бралъ маленькаго Рунеберга на волъни, игралъ съ нимъ и цѣловалъ его. Поэтъ воспроизвелъ и Кульнева—съ особенною любовью и съ уваженіемъ къ его геройской памяти. Во все продолженіе своей жизни Рунебергъ встрѣчалъ еще не очень старыхъ людей, рассказывавшихъ ему о быломъ, или участниковъ въ крупнѣйшихъ историческихъ событіяхъ, людей, переживавшихъ и радости, и тягости своей эпохи. Все это послужило матеріаломъ произведенія, которое можно поставить рядомъ съ лучшими классическими произведеніями западныхъ литературъ, какъ по замыслу, такъ и по исполненію. Въ прошлой исторіи Финляндіи нѣтъ факта крупнѣе послѣдней русско-шведской войны 1808—1809 года,—и „Разказы“ у Рунеберга составляютъ высокохудожественное воспроизведеніе ея смысла, идеи, въ образахъ, какіе не часто встрѣчаются и въ другихъ литературахъ. Рунебергъ—первый далъ совершенно иное направленіе и сообщилъ иной характеръ подобнаго рода описаніямъ. У Рунеберга война является моментомъ также общей жизни, хотя и исключительной; но отдѣльныя личности у него не служатъ орудіемъ въ рукахъ какой-то незримой силы. Поэтъ проникаетъ въ душу не только отдѣльныхъ группъ, но и каждая личность для него имѣетъ значеніе. Передъ нами уже не типы, а живыя фигуры. Поэтому участниками войны у него выступаютъ на сцену всѣ, отъ короля, надѣвшаго на себя плащъ Карла XII и потому считавшаго себя героемъ, будучи трусомъ, стъ генерала до послѣдняго солдата, до маркитантки.

„Разказы фэнрика Столя“ состоятъ изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, изъ коихъ каждая передаетъ отдѣльный моментъ, эпизодъ изъ военнаго времени; оно такъ и слѣдовало,—потому что въ дѣйствительности исторія войны составляется изъ отдѣльныхъ моментовъ, объединенныхъ какою-нибудь идеею, какою усматриваетъ синтезъ или прозорливость поэта. Личность, однако, не исчезаетъ у Рунеберга во все время, и это главное; она повсюду съ нимъ,—на полѣ битвы, въ гостиной пастора, на мосту,

при наступленіи врага, на бивуакахъ. Вотъ, полковникъ, малорослый, круглый человѣчекъ, съ вѣчно растопыренными ногами; онъ кипитъ, волнуется, даетъ приказанія, суетится; вотъ другой начальникъ—онъ спокоенъ, даже слишкомъ спокоенъ, не трогается съ мѣста, пока не побѣтъ хорошенько, не выпьетъ вина, и только когда докладываютъ ему, что врагъ силенъ и наступаетъ, что его солдаты клянуть за медлительность, трусость, онъ садится стремительно на коня, становится подъ самый сильный огонь, чтобы служить примѣромъ¹⁾. Вотъ передъ нами оригинальный лейтенантъ, который какъ-то особенно, по-своему, муштруетъ солдатиковъ, съ которыми живетъ по-товарищески; самъ онъ все глядитъ впередъ, не озираясь, все зоветъ: „въ ногу, ребята!“—и такъ онъ идетъ все впередъ, и не видитъ, какъ падаютъ его солдаты, одиавъ за другимъ; онъ все зоветъ впередъ, пока не переубиты всѣ до одинаго, и онъ падаетъ послѣднимъ. Это—цѣлая эпопея! Даже въ каждомъ солдатѣ у Рунеберга мы различаемъ живого человѣка; одинъ вапраль расправляется валаками, бьетъ своихъ солдатъ, потому что считаетъ это нужнымъ; его начальникъ грозитъ ему наказаніемъ, а тотъ не унижается; но какъ онъ потомъ защищаетъ своего командира: ударомъ кулака онъ бросаетъ его на землю въ то мгновеніе, какъ замѣтилъ направленное на командира ружье врага изъ-за дерева. Или вотъ еще типъ солдата: онъ труженикъ, очень честенъ, но глуповатъ и неудачникъ; у него все выходитъ шиворотъ-навыворотъ. Вотъ онъ задумалъ пойти въ солдаты, „умереть за короля и отечество“. Но все не ладится у него на ученьи съ ружьемъ; при всемъ стараніи ничего у бѣдняги не выходитъ, всѣ надъ нимъ смѣются, и онъ для всѣхъ сдѣлался „притчей во языцѣхъ“; но вотъ наступаетъ критическая минута: врагъ приближается къ мосту—и этотъ солдатъ становится защитою, отбивая одного за другимъ, нанося ударъ за ударомъ—и такъ держится онъ долго, пока подоспѣла помощь; врагъ былъ отбитъ, а солдатъ палъ героемъ. Пѣсня оканчивается:

Ett dåligt hufvud hade han, men hjertat det var godt,—

т.-е. „голова-то была глупая, да сердце доброе“. Характеренъ въ высшей степени еще одиавъ типъ: командиръ одной части видитъ, что какой-то оборванецъ все ходитъ кругомъ да около: то онъ станетъ и прислушивается къ разговору, то побѣжитъ за

¹⁾ Историческій фактъ, причемъ медлительность была преднамѣренная въ данномъ случаѣ.

войскомъ, съ ружьемъ въ рукахъ, взятымъ у убитаго солдата, то первымъ окажется на пушкѣ; командиръ требуетъ его къ себѣ: откуда онъ, кто онъ? оказывается—бобыль, бродяга, котораго называли не иначе, какъ „свотомъ“. Вотъ этотъ свотъ, однакоже, весь провинуть стремленіемъ къ исполненію долга, его все тянетъ туда, гдѣ его помощь, какъ ему кажется, нужна. Командиръ велитъ обмундировать этого чудака, и онъ становится въ ряды солдатъ, весь сіяя отъ избытка счастья,—онъ имѣетъ теперь право умереть за родину, какъ солдатъ.

Есть у Рунеберга „герой] мира“, не только войны. Губернаторъ Вебель, въ сознаніи важности исполненія имъ долга службы, чести и совѣсти, отказывается исполнить требованіе одного генерала, противорѣчащее законамъ; онъ ссылается на этотъ законъ, объясняетъ тутъ же его смыслъ и предоставляетъ генералу поступить затѣмъ какъ побѣдителю; но генераль не настаиваетъ,—нравственная сила побѣдила побѣдителя. Цѣлую драму рисуетъ также, напр., картина, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является дѣвушка. Она не видитъ возлюбленнаго своего среди возвращающихся воиновъ; сердце сжимается отъ боли; ей остается еще одно утѣшеніе: если онъ палъ, то палъ, честно сражаясь! Но безысходно было ея горе, когда она не нашла милаго и среди убитыхъ,—онъ, оказалось, бѣжалъ, онъ измѣнилъ! Не можетъ она перенести горя стыда, позора,—и сама ищетъ смерти.

Кстати, приведемъ здѣсь не менѣе удачное стихотвореніе Рунеберга о Кульневѣ, гдѣ также преобладаетъ идея, но рисунокъ слабѣе. Напомнимъ, для сравненія съ характеристикой, какую дѣлаетъ Кульневу Рунебергъ, слова Жуковскаго о немъ же:

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ—главу на щитъ склонилъ,
И стиснулъ мечъ во длани;
Гдѣ жизнь судьба ему дала.
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесъ его могла;
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенный.

Все это скорѣе общія мѣста, которыя могли бы быть отнесены и къ Суворову, и къ Давыдову; нѣтъ ни одной черты, отличительной для Кульнева. Рунебергъ останавливается прежде

всего на вѣѣшности своего героя и восклицаетъ: — „Ты-оъ по-смотрѣлъ на черты его лица! Между картинокъ убогой хаты еще и теперь порой увидишь ты какой-то обликъ въ волосахъ; а подойдешь.... улыбка вроткая на немъ блеснетъ, и взоръ привѣтливый, отерутый, но вдали.... вздрагивали старые солдаты, смотря на чубъ его косматый“. Предъ нами и его душевныя свойства, когда поэтъ говорить о его добродушии, какъ онъ въ тулупчикѣ своемъ хаживалъ изъ дома въ домъ и, гдѣ полюбится, порою живалъ, какъ другъ съ семьей чужою. „Страшенъ на первый взглядъ, онъ рѣдкій былъ добрякъ, дитя онъ станеть цѣловать, съ улыбкой, съ вротостью такую“..., „ему святое было свято“. Даже и въ слабостямъ Кульнева Рунебергъ относится снисходительно: „Любилъ испить! положимъ такъ, въ томъ было сердце виновато“...; но въ душѣ онъ оставался благороднымъ. Рунебергъ ему прощаетъ и оригинальныя его выходки, когда—

Въ любви—забавы онъ искалъ
И скоръ былъ въ выборѣ предмета;
Бывало, съ битвы—тотчасъ балъ
Затѣеть онъ и до разсвѣта
Все близъ красавицы своей,
А тамъ возьметъ башмакъ у ней
И, вливъ въ него струи шипащей,
Пьетъ тостъ прощальной предъ дрожащей...

Поэтъ прощаетъ Кульневу все, потому что цѣнить въ немъ его героизмъ, самоотверженіе: „И въ снѣгъ и въ дождь, въ морозъ и въ зной, при ясномъ днѣ, въ ночи туманной, всегда былъ Кульневъ удалой и насъ тревожилъ безпрестанно“,—а рубака онъ былъ „лихой“. Поэтъ, выставляя всѣ свойства этого доблестнаго война, говорить, что не смотря на то, что „рука его несла бѣду и смерть и ужасъ боя, но честь его и намъ мила, какъ честь родного намъ героя“:

Сильнѣе узъ родства племенъ,
Сильнѣй отеческихъ знаменъ
Дружить насъ въ битвахъ та же сила
Отваги, доблестнаго пыла.
Хвала же Кульневу, хвала!
Онъ въ нашихъ пѣсняхъ жить достоинъ,
Пусть нашихъ кровь предъ нимъ текла;
что жъ? съ нами бился онъ какъ воинъ... ¹⁾

Всѣхъ разсказовъ—тридцать-пять—одинъ лучше другого, по

¹⁾ Переводъ Я. К. Грота.

красотѣ идеи — прежде всего, а затѣмъ по разнообразію формы. Идея объединяющая всѣ рассказы, — это пѣсня: Vårt land?! ¹⁾

¹⁾ Приведемъ изъ нея нѣсколько строфъ, въ переводѣ В. Головина:

Нашъ край, нашъ край, родимый край!
Греми, о, кликъ святой!
Какихъ намъ горъ, долинъ ни дай,
Какихъ волна сторонъ ни знай,
Гдѣ любить такъ свой край родной,
Какъ любимъ сѣверъ свой!
Убогъ нашъ край, и будь такимъ
Корыстному душой!
Чужой, кичась, пройдетъ предъ нимъ,
Но миль онъ, миль снмаѣтъ своимъ;
Намъ мила шхерц, боръ густой, —
Тамъ край нашъ золотой!
Мы любимъ говоръ рѣкъ своихъ,
Своихъ ручьевъ полетъ,
Унылый шумъ лѣсовъ густыхъ,
Сіянье лѣта, звѣздъ ночныхъ:
Все, все, что взглядъ или пѣснь даетъ,
Чѣмъ сердце здѣсь живетъ!
Здѣсь мыслью, плугомъ, здѣсь мечомъ
Отцы вели свой бой;
Здѣсь, здѣсь, во тьмѣ и яснымъ днемъ,
Равно покоенъ, твердъ во всемъ,
Здѣсь сердцемъ жилъ народъ родной,
Здѣсь финнъ несъ жребій свой!
Здѣсь счастье намъ, здѣсь намъ покой,
Здѣсь наша жизнь полнѣй;
Какое ни будь удѣлъ земной,
У насъ есть край, есть край родной:
Что краше на землѣ на всей,
Милѣй страны своей?
Вотъ здѣсь, вотъ здѣсь нашъ край родной:
Смотри кругомъ, взирай!
Мы можемъ указать рукой
На валъ морской, на берегъ свой,
И нѣжно молвить: „вотъ онъ, знай,
Вотъ нашъ родимый край!“
Средь облакъ днѣ стелись нашъ путь
Въ лазури золотой,
Иль пляской звѣздъ вся жизнь намъ будь,
Гдѣ взоръ безъ слезъ, безъ вздоховъ грудъ,
Мы все жъ душой въ край бѣдный свой
Рвались бы вновь съ тоской!

Несмотря на все разнообразіе содержанія, и различіе моментовъ, представленныхъ въ „Разсказахъ“, въ нихъ сохраняется внутреннее единство. Это единство обуславливается главнымъ образомъ возвышенностью чувства любви къ родному; но это единство создается также и трагизмомъ, явной противоположностью между высшими сферами, у которыхъ всего сильнѣе дѣйствуетъ личный расчетъ, и простыми людьми, дышащими героизмомъ самопожертвованія и преданностью родиѣ.

Рунебергъ оставилъ еще нѣсколько крупныхъ произведеній: „Kungarne på Salamis“ и собраніе „Псалмовъ“. Первое, какъ художественное произведеніе, подлежитъ оцѣнкѣ по преимуществу эстетической; второе—продуктъ чисто религіознаго чувства, бывшаго у Рунеберга глубоко-искреннимъ и далекимъ отъ всякой исключительности. Въ заключеніе, слѣдуетъ упомянуть равнымъ образомъ замѣчательные переводы Рунеберга сербскихъ народныхъ пѣсень Караджича, сдѣланные съ нѣмецкаго съ изумительнымъ чутьемъ и пониманіемъ духа эпоса сербскаго ¹⁾.

Шестьдесятъ почти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ написалъ Рунебергъ свои произведенія, но они и теперь звучатъ свободной пѣней старины, и до сихъ поръ отъ нихъ вѣетъ свѣжестью, мощью, бодростью. Поэзія Рунеберга вся пропитана началами, которыми жили всѣ современные ему лучшіе поэты русскіе и западно-европейскіе. Во всей его поэзіи свѣтитса живая красота вдохновеннаго пѣвца любви къ людямъ и къ правдѣ.—Липо, близко знавшее его поэзію и его лично, Я. К. Гротъ, въ восторгѣ былъ отъ всего, что писалъ Рунебергъ. „Что за поэтъ!“ — „Что за поэзія!“—восклицалъ онъ, когда чувство просилось наружу, а словъ не было для его выраженія. Какъ скорбѣлъ Гротъ, когда тогдашняя цензура замарывала мѣста переводовъ, которыя онъ дѣлалъ съ такою тщательностью и любовью ²⁾.

¹⁾ Въ раду множества переводовъ изъ различныхъ поэтовъ и народныхъ пѣсень есть и старинная малороссійская: „Іхавъ козакъ за Дунай“.

²⁾ „Безтолковость „Надежды“ въ теперешнемъ видѣ превзошла мои ожиданія. Не только основная глубокая идея пропала, но и всякій вообще смыслъ, а слѣдовательно и занимательность“... Упрекая своего друга, Рунеберга, Я. К. Гротъ замѣчаетъ ему: „Ты долженъ былъ или вовсе не помѣщать этой статьи, или, сказавъ отъ себя нѣсколько словъ о „Надеждѣ“, напечатать нѣкоторыя отдѣльныя мѣста, до которыхъ не коснулось варварское оружіе цензора. А что скажетъ потомокъ, который, зная шведскій языкъ, сравнитъ переводъ съ подлинникомъ и не найдетъ комментариевъ, которые бы объяснили ему дѣло?“ Кромѣ сдѣланныхъ пропусковъ, цензура постоянно замѣняла одни выраженія другими; вмѣсто рабниа—дѣвушка; вмѣсто рабъ—крестянинъ. См. „Труды Грота“, I, 1026.

Два слова о Рунебергѣ, какъ о человѣкѣ. Я. К. Гротъ даетъ нѣсколько данныхъ, рисующихъ вѣншній обликъ его друга: „На открытой физиогноміи его были напечатаны умъ, прямодушіе, кротость и твердый миръ души. Его спокойно-свѣтлый взглядъ, высокій лобъ, самыя черты лица, степенная привѣтливость, выразившаяся въ нихъ безъ улыбки, — все это вызывало сочувствіе“. Такая краткая характеристика выражаетъ внутренняго человѣка вполне. Это былъ дѣйствительно простосердечный провинціалъ, преданный дѣлу, которому служилъ со всѣмъ возвышеннымъ пониманіемъ его значенія, пока не сразила его болѣзнь (параличъ), приковавшая поэта къ постели и обрекая его на бездѣятельность. Въ рѣдкомъ гармоническомъ сочетаніи стояли его духовныя и душевныя силы. Уравновѣшенность его природы изумляла современниковъ. Неалобивость, всепрощеніе, отличали его въ отношеніяхъ къ людямъ вообще, ко всѣмъ окружающимъ его въ особенности. Сколько огорченія испытывалъ онъ отъ тупоумія или корысти иныхъ академическихъ преподавателей, обходившихъ его при замѣщеніи катедры (греческой словесности, которой онъ былъ большимъ знаткомъ), на которую онъ имѣлъ право болѣе другихъ! Сколько неудачъ пережилъ онъ, пока ему удалось обезпечить свое положеніе пріобрѣтеніемъ постояннаго мѣста въ качествѣ преподавателя лица въ Борго, гдѣ онъ былъ позже ректоромъ! Скромность этого человѣка поражала всѣхъ, и соотечественниковъ, и иностранцевъ. Она доходила до застѣнчивости, до робости, когда онъ встрѣчалъ проявленіе уваженія къ его поэтическому дару и его твореніямъ. Когда ему случилось побывать единственный разъ въ жизни въ Стокгольмѣ, съ цѣлю посѣтить крупныхъ шведскихъ поэтовъ, и когда ученый и литературный міръ выражалъ ему публично свою признательность за „дѣла и мысли“, Рунебергъ не находилъ вовсе словъ, чтобы сказать что-нибудь въ отвѣтъ. Никогда болѣе онъ и не ѣздилъ туда. Когда ему предложено было почетное и доходное мѣсто въ Стокгольмѣ, онъ отвѣтилъ отказомъ, потому что „Finland är en fattig mor, som behöfver alla sina söner“, т. е. Финляндія — бѣдная мать, которой нужны всѣ ея сыны.

6-го мая 1877 года скончался Рунебергъ.

Въ день похоронъ явились депутаціи отъ всѣхъ четырехъ сословій страны, дворянства, духовенства, сословія горожанъ и крестьянъ, депутаціи отъ всѣхъ ученыхъ обществъ, отъ сената, университета, всѣхъ школъ, отъ шведской академіи наукъ, отъ шведскаго и норвежскаго театровъ.

Шествіе растянулось болѣе чѣмъ на версту. Школы и ма-

газины были въ этотъ день закрыты въ городѣ, гдѣ онъ скончался, а на всѣхъ корабляхъ были полуспущены флаги.

Въ Борго стоитъ домъ, гдѣ долго жилъ и гдѣ умеръ поэтъ. По смерти его домъ приобрѣтенъ былъ правительствомъ и переданъ городу въ его вѣдѣніе. Этотъ домъ служить еще и теперь мѣстомъ благоговѣйнаго паломничества благодарнаго потомства.

При входѣ въ жилище поэта, гдѣ витаетъ его величественная душа, при видѣ всей обстановки, оставшейся тою же, какою была при жизни усопшаго, — всѣхъ предметовъ, книгъ, знаковъ вниманія со стороны императора Александра II, — передъ посетителемъ воскресаетъ вся доблестная жизнь этого „величайшаго и благороднѣйшаго сына Финляндіи“.

І. Э. Мандельштамъ.

Гельсингфорсъ.

„СОЮЗЪ ДУШЪ“

„Souls“. A Comedy of intentions. By „Rita“.

Окончаніе.

XXI ¹⁾.

Декабрьскій день угасалъ, и путешественники, сидя въ вагонѣ, стали съ любопытствомъ разглядывать мѣстность, по которой ихъ мчалъ поѣздъ въ гости къ м-ссь Вандердекенъ. Видъ былъ угрюмый и пустынный. Когда поѣздъ наконецъ пошелъ вдоль берега и изъ моря внезапно выросъ передъ ними утесъ св. Михаила, всѣ вздохнули съ облегченіемъ. „Наконецъ-то!“ — вырвалось у путешественниковъ, и они стали поспѣшно складывать пледы и сакъ-вояжи. Когда поѣздъ остановился, къ вагону подошли два рослыхъ лакея и провели путешественниковъ къ ожидавшимъ ихъ экипажамъ. Было уже слишкомъ темно, чтобы даже при большомъ желаніи рассмотреть окружающую природу; но никто и не думалъ объ этомъ — всѣмъ хотѣлось скорѣе обогрѣться и отдохнуть послѣ дороги. Одна только Адель оказалась болѣе любознательной, чѣмъ другіе, и по дорогѣ въ замокъ все время вглядывалась въ темноту, старалась слѣдить за поворотами дороги, громко восхищалась чистотой и мягкостью воздуха, ясностью неба и какой-то особенной лучезарностью атмосферы.

Черезъ часъ путешественники прибыли въ замокъ. Въ глубинѣ короткой аллеи показались огни и, сдѣлавъ крутой пово-

¹⁾ См. выше: февраль, стр. 705

ротъ, остановились передъ низкимъ, широко раскинувшимся въ длину зданіемъ со множествомъ оконъ и глубокимъ сводчатымъ порталомъ. Входная дверь раскрылась, и путешественники, любопытство которыхъ было сильно возбуждено, очутились въ большомъ квадратномъ hall; въ огромномъ каминѣ ярко горѣли дрова, на старинныхъ дубовыхъ стѣнахъ висѣли бронзовые бра съ горящими свѣчами. Они освѣщали накрытый въ чаю столъ у камина, и разставленный на столѣ старинный серебряный чайный приборъ привелъ лорда Крисса въ восторгъ своею оригинальностью и красотою.

Тротти Вандердекенъ вышла на встрѣчу гостямъ въ тяжеломъ бархатномъ платьѣ, перехваченномъ вокругъ пояса толстымъ шнуркомъ, и вела за собой на шолковомъ шнурѣ Эльдorado; ей казалось, что она походитъ такимъ образомъ на старинныхъ владѣтельница замковъ, которыя держали при себѣ любимую собаку при торжественныхъ приемахъ. Она была очень рада, что ея одиночество кончилось, и что она опять будетъ окружена внимательной аудиторіей; кромѣ того, ей пріятно было показать близкимъ друзьямъ свои новыя владѣнія. Всѣ столпились у камина, оживленно разговаривая, предлагая всевозможные вопросы хозяйкѣ и восторгаясь оригинальностью замка, переносившаго воображеніе въ средніе вѣка.

— Да, здѣсь все полно воспоминаніями старины, — согласилась Тротти, начиная разливать чай. — Надѣюсь только, что вы не соскучитесь такъ по лондонскомъ comfortѣ, какъ я за эти дни. Ванныя комнаты здѣсь невозможны — нѣтъ ни газа, ни электричества во всемъ домѣ. Бѣдный поваръ Шико въ отчаяніи отъ неустройства кухни, а горничнымъ приходится спать въ какихъ-то конурахъ. Я сама не знаю, истратить ли мнѣ цѣлое состояніе на ремонтъ, или оставить все въ прежнемъ видѣ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ ничего не мѣнялъ, — сказала лордъ Криссъ, разглядывая семейные портреты, удивительный старый фарфоръ и старинные книжные шкафы. Тротти нарушила стильность старинной обстановки, оставивъ hall своими излюбленными низкими диванами съ подушками, глубокими креслами, ширмочками, устлавъ полъ восточными коврами, — все это она привезла изъ Лондона. Великолѣпная широкая дубовая лѣстница вела вверхъ въ открытую галерею, увѣшанную гобеленами, картинами и старымъ оружіемъ.

— Очаровательный замокъ! — сказала м-съ Гидеонъ Ли. — Чувствуешь себя перенесеннымъ въ средніе вѣка. Нужно непременно снять точныя фотографіи со всего этого для театра.

Все общество усѣлось пить чай и усердно уничтожало при этомъ бутерброды съ икрой, пирожки и разныя сласти. Разговоръ приостановился на время.

— Открыли вы наконецъ комнату съ привидѣніями?—спросилъ Базиль Варендеръ.

— Мнѣ некогда было думать объ этомъ. Я все это время лежала спать въ десять часовъ и непробудно спала до утра. Что вы на это скажете?

— Вотъ почему у васъ такой необычайно свѣжій видъ, — замѣтилъ лордъ Криссъ.—Это очевидно влияніе здѣшняго воздуха.

— Вѣроятно. Здѣсь удивительно мягкій климатъ. Особенно хорошо по утрамъ—тепло какъ въ іюнѣ. Можно сидѣть у моря и, буквально, купаться въ солнечномъ свѣтѣ.

Зара сбросила свой бѣлый мѣховый воротникъ и, подсѣвъ къ камину, протянула руки къ огню. М-ссъ Вандеркебенъ ласково нагнулась къ ней и стала разспрашивать ее о разныхъ вещахъ своимъ мягкимъ нѣмецкимъ говоромъ.

М-ссъ Бради, сидѣвшая нѣсколько поодаль отъ другихъ, старалась не выдать своимъ выраженіемъ лица отвращеніе, которое ей внушала хозяйка. Базиль Варендеръ принесъ ей чашку чая и сѣлъ около нея.

— Мнѣ хочется услышать нѣсколько толковыхъ словъ,—сказалъ онъ.—Путешествіе въ обществѣ Крисса и Тони—достаточное испытаніе для нервовъ, но когда еще къ нимъ присоединяется Тротти... Скажите, васъ не удивляетъ, что я избралъ себѣ такихъ друзей?

— Удивляетъ,—чистосердечно призналась она.—Сначала меня они забавляли, но когда люди непрерывно говорятъ вздоръ, это становится невыносимымъ. Все у нихъ напускное — и жаргонъ ихъ, которымъ они такъ гордятся, очень легко усвоить; никакого глубокомыслія нѣтъ въ ихъ претенціозныхъ фразахъ.

— Конечно,—согласился онъ.—Гораздо труднѣе не желать имъ подражать. Даже гениальный піанистъ лэди Бодезаръ, кажется, хочетъ усвоить себѣ ихъ тонъ,—онъ прислушивается къ каждому слову Крисса, какъ бы боясь потерять драгоценную жемчужину.

— Вамъ не кажется,—сказала м-ссъ Бради,—что всѣ мы ужасно не на своемъ мѣстѣ въ этомъ дивномъ старинномъ домѣ?

Варендеръ быстро взглянулъ на нее. — Въ этомъ проклятіе современности,—отвѣтилъ онъ.—На фонѣ всего стариннаго она такъ же оскорбляетъ взоръ, какъ простое стеклышко въ брилліантовомъ уборѣ. Посмотрите на эту идиотскую собачонку!

М-ссъ Бради взглянула на Эльдорадо, который сидѣлъ на заднихъ лапкахъ, одѣтый въ смѣшную курточку, и махалъ лапкой, какъ бы въ знакъ того, что предпочелъ бы сливки разговорамъ. Его маленькое тѣлце совершенно исчезало въ его затѣйливомъ нарядѣ; видна была только курточка, сверкающей драгоценными камнями ошейникъ и всевозможныя побрякушки.

— По моему, это даже болѣе грустно, чѣмъ смѣшно,—сказала м-ссъ Бради. — Достаточно душно, что они самихъ себя превращаютъ въ шутовъ,—пощадилъ бы хоть безотвѣтныхъ животныхъ, которыхъ они называютъ своими любимцами.

— Вы очень смѣло и вѣрно судите объ этихъ людяхъ, но,—прибавилъ онъ, понижая голосъ и дѣлая видъ, что разглядываетъ вензель на старинной ложечкѣ,—почему же вы продолжаете жить въ ихъ обществѣ?

— Я бы могла предложить вамъ тотъ же вопросъ,—отвѣтила она.

— Я вамъ уже говорилъ, что для меня это вопросъ хлѣба и масла. Какъ это ни прискорбно, но вѣдь жить нужно, и хочется устроиться какъ можно лучше съ наименьшей затратой силъ. Естественное влеченіе къ комфорту постепенно порождаетъ любовь къ роскоши. И неужели я былъ бы вамъ симпатичнѣе, если бы довольствовался комнаткой на чердакѣ и нищенскимъ заработкомъ и не старался создать себѣ имя и состояніе?

М-ссъ Бради почувствовала, что она покраснѣла при этомъ прямомъ вопросѣ. Ей въ сущности хотѣлось бы отвѣтить ему, что онъ ей нравится помимо его положенія въ обществѣ, его профессіи или заработка, но, не желая обнаруживать слишкомъ прямо своихъ симпатій, она уклонилась отъ отвѣта.

— Ваши слова,—сказала она,—напомнили мнѣ то, что я читала на дняхъ про одного извѣстнаго писателя. Ему кто-то сказалъ, что хотя онъ разбогатѣлъ благодаря своимъ произведениямъ, но что ничто изъ написаннаго имъ недолговѣчно.— „Знаете ли,—отвѣтилъ онъ,—если уже на то пошло, то мнѣ дороже моя жизнь, чѣмъ жизнь моихъ произведеній“.

Базиль разсмѣялся.—Анекдотъ довольно правдоподобенъ,—сказалъ онъ.—И во всякомъ случаѣ онъ примѣнимъ къ воззрѣніямъ современныхъ художниковъ. Мы хотимъ служить искусству, но хотимъ также пользоваться такимъ же комфортомъ и такой же роскошью, какъ тѣ, на которыхъ мы работаемъ, а это часто несомнѣннѣе. — Однако, всѣ поднимаются съ мѣстъ; очевидно, насъ поведутъ въ наши комнаты.

Тротти Вандердекенъ, продолжая очевидно воображать себя

средневѣковой châtelaine, направилась къ лѣстницѣ, уводя за собой Эльдорадо.

— Я провожу всѣхъ васъ въ ваши комнаты,—сказала она.—Предупреждаю, что вы не найдете въ нихъ удобствъ, къ которымъ привыкли, и найдете много непривычнаго. Но въ этомъ есть своя прелесть — напоминаніе о неудобствахъ стариннаго быта заставляеть цѣнить современный комфортъ. Вы всѣ заслуживаете мученическій вѣнецъ за свою рѣшимость пріѣхать сюда, — это истинное героичество, которое я безконечно цѣню.

Она повела гостей по галереѣ, увѣшанной старинными тканями; въ одной рукѣ у нея былъ старинный серебряный подсвѣчникъ, а въ другой—шелковый шнурокъ, на которомъ она вела Эльдорадо. Новая роль владѣтельницы замка чрезвычайно занимала и ее, и слѣдовавшихъ за нею попарно гостей. Они восхищались неистощимымъ умѣньемъ Тротти выдумывать постоянно новые сенсаціонныя сюрпризы для своихъ друзей. Она остановилась на минуту, чтобы показать наиболѣе замѣчательныя гобелены, и, пройдя до конца галереи, широко раскрыла первую дверь, къ которой они подошли.

— Это моя комната,—сказала она.

Всѣ столпились въ комнатѣ, громко выражая свое изумленіе. Большаго контраста съ кокетливой спальней Тротти въ Лондонѣ трудно было придумать. Массивная большая кровать стояла подъ балдахиномъ изъ малиноваго узорчатаго шолка, и такой же массивностью поражала остальная мебель, большой платяной шкафъ изъ краснаго дерева, туалетный столъ съ рѣзными изогнутыми ножками, хрусталь и серебро на столѣ. Большія окна были задрапированы такимъ же малиновымъ шолкомъ, какъ кровать, и только мягкія кружевные шторы вносили въ старинную обстановку отбѣнокъ современнаго комфорта. Плающій огонь въ огромномъ каминѣ озарялъ комнату мягкимъ свѣтомъ, который отражался въ зеркалахъ и полированной мебели, освѣщая множество старинныхъ предметовъ, а также ковры, ширмочки и низкія глубокія кресла, привезенныя м-ссъ Вандердекенъ изъ Лондона, такъ какъ она считала невозможнымъ жить безъ всего этого.

— Какая прелесть!—воскликнула Адель Бодезаръ.

— Божественно!—томно проговорила м-ссъ Гидеонъ Ли.—Подумайте, какъ трудно разыскать одну какую-нибудь старинную вещь въ мебельныхъ магазинахъ, а тутъ весь домъ полонъ истинными сокровищами. Какая вы счастливица, Тротти!

Всѣ искренно согласились со словами актрисы. Благородный,

торжественный стиль старинной обстановки былъ такъ внушительнъ, что въ сравненіи съ нимъ такъ называемый modern style казался какой-то дѣтской игрушкой.

— Такихъ комнатъ въ замкѣ множество, — продолжала м-ссъ Вандердекенъ. — Каждому креслу не менѣе двухсотъ лѣтъ. И не правда ли, какъ красивы эти большіе каминны? Они такъ освѣщаютъ комнату, что не чувствуешь отсутствія электрическаго освѣщенія.

— Какая поразительная работа! — воскликнулъ лордъ Криссъ, подходя къ камину и разглядывая рѣзьбу на немъ.

— Это комната для гостей стараго баронскаго замка, — сказала м-ссъ Гидеонъ Ли, воображеніе которой было полно сценическихъ воспоминаній. — А эта дверь куда ведетъ?

— Тамъ я помѣщу Зару, — сказала Тротти небрежнымъ тономъ. — А теперь пойдемъ смотрѣть другія комнаты.

— Почему же не посмотрѣть комнату Зары? — спросила Адель.

— Это небольшая уборная ничѣмъ не интересная. Слѣдующая комната — ваша, Адель, — вотъ тутъ напротивъ.

Она отворила дверь въ другую комнату, тоже очень большую, съ мебелью и драпировками изъ синяго узорчатаго шолка. Прелестныя фарфоровыя блюда и вазы украшали стѣны и стояли на каминѣ.

— При этой комнатѣ нѣтъ уборной, — сказала, извиняясь, м-ссъ Вандердекенъ. — Въ старину, очевидно, считали, что если спальня велика, то этого вполне достаточно. Но вотъ за этой большой ширмой можно поставить вашу ванну; а что касается гардеробныхъ шкаповъ, то они достаточно велики, чтобы помѣстить всѣ туалеты королевы Елизаветы. М-ссъ Бради, ваша комната — рядомъ съ Адель; она имѣетъ уборную, какъ и моя.

М-ссъ Вандердекенъ опять прошла впередъ, показывая дорогу. Комната была такой же величины, съ красными драпировками, цвѣтъ которыхъ казался особенно сочнымъ и яркимъ при свѣтѣ пылающаго камина. М-ссъ Бради выразила свое искреннее восхищеніе. Она уже застала въ комнатѣ Эжени, которая вынимала изъ сундука платья своей госпожи. Быстро оглядѣвъ комнату, всѣ пошли дальше вслѣдъ за м-ссъ Вандердекенъ. Слѣдующей комнатой, ближе къ концу коридора, была комната м-ссъ Гидеонъ Ли; она была меньше другихъ, но тоже очень красивая и оригинальная. Большія оттоманки съ оборочками, глубокія кресла, вся мебель, покрытая стариннымъ кретономъ — ярко алая роза по нѣжно-зеленому фону, зеркала въ сердцевидныхъ золотыхъ рамахъ, — все это производило уютное и

веселое впечатлѣніе. Ковры и множество современныхъ бездѣлушекъ придавали комнатамъ болѣе современный видъ. М-съ Гидеонъ Ли выразила свое полное удовлетвореніе, и спросила, пройдемъ ли теперь вся процессія осматривать комнаты мужчинъ.

— Конечно!—воскликнула Тротти.—Вѣдь нашъ девизъ: *hoppi soit qui mal y pense*.

Всѣ засмѣялись и прошли дальше по корридолу; Зара, однако, осталась въ комнатѣ м-съ Вандердекенъ, а м-съ Бради вернулась къ себѣ, чтобы дать нѣкоторые распоряженія Эжени.

Комнаты мужчинъ расположены были въ другой части замка, составлявшей позднѣйшую пристройку зданія.

— Вы будете жить здѣсь всѣ вмѣстѣ,—заявила м-съ Вандердекенъ.— По этой лѣстницѣ вы можете подняться въ маленькую залу, которую я превратила въ бильярдную. Вотъ видите, до чего я заботилась о васъ. Тутъ есть и ванная, но вода въ нее не проведена, — уговорите вашихъ лакеевъ приносить воду въ ведрахъ. Ничего другого я не могла придумать,—прибавила она съ нѣкоторымъ отчаяніемъ въ голосъ.

Комнаты мужчинъ были устроены съ болѣшимъ современнымъ комфортомъ, чѣмъ помѣщенія дамъ; тамъ были столики съ принадлежностями для куренія, зеркала для бритья и т. д.

— Да здѣсь чудесно!—сказала лордъ Криссъ, разглядывая низкую кровать въ арабскомъ вкусѣ и изящный письменный столикъ изъ розоваго дерева въ своей комнатѣ.—Вамъ не въ чемъ извиняться—пока, во всякомъ случаѣ.

— Къ концу недѣли вы навѣрное начнете жаловаться,—возразила Тротти.— Корридолы приходится освѣщать масляными лампами, — всякое другое освѣщеніе опасно изъ-за деревянной обшивки стѣнъ. Очень возможно, что если вы будете поздно подниматься къ себѣ въ комнаты, вся эта часть дома будетъ погружена во мракъ. Я предупреждаю васъ объ этомъ. А теперь намъ пора разойтись по своимъ комнатамъ. Мы обѣдаемъ въ половинѣ девятаго. Параднаго туалета не требуется. Я здѣсь ношу только *tea-gowns*. Это болѣе подходитъ къ стилю замка; къ тому же здѣсь страшные сквозняки, и въ вечернихъ туалетахъ легко простудиться. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ нѣтъ звонковъ, или же они не звонятъ, такъ что вы должны помогать другъ другу разыскивать вашихъ лакеевъ. Требуйте, чего хотите, распоряжайтесь какъ дома, но не раздражайтесь, если придется долго ждать, пока ваши требованія исполнятся.

XXII.

М-съ Вандердекенъ прошла къ себѣ въ комнату, а Адель зашла къ м-съ Бради сказать ей, что рѣшено являться къ обѣду не въ вечернихъ туалетахъ. Эжени уже почти кончила разборку вещей. Адель усѣлась у огня и стала слѣдить за проворными движеніями ирландки, которая быстро размѣчала въ шкапахъ вынутыя изъ сундука вещи.

— Какъ вамъ нравится замокъ?—спросила она м-съ Бради.

— Я мысленно повторяю слова о метаніи бисера, и т. д.,—отвѣтила м-съ Бради, надѣвая стеганный шолковый капотъ, который ей подала Эжени. Закутавшись въ него съ видимымъ удовольствіемъ, она тоже усѣлась въ кресло около камина.

— Здѣсь все такъ просто, такъ внушительно и торжественно!—сказала она.—Воображенію рисуются черныя атласныя платья и прекрасныя строгія дамы, которыя поднимались по этимъ лѣстницамъ и спали въ этихъ кроватяхъ; чудится запахъ лаванды и сушеныхъ розъ,—всего, что для насъ теперь не существуетъ, надъ чѣмъ мы смѣемся.

— Конечно, на Паркъ-Лэнъ и Пондъ-Стритъ этотъ замокъ не похожъ—согласилась Адель Бодезаръ.—Но вѣдь я вамъ говорила, во что Тротти все это превратитъ,—развѣ я не была права? Въ hall'ѣ будутъ играть въ пингъ-понгъ, кухня у насъ будетъ французская, потомъ она обзаведется велосипедами для гостей—можетъ быть, и автомобилемъ. Мы будемъ играть въ карты и разговаривать о всякомъ вздорѣ; будемъ ѣсть самую нездоровую пищу, располагающую къ употребленію шартрѣза и другихъ ликеровъ; будемъ курить папиросы, и будемъ до того бояться наскучить другъ другу, что превзойдемъ всѣ предѣлы въ погонѣ за развлеченіями. Осваръ, Тони и лордъ Криссъ будутъ дурачиться въ перегонку, и мы должны будемъ смѣяться и находить ихъ остроты блестящими.—Адель приостановила свою болтовню, пока сундукъ не былъ выдвинутъ въ уборную и Эжени не отправилась закусить въ людскую.

— Какъ вы думаете, Жоржъ влюбленъ въ Зару?—неожиданно спросила м-съ Бради, когда онѣ остались вдвоемъ.—Я замѣтила, что онъ очень внимателенъ къ ней.

— А другого вы ничего не замѣтили?—спросила Адель нѣсколько загадочнымъ тономъ и взглянула въ глаза м-съ Бради.

— Замѣтила;—неужели вы были правы?

— М-ссь Гидеонъ Ли всегда помѣщалась рядомъ,—я увѣрена, что она не довольна теперешнимъ размѣщеніемъ.

— Не нравится мнѣ эта м-ссь Гидеонъ Ли. Такая она неестественная, вкрадчивая; въ ней есть что-то змѣиное. Есть у нея мужъ?

— Она съ нимъ не ладить. Ему не нравится ея игра, ей—его. Она собирается приобрести собственный театръ, и Криси будетъ писать для нея пьесы.

— Да развѣ онъ можетъ написать что-нибудь путное?

Адель засмѣялась.—Онъ могъ бы нанявать эпиграммы и сочинить діалогъ; если бы актеры и актрисы придумали сами положенія, а настоящій драматургъ разработалъ техническую сторону, то могла бы выйти изъ всего этого приличная драма.—Любопытно, согласилась ли бы Тротти теперь нанять театръ для м-ссь Гидеонъ Ли.

— Развѣ вы сомнѣваетесь? Если у нея было это намѣреніе до полученія наслѣдства, то теперь она его подавно осуществить.

— Поживемъ—увидимъ,—скептически возразила Адель.—Я такъ рада, что вы сегодня оборвали Крису. Онъ будетъ вамъ часто давать поводы для нападеній—не упускайте ихъ.

— Конечно, не упущу. Вѣдь я помню нашъ планъ.

— Развѣ планы къ чему-либо приводятъ? Вотъ теперь Оскаръ разыгрываетъ шута, чтобы понравиться мнѣ, Жоржъ влюбленъ въ Зару, Криси—собственность Тротти, а м-ссь Гидеонъ Ли ведетъ тонкую дипломатію. На нашу долю остаются Тони и Базиль Варендеръ,—не бросить ли намъ жребій, кому кто изъ нихъ достанется?

— Мнѣ никого не нужно,—быстро возразила м-ссь Брэдн.—Мнѣ бы только хотѣлось...

— Чего бы вамъ хотѣлось, Перри?

— Чтобы Жоржъ не былъ такъ глупъ.

— Мужчины всегда становятся глупы, когда встрѣчаютъ молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ. Мнѣ же—почти двадцать-восемь лѣтъ.

— Вы такъ красивы, умны и очаровательны. Я не могу понять...

Адель слегка покраснѣла.

— Дорогая Перъ, никогда не пытайтесь сватать людей—это очень неблагоприятное занятіе. Всякіе доводы разума безсильны противъ обаянія хорошенькаго личика. А теперь, милая, я покину васъ—пойду отдохнуть и поспать часокъ, прежде чѣмъ одѣться къ обѣду. Это—лучшее косметическое средство, чѣмъ всѣ

массажи и притирания Тротти. Кстати, вы знаете, что мы будем обѣдать въ tea-gowns. У меня есть прелестное черное бархатное платье, съ рукавами, подбитыми бѣлымъ атласомъ, и съ нитью жемчуга вмѣсто пояса; я похожа въ немъ на Марію Стюартъ, и оно какъ разъ подходит къ строгому стилю этого замка. А вы что надѣнете?

— Не все ли равно? Я вѣдь не иду въ счетъ,—равнодушно отвѣтила м-съ Бради. — Странно, въ сущности, что Тротти пригласила меня. Я увѣрена, что она меня ненавидитъ.

— Что за глупости!—рѣзко возразила лэди Бодезаръ.—За что ей васъ ненавидѣть?

— Посторонніе зрители иногда неудобны,—въ особенности если имъ не нравится представленіе, на которомъ они присутствуютъ. Ихъ поэтому лучше избѣгать, а не приглашать.

Адель постояла нѣсколько минутъ въ нерѣшительности передъ дверью, точно борясь съ желаніемъ что-то сказать, потомъ, вздохнувъ, вышла изъ комнаты и прошла къ себѣ.

М-съ Бради продолжала сидѣть, устремивъ глаза въ огонь и думая о всемъ, что она пережила за послѣднія недѣли. Что если она даже достигнетъ своей цѣли и будетъ имѣть доступъ въ высшіе круги свѣтскаго общества? Какъ она сможетъ этимъ воспользоваться?

Блестать въ этомъ кругу можно только великолѣпіемъ нарядовъ; женщина, которая лучше всѣхъ одѣвается, становится тѣмъ самымъ царицей общества. Наряды стали какимъ-то предметомъ помѣпательства; каждый случай, даже самый ничтожный, требуетъ особаго туалета,—и м-съ Бради знала, какія бѣшенныя деньги Адель тратила на платья, кружева, мѣха, драгоценныя камни и всѣ другія необходимыя принадлежности туалета свѣтской женщины. М-съ Бради знала, что для того, чтобы поддержать свое положеніе въ обществѣ и одѣваться не хуже другихъ, многія свѣтскія дамы входятъ въ неоплатные долги, или добываютъ средства разными темными путями. И въ чемъ собственно радость ихъ жизни? Смѣяться надъ другими или вмѣстѣ съ другими, вѣчно выдумывать новыя моды и увлекаться всякимъ вздоромъ—это казалось ей теперь, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ свѣтскимъ обществомъ, очень бесплоднымъ занятіемъ, но вѣдь только это и занимаетъ всѣхъ ихъ, только на это они и способны.

Раздался звонокъ, напоминавшій о томъ, что пора одѣваться къ обѣду. Эжени показалась въ дверяхъ и застала м-съ Бради все еще сидящую у камина съ нѣсколько затуманеннымъ лицомъ

и какимъ-то новымъ, очень рѣшительнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Она и не подозрѣвала, что ея госпожу мучила совѣсть за то, что она поставила себя въ такое глупое и недостойное положеніе, принявъ приглашеніе женщины, которую она презирала и съ которой хотѣла теперь сорвать маску. Какъ истая ирландка, она легкомысленно отдавалась впечатлѣніямъ минуты, смѣялась, веселилась, брала отъ жизни тѣ радости, которыя случай ей предоставлялъ, но вдругъ солнце какъ бы задернулось зимними облаками, и ей стало холодно и жутко, какъ стрекозѣ, когда наступили холода. А Жоржъ? Онъ такъ странно измѣнился, такъ отдалился отъ нея. Надежды на его бракъ съ Адель Бодеваръ рушились—онъ очевидно ни въ какомъ случаѣ не женится по выбору своей тетки, хотя онъ и заявилъ, что недостаточно богатъ, чтобы имѣть возможность содержать жену. Какъ же онъ допустилъ себя до безразсуднаго увлеченія Зарой? Вѣдь ничего, кромѣ несчастья, такая любовь не можетъ привести. И кромѣ того, нужно также имѣть въ виду Тротти и ея планы относительно дѣвушки... М-ссъ Бради была такъ поглощена этими грустными мыслями, что Эжени пришлось нѣсколько разъ спросить ее, какое платье она надѣнетъ въ обѣду, прежде чѣмъ она получила отвѣтъ. Когда, наконецъ, м-ссъ Бради смогла сосредоточить свои мысли на этомъ важномъ предметѣ, выборъ ея удивилъ Эжени.

— Вѣдь это ваше самое парадное платье, ма'ам,—замѣтила она.—И сегодня вечеромъ оно совершенно ни къ чему. Я знаю отъ горничной м-ссъ Вандердекенъ, что хозяйка дома будетъ въ томъ же платьѣ, въ какомъ вы ее застали, когда пріѣхали; она называетъ его robe de châtelaine.

— Это ничего не мѣняетъ,—отвѣтила м-ссъ Бради:—у меня есть свои соображенія.

Какія соображенія могли заставить одѣть бархатное платье пѣвца vieux rose, отдѣланное ирландскими кружевами, при такомъ неподходящемъ случаѣ,—этого Эжени не могла понять. М-ссъ Бради стала одѣваться при помощи своей горничной; туалетъ ея былъ очень несложный, такъ какъ ей не приходилось прибѣгать ни къ какимъ „секретамъ“, и свои пышные черные волосы она тоже причесывала очень просто.

— Я должна рассказать вамъ смѣшную исторію,—сказала Эжени, чтобы завязать разговоръ.—М-ссъ Вандердекенъ велѣла приготовить кувшины съ дождевой водой въ спальняхъ всѣхъ дамъ; дождевая вода считается полезной для кожи. Всѣ увѣрены, конечно, что приказаніе исполнено, но дѣвушкамъ неохота

возиться съ такими пустяками, и онѣ просто бросаютъ въ каждый кубшинъ немного соды. На ощупь выходитъ то же самое, — говорятъ онѣ, — а до остального имъ дѣла нѣтъ. Да онѣ, въ сущности, правы, ма'ам. Подумайте, развѣ можно поправить цвѣтъ лица м-ссъ Гидеонъ-Ли или м-ссъ Вандердекенъ дождевой водой? Я бы даже не посмѣла упоминать о вашемъ дивномъ цвѣтѣ лица, говоря объ этихъ дамахъ.

М-ссъ Бради съ извинительной гордостью поглядѣла на себя въ зеркало. Рѣдкая изъ теперешнихъ женщинъ могла похвастать въ тридцать лѣтъ такимъ безукоризненно свѣжимъ лицомъ, не требующимъ никакихъ притираний, ни пудры, ни румянъ, ни какихъ-либо другихъ косметическихъ средствъ. Она убѣдилась, что ея нарядный туалетъ ей очень идетъ, и была рада этому по особымъ причинамъ.

Она появилась послѣдней въ столовой, гдѣ Тротти Вандердекенъ, въ своемъ оливковомъ бархатномъ платьѣ, все еще разыгрывала роль величавой *châtelaine*; у ея ногъ лежалъ Эльдо-радо на великолѣпной подушкѣ изъ стариннаго золотистаго атласа. Она взглянула съ холоднымъ изумленіемъ на пышный нарядъ своей гостыи. М-ссъ Бради приготовила отвѣтъ на этотъ изумленный взглядъ.

— Дорогая м-ссъ Вандердекенъ, — сказала она, — бываютъ случаи, когда одѣваешься только для общества, въ которое приходишь. Сегодня мною руководило не это побужденіе — я па-радно одѣлась въ честь вашего замка.

Раздался звукъ гонга. М-ссъ Вандердекенъ ничего не отвѣтила.

XXIII.

— По моему, наша Падерини становится слишкомъ дерзкой, — сказалъ лордъ Криссъ, наклонившись къ м-ссъ Вандердекенъ, около которой онъ сидѣлъ за столомъ. — Я этимъ именемъ называю нашу ирландку: всякаго ирландца зовутъ Падомъ, а женское имя отъ Пада — Падерини.

— Очень остроумно, — сказала Тротти съ натянутымъ смѣхомъ. — Вы находите, что она дерзкая? Это, кажется, національная черта всѣхъ ирландцевъ.

— Я уже нѣсколько разъ думалъ о томъ, — продолжалъ лордъ Криссъ, принимая тарелку *bisque* отъ лакея, — благоразумно ли было съ вашей стороны вводить ее въ нашъ кружокъ.

Судя по нѣкоторымъ намекамъ, которыми она обмолвилась, она догадывается о многомъ, чего бы ей не слѣдовало знать.

— Это вина Адель,—съ досадою отбѣтила м-съ Вандердекенъ.—Вѣдь нельзя было обижать ее.—М-съ Вандердекенъ и ея сосѣдъ продолжали говорить въ полголоса подъ прикрытіемъ шумнаго общаго разговора.

— Ея слова о томъ, что она нарядилась въ честь вашего замка, а не васъ и вашихъ гостей, сказаны съ намѣреніемъ васъ уязвить.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый другъ,—быстро возразила м-съ Вандердекенъ:—я полагаю, что просто она привезла вечерній туалетъ, и не хотѣла упустить случай надѣть его.

— Вотъ ужъ чисто женское объясненіе!

Онъ докончилъ вѣсть супъ и затѣмъ оглянулъ столъ.

— Десять человѣкъ,—проговорилъ онъ,—и все пары. Скажите, Тротти, вы не боитесь, что Зарѣ можетъ понравиться Жоржъ Морфи?

— Но вѣдь вы мнѣ сказали...

Онъ остановилъ ее, слегка коснувшись ея руки, и она не докончила фразы.

— Онъ очень измѣнился со времени концерта,—сказала она.—Теперь онъ почти не разговариваетъ со мной.

Тротти стала чувствовать себя не совсѣмъ ловко.

— Право, Криссъ, ваши предупрежденія теперь уже опоздали. Вы точно хотите намѣренно разстроить меня. Если нельзя довѣрять ни Жоржу Морфи, ни его теткѣ...

— Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ зорко слѣдить за ними. Я хотѣлъ только предупредить васъ. А теперь лучше затѣять общій разговоръ. Кажется, и такъ за столомъ замѣчается излишняя склонность къ дуэтамъ.

Тротти быстро оглянула кругъ гостей.

— Да, начните говорить,—сказала она.

Лордъ Криссъ всегда могъ, если хотѣлъ, заработать свой обѣдъ. Онъ сталъ пускать ракеты остроумія каждый разъ, когда среди обѣдающихъ завязывался разговоръ tête-à-tête, и такимъ образомъ ему удалось помѣшать Жоржу и Базилу Варендеру бесѣдовать исключительно съ ихъ сосѣдками. Все, что онъ говорилъ, было вздорно по существу, но очень блестяще. Но у него оказалась опасная соперница въ лицѣ м-съ Бради, которая не пропускала ни одного замѣчанія лорда Крисса безъ остроумнаго и уничтожающаго отвѣта. Она въ первый разъ выступила на арену въ качествѣ дѣйствующаго лица вмѣсто того,

чтобы оставаться спокойной зрительницей, и дебютъ ея оказался очень удачнымъ. Она наэлектризовала Тротти, привела въ восторгъ Адель и возбудила соревнованіе своего противника, которому пришлось напрягать всѣ свои силы въ состязаніи съ нею. Только когда подали кофе и ливеры, и когда всѣ закурили папирсы, лордъ Криссъ рѣшилъ, что онъ все-таки постарается побѣдить ее, если не остроуміемъ, то беззащитностью.

Тротти уничтожила старомодный обычай оставлять мужчинъ однихъ за десертомъ въ то время, какъ дамы скучаютъ до смерти въ гостиной. На ея обѣдахъ дамы не удалялись изъ столовой, причемъ предполагалось, что онѣ не будутъ оскорбляться вольностью мужскихъ разговоровъ.

— Я хочу предложить вамъ кое-что, Тротти, — сказала лордъ Криссъ. — По моему, самымъ подходящимъ развлеченіемъ среди этой оригинальной старинной обстановки было бы вернуться къ временамъ „Декамерона“, т.-е. рассказывать каждый вечеръ какую-нибудь исторію, достойную вниманія нашего высоко-культурнаго и свободнаго отъ всякихъ предрасудковъ кружка. Я исключаю Зару, — она, быть можетъ, еще не достигла такой высокой степени развитія. Конечно, эти рассказы будутъ только заканчивать вечера, не мѣшая ни музыкѣ, ни картамъ. Разсчитывая на то, что вы одобрите мое предложеніе, я собралъ уже кое-какой матеріалъ изъ фактовъ, слухи о которыхъ проникли въ печать. Я превращу ихъ въ художественный вымыселъ. Я буду рассказывать ихъ въ видѣ сказки, а каждый изъ васъ можетъ придумать дальнѣйшія варіаціи, или же давайте вы мнѣ фактический матеріалъ, а я буду вышивать на этой канвѣ фантастическіе узоры. Мнѣ кажется, что это можетъ выйти очень интересно.

Тротти Вандердекенъ была въ восторгѣ. Составить современный „Декамеронъ“, гдѣ дѣйствующими лицами рассказовъ были бы свои же друзья и знакомые, — оригинальнѣе и занятнѣе этого лордъ Криссъ никогда ничего не выдумывалъ. Она посмотрѣла на присутствующихъ, нища у нихъ одобренія, но сейчасъ же рѣшила, что достаточно одного ея согласія, чтобы планъ Крисса осуществился. Лордъ Криссъ предложилъ начинать рассказы въ половинѣ двѣнадцатаго, чтобы не нарушать „деревенскихъ привычекъ“, т.-е. ложиться спать не слишкомъ поздно. Рѣшено было также, что Зара не будетъ въ числѣ слушателей.

М-съ Бради выслушала все это съ спокойнымъ лицомъ, не выдававшимъ все усиливавшагося въ ней физическаго чувства отвращенія. Она не хотѣла выступать въ роли проповѣдника до поры, до времени. Она пріѣхала по доброй волѣ и знала, что

ей придется мириться со всѣмъ, что она услышитъ, увидитъ и откроетъ. Но контрастъ между красотой и величавостью стараго замка и людьми, поселившимися въ немъ, усилилъ ея раздраженіе противъ нихъ. Въ Лондонѣ они казались ей вздорными, но забавными; здѣсь же бросалась въ глаза только бессмысленность ихъ словъ и поступковъ, лишенная всякой забавности. М-ссъ Бради поняла, что нѣкоторые люди могутъ мѣнять свое мѣстожителство хотя бы каждый мѣсяцъ или каждыя двѣ недѣли, но жизнь свою этимъ они не измѣняютъ, оставаясь равными себѣ всюду. Они вездѣ и всегда будутъ проводить время за вѣдой, питьемъ вина, куреніемъ, флиртомъ, интригами и вѣчными забавами, пренебрегая всѣми своими обязательствами, представляя все дѣлать за себя своимъ управляющимъ и слугамъ.

— У м-ссъ Бради такой видъ, точно она готовится проповѣдь, — сказала наконецъ Тротти. — Она, кажется, порицаетъ всѣхъ насъ. Вотъ что еще, друзья мои: я забыла предупредить васъ, что у меня здѣсь нѣтъ гостиной. Она уже много лѣтъ заперта; тамъ сыро и холодно, и вся мебель состоитъ изъ поломанныхъ стульевъ и столовъ. Намъ придется поэтому довольствоваться hall'емъ и бильярдной, и обѣдать вотъ здѣсь. Библиотека вся заставлена книжными полками. Если кто-нибудь изъ васъ интересуется книгами, то найдетъ здѣсь старинныя изданія всѣхъ старыхъ авторовъ, упоминаемыхъ въ *Encyclopaedia Britannica*. Я заказала изъ Лондона транспортъ французскихъ и англійскихъ романовъ, но въ это несносное праздничное время ничего не доставляется, кромѣ индюшекъ и поздравительныхъ телеграммъ. Надѣюсь, никто изъ васъ не ожидаетъ рождественскихъ поздравительныхъ карточекъ. Я отдала строгое приказаніе сжигать безощадно всѣ поздравительныя *cartes postales*.

— Зачѣмъ вы напоминаете о Рождествѣ? — возразила м-ссъ Гидеонъ Ли. — Я всячески стараюсь забыть о немъ.

— И я тоже, — отвѣтила хозяйка, — но моя старая экономка добивалась, чтобы я распорядилась относительно пудинговъ и другихъ традиціонныхъ блюдъ на завтра. Я потребовала, чтобы насъ избавили отъ всего этого. Она чуть не плакала и говорила, что за пятьдесятъ лѣтъ ея службы въ нашей семьѣ еще не было случая, чтобы въ Рождество не подавалось рождественскихъ блюдъ. Я, однако, рѣшительно заявила ей, что никакихъ пудинговъ у насъ завтра не будетъ, что она можетъ кормить рождественскими кушаньями прислугу, но что мы этого варварскаго обычая соблюдать не желаемъ.

— Вы были совершенно правы, Тротти, — сказалъ лордъ

Криссъ.—Любопытно было бы, однако, поглядѣть на вашу эконормку, когда вы ей это сказали. Скажите, есть у васъ здѣсь сосѣди? Надѣюсь, намъ не угрожаютъ ихъ визиты.

— Пока еще никто не прїѣзжалъ,—сказала Тротти,—надѣюсь, что и не прїѣдутъ. Что можетъ быть ужаснѣе деревенской аристократіи!

— Если гдѣ-нибудь по сосѣдству живетъ пасторъ, онъ навѣрное явится въ вамъ,—замѣтилъ Тони Шевени.—Они всегда пользуются случаемъ просить пособія для починки церкви и для школь. Въ моемъ романѣ выведенъ пасторъ, и я ихъ изучалъ. Они ужасно пристають съ своими просьбами о пожертвованіяхъ и длинными проповѣдями въ церкви.

— А вы не знакомы съ отцомъ Снетчелемъ?—спросила м-съ Гидеонъ Ли.—Онъ наполовину іезуитъ и очаровательный человѣкъ, очень свѣтскій и веселый. Онъ говоритъ, что такъ много читаетъ по философіи—или, можетъ быть, по филантропіи,—что у него не хватаетъ времени заняться ею на дѣлѣ. И онъ совсѣмъ не надоедаетъ проповѣдями,—его очаровательные *vesperettes* длятся по получасу, не болѣе, и служба въ его церкви—такая красивая, нарядная!

— Ради Бога, перестаньте говорить о пасторахъ и о церковной службѣ!—взмолился лордъ Криссъ.—А то нашъ сегодняшній вечеръ дѣйствительно будетъ похожъ на обыкновенный сочельникъ. Кто вотируетъ за карты?

Всѣ сразу поднялись и направились въ hall. Тамъ разставлены были карточные столы, и въ каминѣ трещали огромныя полѣнья дровъ.

— Сначала Зара намъ что-нибудь пропоетъ,—сказала Тротти.—Надѣюсь, что Негг Позеревичъ сможетъ ей аккомпанировать; она споетъ только какую-нибудь простую пѣсенку.

— Оскаръ можетъ все играть!—съ негодованіемъ возразила Адель Бодезаръ.—Право, Тротти, вы, кажется, забыли, что онъ—настоящій артистъ.

— Нѣтъ, я ничуть этого не забыла. Я помню его съ концерта Зары. Но если онъ слишкомъ большой артистъ, чтобы снизойти до аккомпаниаторства, то, можетъ быть, Криссъ не откажется...

— Я съ удовольствіемъ буду аккомпанировать,—сказалъ Оскаръ, которому страстно хотѣлось сѣсть наконецъ за рояль.

— Ну, такъ рѣшите это между собой!—равнодушно сказала Тротти.—А теперь, господа, скажите, въ какую игру мы

будемъ играть.—Подумайте, вѣдь я, съ тѣхъ поръ какъ уѣхала изъ Лондона, не брала въ руки карты!

— Могу себѣ представить, какимъ невиннымъ младенцемъ вы чувствуете себя,—замѣтилъ лордъ Криссъ.

Трудно было представить себѣ что-либо менѣе невинное, чѣмъ м-съ Вандердекенъ, но она повернулась къ карточнымъ столикамъ съ видомъ невинной овечки, и сказала лорду Криссу, что онъ сталъ слишкомъ часто говорить комплименты, и потому его поставятъ въ уголъ, гдѣ онъ будетъ стоять, пока не общается исправиться.—А теперь, —прибавила она, —сядемъ скорѣе за карты; помните, что въ половинѣ двѣнадцатаго мы должны кончить, чтобы выслушать первую изъ декамероновскихъ фантазій Крисса.

XXIV.

М-съ Бради должна была сознаться, что никогда въ жизни не проводила такого вечера, какъ сочельникъ въ замкѣ м-съ Вандердекенъ. Противъ картъ она ничего не имѣла, такъ какъ въ качествѣ ирландки любила всякое возбужденіе, но рискованныя шутки и сплетни, глупый смѣхъ, неумѣренное питье ликеровъ и виски—все это походило на оргію, среди которой и лѣніе Зары, и нѣсколько пьесъ Шопена и Шумана, сыгранныхъ Оскаромъ, прошли совершенно незамѣченными.

Зара незамѣтно вышла изъ комнаты, и никто не обратилъ вниманія на ея отсутствіе; только Жоржъ принялъ это какъ молчаливый протестъ противъ поведенія гостей; но и онъ былъ нѣсколько разгоряченъ выпитымъ въ большомъ количествѣ виномъ и не выразилъ вслухъ своего сожалѣнія.

Посреди общаго веселья, принявшаго очень разнузданный характеръ, раздались звуки рождественскихъ колоколовъ. М-съ Бради невольно выронила карты изъ рукъ; лэди Бодезаръ послѣдовала ея примѣру. М-съ Вандердекенъ посмотрѣла на нихъ своими усталыми глазами, окруженными темными кругами, какъ бы спрашивая, что это обозначаетъ.

— Это рождественскіе колокола, —сказалъ лордъ Криссъ.— Мы собирались начать нашъ „Декамеронъ“ въ половинѣ двѣнадцатаго, а теперь уже полночь.

Тротти быстро вскочила и смѣшала карты.—Начните скорѣе рассказывать!—воскликнула она.—И какъ это мы забыли объ этомъ! Давайте, сядемъ всѣ скорѣе около камина, и начинайте скорѣе!

Лордъ Криссъ, выпившій уже въ изрядномъ количествѣ вина и ликеровъ, налилъ себѣ еще стаканъ виски съ содовой водой и поставилъ его на маленькій столикъ у камина.

— Я подожду, пока кончится этотъ проклятый трезвонъ,— сказалъ онъ. Вѣрный принципамъ своего избраннаго кружка, онъ никогда не стѣснялся выборомъ выраженій ни въ присутствіи дамъ, ни въ ихъ отсутствіи.

— Не обращайтесь на это вниманія,— сказала Тротти, усаживаясь поудобнѣе въ глубокомъ креслѣ.— Мы не можемъ предоставить въ ваше распоряженіе болѣе получаса, чтобы все-таки лечь спать рано,—нужно же воспользоваться деревенскимъ отдыхомъ, отъ котораго всѣ мы похорошѣемъ. Кстати,—прибавила она, обращаясь къ дамамъ:—я велѣла приготовить всѣмъ вамъ дождевую воду для умыванія. Вы увидите, какъ это пріятно послѣ жесткой лондонской воды. Мнѣ сказали, что въ замкѣ есть приспособленія для собиранія дождевой воды—бочки и трубы. Я сама ничего этого не видѣла, но полагаю, что все устроено, какъ слѣдуетъ.

— Несомнѣнно,—сказалъ лордъ Криссъ,—жалъ только, что уже болѣе мѣсяца не было дождя.

Среди молчанія, наступившаго послѣ его словъ, лордъ Криссъ вынулъ изъ бокового кармана маленькую записную книжечку, сталъ ее небрежно перелистывать и, найдя то, что искалъ, откинулъ голову съ самоувѣреннымъ видомъ опытнаго рассказчика.

— Я разрѣшаю всѣмъ курить,—сказалъ онъ,—и самъ тоже послѣдую вашему примѣру. Папироска—самый удобный знакъ препинанія, еще не открытый составителями грамматикъ и типографщиками. Первый рассказъ, который я предложу вашему вниманію, короткій, но заглавіе его длинное, и онъ удобенъ тѣмъ, что къ нему можно легко придумать продолженіе. Я озаглавилъ его: „Черный принцъ, свѣтская дама и восточное наслѣдіе“.

Всѣ переглянулись, видимо удивленные заглавіемъ рассказа. Тротти Вандердекенъ быстро взглянула на лорда Крисса изумленнымъ, вызывающимъ взглядомъ; онъ кивнулъ ей головой въ знакъ пониманія, закурилъ папиросу и началъ рассказывать.

— Факты я собралъ,—сказалъ онъ,—изъ тѣхъ милыхъ газетъ и журналовъ, которые думаютъ, что оказываютъ намъ честь, относясь къ намъ безпристрастно и не признавая привилегій высшаго свѣта. Они называютъ свои сообщенія свѣтской лѣтописью, хотя не имѣютъ никакого понятія о свѣтскомъ обществѣ. Недавно одинъ изъ такихъ лѣтописцевъ освѣдомилъ своихъ чи-

тателей о цѣлой серіи замѣчательныхъ и въ сущности весьма скучныхъ празднествъ, сопровождавшихъ какое-то національное торжество. На эти празднества приглашенъ былъ цѣвъ рыцарства, вся родовая и денежная знать нашей славной имперіи. Столица переполнена была владѣтельными и титулованными лицами, столь же многочисленными, какъ и полиція, охранявшая ихъ отъ черни. Но властямъ не приходило въ голову, что гораздо правильнѣе было бы создать дѣйствительную *garde d'honneur*, охраняющую отъ знатныхъ хищниковъ и титулованныхъ сирень, отъ которыхъ и произошла бѣда. Оказалось, что вѣкій восточный принцъ—знатный, красивый, владѣвшій сокровищами Голконды, пришелся по сердцу многимъ прекраснымъ и безденежнымъ знатымъ дамамъ, обремененнымъ большими неоплаченными счетами у портныхъ. Въ тотъ знаменательный сезонъ дамы высшаго свѣта носили особенно много брилліантовъ, что доказывало щедрость благороднаго восточнаго принца. Случилось, однако, что одна слабохарактерная и прекрасная дама слишкомъ далеко зашла въ своемъ увлеченіи. Ея законный супругъ былъ въ отсутствіи,—что довольно часто случается съ законными мужьями прекрасныхъ женъ, удостоившихся благосклонной улыбки владѣтельныхъ особъ...

М-съ Вандердекенъ переглянулась съ м-съ Гидеонъ Ли и съ Адель Бодезаръ. Онѣ въ точности знали, на кого намекалъ лордъ Криссъ въ своемъ вымышленномъ разсказѣ.

— Бываютъ, однако, случаи,—продолжалъ лордъ Криссъ,—когда прекраснымъ дамамъ слѣдуетъ изъ благоразумія ставить свои капризы подъ покровительство хотя бы мнимаго законнаго союза. Въ данномъ случаѣ это правило было соблюдено. Знатная семья, о которой идетъ рѣчь, не имѣла наслѣдника, а единственной дочери прекрасной дамы и ея часто отсутствовавшаго супруга было уже лѣтъ семь или восемь. Прошло много мѣсяцевъ, и прекрасная дама все рѣже и рѣже показывалась въ свѣтѣ; стали ходить разнаго рода слухи, возбуждавшіе интересъ у чадолубивыхъ матронъ. Говорили, что находившійся долго въ отсутствіи супругъ вернулся и ждалъ семейныхъ событій съ истинно-аристократическимъ спокойствіемъ духа. Нѣсколько ранѣе предполагаемаго срока онъ сталъ счастливымъ отцомъ сына и наслѣдника знатнаго рода. Точныя даты не были установлены, но въ этомъ никто не могъ разобраться. Но—и въ этомъ вся соль исторіи—никто, кромѣ непосредственно заинтересованныхъ въ семейномъ событіи лицъ, не имѣлъ чести лицезрѣть новаго отпрыска знатнаго рода. Приставленная къ нему няня хранила

глубокую тайну о цвѣтѣ кожи новорожденнаго, а врачъ, заблудившійся болѣе всего о томъ, чтобы сдѣлать карьеру, обнаружилъ незыблемую вѣру въ чистоту аристократическихъ родовъ великой британской націи. Что же касается отца, то можно ли предположить, что онъ могъ ясно опредѣлить черты фамиліаго сходства, глядя на свертокъ фланели, который ему показали въ полутемной комнатѣ, — вѣдь извѣстно, что новорожденные младенцы не выносятъ яркаго освѣщенія. Выразивъ свое полное удовольствіе по поводу знаменательнаго событія, знатный законный супругъ отправился въ Камчатку, или въ другую, выбранную имъ для новой экспедиціи, страну, и предоставилъ прекрасной дамѣ благословлять, или проклинать — законы природы въ одиночествѣ и возстановлять свое расшатанное здоровье... Такова, милостивыя государыни и милостивые государи, исторія чернаго принца, и т. д., и т. д. Если кто-нибудь изъ васъ можетъ продолжить ее, я съ радостью уступлю ему мѣсто и присоединюсь къ слушателямъ.

Наступила короткая пауза. Вдругъ Жоржъ Морфи вскочилъ съ мѣста.

— Я васъ совершенно не понимаю, лордъ Криссъ! — воскликнулъ онъ. — Я считаю безчестнымъ распространеніе такихъ сплетенъ. И какъ вы имѣете дерзость предположить, что кто-нибудь послѣдуетъ вашему примѣру?

М-ссъ Бради тоже поднялась.

— Я вполне согласна съ тобой, Жоржъ, — сказала она. — Даже еслибы это была правда...

Лордъ Криссъ разсмѣялся пьянымъ смѣхомъ и выпилъ до дна свой стаканъ виски.

— Какіе вы, право, лицемѣры! — сказалъ онъ. — Вы знаете сами, что это правда; и я не рассказалъ еще самаго интереснаго — про обмѣнъ младенцевъ въ родильномъ домѣ.

— Позвольте пожелать вамъ спокойной ночи, м-ссъ Вандердекенъ, — сказала м-ссъ Бради.

Среди общаго молчанія она поклонилась хозяйкѣ и стала подниматься по слабо освѣщенной лѣстницѣ.

— Ваша исторія, дѣйствительно, слишкомъ пикантна, Криссъ, — сказалъ Базиль Варендеръ, поднимаясь въ свою очередь. — А теперь, однако, пора расходиться.

Всѣ поднялись съ мѣстъ, и м-ссъ Вандердекенъ послѣдовала общему примѣру. Ее нѣсколько удивило, что и полъ тоже какъ будто поднялся подъ ея ногами, точно воодушевленный внезапнымъ стремленіемъ коснуться потолка.

— Мнѣ очень грустно,—сказала она неестественно медленнымъ и торжественнымъ голосомъ,—что разсказъ Крисса такъ возмутилъ нѣкоторыхъ изъ моихъ гостей. Криссъ иногда, дѣйствительно, переступаетъ границы дозволеннаго. Спокойной ночи!

Она снова опустилась въ кресло, чувствуя, что не въ состояніи подняться по лѣстницѣ. Лордъ Криссъ остался съ нею.

XXV.

Адель Бодезаръ вошла въ комнату м-ссъ Бради. У нея былъ нѣсколько растерянный видъ.

— Милая моя,—сказала она,—если вы и Жоржъ будете такъ бурно выражать свое неудовольствіе, то остальные будутъ чувствовать себя крайне неловко.

— Странно, Адель, что вы вдругъ заступаетесь за лорда Крисса!—раздраженно отвѣтила м-ссъ Бради.—Вы забыли, что говорили мнѣ объ этихъ людяхъ и ихъ образѣ жизни всего нѣсколько дней тому назадъ?

— Я отлично помню, но я не могу открыто уличать ихъ. Къ несчастію, они считаютъ меня таковой же, какъ они сами.

— А Жоржъ?—неожиданно спросила м-ссъ Бради.—О немъ они тоже такого мнѣнія?

— Онъ былъ очень друженъ съ лордомъ Криссомъ до вашего появленія.

М-ссъ Бради вспомнила свой разговоръ съ племянникомъ у него на квартирѣ, когда онъ уговаривалъ ее не сближаться со всѣмъ этимъ обществомъ.

— Я вовсе не такая пуританка, какъ вы полагаете, Адель,—сказала она,—и хорошо знаю жизнь, но все-же мнѣ кажется, что нельзя требовать отъ порядочной женщины, чтобы она спокойно выслушала такую исторію, какую намъ разсказалъ сегодня лордъ Криссъ.

— Но онъ сказалъ, что вычиталъ ее въ газетахъ.

— Въ газетахъ печатаютъ много грязныхъ сплетенъ,—зачѣмъ же ихъ повторять въ дамскомъ обществѣ, дополняя ихъ всякими непристойными подробностями?

— У насъ, въ Англии, интересуются только пивантными подробностями. Объ исторіи, которую разсказалъ лордъ Криссъ, много говорили въ свое время. Я случайно знаю, что продолженіе ея еще хуже того, что мы слышали. Мнѣ про это разсказывала кормилица, которая...

Раздался легкій стукъ въ дверь, и въ комнату вошла Эжени. Адель подвинулась, зѣвая.

— Спокойной ночи, — сказала она. — Какъ-то намъ будетъ спать въ этихъ странныхъ старинныхъ кроватяхъ? Надѣюсь, что у меня въ каминѣ столько же дровъ, какъ у васъ, и что огонь не погаснетъ до утра. Мнѣ было бы страшно проснуться ночью въ темнотѣ.

Она поцѣловала м-ссъ Бради.

— Не огорчайтесь изъ-за того, что произошло сегодня, — сказала она. — Завтра все это будетъ забыто. Криси немного подвыпилъ, и Тротти, кажется, — тоже. Они помогутъ другъ другу добраться до своихъ комнатъ. Это часто случается въ английскихъ замкахъ; а въ сочельникъ это тѣмъ болѣе извинительно.

Она засмѣялась и ушла, закрывъ дверь за собой.

Эжени помогла своей госпожѣ снять ея нарядное платье, подала ей капоть и стала причесывать ей волосы на ночь.

— Не знаю, нравится ли вамъ здѣсь, ma'am, — сказала она, глядя на огорченное лицо м-ссъ Бради, — но, по-моему, всѣ эти знатные господа возмутительно ведутъ себя. Чего-чего я не слышалась сегодня! Я бы могла составить себѣ состояніе, написавъ обо всемъ этомъ въ журналы.

— Не совѣтую вамъ это дѣлать, — отвѣтила м-ссъ Бради усталымъ голосомъ. — Этихъ людей ничѣмъ нельзя исправить, — они потеряли всякій стыдъ. Если открыто возмущаться ихъ образомъ жизни, они сочтутъ это отсталостью и грубостью, и прекратятъ знакомство — вотъ и все.

Эжени привыкла къ откровеннымъ изліяніямъ своей госпожи, но она никогда не замѣчала въ ней такого ожесточенія противъ свѣтскаго общества, въ которое она всегда стремилась проникнуть. Камеристкѣ хотѣлось бы знать, таковы ли дѣйствительно господа, какъ про нихъ рассказывала ей ихъ прислуга въ людской. Быть можетъ, правда, что слуги лордовъ все-таки лучше самихъ лордовъ, и камеристки честнѣе своихъ барынь, которыя забываютъ уплачивать имъ жалованье и мучатъ ихъ своими капризами. Она слышалась много поразительныхъ исторій на этотъ счетъ въ людской.

Она молча расчесывала волосы м-ссъ Бради, лицо которой становилось все болѣе и болѣе мрачнымъ.

— Я бы, на вашемъ мѣстѣ, не принимала все это такъ близко къ сердцу, — сказала она. — На свѣтѣ есть и хорошіе, и дурные люди, — такъ оно всегда было, и теперь ничего не измѣнилось. А всѣ эти знатные господа и дамы, конечно, возмути-

тельны; они не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ чорта, и думаютъ только о себѣ и своихъ удовольствіяхъ.

М-съ Бради не слушала Эжени, занятая своими мыслями. Ее поразила выходка Жоржа, и не менѣе удивила кротость, съ которой лордъ Криссъ отнесся къ ней. Она думала о томъ, не слѣдуетъ ли ей съ Жоржемъ уѣхать на слѣдующій же день. Нельзя же пользоваться гостепріимствомъ хозяйки, оскорбивъ ее друга. Лордъ Криссъ игралъ первенствующую роль въ домѣ м-съ Вандердекенъ и былъ устройтеlemъ всѣхъ увеселеній. Значитъ, онъ каждый вечеръ будетъ рассказывать свои исторіи, и каждый вечеръ ей придется слушать ихъ или демонстративно уходить. Адель не предупредила ее о томъ, что ее ожидаетъ, но даже она очевидно считала такого рода вечера необычными. М-съ Бради отпустила Эжени, велѣвъ ей разбудить себя въ девять часовъ, закрыла за нею дверь и легла въ постель. Въ комнатѣ было тепло и уютно, и огонь въ каминѣ озарялъ комнату пріятнымъ, мягкимъ свѣтомъ. Глубокая тишина воцарилась во всемъ домѣ, и только издали гдѣ-то часы пробили два. М-съ Бради зарыла голову въ подушки и уснула крѣпкимъ сномъ, утомленная всѣми пережитыми ею въ теченіе дня волненіями.

Ей казалось, что она проспала много часовъ, когда вдругъ что-то пробудило ее и отогнало сразу всякое желаніе спать.

Она съѣла на постели и оглянулась вокругъ себя. Сначала она никакъ не могла понять, гдѣ она; потомъ постепенно все прояснилось, и она вспомнила, что она не въ своей спальнѣ на Mount-Street, а въ замкѣ Тротти Вандердекенъ. Огонь въ каминѣ догоралъ и слабо озарялъ большую комнату со старинной мебелью. Ей послышался какой-то странный звукъ, который, очевидно, и разбудилъ ее. Что это было? Какой-то крикъ, сдержанный стонъ и рѣзкій шумъ захлопнувшейся двери. А потомъ — приснилось ей это, или дѣйствительно—кто-то схватился за ручку ея двери и, рыдая, звалъ ее, кричалъ:

— Впустите меня, впустите меня!

Сама не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, она вскочила съ постели и быстро открыла дверь. На порогѣ стояла высокая женская фигура, вся въ бѣломъ. Она подняла голову — это была Зара.

— Что случилось? — спросила м-съ Бради.

Вмѣсто отвѣта, дѣвушка быстро вбѣжала въ комнату и заперла за собой дверь. У нея былъ дикій, испуганный видъ, она вся задыхалась и дрожала. Лицо выражало ужасъ и гнѣвъ.

— Сядьте въ огонь!—сказала м-съ Бради, стараясь ее успокоить.—Что васъ такъ напугало?

Вдругъ она вспомнила про комнату съ привидѣнными. Можетъ быть, Зара увидѣла что-то страшное въ своей комнатѣ?

Дѣвушка вся дрожала въ своей бѣлой ночной одеждѣ. М-съ Бради накинула на нее свой теплый стеганный капотъ, усадила ее въ кресло у камина, зажгла свѣчи на туалетномъ столѣ и подошла къ взволнованной дѣвушкѣ.

— Что съ вами, дорогая?—опять спросила она.—Что васъ испугало?

Зара закрыла лицо руками, произнося какія-то несвязныя нѣмецкія слова. Черезъ нѣсколько минутъ она стала говорить спокойнѣе, и м-съ Бради смогла понять изъ ея словъ, что кто-то вошелъ въ ея комнату, нагнулся надъ нею и разбудилъ ее, нашептывая ей что-то страшное. Она быстро подняла голову съ подушки, и чья-то рука зажала ей ротъ, и опять раздался шопотъ.

— Было темно... я ничего не могла разглядѣть, не знала, не во свѣ ли все это происходитъ. Потомъ—вдругъ—я поняла, кто это. Тогда что-то внутри меня точно сказала мнѣ: лучше всего не шевелиться, только такъ можно спастись. А шопотъ все продолжался... Тогда я поняла... все поняла. Я вскрикнула и изо всѣхъ силъ ударила—вотъ такъ...—Зара поднялась съ кресла и сдѣлала рѣзкое движеніе обѣими руками, показывая, съ какой силой она нанесла ударъ.—Я оттолкнула стоящую около меня фигуру куда-то далеко, потомъ бросилась бѣжать къ вамъ. Что-то—я сама не знаю что—сказало мнѣ, что вы—единственная чистая, добрая женщина въ этомъ домѣ.

— Но что же это было, Зара, дорогая? Что васъ напугало? Развѣ *ваша* комната оказалась той, гдѣ появляются привидѣнія?

— Привидѣніе? Der Geist!—воскликнула Зара.—Развѣ я ребенокъ, чтобы вѣрить въ такія глупости! Но какъ вамъ сказать... неужели вы не можете догадаться сами?—Зара взглянула на нее умоляющимъ взглядомъ.—Я не останусь въ этомъ домѣ ни одного дня,—сказала она, вся дрожа.—Молю васъ, увезите меня! Общайте мнѣ это, и я вамъ скажу... почему я не могу здѣсь остаться.

— Увезти васъ? Развѣ это мыслимо? М-съ Вандердекенъ ваша покровительница,—какъ же я могу увезти васъ отъ нея?

— Вы должны, если у васъ доброе сердце. И вы это сдѣлаете, когда узнаете, что произошло. Слушайте...

Она наклонилась къ м-съ Бради и прошептала ей что-то на-ухо.

XXVI.

При ясномъ освѣщеніи солнечнаго декабрьскаго утра таинственный замокъ отчетливо вырисовывался на фонѣ прозрачнаго воздуха. Это было большое внушительное зданіе съ остроконечной крышей и глубоко сидящими въ нишахъ окнами. Стѣны были ни краснаго кирпичнаго, ни темнаго цвѣта, а имѣли неопредѣленный мягкій тонъ старинныхъ зданій. Густая зелень плюща закрывала значительную часть стѣнъ и затемняла много оконъ. Терраса заросла травой; каменные балюстрады были покрыты мхомъ, а большія урны, предназначенныя для цвѣтовъ, стояли пустыя.

Замокъ стоялъ на возвышеніи и окруженъ былъ дубовой рощей, которая, вѣроятно, лѣтомъ совершенно заслоняла домъ отъ пробѣжной дороги. И роща эта, какъ и замокъ, носила слѣды большого запущенія.

Сидя на террасѣ въ это солнечное утро, Жоржъ Морфи подумалъ о томъ, что замокъ м-ссы Вандердекенъ, въ сущности, такая же развалина, какъ и сама Тротти. Онъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ передъ домомъ. Никто изъ домашнихъ еще не показывался, кромѣ нѣсколькихъ заспанныхъ слугъ. Жоржъ плохо спалъ ночью и обрадовался первому солнечному лучу. Онъ быстро одѣлся и вышелъ подышать свѣжимъ, бодрящимъ воздухомъ, столь отраднымъ для него послѣ лондонскихъ тумановъ. Спустившись съ террасы, онъ вошелъ въ садъ, гдѣ цвѣли розы; солнечные лучи падали прямо на цвѣты и озаряли запущенныя дорожки сада. Молодой человѣкъ жадно вдыхалъ свѣжесть солнечнаго утра и думалъ о безразсудствѣ людей, которые пренебрегаютъ сокровищами природы, промѣнивая ихъ на жизнь въ тѣсныхъ городахъ, въ душныхъ комнатахъ,—ради какихъ-то призрачныхъ благъ и удовольствій. Онъ хотѣлъ пойти глубже въ садъ, когда вдругъ его кто-то окликнулъ. Онъ оглянулся и увидѣлъ свою тетю, которая спѣшила нагнать его. Онъ съ удивленіемъ остановился и подождалъ ее.

— Жоржъ!—крикнула она, задыхаясь.—Какъ хорошо, что ты такъ рано всталъ! Я увидѣла тебя изъ окна и сейчасъ же поспѣшила сюда.— Она остановилась, задыхаясь отъ быстрой ходьбы.— Дорогой мой, мнѣ нужно сообщить тебѣ нѣчто ужасное. Не знаю даже, какъ и сказать тебѣ...

Онъ поблѣднѣлъ.—Зара?—быстро спросилъ онъ.

М-ссъ Бради кивнула головой.—Да, это касается ея. Какъ

это ты догадался? Она хочет немедленно уѣхать отсюда—и просить, чтобы я увезла ее.

— Вы? Развѣ вы не останетесь до конца недѣли?

— Еслибы сегодня не былъ первый день Рождества, я уѣхала бы немедленно,—отвѣтила она.—Я во многомъ раскаивалась въ жизни, но ни въ чемъ такъ сильно, какъ въ томъ, что послушалась Адель и пріѣхала сюда.

М-ссъ Бради оглянулась вокругъ себя, какъ бы желая убѣдиться, что никто ихъ не подслушиваетъ.

— Я не могу тебѣ всего объяснить... Видишь ли, я убѣдилась, что нельзя оставить молодую дѣвушку на попечение м-ссъ Вандердекенъ... Мнѣ пришлось укрывать Зару сегодня ночью у себя въ комнатѣ.

Лицо Жоржа вспыхнуло отъ возмущенія.

— Боже мой!—сказалъ онъ.—Неужели эти люди гнуснѣе, чѣмъ даже я предполагалъ?

— Они очень гнусны,—это несомнѣнно, — сказала м-ссъ Бради.—Я теперь въ самомъ затруднительномъ положеніи. Придется сказать, что комната Зары оказалась той, въ которой появляются привидѣнія, и что она такъ испугалась, что заболѣла.

— Не покажется ли страннымъ, что она пріѣхала къ вамъ, а не къ своей покровительвицѣ?

— Она уѣхала черезъ дверь въ корридоръ, а моя дверь—первая рядомъ съ ея комнатой.

— А она дѣйствительно больна?—тихо спросилъ Жоржъ.

— Она до утра не хотѣла лечь въ постель, и, уложивъ ее, я еще дала ей капель. Я сама всю ночь не спала, но это не важно. Теперь она спитъ у меня въ комнатѣ, и Эжени—около нея. Какъ только я тебя увидѣла, и быстро одѣлась и побѣжала внизъ. Такъ что же дѣлать теперь?

Онъ никогда не видѣлъ свою тетю въ такомъ волненіи. Онъ зналъ, что ея внезапный отъѣздъ произведетъ скандалъ, а придумать приличный предлогъ для отъѣзда было очень трудно.

— Я все-таки не могу понять, что случилось, — сказалъ онъ.—Правда, что двое—если не болѣе—изъ вчерашнихъ гостей были въ невмѣняемомъ состояніи. Отвратительный разговоръ Крисса и странное поведеніе м-ссъ Вандердекенъ объясняются очень просто. Но если результаты...

— Я въ полномъ отчаяніи, Жоржъ, и не знаю, на что рѣшиться. Зара говоритъ, что если я не увезу ее, то она убѣжитъ сама, или лишитъ себя жизни,—она на все готова, лишь бы не остаться подъ этимъ кровомъ. Нужно какъ-нибудь предотвратить

скандалъ. Мнѣ придется объясниться съ Тротти, и я увѣрю тебя, что изъ всѣхъ объясненій, которыя выпадали на мою долю въ жизни, это—самое тягостное.

— Вѣрю вамъ. Но я также увѣренъ, что для м-ссъ Вандердекенъ оно будетъ еще болѣе тягостно, чѣмъ для васъ.

— А я полагаю, что она не помнитъ ничего изъ того, что произошло. Адель мнѣ рассказывала, что она принимаетъ какое-то ужасное наркотическое средство, которое совершенно отшибаетъ у нея память и постепенно разрушаетъ въ ней всякое чувство отвѣтственности за свои поступки. Она цѣлыми часами лежитъ, какъ кусокъ дерева, и ее никакъ нельзя разбудить. Этимъ, вѣроятно, объясняется странность ея характера и ея причуды—все это послѣдствія наркоза.

— Увы, она не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи,—сказалъ Жоржъ.—Страсть къ наркозамъ распространена во всѣхъ слояхъ общества. Я знаю, что лордъ Криссъ принимаетъ кокаинъ; онъ мнѣ самъ это сказалъ. Онъ даже уговаривалъ меня слѣдовать его примѣру, но я отказался. Впрочемъ, все это къ дѣлу не относится. Скажите, неужели у Зары нѣтъ родственниковъ, къ помощи которыхъ она бы могла теперъ прибѣгнуть?

— Она говоритъ, что у нея никого нѣтъ. Она—сирота и воспитывалась въ пансіонѣ, устроенномъ м-ссъ Вандердекенъ въ Шварцвальдѣ; тамъ она училась пѣнію.

— Можетъ быть, она можетъ создать себѣ независимое положеніе своимъ талантомъ. Я увѣренъ, что еслибы она спѣла кому-нибудь изъ театральныхъ директоровъ въ Лондонѣ, она бы легко могла получить ангажементъ.

— Возможно, но дебютанткамъ платятъ гроши. И гдѣ бы она могла жить? Она слишкомъ молода и слишкомъ красива, чтобы ее можно было предоставить самой себѣ.

— Это вѣрно,—сказалъ Жоржъ и замолчалъ. М-ссъ Бради взглянула ему въ лицо и была поражена его удрученнымъ видомъ.

— Мы все это еще должны хорошенько обдумать,—сказала она.—Меня такъ взволновало отчаяніе несчастной, беззащитной дѣвушки, что я обѣщала помочь ей, не взирая ни на какія препятствія. Но вѣдь я отлично понимаю, что Тротти Вандердекенъ не отпуститъ ее, хотя бы даже на время, безъ борьбы.

— Если вы согласны взять на себя попеченіе о Зарѣ и она этого дѣйствительно хочетъ, то съ противодѣйствіемъ м-ссъ Вандердекенъ можно будетъ справиться.

Она быстро подняла глаза. — Я понимаю, что ты хочешь сказать. Но вѣдь я могу взять ее къ себѣ только на время.

Онъ снова весь вспыхнулъ и перевелъ дыханіе.

— Я люблю Зару, — сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, — и еслибы она могла полюбить меня — иногда мнѣ это кажется возможнымъ, — то это разрѣшило бы всѣ трудности.

— Жоржъ, милый, вѣдь это безуміе! Ты погубишь свою карьеру, свои виды на будущее.

— При нѣкоторой скромности мы могли бы жить на тѣ средства, которыя я имѣю. И еслибы Зара хотѣла пользоваться своимъ талантомъ, я бы не считалъ это оскорбительнымъ для моего самолюбія. Мнѣ такъ опротивѣло лицемеріе и ложь этихъ людей, милая тетя, вся эта мнимая утонченность вкусовъ, всѣ эти позолоченные пороки, вся эта суета и погоня за развлеченіями! Я знаю въ точности, къ чему это сводится, какая грязь на днѣ этой жизни. Я въ тысячу разъ предпочитаю теперь честную трудовую жизнь, освященную совнаніемъ исполненнаго нравственнаго долга.

М-ссъ Бради взглянула на него съ нескрываемымъ ужасомъ.

— Вѣдь ты эту дѣвушку едва знаешь, — сказала она. — Ты влюбился въ ея красивое личико и думаешь, что ея душа соотвѣтствуетъ ея внѣшности. Но такой необдуманый бракъ можетъ сдѣлать тебя несчастнымъ на всю жизнь. Подумай о томъ, гдѣ она получила воспитаніе, подумай о жизни, которую она вела въ домѣ м-ссъ Вандердекенъ. И наконецъ, вѣдь она цыганка, выросшая внѣ всякой религіи. Молю тебя, Жоржъ, оставь нелѣпую мысль жениться на ней!

Она была такъ взволнована, что говорила дрожащимъ голосомъ и со слезами на глазахъ.

— Дай мнѣ по крайней мѣрѣ обдумать все это, — продолжала она, — и не говори еще о своихъ чувствахъ Зарѣ. Ты ее испугаешь; она такъ далека отъ подобныхъ мыслей. Ей непріятно, когда ей говорятъ о любви, а теперь, послѣ испуга, который она пережила, ты только возбудишь въ ней непріязнь, если объяснишься ей въ любви. Общаю тебѣ, что если я смогу помочь тебѣ, я это сдѣлаю. Я дамъ тебѣ возможность ближе познакомиться съ нею, — вѣдь ты ее совсѣмъ не знаешь. Не будь опрометчивъ, чтобы потомъ не раскаяться. Любовь — очень высокое чувство, но одной любовью нельзя жить. И грѣхъ также обрекать молодую дѣвушку на нищету и горе, только потому, что она тебѣ нравится.

— Какъ вы краснорѣчивы! — со смѣхомъ сказалъ Жоржъ. —

Вы такъ говорите, точно она уже согласилась стать моею женою, и наша свадьба назначена на завтрашній день. Я вовсе не такъ безразсуденъ, дорогая тетя, и не намѣренъ быть виновникомъ несчастья дѣвушки, которую я люблю. Я вамъ вполне довѣрю, — вы были мнѣ лучшимъ другомъ всю мою жизнь, и я знаю, что вы будете заботиться о счастьѣ и благополучіи Зары, такъ же, какъ и о моемъ.

— Да, Жоржъ, я сдѣлаю все, что смогу, чтобы помочь ей. Тебя я люблю какъ сына, и готова на все, чтобы ты былъ счастливъ.

— Въ такомъ случаѣ, — быстро возразилъ онъ, — спасите Зару отъ вліянія этой ужасной среды. Для этого вамъ нужно свидѣться съ м-ссь Вандердекенъ и сказать ей въ лицо все, что вы о ней думаете.

XXVII.

Почти всѣ дамы завтракали у себя въ комнатахъ. Въ столовую явились только м-ссь Бради, Жоржъ, Базиль Варендеръ и Оскаръ Джонсъ. Объ оргіи, происходившей наканунѣ, никто не упоминалъ, но всѣ чувствовали какую-то неловкость и разговоръ не клеился.

Пришелъ лакей за распоряженіями относительно экипажей, лошадей и велосипедовъ. Жоржъ рѣшилъ поѣхать кататься верхомъ, Оскаръ и Базиль Варендеръ предпочли велосипеды, а м-ссь Бради заявила, что она пойдетъ гулять пѣшкомъ. Поднявшись къ себѣ въ комнату, она застала Зару еще спящею; Эжени сидѣла около ея постели.

— Горничная была очень удивлена, — сообщила она своей госпожѣ, — когда я не позволила ей придти убрать вашу комнату. Она спрашивала, какъ это барышня очутилась здѣсь. Я сказала, что она испугалась ночью, потому что ей почудилось что-то страшное, и прибѣжала къ вамъ; что вы съ трудомъ ее могли успокоить и что она заснула только подъ утро. Я видѣла камеристку м-ссь Вандердекенъ; она какъ разъ выходила отъ своей барыни и сказала, что м-ссь Вандердекенъ впала въ тяжелый сонъ, который временами находить на нее, — разбудить ее вѣтъ возможности, и она сегодня до вечера не покажется гостямъ. Вотъ ужъ можно сказать, что только язычники проводятъ такъ первый день Рождества. А вы что намѣрены предпринять, ма'ам?

М-ссь Бради была въ полной нерѣшительности. Ей хотѣ-

лось видѣть Адель и рассказать ей о случившемся. Она твердо рѣшила уѣхать на слѣдующій день, но до того необходимо было поговорить съ хозяйкой дома. Это нужно было сдѣлать еще до обѣда, — т. е. какъ только м-съ Вандердекенъ оправится отъ послѣдствій своего недостойнаго поведенія наканунѣ.

Она написала нѣсколько словъ м-съ Вандердекенъ, прося ее удѣлить четверть часа для весьма нужнаго разговора, и велѣла Эжени передать записку горничной м-съ Вандердекенъ. Отвѣтъ могъ послѣдовать только черезъ нѣсколько часовъ, или даже его могло совсѣмъ не быть, — но все-таки м-съ Бради почувствовала облегченіе, отправивъ записку.

Въ комнатѣ ея было тепло и уютно, въ каминѣ весело трещали дрова, и м-съ Бради рѣшила посидѣть у себя, пока не проснется Зара или не покажется Адель. Хотя комната лэди Бодезаръ находилась рядомъ, но стѣны были слишкомъ толсты, чтобы можно было переговариваться изъ одной комнаты въ другую; а постучать къ своей пріятельницѣ и зайти къ ней м-съ Бради не хотѣлось. Она сидѣла разстроенная, обдумывая разные планы, и не зная, на чтѣ рѣшиться. Черезъ нѣсколько времени проснулась Зара; она сѣла на постели и оглянулась вокругъ себя растеряннымъ взглядомъ, откинувъ назадъ свои спутавшіеся распущенные волосы. М-съ Бради сейчасъ же поднялась и пошла къ ней.

— Вы долго спали, — сказала она. — Надѣюсь, что теперь вы лучше себя чувствуете.

Зара взглянула на нее, какъ бы дѣлая усиліе, чтобы припомнить, какимъ образомъ она очутилась въ этой чужой комнатѣ. Когда память вернулась къ ней, она видимо напрягла всѣ свои силы, чтобы подавить свое волненіе. Мраморная блѣдность ея лица, сухіе горячіе глаза и медленный, спокойный голосъ показались м-съ Бради почти неестественными. Она предпочла бы слезы и жалобы такому пугающему спокойствію.

Зара выразила желаніе встать и одѣться, и м-съ Бради вышла изъ комнаты, оставивъ дѣвушку на попеченіе Эжени; ловкая ирландка прошла въ комнату Зары, дверь въ которую оказалась незапертой, и принесла оттуда платье и туалетныя принадлежности молодой дѣвушки.

М-съ Бради вернулась въ hall, гдѣ все еще никого не было. Только когда часы пробили двѣнадцать, появилась Адель въ короткомъ суконномъ платьѣ и въ шляпѣ; она, очевидно, собралась идти гулять.

— Наконецъ-то!—воскликнула обрадованная м-ссъ Бради.— Вы не знаете, до чего мнѣ нужно васъ видѣть.

— Почему? Чтò случилось?

— Скажите, вы ничего не слышали ночью,—никакого шума?

— Неужели дѣйствительно кто-нибудь видѣлъ привидѣніе? Я ничего не слышала,—я такъ устала вчера, что сейчасъ же заснула, и проснулась только часъ тому назадъ. Но чтò же произошло? У васъ такой странный видъ.

— Пойдемъ въ садъ, Адель; я должна сообщить вамъ нѣчто очень серьезное,—нѣчто, заставляющее меня уѣхать отсюда завтра же. Я хотѣла бы уѣхать даже сегодня, но въ первый день Рождества нѣтъ скорыхъ поѣздовъ.

— Вы хотите уѣхать, Пэръ? Въ чемъ дѣло?

— Пойдемъ въ садъ; я не могу говорить здѣсь. Къ тому же намъ могутъ помѣшать каждую минуту.

Испуганная волненіемъ своей пріятельницы, Адель послѣдовала за нею черезъ террасу въ садъ. М-ссъ Бради рассказала ей въ нѣсколькихъ словахъ о событіяхъ минувшей ночи и о рѣшеніи Зары. Первый разъ въ жизни Адель дѣйствительно растерялась и отказалась отъ своей привычки относиться легкомысленно къ самымъ серьезнымъ обстоятельствамъ жизни.

— Нѣтъ, вамъ нельзя уѣхать,—умоляю васъ, не дѣлайте этого!—сказала она.—Это было бы невѣжливо и безразсудно. Тротти никогда бы вамъ этого не простила и ни за что не отпустила бы съ вами Зару. Подождите, нужно придумать какой-нибудь другой планъ; нужно дѣйствовать хитростью противъ хитрости. Зара, можетъ быть, все это преувеличила; она—такая впечатлительная дѣвушка. А вооружать противъ себя Тротти опасно,—она умѣетъ мстить. Принявъ ея приглашеніе, вы должны теперь мириться съ ея характеромъ и поведеніемъ. Дѣло вѣдь идетъ о нѣсколькихъ дняхъ. Если вы дѣйствительно хотите помочь Зарѣ...

— Да, я принимаю въ ней большое участіе.

— Въ такомъ случаѣ не вступайте въ открытую вражду съ Тротти,—этимъ вы только повредите Зарѣ.

— Но какъ же избѣжать объясненія съ м-ссъ Вандердекенъ?

— При желаніи можно предотвратить всякую непріятность. Но если вы хотите дать понять Тротти, что вы догадываетесь о случившемся, то можно это устроить такъ, чтобы это послужило въ вашу пользу и дало вамъ власть надъ нею. Я всегда противъ необдуманыхъ поступковъ. Въ нашемъ кругу женщины должны держаться другъ друга, какъ звенья въ цѣпи. Отдѣльныя звенья могутъ быть слабы или заржавлены, но пока цѣпь

цѣла, мы можемъ сохранить нашъ престижъ въ глазахъ свѣта. Въ концѣ концовъ мы все-таки гораздо лучше мужчинъ, и только ихъ примѣру и вліянію слѣдуетъ приписать большинство нашихъ недостатковъ и пороковъ.

— Но что же станетъ съ бѣдной Зарой?—спросила м-ссъ Бради. — Нельзя же оставить ее на попеченіи такой женщины. Кромѣ того, я общалась ей...

— Вамъ ничто не мѣшаетъ сдержать ваше обѣщаніе.

— Какъ же такъ?

— Вы можете сказать Тротти, что когда она уѣдетъ въ Египетъ, Зарѣ лучше всего было бы пріѣхать погостить къ вамъ.

— Мнѣ казалось, что Тротти отказалась отъ этой поѣздки.

— Женщины часто мѣняютъ свои намѣренія и планы. Ваше дѣло—внушить ей мысль о поѣздѣ въ Египетъ. Мнѣ кажется, что она ничего не будетъ теперь имѣть противъ этого путешествія.

— Я собиралась вернуться въ Ирландію, — сказала м-ссъ Бради.

— Возьмите Зару съ собой. Расходы Тротти возьметъ на себя.

— Вы какъ-то очень увѣрены въ ея согласіи. Но, во всякомъ случаѣ, разговоръ съ нею объ этомъ будетъ не изъ приятныхъ.

— Это правда. Я не завидую вамъ. Но увѣрю васъ, что мой совѣтъ хорошій. Надѣюсь, вы никому ничего не рассказали.

М-ссъ Бради слегка покраснѣла, вспомнивъ о своемъ разговорѣ съ Жоржемъ.

— Конечно, лучше объ этомъ пока не рассказывать, — отвѣтила она.

— Нужно дѣйствовать очень осторожно, — продолжала Адель. — Насколько я васъ знаю, вы были бы очень рады проучить нашу пріятельницу. У васъ въ рукахъ всѣ козыри—нужно только умѣть ими пользоваться. Вы будете въ проигрышѣ, если откроете свои карты, и выиграете, если будете дѣйствовать дипломатично, — повѣрьте мнѣ.

У м-ссъ Бради просіяло лицо, — къ ней вернулась ея обычная энергія. Адель подзадорила ее, — ее заинтересовалъ предстоящій поединокъ съ Тротти Вандердекенъ. Восторжествовать надъ такой противницей и отнять у нея Зару было бы большой побѣдой. И теперь, когда она успокоилась и вникла въ доводы Адель, она поняла, какъ нетактично было бы уѣхать со скандаломъ. Она добровольно вступила въ общество этихъ людей, и

должна терпѣливо ждать конца недѣли. А потомъ—пусть судьба рѣшаетъ дальнѣйшее.

Но вдругъ она вспомнила о посланной ею запискѣ. Черезъ нѣсколько часовъ ей придется объясняться съ Тротти,—эта перспектива ее все-таки пугала. А кромѣ того, какъ быть съ Заррой? На ее благоразуміе трудно разсчитывать. Какъ убѣдить ее остаться до конца недѣли? Не обратиться ли въ Жоржу съ просьбой поговорить съ ней? А если онъ будетъ противъ всякой дипломатіи?

Адель, удивленная ее долгимъ молчаніемъ, окликнула ее.

— О чемъ это вы такъ долго размышляете?—спросила она.
— У васъ опять такое озабоченное выраженіе лица.

— Я жалѣю, что послала записку Тротти,—отвѣтила м-съ Бради.

Адель съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Вы ей что-нибудь писали? Этого вы мнѣ не сказали.

— Я сама только теперь вспомнила объ этомъ. Я чувствовала, что нужно какъ-нибудь помочь Заррѣ, и попросила Тротти принять меня у себя въ комнатѣ, какъ только она одѣнется.

— Вы поступили совершенно правильно. Объясненіе необходимо. Но сегодня Тротти не покажется до вечера—ей очень нехорошо. А гдѣ Зара?

— У меня въ комнатѣ. Она не хочетъ спуститься внизъ.

— Я хочу поговорить съ нею,—сказала Адель.—Я понимаю ее,—я сама когда-то испытала нѣчто подобное. Она переживаетъ душевный кризисъ, отъ котораго многое зависитъ.

— Да, очень многое,—отвѣтила м-съ Бради, и рассказала своей пріятельницѣ о признаніи Жоржа.

Адель слегка поблѣднѣла. Извѣстіе было очень неожиданно и поразило ее больнѣе, чѣмъ она сама могла бы ожидать. Но благородство ея натуры сказалось въ томъ, что, подавивъ горькое чувство, она съ прежней симпатіей отнеслась къ Заррѣ. Побѣда молодости, красоты и таланта надъ сердцемъ впечатлительнаго юноши была въ порядкѣ вещей, и Адель съ этимъ внутренне примирилась, убѣдившись еще разъ, что въ жизни всегда случается не то, что желательно, а что опредѣлено судьбой.

Адель и м-съ Бради еще долго обсуждали положеніе дѣлъ, гуляя по саду, и когда онѣ, наконецъ, направились обратно въ замокъ, то обѣимъ показалось, что онѣ навсегда отрѣшились отъ суетности и легкомыслія. Что бы отнынѣ съ ними ни произошло, жизнь ихъ уже не будетъ безцѣльной, бессмысленной, и

онѣ уже не будутъ забывать объ отвѣтственности, которую каждый долженъ нести за свои поступки.

XXVIII.

Когда онѣ вошли въ hall, къ м-ссь Бради подошелъ лакей и передалъ ей записку. Она сразу поняла, отъ кого она, и кивнула головой на вопросительный взглядъ Адель. Въ запискѣ было всего нѣсколько словъ. М-ссь Вандердекенъ просила ее зайти къ ней въ комнату въ пять часовъ. Такимъ образомъ м-ссь Бради могла еще спокойно присутствовать на лѣнчѣ и имѣла въ своемъ распоряженіи нѣсколько часовъ до предстоящаго свиданія. Она поднялась къ Зарѣ, которую застала уже одѣтой, и стала уговаривать ее сойти въ столовую. Ея отсутствіе могло бы показаться страннымъ. Кромѣ того, м-ссь Бради хотѣлось поручить молодую дѣвушку попеченію Жоржа на весь день до обѣда,—это входило въ планъ, который она выработала вмѣстѣ съ Аделью.

Послѣ долгихъ усилій ей удалось наконецъ убѣдить Зару, и онѣ вмѣстѣ спустились въ столовую. Все общество было уже въ сборѣ, за исключеніемъ хозяйки, но общее настроеніе было нѣсколько подавленное. Жоржъ былъ очень молчаливъ, Зара сидѣла какъ опущенная въ воду. Адель Бодезаръ и м-ссь Бради напрасно старались шутить и говорить обычнымъ легкимъ тономъ,—никто ихъ не поддерживалъ. Даже лордъ Криссъ былъ не въ ударѣ, и его нарядныя фразы казались еще болѣе пустыми, чѣмъ обыкновенно.

Всѣ почувствовали облегченіе, когда можно было встать изъ за стола, и стали поспѣшно расходиться. М-ссь Бради подошла къ своему племяннику.

— Я хотѣла бы, чтобы ты пошелъ гулять съ Зарой,—сказала она.—Постарайся развлечь ее, и пусть она подольше не возвращается домой. У меня будетъ разговоръ съ м-ссь Вандердекенъ въ пять часовъ. До того я не могу ничего сообщить тебѣ о моихъ планахъ.

Она подошла къ Зарѣ, сказала ей, чтобы она надѣла шляпу и пальто, и отправила ее гулять съ Жоржемъ. Они въ первый разъ очутились наединѣ, и молодой человекъ былъ нѣсколько смущенъ. Но онъ скоро оправился и, благодарный судьбѣ за неожиданный tête-à-tête съ Зарой, употребилъ всѣ усилія, чтобы разсѣять грустное настроеніе своей спутницы. Ему удалось вы-

звать ее на рассказы объ ея дѣтствѣ, проведенномъ среди гѣсовъ и горъ; она стала говорить ему о своей любви къ природѣ, о своихъ артистическихъ планахъ, и онъ въ свою очередь рассказалъ ей о томъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на него ея пѣніе, когда онъ въ первый разъ услышалъ ее.

— Меня это очень радуетъ,—просто отвѣтила она,—потому что я пѣла именно для васъ. Я все время смотрѣла на ваше лицо.

— Почему?—спросилъ онъ, охваченный радостнымъ волненіемъ.

— Потому что ваше лицо говорило мнѣ что-то, чего я не находила въ другихъ лицахъ. Но я все-таки знаю, что вамъ не понравилось мое пѣніе во второмъ отдѣленіи,—вѣдь вы ушли, nicht wahr?

Онъ взглянулъ на Зару, нѣсколько смущенный ея вопросомъ.

— Я, конечно, не имѣлъ права критиковать васъ, но я долженъ сознаться, что мнѣ было непріятно слушать эти страстные любовныя пѣсли изъ вашихъ устъ. Онѣ слишкомъ нескромны.

— Для искусства нѣтъ ничего нескромнаго.

— Я знаю, что вамъ всё это говорить, но я съ этимъ не согласенъ. Слова и чувства, о которыхъ вы пѣли,—не подходящія для молодой дѣвушки.

— Ахъ, mein Neff, я вѣдь ничего не знаю! Я знаю только музыку, и то не музыку вашей страны, и не тѣ пѣсни, которыя здѣсь поютъ. Пѣсни, которыя я пѣла на концертѣ, выбраны были не мною,—я даже не совсѣмъ понимаю слова этихъ пѣсень. Вашъ пріятель, лордъ „Криссъ“, какъ его здѣсь зовутъ, настаивалъ на томъ, чтобы я спѣла его романсъ, и я должна была согласиться. Когда я буду свободна и буду жить самостоятельнымъ трудомъ, какъ я твердо рѣшила, я буду пѣть только то, что слѣдуетъ. Но когда еще это будетъ?!

Она вздохнула, и ея прекрасное лицо омрачилось. Сердце Жоржа дрогнуло, но онъ не рѣшился слишкомъ ясно выразить свое сочувствіе ей.

— Вы хотите сдѣлаться профессиональной пѣвицей, насколько я понимаю,—сказалъ онъ.—Но это очень тяжелое поприще для женщины; оно приноситъ много разочарованій и такъ мало минутъ торжества. Я вовсе не пророчествую вамъ неудачи. Голосъ у васъ очаровательный, но завоевать вниманіе публики, создать себѣ имя—гораздо труднѣе, чѣмъ вы думаете.

Они прошли до конца сада и, выйдя изъ калитки, очути-

лись на большой дорогѣ. Съ вершины холма, на которомъ стоялъ замокъ, видѣлось море, спокойное и сверкающее на солнцѣ.

Зара просіяла при видѣ моря.

— Море!—воскликнула она.—Подойдемъ къ нему. Я давно, давно не слышала пѣсенъ моря, а я ихъ такъ люблю!

День очень медленно тянулся для м-ссы Бради, которую волновало предстоящее свиданіе съ хозяйкой замка. Наконецъ часы пробили пять, и, выйдя изъ своей комнаты, она постучалась въ дверь м-ссы Вандердекенъ; ей открыла французенка-камеристка. Комната была очень слабо освѣщена; у камина накрытъ былъ столикъ къ чаю, и на кушеткѣ, пододвинутой къ огню, лежала Тротти съ полузакрытыми глазами. Лицо ея было такое изможденное, что даже румяна не могли этого скрыть. На ней былъ широкій пеньюаръ изъ блѣднаго розоваго шолка и волосы ея были тщательно причесаны и завиты. М-ссы Бради подошла къ ней и молча постояла нѣсколько времени, не зная, съ чего начать.

— Нелзя ли услатъ вашу дѣвушку, м-ссы Вандердекенъ,— сказала она наконецъ.—Намъ, кажется, лучше поговорить безъ свидѣтелей.

Опущенныя вѣки вдругъ поднялись. Страхъ, недоумѣніе и подозрѣніе выразились въ потухшихъ, какъ бы стеклянныхъ глазахъ, и потомъ они снова соменнулись.

— Вы можете идти, Викторина,— сказала она.—Я васъ потомъ позову.

Затѣмъ она снова обратилась къ м-ссы Бради.—Садитесь, пожалуйста,—сказала она.—И будьте добры, налейте себѣ сами чаю. Я несовсѣмъ здорова... у меня нервное расстройство. Безсонная ночь всегда отражается на моемъ здоровьи.

М-ссы Бради отказалась отъ чая и сѣла на кресло противъ м-ссы Вандердекенъ.

— Вы, вѣроятно, были очень удивлены, получивъ мою записку,—сказала она.—Или, быть можетъ, вы догадались, о чемъ я хотѣла поговорить съ вами?

— Нѣтъ,—равнодушно отвѣтила Тротти.—Я не старалась догадаться,—зачѣмъ? Я знала, что если вы хотите сообщить мнѣ нѣчто важное, то я услышу это въ должное время. Чтѣ же вы желаете мнѣ сказать?

— Зара Эбергардъ пришла сегодня ко мнѣ ночью, прося защиты. Я оставила ее у себя. Я узнала отъ испуганной дѣвушки то, чего я по близорукости и наивности и не подозрѣвала. Теперъ вамъ все ясно?

М-ссъ Вандердекенъ презрительно разсмѣялась.

— Вы говорите, очевидно, о привидѣннїи? Конечно, она перепугалась, но въ этомъ нѣтъ ничего трагическаго... Это была простая шутка.

— Бываютъ разныя представленія о шуткахъ. Зара передала мнѣ въ точности, что ей сказало это мнимое привидѣннїе.

М-ссъ Вандердекенъ опять быстро взглянула на нее изъ-под опущенныхъ вѣкъ.—Бѣдняжка!—сказала она.—Она была слишкомъ испугана, чтобы сообразить, въ чемъ дѣло. Это было нехорошо со стороны Крисса, конечно, но онъ хотѣлъ только пошутить. Онъ былъ нѣсколько возбужденъ шампанскимъ. Повторяю, онъ нехорошо поступилъ, но почему же Зара не заперла свою дверь?

— Дверь въ корридоръ была заперта. Привидѣннїе, если вы хотите держаться этой версїи, могло явиться только черезъ вашу комнату.

М-ссъ Вандердекенъ нахмурилась. „Вотъ несносная женщина!—подумала она.—И чего она вмѣшивается не въ свое дѣло?“—Ея затуманенная наркозомъ память отказывалась возстановить въ точности событія минувшей ночи. Она припомнила только, что вопросъ о томъ, откуда должно было явиться привидѣннїе, обсуждался наканунѣ, но говорить объ этомъ теперь, когда ей было такъ дурно, она не могла. Она пожалѣла, что согласилась принять м-ссъ Бради. Эта упрямая ирландка задалась, очевидно, цѣлью измучить ея нервы. Какая отвратительная манера добиваться правды,—какое безвкусїе!

— Милая моя,—раздраженно сказала она,—скажите мнѣ, пожалуйста, прямо, чего вы отъ меня хотите, или что вы желаете сказать. Я васъ совершенно не понимаю.

М-ссъ Бради откинулась въ креслѣ и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ говорила безъ перерыва. Когда она кончила, у м-ссъ Вандердекенъ не осталось никакихъ сомнѣній относительно того, что она хотѣла сказать. Она приподняла съ подушекъ совершенно искаженное, блѣдное лицо, и стала бормотать безкровными губами какія-то объясненія. М-ссъ Бради только презрительно разсмѣялась въ отвѣтъ.

— Не старайтесь придумывать напрасныя отговорки и не говорите неправды. Я вѣдь знаю въ точности, что было!

— Я... я ничего не помню.

— Потому что вы отуманиваете себя наркозомъ. Я готова вѣрить вамъ, что *намеренія* дурно поступить у васъ не было. Но Зара не останется подъ вашимъ кровомъ ни одного дня,

если я не уговорю ее остаться. Я же это сдѣлаю только для того, чтобы предотвратить скандалъ—очень непріятный для васъ.

— Вы слишкомъ самонадѣяны,—у васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ.

— Можно погубить репутацію женщины однимъ только обвиненіемъ,— не приводя никакихъ доказательствъ. Бывали такіе случаи,—и теперь это можетъ повториться.

— Вы не посмѣете. Чтѣ вы такое? Васъ никто не знаетъ, и никто вамъ не повѣритъ.

— Ваши друзья, можетъ быть, и не повѣрятъ. Но вы должны помнить, что они—только ничтожная частица общества.

— Вы, значить, объявляете мнѣ открытую войну. Но почему вы принимаете участіе въ этой дѣвушкѣ? Вамъ она не можетъ принести никакой пользы, между тѣмъ какъ хорошія отношенія со мной...

М-ссъ Бради сдѣлала отстраняющій жестъ.—Это для меня теперь не играетъ никакой роли. Я уже не стремлюсь создать себѣ положеніе въ свѣтскомъ обществѣ.

— Съ которыхъ это поръ вы отказались отъ этого?

— Со вчерашней ночи.

— Очень жаль, что васъ уговорили пріѣхать сюда,—язвительно сказала м-ссъ Вандердекенъ.

— Съ этимъ я согласна. Но если я немедленно уѣду, и вмѣстѣ со мной уѣдутъ Зара и Жоржъ, это можетъ причинить вамъ большую непріятность.

— Вы угрожаете скандаломъ?

— Да, если вы не примете моихъ условій.

Смѣхъ м-ссъ Вандердекенъ въ отвѣтъ на эти слова прозвучалъ очень неискренно.

— Вы очень смѣлы, м-ссъ Бради! Скажите, вы сообщили вашей пріятельницѣ, Адель Бодезаръ, о томъ, чтѣ произошло?

— Вы хотите увѣрить меня, что Адель Бодезаръ не знаетъ, чтѣ вы за женщина?

— А вы дѣлаете видъ, что не знаете, какова сама Адель Бодезаръ.

— Адель я теперь хорошо знаю. Ея безразсудства объясняются вліяніемъ общества, въ которомъ она живетъ. Но она не порочна.

— Я, право, не знаю, чтѣ мнѣ можетъ помѣшать попросить васъ оставить мою комнату и мой домъ!—крикнула взбѣшенная м-ссъ Вандердекенъ.—Какъ вы смѣете ставить мнѣ условія, обвинять меня, угрожать!..

М-ссъ Бради поднялась и взглянула съ нескрываемымъ презрѣніемъ на дрожащую Тротти.

— Я не угрожаю вамъ, — сказала она, — а мои обвиненія совершенно справедливы. Рѣшайте сами, что для васъ лучше — идти на скандалъ или избѣжать его. Одно только я твердо рѣшила — что вы не погубите эту дѣвушку, какъ вы погубили многихъ изъ окружающихъ васъ людей.

Наступило короткое молчаніе. При всемъ своемъ презрѣніи къ м-ссъ Вандердекенъ, при всемъ ужасѣ, который она ей внушала, м-ссъ Бради не могла не почувствовать жалости къ ней. Она тяжело дышала; возбужденіе, вызванное приливомъ гнѣва, истощило окончателно ея силы, и глаза ея снова имѣли потухшій стеклянный видъ. Вся ея фигура выражала одно чувство — страхъ. М-ссъ Вандердекенъ не обладала мужествомъ, — она была дерзка только пока это укрѣпляло ея положеніе въ обществѣ. Но холодный, рѣшительный взглядъ ирландки лишалъ ее самообладанія, — она не могла бороться съ нимъ и сдалась, думая только о томъ, какъ бы отомстить ей потомъ побольше. Она разсмѣялась истерическимъ смѣхомъ.

— Вы мнѣ всегда были ненавистны, — сказала она, — и я всегда опасалась вашего вліянія на Адель. Оставьте меня теперь, пожалуйста! Намъ не о чемъ больше говорить, — я больна, мнѣ нужно отдохнуть и успокоить нервы. Поступайте, какъ знаете.

М-ссъ Бради поняла, что она побѣдила.

— Вы дадите Зарѣ другую комнату?

— Да.

— И отпустите ее потомъ со мной?

Лицо м-ссъ Вандердекенъ судорожно передернулось. Она только кивнула головой въ отвѣтъ.

— Она можетъ слѣдовать своему артистическому призванію — подъ моимъ покровительствомъ.

— Я уѣду изъ Англій въ Каиръ.

— Это самое лучшее. Конечно, вы будете снабжать Зару нужными для жизни средствами, какъ и до сихъ поръ?

Блѣдныя губы Тротти пробормотали что-то невнятное. Она страшно устала, и ей хотѣлось только скорѣе уснуть. Въ головѣ ея все спуталось; она слышала какой-то неумолкающій звонъ, шумъ колесъ, удары молотка, и ей казалось, что это никогда не прекратится. Она готова была согласиться на все, что угодно, лишь бы остаться одной и заснуть, забыться.

М-ссъ Бради замѣтила страшную перемену на изможденномъ лицѣ м-ссъ Вандердекенъ; она вскочила и позвонила. Викто-

рина тотчасъ же вошла въ комнату,—она очевидно стояла все время у дверей и подслушивала.

— Вашей барынь дурно,—крикнула ей м-съ Бради.

— Съ барыней это часто случается,—отвѣтила камеристка, пожимая плечами.—Она на этотъ разъ не проспала достаточнаго количества часовъ,—вотъ и все.

Она поправила подушки и уложила поудобнѣе потерявшую сознание Тротти.

М-съ Бради вышла изъ комнаты съ нестерпимо тяжелымъ чувствомъ.

„Такъ вотъ какова эта жизнь, которая такъ заманчива издали!—подумала она.—И этому я завидовала!“

Она бросилась на постель, дрожа всѣмъ тѣломъ. Ей казалось, что она никогда въ жизни не забудетъ страшнаго лица м-съ Вандердекенъ.

XXIX.

Хозяйка „Тайнственнаго замка“ не появилась и къ обѣду въ этотъ день. Важный *maitre d'hôtel* пришелъ доложить, что хозяйка дома нездорова и просить ее извинить.

Жоржъ Морфи повелъ къ столу Зару, Базиль Варендеръ— м-съ Бради, а Оскаръ Позеревичъ былъ счастливъ вниманіемъ Адель Бодезаръ, избравшей его своимъ кавалеромъ. На долю лорда Крисса досталась м-съ Гидеонъ Ли, и только Тони Шевени остался безъ дамы, что нисколько не огорчило чрезвычайно занятого самимъ собой юношу. М-съ Бради была въ очень веселомъ настроеніи и занимала все общество блескомъ своего остроумія.

— У васъ сегодня видъ полководца, одержавшаго побѣду. Отчего это?—спросилъ ее Базиль среди обѣда.

— Вы почти-что угадали,—отвѣтила она.—Безкровная побѣда имѣетъ свою прелесть.

— Но я все-же не знаю, съ кѣмъ вы сражались. Я не вижу среди присутствующихъ никого, на комъ видны были бы слѣды пораженія.

Она засмѣялась.—Можетъ быть, мой врагъ невидимъ.

— Неужели это дѣйствительно правда?

Онъ съ любопытствомъ оглянулъ обѣдающихъ. Глаза его остановились на Зарѣ.

— Освобожденіе изъ-подъ надзора обазываетъ, очевидно, хо-

рошее дѣйствіе. Наша юная дива сегодня сіяетъ. Я не зналъ, что она можетъ такъ оживленно разговаривать.

М-ссъ Бради съ нѣжностью взглянула на сидѣвшихъ противъ нея Жоржа и Зару. Она никогда не видѣла Жоржа такимъ сіяющимъ, и радовалась, что онъ обязанъ ей своимъ счастьемъ.

— Мнѣ кажется,—сказала она,—что Зара никогда не имѣла случая выказать себя. Ее всегда вели на помочахъ.

— А кто же отпустилъ ее сегодня на волю?

Она загадочно усмѣхнулась.—Иногда событія развязываютъ людямъ руки. Жизнь долго идетъ по привычному руслу, потомъ вдругъ какою-нибудь неожиданный поворотъ все измѣняетъ.

— Но нужно, чтобы поворотъ былъ сдѣланъ умѣлой рукой.

— Нужно только отбросить ложь и лицемеріе. Мы придаемъ слишкомъ много значенія мнѣніямъ другихъ людей,—слѣдовало бы жить иногда своимъ умомъ.

— Что же дѣлать? Удаляться въ пустыню въ наше время не принято, въ монастыряхъ тоже много лжи, а нельзя также жить въ обществѣ и презирать его.

— Конечно,—отвѣтила она,—нельзя служить двумъ господамъ.

— Не знаю, позволите ли вы предложить вамъ одинъ вопросъ?—спросилъ онъ, понизивъ голосъ.

Она быстро взглянула на него,—и онъ прочелъ утвердительный отвѣтъ въ ея взглядѣ.

— Я хотѣлъ бы знать, какъ вы миритесь со всѣми этими людьми; вы во всѣхъ отношеніяхъ не похожи на нихъ.

— Вы полагаете, что я пыталась служить двумъ господамъ. Успокойтесь,—время моей службы кончилось.

— Такъ что же будетъ теперь?

— Не бойтесь, я не поступлю въ монашескую общину и не удалюсь отъ міра,—сказала она, улыбаясь.—Моимъ счастьемъ будетъ—счастье другихъ.

Онъ прослѣдилъ направленіе ея взгляда и увидѣлъ, что онъ остановился на серьезномъ опущенномъ лицѣ Жоржа.

— Хорошо быть такъ любимымъ,—сказалъ онъ.— Я не ожидалъ, что какая-нибудь женщина въ наше время способна на самопожертваніе.

Она ничего не отвѣтила, и разговоръ сдѣлался общимъ, въ виду сдѣланнаго лордомъ Криссомъ остроумнаго замѣчанія, которое привлекло вниманіе всѣхъ обѣдающихъ.

— Я теперь поговорю съ Зарой,—сказала въ полголоса

Адель своей пріятельницѣ, когда онѣ вмѣстѣ вышли изъ столовой. Она уже слышала о результатѣ свиданія съ Тротти до обѣда, и радовалась побѣдѣ м-ссъ Бради.

Зара еще ничего не знала. Ей приготовлена была комната рядомъ съ м-ссъ Бради, и она сошла къ обѣду подъ покровительствомъ своего новаго друга. Сознаніе безопасности и какая-то неожиданная бодрость духа совершенно разсѣяли страхъ, который овладѣлъ ею въ предшествовавшую ночь. Она знала, что теперь съ ней уже не случится ничего дурного. Она избавилась отъ своей прежней покровительницы, и душа ея переполнена была теперь надеждой и радостью.

Но она была крайне удивлена, когда Адель Бодезаръ отвела ее въ въ отдаленный уголь hall'я и усадила ее около себя. Эта милая, веселая mondaine никогда до того не обращала на нее вниманія.

— Зара,—сказала ей новая союзница,—надѣюсь, что вы не покинете насъ. М-ссъ Бради сказала мнѣ сегодня утромъ, что вы хотите уѣхать.

Дѣвушка слегка покраснѣла.

— Да, я собиралась уѣхать,—нѣсколько рѣзко сказала она.

— Надѣюсь, что вы отказались отъ этого намѣренія. Это разстроило бы нашу компанію и вызвало бы общее недоумѣніе. Нужно было бы объяснить причину вашего отъѣзда.

— Конечно, — отвѣтила она, — но это меня не пугаетъ. Впрочемъ, теперь все измѣнилось. М-ссъ Бради выказала мнѣ столько доброты, что пока она здѣсь, я ничего не боюсь; но какъ только она уѣдетъ, я уѣду вмѣстѣ съ нею.

— Вы совершенно правы,—на нее вы можете вполне положиться. Но она не уѣдетъ до конца недѣли, и не уѣзжайте и вы, Зара.

— До конца недѣли! Мнѣ будетъ тяжело такъ долго жить въ домѣ, гдѣ меня такъ оскорбили... Но вѣдь вы ничего не знаете!

— Я и не хочу знать. Я могу себя представить, что подчиненное положеніе имѣетъ свои непріятныя стороны. Но открытый разрывъ можетъ вамъ повредить, дитя. Вы еще слишкомъ молоды — и нужно также подумать о вашемъ будущемъ.

— Я сдѣлаюсь профессиональной пѣвицей — я не боюсь...

— Какой вы ребенокъ! Профессія, которую вы хотите избрать, полна многихъ трудностей и даже опасностей. Молодая, красивая дѣвушка, не имѣющая друзей, — менѣе всего въ безопасности, вступая на арену общественной дѣятельности. Кромѣ того, успѣхъ дается не сразу. Самые гениальные артисты нуж-

даются въ наше время въ антрепренерахъ, а это требуетъ большихъ средствъ.

Зара сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите?—спросила она.

— Потому что я боюсь, что вы сдѣлаете какой-нибудь необдуманнѣй шагъ, и будете потомъ раскаиваться. Если же вы будете дѣйствовать съ нужной осторожностью, то вы никого не возстановите противъ себя, и сами отъ этого только выиграете. Вы удивлены моими словами? Я объясню вамъ это проще. Вы теперь извѣстны гораздо большому кругу людей, чѣмъ думаете. Слухи о вашемъ концертѣ, о вашемъ голосѣ, о вашей красотѣ проникли въ общество. Всѣ знаютъ, кто открылъ васъ, и всѣ увѣрены, что ваша покровительница будетъ заботиться и о вашей дальнѣйшей карьерѣ. Если окажется, что это не такъ, всѣ станутъ спрашивать—и что вы сможете отвѣтить?

— Я объ этомъ не думала.

— Я это знаю. Но если вы довѣритесь мнѣ, какъ вы довѣрились м-ссъ Бради, то мы поможемъ вамъ справиться со всѣми этими трудностями, никого не вооружая противъ себя.

— Вы очень добры, но какъ же вы общаете мнѣ свое содѣйствіе, если я обидѣла женщину, съ которой вы дружны?

— Милое дитя, вы не знаете жизни, и не представляете себѣ, какими странными средствами приходится иногда бороться съ друзьями. Я, къ несчастью, иногда принуждена прибѣгать къ хитрости и обману. Хотѣлось бы иногда открыто объявить войну, но это значитъ поступить невѣжливо. Вчерашняя исторія, на примѣръ, должна быть превращена въ легенду о привидѣніи, ради всѣхъ, кто въ нее замѣшанъ. И вы должны непременно поддерживать эту легенду. Мы окружены шпионами, и нужно соблюдать приличія, чтобы не погубить своего добраго имени. И по этой же самой причинѣ вамъ не слѣдуетъ ссориться съ вашей покровительницей. Вы должны остаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока мы всѣ не развѣдемся. Я общаю вамъ, что все устроится согласно вашимъ желаніямъ. Вамъ разрѣшать не возвращаться на Пондъ-Стритъ и жить или у меня, или у м-ссъ Бради, продолжая ваше музыкальное образованіе подъ нашимъ покровительствомъ. Затѣмъ, въ слѣдующій сезонъ, вы сможете выступить при содѣйствіи вашихъ друзей. Если вы будете имѣть успѣхъ, вы сразу приобрѣтете полную независимость. Хотите вы, чтобы все устроилось, какъ я говорю?

— Конечно, — отвѣтила дѣвушка, — но развѣ я могу надѣяться

на это? М-ссъ Вандердекенъ всегда держала меня при себѣ. Она, можетъ быть, не согласится отпустить меня.

— Не бойтесь. Она навѣрное согласится.

— Но какъ я могу снова встрѣчаться и разговаривать съ нею, дѣлать видъ, что мои отношенія къ ней не измѣнились, послѣ того, что...

Она невольно вздрогнула.

— Вотъ этому-то я и хочу научить васъ. Какъ это ни трудно, но вы должны научиться скрывать свои враждебныя чувства,—это необходимо. Мы иногда должны дѣлать видъ, что прощаемъ тѣмъ, про кого всѣ знаютъ, что они наши враги. Я знаю, какъ бы вамъ хотѣлось поступить теперь. Я часто испытывала то, что вы чувствуете теперь, и относительно той же особы. Отъ всякой зависимости очень трудно освободиться, Зара, и нужно дѣлать это осторожно.

Зара взглянула на нее съ удивленіемъ,—она не легко поддавалась внушеніямъ и обладала болѣе сильнымъ характеромъ, чѣмъ предполагала Адель, хотя и не имѣла еще возможности проявить его.

— Почему вы хотите, чтобы я такъ поступала? — прямо спросила она.

Адель въ свою очередь удивилась ея вопросу.

— Какъ почему? Вѣдь я, кажется, вамъ объяснила,—сказала она съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. — Мнѣ кажется, что жаль портить свою жизнь необдуманной ссорой. Вы жизни не знаете, а у меня большой опытъ.

— Я, конечно, жизни не знаю,—вы правы. Я жила долго взаперти въ пансіонѣ, и видѣла только женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, моихъ подругъ, совершенно не похожихъ на друзей м-ссъ Вандердекенъ. Здѣсь же одна только м-ссъ Бради дружественно отнеслась ко мнѣ, и я буду ее во всемъ слушаться.

— Мои желанія совершенно сходятся съ ея планами,—сказала Адель.—Я скажу ей, чтобы она поговорила съ вами.

Она встала и подошла къ м-ссъ Бради, стоявшей у камина, рядомъ съ м-ссъ Гидеонъ Ли, которая что-то говорила о паденіи сценическаго искусства. Актриса внимательно посмотрѣла на Адель.

— Что это за заговоръ вы устраиваете съ нашей юной цыганкой?—спросила она. — Вы такъ долго и такъ серьезно разговаривали съ нею.

Адель засмѣялась нѣсколько загадочнымъ смѣхомъ.

— Это не совсѣмъ заговоръ,—сказала она:—я только дала ей нѣсколько совѣтовъ.

— Она, кажется, не изъ тѣхъ, которые слушаются совѣтовъ. Какъ досадно, что Тротти заболѣла! Что же мы будемъ дѣлать сегодня?

М-ссъ Бради незамѣтно подошла къ стулу, стоявшему около Зары, и сѣла на него. Любопытство м-ссъ Гидеонъ Ли было сильно возбуждено. Она ничего не знала о томъ, что произошло ночью. Въ комнату Тротти ее не пустили; она инстинктивно поняла, что произошло что-то странное, и старалась разгадать, въ чемъ дѣло. Она почувствовала, что между этими тремя женщинами существуетъ какое-то соглашеніе, и что ихъ разговоры имѣютъ отношеніе къ отсутствію хозяйки,—но Адель была достаточно опытной свѣтской женщиной, чтобы не выдать того, что она хотѣла скрыть отъ всѣхъ и въ особенности отъ м-ссъ Гидеонъ Ли.

Въ hall вошли мужчины, и сейчасъ же появились карточные столы. М-ссъ Бради отказалась играть, и Базиль Варендеръ послѣдовалъ ея примѣру. Адель Бодезаръ, м-ссъ Гидеонъ Ли, лордъ Криссъ и Тони Шевени сѣли играть вчетверомъ и вскорѣ углубились въ игру, которая приняла азартный характеръ. Зара незамѣтно ушла къ себѣ, а Жоржъ Морфи и м-ссъ Бради такъ были заняты обсужденіемъ своихъ личныхъ дѣлъ, что Базиль Варендеръ, чувствуя себя лишнимъ около нихъ, вернулся къ карточному столу и сталъ слѣдить за игрой; отъ времени до времени ему приходилось мирить разгоряченныхъ игроковъ, когда между ними возникали споры.

Оскаръ Позеревицъ, предоставленный самому себѣ, атаковалъ большой Steinway и наполнялъ комнату гармоніями, звучащими очень странно въ обстановкѣ игровой залы.

Но въ общемъ чувствовалось какое-то подавленное настроеніе,—всѣ точно понимали, что случилось нѣчто необычайное, но не знали, въ чемъ дѣло. Лордъ Криссъ былъ разстроенъ и, противъ обыкновенія, не изрекалъ претенціозныхъ фразъ. Онъ былъ въ большомъ проигрышѣ, такъ какъ все увеличивалъ ставки, но это его не волновало. Онъ игралъ на деньги, потому что это дѣлало игру болѣе интересной, но ему было въ сущности все равно, выиграть или проиграть.

— А что же съ нашимъ „Декамерономъ“,—будемъ мы его продолжать сегодня?—спросила Гидеонъ Ли во время перерыва игры. — Только общайте намъ рассказать что-нибудь не столь скандальное, какъ вчера, Криссъ.

— Мнѣ не хочется сегодня разсказывать, — отвѣтилъ лордъ Криссъ усталымъ голосомъ. — Конечно, всякій изъ васъ можетъ, если желаетъ, продолжить мою вчерашнюю *novellette*; можетъ быть, напримѣръ, кто-нибудь изъ дамъ возьметъ это на себя...

— По моему, лучше, чтобы нашъ „Декамеронъ“ закончился на томъ, съ чего начался, т. е. на нашемъ вчерашнемъ разсказѣ, — сказала Базиль Варендеръ.

— Вы очень щепетильны, Базиль. Что касается меня, то я искренно хотѣлъ бы почувствовать когда-нибудь раскаяніе. Я никогда не останавливался ни передъ какими нравственными соображеніями, считалъ все дозволеннымъ для себя, и теперь лишень возможности испытать какое-либо новое ощущеніе.

— Не говорите такихъ ужасовъ, лордъ Криссъ, — возразила м-съ Гидеонъ Ли томнымъ голосомъ. — Всего вы не могли испытать. Вотъ, напримѣръ, чувство убійцы вамъ незнакомо.

— Я совершилъ даже убійство — въ воображеніи, — болѣе страшное и утонченное убійство, чѣмъ всё совершаемая въ дѣйствительности. Всѣ преступленія, также какъ и удовольствія, сосредоточиваются въ мозгу, — тамъ истинный очагъ жизни. Всякій можетъ тѣшиться въ мысляхъ всѣмъ, чѣмъ захочетъ. — Конечно, если ему не страшно передъ самимъ собой.

— Или если онъ не боится переступить за черту, отдѣляющую отъ безумія, — сказала Базиль Варендеръ.

— Да вѣдь безумцы, которыхъ общество по недоразумѣнію изгоняетъ изъ своей среды, — самые счастливые люди на свѣтѣ.

— Они, во всякомъ случаѣ, живутъ дольше, чѣмъ здоровые, — сказала Адель Бодезаръ. — Или, если здоровые и есть безумцы, какъ вы полагаете, Крисси, — то мы, безумцы, платимся за нихъ.

— И платимъ также нашимъ сторожамъ, — сказалъ онъ.

М-съ Гидеонъ Ли быстро подняла глаза.

— Мы забываемъ про игру, — сказала она. — Вамъ ходить, Тони.

XXX.

М-съ Бради ушла въ себѣ въ комнату раньше другихъ. Полагая, что Адель зайдетъ къ ней передъ сномъ, чтобы поговорить о Зарѣ, она успѣшила отпустить скорѣе Эжени и стала ждать свою пріятельницу.

Черезъ нѣсколько времени стукъ въ дверь возвѣстилъ о при-

ходѣ Адель, которая, войдя въ комнату, бросилась въ кресло съ видомъ крайней усталости.

— Я совсѣмъ безъ силъ, — сказала она. — Я заспорила съ Бриссомъ, и съ трудомъ отдѣлалась отъ него. Кромѣ того, я много проиграла въ карты, — мнѣ очень не везло. Вы хорошо сдѣлали, что не играли. Вы меня ждали?

— Да. Я хотѣла знать результатъ вашего разговора съ Зарой.

— Она сначала сопротивлялась, но мнѣ удалось убѣдить ее. Она не уйдетъ раньше насъ.

— Для меня каждый день будетъ пыткой, — сказала м-ссъ Бради. — Я почти жалѣю, что вы убѣдили меня остаться, Адель.

— Ради Бога, Перрена, не мѣняйте вашего рѣшенія, — это было бы не благородно.

— Да я и не собираюсь уѣзжать.

Наступило молчаніе. Лицо Адели омрачилось, и м-ссъ Бради съ беспокойствомъ взглянула на нее.

— Хотѣла бы я знать, какими средствами можно обрѣсти мужество, — мнѣ оно теперь очень нужно, и нѣтъ его у меня. Мнѣ бы ничего такъ не хотѣлось, какъ откровенно высказать Тротти мое мнѣніе о ней, а между тѣмъ я щажу ее и стараюсь сохранить приличія.

— Я полагаю, что у васъ есть на это достаточныя основанія, — сказала м-ссъ Бради.

— Я тоже стараюсь увѣрить себя въ этомъ — изъ эгоизма. Во всякомъ случаѣ, насъ теперь трое противъ двухъ. Вы, я и Зара противъ Тротти и этой противной м-ссъ Гидеонъ Ли. Какъ я ее ненавижу!

— Но вѣдь вы сами говорили, Адель...

— Не обращайтесь вниманія на мои слова, милая. Я очень разстроена.

Она отвинулась въ креслѣ и заложила руки за голову.

— Мнѣ слѣдовало бы или жить, какъ я жила, или... И зачѣмъ я подружилась съ вами? Вы заставили меня думать и разбудили во мнѣ совѣсть. Благодаря вамъ, я въ первый разъ въ жизни поступила самоотверженно.

М-ссъ Бради не спросила, въ чемъ выразилась самоотверженность Адели. Можетъ быть, она сама догадалась.

— А теперь, — продолжала Адель, — я точно уперлась въ стѣну въ концѣ длиннаго пути. Я привыкла къ этимъ людямъ, и они — ко мнѣ. Мы всѣ сами знаемъ, что мы смѣшны, но это насъ не беспокоитъ. Тротти руководитъ всѣми нашими безраз-

судствами и служить намъ образцомъ. Порвать нити, связывающія меня съ ними, безконечно трудно; я слишкомъ глубоко пустила корни въ этой средѣ. Мнѣ надоѣло до смерти притворяться, а между тѣмъ я не могу уйти отъ всѣхъ этихъ притворщиковъ и притворщицъ. Всѣ мы такъ постыдно лжемъ, улыбаясь другъ другу, въ то время какъ въ душѣ презираемъ и ненавидимъ другъ друга.

— Мы вѣдь уже много говорили объ этомъ,—мягко возразила м-съ Бради.—Ваше теперешнее настроеніе—естественный результатъ жизни, построенной на лжи. Развѣ вы не можете отказаться отъ нея?

— А вы могли бы?

— Я на это твердо рѣшилась. Я получила урокъ, который буду помнить всю жизнь. Онъ излечилъ меня отъ глупаго тщеславія. Я даже благодарна судьбѣ за свою незначительность, за то, что мое исчезновеніе пройдетъ незамѣченнымъ даже на приѣмахъ любимой собачки м-съ Вандердекенъ.

Адель опустила руки и взглянула на нее.

— Неужели вы хотите сказать, что не приѣдете больше въ Лондонъ?

— Не приѣду. Я вовсе не утверждаю, что въ Ирландіи всѣ необыкновенно нравственны, что у насъ нѣтъ сплетенъ и вражды, но все-таки между тамошней жизнью и жизнью вашего общества—цѣлая пропасть.

— Боже мой!—воскликнула Адель:—почему я не встрѣтила васъ десять лѣтъ тому назадъ, когда я была еще молодой дѣвушкой, и когда мое сердце еще не превратилось въ камень! Мое замужество убило во мнѣ все, что во мнѣ было хорошаго. И чтобы забытья, не чувствовать ужаса моей жизни, я окунулась въ свѣтскую суету со всѣмъ ея безуміемъ и грязью. Что мнѣ дѣлать теперь? На что я теперь способна, кромѣ того, чтобы безмысленно проводить сезонъ за сезономъ, выѣзжать, танцовать, играть въ карты? Красота и молодость проходятъ, и скоро совсѣмъ пройдутъ; всѣ будутъ удивляться тому, какъ рано я увяла, и мнѣ останется одно изъ двухъ—или маскировать слѣды времени, или скрыться отъ людей. Мнѣ еще нѣтъ тридцати лѣтъ, и я уже боюсь старости,—молодость и красота уходятъ,—и ничего не остается, чтобы утѣшить въ потерѣ ихъ. У меня нѣтъ друзей, я не знаю радостей любви,—единственный человѣкъ, который внушилъ мнѣ болѣе глубокое чувство...

Она не докончила фразы, и стала вынимать шпильки изъ головы, распуская свои густые завитые волосы и рассматривая

въ висѣвшемъ противъ нея зеркалѣ свое блѣдное, взволнованное лицо.

— Гдѣ Зара?—вдругъ спросила она.

М-ссъ Бради указала на дверь, отдѣлявшую ее комнату отъ уборной.

— Какъ вы думаете, она уже заснула? Я бы хотѣла взглянуть на нее,—продолжала Адель.—Я вѣдь не имѣю нѣвакого основанія любить эту дѣвушку,—изъ-за нея мнѣ приходится много страдать. Но все-же я рада, что она избавится отъ всѣхъ насъ. Она будетъ теперь въ полной безопасности—у васъ.

Адель подошла къ двери, и м-ссъ Бради послѣдовала за нею, пораженная страннымъ настроеніемъ своей пріятельницы. Такою она ее никогда не видѣла. Дверь въ комнату Зары оказалась незапертою. Адель тихо повернула ручку и переступила порогъ. Ночникъ, горѣвшій на столикѣ у постели, озарялъ спокойное лицо спящей дѣвушки. Ея темные волосы рассыпались по подушкѣ, и лицо ея казалось высѣченнымъ изъ мрамора.

Адель тихо подошла къ кровати и стала смотрѣть на Зару, разсматривая безопазднымъ взоромъ красоту молодого лица, ту красоту и юность, которую она уже утратила навсегда, и которая покорила единственнаго человѣка, чьей привязанности она желала. Теперь онъ для нея потерянъ,—и жизнь ея совсѣмъ опустѣла. Но это не возбуждало въ ней ненависти къ ея ни въ чемъ неповинной соперницѣ, и она не могла также осудить того, кто полюбилъ эту прекрасную, чистую дѣвушку.

Она долго стояла у постели Зары, и когда она вернулась въ комнату м-ссъ Бради, въ душѣ ея созрѣло непоколебимое рѣшеніе. Новая сила проснулась въ ея сердцѣ, побѣдившемъ чувство ревности. Она не могла выговорить ни слова, и м-ссъ Бради повяла ея молчаніе. Они попрощались безъ словъ, и Адель тихо вышла изъ комнаты.

М-ссъ Бради не могла сейчасъ же лечь спать. Она чувствовала, что не заснетъ, пока не обсудитъ наединѣ обстоятельствъ, въ которыхъ она теперь очутилась. Зачѣмъ она поставила себя въ такое ложное положеніе? Она сдѣлала это ради Жоржа. Ей хотѣлось устроить его, богато женить, избавить его отъ заботъ. А между тѣмъ всѣ ея старанія оказались напрасными. Жоржъ совершенно по-своему понималъ независимость и счастье; онъ уже не мечталъ о богатствѣ и положеніи въ обществѣ. Понявъ это, м-ссъ Бради почувствовала, что у нея ускользаетъ почва изъ-подъ ногъ, и она увидала себя на краю пропасти,—но ее спасла неожиданно пришедшая ей на помощь рука,—рука моло-

дой дѣвушки, которая казалась самымъ слабымъ существомъ въ этой веселой и сильной своимъ могуществомъ толпѣ. Она открыла м-ссъ Бради глаза на людей, среди которыхъ она очутилась.

„Я не дура и знаю жизнь,—подумала она,—но безъ Зары я бы никогда и не узнала, въ какой вертепъ я попала“.

Она опять стала думать о томъ, какъ бы высвободиться изъ этихъ тисковъ. Жалость къ Адель Бодезаръ, чувство презрѣнія къ Тротти Вандердекенъ и заботы о Зарѣ измѣнили ея отношеніе къ ея собственной судьбѣ. Теперь она уже не опасалась быть изгнанной изъ свѣтскаго круга, такъ какъ совершенно бедорожила связью съ нимъ.

„Я вела свѣтскую жизнь вотъ уже двадцать лѣтъ,—продолжала размышлять м-ссъ Бради,—и вотъ какимъ жизненнымъ урокомъ это закончилось. Теперь я могу спокойно удалиться отъ свѣта. Если Жоржъ будетъ счастливъ, и я смогу помочь ему достигнуть того, чего онъ желаетъ, то мнѣ уже ничего болѣе не нужно. Нельзя устроить судьбу своихъ дѣтей такъ, какъ самъ считаешь лучшимъ для нихъ,—нужно побороться рѣшеніемъ судьбы... А Адель, кажется, была права. Открытая война не привела бы ни къ чему,—лучше дѣйствовать дипломатично. Теперь я, по крайней мѣрѣ, смогу устроить счастье Жоржа и Зары. Но я еще рассчитаюсь съ Тротти Вандердекенъ, прежде чѣмъ распрощаюсь съ нею навсегда“.

XXXI.

М-ссъ Вандердекенъ подняла голову съ подушекъ и соннымъ взглядомъ оглянулась вокругъ себя. Она смутно чувствовала, что что-то произошло, что-то неприятное и разстроившее ее. Она снова закрыла глаза и постаралась припомнить, что бы это могло быть. Она мысленно останавливалась на каждомъ изъ своихъ ближайшихъ друзей и знакомыхъ. Ни отъ кого изъ нихъ не могла исходить удручающая неприятность. Потомъ вдругъ она вспомнила про м-ссъ Бради, и почувствовала острую злобу.

— Ахъ, эта женщина... и почему это именно она все узнала? Я ее съ самаго начала возненавидѣла. Это Адель во всемъ виновата. Но я хотѣла бы вспомнить, какъ это все произошло.

Она позвонила дѣвушку.

— Который часъ?—спросила она ее.

— Двѣнадцать часовъ, madame. Только-что позвонили къ déjeuner. Прикажете подать вамъ завтракъ сюда?

— Двѣнадцать часовъ? Но какой же сегодня день, Викторина? Первый день Рождества?

— Нѣтъ, madame, второй!

— Двадцать-шестое декабря! — проговорила м-ссъ Вандердекенъ. — Неужели же я спала два дня? Такъ, можетъ быть, мнѣ все это приснилось?

Она быстро приподнялась на постели.

— Принесите мнѣ чашку чаю и приготовьте ванну. Я встану. Скажите, Викторина, я спала весь день вчера?

— Развѣ вы не помвите, madame? Какъ это странно! Вы встали и одѣлись, т.-е. вы были, конечно, en negligé и долго бесѣдовали съ madame де-Бради. Вы были очень разстроены послѣ разговора съ нею, и велѣли сдѣлать вамъ впрыскиваніе. Потомъ вы заснули и спали до сихъ поръ.

М-ссъ Вандердекенъ ничего не отвѣтила. Глаза ея смотрѣли въ пространство, ничего не выражая. Мысли мелькали у нея въ головѣ, и она никакъ не могла разобраться въ нихъ.

— Всѣ гости здоровы? Всѣ еще здѣсь—никто не уѣхалъ?

— Mais non, madame. Имъ, кажется, очень весело. Они ѣздятъ верхомъ и на велосипедахъ, играютъ въ карты, занимаются музыкой, гуляютъ, катаются, одѣваются. C'est toujours la même chose.

Тротти опять закрыла глаза. Въ словахъ ея горничной ей послышалась жестокая иронія. Всегда la même chose. Ея отсутствіе никому не мѣшало предаваться обычнымъ развлечениямъ; ея такъ-называемые друзья веселились на ея счетъ, жили въ ея домѣ какъ въ гостинницѣ, и никто даже не освѣдомился о причинѣ ея отсутствія.

— Я положу конецъ этому сборищу, уѣду сейчасъ же въ Лондонъ, — рѣшила она, разсердившись. — На что мнѣ всѣ эти идіоты!

Она быстро вскочила съ постели, одѣлась и спустилась внизъ.

Завтракъ кончился. День былъ пасмурный и накрапывалъ дождь. Четверо изъ гостей, лордъ Криссъ, Тони Шевени, м-ссъ Гидеонъ Ли и Базиль Варендеръ, играли въ пингъ-понгъ. Адель Бодезаръ разговаривала съ Зарой. Жоржа и м-ссъ Бради не было въ комнатѣ.

— А, Тротти, привѣтствуемъ ваше возвращеніе въ залу вашихъ предковъ! Какъ вы себя чувствуете?—воскликнулъ лордъ Криссъ, пустивъ по столу маленькій шарикъ изъ целлюлоида.

— Я совершенно здорова, — отвѣтила она, оглянувъ присутствующихъ. — Надѣюсь, что вы не скучали въ моемъ отсутствіи.

— Нѣтъ, мы старались развлечься какъ могли. Но, говоря по правдѣ, это ужасно скучная дыра. Я увѣренъ, что вы здѣсь долго не выдержите.

— Я и не собираюсь здѣсь долго оставаться, — холодно отвѣтила она. — Я завтра же возвращаюсь въ Лондонъ.

Игроки въ пингъ-понгъ прекратили игру и съ изумленіемъ взглянули на нее.

— О томъ, удобно ли это намъ, вы не спрашиваете, — сказала лордъ Криссъ. — У васъ есть какая-нибудь причина прогонять насъ? Чѣмъ мы заслужили немилость королевы?

— Вы тутъ ни при чемъ. Мнѣ здѣсь не нравится, — вотъ и все.

Сказавъ это, м-съ Вандердекенъ подошла къ Зарѣ. Блѣдное лицо дѣвушки гнѣвно вспыхнуло. Она вскочила со стула, не смотря на Адель, которая удерживала ее за руку. Глаза Зары вызывающе смотрѣли на Тротти, во взглядѣ которой выразился страхъ. Но она быстро оправилась, призвавъ на помощь все свое самообладаніе опытной свѣтской женщины.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, Адель, — сказала она. — Пойдемъ въ библіотеку. Зара, дитя мое, мы завтра утромъ уѣздаемъ отсюда. Скажи Корали, чтобы она уложила твои вещи. Викторина очень занята.

— Я... я не вернусь на Пондъ-Стритъ, — сказала Зара тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, милая, на Пондъ-Стритъ теперь невозможно жить. Тамъ вѣдь идетъ ремонтъ. Я остановлюсь въ отелѣ. Адель такъ мила, что предложила мнѣ взять тебя къ себѣ.

Зара быстро ушла, и Тротти облегченно вздохнула.

— Пойдемъ, Адель, — сказала она, и онѣ прошли въ библіотеку. Тамъ м-съ Вандердекенъ дала волю накипѣвшей въ ней злобѣ.

— Разкажите мнѣ все скорѣе! — сказала она. — Какъ смѣла эта женщина напасть на меня? Чтò собственно извѣстно?

— Ничего, — вамъ печего бояться. Всѣ думаютъ, что Зара испугалась привидѣнія. Эта легенда сослужила вамъ большую службу.

— А ирландка? — спросила Тротти.

— Вы вѣдь вчера съ ней говорили.

— Я была невмѣняема. Я не помню, чтò было.

Адель рассказала ей обо всемъ, что произошло и что она общалась.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ перестала отравлять себя нарковымъ—онъ васъ губить,—сказала Адель.

— Ахъ, мнѣ жизнь надоѣла!—сказала Тротти съ искреннимъ отчаяніемъ въ усталомъ взорѣ. Она бросилась на старомодный кожанный диванъ и стала истерически рыдать. Видъ этой женщины, въ нарядномъ туалетѣ и модной прическѣ, съ нарумяненнымъ лицомъ, на которомъ, однако, видны были ясныя слѣды болѣзни и старости, ужаснулъ Адель Бодезаръ. Она вѣрила, что Тротти должна была надоѣсть жизнь, полная лжи и притворства—и лишенная всякой искренней радости.

— Помогите же мнѣ чѣмъ-нибудь!—сказала Тротти.—Скажите, какъ мнѣ отдѣлаться отъ этой женщины? Кто она въ концѣ концовъ? Совершенно никому не извѣстная авантюристка! Вѣдь можно же заставить ее замолчать. Вы, кажется, имѣете на нее вліяніе.

— Но я не имѣю вліянія на Зару Эбергардъ,—холодно возразила Адель;—а она твердо рѣшила уйти къ м-ссъ Бради. Вы потеряли всякую власть надъ нею, Тротти.

М-ссъ Вандердекенъ перестала плакать, поднялась съ дивана и поправила свою прическу. Она нѣсколько успокоилась и думала теперь только о томъ, чтобы избавиться отъ неприяностей. Отказаться отъ Зары ей очень не хотѣлось, такъ какъ ей пришлось бы къ слѣдующему сезону прискивать новый объектъ для сенсациі.

— Это вы во всемъ виноваты, Адель,—раздраженно сказала она.—Зачѣмъ вы ввели ее въ наше общество? Посмотрите, что она натворила! Ради Бога, удалите ее изъ моего дома—ее и этого несноснаго Жоржа. Я не могу ихъ видѣть.

— Вѣдь вы сами собираетесь уѣхать,—отвѣтила Адель,—и вы можете легко избѣжать встрѣчи съ ними. Нежелательныхъ членовъ вашего общества можно помѣстить всѣхъ въ одной коляскѣ. Мы поѣдемъ всѣ вмѣстѣ—Зара, Перенна, Жоржъ и я.

— Вы? Развѣ вы становитесь на ихъ сторону? Такъ вы понимаете долгъ дружбы?

— Такъ я понимаю долгъ справедливости. Вотъ вы сказали, нѣсколько минутъ тому назадъ, что вамъ жизнь надоѣла. Мнѣ она тоже надоѣла. Мы играли въ высокую игру, Тротти, и проиграли. Мы теперь знаемъ обѣ, что не стоило играть. Пора это превратить. Создадимъ же новую моду — будемъ стараться ка-

заться лучшими, чѣмъ мы въ дѣйствительности, вмѣсто того, чтобы казаться худшими.

Тротти изумленно глядѣла на нее, не вѣря своимъ ушамъ.

— Что это, вы теперь взяли на себя роль проповѣдника? — злобно сказала она. — Ради Бога, избавьте меня отъ этихъ пошлостей. Если на меня найдеть покаянное настроеніе, я лучше пойду на вечернюю службу въ церковь св. Георгія въ Керзонъ-Стритъ. Ваши же поученія мнѣ кажутся смѣшными. Ужъ не собираетесь ли вы поступить въ монастырь или въ какую-нибудь общину?

— Я была бы счастлива, еслибы могла это сдѣлать, — взволнованно сказала Адель. — Но во всякомъ случаѣ я постараюсь жить отнынѣ другой, болѣе чистой жизнью. Знаете ли вы, Тротти, что значитъ заглянуть въ свою собственную душу?.. Я заглянула въ мою.

Она поднялась и вышла изъ комнаты. Тротти проводила ее усталыми глазами и снова легла на диванъ, закрывая лицо руками. Зачѣмъ Адель это сказала? Заглянуть въ свою собственную душу — какой ужасъ! Тротти Вандердекенъ вся дрожала, потрясенная мыслями, которыя пробудили въ ней слова Адель.

„Вѣдь я не хуже другихъ, — думала она, стараясь утѣшить себя. — Это пройдет! Я забуду объ этомъ тяжеломъ часѣ, опять буду жить по прежнему, радоваться...“ — она не закончила своей мысли и глухо разрыдалась. Въ ухахъ ея раздавались слова Адель: „Знаете ли вы, что значитъ заглянуть въ свою собственную душу“?

XXXII.

Дождь пересталъ, и м-ссъ Бради, надѣвъ теплое пальто, вышла погулять.

На террасѣ она встрѣтила Базиля Варендера.

— Вы знаете, что мы всѣ завтра развѣзаемся? — спросилъ онъ.

Она остановилась и взглянула на него съ нескрываемымъ изумленіемъ.

— Нѣтъ, я ничего не знаю, — сказала она. — Вы шутите?

— Ничуть. М-ссъ Вандердекенъ объявила намъ, что она завтра уѣзжаетъ, что ей здѣсь не нравится, и мы, конечно, тоже должны уѣхать. Странно, что вы этого не знаете.

— Гдѣ м-ссъ Вандердекенъ?

— Она заперлась въ библиотекѣ съ лэди Бодезаръ, а мы всѣ разбрелись послѣ игры въ пингъ-понгъ.

— А вы не знаете, гдѣ Зара? Я ея не видѣла послѣ завтрака.

— А я не видала вашего племянника—послѣ завтрака. Удивительно, какъ молодежь лываетъ другъ къ другу!

— Это вполне естественно—а все естественное и простое такъ приятно среди общей неискренности.

Его лицо вдругъ приняло серьезное выраженіе.

— Не включайте меня въ число тѣхъ, противъ кого вы теперь раздражены. Я пріѣхалъ сюда по совершенно особой причинѣ. Васъ мнѣ тяжело видѣть среди всѣхъ этихъ людей, хотя эгоистически я радъ, что вы приняли приглашеніе. Я чувствую къ вамъ серьезную симпатію, и не могу понять, какъ вы миритесь съ этимъ обществомъ.

— Я многому здѣсь научилась,—отвѣтила м-съ Бради,—и теперь надолго побѣждаю свѣтскую жизнь. Я уѣзжаю въ Ирландію.

— А можно будетъ найти васъ въ этой странѣ любви, доблести—и легкомыслія?

— Конечно,—отвѣтила она съ улыбкой.— Вы, кажется, ждете приглашенія?

— Да, я отправляюсь туда отыскивать простыя добродѣтели;—надѣюсь, онѣ не исключаютъ права чувствовать серьезную привязанность къ женщинѣ, въ которую вѣришь.

Тонъ, которымъ онъ это сказалъ, былъ настолько серьезенъ, что м-съ Бради чувствовала нѣкоторое смущеніе. Она взглянула ему въ лицо, и поняла, что онъ ждетъ отвѣта.

— Я теперь очень разстроена всѣмъ, что я здѣсь пережила. Во мнѣ произошла большая внутренняя перемѣна. Я рада буду встрѣтиться съ вами тамъ, въ Ирландіи; тамъ мы ближе узнаемъ другъ друга,—и, можетъ быть, это еще болѣе укрѣпитъ наши симпатіи... Но вотъ Зара и Жоржъ—пойдемъ имъ на встрѣчу.

Онъ остановилъ ее, коснувшись ея руки.

— Мы имъ не нужны,—сказалъ онъ.—Я хотѣлъ бы поговорить съ вами подольше, выразить вамъ, что чувствуетъ бѣдный художникъ, у котораго проснулась душа—и который потерялъ свое сердце. Хотите вы выслушать меня?

— Не здѣсь,—серьезно отвѣтила она,—и не теперь.—Мы возобновимъ этотъ разговоръ въ Ирландіи.

— Какъ вы сегодня прекрасны! — сказала Эжени, заканчивая туалетъ м-съ Бради передъ обѣдомъ. — Вы точно помолодели на десять лѣтъ.

— Я дѣйствительно помолодела, — отвѣтила м-съ Бради, взглянувъ на нее сіяющими глазами. — Случились самыя невообразимыя вещи, — и я, сама этого не ожидая, вышла побѣдительницей во всемъ. — Она подумала о побѣдѣ надъ Тротти Вандердекенъ, объ устроенномъ ею счастьи Жоржа и Зары, о переворотѣ въ душѣ Адель Бодезаръ и наконецъ о побѣдѣ надъ сердцемъ Базиля Варендера.

Она вошла въ столовую такой сіяющей, что никто не могъ не замѣтить этого. Тротти Вандердекенъ собрала всѣ свои силы, чтобы не выдать своего внутренняго отчаянія. Она вела разговоръ въ обычномъ тонѣ, шутила и смѣялась, но всѣ почувствовали большое облегченіе, когда она наконецъ ушла, пожелавъ всѣмъ спокойной ночи. Она медленно поднялась по лѣстницѣ, но, остановившись, взглянула на группу людей, стоявшихъ въ hall'ѣ. Жоржъ стоялъ около Зары. Лордъ Криссъ закуривалъ папиросу, стоя около Тони Шевени. Оскаръ Позеревицъ расположился у камина. М-съ Бради ликующимъ взоромъ смотрѣла на Базиля Варендера. На этой сіяющей фигурѣ въ розовомъ бархатномъ платьѣ усталый взглядъ м-съ Вандердекенъ остановился дольше всего. „Еслибы я не была трусихой, я бы положила сегодня всему конецъ!“ — подумала она.

Она вошла къ себѣ въ комнату и легла въ постель. Завтра она снова должна возложить себѣ на плечи бремя свѣтскихъ обязанностей, царить въ роли руководительницы „Vie intime“, или...

Глаза ея упали на маленькую коробочку на ночномъ столикѣ. Какъ легко было бы положить конецъ всему, — еслибы она не была трусихой — и еслибы она была увѣрена, что она болѣе не встрѣтится со своей душой, которую она отрицала здѣсь, и что не наступитъ возмездія тамъ!..

Съ англ. З. В.

ИЗЪ ФРАНСУА КОППЕ

I.

СИРЕНЬ.

(A un lilas.)

Сирени кустъ въ уборѣ гроздїй новыхъ
Въ моемъ саду я вижу изъ окна,
И ароматъ цвѣтовъ ея лиловыхъ
Несеть ко мнѣ воздушная волна.

Но мнѣ, увы, подруга измѣнила,
И деревца расцвѣту я не радъ.
Зачѣмъ, сирень, ты почки распустила
И ароматъ ихъ плешь въ пустынный садъ?

Дитя весны, пьянѣя отъ лобзанья
Струй вѣтерка, отъ ласки жгучей дня,
Зачѣмъ мнѣ льешь волну благоуханья,
Когда разбито сердце у меня?

Съ твоихъ вѣтвей, бывало, цвѣтъ лиловый
Весь обрывалъ я для нея одной!
Кто бъ ожидать могъ жребїй мой суровый?
Покинуть я безжалостно весной!

Но я не правъ—въ страданїи есть услада:
О ней твердить душистыхъ вѣтовъ сѣнь!
Гдѣ цвѣтъ надеждъ, въ зеленомъ царствѣ сада
Благоухай подольше ты, сирень!

Немного дней ты въ даръ несешь апрѣлю
 Кистей своихъ пахучихъ аромать!
 О, дай же мнѣ, дай вѣры на недѣлю,
 Что ждетъ меня любви ея возвратъ!

И если нѣтъ мнѣ болѣе надежды
 Къ груди ея вновь голову склонить,
 Отъ жара слезъ пылающія вѣжды
 На лѣтнемъ платьѣ милой охладить, —

Я буду жить однимъ воспоминаемъ,
 Пока цвѣсти не перестанешь ты.
 О, какъ полны ея благоуханьемъ
 Твои, сирень, душистые цвѣты!

II.

ВЕСНОЙ НА МОГИЛѢ.

(Sur une tombe au printemps.)

Подгнившій старый крестъ склонился на кладбищѣ,
 Но радуется апрѣль и въ этомъ мѣстѣ слезъ:
 Ольшанка вѣетъ гнѣздо и вустъ душистыхъ розъ
 Украсилъ мертвеца послѣднее жилище.

Молитвы за него смѣвило пташекъ пѣнье;
 Въ печали меньше слезъ, чѣмъ въ утренней росѣ!
 И чувствуешь, во всей земной ея красѣ,
 Матеріи живой и вѣчной обновленье.

Забытый здѣсь мертвецъ! Въ гордынѣ ты людской
 О вѣчности мечталъ, за гробовой доской,
 Конечно, прозрѣвалъ блаженство рая въ грѣзахъ!

Но можно ли назвать печальнымъ жребій твой,
 Когда въ слияніи съ природою душой
 Ты съ птицами поешь, благоухаешь въ розахъ?

Н. Б. Хвостовъ.

КРУГОВАЯ ПОРУКА

и

ОТМѢНА ЕЯ

Изданный въ мартѣ прошлаго года законъ объ отмѣнѣ круговой поруки при взысканіи съ крестьянъ государственныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ былъ въ свое время сочувственно отмѣченъ органами нашей печати, но при этомъ оцѣненъ главнымъ образомъ подвергался основной его принципъ, безъ достаточнаго разбора даже наиболѣе существенныхъ частныхъ новаго закона. Дѣйствительно, принципъ освобожденія исправныхъ крестьянъ отъ отвѣтственности за небрежность другихъ заслуживаетъ полнаго сочувствія, но тѣмъ не менѣе очень важно выясненіе, насколько послѣдовательно онъ проведенъ, а для этого требуется болѣе внимательное разсмотрѣніе тѣхъ конкретныхъ формъ, въ какія облекается означенный принципъ и съ какими придется считаться нашему сельскому быту. Круговая порука исчезаетъ какъ юридическій терминъ, взамѣну ея устанавливается новый порядокъ;—въ чемъ же именно и насколько отличается этотъ порядокъ отъ прежняго и какими реальными явленіями онъ можетъ отразиться въ деревенской практикѣ?

Отношеніе частныхъ того или другого порядка къ нашему сельскому быту—вовсе не интересъ мелочныхъ подробностей, такъ какъ въ подобной области отъ дѣловыхъ формъ часто зависитъ вся сущность вліянія закона. При однихъ формахъ новый законъ существеннѣйшимъ образомъ измѣняетъ положеніе къ лучшему, попадая какъ разъ въ искомую цѣль, при другихъ—вліяніе переменъ гораздо слабѣе, а при третьихъ—положеніе можетъ фактически приближаться къ старому же, отличаясь отъ него главнымъ образомъ—названіемъ. Иначе

сказать, отъ выбора тѣхъ или другихъ дѣловыхъ формъ способно зависѣть самое соотвѣтствіе вводимаго въ жизнь порядка—тому принципу, который значится девизомъ закона. Съ другой стороны, избранныя для замѣны прежней круговой поруки формы представляютъ особый интересъ по ихъ отношенію къ дѣлу общиннаго земельного владѣнія, сохраненіе котораго объявлено въ манифестѣ 26 февраля и, слѣдовательно, требуетъ согласованія съ нимъ позднѣйшихъ мѣръ, относящихся къ сельскому быту. Наконецъ, надо еще вспомнить и объ особомъ значеніи, приданномъ новой мѣрѣ самимъ законодательствомъ. Четыре года тому назадъ, круговая порука была уже отмѣнена для значительной части государства, въ которой господствуетъ у крестьянъ подворное, личное земельное владѣніе, но тогда эта отмѣна прошла какъ одно изъ рядовыхъ, текущихъ узаконеній; а новому закону, распространяющему тотъ же самый принципъ на другія мѣстности Россіи, придано значеніе болѣе торжественнаго акта, выражающаго часть вновь предустанавливаемой программы улучшенія русскихъ жизненныхъ условий, что возбуждаетъ ожиданіе особой его вліятельности.

Все это вмѣстѣ усиливаетъ необходимость анализа вновь вводимыхъ правилъ, который покажетъ — какихъ именно перемѣнъ можно ожидать на практикѣ, остаются ли еще требующіе разрѣшенія, для дѣйствительнаго упраздненія круговой ответственности, вопросы, и если остаются, то какіе именно и что можно въ отношеніи къ нимъ сдѣлать.

I.

Суть круговой поруки состояла въ томъ, что за недоплату повинностей однимъ крестьянскимъ хозяиномъ должно было расплачиваться все общество, къ которому онъ принадлежитъ, т.-е. правые и виноватые. Какъ только всѣ жесткія мѣры взысканія запущенной недоимки (законныя и вѣзаконныя) исчерпаны безуспѣшно по несостоятельности хозяина, когда взять съ послѣдняго больше нечего и повинностный долгъ все еще остается за нимъ къ извѣстному сроку — вся сумма этого долга раскладывается на остальныхъ домохозяевъ общества, каждый изъ которыхъ обязывается уплатить по раскладкѣ свою долю подъ страхомъ такихъ же взыскательныхъ мѣръ, включительно съ принудительною продажей имущества, какимъ подвергался самъ недоимщикъ. Перспектива подобной расплаты, пугая каждого хозяина, не только поддерживала опеку общества надъ отдѣльными дворами, но иногда такъ озлобляла общество противъ вольныхъ и невольныхъ неплательщиковъ, что становилась источникомъ общественной жесто-

кости, помимо примѣненія строгости старшаго начальства. У каждаго было на умѣ: изъ-за другихъ вѣдь и меня разорять. Напряженность же полицейскихъ строгостей поддерживалась понуканіями сверху, стараніемъ выслужиться и даже матеріальными поощреніями, — на примѣръ, назначеніемъ административнымъ лицамъ денежныхъ наградъ за „успѣшное поступленіе сборовъ“ по тому или другому административному району. Не мудрено, что при одновременномъ дѣйствіи общественнаго страха и начальственной заинтересованности страдала законность, и способы взысканія иногда далеко выходили изъ границъ установленнаго круга мѣръ, переходя въ произволь и подрывая крестьянскую состоятельность, думать о которой было не время, когда надъ всѣми виситъ гроза.

Теперь этотъ порядокъ признанъ въ принципѣ и несправедливымъ, и нецѣлесообразнымъ, и экономически вреднымъ для страны. Сочтено нужнымъ замѣнить его другими способами взысканія сборовъ; но способы могутъ быть разнообразны, причѣмъ достоинство ихъ, конечно, зависитъ всего болѣе отъ степени соответствія тому требованію, чтобы осуществлялась *на самомъ дѣлѣ* личная отвѣтственность каждаго за себя и расчеты съ отдѣльными плательщиками, ни формально, ни подъ какимъ-либо прикрытіемъ, не затрагивали имущества и хозяйственныхъ выгодъ общества или исправныхъ его членовъ. Удовлетворяющимъ подобному требованію способомъ могъ бы быть, на примѣръ, такой. Если хозяинъ задолжалъ не вслѣдствіе какихъ-либо несчастныхъ обстоятельствъ, а по собственной винѣ, — взыскивать изъ его имущества до тѣхъ поръ, пока изъ послѣдняго не затрагивается тотъ минимумъ, который на основаніи закона признается подлежащимъ сохраненію за недоимщикомъ; а когда этотъ способъ будетъ исчерпанъ и часть недоимки все-таки останется непогашенною — слагать ее со счетовъ, какъ безнадежную. Тогда и недоимщикъ чувствительно заплатится за свою небрежность, — тѣмъ болѣе, что и состоящая въ его пользованіи доля мірской земли можетъ перейти къ другому члену общества, — и принципъ будетъ соблюденъ, такъ какъ никто изъ прочихъ членовъ общества, ни само общество, какъ коллективная единица, фактически не потерпятъ отъ мѣръ, обращенныхъ на вольнаго неплательщика. Можетъ наружно казаться, что сложеніе недоимки затрагиваетъ казенный интересъ; но помимо того, что оставленіе на счету безнадежнаго долга въ сущности — интересъ фиктивный, вѣдь самая задача отгѣны круговой поруки чужда цѣли взыскивать во что бы то ни стало, а напротивъ, является выраженіемъ готовности дѣлать со стороны казеннаго интереса уступки ради требованій справедливости, ради осуществленія начала личной отвѣтственности. — Но, разумѣется, возможны и другіе способы замѣны прежняго вида кру-

говой поруки, не такъ послѣдовательно проводящіе намѣченный принципъ и сохраняющіе подъ новою внѣшностью ту или другую долю сущности прежняго порядка. Какіе именно изъ возможныхъ способовъ избираются—оставалось неизвѣстнымъ во время выработки новаго закона; всѣ знали только, что послѣдній вырабатывается, но такъ какъ не опубликовывались даже главные черты составлявшихся предположеній, то онѣ не могли своевременно вызывать замѣчаній со стороны внѣ-канцелярскихъ сферъ, и отличія новаго порядка отъ стараго оказалось возможнымъ узнать уже изъ текста состоявшагося закона, то-есть, когда все было окончательно рѣшено.

Новый порядокъ устанавливается въ слѣдующемъ видѣ. Если отдѣльный домохозяинъ запуститъ недоимку и она не покроется всѣми обращенными на него сельскимъ и волостнымъ начальствомъ взыска-тельными мѣрами, до описи и продажи движимости включительно, то общество, по предложенію земскаго начальника, отбираетъ у недоимщика полевою надѣльную землю (не касаясь усадебной) на срокъ до шести лѣтъ; но этимъ взысканіе не прекращается, такъ какъ вмѣстѣ съ отобраніемъ земли общество принимаетъ на себя обязанность уплатить единовременно весь числящійся на неисправномъ его членѣ недоимочный долгъ. Отобранная земля или передается обществомъ другому хозяину, или распределяется между прочими членами общества, или оставляется нераздѣльно въ общественномъ владѣніи, причѣмъ окладъ текущихъ повинностей уплачивается тѣми, къ кому отобранная земля поступила. Въ случаѣ отказа общества принять или надѣлить означенную землю кому-либо изъ своихъ членовъ, уѣздный съѣздъ дѣлаетъ распоряженіе о сдачѣ этой земли въ аренду съ публичнаго торга, на срокъ тоже до шести лѣтъ, причѣмъ право на аренду предоставляется только членамъ того же общества, но уже независимо отъ общественнаго согласія. А если на торгахъ не окажется желающихъ принять землю на установленныхъ условіяхъ, то производятся еще вторые торги, участіе въ которыхъ могутъ принимать даже посторонніе обществу люди, то-есть крестьяне другихъ деревень, мѣщане, разные промышленники и т. п. Когда же и вторые торги всей недоимки не покроютъ, податной инспекторъ распоряжается продажей принадлежащихъ недоимщику строеній, не составляющихъ необходимости въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Только по исполненіи всего этого, т.-е., когда и движимость и строенія проданы, и земля сдана въ другія руки, и взять уже не съ чего,—казенная палата можетъ слагать непогашенный остатокъ недоимки, если онъ будетъ, со счетовъ, какъ совершенно безнадежный къ поступленію.

Такой порядокъ примѣняется при общинномъ крестьянскомъ владѣніи. Но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ надѣльными участками земли

крестьяне владѣютъ подворно, наследственно, къ указаннымъ выше способамъ взысканія прибавляется еще одинъ: когда безуспѣшными окажутся и отобрание земли у недоимщика обществомъ, и сдача ея въ аренду, и продажа строеній—земля эта, по распоряженію губернскаго присутствія, подвергается продажѣ съ публичныхъ торговъ; торги при этомъ производятся три раза: первые два—съ переводомъ на покупщика выкупныхъ платежей, а въ третій разъ—безъ перевода, но съ обращеніемъ продажной выручки на погашеніе капитальнаго выкупного долга, и даже безъ оцѣнки, т.-е. земля продается за всякую цѣну, какую бы ни предложили сами покупщики. Такимъ образомъ, самымъ существеннымъ различіемъ отношеній къ общинному и къ подворному владѣнію является то, что при первомъ изъ этихъ родовъ владѣнія взысканіе не идетъ дальше принудительной аренды надѣла на двестилѣтній срокъ и продажи лишнихъ строеній,—значить, общество не лишается возможности, по истеченіи означеннаго срока, вернуть себѣ распоряженіе землею бывшаго недоимщика,—а въ отношеніи къ землѣ подворнаго владѣнія строгость заходитъ гораздо дальше, доводя ее до полного отчужденія, послѣ котораго судьба ея изымается изъ общественнаго вліянія навсегда. Выдрившійся въ надѣлъ на основаніи одного своего желанія покупщикъ будетъ и передавать приобрѣтенные участки по наследству, и продавать ихъ кому угодно, не справляясь съ желаніемъ общества.

II.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ приемовъ взысканія, устанавливается критика самихъ раскладокъ повинностей, порядокъ которой заслуживаетъ особаго вниманія въ томъ отношеніи, какъ она можетъ отразиться на практикѣ.

Раскладка хотя и оставляется за общественнымъ сходомъ, но если земскій начальникъ и податной инспекторъ усмотрятъ въ ней отступленія отъ „закона“, клонящихся къ „нарушенію казеннаго интереса“, то раскладка подлежитъ пересмотру уѣзднаго съѣзда; слѣдовательно, критика допускается не на основаніи какихъ-либо личныхъ соображеній начальниковъ, а только соображенная съ положительными требованіями „закона“, другими словами—только въ „кассационномъ“ порядкѣ. Но въ чемъ же состоитъ этотъ „законъ“, въ чемъ именно могутъ выразиться его несоблюденія, „клонящихся къ нарушенію казеннаго интереса“? Для разысканія этого, слѣдуетъ обратиться къ правиламъ, изданнымъ четыре года тому назадъ (такъ какъ новый законъ ссылается на нихъ), а тамъ сказано хотя и много, но такого, что

плохо поддается конкретному обозначенію, да и въ принципиальномъ отношеніи возбуждаетъ крупныя недоумѣнія. Между тѣмъ, отсутствіе ясныхъ и удовлетворительныхъ практическихъ указаній способно породить сбивчивость при исполненіи.

Первоначальное крестьянское Положеніе давало обществу въ дѣлѣ раскладокъ полный просторъ, а въ означенныхъ правилахъ введены ограниченія такого рода: не включать въ раскладку выкупныхъ платежей тѣхъ крестьянъ, которые выкупили надѣлы не обществомъ, а порознь, прочіе же сборы распределять уравнительно съ примѣненіемъ ко всѣмъ плательщикамъ одинаковыхъ основаній; этими основаніями могутъ быть: размѣръ крестьянскихъ участковъ, удобство ихъ расположенія, качество почвы, число работниковъ въ семьѣ, количество скота, неземледѣльческіе заработки, промыслы и т. п.; сверхъ того, сходамъ предоставляется понижать платежи отдѣльныхъ хозяевъ и даже совсѣмъ освобождать послѣднихъ отъ уплаты во вниманіе къ какому-либо неблагопріятнымъ для нихъ хозяйственнымъ обстоятельствамъ; но положительно запрещается принимать въ расчетъ цѣнность и доходность земли, принадлежащей крестьянамъ внѣ надѣла, и относящійся къ ней инвентарь. Выходитъ, что указаній какъ будто и много, но къ чему сводится ихъ итогъ? Если сходу предоставляется столько перечисленныхъ основаній и совокупность ихъ все-таки признается до того недостаточною, что понадобилось еще прибавить: „и т. под.“, да притомъ допускаются сбавки и полныя освобожденія отъ платежа, то не приравнивается ли такое обиліе указаній—къ ихъ отсутствію, не говоритъ ли оно сходу: принимай во вниманіе все, что хочешь, и распредѣляй, какъ сочтешь справедливымъ? А если такъ, если законъ даетъ сходамъ до неопредѣленности широкую рамку дѣйствій, то въ чемъ можетъ состоять внѣшняя критика раскладокъ? Развѣ предположить, что иные сходы въ своихъ приговорахъ нарочно станутъ высказывать, что стремятся къ неуравнительности? Если даже коснутся выкупныхъ платежей раздѣльно выкупившихся крестьянъ или накинута что-нибудь на внѣнадѣльный участокъ, купленный крестьяниномъ отъ посторонняго, то это можетъ переложить лишній рубль съ Петра на Ивана, т.-е. затронетъ интересъ одного изъ нихъ, но не казенный интересъ. Что же остается дѣлать уѣздному съѣзду, въ качествѣ кассационной инстанціи, и какими требованіями „закона“ провѣрять раскладку, если въ законѣ точныхъ требованій не видно? Возможны, конечно, личныя мнѣнія о раскладкѣ начальствующихъ лицъ, но правила-то говорятъ не о личныхъ взглядахъ, а о положительномъ законѣ.

Правда, есть положительное требованіе „закона“, состоящее въ запрещеніи принимать въ расчетъ при раскладкѣ не принадлежащее

къ надѣлу крестьянское недвижимое имущество съ его инвентаремъ, но помимо того, что подобныя имущества встрѣчаются еще въ видѣ рѣдкаго исключенія, — какъ осуществлять это требованіе на практикѣ? Обратится сначала къ формальной сторонѣ и къ примѣрамъ. Есть у мужика три десятины надѣльной земли, да двѣ десятины купленной на сторонѣ, т.-е. вѣнадѣльной, и обрабатываетъ онъ тѣ и другіе одною и тою же парю лошадей, однимъ и тѣмъ же плугомъ или сохами, убираетъ съ нихъ одною и тою же телѣгою, кормитъ растительностью обѣихъ земель корову, нѣсколькихъ овецъ и т. под. Правила говорятъ, что инвентарь надѣльной земли можетъ входить въ основанія раскладокъ, а вѣнадѣльной не можетъ, — извольте же разграничить одинъ небольшой крестьянскій инвентарь на принадлежащее къ надѣльному и вѣнадѣльному хозяйству! Надѣльна или вѣнадѣльна та или другая лошадь или корова? Которая овца относится къ надѣльной и какая къ купленной землѣ? Къ которой изъ земель относятся пахавшій обѣ плугъ, свозившая съ нихъ снопы и сѣно телѣга и т. под.? Какъ это будетъ разбирать уѣздный сѣздъ на основаніи „закона“? На бумагѣ стремленіе къ вѣшной регулировкѣ проявлено, а при осуществленіи выходитъ путаница, лишь отрываемая просторъ произвольнымъ усмотрѣніямъ, т.-е. ограничивающійся общими словами законъ для практики почти ничего не указываетъ. Казалось бы, ему слѣдовало или договориться до чего-либо опредѣленнаго, или уклониться отъ начальственной регулировки раскладокъ, но въ настоящемъ своемъ видѣ онъ остается почти безсодержательнымъ, и усердные регламентаторы могутъ запутаться въ тонкихъ соображеніяхъ ради самаго искусства регламентации.

Не меньше недоумѣній возбуждаетъ и самое существо тѣхъ указаній, какія выражены въ законѣ положительно. Такъ, запрещая вводить въ основаніе послѣднихъ доходность купленной крестьянами на сторонѣ земли, законъ въ то же время рекомендуетъ принимать въ расчетъ не только число работниковъ въ семьѣ, но и сторонніе неземледѣльческіе заработки и промыслы. Какая же тутъ оказывается принципиальная подкладка? Повидимому, искомымъ для даннаго закона было то, чтобы повинности, падающія на надѣль, оплачивались имъ же доставляемыми средствами, не распространяясь на другіе источники, но на дѣлѣ получается совсѣмъ иное. Не останавливаясь на томъ, что рабочія силы семьи едва ли могутъ считаться какимъ-то „живымъ инвентаремъ“, принадлежащимъ къ одной только надѣльной землѣ (особенно когда надѣль, какъ теперь, становится все тѣснѣе, захватывая мѣншую и мѣншую часть наличной рабочей силы), поставимъ такіе вопросы: отчего получку за работу на дальнемъ заводѣ, въ коняхъ, при добычѣ бакинской нефти или на ткацкой фабрикѣ

можно считать за ресурсъ оплаты надѣла, словно его принадлежность, а доходъ отъ работы на сосѣдней собственной десятинѣ—нельзя? Почему прибыльность сторонняго рыбнаго промысла, кустарнаго ремесла, разносной торговли или скупки въ окрестности яиць для сбыта въ дальнія мѣста или за границу облагать слѣдуетъ, а урожая съ купленной десятины не слѣдуетъ? По какимъ именно соображеніямъ добываемое работою въ чужомъ (заводско-фабричномъ или иномъ) хозяйствѣ можно признавать имѣющимъ большую связь съ надѣломъ, чѣмъ добываемое тою же работою въ собственномъ хозяйствѣ мужа? Какъ хотите, подъ совокупность указаній о раскладахъ трудно подвести какое-либо общее начало, и эти указанія являются сводомъ разнопринципныхъ, необоснованныхъ требованій. На правилахъ о раскладахъ (1899 г.) видимо отразилась какая-то спѣшность выработки, можетъ быть происходившая отъ тогдашнихъ разногласій между вѣдомствами о томъ, какому изъ нихъ должно принадлежать большее вліяніе на дѣло, но при этомъ затемнились интересы практичности и соответствія бытовымъ условіямъ, а полученный результатъ напоминаетъ теперь о потребности новаго пересмотра правилъ, чтобы основательность и удобство примѣненія перевѣшивали въ нихъ увлеченіе бумажною регламентаціею.

Впрочемъ, вопросы объ обложеніи купленныхъ земель могутъ встрѣчаться очень рѣдко,—что же дѣлать уѣзднымъ сѣздамъ въ отношеніи ко всей массѣ остальныхъ раскладокъ? Критиковать надо закономъ, а въ немъ ничего существеннаго нѣтъ. Казалось бы, это сводится просто къ оставленію за крестьянскимъ сходомъ полного простора, но разъ критика установлена—требуется въ чемъ-нибудь проявлять ее. Вотъ изъ такого недоумѣнія и возникаетъ вѣроятность произвольныхъ, распространительныхъ толкованій, стѣсняющихъ самоуправленіе и восполняющихъ пробѣлы закона личнымъ усмотрѣніемъ, которое и безъ того заходитъ въ русской жизни очень далеко, напоминая, что одна изъ самыхъ крупныхъ современныхъ нашихъ потребностей—усиленіе всюду законности.

III.

Теперь надо разсмотрѣть, насколько новый порядокъ достигаетъ искомой цѣли—обращенія отвѣтственности за недоимки только въ личную для каждаго отдѣльнаго хозяина, безъ затрогиванія интересовъ общества, другими словами—устраняется ли расплатою самихъ недоимщиковъ—расплата за нихъ остальныхъ, исправныхъ плательщиковъ?

Изъ изложеннаго выше оказывается, что новый порядокъ, хотя прямо не требуетъ прежней принудительной раскладки недоимокъ на

всѣхъ исправныхъ хозяевъ, съ послѣдующимъ взыскаіемъ изъ ихъ имущества, однако не ограничивается и обращеніемъ взыскаіія на одно личное имущество недоимщиковъ, но привлекаетъ къ нему, въ дополненіе, еще состоящую въ пользованіи послѣднихъ часть надѣльной земли, которая составляетъ не личную собственность отдѣльныхъ хозяевъ, а общественную, какъ по опредѣленію закона, такъ и по бытовымъ условіямъ. Общество имѣетъ право распоряженія этою землею и при передѣлахъ, и въ случаѣ выморочности и т. д.; слѣдовательно, введеніемъ принудительной аренды и продажи бывшей у недоимщиковъ земли производится, такъ сказать, принудительный раздѣлъ общественной собственности и ограниченіе общественного права. Съ арендою и продажею, въ пользу новаго владѣльца отчуждается—на время или навсегда—часть права, принадлежавшаго обществу. А такое положеніе невыгодно и стѣснительно для общественного дѣла, такъ какъ, кромѣ лишенія общества возможности пользоваться освободившеюся отъ устраниннаго недоимщика частью надѣла, очень много значить необходимость терпѣть самое видѣреніе въ общественное владѣніе чужихъ людей, безъ разбора. Возможно, что общество по доброй волѣ никогда бы не приняло въ свою среду того, кто войдетъ въ пользованіе надѣломъ на основаніи торговъ, безъ его согласія. Въ составъ такихъ людей, какъ объяснено было выше, доступъ открывается не только крестьянамъ чужихъ селеній, но и мѣщанамъ, и промышленникамъ всякаго рода и всякаго званія, причемъ и положеніе ихъ окажется совсѣмъ отличнымъ отъ положенія прочихъ владѣльцевъ надѣла, потому что стѣснять сосѣдей и дѣлать имъ непріятности эти люди возможность получать, а сами отъ общества не будутъ зависть какъ рядовые крестьяне. Нѣтъ надобности распространяться о разныхъ непріятныхъ—а иногда и опасныхъ—типахъ, встрѣчающихся въ средѣ орудователей земельными участками, и довольно сослаться на общераспространенное понятіе, что значить скверный сосѣдъ, сварливый и недобросовѣстный участникъ. Между тѣмъ, пока такой человекъ не подвергся формальному обвиненію—онъ можетъ, не подвергая себя нравственной оцѣнкѣ, затесаться съ своимъ владѣніемъ среди крестьянскихъ полосъ путемъ одного предложенія денежной платы за мирскую землю. Если въ обществѣ заведется недоимщиковъ нѣсколько, то съ этимъ увеличивается и число постороннихъ пришельцевъ, и рискъ бѣльшей непріятности положенія деревни, а если почему-либо ихъ наберется еще больше—силнѣе измѣнится самая фвізіономія деревенскаго населенія. Принявъ сказанное во вниманіе, можно ли признать, что отвѣтственность за недоимки будетъ только личная, касающаяся однихъ неплательщиковъ, и что обществу не предстоитъ расплачиваться за послѣднихъ? Напротивъ, можно сказать,

что для избавленія отъ объясненнаго положенія общество готово будетъ на жертвы.

Но сказаннымъ выше не ограничивается опредѣленіе сущности новаго порядка. Могутъ замѣтить, что общество имѣетъ полную возможность избѣжать объясненныхъ выше стѣсненій, такъ какъ прежде всякихъ арендъ и продажъ ему предлагается удержатъ участки недоимщиковъ за собою, послѣ чего—и передать эти участки другимъ хозяевамъ, и раздѣлить ихъ между всѣми исправными плательщиками, и оставить нераздѣльно въ общественномъ пользованіи, словомъ—распорядиться какъ угодно. Да, общество имѣетъ эту возможность, однако—подъ условіемъ единовременной уплаты всей накопившейся недоимки! Весьма вѣроятно, что, подѣ опасеніемъ очень непріятнаго положенія, общества во многихъ случаяхъ и подчинится этому требованію, не желая разставаться съ своею землею. Но каково значеніе подобнаго исхода?

Спрашивается, въ чемъ состоятъ практическое отличіе новаго порядка отъ стараго, если прежде общество уплачивало недоимки своихъ неисправныхъ членовъ принудительно, въ силу открыто признаваемой „круговой поруки“, а теперь оно уплатитъ тѣ же самыя недоимки изъ страха потери земли и другихъ непріятныхъ послѣдствій? Не выходитъ ли, что на дѣлѣ и по прежнему, и по новому получается одно: разложи недоимку на всѣхъ и внеси деньги.—Дѣйствительное значеніе податныхъ мѣръ опредѣляется вѣдь не названіемъ ихъ, а тѣмъ результатомъ, къ какому онѣ приводятъ фактически,—тѣмъ результатомъ, который почувствуетъ въ своихъ матеріальныхъ средствахъ самонаселеніе.

Если бы взысканіе обращалось на одно личное имущество недоимщика, то это была бы дѣйствительно личная отвѣтственность, а когда оно, сверхъ того, обращается и на мірскую землю, приводя къ означенному положенію, то едва ли исчезнувшая съ бумаги круговая порука точно также исчезаетъ изъ сельской жизни. Возможно замѣчаніе, что казнѣ трудно доходить до такихъ уступокъ, какія могутъ явиться результатомъ обращенія взысканій только на личную собственность самихъ недоимщиковъ, почему не исчезаетъ потребность заботъ о болѣе обеспеченности полученія недоимочныхъ суммъ, хотя бы измѣненнымъ способомъ; но—не касаясь здѣсь вопроса о цѣлесообразности такого усиленія охраны казеннаго интереса—на это можно отвѣтить, что если бы и такъ, то все-же надо откровенно сознаться, что главная цѣль тутъ—интересъ казны, а не фактическая замѣна прежней общественной отвѣтственности—личною отвѣтственностью, т.-е. круговая порука формальнаго названія смѣняется равносущною ей формою.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и казенный интересъ на дѣлѣ обезпечивался подобнымъ порядкомъ, потому что и арендаторъ можетъ предложить сумму, меньшую, чѣмъ текущія оклады съ прибавкою недоимки, и покушникъ можетъ дать меньше причитающейся на участокъ выкупной суммы, а въ обоихъ этихъ случаяхъ теряетъ казна. Но особеннаго вниманія здѣсь заслуживаетъ то, что требованія отъ постороннихъ—снисходительнѣе требованій, предъявляемыхъ къ обществу, желающему удержать за собою мирскую землю: такъ, арендаторъ можетъ дать, что самъ пожелаетъ, хотя бы безъ полного погашенія недоимки, а отъ общества требуется единовременный взносъ всѣхъ недоимокъ до копѣйки. Не добавлено даже того, чтобы—когда торги недоимокъ не покроютъ,—общество могло удержать землю за высшую изъ предложенныхъ посторонними цѣнъ. И въ результатѣ получается большее благопріятствованіе арендѣ постороннихъ, чѣмъ сохраненію общественнаго владѣнія.

Отказы обществъ отъ принятія недоимочныхъ участковъ могутъ происходить или оттого, что земля не стоитъ требуемыхъ за нее уплатъ, или по особымъ, случайнымъ недоразумѣніямъ, или вслѣдствіе какого-либо начальственнаго давленія въ пользу намѣченнаго арендатора или покушника,—такъ какъ при доминированіи „усмотрѣній“ чего не бываетъ! Но въ первыхъ двухъ случаяхъ существо дѣла требуетъ благопріятствованія охранѣ мирской земли отъ отчужденій, а третій, при наличности подобной охраны, устранился самъ собою.

При прежнемъ порядкѣ была принудительность, но охранялось общественное владѣніе, а теперь послѣднему открывается перспектива постепеннаго таянія, съ измѣненіемъ самаго состава деревенскихъ хозяйствъ; а до чего можетъ доходить вытѣсненіе старыхъ участниковъ вадѣля пришельцами—гадать о томъ еще трудно. Облегченіе же видится собственно въ томъ, что послѣ отчужденія недоимочныхъ участковъ общество, по крайней мѣрѣ, избавляется отъ продажи имущества за остатокъ недоимки, тогда какъ по старому этотъ остатокъ продолжалъ бы взыскиваться „дондеже воздаси послѣдній кодрантъ“.

Взглянемъ еще на отношеніе новаго порядка къ общинному владѣнію. Вотъ завелось въ обществѣ два-три недоимщика и участки ихъ сданы въ аренду на срокъ, а между тѣмъ пришло время періодическаго передѣла полей. Какъ тутъ быть? Передѣлъ рѣшительно затрудняется, потому что заарендованныхъ участковъ нельзя ни измѣнять въ размѣрѣ, ни перемѣщать по общественнымъ рѣшеніямъ; значитъ, приходится откладывать передѣлъ до истеченія сроковъ. Но къ этому истеченію опять могутъ явиться одинъ-два недоимщика, стало быть—новое откладываніе и т. д. Цѣлое общество испытываетъ въ своемъ дѣлѣ чувствительное стѣсненіе, и послѣднее можетъ доходить

до того, что одна эта причина, помимо расчетовъ выгоды; понудить къ раскладкѣ недоимокъ между исправными хозяевами, т.-е. произойдетъ такая же расплата исправныхъ за неисправныхъ, какъ при круговой поруки. Выходить: или искусственный подрывъ общиннаго владѣнія, или возвратъ на дѣлѣ къ старому порядку.

IV.

При дѣйствіи объясненныхъ выше правилъ, сохраненію состава общественной земли могли бы нѣсколько помогать установленныя вмѣстѣ съ этими правилами льготы. Въ случаѣ временнаго затрудненія отдѣльныхъ хозяевъ, земскій начальникъ, по соглашенію съ податнымъ инспекторомъ, можетъ отсрочивать имъ текущіе платежи въ предѣлахъ одного года, а при бѣдствіяхъ,—съ разрѣшенія казенной палаты, отсрочка допускается и выходящая за предѣлы года; по особому же ходатайству крестьянскаго схода и по представленію податнаго инспектора, соглашеніемъ управляющаго казенною палатою съ губернаторомъ могутъ быть отсрочиваемы и разсрочиваемы и недоимки до трехъ лѣтъ. Если же такое соглашеніе не состоится или потребуются болѣе значительныя льготы, то дѣло рѣшается министерствами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Конечно, пользованіе такими льготами способно устраивать значительное число арендъ и продажъ мѣрской земли; но такъ какъ тутъ дѣло ставится въ зависимость отъ усмотрѣнія мѣстныхъ администраторовъ и ихъ личныхъ взглядовъ, которые въ разныхъ губерніяхъ могутъ быть неодинаковы, то для достиженія желательныхъ результатовъ необходимо развитіе пользованія льготами и объединеніе дѣйствій мѣстныхъ властей, направленное къ общей цѣли—всевозможному устраненію земельныхъ отчужденій.— Впрочемъ и приведенныя льготы главнымъ образомъ имѣютъ въ виду случаи бѣдствія и вообще невольной несостоятельности, тогда какъ задачу отмѣны круговой поруки составляетъ предотвращеніе расплаты общества за *небрежность* отдѣльныхъ хозяевъ.

Въ виду всего сказаннаго, трудно сомнѣваться въ томъ, что упраздненіе круговой поруки еще не сказало своего послѣдняго слова; для дѣйствительнаго исчезновенія ея въ самой жизни и вообще для большаго упорядоченія распредѣленія и взиманія сельскихъ прямихъ налоговъ требуется еще добавочный пересмотръ наличной совокупности относящихся къ нимъ правилъ, гдѣ есть еще открытые вопросы.

Ө. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1904.

Война и гражданская жизнь. — Вопросъ о мелкой земской единицѣ и о земскомъ представительствѣ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. — Личныя перемены въ высшемъ государственномъ управленіи. — Земская школа и г. Spectator. — Циркуляръ министра юстиціи и рѣшеніе сената. — Статистическія данныя о репрессіи присяжныхъ засѣдателей.

— *Inter arma silent leges!*— Это изреченіе, завѣщанное намъ классическою древностію, не потеряло своей силы и въ наше время. Смысль его, однако, слѣдуетъ видѣть не въ томъ, что съ возникновеніемъ войны приостанавливается дѣйствіе законовъ, охраняющихъ права гражданъ. Ограниченіе охраны понятно лишь тамъ, гдѣ непосредственно грозитъ опасность; вдали отъ театра войны для того нѣтъ ни основаній, ни повода. „Молчаніе закона“, какъ фактъ общій для всего государства, выражается только въ прекращеніи или ослабленіи обычной законодательной дѣятельности. Необходимымъ для нея вниманію и досугу не оставляетъ мѣста военная тревога; въ другую сторону направлены и умъ, и воля... Съ задержкой въ движеніи законодательнаго механизма, если она окажется неизбежной, въ настоящую минуту намъ легко будетъ примириться. Условія, при которыхъ Россію застигла война, не были благоприятны для крупныхъ, плодотворныхъ нововведеній. Между настроеніемъ общества, отразившимся въ трудахъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, и предположеніями правительства, оглашенными въ послѣднее время, обнаружилось значительное различіе ¹⁾. Сближеніе противоположныхъ взглядовъ было затруднено и способомъ обсужденія проектируемыхъ преобразованій. Быстро приведенное къ концу, дѣло пересмотра положеній о крестьянахъ и переустройства губернскихъ учреждений едва-ли оказалось бы соот-

¹⁾ См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ двухъ предыдущихъ книжкахъ „Вѣстника Европы“.

вѣтствующимъ своей цѣли. Война, вызвавшая подъемъ духа во всѣхъ слояхъ русскаго народа, раскрывшая всю глубину ихъ преданности государственному благу, должна — мы этому глубоко вѣримъ — разсѣять множество предубѣждений, мѣшавшихъ широкому размаху творческой мысли. Крестьянство, изъ среды котораго, какъ и всегда, выйдетъ главная масса защитниковъ отечества, дождется, быть можетъ, довершенія дѣла, начатаго подъ вліяніемъ войны 1853—56 гг.; земство, вездѣ идущее на встрѣчу потребностямъ государства, докажетъ свои права на мѣсто, предназначенное ему въ эпоху великихъ реформъ; общество, добровольно раздѣляющее правительственную заботу, будетъ признано созрѣвшимъ и умственно, и нравственно. Съ такой надеждой легче переносить потери и жертвы, неразрывно связанные съ войною. Пускай, поэтому, продолжается всесторонняя разработка вопросовъ, выдвинутыхъ и выдвигаемыхъ жмзнью; пускай все будетъ готово для правильнаго ихъ разрѣшенія, какъ только они, съ минованіемъ военнаго времени, вновь будутъ поставлены на очередь...

Примѣръ, достойный подражанія, данъ, въ этомъ отношеніи, московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Въ послѣдніе дни своей сессіи, закончившейся около половины февраля, оно подробно разсмотрѣло выработанныя особо комиссіею основныя положенія, на которыхъ могла бы быть построена мелкая земская единица. Главныя изъ числа этихъ положеній заключаются въ слѣдующемъ:

„Мелкая земская единица должна быть союзомъ обязательнымъ, объединяющимъ мѣстныхъ жителей безъ различія сословій. Опредѣленіе территоріальныхъ границъ мелкихъ земскихъ единицъ должно быть предоставлено уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. Въ кругъ вѣдомства мелкой земской единицы должны входить всѣ задачи, подлежащія вѣдѣнію губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учреждений. Мелкая земская единица не должна быть подчинена руководству и контролю уѣзднаго или губернскаго земства, но уѣздному земству должны быть предоставлены по отношенію къ ней нѣкоторыя права. Мелкая земская единица должна имѣть право самообложенія, ограниченное извѣстнымъ максимальнымъ процентомъ, опредѣляемымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Женщины участвуютъ въ представительствѣ мелкой земской единицы и въ завѣдываніи ея дѣлами на одинаковыхъ правахъ съ мужчинами. Организация мелкой земской единицы слагается изъ собраній и изъ исполнительнаго органа. Собраніе состоитъ изъ лицъ, избираемыхъ личными собственниками и юридическими лицами, удовлетворяющими условіямъ ценза. Исполнительный органъ можетъ быть коллегіальнымъ или единоличнымъ, по

усмотрѣнію собранія мелкой земской единицы. Званіе предсѣдателя собранія несовмѣстимо съ отправленіемъ обязанностей исполнительнаго органа“.

Всѣ эти положенія, принятія собраніемъ единогласно, соотвѣтствуютъ вполне характеру и назначенію мелкой земской единицы; осуществленіе ихъ было бы очень большимъ шагомъ впередъ въ нашей мѣстной жизни. Разногласіе возбудилъ въ собраніи лишь одинъ вопросъ: слѣдуетъ ли предоставить активное участіе въ дѣлахъ мелкой земской единицы только владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ, или же всѣмъ мѣстнымъ жителямъ, подъ условіемъ платежа небольшого квартирнаго или подоходнаго налога. Защитники послѣдняго мнѣнія мотивировали его необходимостью усилить какъ матеріальныя средства, такъ и личный составъ мелкой земской единицы; противники его утверждали, что устройство мелкой земской единицы не должно существенно отличаться отъ дѣйствующей земской организации. Большинство голосовъ (30 противъ 25) высказалось, къ сожалѣнію, за болѣе узкій способъ разрѣшенія вопроса. Нѣкоторые члены собранія предлагали теперь же войти съ ходатайствомъ объ учрежденіи мелкой земской единицы, но большинство признало его преждевременнымъ и рѣшило выбрать комиссію для детальной разработки положеній, принятыхъ собраніемъ.

Съ такою же тщательностью разработаны и разрѣшены московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ вопросъ о пересмотрѣ земской избирательной системы. Собраніе признало желательнымъ соединеніе личныхъ землевладѣльцевъ въ одну группу, безъ различія сословій; пониженіе земельного ценза до ста десятинъ; избраніе гласныхъ отъ крестьянъ непосредственно волостными обществами; предоставленіе женщинамъ, владѣющимъ землею, права личнаго участія въ избирательныхъ собраніяхъ и сѣздахъ, но безъ права быть избранными въ гласные; распределеніе представительства между различными группами соотвѣтственно цѣнности принадлежащихъ каждой группѣ имуществъ; освобожденіе гласныхъ-крестьянъ отъ взысканій, налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ; предоставленіе губернскимъ земскимъ собраніямъ права возмѣщать расходы, сопряженные съ исполненіемъ обязанностей губернскаго гласнаго. Почти одновременно съ московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ къ аналогичнымъ, во многомъ, выводамъ пришло саратовское губернское земство, высказавшееся, въ общемъ, за возвращеніе къ избирательнымъ порядкамъ, существовавшимъ при дѣйствіи Положенія 1864-го года. Во время преній здѣсь произошелъ оригинальный инцидентъ: одинъ изъ гласныхъ пытался доказать, что собраніе не въ правѣ выходить за предѣлы вопроса, поставленнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ,

т.-е. не должно говорить ни о чемъ другомъ, кромѣ пониженія избирательнаго ценза. Ему было замѣчено, что противъ расширенія предмета преній не возражалъ губернаторъ; не встрѣтилъ къ тому препятствій и предсѣдатель собранія, несущій на себѣ отвѣтственность за законность его постановленій. Само собою разумѣется, что гласный, болѣе ревностно, чѣмъ сама администрація, защищающій административныя прерогативы, остался одинъ при своемъ мнѣнii.

Предѣлы вѣдомства земскихъ учрежденій по прежнему понимаются весьма различно какъ предсѣдателями земскихъ собраній, такъ и представителями администраціи. Въ Саратовѣ и въ Москвѣ, какъ мы только-что видѣли, обсужденіе перемѣнъ въ земской избирательной системѣ, не поставленныхъ на очередь министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, признается законнымъ и возможнымъ; въ Екатеринославѣ, въ то же самое время, на него налагаетъ veto предсѣдатель собранія. Постановленіе костромскаго губернскаго земскаго собранія, рѣшившаго возбудить ходатайство о приглашеніи въ центральныя законосовѣщательныя комиссіи выборныхъ представителей земства, вызываетъ протестъ со стороны губернатора, между тѣмъ какъ аналогичныя постановленія во многихъ другихъ губерніяхъ не встрѣчали, по видимому, противодѣйствія со стороны мѣстной администраціи. Два мѣсяца тому назадъ мы упоминали о ходатайствахъ этого рода, возбужденныхъ въ Черниговѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Орлѣ; теперь къ нимъ можно прибавить ходатайства тамбовское, новгородское, московское, рязанское, ярославское, смоленское, с.-петербургское. Тамбовское губернскаго земскаго собраніе, „въ виду тѣхъ осложненій, которыя происходили въ 1902 г. въ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ“, присоединило къ своему ходатайству просьбу о томъ, чтобы лица, призываемыя къ участію въ совѣщаніяхъ, за выраженные ими мнѣнія не могли быть подвергаемы административнымъ взысканіямъ, а отвѣчали лишь по суду.

Очень вѣскіе аргументы въ пользу обсужденія законопроектовъ при участіи выборныхъ земскихъ представителей приведены въ запискѣ кв. Н. С. Волконскаго, внесенной на разсмотрѣніе рязанскаго губернскаго земскаго собранія. Основываясь на своей многолѣтней практикѣ, кв. Волконскій (бывшій предсѣдатель рязанской губернской земской управы) ярко освѣщаетъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ эволюціи юридическихъ понятій въ крестьянской средѣ — эволюціи, тѣсно связанной съ мѣстными условіями. Измѣняется, на примѣръ, взглядъ на характеръ такъ называемаго четвертнаго владѣнія, на права владѣльцевъ усадебной земли, на примѣнимость къ крестьянскимъ землямъ исковой давности. Чтобы знать о существованіи такихъ перемѣнъ, чтобы ясно понимать ихъ значеніе, недостаточно

быть мѣстнымъ землевладѣльцемъ, даже мѣстнымъ гласнымъ: необходимо продолжительное, пристальное изученіе вопросовъ, возникающихъ на почвѣ крестьянскихъ правоотношеній. Доказательствомъ такого изученія далеко не всегда служить участіе въ разбирательствѣ крестьянскихъ дѣлъ. По расчету кн. Волконскаго, въ томъ уѣздномъ сѣздѣ, въ составъ котораго онъ входитъ какъ почетный мировой судья, на разсмотрѣніе каждаго дѣла приходится, въ среднемъ, отъ 6 до 7¹/₂ минутъ—а въ губернскомъ присутствіи рѣшенія постановляются еще быстрее¹⁾. Нуженъ особый интересъ къ дѣлу, особая подготовка, особая привычка къ обобщеніямъ, чтобы усвоить себѣ, охватить и осмыслить громадный матеріалъ, представляемый мелкими, иногда едва замѣтными, но въ совокупности своей какъ нельзя болѣе важными деталями сельскаго быта. Понятно, что выборъ лица, соединяющаго въ себѣ эти условія, гораздо легче для земскаго собранія, чѣмъ для губернатора. Еще лучше, если выбору предшествуетъ обсужденіе собраніемъ тѣхъ вопросовъ, которыми предстоитъ заняться правительственной комиссiи или совѣщанію. Кн. Волконскій совершенно правъ, выставляя на видъ необходимость „подвергнуть новые законопроекты о крестьянахъ такому же тщательному разсмотрѣнію, какое было примѣнено при выработкѣ положеній 1861-го года“. То, что сдѣлали тогда комитеты и ихъ депутаты въ редакціонныхъ комиссіяхъ, могутъ сдѣлать теперь, — продолжаетъ кн. Волконскій, — „земскія собранія, и притомъ изо всѣхъ существующихъ учреждений—только они одни, при условіи, что имъ будутъ предоставлены къ тому необходимое время и необходимые способы. Чѣмъ больше способовъ разработать подлежащіе обсужденію вопросы будетъ предоставлено, тѣмъ лучше. Только этимъ путемъ правительство получить возможность услышать и голосъ управляемыхъ. Отъ правительства будетъ, затѣмъ, зависѣть вызвать, какъ это было сдѣлано въ 60-хъ годахъ, для выслушанія болѣе обстоятельныхъ объясненій, представителей какъ большинства, такъ и меньшинства въ земскихъ собраніяхъ, въ тѣ комиссіи и совѣщанія, на которыя будетъ возложено окончательное редактированіе новаго закона“.

Въ составѣ высшаго государственнаго управленія произошли въ послѣднее время важныя переимѣны. За назначеніемъ генераль-адью-

¹⁾ Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что такая скоропалительность свойственна вообще судебнo-административнымъ учрежденіямъ, подходящимъ подъ дѣйствіе закона 12-го іюля 1889-го года. Они всѣ или почти всѣ страшно обременены дѣлами и не имѣютъ возможности относиться къ нимъ съ тою степенью вниманія, какой требуетъ истинно-судебное производство.

танта Куропаткина командующимъ манчжурскою арміею освобожденъ постъ военнаго министра, пока еще нѣмѣтъ не замѣщенный. Никто пока не назначенъ и министромъ народнаго просвѣщенія, на мѣсто Г. Э. Зенгера. Во главѣ министерства финансовъ, вслѣдствіе тяжелой болѣзни Э. Д. Плеске, поставленъ В. Н. Кокковцевъ. Управление Г. Э. Зенгера было временемъ по преимуществу переходнымъ и именно потому не поддается точной оцѣнкѣ. Пересмотръ всей системы нашего средняго образованія, предпринятый еще при покойномъ Ванновскомъ, не законченъ и до сихъ поръ. Остается въ силѣ и университетскій уставъ 1884-го года, хотя фактически онъ подвергся довольно существеннымъ перемѣнамъ. По прежнему неопредѣленно положеніе народной школы. Въ хорошихъ намѣреніяхъ у бывшаго министра, повидимому, не было недостатка, но осуществить ихъ ему не пришлось. Весьма возможно, что начавшаяся война повлечетъ за собою новую отсрочку въ завершеніи учебной реформы. Нельзя ожидать, въ близкомъ будущемъ, и серьезныхъ финансовыхъ преобразованій; лишь по окончаніи военныхъ дѣйствій потребность въ коренномъ измѣненіи финансовой политики скажется, по всей вѣроятности, съ особенною силой. „Въ дѣлахъ государственнаго управленія,—читаемъ мы въ вступительной рѣчи В. Н. Кокковцева,—не должно быть скачковъ въ сторону, недопустимы неожиданности. Настоящее порождено прошедшимъ и само пролагаетъ дорогу будущему. Станемъ хранить то доброе, великое, что завѣщали намъ болѣе искусные и умѣлые предшественники мои, будемъ развивать и дополнять то, что выполнено“. Ошибочно было бы, однако, видѣть въ этихъ словахъ обѣщаніе безусловной, неуклонной вѣрности однажды проторенному пути. „Когда снова появится благодатный миръ,—говоритъ ораторъ нѣсколько дальше,—станемъ присматриваться къ *видоизмѣняющимся постоянно* требованіямъ народной жизни и будемъ пытаться, по мѣрѣ силъ и возможности, удовлетворять законнымъ требованіямъ этой жизни“. Такихъ требованій, ожидающихъ удовлетворенія, немало и теперь—и будетъ, безъ сомнѣнія, еще гораздо больше, „когда промчится бранная гроза“.

Трудную задачу, лежащую на министерствѣ народнаго просвѣщенія, реакціонная печать старается усложнить еще больше, возводя единичные факты на степень общераспространеннаго явленія. Изъ правительственнаго сообщенія, приведеннаго въ предъидущей книжкѣ нашего журнала, видно, что въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ *одного* (новоторжскаго) уѣзда *одной* (тверской) губерніи обнаружена, со стороны учителей, пропаганда, направленная противъ религіи и противъ государственнаго и общественнаго строя. Подъ руками Spectator'a изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ эти отдѣльныя школы быстро обращаются

сначала въ земскія школы *таверской губерніи*, а затѣмъ въ земскія школы вообще, въ сотни, тысячи и десятки тысячъ школъ. Построенной такимъ образомъ предпосылкѣ соотвѣтствуетъ и выводъ: земскія школы должны быть переданы „въ надежныя и твердыя руки правительства, будь то министерство народнаго просвѣщенія или святѣйшій синодъ“. Спросимъ себя, однако, что было бы достигнуто такой передачей? Земскія школы и теперь находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, не только регулирующаго всю учебную часть, устанавливающаго программы, выбирающаго учебники, но и держащаго въ своихъ рукахъ назначеніе учителей, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ быть допущенъ къ преподаванію безъ разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ. Различіе между школами земскими и министерскими въ тѣсномъ смыслѣ слова сводится (помимо завѣдыванія хозяйственною частью) къ тому, что только одно первоначальное прискаеніе учителей для земскихъ школъ зависитъ отъ земства, окончательное ихъ утвержденіе — отъ училищнаго совѣта, а въ школахъ министерскихъ учащіе прямо выбираются и назначаются инспекціей. Существенно ли это различіе, разъ что инспекторъ, какъ признаетъ и г. Spectator, „не имѣетъ физической возможности“ слѣдить за ходомъ школьнаго дѣла? Не будетъ ли онъ вынужденъ полагаться, при выборѣ цѣлой массы учителей, на разныя случайныя рекомендаціи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ гораздо менѣе надежныя, чѣмъ рекомендація земской управы? Усилится ли дѣйствительность надзора отъ одной перемѣны въ наименованіи школъ? Или, быть можетъ, имѣется въ виду увеличить во много разъ число инспекторовъ, въ ущербъ производительнымъ расходамъ на устройство новыхъ школъ и улучшеніе существующихъ? Въ такомъ случаѣ пришлось бы поставить вопросъ:—*Quis custodiet custodes?* Надъ размножившимися свыше мѣры наблюдателями понадобилось бы установить особое наблюденіе. Что касается до передачи земскихъ школъ въ духовное вѣдомство, то о ней мы говорили много и часто; ограничимся теперь только однимъ замѣчаніемъ. Ничто не мѣшаетъ священнику и теперь стоять столь же близко къ земской школѣ, въ которой онъ является законоучителемъ, какъ и къ школѣ церковно-приходской, въ которой онъ, бѣльшею частью, также преподаетъ *только* Законъ Божій; ничто не мѣшаетъ ему и теперь имѣть вліяніе и на учащихъ, и на учащихся въ земскихъ школахъ. Формальное главенство священника надъ школой не поможетъ ему приобрѣсти то значеніе, котораго онъ не достигъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ.

Менѣе чѣмъ когда-либо чувствуя теперь расположеніе къ личной полемикѣ съ такими дѣятелями печати, какъ г. Spectator, мы считаемъ вполне достаточнымъ воспроизвести, безъ комментариевъ, ту

часть его статьи, гдѣ онъ касается нашего журнала. Объяснивъ, по своему, извѣстный конфликтъ между тверскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ и тверскимъ уѣзднымъ земствомъ—опасеніемъ „гг. Петрункевичей, что съ передачей организованныхъ ими школъ въ чужое вѣдомство обнаружится вся ихъ развращающая народъ тенденція“¹⁾,—руководитель московской газеты продолжаетъ: „вотъ почему сообщники гг. Петрункевичей, сидящіе въ редакціяхъ „либеральныхъ“ газетъ и журналовъ, поспѣшили ему на помощь, превознося великія заслуги тверскаго земства по блестящей постановкѣ его образцовыхъ школъ. Мы теперь знаемъ, каковы эти заслуги, мы теперь видимъ, въ чемъ заключалась эта блестящая постановка земскихъ школъ, тажъ „образцово“ развращавшихъ крестьянское населеніе, и мы теперь понимаемъ, почему, напримѣръ, „Вѣстникъ Европы“ или „Русскія Вѣдомости“ такъ краснорѣчиво ратовали за эти возмутительныя, преступныя школы. Или, можетъ быть, эти завадычныя друзья гг. Петрункевичей *не знали*, что творилось въ этихъ школахъ? Такъ пусть они прямо заявятъ объ этомъ своемъ незнаніи и отрекутся отъ тверскихъ революціонныхъ пропагандистовъ, хотя бы для того, чтобы представить тверской скандалъ совершенно исключительнымъ, ничего не имѣющимъ общаго съ прочими земствами. А если они не отрекутся отъ гг. Петрункевичей и К^о, то какъ же они оградятъ себя отъ прямого обвиненія въ томъ, что они *знали* о революціонной пропагандѣ въ земскихъ школахъ тверской губерніи и вполнѣ *соучествовали* этой пропагандѣ? Во всякомъ случаѣ, мы бросаемъ имъ это обвиненіе открыто и прямо въ лицо. Посмотримъ, какъ они на него отвѣтятъ, если они только не предпочтутъ закутаться въ трусливое и лицемерное молчаніе“.—Писателю, столько разъ выступавшему съ подобными вопросами—или допросами—и возбуждавшему ими негодованіе даже въ консервативной печати, слѣдовало бы знать, что молчаніе, составляющее единственный возможный ему отвѣтъ, вызвано не трусостью и не лицемеріемъ, а — презрѣніемъ къ вопрошающему.

Въ нашихъ судебныхъ сферахъ — да и внѣ ихъ, среди всѣхъ, кому дорого правосудіе и понятно значеніе суда присяжныхъ, — большое впечатлѣніе произвели недавно рѣшенія сената, касающіяся оправданія сознавшихъ подсудимыхъ, и циркуляръ министра юстиціи, признающій за присяжными право ходатайствовать о помилованіи осужденныхъ подсудимыхъ. Существуетъ предположеніе, что цѣль се-

¹⁾ Замѣтимъ, что конфликтъ возникъ по поводу земскихъ школъ *тверскаго* уѣзда, а правительственное сообщеніе относится къ земскимъ школамъ *новоторжскаго* уѣзда.

натскихъ рѣшеній и министерскаго циркуляра, въ сущности, одна и та же: противодѣйствіе оправдательнымъ вердиктамъ, не соответствующимъ фактической сторонѣ дѣла. Не входя въ подробное обсужденіе вопроса, составляющее задачу специально-юридическихъ журналовъ¹⁾, остановимся только на томъ, что дѣлаетъ его существенно важнымъ и общенитереснымъ.

Начнемъ съ циркуляра министра юстиціи. Исходя изъ того факта, что присяжные ходатайствуютъ иногда объ облегченіи участи осужденныхъ, въ размѣрѣ, превышающемъ власть суда, циркуляръ устанавливаетъ, что присяжные не могутъ быть лишены принадлежащаго всѣмъ вѣрноподаннымъ права на предъявленіе подобныхъ ходатайствъ, и требуетъ представленія ихъ въ министерство юстиціи, для дальнѣйшаго направленія примѣнительно къ ст. 945 уст. угол. судопр. Усмотрѣніемъ администраціи вводится въ дѣйствіе, такимъ образомъ, совершенно новый порядокъ, создать который могъ только законъ. Въ самомъ дѣлѣ, ст. 945-ая, на которую сдѣлана ссылка въ циркулярѣ, предусматриваетъ только ходатайства *суда*—ходатайства, на возбужденіе которыхъ судъ прямо уполномоченъ статьею 775-ою того же устава. Что подъ именемъ *суда* въ обѣихъ статьяхъ разумѣется исключительно *коллегія коронныхъ судей* — въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія какъ послѣдовательно проведенная терминологія устава, строго различающая судъ и присяжныхъ засѣдателей, такъ и заглавіе отдѣла, въ составъ котораго входитъ ст. 775 („Постановленіе приговоровъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей“). Къ тому же заключенію приводитъ и тридцатипятилѣтняя судебная практика: до конца 1903-го года ей не были извѣстны ходатайства о помилованіи или смягченіи наказанія, идущія отъ *присутствія* или *коллегіи* присяжныхъ засѣдателей. И это вполне понятно: исполнивъ обязанность, возложенную на нихъ закономъ, постановивъ рѣшеніе о виновности или невинности подсудимаго, присяжные перестаютъ составлять одно организованное цѣлое. Въ качествѣ частныхъ лицъ они могутъ, конечно, подавать всеподданнѣйшія просьбы,—но эти просьбы должны быть направляемы, на общемъ основаніи, въ канцелярію по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, а не въ министерство юстиціи, какъ указано циркуляромъ. Лучшимъ доказательствомъ тому, что получить новое право, не предоставленное имъ судебными уставами, присяжные могутъ только путемъ *закона*, служить, наконецъ, труды комиссіи, пересматривавшей, въ концѣ девяностыхъ годовъ, законоположенія по судебной

¹⁾ Эта задача исполнена „Правомъ“ (1903 г. № 42, 48 и 52) и „Вѣстникѣмъ Права“ (1904 г. № 1). Особеннаго вниманія заслуживаетъ помѣщенная въ послѣдней статьѣ В. Д. Спасовича.

части. Высказавшись, въ принципѣ, за распространеніе на присяжныхъ права, принадлежащаго еоронному суду, комиссія, предсѣдателемъ которой состоялъ Н. В. Муравьевъ, признала необходимымъ дополнить, сообразно съ этимъ, текстъ устава—а на такое дополнение, какъ и на всякое другое творчество въ области закона, уполномочена *только* законодательная власть. Нужно было, притомъ, точно опредѣлить способы осуществленія новаго права. Въ средѣ комиссіи по этому предмету произошло разногласіе, свидѣтельствующее о сложности вопроса и, слѣдовательно, о невозможности разрѣшить его однимъ взмахомъ пера, безъ установленія нормъ, обеспечивающихъ и регулирующихъ пользованіе правомъ.

Призванное къ жизни административнымъ распоряженіемъ, и притомъ именно въ такое время, когда съ особенною силой проявляется стремленіе ограничить свободу рѣшеній, постановляемыхъ присяжными, право присяжныхъ ходатайствовать о помилованіи или чрезвычайномъ смягченіи участи осужденныхъ пріобрѣтаетъ особый смыслъ, существенно отличный отъ того, который оно имѣло бы при установленіи его закономъ. Введенное въ новую редакцію устава уголовного судопроизводства, органически связанное съ ходомъ процесса, а не втиснутое туда въ видѣ случайной приставки, право ходатайства, предоставленное присяжнымъ, было бы дѣйствительнымъ ихъ *правомъ*, дѣйствительнымъ расширеніемъ, углубленіемъ ихъ полномочій. Пониманіе и примѣненіе его соотвѣтствовало бы намѣренію тѣхъ, кому принадлежитъ инициатива вопроса. Онъ былъ поставленъ въ половинѣ 90-хъ годовъ, въ самый разгаръ преній о судѣ присяжныхъ — поставленъ защитниками этого суда, какимъ онъ былъ созданъ великой судебной реформой. Рѣчь шла не о томъ, чтобы искусственно уменьшить число оправдательныхъ вердиктовъ, а о томъ, чтобы установить возможно большую гармонію между убѣжденіемъ присяжныхъ и содержаніемъ ихъ приговора. Бываютъ, несомнѣнно, случаи, когда совѣсть не позволяетъ присяжнымъ безусловно оправдать подсудимаго, но не мирится и съ подведеніемъ его подъ общія нормы уголовного закона, хотя бы и смягченныя признаніемъ за подсудимымъ права на снисхожденіе. Въ судебной практикѣ, поэтому, съ самаго начала дѣйствія новаго процесса стали встрѣчаться вердикты, объявлявшіе подсудимаго виновнымъ, но заслуживающимъ *полнаго* снисхожденія ¹⁾. Эта формула, созданная самою жизнью и напоминающая

¹⁾ Приведемъ одинъ примѣръ, особенно характерный. Въ 1869 г. въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о похищеніи изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ листовъ, предназначенныхъ для печатанія кредитныхъ билетовъ. Судебное слѣдствіе показало съ полною ясностью, что одинъ изъ подсудимыхъ, Ветховъ, былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, Фроловымъ, дѣй-

англійское „recommended to mercy“, какъ бы подсказывала судьямъ не только необходимость смягчить, во всемъ доступномъ для нихъ объемѣ, наказаніе осужденнаго, но и желательность еще большаго облегченія его участи, путемъ ходатайства передъ Высочайшею властью. Обязательной для суда силы приведенная формула, однако, не имѣла и не имѣеть—и вотъ почему возникла мысль объ узаконеніи намѣченнаго въ ней пути, предоставленіемъ самимъ присяжнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ, почина въ возбужденіи ходатайства о помилованіи или чрезвычайномъ облегченіи участи осужденныхъ. „Ошибочно было бы думать,—говорили мы по этому поводу много лѣтъ тому назадъ ¹⁾,—что съ распространеніемъ на присяжныхъ права ходатайства, теперь принадлежащаго только коронному суду, они перестанутъ оправдывать подсудимыхъ, вина которыхъ имѣеть чисто формальный характеръ или совершенно уничтожается исключительными обстоятельствами даннаго случая. Когда обвинительный приговоръ былъ бы прямо противенъ совѣсти и нравственному чувству присяжныхъ, они по прежнему будутъ отвѣчать: *нѣтъ, не виновенъ*; пользоваться своимъ новымъ правомъ они будутъ только тогда, когда въ ихъ глазахъ несомнѣнна виновность подсудимаго (не только юридическая, но и нравственная), но столь же несомнѣнна и несправедливость примѣненія къ нему общихъ карательныхъ нормъ, установленныхъ закономъ“. Такого мнѣнія мы держимся и теперь—но не можемъ не видѣть, что не къ его побѣдѣ ведетъ право ходатайства, признанное за присяжными вѣѣ закона и вопреки закону. Такое признаніе—скорѣе преграда, воздвигаемая на пути присяжныхъ, чѣмъ точка опоры въ ихъ стремленіи къ справедливости. Невольно рождается опасеніе, что существованіе права ходатайства будетъ обращено въ добавочное орудіе противъ другаго права, несравненно болѣе цѣннаго и важнаго—права постановлять оправдательный приговоръ, несмотря на сознаніе обвиняемаго.

До сихъ поръ отрицаніе этого послѣдняго права мотивировалось обыкновенно ссылкой на незаконность оправданія при несомнѣнной виновности подсудимаго—оправданія, равносильнаго помилованію, которое, какъ извѣстно, составляетъ исключительную прерогативу верховной власти. Что такое, однако, *несомнѣнная* виновность? Самое

ствовавшимъ по наущенію агентовъ сыскаго полиціи. Оправдать Ветхова присяжные, очевидно, не хотѣли, потому что онъ несомнѣнно употребилъ во зло довѣріе, которымъ пользовался какъ служившій въ экспедиціи; но вмѣстѣ съ тѣмъ они видѣли въ немъ жертву гнусной махинаціи—и потому дали ему *полное* снисхожденіе. Судъ возбуждалъ ходатайство о смягченіи участи Ветхова, приведшее къ совершенному его помилованію.

¹⁾ См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1896 г.

понятіе о виновности такъ эластично, такъ относительно, что не укладывается въ опредѣленные рамки, не допускаетъ абсолютныхъ доказательствъ. Достаточнымъ ея удостовѣреніемъ нельзя считать и собственное сознание подсудимаго. Даже при господствѣ розыскаго процесса, когда всѣ усилія слѣдователей и судей были направлены къ полученію признанія, теорія требовала согласія его съ обстоятельствами дѣла, т.-е. признавала за нимъ значеніе *не безусловное*. Бывали и бываютъ случаи принятія на себя чужой вины, самообвиненія, вызваннаго психическимъ разстройствомъ или болѣзненной жадой страданія. Бывали и бываютъ, наоборотъ, такіе случаи, когда и при отсутствіи признанія не остается мѣста для разумнаго сомнѣнія въ виновности подсудимаго. Гдѣ же, затѣмъ, основаніе для установленія законнаго различія между подсудимыми сознавшимися и несознавшимися—различія, въ силу котораго юридически допустимымъ являлось бы только оправданіе послѣдняго, но отнюдь не перваго? Другими словами, гдѣ основаніе для присвоенія собственному сознанию болѣе юридической силы, чѣмъ другимъ даннымъ, избличающимъ подсудимаго? Возможно ли оно безъ возвращенія къ формальной теоріи уголовныхъ доказательствъ—или, лучше сказать, безъ распространенія этой теоріи дальшѣ тѣхъ предѣловъ, за которые она не выходила въ эпоху наибольшаго своего расцвѣта?.. Съ другой стороны, признать сознание подсудимаго стѣсняющимъ свободу дѣйствій присяжныхъ, *обязывающимъ* ихъ произнесенію обвинительнаго приговора, значило бы какъ бы установить премию за несознаніе, поставить несознающихся подсудимыхъ въ привилегированное положеніе и, слѣдовательно, уменьшить число сознающихся, затруднивъ, тѣмъ самымъ, отправленіе правосудія. Для взгляда, неизбѣжно ведущаго къ столь мало желательнымъ результатамъ, напрасно было бы искать точекъ опоры въ дѣйствующемъ уставѣ уголовного судопроизводства. Нѣтъ закона, который бы ставилъ внѣшнюю границу оправдательнымъ вердиктамъ присяжныхъ; нѣтъ закона, который проводилъ бы, въ этомъ отношеніи, демаркаціонную черту между сознавшимися и несознавшимися подсудимыми. Формула присяги, приносимой присяжными, возлагаетъ на нихъ обязанность *не оправдывать виновныхъ*; но она не опредѣляетъ, кого именно присяжные должны считать виновными, что должно служить непреложнымъ доказательствомъ виновности. Еслибы сознание подсудимаго, съ точки зрѣнія закона, предрѣшало признаніе его виновнымъ, то сообразно этому былъ бы установленъ и дальнѣйшій образъ дѣйствій суда, существенно отличный отъ соблюдаемаго при несознаніи. Ничего подобнаго мы не видимъ: сознание позволяетъ, при извѣстныхъ условіяхъ (уст. угол. судопр. ст. 681 и 682), обойтись безъ судебного слѣдствія, но не устраняетъ ни заключительныхъ преній, ни предсѣдательскаго резюме, ни поста-

новки вопроса о виновности—а разъ что такой вопросъ поставленъ, онъ безспорно можетъ быть разрѣшенъ какъ утвердительно, такъ и отрицательно. Присяжные не мотивируютъ своихъ рѣшеній: нельзя, поэтому, опредѣлить, что побудило ихъ оправдать подсудимаго — сомнѣніе ли въ фактѣ совершения имъ преступленія (сомнѣніе, мыслимое, какъ мы видѣли, и при сознаніи) или убѣжденіе въ нравственной его невинности, въ наличности такихъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ обстоятельствъ, при которыхъ явно несправедливымъ былъ бы обвинительный вердиктъ. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ первомъ, оправданіе не имѣетъ ничего общаго съ помилованіемъ. Помилованіе — это уничтоженіе, актомъ Высочайшей воли, всѣхъ юридическихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ обвинительнаго приговора; оправданіе — это отрицаніе самыхъ основъ обвиненія, самыхъ поводовъ въ уголовной отвѣтственности.

Для того, чтобы законъ существовалъ не только на бумагѣ, необходима достаточно сильная, достаточно дѣйствительная санкція. Какою же санкціею могло бы быть закрѣплено запрещеніе присяжнымъ оправдывать сознавшихся или вообще „несомнѣнно виновныхъ“ подсудимыхъ? Есть мнѣніе, подводящее подобныя оправдательные приговоры подъ дѣйствіе первой части ст. 675 новаго уголовного уложенія. За силою этого закона, помѣщеннаго въ главѣ „о преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ государственной и общественной“, судья или иной служащій, уполномоченный закономъ на рѣшеніе дѣлъ объ уголовной отвѣтственности, виновный въ постановленіи завѣдомо неправаго рѣшенія, наказывается заключеніемъ въ исправительномъ домѣ. Подъ понятіе *о служащихъ* присяжные засѣдатели подводимы, собственно говоря, быть не могутъ: они не состоятъ ни на государственной, ни на общественной службѣ, и преступленія, совершаемыя ими при исправленіи или по поводу исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, должны были бы быть предусмотрѣны особымъ постановленіемъ закона. За отсутствіемъ такого постановленія и за невозможностью признать ненаказуемымъ явное нарушеніе присяжными судейскаго ихъ долга (напр., подкупъ), приходится распространить на присяжныхъ, какъ на *судей*, дѣйствіе ст. 675-ой уложенія, но не безъ существенно важныхъ оговорокъ, обусловливаемыхъ самымъ характеромъ суда присяжныхъ. Если въ средѣ короннаго суда нигдѣ не заявлено особаго мнѣнія, всѣ судьи предполагаются солидарными между собою и одинаково отвѣтственными за рѣшеніе. Совершенно инымъ является положеніе присяжныхъ. Особыхъ мнѣній они не подають: единогласно ли состоялось ихъ рѣшеніе, и если не единогласно, то изъ чего составилось большинство и меньшинство—опредѣлить нельзя. Коронный судъ, далѣе, мотивируетъ свои рѣшенія: сравненіе мотивовъ съ обстоя-

тельствами дѣла и законами можетъ обнаружить неправоту рѣшенія и дать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, указанія на *завѣдомость* неправосудія. По отношенію къ немотивированному вердикту присяжныхъ это невозможно. Какимъ путемъ присяжные пришли къ тому или другому окончательному выводу—объ этомъ возможны только догадки, на которыхъ, конечно, нельзя строить обвиненіе. Да и во что обратился бы судъ присяжныхъ, еслибы надъ ними висѣла постоянная угроза уголовного преслѣдованія? Мыслимо ли было бы сохраненіе тайны совѣщаній, мыслимо ли было бы душевное спокойствіе, безъ того уже тяжело совмѣстимое съ сознаніемъ тяжелой *нравственной* отвѣтственности? Требовать отъ присяжныхъ осужденія, противъ котораго неудержимо возстаетъ и убѣжденіе ихъ, и чувство, значило бы насиловать ихъ совѣсть, подрывать и обезцѣнивать все, что есть лучшаго въ данной формѣ суда. И кто судилъ бы присяжныхъ, обвиняемыхъ въ оправданіи завѣдомо виновнаго подсудимаго? Если такіе же присяжные, то болѣе чѣмъ вѣроятнѣе былъ бы оправдательный вердиктъ, который въ свою очередь могъ бы стать объектомъ преслѣдованія; если коронный судъ, то одинъ и тотъ же фактъ разсматривался бы подъ двумя различными или даже противоположными углами зрѣнія, въ явное нарушеніе справедливости... Скажемъ болѣе: и помимо примѣненія ея къ присяжнымъ, статья 675-ая кажется намъ одною изъ самыхъ неудачныхъ въ новомъ уложеніи. Въ первоначальномъ проектѣ соотвѣтствующая статья (548-ая) была редактирована такъ: „судья или иной служащій, уполномоченный закономъ на рѣшеніе дѣлъ объ уголовной отвѣтственности, виновный въ постановленіи завѣдомо неправаго рѣшенія, *буде сіе учинено по корыстному или иному несовѣстному съ домою службы побужденію*, наказывается исправительнымъ домою“. Свой нынѣшній видъ постановленіе о неправосудіи получило въ проектѣ, измѣненномъ министромъ юстиціи по соглашенію съ предсѣдателемъ редакціонной комиссіи (ст. 583), откуда оно и вошло въ составъ уложенія. Безъ корыстнаго побужденія (или безъ другого, съ нимъ однороднаго, т.-е. столь же несовѣстнаго съ служебнымъ долгомъ) неправосудіе, какъ уголовно-наказуемое преступленіе, для составителей проекта не существовало вовсе; теперь преступное побужденіе является лишь обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину и наказаніе. Намъ думается, что это большой шагъ назадъ. *Завѣдомость* неправаго рѣшенія сравнительно легко доказуема только тогда, когда обнаружена причина, вызвавшая неправосудіе: иначе всегда остается возможность предполагать, что для судьи или судей не была ясна, не была понятна неправильность рѣшенія. Въ своей настоящей редакціи первая часть статьи 675-ой уложенія останется жертвой буквой, непримѣнимой вслѣдствіе затруднительности установить

составъ преступленія—или, что еще хуже, сдѣляется орудіемъ преслѣдованія за *судейское мнѣніе*, постоянной угрозой для независимости судей. Особенно опаснымъ, по соображеніямъ, приведеннымъ нами выше, было бы примѣненіе ея къ присяжнымъ.

Такъ ли велико, наконецъ, число оправдательныхъ вердиктовъ, чтобы необходимо было стремиться къ его уменьшенію, не отступая передъ такими чрезвычайными средствами, какъ дополненіе закона циркуляромъ—съ одной стороны, преслѣдованія за неправосудіе—съ другой? Краснорѣчивымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить статья Е. Н. Тарновскаго: „Репрессія суда присяжныхъ по даннымъ за 1875—1900 гг.“, напечатанная недавно въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ (1904 г. № 1). Процентъ оправданій, произносимыхъ присяжными, за весь этотъ долгій періодъ времени рѣдко подвергался значительнымъ колебаніямъ, въ послѣднее десятилѣтіе XIX-го вѣка оставаясь болѣею частью на высотѣ 35—37%, и въ иные годы (напр. 1895-й, 1896-ой, 1897-ой) лишь немногимъ отличаясь отъ соответственныхъ цифръ по окружнымъ судамъ варшавскаго судебного округа, гдѣ нѣтъ суда присяжныхъ. Близко подходит къ нему иногда и процентъ оправдательныхъ приговоровъ, постановленныхъ судебными палатами въ качествѣ первой инстанціи (т.е., болѣею частью, съ участіемъ сословныхъ представителей). Если число этихъ послѣднихъ приговоровъ падаетъ, иной разъ, до такой цифры, до какой никогда не доходятъ оправдательные вердикты присяжныхъ (минимумъ для палатъ—26,1%, для присяжныхъ—34,7%), то и скачки вверхъ въ первой области бывають гораздо сильнѣе, чѣмъ во второй (максимумъ для палатъ—53,3%, для присяжныхъ—45,5%). Другими словами, репрессія нашихъ присяжныхъ отличается болѣею устойчивостью, болѣею постоянствомъ ¹⁾—а это заставляетъ вѣрить въ мѣншую зависимость ея отъ причинъ случайныхъ, отъ измѣнчивыхъ, капризныхъ настроеній. Оправдательныхъ вердиктовъ русскими присяжными произносится, въ общемъ, лишь немногимъ больше, чѣмъ итальянскими и французскими. Гораздо сильнѣе репрессія только въ англійскомъ судѣ присяжныхъ—но не слѣдуетъ забывать, что порядокъ преданія суду въ Англии совсѣмъ другой, чѣмъ въ Россіи, да и слѣдственная часть поставлена гораздо лучше... Конечно, по однѣмъ статистическимъ даннымъ нельзя составить себѣ полного и правильнаго понятія о достоинствахъ и недостаткахъ той

¹⁾ По мѣткому выраженію И. Г. Щегловитова, предсѣдательствовавшего въ уголовномъ отдѣленіи с.-петербургскаго юридическаго общества при обсужденіи работъ Е. Н. Тарновскаго, кривая, изображающая репрессію присяжныхъ, напоминаетъ собою графически изображенную нормальную температуру здороваго челоуѣка, тогда какъ та же кривая по отношенію къ коронному суду напоминаетъ колеблющуюся температуру больного организма.

или другой формы суда; но цифры, собранныя г. Тарновскимъ, во всякомъ случаѣ устраняютъ возможность утверждать, что наши присяжные грѣшатъ систематически-снисходительнымъ отношеніемъ къ преступникамъ и преступленіямъ. „Каковы бы ни были“—справедливо замѣчаетъ г. Тарновскій—„отдѣльные, сравнительно рѣдкіе случаи ошибокъ и недоразумѣній, возможныхъ, хотя и въ иныхъ формахъ, и во всякомъ другомъ судѣ, не слѣдуетъ никогда забывать, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по десяткамъ тысячъ дѣлъ ежегодно, судъ присяжныхъ постановляетъ приговоры правильные, согласные съ общественной совѣстью и даже съ формальнымъ закономъ“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1904.

Война на Дальнемъ Востоку.—Правительственныя сообщенія и официальные акты по поводу русско-японской войны.—Возможныя дипломатическія погрѣшности.—Вопросы о нарушеніяхъ международнаго права.—Нейтральныя державы и общее политическое положеніе.

Кризисъ на дальнемъ Востоку получилъ неожиданную для насъ развязку, крайне печальную не только для Россіи, но и для всего культурнаго міра. Возгорѣлась война именно въ тотъ моментъ, когда мы объявляли о своемъ твердомъ рѣшеніи сохранить миръ, и когда во всей иностранной печати заранѣе обсуждалось миролюбивое содержаніе только-что отосланной уже въ Токио русской отвѣтной ноты на послѣднія требованія Японіи. Оказалось, однако, что вопросъ о мирѣ или войнѣ зависѣлъ не отъ однихъ насъ. Наши противники не пожелали удовлетвориться одними тѣми уступками, которыя мы соглашались имъ сдѣлать; они нашли болѣе выгоднымъ для своихъ цѣлей немедленно прибѣгнуть къ оружію, пока Россія не успѣла еще сосредоточить надлежащія военныя силы для рѣшительной борьбы въ восточной Азіи...

Послѣдовательный ходъ событій обрисовывается въ рядѣ правительственныхъ сообщеній, которыя мы приводимъ здѣсь сполна. Министерство иностранныхъ дѣлъ разослало русскимъ представителямъ за границу слѣдующую циркулярную телеграмму, отъ 24-го января:

„По порученію своего правительства, японскій посланникъ при Высочайшемъ Дворѣ передалъ ноту, въ коей доводится до свѣдѣнія Императорскаго Правительства о рѣшеніи Японіи прекратить дальнѣйшіе переговоры и отозвать посланника и весь составъ миссіи изъ Петербурга.

„Вслѣдствіе сего Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы російскій посланникъ въ Токио со всѣмъ составомъ Императорской миссіи безотлагательно покинулъ столицу Японіи.

„Подобный образъ дѣйствій токійскаго правительства, не выждавшаго даже передачи ему отправленнаго на-дняхъ отвѣта Императорскаго Правительства, возлагаетъ на Японію всю отвѣтственность за послѣдствія, могущія произойти отъ перерыва дипломатическихъ сношеній между обѣими Имперіями“.

Сущность переговоровъ, предшествовавшихъ разрыву, вкратцѣ объяснена нашимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ въ сообщеніи отъ 27-го января:

„Въ минувшемъ году токійскій кабинетъ, подъ предлогомъ установленія равновѣсія и болѣе прочнаго порядка вещей на берегахъ Тихаго океана, обратился къ Императорскому Правительству съ предложеніемъ о пересмотрѣ существующихъ договоровъ по дѣламъ корейскимъ,—на что Россія изъявила согласіе.

„По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, въ виду учрежденія къ тому времени намѣстничества на Дальнемъ Востоцѣ, составленіе проекта новаго соглашения съ Японіею поручено было генералъ-адъютанту Алексѣеву, при участіи російскаго посланника въ Токио, на коего возложено было веденіе переговоровъ съ японскимъ правительствомъ.

„Несмотря на то, что возбужденный по сему предмету съ августа минувшаго года обмѣнъ взглядовъ съ токійскимъ кабинетомъ сохранялъ дружественный характеръ, какъ извѣстно, японскіе общественные кружки, мѣстная, а также иностранная печать всячески старались вызвать воинственное броженіе среди японцевъ и побудить правительство къ вооруженной борьбѣ съ Россіею.

„Подъ вліяніемъ такового настроенія токійскій кабинетъ сталъ проявлять все болѣшую и болѣшую притязательность въ переговорахъ, принимая одновременно самыя широкія мѣры къ приведенію страны въ боевую готовность.

„Всѣ обстоятельства эти не могли, конечно, нарушить спокойствія Россіи, но побудили ее сдѣлать и съ своей стороны соответствующія военно-морскія распоряженія. Тѣмъ не менѣе, одушевленная искреннимъ желаніемъ сохранить миръ на Дальнемъ Востоцѣ—поскольку то позволяли ея неоспоримые права и интересы,—Россія съ должнымъ вниманіемъ отнеслась къ заявленіямъ токійскаго правительства и выразила готовность признать, на основаніи условій соглашения, преимущественное торгово-экономическое положеніе Японіи на Корейскомъ полуостровѣ, съ предоставленіемъ ей права охраны такого военною силою, въ случаѣ безпорядковъ въ странѣ.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, строго придерживаясь основного начала своей политики по отношенію къ Корей, независимость и территориальная неприкосновенность коей обезпечивались какъ предшествующими соглашениями съ Японіею, такъ и договорами, заключенными другими державами,—Россія не могла не настаивать:

1) на взаимномъ и безусловномъ обезпеченіи этого основного начала; 2) на обязательствѣ не пользоваться никакою частью корейской территоріи для стратегическихъ цѣлей, ибо допущеніе подобнаго дѣйствія со стороны какой-либо иностранной державы прямо противорѣчило бы принципу самостоятельности Кореи, и, наконецъ, 3) на охранѣ полной свободы плаванія черезъ Корейскій проливъ.

„Выработанный въ этомъ смыслѣ проектъ соглашения не удовлетворилъ, однако, японское правительство, которое въ послѣднихъ своихъ предложеніяхъ не только уклонилось отъ принятія условій, являвшихся гарантіею независимости Кореи, но вмѣстѣ съ тѣмъ стало

настаивать на включеніи въ упомянутый проект постановленій, касающихся манчжурскаго вопроса.

„Таковыя притязанія Японіи, конечно, не могли быть допустимы. „Вопросъ о положеніи Россіи въ Манчжуріи касается прежде всего самого Китая, а затѣмъ и всѣхъ державъ, имѣющихъ торговые интересы въ Поднебесной имперіи; посему Императорское Правительство не видѣло рѣшительно основаній включать въ отдѣльный договоръ съ Японіею по корейскимъ дѣламъ какія-либо постановленія, относящіяся къ занятой русскими войсками области.

„Императорское Правительство, къ тому же, не отказывается признавать, на время военной оккупации Манчжуріи, какъ верховную власть богдыхана въ этой области, такъ и преимущества, приобретенныя державами, въ силу заключенныхъ ими договоровъ съ Китаемъ, о чемъ уже было сдѣлано соответствующее заявленіе иностраннымъ кабинетамъ.

„Въ виду сего Императорское Правительство, поручая представителю въ Токио передать свой отвѣтъ на послѣднія японскія предложенія, въ правѣ было разсчитывать, что токійскій кабинетъ приметъ во вниманіе значеніе вышеизложенныхъ соображеній и оцѣнитъ проявленное Россіею желаніе придти къ мирному соглашенію съ Японіею.

„Между тѣмъ, японское правительство, не выждавъ даже полученія этого отвѣта, рѣшило прекратить переговоры и прервать дипломатическія сношенія съ Россіею.

„Возлагая на Японію всю отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія отъ такового образа дѣйствій ея,—Императорское Правительство будетъ выжидать развитія событій и при первой же необходимости приметъ самыя рѣшительныя мѣры къ защитѣ своихъ правъ и интересовъ на Дальнемъ Востокѣ“.

Перерывъ дипломатическихъ сношеній съ Японіею истолковывался у насъ не какъ предвѣстникъ войны, а какъ особый приѣмъ воздѣйствія, могущій, между прочимъ, привести къ дружественному посредничеству иностранныхъ державъ; въ подтвержденіе этого взгляда приводились въ газетахъ историческіе примѣры, которыми вовсе не имѣла въ виду руководствоваться японская дипломатія. Наше правительство заявляло, что „будетъ выжидать развитія событій и при первой же необходимости приметъ самыя рѣшительныя мѣры къ защитѣ своихъ правъ и интересовъ на Дальнемъ Востокѣ“; а въ это самое время совершилось уже вооруженное нападеніе японцевъ на русскій флотъ, стоявшій у Портъ-Артура. Въ тотъ же день, 27 января, подписанъ былъ Высочайшій манифестъ, въ которомъ сказано:

„Въ заботахъ о сохраненіи дорогого сердцу Нашему мира, Нами были приложены всѣ усилія для упроченія спокойствія на Дальнемъ Востокѣ. Въ сихъ миролюбивыхъ цѣляхъ Мы изъявили согласіе на предложенный японскимъ правительствомъ пересмотръ существовав-

шихъ между обѣими Имперіями соглашеній по корейскимъ дѣламъ. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены къ окончанію, и Японія, не выждавъ даже полученія послѣднихъ отвѣтныхъ предложеній Правительства Нашего, извѣстила о прекращеніи переговоровъ и разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Россією.

„Не предувѣдомивъ о томъ, что перерывъ таковыхъ сношеній знаменуетъ собою открытіе военныхъ дѣйствій, японское правительство отдало приказъ своимъ миноносцамъ внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на вѣншемъ рейдѣ крѣпости Портъ-Артура.

„По полученіи о семъ донесенія Намѣстника Нашего на Дальнемъ Востокѣ, Мы тотчасъ же повелѣли вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи.

„Объявляя о такомъ рѣшеніи Нашемъ, Мы съ непоколебимою вѣрою въ помощь Всевышняго и въ твердомъ упованіи на единодушную готовность всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ встать вмѣстѣ съ Нами на защиту Отечества, призываемъ благословеніе Божіе на доблестныя Наши войска арміи и флота“.

Въ отвѣтъ на обвиненія въ умышенномъ затягиваніи происходившихъ съ Японією переговоровъ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 7-го февраля напечатанъ подробный официальный отчетъ о заключительномъ фазисѣ русско-японскаго конфликта:

„Въ иностранной печати, на основаніи японскихъ источниковъ, появился отчетъ о событіяхъ, непосредственно предшествовавшихъ разрыву дипломатическихъ сношеній, а затѣмъ и открытію военныхъ дѣйствій между Россією и Японією.

„Какъ и слѣдовало ожидать, въ этомъ отчетѣ умышенно извращены и подтасованы факты съ цѣлью оправдать возмутившій повсюду общественную совѣсть образъ дѣйствій токійскаго правительства, нарушившаго самыя обычныя правила международныхъ сношеній.

„Вотъ истинный ходъ событій:

„3 (16) января, по полученіи телеграфнаго сообщенія Намѣстника о послѣднихъ японскихъ предложеніяхъ по проекту соглашенія, Императорское Правительство приступило къ тщательному ихъ изученію.

„12 (25) января, на запросъ японскаго посланника въ Петербургѣ, къ какому времени можно приблизительно ожидать отвѣта Русскаго Правительства, г. Курино былъ увѣдомленъ, что Государю Императору благоугодно было назначить для всесторонняго обсужденія таковаго отвѣта, по соотвѣтствующемъ сношеніи съ подлежащими вѣдствами и съ Намѣстникомъ, особое совѣщаніе, которое состоится въ четвергъ, 15 (28) января, и что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Высочайшее рѣшеніе будетъ принято не ранѣе 20 января (2 февраля).

„20 января (2 февраля) Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть изготovitъ, на основаніи заключенія особаго совѣщанія, проектъ окончательныхъ инструкцій для російскаго посланника въ Токио.

„21 января (3 февраля), въ силу помнутаго Высочайшаго пове-

лѣнія, Намѣстнику на Дальнемъ Востокѣ были отправлены три телеграммы, заключающія полный текстъ проекта соглашенія съ Японіей, всѣ доводы и соображенія, коими Императорское Правительство руководствовало при введеніи нѣкоторыхъ поправокъ въ послѣднія японскія предложенія, и, наконецъ, общія указанія, коими Намѣстнику поручалось снабдить російскаго посланника въ Токио—для передачи отвѣта японскому правительству.

„Для выигрыша времени, всѣ означенныя телеграммы въ тотъ же день были отправлены непосредственно и барону Розену.

„22 января (4 февраля)—стало быть, за 48 часовъ до полученія отъ токійскаго правительства извѣщенія о разрывѣ сношеній,—министръ иностранныхъ дѣлъ въ письмѣ къ пребывавшему въ С.-Петербургѣ японскому посланнику сообщилъ о состоявшейся передачѣ барону Розену отвѣтныхъ предложеній Россіи.

„23 января (5 февраля) отъ Намѣстника было получено извѣщеніе о своевременной передачѣ имъ въ Токио всѣхъ телеграммъ, заключавшихъ отвѣтныя предложенія Россіи.

„Въ субботу, 24 января (6 февраля), въ 4 часа дня, японскій посланникъ въ С.-Петербургѣ совершенно неожиданно препроводилъ министру иностранныхъ дѣлъ двѣ ноты, изъ коихъ въ первой сообщалось о прекращеніи токійскимъ правительствомъ дальнѣйшихъ переговоровъ, подъ вымышленнымъ, какъ видно изъ предыдущаго, предлогомъ, будто Россія уклоняется отъ отвѣта на японскія предложенія; а во второй—о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между обоими государствами съ извѣщеніемъ о предстоящемъ 28 января выѣздѣ всего состава японской миссии изъ С.-Петербурга.

„Обѣ означенныя ноты сопровождался частнымъ письмомъ японскаго посланника къ министру иностранныхъ дѣлъ, коимъ г. Курино выражалъ надежду, что перерывъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ ограничится возможно кратчайшимъ срокомъ.

„Того же 24 января (6 февраля), Намѣстникъ на Дальнемъ Востокѣ, посланники въ Токио, Пекинѣ и Сеулѣ, а равно всѣ російскіе представители при великихъ державахъ были поставлены въ извѣстность срочными телеграммами о разрывѣ сношеній съ Японіей и о состоявшемся Высочайшемъ повелѣніи барону Розену со всѣмъ составомъ Императорской миссии покинуть Токио. Въ циркулярномъ сообщеніи этомъ также указывалось, что образъ дѣйствій токійскаго правительства, не выждавшаго даже полученія отвѣта Императорскаго Правительства, возлагаетъ на Японию отвѣтственность за послѣдствія, могущія произойти отъ перерыва дипломатическихъ сношеній между обоими Имперіями.

„О полученіи имъ циркуляра касательно разрыва сношеній съ Японією Намѣстникъ увѣдомилъ телеграммой, отправленною въ Петербургъ днемъ 25 января.

„Хотя перерывъ дипломатическихъ сношеній вовсе не знаменовалъ собою открытія военныхъ дѣйствій,—японское правительство уже въ ночь на 27 и затѣмъ въ теченіе 27 и 28 января совершило цѣлый рядъ возмутительныхъ нападеній на русскія военныя и коммерческія суда, — вопреки общепринятымъ постановленіямъ международнаго права.

„Указъ японскаго императора объ объявленіи войны Россіи состоялся лишь 29 января (11 февраля)“.

Обнаруженное Японією пренебреженіе къ принципамъ международнаго права осуждается въ циркулярной депешѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ къ русскимъ представителямъ за границею, отъ 9-го февраля 1904 г.:

„Съ минуты разрыва, послѣдовавшаго между Россіей и Японією, образъ дѣйствій токійскаго правительства представляетъ собою явное поправіе общепринятыхъ постановленій, опредѣляющихъ взаимныя отношенія между цивилизованными государствами.

„Не входя нынѣ въ разсмотрѣніе вообще всѣхъ отдѣльныхъ нарушеній Японією помянутыхъ постановленій, Императорское Правительство считаетъ необходимымъ привлечь самое серьезное вниманіе державъ на насильственныя мѣропріятія, къ которымъ прибѣгло японское правительство по отношенію къ Корей.“

„Независимость и неприкосновенность Кореи, какъ воплѣть самостоятельнаго государства, была признана всѣми державами. Незыблемость этихъ основныхъ принциповъ подтверждена статьею первою симонсекскаго трактата, договоромъ, специально съ этой цѣлью заключеннымъ между Англією и самою Японією 17-го (30-го) января 1902 года, а также франко-русскою деклараціею 3-го (16-го) марта того же 1902 года.

„Предвидя опасность возможнаго столкновенія между Россією и Японією, корейскій императоръ въ самомъ началѣ минувшаго января обратился циркулярно по телеграфу ко всѣмъ державамъ съ заявленіемъ о принятомъ имъ рѣшеніи соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Заявление это было сочувственно встрѣчено и принято къ свѣдѣнію большинствомъ державъ, въ томъ числѣ и Россією. Великобританское правительство, подписавшее совмѣстно съ Японією вышеупомянутый договоръ 17-го (30-го) января 1902 года, какъ сообщать россійскій посланникъ въ Корей, поручило черезъ своего представителя въ Сеулѣ официальною нотою передать корейскому императору благодарность за сдѣланное лондонскому кабинету заявленіе о сохраненіи Кореєю, въ случаѣ разрыва между Японією и Россією, строгаго нейтралитета.

„Не взирая на всѣ эти обстоятельства, японское правительство, вопреки всѣмъ договорамъ, своимъ собственнымъ обязательствамъ и въ противность основнымъ законамъ международнаго права, какъ это выяснилось нынѣ на основаніи точныхъ, воплѣть проверенныхъ данныхъ:

„1) Приступило, даже до открытія военныхъ дѣйствій противъ Россіи,—къ высадкѣ своихъ войскъ въ предѣлы независимаго Корейскаго государства, заявившаго о соблюденіи имъ нейтралитета.

„2) Совершило отрядомъ своей эскадры внезапное нападеніе 26-го января, т.-е. за три дня до объявленія войны, на находившіеся въ нейтральномъ портѣ Чемульпо два русскихъ военныхъ корабли, командиры коихъ не могли быть извѣщены о разрывѣ сношеній съ Японіей, вслѣдствіе злоумышленнаго передѣ тѣмъ прекращенія японцами

передачи русскихъ телеграммъ по кабелю, принадлежащему датскому обществу, и порчи корейскихъ правительственныхъ телеграфныхъ проводовъ.

„Подробности возмутительной атаки, коей подверглись вышеозначенныя русскія суда, заключаются въ опубликованной официальной телеграммѣ російскаго посланника въ Сеулѣ.

„3) Вопреки существующимъ на сей предметъ международнымъ постановленіямъ и за нѣсколько времени до открытія военныхъ дѣйствій, захватило, въ качествѣ военной добычи, русскія коммерческія суда, находившіяся въ нейтральныхъ корейскихъ портахъ.

„4) Заявило корейскому императору черезъ японскаго посланника въ Сеулѣ, что отнынѣ Корея будетъ находиться подъ управленіемъ Японіи, предупредивши, что, въ случаѣ неповорности, японскія войска займутъ дворець.

„5) Обратилось черезъ французскаго посланника къ русскому официальному представителю при корейскомъ императорѣ съ предложеніемъ о выѣздѣ изъ страны со всѣмъ составомъ миссіи и консульствъ.

„Признавая, что всѣ перечисленные факты составляютъ вопіющее нарушеніе общепринятыхъ законовъ международнаго права, Императорское Правительство нынѣ же считаетъ долгомъ передъ всѣми державами заявить о своемъ протестѣ противъ образа дѣйствій японскаго правительства, въ полной увѣренности, что всѣ государства, которыя дорожатъ началами, обеспечивающими ихъ взаимныя отношенія, раздѣлятъ точку зрѣнія Россіи.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императорское Правительство находитъ необходимымъ заранѣе предупредить, что, вслѣдствіе незаконнаго захвата Японіею власти въ Корей, — оно признаетъ недѣйствительными всѣ тѣ распоряженія и заявленія, которыя послѣдовали бы отъ имени корейскаго правительства.

„Благоволите сообщить объ этомъ правительству, при коемъ вы аккредитованы“.

Наконецъ, по поводу первыхъ дѣйствій нашего тихоокеанскаго флота, правительство сочло своимъ долгомъ предупредить публику, что нельзя рассчитывать на скорые успѣхи русскаго оружія, и что необходимо запастись терпѣніемъ, въ виду специальныхъ условий и обстоятельствъ восточно-азиатской войны:

„Все русское общество съ понятнымъ нетерпѣніемъ желаетъ скорого возмездія и съ лихорадочнымъ чувствомъ ждетъ извѣстій съ Дальняго Востока... Но вся обстановка войны заставляетъ насъ терпѣливо ожидать извѣстій объ успѣхахъ нашего оружія, которые могутъ сказаться не ранѣе начала рѣшительныхъ дѣйствій русской арміи.

„Нападеніе на самую отдаленную часть нашей территоріи, отстоящую отъ центра государства на многія тысячи верстъ, и искреннее желаніе нашего правительства сохранить миръ, что дѣлало невозможнымъ заблаговременную подготовку къ войнѣ,—заставляетъ насъ употребить не мало времени для того, чтобы начать наносить Японіи

такіе удары, которые соотвѣтствовали бы могуществу Россіи и при наименьшемъ пролитіи дорогой русской крови были бы достойнымъ возмездіемъ націи, дерзко вызвавшей насъ на бой. Пусть же русское общество терпѣливо ожидаетъ грядущихъ событій, вполне увѣренное, что наша армія заставитъ сторицею заплатить за брошенный намъ вызовъ. Серьезныя операціи на сушѣ начнутся еще не скоро, и мы не должны и не можемъ ожидать быстрыхъ извѣстій о нашихъ дѣйствіяхъ на театрѣ войны. Напрасно проливать русскую кровь для быстрой отплаты нашимъ врагамъ было бы недостойно величія и мощи Россіи. Наше отечество выказало въ эти дни такое единеніе и такое желаніе жертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ на пользу дорогой родины, что, безъ сомнѣнія, всякое достовѣрное извѣстіе съ театра войны будетъ немедленнымъ достояніемъ всего русскаго общества“. („Правит. Вѣстникъ“, отъ 4-го февраля.).

Само собою разумѣется, что японское правительство старалось оправдать свой образъ дѣйствій передъ общественнымъ мнѣніемъ Запада, ссылаясь на жизненные національные интересы Японіи, и эти оправдательныя попытки встрѣтили безусловное сочувствіе и поддержку въ Англіи и Сѣверной Америкѣ. Какъ видно изъ официальнаго японскаго сообщенія, напечатаннаго въ лондонскихъ газетахъ, Японія считаетъ своимъ жизненнымъ интересомъ сохраненіе независимости и территоріальной неприкосновенности Кореи подъ условіемъ преобладающаго вліянія или даже фактическаго господства японцевъ въ этой странѣ, а такая цѣль не можетъ быть, по ея мнѣнію, достигнута при русской оккупациі Манчжуріи: „Еслибы когда-нибудь Манчжурія была присоединена къ Россіи, независимость Кореи стала бы невозможною. Это несомнѣнно призывается самою Россією, которая въ 1895 году положительно заявила Японіи, что японское владычество въ предѣлахъ Ляодунскаго полуострова было бы не только постоянною угрозою китайской столицѣ, но дѣлало бы независимость Кореи вполне фиктивной“. Японія—говорится далѣе—желаетъ поэтому добиться восстановленія законной власти Китая въ Манчжуріи, согласно неоднократнымъ русскимъ обѣщаніямъ, чтобы затѣмъ обезпечить за собою преобладаніе въ Корей. Непосредственные переговоры съ русскимъ правительствомъ по этому предмету начаты были Японією въ концѣ іюли прошлаго года. Первые японскія предложенія были сформулированы въ нотѣ 12-го августа (нов. ст.); русскій отвѣтъ на нихъ послѣдовалъ спустя около двухъ мѣсяцевъ, 3-го октября; исправленный японскій проектъ соглашенія переданъ былъ Россіи вновь 30-го октября, а отвѣтная нота на него получила 11-го декабря. Японія опять подтвердила свои возраженія и требованія по существу, на что наше правительство отвѣчало въ послѣдній разъ 6-го января. Въ нотѣ 13-го

января Японія опять просила вновь рассмотреть спорные пункты и дать отвѣтъ въ возможно скорѣйшемъ времени; двѣ недѣли спустя, японскій посланникъ въ Петербургѣ, по порученію своего правительства, сообщилъ графу Ламздорфу, нашему министру иностранныхъ дѣлъ, что „дальнѣйшая проволочка отвѣта могла бы создать опасности“ и что токійскій кабинетъ „долженъ выразить серьезное желаніе удостоиться скораго отвѣта“, для котораго желательно было бы, по крайней мѣрѣ, назначить опредѣленный день. Графъ Ламздорфъ объяснилъ, что нельзя назначить точнаго срока въ виду разныхъ обстоятельствъ, но онъ надѣется отослать отвѣтъ въ Токио не позже 2-го февраля. Затѣмъ японскій посланникъ передалъ графу Ламздорфу слѣдующее заявленіе: „Послѣ того какъ онъ увѣдомилъ свое правительство, что русскій отвѣтъ получится, вѣроятно, 2-го февраля, токійскій кабинетъ уполномочилъ его, посланника, сообщить русскому министру иностранныхъ дѣлъ, что Японія вполне сознаетъ крупныя опасности, которыя возникли бы для обѣихъ заинтересованныхъ державъ при дальнѣйшемъ продолженіи настоящаго кризиса. Японское правительство надѣялось, что оно будетъ въ состояніи получить русскій отвѣтъ раньше указаннаго графомъ Ламздорфомъ срока. Однако, въ виду того, что полученіе отвѣта къ болѣе раннему сроку оказывается невозможнымъ, японское правительство желало бы знать, „можетъ ли оно рассчитывать на отвѣтъ къ предположенному графомъ Ламздорфомъ дню, именно 2-го февраля, и если это невозможно, то какова точная дата, когда позволено будетъ надѣяться на полученіе отвѣтной ноты“. Графъ Ламздорфъ видѣлъ японскаго посланника 31-го января и. ст.; онъ вполне признавалъ серьезность положенія и высказывалъ искреннюю готовность содѣйствовать скорѣйшей отсылкѣ отвѣта; но, оказывалось, „вопросъ очень сложенъ и не допускаетъ бѣгло, поверхностнаго обсужденія; притомъ различныя мнѣнія министровъ и намѣстника Алексѣева должны быть согласованы между собою, что также вызоветъ промедленіе въ окончательномъ редактированіи отвѣтной ноты,—вслѣдствіе чего и нельзя опредѣлить точный день ея отсылки“. Въ заключеніе, графъ Ламздорфъ обѣщалъ тотчасъ же дать знать японскому посланнику, когда сдѣлается извѣстнымъ день отправленія отвѣта. Вечеромъ 4-го февраля посланникъ получилъ отъ нашего министра извѣщеніе, что текстъ отвѣтной депеши только-что посланъ адмиралу Алексѣеву, которому предоставлено еще внести въ нее нѣкоторыя поправки до передачи въ Токио барону Розену, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ. Между тѣмъ, утромъ 5-го февраля сообщено было японскому посланнику по телеграфу принятое японскимъ правительствомъ рѣшеніе прервать переговоры, въ виду доказанной бесплодности ихъ и признанной невоз-

возможности дальнѣйшаго продленія кризиса, — такъ что нашъ отвѣтъ, отосланный наканунѣ въ Портъ-Артуръ, запоздалъ всего только на два дня. Изъ промедленій и задержекъ съ нашей стороны японское правительство заключало, что Россія, будто бы, вовсе не хочетъ придти къ прочному мирному соглашенію, а стремится только тѣмъ самымъ выиграть время для окончанія начатыхъ военныхъ приготовленій.

Очень можетъ быть, и даже это несомнѣнно, что наша дипломатія имѣла свои вѣскія причины не спѣшить, а это, именно, волновало и раздражало Японію; у насъ же могли имѣться какіе-нибудь существенные мотивы къ тому. Но никакъ тутъ не могло играть роль умышленное высокомеріе, которое приписывалось нашему дипломатическому вѣдомству въ данномъ случаѣ. Мы не могли руководствоваться желаніемъ раздражать японцевъ, показать имъ, что ихъ нетерпѣливыя ожиданія и интересы не имѣютъ для насъ никакой цѣны, — ибо мы рассчитывали достигнуть дружественнаго компромисса и сохранить миръ на Дальнемъ Востокѣ, а для этого не было другого средства, кромѣ миролюбивыхъ, сповойныхъ переговоровъ, проникнутыхъ духомъ снисходительной уступчивости. Если уступки въ существенныхъ вопросахъ представлялись затруднительными и неудобными, то, конечно, намъ не было трудно уступать въ ускореніи отвѣтовъ на японскія дипломатическія ноты; въ этомъ отношеніи мы могли бы даже обнаружить усиленную вѣжливость и заботливое вниманіе къ просьбамъ Японіи, безъ малѣйшаго ущерба для нашего національнаго достоинства и даже съ большою выгодною для репутаціи нашихъ дипломатическихъ канцелярій. Искусственное же затягиваніе переговоровъ не входило, конечно, въ планы русской дипломатіи, такъ какъ оно не достигало бы никакой разумной цѣли и явно создавало бы и поддерживало враждебное намъ настроеніе въ Японіи; притомъ система проволочекъ всегда предполагаетъ недостатокъ искренности, боязнь виѣшняго вмѣшательства или насилія, скрытую надежду на переимѣну обстоятельствъ при постоянномъ тревожномъ сознаніи своей политической слабости, — чего не было и не могло быть въ международной политикѣ Россіи. Нѣтъ возможности также допустить, чтобы указанныя выше особенности нашей дипломатической тактики относительно Японіи объяснялись канцелярскою рутинною: существуютъ такія сферы государственныхъ интересовъ, въ которыхъ рутинна безусловно не можетъ имѣть мѣста.

Еще менѣе можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что мы не желали и не ожидали войны; почему же, однако, война могла быть навязана намъ противъ воли? Японія не скрывала своихъ намѣреній, которыя съ достаточною ясностью выражались въ цѣломъ рядѣ обще-

извѣстныхъ фактовъ, начиная съ воинственной резолюціи японскаго парламента; направленное противъ насъ патріотическое возбужденіе усиливалось въ странѣ, на глазахъ всѣхъ иностранныхъ наблюдателей; телеграммы изъ Токио постоянно сообщали о секретныхъ военно-политическихъ совѣщаніяхъ и о дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ мобилизаціи арміи и флота; газеты всего міра, особенно же англійскія и американскія, почти ежедневно предсказывали войну, въ случаѣ отклоненія японскихъ требованій, а мы ничему этому какъ будто не вѣрили и ничего этого не признавали. Когда объявленъ былъ формальный разрывъ и состоялось послѣднее выселеніе японцевъ изъ предѣловъ пограничныхъ русскихъ владѣній, по распоряженію японскаго правительства,—мы все-таки не ожидали неминуемости военныхъ дѣйствій; произошло прямое нападеніе на нашъ флотъ и поврежденіе нѣсколькихъ броненосцевъ,—и тогда сдѣлалось ясно, къ чему клонятся событія. Японія нарушила при этомъ международное право, приступивъ къ военнымъ дѣйствіямъ ранѣе формальнаго объявленія войны; японцамъ удалось застигнуть насъ врасплохъ, такъ какъ мы не приняли тотчасъ же мѣръ предосторожности послѣ официального разрыва съ Японією. Впрочемъ, споры о правахъ, пожалуй, бесполезны, когда господствуетъ право силы. Давно уже сказано: *inter arma silent leges*. Можно ли фактически начать войну тотчасъ послѣ официального разрыва, съ отозваніемъ посланника и консуловъ, или нужно еще предварительно исполнить форму официального объявленія войны,—это вопросъ, относительно котораго сами специалисты международного права далеко еще не согласны между собою. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ и авторитетовъ по этой части, профессоръ Э. Э. Мартенсъ, находитъ, что для законнаго начала военныхъ дѣйствій не требуется особаго официального предувѣдомленія, при существованіи извѣстныхъ отношеній и обстоятельствъ, предвѣщающихъ войну. „Моментъ прекращенія мирныхъ отношеній между государствами,—говоритъ Э. Э. Мартенсъ,—опредѣляется въ прежнія времена торжественной деклараціей или объявленіемъ о войнѣ, которое посылалось непріятельскому правительству. Обычай этотъ можно считать въ настоящее время вышедшимъ изъ употребленія, какъ совершенно бесполезный. Войны послѣдняго времени всѣ начинались безъ торжественныхъ объявленій. Но все-таки державы иногда находили нужнымъ предувѣдомить противника о началѣ военныхъ дѣйствій... Едва ли можно защищать въ настоящее время необходимость торжественнаго объявленія о войнѣ или даже какихъ-нибудь дипломатическихъ о ней извѣщеній. При современномъ развитіи телеграфныхъ сношеній и гласности всегда есть возможность заранѣе знать, въ какихъ отношеніяхъ находятся государ-

ства, и предвидѣть окончательный разрывъ“ („Современное международное право“, изд. 1883, т. II, стр. 472). Что рѣзкій дипломатическій разрывъ со стороны Японіи обозначалъ именно войну—это могло быть ясно только для тѣхъ, кто привыкъ оцѣнивать факты по ихъ наглядному общепонятному значенію; впрочемъ, другого смысла не могли имѣть разрывъ при данныхъ условіяхъ, послѣ того какъ выяснилось, что посредничество другихъ державъ не желательно для Японіи и что воинственность токійскаго кабинета открыто поощряется Англіею и Соединенными Штатами. Въ заключительномъ японскомъ сообщеніи, переданномъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ, сказано было—какъ удостовѣряютъ официальные японскіе источники—слѣдующее: „Принявъ это рѣшеніе (прервать переговоры), императорское правительство Японіи оставляетъ за собою право прибѣгнуть, по своему усмотрѣнію, къ такимъ мѣрамъ, какія оно признаетъ необходимыми для укрѣпленія и защиты своего международного положенія, равно какъ и для охраны своихъ законныхъ правъ и интересовъ“. Если имѣть въ виду это предупрежденіе, то получаетъ особый неприятный отбѣнокъ фраза японскаго посланника въ его послѣднемъ письмѣ къ графу Ламздорфу,—фраза, выражающая надежду на скорое прекращеніе совершившагося перерыва: посланникъ, въ качествѣ японскаго патріота, не удержался отъ замаскированнаго намека на возможность скорыхъ японскихъ побѣдъ, которыя приведутъ къ возстановленію мира и дружбы. При своихъ замѣчательныхъ способностяхъ подражанія и усвоенія, японцы не отличаются скромностью въ политическихъ планахъ и предпріятіяхъ; и ничто не обязывало насъ истолковывать эти планы въ духѣ миролюбиваго оптимизма и приписывать японцамъ чувства и мысли, которыя имъ совершенно чужды. Намъ могло, напримѣръ, казаться, что замедленіе отвѣта на дипломатическія ноты Японіи должно было поддерживать въ ней особое уваженіе къ нашему могуществу, и что вѣжливый, но рѣшительный отказъ обсуждать съ нею судьбу Манчжуріи будетъ принятъ токійскимъ правительствомъ къ свѣдѣнію и руководству; между тѣмъ японцы въ дѣйствительности проникались озлобленіемъ и жаждою мести. Они и начали мстить по-своему: за то, что мы не пожелали или не успѣли приготовить послѣднюю отвѣтную ноту двумя днями раньше, они успѣли напасть на насъ за два дня до формальнаго объявленія войны. Японцы въ этомъ случаѣ несомнѣнно отступили болѣе отъ международныхъ приличій, чѣмъ отъ нормъ международного права.

Не менѣе спорными являются вопросы о нейтралитетѣ, затронутые войною. Безсильная Корея, служившая издавна предметомъ японско-китайскаго соперничества и призванная теперь опять служить театромъ военныхъ дѣйствій, объявила себя нейтральною въ возник-

шесть русско-японскомъ конфликтѣ; но можно ли было серьезно относиться къ этому заявленію фиктивного государства, лишеннаго всякихъ средствъ и возможности охранять свой нейтралитетъ и даже свое существованіе среди могущественныхъ и предприимчивыхъ сосѣдей? Всѣмъ было заранѣе извѣстно, что Японія займетъ Корею своими войсками при самомъ началѣ войны; у сѣверныхъ границъ корейской территоріи, вдоль рѣки Ялу, стояли отряды русскихъ войскъ,—именно для защиты на случай наступленія японцевъ. Насильственный захватъ корейской столицы японцами совершился по установленной программѣ и самъ по себѣ едва ли могъ тамъ возбудить въ комъ-либо негодованіе; онъ сопровождался, однако, грубымъ нарушеніемъ международныхъ обычаевъ по отношенію къ двумъ боевымъ русскимъ судамъ, мирно ожидавшимъ начальственныхъ распоряженій въ псевдо-нейтральной гавани Чемульпо. Трагическая судьба „Варяга“ и „Корейца“ бросаетъ яркій свѣтъ на современное состояніе международнаго права: жестокое разстрѣливаніе обоихъ судовъ цѣлою японскою эскадрою происходило на глазахъ иностранныхъ командировъ, когда разрывъ между Россіею и Японіею не былъ еще общезвѣстнымъ фактомъ, и ни одинъ изъ официальныхъ представителей культурныхъ націй не протестовалъ противъ этой возмутительной, ничѣмъ не оправдываемой эзекуціи! Японія могла фактически уничтожить нейтралитетъ и независимость Кореи, начиная съ извѣстнаго момента; но до появленія первыхъ японскихъ транспортовъ и броненосцевъ въ гавани Чемульпо послѣдняя безусловно пользовалась всѣми правами нейтральнаго порта, и находившіеся въ ней русскіе корабли не могли быть лишены права свободнаго выхода въ море безъ преслѣдованія со стороны японской эскадры. Въ этомъ случаѣ преждевременность военныхъ дѣйствій осложняется ихъ явною незаконностью: командиры иностранныхъ военныхъ кораблей не обязаны были подчиняться приказамъ японскаго адмирала и имѣли полное основаніе воспрепятствовать нападенію на русскія суда въ корейскихъ водахъ, формально признанныхъ нейтральными. Сами русскія суда должны были считать неправильнымъ сдѣланный имъ вызовъ; они успѣли выйти изъ порта для неравнаго боя по требованію японцевъ, но они имѣли право остаться въ Чемульпо съ заявленіемъ протеста противъ распоряженій японскаго адмирала. Тогда попытка захватить или потопить русскія суда связана была бы съ опасностью для всего города Чемульпо, что представляло бы большія неудобства для японцевъ. То обстоятельство, что японцамъ предоставлено было свободно дѣйствовать въ нейтральномъ портѣ и устроить кровавую бойню въ присутствіи иностранныхъ командировъ, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой растерянности заинтересованныхъ лицъ и о неизбежной уtratѣ понятій о правѣ при наступленіи военной грозы.

Японцы не прославили себя битвой при Чемульпо; незавидна была и роль начальниковъ иностранныхъ кораблей, молчаливо одобрившихъ дѣйствія японскаго адмирала; даже командиры русскихъ судовъ, по-видимому, не были увѣрены въ незаконности направленныхъ противъ нихъ мѣръ или не придавали серьезнаго значенія этой принципиальной сторонѣ вопроса. Таково положеніе началъ международного права на практикѣ, при первомъ столкновеніи ихъ съ правомъ силы!

Подъ вліяніемъ военныхъ событій, вызывающихъ усиленное и понятное напряженіе національной энергіи, создается и тотъ неудержимый патріотическій подъемъ, изъ котораго всегда умѣютъ, къ сожалѣнію, извлекать свои выгоды ловкіе и смѣлые аферисты печатнаго слова. Вполнѣ естественно, что предприимчивые газетные дѣятели, достигшіе прочнаго успѣха въ періодъ тяжелой для народа русско-турецкой войны, вновь пытаются теперь завладѣть общественнымъ настроеніемъ и направить его въ желательную имъ сторону при помощи фальшиваго паюса, принимаемаго многими наивными людьми за искреннее патріотическое чувство. Не довольствуясь войною съ японцами, эти газеты систематически распространяютъ теперь въ публикѣ мысль о неизбежныхъ, будто бы, дальнѣйшихъ войнахъ съ болѣе могущественными врагами — англичанами и американцами; а такъ какъ для борьбы съ морскими державами у насъ не хватило бы теперь же военнаго флота, существующіе же броненосцы не приносятъ ожидаемой отъ нихъ пользы и легко подвергаются поврежденіямъ, хотя каждый изъ нихъ стоитъ около десятка милліоновъ рублей, — то необходимо собрать деньги по подпискѣ на скорѣйшее сооруженіе еще одного броненосца или даже двухъ, чтобы произвести надлежащее впечатлѣніе на умы враждебныхъ намъ странъ. Усиленіе національнаго флота теперь же, во время начавшейся уже войны на Дальнемъ Востокѣ, не можетъ быть достигнуто никакими патріотическими порывами, какъ отлично понимаютъ, конечно, газетные инициаторы дѣла; но задача сама по себѣ достойна крупныхъ и серьезныхъ мѣропріятій, которымъ официалъно теперь и положено начало, причемъ видное мѣсто должно принадлежать заботамъ о цѣлесообразномъ и рачетлигомъ употребленіи казенныхъ и общественныхъ суммъ. Не слѣдуетъ только связывать эти задачи и заботы съ трудными политическими обстоятельствами настоящаго момента; было бы слишкомъ наивно предполагать, что одни толки о будущемъ флотѣ останавятъ англичанъ и американцевъ въ ихъ предпріятіяхъ противъ Россіи или усилятъ наше международное положеніе и нашъ престижъ за границей. Между тѣмъ, наши газетные предприниматели заговорили объ Англій

и Соединенныхъ Штатахъ въ такомъ тонѣ, какъ будто у насъ уже готовы противъ нихъ десятилѣтніе эскадры, которыя надо какъ можно скорѣе пустить въ дѣло въ назиданіе современникамъ и потомству. Эта легкомысленная газетная кампанія противъ націй, относящихся къ намъ и безъ того несочувственно и недобровѣрливо, кажется намъ не только не патріотичною, но и прямо опасною и преступною при современномъ ходѣ политическихъ дѣлъ. Когда мы воевали съ Турціею, наши патріоты храбро вызывали на бой Австрію и Англію, грозили англичанамъ будущимъ „добровольнымъ флотомъ“ и готовились разрѣшить восточный вопросъ побѣдоноснымъ походомъ на Вѣну; а кончилось тѣмъ, что мы заранѣе отдали Боснію съ Герцеговиною австріяцамъ, остановились передъ Константинополемъ по первому слову Биконфильда и добровольно предоставили чужимъ державамъ опредѣлить результаты нашихъ кровавыхъ усилій и побѣдъ. „Патріоты своего отечества“ опять повторяютъ теперь свой старый маневръ, вновь бряцаютъ бутафорскимъ оружіемъ по адресу Англіи и другихъ державъ, волнуютъ публику перспективою фантастическихъ войнъ и старательно поддерживаютъ противъ насъ раздраженіе иностранцевъ своими вызывающими статьями и злобными выходками. Между прочимъ, по увѣренію одной весьма распространенной газеты, наша война съ Японіею подстроена, будто бы, Соединенными Штатами и Англіею подъ вліяніемъ всемогущихъ евреевъ, которые ради этого заставили насъ занять Манчжурію и утвердиться въ Портъ-Артурѣ; евреи впутали насъ въ хищническія китайскія дѣла, затѣмъ возстановили противъ насъ американцевъ и, наконецъ, побудили японцевъ начать съ нами войну. Всякій подобный вздоръ, излагаемый съ серьезнымъ и таинственнымъ видомъ, легко находитъ вѣру въ тревожное время внѣшнихъ опасностей и тяжелыхъ военныхъ испытаній, и добросовѣстная часть печати не должна оставлять безъ рѣшительнаго протеста эту печальную дѣятельность нѣкоторыхъ публицистовъ, отличающихся особенною горячностью своего показнаго патріотизма. Наше современное международное положеніе можетъ быть крайне серьезно именно въ виду ненадежности нейтралитета такихъ двухъ великихъ державъ, какъ Англія и Соединенные Штаты, и мы должны употреблять всѣ усилія для поддержанія существующихъ дружественныхъ связей съ этими націями, а не упражняться въ дешовыхъ псевдо-патріотическихъ угрозахъ, дающихъ лишь матеріалъ для насмѣшекъ заграничной прессы. Безполезно было бы закрывать глаза на тотъ безспорный фактъ, что враждебное намъ настроеніе въ Англіи и Сѣверной Америкѣ питается главнымъ образомъ неприятными рассказами и отчетами о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, и что эти рассказы и отчеты значительно повредили международной репутациі Россіи въ глазахъ западныхъ госу-

дарствъ, за послѣдніе годы. Разумѣется, съ формальной стороны иностранцамъ нѣтъ никакого дѣла до нашихъ внутреннихъ вопросовъ, и мы можемъ не обращать вниманія на разсужденія ихъ по этимъ предметамъ; но мы необходимо должны дорожить общею культурно-политическою репутаціею Россіи среди другихъ передовыхъ государствъ міра, ибо эта репутація представляетъ собою самостоятельный крупный элементъ международной силы и вліянія при современномъ строе другихъ великихъ державъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1904.

I.

— А. С. Пругавинъ. Религіозные отщепенцы (очерки современнаго сектантства). Два выпуска. Сиб. 1904.

Въ предисловіи автора или, можетъ быть, издателя, цѣль книги указана слѣдующими словами:

„Всѣмъ извѣстно, какою тяжелою болѣзнью нашей церковной жизни являюся разнаго рода секты. Для уврачеванія тѣлесной болѣзни крайне необходимъ предварительный діагнозъ ея. Точно также и при борьбѣ съ церковно-религіозными недугами полезенъ возможно тщательный анализъ оныхъ. Въ этихъ цѣляхъ и предлагаются вниманію читателей наблюденія надъ нѣкоторыми изъ нашихъ сектъ“.

А. С. Пругавинъ давно извѣстенъ своими трудами по изученію народной жизни, и въ частности сектантства и старообрядчества. Между прочимъ, еще въ 1887 г. былъ имъ изданъ первый выпускъ обширной библиографіи сочиненій (книгъ и статей) по старообрядчеству; къ сожалѣнію, трудъ остается все еще незаконченнымъ. Въ настоящей книгѣ собраны статьи разнаго времени, и первыя статьи написаны еще лѣтъ двадцать-пять тому назадъ. Однажды, по поводу вопроса о народной школѣ, намъ привелось очень разойтись съ авторомъ во мнѣніяхъ объ отношеніи „интеллигенціи“ къ народу: ревностное участіе къ народному интересу увлекло автора къ „народническому“ преувеличенію, которое далеко не даетъ правильнаго представленія о дѣлѣ, а потому можетъ даже и вредить дѣлу, напримѣръ хотя бы вызывая антипатію или равнодушіе... Это разнорѣчіе не мѣшало намъ признать тѣ благія намѣренія, которыя руководили авторомъ въ его усердныхъ и столь постоянныхъ трудахъ на пользу народныхъ изученій.

Этими благими намѣреніями исполнена и новѣйшая книга А. С.

Пругавина. Трудъ, взятый на себя авторомъ, заслуживаетъ великаго уваженія. Въ нашей литературѣ очень мало книгъ подобнаго рода, ставящихъ задачей дать безпристрастное изображеніе тѣхъ религиозныхъ движеній, которыя такъ дороги разнаго рода „сектантамъ“ и „старообрядцамъ“, что ради сохраненія своей „вѣры“ они идутъ на разрывъ съ остальной массой народа и на преслѣдованіе со стороны самой государственной власти; ради душевнаго „спасенія“ они идутъ въ концѣ концовъ на религиозную, а вслѣдъ за тѣмъ — гражданскую вражду, одно изъ печальнѣйшихъ явленій въ нравственной и государственной жизни народа. Трудъ изслѣдователя этой стороны народной жизни въ разныхъ отношеніяхъ особенно тяжелъ. Прежде всего, изслѣдователю трудно проникнуть въ самую среду, исполненную недовѣрія: вслѣдствіе привычнаго отчужденія, новый человекъ, желающій разузнать ихъ „вѣру“ и обычаи, встрѣчается съ подозрѣніями — въ немъ не вѣрятъ доброму, примирительному чувству; напротивъ, опасаются чиновника, слѣдователя, сыщика, предателя или — лихоимца; нужна большая опытность, связь знакомствъ, личныя свойства, чтобы устранить это первое препятствіе (въ иныхъ случаяхъ вѣроятно совсѣмъ неодолимое), чтобы открыть самую возможность изучить явленіе въ его истинномъ размѣрѣ и значеніи. Только за послѣднее время эта трудность повидимому смягчилась и изученіе становится доступнѣе, — прежде всего, конечно, потому, что сравнительно съ прежнимъ значительно смягчились правительственныя мѣры относительно сектъ и старообрядчества. Въ прежнее время, такое прямое изслѣдованіе и открытый рассказъ, какіе находимъ въ книгѣ г. Пругавина, были бы просто невозможны... По всей вѣроятности помогло здѣсь и то, что въ средѣ самого „сектантства“ почувствовали, что въ кругу общества есть люди, которые хотятъ знать объ ихъ „вѣрѣ“ вовсе не для полицейскаго сыска, а изъ совсѣмъ безопаснаго, благожелательнаго интереса къ этой вѣрѣ, — когда въ самомъ высшемъ сословіи появились свои „секты“, съ которыми иногда и народное сектантство находило общую почву...

Въ результатѣ своихъ прилежныхъ изслѣдованій г. Пругавинъ далъ цѣлый рядъ очерковъ, изображающихъ нѣсколько различныхъ „вѣръ“ чисто народнаго изобрѣтенія, и нѣсколько отдѣльныхъ эпизодовъ изъ судьбы искателей вѣры. Въ 1-мъ выпускѣ находимъ, во-первыхъ, обширный рассказъ объ извѣстныхъ „Сютаевцахъ“; далѣе: „Апостоль Зосима“, „Еретики“. Во 2-мъ: „Немоляки“; „Медальщики“; „Вредныя секты“ (бѣгуны; неплательщики; лучинковцы); „Новая секта“; „Штунда среди великороссовъ“ (здѣсь, между прочимъ, о „пашковскихъ брошюрахъ“ и духовныхъ стихахъ); „Бѣлоризцы“; „Интеллигентная секта“ (основатель — артиллерійскій капитанъ). — Рассказъ

г. Пругавина обыкновенно весьма обстоятеленъ, и основанъ частію на личномъ близкомъ знакомствѣ съ людьми и бытомъ (таковъ, напр., рассказъ о сятаевцахъ, который занимаетъ до полутора ста страницъ перваго выпуска), — частію на подлинныхъ документахъ, слѣдственныхъ и судебныхъ. Все это очень любопытно.

Понятно, что вопросъ о сектанствѣ тѣсно связывается съ самымъ бытомъ, съ условіями народной жизни, матеріальными и нравственными. Этого дѣлага положенія вещей авторъ почти не касается. Онъ останавливается главнымъ образомъ, почти исключительно, на изученіи факта.

„Въ нашей печати, — говоритъ онъ, — почти совсѣмъ не появляется статей и изслѣдованій, которыя объективно и всесторонне знакомили бы съ религіозной, духовной жизнью русскаго народа, съ ея современными проявленіями, съ новыми теченіями, съ новыми потребностями и запросами, которые возникаютъ въ народѣ въ этой области“. (Авторъ дѣлаетъ исключеніе для книги г. Милюкова, но и она имѣетъ въ виду главнымъ образомъ объясненіе „исторической эволюціи религіозной мысли въ народѣ“ и въ ней „лишь слегка, общими штрихами рисуется современная намъ духовная религіозная (?) жизнь народа“). Между тѣмъ, подъ влияніемъ, съ одной стороны, условій и событій текущей государственной и общественной жизни, со всеми ея экономическими и социальными факторами, а съ другой — вслѣдствіе постепеннаго распространенія въ народѣ грамотности, начальнаго образованія, чтенія книгъ и т. д., — новыя теченія религіозно-этического характера, новыя духовныя потребности постоянно нарождаются, постоянно возникаютъ“ (NB: два послѣднія выраженія — одно и то же) „въ народной средѣ, иногда отливаясь въ ненормальныя, уродливыя формы“.

Недостатокъ изслѣдованій внушаетъ сожалѣніе особенно „въ виду той огромной роли, какую, безъ сомнѣнія, играютъ религіозныя воззрѣнія народа на весь складъ его нравственныхъ понятій и руководящихъ, жизненныхъ принциповъ“ (NB: понятій и принциповъ — одно и то же), „на всю его этику“ (опять одно и то же; выше: „воззрѣнія народа играютъ роль на складъ понятій“!).

Указывая въ нашемъ сектанствѣ „одно изъ самыхъ крупныхъ и характерныхъ проявленій религіозной жизни русскаго народа“ (въ какомъ смыслѣ?), авторъ находитъ, что „хотя этому явленію удѣляется не мало вниманія въ нашей свѣтской и духовной печати, но, къ сожалѣнію, журнальныя статьи и изслѣдованія не всегда выясняютъ съ достаточною полнотою тѣ именно стороны сектанства, которыя представляютъ немалый интересъ для интеллигентнаго общества (?). Разработывая преимущественно догматическую сторону сектантскихъ дви-

женій, наша печать лишь изрѣдка и мимоходомъ останавливается на психологическихъ (?), общественныхъ, бытовыхъ, этнографическихъ и прочихъ (?) факторахъ сектантскихъ движеній“,—и т. д.

Авторъ выставляетъ столько условий и отношеній, въ какихъ должно быть изучаемо наше сектантство, что великихъ усилій будетъ стоить изслѣдователямъ одно фактическое его опредѣленіе и описаніе,—не мѣньшихъ усилій потребуетъ опредѣленіе его внутренняго значенія. Пока, далеко не исчерпано первое, т.-е. фактическое опредѣленіе раскола, и не мудрено, что въ настоящее время весьма несходно ставится самое общее опредѣленіе сектантства: по однимъ это—„историческая эволюція религіозной мысли русскаго народа“, т.-е. нѣчто очень широкое, обѣщающее впереди какую-то грандіозную перспективу національной религіозной идеи; по другимъ, эта идея уже дана, и сектантство есть только произвольное уклоненіе, заслуживающее осужденія (хотя бы только критическаго, если даже устранить уголовное). Намъ кажется, что для широкой перспективы наше сектантство, въ его настоящемъ содержаніи, представляетъ очень мало данныхъ; а съ другой стороны, его уклоненія отъ принятой религіозной формы часто вовсе не произвольны, и могутъ найти не мало объясненій, и даже оправданій, въ ближайшей обстановкѣ народной жизни, безъ всякихъ широкихъ перспективъ.

Современное сектантство представляетъ собою нѣчто сложное и смутное. Въ немъ дѣйствительно много явленій, заслуживающихъ сочувствія, какъ это неустанное исканіе твердой религіозной истины и нравственной правды, исканіе, слишкомъ часто наивное, но искреннее и самоотверженное; но въ то же время есть въ сектантствѣ и нѣчто прямо удручающее...

Въ числѣ „прочихъ“ факторовъ сектантскихъ движеній, авторъ, пересчитавшій факторы „психологическіе“, „общественные“, „этнографическіе“, къ удивленію не упомянулъ двухъ, чрезвычайно существенныхъ: данный бытъ церковный и положеніе школы. Много разъ было говорено о неудовлетворительномъ матеріальномъ положеніи и образовательномъ уровнѣ сельскаго духовенства, которое именно встрѣчается съ наибольшей массой народа; немало было говорено и о скудости и низкомъ уровнѣ приходской школы. Авторъ забылъ упомянуть о могущественномъ доселѣ и глубоко прискорбномъ „факторѣ“ сектантскихъ движеній, который есть—власть тьмы. Сплошь и рядомъ, эти религіозные идеалисты, ищущіе правды, — круглые невѣжды, которые способны только ухватиться за букву писанія, толкуютъ эту букву по-своему, съ обычнымъ упорствомъ незнанія, и къ сожалѣнію, съ обычнымъ недоувѣріемъ къ тѣмъ сельскимъ пастырямъ, которые, не умѣя ни понять состоянія паствы, ни направить ее, находятъ только

одно средство противодѣйствія заблужденію—обращеніе къ полицейской власти,—послѣ чего секта готова! Печально вспоминать, до каких уродливыхъ явленій доходило и еще доходитъ наше сектантство именно вслѣдствіе этого ужаснаго фактора—власти тьмы: оно доходило до абсурдовъ, гнусно противоестественныхъ, или чрезвычайно жалкихъ, до настоящей маініи...

Понятно, что „факторы“, пересчитанные г. Пругавинимъ, говоря проще, ближайшая обстановка,—вліяли на складъ „сектантскихъ движеній“, т.-е. на направленіе религіозной фантазіи; но, повторяемъ, авторъ не обратилъ достаточно, или совсѣмъ не обратилъ вниманія на два чрезвычайно существенныхъ во всемъ сектантскомъ движеніи „фактора“—на данное положеніе сельскаго церковнаго быта и школы. Громадная масса народа пребываетъ подъ страшною „властью тьмы“... Не легко, конечно, сказать, какой процентъ этой власти участвуетъ въ образованіи „сектантскихъ движеній“; намъ представляется этотъ процентъ громаднымъ.

Нѣкоторые изслѣдователи сектантства, склонные къ теоретическимъ построеніямъ, вѣроятно, не согласятся съ нашимъ мнѣніемъ, и будутъ полагать, что „эволюція религіозной народной мысли“ шире подобныхъ условій и будетъ совершаться, хотя бы въ указанныхъ нами „факторахъ“ произошло улучшеніе; т.-е., что въ предполагаемой дальнѣйшей „эволюціи“ должно ожидать вообще болѣе широкой, чѣмъ наличная, постановки религіознаго идеала. Послѣднее есть, конечно, вещь гадательная и во всякомъ случаѣ не очень близкая; но даже въ ожиданіи этого идеала надо желать, чтобы прежде всего была подавлена „власть тьмы“—тѣми ближайшими средствами, которыя могутъ воздѣйствовать на нравственное и умственное состояніе массы. Разумное приходское руководительство (въ настоящее время отстраняемое „сектантскими движеніями“—между прочимъ по его крайней иногда неудовлетворительности) и разумная, непремѣнно расширенная противъ нынѣшняго, народная школа необходимо ослабили бы „власть тьмы“ и тѣмъ самымъ уничтожили бы въ „сектантскихъ движеніяхъ“ по крайней мѣрѣ наиболѣе уродливыя явленія, какія теперь возбуждаютъ ужасъ, жалость или отвращеніе: если нужны примѣры, укажемъ недавнія самопогребенія, маінію канадскихъ духоборцевъ (надо было ѣхать для этого въ Америку!), наивныя переодѣванія „бѣлоризцевъ“, членовредительскія секты, несчастныхъ бѣгуновъ или „дыромоляевъ“, и т. д., и т. д.,—даже и самихъ „скютаевцевъ“. Въ послѣднія десятилѣтія „скютаевцы“ приобрѣли, какъ извѣстно, немалую популярность; ихъ идеи, какъ непротивленіе злу, отрицаніе обрядности, отрицаніе воинской повинности, нашли себѣ даже краснорѣчивую пропаганду въ образованномъ обществѣ; нѣтъ сомнѣнія, что въ этой

нравственной экзальтации неразвитыхъ деревенскихъ людей есть своя очень привлекательная сторона, — исканіе правды въ человѣческихъ отношеніяхъ, — но эти идеи остаются по-деревенски простодушными; даже въ своемъ ближайшемъ сосѣдствѣ Сютяевъ долженъ былъ отказаться отъ своего перваго рѣшенія, — оставить свои амбары открытыми, и опять завелъ для нихъ замки: иначе онъ самъ и его семья остались бы безъ хлѣба.

Возвращаемся къ г. Пругавину. Онъ скорбитъ, что „сектантскія движенія“ все еще недостаточно изучены, что не разобраны матеріалы архивовъ, и т. п.; нѣтъ спора, что возможно полное изученіе фактовъ очень желательно, но намъ кажется, что и тѣ факты, какіе до сихъ поръ извѣстны, даютъ достаточно матеріала для того, чтобы по крайней мѣрѣ начать изученіе „психологія“ сектантскихъ движеній, и опредѣленіемъ общественно-бытовыхъ условій религіозной жизни народа содѣйствовать объясненію причинъ, по которымъ возникаютъ и распространяются эти движенія... Въмѣсто ста фактовъ, г. Пругавинъ можетъ набрать ихъ тысячу,—но этимъ однимъ *объясненіе* дѣла не пошлется впередъ. — А. П.

II.

—Н. Я. Гротъ. Философія и ея общія задачи. Сборникъ статей. Подъ редакціей Московскаго Психологическаго Общества. Съ приложеніемъ портрета-фототипіи автора. Спб. 1904.

Это изданіе является цѣннымъ и желательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Оно даетъ собраніе ряда статей покойнаго философа, разбросанныхъ по періодическимъ изданіямъ, но скомбинированныхъ такимъ образомъ, что на основаніи ихъ читатель можетъ себѣ составить понятіе о послѣдовательномъ развитіи его философской мысли, о пережитыхъ имъ колебаніяхъ при переходѣ отъ позитивизма къ идеализму. Сюда вошли такія статьи, какъ критическій очеркъ о „Философскихъ этюдахъ“ (А. А. Козлова), „Философія, какъ вѣтвь искусства“, „Къ вопросу о классификаціи наукъ“, „Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи“, „Что такое метафизика?“ и др. Книга открывается біографическимъ очеркомъ В. И. Шенрова и статьей П. П. Соколова, служащей введеніемъ къ философскимъ трудамъ Н. Я. Грота.

Гротъ былъ, несомнѣнно, крупнымъ явленіемъ не только въ сферѣ философской мысли, но и въ университетской работѣ, и шире—въ общественномъ смыслѣ. Его жизни, несмотря на ея относительную кратковременность, можно было позавидовать: такъ она была полна неудержимаго

порыва къ знанію, къ свѣту, истинѣ, порыва, обаятельно подчинявшаго себѣ всѣхъ, кто его зналъ лично, и неотразимо дѣйствовавшаго на университетскую молодежь. Его мысль не знала усвоенія или отдыха; она вѣчно стремилась, вѣчно искала, не останавливалась передъ противорѣчіями, самыми смѣлыми гипотезами,—это была для нея какъ бы естественная смѣна моментовъ въ порывистомъ исканіи философскаго идеала. Та же кипучая дѣятельность отличала Грота и тамъ, гдѣ онъ являлся руководителемъ или организаторомъ какого-либо общественнаго или литературно-научнаго дѣла: достаточно указать на его роль въ качествѣ предсѣдателя „Московскаго Психологическаго Общества“ и редактора „Вопросовъ Философіи и Психологіи“. Какъ профессоръ, Гротъ привлекалъ слушателей своимъ живымъ и задушевымъ отношеніемъ къ предмету, своей иногда пламенной рѣчью, всегда отличной въ стройную, красивую форму; знали студенты и то, что ихъ профессоръ никогда не читалъ имъ „старого“ курса, что передъ ними былъ не застывшій въ извѣстной формѣ догматизмъ, но своего рода энтузіастъ философской мысли, доводившій своихъ слушателей до тѣхъ ступеней, на которыхъ онъ стоялъ самъ.

По выраженію одного изъ слушателей, Гротъ любилъ философію, какъ живое существо,—но особенно живо его интересовали вопросы этики и психологіи: рѣшеніе нравственной проблемы стояло въ центрѣ всѣхъ его философскихъ исканій. Въ его философскомъ развитіи могутъ быть намѣчены три главныхъ періода: періодъ позитивизма, періодъ метафизическаго идеализма и періодъ примиренія позитивизма и идеализма. Въ первомъ изъ этихъ періодовъ, положившемъ прочную философскую основу для будущаго развитія, сказались результаты главнымъ образомъ четырехъ умственныхъ вліяній: позитивизма Конта, натуралистической философіи Спенсера, философіи дѣйствительности Дюринга и отчасти критическаго идеализма А. Ланге. Въ половинѣ восьмидесятихъ годовъ въ міросозерцаніи Грота обнаружился поворотъ въ сторону метафизическаго идеализма. Гротъ не могъ примириться съ той пустотой, которая образовалась бы въ его душѣ, еслибъ онъ допустилъ дальнѣйшее развитіе отрицанія сверхчувственнаго міра, и передъ нимъ, отвѣчая особой потребности его духа, на первый планъ выступила нравственная проблема и привела къ убѣжденію, что наши понятія о добрѣ и злѣ, о смыслѣ жизни, о душѣ, свободѣ воли и безсмертіи—не иллюзіи, не результатъ самообмана, которымъ тѣшить себя чело-вѣчество. Наше самосознаніе, нашъ внѣшній опытъ говоритъ намъ иное: наши чувства, какъ и вся наша личность, не обнаруживаютъ ли на себѣ всеобщіе и вѣчные законы природы, и не говоритъ ли въ самомъ опытѣ та же дѣйствительность, которая открываетъ часть своихъ тайнъ нашему уму? Развивая далѣе эту мысль, Гротъ приходилъ къ тому

выводу, что философія, этотъ видъ искусства (идейное творчество), отражаетъ въ своихъ мечтахъ объ истинѣ, добрѣ и красотѣ дѣйствительную сущность и цѣль міровой жизни, и что, такимъ образомъ, существуютъ объективное добро и объективная истина за предѣлами нашихъ личныхъ чувствъ и представленій. Идеи Бога, души, свободы, долга и безсмертія являются самыми важными изъ всѣхъ метафизическихъ идей, какія когда-либо возникали въ человѣческомъ умѣ. Ставъ доказательство реальности этихъ идей своей задачей, Гротъ могъ опираться въ своемъ ученіи на философскій опытъ такихъ могучихъ умовъ, какъ Платонъ, Джіордано Бруно, Контъ, Шопенгауэръ. Въ ученіи о міровой волѣ, которая не только не поглощаетъ собой нашей личной жизни, но, наоборотъ, сама становится въ насъ личной волей, сказался весь горячій идеализмъ Грота, и то, какъ были дороги для него идеалы личной свободы и личного безсмертія... Последний поворотъ въ настроеніи и міросозерцаніи Грота совершился въ половинѣ девяностыхъ годовъ: онъ снова вернулся въ міръ эмпирическихъ явленій; смерть помѣшала ему выработать опредѣленную теорію примиренія позитивизма и идеализма, но есть формула, по которой метафизическіе идеалы признавались имъ, какъ оцѣнка и познаніе дѣйствительности съ точки зрѣнія внутреннего опыта, а эмпирическое изслѣдованіе — какъ оцѣнка и познаніе этой дѣйствительности съ точки зрѣнія вѣшнихъ воспріятій. Въ статьѣ по вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи, говоря о такомъ философскомъ ученіи, которое могло бы сблизить всѣ умы и всѣ вѣрованія, Гротъ обуславливалъ его возможность двумя требованіями, въ которыхъ выражался его основной взглядъ. Условія эти таковы: „1) Философія должна понять, что ея идеаль—не теоретическое всевѣдѣніе, а лишь здравое истолкованіе смысла и нравственныхъ началъ жизни, и 2) что она такого пониманія достигаетъ не путемъ метафизическаго пережевыванія теорій сущностей вещей, а путемъ внимательнаго изученія жизни въ самомъ корнѣ ея, т.-е. въ нашемъ самосознаніи, и въ проявленіяхъ ея, т.-е. въ жизни общества, а также путемъ критической повѣрки и объединенія въ одно цѣлое міровоззрѣніе выводовъ „спеціальныхъ наукъ“ о природѣ и человѣкѣ“.

Въ своей прекрасной статьѣ П. П. Соколовъ такъ характеризуетъ покойнаго Грота: „Это былъ философскій скиталецъ, искавшій себѣ во вселенной уголка, гдѣ могли бы отдохнуть его мысль и чувство. Онъ шелъ, какъ странникъ по пустынѣ міра, на встрѣчу мерцавшему впереди свѣту истины; и когда, подходя, онъ убѣждался, что этотъ свѣтъ былъ только блуждающимъ огонькомъ его собственной мечты, онъ поворачивалъ въ другую сторону, чтобы снова стремиться и искать. Гротъ пережилъ много увлеченій и много разочарованій. Но эти разо-

чарованія не ослабляли его энергіи и не уменьшали его увѣренности въ себя и своихъ цѣляхъ. Въ самыхъ своихъ заблужденіяхъ онъ открывалъ долю истины, и минувшія неудачи были для него только ступенями на пути къ успѣху. Онъ горячо вѣрилъ въ достижимость идеала истиннаго знанія, и эта вѣра вселяла въ него бодрость, окрыляла его воображеніе и дѣлала его способнымъ къ неистощимой творческой работѣ“.

Было бы желательно, чтобы Психологическое Общество нашло возможность и средства предпринять полное изданіе сочиненій Грота, которыя встрѣтятъ несомнѣнно сочувственный приѣмъ въ русской читающей публикѣ.

III.

— Н. М. Соколовъ. Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. Спб. 1904.

Неопытнаго читателя эта книга можетъ ввести въ заблужденіе. Заглавіе ея такъ на первый взглядъ широко и завлекательно, самый предметъ исполненъ такого животрепещущаго интереса, что читателю трудно допустить, чтобы объемистая книга на подобныя темы не заключала въ себя серьезнаго и обстоятельнаго содержанія. Поверхностное знакомство, какое получается обыкновенно, когда перелистываешь книгу, бѣгло схватывая отдѣльныя мѣста, можетъ еще болѣе усилить впечатлѣніе въ ея пользу, особенно при несомнѣнной способности автора подкупать читателя живостью изложенія и вѣбшней авторитетностью сужденій.

Однако, послѣдовательное и сколько-нибудь внимательное чтеніе уже на первыхъ же страницахъ открываетъ передъ читателемъ такое множество большихъ и малыхъ недоразумѣній, что и сама книга начинается въ концѣ концовъ представляться ничѣмъ инымъ, какъ сплошнымъ недоразумѣніемъ въ публицистическомъ отношеніи. Есть такіе любители полемизировать, которые не желаютъ беспокоить себя по пустякамъ и отстаивать свои мнѣнія по мелкимъ и частнымъ вопросамъ, выдвигаемымъ современностью; они выбираютъ себя врага покрупнѣе, иногда настолько крупнаго, что врагъ этотъ, несмотря на всѣ усилія задорнаго полемиста, идетъ себя впередъ и забіяки со всѣмъ не замѣчаетъ... дѣло кончается нравственнымъ удовлетвореніемъ и сознаніемъ своего превосходства, какъ въ известной баснѣ, и равновѣсіе между добромъ и зломъ не нарушается ни на минуту. Или же, чтобы успѣхъ побѣды былъ нагляднѣе, любители словесныхъ турнировъ ставятъ передъ собой игрушечныя модели тѣхъ вражескихъ силъ, на которыя они ополчаются; опрокинувъ признаго“

врага, они, какъ дѣти, хлопаютъ въ ладоши и возвѣщаютъ міру о своей побѣдѣ...

Именно такія модели дѣлаетъ г. Соколовъ изъ знаменательныхъ понятій: „западно-европейская культура“ и „русская интеллигенція“.

Западно-европейской культурѣ авторъ справедливо противопоставляетъ „самобытность“ некультурныхъ народовъ. Становясь душой на сторону послѣдней, авторъ видитъ въ ней благодатные зачатки иной, высшей, культуры—культуры духа, въ то время, какъ культура Европы оцѣнивается имъ, какъ культура по преимуществу экономическихъ и техническихъ сторонъ жизни. Для странъ, подобныхъ нашему отечеству, культурную самобытность коихъ иные ставятъ немногимъ выше самобытной культуры турецкой, это, конечно, большое и въ извѣстномъ смыслѣ патриотическое утѣшеніе. Подобное утѣшеніе пріобрѣтаетъ у автора особенную елейную сладость отъ сопоставленія съ вычитанной у Фильдинга сладостной идилліей бирманскаго народа. Бирманцы не знаютъ европейской культуры; они трудолюбивы, честны, благочестивы, довольствуются малымъ,—душа отдыхаетъ на этой райской картинѣ человѣческаго существованія, къ сожалѣнію уже подвергшагося опасности прекратиться подъ воздѣйствіемъ англійской цивилизаціи... И мысль сама собой напрашивается на сопоставленіе. Въ самомъ дѣлѣ, менѣе ли самобытно невѣжество нашего народа? Но авторъ почему-то отказывается провести полную параллель между бирманцами и нашими, напримѣръ, простолюдинами, которые тоже начинаютъ подчиняться разврату цивилизаціи и предпочитаютъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ вмѣсто того, чтобы наслаждаться природою во время пѣшаго хожденія, а заграничные плуги и косы пріобрѣтаютъ охотнѣе, чѣмъ издѣлія отечественнаго производства. Еслибы авторъ далъ себѣ трудъ провести эту параллель полнѣе, она, быть можетъ, выяснила бы для него роль такихъ коренныхъ факторовъ существованія народовъ, какъ природа страны, климатъ, степень населенности, историческія условія и т. д. И вопросъ о самобытности былъ бы поставленъ на другую почву, болѣе практическую и твердую.

Еще менѣе обоснованы разсужденія г. Соколова объ европейской культурѣ. Въ этомъ случаѣ модель, съ которой борется авторъ, искажаетъ не только размѣры оригинала, но и его основныя формы, вмѣстѣ съ входящимъ въ нихъ содержаніемъ. Переводчикъ Канта и Шопенгауэра не можетъ, конечно, не считаться съ необходимостью отвести въ понятіи о культурѣ нѣкоторое мѣсто и тому, что называется историческимъ процессомъ извѣстнаго явленія, а въ книгѣ мы находимъ такую неисторическую оговорку относительно прошлаго европейской культуры: „Когда-то Европа ставила для себя дѣйствительно крупныя и принципиальныя вопросы—о первой причинѣ міра, о сущности бытія,

о безсмертіи души, о возможности и границахъ познанія, о послѣднемъ смыслѣ земной жизни и человѣческой дѣятельности. Всѣмъ извѣстно, что отвѣты на эти вопросы не были признаны удовлетворительными и окончательными. Чтò же дѣлать? Были сдѣланы попытки, въ которыхъ сказалось много гениальной вдумчивости и исключительнаго глубокомыслія. Въ концѣ концовъ восторжествовали начала критической философіи. Это было и прежде. Въ исторіи мысли это и необходимо. Это остановка, чтобы собраться съ духомъ для созданія новой и болѣе грандіозной концепціи обобщающей мысли "... Даже не остановившись на вопросѣ, не было ли какихъ-либо другихъ положительныхъ слѣдствій такихъ моментовъ въ историческомъ развитіи европейской культуры, авторъ низводитъ ея современное состояніе на степень колониальной политики, характеризуемой безпощадной жестокостью и хищничествомъ европейскихъ завоевателей. „Но съ одною критикою не проживешь,—продолжаетъ г. Соколовъ свое разсужденіе о культурѣ.—Послѣ пожара все-же строиться надо. И во всякомъ случаѣ нѣтъ надобности поджигать дома и хижины въ другихъ городахъ и селахъ. Но именно такая жажда и овладѣла школьниками культуры. Чего у насъ нѣтъ, того пусть и у другихъ не будетъ. По ихнему выходило такъ, что прежніе вопросы не по праву владѣли вниманіемъ человѣчества. Они не рѣшены, но ихъ и рѣшать нечего. Это праздные, *метафизическіе* вопросы. Для практической дѣятельности они значенія не имѣютъ. Для практической дѣятельности гораздо важнѣе другіе вопросы, которые нужно рѣшить теперь, сейчасъ, сію же минуту, не сходя съ мѣста, ибо это „жгучіе вопросы“ текущей жизни. И поставили. И рѣшили—въ духѣ матеріализма, то ликующаго, какъ Марксъ или босяки Горькаго, то тоскующаго, какъ Нитцше, который такъ скоро утѣшился“.

Понятно, что при такомъ взглядѣ на культуру современная Европа могла олицетворяться въ глазахъ автора въ образѣ Мальбруга, который только то и дѣлаетъ, что совершаетъ походы въ погонѣ за новыми и новыми рынками. Устремившись на добычу денегъ и на улучшеніе внѣшнихъ удобствъ жизни, современный Мальбругъ не имѣетъ достаточно времени, кажется г. Соколову, ни мыслить о высокихъ предметахъ, ни наслаждаться искусствомъ, изъ произведеній котораго онъ сдѣлалъ, будто бы, лишнюю доходную статью, ни гармонично пользоваться жизнью вообще... О, бѣдный Мальбругъ, славный своими предками, во чтò ты превратился въ наши дни? Ты добываешь, завоевываешь, истребляешь, читаешь газеты, пьешь пиво и куришь сигары, и все-всѣмъ не думаешь о томъ, чтобы порадовать нѣжное сердце г. Соколова трогательной кротостью и возвышенностью нравовъ, какую

сохранили блаженные бирманцы въ описаніи англійскаго офицера... Бѣдный Мальбругъ, жестокій Мальбругъ...

Но оставимъ въ покоѣ жестокосердаго, неспособнаго къ раскаянію Мальбруга и вернемся къ г. Соколову. Съ чисто бирманской непосредственностью, оставляя въ сторонѣ успѣхи просвѣщенія и науки, г. Соколовъ считаетъ жестокость и хищничество какъ бы специальными отличительными признаками европейской культуры. Онъ набрасываетъ цѣлый рядъ сценъ, въ которыхъ проявились эти свойства при завоеваніяхъ культурными европейцами некультурныхъ народовъ въ различныхъ частяхъ свѣта. Звѣрствамъ испанцевъ и англичанъ противопоставляются кротость и миролюбіе бирманцевъ, какъ народа, создавшаго *самобытную* культуру духа, — на этихъ понятіяхъ строится рядъ большихъ и малыхъ посылокъ для основного вывода автора о самобытности вообще и о видимой необходимости признанія самобытной, а не заимствованной русской культуры въ частности.

— „Da liegt der Hund begraben“!.. Ни словомъ, опять-таки, не обмолвившись о томъ, насколько предки наши, въ своемъ самобытномъ невѣжествѣ и исторической обособленности, могли бы напомнить кротостью нравовъ и благородствомъ поступковъ прекрасныхъ бирманцевъ, г. Соколовъ переходитъ къ развѣнчанію идей и идеаловъ современной русской интеллигенціи, ложно направленныхъ, по его мнѣнію, въ сторону западно-европейскаго прогресса.

Такъ думаетъ г. Соколовъ. Русская интеллигенція является для него такимъ же жупеломъ, какъ и западно-европейская культура. И здѣсь, не чувствуя необходимости опредѣлить содержаніе понятія, охватываемаго терминомъ русской интеллигенціи, г. Соколовъ прибѣгаетъ снова къ модели и воплощаетъ всю русскую интеллигенцію въ образѣ П. Н. Милюкова. Почти вся книга, исключая первой, вводящей статьи, посвящена полемикѣ съ г. Милюковымъ, олицетворяющимъ собою *то всю русскую интеллигенцію, то лучшую часть* ея. Стремясь опровергнуть основныя положенія г. Милюкова въ статьѣ „О разложеніи славянофильства“ и „Очеркахъ по исторіи русской культуры“, авторъ обвиняетъ русскую интеллигенцію въ томъ, что она, цѣпляясь за идеи и „последнія слова“ западно-европейскихъ теоретиковъ культуры и политики, откололась отъ народа, забыла вѣру отцовъ и разорвала съ прошлымъ во имя неясныхъ и фантастическихъ идеаловъ новаго государственнаго устройства. Опроверженія г. Соколова носятъ характеръ поверхностной и придиричливой полемики, въ которой историческіе факты освѣщаются сообразно авторскому замыслу и приводятся не для объективнаго доказательства, а лишь въ качествѣ иллюстраціи къ изліяніямъ довольно невысокаго остроумія автора. Въ качествѣ образчика разсужденій г. Соколова приведемъ одно мѣсто

изъ послѣдней главы, въ которой ненависть г. Соколова къ самому понятію „интеллигенціи“ доходитъ до того, что онъ предлагаетъ со-всѣмъ отказаться—„отъ этого слова“: „Если посмотрѣть, чѣмъ различаются между собою поколѣнія русской „интеллигенціи“, то окажется, что разница между ними—минимальная. Лабзинъ говорилъ то же, что и Толстой, хотя, конечно, безъ его таланта. „Шпыни“ при тушинскомъ вѣрѣ держались той же политической и социальной программы, какъ современные „босяки“. Первые представители въ Россіи „мартинова толкованія“ положили всѣ (?) основы (?) современной интеллигентной „морали“... „Все чисто—чистымъ“.

„Иной разъ „властителямъ думъ“ кажется, что „общественная эволюція“ идетъ въ сапогахъ-скороходахъ, шагаетъ черезъ облака ходячія, горы стоячія, лѣса дремучіе и пески сыпучіе. Но на самомъ дѣлѣ „прогрессъ“ часто идетъ по образу пѣшаго хожденія рака: не каждое „молодое поколѣніе“ умнѣе поколѣнія стараго. Бываетъ и наоборотъ. Мысль быстра. Мечты и сны не считаются съ пространствомъ и временемъ. А жизнь идетъ медленно, и вѣками зрѣеть не выдуманная, не фантастическая культура народа, подъ влияніемъ гнетущей нужды и чрезвычайныхъ испытаній“.

Восторгаясь нашимъ историческимъ прошлымъ съ задатками вѣчевого уклада и „кормленіемъ“ земскихъ людей, „дѣлавшихъ государево дѣло“, г. Соколовъ высказываетъ, между прочимъ, поверхностныя, но не лишеныя нѣкоторой пикантности сужденія: „Централизація власти—явленіе позднѣйшаго времени. Это всегда прогрессъ по теоріи и всегда регрессъ съ точки зрѣнія жизненныхъ интересовъ страны. Объединеніе частныхъ и помѣстныхъ потребностей и интересовъ въ одинаковыхъ формулахъ всегда предполагаетъ наличность извѣстнаго доктринѣрства, господства извѣстной теоріи, даже метафизики, если являются попытки къ „монизму“, излюбленному гг. историческими материалистами, въ ихъ стремленіи „подвести къ одному знаменателю“ всѣ и всякіе процессы исторической жизни. Тамъ, гдѣ народъ переживаетъ черные годы своей жизни, гдѣ онъ борется за свое само-сохраненіе, гдѣ для дѣла нуженъ каждый человѣкъ и каждая сила, только помѣстное управленіе можетъ дать сравнительно благопріятные результаты, ибо полная централизація власти возможна только для счастливыхъ и богатыхъ народовъ, у которыхъ много лишнихъ и чужихъ людей, такъ какъ, въ виду исключительно благопріятныхъ историческихъ условий, у нихъ земское и государево дѣло легко и не требуетъ продолжительной всенародной работы.

„Процессъ централизаціи предполагаетъ слишкомъ торопливыя и широкія обобщенія, отвлеченныя отъ жизни на-скоро, пренебрегающія дѣльными и существенными различіями, сравнительно небольшими

общественными и индивидуальными силами,—предполагаетъ смѣлыя статистическіе выводы, гдѣ все идетъ на широкую ногу, все выражается въ крупныхъ цифрахъ съ многими нулями, гдѣ, ради удобнаго и лѣниваго единства, игнорируются или уничтожаются мелкія группы и единицы.

„Централизація управленія предполагаетъ такой строй народной жизни, гдѣ дѣлки и подъячіе, счетчики и статистики *правятъ* странною и отнюдь не интересуются крупными крохами, падающими со стола, крытаго зеленымъ сукномъ.

„Всѣ русскія деньги уходили на татарскую дань, на дѣло государственной обороны. Оплачивать деньгами трудъ управленія было не изъ чего. Обычною формою вознагражденія было „кормленіе“. Но и это дѣло было поставлено строго послѣдовательно и на началахъ возможной справедливости.

„Кормы давались только за „службу“. „Служилое“ сословіе только подъ условіемъ службы имѣло право на свой кормъ. Но и этотъ кормъ оно получало съ помѣстья, гдѣ его еще разъ,—такъ сказать, новою службою,—надо было заработать. Кормы давались далеко не даромъ и совсѣмъ не легко. Чтобы до конца сдѣлать задуманное огромное дѣло, всѣмъ приходилось довольствоваться только самымъ необходимымъ “...

Вопросъ о томъ, получать ли кормленіе натурой или изъ „царскихъ запасовъ“—дѣло второстепенное, стоящее отчасти въ зависимости отъ личнаго вкуса; что же касается того, насколько опроверженіе г. Милюкова основывается на правильномъ толкованіи его идей, объ этомъ предоставимъ судить прежде всего почтенному историку, конечно если онъ признаетъ книгу г. Соколова достойной своего отвѣта. Но мы позволимъ себѣ замѣтить г. Соколову, что русская интеллигенція, съ большимъ уваженіемъ относящаяся къ научной и общественной дѣятельности П. Н. Милюкова, оставила за собой право мыслить и относиться къ событіямъ настоящаго и ожидаемаго будущаго совершенно по-своему, иногда совпадая, иногда расходясь съ г. Милюковымъ, создавая безконечное количество отгѣнковъ различія въ убѣжденіяхъ и идеалахъ. Есть интеллигенція, которая дорожить завѣтами прошлаго не менѣе г. Соколова, только понимаетъ ихъ нѣсколько иначе... Наконецъ, понятіе русской интеллигенціи слишкомъ обширно и слишкомъ, можетъ быть, неопредѣленно, чтобы всю ее можно было сводить къ П. Н. Милюкову, не дѣлая самой непроизвольной логической ошибки. Если это такъ, то какъ жалки и голословны выходки автора противъ интеллигенціи вообще, низводящіе вопросъ, который могъ бы быть интересенъ самъ по себѣ, на степень абсурда: „Всякая „идеологія“ русской „интеллигенціи“ имѣеть

въ виду только доказать право „интеллигенціи“ на праздность, любопимѣніе, плотоугодіе и любоначалие. „Мы родъ избранный“, мы знаемъ „сокровенныя тайны“ „превышней природы“, мы знаемъ „сокровенныя таинства“ общественной эволюціи и „теоріи современнаго прогресса“, мы „новая порода людей“, въ насъ „алмазныя росыпы пророческихъ и мистическихъ элементовъ“, наконецъ, мы, чортъ возьми, переживаемъ годы кризиса и потому имѣемъ полное право ничего не дѣлать и за счетъ народа „предаваться мечтамъ и страстямъ“.

Кто это „мы“, на которыхъ съ столь комической яростью обрушивается г. Соколовъ? Чиновники? приказчики гостиннаго двора? декаденты? Всѣ они считаютъ себя интеллигентами (терминъ, дѣйствительно, расплывчатый и потому не вполне удачный), и всѣ одинаково могутъ принять на свой счетъ запальчивыя обвиненія г. Соколова.

Г-нъ Соколовъ знаетъ, очевидно, лишь одну опредѣленную и однородную по составу своему часть русской интеллигенціи (вѣрнѣе — интеллигентнаго мѣщанства), именно ту, для которой вопросы о „кормленіи“ натурой или „изъ запасовъ царскихъ“ представляются насущнѣе всѣхъ прочихъ вопросовъ философскихъ, историческихъ и иныхъ. Къ ней и обратилъ бы онъ свое поносительное слово.

Развязный человекъ г. Соколовъ... Между прочимъ, онъ отзывается о П. Н. Милюковѣ, что онъ, г. Милюковъ, плохой историкъ и совсѣмъ не мыслитель. Но уже изъ нашей замѣтки о книгѣ г. Соколова можно, кажется, вывести отчетливое заключеніе, что и самъ г. Соколовъ — далеко не мыслитель, къ тому же онъ совсѣмъ и не историкъ (см. въ особенности главы о русской церковной традиціи и „интеллигенція и сектанство“, гдѣ всѣ фактическія свѣдѣнія автора основываются на учебникахъ Знаменскаго и Ивашовскаго; книга послѣдняго — „Руководство къ исторіи и обличенію старообрядческаго раскола“ известна своимъ ненаучнымъ и узко-тенденціознымъ характеромъ). Читателямъ приходится, такимъ образомъ, рѣшить довольно трудную задачу: плохой мыслитель и совсѣмъ не историкъ г. Соколовъ говорить, что г. Милюковъ — не мыслитель и плохой историкъ, но такъ какъ г. Соколовъ самъ плохой мыслитель и притомъ не историкъ вовсе, то... и т. д. — до безконечности, въ родѣ сказки про бѣлаго бычка съ Эпименидомъ критяниномъ, утверждавшимъ, будто всѣ критяне — лгуны...

IV.

— Валерій Брюсовъ. „Urbj et orbi“. Стихи 1900—1908 г. К—во „Скорпионъ“.

Поэты вѣрнѣе читателей умѣютъ опредѣлить характеръ своего творчества,—поэтому ихъ собственныя свидѣтельства имѣютъ преимущественное право на вниманіе. Такъ, авторъ настоящаго сборника уподобляетъ себя въ одномъ стихотвореніи терпѣливому пахарю, идущему за плугомъ, и при этомъ съ нѣкоторой провиденціальной увѣренностью заявляетъ:

Еще я долго поброжу
По бороздамъ земного луга,
Еще не скоро отрѣшу
Вола усталого—отъ плуга.

Впередъ, мечта, мой вѣрный воля!
Неволей, если не охотой!
Я близъ тебя, мой кнутъ тяжелъ,
Я самъ тружусь, и ты работай!

Уже этихъ восьми строкъ, тяжелыхъ и натянутыхъ, съ созвучіемъ „поброжу—отрѣшу“, достаточно, чтобы повѣрить искренности сдѣланнаго въ нихъ признанія, что поэзія для г. Брюсова—дѣло великаго подвига, что его мечта, дѣйствительно,—лѣтливый и упрямый воля, подгоняемый тяжелымъ кнутомъ авторскаго трудолюбія и терпѣнія. Только такими свойствами творческой работы г. Брюсова можно объяснить тяжеловѣсную неуклюжесть его стиховъ, примѣровъ которой можно привести сколько угодно. Только волообразной мечтой могутъ быть вытянуты со дна авторской души безжизненные и неосмысленные стихи, въ родѣ слѣдующихъ, на примѣръ:

Но вздрогнулъ я, и вдругъ воспрянулъ,
И разорвалъ кольцо изъ рукъ.
Какъ молнія мнѣ въ сердце глянулъ
Побѣдно возраставшій звукъ...

„Разорвалъ кольцо изъ рукъ“... „звукъ глянулъ, какъ молнія“... „и вздрогнулъ—и вдругъ воспрянулъ“—Боже мой, какъ все это торжественно и страшно! На такіе образы отваживался въ старину одинъ Державинъ, когда, обращаясь къ Фелицѣ, говорилъ:

Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

Но то—Державинъ и Фелица, а то—г. Брюсовъ, который въ этихъ образахъ по-просту описываетъ свое пробужденіе отъ сладкаго сна:

Альковъ, таинственень и пишенъ,
Насъ облегалъ со всѣхъ сторонъ...

Поэтъ былъ „странно близокъ къ раю“... ему такъ не хотѣлось разставаться съ альковымъ... но часъ былъ, повидимому, поздній, надъ ухомъ звучалъ „трубный гласъ“, и дѣлать было нечего, надо было вставать —

И я—въ слезахъ, что снова, снова
Душѣ открылся міръ другой, —
Бѣгу отъ пиннаго алькова,
Безумный, вольный и нагой!

И вотъ—сюжетъ для пѣсни... несложный, кажется, но и для его созданія потребовались, повидимому, нечеловѣческія усилія, чтобы нагромоздить цѣлый хаосъ образовъ, удобозамѣняемый, за отсутствіемъ поэзіи, простымъ выраженіемъ: поэтъ возсталъ отъ одра и нагой, какъ солнце (по выраженію г. Бальмонта), бѣжить совершать утренній туалетъ...

И такъ почти вездѣ: мыслишка убогая, а претензій—масса; въ результатѣ—жалкія потуги сказать нѣчто глубокомысленное, несказанное... Покстигѣ, великое терпѣнье нужно было, чтобы вымучить и добыться хотя бы нижеслѣдующаго сонета:

Какъ горьки думы о безстыдномъ тѣлѣ!
Огонь желаній умеръ,—и мечты
Не красятъ больше жалкой наготы,
Въ безсильномъ снѣ простертой на постелѣ.

Изъ тайнъ души тогда выходишь ты,
О чистый Образъ, шепчешь: „неужели!“
И клонишь голову: такъ асфоделей
На тонкомъ стеблѣ клонятся цвѣты.

О, горьки думы о безстыдномъ тѣлѣ!
Такъ одиноко сердце, какъ въ гробу!
Воспоминавъ жгучимъ ядомъ полны!

А ты гладишь, ты все гладишь, безмолвный,
Прекрасный Образъ—съ жемчугомъ на губу
И кроткимъ взоромъ, какъ глаза газелей.

Безстыдное тѣло—это, такъ сказать, эмблема всей поэзіи г. Брюсова; таинства ночей—вотъ главное содержаніе его стихотвореній, насквозь проникнутыхъ ядомъ разложенія и гнили; отсутствіе изящества въ образахъ, хотя бы въ условномъ смыслѣ „красоты порока“, и половая извращенность—ихъ наиболѣе рѣзкіе признаки.

О, эти руки, и груди, и губы,
Выгибы алчущихъ тѣлъ!

Васъ обрѣталъ я и вамъ владѣлъ!
 Всѣ ваши тайны—то нѣжный, то грубый,
 Властный, покорный—узнать я умѣлъ.

Чувствовать поэзію можно различно. Естественное качество поэтическихъ ощущений—возвышенная, одухотворенная мысль въ соединеніи съ благороднымъ, духовнымъ же въ существѣ своемъ, любящимъ все жизненное и живое—движеніемъ сердца,—это и значить—„любить поэзію и сердцемъ, и умомъ“. Эта поэзія и есть истинная поэзія, радующая и возвышающая міръ. Но чтѣ сказать о томъ суррогатѣ поэзіи, дѣйствіе котораго заранѣе рассчитано исключительно на самые низменные инстинкты? Ужели и это поэзія,—эти раздѣренные, холодно-безжизненные строчки:

Я помню запахъ тьмы (?) и запахъ тѣла,
 Дрожащихъ членовъ выгибы и зной,
 Міръ, дышашій желаньемъ безъ предѣла,
 Безформенный, безъ-образный, иной..?

Нѣтъ, это не поэзія, а нѣчто гадкое и скверное... уродливое копанье въ грязи. Это не поэзія—и не потому, что въ эти безсвязные вирши вложено дикое содержаніе, но оттого, что источникъ ихъ—не міръ любовныхъ иллюзій и порывовъ „къ любви рожденія и жизни“, но болѣзнь, смрадь разложенія и смерть. „Ядъ отверженія—напитокъ вѣщносный“, — говоритъ г. Брюсовъ, благодаря судьбу за этотъ ядъ:

Мнѣ чужды съ раннихъ лѣтъ—блестающія весны,
 И рѣчи о „любви“, заветный хламъ витій;
 Люблю я кактусы, пасть орхидей да сосны,
 А изъ людей лишь тѣхъ, кто презрѣлъ „не убій“.

Вотъ почему мнѣ такъ мучительно знакома
 Съ мишурной кисеей продажная кровать.
 Я въ залѣ межъ блудницъ, съ ватагой няницъ, дома.

Одни пришли сюда грѣшить и убивать,
 Другія, перейдя за глубину паденья,
 Внѣ человѣчества, какъ странные растеня.

Весь сборникъ—варіаціи на подобные плоскіе сюжеты; изъ нихъ нѣкоторые посвящены смакованью прелестей содомскаго грѣха... и все это въ тяжелыхъ и грубыхъ образахъ, созданныхъ животной, волоподобной мечтой...

Конечно, у всякаго свой вкусъ... Но, выворачивая тѣло, поэтъ не менѣе охотно выворачиваетъ наизнанку и душу, обнаруживая при этомъ зрѣлище столь же мало привлекательное. Будучи истымъ Нарциссомъ декадентскаго творчества, не интересуясь ничѣмъ, кромѣ

того, что имѣть ближайшее отношеніе къ потребностямъ и капризамъ тѣлесной субстанціи собственнаго „я“, поэтъ положительно неуязвимъ со стороны духа, которому (и духу, и поэту) рѣшительно ни до чего дѣла нѣтъ. Что признаетъ онъ, во что вѣрить? — Идеалы, міръ, человѣчество? — Смѣшные вопросы: исключая блудницъ, поэтъ — отверженный для міра... что же касается его общественнаго міровоззрѣнія, то все оно отлилось въ высшей степени законченно въ слѣдующую воробынью формулу:

Неколебимой истинѣ
 Не вѣрю я давно,
 И всѣ моря, всѣ пристани
 Люблю, люблю равно.
 Хочу, чтобъ всюду плавала
 Свободная ладья,
 И Господа, и Дьявола
 Хочу прославить я.

Однако, на Господа не пришлось у г. Брюсова ни одной строчки. Г. Брюсовъ предпочелъ посвятить свой талантъ Дьяволу и превратить божественную поэзію въ дьявольское навожденіе, отъ котораго читателя г. Брюсова, надобно думать, скоро отряхнутся и вспомнить Алексѣя Толстого:

Неволя заставить пройти черезъ грязь,
 Кушаться въ ней — свиньи лишь могутъ...

Надобно, впрочемъ, признать, что у г. Брюсова несомнѣннѣе талантъ небольшой, не-яркій, описательный по преимуществу. Не вступи г. Брюсовъ на жалкій путь декадентскаго ломанья и кривлянья, онъ могъ бы, при своемъ стихотворческомъ трудолюбіи, раздуть природную искорку въ манящій и грѣющій огонекъ. Пять-шесть пьесокъ въ его сборникѣ открываютъ передъ читателемъ другую — естественную и симпатичную сторону его творчества, спасти которое, можетъ быть, еще не поздно... Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ его стихотворенія „Парижъ“:

И я къ тебѣ пришелъ, о городъ многоликій,
 Къ просторамъ площадей, въ открытые дворцы;
 Я полюбилъ твой шумъ, всѣ уличные крики:
 Напѣвъ газетчиковъ, бячи и бубенцы;
 Я полюбилъ твой міръ, какъ сонъ, многообразный
 И вѣчно дышашій, мучительно живой...
 Твоя стихія — жизнь, лишь въ ней твои соблазны
 Ты на меня дохнулъ — и я навѣки твой.

А тамъ, за Сеной, былъ еще пріютъ священникъ:
 Кругообразный храмъ и въ безднѣ саркофагъ,

Гдѣ, отдѣленъ отъ всѣхъ, спитъ императоръ плѣнный, —
 Суровый нашъ пророкъ и роковой нашъ врагъ!
 Сквозь окна льется свѣтъ то золотой, то синій,
 Непрякій, слабый свѣтъ, таинственный, какъ мгла,
 Прозрачнымъ знаменемъ дрожитъ онъ надъ святиней,
 Сливаясь съ вѣяньемъ орлиаго крыла!
 Чѣмъ дольше здѣсь стоишь, тѣмъ все кругомъ безгласнѣй,
 Но въ жуткой тишинѣ растетъ беззвучный громъ,
 И оживаетъ все, что было дѣтской басней,
 И съ невозможностью стоишь къ лицу лицомъ!
 Онъ вѣкомъ властвовалъ, какъ парусомъ матроси,
 Онъ милліонамъ душъ указывалъ ихъ смерть;
 И сжали вдругъ его стѣной тюрьмы утесы,
 Какъ кровля налегла расплавленная твердь.
 Заснулъ онъ во дворцѣ—и взоръ открылъ въ темницѣ,
 И умеръ, не понявъ, прошель ли страшный сонъ...
 Иль онъ не миновалъ? ты гредишь, что въ гробницѣ?
 И вдругъ войдешь сюда—съ желомъ и въ багрянницѣ,—
 И предъ тобой надемъ мы ницъ,—Наполеоны!..

Но подобныя стихотворенія тонуть въ массѣ декадентскаго бреда, и не на нихъ зиждется извѣстность г. Брюсова.

Извѣстность... да. У г. Брюсова должны быть не только читатели, но даже почитатели. Въ наше время особенно расплодился классъ людей, для которыхъ декадентское „*ni foi, ni loi*“, возведенное въ принципъ, какъ нельзя болѣе по-сердцу. Оно вполне оправдываетъ невѣжество и мутный образъ мыслей однихъ, шатаніе изъ стороны въ сторону другихъ, распушенность и порочность третьихъ. Г-нъ Брюсовъ для подобныхъ людей—только поэтическое выраженіе, обобщающее многія тысячи нашихъ милыхъ соотечественниковъ, сдѣлавшихъ дѣлами своими атмосферу русской жизни до-нельзя удушливой и мрачной. Г.г. Брюсовы помогаютъ, купно съ г. Бальмонтомъ и прочими присными, предавать и насиловать общественную мысль и совѣсть, уловляя въ сѣти своего обаянія интеллигентствующее „мѣщанство“, людей равнодушныхъ къ достоинству литературы, да умственно-незрѣлыхъ тупицъ. Они подыскиваютъ оправдательныя формулы для нравственной распушенности и для торжествующей наглости, содѣйствуя притупленію и безъ того невысокаго чувства нашего гражданскаго и національнаго достоинства. Красивая иногда формула объединяетъ всѣхъ въ одной толпѣ—негодяевъ и честныхъ людей, борцовъ и жалкихъ себялюбцевъ,—всѣмъ приходится въ пору, потому что она—только форма, безъ внутренняго содержанія и смысла.

Въ историко-литературномъ отношеніи появленіе г.г. Брюсовыхъ не знаменовало собой какого-либо новаго направленія. Они—младшіе родственники французскихъ *déséquilibrés*, которымъ Гюйо въ своей

„L'art au point de vue sociologique“ посвятивъ сжатую, но жѣткую характеристику. Въ частности, въ г.г. Брюсовымъ весьма примѣнными именно слѣдующія слова Гюйо: „Большинство распатанныхъ испытываетъ настоящую потребность въ возбудительныхъ средствахъ, какъ всѣ „неврастеники“. Имъ нужна извѣстная социальная жизнь, жизнь шумная, бранчивая, чувственная, посреди своихъ соучастниковъ. Поэтому удовольствія пиршества и чувственной любви (безъ признака стыдливости) стремятся господствовать въ ихъ литературѣ“...

Пора и нашей читающей публикѣ знать, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. — Евг. Л.

У.

— Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи за 1901 г. Сиб. 1903.

Обязательная регистрація несчастныхъ случаевъ съ рабочими на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, подчиненныхъ фабричной инспекціи, установлена была закономъ въ 1894 г.; до тѣхъ же поръ регистрація такихъ случаевъ велась лишь на желѣзныхъ дорогахъ и въ предпріятіяхъ, подчиненныхъ горному вѣдомству. По изданіи закона 1894 г., владѣльцамъ промышленныхъ заведеній было предложено завести книги для обязательнаго внесенія въ нихъ несчастныхъ случаевъ, влекущихъ смерть или поврежденія, лишаящія потерпѣвшаго возможности работать въ теченіе трехъ и болѣе дней и посылать о каждомъ такомъ случаѣ извѣщеніе фабричному надзору. Извѣщенія эти производились, однако, съ такой неаккуратностью, что не было даже смысла подвергать соответствующія данныя подробной разработкѣ, и только свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ въ 1901 г. признаны были заслуживающими разработки и опубликованія. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать, что эти свѣдѣнія обладаютъ достаточной полнотою. Рѣзкія колебанія числа несчастныхъ случаевъ въ той же промышленной отрасли, но въ различныхъ губерніяхъ (по сахароваренному производству, напр., изъ херсонской губерніи заявлено о 269 несчастныхъ случаяхъ на 1.000 рабочихъ, а изъ волынской—о 7-ми; по машиностроительному дѣлу изъ херсонской губ. о 160 случаяхъ на тысячу рабочихъ, а изъ таврической—о 3,5 и т. д.), заставляютъ предполагать разную степень аккуратности заводчиковъ въ регистраціи несчастныхъ случаевъ съ рабочими; а сравненіе относительнаго числа пострадавшихъ, согласно донесенію хозяевъ промышленныхъ предпріятій въ Россіи и западной Европѣ, гдѣ естественно ожидать лучшей охраны рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, приводитъ составителя разсма-

триваемаго нами труда, д-ра Дементьева, къ заключенію, что „регистрація несчастныхъ случаевъ въ Россіи дала за 1901 годъ втрое или, можетъ быть, вчетверо меньшія числа, чѣмъ было несчастныхъ случаевъ въ дѣйствительности“. Согласно этой регистраціи, въ 1901 г. пострадало—съ лишеніемъ возможности трудиться болѣе двухъ дней—24.744 рабочихъ изъ общаго числа 1,7 мил. рабочихъ, подчиненныхъ фабричному надзору, или 1,46% этого послѣдняго числа. Можно предположить, что въ дѣйствительности число пострадавшихъ достигаетъ 100 тыс. въ годъ, и что опасности потерпѣть болѣе или менѣе чувствительное поврежденіе подвергаются болѣе 5% рабочаго класса въ Россіи.

Свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ и заводахъ неполны не только въ количественномъ отношеніи,—они обладаютъ немалыми дефектами и по своему содержанію. Ими, напр., крайне недостаточно выясняется вопросъ о томъ, какъ отражаются поврежденія, полученныя рабочимъ, на его трудоспособности. Хотя существуетъ требованіе, чтобы свѣдѣнія объ исходѣ даннаго поврежденія давались и подписывались врачомъ, но очень часто на соответствующей карточкѣ стоитъ подпись другого служащаго на фабрикѣ. Но и отвѣты врачей обыкновенно ничего не говорятъ объ исходѣ поврежденій съ точки зрѣнія вліянія его на трудоспособность рабочаго. Слово „выздоровѣлъ“ встрѣчается и въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочій получилъ легкую рану и когда онъ потерялъ руку, ногу и лишился совершенно возможности работать. Такія карточки совсѣмъ не могли бы служить матеріаломъ для разрѣшенія очень важнаго вопроса о вліяніи полученныхъ на работѣ поврежденій на трудоспособность рабочаго, еслибы сами инспектора,—основываясь на разнаго рода свѣдѣніяхъ о поврежденіи, имѣющихся на карточкѣ, и на другихъ случайныхъ данныхъ, не дѣлали сами на карточкѣ предположительныхъ отмѣтокъ о той или другой степени потери трудоспособности. Не думаемъ, чтобы такія свѣдѣнія заслуживали особеннаго довѣрія. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, временная потеря трудоспособности вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ на русскихъ фабрикахъ относительно рѣже, чѣмъ это наблюдается на фабрикахъ въ Германіи и Австріи. Постоянная же, полная или частичная потеря трудоспособности въ Россіи наблюдается вдвое чаще. Изъ 1.000 потерпѣвшихъ утрачиваютъ способность къ труду въ Австріи—71, въ Германіи—97, а въ Россіи—170. Этотъ результатъ подчасъ объясняется не только указаннымъ выше предположительнымъ характеромъ отмѣтокъ фабричныхъ инспекторовъ объ исходѣ поврежденія. Нѣкоторое значеніе имѣетъ здѣсь, вѣроятно, и неточность регистрація несчастныхъ случаевъ вообще, отъ которой всего

больше ускользають, нужно полагать, самые легкіе случаи потери трудоспособности.

Указанные выше недостатки матеріаловъ о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ заставляютъ относиться съ недоувѣріемъ къ тѣмъ заключеніямъ, какія можно изъ нихъ вывести. Какъ слѣдуетъ, напр., опѣнить тотъ фактъ, что число смертныхъ исходовъ поврежденій въ Россіи въ 1½ раза болѣе, нежели въ Германіи и Австріи: тамъ приходится 9—10 смертей на 1.000 пострадавшихъ рабочихъ, а у насъ—16? Есть ли это результатъ большей тяжести поврежденій на русскихъ фабрикахъ, или послѣдствіе того, что тяжелыя поврежденія регистрируются у насъ точнѣе, нежели легкія? Въмѣстѣ съ этимъ возникаетъ и другой вопросъ: въ своихъ стараніяхъ побудить хозяевъ промышленныхъ предпріятій къ выполнению закона объ обязательной регистраціи несчастныхъ случаевъ, требовала ли фабричная инспекція, чтобы фабриканты полно регистрировали по крайней мѣрѣ случаи со смертельнымъ исходомъ? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ и слѣдующаго отсюда заключенія, что смертные исходы поврежденій отмѣчаются у насъ довольно полно—придется допустить, что къ такому исходу несчастные случаи съ рабочими на русскихъ фабрикахъ ведутъ гораздо рѣже, нежели въ германскихъ или въ австрійскихъ. Такъ какъ число всѣхъ несчастныхъ случаевъ на русскихъ фабрикахъ въ 3—4 раза больше того, какое отмѣчается фабричной инспекціей, то 15 смертныхъ исходовъ на 1.000 зарегистрированныхъ поврежденій—при полномъ учетѣ первыхъ—означаетъ 5 и менѣе смертей на тысячу всѣхъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ; въ Германіи же и Австріи такой исходъ повторяется въ 10 случаяхъ изъ тысячи несчастій.

Изъ этого примѣра читатель можетъ усмотрѣть, что, при разработкѣ собраннаго врачебной инспекціей матеріала о несчастіяхъ съ рабочими на фабрикахъ и заводахъ, слѣдовало бы войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе того, въ какихъ отношеніяхъ этотъ матеріалъ заслуживаетъ большаго и въ какихъ—меньшаго довѣрія. Такое разсмотрѣніе дало бы возможность придти къ нѣкоторымъ достаточно обоснованнымъ заключеніямъ хотя бы и въ ограниченной сферѣ явленій. Есть, напр., нѣкоторыя основанія полагать, что несчастія съ рабочими отъ употребленія машинъ и двигателей регистрируются у насъ точнѣе, нежели несчастія отъ другихъ причинъ. Это видно изъ того, что число несчастныхъ случаевъ даннаго рода на 1.000 поврежденій вообще въ Россіи въ 2 и 3 раза болѣе, чѣмъ во Франціи. Число же несчастій въ родѣ паденія съ лѣстницы, обрушиванія предметовъ, переѣзда экипажами, и т. п., во Франціи въ 2—3 раза больше, нежели въ Россіи. Объяснить это различіе можно тѣмъ, что наши

предприниматели обращаютъ особенное вниманіе на регистрацію несчастій съ рабочими, имѣющихъ спеціально, такъ сказать, фабричный характеръ, и склонны пренебрегать тѣми случаями, которые могутъ имѣть мѣсто и въ житейскомъ обиходѣ.

При оцѣнкѣ разсматриваемаго нами изданія министерства финансовъ не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что это—первый опытъ выясненія вопроса объ опасностяхъ, грозящихъ рабочимъ на русскихъ фабрикахъ и заводахъ. Въ прошломъ году, какъ извѣстно, изданъ новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ. Регистрація несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ—благодаря этому закону—будетъ, конечно производиться полнѣе, и слѣдующій опытъ разработки соотвѣтствующаго матеріала окажется болѣе удачнымъ.

VI.

- *А. Веберъ*. Ростъ городовъ въ XIX столѣтіи. Переводъ съ англійскаго А. Н. Котельникова. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.
- *Э. Вандервелде*. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе въ полямъ. Переводъ съ франц. подъ ред. Д. С. Горшкова, съ предисловіемъ проф. московскаго сельско-хозяйств. института, А. Э. Фортунатова. Москва 1904. Ц. 1 р.

Двѣ эти книги посвящены одному и тому же предмету; но тогда какъ первая есть статистическое изслѣдованіе, нѣсколько приспособленное для обыкновеннаго читателя, вторая, по опредѣленію проф. Фортунатова, „стоитъ на границѣ между научнымъ изслѣдованіемъ и публицистическимъ произведеніемъ“, причѣмъ „публицистъ скорѣе преобладаетъ здѣсь надъ работникомъ науки“. Сообразно различію задачъ обоихъ произведеній—по преимуществу научной—перваго, и публицистической—второго, они различаются не только по характеру трактованія предмета, но и по относительной долѣ вниманія, удѣляемаго ими различнымъ сторонамъ дѣлаго вопроса о ростѣ городовъ, его причинахъ и послѣдствіяхъ. Книга Вебера посвящена главнымъ образомъ однимъ городамъ, и авторъ изучаетъ ихъ съ тѣхъ сторонъ, которыя допускаютъ статистическую разработку, причѣмъ онъ обращается, по возможности, къ статистикѣ всего міра. Вы здѣсь найдете статистическое изслѣдованіе относительно роста городовъ, структуры городского населенія, о бравахъ, рождаемости и смертности, физическомъ и моральномъ здоровьи, экономическихъ и социальныхъ явленіяхъ въ городахъ, причѣмъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ указывается различіе городскихъ поселеній отъ сельскихъ. Большая глава отведена въ трудѣ Вебера тѣмъ экономическимъ причинамъ, которыя—въ процессѣ историческаго развитія человѣчества—обуславливали явле-

ніе постепеннаго передвиженія населенія изъ сель въ города. Процессъ этотъ, по мнѣнію Вебера, еще не закончился, такъ какъ ростоущая производительность труда не перестаетъ уменьшать число рукъ, требующихся для земледѣлія. При такомъ взглядѣ на предметъ естественно, что авторъ посвящаетъ мало мѣста замѣчаемому въ послѣднее время стремленію населенія вонъ изъ городовъ. Онъ видитъ въ этомъ процессѣ расширеніе пригородовъ на счетъ центра, т.-е. форму городской же концентраціи населенія.

Тотъ же вопросъ измѣненія распредѣленія населенія между городомъ и деревней—Вандервельде рассматриваетъ съ точки зрѣнія не города, а деревни. Онъ, поэтому, удѣляетъ много вниманія причинамъ, побуждающимъ земледѣльца оставлять свое жилище, и рассматриваетъ ихъ болѣе конкретно. Съ точки зрѣнія деревни, трактуетъ онъ и вопросъ о послѣдствіяхъ бѣгства земледѣльческаго населенія въ города. Вопросъ о передвиженіи сельскаго населенія рассматривается, впрочемъ, Вандервельде шире, чѣмъ это предполагается терминомъ „выселеніе“. Авторъ останавливается не только на эмиграціи (изъ деревень), въ прямомъ значеніи этого слова, но и на отхожихъ промыслахъ сельчанъ, а также на получившей широкое распространеніе въ Бельгіи и Германіи формѣ ежедневнаго передвиженія рабочихъ, живущихъ въ селеніяхъ, на городскіе фабрики, заводы и обратно. Въ основѣ всѣхъ этихъ явленій лежитъ фактъ недостатка мѣстныхъ (сельскихъ) заработковъ для удовлетворенія всего предложенія труда; а причины, ведущія къ этому недостатку, авторъ усматриваетъ въ разъединеніи земледѣлія и промышленности и въ земледѣльческомъ кризисѣ, постигшемъ старыя культурныя страны вслѣдствіе вовлеченія въ международный обмѣнъ областей съ обширными пространствами плодородныхъ земель, поставляющихъ на рынокъ большія количества зерна. Въ своемъ историческомъ развитіи эти явленія сопровождались фактами, обострявшими положеніе: сокращеніемъ крестьянской собственности, ослабляющимъ устойчивость мелкаго хозяйства, и уничтоженіемъ общинныхъ земель, доставлявшихъ многія выгоды бѣднымъ сельчанамъ.

„Одно сельское хозяйство, — говоритъ авторъ, — являясь въ нашемъ климатѣ преимущественно сезоннымъ занятіемъ, не можетъ доставлять регулярной работы на цѣлый годъ. Поэтому сельскіе рабочіе, мелкіе земледѣльцы или ихъ дѣти, неизбежно стараются отыскать средства къ жизни или побочныя занятія, позволяющія имъ сводить концы съ концами“ (стр. 119).

„Въ девяти случаяхъ изъ десяти, поселянинъ потому только отрывается отъ земли, что захватъ всѣхъ земель, неимѣніе работы на зиму, отсутствіе мѣстныхъ промысловъ, жалкій размѣръ или нерегу-

лярность заработка—не оставляютъ ему другого выбора, какъ только нищету или эмиграцію. Само собой разумѣется, однакоже, что къ этимъ начальнымъ и всегда имѣющимъ преобладающее значеніе причинамъ присоединяется дѣйствіе множества другихъ факторовъ, политическихъ, экономическихъ, моральныхъ, важность которыхъ не признавать было бы абсурдомъ“ (стр. 122).

Развитіе городскихъ аггломераций обоими авторами разсматривается не только какъ весьма важный факторъ соціальной эволюціи. Какъ настоящіе сыны города—они готовы видѣть въ немъ чуть ли не единственный источникъ умственного и соціального прогресса и даже примѣръ добрыхъ чувствъ для деревни. Вандервельде, напр., ссылается на слѣдующую слѣланную Видалемъ характеристику крестьянъ, находящихся внѣ владѣнія города: „Невѣжественная, эгоистическая раса, падкая къ наживѣ и безжалостная къ несчастью, упорствующая въ предрасудкахъ, враждебная всякимъ нововведеніямъ,—она привязана только къ полю и деньгамъ, дорожить своимъ скотомъ болѣе, чѣмъ семьей“. Что же касается городскихъ рабочихъ—они, по утверженію Вандервельде,—„мало-по-малу развиваютъ въ своей душѣ тотъ духъ солидарности и братской помощи, который одинъ уже въ состояніи вознаградить и окупить всѣ недостатки и пороки, могущіе быть у городскихъ рабочихъ“ (стр. 244). Излишне, кажется, прибавлять, что такіа огульныя характеристики цѣлыхъ классовъ не имѣютъ большого значенія, и что въ литературѣ можно найти не мало мыслей прямо противоположныхъ приведеннымъ.

Веберъ и Вандервельде не являются, впрочемъ, безусловными приверженцами городскихъ поселеній. Скученность населенія въ городахъ порождаетъ вредныя условія въ санитарномъ отношеніи, и хотя муниципальными учрежденіями сдѣлано очень много для оздоровленія городовъ, и многіе крупныя города имѣли мѣншую смертность, нежели селенія, но это послѣднее явленіе объясняется преобладаніемъ въ городахъ лицъ молодого и средняго возрастовъ, дающихъ мѣншую смертность, нежели дѣти и старики. „Одновременно съ этими неудобствами отъ переполненія городовъ,—пишетъ Вандервельде,—происходятъ не менѣе важныя неудобства отъ централизаціи капиталистической, опустошающей деревни, и отъ централизаціи правительственной, отнимающей всякую инициативу у мѣстныхъ группъ“ (стр. 246).

Въ силу этихъ соображеній Вандервельде слѣдитъ съ большимъ сочувствіемъ за признаками обратнаго движенія населенія изъ городовъ въ деревни. Это движеніе выражается открытіемъ промышленныхъ предпріятій въ сельскихъ мѣстностяхъ, вблизи водопадовъ, утилизація которыхъ въ качествѣ двигателей облегчилась, благодаря примѣненію электричества; перенесеніемъ фабрикъ и заводовъ за черту города

для того, чтобы избѣжать крупныхъ расходовъ на помѣщеніе, заработную плату, крупныхъ городскихъ налоговъ, и чтобы освободиться отъ давленія сильныхъ корпоративныхъ организацій рабочихъ; переселеніемъ за городъ рабочихъ, ежедневно совершающихъ поѣздки въ городъ для заработка; выселеніемъ въ окрестности городовъ лицъ средняго достатка, оставляющихъ города, вслѣдствіе дороговизны жизни, и, наконецъ, образованіемъ цѣлыхъ поселковъ промышленнаго или земледѣльческаго характера, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ здоровой жизни. Это движеніе, въ случаѣ широкаго развитія, приведетъ, конечно, не къ восстановленію вѣрней деревенской жизни, съ ея изолированностью и неустройствами; это будетъ, скорѣе, распространеніе городской жизни на всю территорию страны, образованіе сѣти благоустроенныхъ городовъ, находящихся въ постоянномъ общеніи съ крупными центрами культурныхъ учрежденій. Развитіе техники вообще, средствъ передвиженія въ частности — воплѣтъ допускаетъ такое разсѣяніе городской жизни и установленіе тѣснаго общенія даже между отдаленными городами. Это приведетъ къ уничтоженію грани, раздѣляющей городъ и деревню въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ и сдѣлаетъ возможнымъ пользованіе преимуществами городской культуры для всего населенія. — В. В.

VII.

— Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Америк. Соед. Штатахъ, т. I, редакция Е. Смирнова. Спб. 1904.

Дать русскому читателю изданіе, знакомящее его съ политическими учрежденіями Западной Европы,—идея крайне своевременная. Вопросы государственнаго устройства, вопросы управленія составляютъ въ послѣднее время предметъ напряженнаго вниманія русскаго общества; интересъ къ нимъ прорывается повсюду въ жизни, и литература, конечно, не можетъ оставаться равнодушной къ этому теченію общественной мысли. И лучшимъ отвѣтомъ на запросы публики является знакомство съ государственнымъ строемъ Западной Европы...

Но если идея изданія сама по себѣ чрезвычайно удачна, то того же нельзя сказать о выполненіи ея, по крайней мѣрѣ насколько можно судить по первому тому, знакомящему съ устройствомъ Австріи, Англии и Бельгіи. Очерки, посвященные этимъ странамъ, прочтутся съ интересомъ, написаны живо и содержательно, но они не даютъ того, что заполнило бы тотъ пробѣлъ въ нашей политической литературѣ, о которомъ говорить въ своемъ предисловіи къ изданію г. Гамбаровъ.

Статьи гг. Звѣздича (Австрія), Сатурина (Англія), Стеклова (Бельгія), носятъ характеръ газетныхъ и журнальныхъ корреспонденцій, улавливающихъ хотя и общія теченія современной жизни на Западѣ, но весьма мало пригодныхъ для серьезнаго изученія тѣхъ основъ государственнаго устройства, которое особенно нужно нашей публикѣ. Для послѣдней цѣли нуженъ былъ другой научный аппаратъ, а не только общее міросозерцаніе (тяготѣніе къ экономическому матеріализму), которое слегка окрашиваетъ всѣ статьи Сборника. Проф. Гамбаровъ въ своемъ предисловіи говоритъ о методахъ въ политическихъ наукахъ, жестоко нападаетъ на такъ называемый „юридическій“ методъ, горячо доказываетъ полную возможность научной постановки сравнительно историческаго изученія политики и созданія общей политической теоріи,—слѣдовательно, онъ самъ разсматриваетъ статьи Сборника подъ угломъ зрѣнія научнаго изслѣдованія,—а съ этой именно точки зрѣнія статьи и не удовлетворяютъ потребностямъ публики и, пожалуй, обмануть ея ожиданія, вызванныя заглавіемъ и предисловіемъ. Прежде всего матеріалъ, выбранный авторами, носитъ случайный характеръ, очерки составлены не по опредѣленному плану, обязательному для такого изданія, а просто каждый авторъ выбиралъ то, что ему казалось интереснѣе въ данный моментъ. Историческаго изученія учрежденія, за которое такъ ратуетъ предисловіе, совершенно незамѣтно въ очеркахъ, зато въ нихъ весьма много беллетристики. Возьмемъ, напр., этюдъ г. Сатурина объ Англіи. Исторію англійской конституціи авторъ посвящаетъ двѣ-три страницы, сообщая свѣдѣнія, приводимыя въ любомъ учебникѣ исторіи; права гражданина только упомянуты, а судебное устройство, мѣстное самоуправленіе—обойдены полнымъ молчаніемъ. Зато читатель найдетъ весьма любопытныя картины выборовъ, характеристики кандидатовъ и ихъ программъ во время послѣднихъ избирательныхъ кампаній, и это занимаетъ большую часть этюда г. Сатурина. Остановливаясь весьма детально на техникахъ выборовъ, на приемахъ борьбы разныхъ партій, авторъ считаетъ излишнимъ дать хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ очеркъ исторіи развитія тѣхъ двухъ великихъ партій, которыя, хотя и близки къ распаденію, но все-же составляютъ фонъ англійской политической жизни.

Вообще, работа г. Сатурина — рядъ легкихъ интересныхъ корреспонденцій изъ Англіи, въ родѣ тѣхъ, которыя съ такимъ интересомъ пишетъ г. Дюнео въ „Русск. Богатствѣ“,—но того, къ чему изданіе стремится, она не даетъ. И намъ кажется, что преобладаніе въ очеркѣ личныхъ наблюденій объясняется не только (какъ это говоритъ авторъ) тѣмъ, что „въ Англіи многіе конституціонные вопросы рѣшаются ссылкой не на законы, а на парламентскіе обычаи“ и прецеденты.

По государственному праву Англии существуютъ капитальныя изслѣдованія, которыя считаются, конечно, и съ указанными выше источниками права,—и популяризаторъ при такомъ матеріалѣ, при всей цѣнности личныхъ наблюденій, совсѣмъ не вынужденъ такъ широко черпать изъ себя самого то, что нужно для систематическаго изложенія англійскаго государственнаго устройства. Къ сожалѣнію, знакомство съ литературой государственнаго права весьма слабо отразилось на очеркѣ г. Сатурина.

Отсутствіе плана сказывается и въ статьяхъ г. Звѣздича объ Австріи. Этого автора интересуютъ, напр., вопросы экономическіе, и онъ не только излагаетъ ихъ настолько, насколько необходимо для пониманія программъ существующихъ партій, но и посвящаетъ имъ совершенно самостоятельную главу, саму по себѣ интересную, но мало связанную съ тѣми вопросами, которые трактуются въ очеркѣ.

Дѣлая эти замѣчанія, мы далеки отъ того, чтобы не признать за книгой извѣстную цѣнность. Всѣ очерки даютъ много интереснаго матеріала по ознакомленію съ западно-европейской жизнью и ея политическими и общественными теченіями. Только-что упомянутый очеркъ г. Звѣздича, напр., исполнѣ правильно освѣщаетъ сложный вопросъ о національностяхъ въ Австріи и выясняетъ тотъ путь политическаго развитія, который только одинъ и возможенъ для этого сложнаго политическаго организма. Недурную характеристику политическихъ партій въ Бельгии содержитъ этюдъ г. Стеклова. Но, повторяемъ, читатель, приступая къ ознакомленію съ книгой послѣ предисловія, ждетъ другого, ждетъ систематическаго и популярнаго изложенія государственнаго устройства Западной Европы, а очерки перваго тома этого не даютъ.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о предисловіи проф. Ю. Гамбарова. Констатируя упадокъ политической литературы на Западѣ, почтенный ученый привлекаетъ за это къ отвѣтственности „юридическое направленіе“, „юридическій методъ“, который воцарился въ государственной наукѣ Германіи, а отчасти и Франціи. Сущность инквизируемаго метода, по характеристикѣ наиболѣе рѣзкаго представителя его Лабанда, сводится къ слѣдующему: при изученіи государственнаго строя и государственной дѣятельности страны необходимо произвести: 1) „анализъ данныхъ юридическихъ отношеній публичнаго права; 2) точное установленіе юридической природы этихъ отношеній; 3) раскрытіе болѣе общихъ юридическихъ принциповъ, подъ которые должны быть подведены эти же отношенія, и 4) развитіе изъ этихъ принциповъ послѣдствій“.

Ссылаясь на заявленіе Лабанда, что логика является главнымъ и даже единственнымъ орудіемъ приведенныхъ операций, г. Гамба-

ровъ почему-то изъ этого дѣлаетъ выводъ, что юридическій методъ вполне тождественъ со старой апіорной методой и притомъ съ худшимъ смысломъ ея; что юридическій методъ разрываетъ естественную связь между формой и содержаніемъ своего предмета изученія, сосредоточивая всю работу на одной формѣ и освѣщая опасный въ общественныхъ наукахъ культъ формальной логики. Намъ кажется, что всѣ эти положенія г. Гамбарова совершенно необоснованы и въ значительной степени покоятся на недоразумѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли говорить объ апіорности общихъ понятій, когда первое требованіе юридическаго метода состоитъ въ анализѣ данныхъ, *существующихъ* отношеній публичнаго права. Конструкціи являются результатомъ изученія реального матеріала и совсѣмъ не получаютъ извнѣ, какъ полагаетъ, кажется, г. Гамбаровъ. При такомъ пониманіи юридическаго направленія, оно при разработкѣ публичнаго права оказывается весьма плодотворнымъ, внося опредѣленность какъ въ выборѣ матеріала, такъ и въ способѣ изученія его. Публично-правовыя отношенія являются прежде всего отношеніями юридическими; — вотъ основное положеніе рассматриваемой школы, изъ котораго и дѣлается вполне правильный выводъ, что и изучать ихъ должно по тому же методу, какъ изучаются нормы права вообще. Изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы историческое изученіе ихъ и критика съ точки зрѣнія цѣлесообразности отступали на второй планъ. Полное пониманіе публично-правового института будетъ достигнуто лишь при совмѣстномъ примѣненіи всѣхъ трехъ способовъ изученія, но въ методологическомъ отношеніи ихъ различать необходимо ¹⁾. А то получается пестрый калейдоскопъ, прежде всего непригодный для тѣхъ именно цѣлей, которыя ставитъ политической наукѣ проф. Гамбаровъ. Авторъ желаетъ создать общую политическую теорію путемъ сравнительнаго изученія исторіи политическихъ учрежденій. Но для отысканія тѣхъ общихъ принциповъ, которыхъ добивается авторъ, необходимо прежде всего установить въ некоторую однородность сравниваемыхъ явленій, — а это возможно только путемъ опредѣленія ихъ юридической природы.

Если рассматриваемый Сборникъ, по мнѣнію г. Гамбарова, можетъ имѣть значеніе подготовительной работы для постройки будущаго зданія теоріи политической эволюціи и практической политики, то надо признать, что именно этой задачи онъ совершенно не выполняетъ, благодаря отсутствію у авторовъ представленія о методахъ изученія публично-правовыхъ явленій и прежде всего метода юридическаго.

¹⁾ См. „Введеніе въ изученіе социальныхъ наукъ“, приложенную къ „Вѣсти Самообр.“ статью Вл. Гессена.

VIII.

— В. М. Гессенъ. Вопросы мѣстнаго управленія. Спб. 1904.

„Уясненіе основныхъ началъ, которыя необходимо должны лечь въ основу правильно задуманной и послѣдовательно осуществленной реформы мѣстнаго строя“, — такова цѣль, которую ставитъ себѣ авторъ. Юридически-историческій анализъ разнообразныхъ явленій нашего административнаго права, даваемый авторомъ въ рядѣ статей, приводитъ къ неизбежному выводу, что мѣстное управленіе должно вѣдаться самоуправляющимся обществомъ, организованнымъ на безусловномъ началѣ: „администрація должна принадлежать функціи высшаго вѣвѣдомственнаго надзора, отграниченнаго рѣзкой и отчетливой чертой отъ функціи активнаго управленія“.

Ясное представленіе связи между общими началами государственнаго устройства и организаціей мѣстнаго управленія проникаетъ всѣ статьи автора и оправдываетъ помѣщеніе въ самомъ началѣ книги особаго очерка о бюрократіи вообще. Разсматривая возникновение бюрократіи на Западѣ и у насъ, г. Гессенъ видитъ въ ней результатъ централизованной абсолютной монархіи. Эпоха полицейскаго государства — эпоха небывалаго развитія бюрократическаго строя; но онъ окончательно не исчезаетъ и при другихъ формахъ правленія, только отрицательныя стороны его въ значительной степени парализуются гарантіями правового государства. Блестящая характеристика специфическихъ особенностей бюрократіи — одно изъ лучшихъ мѣстъ труда г. Гессена. Указывая на профессиональность, какъ на источникъ рутинности бюрократическаго правленія, авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Подобно рѣкѣ, медленно текущей въ постоянныхъ берегахъ, профессиональная дѣятельность оставляетъ въ душѣ человѣка мертвый осадокъ окаменѣлыхъ навыковъ и понятій... Всякій новый фактъ, прежде, чѣмъ достигнуть сознанія, проходитъ черезъ призму былыхъ — отвердѣвшихъ и кристаллизовавшихся — воспріятій; преломляясь въ ней, онъ теряетъ свою живую окраску, свой непосредственный характеръ; онъ становится однимъ изъ *многихъ*, однимъ изъ *бывшихъ* фактовъ, уже извѣстныхъ давнымъ-давно... Рутинна калѣбитъ и уродуетъ жизнь, стремясь, во что бы то ни стало, уложить ее на Прокустово ложе неподвижныхъ шаблоновъ. Всякое новое дѣло рѣшается по прежнимъ, „примѣрнымъ“ дѣламъ; на всякій новый возникающій вопросъ уже заготовленъ составленный напередъ отвѣтъ. Бюрократія боится жизни, движенія, переменъ; шумъ улицы мѣшаетъ канцелярской работѣ. Профессиональная рутинна — непроницаемая стѣна, отдѣ-

ляющая бумажный міръ канцелярій отъ живого міра дѣйствительности. За стѣнами канцелярій люди живутъ; въ ея стѣнахъ люди пишутъ“.

Оторванность отъ общества, „высокомѣрие бюрократизма“, боязнь свободы слова—эти качества авторъ особенно подчеркиваетъ въ главѣ, специально посвященной бюрократіи въ Россіи.

Остальные статьи Сборника касаются главнѣйшихъ вопросовъ мѣстнаго управленія. Всѣ онѣ, несмотря на то, что затрогиваютъ животрепещущіе вопросы окружающей дѣйствительности, носятъ, несомнѣнно, научный характеръ. Юридическій анализъ публично-правовыхъ явленій не приводитъ автора къ голому догматизму, а служитъ средствомъ раскрытія сущности явленія и оцѣнки его. Историческая рамка, въ которую вставляются юридическія разсужденія автора, придаетъ изслѣдованію устойчивость и правильную общественную перспективу. Прекрасный языкъ и живое, образное изложенію, рѣдко встрѣчающіеся въ подобнаго рода трудахъ, доставляютъ читателю мѣстами истинное эстетическое наслажденіе.

Статья, обнимающая весь вопросъ о мѣстной реформѣ (объ учрежденіяхъ губернскихъ, уѣздныхъ и органахъ земскаго и сословнаго управленія), формулируетъ результаты работъ Кахановской комиссіи, объясняетъ тенденціи законодательныхъ актовъ 80-хъ и 90-хъ годовъ и доказываетъ, что эти тенденціи оказались неспособными произвести хоть бы незначительныя улучшенія въ строѣ мѣстной жизни. Въ настоящее время само правительство ставитъ вновь этотъ вопросъ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ онъ былъ поставленъ Кахановской комиссіей. Разрѣшима ли эта проблема—это, по мнѣнію автора, зависитъ отъ рѣшенія вопроса, „что къ чему приспособлять: начало безусловности и самоуправленія къ сословному и бюрократическому началу, или—наоборотъ“. Общія мысли, развитыя въ этой статьѣ, подробнѣе обосновываются въ отдѣльныхъ очеркахъ. Необходимость реформы губернаторской власти, въ смыслѣ превращенія ея исключительно въ органъ надзора, доказывается въ чрезвычайно содержательной статьѣ: „Губернаторъ, какъ органъ надзора“. Разсмотрѣвъ исторически функціи губернаторской власти, авторъ констатируетъ движеніе по направленію къ уменьшенію активнаго участія въ управленіи и усиленія функцій общеправительственнаго надзора, несмотря на то, что это жизненное движеніе парализуется въ значительной степени общимъ характеромъ нашей административной политики. Завершеніе этого движенія мыслимо только при надлежащемъ устройствѣ административной юстиціи, при правильной постановкѣ самоуправленія, при нормальной организаціи отвѣтственности должностныхъ лицъ, и т. д., и т. д.

Статьи: „Сельское общество и волость въ трудахъ Кахановской

комиссія“ и „Генезисъ института земскихъ начальниковъ“—даютъ интересный матеріалъ, переработанный авторомъ по трудамъ правительственной (Кахановской) комиссіи. Многія данныя, приводимыя въ этихъ статьяхъ, впервые дѣлаются достояніемъ публики, а широкія обобщенія автора придаютъ имъ характеръ отвѣтовъ на самыя насущныя вопросы современности. Такъ напримѣръ, въ книгѣ мы находимъ чрезвычайно любопытную исторію возникновенія института земскихъ начальниковъ. Идея его была привезена изъ провинціи въ Кахановскую комиссію Пазухинымъ. Проектъ этого виднаго дѣятеля эпохи императора Александра III, дававшій предугазанія этой идеи, былъ въ началѣ 80-хъ гг. предметомъ обсужденія земскихъ учреждений симбирской губерніи. Въ губернскомъ земскомъ собраніи Пазухинъ со своимъ проектомъ остался въ меньшинствѣ. Тѣмъ не менѣе, въ виду господствующей у насъ болзни предоставлять земствамъ выборъ свѣдущихъ людей, именно Пазухинъ, а не представитель большинства, попалъ въ Кахановскую комиссію, гдѣ имъ и поднятъ былъ вопросъ объ учрежденіи земскихъ начальниковъ. Это даетъ автору поводъ высказать слѣдующія соображенія, не лишеныя интереса для современности. „Вызываемые въ комиссію въ качествѣ представителей общественнаго мнѣнія—въ данномъ случаѣ, общественнаго мнѣнія земства—свѣдущіе люди, излюбленные администраціей, въ дѣйствительности сплошь и рядомъ являются выразителями настроеній и тенденцій, не встрѣчающихъ сочувствія въ той средѣ, къ которой они принадлежатъ. Создаваемое такимъ образомъ общественное мнѣніе „искусственнаго приготовленія“, во всякомъ случаѣ, не можетъ служить показателемъ „натуральнаго“ общественнаго мнѣнія, и, слѣдовательно, никакого другого значенія, кромѣ чисто декоративнаго, имѣть не можетъ“.

Цитированные нами очерки можно отнести къ области государственнаго права; они затрогиваютъ больше вопросъ объ учрежденіяхъ, устройствѣ ихъ и желательныхъ въ ней реформахъ. Остальныя статьи носятъ скорѣе догматическій характеръ и посвящены анализу интереснѣйшихъ вопросовъ административнаго права въ области земскаго самоуправленія. Такъ, авторъ конструируетъ понятіе „мѣстныхъ польвъ и нуждъ“ (1 ст. Полож. о зем. учр. 1890 г.) и дѣлаетъ цѣлый рядъ важныхъ практическихъ выводовъ для обоснованія того права ходатайствъ, съ которымъ такъ часто вступаетъ въ конфликтъ мѣстная администрація. Подробно разсматривается въ книгѣ вопросъ о компетенціи земскихъ учреждений и о конфликтахъ между администраціей и земствомъ. Интересной иллюстраціей служитъ рассказанное въ Сборникѣ новоторжское дѣло, получившее недавно авторитетное разрѣшеніе со стороны сената именно въ томъ направленіи, которое какъ бы

предугадано въ статьѣ Сборника, писанной еще въ 99 г. Въ книгѣ имѣется еще статья, посвященная оцѣнкѣ сравнительно недавно изданнаго закона о реформѣ продовольственнаго дѣла. Отмѣтивъ бюрократическій характеръ этой реформы, вызванной тѣми недостатками, въ которыхъ земство было ни при чемъ, авторъ дѣлаетъ выводы о неудовлетворительности реформы, вполне оправдавшіеся опытомъ послѣднихъ лѣтъ.

Мы уже говорили, что связь между мѣстной реформой и общими условіями русскаго правопорядка вполне отчетливо обрисована въ книгѣ. Поэтому намъ кажется основательнымъ тотъ скептицизмъ, который сквозитъ въ предисловіи по поводу возвышенной реформы. Въ „Началахъ русскаго государственнаго права“ проф. Градовскій, указывая на политическое значеніе мѣстныхъ органовъ управленія, между прочимъ, говоритъ: „Когда законодатель въ абсолютной монархіи имѣетъ въ виду преобразование административной системы, онъ руководствуется соображеніями двоякаго рода. Во-первыхъ, онъ разсматриваетъ предполагаемую реформу съ точки зрѣнія удобства и успѣшности осуществленія различныхъ цѣлей, поручаемыхъ органамъ администраціи; во-вторыхъ, онъ ищетъ въ этихъ учрежденіяхъ точки опоры для общаго государственнаго порядка и данной ему государственной власти. Въ иныхъ случаяхъ такою опорой является сильно организованная бюрократія, въ другихъ—бюрократія и привилегированныя сословія. Градовскій ставитъ далѣе вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ совмѣстимы съ этой формой правленія начала общественной самостоятельности (въ формѣ самоуправленія) и всеобщности. Книга г. Гессена даетъ богатый матеріалъ для отвѣта на этотъ кардинальный вопросъ. Онъ красиво сформулированъ въ слѣдующихъ словахъ автора: „Еще императрица Екатерина II справедливо утверждала, что цѣлое не можетъ быть устроено, пока части въ нестроеніи пребываютъ; съ такимъ же основаніемъ можно, разумѣется, утверждать, что не могутъ быть устроены части, пока въ нестроеніи пребываетъ цѣлое. Искреннее и послѣдовательное проведеніе начала самоуправленія въ мѣстномъ строѣ врядъ ли возможно до тѣхъ поръ, пока центральное управленіе сохраняетъ свой исключительно-бюрократическій характеръ“...

IX.

— Ив. Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія. Спб. 1904.

Крестьянскій вопросъ во всей его сложности снова поставленъ на очередь. Въ 70-ые годы, когда онъ тоже составлялъ центръ обще-

ственнаго интереса, отношеніе къ этому вопросу было нѣсколько иное, чѣмъ теперь. Экономическая сторона жизни деревни, ея бытовья и психологическія особенности—это было предметомъ не только жгучаго вниманія, но и страстнаго поклоненія. Теперь интеллигенція, давно уже отрѣшившись отъ идеологіи народничества, иначе подходит къ этому вопросу. Проблема о мужикѣ превратилась въ проблему о человѣкѣ, о человѣческой личности, нуждающейся въ тѣхъ элементарныхъ правахъ, безъ которыхъ немислимо никакое культурное и экономическое развитіе. Освобожденіе крестьянъ изъ-подъ опеки, уравненіе ихъ въ дѣлѣ управленія и суда съ другими сословіями, уничтоженіе всѣхъ остатковъ крѣпостнаго права въ видѣ крестьянской обособленности—таковъ теперешній лозунгъ, громко раздавшійся въ мѣстныхъ комитетахъ, отразившійся въ земскихъ собраніяхъ и нашедшій себѣ живой откликъ среди всѣхъ, кому дороги интересы народной массы. Крестьянскій вопросъ въ сознаніи интеллигенціи сталъ прежде всего вопросомъ правовымъ; коренная реформа крестьянскихъ учреждений, вмѣстѣ съ измѣненіемъ правового положенія крестьянства, была признана задачей, не терпящей отлагательствъ. Книга г. Страховскаго представляетъ собою яркое отраженіе теперешняго отношенія общества къ этому вопросу.

Авторъ прежде всего ставитъ себѣ цѣлью разсѣять мистическій туманъ, еще донинѣ окутывающій крестьянскія установленія. „Мистично самое значеніе, которое приписывается крестьянскому сословію въ нашей государственной жизни; мистическимъ непроницаемымъ туманомъ окутана крестьянская община; что-то непрерываемое, роковое лежитъ въ сословной волости“. Этотъ мистицизмъ особенно выступаетъ на сцену, когда заходитъ рѣчь о необходимыхъ реформахъ крестьянскаго быта. Типичнымъ въ этомъ отношеніи представляется взглядъ официальныхъ проектовъ (ср., напр., очеркъ работъ редакціонной комиссіи по пересмотру законодательства о крестьянахъ, недавно опубликованный) на ту осторожность, съ которой, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ относиться ко всякаго рода крестьянскимъ учрежденіямъ. Имъ приписывается народное происхожденіе, почтенный возрастъ и т. п.

Г-нъ Страховскій въ первой части своего изслѣдованія совершенно разрушаетъ эти ходячія представленія. Въ очеркѣ: „Какъ создалась крестьянская волость“—авторъ, на основаніи детального анализа матеріаловъ редакціонныхъ комиссій, доказываетъ, что современная волость со всей ея организаціей явилась совершенно случайнымъ плодомъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, вызванныхъ отчасти даже просто невѣрнымъ употребленіемъ терминологіи. Остановившись на этой крайне несовершенной сословной организаціи, творцы реформъ имѣли въ виду создать органъ, который, замѣняя помѣщика въ его посредни-

ческой роли между крестьянами и правительствомъ, былъ бы въ то же время совершенно гарантированъ отъ вліянія помѣщиковъ. Эту роль, которая имѣла, конечно, только временный характеръ, — и должна была выполнить сословная волость. Если разсмотрѣніе исторіи возникновенія волости приводитъ автора къ выводу, что ореолъ почетной древности, ее окружающій, не имѣетъ за собою никакихъ основаній, то подробное разсмотрѣніе современнаго положенія и значенія крестьянскихъ волостей показываетъ, что волость пала, и что никакихъ надеждъ на возрожденіе ея въ смыслѣ сословной единицы не можетъ быть. Свои выводы авторъ мотивируетъ чрезвычайно обстоятельно, съ глубокимъ знаніемъ теоріи и практики крестьянскаго дѣла. Волость въ настоящее время свелась къ дѣятельности волостного правленія или, вѣрнѣе, волостного старшины и писаря. Они являются низшими органами администраціи, подчиненными вполнѣ уѣзднымъ властямъ и не имѣющими никакой связи съ тѣми волостными обществами, которыя они, будто бы, представляютъ. Дѣятельность волостныхъ правленій охватываетъ дѣла собственно не крестьянскаго, а вообще мѣстнаго управленія, и въ этомъ смыслѣ волость является учрежденіемъ, обслуживающимъ всѣхъ обывателей безъ различія сословій, причемъ тягость задержанія этого учрежденія падаетъ исключительно на крестьянство. Фактически изученіе современнаго положенія волостей приводитъ автора къ необходимости скорѣйшей реформы и къ установленію основныхъ ея принциповъ. Введеніемъ къ собственнымъ соображеніямъ автора является подробное разсмотрѣніе проектовъ, предложенныхъ въ 80-хъ годахъ въ земскихъ собраніяхъ и въ Кахановской комиссіи. Особое совѣщаніе послѣдней въ свое время выяснило всѣ недостатки волостной организаціи и выработало весьма обоснованный проектъ волостной реформы. При обсужденіи этого проекта во второй періодъ работъ Кахановской комиссіи ясно обнаружилось то теченіе, которое впоследствии вызвало къ жизни институтъ земскихъ начальниковъ. Работа г. Страховскаго, между прочимъ, очень интересна въ смыслѣ выясненія той атмосферы, въ которой возникъ этотъ органъ попеченія и надзора. Какъ извѣстно, на него возлагались надежды, что подъ бдительнымъ надзоромъ его сильной власти волостное правленіе потеряетъ свои недостатки. Надежды эти не оправдались: самая должность земскихъ начальниковъ подверглась своеобразной эволюціи. Тотъ типъ начальника-помѣщика, отечески опекающаго крестьянъ, который грезился инициаторамъ реформы 1889 г., не пустилъ корней въ нашей жизни. Земскій начальникъ все болѣе и болѣе превращается въ обыкновеннаго агента общей администраціи, который въ значительной степени выполняетъ тѣ же функціи, что и волостныя правленія. Это явленіе отчасти пред-

видѣли члены Кахановской комиссіи и, проектируя должность волостеля, въ нѣкоторыхъ чертахъ сходную съ должностью земскаго начальника, они одновременно съ этимъ считали необходимымъ упразднить волость. Такое мнѣніе встрѣтило въ Кахановской комиссіи возраженія со стороны тѣхъ, которые желали освободить новые органы отъ „черной“ административной работы, оставляя ее за волостными правленіями и старшинами.

Г-нъ Страховскій считаетъ вполне возможнымъ и желательнымъ упраздненіе и теперь волостей, какъ единицъ административно-полицейскихъ. Онъ проектируетъ раздѣленіе уѣзда на участки, во главѣ которыхъ должны стоять земскіе начальники, какъ органы исключительно административнаго характера. Функции, которыя выполняются теперь волостными правленіями, могутъ быть раскассированы между земскими начальниками, полиціей и другими административными установленіями. Авторъ находитъ, далѣе, наиболѣе цѣлесообразнымъ совершенно отдѣлить потребности общественно-хозяйственныя низшихъ территориальныхъ единицъ отъ функций административно-полицейскихъ и первыя предоставить земскимъ единицамъ, организованнымъ на основаніи принциповъ, выработанныхъ московскимъ агрономическимъ съѣздомъ для мелкой земской единицы.

Самостоятельный очеркъ посвященъ г. Страховскимъ сельскому обществу. Разлагая весьма остроумно законодательныя опредѣленія о компетенціи сельскихъ обществъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ одной оболочкѣ сельскаго общества заключаются два общенія различнаго свойства: 1) поземельное, основанное на фактѣ общаго владѣнія землею; 2) поселенное или сельское, основанное на совмѣстномъ жительствѣ членовъ общества. Объединяющимъ элементомъ перваго общенія являются интересы имущественнаго характера, второго—общественнаго благоустройства и безопасности. Дѣйствующее законодательство установило для обоихъ общеній одинъ и тотъ же механизмъ управленія. Усложненіе жизни въ деревнѣ, притокъ въ нее элементовъ, не принадлежащихъ къ крестьянству, указываютъ на необходимость дать каждому изъ общеній особую, независимую организацію. Административныя общества должны быть эмансипированы отъ поземельныхъ и въ согласіи съ новыми потребностями жизни приобрѣсти характеръ всесословный, такъ что, по опредѣленію г. Страховскаго, сельское общество состоитъ изъ членовъ мѣстныхъ поземельныхъ общинъ и лицъ разныхъ сословій, проживающихъ въ деревнѣ. Органами управленія являются сходъ выборныхъ и сельскій, или деревенскій, голова, которые избираются общими избирательнымъ сходомъ населенія. Поземельная община управляется сходомъ и особеннымъ довѣреннымъ по дѣламъ общины.

Проектъ г. Страховскаго въ значительной степени напоминаетъ пред-

положенія Кахановской комиссіи и первоначальный планъ составителей Положенія 1861 г. Всѣ свои соображенія, высказанныя въ предыдущихъ очеркахъ, г. Страховскій объединяетъ въ статьѣ, озаглавленной: „Приципы устройства крестьянскихъ учреждений“. Разсматривая эволюцію крестьянскихъ учреждений съ 1861 г. до настоящаго времени, авторъ подчеркиваетъ ту мысль, что идея вотчиннаго попечительства—идея дореформеннаго порядка—и до сихъ поръ лежитъ въ основѣ сословной организаціи крестьянъ. Она отжила свой вѣкъ и должна уступить идеѣ государственной, примѣненіе коей снесетъ всѣ внѣшнія и внутреннія загородки, отдѣляющія крестьянъ отъ прочихъ сословій.

Вторая часть книги г. Страховскаго касается другой стороны вопроса, именно гражданскаго состоянія крестьянъ. Въ статьѣ: „Остатки крѣпостнаго права“, авторъ разсматриваетъ всѣ тѣ ограниченія, которыя испытываютъ крестьяне въ сферѣ семейной, въ правѣ передвиженія, въ избраніи рода жизни и занятій. Эти ограниченія авторъ считаетъ переживаниями крѣпостнаго права, парализующими предпримчивость и бодрость населенія. Значеніе этихъ юридическихъ условій для экономическаго благосостоянія крестьянства трудно преувеличить. При этомъ авторъ напоминаетъ слова Наказа Екатерины II: „гдѣ люди не для чего иного убоги, какъ только, что живутъ подъ тяжкими законами, а земли свои почитаютъ не столько за основаніе къ содержанію своему, какъ за предлогъ къ удрученію“.

Въ послѣдней статьѣ книги: „Обособленность и равноправность крестьянъ“, дается подробная сводка всѣхъ особенностей крестьянскаго правопорядка, въ области личныхъ и имущественныхъ правъ, экономическихъ отношеній, суда и управленія. На основаніи строго фактическаго матеріала авторъ рисуетъ мрачную картину деревенскаго быта. Путемъ искусственнымъ и насильнымъ выкачиваются изъ крестьянской массы всѣ интеллигентные элементы; крестьянская масса изолируется отъ болѣе культурныхъ слоевъ населенія; „тѣлесное наказаніе, административные аресты и штрафы, дискреціонное управленіе, повинностный характеръ самоуправленія, отсутствіе свободы передвиженія, недостаточная охрана права, отрицаніе семейной самостоятельности, непризнаніе правъ частной собственности, хаосъ семейно-имущественныхъ отношеній, исключительныя повинности и т. д.—всѣ эти „особенности“ составляютъ тѣ давленія и вліянія, подъ дѣйствіемъ которыхъ протекаетъ жизнь крестьянства“. Всѣ эти особенности должны быть окончательно ликвидированы. Официальная идеологія своеобразія крестьянскаго быта, взглядъ на крестьянина, какъ на существо особой породы, привели къ духовному и матеріальному захуданію массы. Послѣднія страницы книги г. Страховскаго

содержать въ себѣ нѣчто въ родѣ общаго проекта сельскаго устройства, въ которомъ въ схематической формѣ сведены всѣ выводы автора.

Въ предисловіи къ своей книгѣ, г. Страховскій оправдываетъ появленіе ея тѣмъ, что въ настоящее время, когда на очереди стоитъ пересмотръ узаконеній о крестьянахъ, ему хотѣлось „внести свою лепту наблюденій и выводовъ, почерпнутыхъ какъ изъ практической работы въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, такъ и изъ теоретическаго изученія крестьянскаго вопроса“.

Всякій, кто ознакомится съ книгою г. Страховскаго, согласится съ тѣмъ, что лепта эта не малая. Содержательный и талантливый трудъ можетъ служить надежнымъ руководствомъ, чтобы найти правильный путь къ разрѣшенію сложнаго вопроса. Особую цѣнность онъ имѣетъ теперь, когда на судъ общества и мѣстныхъ совѣщаній будутъ отданы проекты, изготовленные редакціонной комиссіей министерства внутреннихъ дѣлъ. Эти проекты, насколько можно судить по опубликованному сообщенію, сильно пронизаны тѣми тенденціями, противъ которыхъ такъ удачно выступаетъ авторъ. Единственную слабую сторону книги составляетъ слишкомъ изолированное разсмотрѣніе крестьянскаго вопроса отъ общихъ условій русской жизни. Читая предложенія автора о реформѣ крестьянскаго быта, прекрасно мотивированныя и обдуманная, получаешь впечатлѣніе, что онъ совершенно игнорировалъ вопросъ о тѣхъ силахъ, которыя эти реформы осуществлять призваны. А что эти силы имѣютъ рѣшающее значеніе, что онѣ органически не могутъ направить разрѣшеніе крестьянскаго вопроса по тому пути, который намѣченъ изслѣдованіями г. Страховскаго,—это доказываетъ лучше всего только-что опубликованный очеркъ работъ редакціонной комиссіи, выполнявшей задачи юридическаго оздоровленія деревни.—М. Г.—авъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Ардашевъ, проф., П. Н.—О прогрессѣ въ исторической наукѣ. Киевъ. 904. Ц. 35 коп.

Барсуковъ, Н.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга восемнадцатая. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Башинскій, Р., шт.-кап.—О пораненіяхъ современными оружіемъ. Спб. 903. Цѣна 30 коп.

Бокъ, В.—П. И. Добротворскій. Крит.-біогр. очеркъ. Спб. 904. Ц. 25 к.

Бордулякъ, Т.—Оповѣданія зъ галицкаго жыття. У Кывив. 903 г. Цина 75 коп.

Борейская, Э.—Проблема объективности сознанія. Рост.-на-Д. 901. Ц. 80 к.

Буланже, П. А.—Мудрость народовъ Востока. Вып. I: Жизнь и ученіе

Конфуція. Со статьею Д. Н. Толстого, „Изложеніе китайскаго ученія“. М. 904. Ц. 75 к.

Бялоблочкий, И. — Правительственное посредничество при арендованіи крестьянами частновладѣльческихъ земель. Оренб. 902.

Веймбергъ, Петръ. — Русскіе поэты. Карманная хрестоматія. Т. I и II. (Дешевая Библиотека, изд. А. С. Суворина, № 360). Спб. 904. Ц. за оба т. 40 к.

Воробьевъ, Кл. — Отхожіе промыслы крестьянскаго населенія Ярославской губерніи. Яр. 904.

Вороновъ, И. — Матеріалы повторной переписи крестьянскихъ хозяйствъ Воронежской губерніи 1900 года. Т. II. Ворон. 903.

Вороновъ, Н. Г. — На отвѣченныя темы. М. 904. Ц. 30 к.

Гессель, В. М. — Вопросы мѣтнаго управленія. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Гиндичъ, П. П. — Новый скитъ. Пьеса въ 4 д. Спб. 903. Ц. 1 р.

Гротъ, К. Я. — К. В. Гротъ въ юности и въ первую эпоху службы. (До самарскаго губернаторства, т.-е. 1853 г.). Спб. 904.

Гулишамбаровъ, Ст. I. — Благородные металлы и камни въ мировой промышленности. Спб. 904.

Даксергеръ, Левъ. — Изъ-за человѣка. М. 904. Ц. 80 к.

— Около душевнаго недуга. М. 904. Ц. 80 к.

Джеромъ, К. Джеромъ. — За чашкой чая. Перев. съ англ. М. К. Данилевской. Спб. 904. Ц. 60 к.

Дмитріева, В. I. — Малышъ и Жучка. Для дѣтей младшаго возраста. Изд. 2-е. Спб. 904. Изданіе Фребелевскаго Общества. Спб. 904. Ц. 50 к.

Дмитріевъ, В. К. — Экономическіе очерки. Очеркъ 1: Теорія цѣнности Д. Рикардо. Очеркъ 2: Теорія конкуренціи Ог. Курно. Очеркъ 3: Теорія предѣльной полезности. Заключение. М. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Дмитріевъ-Мамоневъ, А. И. — Путеводитель по великой Сибирской желѣзной дорогѣ. 1903—1904 г.г. 145 фотогравюръ. Карта Сибири и Манджуріи. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Добротворскій, Петръ. — Моя исповѣдь. М. 904. На правахъ рукописи.

Землинскій, В. — Методическая хрестоматія для обученія русскому языку. II. Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. Изд. 4-ое. М. 904. Ц. 1 р.

Ибсенъ, Г. — Привидѣнія. Семейная драма въ 3 д. Съ датск. А. и П. Ганзень. М. 904. Ц. 40 к.

Ихоревъ, З. — Исповѣдь человѣка на рубежѣ XX-го вѣка. М. 904. Ц. 1 р.

Карскій, Е. Ѳ. — Бѣлоруссы. Введеніе къ изученію языка и народнои словесности. Вильна. 904 („Виленскій Вѣстникъ“, кв. I).

Кисовъ, С. Н. — Воспоминанія полковника запасной арміи. Изъ боевой и походной жизни. 1877—78 г.г. Съ 3 план. сраженій и 47 рис. и портр. Перев. съ болгарскаго М. Горюнинъ. Софія. 903. Ц. 3 р. 50 к.

Бларкъ, Алленъ. — Фабричная жизнь въ Англіи. Съ англ. перев. А. Н. Кошпінъ. Съ предисл. акад. И. И. Янжула. М. 904. Ц. 60 к.

Коновской, Ив. — Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій (1894—1901 г.), съ портретомъ автора, свѣдѣніями о его жизни и статьею Валерія Брюсова о его творчествѣ. М. 904. Ц. 2 р.

Котъ-Мурлыка. — Романы, Повѣсти и Разказы. Т. VII. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 1 р. 75 к.

Куракинъ, кв. Ѳ. А. — Восемнадцатый вѣкъ. Историческій Сборникъ, изда-

ваемый по бумагамъ Фамилнаго Архива князей Куракиныхъ. П. р. В. Н. Смольянинова. Т. I. М. 904. Ц. 4 р.

Лауровъ, Н.—„Въ нефти“. Разказы. Спб. 904. Ц. 1 р.

Лейкинъ, Н. А.—Молодые побѣги. Разказы. Спб. 904. Ц. 1 р.

Линдъ, В. Н.—Учить ли мужика, или у него учиться? М. 904. Ц. 20 к.

Личковъ, Л. С.—Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. М. 904. Ц. 85 к.

Лоджъ, О.—Электричество и матерія. Съ англ. В. Мережковскій. Съ 5 рис. Спб. 904. Ц. 50 к.

— Современныя взгляды на матерію. М. 904. Ц. 20 к.

Луcretій, Т., Каръ. О природѣ вещей. Перев. съ латин. размѣромъ подлинника Ив. Рачинскій. М. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Майковъ, П. П.—Ив. Ив. Бецкой. Опытъ его біографіи. Спб. 904. Ц. 4 р.

Марковъ, Евгеній.—Разбойница Орлиха. Изъ мѣстныхъ преданій XVIII вѣка. Ром. въ 3-хъ ч. Значительно дополненное изданіе. Спб. 904. Ц. 2 р.

Мендельсонъ, А., д-ръ. — Положеніе душевно-больныхъ въ Петербургѣ. Проектъ семейнаго патроната душевно-больныхъ хрониковъ. Спб. 902.

Микуличъ, В.—Встрѣча со знаменитостью. Съ портрет. Ѳ. М. Достоевскаго. М. 904. Ц. 20 к.

Наумовъ, Ф. А.—Краткій отчетъ развитія и дѣятельности за 60 лѣтъ сиб. городской больницы-колоніи для душевно-больныхъ на Ново-Знаменской дачѣ. Спб. 904.

Нериста, д-ръ, Вальтеръ.—Теоретическая химія, съ точки зрѣнія Avogadro и термодинамики. Перев. съ 3-го нѣм. изд. В. Бурдакова. Съ 35 рис. Спб. 904. Ц. 4 р.

Нестеровъ, С.—Екатерина Вторая. Историческій очеркъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Новиковъ, Александръ.—Сборникъ разказовъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Омттеда, фонъ, Георгій, бар.—Нашъ полетъ. Картинки изъ жизни германскаго кавалерійскаго полка. Перев. съ нѣм. Н. А. Болотовъ. Спб. 903. Цѣна 1 р. 75 к.

Петровичъ, М.—По Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и наброски. Очеркъ 1. М. 903. Ц. 75 к.

Пименова, Ѳ. К.—Австралія и ея обитатели. Съ 16-ью рис. и картою. Спб. 904.

Пинкусъ, Н.—Страхованіе рабочихъ въ Германіи. Варш. 903.

Полодинъ, А. Л.—Боги и герои Эллады. Съ 15 рис. Спб. 904. Ц. 1 р.

Поленичъ, Вильг., фонъ.—Деревенскій священникъ. Романъ. Съ нѣм. переводъ З. Величкиной. Спб. 903. Ц. 1 р.

Потатенко, И. Н.—Сочиненія. Т. III: Живая жизнь, романъ. Разказы. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Рабиновичъ, В. I.—Что такое радій и каковы его свойства? Съ 11 рис. Спб. 904. Ц. 35 к.

Рышетцало, Д.—Проказа. Изложеніе исторіи, географич. распространенія, этиологіи, бактеріологіи, распознаванія, леченія, законодательства и общественной профилактики проказы. Съ 37 рис., 2 географич. картами и 1 таблицей. Спб. 904. Ц. 4 р.

Семеновъ, С. Т.—Дѣвчья погибель и другіе разказы. Изд. 2-е. М. 904. Цѣна 80 к.

— У пропасти, и другіе разказы. Изд. 2-д. М. 904. Ц. 80 к.

— Надежда Чагадаева (Преступники). Др. въ 4 д. М. 904. Ц. 50 к.

Смирновъ, К., поруч.—Армія монголовъ въ XIII вѣкѣ. По запискамъ современника-европейца. Спб. 903. Ц. 20 к.

Стокманъ-Диксонъ, М.—Какъ былъ открытъ Новый Свѣтъ. Перев. съ англ. Д. Корочевскій. Съ 65 рис. Спб. 904. Ц. 60 к.

Тихообразовъ, П.—Нѣкоторыя необходимыя земскія экономическія и сельскохозяйственныя мѣропріятія для Тамбовской губерніи. Тамб. 903.

Уманецъ, С.—Современный Бабизмъ. Расколъ въ магометанствѣ. Тифлисъ. 904. Ц. 50 к.

Хопъ, Энтони.—Графъ Антонио. Съ англ. М. Н. Дубровиной. Спб. 904. Цѣна 30 коп.

Чебышева-Дмитріева, Е. А.—Роль женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Спб. 904. Ц. 20 к.

Чернилова, М., д-ръ.—О еврейхъ богачахъ и ихъ богатствахъ. Од. 904.

Шимаревъ, А.—Горячіе завтраки въ начальныхъ школахъ Воронеж. губерніи въ 1902—3 г. Воров. 903.

Яковлевъ, Н. Н.—Геологическая исторія животнаго царства. Спб. 904. Ц. 40 к.

Якубовичъ, И. Н.—I. Причина всемірнаго тяготѣнія. II. Гипотеза о приближеніи земли къ солнцу. Изд. 2-е. Вр.-Литовскъ. 902. Ц. 30 к.

Якузь, П. И.—Между дѣломъ. Очерки по вопросамъ народнаго образованія, экономической политики и общественной жизни. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

— Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Изд. 4-е. Удостоено преміи С. А. Грегѣ отъ Имп. Академіи Наукъ. Спб. 904. Ц. 3 р. 50 к.

Halpérine-Kaminsky, Chargé de Mission.—France et Russie. Alliance économique. Par. Ц. 3 фр. 50 сантим.

-- Альманахъ „Грифъ“. М. 904. Ц. 1 р. 25 к.

— Государственный строй и политическія партіи въ зап. Европѣ и Сѣв.-Амер. Соедин. Штатахъ. Т. I: Ю. Гамбаровъ, Предисловіе.—П. Звѣдичъ, Австрія.—Д. Сатуринъ, Англія.—Ю. Стекловъ, Бельгія. П. р. Е. Смирнова. 16 портр. и 4 рис. Спб. 904. Ц. 2 р. 25 к.

— Карта театра военныхъ дѣйствій, Манчжуріи, Японіи и Кореи. Спб. 904. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 40 к.

— Отчетъ о дѣятельности Общества Взаимнаго вспоможенія при Московскомъ Учительскомъ Институтѣ за 1903 г.—8-й годъ. М. 904.

— Отчетъ по Ялтинской Санаторіи для недостаточныхъ чахоточныхъ больныхъ въ память имп. Александра III. 1899—1903 г. Ялта, 903.

— Русскій Біографическій Словарь; Сабанъевъ—Смысловъ. Спб. 904.

— Сборникъ Харьковск. Истор.-Филолог. Общества. Т. XIII: Труды Харьк. предварит. Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда. Изд. п. р. проф. Е. Рѣдина. Т. II, ч. 1 и 2. Харьк. 902.

— Сельско-хозяйственныя статистическія свѣдѣнія, по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. XI: Примѣненіе распространенія въ Россіи сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Спб. 903.

— Терскій Календарь на 1904 г. Изд. Терскаго областного Статист. Комитета. Вып. 13. Владикавказъ. 903. Съ приложеніемъ къ нему „Терскаго Сборника“, п. р. Г. Вертепова, съ иллюстрац.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Jules Renard. Comédies. Paris, 1904 (Librairie Paul Ollendorff).

Жюль Ренарь принадлежит къ числу самыхъ талантливыхъ французскихъ „иронистовъ“ послѣдняго времени. Преобладающая черта его творчества—юморъ, но юморъ особый, жестокий, подчеркивающий болѣзненное и уродливое въ человѣческихъ отношеніяхъ, въ психологии, создаваемой обстоятельствами жизни. При этомъ, однако, Ренарь внутренне примиренъ съ жизнью, любитъ все живое, одинаково радуется и людямъ, и природѣ; въ основѣ его міросозерцанія лежитъ эстетизмъ, любовь къ образамъ и явленіямъ, радующимъ его безотносительно къ тому, отрадны ли они по существу или нѣтъ. Отсюда его иронизмъ—черта, свойственная по преимуществу французскимъ писателямъ и прежняго времени, и въ особенности новѣйшимъ, воспитаннымъ отчасти на вліяніи Ренана. Иронисты соединяютъ философскій скептицизмъ съ примиреннымъ отношеніемъ ко всѣмъ формамъ жизни;—безцѣльность цѣлаго побуждаетъ ихъ мириться со всѣмъ въ частности, потому что у нихъ нѣтъ идеала, во имя котораго они что-либо осуждали бы. Все негармоничное, отвергаемое внутреннимъ чутьемъ правоты, вызываетъ въ нихъ только ироническую улыбку, совмѣщающуюся съ любовью къ формамъ жизни, къ стилистности явленій, хотя бы и уродливыхъ, къ красивымъ словамъ, которыя отчетливо и мѣтко формулируютъ диссонансы жизни.

Къ числу такихъ иронистовъ, для которыхъ формы и образы служатъ замѣной внутренняго смысла, принадлежитъ и Жюль Ренарь. Въ своихъ первыхъ рассказахъ („Escornifleur“, „Sourires pincés“ и др.) онъ преимущественно описывалъ природу и настроенія, вызываемыя ею, съ отчетливостью гравера и съ тонкимъ чутьемъ поэта. Когда же въ его повѣствованіяхъ выступаютъ на сцену люди, онъ съ той же мѣткостью, съ тѣмъ же умѣньемъ наблюдать многообразіе формъ и индивидуальныя отгѣнки какъ въ жизни природы, такъ и въ характерахъ людей, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, создаетъ оригинальныя фигуры дѣтей и взрослыхъ, то озлобленныхъ жизнью, то умѣющихъ фаталистически мириться съ болью жизни, то непоколебимыхъ въ ихъ буржуазной тупости. Въ своемъ тяготѣніи къ рельефности формъ,—

такъ какъ многообразіемъ формъ, въ цѣльность и смыслъ которыхъ онъ какъ бы не желаетъ вникать, исчерпывается для него содержаніе жизни,—Ренаръ впадаетъ иногда въ шаржъ, правда, весьма художественный. Онъ изображаетъ не пошлость, тупость, глупость и злобу, а какъ бы цвѣтъ всего этого; всѣ эти черты доведены у него до стилистической законченности,—какъ, напр., у Флобера въ его изображеніи абсолютной глупости Бювара и Пекюше. Эстетизмъ художника, для котораго стильность формъ жизни, хотя бы и уродливыхъ или трагическихъ по создаваемымъ ими страданіямъ, замѣняетъ всякія идеалистическія исканія, сказывается во всемъ, что пишетъ Ренаръ. Но эстетизмъ хотя и удаляетъ Ренара отъ высшихъ формъ искусства, проникнутыхъ исканіемъ цѣли и смысла жизни, согрѣтъ все-же любовнымъ отношеніемъ къ красотѣ природы и къ нѣжнымъ струнамъ челоуѣческаго сердца. Это придаетъ особую поэтичность отдѣльнымъ типамъ въ произведеніяхъ Ренара, а также его описаніямъ природы.

Оригинальность Ренара, его тонкая наблюдательность, острые уколы его психологическихъ замысловъ, а также необычайный блескъ языка, его отточенныхъ формулировокъ и его остроумія, сказывается въ недавно вышедшемъ томѣ его комедій. Подъ заглавіемъ „Comédies“ собраны четыре пьесы, имѣвшія каждая большой успѣхъ на сценѣ, несмотря на то, что онѣ далеки отъ шаблоннаго типа сценичныхъ комедій. Въ нихъ мало или почти совсѣмъ нѣтъ дѣйствія, и весь интересъ—въ остротѣ діалога, намѣчающаго въ намѣренно легкомъ тонѣ болѣзненную сложность жизни, гдѣ все совершается во имя призрачныхъ необходимостей, идущихъ въ разрѣзъ съ внутренними желаніями сердца. Ренаръ не говоритъ о томъ, какъ нужно жить, чтобы достичь внутренней гармоніи—онъ не идеалистъ и не учитель жизни,—а показываетъ только, какъ люди живутъ наперекоръ себѣ, и какъ они съ этимъ мирятся,—если можно назвать примиреніемъ иронію къ себѣ и къ своимъ страданіямъ. Иронія, конечно, не исходъ, а только грустное самооправданіе, но въ жизни интеллектуальныхъ по натурѣ, живущихъ головой, а не сердцемъ, французовъ, она замѣняетъ болѣе глубокое и болѣе строгое отношеніе къ себѣ. Воплощая это свойство французскаго ума, Ренаръ даетъ прежде всего интересный документъ для характеристики современныхъ французовъ и, кромѣ того, увлекаетъ художественностью и силой своего печальнаго юмора.

Одноактная комедія, стоящая во главѣ сборника, „Le Plaisir de gonpge“ („Пріятное прощаніе“) состоитъ изъ діалога между благоразумнымъ парижаниномъ и его столь же благоразумной подругой, которые корректно расстаются, чтобы вступить каждый со своей стороны въ выгодный бракъ. Иронія очень жестокой по существу, очень

сжатой и чрезвычайно выразительной маленькой комедии нравовъ заключается въ томъ, что двое людей считаютъ должнымъ и потому нужнымъ то, что въ дѣйствительности дѣлаетъ ихъ глубоко несчастными. Во имя себялюбія они идутъ противъ себя, — и въ результатѣ получается страданіе подъ маской благоразумія и корректности. Морисъ и Бланшь гордятся своимъ практическимъ смысломъ; они долго любили другъ друга и продолжаютъ любить, но рѣшили, что имъ нужно разстаться, потому что и онъ, и она, не имѣютъ средствъ, а ихъ идеаль — безопасная и роскошная жизнь. Вначалѣ ихъ союза Морисъ, увлеченный страстью; предлагалъ своей подругѣ все-таки соединиться навсегда и уѣхать жить куда-нибудь въ колоніи, поселиться въ убогой хижинѣ; но благоразумная Бланшь спокойно отвѣтила, что нищета ее ужасаетъ — даже въ законномъ бракѣ, что она не желаетъ уѣзжать изъ Парижа и совершенно неспособна къ жизни колонистовъ, не имѣя никакой охоты работать. Между ними такимъ образомъ все ясно, но они не предвидѣли при всемъ своемъ благоразуміи, что долгіе годы любви ихъ внутренне свяжутъ, и что когда наступитъ необходимость разстаться, это будетъ тяжелѣе, чѣмъ они предполагали. Моментъ этотъ наступилъ; Морисъ наканунѣ женитьбы на молодой богатой дѣвушкѣ, — Бланшь сама затѣяла эту женитьбу, собираваясь въ свою очередь выйти замужъ за богатаго старика. Теоретически они вполне одобряютъ поведеніе другъ друга, и Морисъ зашелъ дружески проститься къ Бланшь. Они спокойно и трезво разговариваютъ о свадьбѣ Мориса, которая должна состояться на слѣдующій день; Бланшь съ участіемъ спрашиваетъ своего друга о невѣстѣ, дѣловито даетъ ему отчетъ объ исполненныхъ ею порученіяхъ — она заказывала по его просьбѣ цвѣты и подарки для невѣсты — въ кредитъ, въ виду безденежья Мориса; Морисъ въ восторгѣ отъ ея благоразумія, и находитъ, что разставаться такимъ образомъ — одно удовольствіе. Онъ шелъ къ Бланшь съ нѣкоторой тревогой, боялся упрековъ и сценъ, хотѣлъ уговорить ее не присутствовать на вѣнчаніи, боясь скандала въ церкви. Но Бланшь уничтожила всѣ его опасенія своей полной примиренностью съ долгомъ жизни, каковымъ оба они считаютъ практическій бракъ для cadaго изъ нихъ. Они спокойно говорятъ о подробностяхъ свадьбы, но въ каждомъ словѣ чувствуется внутренній надрывъ, протестъ души противъ рѣшенія благоразумія. Ихъ разговоръ обостряется ироническими колкостями, въ особенности когда въ отвѣтъ на разпросы Бланшь о невѣстѣ Морисъ начинаетъ освѣдомляться въ свою очередь о женихѣ. Бланшь хвалитъ его спокойствіе и выдержанность, и Морисъ восклицаетъ со злобой: „Вотъ почтенный человѣкъ! Онъ очевидно кончаетъ расчеты съ жизнью этимъ бракомъ; для меня женитьба тоже конецъ, какъ и

для васъ это замужество. Трое людей сразу покончатъ съ жизнью— да вѣдь это катастрофа! — „Везъ жертвъ“, — прибавляетъ Бланшъ. Но бесѣда все болѣе обостряется. Морисъ не можетъ скрыть своей ревности и, увлеченный чувствомъ обиды, говоритъ Бланшъ злыя, оскорбительныя слова. Бланшъ его сдерживаетъ, но въ немъ слишкомъ сильна любовь, и послѣ того, какъ они чуть-чуть не расходятся врагами, онъ вдругъ предлагаетъ ей бросить свою невѣсту, отказаться отъ мнимаго благополучія и вернуться навсегда къ своей любимой подругѣ. Она сдерживаетъ этотъ порывъ, но и въ ней душа преисполнена любви и нѣжности къ нему, и, отдавая ему его старыя письма, она прочитываетъ вслухъ самое нѣжное изъ его прежнихъ посланій; оба они чувствуютъ при этомъ, что все прошлое еще живо и что разлука для нихъ — вовсе не удовольствіе, а безысходное страданіе. Благо-разуміе все-таки беретъ вверхъ, — такова жизнь въ пониманіи автора; Бланшъ и Морисъ расстаются друзьями, съ тихой грустью, не переставъ любить другъ друга, и съ иронической насмѣшкой надъ самими собою, понявъ, что они приносятъ свою душу въ жертву кумиру, и не могутъ не принести этой жертвы, хотя она не дастъ имъ радости. Въ этомъ прощальномъ діалогѣ двухъ жертвъ истинно тиранической суетности очень тонко воссоздана психологія современныхъ французовъ, безысходно запутавшихся въ своей погонѣ за внѣшними культурными благами. Подобная интимная драма или комедія можетъ происходить только въ современномъ Парижѣ, гдѣ люди попираютъ права души не только тогда, когда они слѣпы къ нимъ, когда внѣшнія удобства, роскошь и блескъ кажутся имъ болѣе желанными, чѣмъ внутреннее душевное удовлетвореніе; даже когда глава у нихъ открыта, они добровольно отказываются отъ счастья во имя общаго кумира — богатства, свѣтскихъ успѣховъ.

На тѣхъ же контрастахъ, создаваемыхъ французской жизнью, гдѣ свобода души поработана преклоненіемъ предъ условными удобствами свѣтскихъ рамокъ, построена и вторая пьеса, „Le pain de menage“. Это тоже діалогъ между людьми, понимающими жизнь, между молодой женщиной и мужемъ ея пріятельницы. Они вдвоемъ въ загородномъ замкѣ; мужъ Марты и жена Пьера разошлись по своимъ комнатамъ, а Марта и Пьеръ заболтались поздно вечеромъ въ салонѣ и съ дружеской откровенностью говорятъ о своей семейной жизни. Оба они какъ будто счастливы въ бракѣ; но изъ ихъ разговоровъ постепенно выясняется грусть „супружескихъ будней“ — и полное безсиліе нарушить эти будни, — они удобны, а удобство важнѣе правъ души для этихъ рабовъ внѣшней культуры. Изъ бесѣды между Мартой и Пьеромъ видно, что они увлечены другъ другомъ и могли бы дать другъ другу ту радость, которая отсутствуетъ въ буржуазно-сучной обста-

новѣхъ ихъ жизни,—но у нихъ нѣтъ смѣлости ни на какой свободный поступокъ,—а такъ какъ они слишкомъ честны для мимолетной и тайной любовной интриги, то они утѣшаютъ себя ироническимъ восхваленіемъ каждый своего семейнаго благополучія. Ни мужъ Марты, ни жена Пьера не даютъ ни малѣйшаго повода къ возмущенію. „Моя семейная жизнь вовсе не адъ,—съ отчаяніемъ восклицаетъ Пьеръ,— и я не имѣю ни малѣйшаго основанія возмущаться противъ нея“; и Бланшъ тоже съ отчаяніемъ прибавляетъ: „они (т. е. ея мужъ и жена Пьера) не хотятъ заставить насъ возстать противъ нихъ“! А между тѣмъ семейная жизнь Пьера и Марты невыносима, потому что въ ней нѣтъ ни искры радости, потому что въ основѣ ея—скука, равнодушіе и сѣрость. Но такова жизнь, „такъ нужно“,—Пьеръ и Марта это сознаютъ и на зло другъ другу восхваляютъ почтенность и удобства буржуазнаго брака. Они расходятся, убѣдившись, что не помогутъ другъ другу сдѣлать жизнь радостной и свободной, и что каждый изъ нихъ будетъ по прежнему тянуть лямку сповойно-безотрадной жизни, хотя въ нихъ и проснулась сила, которая сдѣлала бы ихъ свободными и радостными. Они тоже бессильны, потому что поклоняются кумирамъ, и иронія надъ собой заставляетъ ихъ только болѣе сильно чувствовать уродство ихъ рабскаго существованія.

Лучшая изъ комедій Ренара—та, которая помѣщена въ сборникѣ третьей—„Poil de Carotte“ (Рыжикъ). Она имѣла продолжительный большой успѣхъ на сценѣ, и дѣйствительно очень мѣтко и сильно изображаетъ зло, таящееся въ нѣдрахъ буржуазныхъ семей. Въ центрѣ комедіи, тоже одноактной и написанной со свойственной Ренару пластичностью и выразительностью, стоитъ оригинальная фигура озлобленнаго, дикаго, исковерканнаго мальчика, пасынка въ своей собственной семьѣ. Его зовутъ Рыжикомъ (Poil de Carotte), потому что у него непокорно торчащіе рыжіе волосы; они не поддаются дѣйствию никакой помады и служатъ какъ бы эмблемой его своенравія, которое возстановляетъ противъ него его властную, держащую въ строгомъ повиновеніи весь домъ, мать. Рыжикъ играетъ роль Андерсеновскаго уродливаго утенка въ своей семьѣ. Въ то время какъ его сестра и братъ вполнѣ гармонируютъ съ матерью, раздѣляя ея культъ приличій и практическихъ соображеній, онъ возмущаетъ ее внутреннимъ протестомъ противъ всего, чтó она считаетъ нужнымъ и правымъ. Она видитъ въ немъ чуждаго ей по духу выродка, и дѣйствительно Рыжикъ—чужой въ этой семьѣ: у него любящее, нѣжное сердце, жаждущее теплоты и правды, а такъ какъ онъ видитъ вокругъ себя только черствость, злобу и ложь, то онъ озлобляется, научается лгать—только по отношенію къ матери. Глубоко страдая въ глубинѣ своего оскорбленнаго нѣжнаго сердца, онъ ведетъ себя такъ, что дѣйстви-

тельно заслуживаетъ преслѣдованія матери своими продѣлками и враньемъ. Задача автора—въ томъ, чтобы показать плоды буржуазнаго воспитанія и вліянія буржуазной среды на чистую дѣтскую душу. Чтобы яснѣе освѣтить свою идею, Ренаръ даже нѣсколько шаржируетъ характеры дѣйствующихъ лицъ, доводя до крайнихъ предѣловъ элементы буржуазности въ родителяхъ Рыжика, четѣ Лепиковъ. Мадамъ Лепикъ—чисто Мольеровская фигура въ своей величавой тупости и увѣренности. Она командуетъ всѣмъ домою, приучаетъ дѣтей къ лицемерію, думаетъ только о выгодѣ, жадна и зла, груба съ служанками, подчиняетъ всѣхъ своей тиранніи—въ томъ числѣ и слабохарактернаго мужа, презираетъ всѣхъ, считая правой во всемъ и добродѣтельной только себя,—и при этомъ она ханжа, ходитъ въ церковь на всѣ службы и проводитъ время въ бесѣдахъ съ мѣстнымъ священникомъ, выставляя на видъ свое благочестіе. Она возненавидѣла своего младшаго сына, Рыжика, за его полное несоотвѣтствіе всему складу ея души, и преслѣдуетъ его съ безпощадностью и холодностью ограниченнаго злого человѣка. Она вѣчно укоряетъ и наказываетъ его за лѣнь, ложь, неряшливость,—совершенно не стараясь понять душу мальчика, добраго, нѣжнаго и справедливаго по природѣ, но ожесточеннаго именно преслѣдованіями безсердечной матери. Отецъ Рыжика представляетъ собой другой элементъ буржуазности—глупость и безхарактерность. Онъ возмущенъ образомъ дѣйствій жены, ненавидитъ ее за ея злобу и тираннію, но покоряется всѣмъ ея рѣшеніямъ по безволю, по инертности. Онъ вѣритъ всѣмъ обвиненіямъ жены противъ Рыжика, потому что ему удобнѣе не доискиваться правды, чтобы не быть принужденнымъ къ активному вмѣшательству, къ открытому противодѣйствію женѣ, которое бы нарушило самое драгоценное для него благо жизни—покой. Во имя эгоистической жадности покоя онъ готовъ страдать отъ нравственнаго уродства жены, т. е. опять-таки изъ ложнаго себялюбія онъ становится врагомъ самому себѣ. Рыжикъ представленъ естественнымъ продуктомъ этой буржуазной среды, въ которой всѣ свѣтлыя инстинкты извращаются въ столкновеніяхъ съ вліяніями и властью обстановки. Рыжикъ больше всего жаждетъ любви—и видитъ только злобу вокругъ себя; онъ чувствуетъ также безсиліе добраго начала, вида, какъ беспомощенъ его отецъ, котораго онъ любитъ, никогда не рѣшаясь, однако, выказать ему своего участія и привязанности, чтобы не раздражать мать. Въ ней онъ чувствуетъ только сильнаго врага, съ которымъ нужно хитрить и выработать цѣлую систему притворства и лжи. „Моя цѣль,—объясняетъ онъ поступающей въ домъ новой служанкѣ,—избѣгать побоевъ и преслѣдованій матери“, и потому онъ не церемонится съ отцомъ и жетъ, слѣдуя приказаніямъ матери. Изъ

самолюбія онъ рассказываетъ служанкѣ о своей тяжелой домашней жизни, о взваливаемыхъ на него работахъ такъ, какъ будто онъ это все дѣлаетъ по доброй волѣ, какъ будто ему пріятно вставать съ зарей, какъ будто ему неохота завтракать съ другими, а хочется исполнять весь день порученія матери. Онъ перечисляетъ въ точности всѣ недостатки, которые ему приписываются, — и прибавляетъ, что явнымъ доказательствомъ его черстватаго сердца является то, что онъ первой встрѣчной, т. е. новой служанкѣ, явившейся въ отсутствіе его матери, изливаетъ все, что у него на душѣ. Служанка въ ужасѣ, чувствуя за притворно резонными словами мальчика его измученную душу, — и жалѣетъ его за то, что у него такой отецъ, равнодушный и слабый, — и такая мать. „Что же дѣлать, — иронически замѣчаетъ Рыжикъ, — не всѣмъ же быть сиротами!“ Наглядное доказательство тяжелой жизни Рыжика мы видимъ въ слѣдующей сценѣ, когда появляется мадамъ Лепиель и, подозрѣвая, что мальчикъ слишкомъ разоткровенничался со служанкой, наказываетъ его тѣмъ, что запрещаетъ ему идти на охоту съ отцомъ, какъ онъ этого хотѣлъ, и поручаетъ ему рядъ домашнихъ работъ. Отцу же, который звалъ его на охоту, Рыжикъ долженъ сказать, по требованію матери, что ему расхотѣлось идти съ нимъ. Мальчикъ повинуется, внутренно негодуя, — и отецъ его же упрекаетъ за капризы. Служанка, чувствуя жалость къ загнанному мальчику и понимая его психологію, отерываетъ правду отцу Рыжика, и тогда происходитъ сцена объясненія между отцомъ и сыномъ, въ которой сказывается истинная натура мальчика. Согрѣтый теплымъ отношеніемъ отца, Рыжикъ высказываетъ ему всю обиду, накипѣвшую въ его сердцѣ, всю свою жажду любви и всю свою ненависть къ матери; отецъ отвѣчаетъ ему такимъ же признаніемъ, какая въ своемъ долгомъ попустительствѣ. Въ союзѣ съ отцомъ мальчикъ чувствуетъ себя сильнѣе, и его природная доброта сказывается въ томъ, что онъ не можетъ сдержать чувства жалости къ матери, когда отецъ рѣзко выступаетъ наконецъ противъ нея, останавливаетъ ея преслѣдованія и насмѣхается надъ ея притворными слезами и жалобами. Рыжикъ отказывается отъ своего намѣренія уйти изъ дому; — если отецъ его любить, какъ онъ, наконецъ, въ этомъ убѣждается, то ему нечего бояться и нѣтъ надобности хитрить и лгать. Конечъ пьесы примирительный: — несчастія Рыжика кончаются, потому что жизнь его освѣтилась любовью отца, побѣдившаго свою безхарактерность; но впечатлѣніе комедіи остается все-таки грустнымъ, благодаря яркой обрисовкѣ страданій, скрытыхъ подъ житейской зрѣлостью озлобленнаго мальчика. Горечь Рыжика облечена въ блестящіе афоризмы, въ родѣ того, что семья — „насильственное соединеніе подъ одной кровлей нѣсколькихъ людей, которые терпѣть не могутъ другъ друга“

и т. п., характерные для обрисовки нравовъ французской буржуазіи. Ироническій тонъ Ренара достигаетъ въ этой пьесѣ наибольшей выразительности,—и въ ней авторъ выходитъ изъ своей роли наблюдателя, рисующаго тиранническую власть условностей и буржуазныхъ кумировъ. Въ „Poil de Carotte“ онъ указываетъ на исходъ изъ житейскаго хаоса, показываетъ на живительную силу любви, которая можетъ возстановить гармонию и радость даже въ такой жалкой жизни, какую ведутъ Рыжикъ и его отецъ.

Въ четвертой и послѣдней пьесѣ сборника, „Monsieur Vernet“, Ренаръ возвращается къ своей основной идеѣ, показывая, что радость жизни приносится въ жертву инертному благополучію установленнаго условнаго порядка вещей. Буржуазная чета Вернѣ рада знакомству и дружбѣ съ молодымъ поэтомъ; но когда онъ безразсудно влюбляется въ жену monsieur Вернѣ, и она смутно чувствуетъ, что ей опасенъ молодой, восторженный поклонникъ, то съ общаго согласія всѣхъ трехъ заинтересованныхъ лицъ (Вернѣ понимаетъ чувства поэта и говоритъ съ нимъ совершенно откровенно, безъ обиды и неприязни) поэтъ уѣзжаетъ, страдая самъ и доставивъ женѣ Вернѣ своимъ отъѣздомъ „une vraie peine“, какъ она сама говоритъ мужу. Но для всѣхъ троицъ принципы житейскаго, буржуазно-спокойнаго, хотя бы скучнаго и нестерпимаго благополучія святы, — и всѣ приносятъ себя въ жертву сознательно и безропотно, не ставя даже вопроса о свободѣ, счастьи, правахъ сердца и духа. Ироническій тонъ комедіи только подчеркиваетъ призрачность кумировъ, которымъ приносятся человѣческія жертвы; новаго отношенія къ нравственному долгу Ренаръ не устанавливаетъ,—всякая проповѣдь выходитъ за предѣлы „иронизма“. Однимъ изъ талантливыхъ представителей иронизма Ренаръ и является въ своихъ комедіяхъ—очень умныхъ, очень тонкихъ въ смыслѣ психологическаго анализа, художественныхъ по подробностямъ, но все-же не примыкающихъ къ искусству, которое ведетъ жизнь впередъ и заставляетъ людей передумывать и перерѣшать основные вопросы жизни и нравственности.

II.

Georg Freiherr von Ompteda. „Nerven“. Novellen. (Berlin, 1903, Egon Fleischl et Co.).

Георгъ фонъ-Эгерсдорфъ, или, вѣрнѣе, баронъ фонъ-Омптеда,—еще сравнительно молодой нѣмецкій беллетристъ, пользующійся большимъ успѣхомъ у средней читающей публики. Онъ пишетъ чрезвычайно много, и списокъ изданныхъ имъ до сихъ поръ боль-

ших романовъ, повѣстей и маленькихъ разсказовъ—весьма внушительный. Произведенія его, однако, въ строго-литературномъ смыслѣ не оправдываютъ его большого успѣха въ Германіи. Они стоятъ на рубежѣ между литературой, въ истинномъ значеніи этого слова, и просто занимательнымъ чтеніемъ. У Омштеды есть большая наблюдательность, стремленіе и умѣнье реально описывать бытъ той среды, которую онъ преимущественно изучаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его главная цѣль—занятность разсказовъ: поэтому онъ почти всегда предпочитаетъ эффектность положеній, драматичность или пикантность развязки и, главнымъ образомъ, трогательность поступковъ и примирительныхъ разрѣшеній жизненныхъ драмъ—внутренней, психологической правды. Обладая несомнѣннымъ реалистическимъ талантомъ, онъ какъ бы намѣренно портитъ свои произведенія сентиментальностью, столь дорогою нѣмецкому вкусу. Для эффектности повѣствованія онъ часто безпопаденъ въ своимъ героямъ, заставляя ихъ умирать отъ обиды, отъ оскорбленнаго самолюбія или вообще отъ слишкомъ идеальнаго склада души, не миряцегося съ компромиссами жизни, причемъ этотъ исходъ вовсе не является внутренней необходимостью, а явно присочиненъ для бѣльшого эффекта. Маленькій кадетъ бросается изъ окна и убивается на смерть только потому, что его ударилъ его непосредственный начальникъ, чего не выносить его аристократическая польская кровь. Это очень эффектно, но мальчикъ изображенъ въ разсказѣ такимъ вялымъ, лѣнливымъ и во всѣхъ отношеніяхъ ничтожнымъ, что героическая развязка является совершенно неожиданною. Точно также въ другомъ разсказѣ молодая дѣвушка внезапно заболѣваетъ и умираетъ только потому, что она слишкомъ идеальна для жизни. Съ другой стороны, въ произведеніяхъ Омштеды гармонично разрѣшаются такіа жизненные драмы, которыя въ дѣйствительности не могли бы благополучно окончиться. Таковъ, напр., романъ „Der Zeremoniemeister“, построенный на душевной драмѣ стараго военнаго, который влюбляется, вопреки разсудку, въ молодую дѣвушку. Эта тема не разъ затрогивалась въ литературѣ, и наиболѣе ярко разработана въ романѣ Мопассана „Plus fort que la mort“, очень пессимистическомъ и трагичномъ. Въ „Zeremoniemeister“ Омштеды, напротивъ того, торжествуетъ добродѣтель, и все заканчивается полнымъ благополучіемъ, несмотря на трагизмъ чувствъ и положеній. Герой романа въ-время сознаетъ свое безуміе, узнавъ отъ любимой дѣвушки тайну ея, какъ ей кажется, не раздѣленной любви къ молодому ученому, и самоотверженно устраиваетъ ея счастье, устраняетъ недоразумѣнія, раздѣлявшія любящихъ, и счастливъ, получивъ на прощанье отъ молодой дѣвушки портретъ съ надписью, въ которой она называетъ его своимъ вторымъ отцомъ. Вся острота душев-

ной драмы пропадаетъ въ этой сентиментальной развязкѣ. И въ другихъ романахъ и повѣстяхъ Омштеда избѣгаетъ безотрадныхъ исходовъ въ изображеніи душевныхъ переживаній. Въ одномъ изъ его лучшихъ романовъ, „Себастьянъ Гейеръ“, герой, претерпѣвшій душевныя муки изъ любви къ безсердечной кокеткѣ, испѣляется любовью къ добродѣтельной и скромной дѣвушкѣ, беззавѣтно ему преданной. Во множествѣ другихъ повѣстей и рассказовъ Омштеда тоже эффектно и трогательно примиряетъ людей, поставленныхъ обстоятельствами въ необходимость чувствовать вражду другъ къ другу, или же изображаетъ спасеніе добродѣтельныхъ, хотя бы и временно заблуждавшихся героевъ изъ сѣтей житейскихъ соблазновъ (какъ, напр., въ романѣ „Трутни“, гдѣ изображена берлинская золотая молодежь). Всѣ душевные кризисы Омштеда разрѣшаетъ въ добродѣтельно сентиментальномъ тонѣ, чѣмъ главнымъ образомъ и объясняется его успѣхъ у публики. Трогательное разрѣшеніе душевныхъ драмъ, хотя бы и идущее въ разрѣзъ съ правдой жизни, всегда привлекаетъ симпатіи средней читающей публики, неизлечимо романтической, готовой умиляться торжествомъ добродѣтели,—хотя бы и выдуманнымъ.

Трагическій элементъ, однако, тоже присущъ произведеніямъ Омштеды, но и въ этомъ отношеніи Омштеда предпочитаетъ эффектность правдѣ. Трагизмъ воплощается для него главнымъ образомъ въ смерти, которая рѣзко и неожиданно обрываетъ всѣ начинанія людей. Такъ, напр., въ „Себастьянѣ Гейерѣ“, когда молодой офицеръ пережилъ тяжелое отрочество, преодолѣлъ разочарованія первой неудачной любви, когда кончились лишенія, омрачавшія начало его военной карьеры, когда онъ счастливъ любовью избранной имъ добродѣтельной и любящей подруги жизни, тогда болѣзнь, которою онъ страдалъ съ дѣтства, принимаетъ угрожающіе размѣры, и онъ умираетъ на порогѣ къ счастью. На тему о смерти Омштеда написалъ цѣлый сборникъ рассказовъ, подъ заглавіемъ „Vom Tode“, гдѣ мысли о смерти и ожиданіе ея воплощены въ разныхъ кошмарныхъ образахъ. И во всѣхъ другихъ произведеніяхъ Омштеды трагизмъ связанъ только съ внѣшними катастрофами, омрачающими судьбу человѣка, т.-е. со смертью, болѣзнями, физическими недостатками; такъ онъ оплакиваетъ въ прочувствованныхъ рассказахъ судьбу ослѣпшаго музыканта, который сталъ жалкимъ таперомъ, судьбу нѣмой дѣвочки-танцовщицы и т. д. Всякую же душевную драму, исходъ которой можетъ зависѣть отъ человѣческой воли, онъ всегда разрѣшаетъ оптимистически, торжествомъ добраго начала, хотя бы и насилуя этимъ психологическую и жизненную правду.

Основной недостатокъ Омштеды, такимъ образомъ,—сентиментальный

романтизмъ фабулы всѣхъ его произведеній. Но этотъ недостатокъ въ значительной степени искупается положительными сторонами его творчества — реализмомъ его описаній и его повѣствовательнымъ дарованіемъ. Его романы несомнѣнно интересны живымъ и правдивымъ изображеніемъ нѣмецкаго общества — преимущественно военнаго. Омштеда по рожденію, по воспитанію и службѣ принадлежитъ къ военному кругу, хорошо знаетъ бытъ военныхъ школъ, условия, въ которыхъ вырастаютъ офицеры нѣмецкой арміи, а также полковую жизнь со всѣми ея отрицательными сторонами, знаетъ, какими идеалами и цѣлями живетъ военная молодежь, и наблюдалъ много интересныхъ типовъ среди военной аристократіи. Самъ же онъ вышелъ изъ военной службы, когда окончательно посвятилъ себя литературному творчеству. Своимъ знаніемъ военной среды онъ очень умѣло воспользовался въ романахъ и повѣстяхъ, и чуждъ всякой тенденціозности въ изображеніи жизни военныхъ. Принципіально онъ не врагъ милитаризма, и самъ проникнутъ строгимъ пониманіемъ военнаго долга и военной чести; но въ своихъ романахъ онъ главнымъ образомъ останавливается на грустныхъ сторонахъ военнаго быта, и потому его произведенія имѣютъ въ значительной степени обличительный характеръ. Въ „Себастьянѣ Гейерѣ“ онъ въ очень мрачныхъ краскахъ описываетъ систему воспитанія въ военныхъ училищахъ, а также пустоту жизни нѣмецкихъ офицеровъ. Онъ останавливается, между прочимъ, и на тяжелой судьбѣ офицеровъ, принадлежащихъ въ бѣднымъ дворянскимъ семьямъ и живущихъ почти въ нищетѣ на свое скудное содержаніе, и съ большой горечью описываетъ ихъ лишенія. Печальная бытовая сторона офицерской жизни, также какъ безсодержательность свѣтскаго образа жизни богатаго офицерства, изображены Омштедой очень реально и производятъ тяжелое впечатлѣніе. Описаніе военнаго быта и изображеніе отдѣльныхъ типовъ и характеровъ, характеризующихъ духъ военной среды, — наиболѣе интересная сторона въ произведеніяхъ Омштеды. Когда же онъ, въ особенности въ своихъ маленькихъ повѣстяхъ, задается психологическими задачами, онъ слишкомъ явно подражаетъ своему любимому писателю, Мопассану (Омштеда извѣстенъ какъ лучший переводчикъ Мопассана и издалъ на нѣмецкомъ языкѣ почти всѣ его романы и повѣсти), какъ, напр., въ разсказѣ „Пансіонъ“, совершенно скопированъ съ Мопассановской повѣсти „La Maison Tellier“, и въ другихъ разсказахъ въ книгѣ „Weibliche Menschen“. А тамъ, гдѣ онъ не подражаетъ Мопассану, онъ впадаетъ, какъ мы уже замѣтили выше, въ чисто нѣмецкую сентиментальность и приноситъ въ жертву внутреннюю правду внѣшнимъ эффектамъ.

Новый сборникъ разсказовъ Омштеды, „Нервы“, названный такъ

по заглавію перваго разсказа, состоитъ изъ нѣсколькихъ повѣстей, въ которыхъ сказываются всѣ достоинства и недостатки автора. Лучшій изъ разсказовъ—первый, въ которомъ Омштеда пользуется своими наблюденіями изъ военной жизни. Въ центрѣ разсказа—вопросъ о храбрости, въ основѣ которой иногда лежитъ вовсе не природное безстрашіе, а напротивъ того, страшное усиліе воли, побѣждающее инстинктивный страхъ. Герой разсказа—крайне нервный субъектъ; его несчастіе—въ томъ, что малѣйшая опасность вызываетъ въ немъ непобѣдимый ужасъ, и именно потому, что ему каждый разъ приходится мучительно бороться съ собой, онъ способенъ вести себя героемъ въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Онъ страдаетъ, считая себя въ душѣ трусомъ, и не выдаетъ никому тайны своего душевнаго состоянія, кромѣ своего друга, отъ имени котораго ведется разсказъ. Въ полку его считаютъ храбрецомъ, и его другъ присутствуетъ при томъ, какъ онъ на глазахъ полкового командира садится на необъѣзженную лошадь и приучаетъ ее брать препятствія, при чемъ она нѣсколько разъ сбрасываетъ его и только благодаря его выдержкѣ подчиняется въ концѣ концовъ его волѣ. Командиръ и всѣ присутствующіе восторгаются храбростью молодого офицера, и только его другъ догадывается по страшной блѣдности его лица, какой душевной борьбы ему стоитъ эта храбрость. За общимъ обѣдомъ, когда всѣ прославляютъ храбраго офицера, командиръ излагаетъ свою теорію храбрости; мужество заключается, по его мнѣнію, не въ томъ, чтобы не чувствовать волненія—это дѣло нервовъ,—а въ томъ, чтобы побѣждать свои нервы. Въ доказательство онъ приводитъ эпизодъ изъ войны 1870-го года, когда отрядъ кирасиръ и отрядъ драгунъ сражались съ французами и только потому не отступали и вели себя геройски, что не хотѣли уступить другъ другу въ храбрости; кирасиры поразились храбростью драгунъ и не хотѣли осрамиться передъ ними, между тѣмъ какъ потомъ оказалось, что драгуны держались только потому, что не хотѣли отступать, видя настойчивость кирасиръ. Этотъ разсказъ внутренно утѣшаетъ мнимо безстрашнаго офицера, и въ дальнѣйшемъ его поведеніи борьба противъ нервнаго страха дѣлаетъ его способнымъ на геройское поведеніе во время опасности. Несчастное стеченіе обстоятельствъ заставляетъ его принять вызовъ какого-то сумасброднаго серба; онъ признаетъ безмысліе этой дуэли, но избѣжать ея не можетъ, и, внутренно увѣренный въ своей гибели, переживая ужасъ, свидѣтелемъ котораго является только его другъ, является на мѣсто поединка съ невозмутимо безстрашнымъ видомъ—и падаетъ отъ выстрѣла противника. Онъ выдерживаетъ до конца роль храбреца, и никто не знаетъ, какъ онъ страдалъ всю жизнь отъ страха. Такая психологія храбрости несомнѣнно соотвѣтствуетъ во многихъ слу-

чаяхъ дѣйствительности, и въ разсказѣ Омштеды она изображена очень реально и тонко.

Кромѣ еще нѣсколькихъ другихъ разсказовъ изъ военнаго быта, въ сборникѣ „Nerven“ есть двѣ чисто психологическія повѣсти, въ которыхъ чувствуется вліяніе Мопассана. Въ нихъ говорится о жи, которая часто скрыта въ семейныхъ отношеніяхъ, но, въ противоположность Мопассану, Омштеда непослѣдователенъ въ своемъ пессимизмѣ и заканчиваетъ обѣ повѣсти идилліями. Въ „Лили“ говорится о патриархальной семьѣ стараго военнаго, который рано овдовѣлъ и живетъ скромной, тихой жизнью со своей дочерью. Когда же послѣдняя выходитъ замужъ, то, къ великому изумленію ея и ея мужа, старикъ-отецъ женится вторично еще на сравнительно молодой женщинѣ, и у него рождается дочь. Отношенія между падчерицей и мачихой сначала холодныя, но потомъ Илона привязывается къ женѣ своего отца, Агатѣ, полюбивъ ее за ея кроткій, нѣсколько печальный нравъ и радуясь, что отецъ ея не одинокъ. Маленькая дочь старика, Лили, вырастаетъ странной, поражающей своей красотой дѣвочкой. У Илоны трое сыновей; она поглощена заботами о нихъ и о мужѣ, и обѣ семьи, отца и дочери, живутъ дружно и согласно. Старикъ очень бодръ для своихъ лѣтъ и пользуется несокрушимымъ здоровьемъ; онъ переживаетъ своего зятя, который внезапно умираетъ отъ удара, и въ своемъ старческомъ эгоизмѣ относится къ несчастію дочери болѣе холодно, чѣмъ ея мачиха. Потомъ вдругъ совершается какой-то переворотъ въ жизни старика. По непонятной для его дочери причинѣ онъ становится рѣзкимъ и грубымъ съ женой и начинаетъ ненавидѣть маленькую Лили; — Илона это приписываетъ его старости и пошатнувшемуся наконецъ здоровью, и съ участіемъ относится къ Агатѣ, которая безропотно сноситъ преслѣдованія старика-мужа и терпѣливо ухаживаетъ за нимъ. Проходитъ цѣлый годъ истиннаго мученичества для матери Лили, и въ концѣ года старикъ умираетъ; передъ смертью онъ зоветъ къ себѣ старшую дочь, хочетъ ей что-то сказать, но уже не можетъ. Послѣ смерти отца, Илона начинаетъ чувствовать какое-то смутное недоброжелательство къ мачихѣ и къ Лили съ ея загадочной красотой и дикимъ нравомъ, не напоминающимъ никого изъ ихъ семьи. Отношенія падчерицы и мачихи становятся натянутыми, пока, наконецъ, мать Лили не открываетъ правду Илонѣ. Оказывается, что Лили — не дочь отца Илоны, что Агата вышла замужъ за старика только для того, чтобы обезпечить судьбу ребенка, котораго она ожидала, такъ какъ ея возлюбленный покинулъ ее, и старикъ узналъ объ этомъ уже гораздо позже, тогда, когда такъ круто измѣнились его отношенія къ женѣ. Илона — въ ужасѣ; ей кажется, что она никогда не проститъ женщинѣ, обманувшей отца; но для трогательной раз-

вязки авторъ внушаетъ ей мягкія чувства; между двумя женщинами происходитъ трогательное объясненіе; Илона рѣшаетъ, что Агата достаточно искупила свою вину тяжелыми страданіями, и что во всякомъ случаѣ Лили неповинна; она поселяется вмѣстѣ съ мачихой, и рассказъ заканчивается идилліей семейнаго согласія. Тема рассказа— Мопассановская, но Мопассанъ никогда бы не ввелъ въ него ни признанія Агаты, ни примиренія между мачихой и падчерицей; и то, и другое совершенно не вызвано жизненною необходимостью и противорѣчить пессимистическому замыслу рассказа, смыслъ котораго—въ томъ, что буржуазно-добродѣтельныя семьи таятъ въ себѣ ложь и притворство.

Другая повѣсть, „Frieden“, основана на такой же семейной драмѣ. Рассказъ ведется отъ имени юноши, который страдаетъ отъ тяжелой атмосферы въ родной семьѣ. Отецъ его очень общителенъ и добръ, домъ ихъ вѣчно полонъ гостей, дѣтямъ хорошо живется, но мать его, вѣчно занятая заботами о домѣ и дѣтяхъ, страшно молчалива и вѣчно печальна. Отецъ заботливо относится къ ней, но никогда съ ней не разговариваетъ. Между ними чувствуется какая-то тайна, которую сынъ не можетъ разгадать. Проходятъ годы; старшіе братья рассказчика уходятъ изъ дому,—одинъ офицеръ, другой живетъ въ Англии, готовясь къ коммерческой дѣятельности,—и въ домѣ появляется новое лицо—молодая дѣвушка-сиротка, которую отецъ вводитъ какъ новую сестру своихъ сыновей. Ее зовутъ Фридой, но всѣ ее зовутъ Frieden—миръ, какъ бы надѣясь, что она внесетъ миръ и свѣтъ въ мрачную атмосферу дома. Проходятъ годы; подростивъ юноша влюбляется въ свою нареченную сестру; она его тоже любитъ, и онъ объявляетъ родителямъ о намѣреніи жениться на ней. Тогда онъ узнаетъ тайну, омрачившую супружескую жизнь его родителей: Фрида—не приемышъ, а его сестра, дочь его матери, измѣнившей мужу, когда онъ покинулъ ее на годъ, уѣхавъ въ Испанію, куда его влекла его постоянная страсть къ путешествіямъ. Она много выстрадала изъ-за своего грѣха, и не скрыла его отъ мужа. Они не разстались, чтобы не портить жизнь дѣтей, и онъ даже въ своемъ великодушіи принялъ дочь своей жены въ домъ,—но они стали чужими, и его великодушіе еще болѣе увеличило страданія матери Фриды. Теперь настала величайшая кара для несчастной женщины, которая видитъ, какъ ея сынъ долженъ страдать по ея винѣ. Онъ, конечно, долженъ отказаться отъ Фриды и, не желая посвятить ее въ тайну ея рожденія, объясняетъ ей, что ошибся въ своихъ чувствахъ. Фрида не выноситъ этого удара и кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Ея смерть, при всемъ своемъ трагизмѣ, разрѣшаетъ долготѣнній душевный кризисъ въ отношеніяхъ ея матери и мужа. Надъ трупомъ невинной виновницы ихъ отчужденія они примиряются, и въ семьѣ восстанавливаются близкія

отношенія. Прошлое забыто, и снова наступает идиллія. Повѣсть написана очень драматично и интересно, со свойственнымъ Омштедѣ повѣствовательнымъ талантомъ, но опять-таки съ его роковымъ тяготѣніемъ къ примирительнымъ исходамъ душевныхъ драмъ. Тутъ этотъ исходъ особенно насильственъ, такъ какъ онъ достигается смертью невинной жертвы.

Въ остальныхъ разсказахъ сборника проявляется та же смѣсь реализма въ бытописаніяхъ съ сентиментальностью фабулы, и они подтверждаютъ общее впечатлѣніе отъ творчества Омштеды. Его произведенія цѣнны съ документальной стороны, такъ какъ рисуютъ правдиво и обстоятельно жизнь нѣмецкаго общества, въ особенности военной среды, но художественная и психологическая правда слишкомъ подчинена занимательности и трогательности повѣствованій.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1904.

Общественныя настроенія во время двухъ послѣднихъ войнъ и въ началѣ войны съ Японіей.—Печальныя диссонансы и легкомысленное обращеніе съ исторіей.—„Прогрессивная“ дѣятельность земства. — Соперничество между школами.—Н. К. Михайловскій, Б. Н. Чичеринъ, П. С. Ванновскій †.—Postscriptum.

Въ памяти тѣхъ изъ насъ, кто живетъ сознательною жизнью болѣе полувѣка, наступившее военное время возстановляетъ картины общественныхъ настроеній, сложившихся подъ вліяніемъ двухъ послѣднихъ восточныхъ войнъ. Необходимая примѣсь личныхъ чувствъ и убѣжденій, вмѣстѣ съ столь же необходимыми ошибками памяти, дѣлаетъ эти картины не сходными между собою. Одни, переносясь на пятьдесятъ лѣтъ назадъ, видятъ въ этомъ далекомъ прошломъ только рѣшимость мужества, спокойно ожидающаго событій—и противопоставляютъ ее быстрой смѣнѣ самоувѣренности и самоуничиженія, ознаменовавшей собою, будто бы, 1877-ой годъ ¹⁾. Другимъ—и къ ихъ числу принадлежимъ и мы—взаимное отношеніе обѣихъ эпохъ представляется въ иномъ свѣтѣ. Избыткомъ самоувѣренности—совершенно инстинктивной, такъ какъ никому не было извѣстно дѣйствительное состояніе нашихъ боевыхъ силъ,—русское общество, въ своемъ громадномъ большинствѣ, отличалось именно въ 1853 и 1854 гг., до начала и въ началѣ военныхъ дѣйствій. Маленькимъ, но характернымъ образцомъ широко распространеннаго взгляда можетъ служить такой фактъ: на переходномъ экзаменѣ въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній темой для сочиненія была предложена тогда параллель между годами 1453-мъ и 1853-мъ. Въ какомъ смыслѣ эта параллель должна была быть (и дѣйствительно была) проведена—угадать нетрудно: молодежи прямо подсказывалось пророчество, которое около того же времени, въ звучныхъ стихахъ, провозглашалъ Хомяковъ. Мало повліяли, въ отрезвляющемъ смыслѣ, первыя неудачи на Дунаѣ, тѣмъ болѣе, что онѣ уравновѣшивались, отчасти, синопскимъ боемъ и побѣдами на Кавказѣ. Не поколебала слѣпой вѣры въ успѣхъ и вѣсть о разрывѣ съ западными державами; ея непосредственнымъ результатомъ былъ пышный расцвѣтъ такъ называемой патріотической поэзіи, достигшей своего кульминаціоннаго пункта въ знаменитомъ

¹⁾ См., напримѣръ, „Дневники“ въ № 11 „Гражданина“.

стихотвореніи: „Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ“... Перемена, и очень замѣтная, началась только послѣ сраженій при Альмѣ и въ особенности при Инкерманѣ. Впечатлѣніе, произведенное ими, имѣло много общаго съ тѣмъ, которое остается послѣ внезапнаго паденія съ высоты: это было нѣчто оглушающее, ошеломляющее, заставляющее сомнѣваться въ реальности переживаемыхъ душевнѣй. Геройская защита Севастополя возбуждала восторженное удивленіе, но подъемъ духа не наступалъ до самаго конца войны. Лучомъ свѣта служила надежда на лучшее будущее—но опредѣленной и твердой она была лишь у немногихъ, понимавшихъ все значеніе урока, даннаго войною. Активной роли въ облегченіи бѣдствій, вызванныхъ войною, общество, привыкшее молчать и повиноваться, не играло; пожертвованій было немного, отчасти, можетъ быть, и потому, что самому зажиточному, т.-е. помѣщичьему классу населенія болѣе чѣмъ достаточнымъ вкладомъ въ государственную сокровищницу казались усиленные наборы рекрутъ и ратниковъ ополченія. Щипанье корпіи являлось скорѣе салоннымъ развлеченіемъ, чѣмъ серьезною помощью. Случаевъ отъѣзда на театръ войны для личнаго ухода за больными и ранеными было очень мало; эта форма общественаго служенія только-что начинала входить тогда въ жизнь.

Прошло болѣе двадцати лѣтъ—и соотвѣтственно переменамъ, происшедшимъ въ русскомъ обществѣ подѣ влияніемъ эпохи великихъ реформъ, измѣнилось и отношеніе его къ войнѣ и всему связанному съ войною. Въ причинахъ, вызвавшихъ въ 1853 г. разрывъ съ Турціей, а вслѣдъ затѣмъ—съ Франціей и Англійей, почти никто не давалъ себѣ яснаго отчета; война казалась чѣмъ-то стихійнымъ, неотвратимымъ—или, наоборотъ, чѣмъ-то зависящимъ исключительно отъ личной воли. Въ 1877 г. одна часть русскаго общества усилленно стремилась къ войнѣ, сочувствуя ея мотивамъ и ея цѣлямъ; другая часть находила ее нежелательной и ненужной. Уже по этому одному самоувѣренность не была и не могла быть всеобщей. Трудности задачи были понятны даже для тѣхъ, кто способствовалъ постановкѣ ея на очередь. Не обошлось, конечно, безъ иллюзій и самообольщеній; но широкому ихъ распространенію помѣшало быстрое—особенно на азиатскомъ театрѣ войны—прекращеніе первоначальныхъ успѣховъ. Какъ ни тяжело было настроеніе общества въ періодъ неудачъ, продолжавшійся съ начала іюля до начала октября, до самоуничиженія оно не доходило; слишкомъ велика для этого была надежда на устойчивость нашихъ войскъ, не поколебавшуюся и въ самые критическіе моменты. Не останавливался и приливъ пожертвованій, личныхъ и матеріальныхъ, начавшійся одновременно съ войною. Неува-

даемою славой покрыли себя, вмѣстѣ съ своими старшими товарищами, наши молодые женщины-врачи; неисчислимы были подвиги самоотверженія среди сестеръ милосердія. Несмотря на всѣ ошибки, обусловленные отчасти недостаткомъ опыта, отчасти отсутствіемъ общаго плана, общественная помощь, въ ея разнообразныхъ формахъ, значительно облегчила страданія больныхъ и раненныхъ. Больше прежняго было сдѣлано для жертвъ войны и по окончаніи военныхъ дѣйствій.

То, что совершается въ настоящую минуту, напоминаетъ намъ гораздо больше послѣднюю турецкую кампанію, чѣмъ войну 1853—56 гг. Въ одномъ отношеніи мы видимъ даже шагъ впередъ: ни въ обществѣ, ни въ печати не было замѣтно, до начала военныхъ дѣйствій, того воинственнаго теченія, которое такъ громко заявляло о себѣ въ 1876—77 г. Война не провозглашалась желаннымъ благомъ; не замалчивались и не умалчались связанные съ нею опасности и затрудненія. До извѣстной степени свободно—насколько у насъ можетъ быть рѣчь о свободѣ—высказывались различныя сужденія о необходимости и цѣлесообразности разрыва. Когда война была объявлена, готовность общества принять участіе въ ея тягостяхъ сразу проявилась въ широкихъ размѣрахъ. Врачи, сестры и братья милосердія, санитары сотнями стремятся на театръ военныхъ дѣйствій, отдаленный и нелегко достижимый; охотно идутъ туда и всѣ тѣ, кто можетъ быть тамъ полезенъ—инженеры, механики, ремесленники, фабричные рабочіе. Пожертвованія частныхъ лицъ и общественныхъ учреждений уже теперь выражаются въ весьма крупныхъ цифрахъ. Можно надѣяться, что не пройдутъ даромъ указанія прошлой войны, участники которой—напр. профессора Павловъ и Вельяминовъ—призываются къ совѣту обществомъ Краснаго Креста. Къ исполнительной комиссіи, образованной при этомъ обществѣ, присоединяются контрольные комитеты, съ участіемъ представителей отъ общественныхъ учреждений. Сосредоточеніе частной помощи на театрѣ военныхъ дѣйствій въ рукахъ представителей Краснаго Креста предрѣшено положеніемъ о полевомъ управленіи войскъ, изданнымъ въ 1890 г.; но это еще не значитъ, чтобы частной инициативѣ предоставлена была одна заготовка вещей и матеріаловъ, передаваемыхъ затѣмъ въ распоряженіе Краснаго Креста. Необходимо только *соглашеніе* съ послѣднимъ, не исключющее самостоятельности дѣйствій. Нельзя, напримѣръ, открыть госпиталь въ такомъ пунктѣ, гдѣ онъ признается неудобнымъ или ненужнымъ—но можно организовать его по-своему и поручить завѣдываніе имъ своимъ ставленникамъ. Нельзя направить снаряженный на частныя средства санитарный поѣздъ въ любое мѣсто на театрѣ военныхъ дѣйствій—

но можно сохранить за собою управленіе имъ тамъ, гдѣ въ немъ окажется надобность, Профессоръ Вельяминовъ, основываясь на собственномъ опытѣ, предостерегаетъ противъ конкуренціи частной помощи съ военной администраціей—конкуренціи, послѣдствіемъ которой являлась бы съ одной стороны роскошь, съ другой—нужда. Намъ кажется, что столь же нежелательной была бы и противоположная крайность—стремленіе все уравнять, все привести къ одному знаменателю. Если военная администрація можетъ дать солдатамъ и матросамъ только безусловно необходимое, то это еще не причина приурочивать къ тому же шаблону и частную помощь. Безспорно, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы нигдѣ не было *нужды*; но если въ какомъ-нибудь частномъ лазаретѣ больнымъ и раненымъ будетъ предоставлено нѣчто похожее на *комфортъ* (конечно, чуждый *роскоши*), то никакой бѣды въ этомъ, думается намъ, не будетъ, какъ не было бѣды въ томъ, что въ голодные годы частныя столовыя кормили населеніе не однимъ хлѣбомъ. Добровольная помощь исключаетъ безусловное единообразіе; водворить его можно только путемъ приказаній, несовмѣстныхъ съ свободною дѣятельностью.

Чѣмъ слержаннѣе, въ общемъ, тонъ, господствующій въ отзывахъ о войнѣ, тѣмъ больше рѣжутъ ухо отдѣльныя фальшивыя ноты. Гдѣ именно онѣ раздаются—это угадать нетрудно: давно отжившимъ языкомъ свойственно говорить приверженцамъ давно отжившихъ порядковъ. Вотъ, въ видѣ образца, небольшая коллекція перловъ, заимствуемыхъ нами изъ „Гражданина“ и „Московскихъ Вѣдомостей“.

„Что такое Японія, какъ государственная единица? 500 тысячъ цивилизованныхъ людей на 39 милліоновъ 500 тысячъ обезьянъ“...

„Японцы—какіе-то выродки монгольской расы, крошечные человечки съ атрофированными ногами, язычники, куращіе подъ носъ своимъ идоламъ всякую дрянь, вчерашніе дикари, еще не освоившіеся со штанами“...

„Японія—ничтожна, варваръ и невѣжда. Пусть она узнаетъ и почувствуетъ, на что она подняла свою нечистоплотную руку и къ чему намѣревается прикинуть свою распущенную совѣсть“...

Въ № 13 „Гражданина“ значительная часть „Дневника“ наполнена по истинѣ чудовищными выходками противъ державы, состоящей въ мирѣ съ Россіей—противъ Англии, къ которой, будто бы, *всѣ* русскіе „проникнуты ненавистью и жаждой мщевія“¹⁾. Еще чудовищнѣе слѣдующія измышленія г. Меньшикова („Новое Время“, № 10039): „Нынѣшняя война есть чуть не прямое слѣдствіе еврейской агитаціи

¹⁾ Прекрасный отвѣтъ кн. Мещерскому данъ Ю. Н. Милютинымъ въ № 44 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

въ тѣхъ странахъ, гдѣ печать и биржа въ рукахъ евреевъ. Кишиневскій погромъ, высылка Грагама (корреспондента „Times“), непринятіе американской ноты о евреяхъ—все это раздражило до крайности и внутреннее наше, и внѣшнее еврейство. Въ то время, какъ внутреннее плететь политическую смуту, внѣшнее плело войну, и въ петлю послѣдней мы уже попались. Азіаты по крови, уроженцы ближняго Востока, евреи первый ударъ наносятъ изъ Азіи же, съ Востока дальняго“. Какъ ни несостоятельно объясненіе, которое здѣсь дается войнѣ, на практикѣ его результаты слишкомъ легко могутъ превзойти вѣроятныя намѣренія автора. Самая простая осторожность требовала бы воздержанія отъ игры съ огнемъ, всегда готовымъ разгорѣться въ большое пламя.

Сравнительно безвредны, но не болѣе сильны общія разсужденія того же автора о войнѣ, которую ему во что бы то ни стало хочется признать „благодѣтельнымъ бѣдствіемъ“. До сихъ поръ думали обыкновенно, что война, сколько-нибудь кровопролитная и продолжительная, влечетъ за собой застой промышленности и торговли, для которыхъ закрывается часть путей сбыта,—упадокъ земледѣлія, которому не хватаетъ рукъ,—остановку законодательной дѣятельности, отъ которой правительство отвлечено внѣшними дѣлами,—оскудѣніе умственной жизни, не встрѣчающей обычнаго вниманія. Г-нъ Меньшиковъ—а *changé tout cela*. „Если вы пахарь“ — восклицаетъ онъ въ „Письмѣ къ ближнимъ“, — „то война требуетъ, чтобы вы пахали землю не какъ-нибудь, а возможно лучше, ибо хлѣбъ сила страны. Если вы промышленникъ, купецъ, священникъ, чиновникъ, писатель — война требуетъ, чтобы и промыслы, и торговля, и религіозная жизнь, и управленіе, и мысль страны были повышены“... Для г. Меньшикова не подлежитъ сомнѣнію, что „есть войны, возрождающія жизнь; ибо чѣмъ, какъ не возбужденіемъ войны, объяснить вѣкъ Перикла, Александрійскій періодъ, расцвѣтъ римской культуры, эпоху Возрожденія, арабскую культуру, вѣкъ Людовика XIV, Пушкинскую эпоху? Пока страна воюетъ (примѣръ — Испанія, Франція, Англія), она цвѣтетъ; наступаетъ долгій миръ—и тѣ же страны клонятся къ упадку“. Болѣе неудачной мотивировки невѣрнаго мнѣнія нельзя себѣ и представить. Расцвѣту Аѳинъ при Периклѣ предшествовало, правда, крайнее напряженіе силъ, вызванное борьбою за существованіе; но само по себѣ начало второй половины V-го вѣка было почти всецѣло эпохой мира, съ окончаніемъ которой окончилось и счастье аѳинянъ. Александрійскій періодъ, съ его чисто формальнымъ творчествомъ, временемъ подъема духа считать отнюдь нельзя. Еслибы расцвѣтъ римской культуры зависѣлъ отъ войны, онъ начался бы гораздо раньше I-го вѣка до

Р. X., потому что война уже за много столѣтій передъ тѣмъ сдѣлалась нормальнымъ состоянiемъ римской республики. Арабская культура возникла именно тогда, когда достигли своего предѣла завоеванiя арабовъ. Возрожденiе XV-го вѣка меньше всего можно приписать войнѣ, которая въ тогдашней Италiи велась преимущественно наемниками, имѣла, большею частью, мелкiй, низменный характеръ и уже конечно не призвала къ жизни лучшихъ сторонъ національнаго духа. Все, тѣмъ блестяще такъ называемый вѣкъ Людовика XIV-го, относится къ первымъ десятилѣтiямъ царствованiя, когда не успѣло еще сказаться губительное дѣйствiе безпрестанныхъ войнъ. Пушкинская эпоха коренится не столько въ отечественной войнѣ, сколько въ сближенiи русскаго общества съ западной Европой. Упадокъ Испанiи начался не въ эпоху „долгаго мира“, а во время и подъ влиянiемъ войнъ, которыя она вела почти непрерывно въ теченiе трехъ вѣковъ (XVI-го, XVII-го и XVIII-го). Какой „долгий миръ“ имѣеть въ виду г. Меньшиковъ, говоря объ упадкѣ Францiи и Англии—это для насъ совершенно непонятно. Во Францiи сравнительно долго,—если не считать короткихъ, небольшихъ перерывовъ,—миръ держался только въ эпоху реставрацiи и iюльской монархiи; и что же, развѣ это была эпоха упадка? Развѣ рука объ руку съ необыкновеннымъ ростомъ національнаго богатства не шло тогда блестящее развитiе наукъ, искусствъ и политической жизни?.. Для Англии „долгий миръ“ обнимаетъ собою промежутокъ времени между 1815 и 1854 гг. Первая его часть является продолженiемъ реакцiи, начавшейся и достигшей своего апогея во время и подъ непосредственнымъ влиянiемъ Наполеоновскихъ войнъ; но уже съ 1826-го г. открывается перiодъ быстрого и рѣшительнаго прогресса, продолжающагося, во многихъ отношенiяхъ, и въ слѣдующую эпоху „долгаго мира“, т.-е. по окончанiи восточной войны 1854—56 гг. На степень общаго правила благодѣтельность войны, такимъ образомъ, возведена быть не можетъ. Бываютъ, безспорно, случаи, когда война раскрываетъ съ особенною яркостью недостатки существующаго порядка вещей и этимъ самымъ способствуетъ ихъ устраненiю; но *разсчитывать* на такой результатъ нельзя—нельзя, слѣдовательно, изъ-за одной только его *возможности* привѣтствовать войну, какъ желанное благо. Не слѣдуетъ забывать, какъ различны были, съ этой точки зрѣнiя, послѣдствiя двухъ войнъ, которыя во второй половинѣ XIX-го вѣка вела Россiя. За восточной войной 1853—56 гг. слѣдовалъ, въ нашей внутренней жизни, громаднй шагъ впередъ, за турецкой войной 1877—78 гг.—почти столь же громаднй шагъ назадъ. Правильнѣе, поэтому, видѣть въ войнѣ несомнѣнное зло, изъ котораго можетъ возникнуть добро, но можетъ и не возникнуть. Одинаково неумѣстно, въ виду начавшейся уже войны, и унынiе, и преждевременное ликованiе.

Въ войнѣ съ Японіей, какъ и во всѣхъ прежнихъ нашихъ войнахъ, наибольшее число жертвъ неизбѣжно упадетъ на долю народной массы, т.-е. на долю нашего крестьянства. Меньше чѣмъ когда-либо, поэтому, можно читать безъ отвращенія статьи, въ которыхъ сотрудники газеты, посвятившей себя защитѣ розги, продолжаютъ настаивать на цѣлесообразности и спасительности тѣлесныхъ наказаній ¹⁾. Они клеветаютъ на деревню, приписывая ей согласіе съ ихъ взглядами; они извращаютъ дѣйствительность, утверждая, что тѣлесное наказаніе грозитъ только худшимъ и опаснѣйшимъ изъ среды крестьянъ. Возмутительнымъ диссонансомъ подобныя рѣчи звучатъ въ особенности теперь, когда наступило тяжкое испытаніе для Россіи. Если даже опасность, передъ которою всѣ равны, не полагаетъ конецъ отстаиванью худшаго изъ неравенствъ, то чего можно ожидать въ мирное время отъ приверженцевъ гнили, главнымъ складомъ которой служить реакціонная печать?..

Кому дорога тьма, тому непріятно все напоминающее о свѣтѣ. Въ адресѣ спб. губернскаго земства, вызванномъ войною, были упомянуты *просвѣтительныя* нужды населенія, которымъ призвано служить земство. Въ земскомъ собраніи, по прочтеніи проекта этого адреса, высказано было однимъ изъ гласныхъ сомнѣніе въ *законности* этого выраженія—сомнѣніе единичное, встрѣтившее дружный отпоръ, но нашедшее, нѣсколько дней спустя, сочувственный отголосокъ въ „Гражданинѣ“ (№ 14, „Рѣчи консерватора“). „*Просвѣтительная дѣятельность*“—воскликаетъ органъ кн. Мещерскаго—„принадлежитъ перви и правительству, а никому другому. Завѣдываніе хозяйственною частью сельской школы никоимъ образомъ не можетъ быть названо просвѣтительною дѣятельностью“. Въ основаніи подобныхъ увѣреній лежитъ либо незнаніе, либо недобросовѣстность. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ (ст. 2, пун. 10) возлагаетъ на земство *попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія*—попеченіе, которому, конечно, нельзя отказать въ *просвѣтительномъ* характерѣ. Увеличивая число училищъ, улучшая ихъ устройство, учреждая учительскія школы, народныя бібліотеки и читальни, повторительныя и воскресныя курсы, земство, очевидно, работаетъ надъ просвѣщеніемъ народа, надъ удовлетвореніемъ одной изъ самыхъ насущныхъ его потребностей—и все это указано земству закономъ. Этого мало: участвуя, въ лицѣ председателя земскаго собранія и двухъ выборныхъ членовъ, въ уѣздныхъ и губернскихъ училищныхъ совѣтахъ, земство вліяетъ и на самое направленіе народнаго образованія, за-

¹⁾ См. „Письмо земскаго начальника“ въ № 13 „Гражданина“.

бота о которомъ возложена закономъ на училищныя совѣты. Что земство признается, по закону (Полож. о начальн. учил. 1874 г.) близко заинтересованнымъ въ успѣхахъ народнаго образованія—это видно и изъ того, что о состояніи его въ данной мѣстности земскіе члены училищнаго совѣта обязаны представлять отчетъ земскому собранію. Земство, наконецъ, избираетъ (ст. 13 и 14)—наравнѣ съ другими учрежденіями, на счетъ которыхъ содержатся начальныя школы,—попечителей и попечительницъ, завѣдующихъ дѣлами ввѣренныхъ имъ училищъ и имѣющихъ, по этимъ дѣламъ, право голоса въ училищномъ совѣтѣ. Такова картина, которую даетъ дѣйствующій законъ. Яркими красками ее расцвѣчиваетъ исторія земской школы. Земству Россія обязана широкимъ, сравнительно, развитіемъ народнаго образованія, для котораго въ теченіе многихъ вѣковъ не было сдѣлано почти ничего; земство приучило народъ къ школѣ, которой онъ прежде чуждался, заставило его полюбить ее, понять пользу ученья; земство создало новый типъ народнаго учителя, пустило въ ходъ новые приемы преподаванія, выяснило особенную пригодность женщинъ къ занятіямъ въ народной школѣ; земство положило основы внѣ-школьнаго образованія; земство подготовило или приблизило введеніе всеобщаго обученія. И въ виду всего этого находятся люди, не признающіе за земствомъ права говорить о своей *просвѣтительной* дѣятельности—находятся не только между сотрудниками реакціонныхъ газетъ, но и между самими земскими дѣятелями! Дальше этого слѣпота, сознательная или бессознательная, идти не можетъ.

Къ роли земства въ развитіи народнаго образованія близко подходитъ роль городского общественнаго самоуправленія. Особенно велики успѣхи, достигнутые въ этомъ отношеніи обѣими столицами. Въ Москвѣ, какъ видно изъ интересной статьи г. М. Щепкина („Наканунѣ общедоступности начальнаго обученія“, „Русскія Вѣдомости“ № 37 и 42), близокъ къ осуществленію знаменательный приговоръ городской думы, состоявшійся 15-го мая 1901-го года: „въ ознаменованіе сорокалѣтней годовщины освобожденія отъ крѣпостной зависимости признать неотложнымъ проведеніе въ Москвѣ, общедоступности обученія, съ тѣмъ, чтобы необходимыя для того мѣропріятія были закончены не позднѣе 1904-го года“. Когда этотъ приговоръ состоялся, въ младшихъ отдѣленіяхъ городскихъ школъ недоставало мѣстъ (по приблизительному разсчету, подтвердившемуся при переписи 1902-го года) для трехъ тысячъ дѣтей. Именно такое число можетъ помѣститься въ вновь открытыхъ съ тѣхъ поръ 30 училищахъ и 33 отдѣленіяхъ при первыхъ классахъ; остается только позаботиться о пригородахъ Москвы, гдѣ лишена возможности посѣщать школы съ

небольшимъ тысяча дѣтей школьнаго возраста. Было ли бы мыслимо что-нибудь подобное, еслибы попеченіе о начальной школѣ не принадлежало городскому общественному управленію?

Превосходной иллюстраціей къ вопросу о *просвѣтительной* дѣятельности земскаго и городскаго самоуправленія служатъ слѣдующія слова покойнаго Б. Н. Чичерина („Вопросы политики“, стр. 72—73): „Не смотря на скромную роль въ этомъ важномъ общественномъ дѣлѣ (т.-е. въ дѣлѣ народнаго образованія), земство умѣло воспользоваться предоставленными ему правами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Оно явилось въ немъ инициаторомъ. По его почину Россія покрылась сѣтью народныхъ школъ, и это движеніе идетъ все возрастаая. Лучшие люди изъ мѣстныхъ жителей положили на это всю свою душу. Въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи русское общество проявило совершенно несвойственныя ему энергію и постоянство... Русская народная школа есть созданіе земства, и это будетъ составлять вѣчную его заслугу передъ отечествомъ. Это—одна изъ лучшихъ страницъ въ исторіи нашей общественной жизни... Русское духовенство въ прежнее время вовсе не заботилось о школахъ. Безграмотность народа казалась въ порядкѣ вещей. Но какъ скоро возникли земскія школы, такъ и у начальствующихъ въ духовномъ вѣдомствѣ лицъ явилось желаніе самимъ устроить что-нибудь въ этомъ родѣ. Рядомъ съ школами земскими стали учреждать школы церковно-приходскія. Въ сущности къ этому не было ни малѣйшаго повода, ибо у насъ никогда не было и нѣтъ того соперничества между свѣтскимъ и духовнымъ просвѣщеніемъ, какое существуетъ въ другихъ странахъ... Однако, соревнованіе двухъ вѣдомствъ могло бы даже оказать пользу народной школѣ, еслибы оно не сопровождалось искусственно прививаемою враждою къ земской школѣ, которую стараются подорвать прямо и косвенно, съ тѣмъ, чтобы перетянуть средства и вліяніе на свою сторону... Администраторы и даже нѣкоторые общественные дѣятели побуждаютъ земства отречься отъ своего дѣла и передать его въ вѣдѣніе духовенства. *И нашлись въ Россіи земскія собранія, которыя до такой степени забыли свое призваніе и свои общественныя обязанности, что они выжили этимъ утѣщеніямъ!*“ Б. Н. Чичерина никто не рѣшится заподозрить въ нерасположеніи къ духовенству, въ антирелигіозномъ настроеніи; тѣмъ большее значеніе имѣютъ приведенныя нами слова, сказанныя пять лѣтъ тому назадъ, но примѣнимыя всецѣло къ недавнему, надѣлавшему столь много шума постановленію тверскаго уѣзднаго земскаго собранія.

Къ чему приводитъ иногда отмѣченная Б. Н. Чичеринымъ „искус-

ственно-прививаемая вражда“ противъ земской школы—это обнаружилось съ большою ясностью во время послѣдней сессіи балаховскаго (саратовской губерніи) уѣзднаго земскаго собранія. Предсѣдатель собранія (уѣздный предводитель дворянства) привелъ цѣлый рядъ случаевъ увольненія учителей и учительницъ земскихъ школъ, вслѣдствіе неосновательныхъ обвиненій—неосновательныхъ на столько, что нѣкоторые изъ уволенныхъ были вновь приняты на земскую службу. Собраніе единогласно постановило просить преосвященнаго саратовскаго обратить вниманіе на указанные въ собраніи глубоко прискорбные факты, а училищный совѣтъ—принять мѣры къ устраненію отъ законоучительства лицъ, явно враждебно относящихся къ земской школѣ. Въ томъ же собраніи шла рѣчь о селѣ, рѣшившемъ построить зданіе для земской школы, но составившемъ затѣмъ новый приговоръ (черновая котораго была написана мѣстнымъ священникомъ), отдававшій зданіе подъ церковно-приходскую школу. Нѣсколько времени спустя состоялся третій приговоръ, возстановлявшій силу перваго. Привнесенную на этотъ приговоръ жалобу подписалъ, отъ имени нѣкоторыхъ крестьянъ, учитель мѣстной церковно-приходской школы, на самомъ дѣлѣ, какъ оказалось впоследствии, вовсе не имѣвшій на то уполномочія. Жалоба была подана 23-го сентября—а 24-го наблюдатель надъ церковно-приходскими школами собиралъ къ ней, на мѣстѣ, подписи. Подобныя явленія были бы, очевидно, невозможны, еслибы разъ навсегда была признана фактическая равноправность всѣхъ категорій начальныхъ школъ.

Смерть застигла Н. К. Михайловскаго въ полночь силъ, въ разгарѣ дѣятельности. Немного найдется писателей, которые бы такъ нераздѣльно принадлежали литературѣ. Служеніе ей, и черезъ ея посредство—обществу и народу, наполняло всю жизнь покойнаго. Цѣлую треть вѣка онъ занималъ выдающееся мѣсто въ журналистикѣ, являясь въ одно и то же время критикомъ и публицистомъ, социологомъ и распространителемъ естественно-научныхъ знаній, и никогда не сходя съ однажды избранной дороги. Онъ способствовалъ въ одинаковой мѣрѣ успѣху „Отечественныхъ Записокъ“, въ которыхъ напечатаны первые крупные его труды, и „Русскаго Богатства“, которымъ онъ руководилъ въ послѣдніе годы своей жизни. Покойный долго мечталъ о переработкѣ всего написаннаго имъ въ одно цѣльное сочиненіе; но осуществленію этой мечты—особенно заманчивой для систематическаго ума, какимъ обладалъ Н. К. Михайловскій, — помѣшали другія стороны его богатой натуры. Онъ былъ не только мыслителемъ, но и борцомъ; его захватывало настоя-

щее, его отвлекала от теоретической работы „житейская практика сегодняшнего дня, со всей своей плотью и кровью, съ своей яркой и шумной пестротой“. Искатель *правды*, въ смыслѣ *истины*, всегда шелъ въ немъ рука объ руку съ проводникомъ *правды*, въ смыслѣ *справедливости* ¹⁾. Одна изъ самыхъ симпатичныхъ его особенностей заключается въ томъ, что, ревностно и убѣжденно защищая интересы массы, онъ стоялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, за права личности, за широкое и безпрепятственное ея развитіе. Знаменательна, въ этомъ отношеніи, уже первая изъ статей, помѣщенныхъ имъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ („Что такое прогрессъ“?), заканчивающаяся слѣдующими словами: „Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ“. Въ защиту правъ личности написаны имъ и многія другія статьи (напр. „Теорія Дарвина и общественная наука“, „Борьба за индивидуальность“), шедшія въ разрѣзъ съ модными, въ свое время, взглядами. Другая особенность Н. К. Михайловскаго — умѣнье угадывать настроенія, только-что возникшія, еще не выразившіяся съ полною ясностью, но готовящіяся сыграть видную роль въ нашей общественной жизни. Идеи, характеризующія собою послѣдній періодъ творчества Л. Н. Толстого, Н. К. Михайловскій подмѣтилъ въ самомъ ихъ зародышѣ; борьбу съ экономическимъ матеріализмомъ онъ началъ тогда, когда приверженцы этого ученія еще не выступали открыто въ нашей литературѣ. Отмѣтимъ, наконецъ, блестящій писательскій талантъ покойнаго и его обширную начитанность, позволявшую ему не отставать отъ специалистовъ или даже опережать ихъ въ знакомствѣ съ новыми пріобрѣтеніями науки. Онъ былъ едва ли не первымъ, обратившимъ у насъ (еще въ 1870 г.) вниманіе на Карла Маркса. Въ статьѣ: „Борьба за индивидуальность“ (1875 г.) онъ говоритъ о только-что открытыхъ тогда Веберомъ и Фехнеромъ законахъ, положившихъ основаніе экспериментальной психологіи. Такимъ же чуткимъ къ движенію научной мысли онъ оставался до самаго конца, „упорствуя, волнуясь и спѣша“, какъ его предшественники въ передовыхъ рядахъ воинствующей литературы.

¹⁾ См. предисловіе къ собранію сочиненій Н. К. Михайловскаго (изд. „Русск. Богатства“, т. I, 1896).

Вслѣдъ за Н. К. Михайловскимъ сошелъ въ могилу Б. Н. Чичеринъ. Судьба была милостива къ нему въ томъ отношеніи, что дала ему возможность высказаться вполне: онъ дожилъ до тѣхъ лѣтъ, когда нельзя уже ожидать дальнѣйшаго творчества. И ему, однако, счастье благоприятствовало не всегда и не во всемъ. Рожденный для кафедры, всецѣло преданный университету, высоко цѣнимый слушателями, онъ долженъ былъ, еще сравнительно молодымъ, отказаться отъ профессуры и никогда болѣе къ ней не возвращался. Много лѣтъ спустя онъ выступилъ на другое поприще, меньше, быть можетъ, соотвѣтствовавшее его наклонностямъ и вкусамъ, но открывавшее передъ нимъ возможность плодотворной общественной работы. Не прошло, однако, и года—и независѣвшія отъ него обстоятельства вынудили его сложить съ себя званіе московскаго городского головы. Открытой для него осталась земская дѣятельность—но она не давала достаточно простора тѣмъ практическимъ способностямъ, которыя, очевидно, чувствовалъ въ себѣ Б. Н. Чичеринъ. Онъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы стать государственнымъ человекомъ—но, подобно многимъ другимъ выдающимся русскимъ людямъ, былъ оставленъ въ сторонѣ государственною жизнью и могъ коснуться ея только въ тѣхъ своихъ сочиненіяхъ, которыя посвящены политическимъ вопросамъ. Именно здѣсь слѣдуетъ искать одну изъ самыхъ драгоценныхъ частей наслѣдства, завѣщаннаго русскому обществу Б. Н. Чичеринимъ. Въ его „Соціологіи“, въ его „Политикѣ“, въ недавно вышедшемъ сборникѣ его газетныхъ статей („Вопросы политики“, Москва, 1903) щедрой рукой разсыпаны страницы, исполненныя истинной мудрости и особенно цѣнныя именно въ наше время, какъ противовѣсъ ходячимъ низкопробнымъ взглядамъ. Политическая наука, по его словамъ, „должна выяснитъ, что государственная сила сама по себѣ не есть цѣль, а лишь средство для упроченія внутренняго благосостоянія и разумной гражданственности... Она должна ввести въ общественное сознаніе, что чисто практическія цѣли и неизменная точка зрѣнія національнаго интереса не исчерпываютъ ея содержанія, и что только тотъ народъ занимаетъ высокое мѣсто среди другихъ, который не имѣетъ въ виду исключительно свои практическія выгоды, а служить высшимъ идеямъ, развивающимся въ исторіи человечества“ („Политика“, стр. 40)... „Государство, какъ принудительный союзъ, не должно вторгаться въ область чисто нравственныхъ отношеній. Оно не призвано водворять нравственный порядокъ на землѣ; это дѣло свободнаго союза—церкви. Если же государство, съ своею принудительною властью, приходитъ на помощь церкви, или если оно, по собственному почину, хочетъ карательными мѣрами водворить господство нравственнаго закона,

оно становится притѣснителемъ совѣсти; стараясь утвердить нравственность, оно само подаетъ величайшій примѣръ безнравственности“ (тамъ же, стр. 25). „Когда съ притѣсненіемъ другихъ (народностей) сочетается непомерное самохвалство, когда, въ добавокъ, высшему добродѣтелю угнетающей народности выставляется христіанское смиреніе, то подобный патріотизмъ составляетъ одно изъ самыхъ противныхъ и уродливыхъ явленій, какія можно встрѣтить въ общественной жизни. Русское общество нельзя отъ этого достаточно предостерегать“ (тамъ же, стр. 343). „Не въ избыткѣ законодательной дѣятельности, а въ установленіи твердыхъ началъ, дающихъ широкій просторъ свободной дѣятельности гражданъ, состоитъ истинная польза государства. Самые благодѣтельные законы были тѣ, которые разрѣшали узы, а не тѣ, которые ихъ сѣрбиляли. Намъ, русскимъ, это извѣстно болѣе чѣмъ кому-нибудь“ (тамъ же, стр. 380)... Столь же мѣтки и правдивы сужденія Б. Н. Чичерина о многихъ частныхъ вопросахъ, напр. о царствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ финляндскомъ („Политика“, стр. 275—6); объ отношеніи бюрократіи къ земству („Вопросы политики“, стр. 77); о предѣльности земскаго обложенія (тамъ же, стр. 91); о значеніи должности земскаго начальника (тамъ же, стр. 53 и 67); о томъ направленіи въ дворянской средѣ, „которое ищетъ спасенія въ расточаемыхъ сверху милостяхъ и въ обставленіи себя всякаго рода преградами“ (тамъ же, стр. 33); о высшемъ образованіи, которое „поднимется снова только съ возстановленіемъ нормальнаго порядка, т.-е. съ возвращеніемъ къ уставу 1863-го года“ (тамъ же, стр. 7); о значеніи Каткова, котораго покойный считалъ „журналистомъ съ выдающимся умомъ и талантомъ, но, къ сожалѣнію, лишеннымъ нравственнаго смысла и трезваго пониманія политическаго положенія, безпощадно пресѣдовавшимъ то, чему прежде поклонялся, заподозривавшимъ всякое явленіе свободы“ („Политика“, стр. 513)... Выше приведенъ въ высокой степени важный отзывъ Б. Н. Чичерина о разныхъ типахъ начальной школы и о заслугахъ земства въ области народнаго образованія... При жизни Б. Н. Чичерина намъ нерѣдко приходилось возражать ему (напр. по вопросу объ отношеніяхъ между земствами губернскимъ и уѣздными), отмѣчать спорные пункты въ его сочиненіяхъ; теперь мы не можемъ и не хотимъ останавливаться ни на чемъ другомъ, кромѣ лучшихъ сторонъ его многолѣтней, неутомимой, глубоко захватывавшей дѣятельности...

Наша хроника была уже закончена, когда мы узнали о кончинѣ генераль-адъютанта П. С. Ванновскаго. Предоставляя компетентнымъ судьямъ оцѣнку дѣятельности его, какъ военнаго министра, мы не можемъ не помянуть еще разъ добрымъ словомъ его кратковремен-

ное управление министерствомъ народнаго просвѣщенія, столь богатое наилучшими намѣреніями и начинаніями, столь рѣзко отличавшееся, по духу, отъ управления трехъ его предшественниковъ.

Р. S.—Рѣшеніемъ уголовнаго кассационнаго департамента прав. сената, состоявшимся 17-го февраля, вопросъ объ оправданіи сознавшихся подсудимыхъ ¹⁾ разрѣшенъ (вопреки недавнимъ резолюціямъ отдѣленія) въ смыслѣ благопріятномъ для свободы совѣсти присяжныхъ. Опасность, угрожавшая правосудію, можетъ, такимъ образомъ, считаться устраненною. Это—большая радость для всѣхъ тѣхъ, кому дороги основныя начала судебныхъ уставовъ.

¹⁾ См. выше: „Внутреннее Обзоріе“, стр. 336—344.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Отъ Врачебно-Педагогическаго Института для отсталыхъ и неуспѣвающихъ дѣтей.

Врачебно-Педагогическій Институтъ имѣеть цѣлью практически и научно содѣйствовать борьбѣ съ болѣзненностью и отсталостью въ дѣтскомъ развитіи.

Согласно съ указаніями и требованіями самой жизни, практическая дѣятельность Института направлена къ тому, чтобы дѣти, по выходѣ изъ него, могли быть работоспособными членами семьи и общества, продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ или поддерживать себя физическимъ трудомъ.

Въ основѣ практической дѣятельности Врачебно-Педагогическаго Института положено всестороннее изслѣдованіе дѣтей, выясненіе причинъ отсталости и неуспѣшности, изученіе мѣръ борьбы съ этими явленіями, леченіе, примѣненіе специальныхъ методовъ воспитанія и обученія.

Учебно-воспитательныя и врачебныя мѣры соотвѣтствуютъ потребностямъ cadaго отдѣльнаго случая: 1) особые методы обученія умственно отсталыхъ—для развитія интеллектуальныхъ силъ и сообщенія необходимаго запаса знаній; 2) подготовка (по программамъ) къ учебнымъ заведеніямъ дѣтей, оказавшихся способными къ продолженію образованія; 3) знакомство съ общепринятыми ремеслами и искусствами—для дѣтей, лишенныхъ возможности совершенствоваться интеллектуально и одаренныхъ частичными способностями; 4) занятія на воздухѣ по огородничеству, садоводству, игры, гимнастика и т. п.; 5) врачебныя мѣры и медицинскій надзоръ, смотря по состоянію здоровья воспитанниковъ; 6) особый режимъ для воспитанія воли, самообладанія, способности къ труду—для запущенныхъ въ своемъ воспитаніи дѣтей.

Согласно съ своей задачей, Врачебно-Педагогическій Институтъ организуетъ амбулаторный приемъ для изслѣдованія дѣтей и принимаетъ воспитанниковъ, какъ пансіонерами, такъ и приходящими (Вас. Остр., 4-я лин., д. 45).

Дѣти, поступающія въ Институтъ, подраздѣляются—въ зависимости отъ индивидуальности и пола—на нѣсколько обособленныхъ отдѣленій и группъ; дѣти, безусловно не поддающіяся развитію, не принимаются.

ИЗЪ ЖИЗНИ

НА

ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ

Іюнь 1900 г.—Мартъ 1903 г.

Южно-Уссурийскій край, Печилійская провинція, Японія и Южная
Манчурія.

Отъ Редакціи.

Мы получили настоящее собраніе переписки почти за цѣлыхъ три года (1900—1903 гг.), при слѣдующемъ письмѣ г-жи W., изъ одного мѣстечка въ южной Манчуріи:

„Предлагаемыя письма принадлежать мнѣ и моему мужу, и писаны они различнымъ лицамъ, изъ разныхъ мѣстъ Дальняго Востока, въ періодъ времени отъ іюня 1900 г. — начало русско-китайской войны—по мартъ 1903 г.—канунъ русско-японской войны. Такъ какъ Дальній Востокъ приволакъ къ себѣ всеобщее вниманіе, повидимому, надолго, то, я думаю, и наши скромныя наблюденія могутъ быть прочтены не безъ интереса, гѣмъ болѣе, что все сообщаемое нами — безусловная правда. Когда мы писали эти письма, намъ и въ голову не приходила мысль о напечатаніи ихъ,—и только позднѣйшія событія и совѣты нашихъ корреспондентовъ заставили меня подумать о томъ, чтобы собрать и привести въ порядокъ всю нашу переписку.—W“.

1.

10-е іюня 1900 г., Никольскъ-Уссурийскій.

.....Воображаю, какія тяжелыя минуты вы тамъ переживаете, слѣдя за газетными, часто лживыми извѣстіями. Мы здѣсь тоже ничего не знаемъ, но, конечно, я могла бы вамъ кое-что сообщить,—напримѣръ, то, что почти весь никольскій гарнизонъ готовится къ выступленію, но держится все это въ секретѣ и, слѣдовательно, по телеграфу передано вамъ быть не можетъ. Вчера утромъ я писала М. и сообщала ему, что нашъ полкъ пока еще не трогаетъ. А когда я въ два часа дня пріѣхала въ лагерь, то узнала, что получена бумага о томъ, что половина нашего полка должна уйти... Куда? Это неизвѣстно. Здѣсь теперь существуетъ такой порядокъ, что часть получаетъ приказъ готовиться, а куда пойдутъ—не говорятъ. Запечатанный пакетъ о мѣстѣ назначенія вскрываютъ только тогда, когда пароходъ съ посаженными на него войсками выходитъ въ открытое море. Приятно это сознаніе, что увезятъ половину, нѣтъ! всю твою жизнь, и ты не знаешь даже—куда?! О мѣстѣ назначенія ничего неизвѣстно, но предполагаютъ, что нашихъ свезутъ въ Портъ-Артуръ. Это было бы еще счастьемъ. Все-таки тамъ, гдѣ уже стояли наши войска, имѣются почта и телеграфъ. А то могутъ увезти въ совсѣмъ новый, дикій, необитаемый пунктъ, откуда и переписки вести нельзя. Кромѣ Портъ-Артура, Таку и Пекина, по слухамъ, пошлютъ еще войска на линію манчжурской желѣзной дороги для охраны ея. Затѣмъ, далеко не умоляли слухи о Корей, о томъ, что мы займемъ и ее.

Выступятъ, во всякомъ случаѣ, не раньше 20-го этого мѣсяца, и раньше того, какъ событіе совершится, я телеграфировать не буду, такъ какъ все можетъ измѣниться. Мы не знаемъ, что намъ принесетъ слѣдующій часъ, не только слѣдующій день.

Я предполагаю остаться пока въ Никольскѣ, устроюсь съ кѣмъ-нибудь изъ дамъ. А дальнѣйшее мое мѣсто жительства будетъ зависѣть отъ событий: если разрѣшено будетъ семьямъ присоединиться къ войнамъ, поѣду туда, гдѣ будетъ Н.,—а если нѣтъ, и исторія затянется—поѣду, можетъ быть, въ Россію. Положеніе, какъ сами видите, очень неопредѣленное. Я еще никогда не была въ такой передѣлкѣ, и можете представить себѣ, какъ кошки у меня на душѣ скребутъ. Еще хуже нашего положеніе N. N. и его семьи. Какъ разъ около того времени, когда предполагается выступленіе штаба полка, онъ ожидаетъ

пріѣзда своей семьи изъ Россіи (самъ онъ недавно переведенъ въ наши края и прібылъ въ Анучино только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ). Легко можетъ случиться такъ, что сегодня онъ уйдетъ, а на завтра пріѣдутъ его жена и дѣти.

Сегодняшнюю ночь я провела въ лагерѣ, въ баракѣ мужа, спала на его походной кровати. А для себя онъ приказалъ принести носилки, на которыхъ вскорѣ, можетъ быть, будутъ носить раненыхъ. Вотъ она, жизнь солдата!

Расскажу еще, какъ нѣкоторые офицеры относятся къ грядущимъ событіямъ. На дняхъ одинъ пѣхотный офицеръ сказалъ слѣдующее: „Что?! страшно сражаться съ маньчжками (отъ слова „манжа“ — манчжуръ, китаецъ)! Да нашихъ пять-сотъ человекъ побьютъ ихъ пятьдесятъ тысячъ“!

Вчера другой молодой воинъ говорилъ мнѣ: „Ну, ничего! Оттаскаемъ манжъ за косы—только и всего“!

2.

12-го іюня 1900 г., Никольскъ-Уссурийскій.

Выдался вчера денекъ! Какъ я писала вамъ третьяго-дня, половина нашего полка собирается въ походъ. Но мобилизація не была еще объявлена: это были, такъ сказать, мирныя упражненія, къ которымъ относится, надо полагать, также и бой подъ Таку. Между тѣмъ, каждый разъ передавали все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія. Стали рассказывать, будто русскіе выбиты изъ Таку, будто палъ одинъ подполковникъ, котораго всѣ отлично знали въ Никольскѣ¹⁾. Можете представить себѣ, какъ волновали всѣ эти слухи! А тутъ еще командиръ полка, уѣхавшій съ утра къ командующему войсками, не возвращался. По мѣрѣ того какъ росла тревога въ сердцахъ офицеровъ и ихъ женъ, сгущались и тучи на небѣ и принимали какой-то угрожающій видъ. Наконецъ, часамъ къ двумъ пріѣхалъ въ лагерь командиръ, и въ ту же секунду полилъ.... не дождь—нѣтъ, цѣлый потопъ. Раздался звукъ трубы, призывающій офицеровъ въ командирскій баракъ, и какъ будто въ отвѣтъ ему блеснула такая молнія и грянулъ такой громъ, что лагерь содрогнулся—это былъ первый ударъ грома въ теченіе дня. Командиръ собралъ офицеровъ, чтобы объявить имъ о мобилизаціи, о томъ, что весь полкъ идетъ въ походъ и что сейчасъ пріѣдутъ командующій

¹⁾ Все это впоследствии оказалось ложью.

войсками и священникъ, и будутъ служить молебень. А дождь продолжалъ лить какъ изъ ведра, молнія сверкала, громъ грохоталъ, и казалось, Богъ сердился на людей, затѣвающихъ войну. Никогда еще я не видала такого соответствія между погодой и тѣмъ, что совершалось на землѣ, что происходило въ сердцахъ людей.

Молебень былъ назначенъ въ офицерской столовой. Въ нѣсколько минутъ дождь превратилъ дорогу въ почти непроходимое болото, но я все-таки отправилась въ столовую. Во-первыхъ, въ такую минуту мнѣ хотѣлось послушать молитву; во-вторыхъ, мнѣ хотѣлось, елико возможно, не разставаться съ мужемъ. Всѣ эти дни, несмотря на то, что я жила въ лагерѣ, мы мало видѣлись, такъ какъ онъ все время былъ занятъ: снаряжалъ свои двуколки, фельдшеровъ и т. п. Кромѣ того, цѣлыми днями у насъ въ баракѣ толпились офицеры и двѣ барыни, такъ же, какъ и я, прїѣхавшія къ своимъ мужьямъ. Въ-третьихъ, мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какъ молятся люди, идущіе на смерть... И что же? Молебень, какъ молебень! Священникъ призывалъ на нихъ благословеніе Божіе, желалъ имъ всѣмъ вернуться здоровыми и невредимыми... Лица почти у всѣхъ молящихся были или казались равнодушными: „едва ли сотый понималъ, что дѣлалось тутъ“!

Въ ту же ночь половина полка выступила тремя эшелонами. Первый эшелонъ двинулся изъ лагеря въ шесть часовъ вечера, въ два часа ночи ушелъ второй и въ четыре часа утра—третій эшелонъ. Погода все время была невѣроятная: темень непроглядная, грязь невылазная, и проливной дождь не прекращался ни на секунду. Бѣдные люди промокли, буквально, до нитки, въ такомъ видѣ были посажены въ вагоны, промокшими прїѣхали во Владивостокъ, и тамъ, во все время нагрузки, слышно, была такая же дурная погода.

3.

28-го іюня 1900 г. Никольскъ-Уссурійскій.

До сихъ поръ сидимъ въ Никольскѣ и находимся въ полнѣйшей неизвѣстности. Вы уже знаете, что половина нашего полка ушла въ Таку. Съѣли они на пароходѣ 14-го числа. Послѣ этого мы ждали, что вскорѣ и насъ уберутъ куда-нибудь. Но вотъ уже прошло сколько времени, а мы все еще не знаемъ, что съ нами будетъ. Оставшаяся часть полка разбросана въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, и предположеніямъ о томъ, что будетъ съ ними и съ нами — штабомъ полка — нѣтъ конца. Впрочемъ,

трудно что-либо предвидѣть, и нельзя рассчитывать даже на завтрашній день. Судьба отдѣльныхъ единицъ совершенно неизвестна. Изъ вышеизложеннаго вы видите, въ какомъ неопредѣленномъ положеніи мы находимся. Пока мы поселились у одной знакомой дамы изъ пѣхотнаго полка, мужъ которой ушелъ въ Таку. Къ намъ присоединилась еще одна барыня изъ нашего полка, и вотъ коротаемъ время. Квартира довольно удобная, прислуга достаточно; имѣемъ въ своемъ распоряженіи лошадей и пролетку. Всѣ лишнія вещи сданы въ полковой складъ. Сидимъ и ждемъ, что будетъ.

Итакъ, вооружитесь терпѣніемъ и знайте, что на разстояніи все кажется гораздо страшнѣе, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ. Насколько здѣсь не страшно, можете судить по тому, что здѣсь сейчасъ подвизается пріѣзжая малороссійская труппа и, говорятъ, дѣлаетъ сборы.

4.

6-го іюля 1900 г., Никольскъ-Уссурийскій.

Сегодня пишу вамъ наканунѣ большого событія: завтра утромъ штабъ полка и въ томъ числѣ Н. отправляются моремъ въ Портъ-Артуръ, а куда дальше—неизвестно. Я ѣду провожать во Владивостокъ. Думаютъ, что штабъ полка такъ и останется въ Портъ-Артурѣ, и если вопросъ выяснится въ такомъ смыслѣ, я уѣду туда. Теперь постараюсь въ краткихъ чертахъ изложить, что мы пережили за это время. Если вы помните, часть полка выступила изъ Никольска при ужасной погодѣ. На другой день въ лагерѣ было, конечно, страшно тихо и уныло. Насилу дождалась я извозчика и уѣхала въ городъ. Заѣхала я къ г-жѣ А., у которой, еще до мобилизаціи, наняла комнату со столомъ на цѣлое лѣто. Хозяйки не было дома, такъ какъ она уѣхала во Владивостокъ провожать своего мужа. На другой день въ ту же квартиру пріѣхалъ офицеръ съ женою и съ массою вещей—онъ призванъ въ Никольскъ мобилизаціей, а затѣмъ у насъ начались картины изъ „Войны и Мира“ Толстого. Во всѣхъ комнатахъ валялись вещи (это въ чужой квартирѣ и въ отсутствіи хозяйки); наши вѣстовые (числомъ четыре) шмыгали взадъ и впередъ по разнымъ дѣламъ и совсѣмъ безъ дѣла. Я принуждена была взять на себя обязанности хозяйки.

Въ городѣ на каждомъ шагу тоже военныя картины. Вездѣ формируются всевозможные обозы. Всюду лошади, телѣги, двуколки, пушки и—„пушечнаго мяса“ безъ конца. Большинство

взрослаго населенія призвано подъ ружье, и эти запасные — бузуи, какъ ихъ здѣсь называютъ — встрѣчаются вездѣ и всюду въ пьяномъ, безобразномъ видѣ, и при встрѣчахъ съ этими „защитниками“ сторонисься гораздо дальше, чѣмъ при встрѣчахъ даже съ китайцами. Дѣйствительно, буйства „бузуевъ“ приводили жителей въ трепеть. Такъ, однажды, они начали-было громить базаръ, при чемъ было убито по однимъ свѣдѣнiямъ — два, по другимъ — четыре китайца-торговца. Также была убита одна шестилѣтняя русская дѣвочка... и убійцей оказался одинъ изъ этихъ охранителей общественной безопасности.

Была объявлена конская повинность, и на такъ-называемой Новой площади, недалеко отъ нашей квартиры, принимали лошадей. Съ равнаго утра тамъ толпились сотни лошадей и ихъ хозяева. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Всѣ эти дни почти невозможно было достать извозчика (а грязь послѣ дождей стояла невылазная), потому что лошади частью были забраны на „военную службу“, частью были скрыты своими хозяевами.

О военныхъ дѣйствiяхъ ничего не сообщаю вамъ, потому что, пока мое письмо дойдетъ до васъ, о нынѣшнемъ положенiи вещей будетъ забыто; да и сейчасъ мы знаемъ не больше вашего. Слухамъ и сплетнямъ вѣрить нельзя, а телеграммы въ газетахъ вы тоже читаете.

Съ теченiемъ времени городъ принялъ почти свой нормальный видъ. Оboзы и пушки почти всѣ ушли; запасные одѣты въ мундиры и маршируютъ стройными рядами; извозчики опять появились на улицахъ, и по внѣшнему виду трудно догадаться, что близко насъ война, — льется человѣческая кровь. Только видъ множества пустыхъ казармъ и квартиръ въ крѣпости, гдѣ вообще расположены войска и гдѣ мы теперь живемъ, да поблѣднѣвшiя и похудѣвшiя лица дамъ напоминаютъ о томъ, что не все благополучно. Когда наши дамы сходятся, то только и слышишь, что охи да стоны, и все это ужасно дѣйствуетъ на нервы. Тутъ есть одна старушка, три сына которой ушли въ походъ, и молоденькая симпатичная дѣвушка, проводившая горячо любимаго жениха. А сколько жень, сколько матерей многочисленныхъ малютокъ, дрожащихъ за своихъ мужей!

5.

3-го августа 1900 г., Никольскъ-Уссурийскiй.

..... Такъ, въ волненiи и въ ожиданiи дальнѣйшихъ событiй, прошло еще нѣсколько дней. Наконецъ, получается бумага: штабу

остальной части полка отправиться во Владивостокъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ грузиться на пароходъ. На другой день, утромъ, всѣ бывшіе въ Никольскѣ члены нашего полка — мужчины и дамы — были на вокзалѣ. Большая часть женъ провожала своихъ мужей во Владивостокъ. На вокзалѣ мы узнали грустную новость: убитъ былъ молоденькій и чрезвычайно симпатичный офицеръ на рекогносцировкѣ; вмѣстѣ съ нимъ убиты два нижнихъ чина. Извѣстіе объ этихъ первыхъ жертвахъ, полученное къ тому же въ моментъ отправленія нашихъ въ походъ, произвело тяжелое впечатлѣніе. У всѣхъ дамъ заблестѣли слезы на глазахъ, лица мужчинъ стали еще серьезнѣе... У всѣхъ насъ въ памяти была сцена, какъ покойный просился въ походъ. Дѣло въ томъ, что всѣ прикомандированные къ чужимъ полкамъ офицеры получили приказаніе вернуться къ своимъ частямъ. Покойный былъ одинъ изъ такихъ прикомандированныхъ. Но такъ какъ его полкъ еще не получилъ приказа о выступленіи, а онъ горѣлъ желаніемъ сразиться, то и сталъ просить нашего командира, чтобы тотъ выхлопоталъ ему у командующаго войсками разрѣшеніе идти съ первымъ эшелономъ нашего полка. Командиръ привезъ ему это разрѣшеніе въ то время, когда мы всѣ сидѣли за обѣдомъ въ общей столовой. Будущій герой нашъ былъ настолько еще юнъ, что, несмотря на присутствіе товарищей и дамъ, запрыгалъ отъ радости какъ ребенокъ: точъ въ точъ какъ Петя Ростовъ, когда ему разрѣшили идти на войну. Въ довершеніе сходства съ Петей Ростовымъ прибавлю еще одинъ маленькій эпизодъ. Онъ отправился, бѣдный, въ эту ставшую для него роковой рекогносцировку вечеромъ, передъ ужиномъ, и просилъ оставшихся товарищей, чтобы ему непременно оставили компотъ, сладкое блюдо... Помните у Толстого: „я такъ люблю сладенькое“?.. Мы, дамы, отправились во Владивостокъ съ пассажирскимъ поѣздомъ, а мужья часа черезъ два двинулись туда же на воинскомъ поѣздѣ.

Отъ Никольска до Владивостока всего четыре часа ѣзды; но воинскій поѣздъ долженъ былъ прибыть только поздно ночью. Чтобы какъ-нибудь убить время, мы вечеромъ отправились — куда бы вы думали? — въ театръ, въ оперу! Вотъ оно, женское легкомысліе! Никогда въ жизни не видѣла я такого „Фауста“. Несмотря на то, что намъ было совсѣмъ не до смѣха, несмотря на трагическій сюжетъ оперы, мы хохотали до слезъ — такъ наивно изображали во Владивостокѣ знаменитую оперу. А пѣніе! Одна Маргарита хорошо пѣла, но зато она была непозволительно дурна собою, — и нужно было слушать ее, закрывши глаза. А Фаустъ такъ фальшивилъ, что положительно стыдно становилось

за него. Туда же, въ театрѣ, пришли и наши мужья, прямо съ поѣзда, запыленные, какъ и подобаетъ воинамъ на походѣ;—мы оставили записку въ гостинницѣ о томъ, гдѣ мы, на случай, еслибы мужья пріѣхали раньше, тѣмъ мы вернемся изъ театра.

На другой день, съ ранняго утра, началась нагрузка на пароходъ. Мы, жены, пришли, конечно, туда же, и такъ какъ отплытіе было назначено на семь часовъ вечера, мы предполагали цѣлый день провести на пароходѣ. Въ часъ дня мы всѣ сидѣли въ каютъ-компаніи, за завтракомъ — грузился штабъ нашего полка и еще одна воинская часть, кромѣ того, на пароходѣ были частные пассажиры,—какъ вдругъ является комендантъ пристани и громко заявляетъ: „Кто изъ васъ, господа, NN полка? Получена телеграмма о томъ, чтобы разгрузиться. Вы возвращаетесь въ Никольскъ впродъ до особаго распоряженія“. Нечего грѣха таить —мы, жены, не были въ претензіи за эту телеграмму. На другое утро мы уже всѣ сидѣли въ поѣздѣ, который шелъ въ Никольскъ.

Прошло еще двѣ недѣли въ безповойствѣ и въ ожиданіи, и вотъ вторично полученъ нашимъ штабомъ приказъ о выступленіи. Опять мы въ поѣздѣ, опять—во Владивостокѣ, и на этотъ разъ наши грузятся уже съ тѣмъ, чтобы уйти—второй отмѣны распоряженія трудно было ожидать.

Былъ сѣренькій, ненастный день. Моросило и дулъ неприятный вѣтеръ. До семи часовъ вечера продолжалась нагрузка. Пароходъ попался свѣрный, грузовой. Мы приходили и уходили съ него. Наконецъ, насталъ моментъ отъѣзда. Передать то, что мы испытывали, нѣтъ никакой возможности. Еще и еще прощались мы... Наконецъ, когда насъ пригласили сойти съ парохода, нѣкоторые мужья сошли съ нами на берегъ, чтобы побыть вмѣстѣ еще хоть нѣсколько минутъ... Но вотъ свистокъ. Последнее объятіе. Мужчины быстро сбѣгаютъ на пароходъ. Сходни поднимаютъ, и громадное, неуклюжее судно начинаетъ медленно поворачиваться. На палубѣ стоятъ наши мужья и машутъ бѣлыми фуражками. Мы, группа осиротѣвшихъ женщинъ и дѣтей, стоимъ на берегу и сквозь слезы, застилающія наши глаза, и сквозь мелкій дождь и сумракъ надвигающагося вечера, смотримъ на дорогія намъ лица. Наконецъ, якорь поднять, пароходъ быстро удаляется въ море... Дождь полилъ сильнѣе... Еще нѣсколько минутъ, и все исчезло изъ глазъ...

6.

9-го августа 1900 г., Никольскъ-Уссурийскій.

Н. выѣхала, какъ я писала, 30-го іюля, въ семь часовъ вечера. Пошли они на отвратительномъ грузовомъ иностранномъ пароходѣ. Изъ Владивостока они должны были зайти въ фортъ Посеть (отстоящій отъ Владивостока на восемь часовъ хода), чтобы тамъ принять еще одну маленькую часть полка и полевой бригадный лазаретъ. Представьте же себѣ наше общее горестное изумленіе, когда мы узнали изъ газетъ, что въ назначенный срокъ ихъ не было въ Посеть. Безпокойству нашему не было предѣловъ. Но затѣмъ получились письма, изъ которыхъ мы узнали, что пришли они въ Посеть только 1-го августа, а ушли только 3-го утромъ. Причина — непроницаемые туманы, и кромѣ того, оказалось, что капитанъ впервые плаваетъ въ этихъ моряхъ и не имѣетъ даже порядочной карты восточно-азиатскаго побережья. И такому капитану довѣряютъ столько жизней, и отпускаютъ пароходъ безъ конвоира, безъ путеводаителя и даже безъ порядочной карты!

Вслѣдствіе тумана они бросили якорь, простояли на одномъ пунктѣ болѣе сутокъ, и когда разсѣялся туманъ, оказалось, что пароходъ стоитъ всего во ста саженьяхъ отъ знаменитаго Гамова мыса, который называютъ „Могилой пароходовъ“: столько кораблекрушеній около него произошло! Но это еще ничего. Это было и благополучно прошло. А вотъ теперь... Въ ночь съ 5-го на 6-е августа разразилась страшная буря, по здѣшнему „тайфунъ“. Гдѣ она ихъ настигла, гдѣ трепала, выдержалъ ли пароходъ — Богъ знаетъ! Можетъ быть, давно уже все погибло. По расчету времени, еслибы не тайфунъ, они должны были вчера прибыть въ Таку. И мужъ, и командиръ — оба обѣщали телеграфировать о своемъ прибытіи. Когда ждать этой телеграммы, и получится ли она?..

Я же ѣмъ, сплю и живу, какъ ни въ чемъ не бывало, между тѣмъ какъ знаю навѣрное, что Н. подвергался смертельной опасности, и не знаю, понятія не имѣю о томъ, перенесъ ли онъ ее.

Конечно, находятъ минуты отчаянія; бываетъ и такъ, что ночью вскакиваешь въ ужасѣ, — но въ общемъ живешь какъ ни въ чемъ не бывало...

Вчера, не успѣла я еще кончить письмо, какъ ко мнѣ прислали съ извѣстіемъ, что въ газетахъ есть телеграмма о томъ, что раненъ В., мужъ той госпожи, у которой я раньше жила.

Пришлось къ ней поѣхать. Я провела тамъ ночь и вернулась только сегодня къ обѣду.

Можете себѣ представить всѣ эти картины, разговоры, сцены. Сейчасъ опять иду къ ней. Она уѣзжаетъ сегодня вечеромъ или завтра утромъ въ Портъ-Артуръ, гдѣ надѣется разыскать своего мужа. По слухамъ, онъ раненъ въ грудь навывлетъ.

7.

20-го августа 1900 г., Никольскъ-Уссурийскій.

Навѣщая бѣдную В., я получила возможность навести справки о Н. У нея я встрѣтила совершенно случайно одного морского врача, пріѣхавшаго всего на одинъ день въ Никольскъ. Какъ моряку, ему легко было справиться о пароходѣ, и онъ, пріѣхавъ во Владивостокъ, разузналъ все и прислалъ мнѣ телеграмму о томъ, что пароходъ, на которомъ ушли ваши, благополучно прибылъ въ Таку. Слава Богу! Никогда я не забуду этого добраго, милаго врача, котораго видѣла только одинъ разъ въ жизни, и то въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Г-жа В. рѣшила отправиться на розыски мужа, живого или мертваго. Но это было не такъ-то легко выполнить — вѣдь женщины совсѣмъ не пропускаютъ на театръ войны. Губернаторъ Приморской области отнесся сочувственно къ горю г-жи В. и выдалъ ей бумагу о томъ, что мужъ ея, дѣйствительно, раненъ, и что она ѣдетъ къ нему. Запасшись такой бумагой, она отправилась во Владивостокъ. Но тутъ иначе посмотрѣли на ея положеніе, и ни одинъ капитанъ парохода не рѣшался принять ее на бортъ, такъ какъ было строгое распоряженіе о томъ, чтобы женщинъ не перевозить въ Китай. А между тѣмъ, досужіе люди стали передавать бѣдной женщинѣ ложные, какъ потомъ оказалось, слухи о смерти ея мужа. Достоверно ничего не было извѣстно, и бѣдная В. теряла голову. Наконецъ, кто-то надуумилъ ее обратиться къ адмиралу, командиру порта. Адмиралъ слыветъ суровымъ человекомъ, и В. съ трепетомъ направилась къ нему. Но онъ отнесся къ ней по-человѣчески, и въ тотъ же вечеръ она находилась уже на одномъ изъ нашихъ броненосцевъ ¹⁾.

¹⁾ Черезъ нѣкоторое время она разыскала своего мужа въ госпиталѣ, въ Таку, поправляющимся.

8.

11-го августа 1900 г.—Бивуакъ у г. Таку.

(Изъ письма Н. W.)

...Снилось ли кому-нибудь изъ васъ, что я буду сидѣть на берегу р. Пэй-хо, по дорогѣ въ Пекинъ, и оттуда буду писать вамъ письма? И это оказалось не сномъ, а дѣйствительностью. 30-го іюля я отправился изъ Владивостока на голландскомъ пароходѣ; вчера мы пришли въ Таку, а послѣ-завтра уѣзжаемъ по желѣзной дорогѣ въ Тяньцзинь, а оттуда—въ Пекинъ. Далеко ли я зайду? Гдѣ остановлюсь? Все это пока неразрѣшимые вопросы.

Вы себѣ представить не можете, въ какой обстановкѣ я теперь нахожусь. На узкой полосѣ земли, между р. Пэй-хо и полотномъ желѣзной дороги, расположились бивуакомъ части армій всѣхъ европейскихъ государствъ, Америки и Японіи. Мимо палатки моей постоянно сплываютъ солдатики всѣхъ этихъ государствъ, и такъ какъ мы—союзники, то каждый солдатикъ, проходя, непременно отдаетъ честь. Съ одной стороны, французы играютъ „Боже, царя храни“, а съ другой—наши оркестры наигрываютъ „Марсельезу“. Бѣдные китайцы, которые здѣсь остались, исполняютъ роль рабочаго скота. Они, полунагіе (а дѣти до 10—12 лѣтъ совершенно нагія), таскаютъ тяжести съ пароходовъ на желѣзную дорогу и обратно, и при этомъ очень весело и привѣтливо улыбаются.

Война съ китайцами—нѣчто небывало-странное. Вооружены они прекрасно, укрѣпленія ихъ — послѣднее слово науки. Но воевать они не любятъ; военное званіе въ ихъ глазахъ — что-то позорное. Покупая у цивилизованныхъ народовъ оружіе и позволивъ имъ строить форты, они, вѣроятно, воображали, что этимъ они откупаются отъ нашествія „варваровъ“, а поэтому и не думали научиться владѣть приобретеннымъ оружіемъ. Теперь, когда эти „варвары“ пришли, они изумлены ихъ нахальствомъ. Вчера, входя въ устье р. Пэй-хо, мы были поражены грандіозностью укрѣпленія ея береговъ. Европейскія войска не отдали бы ихъ дешево. А тутъ... Встрѣчаются китайцы съ союзниками, на почтительномъ разстояніи пострѣляютъ, затѣмъ исчезаютъ, да такъ основательно—точно сквозь землю проваливаются. А мирные жители прячутся въ колосья. Но такъ какъ это война, слѣдовательно, надо же кого-нибудь убивать, то, за неимѣніемъ настоящаго непріятеля, союзники убиваютъ мирныхъ жителей до

грудныхъ дѣтей включительно. Вотъ почему вы читаете въ газетахъ, что союзники потеряли 10 человѣкъ и убили 1.000 — и это вѣрно. При этомъ умалчиваютъ только, что убивали не только взрослыхъ (и между ними, можетъ быть, и нѣсколькихъ солдатъ), но и стариковъ, и женщинъ, и дѣтей. И въ этомъ спортѣ соревнуютъ союзники безъ исключенія ¹⁾.

9.

27-го августа 1900 г., Нивольскъ-Уссурійскій.

Дней десять назадъ, я получила письмо отъ Н., посланное съ рейда, въ Таку. Какъ я и писала вамъ 9-го августа, они перенесли сильную бурю, но, слава Богу, Н. не особенно страдалъ, а пароходъ молодецки справился съ тайфуномъ. Пароходъ на дѣлѣ оказался хуже, чѣмъ съ перваго взгляда. Офицеры помѣщались отвратительно, нижніе чины — ниже всякой критики. А ужъ какъ были размѣщены бѣдныя лошади — такъ и словъ нѣтъ! Къ счастью, Н. имѣлъ хорошее помѣщеніе. Капитанъ уступилъ свою каюту командиру полка, а командиръ пригласилъ Н. и еще двоихъ. Главная выгода помѣщенія заключалась въ томъ, что оно находится въ центрѣ парохода, гдѣ наименѣе ощущается качка.

Почтово-телеграфная часть у насъ организована отвратительно. Мы еще получаемъ письма отъ нашихъ мужей, но они, говорятъ, вовсе писемъ не получаютъ, такъ — пятое черезъ десятое. О телеграммахъ и говорить нечего: нѣтъ возможности ни посылать, ни получать ихъ. А между тѣмъ, сражающіеся бокъ-о-бокъ съ нами нѣмцы чудно устроились въ этомъ отношеніи: у нихъ каждый солдатъ можетъ даромъ увѣдомить свою семью по телеграфу о происшедшихъ съ нимъ перемѣнахъ. Завидно дѣлается, когда читаешь объ этомъ.

Доходятъ ли до васъ правильныя извѣстія объ этой войнѣ? Знаете, ли вы, что это за бойня, за массовое избіеніе китайцевъ? Говорятъ, въ Благовѣщенскѣ потопили въ Амурѣ 3.000 китайцевъ съ женами и дѣтьми. И это были мирные граждане, отъ которыхъ городъ имѣлъ болѣе 40.000 рублей дохода въ годъ. Это — фактъ. Производится официальное разслѣдованіе по этому дѣлу...

¹⁾ Единственнымъ почти исключеніемъ является бой подъ Тяньцзинемъ, гдѣ китайцы, дѣйствительно, оказали серьезное сопротивленіе, и тамъ союзники въ одинъ день потеряли до 700 человѣкъ.

10.

18-го сентября 1900 г., Никольскъ-Уссурийскій.

...Н. пишетъ, что весь ихъ походъ— „беззаботная прогулка“, только сопровождаемая многими лишениями, въ родѣ отсутствія порядочной пищи, питьевой воды (въ Пэй-хо вода — густоты и цвѣта шokolade), помѣщеній для сна. Затѣмъ, онъ сообщаетъ, что несмѣтные богатства разграблены и перешли въ руки европейскаго воина. Генералы и офицеры не отставали отъ солдатъ, и беззащитно рассказываются многіе случаи обогащенія золотомъ, серебромъ, драгоценными каменьями, мѣхами... Европейцы, въ дѣлѣ угнетенія китайцевъ и грабежѣ, какъ и во всемъ, идутъ далеко впередъ насъ. Приведу вамъ нѣкоторые мѣста изъ послѣдняго письма Н. (письмо это писано на походѣ между Янцзуномъ и Цекиномъ):

„Ты представить себѣ не можешь, что за странный народъ китайцы. Идемъ мы все время по неудобной, насыпной дорогѣ— повидимому, это— дамба, вышиной отъ 2-хъ до 4-хъ сажени и шириной съ обыкновенное наше шоссе. Дамба эта идетъ зигзагомъ вблизи (отъ $\frac{1}{2}$ до 2 версты) р. Пэй-хо и параллельно ей. Назначеніе ея, повидимому, — предохранять мѣстность отъ наводненія. Такъ, вотъ, мы идемъ по возвышенію, и съ обѣихъ сторонъ— сплошныя, насколько хватаетъ глазъ, засѣянные гаолянномъ (родъ крупы, идущей въ пищу людямъ), вукурувой и проч. поля. Я, кажется, писалъ уже тебѣ, что гаолянъ здѣсь такой вышины, что всадникъ на лошади на немъ спрячется такъ, что его и не увидишь. Будь витайцы хоть сколько-нибудь воинственны, они всю соединенную армию перестрѣляли бы по одному: стрѣлять въ гаолянъ нѣтъ смысла, такъ какъ не видишь, въ кого стрѣляешь. Мало того, на разстояніи отъ $\frac{1}{2}$ до 2 версты другъ отъ друга расположены деревни. Онѣ не велики, но это— сплошные муравейники съ зигзагообразными узкими щелями-улицами. Каждая пядь земли въ такой деревнѣ—это маленькая крѣпость, откуда тебя безнаказанно могутъ поразить пулей. И все это они бросили, и очертя голову побѣжали передъ горстью людей. А эта цивилизованная горсть, ничтоже сумняшеса, шла впередъ и убивала мирныхъ жителей, которые повинны только въ томъ, что не успѣвали въ-время убѣжать. Ты представить себѣ не можешь, какое омерзѣніе вызываютъ эти такъ называемыя цивилизованныя націи: французы, англичане и проч. Они не имѣютъ своихъ обозовъ, и поэтому ловятъ мирныхъ ки-

тайцевъ и заставляють ихъ носить свои тяжести, и какъ еще навьючиваютъ ихъ, и бьютъ, и убиваютъ за то, что тѣ яко бы лѣниво работаютъ!.. Вотъ и видишь картины изъ не очень далекаго прошлаго, изъ быта рабовладѣльцевъ и торговцевъ неграми: идетъ цѣлый караванъ полунагихъ китайцевъ, согнутыхъ въ три погибели подъ тяжестью своихъ ношъ и обливающихся потомъ, а ихъ конвоируютъ два-три флегматическихкихъ нѣмца, или француза, или англичанина. По дорогѣ то-и-дѣло валяются трупы китайцевъ: большая часть изъ нихъ—это убитые носильщики. Всего больше поражаютъ французы. Въ то время, какъ мы вовсе не останавливаемся въ деревняхъ, избѣгая грязи и разразы, французы и японцы преспойно располагаются въ разрушенныхъ городахъ и деревняхъ, среди грязи и смрада отъ разлагающихся труповъ животныхъ и людей. На бивуакахъ они цѣлыми днями безцѣльно бродятъ, роются въ развалинахъ и ищутъ добычи, оставшейся послѣ шедшихъ впереди. По пути они пристрѣливаютъ свиней и собакъ... Вообще, они любители стрѣлять...

11.

22—24 августа 1900 г., Пекинъ.

(Изъ письма Н. W.)

Съ пяти часовъ пополудни вчерашняго дня мы находимся въ Пекинѣ. Развѣ это не странно?

Къ городу пробираться по невозможно испорченной грязной дорогѣ. Предмѣстий никакихъ. Унылая равнина разнообразится только прелестными парками съ правильно посаженными холеными деревьями: это—фамильные кладбища. Поражаетъ стѣна, которою обнесенъ городъ. По рассказамъ, мѣстами ширина ея доходить до 15—20 сажень; и дѣйствительно, цѣлая рота наши бивуакируютъ на ней.

Самъ городъ неописуемо грязенъ. Самая фешенебельная часть—это улица посольствъ, напоминающая захолустную улицу Варшавы, и то—старога города.

Помѣстили насъ въ зданіи здѣшней высшей школы (университета). Это—длинные деревянные 1½-этажные постройки, раздѣленные во всю длину корридормъ, по обѣ стороны котораго расположены отдѣльныя маленькія каморки, въ 1½ квадр. саж. каждая. Въ этихъ-то каморкахъ китайскіе чиновники, пріѣзжавшіе въ Пекинъ для сдачи экзамена на высшій чинъ, взаперти приготовляли свои письменныя работы. Когда подъѣзжаешь къ

университету, — впрочемъ, какъ и во всякому пекинскому зданію, за немногими исключеніями, — то и не подозрѣваешь, что скрывается за глухой стѣной забора и болѣе или менѣе расписными воротами. А за этими воротами — мощный квадратный дворъ, и противъ воротъ — зданіе съ крыльцомъ по срединѣ. За первымъ дворомъ слѣдуетъ второй съ такимъ же зданіемъ и т. д. съ полверсты. Въ зданіяхъ университета помѣщаются въ настоящее время: три казачьихъ сотни, полевой и бригадный госпитали, отрядный штабъ со всѣми служащими и квартира генерала Линевица — и все еще есть мѣсто.

Мы съ командиромъ полка остались недовольны отведенными намъ квартирами и сами переехали на другую квартиру. Теперь мы занимаемъ, повидимому, одинъ изъ самыхъ богатыхъ буддійскихъ монастырей, и настоящее письмо я пишу въ одной изъ комнатъ настоятеля. Чтобы дать вамъ представленіе объ обстановкѣ занимаемаго нами дома, скажу только, что кромѣ шолва и рѣзной мебели изъ краснаго и чернаго дерева, другихъ вещей здѣсь нѣтъ. А что это за рѣзба! Въ жизни не видалъ я такой тонкой работы и такихъ изящныхъ рисунковъ! Полы изъ графита. Веранды и нашъ дворикъ выложены мраморомъ. Такихъ домиковъ, но съ нѣсколько болѣе простой обстановкой — множество. Безъ преувеличенія можно сказать, что монастырь этотъ занимаетъ площадь въ квадратную версту. А сколько богатствъ здѣсь было! По обломкамъ мебели и статуй боговъ, по массѣ шолковыхъ вещей, которыя грудями брошены во всѣхъ дворахъ, можно составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, что отсюда унесено. Осталось вѣдь только то, что въ глазахъ побѣдителей не имѣло никакой цѣнности. О великолѣпнн внутренняго убранства храмовъ и говорить нечего. Но божества отвратительны по внѣшности...

12.

26-го августа 1900 г., Пекинъ.

(Изъ письма Н. W.)

...Сегодня, послѣ обѣда, мы узнали, что главнокомандующій ѣдетъ осматривать императорскій дворецъ. Мы и пристроились къ нему, и сейчасъ только вернулись, проѣздивши часа три. Самый осмотръ былъ такъ торопливъ и поверхностенъ, что невозможно было получить цѣльнаго впечатлѣнія. Признаться, я большаго ожидалъ, чѣмъ нашель.

Дворецъ обнесенъ громадной каменной стѣной, выкрашен-

ной въ красный цвѣтъ. Сейчасъ же за стѣной—рядъ фанъ, только болѣе вычурныхъ, чѣмъ обыкновенныя. Далѣе—внутренній дворъ, вокругъ котораго идетъ глубокой и широкой каналъ, весь заросшій лотосомъ. Черезъ этотъ каналъ ведетъ мраморный, очень красивый мостъ. Самъ дворецъ императрицы—это легкая двухъ-этажная постройка, вся покрытая золочеными узорами въ витайскомъ вкусѣ. Большинство мелкорѣшетчатыхъ оконъ заклеены бумагой и изнутри завѣшены голубыми занавѣсками, такъ что мы все время шли по какому-то темному лабиринту изъ маленькихъ комнатъ, украшенныхъ богатой рѣзьбой и уставленныхъ безчисленнымъ множествомъ часовъ и музыкальныхъ ящиковъ разнообразной величины и качества, начиная отъ самыхъ аляповатыхъ и кончая самыми изящными. Масса художественныхъ издѣлій изъ камня и бронзы, масса старинныхъ сосудовъ, великолѣпныхъ клоазонé. Но еще больше валается пустыхъ футляровъ, изъ которыхъ вещи уже разошлись по рукамъ.

Мы были въ аудіенцъ-залѣ, дальше которой европейцы не допускались до 1902 г.; побывали и въ новѣйшей аудіенцъ-залѣ; посидѣли на тронахъ богдыхана; были въ той залѣ, гдѣ императрица принимала женъ пословъ; видѣли желѣзную дорогу, которая проходитъ внутри дворца; посидѣли въ вагонахъ, которые больше похожи на паланкины. Наконецъ, мы прошли во дворецъ императора. Онъ находится на отдѣльномъ островѣ. Къ нему велъ мостъ, который былъ снятъ изъ опасенія, чтобы пѣннигъ не убѣжалъ (въ то время императоръ былъ отлученъ отъ престола). Теперь на мѣсто моста положены три доски, по которымъ мы и прошли. Этотъ дворецъ гораздо меньше и проще дворца императрицы. Тамъ, между прочимъ, лежитъ книга, въ которой императоръ отмѣчалъ побѣды своихъ войскъ и число убитыхъ европейцевъ... И у него повсюду масса бездѣлушекъ...

Дворцовыя аллеи усажены... подсолнухами, а по бокамъ, на лужайкахъ, всюду растутъ фигурныя тывы въ трельяжахъ. Эти же тывы во множествѣ лежатъ во всѣхъ комнатахъ дворца. Говорятъ, императрица дарила ими гостей и приближенныхъ. Тывы у нихъ—символъ счастья и многоплодія, а послѣднему витайцы усердно поклоняются...

Не волшебная развѣ сказка, что я очутился въ Пекинѣ, гуляю по дворцамъ богдыхана, какъ у себя дома, и сяжу на его тронъ? Внутренній дворецъ—вѣдь это святая-святыхъ; въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ европейцы не бывали даже въ самое послѣднее время, туда не допускали даже высокопоставленныхъ витайцевъ...

13.

10-го сентября 1900 г., Пекинъ.

(Изъ письма Н. W.)

...8-го сентября у насъ происходило открытіе лазарета Кр. Креста, и я обязательно долженъ былъ присутствовать на этомъ торжествѣ. Если Иванъ Александровичъ Хлестаковъ составлялъ пульку двумъ-тремъ посланникамъ, то я пилъ шампанское со всѣми послами. Лазаретъ Кр. Креста занялъ прелестнѣйшее помѣщеніе. Говорятъ, это былъ дворецъ принца Ли. Замѣчательно, что снаружи и не догадаешься, что передъ тобою дворецъ, а не обыкновенная китайская усадьба. Ыдешь туда вдоль глухой высовой каменной стѣны, одна сторона которой равняется двумъ верстамъ ¹⁾. Затѣмъ въѣзжаешь въ такой узкій переулочекъ, что два верховыхъ еле могутъ ѣхать въ рядъ. Въѣзжаешь въ ворота и опять упираешься въ глухую стѣну. Затѣмъ, по безконечному лабиринту, съ обѣихъ сторонъ котораго тянутся невзрачныя постройки, попадаешь во внутренній дворъ, обстроенный по краямъ легкими, довольно вычурными зданіями. Между ними разбросаны искусственныя скалы, гроты, бесѣдки и проч. Много зелени. Въ этихъ безчисленныхъ постройкахъ и размѣстился лазаретъ, собственно палаты для больныхъ. Все это очень чисто и элегантно. Жаль только, что, въ цѣляхъ лазаретныхъ, пришлось выломать всю богатую рѣзьбу.

Послѣ молебна, на которомъ присутствовали всѣ послы, продемонстрировали намъ помѣщенія, затѣмъ предложили шампанское, фрукты и чай. Исключительно для русскихъ были отдѣльно приготовлены водки и закуска. Одинъ изъ врачей сфотографировалъ нашу группу.

14.

24-го октября 1900 г. Пароходъ „Херсонъ“.

Вы знаете уже, какъ тоскливо и монотонно тянулась жизнь женъ, оставшихся въ Никольскѣ. Наши пришли въ Пекинъ послѣ его вятія и, слышно, останутся тамъ на зиму. Мы, дамы, особенно бездѣтныя, сильно заволновались: въ Пекинъ! въ Пекинъ, въ мужьямъ! Въ Пекинѣ, какъ вы, конечно, знаете уже изъ газетъ, войска оставались не долго: ихъ перевели въ Тьянцзинъ, и оттуда уже мужья стали намъ писать, что они

¹⁾ Это стѣна собственно китайскаго города.

останутся тамъ на зиму, и чтобы мы постарались къ нимъ прѣхать. Легко имъ было писать объ этомъ, такъ какъ они не знали, что женщинамъ запрещенъ вѣздъ въ Китай. Но какъ было намъ выполнить это общее ихъ и наше желаніе? Думали, думали мы и, наконецъ, рѣшили послать адмиралу Алексѣеву телеграмму съ просьбой разрѣшить намъ прѣздъ къ мужьямъ. Телеграмму эту подписали семь дамъ нашего полка, конечно и я въ ихъ числѣ. Отвѣтъ получился самый благопріятный: „Командующій войсками разрѣшаетъ прѣздъ такимъ-то (слѣдуютъ имена) только въ Тяньцзинь“. Обратите вниманіе на словечко „только“: оно потомъ причинило намъ не мало тревогъ и волненій. Но тогда мы объ этомъ не думали. Гордясь полученнымъ разрѣшеніемъ, мы весело собрались въ путь и поѣхали во Владивостокъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ. Но не тутъ-то было. Такъ какъ всѣ наши пароходы заходили въ Портъ-Артуръ, а вѣздъ въ Портъ-Артуръ опять-таки былъ воспрещенъ дамамъ, то ни на одинъ пароходъ намъ не продавали билетовъ. Два парохода ушли у насъ на глазахъ, а агентъ добровольнаго флота упрямо твердилъ, что такъ какъ намъ разрѣшенъ вѣздъ только въ Тяньцзинь, то онъ не можетъ согласиться на то, чтобы мы сѣли на пароходъ, заходящій въ Портъ-Артуръ...

— Да поймите, намъ вашъ Портъ-Артуръ не нуженъ, мы и глядѣть-то на берегъ не будемъ... Но какъ же иначе попасть намъ въ Тяньцзинь? Не по воздуху же перелетѣть?

— А мнѣ какое дѣло!—невозмутимо отвѣчалъ „ламаза-капитанъ“ (капитанъ-тигръ, какъ его зовутъ корейцы и китайцы).—Поѣзжайте на иностранномъ пароходѣ черезъ Чифу.

— Да вѣдь нѣтъ сейчасъ иностранныхъ пароходовъ на рейдѣ, и не предвидится приходъ ихъ. А у насъ разрѣшеніе командующаго войсками.

— А у меня запрещеніе командующаго войсками, запрещеніе принимать дамъ на бортъ пароходовъ...

Ну, чтѣ съ нимъ было дѣлать!?

Бились мы такъ дней пять. Вспомнивъ помощь, оказанную адмираломъ порта г-жѣ В., побывали и у него. Но, къ сожалѣнію, какъ разъ въ то время не было ни одного судна, на которомъ онъ могъ бы пристроить насъ. Наконецъ, по совѣту одного бывалаго человѣка, мы взяли заграничные паспорта и купили билеты до Нагасаки, а тамъ должны были пересѣсть на какое-нибудь иностранное судно, которое доставитъ насъ прямо въ Таку.

И вотъ я теперь—на извѣстномъ пароходѣ „Херсонъ“, на которомъ, кромѣ насъ, еще семь дамъ (въ томъ числѣ двѣ дочери генерала Линевича), которыя, съ разрѣшенія командующаго войсками, ѣдутъ въ Портъ-Артуръ, а дѣвицы Л.—въ Тянь-цзинь, но съ заграничными паспортами, какъ мы.

15.

27-го октября 1900 г. Рейдъ у Нагасаки, пароходъ „Херсонъ“.

Третьяго дня, поздно ночью, пароходъ нашъ бросилъ якорь у Нагасаки, и вчера, съ раняго утра, вся публика высыпала на палубу, чтобы любоваться видами. И было чѣмъ любоваться! Нагасаки расположенъ неправильнымъ амфитеатромъ по уступамъ прелестныхъ горъ. Зелень въ полномъ блескѣ, воздухъ—какъ въ Крыму, въ маѣ мѣсяцѣ. На рейдѣ масса судовъ и, между ними, гигантскіе броненосцы всѣхъ націй. Все такъ красиво и мило, что кажется созданнымъ нарочно для того, чтобы радовать глазъ. Мы остановились довольно далеко отъ берега, такъ какъ, въ виду чумы, требуется предварительный осмотръ пассажировъ и команды.

Пріѣхали японскіе врачи, маленькіе, элегантно одѣтые. Съ чистой публикой они только раскланялись, а насколько тщательно осмотрѣли они команду—не знаю. Послѣ того, какъ доктора удалились, пароходъ подошелъ къ берегу, и чѣмъ ближе мы подходили, тѣмъ очаровательнѣе все казалось. Наконецъ, пароходъ бросилъ якорь совсѣмъ близко отъ берега и моментально былъ окруженъ цѣлой флотиліей шлюпокъ. Еще моментъ—и масса японцевъ, торговцевъ всякой всячиной, была уже на обѣихъ палубахъ парохода и разложила излщныя бездѣлушки на соблазнъ публики,—и пошла торговля!

Вскорѣ мы цѣлой компаніей, въ количествѣ пяти дамъ, сѣли въ шлюпку и отправились на берегъ. На берегу расположились, въ ожиданіи пассажировъ, цѣлыя полчища дженерившей. Это—хорошенькія, маленькія двухколесныя колясочки, каждая—на одного пассажира, и тянетъ ее—человѣкъ. Мы усѣлись, повѣздъ нашъ тронулся въ путь, и мы хохотали до упаду, привлекая, конечно, вниманіе встрѣчной японской публики. Мы велѣли везти себя прямо по городу, и вотъ передъ нашими глазами замелькали пестрыя и интересныя картинки изъ „Г-жи Кризантемъ“. Кстати, теперь кризантемы въ полномъ цвѣтѣ: японцы—большіе любители цвѣтовъ и съ поразительнымъ вкусомъ и изяществомъ культивируютъ ихъ.

Мы побывали на интересной выставѣ цвѣтовъ. Представьте себѣ небольшія человѣческія фигурки въ разныхъ позахъ, изображающія различныя сцены,—напримѣръ, дуэль, объясненіе въ любви,—одѣтыя сплошь живыми, растущими цвѣтами. Поясню это примѣромъ. Напримѣръ, тамъ была фигура женщины, одѣтая въ лиловую юбку и бѣлую тунику съ розовыми рукавами, и все это одѣяніе составлено замѣчательно искусно изъ растущихъ вокругъ фигурки кризантемъ, да такъ, что ни одинъ бѣлый цвѣтокъ не заплзъ въ лиловые и наоборотъ...

Два раза мы уѣзжали компаніей въ городъ, и каждый разъ видѣли что-нибудь интересное. Вчера мы совершили чудную прогулку въ горы. Наверху нѣсколько огромныхъ водоемовъ, куда собирается, насколько можно понять изъ объясненій японцевъ-ришшей, вода изъ водоема, расположеннаго въ 15 верстахъ отъ города, и откуда она по трубамъ расходится по всему городу.

Невозможно передать словами, до какой степени дороги, поля, горы и все вокругъ воздѣлано и содержится чисто и аккуратно. По склонамъ горъ—могучая, чудная растительность: гигантскія камфорныя деревья, лавры, пальмы и вообще растенія, которыя мы видимъ только въ оранжереяхъ. Прелесть невыразимая, непередаваемая.

Диковинный народъ эти японцы! Съ одной стороны—высокая культура, нашедшая себѣ выраженіе хотя бы въ изящныхъ художественныхъ издѣліяхъ и въ этомъ необыкновенномъ воздѣлываніи земли. Съ другой—дикость и простота нравовъ, выражающаяся... въ костюмахъ. Въ Японіи совсѣмъ не рѣдкость встрѣтить джентльмена, все одѣяніе котораго составляетъ коротенькая курточка, не закрывающая даже извѣстной части тѣла и... фиговый листокъ. А нѣкоторые обходятся однимъ поясомъ цѣломудрія. Большинство, впрочемъ, одѣто прилично. Но это меньшинство, которое не незначительно, никого не шокируетъ...

Видѣла я храмы, кладбища, была въ театрѣ.

Театръ японскій поражаетъ своей странностью глазъ европейца. Начать съ того, что представленіе тамъ тянется цѣлый день. Купивъ утромъ билетъ, вы можете приходить и уходить и опять приходить столько разъ, сколько вамъ угодно. Зрители (японцы) располагаются тамъ совершенно какъ дома; пьютъ, ѣдятъ, и матери даже кормятъ грудныхъ дѣтей, которыхъ имъ приносятъ нянюшки. Зданіе театра—большой деревянный баракъ, съ трехъ сторонъ котораго тянутся галереи (четвертая сторона—сцена). Зрительный залъ весь разгороженъ на квадратныя небольшими деревянными перегородками, настолько неболь-

шими, что ребенокъ 6—8 лѣтъ свободно можетъ перешагнуть черезъ этотъ барьеръ. Эти огороженные квадратныя пространства—ложи, въ которыхъ зрители располагаются прямо на полу, поджавъ подъ себя, по азіатскому обычаю, ноги. Для того, чтобы удобнѣе было сидѣть, каждому приносятъ маленькую плоскую подушку. Мы не рѣшились усѣсться на полу и расположились на узенькомъ барьерѣ, подложивъ подъ себя подушки—поза не изъ удобныхъ. Между ложами, или, правильнѣе сказать, по ложамъ, полуголыя официанты (весь костюмъ—воротенькій халатикъ, спереди не застегивающійся и не запахивающійся) разносятъ въ антрактахъ—конечно, за деньги—фрукты, сласти и прохладительныя напитки. Понятно, что появленіе въ „ложѣ“ европейскихъ дамъ обратило на себя вниманіе публики и официантовъ. Въ сосѣдней ложѣ расположились наши рикши (извозчики). Одинъ изъ нихъ воображалъ, что онъ говоритъ по-русски, и взялся объяснить намъ то, что происходило на сценѣ. На сценѣ же шла, очевидно, героическая пьеса. Въ серединѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, сидѣлъ какой-то господинъ (вѣроятно, императоръ или полководецъ) и говорилъ что-то декламаторскимъ, напыщеннымъ тономъ. Направо и налѣво отъ этого персонажа сидѣло на полу, съ поджатыми ногами, въ позахъ, выражавшихъ почтительность, нѣсколько человекъ, а одинъ сидѣлъ нѣсколько впереди всѣхъ и сбоку, ближе къ публикѣ, уставившись лбомъ въ землю. На всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ были костюмы и прически, которые не встрѣчались намъ на современныхъ японцахъ,—очевидно, историческіе. Когда кончилъ свою рѣчь сидѣвшій на возвышеніи, заговорилъ господинъ, сидѣвшій уставившись въ землю лбомъ. Тотъ говорилъ еще болѣе напыщенно, съ повышениями и пониженіями голоса. Затѣмъ опять заговорилъ первый, затѣмъ—опять второй, и все это—не мѣняя позы, какъ говорящія куеклы. Потомъ всѣ встали, торжественной процессіей обошли нѣсколько разъ вокругъ сцены и ушли за сцену. Мы посидѣли немного во время антракта и покинули театральную залу, такъ какъ не могли добиться, какъ долго продлится антрактъ.

Навѣстили мы также гейшъ, но нашли, что онѣ много ниже своей репутациі. Возможно, что мы попали къ какимъ-нибудь простонароднымъ гейшамъ, такъ какъ поѣхали къ нимъ по рекомендаціи нашихъ рикшъ. Спросить кого-нибудь изъ мужчинъ на пароходѣ мы стѣснялись, такъ какъ полагали, что гейши—нѣчто очень неприличное. Но смотрѣть тѣ танцы, которые мы видѣли, смѣло можно повести даже дѣтей.

16.

16-го ноября 1900 г., Тяньцзинь.

Вотъ уже полторы недѣли, какъ я въ Тяньцзинь, и съ тѣхъ поръ произошло уже двадцать перемѣнъ. То мы уходили въ Нивольскъ, то—въ Шанхай-Гуань, то оставались, то опять куда-нибудь уходили... По послѣдней верси и мы все-таки зимуемъ здѣсь...

Въ Нагасаки мы простояли семь дней: пароходъ нашъ красился въ дождь. Мы жили все время на пароходѣ и только ежедневно съѣзжали на берегъ. Нагасаки—прелестный уголокъ. Особенно приятно было впечатлѣнiе, когда, послѣ холодной уссурійской погоды и рѣзкихъ вѣтровъ, мы очутились въ странѣ, гдѣ въ это самое время цвѣли розы и зрѣли апельсины. Время я провела прекрасно. Но было бы еще прекраснѣе, если бы со мной былъ кто-нибудь родной, съ кѣмъ я могла бы подѣлиться впечатлѣнiями.

Канунъ нашего отплытiя изъ Нагасаки ознаменовался слѣдующимъ событiемъ. Въ числѣ пассажировъ былъ генералъ С., манчжурскiй герой, который долженъ былъ пересѣсть на другой пароходъ, уходившiй въ Россiю. Наканунъ того дня, въ который онъ долженъ былъ покинуть пароходъ, онъ задалъ обѣдъ всѣмъ пассажирамъ I-го класса. Обѣдъ былъ поданъ, какъ это вообще водится на пароходѣ, съ особой роскошью. На него были приглашены моряки со стоявшаго тутъ же, въ Нагасаки, броненосца „Петропавловскъ“. Столъ былъ убранъ букетами изъ кризантемъ и фруктами. Мѣста были распределены такъ, что каждая дама имѣла подлѣ себя кавалера, и у каждого дамскаго прибора былъ развернуть вѣрть съ фотографiей „Херсона“. Обѣдъ былъ, конечно, съ шампанскимъ и тостами. За обѣдомъ игралъ хоръ японской военной музыки и, надо отдать ему справедливость, игралъ очень северно. Послѣ обѣда на палубѣ были организованы танцы. А съ палубы виденъ былъ рейдъ со множествомъ свѣтящихся точекъ—это стояли и двигались освѣщенные суда. А берегъ Нагасаки—тоже былъ весь усѣянъ огнями: словомъ, балъ происходилъ при совершенно исключительной, феерической обстановкѣ... На другой день, утромъ, мы простились съ генераломъ С., а послѣ четырехъ часовъ дня покинули, наконецъ, хорошенькое Нагасаки и двинулись въ Артуръ. Желтое море порядкомъ покачало насъ, и черезъ двое сутокъ мы были уже въ Артурѣ.

Тутъ начинается новая серiя приключенiй и препятствiй.

Начну съ начала. Наканувѣ нашего отплытія изъ Нагасаки, дѣвицы Л. уѣхали, вмѣстѣ съ женой нашего посланника въ Певинѣ, на броненосцѣ, посланномъ за нею, прямо въ Таку. Мы передали черезъ нихъ письма нашимъ мужьямъ, и не безъ страха думали о томъ, что ждетъ насъ въ недоступномъ для насъ Артурѣ. Когда мы достигли, наконецъ, этого пункта, положеніе показалось намъ прямо безвыходнымъ. Посудите сами: пароходъ, на которомъ мы шли, уходилъ черезъ сутки въ Россію; а намъ въ Артурѣ запрещено жить, и мы не имѣемъ тамъ зна-вовой души... Куда дѣваться? Съѣхали мы на берегъ и обратились въ контору пароходовъ, нѣтъ ли парохода въ Таку. Намъ отвѣчали:

— Вотъ, грузится пароходъ въ Таку, но онъ зафрахтованъ для войска. Мы не имѣемъ права принимать частныхъ пассажировъ.

— А кто грузится на этомъ пароходѣ?

— Смѣнная команда NN полка.

— Боже мой, да вѣдь это наши! Неужели намъ нельзя къ нимъ пристроиться?

— Я не имѣю права сдѣлать это, но обратитесь къ лейтенанту С., авось онъ вамъ поможетъ. Да торопитесь: черезъ полчаса пароходъ уходитъ.

— Гдѣ же мы можемъ видѣть лейтенанта С.?

Молодой человѣкъ, служащій при конторѣ, подошелъ къ телефону, и черезъ нѣсколько минутъ нетерпѣливаго ожиданія мы увидѣли господина въ морской формѣ, медленно направлявшагося черезъ площадь къ конторѣ.

— Вотъ лейтенантъ С.

Мы окружили его со всѣхъ сторонъ и всѣ разомъ начали излагать ему, въ чемъ дѣло. Представьте себѣ положеніе бѣднаго лейтенанта! Онъ сталъ отчаянно отмахиваться и отрицать свое всемогущество, но мы ничего и слышать не хотѣли, и кончилось тѣмъ, что добродушный и милый С. уступилъ.

— Ну, барыни,—сказалъ онъ,—убѣдили вы меня! Поѣзжайте на „Херсонъ“, привозите свои вещи, а я тутъ все безъ васъ устрою.

Восторгу и благодарности нашимъ не было предѣловъ. Мы сейчасъ, конечно, пустились на пароходъ за багажемъ. Тамъ насъ ожидалъ пріятный сюрпризъ. Оказалось, за нами былъ посланъ офицеръ нашего полка, и пока мы устроивались, какъ умѣли, въ Артурѣ, онъ, не зная о томъ, что мы на берегу, отправился на „Херсонъ“. Офицеръ любезно взялъ на себя хлопоты о нашемъ багажѣ и торопилъ насъ, такъ какъ „Pronto“

долженъ былъ скоро поднять якорь. На палубѣ „Pronto“ насъ встрѣтилъ лейтенантъ С. Какъ оказалось потомъ, С. сказалъ капитану „Pronto“, что *одна* дама пробирается къ своему мужу, и упросилъ его, въ видѣ исключенія, довести ее. Каково же было удивленіе капитана, когда онъ сталъ считать дамъ, поднимающихся по узенькому трапу,—одна, двѣ, три, четыре, пять, шесть, семь!

— Батюшки, да что же это такое?

— А это—дамы, провожающія свою командиршу,—успокоивалъ испуганнаго такимъ нашествіемъ капитана лейтенантъ С.

Но нѣтъ! Вслѣдъ за дамами виднѣется цѣлая флотилія шляпокъ съ сундуками, чемоданами и картонками разной величины и вида.

— А много у дамъ багажа?—спрашиваетъ капитанъ упавшимъ голосомъ, очевидно примирившись уже съ той мыслью, что мы съ парохода не уйдемъ.

— О, сущіе пустяки!—отвѣчаемъ мы.—Такъ, ручной багажъ.

Можете представить, каково былъ „ручной“ багажъ у семи дамъ. Черезъ нѣсколько минутъ добрая часть палубы была завалена имъ, и мы простились съ добрымъ лейтенантомъ С. и другимъ морякомъ, который тоже помогалъ намъ въ дѣлѣ завоеванія „Pronto“.

Помѣщенія для пассажировъ на пароходѣ совсѣмъ не оказалось, и капитанъ уступилъ намъ, семи дамамъ, свою каюту и каютъ-компанію, и мы кое-какъ расположились тамъ, выгнавши бѣдныхъ мужчинъ на холодъ.

Пароходъ прибылъ въ Таку.

Таку—это фортъ у устья р. Пэй-хо. Для того, чтобы войти въ эту рѣку, нужно дождаться прилива, то-есть 12-ти часовъ дня или 12-ти часовъ ночи; въ другіе же часы—мелководье, не войдешь. Мы пришли въ-время, но насъ задержали изъ-за какихъ-то формальностей; а около часу дня вода начала убывать. Ночью капитанъ не рѣшился войти, и такимъ образомъ пришлось простоять цѣлыя сутки почти у цѣли. Можете представить себѣ наше настроеніе! А тутъ еще пошли рассказы о томъ, что далеко не каждый день бываетъ достаточно воды, что иногда въ теченіе двухъ-трехъ дней приливъ совершенно ничтоженъ, что часто на якорѣ у Таку отчаянно качаетъ и т. п. Я такъ и не знаю, что въ этихъ разсказахъ правда, и что—ложь. Знаю только, что ни одно дурное предсказаніе на сей разъ не оправдалось. Насъ хотя и качало, но не такъ уже ужасно, и на слѣдующій день, съ приливомъ, мы начали входить въ Пэй-хо.

Забыла еще сказать, какою величественный видъ представляла рейдъ версты за двѣ до того мѣста, гдѣ мы бросили якорь. Хотя половина судовъ соединенной эскадры ушла въ Шанхай-Гуань, однако около Таку оставалось достаточное еще количество этихъ грозныхъ красавцевъ-великановъ.

Когда мы двинулись по направленію къ Пэй-хо, опять нашимъ глазамъ представилась чудная картина. Масса судовъ спѣшила воспользоваться приливомъ, чтобы войти въ рѣку или выйти изъ нея. На встрѣчу намъ двигались пловучіе госпитали, эвакуировавшіе больныхъ, полки сипаевъ—англійскія войска изъ Индіи, о нихъ рѣчь послѣ—и, вообще, суда всѣхъ націй. И вмѣстѣ съ тѣмъ все ближе и ближе придвигались грозные форты Таку, представляющіе, какъ говорятъ, послѣднее слово военной науки, и которые эти глупые, несчастные китайцы такъ дешево отдали.

Черезъ два часа мы бросили якорь у Тонку, откуда начинается желѣзная дорога. Тамъ, мы были увѣрены, насъ встрѣтитъ мужья; но не тутъ-то было! Они не знали дня нашего пріѣзда, и поэтому никто не выѣхалъ намъ на встрѣчу. Какъ потомъ оказалось, Н. выѣзжалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ-рядъ въ Тонку, но какъ разъ въ этотъ день—6-го ноября—онъ рассчиталъ, что мы не можемъ пріѣхать. Мы дождались поѣзда. Въ 4 часа мы сѣли въ вагонъ, двери и овна котораго носили слѣды недавнихъ событій—были прострѣлены—и въ 6 часовъ благополучно достигли вокзала въ Тяньцзинь.

Прежде чѣмъ рассказывать дальше, я должна хоть въ двухъ словахъ описать Тонку. Вокзала, въ нашемъ смыслѣ, тамъ нѣтъ. Это—просто перронъ, около котораго помѣщается телеграфная станція, и—только. Всѣ служащіе живутъ въ приспособленныхъ для жилья вагонахъ. Недалеко отъ перрона находится ресторанъ, который содержитсѣ грекомъ. Впрочемъ, здѣсь большая часть ресторановъ содержитсѣ греками. Говорятъ эти греки, конечно, на всѣхъ языкахъ болѣе или менѣе плохо. Пока мы сидѣли и гуляли по платформѣ въ Тонку, глазамъ нашимъ представлялась странная по своей пестротѣ картина. Передъ нами дефилировали войны всѣхъ странъ и народовъ. Тутъ были и американцы, и стройные англичане въ своихъ медвѣжьяго цвѣта востюмахъ, и зуавы въ широчайшихъ красныхъ штанахъ, образующихъ родъ юбки, въ фигаро и беретахъ, и французы въ кепи и темно-синихъ бурнусахъ, и откормленные нѣмцы съ ярко вычищенными пуговицами, и маленькіе аккуратно одѣтые японцы, и русскіе, и китайцы, и, наконецъ, живописные сипаи. Послѣдніе

интереснѣе всѣхъ. Начать съ того, что всѣ они—индусы или негры (между американскими солдатами встрѣчалось тоже много негровъ и мулатовъ). Попадаютъ между сипаями жалкіе, несчастные субъекты: это тѣ, которые не переносятъ суроваго для нихъ климата Печилійской провинціи. Они ѣжатся, жмутся, вутаются въ какія-то тряпки и одѣяла, и, несмотря на бронзовый цвѣтъ кожи, видно, что они смертельно блѣдны. Но зато большинство прямо великолѣпны. Если вы видѣли картины Верещагина, которыя онъ вывезъ изъ Индіи, то вы знаете этотъ типъ. Большая, стройная фигура; выразительное, библейскаго типа лицо; прекрасные глаза; черная курчавая борода; темно-бронзовый цвѣтъ кожи—вотъ его обликъ. Голвы увѣнчаны тюрбанами—большую частью—увы!—очень грязными, верблюжьяго цвѣта. Но попадаютъ тюрбаны ярко красные и даже красные съ золотомъ—вѣроятно, въ зависимости отъ полка, а можетъ быть, и чина...

Итакъ, въ шесть часовъ вечера прибыли мы въ Тяньцзинь. Хорошо, что наши получили телеграмму, хоть и за часъ до нашего прибытія, а то мы очутились бы въ отчаянномъ положеніи. Ночь, ни зги не видать, и пришлось бы шествовать пѣшкомъ версты три, по крайней мѣрѣ, сначала полемъ, а затѣмъ по кривымъ, узенькимъ, вонючимъ китайскимъ улицамъ. И все это—въ абсолютной мглѣ. Приютиться же на вокзалѣ рѣшительно негдѣ. Къ счастью, насъ торжественно встрѣтили съ фонарями, съ радостными возгласами, и черезъ короткое время каждая дама сидѣла уже на дженеривешѣ, а рядомъ сидѣли верхомъ мужья. Китайцы схватили наши волясочки спереди за оглобли, другіе подталкивали ихъ сзади, и нашъ поѣздъ тронулся въ путь съ головокружительной быстротой, подъ аккомпаниментъ криковъ нашихъ рикши. Неслись мы сначала по полямъ, по оврагамъ, затѣмъ въѣхали въ городское предмѣстье. На улицахъ китайцы жарили и варили всякую всячину, и эти запахи смѣшивались съ *постояннымъ*, такъ сказать, запахомъ улицы. На грозные окрики нашихъ рикшъ (сторонись, молъ, съ дороги!) выбѣгали изъ домовъ китайцы, казавшіеся какими-то фантастическими фигурами, при невѣрномъ, слабомъ освѣщеніи, исходившемъ изъ-подъ переносныхъ кухонь. А самый этотъ огонь и копошившіеся около него люди, въ связи съ уличными ароматами, производили впечатлѣніе ада съ жарящимися на огнѣ грѣшниками. Впоследствии я узнала Тяньцзинь, присмотрѣлась къ уличной китайской жизни, нѣсколько разъ продѣлала дорогу на вокзалъ и обратно, и все-таки у меня осталось отъ этого моего перваго ночного

въѣзда въ Тяньцзинь впечатлѣніе чего-то въ высшей степени страннаго, фантастическаго. Около получаса продолжалась наша ѣзда, и, наконецъ-то, я очутилась подъ своимъ, хотя и въ китайской кумирнѣ, кровомъ.

Постараюсь, по возможности, описать нашу квартиру, хотя и сознаю, что это очень трудно. Полкъ расположенъ въ китайской кумирнѣ, недалеко отъ дворца Ли-хун-чанга, бывшаго вице-королемъ Тяньцзина. Казалось, велико было разстояніе между мной и Ли-хун-чангомъ, а вотъ, поди-ты, мы живемъ близъ его дворца, и у меня въ комнатѣ лежитъ книга изъ его библіотеки, какая-то англійская геологія съ надписью автора, которую новыя вандалы похитили, какъ и все, что попадалось имъ подъ руку. Вы не имѣете понятія о томъ грандіозномъ грабежѣ, который здѣсь производился. Трудно представить себѣ это разореніе, если не видишь его собственными глазами. Грабежъ и разбой—вотъ былъ лозунгъ цивилизованныхъ народовъ, явившихся доказать китайцамъ превосходство своей цивилизаціи. Морозъ пробираетъ по кожѣ, когда слушаешь рассказы о томъ, что здѣсь творилось...

Возвращаюсь къ нашей квартирѣ. Повторяю: описать ее нѣтъ почти возможности. Построена она въ воротахъ кумирни и состоитъ изъ анфилады въ три комнаты, раздѣленныхъ одна отъ другой деревянными перегородками. Потолокъ—высокій, деревянный рѣзной сводъ. Ну, какъ его опишешь! Что меня поразило, такъ это обстановка Н. Я воображала, что у него ничего нѣтъ—пустыя стѣны... Оказывается: у него три стола, два шкафа—одинъ большой и одинъ маленькій, комодъ, семь кресель и т. д. И это у Н., который самъ ничего не бралъ, и все имѣетъ отъ щедротъ другихъ. Здѣсь образовался цѣлый складъ мебели, которую собрали въ брошенныхъ китайцами домахъ. Изъ этого „склада“ каждый офицеръ воленъ былъ брать все, что ему казалось необходимымъ. Правду гласитъ древняя поговорка: *vae victis!*—горе побѣжденнымъ! Мебель, положимъ, у насъ грубая, массивная; Н. говорить—„плебейская“. Онъ, видите ли, привыкъ, въ Пекинѣ, въ буддійскихъ монастыряхъ, къ рѣзной мебели изъ краснаго и чернаго дерева. Но все-таки и эта очень удобна... Что и говорить: хорошо быть побѣдителемъ!..

Кумирня, въ которой мы живемъ, расположена на окраинѣ китайскаго города. А если вы хотите имѣть представленіе о внѣшности китайскаго города,—представьте себѣ окраины казоголибо русскаго захолустнаго города. Тѣ же немощныя улицы, та же грязь и тѣ же нечистоты на нихъ. Прибавьте къ этому

еще множество собакъ, которыя, мѣстами, лежатъ въ такомъ количествѣ, что трудно проѣхать между ними верхомъ на лошади, и замѣтите: собаки до того апатичны, что съ мѣста не двинутся, пока не подъѣдешь къ нимъ вплотную. Такихъ улицъ, по которымъ можно проѣхать въ экипажѣ, въ „китайскомъ“ Тяньцзинѣ очень мало: большинство—это узкіе лабиринты, по которымъ едва можно разѣхаться верхомъ. Вдоль улицъ тянутся сплошныя глухія стѣны, изъ-за которыхъ не видишь внутреннихъ дворовъ. Если входишь во внутрь богатаго дома, то пробираешься тоже по узкимъ лабиринтамъ и по множеству квадратныхъ двориковъ, изъ которыхъ каждый опять-таки обнесенъ высокой стѣной. Жилые дома богатыхъ китайцевъ—это легкія деревянныя одноэтажныя постройки, въ которыхъ одна стѣна состоитъ изъ сплошныхъ мелкорѣшетчатыхъ оконъ, сплошь заклеенныхъ бумагой. Стекло, вообще, здѣсь очень рѣдко встрѣчается въ употребленіи. Двери въ домахъ—большія ворота. Внутри и снаружи—масса рѣзьбы, часто изумительно изящной и тонкой...

До европейскаго Тяньцзина верстъ пять. Всѣ учрежденія и магазины находятся, конечно, въ послѣднемъ. Собщеніе поддерживается, какъ и въ Японіи, дженерикшами. Здѣсь, въ Китаѣ, какъ я писала уже, кромѣ китайца-возницы, который тянетъ колясочку, ее подталкиваетъ свади другой китаецъ, такъ какъ дороги отвратительны. Вообще, ѣзда на китайцѣ-дженерикшѣ каждый разъ является какимъ-то трагикомическимъ эпизодомъ. Имѣйте въ виду, что дѣло происходитъ зимою. Оба китаецъ, какъ тянущій ее, такъ и подталкивающій, одѣты по зимнему, то-есть, на нихъ нѣсколько кофтъ и по нѣскольку паръ невыразимыхъ, причѣмъ верхняя кофта и верхнія шаровары - ватныя, стеганныя. И вотъ, начинается скачка съ препятствіями. Обязательно съ головокружительной быстротой и съ бѣшенными криками пускаются въ путь наши дженерикши. Попробуйте, убѣдите ихъ, чтобы они пошли потише!—ни за что! Такъ какъ дороги въ высшей степени неровныя рытвины, ухабы, то колясочка поминутно наклоняется то на одинъ, то на другой бокъ. Пассажиръ сидитъ ни живъ, ни мертвъ и вѣрноп держится обѣими руками за свою пролетку, боясь вылетѣть при какомъ-нибудь особенно сильномъ толчкѣ,—что сплошь и рядомъ случается. Этого мало! Такъ какъ, при такомъ быстромъ движеніи, возницы наши, несмотря на холодъ, быстро согрѣваются, они начинаютъ постепенно сбрасывать части своего туалета. Съ непостижимой ловкостью они сбрасываютъ на бѣгу не только кофты, но и шаровары, и обвѣшиваютъ этими украшениями колясочку: они висятъ на оглобляхъ,

за фонарями, ихъ закидываютъ за верхъ колясочки и кладутъ вамъ подъ ноги. Въ концѣ концовъ получается эффектная картина: ѣдетъ дама или офицеръ, а кругомъ болтаются рукава кофты и еще кое-что... Бѣдные китайцы, мокрые отъ пота, бѣгутъ уже въ однѣхъ тонкихъ рубахахъ и шароварахъ; паръ воняетъ отъ нихъ, какъ отъ лошадей....

Другого сообщенія съ европейскимъ городомъ нѣтъ, а сами бѣдные дженерикши, конечно, рады-радехоньки, когда мы ихъ занимаемъ, потому что мы платимъ имъ отлично—три рубля въ городъ и обратно. Эта цѣна, по мѣстныхъ представленіямъ, настолько высока, что дженерикши, буквально, по недѣлямъ караулятъ у нашихъ квартиръ, предпочитая эти рѣдкіе заработки тому, что они могли бы заработать по мелочамъ въ китайскомъ или европейскомъ городѣ. Я не рѣшаюсь одна путешествовать на дженерикшѣ, но здѣсь не рѣдкость встрѣтить европейскую даму, разъѣзжающую на дженерикшѣ по кварталамъ китайскаго города безъ спутника...

Европейскій Тяньцзинь—очень хорошенькій городокъ, только значительная часть его разрушена бомбардировкой. На улицахъ то же столпотвореніе, что и на вокзалѣ въ Тонку, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Тамъ видишь единичныя фигуры, а здѣсь—цѣлыя группы, взводы, баталіоны. Здѣсь я видѣла также и итальянцевъ; у офицеровъ очень живописный костюмъ: черныя тоги, въ которыя они эффектно драпируются. Есть городской садикъ, въ которомъ два раза въ недѣлю играетъ прекрасный оркестръ зауавовъ — „orchestre des Zouaves de Marche“, какъ значится въ афишѣ. Костюмъ у нихъ тоже живописный: темно-синіе бурнусы-пелерины, а на головахъ островочечныя красныя фески, обмотанныя бѣлой чалмой. Мы слушали ихъ въ прошлый вторникъ; они играли изъ „Аиды“, изъ „Карменъ“, изъ „Риголетто“... И такъ сладостно-пріятно было слушать эту хорошую музыку!..

Общественной жизни у насъ нѣтъ никакой, и не предвидится ничего подобнаго: мы живемъ слишкомъ далеко отъ европейцевъ. Но это ничего. Лишь бы далъ Богъ, чтобы зима прошла спокойно, а тамъ—кто знаетъ? Можетъ быть, насъ и уберутъ отсюда. Вотъ было бы хорошо! А то страшно ходить по вулкани...

Представьте себѣ, мы здѣсь ничего не знаемъ о томъ, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ. Напримѣръ, раньше чѣмъ пріѣхали мы, дамы, здѣсь ничего не знали объ англо-германскомъ

союзъ; то же я привезла извѣстіе о погромѣ въ Одессѣ и вообще обо всѣхъ событіяхъ, не исключая китайскихъ дѣлъ.

Вы, въ Россіи, знаете больше, чѣмъ знала я въ Никольскѣ. А въ Никольскѣ знаютъ сейчасъ больше, чѣмъ мы въ Тяньцзинѣ. Здѣсь нѣтъ газетъ, и мы не получаемъ писемъ... Мы оторваны отъ всего міра... Я только знаю, что я съ Н., и за то слава Богу...

17.

4-го января 1901 г., Шанхай-Гуань

Хотя Шанхай-Гуань считается лежащимъ у незамерзающаго порта, толку отъ этого мало: тутъ дуютъ постоянные вѣтры, и прибой настолько силенъ, что нѣтъ возможности добраться до пароходовъ, которые останавливаются далеко отъ берега. А сегодня, напримѣръ, море между пароходами и берегомъ покрылось льдами—вотъ и добирайся тутъ, какъ знаешь. Это тѣмъ болѣе досадно, что верстахъ въ десяти отъ Шанхай-Гуаня находится тихая, удобная и дѣйствительно незамерзающая бухта Цин-ван-дао, открытая почему-то для всѣхъ иностранцевъ, но только не для насъ. Почтовой конторы у насъ тоже пока нѣтъ, такъ что я не знаю, съ кѣмъ и когда уйдетъ настоящее письмо...

Буду продолжать свое повѣствованіе.

О Тяньцзинѣ и нашей жизни тамъ вы имѣете кое-какое понятіе изъ моего подробнаго письма. Прибавлю еще, что въ половинѣ декабря мы ѣздили въ Пекинъ. Думала ли я когда-нибудь, что буду въ Пекинѣ?! Скорѣе я могла мечтать о Чикаго, Нью-Йоркѣ, не говоря уже объ Италіи, Швейцаріи и „прочей“ Европѣ. А тутъ мы сѣли въ поѣздъ и очень *geschüthlich*, черезъ семь часовъ, прибыли въ столицу Поднебесной имперіи. Къ сожалѣнію, мы тамъ очень мало видѣли, и это по тремъ причинамъ: 1) времени было мало—всего три дня; 2) разстоянія въ Пекинѣ огромныя, и 3) дворцы теперь закрыты. Но все-таки я осталась очень довольна своей поѣздкой.

Прибыли мы туда вечеромъ и остановились у одного изъ нашихъ офицеровъ. Въ поѣздѣ мы встрѣтились съ компаніею русскихъ—два врача и сестра милосердія. Мы познакомились и условились вмѣстѣ осматривать Пекинъ. На другой день были поданы двѣ двуколки и верховыя лошади для мужчинъ, и мы цѣлымъ кортежемъ человекъ въ двѣнадцать (съ казаками) тронулись въ путь.

Н. въ своихъ письмахъ изъ Пекина ко мнѣ описывалъ ста-

рую часть города, напоминающую „китайскій“ Тяньцзинь, съ узенькими улицами и выходящими въ нихъ глухими каменными стѣнами. По тѣмъ улицамъ, по которымъ мы проѣзжали, были по обѣимъ сторонамъ лавки, китайскіе оригинальные магазины, большею частью еще пустыя, но все-таки не глухія стѣны, и улицы сами довольно широки. Троттуаровъ здѣсь нѣтъ, но по нѣкоторымъ улицамъ, по срединѣ, проложена мостовая, старинная-старинная, составленная изъ огромныхъ каменныхъ плитъ. Зато по бокамъ мостовой можно утонуть въ пыли, и такъ какъ мостовая очень узка (да и не вездѣ она имѣется), то почти все уличное движеніе совершается въ этой пыли, и она одѣваетъ тебя какъ саваномъ и проникаетъ, буквально, до тѣла, а черезъ носъ и ротъ попадаетъ и внутрь...

...На улицахъ, вокругъ тебя кипитъ чуждая жизнь. Китайцы подъ открытымъ небомъ готовятъ сотни своихъ блюдъ и тутъ же съѣдаютъ ихъ. А ѣдоку у нихъ служатъ такіе продукты, о которыхъ мы, въ качествѣ блюдъ, и подумать не можемъ безъ отвращенія. Напримѣръ (это я видѣла еще въ Тяньцзинѣ) на лоткахъ у торговцевъ лежитъ огромными кучами хорошо зажарившаяся, зарумянившаяся саранча. Или куколки шелкопряда, послѣ того какъ шолкъ съ нихъ смотанъ. Говорятъ также, что бѣдные ѣдятъ собакъ и крысъ. Я охотно допускаю это, такъ какъ, очевидно, у нихъ всѣ живыя существа годятся въ пищу человѣку... Тутъ же, въ пыли, странствующие фокусники, разостлавши тряпки, показываютъ свои хитрые фокусы. По обѣ стороны улицы расположена масса барачковъ, въ которые публика съывается звуками трубъ, гонга или громкой декламацией стоящаго у входа китайца. Все это—народные театры и разныя другія зрѣлища, до которыхъ китайцы ужасные охотники. Масса „иноземныхъ дьяволовъ“ всякаго рода и наименованія оружія попадаютъ на каждомъ шагѣ. Кромѣ того, здѣсь встрѣчаешь то, чего не видишь въ Тяньцзинѣ: роскошные вышитые паланкины, въ которыхъ носятъ „манза-мадамъ“, какъ объяснилъ намъ переводчикъ; затѣмъ, разныя процессіи—свадьбы, похороны.

Особенно поразили насъ одни похороны. Среди улицы двигалась медленно процессія. Впереди шелъ китаецъ и высоко несъ... деревянный крестъ. Въ ту минуту я совсѣмъ упустила изъ вида, что между китайцами есть христіане, и во всѣ глаза смотрѣла на непоятное зрѣлище. За китаецемъ, несшимъ крестъ, шли музыканты. Они, сильно надувая щеки, трубили въ трубы, били въ бубны и вообще производили много шума. За музыкантами несли монументальный, чисто китайскій гробъ, а за гро-

бомъ ѣхало много телѣжекъ, обтянутыхъ, въ знакъ траура, бѣлымъ холстомъ. Въ телѣжкахъ сидѣли одѣтыя въ бѣлое женщины, очевидно — „плакальщицы“, и выли по покойникѣ. Среди провожавшихъ гробъ мужчинъ многіе тоже были въ бѣлыхъ траурныхъ одеждахъ. Недоумѣніе по поводу соединенія креста и китайской обстановки похоронъ разъяснилось, когда мы, въ хвостѣ процессіи, увидѣли, верхомъ на ослѣ, знакомаго намъ по Тяньцзиню священника, о. А. Батюшка подѣхалъ къ намъ и объяснилъ, что хоронятъ одного изъ старѣйшихъ албазинцевъ, и что онъ провожаетъ покойника. Поговоривъ немного съ нами, о. А. тронулъ своего осленка и рысцой догналъ процессію.

Теперь — два-три слова объ албазинцахъ. Въ давнія времена горсть русскихъ удалцовъ пробралась на Амуръ и основала тамъ поселокъ Албазинъ, по имени своего атамана. Въ семнадцатомъ вѣкѣ на этотъ поселокъ напали манчжуры; они его разграбили, разорили и часть жителей увели съ собою въ плѣнъ, въ Пекинъ. Съ теченіемъ времени албазинцы совершенно утратили свой типъ и языкъ. Теперь, по внѣшнему виду, это — совершенные китайцы, но они сохранили православную вѣру и даже образъ Николая-Чудотворца, который захватили съ собою, когда ихъ угнали въ плѣнъ манчжуры. Священникомъ у нихъ въ Пекинѣ и состоялъ о. А., очень симпатичный монахъ. Когда союзныя войска взяли Пекинъ, албазинцы, разоренные боксерами, переселились со своимъ священникомъ въ Тяньцзинъ, гдѣ мы видѣли ихъ и гдѣ познакомились съ о. А. Видѣли мы также кортежъ „манза-капитанъ“ (опять-таки, по выраженію нашего переводчика) — вѣроятно, важнаго мандарина, котораго несли въ паланкинѣ и котораго окружала толпа всадниковъ.

Мы ѣхали въ храмъ Неба. По дорогѣ миновали знаменитую стѣну, окружающую Пекинъ, и, не доѣзжая вокзала, увидѣли по обѣ стороны дороги огромныя ворота краснаго цвѣта. Мы завернули въ лѣвыя, за которыми расположенъ храмъ Неба. Китайскія постройки вообще не похожи ни на что, вами видѣнное. У нихъ каждый городъ и каждая частная усадьба въ городѣ прежде всего окружаются стѣной. Затѣмъ, внутри стѣны идутъ дворники, одинъ за другимъ, и только минуя большее или меньшее количество дворовъ, попадаешь въ главный, гдѣ и расположено жилище хозяина. Кромѣ того, передъ каждымъ почти воротами они ставятъ еще щиты — въ родѣ небольшой каменной стѣны — для того, чтобы ничей посторонній глазъ не могъ заглянуть внутрь. Такъ тщательно китаецъ охраняетъ себя отъ внѣшняго міра! Впослѣдствіи я узнала, что стѣна-щитъ должна

служить преградой для злыхъ духовъ, должна мѣшать ихъ проникновенію внутрь жилья. Духи ударяются о стѣну-щаты и мѣняютъ направленіе своего полета. Съ тою же цѣлью китайцы дѣлають въ воротахъ, особенно у кумирень, украшенія въ видѣ большихъ раскрашенныхъ деревянныхъ крюковъ: духи на лету повисаютъ на крючьяхъ и не могутъ проникнуть въ кумирню... Храмъ Неба занимаетъ огромную площадь, на мой взглядъ около квадратной версты, обнесенную, конечно, высокой каменной стѣной. Внутри этой стѣны разбитъ роскошный паркъ съ вѣковыми деревьями, и, переѣзжая изъ одной части парка въ другую, мы подѣхали, наконецъ, въ самому храму. Это—огромное, великолѣпное, куполообразное зданіе, оригинальное по своей архитектурѣ и пестрымъ и вычурнымъ украшеніямъ. Стоитъ оно на холмѣ; къ нему ведетъ съ четырехъ сторонъ двойная лѣстница изъ бѣлаго мрамора, а по срединѣ проложена дорожка, по которой поставлены высѣченные изъ бѣлаго искристаго мрамора драконы. Храмъ внутри совершенно пустъ. Не знаю, были ли тамъ раньше идолы; кажется, что не было, такъ какъ тамъ не видать нишъ, куда ихъ обыкновенно ставятъ. А можетъ быть, они помѣщались между колоннами, которыхъ въ храмѣ множество ¹⁾. Налюбовавшись внутренней отдѣлкой стѣнъ, купола и колоннъ, мы обошли еще вокругъ всего зданія и любовались открывающимися со всѣхъ сторонъ чудными видами. Затѣмъ мы двинулись по направленію къ видѣвшемуся вдали небольшому куполу. Когда мы подошли къ нему, то увидѣли постройку того же типа и характера, что и главный храмъ, но гораздо меньшихъ размѣровъ и, повидимому, очень древняго происхожденія. Она была заперта, и мы такъ и не попали въ нее. Дальше, миновавъ еще два-три отдѣленія парка, мы набрели на огромную круглую площадку. Она расположена тоже на возвышеніи, къ ней ведутъ со всѣхъ сторонъ мраморныя ступени, и вся она выложена удивительно правильными плитами изъ бѣлаго мрамора. Плиты эти расходятся радісообразно отъ центра, а центръ представляетъ круглую бѣлую мраморную плиту: это и есть, по мнѣнію китайцевъ, „пупъ земли“, самый важный и святой пунктъ на землѣ. Говорять, тамъ только разъ въ году совершалось торжественное богослуженіе въ присутствіи самого богдыхана, или, лучше сказать, императоръ во время этого богослуженія являлся верхов-

¹⁾ Позже я узнала, что храмъ Неба—конфуціанскій храмъ, что тамъ, слѣдовательно, никогда не было идоловъ, а были только дощечки съ именами святыхъ и предковъ императора. Говорять, что дощечки эти составляли величайшую святыню Китая, и что англичане увезли ихъ въ Лондонъ.

нимъ жрецомъ. Не думайте, что эта великолѣпная усадьба пуста: ее занимаютъ англичане, которые поселили тамъ своихъ сипаевъ. Нижнихъ чиновъ и лошадей они пристроили у стѣны, окружающей паркъ; офицеры же занимаютъ прелестные домики, разбросанные въ паркѣ, гдѣ раньше, по всѣмъ вѣроятіямъ, жили духовныя лица.

Изъ храма Неба мы завернули въ храмъ Земледѣлія, занимающій по другую сторону дороги такую же усадьбу, за такими же воротами. Занимаютъ эту усадьбу американцы, не только не понимающіе вовсе нашей русской рѣчи, но игнорирующіе даже такіе языки, какъ французскій и нѣмецкій. Мы только и добились того, что узнали, что находимся, дѣйствительно, въ районѣ храма Земледѣлія, а гдѣ этотъ самый храмъ, и что достойно здѣсь обозрѣнія — такъ-таки и не узнали. Поѣздили мы немного по усадьбѣ и ничего не нашли, кромѣ величественнаго парка. Впослѣдствіи намъ сказалъ одинъ китаецъ, будто храмъ этотъ погибъ отъ огня. Но такъ какъ каменная постройка сгорѣть до тла не можетъ, то является вопросъ, гдѣ же ея развалины?..

Между тѣмъ, настала пора обѣдать. Русскіе офицеры въ Пекинѣ живутъ всѣ почти въ одной усадьбѣ, и у нихъ — общій роскошный столъ. Тамъ, за обѣдомъ, мы свели оригинальное знакомство. Къ одному изъ нашихъ молодыхъ офицеровъ ходитъ для занятій русскимъ языкомъ молодой китаецъ, родной внукъ Ли-хун-чанга, въ свою очередь преподающій своему учителю китайскій языкъ. Молодой человекъ довольно прилично говорить по-русски — результатъ его прошлогоднихъ занятій съ однимъ изъ членовъ нашего посольства. Насколько успѣшно идетъ взаимное обученіе въ настоящее время — не знаю; видѣла только, что ученикъ не отстаетъ отъ учителя въ дѣлѣ опроверженія рюмокъ въ ротъ. Забавно было слышать, какъ за столомъ я его пресерьезно разспрашивала о здоровьѣ его дѣдушки (въ то время ходили слухи, что Ли-хун-чангъ при смерти), и какъ онъ, конечно, вполне серьезно отвѣчалъ, что дѣдъ его былъ боленъ, но теперь, слава Богу, поправляется.

Послѣ обѣда мы отправились въ монгольскій храмъ. Это старинный храмъ со множествомъ идоловъ и съ такимъ колоссальнымъ Буддою, что когда мы поднялись къ нему по витой, узенькой лѣстницѣ на третій этажъ, то гуляли только вокругъ его поясицы. Тамъ, конечно, опять масса дворовъ и масса построекъ, но парка нѣтъ. Дворы всѣ чистенькіе, выложенные большими каменными плитами, такіе же точно, какъ въ той кумирнѣ, въ

которой мы жили въ Тяньцзинѣ. Въ монгольскомъ храмѣ съ нами произошелъ курьёзъ. Какъ только мы вступили въ первый дворъ, намъ послышались звуки музыки въ боковомъ зданіи. Всѣ мы слышали эту музыку, и всѣмъ намъ казалось, что она церковнаго характера. Разумѣется, мы пожелали посмотрѣть богослуженіе. Между тѣмъ, намъ на встрѣчу шелъ уже монахъ, готовый служить намъ чичероне. Мы знаками объяснили ему, какъ съумѣли, что хотимъ видѣть богослуженіе. Онъ закивалъ головой и повелъ насъ на слѣдующій дворъ. Мы подумали, что входъ оттуда, и послѣдовали за нимъ, но звуки стали ослабѣвать. Мы—опять къ нему, а онъ все киваетъ головой и ведетъ насъ изъ одного зданія въ другое. Музыка то ослабѣвала, то совсѣмъ замирала. Высказывались различныя предположенія. Нѣкоторые изъ насъ рѣшили, что звуки производятъ священныя голуби, которые носились надъ нашими головами и къ крыльямъ которыхъ, какъ говорятъ, подвязываютъ какія-то трубочки, издающія звуки отъ движенія воздуха. Но нѣтъ! То была музыка, а не случайные звуки. Другіе предполагали, что бонза просто не желаетъ показать намъ богослуженіе и старается выиграть время, пока молитва будетъ окончена. Это было досадно, но пришлось покориться. Сами мы не знали, куда идти; дѣло шло къ вечеру, становилось темно, и надо было торопиться, если мы хотѣли хоть что-нибудь видѣть. Къ тому же звуки музыки совсѣмъ затихли. Когда мы все обошли и вернулись на первый дворъ, то тутъ вторично, и на этотъ разъ внѣ всякаго сомнѣнія, услышали музыку. Мы всѣ бросились въ сторону звуковъ, монахъ предупредительно раскрылъ передъ нами ворота, и... мы очутились на улицѣ, на которой игралъ уличный китайскій оркестръ...

Утро второго дня было посвящено базару. Надо вамъ сказать, что въ это утро былъ полученъ отвазъ въ осмотрѣ запретнаго дворца, а еще наканунѣ туда пускали всѣхъ и каждого. Въ лѣтній дворецъ мы не рѣшились ѣхать, такъ какъ это далеко, верстъ за восемнадцать, а двуколка-экипажъ не изъ удобныхъ.

Итакъ, мы поѣхали на базаръ, а на базарѣ теперь продаются остатки прежняго величія. Массы вещей, заграбленныхъ раньше солдатами всѣхъ націй, были потомъ ими же перепроданы за гроши китайцамъ, а тѣ, въ свою очередь, продаютъ ихъ европейцамъ. Тамъ можно купить великолѣпные халаты, мѣха, вышивки, вещи изъ нефрита, клоазонэ, жемчугъ, и проч., и проч. На другой день мы опять отправились на базаръ, но, по случаю европейскаго Новаго года, торговли почти не было. Китайцы

боялись пьяныхъ и грабежа, — такъ объяснилъ намъ „переводчикъ“, необычайно глупый китаецъ, знающій нѣсколько словъ по-русски и прикомандировавшій себя къ намъ. Такъ какъ мы шли цѣлою компаніей, то базаръ занялъ немало времени.

Послѣ обѣда мы отправились на Угольную горку. Такъ называется холмъ, у подножія котораго расположенъ запретный дворецъ и съ вершины котораго открывается прекрасная панорама на весь Пекинъ. Передъ нами были всѣ дворцы, колоссальная стѣна, окружающая городъ, и другая, внутренняя стѣна, окружающая такъ называемый Маньчжурскій городъ, затѣмъ прудъ лотосовъ—увы! замерзшій—и рѣки. А вдали что-то голубѣло—въ ясное утро тамъ вырисовывается лѣтній дворецъ и роскошный паркъ, его окружающій. На гору поднимаются въ три приѣма, и на каждой площадкѣ выстроена часовня съ сидящимъ Буддой, и съ каждой открывается глазамъ зрителя все болѣе и болѣе обширный видъ.

На обратномъ пути мы заѣхали въ университетъ, гдѣ наши были расквартированы тотчасъ послѣ занятія Пекина. Увы! Отъ университета остались только крыша и столбы, ее поддерживающіе. Такъ почему-то распорядились нѣмцы, послѣ русскихъ занимавшіе эти постройки.

День третій и послѣдній пропелъ самымъ безтолковымъ образомъ. Мы были порядочно-таки утомлены „работой“ предыдущихъ двухъ дней и тряской двуколки. Пошатались по базару, почти ничего интереснаго на немъ не видѣвши, и лазили на городскую стѣну. Глядя на послѣднюю, можно сказать, что не знаешь, чему больше удивляться: глупости ли китайцевъ, сдавшихъ безъ осады городъ, окруженный такой твердыней, или дерзости европейцевъ, шедшихъ на нее.

Чтобы не возвращаться больше въ прошлomu, скажу еще, что за время пребыванія въ Тяньцзинѣ мы принимали участіе въ одномъ празднествѣ. Оно происходило 26-го ноября, въ день св. Георгія. Весь наличный тяньцзинскій гарнизонъ чествовалъ генерала Линевича, получившаго Георгія 3-ей степени. Устроенъ былъ роскошный обѣдъ въ лучшей гостинницѣ „Astor-House“. Стѣны были убраны цвѣтами и фруктами. Была, конечно, масса тостовъ. Старикъ-генералъ отвѣчалъ очень мило и находчиво на каждый тостъ и самъ провозглашалъ здоровье своихъ товарищей и врачей, причѣмъ ни одинъ изъ присутствовавшихъ не былъ имъ забытъ или обойденъ. Лучшей чертой пекинскаго героя надо признать его отношеніе къ нижнему чину, и на это указалъ въ своемъ тостѣ одинъ офицеръ, сказавъ, что строгость его прямо

пропорциональна положенію, занимаемому подчиненнымъ, и что для солдатъ онъ является прямо отцомъ роднымъ. Вообще, онъ очень умный, храбрый и дѣятельный старикъ.

Сидѣли мы за столомъ очень долго, такъ что, сѣвши въ восемь часовъ, вышли изъ-за него чуть не въ одиннадцать. Самъ генералъ взялся устраивать танцы, но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ почти всѣ дамы были солидныя, кромѣ кадрили ничего не танцующія; да и вообще дамъ было очень мало, чловѣкъ восемь, а всей публики было чловѣкъ шестьдесятъ, если не больше. Подали ликеры, опять шампанское, и, наконецъ, часовъ въ двѣнадцать, старика въ креслѣ вынесли изъ залы. Но вы не думайте, что онъ самъ не могъ уйти... Несмотря на огромное количество выпитаго шампанскаго, онъ былъ совершенно бодръ.

Во время обѣда игралъ чудный оркестръ зуавовъ, о которомъ я уже писала. Мы попросили одного изъ распорядителей, чтобы они сыграли марсельезу—интересно было послушать, какъ исполняютъ ее французы. Нечего и говорить, что исполненіе было образцовое. Публика потребовала *bis*. Вѣжливыя французы сыграли „Боже царя храни“. Офицеры подхватили хоромъ. Затѣмъ слѣдовала опять марсельеза, затѣмъ опять гимнъ. И такъ почти все время. Сыграли и германскій гимнъ, который выслушали стоя. Линевичь три раза прокричалъ: „hoch!“ , но остальная публика осталась равнодушна. Въ сосѣднемъ залѣ показался какой-то англичанинъ и потребовалъ, чтобы сыграли британскій гимнъ. Тутъ чуть было не произошелъ скандалъ; раздались отдѣльные возгласы: „à bas les Anglais!“ Но они потонули въ морѣ общаго добродушія и веселости. Оживленіе достигло своего апогея по уходѣ Линевища. Тутъ уже прямо замучили зуавовъ, заставляя ихъ безъ конца повторять марсельезу. Дошло до того, что бѣлые какъ лунь старики вошли въ комнату къ музыкантамъ и кричали: „vive la France!“ — „Et la Rus-sie.....!“ — кричали въ отвѣтъ музыканты, потрясая своими красными шапочками и инструментами. Затѣмъ французы-музыканты (нижніе чины) стали обходить бывшихъ въ комнатѣ офицеровъ и, протягивая имъ руки, кричали: „vivent les braves Cosaques!“ Офицеры пожимали протянутыя руки и отвѣчали: „vivent les braves Zouaves!“ Наконецъ музыканты, усталые, побросали свои инструменты и хоромъ заплѣли марсельезу. Офицеры, бывшіе тутъ же, подхватили, и всѣ плѣли: „Marchons! Marchons!“!

18.

13-го января 1901 г., Шанхай-Гуань (у Великой стѣны).

...Вы пишете, что газетныя извѣстія производили впечатлѣніе, будто необъятный Китай собирается поглотить всѣ европейскія арміи. То же самое „чувствовалось“, только болѣе осязательно, здѣсь. Вѣроятно, въ концѣ-концовъ такъ оно и будетъ, и міръ увидитъ еще второе переселеніе народовъ... Къ счастью, для насъ это время, повидимому, еще не приспѣло. Но когда уходили первые отряды войска, я была убѣждена, что ни одинъ изъ нихъ не вернется... Когда приходили новыя и новыя извѣстія о побѣдахъ, я думала, что это просто тактика хитрыхъ китайцевъ, что они заманиваютъ непріятеля въ глубь страны съ тѣмъ, чтобы тамъ вѣрнѣе уложить всѣхъ подъ стѣнами Пекина. А когда пришло извѣстіе о взятіи Пекина, мы всѣ долго этому не вѣрили: думали—газетная утка!

А между тѣмъ, китайцы такъ простодушны и такъ невоинственны, что, дѣйствительно, бѣгутъ отъ русскаго „ура“. Да, вѣроятно, воинственные крики другихъ народовъ дѣйствуютъ на нихъ такимъ же точно устрашающимъ образомъ.

Въ письмѣ, отправленномъ 11-го января, я описывала празднества, прогулки и т. п. Теперь пойдутъ описанія другого рода.

28-го декабря 1900 г., первый эшелонъ нашего полка выступилъ изъ Тяньцзина въ Шанхай-Гуань. Мы съ Н. рѣшили остаться до 30-го декабря, чтобы ѣхать со вторымъ эшелономъ. Вещи свои мы отправили съ полкомъ, а сами перешли на два дня въ „Astor House“. Скажу слова два объ этой гостинницѣ. Это громадное, сѣрое, трехъ-этажное зданіе съ башней; въ немъ болѣе 50 номеровъ. Всѣ они обставлены очень комфортабельно. При каждомъ номерѣ туалетная комната, и въ ней ванна съ проведенной водой — купайся хоть цѣлый день. Порядки тамъ англійскіе: въ восемь часовъ утра подаютъ breakfast—каша и чай, или кофе, въ которомъ полагаются бѣлый хлѣбъ, масло и... варенье. Кружочекъ масла лежитъ на блюдѣ въ вареньи. Въ часъ дня—tiffin, завтракъ изъ пяти блюдъ. Въ восемь часовъ—dinner, обѣдъ изъ пяти блюдъ. Все элегантно, удобно, чисто, прелесть какъ хорошо. Только дерутъ невозможныя цѣны: съ насъ двоихъ за два дня взяли около тридцати рублей. Остались мы въ Тяньцзинѣ по многимъ причинамъ: 1) хотѣлось совершить путешествіе въ небольшомъ обществѣ; 2) и главнымъ образомъ—прельщала ванна, а 3) наконецъ, насъ тянуло хоть короткое

время пожить по-европейски, въ комфортабельной обстановкѣ. Но выступленіе второго эшелона было отложено, намъ въ гостиницѣ оставаться долѣе не было расчета, и вотъ, 30-го декабря, мы двинулись въ путь вдвоемъ.

Тьянцзинь и Шанхай-Гуань соединены желѣзной дорогой, только работаетъ она не важно. Вагоны I-го класса напоминаютъ наши III-го, паровозы часто портятся, и намъ, напримеръ, пришлось просидѣть 12 часовъ въ Чунг-Ли, въ двухъ часахъ ѣзды отъ Шанхай-Гуаня, изъ-за порчи паровоза...

Какъ бы то ни было, мы въ вагонѣ перваго класса, холодно, неотапливаемомъ. Компанія у насъ собралась хорошая. Болтали, шутили и доѣхали незамѣтно до р. Бэй-тан-хэ. А надо вамъ знать, что черезъ рѣку эту еще нѣтъ моста. Сейчасъ же была организована переправа по льду. Впереди шель молодой артиллерійскій офицеръ, за нимъ—девять носильщиковъ-китайцевъ съ багажемъ, за китайцами—нашъ вѣстовой. Шествіе замыкали мы, остальная публика. Оригинальный это былъ кортежъ. На противоположномъ берегу предстояло намъ провести пять часовъ въ ожиданіи поѣзда. Счастье наше, что погода была сравнительно теплая, безвѣтренная. Едва только мы спустились на этотъ берегъ, какъ свели новое знакомство. Тамъ, около недоконченнаго зданія вокзала сидѣли на скамейкѣ два офицера въ буркахъ и огромныхъ папахъ. Они оба поднялись, пошли къ намъ на встрѣчу, и одинъ изъ нихъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ (съ Н., какъ оказалось, они были уже знакомы):

— Честь имѣю представиться: полковникъ Ж. А это подполковникъ З.

Я обоимъ протянула руку, но что-то въ высшей степени странное поразило меня въ первомъ изъ нихъ. Странность эту я скоро объяснила себѣ тѣмъ, что онъ носилъ двѣ пары очковъ: очки и пенснэ. Улучивъ удобную минуту, Н. тихо спросилъ меня:

— Ты знаешь ли, съ кѣмъ ты познакомилась?

— Онъ назвалъ себя,—отвѣчала я:—Ж.

— А знаешь ли, кто онъ такой? Это—„Шестиглазый“! Помнишь, у Мельшина—„Изъ міра отверженныхъ“?

Тутъ я вспомнила, что отъ нѣкоторыхъ офицеровъ слышала уже, что Шестиглазый (фамилія его у Мельшина—Лучезаровъ, бравый штабсъ-капитанъ Лучезаровъ, а Шестиглазый—прозвище) служить гдѣ-то недалеко отъ насъ, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, и что настоящая фамилія его—Ж. Можете представить себѣ, съ какимъ любопытствомъ я стала приглядываться къ нему! Не

думала я, читая Мельшина, что мнѣ придется познакомиться съ Шестиглазымъ и даже пользоваться его услугами. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Мы расположились тутъ же, на свѣжемъ воздухѣ, стали кипятить чайникъ, пить чай и закусывать. Не забудьте, дѣло происходило въ концѣ декабря, рѣва сплошь замерзла и хотя не слишкомъ, а все-таки было холодно. Спутники наши изъ желѣзнодорожнаго міра разбрелись кто куда, а мы сидѣли въ обществѣ Ж. и его офицеровъ. Наконецъ, къ вечеру былъ поданъ поѣздъ, и мы размѣстились. На этотъ разъ на весь поѣздъ былъ одинъ только пассажирскій вагонъ, и тотъ невообразимо грязный. Въ то время переѣзжала куда-то масса солдатъ, и ими были наполнены скотскіе вагоны и открытыя платформы, а ночь надвигалась не изъ теплыхъ. Когда мы на одной изъ станцій вышли изъ вагона, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, глазамъ нашимъ представилась интересная сцена. Солдаты, чтобы согрѣться немного, принялись плясать. И вотъ, видишь, какъ, напримѣръ, русскій солдатикъ отламываетъ трепака, а около него — кружокъ любознательной иноземной публики. Въ другомъ мѣстѣ пляшетъ французъ, который тоже собралъ вокругъ себя зрителей, по большей части русскихъ и т. д.

Первое отдѣленіе нашего вагона биткомъ-набито солдатами всѣхъ націй. Больше всего было японцевъ и американцевъ. Отдѣленіе это было холодное. Среднее отдѣленіе съ печкой занимали мы съ Н., русскій артиллерійскій офицеръ, японскій, нѣмецкій и французскій офицеры и нѣсколько американцевъ. Я поставила на печку чайникъ и стала готовить закуску. И оказалась я на этотъ разъ очень запасливой: у меня нашлось все, что нужно для ужина, и сверхъ того свѣчи и подсвѣчникъ — а это было далеко не лишнее, такъ какъ фонарь, зажженный витайцемъ, накопиль, накопиль немного и угасъ навѣки. Когда мы стали закусывать и увидѣли, что вокругъ насъ сидятъ все голодные люди, то попросили и ихъ раздѣлить съ нами скромную трапезу, сначала, впрочемъ, только нѣмца и француза. (Само собою рабумѣется, что русскій офицеръ составлялъ нашу компанію). Тѣ съ радостью согласились. Тогда намъ стало жаль японца, и мы пригласили и его. Надо было видѣть, какъ онъ обрадовался тому, что на него обратили вниманіе, и какъ въ то же время былъ смѣшонъ и угловатъ. Онъ, какъ оказалось, зналъ пару словъ по-нѣмецки. Сейчасъ же, чтобы отплатить намъ за угощеніе, онъ притащилъ двѣ бутылки японскаго вина, бѣ-

лаго и краснаго (гадость ужасная!) и заставилъ насъ всѣхъ попробовать.

— Ah! Ah! — твердилъ онъ, дергая каждаго изъ насъ за рукавъ. — J'arapeг Wein!

Всѣ пробовали—сначала изъ любопытства, потомъ—изъ вѣжливости и говорили: „gut!“.—Тотъ сіялъ! Вскорѣ онъ достигъ цѣли своей поѣздки и, передъ уходомъ изъ вагона, простился только съ мужчинами, не обративъ на меня никакого вниманія.

Наконецъ, мы пригласили американцевъ, и такимъ образомъ у насъ составился интернаціональный пикникъ. Впрочемъ, аборигены чуждыхъ материковъ, покушавши, разошлись по своимъ угламъ, и только нѣмецъ съ французомъ поддерживали нашу, на этотъ разъ, исключительно „европейскую“ компанію.

Ночью нѣмецъ ушелъ съ поѣзда, французъ же доѣхалъ съ нами до самаго Шанхай-Гуаня. Онъ оказался морякомъ, капитаномъ, и такъ со мною разоткровенничался, что рассказалъ, что онъ—женихъ, и даже показалъ карточку своей невѣсты, хорошенькой, молоденькой барышни. Между прочимъ, онъ рассказывалъ, что, отправляя своей невѣстѣ телеграмму въ Парижъ, онъ въ теченіе сутокъ не получаетъ отъ нея отвѣта. Я только вздохнула, вспомнивъ наши почтово-телеграфные порядки.

Ночью мы прибыли въ Чунг-Ли, гдѣ, какъ я написала выше, простояли 12 часовъ. Утромъ отправились въ городъ, который, какъ большинство китайскихъ городовъ, окруженъ громадной каменной стѣной. Расположенъ онъ у подножія хребта.

Между тѣмъ Ж. тоже побывалъ въ городѣ, но не съ научной, такъ сказать, цѣлью, какъ мы, а съ практической. Онъ купилъ утокъ, приказалъ ихъ зарубить и самъ сварилъ супъ. И вотъ, онъ является часовъ въ двѣнадцать въ наше отдѣленіе и предлагаетъ пообѣдать съ нимъ. Но еще раньше французъ сбѣгалъ къ своимъ солдатамъ и принесъ намъ французскій солдатскій завтракъ. Состоялъ этотъ завтракъ изъ отличнаго бѣлаго хлѣба, который солдаты сами пекутъ и подобнаго которому мы ни разу не ѣли за все время пребыванія въ Тяньцзинѣ, сардинъ и превосходнаго краснаго вина. Все это во Франціи баснословно дешево: большая коробка сардинъ — 12—15 копѣекъ, бутылка вина—4—5 копѣекъ. Мы съ аппетитомъ позавтракали, и поэтому я отказалась отъ обѣда. Но Ж. на это не согласился, приказалъ, чтобы кастрюлю съ супомъ принесли въ наше отдѣленіе, и налилъ мнѣ первую тарелку. Нечего дѣлать, поѣла: супъ оказался превосходнымъ. Тутъ между Ж. и его помощникомъ З. съ одной стороны и нашимъ французомъ—съ другой

завязался, при моей помощи, разговоръ. Смѣшно это было ужасно: довольно элегантный, живой французъ и такіе два медвѣдя. Между прочимъ, З. просилъ меня передать французу, что, должно быть, они мало любятъ насъ, коли не учатся говорить по-русски. Французъ пришелъ въ ужасъ.

— О, поп! поп! поп colonel! Ne dites pas ça! — твердилъ онъ, грозя пальцемъ:— поп! поп!—И рассыпался въ увѣреніяхъ франко-русскихъ симпатій. А не учатся они, молъ, по-русски потому, что, какъ наивно объяснялъ онъ, во всемъ мірѣ говорятъ по-французски, и это ихъ балуетъ.—Впрочемъ,—прибавилъ онъ въ утѣшеніе,—молодежь, хотя и не вся, изучаетъ въ настоящее время русскій языкъ.

Наконецъ, мы въ Шанхай-Гуанъ. Никто насъ не встрѣтилъ, и еслибы не полковникъ Ж., не добраться бы намъ до дома. Онъ далъ намъ двѣ двулолки, одну—для насъ, другую—для вѣстового и вещей, и мы тронулись.

Городъ Шанхай-Гуанъ примыкаетъ одной стороною къ Великой Китайской стѣнѣ, которая во время оно служила границею между Манчуріей и Китаемъ. Китай и Манчурія давно уже составляютъ одно государство, но стѣна стоитъ и, начинаясь у самаго „Желтаго“ моря, тянется къ горами, ползетъ затѣмъ на горный хребетъ, бѣжитъ по его гребню и теряется изъ виду, переваливъ на сѣверный склонъ горъ. Со стороны моря Шанхай-Гуанъ охраняется многими грозными, недоступными фортами, составляющими послѣднее слово военной науки. А несчастные китайцы сдали городъ безъ выстрѣла.

Мы знали, что въ одномъ изъ этихъ фортовъ, № 7, предназначено намъ жилище; разспросили, какъ ведетъ дорога къ нему, и поѣхали. Все кругомъ было странно, интересно и живописно — и горный хребетъ, и Великая стѣна, и разрушенныя китайскія фанзы, и грозные форты, и чудно-воздѣланныя, хотя и обнаженныя въ настоящее время года, поля. Ъхали, ѡхали, наконецъ увидѣли на одномъ изъ фортовъ, самомъ высокомъ, русскій флагъ. Значить, мы—дома! Съ нѣкоторымъ трепетомъ вѣхали мы въ крѣпостныя ворота и покатали по самой крѣпостцѣ. Жаль, что я совершенно не въ состояніи дать описаніе внутренняго вида крѣпости. Состоитъ она вся изъ отдѣльныхъ двориковъ, окаямленныхъ фанзами. А фанза—это камышевая постройка, обмазанная снаружи и внутри глиной, съ глинянымъ поломъ, съ рѣшетками, заклеенными бумагой, вмѣсто оконъ. Войска приспособляютъ фанзы для жилья, то-есть, ставятъ желѣзныя печки, замѣняютъ бумагу стекломъ, а офицер-

скія квартиры оклеиваютъ даже обоями. Но отъ всего этого, какъ вы увидите ниже, радости мало.

Мы знали раньше, что намъ отведена квартира въ одномъ дворѣ съ командиромъ полка, и потому, когда увидѣли у воротъ денежный ящикъ и при немъ часового, поняли, что цѣль достигнута. Утомлена я была ужасно, запылена невообразимо, намерзлась достаточно, и поэтому, съ понятнымъ нетерпѣниемъ, мечтала о кровѣ. Но когда мы переступили порогъ нашего жилища, не только я, но даже философски-настроенный Н. смутился.

Представьте себѣ двѣ крошечныя комнатки, правда, оклеенныя какой-то грошевой бумагой, но съ глинянымъ поломъ, съ маленькими, невообразимо грязными, не пропускающими достаточно свѣта окнами, холодными и пустыми. Настоящее подземелье! Оказалось, что во второй комнатѣ не было и намека на печку, въ первой же имѣется только „канъ“. Канъ — это широкая, низкая, въ аршинъ высоты китайская печь-лежанка. На канѣ они проводятъ все время зимой, и дѣйствительно, это—единственное мѣсто въ жилищѣ, на которомъ можно жить зимою, во время холодовъ. Но топить его приходится очень осторожно и понемногу, такъ что онъ никогда не нагрѣвается жилия какъ слѣдуетъ ¹⁾. Въ довершеніе прелести, вездѣ лежало вершка на два пыли и сору, такъ что даже прилечь на канѣ нельзя было. Рамы не приставали къ косякамъ, и промежутки просвѣчивали, такъ какъ они были заклеены только бумагой; а дверь совсѣмъ не подходила кругомъ къ своему косяку пальца на два...

Но надо было устроиться. Мы приказали внести вещи. Большая часть нашей убогой мебели даже не входила въ узкую дверь. Затѣмъ, мы обили рогожею и сѣномъ дверь, поставили и затопили желѣзную печку во второй конурѣ, вывели полы. За всѣмъ тѣмъ, нельзя было и думать о томъ, чтобы расположиться тамъ на ночлегъ, и мы отправились на квартиру къ одному офицеру, бывшему въ тотъ день въ отсутствіи и жившему въ форту уже двѣ недѣли. Комнатка оказалась сравнительно благоустроенною: на полу лежали чистыя циновки; стояла застланная кровать; тазъ и кувшинъ для умыванія; на окнѣ—двойная шоловая занавѣска (шолѣе китайскій у насъ ни по чемъ, имъ вытирають,

¹⁾ Китайцы топятъ свои каны гаолянѣмъ — этимъ удивительнымъ растеніемъ, которое цѣликомъ—отъ зерна до корня—идетъ на потребу человеку. Зерно идетъ въ пищу, и, кромѣ того, изъ него гонятъ водку; стебель служитъ матеріаломъ для постройки фанзъ и выдѣлки крестьянскихъ шляпъ, а также топливомъ; въ концѣ же зимы, когда запасы топлива приходятъ къ концу, китайцы выкорчевываютъ корни гаоляна и ими отапливаютъ свои жилища.

случается, копыта лошадей), и весело горѣла желѣзная печка, распространяя вокругъ тепло и запахъ раскаленного желѣза.

Дѣло происходило 31 декабря стараго стиля, то-есть, наканунѣ русскаго Новаго года. Мы были такъ утомлены, что охотнѣе всего встрѣтили бы этотъ Новый годъ въ постели. Но командиръ полка пригласилъ „весь гарнизонъ“ къ себѣ, и неудобно было составить исключеніе. И такъ, умывшись и переодевшись, мы отправились чай пить и Новый годъ встрѣчать — а тутъ и вечеръ наступилъ.

Квартира командира тоже состоитъ изъ двухъ комнатокъ и тоже довольно мизерна; но такъ какъ онъ — командиръ полка, то все у него было отдѣлано тщательнѣе. Кромѣ того, онъ впередъ выслалъ своего вѣстового съ вещами, да и самъ онъ съ женой жилъ въ этой квартирѣ три дня и успѣлъ украсить свою „хату“ коврами и звѣринными шкурами, такъ что у нихъ все смотрѣло довольно уютно и было тепло.

Собрался весь гарнизонъ форта № 7 — десять человекъ, въ томъ числѣ три дамы (вы скажете: три дамы — а гдѣ же остальные четыре? Онѣ встрѣчали Новый годъ со своими мужьями „своимъ гарнизономъ“ въ форту № 4, разбившись, кажется, на двѣ партіи)...

И вотъ мы встрѣчали Новый годъ, новое столѣтіе, въ землянкѣ, въ Шанхай-Гуанѣ! Фантастично, не правда ли?.. Тѣмъ не менѣе, встрѣча была какъ слѣдуетъ быть, со всѣми овѣрами. Сначала мы пили чай, затѣмъ играли въ винтъ — совсѣмъ какъ въ доброе старое время на родинѣ. Потомъ сѣли ужинать. Поданы были всевозможныя закуски въ консервахъ, жареные фазаны и перепелки, мерзлые фрукты, конфекты, вина. А въ двѣнадцать часовъ мы пили шампанское, чокались, и, я думаю, у всѣхъ странно, особеннымъ образомъ, сжималось сердце... Шампанское настоящее — Редереръ и Клико — слѣдуетъ всюду за войсками въ огромномъ количествѣ, и его всюду пьютъ почти какъ воду.

На слѣдующій день мы принялись за окончательное приспособленіе къ жилью нашей квартиры. Бились дня три, и, наконецъ, получилось вѣчто такое, что васъ, конечно, привело бы въ ужасъ, но намъ, послѣ нашихъ трудовъ, казалось „довольно миленькой квартиркой“. Полы сплошь были устланы циновками, окна вымыты и завѣшаны занавѣсками. Во второй комнатѣ весело трещала желѣзная печка, а уголь, въ которомъ мы устроили постель, былъ обитъ звѣринными шкурами. Къ счастью, я купила въ Тяньцзинѣ большой мѣхъ, и мы смастерили изъ

него одѣло. „Гостиная“ была устроена у насъ въ первой комнатѣ, на канѣ, такъ что получилось нѣчто въ родѣ театральнаго зала со сценой на возвышеніи. Мы въ первый же день убѣдились въ томъ, что жить внизу невозможно, ибо дверь, даже обитая, не представляла почти никакой защиты отъ наружныхъ атмосферическихъ вліяній. А теперь, на канѣ, мы смѣялись надъ бурями: пусть онѣ себѣ бушуютъ внизу, — намъ наверху тепло и хорошо!.. Мебель наша, во время переѣзда по желѣзной дорогѣ, сильно уменьшилась въ количествѣ: на ночлегахъ нижніе чины разводили костры столами и стульями тѣхъ офицеровъ, которые не находились въ 1-мъ ашелонѣ: какъ будто они предчувствовали, что негдѣ будетъ размѣстить имъ свою убогую обстановку... Но и то, что доѣхало болѣе или менѣе благополучно, не все могло пройти въ нашу узкую дверь, и, такимъ образомъ, столъ и комодъ пришлось временно пріютить у сосѣдей... Ёда у насъ была подходящая къ квартирѣ, ибо кормились мы изъ солдатскаго котла. Зато консервовъ у насъ избытокъ. Забыла написать еще, что здѣсь въ страшномъ употребленіи консервы, въ которыхъ продаются даже... масло и молоко.

Китайцы совсѣмъ незнакомы съ молочнымъ хозяйствомъ; у нихъ имѣется только выюнныи скотъ для работъ и въ пищу. А жарятъ они все на растительномъ маслѣ, преимущественно на отвратительномъ бобовомъ. Для европейцевъ же масло привозятъ изъ Одессы, Томска, изъ Америки—легко можете представить его вкусъ! Но здѣшніе уроженцы другого масла не знаютъ и наиболѣе хвалятъ русское, вѣрнѣе, одесское. Сливки (консервированное молоко) мнѣ лично очень нравятся, но многіе ихъ не переносятъ.

Самое печальное въ нашемъ обиходѣ былъ холодъ. Желѣзная печь грѣла, только покуда топилась. Разъ прекращается топка, вѣтъ и тепла, и мы съ мужемъ каждое утро вспоминали стихи Некрасова:

„Въ комнатѣ нашей, пустой и холодной,
„Парь отъ дыханья клубами ходилъ“.

Н., бѣдный, вскакивалъ первый, набрасывалъ на себя пальто и растапливалъ печку; а я лежу, жду—пока потеплѣетъ...

Все это, впрочемъ, относится къ прошедшему времени, потому что вотъ уже шестой день, какъ мы перекочевали въ фортъ № 4, и у насъ новая квартира: опять-таки фанза въ двѣ комнаты, но окна больше, и поэтому комнатки повеселѣе. Кромѣ того, входъ не прямо со двора, а черезъ переднюю, и какъ

будто бы потеплѣе... Здѣсь у насъ общая офицерская столовая, значить, котель по-боку.

Но фортъ № 7 имѣлъ нѣкоторыя преимущества передъ фортъ № 4—это роскошное мѣстоположеніе. Бывало, взберешься на валъ, и передъ тобою открывается чудный видъ: съ одной стороны—море и на немъ—суда разныхъ націй, все стаціонеры. Съ другой—горный хребетъ; а между нимъ и тобою—форты, окружающія ихъ поля, городъ Шанхай-Гуанъ и Великая стѣна—все какъ на ладони. Около и вокругъ форта—прекрасныя аллеи и много красивыхъ мѣстъ для прогулокъ.

Фортъ № 4 лежитъ гораздо дальше отъ моря, такъ что онъ представляется съ вала въ видѣ узкой голубой полосы, сливающейся съ горизонтомъ. Валъ, его окружающій, раза въ три шире вала, окружающаго фортъ № 7, и въ ближайшихъ его окрестностяхъ ничего, кромѣ разрушенныхъ фанзъ, нѣтъ...

W.

БРАТЯ

П О В Ъ С Т Ъ .

Окончаніе.

XVIII *).

Съ утра Елена Сергѣевна Сулина въ большомъ волненіи.

Вотъ уже съ недѣлю, какъ она опять въ своей Катериновкѣ—и, до сихъ поръ, нѣтъ той депеши, которую она рассчитывала получить изъ-за границы.

Ни депеши, ни письма.

Она не знаетъ, куда телеграфировать Питэру—во Флоренцію, или въ Біаррицъ...

И каждое утро, просыпаясь, спрашиваетъ себя:

„Зачѣмъ я уѣхала раньше его“?

Никакихъ особенныхъ дѣлъ у нея въ деревнѣ нѣтъ. Всего еще половина сентября. Она успѣетъ „заикнуться“ въ своей Катериновкѣ.

И такъ ей стало здѣсь вдругъ пусто, безсодержательно и чуждо. Она отказывалась понять — какъ могла она по цѣлымъ недѣлямъ просяживать здѣсь въ полномъ одиночествѣ.

И безъ нея все шло бы своимъ порядкомъ. Она только мѣшала и по школамъ, и по амбулаторіи, и по всѣмъ другимъ „затѣямъ“—теперь и она пріучилась употреблять это словечко.

Мужики и бабы сосѣднихъ селъ и деревень, провѣдавъ о ея

*) См. выше: мартъ, стр. 21.

возвращеніи,—опять повадились къ ней съ задняго крыльца, какъ къ знахаркѣ. Не лечить въ деревнѣ нельзя, даже если есть порядочно организованная врачебная помощь. Она начала, гѣда четыре назадъ, давать лекарства, перевязывать раны и язвы, осматривать больныхъ дѣтей. Пущень былъ слухъ, что катериновская барыня помогаетъ.

Прежде это ей нравилось, давало особое настроеніе... А теперь, вотъ, она не рада, что приучила весь этотъ людъ тащиться къ ней съ цѣлой округи. Видъ больныхъ, ихъ застарѣлыя болячки, дѣти, повально страдающія кровавыми поносами, „порченныя“ бабы и дѣвки, ужасныя раны отъ порѣзовъ и укуловъ, какіе только случаются въ деревнѣ,—все это теперь вызываетъ въ ней брезгливость, точно оскорбляетъ ея чувства, и зрѣніе, и обоняніе.

Она знала давно, что хваленое здоровье русскаго народа—чистая выдумка такихъ патриотовъ, какъ Шестовъ и ему подобныя. Напротивъ, русская деревня полна самыхъ ужасныхъ болѣзней, и заразныхъ, и всякихъ другихъ. Особенно бабы—ходячее худосочіе, закоренѣлыя хроническія недуги, распатанные нервы, недоѣданіе, убійственное переутомленіе; моръ ребятишекъ—во всякое время года.

Но это только раздражало ее теперь. Ея душа—не здѣсь, а тамъ, гдѣ онъ.

Больше трехъ мѣсяцевъ прожила она въ неизвѣданномъ очарованіи, но свѣтломъ и прозрачномъ, какъ утрення грѣза, а не въ чаду чувственной страсти.

Она испытала то высшее счастье, какое можетъ выпасть на долю женщины, когда ея душа окрыляетъ талантъ любимаго человѣка; и онъ самъ сознаетъ, что безъ нея онъ не проходилъ бы чрезъ такія творческія „наптія“—слово, которое онъ постоянно повторялъ.

Никогда онъ такъ не работалъ. И по его теоріи выходило, что призваніе женщины—быть такимъ вдохновеніемъ. Еще такъ недавно ее обижали такіе взгляды Питера; а теперь она сама полагала въ этомъ высшее призваніе женщины.

Никакихъ личныхъ требованій не предъявляла она и точно забыла о своемъ существованіи. Всякія „права“, и „запросы“, и „домогательства“ казались ей смѣшнымъ или ненужнымъ обезьянствомъ, признакомъ того, что женщина адски свучаетъ и не можетъ наполнить своей душевной пустоты.

Съ вопросомъ: „зачѣмъ она, глупая, усакала оттуда?“—проснулась Елена Сергѣевна и сегодня.

Правда, было условлено между ними, что онъ будетъ къ брату во второй половинѣ сентября—и непремѣнно.

Ихъ стѣснило бы пріѣхать вмѣстѣ. Они оба щадили чувства Ивана. По его письмамъ они видѣли, что ему дѣлается тоскливо, хотя онъ и маскируетъ это разными подбадривающими фразами.

Въ письмахъ къ брату онъ былъ, по прежнему, добръ и нѣженъ. Ей онъ писалъ рѣже, въ безупречномъ, пріятельскомъ тонѣ—точно между ними ничего не произошло.

Питѣрь старался убѣдить ее въ томъ, что дѣйствительно ничего не произошло. Онъ не безъ тонкаго юмора разбиралъ ихъ псевдо-дружбу и называлъ ихъ обоихъ „головастиками“.

— Васъ не влекло другъ къ другу то, безъ чего любви нѣтъ.

Но и онъ допускалъ, что Ивану былъ все-таки нанесенъ ударъ, въ которомъ она, однако, нисколько не виновата.

Въ Бабицево она поѣхала первая, даже не предупредивъ Ивана, не нашла его въ усадьбѣ, прождала полдня, и на другой день онъ прилетѣлъ и тронулъ ее своей совсѣмъ родственной лаской, точно она его любима... невѣстка. Онъ сталъ ее благодарить за брата... за то, какъ она „окрикнула“ его творчество.

Ей сдѣлалось сразу легко и тепло съ нимъ; но его видомъ—она недовольна: онъ сильно постарѣлъ, просѣлъ въ бородѣ—рѣзкая, глаза безъ блеска, щеки осунулись. У него былъ и рядъ неприятностей по службѣ; о нихъ онъ не желалъ распространяться.

Вопроса о томъ, гдѣ будетъ жить Питѣрь—онъ не коснулся; но у него былъ такой тонъ, что еслибы вмѣсто Бабицева онъ поселился въ Катериновкѣ—это бы его нисколько не огорчило.

Но они и не мечтали объ этомъ. Это было бы все-таки „un esclandre“, а главное—„посягательство на свободу“. Въ этомъ ея фанатизмъ удостоивался полнаго одобренія отъ Питѣра.

Ни ему, ни ей—они это говорили передъ собственной совѣстью—ни на единый мигъ не приходила мысль о „безсрочномъ обязательствѣ“—какъ и Питѣрь, и она, называютъ супружество.

Не позволилъ себѣ ни малѣйшаго намека и старшій братъ, ни въ письмахъ своихъ, ни въ большемъ разговорѣ, здѣсь, у нея, въ первое свое посѣщеніе...

Елена Сергѣевна пролежала чуть ли не все утро въ постели. Тревога ея насчетъ депеши — немного поутихла. Надо все-таки наполнять свой день какимъ придется деревенскимъ „добротомъ“. Вдобавокъ, сегодня она должна принимать гостей — правда, для нея не особенно пріятныхъ.

Въ Катериновкѣ — волостное правленіе. Село на большомъ трактѣ. Вчера являлся къ ней становой и просилъ позволить устроить у нея обѣдъ исправляющему должность начальника губерніи, новому вице-губернатору, который объѣзжаетъ губернію.

И этотъ новый вице-губернаторъ, оказывается, не кто иной, какъ князь Мионовъ, еще недавно пріятель Ивана Бабичева.

Становой, въ видѣ предположенія, прибавилъ, что, вѣроятно, и княгиня пожалуетъ съ „его сіятельствомъ“, такъ какъ она проѣзжаетъ въ имѣніе, гдѣ они останутся осень, и дорога ея — на Катериновку.

Принимать у себя княгиню Мионову — не особенно восхитило ее. Въ губернскомъ городѣ онѣ часто видались, больше черезъ Ивана Бабичева. Но ей княгиня никогда не была симпатична. Елена Сергѣевна не могла бы сойтись съ такой женщиной. Она не хотѣла ссорить Ивана съ домою, гдѣ мужъ считался его пріятелемъ; но и онъ самъ, къ концу зимы, сталъ гораздо рѣже бывать у нея. Княгиню бѣсило то, что ни одинъ изъ братьевъ не поддавался ей „чарамъ“, какъ съ юморомъ говорилъ Питѣръ. Питѣра княгиня вездѣ, за глаза, „отдѣлывала“, и у нихъ чуть не вышла схватка въ одной гостиной.

Ивана огорчало то, что безхарактерный князь такъ поддался своей тщеславной женѣ, которая толкаетъ его по „нынѣшней“ дороге.

Вотъ онъ послѣ полученія „званія“ уже вице-губернаторъ, — прямо изъ чиновничьяго карьеризма, потому что онъ съ прекраснымъ состояніемъ, да и у жены немногимъ меньше, и не на жалованье же въ пять тысячъ рублей онъ польстился?

Но принять ихъ надо было. Она хотѣла-было дать знать объ этомъ Ивану — послать записку съ нарочнымъ; но почему-то воздержалась.

Она заказала обѣдъ на шесть человѣкъ. Вѣроятно, кромѣ четы Мионовыхъ, будутъ еще исправникъ и кто-нибудь изъ мѣстныхъ земцевъ.

Надо было заняться и туалетомъ. Все, что она привезла съ собою — изъ лѣтнихъ и осеннихъ модъ — было куплено и заказано по совѣтамъ Питѣра.

Есть два туалета—его любимыхъ. Ни одного изъ нихъ она сегодня не надѣнетъ.

И безъ того княгиня—какое бы ни увидала на васъ платье—будетъ его разбирать по ниточкамъ и подъ видомъ любезностей наговорить съ три короба разныхъ ехидностей.

Навѣрное, она будетъ пускать шпильки на счетъ Питѣра. Въ городѣ, конечно, они уже были давно опутаны сплетней. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ гостиной княгини губернскіе остряки „прохаживались“ насчетъ того, что у братьевъ Бабичевыхъ есть общая „пассія“.

Разъ у Ивана что-то вырвалось насчетъ какого-то пасквиляваго анонимнаго письма. Она подумала тогда, что это на ихъ только счетъ; но, навѣрное, тутъ замѣшанъ былъ и Питѣръ.

Передъ завтракомъ прискакалъ урядникъ доложить, что „князь будутъ къ пятому часу“. „Пожалуетъ“ ли княгиня—онъ не зналъ.

Эта неизвѣстность была ей сильно не по вкусу; но волноваться она не стала. Приди сейчасъ депеша или письмо изъ-за границы—какимъ бы все это показалось ничтожнымъ вздоромъ!

Но даже и теперь она чувствовала себя вдали отъ всего этого... на той „высотѣ“, куда подняла ее любовь.

Пускай эта губернская хищница мѣтитъ попасть въ сановницы, интригуетъ, беретъ себѣ любимцевъ, ехидствуетъ—развѣ это можетъ нарушить ея душевный міръ?

Вотъ уже четвертый часъ. Сосѣда нѣтъ. Такъ оно лучше. Не будетъ для Ивана ничего сладкаго въ таковой встрѣчѣ съ своимъ недавнимъ пріятелемъ, на котораго онъ возлагалъ какія-то надежды, какъ на независимаго земца.

„Ахъ, милый мой Жан!—думала Елена Сергѣевна, прохаживаясь по пріемнымъ комнатамъ, стоявшимъ въ полутьмѣ, съ спущенными сторами и маркизами. — Милый идеалистъ! Какъ онъ легко довѣряется! Такой умный, даровитый, такой стойкій въ отстаиваньи того, что ему дорого — и такой неисправимый оптимистъ“!

И ей стали припоминаться разныя шуточки губернскихъ барынь и чиновниковъ на его счетъ. Его вѣдь считаютъ „простоватымъ“ и даже „мямлей“, больше „краснобаемъ“, чѣмъ чело-вѣкомъ съ характеромъ и умѣньемъ играть настоящую роль.

Обѣдъ вышелъ немного экспромтомъ. У нея прекрасный поваръ—все тотъ же Василій, еще изъ крѣпостнаго времени, когда онъ былъ поваренкомъ на той самой кухнѣ, гдѣ теперь „шефомъ“. Они съ нимъ обдумали мени. Пришлось ограничиться тѣмъ, что есть подъ рукой. Хорошаго мяса нельзя до-

стать—сейчасъ. Зато найдется недурная баранина; есть и вальдшнепы; будетъ рыба изъ своего пруда, десертъ изъ своихъ же фруктовъ.

Василій предложилъ и сальми изъ перепеловъ. Ихъ наловили мальчишки изъ *однодворческаго* села Трубачеева—такъ у нихъ зовутъ государственныхъ крестьянъ.

Давно она не принимала у себя мѣстнаго начальства. Съ предводителемъ они не въ большихъ ладахъ, и врядъ ли онъ сегодня пожалуетъ, прямо, безъ зова.

Тотъ же урядникъ прискакалъ вѣстовымъ. Князь уже въ волостномъ правленіи, въ Катериновѣ. И туда же должна пожаловать и супруга.

Будь это не урядникъ, а почтовый служитель съ заграничной депешей—какъ бы она обрадовалась! Но она дала на себя обривъ: а то милая гостыя сейчасъ начнетъ кисло-сладко спрашивать о состояніи ея нервовъ и причинѣ ея тревожнаго настроенія.

Уже подали горячее. За столомъ сидѣли четверо гостей: чета Мироновыхъ, исправникъ, чиновникъ по особымъ порученіямъ. Одинъ приборъ оставался пустымъ.

Княгиня, войдя, извинилась за свой „*visite à l'improviste*“ и свалила вину на мужа. Князь—немного какъ бы стѣсненный въ новой роли—сталъ ее благодарить полупутливымъ тономъ за то, что она такъ добра—позволила ему самого себя пригласить обѣдать, и тутъ же вспомнилъ—какой у нея прекрасный поваръ.

Когда онъ подъѣзжалъ въ открытой коляскѣ, она стояла у окна и не сразу узнала его въ форменномъ пальто, подъ которымъ онъ очутился въ полукафтанѣ, съ жгутами на плечахъ.

Нельзя было не поздравить его съ назначеніемъ. Онъ долженъ бы былъ хоть немного сконфузиться передъ ней, какъ пріятельницей Бабичева; но при женѣ онъ чувствовалъ достаточный апломбъ—и только молча поклонился.

Княгиня тутъ еще, у закусочнаго стола, выпустила давно приготовленную фразу:

— *Le jeune homme est à son ballon d'essai!*

На ней было дорожное платье-tailleur, хорошо сшитое, но не по сезону и, кажется, прошлогоднее. Ея быстрый и злой осмотръ туалета Елены Сергѣевны доложилъ ей, что это—„*le dernier cri*“. Такія кофточки съ мелкими складками она видѣла у Ломановой, въ Москвѣ, но заказать себѣ не успѣла.

— *De chez Raquin?*—крикнула она немедленно.

— *Il est trop cher pour moi!*—отвѣтила Елена Сергѣевна.

Князь, при своихъ подчиненныхъ, держался съ пріятной свѣтской благосклонностью и, на взглядъ Елены Сергѣевны, похожъ былъ на молодого офицера, который изображаетъ на любительскомъ спектаклѣ роль благожелательнаго генерала.

Но въ минахъ жены его, когда она обращалась къ исправнику или къ чиновнику, уже сквозило то, что есть у такихъ бабынь, когда онѣ ласковы съ прислугой.

Исправникъ былъ усатый, грузный, лысый, потный, въ новенькомъ мундирѣ, держалъ себя съ достоинствомъ, и въ его сѣрыхъ, на-выкатѣ, глазахъ можно было прочесть:

„Не мало спустили мы начальниковъ губерніи, и настоящихъ, а не подставныхъ“.

Чиновникъ былъ въ вицмундирѣ, но держалъ себя какъ дирижёръ танцевъ, на губернаторскихъ балахъ. Елена Сергѣевна только и знавала его въ этомъ качествѣ, и у нея, когда онъ вошелъ, сейчасъ же раздался въ ушахъ его высокій тенорокъ:

— *Balancel vos dames, s'il vous plait!*

Княгиня, между супомъ и рыбой, что-то начала рассказывать изъ самыхъ свѣжихъ новостей высшаго свѣта, — и со двора раздался колокольчикъ.

— Запоздалые гости!—сказалъ князь, и вопросительно взглянулъ на хозяйку.

Она сейчасъ же подумала: „А если это—Иванъ Степановичъ?“

Черезъ минуту въ столовую входилъ Иванъ Бабичевъ, весь въ бѣломъ.

На губахъ княгини проскользнула недобрая усмѣшка; мужъ ея немного приподнялся; но совсѣмъ не всталъ и не пошелъ на встрѣчу недавнему пріятелю.

Бабичевъ поцѣловалъ руку у Сулиной и поздоровался съ княземъ и съ княгиней. Незаятый приборъ приходился противъ нихъ, между исправникомъ и чиновникомъ.

— Ты въ имѣніи?—спросилъ князь тономъ товарища.

— Какъ видишь.

Помолчавъ, Бабичевъ, съ наклономъ головы, выговорилъ:

— Поздравляю съ назначеніемъ.

— Мерсі, — откликнулся князь.

Жена его перевела, на особый ладъ, губами, и ея щеки чуть-чуть порозовѣли.

А злые глаза поглядѣли на своего *vis-à-vis* съ такимъ выраженіемъ:

„Ничто, мой милый! Борисъ въ эту минуту — начальникъ губерніи и можетъ тебя, какъ предсѣдателя управы, потребовать къ себѣ, во всякое время, по дѣламъ службы“.

Елена Сергѣевна стала угощать своего пріятеля. Ему подали супу и поставили передъ нимъ нѣсколько тарелокъ съ закусками.

Этой заботой о новомъ гостѣ она хотѣла показать, что ей онъ гораздо дороже всей остальной братіи. Княгиня это „отмѣтила“ про себя.

Но внутренно Еленѣ Сергѣевнѣ было почти жутко за Бабичева... и она попеняла на себя: — зачѣмъ не дала ему знать, не послала нарочнаго верхомъ! Онъ, быть можетъ, остался бы дома.

А быть можетъ и нѣтъ. Въ немъ она замѣчаетъ нѣчто новое. Его примиряющее настроеніе пропадаетъ. И кто знаетъ... за обѣдомъ или за кофеемъ, но можетъ выйти, какъ говорятъ у нихъ въ губерніи, „карамболяжъ“.

— А вашъ Питеръ все еще не здѣсь? — нараспѣвъ спросила княгиня.

— Да, — сухо вѣтилъ Бабичевъ.

— Но скоро будетъ? Или нѣтъ?

И она едва удержалась отъ косвеннаго взгляда на хозяйку.

— Не умѣю вамъ сказать навѣрное, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что мы его здѣсь увидимъ.

„Мы, — повторила про себя княгиня. — Ну, разумѣется, въ обѣихъ усадьбахъ“...

И безъ паузы, какъ настоящая начальница губерніи, княгиня продолжала сообщать новости изъ высшихъ сферъ, и отъ времени до времени поворачивала голову къ мужу и видала ему: „N'est-ce pas, Boris?“ — когда выпустить какую-нибудь шпильку.

Тотъ только поддакивалъ и смѣялся.

Въ этомъ прошло, по крайней мѣрѣ, минутъ двадцать. Обѣдъ пододвинулся уже къ пирожному, въ видѣ „glace-рапаше“ съ сѣткой изъ леденца, чѣмъ любилъ всегда щегольнуть поваръ Василій.

Бабичевъ сидѣлъ почти-что молча и, въ два антракта между монологами княгини, обмѣнялся нѣсколькими фразами съ исправникомъ и дирижеромъ танцевъ. Хозяйка тоже отдалась совершенно пассивной роли, и только наблюдала за тѣмъ — какъ подаютъ.

Кофе вышли пить на террасу. Исправникъ и чиновникъ зачѣмъ-то удалились — вѣжета, распорядиться насчетъ лошадей.

Елена Сергѣевна, по выраженію лица княгини, ожидала, съ ея стороны, чего-нибудь вызывающаго по адресу Бабичева. Ей, за столомъ, стало, должно быть, досадно, что ея Борисъ, съ появленія Бабичева, сталъ держать себя иначе, какъ будто чего-то стѣсняясь.

Княгиня, навѣрное, пожелаетъ направить свою креатуру на надлежащій тонъ и „дать по носу“ этому „тайному крамольнику“, какъ она уже называла вездѣ Бабичева, зимой.

— Обѣзжаешь губернію?—спросилъ Бабичевъ, присаживаясь ближе къ нему.

— Не обѣзжаю, а долженъ побывать въ трехъ уѣздахъ... по особеннымъ дѣламъ.

— Какимъ?—остановилъ Иванъ.

— Довольно щекотливымъ.

— Какъ будто вы ничего не слыхали, Бабичевъ?—вмѣшалась княгиня.

— Не знаю, право, Марья Федоровна.

Она терпѣть не могла, когда ее называли только по имени-отчеству.

— Да... для васъ все это—полицейская экзекуція,—подхватила княгиня.

Иванъ поглядѣлъ на нее пристально, замѣтно блѣднѣя.

„Вотъ сейчасъ начнется!“—отмѣтила про себя хозяйка.

Она могла бы дать разговору другой ходъ; но не захотѣла этого. Ей было внутренно обидно за своего друга; точно онъ какой уѣздный гласный, попавшій на обѣдъ съ начальникомъ губерніи. И эта „поганка“—она такъ назвала, про себя, княгиню—ведетъ себя просто отвратительно. И она, и мужъ ея, достойны быть проучены. Если нужно, то и она готова посодѣйствовать этому, хотя она и хозяйка дома.

— А вы, *chère princesse*, — началъ Иванъ, замедляя свою дикцію,—развѣ купаетесь теперь во всемъ этомъ, предвкушая то время, когда будете сами начальницей губерніи?

Тонъ былъ полушутливый; но подъ нимъ звучало нѣчто, чего Елена Сергѣевна еще не слыхала у Ивана, даже въ разговорахъ съ прямо враждебными ему господами, въ родѣ Шестова.

Княгиня повернула голову къ мужу и значительно взглянула на него.

„Какъ, молъ, ты позволяешь, чтобы со мной такъ разговаривалъ твой пріятель“?

Князь весь заволновался и, не глядя на Бабичева, выговорилъ:

— Mon cher... tu prends ça sur un ton...

— Тонъ Бабичева, — продолжала его „тыкать“ одной фамиліей княгиня, — показываетъ только, какъ онъ искренно радуется... твоимъ успѣхамъ.

— А вы, Марья Федоровна, желаете, чтобы я радовался?

Голосъ его дрогнулъ.

И, не дожидаясь ея отвѣта, онъ повернулся къ князю и положилъ ему ладонь руки на колѣно жестомъ старшаго.

— И ты хочешь, чтобы я радовался?

— Какъ тебѣ угодно, — полуобиженно вымолвилъ князь.

— Неужели ты только за этимъ — Иванъ показалъ головой на его плечо — шелъ служить по выборамъ?..

— Позвольте, Бабичевъ, — перебила его княгиня, злобно краснѣя: — вы, кажется, производите мужу моему нѣчто въ родѣ допроса?

— Вашъ мужъ, — отвѣтилъ онъ ей въ тонъ, — былъ еще недавно моимъ пріятелемъ, княгиня, и я былъ вправѣ считать его человѣкомъ, который не протѣкаетъ служеніе обществу на чечевичную похлебку чиновничьей карьеры. А впрочемъ... что же я? — воскликнулъ онъ, всталъ съ мѣста и отошелъ къ периламъ террасы. — Вѣдь ты не малолѣтній... ты отдаешь себѣ отчетъ въ твоихъ поступкахъ... У тебя свой кодексъ морали!

Иванъ взглянулъ, при послѣднихъ словахъ, на Елену Сергѣевну.

— Вы думаете, мой другъ, — выговорила она, — что всѣ... какъ вы...

— Табъ же наивны, хотите вы сказать? — остановилъ онъ ее. — И наивны, и старомодны... — И, обращаясь къ князю, онъ продолжалъ горячѣе: — Ты сразу почувствовалъ, что такіе, какъ мы... жалкіе идеологи — топчемся на одномъ мѣстѣ или кружимся, какъ бѣлки въ колесѣ. А надо быть чѣмъ-нибудь въ огромной машинѣ... сначала колесами средней величины, а потомъ и покрупнѣе. Остальное надо тормазить и терпѣть только до поры, до времени. Должно быть, эта приманка всеисильна? Вотъ ты и потомокъ древняго рода, и богатъ, и молодъ... всѣ условія полной самостоятельности... Можешь утѣшиться, — не первый и не послѣдній!

Онъ вернулся на свое мѣсто.

— Простите, княгиня, — продолжалъ онъ другимъ тономъ. — То, что я сейчасъ сказалъ, вы, пожалуй, найдете выходкой весьма сомнительнаго вкуса... Но мы съ вашимъ мужемъ сошлись... Онъ считался моимъ пріятелемъ.

— И долженъ былъ просить у васъ позволенія, какъ мальчишка?

— У него и дома есть другъ, ревнивый къ его успѣхамъ. Но онъ настолько меня зналъ, чтобы не удивляться тому, что его блестящая карьера меня не порадуетъ.

Отойдя опять къ периламъ, Бабичевъ добавлялъ, обращаясь при этомъ къ Еленѣ Сергѣевнѣ:

— Я и васъ прошу извинить меня за этотъ неподходящій къ случаю разговоръ.

Хозяйка поглядѣла на него съ такимъ выраженіемъ:

„Не стоило, мой другъ, связываться съ ними“.

И, въ то же время, она была довольна, что Иванъ именно такъ повелъ себя.

Ей припомнились тутъ же слова Питера, наканунѣ ихъ прощанія, когда они говорили о его старшемъ братѣ:

„Пускай онъ насочитъ на что-нибудь такое, что ему другого не будетъ исхода, какъ бросить свою службу и отрясти прахъ съ сандалій своихъ“.

Князь сидѣлъ все въ той же съѣженной позѣ.

— Я удивляюсь, Борисъ,—дала на него окрикъ жена,—что ты точно не находишь, что отвѣтить Бабичеву?

— Душа моя... у всякаго свой взглядъ на вещи. Но я не давалъ никому никакихъ обѣщаній... такъ или иначе устроить свою жизнь.

— Я уже тебѣ сказалъ—ты не первый и не послѣдній. По этой покатои плоскости должны всѣ спускаться... *parдон*, я хотѣлъ сказать—подниматься!..

Въ дверяхъ показалась тонкая фигура чиновника.

— Княгиня, князь... Экипажъ поданъ.

Елена Сергѣевна нашла, что онъ появился кстати.

Первая встала княгиня и — вмѣстѣ съ рукопожатіемъ—небрежно проговорила:

— Благодарю за хлѣбъ-соль... *Op vous verga cet hiver?*

И не дожидаясь отвѣта, она кивнула головой Бабичеву и, не подавая ему руки, пошла впередъ.

Князь поцѣловалъ руку у хозяйки и простился съ Иваномъ молча. Ему хотѣлось что-то сказать; но онъ боялся жены.

Хозяйка пошла за ними черезъ столовую, до передней. Бабичевъ остался на террасѣ.

Ему стало вдругъ тошно... и физически, и душевно.

Зачѣмъ онъ выступилъ въ роли обманутаго земца и эскъ-пріятеля такого ничтожества, какъ этотъ князекъ?

Вольно же ему было считать этого князька челоуѣкомъ своей партіи? Да и какая у него „партія“? Можетъ ли онъ поручиться за двѣ-трети тѣхъ, кого считаетъ передовыми и даже красными?

— Вы здѣсь? — окликнула его Елена Сергѣевна.

Бабичевъ сидѣлъ у перилъ, бокомъ къ двери; она подошла къ нему и положила ему руку на плечо.

— Вашъ старый пріятель глухнѣтъ, — выговаривалъ онъ съ усмѣшкой.

— Почему, мой другъ?

— Теряетъ равновѣсіе; это — плохой признакъ.

„А съ какою поры? — спросила она себя. — Развѣ его личная жизнь не надломлена... и кѣмъ“?

Ей стало такъ его жаль, что она должна была сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы не наклониться и не поцѣловать его въ голову.

Но такая ласка была бы только обидой.

— Вы всегда и во всемъ... вѣрны себѣ, — сказала она, садясь противъ него. — И отлично, что у васъ не будетъ больше такого пріятеля, какъ этотъ новоспеченный администраторъ. Я всегда находила, что вы были слишкомъ щедры... сходились пріятельски съ людьми, которыхъ хотѣли поднять до себя...

Она не докончила. Протѣнула замѣтная пауза... Точно они оба чувствовали, что не стоитъ больше говорить.

— Барыня! Дешпу принесли!

Вбѣжала горничная. Елена Сергѣевна вся зардѣлась, вскочила съ мѣста, выхватила у дѣвушки телеграмму изъ рукъ, нервно разорвала пакетикъ, и глаза впелись въ строки текста.

„Какъ она его любить!“ — воскликнулъ про себя Иванъ.

— Отъ него? — тихо спросилъ онъ.

— Да, да! Черезъ недѣлю будетъ уже въ Москвѣ!

XIX.

Опять стародавняя аллея шумитъ своей пожелтѣлой листвою надъ головой Питѣра.

Второй день, какъ онъ въ Бабичевѣ. Иванъ оставилъ ему длинное, теплое письмо, гдѣ умоляетъ извинить — онъ никакъ не могъ не ѣхать на съѣздъ, гдѣ долженъ былъ произнести вступительную рѣчь. Но черезъ два дня онъ будетъ назадъ.

Въ припискѣ стояло, что онъ просить поцѣловать обѣ руки у Елены Сергѣевны.

Она выѣхала на станцію. Ея радость была такъ порывиста, что она бросилась въ нему и хотѣла его обнять — онъ не допустилъ ее и поцѣловалъ руку.

Они побѣжали къ ней, откуда онъ отправилъ къ себѣ свои вещи. Вечеръ пролетѣлъ въ нервныхъ, безсвязныхъ разговорахъ, которые прерывались ласками.

Никогда еще не было у нея такихъ „безумныхъ“ глазъ тамъ, за границей, даже и въ самые сильные пароксизмы ея страсти. Онъ былъ утомленъ дорогой, плохо спалъ двѣ ночи въ вагонѣ, отъ Петербурга въ Москву и отъ Москвы домой.

Поздно, часу во второмъ, вырвался онъ отъ нея.

— Остайся! — шепнула она ему.

Но онъ ей сказалъ:

— Зачѣмъ профанировать наше чувство?

И она застыдилась, покраснѣла и поцѣловала у него руку, прошептавъ:

— Прости! Я безумная!

Сегодня она сама запросилась сюда.

Послѣ завтрака онъ пошелъ гулять, сначала по парку, потомъ по аллеямъ „дворянскаго гнѣзда“, съ какой-то философской книжкой, привезенной изъ-за границы.

День стоялъ свѣжій, но солнечный. Все уже говорило о поворотѣ къ настоящей осени. Было уже нѣсколько ночныхъ заморозковъ.

Столѣтніе клены и липы еще не потеряли золотистой листвы; но она уже сильно порѣдѣла.

Войдя въ свою любимую аллею съ дерновымъ диваномъ, Питѣръ снялъ шляпу и сталъ вслухъ, негромко и замедляя темпъ, декламировать Пушкинскую годовщину:

„Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“...

Въ это стихотвореніе онъ, до сихъ поръ, влюбленъ. Не можетъ онъ, безъ дрожи въ голосѣ и безъ влажныхъ рѣсницъ проносить стихи:

„Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ.
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ“...

Великій русскій поэтъ вѣрилъ въ дружбу, воздѣлывалъ ее и наслаждался ею, не разбирая, достойны ли были его дружбы всѣ, кого онъ любилъ, понимали ли они всю громадность его

дарованія? Чтò за бѣда! Они были его друзья! Онъ зналъ, что ихъ союзъ сростался „подъ сѣнью дружныхъ музъ“. Когда онъ писалъ свою вдохновенную „годовщину“ и вспоминалъ о прїѣздѣ Пущина въ Михайловскомъ — навѣрное слезы дрожали на его рѣсницахъ и онъ долженъ былъ вслухъ воскликнуть:

„Поэта домъ опальный—
О, Пущинъ мой! ты снова посѣтилъ!“

Дружба!

Питѣрь придавалъ ей всегда особенное значеніе и цѣну, какъ это дѣлалось древними. И что же! Развѣ у него есть хотя два-три человѣка — за границей и въ Россіи — про которыхъ онъ могъ бы воскликнуть:

„Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!“...

Пріятели, коллеги, единомышленники, люди одинаковыхъ вкусовъ. И только!

Сердечная связь у него только съ братомъ Иваномъ. Только сердечная. Они живутъ въ двухъ сферахъ. Но Иванъ больше ему сочувствуетъ, чѣмъ онъ Ивану. А теперь... и сердечная связь дала трещину.

Питѣрь ходилъ по аллеѣ съ книгой; но уже больше получаса не читалъ ее.

Дума о братѣ, о ихъ кровной и сердечной связи особенно волновала его здѣсь, въ этомъ саду, въ этой самой аллеѣ, гдѣ въ началѣ лѣта онъ пережилъ если не мучительный, то очень нелегкій душевный разладъ.

Уже не впервые всплывалъ передъ нимъ вопросъ:

„Зачѣмъ я разрушилъ его счастье?“

Не явился онъ этой зимой, болѣе чѣмъ возможно, что онъ нашелъ бы уже вотъ теперь, осенью, въ Бабичевскомъ домѣ, молодую хозяйку.

Не вѣрять онъ ни одной женщинѣ, дающей зарокъ никогда не налагать на себя брачныхъ узъ.

Это говорилось тогда, зимой... и даже позднѣе; но до того кризиса, который произошелъ съ нею.

Правда, за границей не было произнесено самаго звука „замужество“. Да и зачѣмъ? Это сдѣлало бы банальной ихъ поэму любви.

Но будь онъ самъ другихъ убѣжденій, скажи онъ ей, вотъ такой, какою она стала съ тѣхъ поръ, какъ чувство овладѣло ею:

„Если вы хотите обладать мною, вы добьетесь этого только послѣ того, какъ я назову васъ женой“...

Развѣ она отвернулась бы? Смѣшно и думать, и можно сказать это безъ всякаго мужского тщеславія.

Но Иванъ—вотъ мужъ!

И онъ тотчасъ же добавилъ про себя:

„И мужъ для такой женщины, какъ“...

У него чуть было не слетѣло слово „сушки“; но онъ воздержался.

Нѣтъ, она не сушка! Она съ темпераментомъ, который спалъ... до момента взрыва. Но вѣдь жить одними восторгами страсти нельзя... русской женщиной, такой, какъ она. Постыхнетъ пламя, огонекъ будетъ только теплиться—это неизбежно—и заработаетъ опять голова, явятся чисто русскіе запросы,—тѣмъ больше, что дѣтей у нея не будетъ—она сама это говорить.

Мысли его бѣжали впередъ и впередъ — все въ этомъ направленіи.

„Что же это я?“ —вдругъ остановилъ онъ себя и внутренно смутился, слегка даже покраснѣлъ.

Вѣдь это предательство?

Онъ можетъ такъ разсуждать о женщинѣ, которая дала ему столько дивныхъ минутъ своимъ чуткимъ сострастіемъ, своей не одной только чувственной, но и духовной лаской вызывала въ немъ расцвѣтъ творческихъ силъ, и не два-три дня, а цѣлые мѣсяцы?!

Отвѣтить на этотъ запросный пунктъ—онъ точно испугался. Мысль его перелетѣла опять къ брату Ивану.

На письмахъ тотъ не позволялъ себѣ никакихъ вопросовъ о ихъ планахъ на будущее, о томъ, какъ они думаютъ „устроить свою судьбу“.

Но здѣсь, въ искренней бесѣдѣ, въ воздухѣ братской сердечности, если вдругъ Иванъ обмолвится такимъ вопросомъ:

„Неужели ты... не хочешь закрѣпить вашъ союзъ“?

Что онъ ему отвѣтитъ—по совѣсти?

Мечтаетъ ли онъ самъ объ этомъ? Дѣлалъ ли онъ, хоть одинъ разъ, намекъ на такой исходъ ихъ сближенія?

Никогда!

Кто изъ нихъ болѣе „заворенѣлый холостякъ“, фанатикъ своей личной свободы?

Конечно, онъ — Питѣръ, а не Елена, даже будь она настоящая „сушка“. Еслибы было иначе — съ ея правдивостью и привычкой ставить всѣ нравственные вопросы ребромъ, она не одинъ, а нѣсколько бы разъ сказала ему приблизительно слѣдующее:

„Ярма—не надо. Ни вѣчныхъ влѣтвъ, ни вѣчныхъ обязательствъ. Люби—пока любитъся“.

И его начало удивлять и тамъ, за границей, что ничего подобнаго не слѣгло еще съ ея губъ.

Можетъ ли онъ поручиться за себя, что или здѣсь, или за границей, подъ вѣчно-голубымъ небомъ, онъ уже не испытаетъ такого творческаго настроенія и такой душевной отрады съ нею и не почувствуетъ потребности остаться одному?

Отъ этого вопроса у него немного захолодѣло въ груди.

И какъ разъ въ ту же минуту, онъ слышалъ со двора мягкій шумъ колесъ и топотъ одной лошади по убитому песку дороги.

„Елена!“—почти вскрикнулъ онъ и подбѣжалъ къ низкому плетню, идущему вдоль аллеи. Она увидала его тотчасъ же, соскочила съ подножки, бросивъ возжи мальчику, и побѣжала въ знакомую ей калитку.

Они обнялись въ углубленіи—родъ бесѣды изъ густыхъ рябинъ—съ боку аллеи. Онъ посадилъ ее на скамью.

— Ты не сердисься?

— На что, дорогая?

— На то, что я прискакала. Но Жанъ врядъ ли сегодня будетъ. Его задержать еще на какомъ-нибудь обѣдѣ или засѣданіи.

— Развѣ Жанъ намъ помѣха?

— Ну, все-таки... Ты такой корректный...

Она не досказала и шутливо взглянула на него.

— Я обѣдать не останусь.

— Почему же?

— Такъ. Лучше ты ко мнѣ завтра... одинъ или съ Жаномъ, если онъ вернется съ утреннимъ поѣздомъ.

— Что за дипломатическій расчетъ!—пошутилъ онъ, и они пошли внизъ по аллеѣ къ дому.

— Все-таки... вѣдь я это дѣлаю больше для тебя, чѣмъ для себя... Мнѣ все равно. Надо мной—никакого начальства нѣтъ!

И, остановившись, она, съ игрой лица, выговорила, какъ на сценѣ, слова Софьи:

„Хочу люблю—хочу скажу!“

— Да у тебя сценическій талантъ?!

— Мнѣ говорили, когда я отъ сладостей супружеской жизни искала уйти во что-нибудь и много играла... была даже режиссеромъ.

А мысли Питэра, въ эту минуту, склонялись все въ томъ же направленіи.

Вотъ они, начались уже, эти дамскія соображенія насчетъ того, какъ вести себя на-людяхъ.

Она говорить, что это она дѣлаетъ не для себя, а для него. А ему сдается, что оно—прямо наоборотъ.

Не можетъ даже и такая женщина, какъ Елена, пока она принадлежитъ обществу, ни на что не обращать вниманія.

И чѣмъ же это будетъ лучше всякаго застарѣлаго адюльтера, когда другъ дома годами состоитъ при замужней дамѣ,—все это знаютъ въ городѣ, для всѣхъ это un secret de polichinelle, а декорумъ надо соблюдать, думать ежеминутно о томъ, чтобы все было прилично.

Но тамъ есть оправданіе: законный мужъ, положеніе матери семейства. А въ такихъ „союзахъ“, какъ ихъ связь, гдѣ, казалось бы, полная свобода, что же это: малодушіе или рабство передъ qu'en diga-t-on? или еще что-нибудь?

И такъ можетъ продлиться годъ, два, всю жизнь!

„Всю жизнь!“—повторилъ онъ про себя, и у него снова явилось ощущеніе свѣжести въ груди.

„Развѣ это мыслимо?“—вскричалъ онъ.

Елена что-то ему рассказывала, поднимаясь на крыльцо; но онъ ничего не слышалъ.

Они сидѣли втроемъ, въ столовой.

Иванъ явился неожиданно, и Елена Сергѣевна немножко даже сконфузилась, когда онъ вошелъ въ гостиную, гдѣ они съ Питэромъ сидѣли на диванѣ, очень близко другъ къ другу.

— Стало быть, большой успѣхъ?—спросилъ Питэръ и протянулъ къ брату рюмку съ недопитымъ виномъ.

— Во всякомъ случаѣ, очень шумный...—сказалъ тотъ и, послѣ маленькой паузы, прибавилъ:—Но не мало было господъ, которые подъ этими рукоплесканіями зеленѣли.

— А это... пройдетъ даромъ?—спросила Елена Сергѣевна, поднявъ голову.

— Кому? Мнѣ?

— Да.

Иванъ пожалъ плечами.

— Не знаю. У насъ все возможно.

Питэръ пристально взглянулъ на брата.

— Ты записалъ свою рѣчь?—окликнулъ онъ.

— Нѣтъ... я никогда этого не дѣлаю. Напишу маленькій

конспектъ передъ тѣмъ, какъ говорить, иногда и раньше. У меня только то хорошо и выходитъ, что складывается тутъ же, на мѣстѣ, и теченіе мыслей, и выраженія, и тонъ... все.

— Но рѣчь ваша, Jean, — продолжала болѣе тревожно Елена Сергѣевна, — можетъ появиться Богъ знаетъ въ какомъ видѣ?

— Бывало, и не разъ!

— Не говоря уже о томъ, — добавилъ Питѣръ, — что репортеры извѣстнаго рода прессы могутъ присочинить отъ себя.

— На здоровье! Кажется, тамъ сидѣли какіе-то очень юные господа. Можетъ, были и стенографы — я не интересовался.

— Какъ же можно, my dear fellow, — сказалъ Питѣръ, — такъ небрежно обращаться съ своими рѣчами? Ты ихъ и послѣ не записывалъ?

— Были стенографическіе отчеты. Нѣкоторые я сохранилъ... и то не всѣ. Конспекты найдутся... въ моихъ записныхъ книжкахъ.

— Но это преступленіе передъ самимъ собою, передъ своимъ талантомъ! — вскричалъ Питѣръ. — Ахъ Jean, Jean! какой у насъ...

Онъ не нашелъ сразу русскаго слова.

— Gaspillage!

— Ужъ извини, — выговорилъ съ тихимъ юморомъ Иванъ. — Мы варвары. Ничего не сохраняемъ. Все у насъ лыкомъ шито.

— Развѣ это хорошо?

— Еще не великая бѣда, что мои рѣчи не сохранятся въ памяти потомства. И знаете, друзья мои... то, что напечатано, свое собственное... сейчасъ теряетъ для меня всякій вкусъ.

— Почему? — остановила Елена Сергѣевна.

— Рѣчь — не *monceau de littérature*. Не мнѣ чета былъ Гамбетта!

— Твой тѣзка, — замѣтилъ Питѣръ.

— Да. Злобная вличка, данная мнѣ моими доброжелателями. Перечтите его рѣчи. Сколько общихъ мѣстъ... Готовыя фразы... неизбежныя повторенія. А когда онъ говорилъ на трибунѣ — все это несло, горѣло, захватывало духъ, вызывало массовый энтузіазмъ или скрежетъ зубовъ у враговъ республики и свободы.

Иванъ опустилъ голову на руки, положенныя на столъ.

— Можетъ быть, — продолжалъ онъ болѣе тихимъ голосомъ, — моя послѣдняя рѣчь и произведетъ переполохъ... гдѣ объ этомъ вѣдать надлежитъ, — прибавилъ онъ съ усмѣшкой. — Пускай! Я не привыкъ праздновать труса. И знаете, друзья, — онъ протянулъ объ руки къ брату и Еленѣ Сергѣевнѣ, — когда возьмешь на-стоящую ноту... ударишь туда, куда слѣдуетъ бить, и зала вдругъ

вздоргнетъ—ты тогда только почувствуешь, что ты не даромъ отдаешь себя дѣлу правды и просвѣтленія. Нѣтъ! Есть въ нашемъ обществѣ задатки и силы, ждущіе призыва! За тавія минуты, друзья, можно...

— Пострадать?—подсказалъ Питѣръ.

— Слово-то ужъ очень опошлено!—благодушно возразилъ Иванъ.—Самое отрадное въ жизни—вѣрить въ человѣчество.

„И мнѣ ты вѣрилъ,—быстро подумалъ Питѣръ и полузакрывъ глаза.—А чѣмъ кончилось“?

Елена Сергѣевна тоже потупилась: точно она угадала то, что сейчасъ пришло Питѣру на мысль.

Иванъ поднялъ голову. Лицо его было такое ясное, въ глазахъ заигралъ блескъ, вся посадка величавая... вотъ-вотъ, онъ заговорить съ трибуны.

„Даромъ не пройдетъ его рѣчь!“—сказала она про себя, и сердце у нея сжалось.

И Питѣру стало опять до слезъ жалко своего „poor fellow“, жалъ и жутко отъ сознанія, что нѣтъ у этого прекраснаго человѣка и кусочка личнаго счастья. А нѣтъ потому, что вотъ эту, до сихъ поръ дорогую ему женщину, не знавшую любви... потянуло къ его же „чаду“, къ его Питѣру.

— Энтузіазмъ русской публики,—подумалъ онъ вслухъ, и въ голосъ его зазвучали горькія ноты,—рыхлѣ и порывистѣ, какъ у истерички. И кто бы ни говорилъ—все тѣ же крики, все то же галдѣнье... вѣдь такъ говорятъ у насъ на жаргонѣ...

— Это вѣрно!—вздохнула Елена Сергѣевна.

— Сегодня ты... завтра господинъ Шестковъ... или другой охранитель *eiusdem farinae*.. и ему будутъ хлопать, какъ и всякой цыганской примадоннѣ, и тенорку, который пропоетъ имъ фистулой арію Ленскаго.

— Вѣрно, вѣрно!—вырвалось у Сулиной.

И всѣ трое замолчали.

XX.

Вагонъ качало; дождь, не переставая, барабанилъ въ запотѣлыя окна. До станціи, гдѣ Ивану Бабичеву надо было сойти, оставалось еще больше часа.

Адская погода стоитъ уже вторую недѣлю.

Онъ возвращался изъ Москвы, гдѣ пробылъ всего сутки. Его вызвали депешей въ Петербургъ для объясненій.

И въ Петербургѣ, послѣ этой аудіенціи, и въ дорогѣ, и въ

Москвѣ, онъ не отдавалъ себѣ полнаго отчета о возможныхъ послѣдствіяхъ того вызова и разговора съ лицомъ, потребовавшимъ его къ себѣ.

А теперь ему это ясно.

Съ своимъ общественнымъ дѣломъ онъ долженъ будетъ—вѣроятно на дняхъ—проститься надолго, неизвѣстно на сколько.

Дорогой изъ Москвы онъ сидѣлъ одинъ, въ отдѣленіи вагона, и сидѣлъ, и лежалъ. Было довольно времени все возстановить въ своей памяти, подвергнуть свое поведение контролю собственной совѣсти.

Такъ ли онъ повелъ себя, какъ надо было человѣку его лѣтъ, его опыта, человѣку, который выше своего самолюбія всегда ставилъ служеніе дѣлу?

Вѣдь его вызывали не какъ частное лицо, не какъ Ивана Степановича Бабичева, — да нѣкто бы и не имѣлъ права вызвать его для выговора, — а какъ лицо должностное, стало быть, подчиненное.

Не въ первый разъ, какъ онъ на службѣ, приводилось ему „объясняться“, но онъ умѣлъ же прежде соблюдать свое достоинство, держаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, не поднимать тона, не говорить такъ, какъ онъ говорилъ въ томъ петербургскомъ кабинетѣ, въ субботу, на прошлой недѣлѣ, всего три дня тому назадъ.

Онъ представилъ себѣ, что передъ нимъ сидятъ полномочные отъ его избирателей. Его попросили передать, во всѣхъ подробностяхъ, какъ состоялось то объясненіе и считаетъ ли онъ свое поведение вполне корректнымъ, положилъ ли онъ въ обѣ чашки вѣсовъ: отпоръ, данный имъ, какъ личностью, и послѣдствія такого отпора.

— Глубокоуважаемый Иванъ Степановичъ — сказалъ бы ему предсѣдатель такого собранія, — вы знаете, какъ вы нужны дѣлу. Неужели вы не подумали, что лишите всѣхъ насъ вашего руководительства, что равносильно измѣнѣ дорогимъ для васъ интересамъ.

Что отвѣтилъ бы онъ?

Одного факта такой передачи того, что произошло на аудіенціи — совершенно достаточно, чтобы видѣть — были ли мотивы для его отпора.

Нѣтъ, онъ ни на одну секунду не забывалъ того, что говорить въ немъ долженъ не Иванъ Бабичевъ, землевладѣлецъ такого-то уѣзда, а лицо, облеченное довѣріемъ огромнаго большинства своихъ избирателей.

Онъ сказалъ бы такому трибуналу:

— Выговоръ сдѣланъ былъ мнѣ за то, что я публично говорилъ не какъ должностное лицо, а какъ частный человѣкъ, какъ членъ общества. Но я не могъ его принять ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Будь я частный человѣкъ, мнѣ могли за это... сдѣлать непріятность... даже покарать... но выговора мнѣ нельзя бы сдѣлать. Стало быть, мнѣ его сдѣлали, какъ должностному лицу, и, охраняя права этого лица, я и далъ отпоръ.

Что рѣшилъ бы этотъ трибуналъ?

Ему сдастся, что онъ оправдалъ бы его.

Будь онъ вдвое болѣе высокаго мѣстна о той пользѣ, какую онъ приноситъ дѣлу—онъ все-таки, по совѣсти, обязанъ былъ повести себя такъ, а не иначе.

То же скажетъ онъ сегодня и Питѣру, и Еленѣ, когда ее увидитъ.

На душѣ у него нѣтъ теперь ни упрековъ себѣ и никакой тревоги за ближайшее будущее... даже если послѣдствія будутъ самыя крутыя.

А случится то, что всего вѣрнѣе ожидать. Онъ—на свободѣ. Чего же, въ самомъ дѣлѣ, горевать?

„На свободѣ“. Что же это значить? Обыватель, не принимающій большаго участія въ общественномъ дѣлѣ, помѣщикъ сельца Бабицева. Живи въ усадьбѣ, или въ городѣ, если тебѣ позволять. Проводи зимній сезонъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Нижнемѣ, въ Парижѣ, въ Римѣ—гдѣ угодно. Другими словами—превращайся въ русскаго дворянина „не у дѣла“.

Въ деревнѣ—найдется дѣло. Первое—задуманная имъ сельскохозяйственная школа.

Но работы начнутся только по веснѣ.

Взять на зиму въ губернской городъ, превращаться въ „оставленнаго“ фрондѣра, провинціального Гамбетту? Боже избави! Петербургъ ему ненавистенъ, Москва—тотъ же губернской городъ огромныхъ размѣровъ.

Примазываться къ разнымъ говорильнямъ, водить знакомство съ „интеллигенціей“, читать книжки, а на вечерахъ разсуждать о „матеріяхъ важныхъ“ съ разнымъ „огорченнымъ народомъ“—да мимо идетъ чаша сія!

И мысль его неволью перелетѣла къ брату и Еленѣ. Она уѣдетъ за нимъ, она и теперь уже начала тяготиться...

И вотъ онъ одинъ въ старомъ холодномъ домѣ, штрафной эскъ-земець. Ходи по пустымъ комнатамъ, читай газеты и журналы и вспоминай то время, когда дѣла было „по горло“, когда нѣжное чувство къ прелестной женщинѣ окрыляло его духъ.

Свой ораторскій талантъ, всѣми признаваемый—на что онъ ему?

Публично выступать ему нельзя будетъ. Неужели изъ-за любви къ слову превращаться въ клубнаго или салоннаго краснбая?

Постыднѣе этого ничего не придумаешь!

И отовсюду, когда онъ сталъ немного дремать подъ качку поѣзда,—стали надвигаться на него разныя фizioномiи и точно дѣлали ему гримасы, задорно и нахально хихикали.

Не дальше, какъ вчера, въ томъ самомъ московскомъ трактирѣ, гдѣ въ началѣ зимы прошлаго года онъ завтракалъ съ Руженцовымъ, но только внизу, въ большой залѣ, столкнулся онъ съ Шестковымъ.

Тотъ уже обо всемъ знаетъ и, пожимая ему руку, съ своимъ хамскимъ смѣшкомъ, выпустилъ такую фразу:

— Изволили ѣздить по начальству, въ Питерь? Можно съ чѣмъ-нибудь поздравить?

— Себя... можете поздравить,—отвѣтилъ онъ ему.

— Ха, ха! Вотъ какъ! Что же! Ораторскій триумфъ — дѣло обоюдоострое. Русь знала только духовное краснорѣчiе—оттого и вѣрени были вѣрпки. Да-съ.

Черезъ недѣлю, когда все это станетъ всѣмъ извѣстно, уже не одинъ Шестковъ будетъ позволять себѣ такія прибаутки.

На дворѣ мракъ и холодный дождь пополамъ со свѣгомъ.

Барскій домъ въ Катериновкѣ стоитъ весь обмоченный, и тамъ только въ угловой комнатѣ свѣтъ въ двухъ окнахъ чуть-чуть пробивается сквозь закрытыя ставни.

Это—кабинетъ Елены Сергѣевны—ея любимая комната. Въ ней тепло. Дрова потрескиваютъ въ каминѣ. На письменномъ столѣ горитъ лампа.

Совсѣмъ въ тѣни, скрестивъ руки, въ углу около жардиньерки — сидитъ Питѣрь. Онъ слушаетъ чтеніе Елены Сергѣевны. Только-что получена была книжка толстаго журнала.

Она разрѣзала какую-то повѣсть. Читала она хорошо, не подамски.

Содержаніе начало интересовать ее. Но она отвела глаза отъ книги и взглянула въ уголъ.

Питѣрь не слушаетъ.

— Тебѣ скучно?—спросила она.

Съ глазу на глазъ они были на „ты“, но только здѣсь, въ этой усадьбѣ... и вдали отъ прислуги.

— Прости! — откликнулся онъ. — Кажется, это не безъ таланта?

Онъ всталъ и подошелъ къ окну.

Капли дождя шлепали по промерзлымъ стекламъ. Въ этомъ звукѣ было что-то для него убійственное.

И такъ можетъ затянуться на недѣлю, на двѣ!

— Ужасная погода! — проговорилъ онъ громкимъ шопотомъ.

Она положила книжку журнала на колѣни.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ начинаетъ хандрить, и усиленно скрываетъ это.

Но ея сердце — вѣщунъ.

Ему не работается съ самаго пріѣзда сюда. А онъ подошелъ тамъ, за границей, къ самому центральному пункту своей оперы. Онъ мечталъ — хоть вчернѣ — дописать ее въ деревенской тиши.

И она уже замѣтила, что съ него слетѣло творческое настроеніе. Печальный русскій пейзажъ, обнаженный садъ, жуткая тишина, а главное то, что онъ здѣсь у брата, что передъ нимъ и передъ нею — его схороненная печаль. На ея глаза, чувство къ Ивану принимало въ немъ что-то гораздо болѣе нервное, почти болѣзненное. Онъ не можетъ о немъ говорить безъ дрожи въ голосѣ.

Потомъ, эта исторія съ его рѣчью, на стѣздѣ... вызовъ въ Петербургъ... неизвѣстность. Вчера онъ, точно влюбленный, ждалъ все депеши. Ея не было.

— Послушай! — окликнула Елена Сергѣевна.

— Что тебѣ?

Онъ повернулся отъ окна.

— Поди сюда... сядь поближе...

Питѣръ присѣлъ на край дивана, наискосокъ того мѣста, гдѣ сидѣла она.

— Ты здѣсь томишься.

Она сказала это точно заботливая мать.

— Почему?

— Зачѣмъ же скрывать, Ріегте?

Когда они одни, она всегда такъ зоветъ его.

— Погода... И.. не скрою отъ тебя... меня беспокоитъ... что съ Иваномъ.

— Да... но это не то. Тебѣ надо вонъ отсюда. Это безобразно — удерживать тебя здѣсь. Будь здѣсь Жан, онъ бы навѣрно сказалъ то же самое.

Она глядѣла на него съ глубокой нѣжностью. Но онъ не видѣлъ этого взгляда; голова его была полуопущена.

— Это временно, — возразилъ онъ, но безъ убѣжденности.

— Я знаю,—продолжала она, точно разбирая вслухъ,—что нужно сдѣлать. Я знаю... ты первый не уѣдешь... Мнѣ надо удалиться отсюда.

— И ты увѣрена, что мнѣ сейчасъ же станетъ писаться?

— Нѣтъ! не то; но я тебя... je te pousserai le conde... буду тебя звать.

— И я не устою?—спросилъ онъ, улыбнувшись.

— Надо сдѣлать надъ тобой маленькое усиліе.

— А Jean? Если съ нимъ обойдутся... по здѣшнему?

— Ты и его возьмешь съ собою.

Питѣрь всталъ, прошелъ раза два по комнатѣ, потомъ тихо приблизился къ ней сбоку и поцѣловалъ въ голову.

— Это идея, Héléne! Но все-таки же не сегодня.

Она подняла голову и привоснула губами къ его щецѣ.

Оба они сдѣлали движеніе.

— Колокольчикъ!—сказала Елена и сейчасъ же поднялась..

— Можетъ быть, Jean?—подумалъ вслухъ Питѣрь.

Тройка сразу остановилась у подъѣзда.

Елена позвонила; въ дверяхъ показалась горничная.

— Освѣтите залу. Въ передней горитъ лампа?

— Горить-съ.

— Кто-то подъѣхалъ. Идите, Даша!

Ихъ обоихъ охватило тревожное чувство за Ивана, хотя оба обрадовались мысли, что это онъ.

Питѣрь пошелъ первый черезъ темную гостиную и черезъ залу, гдѣ горничная зажигала стѣнную лампу.

— Митя побѣжалъ принимать гостей,—доложила она.

Переднюю она уже освѣтила.

— Питѣрь! Милый!—раздался съ порога голосъ Ивана.

Онъ вошелъ весь укутанный, въ башлыкѣ и съ непромокаемымъ плащомъ, помимо пальто.

— Вотъ такъ погода! Ужасъ!

Они обнялись.

— Ты прямо со станціи?

— Нѣтъ. Я проѣхалъ домой. Но такъ мнѣ тамъ стало тошно, милый, что я—скуда. Вы не будете на меня въ претензіи?—прибавилъ онъ вполголоса и съ усмѣшкой въ глазахъ.

— Что ты!—почти испуганно воскликнулъ Питѣрь.

Онъ держалъ брата подъ локоть и повелъ его угловую.

Елена Сергѣевна встрѣтила ихъ въ дверяхъ гостиной.

— Вы, Jean? Вотъ это славно!

Иванъ поцѣловалъ у нея руку и тутъ же обвелъ взглядомъ ихъ обоихъ.

„Другихъ у меня друзей нѣтъ... да и не будетъ!“ — получалъ онъ.

— Пойдемте ко мнѣ, сядьте у камина; вы, я думаю, совсѣмъ околочены.

Елена усадила его у камина; хотѣла за чѣмъ-то пойти, но вернулась.

— Вѣдь вы голодны? И я тоже хороша. Дать вамъ поѣсть?

— Я закусилъ.

— Гдѣ? Дорогой? Желѣзнодорожная ѣда! Я сейчасъ вамъ приготовлю все въ столовой. И чай, кажется, будетъ для всѣхъ насъ.

Иванъ взглянулъ на Питера и протянулъ ему руку.

— Ну, чтò? Благополучно? Или какъ?

— Не знаю... врядъ-ли. Но все это вздоръ!

Елена вернулась и сѣла у камина, противъ Ивана; Питеръ — по срединѣ.

— Неблагополучно, — сказалъ Питеръ, обращаясь къ Еленѣ.

— Отставка?

— Вѣроятно. Но я не подамъ по собственной волѣ.

— Тебѣ пригрозили?

— Угрозы не было. Но надо ожидать... самого худшаго.

Тѣ переглянулись. Елена Сергѣевна поблѣднѣла замѣтнѣе, чѣмъ Питеръ.

Онъ подошелъ къ брату и положилъ ему руку на плечо.

— Выдь! Брось все это! Не будь игрушкой воображаемаго долга!

— Пусть мнѣ предложить отставку... Я самъ не выду, — настоятельно выговорилъ Иванъ, не поднимая головы. — Пускай лишать мѣста. Я и на это готовъ.

— Но чтò же вышло? — порывисто спросила Елена.

— Разговоръ, какой въ этихъ случаяхъ бываетъ... только не со всѣми, — прибавилъ онъ, улыбувшись, — а вотъ съ такими дерзцами, какъ я.

— Ты дерзецъ! — вырвалось у Питера.

— Должно быть... тамъ, — онъ сдѣлалъ движеніе рукой, — не допускаютъ никакого языка... даже интонаціи. Въ самомъ началѣ объясненія мнѣ было сказано: „я не понимаю вашего тона“.

— И чтò же вы отвѣтили на это? — такъ же порывисто спросила Елена, вся подавшись впередъ.

— Что я другимъ говорить не могу. А потомъ пошло, какъ у насъ на деревнѣ говорятъ: „шире да дальше“.

Горничная вышла доложить, что въ столовой накрыто.

Они перешли туда.

Иванъ рассказалъ имъ, не торопясь, съ легкимъ отѣвкомъ юмора, весь—какъ онъ выразился—„коллоквиумъ“.

Не скрывъ отъ нихъ и свои обращенія къ собственной совѣсти, въ вагонѣ, воспроизвелъ всю сцену передъ воображаемымъ трибуналомъ его избирателей.

— А теперь чтò вы скажете, мои дорогіе и единственные друзья?

Ни та, ни другой сразу не отвѣтили.

— Вы были правы, Жан, — заговорила первая Елена. — *C'était beau!* Это поведеніе гражданина. Но...

— Есть „но“?

— Лишить себя дѣла, безъ котораго вы не можете жить... уже не говоря о томъ—сколько всѣ мы... вся губернія... да и все русское общество... лишится...

— Стало бытъ—не слѣдовало? Будемъ логичны.

— Чтò же дѣлать! Я, быть можетъ, по-дамски говорю... Это ужасная потеря... ужасная... Но и я бы такъ поступила!

Питѣръ положилъ ладонь руки на плечо брата.

— Судьба ведетъ тебя... къ другому. Не стойте все это тебя, *my poor fellow!* Чѣмъ хуже—тѣмъ лучше!

Елена взглянула на Питѣра пристально, но безъ удивленія.

— Будемъ надѣяться,—завончилъ Иванъ,—что васъ у меня не отнимутъ... А впрочемъ, кто знаетъ!

И онъ протянулъ имъ обѣимъ руки.

XXI.

Все та же суровая, то мокрая, то морозная осень, со снѣжной пургой. На дворѣ—уже ноябрь.

Домъ въ Бабичевѣ стоитъ весь почернѣвшій отъ дождя и заморозковъ. Оголенные деревья парка и стараго сада съ черными тонами угловатыхъ вѣтвей наводятъ глубокое уныніе.

У врыльца часу въ четвертомъ уже темнѣло—дождь ожидается бричка земскаго врача, извѣстная всему уѣзду.

Это—тотъ самый добрыйшій Егоръ Власевичъ Сучковъ, котораго Сулина ждала какъ-то на совѣщаніе, вспоминая, какъ онъ умудряется. Ёсть *все* съ ножа, даже мавароны.

Въ домѣ—больной.

Въ мезонинѣ — черезъ площадку отъ тѣхъ комнатъ, куда перебрался Питѣрь, съ тѣхъ поръ, какъ начались холода—въ просторной, низковатой комнатѣ, окнами въ садъ, докторъ прощался съ своимъ случайнымъ пациентомъ.

Сучковъ—плотный мужчина, бородатый, лысый, въ очкахъ, въ неизмѣнной своей тирольской курткѣ съ зеленымъ воротникомъ. Лицо у него чисто крестьянское. Такая же мѣшковатая фигура и ужасно скрипучіе сапоги.

Онъ сидитъ на стулѣ около кровати, гдѣ его пациентъ, Руженцовъ, лежитъ въ халатѣ съ ногами, покрытыми только до колѣнъ.

Вотъ уже третій день, какъ Руженцовъ здѣсь. Явился въ адскую погоду и, войдя прямо въ мѣховомъ пальто въ кабинетъ Ивана Степановича, объявилъ, что онъ пріѣхалъ съ нимъ „прощаться“.

— Почему прощаться?—спросилъ его тотъ.

— Сѣверно со мною, другъ Бабичевъ. Неравно, отправлюсь въ Елисейскія... такъ вотъ захотѣлось тебя повидать.

Лицо зеленоватое, впалые глаза, говорить глухо и отрывисто.

— Ты не бойся. Я не захожусь. Это было бы порядочное свинство: плюхнуться и превратить твой домъ въ лазаретъ.

Но онъ въ тотъ же вечеръ совсѣмъ слегъ, и ему было такъ плохо, что сейчасъ же послали за Пуриной, женщиной-врачомъ; но ея не оказалось дома. Сучковъ пріѣхалъ поздно, провозился съ больнымъ до разсвѣта, долженъ былъ уѣхать на цѣлыя сутки и теперь просидѣлъ у него съ добрый часъ.

Руженцовъ, обернувшись къ нему лицомъ, протянулъ руку и взялъ его за борть его тирольской куртки.

— Вы меня, докторъ, извольте непременно подвинтить... чтобы я могъ вернуться во-своихъ.

— Раньше, какъ черезъ недѣлю, это не мыслимо, голубчикъ.

— Экая сѣверность!

— И мнѣ удивительно, какъ это васъ тамъ пустили.

— Я—не спросясь нашего фабричнаго эскулапа.

— Не могу одобрить.

Тонъ у нихъ обоихъ былъ полушутливый; но кто хорошо знаетъ доктора, замѣтилъ бы сейчасъ, что онъ озабоченъ.

— Вотъ гадость-то!—съ гримасой вырвалось у больного.

Онъ слегка потянулъ къ себѣ доктора, все еще держа его за обшлагъ.

— Милый человекъ, вѣдь я не чувствительная барыня...

смерти не боюсь... Самъ хоть и не учился медицинѣ, но я — сынъ врача... и батюшка былъ изъ разночинцевъ. Вы, пожалуйста, скажите мнѣ безъ околичностей.

— Я вамъ сказалъ... что сердце никуда не годится. И теперь осложненіе въ почкахъ. Какой бы тамъ исходъ ни былъ — все равно, не мыслимо вамъ ѣхать. И кто же васъ пуститъ? Особенно такой хозяинъ дома, какъ Иванъ Степановичъ... вдобавокъ вашъ товарищъ... на ты съ вами, и вообще прекраснѣйшій господинъ.

Руженцовъ отнял руку и сталъ ерошить волосы.

— Экая гадость! Такъ плюхнуться... все-таки же къ постороннимъ людямъ. Да ужъ очень меня потянуло! Я труса не правдую, докторъ. Есть у меня такое предчувствіе, что не жилецъ я на семь свѣтъ... вотъ и потянуло проститься съ Ивановъ. Да и тотъ... заграничный-то маэстро... мы съ нимъ сошлись, ей-Богу, во многомъ... Мы однѣхъ мыслей... оба... не отъ міра сего, то-есть отъ вашего російскаго болота. Ну, вы не сердитесь, вы вѣдь закоренѣлый земець.

Докторъ посмотрѣлъ на часы.

— Нешто мы съ Питэромъ-то Бабичевымъ не правы? Полюбуйтесь... съ Ивановъ-то какъ обошлись... а? По шапкѣ... и съ лишеніемъ тѣхъ правъ, которыя ему всего дороже.

— Это дѣлаетъ ему большую честь.

— А онъ теперь — какъ тѣнь бродитъ. Случилось то, что я ему въ ту зиму предрекалъ. Вотъ вамъ и хоровое начало. И кто его поддержитъ, на кого онъ можетъ опереться?

— У насъ... о такой поддержкѣ еще нечего мечтать.

— Все скушаютъ! Эхъ!

Онъ вдругъ схватился за грудь. Докторъ тотчасъ же всталъ, взялъ его за оба плеча и прислонилъ къ подушкѣ.

— Не извольте волноваться. Лежите смирно. Вотъ я вамъ сейчасъ капель накапаю.

Проглотивъ лекарство, Руженцовъ закрылъ глаза и притихъ.

— Виноватъ... Не буду. А все-таки вы со мной скрываете — нехорошо!

Сучковъ, ничего не отвѣчая, повернулся и въ дверяхъ сказалъ:

— Раньше, какъ послѣ-завтра, не могу быть.

Внизу докторъ встрѣтилъ Питэра; тотъ провелъ его къ брату въ кабинетъ.

— Ну что? — первый спросилъ Иванъ.

— Да не ладно.

— Сердце? — подсказалъ Питэръ.

— И сердце очень швахъ, и почки... И печень твердѣть. Цѣлая энциклопедія. Показался уже отекъ въ ногахъ. Боюсь, что будетъ то же и въ грудномъ ящикѣ.

Оба брата проводили его въ переднюю. Разговоръ шель въ полголоса.

— Онъ не желаетъ здѣсь валяться,—продолжалъ докторъ.— А пустить его теперь—все равно, что обречь на вѣрную смерть.

— Понугайте его, докторъ!—сказалъ Питѣрь.

— Онъ храбрится, говорить: „не боюсь смерти“. А ему совѣстно передъ вами обоими.

— Мы его успокоимъ,—выговорилъ Иванъ съ замѣтной тревогой въ голосѣ.

— Послѣ-завтра навѣдаюсь по дорогѣ. А завтра, коли чтѣ... пошлите за Анной Алексѣвной.

— Вы, можетъ быть, желали бы пригласить ее для консультаціи... послѣ-завтра?—осторожно спросилъ Питѣрь.

— Душевно радъ буду.

Пожимая руку Сучкову, Иванъ выговорилъ, сдерживая вздохъ:

— Бѣдный онъ, бѣдный!

— Всѣ подъ-Богомъ!

Съ этимъ восклицаніемъ докторъ отворилъ дверь въ сѣни, откуда пахнуло холодомъ.

Оба брата молчали. Питѣрь былъ замѣтно разстроенъ. Онъ съ Руженцовымъ сошелся гораздо больше, чѣмъ могъ бы думать Иванъ.

— Это тебя, во всякомъ случаѣ, не задержать,—сказалъ онъ въ корридорѣ, видя, что Питѣрь хочетъ подняться въ мезонинъ.

— Я пережду. Мнѣ неприятно будетъ уѣхать, не зная исхода его болѣзни.

Иванъ зналъ, какъ они рѣшили насчетъ заграничной поѣздки съ Еленой. Но теперь выходило по другому. И опять Елена первая стала „гнать“ Питѣра. Ему надо, сразу, очутиться тамъ, на югѣ, въ „живительномъ“ одиночествѣ. Она пріѣдетъ позднѣе, когда работа его подойдетъ уже къ концу.

Этотъ новый планъ поддерживалъ и старшій братъ. Питѣрь упирался. Онъ не хотѣлъ оставлять его одного, теперь, въ адскую погоду. И согласился ѣхать подъ условіемъ, что Елена увезетъ Ивана за границу.

За болѣзнь Руженцова Питѣрь схватился точно за предлогъ остаться здѣсь еще на неопредѣленное время.

Это очень тронуло Ивана.

Своей, до сихъ поръ коношеской походкой въбжалъ Питеръ наверхъ и заглянулъ въ комнату, гдѣ лежалъ Руженцовъ, не входя въ дверь.

— А! Маэстро! Пожалуйста! Особенно радъ васъ видѣть. Только эскулапъ запрещаетъ болтать. Оно, впрочемъ, и лучше. Я люблю васъ слушать... Сядьте вонъ туда... зачѣмъ вамъ мою клиническую физиономію созерцать.

Послѣ діагнозы доктора видъ Руженцова показался Питеру зловѣщимъ. О томъ, какъ онъ себя чувствуетъ — онъ не рѣшался спросить.

— Вы, Викторъ Павловичъ,—заговорилъ онъ тономъ просьбы, —пожалуйста забудьте, что вы не дома. Ни докторъ, ни мы съ братомъ, ни за что васъ не пустимъ, пока вы не поправитесь.

— Пока не поправлюсь,—повторилъ тише Руженцовъ и покачалъ головой. — Вы мыслитель, Петръ Степановичъ. Нужды нѣтъ, что большой, такъ сказать, фэшионебель. Никакого пугала не бойтесь. Не могу я поправиться... Мнѣ—крышка. Не малое свинство —растянуться у васъ. Но коли на чистоту говорить, буду радъ перейти въ такъ называемый лучшій міръ здѣсь... подъ одной крышей съ Иваномъ... и съ вами, добрѣйшій.

Голосъ Руженцова дрогнулъ. Какъ будто даже на рѣсницахъ что-то блеснуло.

Въ комнатѣ уже сгустились сумерки.

— Не зажечь ли свѣчу?—спросилъ Питеръ.

— Не надо... самый российский полусвѣтъ, который у насъ будетъ царить еще сотню-другую лѣтъ... Ну, я помолчу... Только, вотъ, спрошу васъ насчетъ главнаго жупела—смерти... и еще есть у меня два пунта насчетъ вашей милости. Какихъ вы мыслей о двухъ нѣмцахъ, на которыхъ у васъ до сего дня мода еще держится?

— Какіе же это такіе нѣмцы? — спросилъ полушутливо Питеръ.

— Сами, небось, догадываетесь. Который всю мерзопаковость земной юдоли обнажилъ, и тотъ еще, который сочинилъ „сверхчеловѣка“.

— Все уже это позади, Викторъ Павловичъ.

— А небось... госпожа смерть—всегда впереди?

По низковатой комнатѣ пролился хриплый смѣхъ больного. Отъ него Питеру стало жутко.

— Цѣна жизни, Викторъ Павловичъ, равна подъему нашего „я“. А вѣ этого—зачѣмъ она?

— Правильно, государь мой!

— Кого же изъ насъ можетъ привлечь перспектива доживанія?

— Годковъ, примѣрно, до ста, какъ понуган или слоны?

— Мой идеалъ — уйти изъ жизни въ моментъ высшаго творческаго наитія. Любовная борьба на жизнь и смерть между царницей улья и тѣмъ, кто ея овладѣетъ—высшій символъ таковаго конца.

— А коли никакого момента ты не удостоился въ жизни?— какъ бы про себя промолвилъ Руженцовъ.

— Каждый человѣкъ можетъ создать себѣ внутренній міръ, гдѣ онъ—царь, гдѣ всякіе удары судьбы, вся проза и пошлость бессильны надъ нимъ.

— И вы имъ обзавелись?

— Кажется. И если эта обитель не всегда открыта для меня—виновать я самъ, мое малодушіе... нервность, дурная душевная гигиена...

— Вѣдь и любой схимникъ-изувѣръ можетъ сказать о себѣ то же самое.

— Можетъ, онъ и будетъ правъ по своему,—горячѣе возразилъ Питѣрь.—Но его восторги слишкомъ ограничены. Для него все живое идетъ отъ князя міра сего. Онъ ждетъ смерти, какъ искупленія. Онъ жаждетъ вѣчнаго блаженства, и не знаетъ, въ чемъ оно будетъ состоять.

Питѣрь беззвучно поднялся и сталъ маленькими шагами переступать въ углу, около изразцовой печки.

— Не нужно никакого личнаго задора, въ аскетѣ ли это, въ чувственникѣ, въ честолюбцѣ, въ мечтателѣ! Смѣшно и все мѣрять на свой человѣческій аршинъ: рѣшать на вѣки вѣчныя, что вселенная—чистый обманъ, что вся жизнь есть зло и страданіе. Но чтѣ такое страданіе? Это только реакція нервовъ. А развѣ боль помѣшала человѣку подниматься на высоту, проникать въ тайны бытія, творить, наслаждаться созерцаніемъ красоты?..

— Вѣрно, вѣрно...—шепталъ Руженцовъ.

И вдругъ онъ повернулся лицомъ къ Питѣру и повелъ рукой.

— Вотъ такъ бы умереть!—проговорилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.—Чувствовать гадости жизни я былъ всегда большой мастеръ, а подняться надъ ними не могъ... какъ вы, маэстро... даромъ, что вы великій фэшіонебель. Простите... я опять свое. Говорите, говорите... вашъ... катехизисъ вливаетъ елей въ мою душу.

Неслышными шагами вошелъ въ комнату старшій Бабичевъ

и сталъ за угломъ печки. Большой, въ первыя минуты, и не замѣтилъ его.

На Питэра нашло еще неиспытанное имъ настроеніе. Онъ говорилъ у „одра“ человѣка, которому, вѣроятно, не суждено уже быть жильцомъ на этомъ свѣтѣ. И какая-то новая связь завязывалась между нимъ и этимъ уходящимъ изъ жизни огорченнымъ свептивомъ, жаждущимъ примиренія.

Вѣдь и онъ можетъ... не черезъ два дня, такъ черезъ двѣ недѣли—въ этомъ адскомъ климатѣ—быть у порога смерти. Стоитъ схватить предательскую инфуэнцу или клевертъ.

И эта мысль нимало не испугала его. Не изъ хвастовства говорилъ онъ, что не боится смерти. Жаль уйти изъ жизни, не сдѣлавъ настоящаго опыта изъ своихъ творческихъ силъ, когда любовь самоотверженной, милой женщины такъ согрѣла его. Но въ самомъ моментѣ смерти есть что-то величавое и примиряющее, и всего завиднѣе посмотрѣть ей въ глаза безъ подлой трусости, мужественно и кротко, сохраняя всю ясность духа, воспринимая всю красоту и величіе жизни.

Пушкой это будетъ подъ лазурнымъ небомъ. Онъ попроситъ, чтобы его вынесли на балконъ или растворили всѣ окна, и его послѣдній взглядъ будетъ половъ привѣта тому, что эллины называли: „Панъ“.

— Всего отраднѣе,—заговорилъ онъ медленно и въ полголоса,—признавать величіе той тайны, которая заключена въ Бытіи... не нашемъ только, ничтожномъ и преходящемъ, а всеобщемъ...

— А ему... этому „Все“ какое дѣло до меня?—остановилъ его Руженцовъ ослабѣвшимъ голосомъ.

Онъ, въ эту минуту, раскрылъ глаза и разглядѣлъ фигуру за угломъ печки.

— Нивакъ это ты, Иванъ Степановичъ?—окликнулъ онъ, приподнимаясь.

— Лежи! Молчи! Не утомляй себя!

— Присядь. Гость будешь. Вотъ мы и устроимъ посидѣлки впотымахъ—какъ, бывало, ребятами.

Онъ громко перевелъ духъ.

— Мнѣ, братцы, съ вами любо... вотъ въ родѣ того, какъ сейчасъ говорилъ твой братъ. Отпущенъ вамъ обонимъ даръ слова... завидный даръ. И каждому въ своемъ родѣ. Ты, дружище, въ нѣкоторомъ родѣ—Златоустъ... я вѣдь безъ всякаго ехидства. А у твоего Питэра выходятъ, братецъ мой, точно стихотворенія. И какая штука: чувствую, что врадъ ли встану...

— Ну, полно!—отозвался съ своего мѣста Иванъ.

— И вдругъ захотѣлось жить... по другому, по новому! Вотъ бы заключить между собою союзъ. Каждый гнулъ бы свою линію, воздѣлывалъ бы свой духовный вертоградъ, и, библейски выражаясь, „врата адовы“, т.-е. нивакія житейскія гадости, не одолѣли бы насъ. Таеъ ли, маэстро?

Руженцовъ повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ былъ Питеръ. Совѣмъ стемнѣло въ просторной и низкой комнатѣ.

Ивану дѣлалось и жутко, и виѣсть отраднo.

Это уже не тотъ „ругатель“ Руженцовъ, который отдѣлывалъ его прекраснoдушіе въ Москвѣ, беспощадно надѣвался надъ его девизомъ „хоровое начало“.

А теперь, чтѣ ихъ соединяетъ въ эту минуту? Какое начало? Большой между тѣмъ повернулся къ стѣнѣ и замолкъ.

— Идемъ!—шепнулъ Иванъ.—Онъ, кажется, заснулъ.

Гуськомъ, на цыпочкахъ, вышли они изъ комнаты.

„Быть можетъ, и встанетъ!“—разомъ подумали они, спускаясь внизъ, гдѣ обѣдъ давно ждалъ ихъ.

XXII.

Въ комнатѣ, которая называется „библіотечной“, съ мебелью александровской эпохи, за стариннымъ круглымъ столомъ съ зеленымъ сукномъ, сидѣли Сучковъ и его „коллега“ женщина-врачъ, Анна Алексѣевна Пурина, вызванная имъ для консилиума.

Пуринa—уже пожилая дѣвушка, изъ первыхъ выпускoвъ, вся сѣдая; но свѣжая, въ очкахъ, въ своемъ неизмѣнномъ сѣромъ платьѣ и въ фартукѣ. Она только-что произвела больному проколь.

Положеніе его они оба считаютъ безнадежнымъ. Врядъ ли онъ протянетъ до завтра. Дѣло идетъ лишь о томъ—какъ облегчить ему послѣдніе часы жизни.

Сучкову надо сейчасъ же ѣхать. Пурина хочетъ переночевать здѣсь. Она привезла съ собою и фельдшеричу. Та можетъ остаться при больномъ и больше сутокъ.

Совѣщаніе длилось съ полчаса.

— Коли урвусь завтра къ ночи... попаду сюда,—сказалъ Сучковъ, поднимаясь.—А вы до послѣзавтраго?

— Съѣзжу въ амбулаторію... а ночевать—скода.

— Вы у насъ... на рѣдкость. Елена Сергѣевна и то меня все вами дразнить.

— Вы, пожалуй, меня возненавидите, коллеги?

— Чего добраго!

— А Елена Сергѣевна, кажется, здѣсь?

— Должно быть.. я какъ будто слышалъ ея голосъ.

Докторъ взглянулъ на Пурину и повелъ губами.

Оба они давно уже догадываются, что здѣсь „пахнетъ свадьбой“. Сначала они думали насчетъ старшаго брата; а теперь, кажется, повернули въ сторону младшаго.

Сучковъ не прочь покумѣть; но его „коллега“ считается, по этой части, пуританкой на весь уѣздъ, ненавидитъ пересуды, особенно насчетъ любовныхъ и брачныхъ дѣлъ.

— Вы подниметесь еще разъ?—потихе спросила Пурина.

— Нѣтъ... уже моя физія достаточно прѣлась пациенту.

— Онъ довольно бодръ духомъ,—замѣтила Пурина.

— Ежели онъ вамъ будетъ ставить вопросъ въ упоръ— бояться за его психику нечего.

— Все-таки... жестоко!—вырвалось у нея.

— Онъ и самъ сознаетъ, что пѣсенка спѣта.

Докторъ, переступая съ ноги на ногу—чтобы смягчить скрипъ своихъ сапоговъ,—вышелъ изъ библіотечной въ корридоръ.

Въ дверяхъ залы стоялъ Иванъ Бабичевъ.

— Ну что?—остановилъ онъ.

— Можеть, сутки протянетъ, не больше.

Руки у Ивана стали холодны.

— Вонъ вы какой нервный!—замѣтилъ докторъ.—Приняли бы лавровишневыхъ. Вамъ, и безъ того, предстоятъ немалыя хлопоты.

— Бѣдный Викторъ!..

Глаза Ивана покраснѣли.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ! Больно уже машина-то у него развихлялась! Печенка нигуда не годится; сердце -- ей подъ стать. Эксудатъ не всосался... въ почкахъ—застарѣлый нефритъ. Посудите сами, чѣмъ же жить-то?

Иванъ глядѣлъ вслѣдъ Сучкову повернувшему въ переднюю.

— Пожалуйста, Иванъ Степановичъ, не трудитесь провожать меня.

„Добрый малый,—думалъ Иванъ,—а объ умирающемъ больномъ говорить точно о какомъ-то дрянномъ часовомъ механизмѣ“!

Черезъ унылую, плохо натопленную залу онъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Смерть уже витаетъ надъ его домомъ—неожиданная, но неотвратимая для всѣхъ. Тутъ, въ этомъ домѣ, умерли и отецъ

его, и мать, и двѣ маленькихъ сестры, и бабушка; а въ службахъ—цѣлая вереница старыхъ дворовыхъ.

Не могъ онъ, по своей гуманной натурѣ, досадовать на то, что Руженцовъ точно съ умысломъ пріѣхалъ умирать у него. За бѣдвягой здѣсь только и могъ быть теплый уходъ. Вонъ, теперь Елена поднялась въ нему. Она волнуется за Питѣра... ей жутко, что тотъ такъ ухаживаетъ за умирающимъ, цѣлые дни сидитъ около него.

Эта надвигающаяся смерть настроиваетъ Питѣра—какъ бы ей не хотѣлось.

Они оба съ Иваномъ третьяго дня упрасивали его ѣхать. Но онъ отказался наотрѣзъ. Пока Руженцовъ живъ—онъ не уѣдетъ.

— Поймите,—нервно говорилъ онъ имъ:— это было бы слишкомъ некрасиво... Бѣжать отъ покойника...

И безпрестанно повторяетъ онъ:

— Въ смерти... есть нѣчто обаятельное.

Елена даже всплакнула.

Она теперь опять тамъ, у Руженцова.

Питѣра внизу не оказалось.

Иванъ, придя въ кабинетъ, опустился въ кресло, у письменнаго стола, и закрылъ глаза.

Никогда не испытывалъ онъ такого отсутствія своей личности. Точно онъ совсѣмъ не существуетъ и чего-то томительно ждетъ.

Чего?

И ему вдругъ стало суевѣрно страшно смерти товарища. Точно съ нею все рухнетъ.

Фельдшерница сошла за чѣмъ-то внизъ, въ буфетную. Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ Руженцовъ—довольно свѣтло. Но ее нельзя было достаточно провѣтрить. Запахъ тяжелаго больного стоитъ въ ней.

Елена Сергѣевна, на томъ мѣстѣ, какое обыкновенно занималъ Питѣръ,—сидитъ съ работой.

Она сама предложила Питѣру чередоваться съ нимъ. Ее трогаетъ такое теплое отношеніе его къ Руженцову, и въ то же время она боится чего-то и не можетъ не досадовать на то, что этотъ умирающій задерживаетъ Питѣра въ деревнѣ.

А вѣдь ей слѣдовало бы радоваться: еще нѣсколько дней вмѣстѣ.

Она *не должна* думать о себѣ. Ему надо какъ можно скорѣе вырваться отсюда. И не видать ее до тѣхъ поръ, пока его вещь не будетъ хоть вчерашъ написана.

Но почему же? Развѣ, живя вмѣстѣ съ ней, за границей, онъ не нашель „творческой вени“, какъ онъ самъ выражался?

Да, но то было тогда. Что-то говорить ей, что это уже не повторится.

Больной раскрылъ глаза и поглядѣлъ въ ея сторону.

— Вы... все здѣсь... милая барыня,—съ трудомъ переводя духъ, окликнулъ онъ ее.

— Помолчите, Викторъ Павловичъ.

— Не все ли равно... сутки или двое. Хочется уйти... Намъ —горюнамъ—умирать; а вамъ—жить и другихъ радовать.

Онъ помолчалъ, лежа на боку; потомъ, сдѣлавъ ей знакъ рукой подойти, онъ шопотомъ спросилъ:

— Можно вамъ одну вещь сказать по душѣ?

Елена Сергѣевна присѣла на табуретъ, около ночного столика.

— Можно?

— Разумѣется.

— Оба брата—хорошіе парни. Но впрочемъ Иванъ. Его мнѣ жалче, чѣмъ самого себя. Знаю, что сердцу никто не указъ. Питеръ... вашъ—плѣнительнѣе... горить, свѣтитъ... можетъ и обжечь, а всѣмъ нужна пристань. Ну, виновать... повнесъ что-то несуразное. Руку вашу!

Елена пододвинулась къ кровати. Она съ трудомъ сдерживала слезы.

Больной схватилъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

Въ дверяхъ показался Питеръ. Руженцовъ тотчасъ же увидалъ его.

— Вотъ онъ... маэстро. Пожалуйте-ка сюда къ отвѣту.

Онъ чуть слышно разсмѣялся.

Питеръ тихо подошелъ и сталъ рядомъ съ Еленой.

Руженцовъ указалъ ей на него рукой.

— Съ душой! И голова—на рѣдкость! На чтѣ я былъ брюзга и изъ огорченныхъ интеллигентовъ... а и меня пригласилъ на высоты... гдѣ вѣетъ эяиръ вѣчности и великой силы, отъ которой все идетъ.

Жестъ руки Питера остановилъ его.

— Знаю... приказано молчать... Но вѣдь это такъ... мои спасители обоого пола... для очистки своей лекарской совѣсти.

И взглянувъ на Елену, онъ продолжалъ:

— Вашъ... маэстро... большой начетчикъ. Онъ меня про-свѣтилъ. Значится въ библии такой Экклезіастъ. И я зналъ за-главіе, а никогда, небось, не заглядывалъ. А Петръ-то Степа-новичъ оттуда вспомни слова: „есть, мошь, время родиться, есть время и умереть“. Такъ ли?

Питѣръ кивнулъ головой.

— А теперъ... прощайте, голубчики.

Оба сдѣлали движеніе.

— Ха, ха! Я еще не совсѣмъ. То—своимъ чередомъ.

Онъ протянулъ имъ обоимъ руку.

— Хотите... добромъ помянуть меня... ублажайте... его!— онъ указалъ головой на дверь.—Тяжко ему вдвое бѣднягѣ.

На этихъ словахъ онъ закрылъ глаза и замолеъ.

Они постояли около постели нѣсколько минутъ и на цыпоч-кахъ вышли. На площадкѣ встрѣтили они фельдшерницу.

— Викторъ Павловичъ заснулъ. Не разбудите его,—сказалъ Питѣръ, и когда та прошла въ двери и стала прислушиваться, онъ спросилъ Елену:—вы къ брату?

Дверь на его половину стояла отворенной.

Елена Сергѣевна вошла туда первая.

Здѣсь она была всего одинъ разъ, въ отсутствіе Ивана.

Въ просторной первой комнатѣ стоитъ піанино. На попитрѣ листокъ, исписанный карандашомъ... все тотъ же, который онъ началъ здѣсь... тотчасъ по пріѣздѣ.

Рядомъ — спальня, въ одно окно. Вездѣ чистенько; но во всемъ что-то холостое, одинокое; чувствуется, что здѣсь не его „гнѣздо“.

„И гдѣ онъ советъ его?“—спросила она, и сердце въ ней сжалось.

Онъ притворилъ дверь на площадку, взялъ ее за руку и по-садилъ на жесткій диванъ краснаго дерева, обитый стариннымъ ситцемъ съ охотничьими сценами.

Ей хотѣлось плакать; но она не смѣла.

— Хорошо такъ уходить изъ жизни, — какъ бы про себя вымолвилъ Питѣръ.

— Не знаю... Ріегге. Для него... все кончается здѣсь.

И она поглядѣла на него.

До сихъ поръ она еще не знаетъ, вѣрить ли онъ во что сверхчувственное.

— Все сольется въ одно бытіе...—выговорилъ онъ спокойно, съ яснымъ лицомъ, немного строгимъ.

Эти слова точно пахнули на нее холодомъ.

Никогда она не сознавала себя такъ „въ пространствѣ“, какъ въ эту минуту.

И у нея, и у него есть пристанище—наслѣдственный домъ. Чего же легче свить свое „гнѣздо“?

И какъ все выходитъ странно, на иной взглядъ даже дико. Что-то половинчатое, неясное, а построже взять, то и фальшивое. Подъ всѣмъ кроются большія недомолвки, если не прямые уковы совѣсти.

Было бы это тамъ, въ Европѣ, на югѣ, гдѣ страсть сама себѣ пишетъ законы, гдѣ въ жилахъ течетъ алая кровь...

Развѣ то было бы?

И рядомъ съ умирающимъ они бы бросились другъ другу въ объятія, стали бы клясться въ вѣчной любви, онянять себя безконечностью своего блаженства.

Но вдругъ онъ упалъ бы передъ ней на колѣни и восторженно прошепталъ бы:

— Будь моей женой!

Чего она больше бы послушалась: женской жажды счастья или другого голоса, который каждый день повторяетъ ей:

„Не надо никакихъ узъ. Онъ, все равно, уйдетъ отъ тебя“.

— Бѣдный Жан... томится внизу, — выговорила она послѣ паузы.

— Послушай,—заговорилъ Питѣръ другимъ тономъ. — Руженцовъ нѣжно любить брата, и то, о чемъ онъ просилъ насъ обонхъ,—глубоко тронуло меня. Если кто стѣдитъ хоть кусочка счастья, такъ это онъ.

Елена сидѣла съ понишей головой.

Что ей отвѣчать на такія слова?

Этотъ кусочекъ счастья могла дать ему она.

Стало быть, и Питѣръ это чувствуетъ? Какъ же иначе устроить душевную жизнь Ивана? Не насильно же женить его? А онъ будетъ теперь тосковать безъ общественнаго дѣла. Положение выходитъ безысходное.

— Кто изъ нихъ вынулъ лучшій номеръ,—продолжалъ въ томъ же тонѣ Питѣръ:—Жан или нашъ гость?

— Что ты, Ригге?

— Какъ будто самое ужасное смерть? Умереть—ровно ничего; но маяться безъ срока—вотъ что ужасно.

На площадкѣ раздалися шаги. И Питѣръ, и Елена, сейчасъ узнали походку Ивана и смолкли.

Онъ сначала завернулъ въ нимъ.

Оба разомъ взглянули на него и поднялись съ мѣсть.

— Анна Алексѣевна, — началъ онъ шопотомъ, входя въ комнату, — сейчасъ сказала мнѣ, что Викторъ врядъ ли переживетъ эту ночь.

— Меньше будетъ страдать, — проговорилъ Питѣръ.

— Я вчера спрашивалъ его — не послать ли кому депеши. Родныхъ у него нѣтъ... нѣтъ и никакой близкой женщины.

Послѣднія слова произнесены были совсѣмъ просто; но въ нихъ и Питѣръ, и Елена, слышали горькую ноту.

Имъ обоемъ стало еще тяжелѣе.

— Онъ, кажется, забылся? — спросилъ Иванъ. — При немъ фельдшерица.

И, помолчавъ, онъ прибавилъ:

— За батюшкой посылать не надо безъ согласія Виктора. Насиловать совѣсть — большое преступленіе.

„Прекрасный человѣкъ, — подумала Елена, — весь въ благородныхъ правилахъ“.

Можетъ быть, и его братъ подумалъ то же.

Они втроемъ вышли изъ комнаты — пора было идти обѣдать.

Отъ больного выбѣжала фельдшерица.

— Чтò съ нимъ? — стремительно спросила Елена.

— Бѣгу за Анной Алексѣевной. Задыхается. Я сама не справлюсь!

И она стремительно побѣжала къ лѣстницѣ.

„Вотъ и конецъ!“ — сказали про себя всѣ трое.

XXIII.

Гуль поѣзда началъ смолкать.

На платформѣ станціи остались только сторожъ въ валенкахъ да господинъ съ дамой, провожавшіе пассажира.

Это были Иванъ Бабичевъ и Елена Сергѣевна.

Поѣздъ взялъ сейчасъ Питѣра. Онъ не захотѣлъ, чтобы они его провожали. Ему не хотѣлось и вѣхать тотчасъ послѣ смерти Руженцова.

А она произошла всего пять дней назадъ. Питѣръ, до послѣдней минуты, сидѣлъ около кровати умирающаго. И всѣ двое сутокъ, до выноса тѣла на ближайшій погостъ, почти ничего не говорили. Братъ съ Еленой стали его просить не откладывать своего отъѣзда.

— Свѣжо... Вѣтеръ... Не простудитесь, Hélène! — сказалъ Иванъ, предлагая ей руку.

На обмерзлой деревянной платформѣ было скользко.

— Зачѣмъ мы его такъ стремительно отправили? — какъ бы вслухъ подумалъ онъ, когда они вошли въ душную, грязноватую пассажирскую залу, съ плохимъ буфетомъ.

Они пріѣхали въ ея ландо.

— Не прозябли ли? Не выпить ли чаю?

— Пожалуй, — согласилась Елена Сергѣевна.

Глаза ея не были красны. Въ лицѣ большая блѣдность. Въ послѣднія недѣли она замѣтно похудѣла, стала моложавѣе и еще интереснѣе, чѣмъ прежде.

Почему-то она была сегодня во всемъ черномъ.

Обтрепанный служитель подаль имъ два стакана чаю.

— Вы у меня отобѣдаете, Жан?

— Мегсі.

— Знаете... я виновата передъ вами...

— Въ чемъ, дорогая?

— Приставала къ Питѣру всего больше я. А того не подумала — каково вамъ оставаться одному... въ пустомъ домѣ... гдѣ еще три дня назадъ лежалъ на столѣ покойникъ. Уѣзжайте и вы поскорѣе!

— Куда?

— Въ Москву, въ Петербургъ, за границу.

— За границу? — переспросилъ онъ. — Къ брату, чтобы ему мѣшать?

— Зачѣмъ же непременно къ нему? Вы такой живой, любознательный, столько сторонъ тамошней жизни должны васъ интересовать. Вы гораздо больше общечеловѣкъ, чѣмъ мы всѣ.

— Общечеловѣкъ, — съ усмѣшкой повторилъ Иванъ. Это — ровно ничего! Мнимая величина. Вы мнѣ это говорите, а мнѣ припомнились слова Тургенева въ его письмѣ къ кому-то, или изъ повѣсти... скорѣе въ письмѣ.

— Какія слова?

— Онъ говоритъ объ отечествѣ, о своемъ народѣ, онъ, считавшійся такимъ закоренѣлымъ западникомъ: „Безъ родины каждый изъ насъ — нуль. Безъ каждаго изъ насъ она обойдется, а мы безъ нея — нѣтъ“!

— Я вѣдь не зову васъ, Жан, въ чужіе края... навсегда.

— Мнѣ могли бы вѣдь предложить — пробѣжаться туда годика на два, на три. Я врядъ ли бы разсердился на столько, чтобы остаться навсегда въ званіи добровольнаго изгнанника. И очутишься ни въ сихъ, ни въ оныхъ. Знаю я лично такихъ „ситойеновъ“ изъ россіянъ. Даже и тѣ, кто уларится въ мѣстную

политику—представляютъ изъ себя жалкую копію того пѣмца, Анахарсиса Клотца, которому за его пылкія чувства французскіе патриоты все-таки отрубили голову на эшафотѣ.

Онъ махнулъ рукой и оглянулся кругомъ.

Вслѣдъ за нимъ поглядѣла и Елена.

— А у насъ... Господи, какое уныніе... и какая мертвечина!—вырвалось у нея.

— Что дѣлать, дорогая... Когда меня начинаетъ разбирать вотъ такая чисто русская патриотическая хандра, я повторяю вслухъ стишки изъ „Мадамъ Курдюковой“ Мятлева, когда она *данж лотранжэ* вспоминаетъ о русской вѣдѣ, о поросенкѣ подъ хрѣномъ, о мордшкѣ, объ опѣнкахъ:

„Кисло, солоно, *мовé*,
Ме се руссь, е ву савé:
 Надобно любить родное!“

Оба чуть слышно разсмѣялись.

На станціи раздался звонокъ. Дверь пріотворилась и сторожъ какъ-то жалобно крикнулъ:

— Московскій поѣздъ! Стоить пять минутъ.

Первымъ вышелъ—въ сопровожденіи лакея съ бритымъ лицомъ—баринъ въ шинели съ бобрами и въ котиковою шапкѣ. Лицо его на половину ушло въ стоячій воротникъ.

Онъ оглянулся и приподнял шапку.

— Иванъ Степанычъ! Мое почтеніе!

Иванъ и Елена тутъ только узнали Хаева.

Тотъ пожалъ имъ руки; но не присаживался къ століку.

— Къ себѣ въ имѣніе?—спросилъ Бабичевъ.

— Нѣтъ, на фабрику. Просятъ навѣдаться. Вѣдъ Руженовъ у васъ привазагъ долго жить.

— Какъ же.

— Скажите пожалуйста. Онъ вѣдъ вамъ товарищемъ приходился по университету?.. Да, да!

Елена прислушивалась къ тону милліонера. Что-то было новое, не то что безцеремонное, но и совсѣмъ не такое, какъ онъ держалъ себя съ Бабичевымъ до его „исторіи“.

— Контора хотѣла къ вамъ обратиться. Онъ хорошенько и не сказалъ, куда ѣдетъ. И въ послѣднее время все ужасно запустилъ... не тѣмъ будь помянуть!.. Мое почтеніе!

Хаевъ суховато поклонился имъ обоимъ, запахнулся въ шинель и воротниками шажками пошелъ вслѣдъ за своимъ лакеемъ.

Они поглядѣли другъ на друга.

Дорогой, въ каретѣ, они больше молчали. Банальностей не хотѣлось говорить. Дать волю тому настроенію, въ какомъ она сама была, Елена сочла слишкомъ жестокимъ.

Ихъ обѣдъ, съ глазу на глазъ, прошелъ почти такъ же молчаливо—точно они вернулись съ похоронъ.

За кофе, когда горничная удалилась, Елена протянула руку черезъ столъ и дотронулась до его руки.

Онъ поцѣловалъ.

— Вы правы, другъ,—заговорила она задушевымъ тономъ, который сразу вызвалъ вибрацію въ его груди,—вы правы,—повторила она.—И слова Тургенева—глубокія и бодрящія... *безъ каждаго изъ насъ обойдется родина, а безъ нея мы... въ пространствѣ.* Но развѣ не вѣрно то, что у насъ... нельзя быть частнымъ лицомъ, чтобы служить обществу? Какъ только вы „не у дѣла“—и все расплывется.

— А какъ же дѣлаютъ женщины? Вы на службѣ не состоите, ни коронной, ни земской; а развѣ вы не дѣятель?

Она покачала головой.

— Такъ... между прочимъ... пока нѣтъ личной жизни.

— И вы въ этомъ сознаетесь?

— Вы сами видите. Есть въ насъ нѣчто роковое... жажда личнаго счастья. Остальное...

— Неужели только миражъ?

— Вродѣ этого. Но забудьте, Жан, что съ вами говоритъ женщина.. Я просто вашъ товарищъ.

— Спасибо, дорогая.

Онъ пожалъ ей руку.

— Что печально,—горячѣе продолжала Елена,—это то, что такіе люди, какъ вы, Жан, вездѣ были бы впереди и вели бы за собою цѣлую стѣну, а у насъ и такіе, какъ вы—,одинъ въ полѣ не вонь*.

— Это безусловно вѣрно,—согласился Иванъ.—А все-таки нужно воздѣлывать свою ниву,—выговорилъ онъ громко и поднялъ голову.—Вы воснули самой чувствительной язвы. Да, нѣтъ у насъ никакихъ нервныхъ центровъ, вродѣ таковыхъ, безъ которыхъ организмъ не выживетъ и полчасца. Никто не приученъ стоять за то, безъ чего нельзя жить, нельзя дышать... нельзя быть человекомъ. И если что толкаетъ впередъ всю машину, то работа многострадальной русской интеллигенціи.

Слова эти онъ выговорилъ, поднимая тонъ. Глаза его блеснули, правой рукой онъ сдѣлалъ значительный и красивый жестъ.

— Судьбѣ не угодно было дать мнѣ талантъ писателя. Я не ученый, не мыслитель... не художникъ съ новыми идеями, какъ нашъ Питѣрь.

— Но у васъ даръ слова. Вы можете дѣйствовать на массы слушателей.

— Гдѣ?—остановилъ онъ ее.—На какія темы? Говорить, безъ надежды дѣйствовать? И какъ? Вродѣ Тургеневскаго Гамлета Щигровскаго уѣзда? Сегодня краснорѣчиво на Сивцевомъ Вражкѣ, завтра—на Плющихѣ, послѣзавтра—на Молчановѣ? Быть беззубнымъ фронтѣромъ? До тѣхъ поръ, пока тебя не водворять въ собственную усадьбу съ обязательствомъ не выѣзжать изъ нея, пока пары невиннаго краснорѣчія не простынутъ въ тебѣ. Такъ ужъ лучше по доброй волѣ засѣсть въ Бабичевѣ... и превратиться въ рядового обывателя... и ждать у моря другой погоды.

Помолчавъ, Иванъ тихо воскликнулъ:

— Питѣрь! Вотъ счастливецъ!

— Да,—протянула Елена и потупилась.

Она почувствовала, въ эту минуту, какъ онъ нѣжно долженъ любить брата, чтобы мучительно не завидовать ему. Питѣру принадлежить вся вселенная. Ни къ чему онъ не пришить. Не надо ему ничего, кромѣ безусловной свободы своего духа. Когда ему томиться? Онъ—царь... тотъ царь, про котораго пѣлъ великій поэтъ.

И она начала въ полголоса, невольно подражая манерѣ Питѣра, когда онъ декламировалъ передъ нею:

— „Ты царь; живи одинъ; дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды великихъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный!“

— Есть ли завиднѣе удѣлъ?

Иванъ какъ бы устыдился своего восклицанія.

— Замыслы, работа, творческое настроеніе—вотъ его царство,—говорила Елена, и глаза ея разгорались.—Онъ тамъ... на высотахъ, а мы всѣ... барахтаемся здѣсь.

Нота горечи задрожала въ этихъ словахъ.

Точно она уже теперь ясно видѣла—что предстоитъ ей съ ея женской жаждой любви. Ни она и никакая другая женщина—хотя будь она божественно прекрасна—не будетъ для него все, не заставитъ его забыть міръ образовъ и звуковъ, для которыхъ только и стоить жить.

— И неуспѣхъ ему не страшенъ, — добавилъ вдумчиво Иванъ. — Онъ презираетъ толпу. Былъ бы онъ самъ доволенъ. Измѣнять звуки — останутся идеи. Для нихъ не нужно ни времени, ни мѣста... ни уѣздныхъ, ни губернскихъ выборовъ.

Ихъ взгляды встрѣтились.

Тотъ... гражданинъ вселенной, витающій надъ муравейникомъ, гдѣ они копошатся — ихъ кровное дитя. Его надо любить и ничего отъ него не требовать...

Елена, проводивъ Ивана, долго ходила по двумъ несвѣщеннымъ комнатамъ, куда свѣтъ достигалъ только изъ угловой.

На сердцѣ у нея не было. Ни тоски, ни безпокойства, ни горечи.

Точно съ ней что-то сдѣлали: вприснули какой-то жидкости, ослабляющей чувствительность.

Бояться за будущее — постыдно. Чтò неизбежно — то придетъ. А любить никто помѣшать не можетъ, — ни любить, ни жалѣть. Тотъ, ихъ общій баловень, ѣдетъ теперь туда, гдѣ ему будетъ хорошо въ одиночествѣ. Онъ — счастливецъ; но развѣ за это надо его влеймить или ненавидѣть? И чтò бы ни принесла любовь... къ этому счастливцу — все равно не промѣняешь ее на ничто... то *ничто*, которое всего ужаснѣе для женщины.

— Бѣдный, бѣдный Jean! — вдругъ прошептала она, остановившись по срединѣ гостиной.

Прежней тревоги, уколовъ совѣсти, неловкости — теперь какъ не бывало. Для него она — подруга его Питѣра. Онъ для нея — нѣжно любимый братъ. И она счастлива тѣмъ, что очутилась около него... въ первые дни его одиночества.

Безпросвѣтная, облачная ночь окутывала усальбу Бабичевыхъ, когда Иванъ вернулся домой.

Его не ждали такъ рано. Домъ стоялъ безъ малѣйшихъ признаковъ освѣщенія. Наружная дверь оказалась запертой. Мальчикъ ушелъ въ людскую; пришлось послать за нимъ вчѣра.

Затхлой сыростью пахнуло на Ивана, когда онъ вошелъ въ темную переднюю.

Зажигая лампу, мальчикъ разбилъ стекло. Запахъ веросиновой копоти пошелъ по передней и корридору.

Въ воздухѣ можно было обонять и струи хлорной извести послѣ недавняго покойника.

Иванъ еле сдержалъ слезы.

Нивогда такъ ѣдко не схватывала его тоска одиночества и отчужденности.

Вотъ онъ—землевладѣлецъ Бабичевъ—старѣющій холостякъ, попавшій въ опалу губернской Гамбетта, „притча во языцѣхъ“ для господъ Шестовыхъ.

Дверь въ залу стояла отворенной. Мальчикъ шелъ передъ нимъ со свѣчой. По срединѣ стоялъ еще столъ, гдѣ лежалъ Руженцовъ. И въ ухахъ Ивана раздались взрывы его хриплаго голоса, какъ тогда, въ Москвѣ, въ залѣ „Эрмитажа“:

— „Прекраснодушный краснобай! Долго ли будешь носиться съ своимъ хоровымъ началомъ? Ха, ха!“

Ровно черезъ мѣсяць, Иванъ вернулся съ той же станціи—въ тотъ же опустѣвшій домъ, гдѣ ему предоставляется проживать, какъ обывателю, котораго „приструнили“—пока не смирится.

Онъ только-что проводилъ Елену за границу. Ея Петеръ сталъ усиленно звать ее къ себѣ, увѣряя, что „потѣги творчества“ у него уже прошли, и теперь начнется „райская жизнь“— вдвоемъ.

Взять развѣ въ нимъ туда, гдѣ солнце льетъ свои ласковые лучи на ликующую природу... А зачѣмъ?!..

П. Боворыкинъ.

Лонъ 1903.
Бадень-Бадень.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

ОБЗОРЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Окончаніе.

II *).

Въ редакціи „Современника“ журнальная работа шла вообще очень дружно, и тогда, когда дѣйствовалъ въ ней прежній кружокъ, и тогда, когда послѣ разрыва Тургенева съ Некрасовымъ вступила въ журналъ новая группа лицъ, также болѣе или менѣе связанныхъ общими взглядами и стремленіями. Въ обоихъ положеніяхъ журнала главнымъ связующимъ звеномъ былъ несомнѣнно самъ Некрасовъ: прежніе друзья, или остатки ихъ, сохранили близость къ нему по старому преданію; писатели новые и молодые цѣнили въ немъ уже очень популярнаго тогда поэта и замѣчательнаго представителя стараго поколѣнія.

Дѣйствительно, работа шла очень дружно. Она была такова не по какой-либо регламентаціи, а просто въ силу общаго живого интереса къ дѣлу: кружокъ беллетристовъ, — иногда и вовсе не принадлежавшихъ къ ближайшему дружескому кругу, — предпочиталъ отдавать свои труды именно „Современнику“, потому что здѣсь была наиболѣе оживленная литературная атмосфера; внѣ собственной беллетристики было общимъ интересомъ — слѣдить за литературными явленіями, которыя бывали вообще единственными проявленіями жизни общественной. Въ „Современникѣ“ велась наиболѣе живая хроника литературныхъ явленій —

*) См. выше: мартъ, 135 стр.

въ видѣ обзоровъ журналистики, „журнальныхъ замѣтокъ“, „Писемъ иногороднаго подписчика“ и т. п. Эти обзоры писались разными лицами, но въ нихъ всегда одинаково господствовалъ одинъ тонъ—любящее отношеніе къ литературѣ, постоянное представленіе объ ея достоинствѣ нравственномъ и общественномъ, объ ея потребностяхъ въ области знанія и въ области искусства; тонъ этихъ рѣчей о литературѣ былъ всегда далеко отъ какого-нибудь педантизма—никакихъ задатковъ къ этому не было и въ самихъ людяхъ,—въ редакціи бывали близки и настоящіе ученые люди (какъ Соловьевъ, Кавелинъ, Рѣдвинъ, Грановскій, Костомаровъ, Аванасьевъ, Влад. Милютинъ), но эти ученые не были односторонніе спеціалисты—имъ были, напротивъ, близки живые общественные вопросы; обычные дѣятели журнала бывали просто образованные люди, руководившіеся въ своихъ работахъ личными литературными вкусами и желаніемъ служить просвѣтительнымъ потребностямъ общества,—уровня котораго они себѣ не преувеличивали, такъ что обычное изложеніе было общедоступное и популярное. Въ противоположность нѣкоторой книжной сухости, отличавшей другія изданія, напримѣръ и „Отеч. Записки“, „Современникъ“ не былъ прочъ и отъ веселой шутки. Эта шутка была не чужда самой бесѣдѣ редакціоннаго кружка,—обстоятельства складывались такъ, что редакція не усумнилась дать ей мѣсто въ самомъ журналѣ: таково было „Путешествіе Ивана Чернокушниковъ по петербургскимъ дачамъ“, безобидная шутка, доходившая до шутковатости и принадлежавшая специально Дружинину; таковы были стихотворенія „Новаго поэта“,—подъ именемъ котораго соединялись главнымъ образомъ Панаевъ, а также, какъ говорятъ, Некрасовъ, В. П. Гаевскій,—стихотворенія, явившіяся въ связи съ упомянутой реакціей противъ излишествъ тогдашняго стихотворства; таковъ былъ „Литературный Ералашъ“, составившій своего рода прибавленіе къ литературной хроникѣ: въ наличной литературѣ и журналистикѣ появлялось не мало вещей, которыя не стоили серьезной критики, но бросались въ глаза, и для нихъ достаточно было одной шутки или прямой насмѣшки. „Ералашъ“, какъ стихотворенія „Новаго поэта“, былъ опять вещь сборной, и между прочимъ, какъ было раньше упомянуто, здѣсь нашли мѣсто первые дебюты Кузьмы Пруткова...

Совмѣстная или очередная работа складывалась легко при дружномъ характерѣ редакціи. Литературную хронику велъ то Панаевъ, то Дружининъ, то Некрасовъ; или къ работѣ одного лица легко прибавлялись дополненія другого, потому что общіе взгляды были однородны.

Такъ начались и „Замѣтки о журналахъ“ 1856—57 года. Біографъ замѣчаетъ, что періодъ времени съ 1856 года былъ „періодомъ наибольшаго развитія силъ и дѣятельности Некрасова. Умственный и нравственный горизонтъ поэта значительно раздвинулся подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, какое началось въ обществѣ, и тѣхъ новыхъ людей, которые окружили его. Прежніе идеалы оттѣсняются новыми. Это просвѣтленіе отразилось и въ творествѣ поэта. Изъ прежде горячаго, но крайне неопредѣленнаго протеста противъ пошлости, насилія, рабства и всяческаго угнетенія, онъ теперь обращается въ гѣвца народнаго горя — въ широкое и глубокое, но вполне опредѣленномъ смыслѣ. Все лучшее и наиболѣе сильное написано имъ въ этотъ второй періодъ его журнальной дѣятельности... Въ то же время не перестаетъ онъ принимать дѣятельное участіе и въ изданіи журнала: и своимъ руководительствомъ, и своими практическими совѣтами, и связями, и, наконецъ, личными трудами“¹⁾...

Въ это время онъ и задумалъ тѣ „Замѣтки о журналахъ“, которыя должны были продолжить прежніе литературные обзоры, но уже съ нѣсколькимъ инымъ характеромъ. Наступавшая эпоха въ нашей общественной жизни, въ связи съ возникавшими новыми теченіями въ жизни государственной, выдвигала и мало-по-малу дѣлала доступными литературѣ новые вопросы, въ прежнее время совсѣмъ въ ней не появлявшіеся. Это были, главнымъ образомъ, вопросы внутренняго быта, тѣ самыя, которые, нѣсколько лѣтъ спустя, были рѣшены реформами Александра II. Насколько было возможно, литература въ общихъ чертахъ, съ приблизительными указаніями на русскую дѣйствительность, вводила эти вопросы въ кругъ общественныхъ интересовъ, разъясняла необходимость преобразованій, обращалась къ исторіи, политической экономіи, къ комментаріямъ юридическимъ, къ реальнымъ картинамъ народнаго быта, — послѣднее, въ области художественной беллетристики, уже раньше затронуто было въ произведеніяхъ Тургенева, Григоровича, частію и другихъ... Прежнія хроникѣ заняты были почти исключительно литературно-художественными интересами и новостями; теперь, такую же важность получила прямая публицистика. Некрасовъ сохранилъ старое влеченіе къ вопросамъ литературы, въ которой онъ дорожилъ художественными отголосками дѣйствительной жизни

¹⁾ Стихотворенія, 1879, т. I, біографія, стр. LXX—LXXI. Дальше приводимъ нѣкоторыя поправки къ этому изложенію.

и въ которой онъ видѣлъ также важную силу для художественно-нравственнаго воспитанія общества; но онъ не бралъ на себя предметовъ специальной публицистики, исторіи, политической экономіи, и эту сторону дѣла онъ предоставилъ Н. Г. Ч-му. По-видимому, и сколько мнѣ помнится, они думали составлять „Замѣтки“ вдвоемъ, и дѣйствительно, въ уцѣлѣвшихъ рукописяхъ сохранился слѣдъ совмѣстной работы: страница была написана, или продиктована, Некрасовымъ; остальное написано Ч-мъ. Вполнѣ указать эти доли писаннаго Некрасовымъ я затрудняюсь; но во многихъ случаяхъ ясно, что не могло быть написано имъ. Въ нѣкоторыхъ эпизодахъ можно было бы предположить именно долю Некрасова, напр. въ томъ, что говорилось въ „Замѣткахъ“ о Гоголѣ: Некрасовъ всегда высоко цѣнилъ Гоголя, и въ самыхъ его заблужденіяхъ видѣлъ въ основѣ рѣдкую преданность дѣлу искусства и долгу писателя;—но то же самое отношеніе къ Гоголю было и у Ч-го, такъ что оба могли бы написать тѣ сочувственныя слова о Гоголѣ, какія были сказаны въ „Замѣткахъ“. Вообще же можно съ увѣренностью связать, что „Замѣтки о журналахъ“ 1856—1857 г. на три четверти были написаны Ч-мъ, если не на девять десятыхъ ¹⁾.

¹⁾ Должно исправить библиографическую неточность въ предыдущей статьѣ (мартъ, стр. 153). По отмѣткѣ, найденной въ бумагахъ Некрасова, г. Скабичевскій указывалъ, что въ „журнальныхъ замѣткахъ“ принадлежатъ Некрасову тѣ статьи, которыя начинаются обращеніемъ: „читатель“. Въ изданіи сочиненій Н. Г. Ч. („Замѣтки о современной литературѣ“, Сиб. 1894) мы встрѣтили только одинъ или два случая подобнаго обращенія; но это изданіе 1894 было уже проверенное, и чтобы точнѣе опредѣлить упомянутую отмѣтку Некрасова, надо было обратиться къ самому тексту „Современника“.

Дѣйствительно, обращеніе къ „читателю“ есть въ „Замѣткахъ“ за апрѣль 1856 (въ майской книжкѣ этого года); но по сохранившемуся „оригиналу“ этой статьи, рукой Ч-го, видно, что Некрасову принадлежитъ только начало статьи (стр. 105—109; въ „оригиналѣ“ отмѣчено, видимо впоследствии: „писано подъ диктовку Некрасова“, и писано это карандашомъ); а дальше, статья до конца писана обычной манерой Ч-го. И начало статьи состоитъ всего изъ немногихъ строкъ, а затѣмъ—изъ большихъ вписокъ: стихотвореній Ив. Аксакова и Хомякова, изъ начавшей тогда выходить „Русской Бесѣды“ и вступительной статьи этого журнала.—Далѣе, обращеніе къ „читателю“ есть въ „Замѣткахъ“ за май 1856 (напечатанныхъ въ 1856, июнь); но и здѣсь Некрасову могло принадлежать только начало (стр. 235—244); остальное написано Ч-мъ, какъ показываетъ сохранившійся „оригиналъ“, какой сохранился хотя и не полна, но вообще для наибольшей части „Замѣтокъ о журналахъ“ 1856—1857.

Такимъ образомъ, авторство „Замѣтокъ“ опредѣляется несомнѣнно. Единственная статья, относительно которой возможно недоумѣніе, есть первая статья „Замѣ-

Возвращаемся къ рецензіямъ Некрасова за .прежнее время. Выдѣлить ихъ изъ другихъ статей, тогдашнихъ журналовъ довольно трудно, за неимѣніемъ прямыхъ указаній. Приведемъ нѣсколько предположеній болѣе или менѣе прочныхъ, а также фактовъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Такъ, по всей вѣроятности, надо приписать Некрасову довольно обширную рецензію книги: „Дамскій альбомъ, составленный изъ отборныхъ страниць русской поэзіи. Съ десятью рисунками, гравированными въ Лондонѣ. Спб. 1854“¹⁾. О принадлежности этой статьи Некрасову можно съ большой вѣроятностью заключать изъ всего ея содержанія: рецензія сполна посвящена вопросу, который весьма занималъ Некрасова и о которомъ онъ пространно говорилъ въ упомянутой раньше статьѣ „о русскихъ второстепенныхъ поэтахъ“. Это—вопросъ о современной русской поэзіи и ея судьбѣ, ея недостаткахъ и упадкѣ, и о надеждахъ на ея новое желаемое развитіе. Статья намъ лично памятна съ тѣхъ поръ по одному ея шутивому или шутковскому эпизоду, когда авторъ, имѣя въ виду начавшееся тогда гоненіе на стихотворство, какъ будто беретъ на себя защиту стариннаго стихотворства—съ точки зрѣнія его прежнихъ любителей, читателей-старожиловъ. Приводимъ эту шутивную элегію, которая не вошла въ большое изданіе Некрасова, 1879:

Мнѣ жаль, что нѣтъ теперь поэтовъ.
 Какіе были въ оны дни—
 Нѣтъ Тимофеевыхъ, Бернетовъ
 (Ахъ, отчего молчатъ они?)
 Съ семьей забвенныхъ старожиловъ
 Скорблю на склонѣ дней моихъ,
 Что лирой пренебрегъ Стромилловъ,
 Что Печенѣговъ пріутихъ,
 Что умеръ бѣдный Якубовичъ,
 Что дремлетъ Константинъ Петровичъ,
 Что о другихъ пропалъ и слѣдъ,
 Что нѣту госпожи Падерной,

токъ“ въ изданіи 1894, статья за февраль 1856 г. (въ мартовской книгѣ „Современника“ этого года) — „оригиналъ“ этой статьи не сохранился. Намъ представляется возможнымъ участіе здѣсь Некрасова, какъ въ упомянутой выше статьѣ за апрѣль: между прочимъ, та же любовь къ стихамъ и тѣ же большія выписки. Въ выпискахъ находятся извлеченія изъ писемъ Гоголя (къ Погодину 1832—1840), напечатанныя въ „Москвитиннѣ“; выписки сопровождаемы объясненіемъ ихъ важнаго біографическаго значенія, и отношеніе къ Гоголю есть та высокая оцѣнка, которую мы имѣли уже случай указывать у Некрасова. Выше было упомянуто, что въ этомъ пунктѣ между Некрасовымъ и Ч-мъ не было никакого разнорѣчія.

¹⁾ „Современникъ“ 1854, январь, бібліографія.

У коей былъ талантъ примѣрной,
И Розена барона нѣтъ;
Что нѣтъ Туманскихъ и Трилунныхъ,
Не пишетъ больше Бороздна,
И намъ отъ лиръ ихъ сладкострунныхъ
Осталась память лишь одна ¹⁾....

Весь подборъ этихъ именъ взятъ изъ старинныхъ журналовъ, отъ двадцатыхъ и до сороковыхъ годовъ: имена Стромилова, Печенѣгова, г-жи Падерной и т. д. украшали „Библиотеку для Чтенія“, „Маякъ“, „Москвитининъ“ и т. д. Подъ „Константиномъ Петровичемъ“ разумѣлся К. П. Масальскій, очень извѣстный писатель тридцатыхъ годовъ ²⁾. О „Трилунномъ“, вѣроятно по этому стихотворенію, вспоминалъ потомъ Тургеневъ въ письмѣ къ Фету, въ 1860 ³⁾.

Въ этой же статьѣ, изъ „Альбома“ приведено, между прочимъ, „прекрасное“ стихотвореніе, „принадлежащее какому-то г. Н. Н.“.

Приводимъ это давно забытое стихотвореніе, такъ какъ съ нимъ соединены и другія литературныя воспоминанія.

Розы.

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
Въ моемъ саду, какъ взоръ плѣняли мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!

Какъ я берегъ, какъ я лелѣялъ младость
Мойихъ цвѣтовъ завѣтныхъ, дорогихъ;
Казалось мнѣ, въ нихъ разцвѣтала радость,
Казалось мнѣ, любовь дышала въ нихъ.

Но въ мірѣ мнѣ явилась дѣва рая,
Прелестная какъ ангелъ красоты,
Вѣнка изъ розъ искала молодая,
И я сорвалъ завѣтные цвѣты.

И мнѣ въ вѣнкѣ цвѣты еще казались
На радостномъ челѣ красивѣе, свѣжѣй,
Какъ хорошо, какъ мило соплетались
Съ душистою волной каштановыхъ кудрей.

¹⁾ „Современникъ“, 1854, январь, стр. 11—12.

²⁾ Намъ припоминается и цензурный вариантъ въ 10-мъ стихѣ элегіи: вмѣсто „дремлетъ“—„запилъ“.

³⁾ Воспоминанія Фета I, 348, 349.

И за одно онѣ цвѣли съ дѣвицей,
Среди подругъ, среди пласокъ и шировъ,
Въ вѣнкѣ изъ розъ она была царицей,
Вокругъ ея вилась и радость, и любовь.

Въ ея очахъ—веселье, жизни пламень;
Ей счастье долгое сулить, казалось, рокъ.
И гдѣ-жъ она?... Въ погостѣ бѣлый камень,
На камнѣ—розъ моихъ завянувшій вѣнокъ ¹⁾.

„Несмотря на устарѣлость нѣкоторыхъ словъ и преувеличенный драматизмъ окончанія, это стихотвореніе до сей поры прекрасно. Его тихо и сердечно-грустный тонъ невольно трогаетъ, какъ прекрасная и печальная музыка“ ²⁾.

Эта пьеса вспоминалась Тургеневу въ одномъ изъ его послѣднихъ „Стихотвореній въ прозѣ“—подъ заглавіемъ изъ перваго стиха этой пьесы.

Упомянутая элегія о забытыхъ поэтахъ сопровождается въ рецензіи размышленіями объ этой давнишней повѣсти, о которой сожалѣютъ „старожилы“: имъ эта повѣсть доставляла удовольствіе; правда, она была плоха, да вѣдь и читатели были плохи, и для нихъ она могла служить съ нѣкоторой пользой...

Далѣе, по всей вѣроятности Некрасову принадлежитъ разборъ книжки: „Деревенскій случай. Повѣсть въ стихахъ, Н. Д. Хвощинской. Спб. 1853“ ³⁾... Біографъ Некрасова, упоминая о его рецензіяхъ, указываетъ, что вообще онѣ отличались большою мягкостью: „каждаго писателя онъ, прежде чѣмъ выразить свое несогласіе съ нимъ, старается осыпать лестными похвалами, въ каждой разбираемой вещи старается открыть свои ⁴⁾ хорошія стороны и достоинства“. Біографъ затрудняется объяснить причину этой мягкости. Быть можетъ, думаетъ онъ, происходило это оттого, что тогдашней цензурѣ одинъ задорный тонъ казался уже подозрительнымъ, или здѣсь были личные мотивы и соображенія: можетъ быть, „это зависѣло оттого, что въ то время количество литературныхъ силъ было еще крайне ограничено, всѣ литераторы, болѣе или менѣе знакомые между собою, не раздѣлялись еще на такіе непримиримо враждебные лагери, какъ впоследствии,..

¹⁾ „Современникъ“, тамъ же, стр. 18.

²⁾ Отмѣтимъ кстати, для любителей бібліографіи, что въ той же книжкѣ „Современника“ (стр. 32) находится рецензія Тургенева, безъ подписи, не вошедшая въ собраніе его сочиненій, о книжкѣ Григорія Данилевскаго: „Слобожане. Малороссійскіе рассказы. Спб. 1853“ (нѣсколько строкъ).

³⁾ „Современникъ“ 1854, январь, Бібліографія, стр. 7—10.

⁴⁾ Т.-е. ея.

наконецъ, въ рѣдомъ изъ нихъ Некрасовъ не подозрѣвалъ чело-
вѣка, который завтра же могъ *приодиться* (!), въ качествѣ
сотрудника „Современника“; такъ что здѣсь руководилъ Некра-
совымъ особенный *тактъ журналиста* (?), хотя, конечно, мяг-
кость Некрасовской критики могла обуславливаться и благодуш-
ными чертами его характера¹⁾. Эти психологическія сообра-
женія и въ томъ числѣ соображенія о „тактѣ журналиста“,
очень похожемъ здѣсь на „тактъ“ лавочника, въ этомъ случаѣ
совершенно излишни: мягкость критики у Некрасова очень просто
объясняется его собственными словами въ упомянутой статьѣ „о
русскихъ второстепенныхъ поэтахъ“. Онъ чрезвычайно дорожилъ
проблесками поэтическаго дарованія, какіе встрѣчались и въ
ту минуту, когда шли жалобы на оскуднѣніе поэзій; онъ именно
осуждалъ излишнюю строгость тогдашней журнальной критики,
строгость, которая могла отпугнуть и людей талантливыхъ отъ
поэтическаго поприща, и самъ убѣждалъ людей съ задатками да-
рованія беречь и развивать свою поэтическую искру... У Некра-
сова были, дѣйствительно, и благодушныя черты характера, но
здѣсь прямо сказывалась его любовь въ русской поэзій и же-
ланіе успѣшнаго ея развитія²⁾... Но затѣмъ при всемъ „благоду-
шии“ Некрасовъ, когда встрѣчалъ явную бездарность, не оста-
навливался назвать ее.

Какъ мы замѣчали, выдѣлить рецензій Некрасова въ крити-
ческомъ матеріалѣ „Современника“ довольно трудно, за недостат-
комъ прямыхъ данныхъ. У меня сохранилось нѣсколько руко-
писей съ подобными указаніями.

Такъ одна рукопись удостовѣряетъ, что Некрасову принад-
лежитъ рецензія книжки: „Осада Севастополя или таковы рус-
скіе! Москва. 1855“.

Статья начинается такъ:

„Осада Севастополя! Тотъ темный именемъ и не блистающій
талантомъ авторъ, который выставилъ это громкое заглавіе надъ
нѣсколькими страницами плохихъ виршей,—вѣроятно, и не по-
дозрѣвалъ всего величія избраннаго имъ заглавія. Этимъ только
можно извинить смѣлость бѣднаго писака, который рассказы-
ваетъ въ своей брошюрѣ одинъ изъ эпизодовъ этой колоссальной
эпопеи,—смерть адмирала Корнилова,—эпопеи, развязка которой
находится еще въ рукахъ судьбы“.

¹⁾ Стихотворенія, 1879, I, стр. LXVII—LXVIII.

²⁾ Наконецъ, біографъ и не указалъ ближе тѣхъ „рецензій Некрасова“, изъ ко-
торыхъ онъ выводилъ свои соображенія.

„Нѣтъ надобности говорить, что стихи неизвѣстнаго сочинителя нисколько не соотвѣтствуютъ предмету.—Но это было бы и тогда, еслибы онъ имѣлъ дарованіе; можно сказать утвердительно, что ни одинъ изъ существующихъ нынѣ талантовъ не въ одной Россіи, но и во всей Европѣ не въ состояніи произвестъ что-либо равняющееся величію совершающихся передъ нами событій. — Нѣсколько времени тому назадъ корреспондентъ газеты „Times“ сравнилъ осаду Севастополя съ осадю Трои. Онъ употребилъ это сравненіе только въ смыслѣ продолжительности осады, но мы готовы допустить его въ гораздо болѣе обширномъ смыслѣ, именно—въ смыслѣ героизма, которымъ запечатлѣны дѣянія защитниковъ Севастополя, въ смыслѣ громадности борьбы и великихъ, неожиданныхъ случайностей и катастрофъ, которыми запечатлѣна она, наконецъ въ смыслѣ того глубокаго и страстнаго интереса, съ которымъ приковано къ этой борьбѣ вниманіе цѣлаго свѣта. Илиада, содержаніе которой составляетъ осада Трои греками, не принадлежитъ къ временамъ историческимъ; время, въ которое совершаются эти событія,— время мифическое, когда еще боги принимали явное участіе въ дѣлахъ смертныхъ... Можно думать, что эта отдаленность эпохи, это участіе боговъ невольно увеличиваютъ въ глазахъ читателя колоссальность событій Илиады;—но совершающееся нынѣ передъ нами и безъ участія боговъ, и безъ того покрова таинственности, которую сообщаетъ предмету дальность, —развѣ все это лишено величія и колоссальности?

„Мы рѣшительно утверждаемъ, что только одна книга въ цѣломъ мірѣ соотвѣтствуетъ величію настоящихъ событій—и эта книга Илиада. Въ обыкновенное, такъ сказать, будничное время, не всегда и не вдругъ возбуждаетъ она въ читателѣ сочувствіе къ своимъ воинственнымъ событіямъ, но теперь, когда вниманіе всѣхъ трепетно приковано къ театру войны, когда каждая удача, каждая неудача отзываются во всѣхъ сердцахъ радостію или скорбью—въ это великое время Илиада, какъ полнѣйшее выраженіе героическаго настроенія, читается съ наслажденіемъ и сочувствіемъ невыразимымъ.—Въ какое иное время, какъ не теперь, когда воображеніе по-неволѣ наполнено представленіемъ адскаго бомбардированія, кроваваго поля, усѣяннаго трупами,—въ какое время можно сильнѣе почувствовать, напримѣръ, слѣдующую сцену“...

[Слѣдуетъ цитата изъ Илиады Гвѣдича, пѣснь 20-я, стихъ 395 и далѣе].

„Или смерть Астеропея, погибшаго также отъ руки Ахиллесовой“...

[Пѣснь 21-я, стихъ 179 и дал.; стихъ 200 и далѣе].

„Или эту мольбу о жизни сына Пріамова Ликаона къ Ахиллесу“...

[Пѣснь 21-я, стихъ 64 и далѣе; стихи 90—127].

„Можетъ быть, болѣе трехъ тысячъ лѣтъ прошло съ созданія Иліады, но найдется ли въ настоящее время хоть одно сердце, которое не сочувствовало бы слѣдующему превосходному прощанію Гектора съ Андромахой“...

[Пѣснь 6-я, стихъ 393 и далѣе].

„Мы заключимъ наши выписки отрывкомъ изъ посѣщенія Пріамомъ непріятельскаго лагеря, съ цѣлью выпросить у Ахиллеса трупъ убитаго имъ Гектора, напомнивъ при этомъ читателямъ, что вся эта сцена — одна изъ величайшихъ въ самой Иліадѣ“...

[Пѣснь 24-я, стихи 480—526].

„Многіе даже изъ образованнаго класса гораздо болѣе уважаютъ Иліаду по преданію, нежели любятъ читать ее. Если эти люди и въ настоящее время не поймутъ величія ея, — то съ сожалѣніемъ скажемъ, что значеніе ея навсегда останется для нихъ закрытымъ“... ¹⁾

Эта любопытная статья указываетъ, до какой степени вниманіе самого Некрасова было „приковано“ къ великимъ событіямъ Севастопольской осады и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ его впечатлѣнія переносили его въ героическую поэзію, какъ несравненный образецъ которой вспомнилась ему Иліада. Въ это время началъ онъ хлопоты о томъ, чтобы журналу разрѣшено было (объ этомъ надо было особо хлопотать!) сообщать хронику военныхъ событій; въ это время написано было простое, но трогательное стихотвореніе: „Внимая ужасамъ войны“; въ это время писалъ онъ приведенное нами раньше письмо къ Тургеневу, какъ сильно хотѣлось ему отправиться въ Севастополь...

Далѣе, въ моихъ матеріалахъ нашлась еще рукопись одной рецензіи Некрасова отъ 1855 года, посвященной слѣдующимъ книжкамъ:

— Антипъ Иванычъ Пошехнинъ. Четыре части. Изданіе Алексѣя Ушакова. Москва. 1855.

— Черепъ Святослава, дума. Вильно. 1855.

— Святки, соч. Василия Маркова. Вильно. 1855.

¹⁾ Эта рецензія книжки „Осада Севастополя“ помѣщена была въ „Современникъ“ 1855, т. LII, библиографія, стр. 33—41.

Все это было стихотворство, и очень плохое. Если прежде Некрасовъ жалѣлъ, что суровость журнальной критики можетъ отпугнуть и талантливыхъ людей отъ поэтического поприща, то теперь онъ пришелъ въ нѣкоторый ужасъ... Въ прежнее время онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ шутовой элегій немного смѣялся надъ обильной (и довольно нелѣпой) поэзіей „старожиловъ“, — теперь онъ видѣлъ на яву ея возвращеніе.

„...Всѣ стихотворныя произведенія Лермонтова не составляютъ такихъ двухъ томовъ (какъ томы Ушакова), и весь „Онѣгинъ“ — самое обширное стихотворное произведеніе Пушкина — умѣстится въ одинъ такой томъ!... Въ послѣднее время это (стихотворное) богатство изумительно! Можетъ быть, читатели „Современника“ помнятъ напечатанный въ нашемъ журналѣ полтора года тому назадъ „Плачь“ одного изъ старыхъ, замолчавшихъ поэтовъ, который сѣтовалъ на бездѣйствіе русской музы (см. „Современ.“ 1854 года, № 1, Новая книга). Теперь, черезъ полтора года — этотъ плачь былъ бы ужаснымъ анахронизмомъ, и мы рады случаю утѣшить почтеннаго старожила слѣдующимъ посланіемъ, котораго справедливость конечно признаетъ каждый читатель:

Посланіе къ поэту-старожилу.

Въ крылахъ отяжелѣвшій грачь,
Когда-то на Парнассъ летавшій!
Давно ли намъ прислалъ ты „Плачь“
О русской Музѣ — задремавшей?

И чтоже? Не прошло двухъ лѣтъ,
Какъ все вверхъ дномъ перевернулось:
И поднялъ голову поэтъ,
И вновь поэзія проснулась!

Намъ Музу новую свою
Представилъ авторъ „Арлекина“
И тотъ, кто равенъ соловью —
Природу намъ воспѣлъ Щербина!

Никитинъ, мѣщанинъ-поэтъ,
Различныхъ пробуетъ Пегасовъ,
Какъ птица распѣваетъ Феть,
Стихи печатаетъ Некрасовъ.

Лѣнивый даже Огаревъ
И тотъ пустилъ въ печать отрывокъ;
Стаховичъ намъ поетъ коровъ
И вкусъ густыхъ и свѣжихъ сливокъ.

Поэтовъ новыхъ всѣхъ родовъ
Фаланга дѣлая готова,
И даже старыхъ голосовъ
Два - три услышали мы снова.

Чтожь? въ добрый часъ! Смѣлѣе, маршъ!...
Прснулись Солоницынъ, Грековъ,
И можетъ быть, проснется Шаршъ
И отзовется Печенѣговъ!..

„Все это очень хорошо. Стихотворному движению послѣд-
няго года обязаны мы нѣсколькими прекрасными явлениями, ко-
торые, при прежнемъ охлажденіи къ поэзіи, можетъ быть, про-
лежали бы въ портфеляхъ своихъ авторовъ, но пишущій эти
строки осмѣливается напомнить, что крайность во всякомъ дѣлѣ
вещь опасная. Не хорошо было безотчетное гоненіе на стихи,
но и безотчетное покровительство имъ—едва ли можетъ привести
къ чему-нибудь хорошему“...

И критикъ убѣждается на многотомныхъ твореніяхъ новыхъ
стихотворцевъ, что благосклонность къ поэзіи не создаетъ даро-
витыхъ поэтовъ: объ указанныхъ имъ книгахъ серьезно говорить
не стѣдить...

Предоставимъ дальнѣйшимъ разысканіямъ опредѣлять другія
рецензій, замѣтки и т. д., которыя могли принадлежать Некра-
сову въ старомъ „Современникѣ“. Несомнѣнно, что таковыя были
кромѣ того, что здѣсь указано: въ журнальныхъ замѣткахъ бы-
вали вставлены стихотворенія Некрасова; могли здѣсь принадле-
жать ему какія-либо части самаго текста ¹⁾; ему принадлежали,
сполна или частію, тогдашнія полемическія статьи противъ „Оте-
чественныхъ Записокъ“.

Надо желать, чтобы повторено было большое изданіе Некра-
сова, съ болѣе подробными комментаріями, для которыхъ по-
является уже отчасти новый матеріалъ, и чтобы въ этомъ изда-
ніи нашли мѣсто прозаическія статьи Некрасова. Изъ приеде-
нныхъ примѣровъ можно видѣть, что здѣсь находится не лиш-
енный интереса матеріалъ для опредѣленія его литературныхъ
взглядовъ.

¹⁾ Напр. въ журнальныхъ замѣткахъ, „Совр.“ 1855, т. LII, могли принадлежать
Некрасову разсужденія о Диккенсѣ и Токкереѣ: онъ былъ тогда очень увлеченъ
этими писателями, какъ видно и изъ тогдашнихъ писемъ къ Тургеневу.

Приводимъ наконецъ нѣсколько замѣтокъ, вызванныхъ „биографическими свѣдѣніями“ и „примѣчаніями“ въ посмертномъ изданіи 1879 и сообщенныхъ мнѣ современникомъ, который близко зналъ Некрасова. Цитируемъ его собственными словами.

(О „*Биографическихъ свѣдѣній*“).

„На стран. XVIII и XIX приведена выписка изъ воспоминаній Достоевскаго о Некрасовѣ. Это такой мутный источникъ, которымъ не слѣдуетъ пользоваться. Для примѣра тому, какъ вздорны разсужденія Достоевскаго о Некрасовѣ, возьму изъ выписки полторы строки. Однажды, Некрасовъ сталъ разсказывать Достоевскому о своемъ дѣтствѣ, и въ этомъ разсказѣ „обрисовался“ передъ Достоевскимъ „этотъ загадочный человѣкъ самой затаенной стороною своего духа“; а самая затаенная сторона его духа была—то, что его дѣтство оставило въ немъ грустныя воспоминанія.—Какимъ образомъ это могло быть „затаенною“, даже „самой затаенной“ стороною духа „загадочнаго человѣка“, когда онъ въ столькихъ лирическихъ пьесахъ и столькихъ эпизодахъ поэмъ передавалъ всей русской публикѣ тяжелыя впечатлѣнія своего дѣтства?—Да и чего было бы таить въ нихъ?—Какъ любилъ онъ передавать ихъ публикѣ, точно такъ же любилъ и пересказывать ихъ въ разговорахъ.—Послѣ этого, натураленъ вопросъ: былъ ли „загадоченъ“ человѣкъ, который такъ таилъ „самую затаенную сторону своего духа“, который столько разъ говорилъ о ней публикѣ, и любилъ подробно разсказывать о ней каждому знакомому, желающему слушать?—Ровно ничего „загадочнаго“ въ Некрасовѣ не было. Онъ былъ хороній человѣкъ съ нѣкоторыми слабостями, очень обыкновенными; при своей обыкновенности, эти слабости не были ни мало загадочными сами по себѣ; не было ничего загадочнаго и въ томъ, почему онъ развились въ немъ: общезвѣстные факты его жизни очень отчетливо объясняютъ это.—А если кому-нибудь изъ его знакомыхъ не ясно было, почему онъ поступалъ такъ, а не иначе въ какомъ-нибудь случаѣ, то надобно было только спросить у него, почему онъ поступилъ такъ, и онъ отвѣчалъ прямо, ясно; я не помню ни одного случая, когда бы уклонился отъ прямодушнаго объясненія своихъ мотивовъ,—ни одного такого случая не было, не то что лишь въ разговорахъ его со мною, но и во всѣхъ тѣхъ разговорахъ съ другими, какіе происходили при мнѣ. Онъ былъ человѣкъ очень прямодушный.

(Стр. XXVII).

„Кѣмъ была внушена Некрасову мысль поступить въ университетъ?—По разсказу его мнѣ, матерью.

„Дѣло было, по его разсказу мнѣ, такъ:

„Мать хотѣла, чтобы онъ былъ образованнымъ человекомъ, и говорила ему, что онъ долженъ поступить въ университетъ, потому что образованность приобрѣтается въ университетѣ, а не въ специальныхъ школахъ. Но отецъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ; онъ соглашался отпустить Некрасова не иначе, какъ только для поступленія въ кадетскій корпусъ. Спорить было бесполезно, мать замолчала. Отецъ послалъ Некрасова въ Петербургъ для поступленія въ кадетскій корпусъ; въ Петербургъ, а не въ Москву, потому что въ Петербургѣ у отца былъ человекъ, который могъ быть полезенъ успѣху просьбы о принятіи въ корпусъ (Полозовъ). Некрасовъ поѣхалъ въ Петербургъ, посланный отцомъ въ кадетскій корпусъ, съ письмомъ объ этомъ Полозову. Но онъ ѣхалъ съ намѣреніемъ поступить не въ кадетскій корпусъ, а въ университетъ. Письмо отца къ Полозову онъ не могъ не отдать. И пошелъ отдать. Полозовъ, прочитавъ письмо, безъ всякихъ разсрочекъ сказалъ Некрасову, что представить его Ростовцеву. Отказаться было невозможно. Некрасовъ побоялся и началъ разговоръ о намѣреніи поступить въ университетъ: что сказалъ бы на это Полозовъ?— „Мечта, другъ, не выдержишь экзамена“, — и что могъ бы отвѣчать Некрасовъ? Онъ дѣйствительно былъ не подготовленъ къ экзамену для поступленія въ университетъ. Онъ разсудилъ, что долженъ молчать передъ Полозовымъ объ университетѣ, пока будетъ въ состояніи сказать, что надѣется выдержать экзаменъ. Промолчавъ объ университетѣ, не имѣлъ возможности отказаться отъ представленія Ростовцеву, и былъ представленъ. Когда нѣсколько подготовился къ экзамену, сказалъ Полозову о своемъ намѣреніи.

„Итакъ, употребленное въ „Біограф. свѣдѣніяхъ“ выраженіе, что „случайная встрѣча съ Глушицкимъ перерѣшила всю судьбу“ Некрасова, и все соответствующее этому выраженію въ изложеніи дѣла о поѣздѣ Некрасова въ Петербургъ—ошибочныя слова. Если въ тѣхъ разговорахъ, по которымъ написанъ разсказъ „Біограф. свѣдѣній“, попадались выраженія, заставлявшія полагать, что мысль о поступленіи въ университетъ внушена была Некрасову Глушицкимъ, это были выраженія не достаточно полныя; но вѣроятно, что мысль о перемѣнѣ намѣренія Некрасова вслѣдствіе встрѣчи съ Глушицкимъ—только догадка, порожденная горячимъ чувствомъ признательности, съ какимъ говорилъ Некрасовъ о заботливости Глушицкаго доставить ему возможность приготовиться къ экзамену. Вѣроятно, это были разговоры собственно о петербургской жизни Некрасова, потому и попадали

въ нихъ только отношенія къ Глушицкому, не попадали воспоминанія о разговорахъ съ матерью передъ отъѣздомъ въ Петербургъ“.

(Стр. LXVII и LXVIII).

„По перечисленіи мотивовъ, изъ которыхъ могла происходить „мягкость“ — то-есть, снисходительность, доброжелательность—това рецензій Некрасова, говорится, что кромѣ этихъ соображеній „мягкость Некрасовской критики могла обуславливаться и благодушными чертами его характера“; безъ сомнѣнія, собственно ими она и „обуславливалась“; другія причины, если были, то были только очень второстепенными мотивами; главное дѣло было въ томъ, что Некрасовъ былъ человекъ очень добрый.

(Стр. LXX).

„Въ характеристикѣ начинающагося 1856 годомъ „второго періода журнальной дѣятельности“ Некрасова говорится, между прочимъ, что „умственный и нравственный горизонтъ поэта значительно раздвинулся подъ влияніемъ того сильнаго движенія, какое началось въ обществѣ, и тѣхъ новыхъ людей, которые окружили его“. — Дѣло было не въ расширеніи „умственного и нравственнаго горизонта поэта“, а въ томъ, что цензурныя рамки нѣсколько „раздвинулись“ и „поэтъ“ получилъ возможность писать кое о чемъ изъ того, о чемъ прежде нельзя было ему писать.—Когда дошло и до крайняго своего предѣла расширеніе цензурныхъ рамокъ, Некрасовъ постоянно говорилъ, что пишетъ меньше, нежели хочется ему; слагается въ мысляхъ пьеса, но является соображеніе, что напечатать ее будетъ нельзя, и онъ подавляетъ мысли о ней; это тяжело, это требуетъ времени, а пока онѣ не подавлены, не возникаютъ мысли о другихъ пьесахъ; и когда онѣ подавлены, чувствуешь усталость, отвращеніе отъ дѣятельности, слишкомъ узкой.—Я говорилъ ему: „еслибъ у меня былъ поэтический талантъ, я дѣлалъ бы не такъ; я писалъ бы и безъ возможности напечатать теперь ли, или хоть черезъ десять лѣтъ; писалъ бы и оставлялъ бы у себя до поры, когда будетъ можно напечатать; хотя бы думалъ, что и не доживу до той поры, все равно: когда жъ нибудь, хоть послѣ моей смерти, было бы напечатано“. Онъ отвѣчалъ, что его характеръ не таковъ, и потому онъ не можетъ дѣлать такъ; о чемъ онъ думаетъ, что этого невозможно напечатать скоро, надъ тѣмъ онъ не можетъ работать.

„Причина невозможности всегда была цензурная.

„Онъ былъ одушевляемъ на работу желаніемъ быть полез-

нымъ русскому обществу; потому и нужна ему была для работы надежда, что произведеніе будетъ скоро напечатано; если бы онъ заботился о своей славѣ, то могъ бы работать и съ мыслью, что произведеніе будетъ напечатано лишь черезъ двадцать, тридцать лѣтъ; право на славу заработано созданиемъ пьесы; когда оно будетъ предъявлено, все равно; даже выгодноѣ для славы, если оно будетъ предъявлено черезъ десятки лѣтъ: посмертныя находки цѣнятся дороже даваемого поэтомъ при жизни. Но онъ служить только славѣ поэта, а не обществу, вопросы жизни котораго ужь не тѣ, какіе разъясняются посмертною находкою.

„Итакъ, писать безъ надежды скоро увидѣть произведеніе напечатаннымъ Некрасовъ не имѣлъ влеченія. Потому содержаніе его поэтическихъ произведеній сжималось или расширялось соотвѣтственно измѣненіямъ цензурныхъ условій. Изъ того, что оно послѣ крымской войны стало шире прежняго, ни мало не слѣдуетъ, что за три, за четыре года до начала войны умственный и нравственный горизонтъ его былъ менѣе широкъ.

„Имѣла ль большое вліяніе на образъ мыслей перемѣна въ настроеніи массы образованнаго общества, произведенная крымской войной? (по выраженію „Біогр. свѣдѣній“, „горизонтъ“ его „раздвинулся“ отчасти подъ вліяніемъ этой перемѣны). Припомнимъ, въ чемъ состояла перемѣна. Было сознано массою общества, что надобно отмѣнить крѣпостное право, улучшить судопроизводство и провинціальную администрацію, дать нѣкоторый просторъ печатному слову. Только. Что новаго для Некрасова могло быть въ этихъ мысляхъ, новыхъ для массы образованнаго общества? — Задолго до крымской войны онъ были ясными и твердыми мыслями — только ли того литературнаго передового круга, въ которомъ жилъ Некрасовъ съ 1846, если не съ 1845 года? — Нѣтъ, не этому только кругу онъ были ужь привычны въ 1846 году и раньше того; около 1845 онъ были уже вполне усвоены большинствомъ той части образованнаго общества, мнѣнія которой рано или поздно приобрѣтаютъ владычество надъ мыслями другой, болѣе многочисленной части его; вполне усвоены большинствомъ тѣхъ людей, которые сами чувствовали разницу таланта между Пушкинымъ и Бенедиктовымъ, Шекспиромъ и Коцебу и т. д., — которые чувствовали эту разницу сами, и съ голоса которыхъ научились говорить о ней менѣе развитые образованные люди. — Перемѣна, произведенная крымской войною въ настроеніи русскаго общества, ни мало ни была перемѣною въ мысляхъ той части русской публики, которая до крымской войны любила Жоржа Занда и Диккенса; она

состояла лишь въ томъ, что другая, болѣе многочисленная часть образованнаго общества,—та, которая любила Александра Дюма, —применула къ болѣе развитой части по вопросамъ о русскомъ бытѣ; это и дало возможность развитымъ людямъ заговорить о надобности преобразованій, издавна составлявшихъ предметъ ихъ затаенныхъ желаній; поддерживаемые новыми своими многочисленными союзниками, они доставили нѣкоторый просторъ печати,—и Некрасовъ, подобно другимъ передовымъ дѣятелямъ печатнаго слова, получилъ возможность расширить содержаніе своей дѣятельности; вотъ этимъ онъ дѣйствительно обязанъ „тому сильному движению, которое началось въ обществѣ“,—обязанъ точно такъ же, какъ и всѣ талантливые ли, не особенно ли даровитые, поэты, беллетристы, драматурги, его сверстники или старшіе его, имѣвшіе прогрессивный образъ мыслей: всѣмъ имъ можно стало писать кое о чемъ изъ того, о чемъ желали, не могли они писать прежде.

„Итакъ, переменна въ настроеніи большинства многочисленнѣйшей части образованнаго общества не „раздвинула умственный и нравственный горизонтъ“ Некрасова, потому что онъ гораздо раньше этой перемены имѣлъ понятія, болѣе широкія, нежели какія могли быть внесены въ его мысли овладѣвшими тогда этою частью общества желаніями, не очень широкими, или, вѣрнѣе сказать, очень узкими; но, все-таки, это „сильное движенье“, начавшееся въ обществѣ, имѣло большое вліяніе на его поэтическую дѣятельность: нимало не „раздвигая его умственный и нравственный горизонтъ“, оно раздвинуло вѣшнія ограниченія, сжимавшія прежде дѣятельность его, дало ему возможность писать о томъ, о чемъ не дозволялось писать до той поры; это вліяніе перемены въ настроеніи общества дѣйствительно обнаружилось въ содержаніи поэтическихъ произведеній Некрасова“...

Переходя къ вопросу о томъ, имѣли ли какое-нибудь вліяніе на поэзію Некрасова тѣ „новые люди, которые окружили его“, авторъ замѣтокъ отвѣчаетъ на вопросъ отрицательно. Можно было бы думать, что отвѣтъ вызванъ скромной уклончивостію (такъ какъ самъ авторъ замѣтокъ принадлежалъ къ этимъ „новымъ людямъ“); но таково было дѣйствительно мнѣніе автора: Некрасову нечего было у нихъ заимствовать. Правда, у новыхъ людей „по нѣкоторымъ отдѣламъ знанія было больше свѣдѣній; по многимъ вопросамъ были мысли болѣе опредѣленныя, чѣмъ у него; но это были свѣдѣнія и мысли, болѣе спеціальныя, чѣмъ какія нужны для поэта; а то, что нужно было ему знать

какъ поэту, онъ зналъ отчасти хуже, отчасти не хуже новыхъ людей“. Нѣкоторые частные взгляды были даже совсѣмъ различны... Добролюбовъ былъ самымъ молодымъ изъ новыхъ друзей Некрасова: еще меньше было возможности заимствованія.

„Любовь къ Добролюбову могла освѣжать сердце Некрасова; и я полагаю, освѣжала. Но это совсѣмъ иное дѣло, не расширение „умственного и нравственного горизонта“, а чувство отрады. Чувство отрады благотворно. Оно укрѣпляетъ душевныя силы. За десять лѣтъ до знакомства съ Добролюбовымъ подобное благотворное вліяніе имѣло на Некрасова знакомство съ тою женщиною, которая была предметомъ многихъ его лирическихъ пьесъ.

„Перехожу къ слѣдующимъ строкамъ характеристики „второго періода“ дѣятельности Некрасова.

„Въ чемъ же состояло расширение „умственного и нравственного горизонта поэта?“—Въ томъ, поясняютъ „Біографическія свѣдѣнія“, что „прежніе идеалы“ его „оттѣснялись“ „новыми“. Какъ Бѣлинскій не любилъ, чтобъ ему напоминали о его статьяхъ въ родѣ „Бородинской годовщины“ или „Менцеля“, такъ и Некрасовъ „неохотно потомъ вспоминалъ“ о грѣхахъ своей молодости въ родѣ „Трехъ странъ свѣта“, говорится въ „Біограф. свѣдѣніяхъ“. Дѣйствительно ли онъ „неохотно вспоминалъ“ о „Трехъ странахъ свѣта“?—Это замѣчаніе произошло, вѣроятно, изъ недоразумѣнія. Некрасовъ былъ не охотникъ говорить о своихъ произведеніяхъ. Вѣроятно, ему случилось устранить вопросъ о „Трехъ странахъ свѣта“ выраженіемъ недостатка охоты говорить объ этомъ романѣ; человѣку, не знавшему, что онъ не любитъ рассуждать ни о какихъ своихъ произведеніяхъ, должно было показаться, что онъ не любитъ говорить объ этомъ романѣ.

„Главною причиною его неохоты говорить о своихъ произведеніяхъ была скромность. Онъ былъ очень скромный человѣкъ. Другая—второстепенная—причина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ хорошо зналъ по опыту, какъ скучна и смѣшна для слушателя слабость большинства беллетристовъ и поэтовъ разглагольствовать о своихъ произведеніяхъ. Человѣкъ съ сильной волей, онъ легко удерживался отъ этой слабости.

„Три страны свѣта“ и другія прежнія слабыя произведенія Некрасова („грѣхи его молодости“, по выраженію „Біограф. свѣдѣній“) вовсе не находятся въ такомъ отношеніи къ послѣдующимъ его произведеніямъ, какъ статьи Бѣлинскаго о Бородинской годовщинѣ и Менцелѣ къ позднѣйшимъ статьямъ. Бѣ-

линскій выражалъ въ тѣхъ прежнихъ статьяхъ мысли, которыя послѣ стали казаться ему ошибочны, дурны, ненавистны. Въ „Трехъ странахъ свѣта“ нѣтъ ничего такого, что казалось бы впоследствии Некрасову дурнымъ съ нравственной или общественной точки зрѣнія. И, сколько мнѣ помнится, тамъ и не было ничего такого. Въ анализѣ этого романа, даваемомъ „Биограф. свѣдѣніями“, проводится мысль о противоположности успѣшной житейской (въ данномъ случаѣ, коммерческой) дѣятельности благу народа. Точка зрѣнія фантастическая. Мнѣ она всегда казалась фантастической. Мнѣ всегда было тошно читать разсужденія о „гнусности буржуазіи“ и обо всемъ тому подобномъ; тошно потому, что эти разсужденія, хотъ и внушаемы „любовью къ народу“, вредятъ народу, возбуждая вражду его друзей противъ сословія, интересы котораго, хотъ и могутъ часто сталкиваться съ интересами его (какъ сталкиваются очень часто интересы каждой группы самихъ простолюдиновъ съ интересами всей остальной массы простолюдиновъ), но въ сущности одинаковы съ тѣми условіями національной жизни, какія необходимы для блага народа, потому въ сущности тождественны съ интересами народа.

„Биографическія свѣдѣнія“ продолжаютъ: прежде (до 1856 года) у Некрасова былъ только „горячій, но крайне неопредѣленный протестъ противъ рабства и утнетенія“—если протестъ былъ неопредѣленнымъ, по недостатку ль опредѣленности въ мысляхъ Некрасова или по цензурной невозможности писать опредѣлениѣ?—припомнимъ тогдашнія цензурныя условія, и не будетъ ровню никакой надобности пускаться въ предположенія о расширеніи умственного и нравственного горизонта Некрасова для объясненія тому обстоятельству, что какъ только нѣсколько пораздвинулись цензурныя рамки, онъ сталъ писать то, что не дозволялось писать прежде, и сталъ „пѣвцомъ народнаго горя“, — пѣвцомъ котораго былъ онъ и прежде, насколько то было возможно.

„Онъ и прежде писалъ произведенія одинаковыя по мысли съ тѣми, за которыя „Биографическія свѣдѣнія“ называютъ его „пѣвцомъ народнаго горя“. Приведу заглавія нѣкоторыхъ изъ пьесъ этого содержанія, написанныхъ раньше (до начала и движенія въ обществѣ и сближенія со мною):

1846. Тройка.

1848. Вино.

1850. Проводы. (Вторая пьеса въ ряду соединенныхъ общимъ заглавіемъ: „На улицѣ“).

1853. Въ деревнѣ.

1853. Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго.

„Пьесы „Въ деревнѣ“ и „Отрывки изъ записокъ Гаранскаго“ написаны Некрасовымъ тоже не только до начала „сильнаго движенія въ обществѣ“, но и до сближенія съ новыми людьми, которое началось лишь въ 1854 году.

„Въ началѣ выписки изъ разсказа доктора Бѣлоголоваго о болѣзни Некрасова находится (стр. LXXVIII) выраженіе: „При всей скрытности своего характера и необыкновенномъ умѣнѣ владѣть собою“ (Некрасовъ не могъ не выражать, что проявленія симпатіи общества къ нему трогаютъ его). — Очень большое умѣнье владѣть собою дѣйствительно было у Некрасова. „Но „скрытенъ“ онъ не былъ. Онъ только не былъ охотникъ говорить о себѣ, отчасти по скромности (это главное), отчасти потому, что зналъ изъ собственнаго опыта, какъ скучно и утомительно и смѣшно слушать охотниковъ много толковать о себѣ; онъ не хотѣлъ быть скучнымъ и смѣшнымъ. Но—когда видѣлъ, что человѣкъ желаетъ слушать, то говорилъ съ полною откровенностью, лишь бы человѣкъ, желающій слушать, казался ему заслуживающимъ его откровенности.

(„Примѣчанія къ стихотвореніямъ Некрасова).

„По поводу „отрывковъ изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго“ „Примѣчанія“ говорятъ (стр. XXXV, XXXVI): „Не смотря на примѣчаніе автора“ (цитирующаго заглавіе французской книги графа Гаранскаго), „едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это—оригинальная пьеса, а не переводъ“. Еще бы сомнѣваться въ этомъ! Но для полнаго убѣжденія охотниковъ до подобныхъ выраженій, „едва ли можно“ и т. д., когда и толковать тутъ было бъ не о чемъ, если бы не было употреблено вѣмъ-нибудь такое выраженіе, скажу, что переводъ заглавія книги Гаранскаго на французскій языкъ Некрасовъ поручилъ сдѣлать мнѣ; у него оно было написано по-русски; я сдѣлалъ, а Тургеневъ поправилъ“.

Примѣчаніе въ пьесѣ: „Тяжелый крестъ достался ей на долю“. (Стр. XLVI).

„Содержаніе, повидимому, имѣетъ ближайшее отношеніе къ поэмѣ „Мать“. —Ровно никакого; дѣло идетъ о совершенно иной женщинѣ, о той, любовь къ которой была темою столькихъ лирическихъ пьесъ Некрасова.

„Вообще, по поводу „Примѣчаній“ должно пожалѣть о претензіи составителя ихъ поправлять стихи Некрасова, кажушіяся ему неправильными. Напрасно онъ испортилъ текстъ своими поправками, обыкновенный поводъ къ поправкамъ подаетъ ему

„неправильность размѣра“; а на самомъ дѣлѣ, размѣръ стиха, поправляемаго имъ, правиленъ. Дѣло въ томъ, что Некрасовъ иногда вставляетъ двусложную стопу въ стихъ пьесы, писанной трехсложными стопами; когда это дѣлается такъ, какъ дѣлаетъ Некрасовъ, то не составляетъ неправильности.

„Приведу одинъ примѣръ. Въ „Пѣснѣ Странника“ (въ „Коробейникахъ“) Некрасовъ написалъ:

Ужъ я въ третью: мужикъ! Что ты бабу бьешь?

„Въ „Посмертномъ изданіи“ стихъ поправленъ:

...Что ты бабу-то бьешь?

„Некрасовъ не по недосмотру, а преднамѣренно сдѣлалъ послѣднюю стопу стиха двусложною; это даетъ особенную силу выраженію. — Поправка портитъ стихъ.

„Такъ и въ другихъ случаяхъ.

„Авторъ „Примѣчаній“ дѣлаетъ двѣ-три замѣтки о невірности выраженій, (напримѣръ, о томъ, что нельзя сказать „женщина входила на Аѳонскія высоты“, потому что женщинамъ воспрещенъ входъ въ Аѳонскіе монастыри. Въ этихъ двухъ-трехъ случаяхъ онъ, быть можетъ, правъ; но слѣдовало ограничиться замѣткой о неправильности выраженія, а не поправлять стихъ. — Впрочемъ, что касается „Аѳонскихъ высотъ“, то надобно было бы справиться, вѣтъ ли на перешейкѣ Аѳонскаго мыса за стѣною, отдѣляющею монастыри отъ сѣверной части полуострова, какихъ-нибудь монастырей, церквей или вообще мѣстъ поклоненія, доступныхъ женщинамъ.

Замѣтка къ „Своду статей о Некрасовѣ“.

„На стран. CLXXV говорится, что помѣщенное въ „Современникѣ“ за 1856 годъ, въ томѣ LXX, на страницахъ 1—12 (по нумераціи библиографическаго отдѣла) „краткое извѣстіе о выходѣ собранія стихотвореній“ (Некрасова) съ выпискою нѣкоторыхъ пьесъ—„статья самого Некрасова“; нѣтъ, эта статья написана мною, и пьесы, приведенныя въ ней, выбраны для помѣщенія въ ней мною.

„Это дѣло моей неопытности и несообразительности имѣло чрезвычайно тяжелое вліяніе и на „Современникъ“, и на судьбу „Стихотвореній“ Некрасова“ (навлекли на нихъ цензурное гоненіе)... Цѣлые четыре года цензура оставалась лишнею возможностью дозволить второе изданіе его „Стихотвореній“; оставалась бы лишена и дольше, если бы по счастью не принялъ на себя заботу о разрѣшеніи цензурѣ этого дозволенія графъ

Адлербергъ (графъ А. В. А., о которомъ говорится на стр. LXXII „Биограф. свѣдѣній“).

„Прибавлю къ прежнимъ замѣткамъ еще двѣ.

„1) Для всѣхъ очевидно, что въ пьесѣ „На Волгѣ (Дѣтство Валежниковъ)“ есть личные воспоминанія Некрасова о его дѣтствѣ.—Однажды, рассказывая мнѣ о своемъ дѣтствѣ, Некрасовъ припомнилъ разговоръ бурлаковъ, слышанный имъ, ребенкомъ, и передалъ; пересказавъ, прибавилъ, что онъ думаетъ воспользоваться этимъ воспоминаніемъ въ одномъ изъ стихотвореній, которыя хочетъ написать.—Прочитавъ черезъ нѣсколько времени пьесу „На Волгѣ“, я увидѣлъ, что рассказанный мнѣ разговоръ бурлаковъ переданъ въ ней съ совершенною точностью, безъ всякихъ прибавленій или убавленій; перемѣны въ словахъ сдѣланы лишь такія, которыя были необходимы для подведенія ихъ подъ размѣръ стиха; онѣ нисколько не измѣняютъ смысла рѣчи, и даже часто съ грамматической и лексикальной стороны не многочисленны и не важны. Въѣсто—

„а кабы умереть къ утру, такъ было бъ еще лучше“,—

въ пьесѣ сказано:

„А кабы къ утру умереть,
Такъ лучше было бы еще“;

только такими пятью, шестью перемѣнами и отличается передача разговора въ пьесѣ отъ воспоминанія объ этомъ разговорѣ, рассказаннаго Некрасовымъ мнѣ. Когда я читалъ пьесу въ первый разъ, у меня въ памяти еще были совершенно тверды слова, слышанныя мною.

„2) О пьесѣ: „Размышленія у параднаго подвѣзда“ могу сказать, что картина:

„Созерцаю, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное“ и т. д.

—живое воспоминаніе о томъ, какъ дряхлый русскій грѣлся въ боляскѣ на солнцѣ, „подъ плѣнительнымъ небомъ“ южной Италіи (не Сициліи).

„Вторая замѣтка: въ концѣ пьесы есть стихъ, напечатанный Некрасовымъ въ такомъ видѣ:

„Иль судьбѣ повинуюсь закону“,—

этотъ печатный стихъ—лишь замѣна другому“...

Вопросъ о значеніи поэзіи Некрасова до сихъ поръ остается открытымъ. Немногіе изъ нашихъ писателей, съ разныхъ сторонъ и разныхъ точекъ зрѣнія, вызывали столь противоположныя сужденія,—вызывали не только при жизни, когда въ сужденію о писателѣ могли присоединиться личная дружба или вражда,—но и до сихъ поръ. Разнорѣчіе—рѣшительное. По однимъ, говорить о поэтическомъ талантѣ Некрасова—нельзя, потому что этого таланта не было; съ другой стороны этому противопоставляются многочисленныя и несомнительныя свидѣтельства о сильномъ впечатлѣніи, какое производили его стихотворенія, и не только въ свое время, но и на пространствѣ нѣсколькихъ поколѣній. Какъ объяснить это?

Что въ этомъ враждебномъ отношеніи къ Некрасову, именно къ его поэзіи, участвовало враждебное отношеніе къ лицу, это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Въ приведенныхъ раньше „историческихъ справкахъ“ можно видѣть, какъ даже въ ближайшемъ дружескомъ кругу Некрасова находилъ мѣсто мелочной капризъ, выставившій противъ него придирчивыя и въ существѣ совсѣмъ несправедливыя обвиненія; по раздражительной неводержности такія обвиненія выходили за предѣлы близкаго круга и, конечно, получали вѣру, потому что ихъ можно было подтверждать авторитетомъ самихъ „друзей“. При этомъ можно было бы только дивиться тому, какъ могли строгіе судьи столь долго раньше поддерживать дружбу съ такимъ недостойнымъ и коварнымъ человекомъ, каковымъ они его потомъ изображали. Тѣ, кто прочиталъ письма Некрасова къ Тургеневу,—какъ мы могли убѣдиться,—выносили изъ нихъ впечатлѣніе, вовсе не отвѣчавшее тому, что говорили о немъ его бывшіе друзья, потомъ враги... Фетъ, котораго біографы указываютъ его враждебное отношеніе къ Некрасову, близко съ нимъ не былъ, могъ заимствовать эту вражду, между прочимъ отъ упомянутыхъ „друзей“ и долженъ былъ окончательно убѣдиться въ дурныхъ качествахъ Некрасова, когда послѣдній не воспрепятствовалъ появиться въ „Современникѣ“ довольно добродушно насмѣшливымъ статьямъ Салтыкова противъ обличительныхъ статей Фета въ „Р. Вѣстникѣ“. Мы видѣли раньше, что знакомство съ Салтыковымъ самого Тургенева Фетъ считалъ прямо недостаткомъ благовоспитанности. Въ своемъ кругу Фетъ, конечно, не воздерживался отъ самыхъ суровыхъ осужденій Некрасова, которыя у почитателей Фета и становились авторитетными показаніями свѣдущаго человека... До какой степени, однако, увлеченія самого Фета въ шестидесятыхъ годахъ

превышали всякую мѣру, о томъ свидѣтельствуютъ отзывы даже Тургенева, расположеннаго къ нему очень дружественно.

Была ли въ стихотвореніяхъ Некрасова поэзія? Мы видѣли, что Тургеневъ, — особенно въ минуты каприза, — утверждалъ, что у Некрасова поэзіи нѣтъ никакой, — хотя съ этимъ приговоромъ мало вяжется его другое впечатлѣніе, что стихотворенія Некрасова, собранныя въ одинъ фокусъ, „жгутся“. Что же могло въ нихъ имѣть такое дѣйствіе?.. Противники Некрасова обыкновенно говорили, что поэзія Некрасова не настоящая, а „тенденціозная“, рассчитанная на „либеральную толпу“, сухая и придуманная и т. п. Но „либеральной толпы“ еще не было въ срединѣ сороковыхъ годовъ, когда появились первыя характерныя произведенія Некрасова; въ тѣхъ его вещахъ, гдѣ изображались тяжелыя бытовыя черты изъ народной жизни, ему нечего было придумывать, — мы видѣли сейчасъ примѣры, что стихотвореніе прямо передавало видѣнный фактъ и слышанныя слова, которые становились стихотвореніемъ, потому что, пройдя черезъ фантазію, превращались въ картину.

Обвиненія въ „тенденціозности“ обыкновенно бываютъ чрезвычайно произвольны, и между прочимъ въ предѣлахъ новѣйшей русской литературы было отмѣчено, что именно защитники такъ называемаго чистаго искусства сплошь и рядомъ сами впадали въ тенденціозность. Эти защитники всего чаще — люди консервативныхъ понятій, или равнодушные къ общественнымъ вопросамъ; и ни они сами, ни ихъ союзники не замѣчаютъ, что ихъ романы, повѣсти, поэмы и проч. выходятъ всего чаще именно тенденціозными, какъ только касаются предметовъ нашей общестственности, а не витаютъ въ древней Элладѣ, въ среднихъ вѣкахъ, или въ изображеніяхъ природы, нѣжнаго чувства и т. п.

„Тенденціознымъ“ въ этой школѣ считается всего чаще извѣстное критическое отношеніе къ дѣйствительности, которое полагается „либерализмомъ“... Поэтому Некрасовъ считается особенно тенденціознымъ, такъ какъ въ его стихотвореніяхъ нерѣдко сказывается такое направленіе его мысли, и такой тонъ его картинъ и рассказовъ. Очевидно, какъ скоро къ дѣлу привлекается либерализмъ, или такъ-называемое „отрицательное направленіе“, вопросъ объ „искусствѣ“ запутывается до послѣдней степени.

Было бы долго разбираться въ этой путаницѣ. Ограничиваясь Некрасовымъ, замѣтимъ во-первыхъ, что въ большой массѣ его стихотвореній совсѣмъ нѣтъ того, что самые усердные изъ его противниковъ могли бы назвать тенденціознымъ. Таковы лирическія стихотворенія, выражающія чисто личное чувство и ко-

торыя въ свое время производили впечатлѣніе оригинальной силой выраженія безъ всякой тѣни тенденціи. Таковы простыя изображенія деревенской жизни, то печальныя, какъ „Забытая деревня“, когда писатель видѣлъ передъ собой безпомощную заброшенность, то мягкія, почти идиллическія. Въ эпоху крымской войны Некрасовъ написалъ небольшое стихотвореніе („Внимая ужасамъ войны“), которое видѣлось среди „подражаній Державину“ теплымъ и безхитростнымъ выраженіемъ простого человѣческаго чувства.

Но „отрицательное“ направленіе!

Вооружаясь противъ него, защитники „чистаго искусства“ покушаются на самую сущность. Очевидно, что „искусство“, которое полагается всеобъемлющимъ и „свободнымъ“, обнимаетъ всѣ настроенія—и въ личной, и въ общественной жизни человѣка—требуется только, чтобы форма выраженія была художественная. Общественныя чувства и стремленія, по самому ихъ содержанію, имѣютъ такое же право на мѣсто въ „искусствѣ“, какъ чувства и стремленія личныя; можетъ быть лирика общественная, какъ лирика личная; можетъ быть гимнъ Тиртея, какъ и личная идиллія или элегія, „подражаніе Державину“, какъ сатира; если возможна комедія и трагедія, то нѣтъ никакого основанія исключать идею ихъ содержанія изъ личной поэзіи: знаменитая тирада маркиза Позы могла быть отдѣльнымъ произведеніемъ поэта, или общественной лирикой... Въ настроеніи поэта, именно въ возбужденныя, тревожныя эпохи, чувство общественное можетъ быть сильнѣе личнаго, можетъ заглушать эгоистическія ощущенія, и имѣетъ всѣ права на художественное выраженіе. Никакія требованія „искусства“ не могутъ обособить поэта отъ настроеній, тревогъ, порывовъ общества, которому онъ принадлежитъ: поэтъ имѣетъ полное право быть не только живописателемъ, но и „пророкомъ“; наконецъ, если не считаетъ себя призваннымъ пророчествовать, онъ можетъ только размышлять,—сколько прекрасныхъ размышленій разсѣяно въ художественныхъ произведеніяхъ Пушкина, размышленій не только о личной судьбѣ человѣка, но и о ближайшихъ интересахъ общества.

Такимъ образомъ, Некрасовъ нисколько не нарушалъ требованій „искусства“, когда многія изъ своихъ произведеній посвящалъ именно этимъ интересамъ общественнымъ. Противники его утверждали, что это—вещи придуманныя, тенденціозныя и т. п. Но, во-первыхъ, сильное впечатлѣніе, которое испытывали и современники, и слѣдующія поколѣнія, само свидѣтельствуетъ, что

здѣсь было нѣчто жизненное и искреннее, — иначе это забылось бы, какъ проваливались въ Лету намѣренно собираемые „гражданскіе мотивы“. Во-вторыхъ, Некрасову нечего было здѣсь придумывать. Онъ безспорно принадлежалъ къ числу людей, очень хорошо знавшихъ народную жизнь — отъ деревенскаго мужика, его спутника и помощника на охотѣ, до высокопоставленныхъ лицъ, съ которыми онъ игралъ въ англійскомъ клубѣ или отъ которыхъ ему приводилось слушать цензурныя наставленія и угрозы; онъ давно хорошо зналъ положеніе русской литературы, въ которой онъ съ юности дѣйствовалъ какъ мелкій сотрудникъ, потомъ какъ издатель лучшаго журнала. При этомъ обширномъ жизненномъ опытѣ, ему нечего было придумывать: факты жизни и литературы всегда были на лицо передъ нимъ или передъ его памятью... Что касается склада его мыслей, его біографія (въ томъ числѣ сообщаемыя нами свѣдѣнія) указываетъ, что его основныя мысли по литературнымъ и общественнымъ вопросамъ складывались уже давно, въ началѣ и половинѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ въ первый разъ видѣлъ Бѣлинскаго и когда завязалась первая дружба съ Тургеневымъ. Какъ горячо онъ принималъ къ сердцу интересы русской литературы и какъ особенно были дороги ему пріобрѣтенія русской поэзіи, можно видѣть между прочимъ по указаннымъ здѣсь статьямъ о „русскихъ второстепенныхъ поэтахъ“, о стихотвореніяхъ Тютчева, приводившихъ его въ восхищеніе: какъ въ этихъ стихотвореніяхъ онъ умѣлъ понимать самыя тонкія красоты поэтической фантазіи и выраженія, такъ въ статьѣ объ „осадѣ Севастополя“ очень любопытно поэтическое сближеніе событій этой осады съ Илиадой, — живая дѣйствительность напомнила ему древнюю эпопею, и эпопея находила для него истолкованіе въ этой дѣйствительности... Мы видѣли выше, что общественное возбужденіе временъ крымской войны не „расширило умственный горизонтъ“ Некрасова, какъ говорили біографы, — оно не расширило горизонта и другихъ людей того времени съ тѣмъ же взглядомъ на вещи, потому что эти взгляды (напр. мысли о необходимости отиѣны крѣпостного права и необходимости другихъ реформъ) созрѣли гораздо раньше, — и только расширило рамки литературы и дало возможность говорить о предметахъ, которые прежде были для нея совершенно закрыты. Отсюда понятно, что не изъ какого-либо мелкаго тенденціознаго побужденія, не изъ искавія популярности, произошли стихотворенія, какъ „Поэтъ и гражданинъ“ и другія подобнаго характера, — а произошли они изъ глубокой потребности высказать, какъ только явля-

лась къ этому возможность, давно накопившіяся мысли и чувства. Есть рассказы о томъ, какъ писалъ Некрасовъ, какъ происходилъ процессъ „творчества“¹⁾,—это было чрезвычайное нервное возбужденіе.

Возвратимся еще къ „отрицательному направленію“. На него обрушиваются обыкновенно люди направленія консервативнаго, и также партизаны „чистаго искусства“ (нерѣдко это бываютъ одни и тѣ же люди). Послѣднимъ кажется, что истинная поэзія та, которая остается совершенно чужда вѣшнимъ интересамъ, заботамъ и тревогамъ дня,—„заботамъ суетнаго свѣта“ противоплагается священное жертвоприношеніе Аполлону. Но защитники такого „чистаго“ искусства не хотятъ видѣть, что это было бы, такъ сказать, стерилизованное искусство, насильственно удаленное отъ жизненнаго пульса общественности, что въ тревогахъ и заботахъ дня заключаются не только „низменные“ матеріальные интересы, но и самыя возвышенныя стремленія общества и самой націи. Если только поэтъ—не эгоистическій мечтатель, чуждый жизни, а напротивъ живой человѣкъ, раздѣляющій заботы и идеалы того общества, котораго онъ есть дѣтище, этотъ поэтъ едва ли можетъ остаться безучастнымъ зрителемъ общественной и національной жизни, не желать внести въ нее того творческаго священнаго огня, какой получилъ онъ какъ драгоценный даръ. Поэты-мечтатели, углубленные въ чисто субъективную жизнь мысли и чувства, дѣйствительно бываютъ, но считать ихъ исключительными представителями „искусства“—нѣтъ ни логической, ни исторической возможности. Тотъ самый Гёте, который говорилъ: „ich singe wie der Vogel singt“, хотѣлъ этимъ выразить только свободу своего поэтическаго творчества, въ которомъ сознавалась имъ гениальная самобытность, свое поэтическое самодержавіе (какъ у Пушкина: „ты—царь, живи одинъ“); но, конечно, Гёте никакъ не хотѣлъ сказать, что подъ этими словами онъ разумѣлъ и *содержаніе* своей поэзіи. Такая птичья поэзія была бы слишкомъ жалкой для разумнаго существа. „Была ему звѣздная вѣнча ясна, и съ нимъ говорила морская волна“, но его высшимъ стремленіемъ было стремленіе—если не рѣшить, то сказать свое могущественное слово для рѣшенія великихъ вопросовъ человѣческаго сознанія. И это не были вопросы чисто отвлеченные: это были насущные вопросы для лучшихъ умовъ эпохи, и особенно въ Германіи, гдѣ—въ это самое время—совершалось грандіозное развитіе нѣмецкой философіи, отъ Канта

¹⁾ Воспоминанія Панаевой. Спб. 1890.

до Гегеля. Потому Гёте и вызываетъ до сихъ поръ въ Германіи (и въ Германіи) безконечные комментаріи, не столько съ эстетической, сколько именно съ философской и культурно-исторической точки зрѣнія. Гёте не остался чуждъ и ближайшимъ интересамъ своего отечества, именно политическимъ, какъ и Пушкинъ живо принималъ къ сердцу русскіе общественные интересы, — и не легко рѣшить, принадлежали ли, въ собственныхъ глазахъ Пушкина, мечты его, напр., объ освобожденіи крестьянъ къ „заботамъ суетнаго свѣта“ или къ „священной жертвѣ“. Думаемъ, что — къ послѣднему.

Порицатели „отрицательнаго направленія“ всего чаще, почти всегда, въ своихъ осужденіяхъ его дѣлаютъ одну, и очень крупную, ошибку или недосмотръ. А именно: само по себѣ, осужденіе „отрицательнаго направленія“ не имѣетъ смысла безъ указанія того, что отрицалось. И если собрать всѣ прямыя или подразумеваемые отрицанія Некрасова, то окажется, что предметомъ его сожалѣній, негодованія, осужденія, а затѣмъ надежды, ожиданій, было то самое, что составляло тогда предметъ заботы и ожиданій всей лучшей части русскаго общества, всѣхъ истинно просвѣщенныхъ и благожелательныхъ людей — безъ различія „партій“. Это было ожиданіе реформъ и желаніе возможно широкаго распространенія просвѣщенія и простора для литературы. Съ тѣхъ поръ, многое въ этомъ отношеніи было приобрѣтено, и эти приобрѣтенія справедливо считаются славою царя-реформатора и исполнителей его воли, принадлежавшихъ именно къ тому кругу просвѣщенныхъ и благожелательныхъ людей... ¹⁾

Входить въ подробности содержанія поэзіи Некрасова не будемъ: оно извѣстно и много разъ обозрѣвалось его историками; но должно сказать объ его стилѣ и формѣ, которыя такъ существенны въ поэтическомъ произведеніи и которыя, между прочимъ, у Некрасова опять давали его противникамъ мнимое основаніе къ осужденію его поэзіи.

Некрасовъ, — какъ мы видѣли, — большой любитель поэзіи и стихотворной формы, обладавшій тонкимъ художественнымъ вкусомъ, — былъ также очень умный человѣкъ и уже въ силу этого способный къ прямому сужденію о своихъ собственныхъ творе-

¹⁾ Facit indignatio versum, — писалъ древній Ювеналъ. Самоновѣишій писатель, странный человѣкъ, но тонкій эстетикъ, говоритъ: „...l'on n'a pas de talent si l'on n'aime avec passion ou si l'on ne hait de même; l'enthousiasme et le mépris sont indispensables pour créer une oeuvre; le talent est aux sincères et aux rageurs, non aux indifférents et aux lâches“ (Huysmans, Certains, 1898).

нѣяхъ безъ мелочнаго самолюбія, которымъ со временъ античной древности (а вѣроятно и раньше) отличался *gens irritabile vatium*. У него не было самолюбія о своемъ творествѣ. Онъ съ великимъ уваженіемъ относился къ славнымъ именамъ создателей русской поэзіи, но никогда не думалъ присчитывать себя даже къ скромнымъ „ученикамъ“ ихъ. Онъ безъ всякой претензіи желалъ для своихъ новыхъ стиховъ оуда, напр., отъ Тургенева и отъ такихъ судей, которымъ вѣрилъ, готовъ былъ совершенно искренно принять самый строгій судъ,—потому что мелочности у него вообще не было. Итакъ, онъ вовсе не превеличивалъ своего „творчества“, но вмѣстѣ очень дорожилъ имъ: была все-таки доля личнаго поэтическаго самозабвенія, свойственнаго творчеству; когда приходила минута, его влекло къ рюмованнымъ звукамъ, въ которыхъ могло сказаться долго сдержанное чувство, опредѣлившаяся мысль, сложившаяся шутка или иронія. Раза два-три онъ говорилъ о своей „музѣ“: недруги поспѣшили увидѣть въ этомъ притязаніе; но дѣло было довольно просто и безобидно. Некрасовъ вспомнилъ о своей „музѣ“ въ разгарѣ его поэтической дѣятельности, когда въ самомъ дѣлѣ складывался его особенный стиль и вмѣстѣ большая популярность ¹⁾. Ему хотѣлось отдать самому себѣ отчетъ въ этой своей дѣятельности, и „муза“ была еще слишкомъ привычнымъ символомъ, къ которому можно было привязать и долю своихъ воспоминаній о томъ, какъ жизнь направляла его поэзію, и объясненіе, почему его поэзія приняла этотъ невеселый, даже мрачный характеръ. Послѣдній мало имѣлъ общаго съ обычнымъ настроеніемъ нашей лирики; въ его поэзіи недоставало цѣлага ряда ощущеній жизнерадостныхъ, не было нѣжныхъ ласкающихъ тоновъ, и Некрасовъ прямо указываетъ эту особенность, которую считалъ повидимому не столько своей оригинальностью, сколько недостаткомъ; онъ видѣлъ и сознавалъ недостатки своей формы и самаго стиха: „нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной—мой суровый, неуклюжій стихъ...—нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства“. Потому свою не ласковую и не любимую „музу“ Некрасовъ вспомнилъ уже на смертномъ одрѣ.

Но, сознавая въ себѣ недостатокъ „свободной поэзіи“, „творящаго искусства“, Некрасовъ настойчиво и опредѣлительно указываетъ въ своей поэзіи другую черту, дѣйствительно ей принадлежавшую и составившую ее отличительную особенность: въ

¹⁾ Чрезвычайный успѣхъ перваго сборника его стихотвореній былъ для него нѣкоторой неожиданностью.

его стихѣ „кипитъ живая кровь“. Онъ — поэтъ дѣйствительной жизни: у него нѣтъ заоблачныхъ мечтаній, нѣтъ сантиментальныхъ порывовъ, нѣтъ эгоистической идилліи; передъ нимъ всегда дѣйствительность съ ея господствующими чертами, а эти черты (напомнимъ историческія условія времени) всего чаще суровыя и безотрадные, и для свободныхъ запросовъ личности, и для общества, и для народной массы. Некрасовъ очень рано почувствовалъ тѣ настроенія, которыя онъ высказывалъ потомъ въ „Поэтъ и гражданинъ“... Особенные почитатели Некрасова хотятъ возвеличивать его, называя „пѣвцомъ народнаго горя“: не говоря о томъ, что выраженіе: „пѣвецъ горя“ заключаетъ какую-то странную двусмысленность, намъ кажется, что опредѣленіе, которое даютъ (или желаютъ дать) поэзии Некрасова этими словами, не указываетъ въ точности ея содержанія. Правда, въ этой поэзии не мало такихъ унылыхъ (иногда—точно плаксивыхъ) нотъ, но онѣ вовсе не господствуютъ: цѣлое настроеніе Некрасова вообще бодрое, вовсе не плаксивое, а негодующее, и его основной интересъ—не специально народный, а народно-общественный. Въ существѣ, его поэзія представляетъ развитіе тѣхъ прежнихъ возбужденій, какія получилъ онъ въ первые годы своей литературной дѣятельности: въ ранней молодости, въ первыхъ стихотвореніяхъ онъ прошелъ извѣстный романтическій періодъ, но затѣмъ овладѣло имъ сильное движеніе реализма, поддержанное въ немъ личностью и мыслями Бѣлинскаго, — къ которому до конца онъ питалъ благодарную память. Этотъ реализмъ заключалъ въ себѣ два основныхъ стремленія: во-первыхъ, онъ давалъ рѣшительный (и необходимый) противовѣсъ слишкомъ отвлеченному, искусственному и мечтательному романтизму, который грозилъ стать совсѣмъ безсодержательнымъ¹⁾; во-вторыхъ, обращая умы отъ фантастики къ дѣйствительности, онъ указывалъ множество жизненныхъ явленій, которыя были раньше совсѣмъ не замѣчаемы, но требовали изображенія,—это были часто мелкія явленія скромной, обыденной жизни, но въ которыхъ было столько же, какъ въ жизни шумной и блестящей, матеріала для художественнаго изображенія — здѣсь была и идиллія, и юморъ, и трагедія,—наконецъ для пробужденія строгаго нравственнаго чувства. Гоголь далъ для всего этого высокіе образцы и поученія, — и мы видѣли, что Некрасовъ также навсегда сохранилъ высокое представленіе о Гоголѣ; несмотря на „Выбранныя мѣста“, вызвавшія общее осужденіе, Некрасовъ про-

¹⁾ Дѣло было о нашихъ тридцатыхъ и частію сороковыхъ годахъ.

должалъ видѣть въ немъ восторженнаго служителя искусства и проповѣдника нравственнаго долга писателя. Съ новымъ реалистическимъ изображеніемъ дѣйствительной жизни, для общества и самихъ писателей разъяснился смыслъ этой жизни и ея тяжелыхъ сторонъ, именно смыслъ социальный. Если уже Гоголь вызвалъ ожесточенныя нападенія консерваторовъ, которые, между прочимъ, чуяли въ „Мертвыхъ душахъ“ намекъ на негѣпость крѣпостнаго права—въ рукахъ такихъ помѣщиковъ, какіе тамъ изображены (I часть); то въ послѣдствіи та же категорія судей нападала на „натуральную шлоу“ за „грубость вкуса“, въ которой подозрѣвала какъ бы социальное вольнодумство. Подобныя обвиненія унаслѣдовалъ и Некрасовъ. По основѣ своего общественнаго взгляда онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Гоголя, въ истолкованіи Бѣлинскаго, какъ Тургеневъ, поклонявшійся Пушкину, въ „Запискахъ охотника“ несомнѣнно находился въ настроеніи, которое пробуждено было Гоголемъ.—Понятно, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь „подражаніи“: предъ нами, напротивъ, одно изъ любопытнѣйшихъ явленій процесса внутренняго литературнаго развитія. Въ произведеніяхъ писателя ярко выразилась, наконецъ, идея, внушенная инстинктами общества, создалось настроеніе, которое, съ одной стороны, научало презирать житейскую пошлость, съ другой—научало серьезной чело-вѣчности, особенно научало видѣть въ приниженномъ и страдающемъ человѣкѣ — „брата“. Это настроеніе, мысль, возведенныя великимъ талантомъ „въ перлъ созданія“, становятся стихіей, которая овладѣваетъ новыми поколѣніями: въ чуткихъ дарованіяхъ иного поколѣнія это настроеніе продолжаетъ развиваться подъ влияніемъ новыхъ условій индивидуальнаго характера, въ иной обстановкѣ нравовъ, умственныхъ интересовъ; дальнѣйшее художественное развитіе идеи обогащается новыми красотами, и въ результатѣ передъ обществомъ картина жизни расширяется, общественное сознаніе пріобрѣтаетъ большую глубину. Прежнее „настроеніе“ переходитъ въ опредѣленный принципъ: такъ Гоголевское преданіе перешло въ протестъ противъ крѣпостнаго права.

Первыя возбужденія обыкновенно забываются въ дальнѣйшей дѣятельности писателя, какъ нѣчто привычное, и затѣмъ все больше выступаютъ его личныя особенности, когда вмѣстѣ съ тѣмъ умножаются новыя впечатлѣнія и опыты жизни. Основной чертой у Некрасова осталось стремленіе къ реалистическому изображенію, отвѣчавшее самому складу его ума, трезвому и дѣловому. Раньше, чѣмъ появились его главные характерныя

стихотворенія, онъ былъ авторомъ „Петербургскихъ угловъ“, потомъ реалистическихъ повѣстей и романовъ. Еще раньше повѣстей, онъ былъ авторомъ водевилей и шуточныхъ стихотвореній, которыя иногда приближались къ сатирѣ. Эта склонность къ шуткѣ, похожей на сатиру, сохранилась у него до послѣднихъ годовъ; но предметъ шутки становился важнѣе и она чаще переходила въ сатиру, которая уже не была шуткой.

Въ зрѣлую пору жизненнаго опыта и таланта написаны были произведенія Некрасова, которыя всего больше создали его популярности и гдѣ дѣйствительно его мысли нашли яркое выраженіе: для ихъ опредѣленія достаточно назвать, напр., „Музу“ и „Поэта и гражданина“. Но рядомъ шли простыя и тепло написанныя картинки народной, именно деревенской жизни. На пространствѣ отъ желчнаго тона его сатиры до этихъ идиллій идетъ рядъ оттѣнковъ: въ сатирѣ находятъ мѣсто лирическіе эпизоды, въ идиллію примѣшивается слегка насмѣшливая шутка, въ элегіи иногда прорывается иронія; но въ деревенскихъ картинкахъ, какъ вообще, Некрасовъ нигдѣ обыкновенно не впадаетъ въ тонъ слащавой чувствительности. Однажды онъ задумалъ издавать небольшія книжки для народнаго чтенія — изъ своихъ стихотвореній и постороннихъ разсказовъ, доступныхъ народному читателю (напр. извѣстнаго въ свое время Погоскаго), — и дѣйствительно, стихотворенія о деревенскихъ предметахъ едва ли у кого-нибудь изъ нашихъ поэтовъ выдержаны въ такомъ вѣрномъ и простомъ тонѣ, какъ у Некрасова: эту деревенскую рѣчь онъ зналъ сполна, а нѣкоторыя стихотворенія — точно бесѣды его съ деревенскими пріятелями...

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

НЕ ПОМНЮ!

Шли цѣпью длиною года...
Мнѣ цѣнно все, что въ жизни было;
А между тѣмъ нѣтъ и слѣда
Къ тому, что старость позабыла.

Есть промежутки—точно сонъ.
Хоть память ихъ покой тревожить,
Но фактовъ, лицъ, рѣчей, именъ
Возстановить уже не можетъ.

Какъ будто снѣгъ занесъ цвѣты,
Иль вещи вынесли изъ дома,
Иль кѣмъ-то вырваны листы
Изъ дорогого мнѣ альбома...

Ноябрь 1903.
Тамбовъ.

II.

У ВЫХОДНОЙ ДВЕРИ.

1.

Мнѣ дальше некуда идти.
Живую душу въ бrenomъ тѣлѣ
Я, по житейскому пути,
Донесъ до крайней въ жизни цѣли
И сталъ у двери выходной
Изъ міра здѣшняго въ иной.

2.

Стою и думаю... И странно!
Чуть слышенъ здѣсь мірской мнѣ шумъ;
Вся жизнь какъ бы въ дали туманной;
А все же къ ней—влеченье думъ;
И не о смерти, а невольно
О жизни думается дольной.

3.

Не знать и здѣсь, что встрѣтитъ насъ,
Когда за дверь мы эту выйдемъ!
Пространства, скрытаго отъ глазъ
За горизонтъ, вѣдь мы не видимъ;—
Такъ и уму съ иныхъ сторонъ
Опущенъ свыше небосклонъ.

4.

Но духъ изъ той страны незримой
Нисходитъ къ намъ, какъ свѣтъ во тьму;
И онъ, благой, не вѣетъ мимо,
Лишь былъ бы доступъ давъ ему,
Какъ въ думы высшего подъема,
И въ обиходъ вседневный дома.

5.

Такъ солнце, пламенный очагъ
 Тепла и свѣта для вселенной;
 Податель мощныхъ силъ и благъ;
 Всемирной жизни стражъ безсмѣнный—
 Оно же шлетъ утѣху мнѣ
 Игрою бликовъ на стѣнѣ.

6.

Чтобъ съ духомъ приходитъ въ общенья
 Меня настроиваетъ храмъ.
 Какъ хорошо, въ часы моленья,
 Мнѣ съ юныхъ лѣтъ бывало тамъ!
 И не угасъ тотъ пылъ съ годами;
 И я молиться буду въ храмъ—

7.

Покуда пѣвчихъ слышу хоръ,
 Колоколовъ внимаю звону,
 Пока мой различаетъ взоръ
 Христа священную икону
 И служить мнѣ, предъ ней, пока
 Для крестныхъ знаменій рука.

8.

Сухія рѣчи—сердцу нѣмы;
 Но полны думъ и полны слезъ!
 Богослужебныя поэмы
 Во дни, когда страдалъ Христось;
 И сердце чуткое не глухо
 Къ живымъ рѣчамъ живого духа.

9.

Въ мечтахъ теперь все чаще Онъ
 Мнѣ видится въ вѣнцѣ терновомъ
 И въ багряницу облаченъ;
 И размышляю я надъ словомъ,
 Которое тогда изречеъ
 Толпѣ Пилать: „се человекъ“.

10.

Средь смертныхъ съ смертными не схожій,
 Парящій духомъ къ небесамъ,
 Сынъ человѣческій, сынъ Божій—
 Такъ называлъ себя Онъ самъ,
 Когда Онъ въ міръ изъ Назарета
 Несъ свѣточъ Новаго Завѣта.

11.

И съ той поры любовь легла
 Въ основу нравственнаго зданья
 И обуздала силу зла
 Духовной силой состраданья...
 О, вмѣли старцу, молодежь!
 „Внѣ духа жизнь есть зло и ложь.“

12.

„Не ограждайся гранью тѣсной;
 „Огней духовныхъ не туши;
 „Свободомысліе—совмѣстно
 „Съ религіозностью души.
 „Блуди же зорко, чтобъ въ отчизнѣ
 „Не гасъ духовный пламень жизни!“

13.

Мой край родимый! Онъ себя
 Вознаградить за всю потерю...
 Но, предъ разлукой съ нимъ, скорбя
 И повторяя: вѣрю! вѣрю!
 Порой я шлю мольбу ему
 Помочь невѣрью моему...

14.

И вотъ, межъ тѣмъ какъ чередою
 Проходятъ дни, я, въ тишинѣ,
 Одну бесѣду за другою
 Веду съ собой наединѣ;
 И мой досугъ такъ будетъ занятъ,
 Доволь мнѣ силъ на это станеть.

15.

Къ разлукѣ съ тѣломъ не готовъ,
 Я все жилище земли покида.
 Молчить еще за дверью зовъ.
 Пока не выелихнутъ оттуда
 Мнѣ внятно очередь мою,—
 Я здѣсь, въ раздумьи, постою.

Январь 1904.
 Тамбовъ.

III.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОЛОДОВЪ.

Опять погода стужей дышетъ;
 Зато на окнахъ, сквозь лучи,
 Морозъ опять узоры пишетъ
 Своей серебряной парчи.

Хотя природою отсроченъ,
 Казалось близкій, ледоходъ,—
 Но нѣтъ причинъ певать мнѣ очень
 На мерзлый снѣгъ, на прочный ледъ.

Меня пріятно грѣютъ печи;
 И хоть старикъ, во не больной,
 Безъ нетерпѣнья жду я встрѣчи
 Съ еще далекою весной.

На солнцѣ, въ комнатахъ не чахнутъ
 Азалий нѣжные цвѣты
 И гиацинты сильно пахнутъ,
 Какъ словно кудри завиты.

Когда бы сердце не щемило
 Отъ этихъ ужасовъ войны,
 Какъ бытіе мнѣ было бъ мило
 Безъ всякихъ прелестей весны!

О, бытіе!.. Мнѣ въ немъ отрада.
И сознаю я, и дивлюсь,
Какъ человѣку мало надо,
Покуда чутѣе жизни вкусъ.

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

Февраль 1904.
Тамбовъ.

ШКОЛА БАЙРОНА

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

I. — Современники поэта.

Въ литературной исторіи девятнадцатаго вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ въ лѣтописи главнѣйшихъ освободительныхъ движеній, отмѣтившихъ собою его политическій ростъ, на ряду съ наиболѣе возбужденными эпохами выдвигается та богатая фактами и рѣдкою затратой времени и дарованій полоса, которой нельзя не выдѣлить подъ отличительнымъ именемъ байронизма или школы Байрона. Обаяніе творчества и сила гражданского подвига, то чаруя, то потрясая его современниковъ, долго не переставали вліять и на потомство. Слѣдомъ за учениками поэта, позднѣйшія поколѣнія, не испытавшія непосредственнаго воздѣйствія, хранили и передавали одно другому его легенду и его завѣты. Почти на полвѣка (въ иныхъ литературахъ до начала шестидесятихъ годовъ) раскинулось это вліяніе; оно вызвало къ состязанію полчище послѣдователей, подражателей и поклонниковъ, всѣхъ оттѣнковъ дарованія, всевозможныхъ національностей, германской, романской, славянской расъ, — съ тѣмъ блестящимъ созвѣздіемъ во главѣ, въ которомъ Викторъ Гюго и Гейне стояли на ряду съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ; Ламартина, Мадзини, Эспронседа — съ Мицкевичемъ, Словацкимъ, Мальчевскимъ. Историческое отдаленіе не ослабило отличительныхъ свойствъ этого движенія; и теперь оно кажется любопытнымъ образцомъ продолжительнаго художественнаго вліянія, не поддававшагося времени и гордо отстаивавшаго свою мятежно-еретическую незави-

симость; рядъ биографій дѣятелей байронизма, самостоятельно ставшихъ потомъ художественными вожаками своихъ племенъ, показали, что съ ними были неразрывно связаны разцвѣтъ дарованія, пылъ молодости, пробужденіе личности, благородныя мечты,—прологъ ихъ самобытной дѣятельности; значеніе Байроновскаго свободолюбія, запечатлѣннаго геройскою смертію, какъ стимула въ разноплеменныхъ попыткахъ добыванія свободы,—для итальянскаго, греческаго, польскаго народа,—съ теченіемъ времени еще болѣе выяснилось. Совокупность этихъ фактовъ сложила вторую, посмертную жизнь великаго человѣка—возмездіе за страданія, борьбу и гоненія, вынесенныя имъ ¹⁾).

Но, при всей красотѣ этого общаго впечатлѣнія, нельзя же довольствоваться традиціонными контурами, застарѣлыми толкованіями, въ которыхъ содержаніе движенія окрашивается однородно, подъ цвѣтъ коренной, Байроновской стихіи, или твердить заданный когда-то урокъ о дѣмонизмѣ и эгоизмѣ, какъ главному наслѣдїи, передавшемся послѣдователямъ поэта; нельзя тѣшить себя, съ другой стороны, радужнымъ представленіемъ, будто во всемъ литературномъ потомствѣ Байрона нетронуто и въ полномъ объемѣ хранились его духъ, энергія, художественная сила; нельзя искать и ожидать „второго Байрона“, сколько бы мы ни всматривались въ эффектныя черты нѣкоторыхъ изъ его преемниковъ. Нужно отбросить мысль, будто историческая судьба легко и часто можетъ выдвинуть изъ среды человѣчества такое феноменальное и по мощи, и по несчастной долѣ сочетаніе болѣзненно чуткой нервности, пылкой фантазіи, титанической отваги, тяжелой грусти, беспощадной сатирической насмѣшки, культа личности и самоотверженнаго служенія людямъ. На полувѣковомъ разстояніи отъ послѣднихъ побѣговъ байронизма должны опредѣленнѣе обозначиться въ немъ свѣтъ и тѣни. Изучая его распространеніе и развитіе, нужно ввести его въ точныя размѣры, и по широтѣ, и по интенсивности. Тогда обнаружится, *насколько* сохранялись завѣты Байрона, при неблагоприятныхъ влияніяхъ среды, условій времени, свойствъ самихъ дѣятелей,—были ли продолжатели въ состояніи помѣряться силами съ своимъ

¹⁾ Грустной ироніей проникнутъ посмертный отзывъ Байрона—въ недавно найденныхъ и только-что обнаруженныхъ строфахъ семнадцатой пѣсни „Донъ-Жуана“—о такомъ загробномъ возмездїи. Вспомнивъ гоненія, вынесенныя Галилеемъ, онъ указываетъ, что послѣ смерти страдальца уже находили его не совсѣмъ неправымъ, „теперь же, повидимому, онъ оправданъ, его взглядъ считаютъ вѣрнымъ, — *конечно, это большое утѣшеніе для его праха*“ (no doubt a consolation to his dust). Works, „Poetry“, VI (1903), 610.

учителемъ, пока послушно шли его путемъ, или же они, а въ лицѣ ихъ новая поэзія, обязаны ему болѣе всего возбужденіемъ къ самодѣятельности.

Среди изслѣдованій о литературномъ обмѣнѣ и международномъ вліяніи идей и направленій начинается въ послѣдніе годы обозначаться группа специальныхъ работъ по Байроновскому вліянію. Онѣ слѣдятъ за нимъ, напр., во французской поэзіи ¹⁾, или въ литературѣ Италіи ²⁾, въ поэзіи польской ³⁾, или у Гейне ⁴⁾ и т. д. Нѣтъ недостатка и въ обобщающихъ обзорахъ, охватывающихъ всѣ литературы, весь періодъ тяготѣнія къ Байрону, — и среди сводовъ не обошлось безъ такихъ контрастовъ (въ видѣ перехода отъ дѣльнаго и глубокаго къ поверхностному, даже смѣшному), — какъ изслѣдованіе проф. Здѣховскаго ⁵⁾ и выдержавшая два изданія компиляція Веддигена ⁶⁾, имѣвшая, должно быть, въ виду натоlochъ какъ можно больше именъ и заглавій въ свой обзоръ, обысвать во всѣхъ углахъ, нѣтъ ли упоминаній о Байронѣ или намековъ на подражаніе ему, и добивагося своимъ страннымъ спортомъ только груды пестраго хлама. Но разысканія еще не закончены, немало работы впереди, и новый владъ, кажется, умѣстенъ.

Являясь послѣсловіемъ къ біографическому очерку Байрона ⁷⁾, и вслѣдъ за фактами его личной жизни и дѣятельности давая характеристику его жизни въ потомствѣ, этюдъ мой о „Байроновской школѣ“ расположится по несовсѣмъ обычному плану. Тягостна мысль о полномъ инвентарѣ байронизма, о переключкѣ, на которую должны бы явиться, вмѣстѣ съ его бойцами и апостолами, модники и поэры, наконецъ, всякіе карлики, калѣки и ублюдки. Искаженія и неумышленно карикатурныя уродства, — неизбежные спутники всякаго страстно проводимаго литературнаго новшества, „Sturm und Drang“'а, романтизма, Юной Германіи, символизма, — сыграли бы при этомъ немалую роль. Закрыть глаза на нихъ нельзя, но они должны служить только

¹⁾ Walter Clark, „Byron und die romantische Poesie in Frankreich“. Leipzig, 1901.

²⁾ Guido Muoni, „La fama del Byron e il byronismo in Italia“. Milano, 1903.

³⁾ Ignacy Matuszewski, „Byron i wpływ jego na literaturę polską“ (одинъ изъ очерковъ въ сборникѣ: „Swoi i obcy“. Warszawa, 1903).

⁴⁾ Felix Melchior, „Heinrich Heines Verhältniss zu Lord Byron“. Berlin, 1903.

⁵⁾ Marjan Zdziechowski, „Byron i jego wiek“. Краковъ, 1894—97, два тома.

⁶⁾ O. Weddigen, „Lord Byrons Einfluss auf die europäischen Literaturen der Neuzeit“. Leipzig, 1901.

⁷⁾ Онъ появилась въ „Вѣсти. Европа“ 1901—1902 год., затѣмъ — отдельной книгой: „Байронъ, біографическій очеркъ“, М. 1902.

дальнимъ фономъ. Цѣнно лишь прямое потомство великаго поэта,—какъ бы ни былъ обширенъ хоръ, вестройво подпѣвавшій ему и его преемникамъ,—но оно цѣнно прежде всего въ той мѣрѣ, въ какой оно усвоило истинное содержаніе байронизма. Замѣчательный, иногда, быть можетъ, даже гениальный поэтъ явится здѣсь сначала лишь какъ ученикъ, проповѣдникъ усвоеннаго имъ направленія. Колебанія и перемѣщенія цѣнности при этомъ неизбежны. Неизвѣстно, напр., въ какихъ рядахъ очутится байронизмъ Пушкина, Ламартина, Мюссе. Но если увлеченіе пѣвцомъ „Манфреда“ и „Жуана“ послужило переходной ступеню для самобытнаго роста, это будетъ затѣмъ второю гранью вліянія Байрона на поэзію и мысль.

Хронологическія рамки обзора указаны были постепенными переходами въ судьбѣ байроническихъ идей. Тутъ, наоборотъ, не суживаются, а расширяются размѣры. Не сразу устанавливающихся при жизни поэта, байронизмъ усиливается и распространяется въ послѣдніе его годы; смерть Байрона могущественно вліяетъ на умы и въ сильной степени возбуждаетъ ближайшихъ послѣдователей къ дѣлу; затѣмъ идетъ полоса уже не непосредственнаго, заглазнаго вліянія, съ вариантами и отклоненіями; наконецъ, въ эпилогѣ, держится только легенда, къ источнику подходятъ послѣдніе, запоздалые ученики, выходцы изъ младшихъ, отставшихъ культурныхъ племенъ. Движеніе стихло, идея замираетъ. Но всѣ ихъ перипетіи, зачатокъ, ростъ, разцвѣтъ и упадокъ, должны быть изучены.

Национальность, раса, играли при этомъ, разумѣется, немалую роль; племенные оттѣнки нельзя не принимать въ расчетъ. Но, дробя матеріалъ, разнося его по клѣткамъ и рубрикамъ отдѣльныхъ литературъ, какъ это большею частью дѣлается (причемъ получаютъ, напр., такія безконечно малыя величины, какъ байронизмъ голландскій, шведскій), можно повредить пониманію *всего* движенія, въ его магистральныхъ чертахъ. При націонализмѣ, положенномъ въ основу программы, трудно, кромѣ того, уберечься отъ предпочтеній и преимуществъ своего, отечественнаго. Въ обстоятельной работѣ проф. Здѣховскаго польскій байронизмъ занимаетъ первенствующее мѣсто, Байроновская шеола у романскихъ народовъ отодвинулась на второй планъ. Не лучше ли, чтобы вокругъ Байрона сгруппировались главные, хоть и разноплеменные его ученики, дѣйствительно составившіе его школу, и чтобы въ ихъ общемъ трудѣ выяснилась сумма того, что она въ состояніи была дать человѣчеству,—а поодаль стали бы остальные, рядовыя силы отряда?.. Такъ, въ эпическихъ ска-

заняхъ центральное лицо окружено сподвижниками, паладинами; дальше, густыми рядами, виднѣются рыцари, латники, простые всадники.

I.

Окруженный сіяніемъ необычайной оригинальности, подавляющею въ своемъ отечествѣ всякое состязаніе, соперничество въ созданномъ имъ родѣ поэзіи, Байронъ въ числѣ современниковъ своихъ въ Англіи не имѣлъ настоящей школы. Передъ нимъ тускнѣли, ему нерѣдко уступали писатели съ именемъ, репутаціею; Вальтеръ-Скоттъ, какъ поэтъ, осудилъ себя на молчаніе при видѣ Байроновскихъ триумфовъ; Томасъ Муръ отказался отъ нѣкоторыхъ работъ въ восточномъ вкусѣ послѣ ориентальныхъ поэмъ Байрона ¹⁾. Ближайшіе и наиболѣе солидарные съ поэтомъ его собратья испытывали подчасъ его вліяніе. Въ „Лалла Рукъ“ можно найти его слѣды; въ „Любви ангеловъ“ (The love of the angels) Мура повторена тема „Неба и Земли“; въ его „Басняхъ для Священнаго Союза“ мотивъ сходенъ съ „Бронзовымъ вѣкомъ“; поэтический дневникъ: „Rhymes on the road“ воспроизводитъ свиданіе Мура съ Байрономъ въ Венеціи; другъ Байрона, Сам. Роджерсъ, прошелъ по слѣдамъ „Гарольда“ въ своей поэмѣ „Italy“. Но эти отдѣльные факты не складывались въ понятіе о школѣ даже и до рокового перелома, — разрыва поэта съ родною страной, — послѣ него, среди розни и враждебности, свободное состязаніе стало немыслимымъ. Такъ, силою властныхъ обстоятельствъ Байроновское вліяніе стало прежде всего континентальнымъ.

Но когда, въ началѣ 1812 года, „Чайльдъ-Гарольдъ“ совершилъ свое блестящее вступленіе въ литературу и, почти безъ преувеличенія, „въ одно утро сдѣлалъ Байрона знаменитостью“, — эта знаменитость въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставалась исключительно англійскою. Средней и восточной Европѣ, переживавшей кризисъ послѣдней борьбы съ Наполеономъ и освобожденія, какъ будто было не до чарующихъ впечатлѣній новой поэзіи. Она не сразу прислушалась не только къ изліяніямъ личной скорби и разочарованія, но и къ призывамъ и протестамъ британскаго поэта, дышавшимъ свободолубіемъ, сочувствіемъ къ угнетеннымъ народамъ, и внушеннымъ несомнѣннымъ пониманіемъ нуждъ современности. Лихорадочный восторгъ, возбужденный въ Англіи „Гарольдъ-

¹⁾ Dawson, „Byron und Moore“. Dissertation. Leipz., 1902.

домъ“, смѣнился фанатизмомъ, вызваннымъ пестрой фантазмагоріей „восточныхъ поэмъ“, картинами знойнаго края, жгучихъ страстей,—пережитками перваго странствія Байрона,—альтруизмъ и боевая политика уступили мѣсто красивому экзотизму, среди котораго выступали загадочные, эксцентричные, непонятые міромъ родичи „Гарольда“,—„Корсары“, „Гяуры“, измученные душевною раздвоенностью, съ таинственнымъ прошлымъ, дѣмонической внѣшностью, безотчетной, но эффектно зловѣщей моралью, ставившей ихъ не разъ по ту сторону добра и зла. Крайнее напряженіе фантазіи поэта, возбуждаемой ненасытнымъ спросомъ на сладкую отраву, отвлекало его, казалось, все дальше отъ благороднаго тона первой поэмы съ ея исповѣдью неудовлетворенной и негодующей личности и горячей заботой объ общемъ благѣ, столь цѣнной среди надвигавшейся реакціи. Властитель думъ казѣ будто замѣненъ былъ другимъ поэтомъ—меньшей силы, но большей красоты,—чтобы вступить въ свои права лишь позднѣе, послѣ гоненій, борьбы и разрыва съ отечествомъ.

Когда это фантастическое *intermezzo*, во многомъ содѣйствовавшее укорененію одностороннихъ взглядовъ на Байрона, уже миновало,—только тогда молва о поэтѣ перешла, наконецъ, по ту сторону канала и стала проникать въ одну страну за другую. Если появленіе ея въ Россіи и фактическое начало русскаго байронизма, въ силу многихъ причинъ, запоздали, и русскіе ученики Байрона застали лишь около пяти лѣтъ жизни учителя,—нельзя не признать, что Байроновское вліяніе на литературы, ближе связанная съ англійскою, установилось не сразу, и иногда также съ значительнымъ опозданіемъ.

Хотя во французской журналистикѣ сообщено было (въ бѣглой замѣткѣ „*Mercure de France*“ 1813 года) о появленіи „Чайльдъ-Гарольда“ черезъ годъ послѣ его появленія, а затѣмъ, въ слѣдующіе два года отмѣчено было изданіе „Корсара“ и „Лары“,—въ 1816 только году въ Парижѣ вышелъ едва замѣченный первый переводъ изъ Байрона, „Абидосская невѣста“, и лишь въ 1819 г. выпущены были первые два тома избранныхъ „Сочиненій“ (главнымъ образомъ восточныя поэмы, кромѣ того—„Манфредъ“, отрывки изъ „Гарольда“ и т. д.), возбудившіе живое вниманіе, толки, статьи. Въ Германіи узнали Байрона нѣсколько раньше. Гёте свидѣтельствуетъ, что интересъ къ англійской поэзіи, въ частности къ Байрону, проявлялся съ 1816 года ¹⁾; слѣды увлеченія имъ среди молодежи замѣтны въ

¹⁾ Сравни статью Ал. Брандта, „*Goethes Verhältniss zu Byron*“, *Göthe-Jahrbuch*, XX Band, 1899.

1817—18 годахъ, но лишь къ 1819 г. относится первый выдающийся результатъ его, — байронизмъ Гейне. Въ Италіи Байроновское вліяніе окрѣпло съ 1820 года, въ Испаніи—съ 1823 г. Если сопоставить эти даты съ 1822 г., началомъ байронизма Мицкевича, и съ 1819 г., когда въ кружкѣ Вяземскаго и Жуковскаго увлекались Байрономъ, Батюшковъ и Козловъ переводили его, наконецъ, съ 1820 г., порою первыхъ байроническихъ произведеній Пушкина, — подтвердится фактъ всеобщей замедленности, съ другой же стороны—любопытное совпаденіе сроковъ почти во всѣхъ главныхъ литературахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ—какое вначалѣ странное единодушіе въ сочувствіи пережитому уже Байрономъ настроенію и складу творчества! Онъ порвалъ навсегда съ отечествомъ, стихъ его „облился горечью и злостью“, природа раскрыла передъ нимъ свое величіе и красоту, гнѣвно-обличительная лирика смѣнилась душевной трагедіей Манфреда и задумчивыми блужданіями Гарольда въ альпійскомъ мірѣ; наконецъ, первыя итальянскія впечатлѣнія, ожививъ поэзію Байрона новыми бытовыми красками, выдвинули контрастъ былого величія и свободы съ неволей и паденіемъ, сложились вдохновенныя строфы послѣдней пѣсни „Чайльдъ-Гарольда“ съ ихъ широкимъ всемірно-историческимъ захватомъ,—то для большинства поклонниковъ Байрона на континентѣ онъ, казалось, все еще былъ авторомъ „Корсара“ и „Гаура“. Демоническая маска, принятая имъ и навязанная его героямъ въ болѣзненно-возбужденную пору его поэтическаго перепроизводства, была для нихъ дороже благороднаго чела, на которомъ такъ глубоко отпечатались думы и стремленія поэта. Его чаще всего величали пѣвцомъ „Корсара“,—а между тѣмъ невдалекѣ уже было появленіе первыхъ пѣсенъ „Донъ-Жуана“...

Страннымъ, можно сказать, уродливымъ эпизодомъ въ раннемъ періодѣ западнаго, особенно французскаго, байронизма является необыкновенная популярность... не-Байроновскаго произведенія, которое, вопреки очевидности, служило немалую службу и въ распространеніи его извѣстности, и, съ другой стороны, въ накопленіи злобы и недовольства старой литературной школы. Это—„Вампиръ“, развязная поддѣлка бывшаго секретаря Байрона, итальянца-авантюриста Полидори, который запомнилъ фавбу одного изъ „страшныхъ разсказовъ“, импровизированныхъ однажды вечеромъ въ Женевѣ у Байрона поочередно каждымъ изъ собесѣдниковъ,—обработалъ ее и пустилъ въ ходъ подъ Байроновскимъ флагомъ. Сначала въ письмахъ къ друзьямъ, которымъ поручалось оглашать вездѣ его заявленіе, потомъ печатно

протестовалъ Байронъ противъ поступка Полидора, рѣшительно отрицая всякое участіе въ его стряпнѣ,—это не помѣшало большинству читающей публики, преимущественно во Франціи, продолжать вѣрить въ подлинность „Вампира“,—переводчикамъ наперерывъ перелagать его на всѣ языки ¹⁾, стихотворцамъ и романистамъ—подражать ему ²⁾, драматургамъ—передѣлывать его въ мелодрамы, водевилистамъ—пародировать эту моду, критикамъ—вести негодующія рѣчи о *вампиризмѣ*. Народное повѣрье греко-славянскаго міра, встрѣченное Байрономъ еще въ первое его путешествіе и отразившееся бѣглыми чертами въ раннихъ его произведеніяхъ (въ „Гауръ“) ¹⁾, стало въ глазахъ охранительной критики девизомъ погони за ужаснымъ, сверхъестественнымъ, которая показалаcя сначала сущностью Байроновскаго направленія.

Издатель французскаго перевода этой полной кричащихъ эффектовъ вещицы, извѣстный въ свое время книгопродавецъ, *Ladvozat*, не скрывалъ отъ близкихъ, что, задумавъ ввести въ оборотъ французской торговли произведенія поэта, вызвавшаго потрясающее впечатлѣніе въ Англіи, онъ выпустилъ „Вампира“, какъ пробный шаръ. Когда любопытство было возбуждено, явились первые томы избранныхъ сочиненій Байрона, съ подборомъ пестрыхъ ориентальныхъ красокъ, съ группой надломленныхъ, загадочныхъ и страстныхъ героевъ,—и прочная побѣда была одержана. Очарованію поддавалась прежде всего группа молодежи, въ которой назрѣвала уже французская романтическая школа. На нѣсколько лѣтъ Байронъ сталъ ея кумиромъ; ея журналы повели, опираясь на его блестящій примѣръ, смѣлѣе борьбу противъ стараго начала, и въ отвѣтъ на ропотъ и хулы противниковъ—классиковъ, чествившихъ ихъ направленіе кличками „позвіи изступленія, неистовства“ и т. п., заявляя, что ихъ любимый Байронъ никогда не будетъ въ состояніи сравняться хотя бы... съ Делиллемъ,—провозгласили, устами молодого Филарета Шали, Байрона „англійскимъ Дантомъ“.

Но, несмотря на эти искренніе восторги,—сколько односторонности въ сочувствіяхъ и предпочтеніяхъ! Вначалѣ лишь из-

¹⁾ На русскій языкъ „Вампиръ“ былъ переведенъ П. Кирѣевскимъ. М. 1828.

²⁾ Сравн., напр., „*Lord Ruthven ou les vampires*“, publié par l'auteur de „*Jean Sbogar*“. Paris, 1820.

³⁾ Изученію различныхъ обработокъ этого мотива вообще въ литературѣ новаго времени посвящено нѣсколько изслѣдованій. Сравн., напр., для нѣмецкой литературы—*Stephan Hock*, „*Die Vampirsage und ihre Verwerthung in der deutschen Literatur*“, 1900.

рѣдка замѣтно неотразимое, казалось бы, вліяніе „Манфреда“ или послѣднихъ главъ „Гарольда“, — зато другія стороны Байроновскаго поэтическаго аппарата сразу выдвинулись и окружены особымъ почетомъ. Живописный ориентализмъ становится надолго однимъ изъ любимыхъ стихотворныхъ мотивовъ и приводитъ къ созданію „Orientales“ Виктора Гюго ¹⁾, двухъ восточныхъ поэмъ Пушкина, юношеской трагедіи Гейне „Альманзоръ“. „Гяуръ“ и „Корсаръ“ дѣлятъ между собой всюду первыя сильныя симпатіи. Юный Альфредъ де-Виньи объявляетъ (въ статьѣ, помѣщенной въ „Conservateur littéraire“) „Гяура“ однимъ изъ превосходнѣйшихъ поэтическихъ произведеній, когда-либо появлявшихся. Съ перевода „Гяура“ въ 1819 году (Пеллегрино Росси) началось знакомство итальянцевъ съ Байрономъ. Замыселъ перевести „Гяура“ — первый фактъ увлеченія Мицкевича поэтомъ. Одинъ изъ самыхъ раннихъ переводовъ Байроновскихъ поэмъ на русскій языкъ (онъ выполненъ былъ сыномъ Радищева, Николаемъ, скрывшимъ себя подъ инициалами) ²⁾, — переложеніе „Гяура“. „Корсаръ“ восхищаль французскихъ романтиковъ; съ него и съ „Гяура“ началъ свое изученіе Байрона Леопарди, — одинъ изъ наиболѣе строгихъ критиковъ англійскаго поэта ³⁾, — осудилъ изображеніе исключительныхъ личностей и необычныхъ характеровъ, какъ „несвойственное поэзіи“ ⁴⁾, отмѣтилъ много искусственности и напряженія, но не могъ не признать „горячности“ подобнаго творчества (*una poesia caldissima*). „Корсаръ“ посвятилъ въ тайны байронизма Мицкевича. Пушкинъ признавался своему польскому другу, что „Корсаръ“ возбудилъ въ немъ впервые съ особою силою поэтической жаръ ⁵⁾.

Загадочная личность тяжкаго грѣшника, скрывающаго подъ монашескою рясою бурныя страсти и мрачное прошлое, надолго овладѣла фантазіей литературной молодежи во всей Европѣ, — и именно въ сценѣ предсмертнаго признанія или исповѣди, въ „Гяурѣ“, — но она сплеталась съ мрачною фигурой собрата Гяура

¹⁾ См. работы Otto Moell, Beiträge zur Geschichte der Entstehung der „Orientales“ von Victor Hugo. Mannheim, 1901.

²⁾ „Джауръ“, отрывки турецкой повѣсти лорда Байрона, съ французск. Н. Р. Москва, 1822.

³⁾ Его сужденія о Байронѣ охватываютъ довольно значительный періодъ, съ 1820 по 1823 годъ, и разсѣяны въ письмахъ и сборникахъ размышленій и замѣтокъ.

⁴⁾ „Gli uomini di carattere straordinario non sono personaggi adattati alla poesia“. Pensieri di varia filosofia ecc., запис. 1820 г.

⁵⁾ „Po przeczytaniu Wygonowskiego „Korsarza“, Puszkina poczuł sie poeta“ (Хронологъ Пушкина, первоначально появившійся по-французски въ журналѣ „Le Globe“, 1837).

по душегубству и мстительности, корсара Конрада, непреклонного, но глубоко несчастного, новѣйшаго и эффектнаго представителя разбойничьей романтики. Оба Байроновскіе героя стали родовыми членами обширнаго потомства. Ихъ черты являются и въ „Траппистъ“ де-Виньи, и въ „Отцеубійцѣ“ Жюля Лефевра, въ „Чернецѣ“ Ив. Козлова, въ „Монахѣ“ Словацкаго, въ недоконченномъ „Монахѣ“ же чешскаго поэта Карла Гинека Махи, — поэма „Ламбро“ Словацкаго навѣяна и въ тридцатыхъ годахъ „Корсаромъ“, тогда какъ задуманная Пушкинымъ поэма „Разбойники“ должна была, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, независимо отъ несомнѣнныхъ отголосковъ „Шильонскаго Узника“ въ фрагментѣ ея „Братья-Разбойники“¹⁾, сблизиться по сюжету съ „Корсаромъ“²⁾. Даже стоящій уже на исходѣ ориентальнаго періода Байроновской поэзіи, послѣдній оттискъ съ излюбленнаго образа, — характеръ ренегата Ланчотто, превратившагося въ магометанина Альпа („Осада Коринѳа“), не остался безъ вліянія и отзвука, — и герой второй юношеской драмы Гейне, Вильямъ Ратклифъ, несомнѣнно — сколокъ съ него.

И не объективное изображеніе роковыхъ натуръ привлекало молодыхъ фанатиковъ. Какъ въ Англии, въ пору появленія поэмъ, такъ всюду манила къ себѣ и возбуждала подражаніе таинственная, искусно передающаяся читателю, близость исторіи вымышленныхъ героевъ съ личною судьбою автора, все разроздавшаяся у него до рокового перелома 1816 года, передъ которымъ поблѣднѣли всѣ прежнія преувеличенныя страданія, склонность вызывать неопредѣленными намеками и общимъ колоритомъ настроенія фантастическія, суевѣрныя представленія. Какъ заманчиво было набросить и на свои созданія дымку чего-то пережитого, выстраданнаго, навсегда залегшаго раною на душѣ! Какъ красиво смотрѣлъ въ новомъ нарядѣ борець противъ судьбы и людей, ближайшій родичъ разочарованныхъ героевъ Гете, Шатобриана, Фосколо! На время онъ отгѣснилъ прямого, казалось, ихъ потомка, Чайльдъ-Гарольда, — и старая школа, встревоженная нашествіемъ поэтической ереси, проповѣдывавшей широкую свободу творчества, отождествляла идеаль своихъ противниковъ далеко не въ образѣ задумчиваго и тоскующаго печальника.

¹⁾ „Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ „Шильонскаго Узника“, — писалъ Пушкинъ Вяземскому, 1823, — это — несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сомелся нечаянно“.

²⁾ Сравни. объ этомъ мнѣніе Л. Н. Майкова, „Пушкинъ, біограф. матеріалы“ в т. д., 1899, стр. 157—59.

Но и другія частности художественнаго аппарата восточныхъ поэмъ плѣняли, вызывая на подражаніе. Страстные или же тоскующія, беззавѣтно любящія героини; сильными мазками набросанный характеръ стараго оріентала, деспота и тирана, снятый когда-то Байрономъ съ Али-паши ининскаго; бытовые черты, съ большой наблюдательностью подмѣченныя авторомъ; роскошная поэзія южныхъ ландшафтовъ, и въ особенности введенная Байрономъ въ художественный обиходъ новыхъ временъ *поэзія моря*, — все воспроизводилось и повторялось. Гюльнару, Медору, Золейку обступаютъ со всѣхъ сторонъ иноземныя сверстницы, Марія Мальчевскаго, Зарема Черкешенка, Марія Потоцкая Пушкина, таинственный „пажъ“, спутникъ Ламбро, Словацкаго. Вокругъ Байроновскаго Джафира („Абидосская невѣста“) собирается группа грозныхъ и свирѣпыхъ старыхъ Османли, съ Пушкинскимъ Гиреемъ во главѣ. Въ поэмахъ часто вѣетъ морскою свѣжестью, а на пейзажъ набросаны самодѣльно-южныя краски.

Не выдерживая сравненія съ этой силой впечатлѣній, стоитъ первоначальное вліяніе „Чайльдъ-Гарольда“. Отдѣльныя частности его восхищали и удостоились множества переводовъ, — особенно „Прощаніе“, явившееся, между прочимъ, однимъ изъ первыхъ переложеній Гейне. Съ вариаци на тему изъ „Гарольда“, — „Погасло дневное свѣтило“, — написанной во время переѣзда съ Кавказа въ Крымъ, въ 1820 году, начинается байроническій періодъ у Пушкина. На годъ раньше, Батюшковъ переложилъ двѣ строфы даже изъ четвертой, незадолго передъ тѣмъ появившейся, пѣсни „Гарольда“ — „Есть наслажденіе и въ дивности лѣсовъ“ — какъ полагалъ Л. Н. Майковъ, получивъ въ Неаполѣ письменный переводъ ихъ на французскій языкъ отъ знакомыхъ англичанъ-туристовъ ¹⁾. „Чайльдъ-Гарольду“ пришлось, повидимому, вмѣстѣ съ „Корсаромъ“, прежде другихъ произведеній Байрона посвятить Пушкина въ тайны байронизма, — но, воспринявъ отъ него первое впечатлѣніе, русскій поэтъ все-же свернулъ, подобно своимъ западнымъ современникамъ, на торную дорогу подражанія „восточнымъ поэмамъ“, чтобы послѣ того въ „Онѣгинѣ“ опять вернуться къ гарольдовской темѣ. Значеніе поэмы въ ея цѣломъ лишь съ годами обрисовалось передъ нимъ, — зато въ 1830 году, объясняя въ своихъ „Замѣткахъ“, почему онъ задержалъ выпускъ послѣднихъ главъ „Онѣгина“, и признаваясь, въ своемъ описаніи, что „шутливую пародію“ могли бы

¹⁾ Сочин. К. Батюшкова, I, 1887, примѣч. къ стихотвор., стр. 439.

принять „за неуваженіе въ великой и священной памяти“, онъ съ глубокимъ сочувствіемъ заявлялъ, что „Childe Harold *стоитъ на такой высотѣ*, что какимъ бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла родиться“.

Для того движенія, которое, подъ флагомъ ли романтизма, или безъ опредѣленной пока окраски, искало свободы поэзій, даже неполное, еще одностороннее пониманіе байронизма было желанной опорой. Имя поэта объединяетъ, группируетъ силы; изученію его произведеній посвящаютъ себя возникающіе вновь литературные кружки; въ журналахъ и альманахахъ Франціи, Германіи являются первыя статьи о Байронѣ; критики, иногда даже ученые представители эстетики, заносившіе новшества на университетскія кафедры, указываютъ молодымъ стихотворцамъ на англійскаго поэта, какъ на высокій образецъ. Въ 1821 г. парижскій кружокъ, главными дѣятелями котораго являлись Альфредъ де-Виньи и Викторъ Гюго, „Société des bonnes lettres“, задался цѣлью читать и объяснять Байрона. Въ забытыхъ теперь журнальчикахъ-застрѣльщикахъ романтическаго отряда съ главнымъ его органомъ „Le Globe“,—въ „Conservateur littéraire“, „Annales de la littérature“, наконецъ въ „Muse française“—читатель находилъ, рядомъ съ переводами изъ Байрона, этюды о немъ, цѣль которыхъ открывается статьей де-Виньи. Байроновская мода стала проникать въ салоны, постепенно подпадавшіе англоманству, которое еще съ начала вѣка энергически пропагандировалось во Франціи такимъ апостоломъ, какъ г-жа Сталь, со времени своего сближенія съ Байрономъ способствовавшая распространенію Байроновскаго культа, зовущая его своимъ преемникомъ. Въ Парижѣ такимъ очагомъ свѣтскаго байронизма былъ салонъ Стапфера, въ Берлинѣ—салонъ поэтессы Элизы Hohenhausen, покровительницы молодого Гейне. Мода проникала даже въ провинцію. Бальзакъ, конечно, срисовалъ съ натуры, съ юморомъ освѣтивъ его, портретъ законодательницы вкуса въ захолустномъ Ангулемѣ, madame Bargeton, которая съ фанатизмомъ поддалась вліянію тѣхъ „новыхъ писателей, что нахлынули на Францію послѣ заключенія мира“, и въ особенности Байрона, тщетно ищетъ въ окружающей жизни Байроновскихъ героевъ и готова нарядить въ ихъ одежду влюбленнаго въ нее уѣзднаго стихотворца-новичка ¹⁾. Въ pendant къ этому захолустному энтузіазму во французскомъ обществѣ можно поставить такіе факты, какъ поклоненіе Байрону заброшеннаго

¹⁾ Illusions perdues. Scènes de la vie de province. I, „Les deux poètes“.

на дальній сѣверъ Германіи, въ Шлезвигъ, литератора-дилеттанта Фр. Якобсена, который не только переводилъ и печатно объяснялъ любимаго поэта ¹⁾, но вступилъ съ нимъ въ переписку и съ наивностью, чуть не растрогавшею Байрона, молилъ его о личномъ свиданіи ²⁾,—или сцена (о которой вспоминалъ впоследствии Стендаль) въ одной интеллигентной гостиной въ Болоньѣ, гдѣ чтеніе вслухъ „Паризины“ было неволью прервано вслѣдствіе охватившаго всѣхъ слушателей волненія и восторга. Наконецъ, сказали мы, склонялись передъ Байрономъ и научные авторитеты. Такъ, одинъ изъ вождей первой романтической школы, Августъ-Вильгельмъ Шлегель,—во время своихъ сношеній съ г-жею Сталь лично узнавшій Байрона,—уже въ пожилые годы, съ авторитетомъ своей боннской профессуры указалъ своему тогдашнему поклоннику, студенту Генриху Гейне, на значеніе Байроновской поэзіи и побудилъ его къ переводамъ изъ англійскаго поэта.

Въ дальнихъ европейскихъ странахъ, крайнихъ пунктахъ, до которыхъ докатилась волна байронизма, повторялись тѣ же явленія. Сначала пропаганда ограничивалась отдѣльными островками въ родѣ семейнаго кружка Раевскихъ, передавшихъ Пушкину на Кавказѣ вмѣстѣ съ своимъ искреннимъ и толковымъ англоманствомъ увлеченіе Байрономъ, или друзей Вяземскаго,—въ родѣ виленскихъ или варшавскихъ студенческихъ группъ, гдѣ читались и волновали воображеніе восточныя поэмы и „Гарольдъ“, и гдѣ Мицкевичъ получилъ свои первыя байроническія впечатлѣнія (въ Вильнѣ, 1822). Затѣмъ стали являться (переводныя) статьи, сообщавшія свѣдѣнія о необычайной личности поэта,—котораго въ первые годы не умѣли даже правильно назвать ³⁾, и о его творчествѣ. Такова, напр., была первая толковая и сочувственная статья о предметѣ, явившаяся по-русски,—„Историческій опытъ объ англійской поэзіи и нынѣшнихъ англійскихъ поэтахъ“, переведенная въ 1821 году изъ „Revue encyclopédique“ ⁴⁾. Наконецъ, поддержанное усиленнымъ появленіемъ

¹⁾ Въ своей книгѣ „Briefe an eine deutsche Edelfrau über die neuesten englischen Dichter“, 1820.

²⁾ Byron, Works, Letters, vol. V, 426.

³⁾ Въ первые годы его постоянно называли у насъ Бейрономъ. Вяземскій шуточно звалъ Пушкина Бейрономъ Сергѣевичемъ. Впрочемъ, подобное же затрудненіе возникало и въ другихъ странахъ. Передавая въ письмѣ къ брату о сильномъ впечатлѣніи, которое производитъ на него поэтъ, Сильвіо Пеллико поясняетъ, что это „Lord Byron che si pronuncia Bairon“.

⁴⁾ „Смѣхъ Отечества“, 1821, № 35, стр. 60—64. Переводъ присланъ изъ Тульчина И. П.—ко.

переводовъ изъ Байрона, главнымъ образомъ французскихъ, движеніе идетъ вглубь и вширь, и со временемъ не останется ни одного интеллигентнаго и воспріимчиваго къ литературѣ чело-вѣка, который смогъ бы остаться внѣ его.

Разнообразіе состава первыхъ нашихъ байроническихъ группъ, объединявшихъ и писателей, и дилеттантовъ,—и тѣхъ путей, по которымъ заносилось къ нимъ новое вліяніе,—вмѣстѣ съ вы-званнымъ имъ своеобразнымъ нервнымъ возбужденіемъ, заставлявшимъ всю натуру чело-вѣка встрепенуться,—любопытный мате-ріаль для изученія воспріимчивости русскаго литературнаго вкуса. Ни одно великое на Западѣ имя, ни одно направленіе не вы-зывали доголѣ въ нашей общественной средѣ и въ литературѣ такого внезапнаго и дружнаго волненія, ни французскіе клас-сики, ни вольтерьянство, ни Гёте, ни нѣмецкіе романтики. При-зывъ слышится съ разныхъ сторонъ: Батюшковъ узнаетъ Бай-роновскую поэзію въ Неаполѣ, недавній арзамасецъ Блудовъ— въ Лондонѣ, откуда посылаетъ Жуковскому съ товарищами такія новинки, какъ „Мазепа“ или ода къ Венеціи ¹⁾, Вяземскій— въ Варшавѣ, гдѣ въ Байроновскомъ культѣ братались тогда русскіе и польскіе энтузіасты; Уварову, раньше другихъ узнав-шему Байрона, чудились еще въ 1817 г. родственныя его та-ланту черты у Жуковскаго ²⁾. Сначала связывала зависимость отъ французскихъ переводчиковъ. „Кто въ Россіи читаетъ по-англински и пишетъ по-русски? Давайте мнѣ его сюда! Я за каждый стихъ Байрона заплачу ему жизнью своею!“—воскли-цалъ Вяземскій. Но Жуковскій уже могъ читать Байрона въ подлинникѣ; у Раевскихъ это чтеніе было дѣломъ обычнымъ; Коз-ловъ въ три мѣсяца научился по-английски, лишь бы непосред-ственно изучать любимаго поэта; нѣсколько заповѣдавшій съ своимъ байронизмомъ Пушкинъ учится на Кавказѣ языку Бай-рона прямо по его поэмамъ.

И, воспріятое изъ источника или черезъ толмачей ³⁾, твор-чество Байрона вливаетъ всюду новую жизнь. Жуковскій и его

¹⁾ „Остафьевскій архивъ“, I, 281—82.

²⁾ Въ статьѣ петербургскаго журнала „Conservateur impartial“, 1817, № 77.

³⁾ Первые переводы наши изъ Байрона были въ прозѣ. Въ „Трудахъ волянаго Общества люб. словесн.“ 1821, часть 15, стр. 298—310, помѣщены были отрывки изъ „Шильонскаго Узника“ въ переводѣ Н. Р. См. еще книгу „Выборъ изъ сочиненій лорда Байрона, переведенныхъ съ французскаго М. Каченовскимъ“. М. 1821 (Осада Коринна, Калмаръ в. Орла, Мазепа, Гауръ, Абидосская невѣста), и переводы, помѣ-щавшіеся Воейковимъ въ „Новостяхъ Литературы“ 1823—25 г. („Леандрова ночь“, изъ Абидосской невѣсты, и друг.).

друзья во все лѣто 1819 г. зачитывались Байрономъ; самъ Жуковский, по словамъ А. И. Тургенева, „имъ бредилъ“; въ планахъ его много переводовъ изъ англійскаго поэта, который сталъ для него „геніемъ-воскресителемъ“; кромѣ замысла перевести „Гяура“, онъ носился, по свидѣтельству того же друга, съ планомъ „выкрасть лучшее“ изъ „Манфреда“, „произведенія уродливаго, но приводившаго ихъ въ восхищеніе“. Когда же заграничное путешествіе привело его на берега Женевского озера, къ Шильонскому замку, онъ перевелъ съ особою любовью „Prisoner of Chillon“. Тоньше многихъ чувствовавшій въ молодые годы истинныя красоты Байрона, Вяземскій увлеченъ четвертою пѣснью „Гарольда“, любитъ „скалой, изъ коей бьетъ море поэзія“, „жизнью, коей стало бы на цѣлое поволеніе поэтовъ“, и принимается за переводы, въ прозѣ и стихахъ, болѣзненно чувствуя несовершенство передачи „поэтическаго изступленія, дикіе крики сердца“ и т. д. Для И. Козлова Байроновская поэзія явилась отрадой и откровеніемъ среди физическихъ страданій, наконецъ свѣточемъ среди постигшей его слѣпоты, переломомъ отъ свѣтской жизни къ художеству. Развивъ въ себѣ удивительную память, онъ, по свидѣтельству друзей, „зналъ наизусть всѣ поэмы Байрона“; переводы отрывковъ и подражанія, переложеніе всей „Невъсты Абидосской“, байроническая основа „Чернеца“, задушевная поэтическая тризна, которою „безропотный страдалецъ“ счумѣлъ со временемъ почтить память кумира своего, вѣрно оцѣнивъ главныя черты его значенія для современности, — все говоритъ о необыкновенной силѣ вліянія. Такой же свѣтъ отбросила Байроновская поэзія и на надвигавшуюся, не физическую, а душевную тьму у Батюшкова. Съ той поры, когда его, воспитаннаго на эллинскихъ и итальянскихъ образцахъ, коснулась эта горячая струя, и его поразила необыкновенная популярность Байрона у итальянцевъ, которымъ онъ говорилъ о ихъ славѣ языкомъ страсти и поэзіи ¹⁾, и до самой смерти, въ теченіе десятковъ лѣтъ неуравновѣшеннаго, надломленнаго существованія въ его сознаніи жилъ образъ великаго и сильнаго поэта ²⁾. Въ средѣ старшихъ стихотворцевъ восторженъ даже

¹⁾ Такъ передавалъ со словъ Батюшкова А. Тургеневъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, 1820 г. Русск. Архивъ, 1867, стр. 652.

²⁾ Любопытно свидѣтельство психіатра, д-ра Дитриха, 1829 года, о частныхъ упоминаніяхъ болѣзнь Батюшковымъ Шатобріана, котораго онъ называлъ святымъ, и всегда вмѣстѣ съ нимъ Байрона. Сочин. Батюшкова, изд. подъ ред. Майкова, I, 339. Сохранилось письмо Батюшкова къ умершему уже Байрону, гдѣ говорится о желаніи читать его стихи въ подлинникѣ.

Василій Львовичъ Пушкинъ, грузный арзамасскій *Вотъ!*, поклонникъ французскихъ классицизовъ, и въ 1821 г. изумилъ московскихъ друзей тѣмъ, что „возился съ воззваніемъ къ грекамъ изъ Байрона и видимо „желалъ войны, чтобы напечатать его“¹⁾.

А молодое поколѣніе! Значеніе Байрона призналъ и Грибоѣдовъ, по прїѣздѣ изъ Персіи заставшій въ русскомъ обществѣ и литературѣ развившійся безъ него культъ, тонко подсмѣялся надъ модой, которая заставляла даже habitués Англійскаго клуба толковать о Байронѣ, какъ о „матеріи важной“ наряду съ „камерами, присяжными“ и т. д., поразившій А. Бестужева независимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сочувственнымъ отзывомъ о поэзіи Гёте и Байрона²⁾, и со временемъ, сидя подъ арестомъ при Главномъ Штабѣ, услаждавшій себя чтеніемъ „Чайльдъ-Гарольда“³⁾. Полный радикальнаго задора и отголосковъ новѣйшей французской политической прессы и боевой поэзіи, Кюхельбекеръ въ своемъ путешествіи во Францію посвященъ былъ въ тѣ же таинства, вынесъ романтической трепетъ передъ „глубиною мрака, въ который сходитъ Байронъ безтрепетный, неустрашимый“, передъ талантомъ „живописца нравственныхъ ужасовъ, опустошенныхъ душъ и сердецъ раздавленныхъ, живописца душевнаго ада, наслѣдника Данта“⁴⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое сочувствіе общественной дѣятельности поэта; есть свѣдѣнія о томъ, что онъ задумывалъ большую поэму въ Байроновскомъ духѣ. Будущіе издатели „Полярной Звѣзды“, Бестужевъ и Рылѣевъ, одинъ за другимъ усвоили себѣ тѣ же симпатіи; авторъ „Думъ“, неспособный въ литературному идолопоклонству, сохранилъ самостоятельность и въ сочувствіи родственной ему натурѣ, видя въ Байронѣ прежде всего поэта политическаго и соціальнаго сатирика, богатаго „поразительными идеями; чувствами, красками“, „вознесшагося въ „Донъ-Жуанъ“ до невѣроятной степени, ставшаго и выше пороковъ, и выше добродѣтелей“⁵⁾. Байроновскій отблескъ освѣтилъ на время и чувствительную душу

¹⁾ Письмо Вяземскаго А. Тургеневу, „Остафьевск. Архивъ“, II, 213.

²⁾ „Знакомство съ Грибоѣдовымъ“, Отечеств. Записки 1860, X; см. также введеніе Ксенофонта Полевого къ изданію „Горе отъ ума“. Спб. 1839.

³⁾ Письмо Грибоѣдова къ Булгарину 17 февр. 1826. Сочин., изд. Шляпкина, I, 215.

⁴⁾ Впослѣдствіи ему пришлось формулировать въ подобныхъ выраженіяхъ свой взглядъ на Байрона, какъ поэта своеобразно „односторонняго“, въ отвѣтъ на замѣчанія Булгаринскихъ „Литературныхъ Листковъ“, — „Мнемозина“, 1824, книга III, 172—173.

⁵⁾ Сочин. и переписка Кондр. Ѳ. Рылѣева. Спб. 1872, 242, письмо къ Пушкину 12 мая 1825.

Дельвига; „позѣя мрачная, богатырская, сильная, байроническая—твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго чловѣка—не убивай вдохновеннаго поэта,—напиши поэму славную, напиши своего *Монаха!*“—заклиналъ его Пушкинъ въ письмѣ изъ Кишинева 1821 г. ¹⁾). Ряды приверженцевъ Байрона, его переводчиковъ или послѣдователей, все умножались. Такъ, Николай Бестужевъ перевелъ прозой „Паризину“, Плетневъ посвятилъ переводу Жуковскимъ „Шильона“ сочувственную Байрону статью, свидѣтельствующую о „неизгладимомъ впечатлѣннѣи“ ²⁾). Говорить ли о мелкихъ, хоть усердныхъ работникахъ, съ ранней поры потрудившихся надъ общимъ дѣломъ,—разныхъ Олиныхъ, Сомовыхъ и т. д. ³⁾, или о томъ, совершенно забытомъ теперь поклонникѣ поэта, который, прочитавъ въ иностранныхъ газетахъ баснословное извѣстие о заключеніи его въ тюрьму въ Итали, далъ волю соболѣзнованію въ стихотвореніи „Байронъ въ темницѣ“? ⁴⁾

Но, далеко оставляя за собой и старшихъ годами неофитовъ байронизма, и молодыхъ своихъ сверстниковъ, случайно замедливъ починъ свой, но тѣмъ горячѣе отдаваясь впечатлѣнію и вліянію, шель тотъ, кого и общая молва, и приговоръ критики, и мнѣніе писателей-товарищей прочили въ вожди движенія, въ главы школы,—А. Пушкинъ. Къ роковой веснѣ 1824 года, когда не стало Байрона,—къ порѣ, замыкающей собою первый періодъ всеобщаго байронизма,—Пушкинъ, казалось, превозмогъ и русскихъ, и славянскихъ, и западно-европейскихъ своихъ собратьевъ по направленію напряженностью и обиліемъ своей творческой работы. Три законченныхъ поэмы, три главы „Онѣгина“, монологъ-отрывокъ „Братья-Разбойники“, рядъ стихотвореній,

¹⁾ Соч. Пушкина, изд. подъ ред. Ефремова, VII, 24.

²⁾ Переводъ Бестужева—въ Трудахъ вольн. Общества Люб. Слов., 1822, часть 71; статья Плетнева—тамъ же, 1822, часть XIX.

³⁾ Сомову принадлежала любопытная статья „О романтич. поэзи“, Труды вольн. Общ. люб. слов., 1823. („Больше всего,—говоритъ между прочимъ критикъ,—Байронъ живописуетъ себя въ Ch. Harold, гдѣ подъ вымышленнымъ лицомъ передаетъ намъ свои чувствованія, страданія и докучливую тоску, влачившую его изъ края въ край искать разсѣянія. Иногда существо, имъ описываемое, упадаетъ до пороковъ унижительныхъ, но въ самомъ паденіи своемъ отличается какою-то гордостью, показывающею, что оно не зависитъ отъ обстоятельствъ).—Онигъ отвалился передѣлать „Корсара“ въ драму.

⁴⁾ „Сынъ Отечества“, 1822, № 43, стр. 121—25. „Британія, страна Шекспира и Невтона, страна, гдѣ я вкусилъ и жизнь, и бытіе... привѣтствую тебя изъ сей темницы дальней, въ глубокой мрачности вздыхаю о тебѣ“,—говоритъ Байронъ. Авторомъ былъ офицеръ Таббе.

страстно пережитый байроническій эпизодъ греческаго возстанія въ Молдавіи съ внезапно вспыхивающими отраженіями его въ стихахъ и письмахъ, — и неисчерпанный еще, казалось, запасъ вдохновенія, сулившій большую дѣятельность въ томъ же духѣ, — богатая смѣна воспринятыхъ поэтическихъ впечатлѣній — разочарованности, оріентализма, титаническаго протеста, ѣдкой сатиры, смѣлой постановки вѣчныхъ, мировыхъ вопросовъ, — все указывало въ Пушкинѣ лучшаго представителя байронической „школы“ въ русской поэзіи данной поры и одного изъ выдающихся байронистовъ Европы.

На почвѣ, подготовленной уже проповѣдью романтизма, какъ залога возрожденія и свободы для поэзіи, — въ особенности благодаря агитаціи Казимира Бродзинскаго, Байроновское вліяніе въ польской литературѣ прививалось все замѣтнѣе со времени первый вѣстей о творчествѣ Байрона, проникшихъ въ Польшу почти въ ту же пору, какъ и въ Россію. Изъ обычныхъ всюду явленій, — увлеченія, восторговъ, дилеттантскихъ копій, переводовъ, здѣсь сначала не выдѣлилось, однако, дружно сплывшейся группы поэтовъ, которые открыто подняли бы Байроновское знамя. Одиночные пионеры шли впередъ сознательно и твердо, отдавая дѣлу лучшія силы и лучшіе годы свои. Правда, то были люди большихъ дарованій въ родѣ Мальчевскаго или блиставшіе геніальностью, какъ юный Мицкевичъ... Въ лицѣ Мальчевскаго польскій начальный байронизмъ смогъ войти даже въ непосредственную связь съ самимъ виновникомъ движенія. Во время пятилѣтняго житія за границей Мальчевскій сблизился въ Венеціи съ Байрономъ, и до сихъ поръ держится преданіе, что именно онъ указалъ поэту на фабулу „Мазепы“¹⁾. Разбитый жизнью, разочарованный въ людяхъ и идеяхъ, чуть ли не кончившій самоубійствомъ, онъ на мрачномъ фонѣ историческаго сюжета своей „Маріи“ расположилъ изліянія души истомленной и жаждущей покоя, и съ отголосками „Корсара“ слилъ польско-украинскія картины и собственную исповѣдь. Неподдержанный при жизни, осужденный лишь на загробную славу, но несомнѣнный провозвѣстникъ направленія, онъ не могъ не уступить мѣсто сильнѣйшему сопернику; изъ лирическихъ восторговъ бывшаго виленскаго студента, увлеченнаго идеєю національнаго возрожденія члена общества „филаретовъ“, — восторговъ, побудившихъ его „все на свѣтѣ забросить, всѣ книги забыть“ для Байрона, выработался

¹⁾ Объ этомъ есть свидѣтельство друга Мальчевскаго, Мих. Модзелевскаго, сообщенное въ „Kurjer Warszawski“, 1873, № 108.

апостоль его, выразившій глубокое его пониманіе въ нѣсколькихъ сильныхъ произведеніяхъ. Пусть инья изъ нихъ перешли уже за рубежь, проведенный кончиною Байрона,— пусть польскій байронизмъ вообще хронологически спустился къ тридцатымъ, даже сороковымъ годамъ,— тотъ національный вкладъ, который нѣвогда сдѣланъ былъ въ общее движеніе „Дзядами“ Мицкевича, имѣлъ высокое значеніе.

Послѣ первыхъ впечатлѣній, вызванныхъ въ Италиі, какъ и всюду, восточными поэмами и волнующей умы легендой о Байронѣ, какъ человѣкѣ и поэтѣ, не романтической сторонѣ его поэзіи, но отвагѣ освобождающей мысли, заступничеству его словомъ и дѣломъ за страдающіе народы, преданности итальянской идеѣ, и непосредственному общенію многихъ выдающихся людей съ Байрономъ послѣ переселенія его въ Италию, мѣстный байронизмъ обязанъ былъ своей политической окраской. Съ тѣхъ поръ, какъ явились четвертая пѣснь „Чайльдъ-Гарольда“¹⁾ и „Пророчество Данта“ съ ихъ призывами къ освобожденію, презрѣніемъ къ тиранамъ, протестомъ противъ реакціи, и какъ разнеслась молва о дѣятельномъ участіи поэта въ добываніи свободы, о его связяхъ съ карбонаризмомъ, совершилась какъ бы натурализація Байрона; въ немъ видѣли прежде всего „друга Италиі“. Если ранніе сторонники его въ родѣ Сильвіо Пеллино или Монти²⁾ отгадывали уже въ немъ великую политическую силу, то новыя Байроновскія творенія, совпадая съ революціоннымъ движеніемъ въ Романьѣ и Неаполѣ, привлекали возросшее сочувствіе молодого поколѣнія. „Канинъ“, „Манфредъ“, англійская политическая сатира Байрона отодвигались въ тѣнь, ориентализмъ его былъ забытъ, но отзвукъ его на современныя нужды Италиі дѣнился все выше. Въ этомъ сочувствіи и пониманіи, какъ въ школѣ свободы, воспиталось цѣлое поколѣніе будущихъ дѣятелей національной политики, общественной науки, передовой литературы. Мадзини еще на скамьѣ генуэзскаго университета привыкъ смотрѣть на Байрона, какъ на одного изъ величайшихъ поэтовъ міра, на ряду съ Дантомъ и Шекспиромъ, и какъ на перваго изъ современныхъ европейскихъ поэтовъ³⁾. Съ годами это поклоненіе все усиливалось, и великій агитаторъ нашель среди тревогъ своихъ возможность выразить его въ глу-

¹⁾ Переводъ этотъ, принадлежавшій Микеле Леони, былъ немедленно конфискованъ во всей Италиі, что, разумѣется, усилило его извѣстность и распространеніе.

²⁾ Оба они проектировали издать совмѣстно свои переводы его поэмъ. *Muoni*, „La fama del Byron“. 1903, 20.

³⁾ Bolton King, „Mazzini“. Firenze, 1903, p. 7—8.

боко прочувствованномъ этюдѣ о Байронѣ. Съ классическихъ высотъ спустился къ англійскому поэту, лично узнавшему и выше всѣхъ итальянцевъ цѣнившему его, Джордани, столь сильно повлиявшій своими эстетическими взглядами на Леопарди. Самъ Леопарди, не сдаваясь совсѣмъ байронизму, какъ будто захваченъ былъ все-же общимъ потокомъ, и въ ѣдкихъ стихотвореніяхъ противъ австрійцевъ или въ задуманной имъ (и отчасти написанной) одѣ, привѣтствовавшей начало греческаго возстанія въ 1821 г. ¹⁾, заплатилъ дань господствовавшему настроенію. Одинъ изъ уроженцевъ родного ему Ребанати, гр. Лавиніо Спада пропагандировалъ между студентами пизанскаго университета вкусъ къ поэзіи Байрона, посвятивъ въ него своего товарища, будущаго романиста Гверрацци, и изъ этого неопита выработался одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ итальянскихъ байронистовъ, „многіе годы глядѣвшій на все очами любимаго поэта“. Боевое направленіе новѣйшаго Байроновскаго творчества подняло духъ изгнанника Фосколо, — казалось, чисто вертеровской натуры, вдававшейся уже въ пессимизмъ, — а изъ младшихъ рядовъ эмиграціи (въ Лондонѣ) послышался полный страсти голосъ романтика Giovanni Berchet, въ своихъ „Бѣглецахъ изъ Парги“ (*I Profughi di Parza*) ²⁾ заступившагося по байроновски за грековъ и въ политическихъ стихотвореніяхъ выступавшаго пѣвцомъ итальянской революціи, — быть можетъ, типичнѣйшаго изъ итальянскихъ байронистовъ.

Ту же политическую окраску получило вліяніе Байрона въ Испаніи. Способное живымъ словомъ нарушить закостѣлую латинскую любого народа, оно и здѣсь выполняло эту задачу. Въ странѣ, которая, послѣ стойкой борьбы за свободу, отмѣтившей собою начало вѣка, и нѣсколькихъ революціонныхъ судорогъ въ двадцатыхъ годахъ, отдана была на жертву клерикализму Бурбонской реакціи, явились лучомъ свѣта переложенія или подражанія, внесенныя въ испанскую литературу изъ Байрона эмигрантами, спасшимися во Францію; основанный въ Барселонѣ въ 1823 году первый романтический органъ, журналъ „El Europeo“, стараніями ихъ прививалъ вкусъ къ Байрону и В. Скотту ³⁾; потомъ стали выступать ученики поэта, — прежде другихъ Angelo de Saavedra, герцогъ Ривасъ. Въ Байроновской

¹⁾ Сравни Giov. Mestica, „Studi leopardiani“. Firenze, 1901, p. 33, 500.

²⁾ Написаны въ 1821 г., ходили по рукамъ, напечатаны въ Лондонѣ 1824.

³⁾ Ср. объ этомъ моментѣ въ новой испанской литературѣ — Fitzmaurice Kelly, *Historia de la literatura española*, traduc. y anotada p. A. Bonilla y San Martin, p. 495.

поэзіи открылся источникъ жизни, и для національной литературы, и для общественнаго движенія. Съ глубокимъ сочувствіемъ видѣли, какъ въ первой же пѣсни „Гарольда“, еще на разсвѣтѣ поэтической дѣятельности, Байронъ выступилъ пророкомъ испанскаго освобожденія, пѣвцомъ геройской борьбы народа противъ Наполеона,—и спѣшили оповѣстить родинѣ о такомъ поэтѣ. Воображеніе южанъ плѣнялось и пестрыми красками восточныхъ поэмъ, и титаническими контурами героевъ,—но надъ всѣми взяла верхъ міровая сатира „Донъ-Жуана“ (привлекшая вниманіе и тонко остроумнымъ введеніемъ, взятымъ изъ испанскаго быта) и отащившій субъективизмъ „Ч. Гарольда“; хотя уже въ послѣ-Байроновскій періодъ они вызвали къ жизни лучшее украшеніе испанскаго байронизма, поэзію Эспронседы, съ безчисленными отраженіями была, нравовъ, застоя, суевѣрія, отсталости, съ призывомъ изъ мрака къ свѣту.

II.

Прослѣдивъ распространеніе байронизма по племенамъ и литературнымъ группамъ, обозрѣвъ тѣ силы, которыми онъ располагалъ съ первыхъ своихъ проблесковъ до той поры, когда движеніе развилось и пошло полнымъ ходомъ, необходимо подвести итоги достигнутымъ въ первый періодъ поэтическимъ результатамъ, и по существу, и въ связи съ дѣйствительнымъ содержаніемъ Байроновскаго творчества, указавшаго образцы, возбуждавшаго вдохновеніе. Разнообразная, разноплеменная, нерѣдко несходная по дарованію, группа писателей сойдется здѣсь, сопоставятся и произведенія, предназначенныя уловить различными отбѣнками, путями и формами тайну чарующей поэзіи учителя.

Какъ бы ни казалось это страннымъ на первый взглядъ, во главѣ цѣнителей Байрона, съ ранней поры сьумѣвшихъ понять его настоящее значеніе, слѣдуетъ поставить — въ совершенно исключительномъ положеніи—старца Гёте. Его „байронизмъ“ не походилъ—и не могъ пходить—на юношески-страстное преклоненіе или безотчетную сдачу своей творческой силы, воли и воображенія во власть своего кумира, но былъ глубже и сознательнѣе многихъ проявленій „школьнаго“ Байроновскаго культа. Съ того времени, когда въ первыхъ произведеніяхъ Байрона ему послышался голосъ необычайно даровитаго поэта съ независимо развившейся личностью, онъ съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдилъ издали за его ростомъ и судьбой. „Корсаръ“ и „Лара“ выказали ему уже въ Байронѣ „большое знаніе человѣческой

природы и замѣчательное искусство въ описаніяхъ"; даже въ разрывѣ съ женой и въ тайнѣ, окружившей его „семейную“ трагедію, необыкновенно много поэзіи; и самъ Байронъ не могъ бы изобрѣсти фабулы, болѣе соответствующей его гению ¹⁾. Съ появленія „Манфреда“ удивленіе и сочувствіе становятся еще интенсивнѣе. Дневникъ Гёте показываетъ, какъ подготовленъ онъ былъ къ сильнымъ впечатлѣніямъ этой драмы богатымъ подборомъ Байроновскихъ новостей, „Шильонскаго Узника“, „Осады Коринѳа“, „Паризины“;—когда же одинъ молодой американецъ привезъ ему „Манфреда“, онъ не могъ оторваться отъ чтенія, далеко за полночь; въ слѣдующіе дни дважды перечиталъ драму, вскорѣ принялся за переводы изъ нея (намѣтилъ онъ четыре отрывка, въ томъ числѣ вступительный монологъ и сцену съ Астартой) ²⁾, написалъ свой разборъ „Манфреда“, позже напечатанный въ „Kunst und Alterthum“, и въ немъ, какъ во многихъ оцѣнкахъ и замѣчаніяхъ, разсѣянныхъ въ его „Разговорахъ“ съ различными выдающимися людьми, тонко проводилъ параллель между своимъ „Фаустомъ“ и „Манфредомъ“, отстаивая самостоятельность англійскаго поэта. Неукротимость титаническихъ порывовъ шла, казалось, въ разрывъ съ ясной объективностью и мудрымъ спокойствіемъ величаваго старческаго заката,—но, любясь мятежнымъ натискомъ своего любимца, котораго онъ уже въ 1819 г. объявлялъ „единственнымъ великимъ поэтомъ современной поры“, Гёте тонко чувствовалъ и объяснялъ всѣ новизны, всѣ переходы въ его поэзіи. Неукротимость Манфреда, не сдавшагося и передъ лицомъ смерти,—философская глубина „Каина“, вызвавшая Гётевскую статью о мистеріи, рѣзко выдѣляющуюся изъ хора проклятій и осужденій, которыя обрушились на атеиста,—библейская легендарная картина „Неба и Земли“, также побудившая его къ переводу отрывковъ изъ нея ³⁾,—удары сатирическаго бича, въ родѣ „Видѣнія Суда“ съ его обличеніемъ политическаго гнета, мракобѣсія и сифоанства, приводившимъ Гёте въ восхищеніе,—все умѣлъ онъ понять и оцѣнить, и въ лирическихъ своихъ стихотвореніяхъ невольно поддавался порою Байроновскому вліянію ⁴⁾. Когда періодически стали появляться пѣсни „Донъ-

¹⁾ G^othe, „Gespräche“, III, 271.

²⁾ Напечатанные впервые Брандлемъ при его статьѣ о Гёте и Байронѣ въ „G^othe-Jahrbuch“, 1899.

³⁾ Высокое мнѣніе его объ этой поэмі—въ разговорѣ съ Краббомъ Робинзономъ, августъ, 1829 г.

⁴⁾ Такъ въ разговорѣ съ Эжерманномъ (1823, 16 ноябрь) онъ не отрицалъ вліянія Байрона на известную „Маріенбадскую элегію“.

Жуана“, и снова поднялись вопли о безнравственности и вольномыслии, Гёте раньше и полнѣе многих почувствовалъ величіе лучшаго изъ созданій поэта, рѣшительно возставая противъ мнѣнія, будто при всей красотѣ Байроновскаго творчества оно не принесетъ пользы истинному человѣческому развитію. „Отвага, дерзость, величіе Байрона,—развѣ во всемъ этомъ нѣтъ развивающей силы?—восклидалъ онъ.—Мы не должны исвать ее лишь въ безусловно чистомъ и нравственномъ. *Все великое развиваетъ, если мы только въ силахъ понять это величіе*“. Образъ Байрона столь властно завладѣлъ сознаниемъ Гёте, въ немъ до такой степени слились выразительнѣйшія черты новѣйшей исторіи человечества, что фантазія великаго нѣмецкаго поэта не могла не ввести его въ мировую раму „Фауста“; если подѣ влияніемъ Байроновскаго „Манфреда“¹⁾ и въ особенности подѣ сильнымъ впечатлѣніемъ гибели Байрона Гёте возвратился къ работамъ надъ второй частью трагедіи, прерваннымъ двадцатилѣтнимъ промежуткомъ, и прямо приступилъ къ послѣднимъ сценамъ и апоэозу, какъ бы просвѣтляя въ лицѣ героя своего погибшаго любимца²⁾, то онъ ввелъ, кромѣ того, его изображеніе и въ символической личности юноши Эвфоріона. Чудесный отпрыскъ союза Фауста, какъ олицетворенія творческой силы новаго человечества, и Елены, воплотившей въ себѣ античную красоту, онъ полонъ безграничныхъ порывовъ къ волѣ, знанію, счастью. Съ юношеской быстротой превращается онъ изъ неукротимо шаловливаго ребенка, тревожащаго родителей странностью своихъ капризовъ, появляясь и исчезая, пренебрегая опасностями, въ лучезарнаго отрока, облеченнаго въ развѣивающіяся, украшенныя цвѣтами одежды, съ золотой лирой въ рукахъ, „словно юный Фебъ“. „Въ немъ предсказанъ будущій повелитель красоты, движимый вѣчными мелодіями, призванный изумить всѣхъ, кто увидитъ или услышитъ его“. Быстрота развитія все растетъ. Ему тѣсно и тяжело на землѣ; онъ будетъ носиться по воздуху, онъ взойдетъ на высочайшія вершины. Тщетно молить его Фаустъ умирить отвагу, не идти на встрѣчу гибели; напрасны мольбы Елены пожалѣть ее, остаться въ тиши, на землѣ; ему ненавистно то, что легко добыть; онъ дорожитъ лишь тѣмъ, что дается съ бою (*Das leicht Errungene, das widert mir, Nur das Erzwungene ergötzt*

¹⁾ Брандль видитъ въ этомъ влияніи главнѣйшій результатъ Гётевскаго „байронизма“.

²⁾ Ср. соображенія объ этомъ Albert Bielschowsky, „Göthe, sein Leben u. seine Werke“. München, 1904, II Bd., 585—88.

nich schier); его влечь не „миръ“, а „борьба“, онъ поднимается все выше, его кругозоръ долженъ расширяться безпредѣльно:

Immer höher musz ich steigen,
Immer weiter musz ich schau'n.

Онъ—за свободу, силу, смѣлость,—и не боится смерти. Онъ бросается въ воздушное пространство, одежда служитъ ему на мгновение крыльями, и весь онъ окруженъ сіяніемъ... Но къ ногамъ родителей падаетъ „прекрасный юноша“; въ умершемъ узнаютъ черты *известной личности* (т.-е. Байрона), но „тѣлесная оболочка исчезаетъ, и ореолъ возносится, подобно кометѣ, къ небу“. Печальный хоръ, какъ будто вторя сначала „неутѣшному горю Фауста и Елены, переходитъ къ чувствуванію—Байрона, хотя и не называя его по имени. Вся біографія его вспомнута въ краткихъ чертахъ; страстная жизнь увѣнчана великимъ, послѣднимъ, но трагически неудачнымъ подвигомъ. Заключительныя слова полны надежды на появленіе подобнаго ему пѣвца съ чудными пѣснями... Такъ слились у Гёте съ давно задуманнымъ эпизодомъ „Фауста“ — „Helena-Dichtung“ — необычныя впечатлѣнія Байроновской жизни.

Въ современную Гётевской старости пору трудно найти гдѣ-либо столько провицательности, терпимости и искренняго, широко охватывающаго сочувствія, какъ въ этомъ культѣ Байрона, развившемся у мыслителя и художника съ иною натурой, иными убѣжденіями. Сравнить можно лишь отношеніе къ поэту столь же несходнаго съ нимъ Вальтеръ-Скотта, счумѣвшаго (что было еще труднѣе) среди всеобщаго ополченія отечества противъ Байрона сберець къ нему дружбу, понимать красоты направленія, все дальше отходившаго отъ его собственнаго „credo“, и отстаивать память друга отъ фарисейскихъ обвиненій.

Въ томъ теченіи нѣмецкой литературы, которое вызвано было Байроновскимъ вліяніемъ и въ передовыхъ рядахъ своихъ выставило Гёте, первое имя, естественно требующее себѣ мѣста вслѣдъ за великимъ поэтомъ, конечно, принадлежало Гейне. Критика рано отмѣтила это и подтвердила салонные и дилеттантскіе толки, утверждавшіе, что молодой стихотворецъ по складу творчества и господствующему настроенію какъ нельзя болѣе напоминаетъ свой образецъ, что онъ — „второй Байронъ“. Эти хвалы очень льстили самолюбію Гейне. Онъ едва прислушивался къ встрѣчнымъ мнѣніямъ¹⁾, которыя внушали ему (какъ это дѣлали потомъ Ры-

¹⁾ Напр. мнѣнію Иммермана въ статьѣ „Rheinisch-westphäl. Anzeiger“ 1822, № 23, по поводу перваго изданія стихотвореній Гейне.

лѣвъ Пушкину, Баратынскій Мицкевичу) независимость и свободное соревнованіе. Внутренній голосъ лишь значительно позже связалъ ему (какъ Лермонтову), что онъ „не Байронъ, а другой, еще невѣдомый избранникъ“. Онъ демонстративно брался съ Байрономъ, не отступая (какъ доказали теперь тщательно произведенныя сличенія) ¹⁾ отъ той копировки мелочей въ житейскихъ привычкахъ, вызывающихъ заявленія среди буржуазнаго обихода, отъ повторенія темъ, образовъ, сравненій и т. д., которое свойственно не сверстникамъ, а хористамъ. Увѣренность въ своемъ поэтическомъ дарованіи росла, и хотя передъ свѣтомъ оно оправдывалось пока (не считая двухъ слабыхъ трагедій) лишь прелестнымъ вѣнкомъ лирическихъ стихотвореній на тему юношескаго любовнаго горя и немногими проявленіями безподобнаго юмора, Гейне уже считалъ себя поэтическою величиной, равносильною съ многострадальнымъ и многодумавшимъ творцомъ обширнаго цикла глубокихъ и сильныхъ произведеній, выразителемъ своей эпохи и въ поэзіи, и въ общественной дѣятельности. Если онъ не дошелъ до прямого сопоставленія обоихъ именъ, въ которомъ звучалъ бы возгласъ: „Байронъ и я!“, то въ часто встрѣчаемыхъ въ его письмахъ и разговорахъ выраженіи — „mein Vetter Byron“ — чувствуется самовозвышеніе.

Конечно, Гейне не былъ „вторымъ Байрономъ“. Различіе натуръ, дарованій, характеровъ, пригодности къ общественно-политической борьбѣ, было слишкомъ велико. Но съ той поры, когда Гейне подпалъ очарованію Байроновской поэзіи, въ „бурный“ періодъ его молодости (meine poetische Sturm- und Drangperiode“, какъ онъ самъ его называетъ) ²⁾, заканчивающійся „Вильямомъ Ратклиффомъ“, вошла оживляющая сила. Задухновенный, но подъ конецъ монотонный стонъ обманутой любви въ „Junge Leiden“, десятками стихотвореній воздѣлывающій скорбную тему о томъ, что любимая дѣвушка стала женою другого, — тогда какъ одинаковый и не менѣе близкій Байрону мотивъ воплощенъ имъ въ немногословныхъ, но полныхъ мрака строфахъ „The Dream“, — смѣнился другими, чуткими, сильными разнообразными тонами. Испанскіе, восточные, старогерманскіе наряды, въ которыхъ по нѣмецкой романтической модѣ выступали дѣятели несложной, но тяжко пережитой юнымъ поэтомъ любовной драмы, — неотвязный мотивъ сновидѣній и грезъ, воздѣлываемый имъ, — балладный обиходъ призраковъ и „туманныхъ

¹⁾ Въ книгѣ Felix Melchior, „H. Heines Verhältniss zu Lord Byron“, 1903.

²⁾ Въ предисловіи къ третьему изданію „Neue Gedichte“, 1851.

образовъ“, покидаютъ лирику новичка для того, чтобы дать просторъ выраженію чувствъ, мыслей, настроеній, художественныхъ красотъ, таившихся въ немъ. Съ личной грустью сливается мировая скорбь; негодованіе, презрѣніе къ людямъ осложняются горькой ироніей; уже въ сонетахъ, посвященныхъ другу поэта, Хр. Сете (Fresco-Sonette), слышатся эти новыя рѣчи (сонетъ второй— „Gieb her die Larv', ich will mich jetzt maskieren“, девятый — „Die Welt war mir nur eine Marterkammer“), а въ „Лирическомъ Интермеццо“ онѣ завладѣли всѣмъ содержаніемъ; отвынѣ „его пѣсни отравлены“ (стихотв. „Vergiftet sind meine Lieder“),—но недовольство выражается также и въ тонкой насмѣшкѣ, въ попыткахъ политической сатиры. Еще въ 1819 г. появляется, въ видѣ шуточнаго „сновидѣнія“, фантазія, надписанная: „Deutschland“, остроумная проба того смотра отечественнымъ отсталымъ порядкамъ, который, много лѣтъ спустя, привелъ къ созданію изумительной „зимней сказки“ того же названія.

Въ стихотворныхъ переводахъ Гейне изъ Байрона словно умышленно сопоставлены два типа произведеній англійскаго поэта, между которыми видимо колебались симпатіи молодого байрониста. Это—переводы изъ „Манфреда“ (въ чемъ Гейне сошелся съ Гёте) и изъ „Чайльдъ-Гарольда“. Центральное лицо послѣдней поэмы было, конечно, наиболѣе близко натурѣ Гейне и своими рѣчами, чувствами и мыслями вліяло на него въ переходный періодъ. Увлекла и живопись природы,—эта чудесная оправа „Гарольда“ и восточныхъ поэмъ,—и вызвала у Гейне рядъ удивительныхъ картинъ моря въ „Nordsee“ (первыхъ морскихъ пейзажей въ нѣмецкой поэзіи). Титанизмъ Манфреда и его собратій усвоивался имъ не безъ насилія надъ собой. Въ трагедіяхъ байроническаго пошиба Альманзоръ снабженъ сумрачнымъ челомъ, изборожденнымъ морщинами страданій, призрачной внѣшностью, грозными и вызывающими рѣчами, страшными проклятіями, отъ которыхъ „солнце можетъ скрыться, мертвецы—встать изъ гробовъ, живые люди, животныя, растенія—окаменѣть“; Ратклиффу въ честь Корсара и Шиллерова Мора придано разбойничье ремесло и роковая, ненасытная мстительность; убійствомъ и самоубійствомъ заканчиваются обѣ пьесы,—но лица остались условными и искусственными, эффекты кричащими, ни одинъ моментъ, ни одна сцена или монологъ не завладѣваютъ читателемъ съ той силой, которая присуща даже наиболѣе лихорадочнымъ Байроновскимъ импровизаціямъ въ этомъ духѣ. И тутъ же вьются старыя затѣи нѣмецкаго романтизма;

за Ратлиффомъ всюду слѣдуютъ и съ нимъ говорятъ таинственныя „Nebelgestalten“, неожиданно звучитъ „хоръ“...

По лирикѣ и сатирикѣ Гейне, испытавъ на себѣ вліяніе „Гарольда“ и затѣмъ „Донъ-Жуана“, вышелъ изъ школы Байрона на просторъ самостоятельной дѣятельности, постигнувъ тайну поэтической исповѣди, душевнаго анализа, понявъ обязанности поэта-вождя по отношенію къ современности, давъ волю одному изъ драгоцѣннѣйшихъ своихъ свойствъ, юмору. Въ „Reisebilder“ все еще будутъ звучать отголоски гениальнѣйшей саусеріе — „Донъ-Жуана“. И позже, какъ бы ни отрицался своего учителя Гейне, какъ бы съ виду ни отпалъ отъ него, — не изгладить ему никогда слѣдовъ испытаннаго вліянія.

Въ сравненіи съ Гейне цѣльнѣе и послѣдовательнѣе въ своемъ увлеченіи Байрономъ другой нѣмецкій ученикъ его, обязанный ему своимъ перерожденіемъ, — Вильгельмъ Мюллеръ. Несомнѣнно даровитый стихотворецъ-народникъ, сумѣвшій близко подойти къ складу народнаго Lied'a, — авторъ простыхъ и искреннихъ „Reiselieder“, „Ländliche Lieder“, цикла „Die Schöne Müllerin“, которые были нѣкогда на устахъ у всѣхъ и cadaго, до бѣдняка-рабочаго, крестьянина, кочующаго по большой дорогѣ Handwerksbursch'a, остался бы на незабываемомъ уровнѣ такихъ вещей, какъ „Am Bach viel kleine Blumen stehn“ или „Wisst ihr wohl das Lösungswort, das die Welt treibt fort und fort? Wandern, wandern“, — еслибъ предсказанное Байрономъ еще въ первыхъ пѣсняхъ „Гарольда“ освободительное движеніе греческаго народа не захватило его. Поэтъ любви, искреннаго веселья родной природы, сталъ пѣвцомъ политическимъ. Съ 1821 года выступилъ онъ съ своими „Lieder der Griechen“, въ 1823 далъ ихъ продолженіе (Neue Lieder der Griechen), воспѣвая въ нихъ подвиги героевъ и выдающихся патриотовъ, Боттари, Канариса, Боболины, но также и непоказной, повседневный героизмъ простыхъ людей, опирался на примѣръ Байрона, всецѣло отдавагося греческому дѣлу, и произвелъ большое впечатлѣніе. „Греческія пѣсни“ породили много подражаній, эллинофильство даже стало ходячей монетой среди молодыхъ нѣмецкихъ поэтовъ, — но, несмотря на видимую повторность мотивовъ, это направленіе стихотворства, въ связи съ параллельными явленіями „Polenlieder“ Платена, сочувствіемъ венгерскому народному дѣлу, стремленіемъ побрататься съ французскимъ радикализмомъ, было очень цѣнно въ культурномъ отношеніи ¹⁾. И Байронъ былъ несомнѣннымъ

¹⁾ Непосредственная связь соединяетъ эту группу отзывчивыхъ произведеній съ правдѣтельной школой „политическихъ“ нѣмецкихъ поэтовъ сороковыхъ годовъ.

его вдохновителемъ. Вильг. Мюллеръ не измѣнилъ своему любимому поэту. Рано узналъ онъ его произведенія и, черезъ друга своего, поэта-дилеттанта Георга Бланкензэ ¹⁾, могъ (какъ предполагаютъ теперь) содѣйствовать развитію байронизма Гейне, — а когда Байрона не стало, — воспѣлъ его въ послѣдней своей „Греческой пѣснѣ“ съ тою скорбью, съ которою только искренній послѣдователь можетъ вспоминать о великомъ учителѣ.

Великъ былъ энтузіазмъ, вызванный Байроновскою поэзіею въ средѣ французской литературной молодежи двадцатыхъ годовъ, но поэтическіе итоги его за современный Байрону періодъ, говоря объ общемъ идейномъ и художественномъ подъемѣ, не даютъ выдающихся произведеній, и выдѣляютъ изъ состава байронизма лишь извѣстныя, болѣе доступныя и излюбленныя черты. Племенные особенности и склонности, вліяніе среды и воспитанія сказались при этомъ въ сильной степени. Сатира и юморъ Байрона, столь увлекшія и Гёте, и юнаго Гейне, почти не оставили здѣсь слѣда. Друзья Меримэ вспоминали потомъ съ восторгомъ о мастерскомъ чтеніи и объясненіи имъ „Донъ Жуана“ въ товарищескомъ молодомъ кружкѣ; для проникательнаго и независимаго Стендаля было открыто все содержаніе и значеніе Байроновской поэзіи, — но это рѣдкія одиночныя явленія. Такіе поклонники, какъ А. де-Виньи, сурово осуждали неприличіе и распущенность „Жуана“ и „Беппо“. О Ламартинѣ и говорить нечего. Большинство осталось подъ впечатлѣніемъ горячаго темпа восточныхъ поэмъ и эффектнаго, мелодраматическаго величія ихъ героевъ; Гарольдъ, какъ натура, родственная французскимъ скорбницамъ начала вѣка, не могъ не плѣняться, хотя не казался главнымъ выразителемъ направленія; избранные и чуткіе цѣнители останавливались въ волненіи передъ философіею „Манфреда“, или „Каина“, или усвоивали прихотливую форму Байроновскихъ мастерій. Лишь выдающаяся роль поэта въ греческомъ народномъ дѣлѣ соединила, какъ и въ Германіи, всѣ симпатіи и надолго осталась источникомъ вдохновенія для французскихъ стихотворцевъ.

Подобно Гейне, и за Ламартиномъ закрѣпилась тогда репутація „второго Байрона“, — какъ будто было дѣйствительно сродство между титанизмомъ, смѣлымъ скептицизмомъ и боевой лирикой одного поэта и — мечтательнымъ эстетизмомъ, серафимскимъ вдохновеніемъ и мистическимъ пареніемъ другого. Муза Ламартина постоянно колебалась тогда между задумчивостью Шатобриана и страстностью Байрона. По мѣткому выраженію одного

¹⁾ Они вмѣстѣ участвовали волонтерами въ освободительной войнѣ 1818 года.

изъ критиковъ байронизма ¹⁾, Ламартинъ „подражалъ Байрону издали и насколько позволяли приличія“... Стендаль зло обмолвился какъ-то о Ламартинѣ, какъ „о Байронѣ, причесанномъ на французскій ладъ“ (*reigné à la française*). Упоенный личными впечатлѣніями Италіи, онъ прежде всего увлекся Байрономъ, какъ ея пѣвцомъ въ „Гарольдѣ“; вѣрующій, онъ возмущался отрицаніями и сомнѣніями; роялисть, въ которомъ трудно было предугадать позднѣйшаго президента второй республики, онъ не могъ слѣдовать за Байрономъ въ его политическомъ радикализмѣ, окрашенномъ идеями братства народовъ и американской вольности; когда приходилось ему взывать къ свободѣ, онъ спѣшилъ въ своемъ комментарий придать ей отвлеченное религиозно-мистическое значеніе; въ насмѣшливости, ироніи, кощунствѣ ему чудилась сатанинская злоба. Въ своей „*Epitre à Lord Byron*“ онъ мучился разгадкой характера поэта, бессильный рѣшить, свѣтлый или демоническій образъ передъ нимъ, и для успокоенія его мукъ и терзаній заклиналъ его прибѣгнуть къ — *résignation*...

И все-же его влекло къ этому человѣку и его чудному дару; только бы смягчить, исправить, спасти его, внести гармонию... А уличный парижскій юморъ уже слилъ вмѣстѣ оба имени, и въ пѣсенкѣ, ходившей по рукамъ и попавшей въ столбцы газетъ, въ видѣ *profession de foi* усерднаго романтика, — на ряду съ такими любимыми темами, какъ таинственный „сѣверный замокъ“, какъ „ураганы, развалины, изголовье грызущей совѣсти, полное терновыхъ иглъ“, выставлено „презрѣніе къ Фенелону и жалкому Расину, зато любовь къ лорду Байрону и *monsieur* Ламартину“ ²⁾. Делѣя надежду выставить когда-нибудь свой, исправленный, символъ байроническаго исповѣданія, Ламартинъ проходилъ по слѣдамъ Байрона, то воспѣвая свободу (*La Liberté ou une nuit à Rome*), то рисуя изящныя картины итальянской жизни и природы, то предаваясь меланхоліи (*Tristesse, Solitude*), то даже прощаясь съ поэзіею (*Adieux à la poésie*). Лишь смерти Байрона суждено было потрясти его французскаго сверстника, вызвать его къ активной роли и заставить высказать сполна его пониманіе байронизма.

Какъ далеко отъ этой осмотрительной игры съ огнемъ искреннее увлеченіе, которое охватывало другого изъ передовыхъ пред-

¹⁾ Blaze de Bury, „*Lord Byron et le byronisme*“. *Revue des deux Mondes*, 1872, 1 octobre.

²⁾ Помѣщено въ „*Diable boiteux*“, 1823, 8 octobre.

ставителей новой поэтической школы, Альфреда де-Виньи! Свѣтъ падало здѣсь на благодатную почву; печаль, душевное одиночество, вызовы къ судьбѣ, протестъ противъ неизбежности страданій и горя, сумрачное величье горделиво замыкающейся въ себѣ личности,—всѣ эти байроническія черты были близки и понятны тому, кто со временемъ, переживъ острый періодъ, сталъ во Франціи основателемъ философской поэзіи, поэзіи пессимизма. Смолоду, и подъ киверомъ офицера въ экспедиціонномъ корпусѣ, дѣйствовавшемъ въ Испаніи, и въ нарядѣ королевскаго гвардейца, и въ парижскомъ „свѣтѣ“, и въ литературномъ оружіи, гдѣ онъ впервые выступилъ, онъ таилъ въ себѣ мысли, чувства, роковыя отгадки, которыя не могли не вырваться на волю, какъ только въ Байронѣ, властитель думъ, онъ увидалъ отраженіе своего душевнаго состоянія. Онъ не взялъ у него ни сокровищъ юмора, ни сатирическаго обличенія, ему осталась чуждою поэзія природы, восточныя узоры и разбойничьи сюжеты мало плѣняли его, — но „Манфредъ“ и „Каинъ“, ветхозавѣтныя „мистеріи“, „Шильонскій Узникъ“, мировая скорбь послѣдней главы „Гарольда“ подѣйствовали на него могущественно. Въ характерѣ Моисея (въ библейской поэмѣ „Moïse“) и его обращенія къ божеству слышатся отголоски Манфреда; „je vivrai donc toujours puissant et solitaire!“ —воскликаетъ онъ; „онъ осужденъ на отчаяніе, и все живетъ, безконечно живетъ!“; его „томить жажда смерти, жажда неутолимая“¹⁾. Люди сторонятся отъ него, и ни въ комъ не находятъ онъ любви и участія. Тою же безысходной тоской надѣленъ сатана въ мистеріи „Eloa ou la voeur des anges“ (одномъ изъ источниковъ Лермонтовскаго „Демона“), вызывающій своей участію сочувствіе и любовь въ небожителнищѣ. Въ его чертахъ, своеобразно освѣщенныхъ, оживаетъ Байроновскій Люциферъ, безъ его мятежной пропаганды, но съ роковымъ, плѣняющимъ величіемъ, — въ душевной драмѣ Eloa, этого чистаго созданія, воплотившагося изъ слезы, пролитой Христомъ надъ могилою Лазаря, и погибающаго за любовь и состраданіе, повторяются ощущенія Ады, жены Каина, тогда какъ весь мотивъ любви между женщиной и духомъ взятъ изъ Байроновской мистеріи „Небо и Земля“, и повторенъ у де-Виньи въ „Потопѣ“ (Le Déluge; mystère, 1823). И во чтѣ ни взглядишься изъ юношескихъ произведеній поэта, достигавшихъ иногда

¹⁾ Различныя сличенія текстовъ де-Виньи и Байрона приведены въ статьѣ Ernest Dupuy, „Les origines littéraires d'Alfred de Vigny“, „Revue d'histoire littéraire de la France“.

(напр. въ „Елоа“) большой красоты, Байроновскій отпечатокъ несомнѣнно чувствуется Онъ есть и въ исповѣди умирающаго арестанта (La Prison), и въ таинственномъ прошломъ Трапписта, и въ олицетвореніи Несчастія (стихотв. Le Malheur).

Въ поздніе годы де-Виньи ни за что не хотѣлъ влючать въ собранія своихъ стихотвореній ни послѣдней дани своей Байрону, оды на смерть его, ни перваго своего творенія въ байроническомъ духѣ, поэмы „Нелепа“ (написанной подъ влияніемъ „Осады Коринѳа“, съ отголосками греческой войны за освобожденіе); послѣ отклоненій въ сторону драмы и романа онъ сосредоточился на тяжеломъ философскомъ раздумьи, которое облекалось порою въ стихотворную форму, чаще же находило выраженіе въ обширныхъ его дневникахъ (Journal intime). Казалось, онъ пережилъ культъ Байрона и, по выраженію одного изъ его критиковъ, оставилъ за собой пессимизмъ своего учителя, чтобы отдаться „нигилизму“. Но и въ позднѣйшихъ драмахъ (Чаттертонъ) и во многихъ записяхъ дневниковъ поражаютъ иногда несомнѣнно байроническіе отголоски и мотивы, размышленія и тонко анализированныя душевныя движенія. Благодатна ли, живительна ли была эта безконечная, неутолимая разочарованность, оправданная подъ конецъ жизни неизлечимою болѣзнью? Но она поразительна по искренности, по тяжелой правдѣ. Въ юношеской статьѣ о Байронѣ, заговоривъ по поводу такихъ созданій, какъ „Гяуръ“, о мукахъ душевнаго разлада и гложащей совѣсти, де-Виньи сравнилъ людей, подобныхъ Байроновскому герою, съ скорпіономъ, который во время преслѣдованія, увидавъ себя окруженнымъ отовсюду огненными языками, въ ярости впускаетъ себя въ мозгъ свое жало, съ ядомъ, приготовленнымъ для враговъ, ядомъ, прикосновеніе котораго губительно и разомъ можетъ прерывать жизнь. Несчастному пришлось съ годами испытать на себѣ всю тягость такого психическаго самоубійства.

Въ литературномъ кружкѣ, выставившемъ изъ своей среды въ лицѣ де-Виньи одного изъ наиболѣе убѣжденных приверженцевъ и цѣнителей Байрона, — кружкѣ, явившемся предвѣстникомъ знаменитаго романтическаго „Сѣнакле“, — увлеченіе англійскимъ поэтомъ, ставшее общимъ лозунгомъ друзей, получало окраску французскаго національнаго темперамента. Болѣе значительные поэтическіе результаты его были еще впереди, — „Orientales“ Виктора Гюго съ ихъ общимъ свободолюбіемъ и особою, горячею поддержкой греческаго національнаго дѣла, „Мазепа“ Гюго, оригинальная варіація на Байроновскую тему, — еще дальше рядъ оттисковъ съ героическаго типа, излюбленнаго Байрономъ, въ бое-

ныхъ драмахъ романтика-революціонера Гюго. Но силы для неизбежнаго литературнаго переворота, такъ характерно совпавшаго съ іюльской революціей, зрѣли въ постоянномъ общеніи съ поэзією и политическою дѣятельностью Байрона. Подъ ея вліяніемъ совершалось превращеніе Виктора Гюго изъ роялистскаго автора „Одъ и Балладъ“, изображавшаго „стоны народовъ“, будто бы оплакивавшихъ смерть ничтожнаго и бездарнаго Людовика XVIII, или мистически воспѣвавшего таинства старой королевской власти, въ живого двигателя общественнаго мнѣнія, — изъ сторонника торжественныхъ и старомодныхъ стихотворныхъ формъ въ того новатора, который своимъ предисловіемъ къ „Кромвелю“ долженъ былъ произвести литературный *coup d'état* ¹⁾. Онъ былъ уже на пути къ нему, когда умеръ Байронъ; въ напутственной статьѣ Гюго о немъ уже обрисовались черты этого будущаго манифеста. Байронъ отвлекъ изъ лагеря классиковъ и такого даровитаго поэта, какъ Казимиръ Делавинь, со времени появленія своихъ „*Messeniennes*“, и въ особенности той изъ нихъ, которая была трезной по Байронѣ, перешедшій въ ряды романтиковъ. О фанатикахъ и идолопоклонникахъ, безъ которыхъ дѣло не обошлось и въ первомъ байроническомъ кружкѣ французскомъ, и говорить нечего. Образцомъ ихъ могъ бы служить забытый теперь, но вѣкогда цѣнимый и Гюго, и его друзьями, Жюль Лефевръ, съ отвагой копировавшій „восточныя поэмы“ въ своемъ мрачномъ „Отцеубійцѣ“ и другихъ твореніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, — какъ косвенно выяснили новѣйшія работы о де-Виньи, — усвоившій у Байрона преданность свободѣ до того, что, подражая его греческой экспедиціи, онъ пошелъ добровольцемъ въ ряды польскихъ повстанцевъ 1830—31 годовъ.

Канунъ тридцатыхъ годовъ, съ ихъ двойнымъ переворотомъ и обновленіемъ, неотдѣлимъ во Франціи отъ возбуждающаго дѣйствія байронизма. Закалъ личной свободы, смѣлость политическаго памфлета, борьба противъ предрасудковъ и нетерпимости, благородная отзывчивость на страданія и угнетеніе, и безграничный творческій просторъ были какъ нельзя болѣе полезны для литературы и общества, еще такъ недавно втиснутыхъ въ володы военной дисциплины и академическаго классицизма. Къ новому слову прислушивались и такіе представители старшихъ

¹⁾ Вліяніе прозорливаго и эстетически чуткаго Альфреда де-Виньи на его друга Гюго во время его сборовъ къ литературной реформѣ въ двадцатыхъ годахъ до сихъ поръ мало разработано біографами поэта, — напр. Léon Séché въ его книгѣ „*Alfr. de Vigny et son temps*“.

поколѣній, съ корнями въ восемнадцатомъ вѣкѣ, какъ Шатобрианъ, когда-то предтеча Байроновскихъ героевъ, теперь снова поспѣшавшій за вѣкомъ, и Беранже съ своими легкокрылыми политическими пѣсенками. Оно выдержало въ хорошей школѣ свободного вдохновенія и чуткой гражданственности новыхъ дѣятелей, вступившихъ въ литературу; за ними, впереди, видѣлись совсѣмъ юныя силы въ родѣ Альфреда де-Мюссе...

Не станемъ искать выдающихся художественныхъ итоговъ ранняго байронизма въ Итали. Тамъ, гдѣ надъ всѣми помыслами и влеченіями господствовала политика національнаго освобожденія, гдѣ страна была покрыта десятками тайныхъ обществъ и сотрясалась отъ частыхъ вспышекъ и возстаній, гдѣ писатель, поэтъ, силой вещей превращался въ агитатора, заговорщика, нельзя ожидать изящнаго воздѣлыванья поэзіи. Восприняты были первыя чарующія впечатлѣнія Байроновскаго творчества; въ Байронѣ, слившемся съ итальянскими патриотами, опѣнили затѣмъ гуманную роль вдохновителя, вождя, — и у него разрослась въ Итали большая школа, только всего менѣе литературная. Австрійская, папская, неаполитанская полиція въ тревогѣ констатировала въ своихъ донесеніяхъ всеобщую распространенность Байроновскихъ произведеній, высоко поднимавшихъ итальянскую идею. Она указывала на то, что одно изъ главныхъ тайныхъ обществъ, называя себя „Società romantica“, самимъ именемъ своимъ, съ виду взятымъ изъ литературнаго спора старой и новой школы, говорило о древнемъ, великомъ Римѣ (Roma antica), какъ вождѣлѣнной своей грезѣ. Такъ поэзія и вымыселъ вторгались даже въ тяжелое конспиративное дѣло. Поэтъ, за которымъ всюду слѣдили по пятамъ, чьи слова подстерегали, невидимыми путями волновалъ умы; только „завѣдомое безуміе“ нѣсколько оправдывало его въ глазахъ австрійскаго шпіона, оставившаго интересное донесеніе о Байроновскомъ вліаніи, противъ котораго онъ хотѣлъ бы возбудить соединенное гоненіе правительствъ ¹⁾... Въ жизни и дѣятельности всѣхъ сгруппированныхъ мной выше итальянскихъ писателей это — важный моментъ, но онъ не повелъ къ созданію поэмъ, драмъ, повѣстей того пошиба, который принято считать байроническимъ. Въ лирикѣ больше прямыхъ слѣдовъ. Благородная преданность народному дѣлу проникаетъ импровизаціи Алессандро Поэріо, одного изъ дѣятелей революціи

¹⁾ Тайно-полицейская борьба противъ Байроновскаго вліанія въ Итали характеризуется подробнѣе, по донесеніямъ агентовъ, въ моей книгѣ: „Байронъ, біографъ. очеркъ“, стр. 230—238.

1821 года, потомъ австрійскаго арестанта. Giovanni Berchet въ своихъ „Фантазіяхъ“ горячими байроническими красками нарисовалъ изгнанника, безпредѣльно преданнаго на чужбинѣ, среди свободныхъ людей, несчастной родинѣ, — въ „Бѣглецахъ изъ Парги“ вложилъ въ уста гречанки драматическій рассказъ о бѣдствіяхъ, испытанныхъ народомъ отъ турокъ, но и о предательской, двуличной роли Англіи по отношенію къ грекамъ, вывелъ собесѣдникомъ молодого вольнолюбиваго англичанина, — байроническаго типа, — испытывающаго великія терзанія при видѣ всеобщей ненависти къ его консервативному отечеству, и во все время рассказа выдержалъ тонъ, который легко могъ быть приложенъ къ итальянскимъ политическимъ условіямъ:

Un sol voto mezzo all' affanno,
Un sol grido fu il grido di tutti:
„No, per Dio! non si serva al Tiranno!“

— восклицаетъ несчастная жертва, и ея наболѣвшій крикъ, казалось, вырвался изъ груди итальянца. Нѣсколько лѣтъ спустя, тотъ же ученикъ Байрона написалъ по поводу возстанія въ Моденѣ и Болонѣ революціонный гимнъ „All'armi!“ съ припѣвомъ послѣ каждаго куплета: „Su, Italia! su, in armi! Venuto é il tuo di! Dei re congiurati la tresca fini!“

Это преобладаніе политическихъ мотивовъ въ байронической поэзіи ¹⁾, нигдѣ кромѣ Италіи не повторившееся, переводить вопросъ на иную почву. Байронъ дѣйствительно создалъ въ странѣ этой школы, но ея представителями были его единомышленники по карбонарству и, еще опредѣленнѣе, тѣ изъ нихъ, для кого національное дѣло свободы входило въ широкую рамку общаго освобожденія. Созданія этой школы — не вымыслы, не образы, сложенные фантазіей, а житейскіе факты; ея двигательная сила — преданность идеѣ, поддерживавшая людей дѣла въ теченіе десятковъ лѣтъ въ ихъ тяжелой работѣ; ея главный дѣятель не поэтъ, а народный вождь, Джузеппе Мадзини, для котораго культъ Байрона сливался съ поклоненіемъ другому пророку итальянскаго возрожденія и единства, Данту, и съ той грезой объ „Alliance universelle républicaine“, которая такъ влекла его къ себѣ въ

¹⁾ Въ ряду рьяныхъ подражателей внѣшней красотѣ и эффектности Байроновскаго творчества нельзя не вспомнить такого поклонника поэта, какъ Carlo Tedaldi Foges, являвшійся для современниковъ крайнимъ выразителемъ моды на разочарованность и демонизмъ, и способный, по выраженію близкаго ему человѣка, вызвать всѣхъ дьяволовъ изъ ада, чтобы потрясти читателя. Его поэмы (Narcisa), трагедіи, „поэтическія размышленія“ слѣдно слѣдовали за Байрономъ.

позднѣйшіе годы. „Придетъ время, когда *демократія* вспомнеть обо всѣхъ заслугахъ, которыми она обязана Байрону“, предсказывалъ онъ ¹⁾,—и этотъ отгвѣнокъ въ оцѣнѣ великаго поэта свойственъ былъ лучшимъ итальянскимъ попыткамъ выяснить его значеніе ²⁾, предпринятымъ послѣ кончины Байрова. Съ годами все слабѣе становились чисто-литературные отростки байронизма въ Итали; хотя въ арбергартѣ всеобщаго байронистскаго отряда, въ сороковыхъ годахъ, мы со временемъ встрѣтимъ и итальянскихъ могиканъ въ родѣ Джованни Прати, но Байроновскіе завѣты жили и живутъ въ лучшихъ социально-политическихъ преданіяхъ, вдохновляющихъ итальянскихъ заступниковъ за народное благо.

Богаты силами и горячностью сочувствія, видѣли мы, былъ славянскій племенной вкладъ въ движеніе байронизма,—точнѣе, русско-польскій его отдѣлъ, потому что другія народности подошли къ дѣлу значительно позже и, кромѣ чешской, не проявили своихъ симпатій творческими фактами. Каковы же были точные итоги первой, наиболѣе страстной, поры увлеченія, и въ чемъ они состояли?

Тревога, охватывавшая нѣкоторыхъ изъ современниковъ, наблюдавшихъ интенсивность русскаго байронизма, могла бы внушить намъ мысль о крайнемъ, сплошномъ усвоеніи художественнаго направленія поэта, о сдачѣ ему своей личности, своихъ стремленій и вкусовъ его учениками. Своими предостереженіями они хотѣли бы остановить разливъ подражательности, заразившей наряду съ людьми средними и выдающихся поэтовъ, прежде всего Пушкина. Въ своей перепискѣ съ нимъ Рылѣевъ не разъ возбуждаетъ его къ самостоятельной работѣ; онъ сулитъ ему „завидное поприще“, возможность стать „нашимъ Байрономъ“, вѣрить, что „его огромное дарованіе, его пылкая душа могутъ вознести его до Байрона, оставивъ Пушкинымъ“ ³⁾. Съ такимъ же личнымъ увѣщаніемъ обратится со временемъ Баратынскій къ другу своему, „вдохновенному Мицкевичу“, котораго, какъ „поклонника униженнаго“, онъ „заставалъ у Байроновыхъ ногъ“, и кличетъ ему: „возстань, возстань, и вспомни—самъ ты богъ!“—тогда какъ, обращаясь уже вообще къ хору нашихъ средней руки байронистовъ, чье „жеманное вытье ему смѣшно“, онъ набро-

¹⁾ Mazzini, „Scritti scelti“, ed. Jessie White Mario, 1901, p. 148.

²⁾ Такова, напр., статья Carlo Bini, предпосланная его переводу „Шильонскаго Узника“, въ „Indicatore livornese“, 1830. Бини зато былъ другомъ Гверрацци и Мадзини.

³⁾ Сочиненія и переписка Кондр. Фед. Рылѣева. Спб. 1872, стр. 242.

саетъ (въ стихотвореніи „Подражатели“) ¹⁾, хотя и не называя Байрона, полный сочувствія образъ истиннаго поэта:

Не напряженнаго мечтанья
 Огнемъ услужливымъ согрѣть,
 Постигнувъ таинства страданья
 Душечувствительный поэтъ.
 Въ борьбѣ съ тяжелою судьбою
 Позналъ онъ мѣру вышнихъ силъ,
 Сердечныхъ судорогъ цѣною
 Онъ выразенье ихъ купилъ.
 И вотъ вѣгльниными лучами
 Лишь пѣснопѣвца окружилъ,
 И чтимъ земными племенами
 Подобно мученику онъ.

Можно бы подумать, что при безповоротномъ и опасномъ для самостоятельности преклоненіи воспринять былъ весь составъ Байроновскаго направленія, его общественныя, политическія, нравственныя воззрѣнія, его пафосъ и юморъ, глубокая грусть и сатирической задоръ, величавость и искрометность, орлиный полетъ мысли, титаническая мощь и тяжелый душевный анализъ,—что именно въ такомъ душевномъ плѣну находилась нѣкогда, очарованная и безсознательная, l'âme gusse. И,—въ другомъ порядкѣ идей,—освѣщая вопросъ съ своей, охранительно-національной точки зрѣнія, какъ часто критики и лѣтописцы литературы извѣстнаго отгѣнка дѣйствительно изображали впоследствии нашъ байронизмъ чуть не душевной немочью, изъ которой не безъ труда вышли на свѣтъ и волю наши лучшие писатели.

Нельзя отказать русскимъ ученикамъ поэта въ стремленіи уяснить себѣ по возможности все содержаніе его творчества, не придерживаясь рутинныхъ предпочтеній и модной односторонности,—и въ этомъ они, разумѣется, превзошли, напр., своихъ французскихъ сверстниковъ. Жуковский, какъ извѣстно, неспособный понять „Гамлета“, углублялся въ изученіе „Манфреда“ и готовъ былъ его переводить; даже въ старости, совсѣмъ отойдя отъ байроническихъ симпатій, онъ находилъ, что „многія страницы Байрона вѣчны“. Для Вяземскаго были понятны и тяжелая душевная драма героевъ поэмъ, и легкая, веселая шутовскость, и злость политической сатиры. „Байронъ, который носится въ облакахъ, спускается на землю, чтобъ грянуть негодованіемъ на притѣснителей, и краски его романтизма сливаются часто съ

¹⁾ Баратынскій. Стихотворенія. Казань, 1884, 86.

красками политическими“, — сочувственно писалъ онъ въ 1821 г. Политическая, активная роль Байрона и особенно участіе въ греческомъ дѣлѣ понятны и дороги были всѣмъ; Кюхельбекеръ ставилъ его за это не только наряду съ Мильтономъ, Шиллеромъ, Дантомъ, но и съ Тиртеемъ, Ѳемистокломъ, Леонидомъ. У насъ не слышно было тѣхъ лицемѣрныхъ и нетерпимыхъ нападокъ на „Донъ-Жуана“, которыя раздавались почти повсемѣстно въ Европѣ рядомъ съ изумленіемъ и восторгомъ; Пушкинъ, Вяземскій, Рылѣевъ встрѣчались въ удивленіи этому произведенію, Полевой считалъ самымъ лестнымъ отзывомъ для первой главы „Онѣгина“ сравненіе ея съ „Донъ-Жуаномъ“. Переписка Пушкина, различныя его замѣтки или случайныя обмолвки полны доказательствъ внимательнѣйшаго чтенія и старательнаго анализа самыхъ разнообразныхъ созданій Байрона. Наконецъ, изъ рядовъ самаго юнаго подраста байронической школы выступаетъ вскорѣ по смерти поэта какъ бы съ заключительнымъ приговоромъ Веневитиновъ ¹⁾, сводящій частныя изученія и сочувствія къ выразительной формулѣ, гласящей, что Байронъ „духомъ принадлежалъ не одной Англій, а нашему времени, въ пламенной душѣ своей сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка, и еслибъ могъ изгладиться въ исторіи частнаго рода поэзія, то вѣчно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго“.

Но отъ пониманія и оцѣнки, которыя могли бы, казалось съ, общать именно здѣсь наиболѣе совершенное проявленіе байронизма, было далеко до выполненія на дѣлѣ основъ и завѣтовъ, до свободнаго соревнованія съ Байрономъ. Причинъ тому было немало, и общихъ, и личныхъ. Байрона выставила національная среда съ многовѣковымъ культурнымъ прошлымъ, съ великими дѣяніями мысли, творчества и свободы, какъ энергическаго участника въ процессѣ выработки личности, способнаго рѣзко ставить коренные, вѣчные вопросы, дерзновенно рѣшать ихъ и безстрашно бороться. Такія ли условія представляла малоразвитая, свободная отъ науки и общественности, едва оправлявшаяся отъ екатерининской и павловской реакціи, съ могучимъ рабовладѣніемъ, съ слабымъ мерцаніемъ личности, съ непривычкой къ радикальнымъ и еретическимъ построеніямъ, съ литературой, не сумѣвшей выйти даже изъ пеленокъ сентиментальности, русская среда? ²⁾ Гдѣ былъ въ ней просторъ для титанизма рус-

¹⁾ „Синъ Отечества“, 1825, стр. 371—383. Разборъ Полевого объ „Онѣгинѣ“.

²⁾ „Мы такъ далеко отъ сферы новой дѣятельности, что весьма неполю ее разумѣемъ и еще менѣе чувствуемъ, — писалъ впоследствии Баратынскій И. Кирѣев-

скихъ Манфредовъ, для мятежныхъ заявленій Люцифера, для безграничной, ничѣмъ неудержимой сатиры „Донъ-Жуана“, „Бронзоваго Вѣка“, „Видѣнія суда“? Не „чугунный“ ли цензурный уставъ, не свѣтобоязнь ли Магницкихъ или Тимеовскихъ, не короткая ли расправа, грозившая за эпиграммы и вольнодумныя шалости Соловками или Сибирью, могли способствовать подъему и широкому полету?... Но феноменально развившаяся, ни за что на свѣтѣ неспособная дѣйти на сдѣлку съ старымъ порядкомъ личность могла бы пробиться сквозь всѣ преграды и сказать свое слово, никакая цензура не остановила бы ее, и она прямо вошла бы въ связь съ обществомъ при помощи непечатной литературы,—какъ Грибоѣдовъ съ „Горемъ отъ ума“. Были ли такіе люди въ рядахъ первыхъ, по времени, нашихъ байронистовъ? Свойства подобной природы нашлись бы, быть можетъ, среди тѣхъ изъ нихъ, кто стоялъ въ то же время во главѣ декабризма. Искренній почитатель Байрона и въ то же время ревнитель Пушкинской и вообще русской поэтической самостоятельности, Рылѣевъ, заплатившій, однако, и свою дань увлеченію, придавъ Войнаровскому въ своей поэмѣ байроническій колоритъ разбитаго жизнью неудачника ¹⁾, находящаго облегченіе въ исповѣди и признаніяхъ, и введя въ нихъ приемы „Шильонскаго Узника“, а въ рассказѣ о спасеніи героя отъ погони отголоски „Мазепы“,—Рылѣевъ и ближайшіе друзья его отошли отъ литературы и вымысла для реальной борьбы, и сравнились съ Байрономъ—итальянскимъ конспираторомъ—въ другой области. Какъ ни тонко оказалось чутье Вяземскаго, сочувствіе и удивленіе Байрону не могло превозмочь въ немъ влеченій природы щедро одаренной, но неустойчивой, болѣе всего преданной игрѣ остроумія и критическихъ наѣздовъ, съ репутаціею не то „русскаго Шолье“, не то „русскаго Ривароля“, и съ годами сбросившей съ себя хламъ либерализма. Слѣпецъ Козловъ въ силу судьбы своей не могъ быть активнымъ пропагандистомъ байронизма въ полномъ его объемѣ; въ грезахъ своихъ онъ умѣлъ слѣдить за порывами фантазій и мысли у любимаго поэта, но трогательная философія несчастія наложила печать на его соб-

слову.—На европейскихъ энтузіастовъ мы смотримъ почти такъ, какъ трезвые на пьяныхъ, и ежели порывы ихъ иногда понятны нашему уму, они почти не увлекаютъ сердца. Что для нихъ дѣйствительность, то для насъ отвлеченность“. „Татевскій Сборникъ“, 47.

¹⁾ Такъ смотрѣли на него въ то время многіе. Н. Раевскій въ письмѣ къ Пушкину называлъ „Войнаровскаго“—un ouvrage de mosaïque, composé de fragments de Byron et Пушкинъ, rapportés ensemble sans beaucoup de réflexion.

ственные попытки въ байроническомъ духѣ. Такъ, въ его „Чернецъ“ трагическая исповѣдь Гяура превратилась въ скорбный предсмертный лепетъ измученнаго гоненіями судьбы, несчастною любовью, гибелью семьи, невольнымъ убійствомъ, плачущаго и молящагося грѣшника; красивая оправа разсказа, — дѣйствіевскіе ландшафты, — нѣжная романтическая дымка, искренность тона въ связи съ драматизмомъ фабулы должны были дѣйствовать въ свое время, — но и самъ авторъ, и подобныя произведенія его не въ силахъ были воссоздать сущность байронизма на русской почвѣ.

Но сдѣлалъ ли это, и могъ ли сдѣлать самъ Пушкинъ, высшее, блестящее украшеніе всей группы раннихъ байронистовъ нашихъ?

Молва, голоса публики и критики, дружескія сужденія прилагали нѣбогда къ его имени титулъ „второго Байрона“ съ такою же легкостью, съ какою онъ приданъ былъ во Франціи Ламартину, въ Германіи — Гейне; ему, какъ обоимъ сверстникамъ, особенно Гейне, долго чудилось, что между патурами послѣдователя и учителя есть сходство, и онъ любилъ проявлять его даже въ различныхъ житейскихъ частностяхъ, привычкахъ и т. п. Потомъ эта красивая греза исчезла, личность поэта вошла въ свои права, и все рѣзче обозначалось различіе тамъ, гдѣ предполагалось сходство. Свѣтлая Пушкинская муза, съ ея удивительной способностью воспринимать и воплощать всевозможныя основы и черты жизни, народной и чужеземной, новѣйшей и давно минувшей, сливать въ гармоніи разнообразнѣйшія двигательныя силы, предельность воображенія, тонкій юморъ, искренній лиризмъ, бытовую и историческую правду, гуманное волненіе и сердоболіе, не походила вовсе на истинную „музу гнѣва и печали“, борьбы и протеста, философскаго и религіознаго отрицанія и сомнѣнія, музу смѣха, носящагося надъ широкими горизонтами всемірной исторіи и надъ застоємъ и гнетомъ современности, музу тяжкихъ душевныхъ страданій за себя и за другихъ. Ни личный характеръ, ни воспитаніе, ни среда, ни традиціи не подготовили и не развили въ Пушкинѣ тѣхъ свойствъ, которыя выразились у Байрона въ *дѣйствительно пережитомъ* имъ титанизмѣ и привели къ героическому подвигу его послѣднихъ дней. Пушкинскій „Манфредъ“ или „Кайнъ“, былъ бы немислимъ не только потому, что, при первыхъ же дерзкихъ рѣчахъ, на него ополчились бы и Тимковскій съ Красовскимъ и ихъ духовными коллегами, и Аракчеевъ съ Фотиємъ. Тотъ, кто рано, еще въ ссыльные годы (1823), могъ трезво отнестись

въ своему „либеральному бреду“, хотя навсегда сохранилъ симпатію и сожалѣніе въ гонимымъ и страдающимъ, не могъ быть поэтическимъ двойникомъ одного изъ главныхъ представителей современнаго общественнаго движенія.

Предрѣшая вопросъ о невозможности, при такихъ данныхъ, усвоить себѣ все содержаніе байронизма, это сличеніе нисколько не нарушаетъ значенія того момента въ жизни Пушкина, который связанъ съ Байроновскимъ влияніемъ, и въ особенности первыхъ впечатлѣній и первыхъ результатовъ, которые пока только и входятъ въ нашъ обзоръ. Все говоритъ намъ о волшебствѣ, очарованіи, восхищеніи. Изъ скуднаго кругозора лицейскихъ стихотвореній полный богатыхъ силъ юноша-поэтъ вступаетъ въ безпредѣльную область великой и свободной поэзіи, — арзамаскія шалости, перестрѣлку эпиграммъ, игру съ Аріостомъ, Вольтеромъ, Парни, покидаетъ, чтобъ устремиться на встрѣчу образамъ, замысламъ и темамъ, полнымъ трагической мощи, задумшевнаго лиризма или отважной сатиры. Онъ мужаетъ и воспитывается на этихъ впечатлѣніяхъ; политическое развитіе, заложенное въ немъ Чаадаевымъ и поддержанное зрѣлицемъ реакціи, довершается въ Байроновской школѣ, развитіе литературное и настоящее посвященіе его въ „романтизмъ“ связано съ нею же. То былъ необходимый переходный періодъ, изъ котораго поэтъ вышелъ съ окрѣпшими, сознанными имъ въ себѣ силами на самостоятельное поприще, — не навожденіе, не болѣзненный морозъ, не духовный плѣнь, какъ иногда выставляли его у насъ ¹⁾, но свободное и живительное, пробуждающее энергію, общеніе съ великимъ поэтомъ, и притомъ не классической знаменитостью давно минувшихъ вѣковъ, а современникомъ, наполнявшимъ весь міръ необычайными дѣлами своей жизни и своего творчества.

При такой постановкѣ вопроса легче подводить итоги Пушкинскому байронизму, впередъ зная, что иное изъ существеннаго состава поэзіи Байрона совсѣмъ не отразится, другое покажется блѣдноватымъ оттискомъ, тогда какъ нѣкоторые черты и оттѣны проявятся ярко. Обязательная для всѣхъ въ то время, для потомства — условная, красота восточныхъ поэмъ плѣнила, какъ мы уже знаемъ, Пушкина, — „Плѣнники“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“ и „Цыганы“ вызваны ихъ влияніемъ, — но негаданная

¹⁾ Обзоръ разнообразныхъ критическихъ взглядовъ на значеніе Байроновскаго влияния для Пушкинской поэзіи предпринимался не разъ, — напр. В. В. Сиповскимъ въ кн. „Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ“. Спб. 1899, В. Тихомировымъ, „Пушкинъ въ его отношеніи къ Байрону“. Витебскъ, 1899, въ статьѣ В. Д. Спасовича, „Байронизмъ у Пушкина“, и др.

до той поры въ нашей литературѣ прелесть поэтическихъ описаній природы горъ, моря, степи, не менѣе непривычный и необыкновенно живописный этнографическій, восточный элементъ, нѣжныя, томныя или страстныя очертанія женскихъ головокъ, суровый обликъ стараго мусульманина, всѣ эти красивыя новшества, особенно поразительныя послѣ формализма нашей старой поэзіи, и задуманныя по образу и подобию Байрона, не связаны съ важнымъ и неизбѣжнымъ для него, казалось, въ періодъ созданія восточныхъ поэмъ центральнымъ лицомъ протестующаго и непріязненнаго судьбѣ и людямъ героя. Еслибы Пушкинъ отвесилъ къ нему критически, отрицательно, дѣло было бы иное. Но вѣдь онъ залюбовался Корсаромъ и примыкающими къ нему героями,—и все-же подъ первыми впечатлѣніями кисть его смогла набросать лишь слабыя контуры Пльнника, —этотъ, по его же оцѣнкѣ впоследствии, „первый неудачный опытъ характера, съ которымъ онъ насилу сладилъ“. Ни свѣтское прошлое, „пламенная младость, *исрдо* проведенная безъ заботы“, съ „впервые познанной радостью“ и „любовью ко многому милому“, съ „шумными дружескими пирами“ или „рядомъ поединковъ“, ни отступничество отъ свѣта, вызванное „несчастною любовью“, и лишь бѣгло мотивированное также злословіемъ и клеветой, ни смутное представленіе о „свободѣ“, которой всюду искалъ онъ въ подлунномъ мірѣ, и „вольности“ горской, чьимъ рабомъ онъ сдѣлался, прийдя ее соврушать,—ничто не въ силахъ поставить эту тѣнь характера на одинъ уровень даже съ слабѣйшимъ изъ Байроновскихъ героевъ ранняго періода. Незеленову чудилось здѣсь вліяніе „Гарольда“, и онъ сводилъ неудачу строфы изъ обоихъ произведеній, довольный тѣмъ, что Пльнникъ, этотъ бессознательный участникъ, съ горя, въ народномъ покореніи и порабоженіи, начиналъ походить на тоскующаго печальника о неправдѣ и неволѣ, что Пушкинскіе горцы, захватившіе героя въ плѣнъ, стали очень похожи на воинственныхъ албанцевъ, къ которымъ, въ духѣ Руссо, Гарольдъ приходилъ искать первобытной жизни по природѣ, что единственное живое, женственное лицо, черкешенка, походить не на Гюльнару съ ея пособничествомъ въ бѣгствѣ Корсара, а на бѣгло оброченный силуэтъ Флоренсы, героини мальтійскаго эпизода сердечныхъ увлеченій Байрона... Неудачность этого сравненія говорить за себя; съ другой стороны, слабость копія тамъ, гдѣ она очевидна, несомнѣнна,—и въ то же время сколько свѣжести и красоты уже внесено въ поэзію увлекшагося поклонника, какаѣ мѣстами яркая живопись природы и быта, какаѣ шагъ впередъ

послѣ „Руслана“ сдѣланъ на встрѣчу новымъ, свободнымъ формамъ творчества!

За нимъ слѣдуютъ другіе; поэтическая картина становится все роскошнѣе и богаче образами и красками, изображенія страсти, душевныхъ движеній—горячѣе, фантазія свободно носится по далекимъ и чуждымъ краямъ, но не прогрессируетъ центральная, героическая личность—въ томъ ея оттѣнкѣ, который данъ былъ Байроновскими восточными поэмами. Въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ она скрылась, а когда явится снова въ „Цыганахъ“, то для того, чтобы подвергнуться вскорѣ суду и отлученію. Опять звучатъ тогда неопредѣленные намеки на „блистательный поворъ“, „безумное гоненье толпы“, на клевету, измѣну и неволю, царящія въ душныхъ городахъ, какъ на причины протеста,—хотя самый протестъ уже доведенъ до разрыва и опрощенія. Не развиться отщепенцу до могучаго размаха, не дожить ему до титаническихъ дѣяній; передъ простодушнымъ, дышащимъ волею и равенствомъ, судомъ кочевниковъ изблечены его эгоизмъ и жестокость ¹⁾,—и съ Алеко исчезаетъ изъ Пушкинскаго байронизма отблескъ роковой героической личности. (В. Д. Спасовичъ находитъ въ автобіографическихъ чертахъ, введенныхъ Пушкинымъ въ характеръ Алеко, прямо Байроновскій приемъ). Иной складъ и тонъ берутъ верхъ въ творествѣ поэта, также усвоенные у Байрона,—но они прямо противоположны недавнимъ приемамъ, какъ тонкая, умная насмѣшка и сатирический, шутливый тонъ противоположны пафосу и таинственному мраку. На горизонтѣ показывается „Онѣгинъ“.

Но въ ряду предшествовавшихъ ему байроническихъ опытовъ Пушкина есть еще одиноко стоящій отрывокъ „Братья-Разбойники“. Еслибы выполненъ былъ весь планъ задуманной авторомъ поэмы и онъ сблизилъ бы ее съ „Корсаромъ“, быть можетъ, пришлось бы включить ее въ группу раннихъ Пушкинскихъ отголосковъ ориентальныхъ поэмъ Байрона. Въ томъ же видѣ, какой имѣетъ теперь отрывокъ, онъ является искусственною смѣсью отголосковъ такихъ противоположныхъ элементовъ, какъ „Корсаръ“ и „Шильонскій Узникъ“ (сходство съ послѣднимъ произведеніемъ, какъ мы уже видѣли, казалось Пушкину „несчастьемъ“), съ впечатлѣніемъ подлиннаго факта,—бѣгства двухъ разбойниковъ изъ екатеринославской тюрьмы. И. Кирѣевскій въ строгомъ своемъ отзывѣ о „Братьяхъ-Разбойникахъ“ ²⁾

¹⁾ Мотивъ, отчасти внушенный Шатобриановскимъ Ренэ.

²⁾ Сочиненія, томъ I, стр. 12.

находилъ, что это — „больше карриатура Байрона, нежели подражаніе. Бониваръ страдаетъ для того, чтобъ спасти души своей любовь, и какъ ни жестоки его страданія; но въ нихъ есть кабая-то поэзія, возбуждающая къ участию, — описаніе страданій пойманныхъ разбойниковъ поселяетъ въ душѣ одно отвращеніе“. Въ основѣ этого суроваго приговора несомнѣнно лежитъ вѣрное наблюденіе. Въ три перехода, отъ судьбы историческаго Бонивара къ герою Байроновской поэмы и къ Пушкинскому разбойнику, произошло замѣтное повиженіе внутренняго значенія сюжета. Страдалецъ за политическую свободу и вѣротерпимость сталъ у Байрона, еще недостаточно ознакомленнаго съ подлинною личностью Бонивара, жертвой лишь религіознаго гоненія, но онъ окруженъ ореоломъ, своими мученіями возбуждаетъ протестъ противъ произвола и нетерпимости, и медленнымъ угасаніемъ выспихъ влеченій, летаргіею горя, будитъ гуманную жалость. Его смѣнилъ у Пушкина душегубъ, предавшійся своему ремеслу отъ нужды и зависти къ богатству, не задаваясь ни на мгновеніе мыслями о социальномъ неурействѣ и необходимости мщенія, которыя могли бы еще сблизить его съ нѣкоторыми изъ раннихъ Байроновскихъ героевъ. Его разсказъ, мѣстами оживленный драматизмомъ, полонъ кровожадности и удали профессиональнаго убійцы, призраковъ и стоновъ загубленныхъ жертвъ. Каково бы ни было его значеніе, Байроновскій завѣтъ и образецъ кореннымъ образомъ измѣнился въ немъ къ худшему.

Иныя условія обставили вліяніе Байрона на то изъ произведеній Пушкина, которое, задуманное въ разцвѣтъ его байронизма (май 1822 года), стало на много лѣтъ спутникомъ поэта. Когда ему случалось самому указывать у Байрона тѣ изъ его поэмъ, которыя наиболѣе могутъ быть сблизены съ „Евгеніемъ Онѣгинимъ“, онъ называлъ „Донъ-Жуана“ и „Беппо“; къ этимъ указаніямъ нельзя не присоединить и „Чайльдъ-Гарольда“. Но и здѣсь какъ своеобразно сложилось въ связи съ вліяніемъ личнаго характера поэта, особенностей среды, времени, національности, усвоеніе идей и красотъ образца! Въ своемъ соревнованіи съ „Донъ-Жуаномъ“, котораго считали „чудомъ“, Пушкинъ сознательно избѣгалъ сатиры, хотя вначалѣ ему и казалось, что онъ писалъ, „захлебываясь желчью“ (въ первой главѣ?). „Еслибы я коснулся сатиры, затрещала бы набережная“, — писалъ онъ А. Бестужеву. Но мыслимъ ли Байроновскій „Жуанъ“ безъ неистощимаго родника смѣлой и свободной насмѣшки, безъ сатиры нравовъ, политики и общественности? Могъ ли бы, съ другой стороны, томящійся хандрою Онѣгинъ выполнить хоть

нѣсколько ту отвѣтственную задачу, которую, торжествуя, выходя невредимымъ изъ всѣхъ затрудненій и опасностей, выполняетъ его Байроновскій первообразъ, во всеоружіи предприимчивости, юмора, талантовъ завоевателя, и стать двигателемъ цѣлой вереницы разнообразнѣйшихъ и разноплеменныхъ картинъ нравовъ? Но и съ Гарольдомъ у него лишь извѣстныя точки соприкосновенія,—и какъ бы меланхолія или сплинъ Гарольдовскаго оттѣнка ни дробились въ началѣ поэмы между героемъ и его другомъ и собесѣдникомъ—авторомъ, изъ пресыщенности и скучающаго бездѣлья перваго и изъ раздумья втораго все-же не сложатся ни образъ, ни смѣняющіяся настроенія Байроновскаго героя. Наконецъ, если видѣть въ „Беппо“ только искрометную и скромную сказочку было бы совершенно несостоятельно, такъ какъ и въ немъ шутка соединяется съ серьезно задуманными сатирическими выходками, то, съ другой стороны, не найдешь во всемъ „Онѣгинъ“ ни одной распущенной, карнавальнoй нескромности, точно также какъ, послѣ оговорки самаго поэта, не становишь искать и социальной сатиры. И, несмотря на всѣ эти наблюденія, Байроновское вліаніе здѣсь внѣ сомнѣнія, и, конечно, не по внѣшнимъ только признакамъ и мелочамъ, которыя, особенно впачалѣ, то-и-дѣло напоминаютъ о Байронѣ и его творчествѣ ¹⁾. Съ русскимъ содержаніемъ, лицами и нравами изъ русскаго быта, хотя бы и не отразившагося въ немъ сполна, и въ освѣщеніи тонкаго наблюдателя, развертывался передъ читателемъ романъ въ привитой извнѣ, отъ Байрона, свободной формѣ, соединявшей общее съ личнымъ, шутовское или насмѣшливое съ грустнымъ и задумчивымъ, повѣствованіе съ постоянными отступленіями и эпизодическими вставками, гдѣ выступала личность самого поэта съ его завѣтными думами,—въ той неопредѣленной, неуловимой и тѣмъ болѣе чарующей своей новизной формѣ, которая тогда была настоящимъ откровеніемъ. Кровной близости съ образцомъ не помѣшало и то, что вмѣсто положительнаго образа скорбника выведенъ поверхностный подражатель модной разочарованности, съ

¹⁾ „Онѣгинъ“, глава I, вариантъ V строфы,—„и могъ онъ съ ними, въ самомъ дѣлѣ, вести и мужественный споръ о Байронѣ, о Бенжаменѣ, о карбонарахъ“,—шутливое примѣчан. къ XXI стр., о взыскательной балетоманіи героя—„черта охлажденнаго чувства, достойная Чальдъ-Гарольда“,—стр. XXXVIII, „но къ жизни вовсе охладѣлъ, какъ Childe Harold, угрюмый, томный“—стр. XXIX, объ Адриатикѣ и Брентѣ, „услышу вашъ волшебный гласъ, онъ святъ для внуковъ Аполлона по гордой лирѣ Альбіона“,—стр. LVI, „что намаралъ я свой портретъ, какъ Байронъ, гордо-сти поэтъ“. Вторая глава, вариантъ V строфы, XII стр. и т. д.

Гарольдовымъ плащомъ на плечахъ, но и съ влеченіями Донъ-Жуана въ его юношескіе годы,—и то, что вслѣдъ за картинами свѣтской, городской жизни, болѣе или менѣе сходившимися съ бытовыми фактами у Байрона, со второй же главы вступилъ въ свои права элементъ совсѣмъ самобытный,—деревенская Русь. На почвѣ вліянія сдѣланъ былъ важный починъ, которому предстояло самостоятельное развитіе,—починъ русскаго общественнаго романа.

Но воздѣйствіе Байрона не могло пройти безслѣдно и на Пушкинскую лирикѣ. Начиная съ байроническаго ея первенца, элегіи „Погасло дневное свѣтило“, этого вольнаго переложенія прощанія Гарольда съ отечествомъ, оно переходитъ за предѣлы періода обихъ ссылокъ, за грань жизни Байрона, который своимъ личнымъ обаяніемъ несомнѣнно дѣйствовалъ издали на ученика своего. Глубже стало раздумье, сосредоточеніе грусть, свободнѣе выраженіе меланхолическихъ настроеній, въ зародышномъ видѣ такъ поразительныхъ еще въ раннюю юность поэта, —и могли зародиться такіе элегіи, какъ „Я пережилъ свои желанья“, „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“, „Къ Овидію“, наконецъ, „Къ морю“. Сдѣлана попытка совладать съ дѣмонической темой. Вышла на волю и политическая лирика, оставивъ за собой стиль эпиграммъ или неопытную риторіку „Оды Вольность“, и вдохновляясь высшими гражданственными мотивами русскаго прогресса, общей либеральной тревогой Европы („Кинжалъ“) или отдѣльными попытками народнаго освобожденія,—греческимъ возстаніемъ, пробудившимъ „уснувшій геній“ поэта ¹⁾. Трепетное, возбужденное состояніе его на югѣ, поддержанное вліяніемъ протестующей британской лирики, разлито по всѣмъ планамъ, наброскамъ, письмамъ его, говорящимъ, напр., о симпатіяхъ къ неаполитанскимъ инсургентамъ, къ карбонаризму, или воскрешающимъ картины старинной новгородской вольности. Субъективныя свойства всюду наложили свою печать: меланхолія не переходитъ въ разрывъ, озлобленіе, негодованіе; демонъ остается лишь силуэтомъ духа сомнѣнія, способнаго, въ разрывѣ съ Люциферомъ, „не вѣрить свободѣ“ ²⁾; за призывомъ къ осво-

¹⁾ Стихотв. „Возстанъ, о Греція, возстанъ“, обмкновенно относившееся къ 1823 г. и вспоминающее о томъ, какъ страна „расторгла рабскія вериги при пѣньи пламенныхъ стиховъ Тиртея, Байрона и Риги“, найдено проф. Шляпкиннмъ въ черновикѣ 1830 г. и представляетъ, быть можетъ, возвратъ къ старому замыслу.—Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина“, 1903, 18—19.

²⁾ Любопытныя соображенія по поводу стих. „Мой демонъ“—въ статьѣ проф. Дашкевича: „Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ“, въ сборникѣ „Памята Пушкина“. Кіевъ, 1899.

боженію можетъ раздаться укоръ „мирнымъ народамъ“, „стадамъ“, для которыхъ бесполезны „дары свободы“, которыхъ „нужно рѣзать или стричь“; за мятежными порывами можетъ наступить успокоеніе, примиреніе противорѣчій, и въ „Тавридѣ“ слышатся тогда совсѣмъ не байроническіе звуки:

Покойны чувства, ясенъ умъ,
 Пью съ воздухомъ любви томленье,
 Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ
 Однообразное волненье,

и прозаическій комментарий къ нимъ: „страсти мои утихаютъ, тишина царитъ въ душѣ моей, ненависть, раскаяніе, все исчезаетъ“.

Свѣтлая муза Пушкина не могла не отвлечь его со временемъ отъ поэзіи протеста и гнѣва, отъ титанизма, міровой скорби, социальной сатиры, но за тѣмъ періодомъ его молодой жизни, когда его особенно сильно захватило Байроновское вліяніе, всегда останется великая заслуга идейнаго и художественнаго воспитанія поэта для самостоятельной дѣятельности.

„Байронъ былъ тѣмъ таинственнымъ звеномъ, которое соединило обширную литературу славянства съ словесностью Запада“, заявлялъ впоследствии съ парижской кафедрѣ Мицкевичъ, испытавъ на себѣ болѣе многихъ современниковъ силу его культурнаго вліянія, но уже переживъ его. И, поясняя характеръ этого вліянія въ польской поэзіи, онъ сдѣлалъ характеристическое показаніе. „Многіе изъ писателей не знали основательно твореній англійскаго поэта; они слышали лишь нѣсколько звуковъ, нѣсколько отрывковъ его стихотвореній, и этого было достаточно. Онъ обладалъ такою силой, что ее угадывали изъ немногихъ словъ, и эти слова потрясали, пробуждали души, открывали имъ, какими онѣ были дотолѣ“¹⁾. Но, если, по выраженію новѣйшаго комментатора этихъ словъ²⁾, поэзія автора „Корсара“ усилила и сознательно проявила то, чтѣ и раньше „скрыто было въ дремотномъ состояніи въ лонѣ славянства, и, въ частности, польскаго общества“, то магическое дѣйствіе вдохновенія, направленное вообще на цѣлое поколѣніе и оживившее его, въ отдѣльныхъ выдающихся результатахъ своихъ запоздало сравнительно съ русской поэзіей на нѣсколько лѣтъ, и выставило рядъ замѣчательныхъ произведеній по ту сторону предѣльной грани, обозначенной смертью Байрона. Для Пуш-

¹⁾ Въ лекціи изъ курса славянскихъ литературъ (томъ третій).

²⁾ Matuszewski, „Swoi i obcy“. Warszawa, 1908, стр. 298—99.

вина уже отцвѣтала пора первыхъ экстазовъ, и рядъ твореній, вызванныхъ ими, былъ на лицо, когда ни одного изъ знаменательныхъ байроническихъ созданій Мицкевича еще не было задумано, а главнѣйшій сверстникъ и соперникъ поэта въ дѣлѣ байронизма, Словацкій, переживалъ еще годы отрочества ¹⁾.

„Корсаръ“, „Лара“ и „Абидосская невѣста“ послужили образцами для первой байронической поэмы польской, — „Марія“ Антона Мальчевскаго ²⁾; краски природы и быта дала Украина, мрачный историческій фонъ образовалъ подлинный эпизодъ изъ жизни стариннаго польскаго дворянства (семьи Потоцкихъ) и тревоги борьбы съ татарами, глубокую меланхолю внушила разбитая жизнь автора, даровитаго неудачника; искренніе тоны лиризма любви, измученной разлукою, ненадолго озаренной счастьемъ свиданья и осужденной на гибель, — нѣбогда главная привлекательная красота поэмы въ глазахъ современниковъ, — не вымыслены и не вычитаны, а взяты изъ душевныхъ испытаній поэта. Въ ряду выведенныхъ имъ лицъ нѣтъ титановъ, нѣтъ мучениковъ рефлексіи, нѣтъ и идейныхъ разбойниковъ, но байроническое настроеніе проникло трагическую фабулу и ея участниковъ. Сильно приподнятыя страсти, зловѣщая сословная борьба, семейный раздоръ, тонко очерченная страдальческая личность героини и сочетаніе боевой отваги и рыцарскаго благородства съ печальнымъ раздумьемъ въ героѣ, Вацлавъ, два старческаго характера, очерченныхъ рѣзкими чертами, надменный и мстительный Воевода и ненавистный ему честный и храбрый плебей — Мечникъ, — нѣсколько романтическихъ аксессуаровъ, появленіе толпы предательскихъ масокъ въ опустѣломъ помѣстьѣ Мечника, гдѣ тоскуетъ Марія, игра контрастовъ — хоровой карнавальнѣй пѣсни ихъ и меланхолической импровизаціи какого-то неизвѣстнаго скитальца, который видитъ это дикое веселье, — фигура печальнаго отрока, неразлучнаго съ Вацлавомъ, какъ пажъ съ Ларой, — все это напоминаетъ Байроновскіе мотивы и приемы. Мрачныя тѣни налегли на легендарную основу поэмы, — адское коварство Воеводы, живо примиряющагося съ сыномъ, чтобы удалить его на войну и подослать убійцу къ его женѣ; много

¹⁾ Иосифъ Третьякъ, „Jul. Stowacki, Historia ducha poety i jej odbicie w poezyi“. Krakow, 1903, 21, относитъ начало знакомства Словацкаго съ поэзію Байрона къ 1828 году, времени окончанія имъ университетскаго курса, а нѣсколько раньше, подъ вліяніемъ Людвиги Снядецкой, Байроновской энтузіастки.

²⁾ О Мальчевскомъ — статья Грамлевича, „Maga Malczewskiego w swietle nowej krytyki“. Przegląd Tygodn. 1884; Zdziechowski, Byron i jego wiek, II, 386 — 408; книга Мазановскаго, „Żywot i utwory M.“. Lwow, 1890.

силы и движенія въ боевыхъ сценахъ; безконечна скорбь молодого побѣдителя передъ трупомъ замученной жертвы и его разрывъ съ жизнью и людьми, а вокругъ семейной драмы разстилается привольная степь съ ея вѣковой тишиной и колеблющимся моремъ травъ ¹⁾.

Въ такихъ чертахъ слагалась, въ глуши волынской деревни, куда Мальчевскій удалился послѣ долгихъ скитаній по Западу, эта (увидавшая свѣтъ лишь въ 1825 г.) первая внушенная Байрономъ въ Польшѣ поэма. Ни одно произведеніе большихъ размѣровъ не могло еще раздѣлить съ нею чести байроническаго почина. Но уже прозвучали отиѣченныя тѣмъ же настроеніемъ лирическія импровизація того поэта, которому суждено было, и въ области байронизма, и на широкой аренѣ всей національной поэзіи, отодвинуть Мальчевскаго на второй планъ. Какъ для Гейне, Байронъ для Мицкевича явился прежде всего опорой въ тяжеломъ потрясеніи отъ разбитой любви. Въ нестройной и переполненной народною фантастикою рамкѣ „Дзядовъ“, съ ихъ неожиданными отголосками Жанъ-Поля, Шиллера и въ особенности Гётевскаго „Вертера“, — начиная съ четвертой части, выдвигаются мотивы такого безысходнаго отчаянія, такой безутѣшной скорби и безумнаго ропота на судьбу, на которыхъ уже лежитъ печать Байроновскаго вліянія; таинственное и призракное еще шире развилось подъ вліяніемъ „Манфреда“, герой того же произведенія внушилъ страдальческой тѣни Густава многія изъ наиболѣе потрясающихъ выраженій тоски и печали; „The Dream“ и инныя элегическія изліянія любви Байрона къ Мэри Чэвортъ встрѣтились съ грустной былью о глубокой привязанности польскаго поэта къ вѣроломной Марыль. Но впереди были событія и испытанія иного рода; живое участіе въ политическомъ броженіи, слѣдствіе, долгій арестъ, высылка внутрь Россіи, кочеванія по ней съ юга на сѣверъ, первыя откровенія поэзіи природы, горъ, моря, передъ изгнанныкомъ въ Крыму, множество новыхъ политическихъ, національныхъ, художественныхъ возбужденій. Тогда Байронъ раскрылся передъ Мицкевичемъ во всей полнотѣ его творчества; съ той поры стало возможнымъ созданіе „Крымскихъ сонетовъ“, „Конрада Валленрода“ и са-

¹⁾ Прекрасныя картины степи, открывающія собой поэму, связаны съ явленіемъ быстро несущагося на своемъ конѣ казака, который везетъ зловѣщее письмо Воеводы, и своей скачкой одинъ только нарушаетъ тишину и пустынную. Любопытно, какъ этотъ мотивъ изъ „Гаура“ вмѣстѣ съ вопросительной формой при видѣ всадника (Who thundering comes on blackest steed?) повторялся у Мальчевскаго и у Пушкина въ „Полтавѣ“ („Кто при звѣздахъ и при лунѣ“ и т. д.).

мага позднего изъ байроническихъ произведеній, но и самаго поразительнаго, — *третьей* части „Дзидовъ“, столь яркой и по крайнему подъему политической мысли, и по мощи титаническихъ монологовъ, сравнявшихся съ „Манфредомъ“. Но этотъ ростъ Мицкевичевскаго байронизма относится уже къ иному періоду. Въдъ когда Мицкевичъ, какъ очарованный „паллигримъ“, углублялся все дальше въ Крымъ, когда изъ степей Козловскихъ онъ увидалъ на горизонтѣ величавыя очертанія Чатырдага, когда вскорѣ раскинулась передъ нимъ голубая пелена моря, и подъ влияніемъ этихъ красотъ снова ожива муза поэта, исполнился уже годъ со времени тихихъ, незамѣтныхъ похоронъ Байрона въ склепѣ деревенской церкви Гѣнокла.

III.

Съ того дня, когда бригъ „Геркулесъ“ отплылъ изъ Генуи, 16-го іюля 1823 г., къ греческимъ водамъ, унося Байрона на встрѣчу смерти, общественное мнѣніе Европы, печать всѣхъ отгѣнковъ, вся читающая публика, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя чуть не изъ дня въ день за ходомъ экспедиціи, создали для Байрона новую славу, въ которой самоотверженный его подвигъ стоялъ выше поэтическихъ заслугъ; нравственная и религіозная нетерпимость, такъ недавно возмущенная „Канюмъ“ и „Донъ-Жуаномъ“, смолкала передъ очевидностью благороднаго душевнаго подъема; богатырство народнаго вождя, казалось, не купало легкомысліе поэта и дерзость соціального отщепенца. Если даже англійская печать удостоивала сообщать сочувственныя вѣсти о дѣйствіяхъ Байрона въ Греціи, то усилвшіяся симпатіи остальной прессы къ его предпріятію тѣмъ болѣе понятны. Всѣ ждали великихъ событій, многимъ (какъ незадолго передъ тѣмъ Пушкину) грезилось, что удача греческаго дѣла поведетъ за собой всеобщее освобожденіе народовъ.

Среди напряженнаго ожиданія внезапная вѣсть о смерти Байрона, вскорѣ обставленная печальными подробностями его послѣднихъ дней, съ трагическимъ разладомъ между его идеализмомъ и ничтожествомъ большинства сподвижниковъ, произвела потрясающее впечатлѣніе. Настала *общеевропейская* демонстрація въ честь Байрона, и прежде всего — поэтическая тризна, въ которой приняли участіе десятки, чуть не сотни стихотворцевъ всѣхъ національностей. Пусть въ ней развивался на много ладовъ тотъ же мотивъ горя, сожалѣнія, воспоминанія, — все-же

эта масса заявленій, вѣнчавшихъ поэта, явилась *первымъ* крупнымъ показателемъ успѣховъ байронизма, оставившимъ далеко за собой одиночныя попытки подражанія или переложенія.

Не все въ этомъ множествѣ нехронологическихъ изліній отмѣчено одинаковымъ достоинствомъ. Личныя свойства, уровень пониманія, отголоски невольныхъ предпочтеній, безотчетное преклоненіе передъ чѣмъ-то великимъ, но непостижимымъ,—все скъзывается въ нихъ.

Для Виктора Гюго, прибѣгнувшаго, въ видѣ исключенія, къ формѣ статьи, хотя и полной художественныхъ образовъ ¹⁾, смерть Байрона „была однимъ изъ тѣхъ бѣдствій, которыя поражаютъ человѣка въ заповѣдномъ тайникѣ души“; „когда до насъ дошла вѣсть о томъ, что его не стало, мы почувствовали, будто у насъ отняли часть вашей будущности“. Гюго—не сторонникъ той „мрачной и гордой личности, которая проходитъ въ каждой поэмѣ, словно окутанная траурной дымкой“, порицаетъ неправильность построенія, быстроту переходовъ, фантастическую неясность описаній, но, „несмотря ни на что, даже въ менѣе выдающихся произведеніяхъ воображеніе поэта возноситъ его на такія высоты, которыхъ не достигнетъ безкрылый“. „Орелъ можетъ вперять свои очи на землю, все-же за нимъ—чудная сила взгляда, проникающая вглубь небесъ“. Гюго возстаетъ противъ упрековъ Байрону въ „сатанизмъ“, тонко проводитъ различіе насмѣшки у Байрона и у Вольтера, съ которымъ его иногда сравнивали („вѣдь Вольтеръ никогда не страдалъ!“—восклицаетъ онъ), и заканчиваетъ апофеозомъ Байроновскаго подвига въ Греціи.

Вокругъ Гюго съ его авторитетнымъ заявленіемъ послышались во Франціи безчисленныя варіаціи на поминальную тему не только главныхъ, но и нестроєвыхъ и запятатныхъ участниковъ въ движеніи. Въ первыхъ рядахъ выступилъ Казимиръ Делавинь, посветивши чествованію памяти Байрона одну изъ своихъ „Messeniennes“ ²⁾, которыя производили тогда необыкновенное впечатлѣніе. Еще не вполне отвыкнувъ отъ классической звучности и декламационныхъ эффековъ, онъ сумѣлъ ввести въ свою оду искренніе тоны сочувствія, грусти и воодушевленія. Сравнивъ омертвѣвшую въ неволѣ Грецію съ трупомъ удивительной красавицы, чьи взоры потухли, чьи изящныя движенія скованы, поэтъ изображаетъ чудесное ея пробужденіе въ прежней красотѣ и силѣ. „Son bras s'allonge, et cherche un glaive; elle vit,

¹⁾ „Sur Lord Byron, à propos de sa mort“.

²⁾ Oeuvres complètes de Casimir Delavigne, édit. Didier, 1856, vol. II.

elle parle, elle a dit: *Liberté!*“ Съ стонами и горемъ пробуdivшагося народа, при видѣ гибели его избавителя, сливаются личные изліянія чувствъ автора:

Flots purs, où s'abreuvait la poésie antique,
Childe Harold sur vos bords revient pour succomber.
 Versez votre rosée à ce front héroïque
 Que la mort seule a pu courber.

—восклицають греки, а Делавинь, не допуская мысли, чтобъ усыпальница великихъ людей Англии, Вестминстерское аббатство, могла преградить къ себѣ доступъ праху Байрона, въ забавчивающемъ оду ораторскомъ порывѣ требуетъ почетнѣйшаго мѣста поэту, передъ тѣнью котораго долженъ разступиться сонмъ національныхъ знаменитостей:

Westminster, ouvre-toi! Levez-vous devant elle,
 De vos linceuls dépouillez les lambeaux,
 Royales majestés! et vous, race immortelle,
 Majestés du talent, qui peuplez ces tombeaux!
 Le voilà sur le seuil, il s'avance, il se nomme...
 Pressez-vous, faites place à ce digne héritier!
 Milton, place au poète! Howe, place au guerrier!
 Pressez-vous, rois, place au grand homme!

Вслѣдъ за этой „Messeniennе“ явились цѣлыхъ восемь стихотвореній того же названія какого-то Marquand, затѣмъ—коллекція „Byroniennes“ Эжена Грюмье, съ сценами изъ греческой экспедиціи поэта, видѣніями его прошлаго, его смертью и похоронами, апофеозомъ. Ulric Guttinguer выступилъ съ „Двоярамбической пѣснью“; вспоминали о Байронѣ Пьеръ Лебрэнъ, А. де-Виньи ¹⁾. Но никто изъ французскихъ поэтовъ не испыталъ тогда ничего подобнаго нервному возбужденію, пророческому экстазу и славолюбивому стремленію присвоить себѣ въ наслѣдство Байроновскіе лавры,—вызваннымъ кончиною поэта у Ламартина. Снова вернулся онъ къ темѣ своей ранней оды къ Байрону, захотѣлъ подвести итогъ и проложить дальнѣйшій путь.

Такъ возникла неудачная идея Ламартиновскаго „Dernier chant de Childe Harold“. Лишенный способности понять внутреннюю связь и ходъ развитія Байроновской поэзіи въ различные періоды, не сознавая, что насмѣшка, сатира, философскій подъемъ мысли, горькое раздумье, титаническое проявленіе личности могли привести поэта къ широкому заступничеству за

¹⁾ О другихъ участникахъ въ чествованіи памяти Байрона см. книгу Walter Clark, „Byron und die romantische Poesie in Frankreich“. Leipzig, 1901.

угнетенныхъ, онъ выдѣлилъ изъ всей Байроновской жизни только лично ему сочувственное, отвергая остальное, какъ пагубную ошибку или гордыню, и, перемѣстивъ центръ тяжести въ заключительный актъ судьбы поэта, видѣлъ въ его гибели подъ Миссолонги искупленіе дѣлъ и помышленій гениальнаго грѣшника. Для развязки „Чайльдъ-Гарольда“ ему не только показалось необходимымъ выдержать завѣщанное Байрономъ отождествленіе автора съ героемъ поэмы, но и пересказать, подъ покровомъ прозрачнаго псевдонима, послѣдніе дни Байрона, сначала наравнѣ съ общеизвѣстными фактами, но съ своимъ собственнымъ поучительнымъ заключеніемъ. Онъ слѣдитъ за Гарольдомъ-Байрономъ съ отъѣзда его изъ Генуи, изображая прощаніе его съ спящею, разметавшеюся во всей своей красотѣ Терезой Гвичіоли, чья привязанность была, будто бы, для него „сладостнымъ обманомъ“, его глубокое раздумье, когда корабль уноситъ его все дальше отъ береговъ Италіи, прощаніе съ этой страной мертвыхъ, давшей ему, одни лишь разочарованія, затѣмъ начало борьбы съ турками. Воображеніе рисуетъ Ламартину сцены схватокъ и сѣчи; Гарольдъ идетъ смѣло на abordажъ, совершаетъ чудеса храбрости; уже Пантеонъ отрывается передъ нимъ, но, роняя мечъ и ища повою, онъ уединяется въ пустынные мѣста, и въ тиши бѣднаго монастыря, напугуемый старцемъ-монахомъ, умираетъ, въ строгой исповѣди передъ самимъ собой обозрѣвая всю свою жизнь и возносясь мыслью къ Божеству, котораго онъ не видѣлъ, но къ которому безотчетно стремился. Примирительная, покаянная развязка полна спасительныхъ уроковъ. Байронъ поздно сознаетъ, что онъ „растратилъ въ сомнѣніяхъ время, необходимое для дѣйствія“; выставлено его презрѣнное безбожіе и поклоненіе вселенской душѣ въ образѣ языческаго Пана. Среди грозныхъ небесныхъ видѣній умирающій подвергается послѣднему испытанію. Одинъ за другимъ гаснутъ три посланныхъ ему божественнымъ милосердіемъ свѣточа, — свѣточи Вѣры, Разума и Генія, „который слишкомъ часто блисталъ, не освѣщая“; въ роковой урнѣ найдетъ онъ разрѣшеніе своихъ сомнѣній, но въ то время, когда онъ опускаетъ на дно руку свою, змѣя внезапно обвиваетъ его, онъ падаетъ, — слышится возгласъ: „Гарольдъ, ты ошибся!“ Черезъ мгновеніе его иѣтъ болѣе, — и поэтъ молитъ тогда ангела суда „пощадить и начертать на челѣ почившаго слово прощенія“. Съ тѣмъ же вызовомъ обращается онъ и ко всѣмъ, кто гдѣ бы то ни было испытывалъ обаяніе погибшаго, моля у нихъ для него — „только слезы, одной слезы“:

Et vous qui jusqu'ici, de climats en climats,
Enchaînés à sa lyre, avez suivi ses pas,
Si ses chants quelquefois ont élevé votre âme,
Donnez-lui... donnez-lui... ce qu'une ombre réclame,
Une larme!..

Неудачной Ламартиноской тризвѣ по Байронѣ суждено было косвенно вызвать вокругъ памяти о поэтѣ оживленную полемику и сильное брожение—въ Италіи. Безтактныя и въ гнѣвной рѣзости своихъ отзывовъ о ней кореннымъ образомъ несправедливыя строфы (XIII и XIV), вложенныя въ уста Гарольду, вызвали въ передовой итальянской молодежи рѣшеніе протестовать противъ оскорбленія. Ламартину пришлось драться изъ-за него на дуэли съ однимъ изъ наиболѣе горячихъ патриотовъ, Пепе, но кромѣ того онъ выслушалъ отъ такого независимаго и благороднаго судьи, какъ Пьетро Джордани ¹⁾, суровый, уничтожающій приговоръ. Джордани чудится, что Байронъ, поднявшись изъ гробницы, говоритъ французскому стихотворцу: „я узнаю васъ по обычнымъ вашимъ приемамъ, донъ Альфонсъ. Вы уже пытались сдѣлать изъ меня страшилище, и только изъ любезности или состраданія назвали меня дьяволомъ. А теперь чтѣ за новая манія! Какъ вы могли подумать, что я выбралъ себѣ заступника изъ посѣтителей парижскихъ министерскихъ прихожекъ, что свѣтъ потерпеть, чтобъ вы отъ моего имени заявляли недѣльныя и нестерпимыя обвиненія противъ цѣлаго народа, который я такъ любилъ, которому такъ сострадалъ. Вы хотите продолжать „Чайльдъ-Гарольда“! Вы, не читавшій его! Вѣдь еслибъ вы его знали, вы не заставили бы меня теперь опровергать все, чтѣ я сказалъ тамъ въ пользу Италіи... Выступалъ ли когда-нибудь баловень судьбы съ такими рѣчами къ несчастнымъ и угнетеннымъ: *сы виноваты, ваша участь вполне заслужена*!“ Нервно возбужденный протестъ свой Джордани кончаетъ гнѣвнымъ приказомъ, „въ силу той законной власти, которую люди свободныя и искренніе имѣютъ надъ неискренними и несвободными, не приписывать болѣе своихъ развязныхъ умствованій дѣятелямъ слишкомъ несроднымъ съ ними. Байронъ можетъ быть ненавистнейшей вашей партіи, — онъ и не стремился никогда быть ей удобнымъ,—но тщетно будутъ на него клеветать и выставлать его клеветникомъ“ ²⁾.

¹⁾ Выдающіяся черты его жизни и дѣятельности недавно характеризованы по новымъ матеріаламъ въ книгѣ Eugenia Montanari, „Pietro Giordani“. Firenze, 1903.

²⁾ Opere di Pietro Giordani, tomo XI, p. 158.

Смерть Байрона подвергла такому же искусству искренность байронизма Гейне. Когда его гениальнаго собрата не стало (случайно узналъ онъ о томъ лишь нѣсколько недѣль спустя), Гейне былъ дѣйствительно опечаленъ. Его чувства выразились въ рядѣ писемъ къ друзьямъ (Л. Роберту, Мозеру, Христіани), гдѣ онъ скорбитъ объ утратѣ человѣка, съ которымъ признавалъ себя солидарнымъ, какъ съ „*только равноправнымъ товарищемъ*“; „не бѣется уже болѣе это великое сердце“, восклицаетъ онъ; онъ чувствуетъ могучаго человѣка, который, „страдая, открылъ новыя обширныя міры“, который „съ отвагой Прометея вызывалъ на борьбу презрѣнное человѣчество и еще болѣе презрѣнныхъ боговъ его. Take him all in all, he was a man, — не скоро увидимъ мы ему подобнаго“¹⁾... При такомъ настроеніи легко ожидать отъ Гейне одного изъ лучшихъ вкладовъ въ некрологическую лирику о Байронѣ. Дѣло обошлось небольшимъ, таинственно красивымъ наброскомъ туманнаго видѣнія, въ которомъ печальное и безконечное плаваніе корабля, съ останками поэта въ свинцовомъ гробу, изъ дальней Греціи на родину замѣнилось, въ условно-романтическомъ вкусѣ, призракомъ черной барки, плывущей по океану, съ мрачными, непроницаемо закутанными спутниками мертвеца, и тѣломъ поэта, лежащимъ посреди съ открытымъ челомя...

Въ то время, когда писалось это стихотвореніе, Гейне какъ будто ожидалъ перехода къ нему царственной поэтической роли. Есть слѣды суетнаго его замысла ускорить собственное провозглашеніе; онъ понуждалъ друзей, Мозера и Роберта, написать статью, гдѣ преемственность отъ Байрона къ нѣмецкому его собрату была бы выставлена²⁾, — встрѣтилъ отпоръ, въ перепискѣ снова возвращался къ этой мысли, и съ неудовольствіемъ подавилъ ее въ себѣ. Но, не нуждаясь ни въ какомъ актѣ престолонаслѣдія, талантъ Гейне быстро пробивалъ себѣ путь къ славѣ; желаніе опереться на могучую помощь замѣнилось жадной единовластія; все еще слышавшіяся напоминанія, что міровая скорбь усвоена имъ отъ Байрона, раздражали. Пересуды и сплетни объ умершемъ, шедшіе изъ Англіи и лишь въ наше время отвергнутые біографическими изысканіями, также подѣйствовали, — и Гейне поразительно скоро охладѣлъ къ своему кумиру, не сохранивъ даже благодарности за бывшія наслажденія. Въ „Nordsee“

¹⁾ Deutsche Rundschau, 1901, іюнь, статья Эльстера, „H. Heine und Christiani“.

²⁾ Онъ возвращался къ этой мысли нѣсколько разъ — въ письмахъ отъ 25 іюня, 20 іюля, 25 окт. 1824 г.

Гейне заявляетъ, что „изъ всѣхъ великихъ писателей Байронъ при чтеніи его твореній производитъ на него самое тягостное впечатлѣніе“, — и затѣмъ всюду, гдѣ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ ему приходилось касаться Байрона или байронистовъ, у него всегда найдется слово осужденія или ироніи.

Но велика сила рано воспринятыхъ впечатлѣній. Пытаюсь заставить забыть, что между юморомъ „Reisebilder“ или „Deutschland, ein Wintermärchen“ и ироніей „Донъ-Жуана“ есть ровное родство, Гейне, особенно въ своей лирикѣ, сберегъ (какъ теперь доказано подборомъ примѣровъ) склонность къ приемамъ, сравненіямъ, ходячимъ мыслямъ Байроновскаго пошиба. Въ „Nordsee“, „Heimkehr“, въ „Buch Legrand“ слышатся вдругъ эти отголоски; поэтъ, проникая взоромъ въ будущее, говоритъ чуть не точными словами Байрона о безсмертіи, ожидающемъ его пѣсни, беретъ у своего образца печальный символъ „выплаванной слезы“ (unshed tear) или сродства страданія и наслажденія, — по байроновски „двухъ именъ для одного и того же понятія“ и т. д.

Втора скорби Гейне о смерти Байрона, слышались въ Германіи заявленія крупныхъ и второстепенныхъ поэтовъ, — характеризованнаго уже въ его искренней симпатіи автора „Греческихъ пѣсень“, Вильг. Мюллера, даже Шамиссо, который оставилъ романтически-туманныя мечтанія для оды въ честь Байрона и Наполеона. Изъ Англій послышались искренно грустныя строфы Роджерса (введенныя въ его поэму „Italy“), воздавшія съ рѣдкою для англичанина-современника смѣлостью хвалу благородству и великодушію Байрона, освобождая его память отъ нареканій, выставляя всю мѣру вынесенныхъ имъ страданій, покрывая его ошибки всепрощеніемъ и любясь „закатомъ блестящей звѣзды, озарившей небосводъ“. Выступили съ сочувственнымъ словомъ и русскіе поэты.

Впечатлѣніе и въ Россіи было необыкновенно сильно. „Какая поэтическая смерть!“ — писалъ Тургеневу Вяземскій 26 мая 1824 г. „Онъ предчувствовалъ, что прахъ его приметъ земля, возрождающаяся къ свободѣ, и убѣждалъ отъ темницы европейской. Завидую пѣвцамъ, которые достойно воспоютъ его кончину. Вотъ случай Жуковскому. Если онъ имъ не воспользуется, то дѣло кончено; знать, пламенный его погасъ. Греція древняя, Греція нашихъ дней, и Байронъ мертвый — это океанъ поэзіи“. Корреспондентъ Вяземскаго, не раздѣляя его энтузіазма и считая, что „Байронъ умеръ вполонину давно уже для поэзіи, ибо послѣднія его сочиненія ниже его репутаціи, находилъ, однако,

что смерть его въ виду возрождающейся Греціи — завидная и поэтическая“. Ожиданій относительно Жуковского онъ не раздѣлялъ, ссылаясь на тяжелое душевное его состояніе („Жуковский узналъ о смерти Байрона, имѣя на рукахъ сумасшедшаго русскаго поэта“, — Батюшкова), но ожидать, что „Пушкинъ, вѣрно, схватитъ моментъ сей и воспользуется случаемъ“¹⁾. Вяземскій обратился непосредственно къ Пушкину, и не только съ вызовомъ къ поэтической тризнѣ, но и съ близкимъ къ затѣѣ Ламартина планомъ закончить „Чайльдъ-Гарольда“ пятою пѣснью, прославляющею смерть Байрона²⁾.

Планъ этотъ, къ счастью, не былъ выполненъ ни однимъ изъ русскихъ стихотворцевъ³⁾. Но, не дожидаясь образца или примѣра съ Запада (въ частности — „Messenienne“ Делавина, которая, какъ видно изъ современныхъ показаній, произвела и у насъ большое впечатлѣніе), они, одинъ передъ другимъ, выступали съ оцѣнками погибшаго поэта, связывая съ послѣдними его подвигами всю его предшествовавшую жизнь. Такъ въ стихотвореніи Козлова проходятъ послѣдовательно картины ранней юности Байрона въ Нью-Стадѣ, его перваго путешествія, гдѣ онъ уже „пѣлъ угнетеннымъ свободу“, семейной драмы, разрыва съ Англійей, Манфредовскихъ блужданій въ заоблачномъ царствѣ горъ, наконецъ греческой экспедиціи. Искреннее чувство, проникающее эту элегію, соединяется мѣстами и съ выразительною образностью рѣчи; слѣпцу-поэту почудилось, что, „скитаясь, какъ странникъ безродный“, по лѣсамъ, по горамъ Швейцаріи, Байронъ „смотря и внемлетъ, какъ вихри свистятъ, какъ молніи вьются, утесы трещатъ, какъ громы въ горахъ умираютъ“, и восклицаетъ: „О вихри, о громы, скажите вы мнѣ, въ какой же высокой, безвѣстной странѣ душевныя бури стихаютъ? Готовность „поддержать въ борьбѣ роковой великое дѣло великой душой — святое Эллады спасеніе“, увѣнчавшая, въ глазахъ Козлова, трагическую судьбу поэта, стала главнымъ мотивомъ стихотворенія Кюхельбекера⁴⁾. Сначала нестройное и переполненное абсцессурами въ балладно-романтическомъ вкусѣ, оно проводитъ

¹⁾ Остафьевскій архивъ, 1899, III, 48—49 и 51.

²⁾ Соч. Пушкина, подъ ред. Евремова, 1903, VII, отвѣтное письмо Вяземскому отъ іюня 1824. „Твоя мысль восхитъ его смерть въ 5-й пѣсни его героя прелестна, — писалъ Пушкинъ, — но мнѣ не по силамъ. Греція мнѣ огадила“, и т. д.

³⁾ „Странные вы люди! — сердился Вяземскій на Жуковского: — да будь я поэтъ, а не стихотворецъ, то я почти обрадовался бы смерти Байрона, какъ поэтическому владу, брошенному съ неба на прозаическую лошину нашего вѣка“.

⁴⁾ Помѣщено было въ „Мнемозинѣ“, 1824, книга III, и затѣмъ вышло отдѣльнымъ изданіемъ.

передъ очами Пушкина („пѣвица, любимца россиянъ“), сидящаго ночью порой въ мечтаніи гдѣ-то на утесѣ, омываемомъ „Эввезиномъ“, рядъ призраковъ и видѣній: это исполнившая тѣнь самого Байрона, и стекающія къ нему, выходящая вокругъ хороводомъ, тѣни воспѣтыхъ имъ лицъ, „облекающіяся въ лицо и тѣло“; тутъ и „зловѣщій (?) Дантъ“, и Тассъ, Гюрь, Манфредъ, Мазепа, дожь Фальеро; пронеслось дивное видѣніе, „скрылось въ мракъ бездны“, — и авторъ, словно почувствовавъ себя послѣ фантастики на свободѣ, отдается выраженію своего горя, поднимаясь въ иныхъ стихахъ до неподдѣльно-искренняго лиризма („Упала дивная комета! Потухнулъ среди тучъ перунъ! Еще трещеть голосъ струнъ, но нѣтъ могучаго поэта! Онъ палъ—и средь кровавыхъ сѣчь свободный грекъ роняетъ мечъ“... „Ты взвѣсилъ ужась и страданья, ты погружался въ глубь сердецъ и средь волненій и терзанья рукой отважной взялъ вѣнецъ завидный, свѣтлый, но кровавый, вѣнецъ страдальчества и славы“). И долго еще звучалъ въ произведеніяхъ другихъ стихотворцевъ отголосокъ этихъ погребальныхъ мотивовъ, обставленныхъ эллинской рамкой борьбы и вольнолюбія. Такъ, безымянный авторъ стихотворенія „На смерть Байрона“, помѣченнаго 1825 годомъ, но напечатаннаго въ „Альбомѣ сѣверныхъ музъ“ лишь въ 1828 г. ¹⁾, изображаетъ сцену въ храмѣ въ Миссолонги, гдѣ толпа, рыдая, обступаетъ гробъ поэта, — „вакъ будто въ гробъ томъ свобода воскресшей Греціи лежитъ“, — обрушивается съ укоризнами на неблагодарную Англію, и предрекаетъ вѣчную славу Байрону („Но сердца подвигъ благородный не истребится никогда! Къ могилѣ Байрона всегда звѣздой онъ будетъ путеводной“).

Тѣ же впечатлѣнія, произведенныя смертью поэта, тѣ же сочувственныя припоминанія всей его дѣятельности встрѣтимъ мы въ некрологическихъ статьяхъ журналовъ, въ настроеніи различныхъ интеллигентныхъ группъ, среди эстетиковъ, ученыхъ, философовъ, дилеттантовъ. Н. Полевой въ первой же книжкѣ „Московского Телеграфа“, помѣщая описаніе смерти Байрона, составленное очевидцемъ (Флетчеромъ), и извѣстный некрологъ, принадлежащій Вальтеръ-Скотту, сопровождаетъ послѣднюю статью „прибавленіемъ“, гдѣ называетъ „великаго Байрона необыкновеннымъ явленіемъ въ нравственномъ мірѣ нашего времени“, и находитъ, что „творенія истиннаго генія отличаются или отраженіемъ въ нихъ впечатлѣній на умъ и чувства поэта, или непо-

¹⁾ Оно было перепечатано въ „Русской Старинѣ“ 1872, X, какъ „приписавшееся Рылѣву“.

стихиною силой, съ какою гений выражаетъ самого себя въ своихъ твореніяхъ“, удивляется тому, что „Байронъ соединилъ оба свойства гения, живописалъ міръ вещественный и міръ фантазій съ неподражаемою силой, и изумлялъ изображеніемъ челоуѣка, постигая его въ самомъ себѣ“¹⁾. Кружокъ философовъ и эстетиковъ „Мнемозины“ присоединился къ всеобщему движенію, „когда благороднѣйшія сердца и лучшіе умы всей Европы скорбѣть о преждевременной смерти сего великаго мужа“. Веневитиновъ, выказавшій вскорѣ, въ статьѣ своей объ „Онѣгинѣ“ высокое мнѣніе о мировомъ значеніи Байроновской поэзіи, задумывалъ въ драматической формѣ „прологъ“, озаглавивъ его: „Смерть Байрона“ и выведя въ двухъ изъ дошедшихъ до насъ небольшихъ отрывковъ самого Байрона то въ монологѣ, обращенномъ къ Греціи, то въ совѣщаніи съ неизвѣстнымъ „вождемъ гревовъ“, которому на вызовъ: „сынъ сѣвера! готовься къ бою“! — поэтъ отвѣчаетъ: „я умереть всегда готовъ“. Когда же среди хора этихъ сѣтовавѣй послышался голосъ Пушкина, Веневитиновъ горячо отозвался словами благодарности на тѣ „хвалебныя громомъ прозвучавшіе стихи“, въ которыхъ достойно вспомнута былъ „пророкъ свободы смѣлый, тоской измученный поэтъ“²⁾.

Заявленіе Пушкина, ею вкладъ, при первенствующемъ положеніи въ кругу русскихъ байронистовъ, признанномъ за нимъ общимъ приговоромъ, дѣйствительно получали важное значеніе. Но если Жуковскому не пришлось высказаться по поводу смерти Байрона, то и Пушкинъ не овладѣлъ тѣмъ „океаномъ поэзіи“, на который ему указывали. Печальная вѣсть застала его на югѣ, въ Одессѣ; она всколыхнула, конечно, много свѣтлыхъ воспоминаній юности, вызвала образъ челоуѣка, съ которымъ связано было столько порывовъ и замысловъ, цѣлое перевоспитаніе въ духѣ творческой и политической свободы. Но стихотворной тризнь, соотвѣтствующей глубинѣ утраты, не суждено было осуществиться. Отказъ докончить „Гарольда“ понятенъ и проникнуть уваженіемъ къ „священной памяти“. Менѣе понятна возможность отдаться (въ письмѣ къ Вяземскому, июнь, 1824 г.) разсужденіямъ о томъ, что „гений Байрона блѣднѣлъ съ его молодостью“, что „въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и *Каина*, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Глуря и

¹⁾ „Московскій Телеграфъ“, 1825, № I, 39—40. Вскорѣ (№ 20) помѣщенъ былъ отрывокъ изъ прозаическаго переложенія строфъ о Нью-Стэдскомъ аббатствѣ—первый опытъ русскаго перевода „Донъ-Жуана“, также съ прибавленіемъ объяснительной статьи, очевидно принадлежащей Вяземскому.

²⁾ Полное собраніе стихотвореній Веневитинова, изд. 6-е, стран. 6—9 и 34.

Чильдъ-Гарольда“, что онъ „вдругъ созрѣлъ и возмужалъ,—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки ужъ къ нему не возвратились“. Смерть Байрона казалась Пушкину „высокимъ предметомъ для поэзіи“ и онъ радовался ей, но памяти Байрона отвелъ лишь одиннадцать стиховъ въ прекрасномъ стихотвореніи „Къ морю“, въ которомъ, послѣ живой поэзіи природы и лирической исповѣди, одновременно вспомянуты два побойника, взволновавшие міръ, Байронъ и Наполеонъ,—пріемъ довольно распространенный тогда и на Западѣ. Поэту воздана честь, какъ „властителю нашихъ думъ“; его „оплакала свобода“,—но послѣ этихъ двухъ краткихъ указаній на культурную силу Байрона вниманіе сосредоточено лишь на мощи, глубинѣ, неукротимости, мрачности,—атрибутахъ, вполнѣ подходящихъ для параллели съ бурной стихіей океана, но не охватывающихъ всей поэтической физиономіи Байрона. Грустное настроеніе послѣднихъ куплетовъ, сознание, что съ уходомъ подобныхъ людей „міръ опустѣлъ“, порукой въ томъ, что испытанная въ дѣйствительности грусть была сильнѣе отраженія, которое отведено ей въ обращеніи „Къ морю“. Проходитъ годъ, и въ ссылочной глуши Михайловскаго одинокій Пушкинъ доставляетъ себѣ грустную отраду панихиды по „рабѣ Божиємъ Георгіѣ“ (она была отслужена и Вульфами въ Тригорскомъ, — и эти чествованія напомнили Пушкину „la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de mr. de Voltaire“¹⁾), а многострадальное стихотвореніе „Андрей Шенье“ отерывається образомъ изъ царства тѣней, возвеличивающимъ поэта, поставленнаго наряду съ великими творцами, — „межъ тѣмъ, какъ изумленный міръ на урну Байрона взираетъ“, „хору европейскихъ лиръ *близъ Данта тѣнь его очиняетъ*“, — и долго потомъ будетъ оживать по временамъ у Пушкина память о прежнемъ властителѣ его думъ.

„Хоромъ европейскихъ лиръ“, отозвавшихся на гибель Байрона, завершился равній періодъ европейскаго байронизма. На смѣну непосредственныхъ учениковъ поэта уже выступали новые люди, несравненно болѣе надѣленные способностью усвоить и проявить его завѣты. Настало долгое и интенсивное посмертное вліяніе Байрона.

АЛЕКСѢЙ ВЕСЕЛОВСКІЙ.

¹⁾ Соч. Пушкина, изд. Ефремова, VII, 173.

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ СОВРЕМЕННОГО ЖИТЯ-БЫТЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Ермолай уѣхалъ на мельницу, а Наташа, оставшись дома одна, пригласила къ себѣ вечеромъ Домну, на супрятку. Онѣ сидѣли у стола, передъ жестяной лампой со стекломъ. Наташа прядла, а Домна вышивала въ пальцахъ полотенце. На столѣ стоялъ чайникъ съ засыпаннымъ въ немъ чаемъ, а у шестка печки шумѣлъ самоваръ. Наташа часто вскакивала съ лавки и приходила посмотрѣть, скоро ли онъ закипитъ.

— Что это раздутышь-то такъ долго не кипитъ? — съ нетерпѣніемъ и досадою сказала она. — Когда захочешь пить, такъ онъ, словно на зло, шумитъ только!

Домна отодвинула отъ себя пальцы, подняла на нее глаза и ласково, но вмѣстѣ снисходительно-насмѣшливо улыбнулась.

— Придетъ время — ударитъ и часъ, — сповойно сказала она. — Намъ съ тобой некуда торопиться.

Наташа сдѣлала нетерпѣливое движеніе и съ уворомъ сказала ей:

— Ты и все такъ! А на супрятку въ деревню вздумаешь сходить?

— Зачѣмъ? — говорила Домна, взявшись снова за пальцы и принимаясь вышивать. — Чего мы тамъ не видали? Холостяки-то

наши давно намъ прискутили: окромѣ пустыновъ, ничего отъ нихъ не увидишь и не услышишь. А не то—въ карты играть усядутся... А табачищемъ-то накурять,—что не продохнуть!

Наташа подошла къ столу и, упершись руками въ бокъ, пристально, съ укоромъ смотрѣла на подругу собираясь рѣзко возразить ей.

— Не говори ты, Домна! Лучше ты и нишній!—накинулась она на нее.—Я правду скажу: кабы ходилъ на супрятку кажинъ вечеръ Офона, небось бы и ты не соскучилась тамъ сидѣть, и нюхала бы табачище за милую душу. А то вотъ сидитъ онъ дома, да шьетъ сапоги,—ну, тебѣ, извѣстно, и супрятеа ни по чемъ.

— А что мнѣ Офона!—слегка краснѣя, не отрываясь отъ работы, спросила Домна.

— Знаемъ что: любишь его, больше не что.

Самоваръ громко зашипѣлъ, выпуская струи пара и обливаясь кипяткомъ.

— Кипить, кипить!—вскрикнула Наташа. И, схвативъ со стола чайникъ, побѣжала къ самовару.—Дорогуша, достань крендели-то изъ сундука, да топлѣнку ставь на столъ!—говорила она Домнѣ, заваривая чай. И, видя, что подруга не трогается съ мѣста, прибавила:—Вишь ты, какъ барыня, все тебѣ сладъ да сготовь!

Домна медленно поднялась съ лавки и потянулась.

— Мы тутъ чай съ кренделями станемъ распивать, да столоваться, а твой отецъ, на старости годовъ, съ мѣшками на мельницѣ возится,—сказала она.

— Какая ты смѣшная, Домна!—обидѣлась Наташа, стеля на столъ скатерть, ставя стаканы и кладя крендели:—вѣдь его никто силкомъ не гналъ на мельницу, самъ поохотился ѣхать. Я нешто бы отказалась?

— Ну, ну, ладно. Я шутѣмъ сказала. Садись лучше за столъ, да и начнемъ чваниться.

Домна поставила на столъ топлѣнку. Онѣ усѣлись рядомъ на лавку.

— Хорошая жисть тебѣ, Наташа,—говорила Домна, разливая чай:—вотъ, продала тряпичнику тряпокъ, да кудели, купила кренделей—пей съ чаемъ. А только скоро съ тебя эта воля снимется.

Она съ ласковымъ сожалѣніемъ поглядѣла на свою подругу и глубоко вздохнула.

— Отчего жъ такъ снимется?

— Такъ; домовника возьмешь себѣ—и снимется.

— Богъ вѣдаетъ, что будетъ,—задумчиво проговорила На-

таша.—Извѣстно, таковой воли замужемъ не станеть. А опять же и то сказать: какой мужъ попадетъся. Можетъ, и хорошій будетъ?

— Хорошихъ-то мужьевъ, дѣвца, нонѣ мало. Я часто объ тебѣ думаю: всѣхъ холостяковъ знакомыхъ переберу и къ тебѣ примѣню—нѣту подходящихъ.

Онѣ замолчали на минуту, объ озабоченныя одною думой. Потомъ Домна продолжала:

— Подходящихъ нѣту... Вотъ Костыка Нифатовъ...

Лицо Наташи мгновенно просвѣтлѣло.

— А какъ ты скажешь насчетъ Костыки?...

— Да какъ: красивый онѣ, а только не гораздо милится мнѣ.

— Что жѣ такъ не милится? Чѣмъ онѣ не парень?.. А мнѣ такъ онѣ изо всѣхъ любѣ. И разговоры евоны, и выходы—все. Онѣ, знаешь, дорогуша, какъ бы тебѣ сказать... великатный какой-то... Такой разговорчистой; а глядитъ когда, такъ словно любви тебѣ придаетъ. И кудерочки, что будто шапочка черная, на-голову положены...

Наташа вдохнула и принялась нервно перебирать въ рукахъ кисти сватерти.

— Такъ-то такъ. Чтò говорить, на красу противъ его ребятъ мало, да только какъ съ нимъ жить-то придется?...—разсуждала Домна.—Я все думаю, что онѣ въ Питерѣ жилъ много лѣтъ, набаловался на легкихъ-то хлѣбахъ—работать не захочеть, поди.

Наташа покраснѣла, пересѣла на другое мѣсто на лавкѣ, подвинула на столѣ стаканъ и исподлобья взглянула на Домну.

— Отчего жѣ такъ не захочеть работать? Онѣ такой парнииа здоровенный да дюшой?..

— Здоровенные за худенькихъ не работаютъ, а все всякъ за себя.

Разломивъ засохшій крендель на кусочки, Домна положила ихъ въ стаканъ и принялась пить съ блюдечка чай. Наташа тоже разломилла и положила себѣ въ стаканъ кренделя, налила на блюдечко чаю и приготовилась пить. Но потомъ отставила блюдечко въ сторону и съ рѣшимостью заговорила.

— Нѣтъ, ужѣ чтò ты ни говори, Домна, а ежели бы Костя пошелъ ко мнѣ въ домъ, я бы рада была. Никто мнѣ такъ не любѣ, какъ онѣ: хотъ поглядѣть, такъ есть на кого!

Домна ничего не отвѣчала и продолжала пить чай. Наташа хлебнула глотка два и, поставивъ блюдо на столѣ, снова горячо заговорила.

— Ахъ, дорогушенька! я иной разъ ночи не сплю и все

думаю: хорошо бы мнѣ жить за полюбившимъ мужемъ... И вотъ бы какъ хорошо! Все у насъ есть въ домѣ: скотины довольно; хлѣбъ не покупаемъ, а еще продаемъ; въ будни поработали бы,—конь у насъ хорошій и работать на немъ весело,—а въ праздники отдохнули бы... И все бы съ нимъ вмѣстѣ... И поговорили бы, и все...

Домна внимательно слушала ее.

— Чтожъ, я ничего,—сказала она.—Дай Богъ. Дѣло Божье.

Наташа близко подвинулась къ ней и положила руку на ее плечо.

— Вотъ, дорогушенька, тебѣ одной откроюсь... Проходили разъ по деревнѣ цыганы. Батюшки дома не случилось, я одна была. Одна цыганка и пришла ко мнѣ въ избу...

Наташа встряхнула головой и улыбнулась, живо представляя себѣ, какъ приходила къ ней цыганка, и продолжала, подражая цыганскому выговору:

— „Родная, дай, красавица, дай, я тебѣ на руку погадаю—дай сметанки!“—Что подѣлаешь? Не отвязаться никакъ...

— Взяла бы, да пугнула хорошенько!—сурово и строго проговорила Домна.

— Гдѣ тутъ!—не удержавшись, разсмѣялась Наташа.—Вотъ, тогда я и думаю: „пусть погадаетъ про судьбу“. Дала ей сметаны. Она взяла мою руку, вотъ такъ...

Наташа взяла руку Домны, показывая, какъ гадала ей цыганка.

— Взяла, вотъ такъ, глядѣла-глядѣла на ладонь и говоритъ: „тебѣ, красавица, за хорошимъ быть“. И вотъ съ той самой поры, какъ запало мнѣ въ голову цыганнино слово,—сплю и все думаю, что быть мнѣ замужемъ не за кѣмъ больше, какъ за Костей Нифатовымъ.

— Да ты слушай цыганъ: имъ дай только сметаны, такъ наговорятъ сколько хочешь,—сказала Домна.

Наташа обняла ее за шею и съ нѣжностью поглядѣла ей въ глаза.

— Дорогушенька! кажется, я и любила бы своего мужа, вотъ бы какъ любила!..—страстно проговорила она, крѣпко прижавшись къ Домнѣ.—Да ежели бы и онъ-то такъ... Ахъ, и хорошо бы было...

— На что лучше.

Онѣ опять замолчали и задумались.

— Вспоманетъ ли-то онъ про меня, хоть разъ, аль-то нѣтъ?..—мечтательно проговорила Наташа.

Домна молчала. Наташа снова глубоко вздохнула. Потомъ робко поглядѣла въ глаза своей подругѣ.

— Домна, таѣъ сходимъ?..

— Ахъ, ты все на супрятку-то тивешь? Ну, ты у меня и дѣвка!—ласково улыбаясь, сказала Домна, покачавъ головой.—Сходимъ, сходимъ—авось и увидишь, на счастье.

Только-что онѣ вышли въ сѣни, у воротъ кто-то застучалъ, и слышно было, какъ скрипѣли по мерзлому снѣгу подѣхавшія сани.—Что это? Слышишь: это вѣдь твой отецъ съ мельницы пріѣхалъ?—сказала Домна.

— Дорогушенька, онъ!—всполохнулась Наташа. — Убирай все скорѣе со стола—онъ разсердится, какъ увидить.

Онѣ вернулись и схватились убирать со стола посуду и самоваръ. И только-что успѣли убрать все, какъ въ избу съ шумомъ вошелъ, скрипя обмерзлыми лаптями, Ермолай, въ армякѣ съ поднятымъ воротникомъ и весь покрытый инеемъ.

II.

— У-у, какой холодъ! Заябъ, совсѣмъ заябъ, — говорилъ Ермолай, снимая съ себя армякъ и собирая рукой съ бороды и усовъ намерзшія лядняки.—Ты что жъ?—вернулся онъ къ Наташѣ, смотрѣвшей на него и все еще не могшей придти въ себя отъ его неожиданнаго пріѣзда.—Усѣлась! Поди, выпрягай коня скорѣе, да убери все тамъ. Усѣлась!

Наташа торопливо начала повязываться платкомъ и одѣвать овчинную шубу.

— Я тебя не гнала на мельницу. Да что! Велѣлъ бы съ однова мнѣ ѣхать, съѣздила бы, чѣмъ браниться-то!—говорила она, обидѣвшись.

— Ты, дядя Ермоха, съ холоду-то чаю бы напился, — согрѣлся бы,—сказала Домна.

Ермолай благодарно посмотрѣлъ на нее.

— Не худо бы, — сказалъ онъ уже мягко.—Какъ я озябъ, ой, какъ озябъ! Эхъ, на улицѣ морозко!..

— Я виновата, что на улицѣ морозъ! — говорила Наташа, снимая съ пола посудника закопѣлый фонарь и зажигая въ немъ керосиновую копилку. И шепнула Домнѣ:—Подогрѣй тутъ самоваръ-то ему!

— Вишь, разворчалась, грѣхъ великой! А мнѣ, старику, легко!—говорилъ Ермолай, уже какъ бы оправдываясь за свою

вспышку.—Наталка!—крикнулъ онъ, когда Наташа вышла изъ избы.

Наташа не отозвалась. Онъ прислушался, потомъ, махнувъ рукой, сказалъ про себя:—Ну, да ладно: иди.—Потомъ сѣлъ на лавку и посмотрѣлъ на Домну, которая доливала самоваръ и ставила его у шестка.

— Тебѣ на что ее?—спросила Домна.

— Да... такъ, не надо же, коли ушла.

— Что жъ не скажешь?

— Мѣшокъ одинъ съ мукой надо бы внести въ избу... Да ладно: завтра внесемъ.

— Что жъ на завтра-то откладывать? Уждо я внесу. Поди, завозу много на мельницѣ, дядя Ермоха?

— Много, кормилица, много; двѣ ночи ночеваль. Да житье тамо-теа худое—обѣ ночи на волосокъ не заснулъ: словно мурашки какія-то за рубашкой ходять... На нарахъ всё вповалку, въ одежѣ... не заснуть, да и на!

Ермолай закашлялся и долго не могъ откашлянуть мокроту.

— Да я, родная,—откашливаясь, продолжалъ онъ,—и удушливый сталъ: вотъ, какъ съѣдишь на мельницу, такъ муки-то тамъ тебѣ и въ носъ, и въ ротъ напхается, всю грудь разломить.

— Чтò говорить, не молоденькой. А мы тутъ съ Наталкой вспоминали тебя; ей уже и жалко стало, что отпустила тебя. Пригляди самоваръ, а я пойду, мѣшокъ въ избу внесу.

— Это ты? Да что ты: верезаться будешь? И завтра внесемъ,—запротестоваль-было Ермолай.

Но Домна, словно не слыша его, застегнула свою овчинную шубу и пошла къ порогу.

— Вотъ дѣвка-то! — говорилъ себѣ Ермолай, когда Домна вышла:—мужика не надо—все сама сдѣлаетъ. Хорошая дѣвка! Былъ бы у меня сынъ, желалъ бы я за него женку такую взять; дюжая, чтò конь. Хорошая дѣвка!

Онъ хозяйственнымъ взглядомъ осмотрѣлъ избу и, замѣтивъ на полу валенки, положилъ ихъ на печку; по пути поднялъ съ пола обрывокъ нитки, которыми вышивала Домна полотенце, бережно положилъ его на столъ и, сѣвъ на лавку, сталъ разуваться. Не успѣлъ онъ разболтать оборы лаптя и онучу, какъ въ сѣняхъ скрипнули половицы и у двери раздался голосъ Домны:

— Отвори-ка, дядя Ермоха!

— Сейчас, сейчас, кормилица!—кинулся въ двери Ермолай, съ распустившееюся на ногѣ онучей и оборами.

Домна внесла на спинѣ мѣшокъ съ мукою, держа его за устье черезъ голову обѣими руками, и безъ особеннаго усилія спустила его со спины на полъ, у печки. Ермолай только чуть попрердержалъ мѣшокъ.

— Въ муку-то ты вся обладилась, кормилица!—заговорилъ онъ. — Лучше бы завтра. Не хлопотала бы черезъ силу-то,—и завтра бы справили; а то мѣшокъ-то вѣдь грузной: полчетверти, дюжому мужику вздымать его полно.

— Ничего,—сказала Домна, отряхивая съ себя муку.

Ермолай сѣлъ на лавку и сталъ разуваться.

— Вѣдь вотъ ты какая, такая, что только н-ну!.. Золотая дѣвка: такой мѣшокъ принесла—и тебѣ ни по чемъ, и не задышалась нисколько. Цѣны тебѣ нѣтъ. Мужика бы тебѣ хорошаго...

— Хорошіе-то мужики хорошихъ и брать стануть, а не насъ,—говорила Домна, ставя на столъ выпящій самоваръ.

— Это ты! Да такую, какъ тебя, съ руками оторвутъ. Ты не засидишься въ дѣвкахъ, нѣтъ, помни мое слово! Вотъ хоть бы Аюня племяшъ: какъ на тебя зарится.

— То не про насъ женихи.

— Да съ радостью возьметъ, только поди. Садись же за столъ!—пригласилъ онъ, переобувшись въ валенки и развѣсивъ онучи на жердочку у печки.

Онъ подвинулся на лавкѣ, чтобы дать мѣсто Домнѣ. Домна сѣла.

— А племяшу и жениться теперя надо,—продолжалъ Ермолай:—хозяйство крестьянское имѣеть, а одинъ живетъ со старухой-маткой. Чтожъ, не изъ богатыхъ онъ мужиковъ, а парень твердый. Не худой парень: сапоги шьетъ и грамоту знаетъ; маленькимъ отъ отца остался, смаленьку въ людяхъ холку теръ, а, небось, не набаловался.

— Да я не хаю,—сказала Домна, задумавшись надъ его словами.

Въ то время, какъ они разговаривали, Наташа выпрягла коня, поставила его въ хлѣвъ, подложила въ ясли сѣна и, убравъ сбрую, заперала ворота. Кто-то сзади дотронулся рукою до ея плеча, и вслѣдъ за тѣмъ раздался голосъ Нифата:

— Крѣпче запирай-то, а не то взойду къ вамъ потихоньку да что-нибудь, получше, и утащу отъ васъ.

— Ай, это ты, дядюшка Нифать? — быстро обернулась къ нему Наташа.—Испугалъ меня, подошелъ, что я и не слышала.

— Такъ и надо. А то какъ же я стащу у васъ что ни

есть, коли тихомолкомъ подойти не съумѣю?.. Кто у васъ дома-то? —спросилъ онъ потомъ.

— Да батюшка, — только-что прїѣхалъ съ мельницы, да Домна. А больше никого нѣту. А ты къ намъ по что?

— Не скажу.

— Что жъ не скажешь?

— Такъ. Ежели еще согласишься быть моею невѣсткой, то сказаль бы...

Еслибы была не ночь, то Нифать могъ бы замѣтить, какъ румянецъ покрывъ щеки Наташи при этихъ словахъ. Но фонарь свѣтилъ такъ скупо, что онъ былъ виденъ въ темнотѣ какъ какое-то масляное пятно, и при немъ Наташа съ Нифатомъ могла узнать другъ друга только по голосу.

— Пойдемъ же въ избу, — сказала Наташа.

Они поднялись по крѣпкимъ ступенькамъ крыльца въ сѣни и, осторожно ступая въ темнотѣ, пошли по слегка скрипящимъ половицамъ въ избу.

— Добраго добра, полпудика серебра хозяину въ домѣ! — поклонившись Ермолаю и Домнѣ, сказалъ Нифать, предварительно смахнувъ вѣвникомъ въ углу, у порога, снѣгъ съ валенокъ и помолившись на божницу.

— Милости просимъ. Садись, — грѣй брюхо! — радушно предложилъ Ермолай, указывая ему мѣсто за столомъ.

— Спасибо; пили ономясь.

Наташа переглянулась съ Домною.

— Домна, сходимъ?

— Сходимъ.

— Батюшко, — мы не надолго? —спросилась Наташа.

— Ладно, идите, —сказалъ Ермолай.

Наташа, какъ птичка, порхнула къ Домнѣ.

— Я, дорогуша, только рубаху передѣну, да платъ другой повяжу.

И она скрылась за занавѣской у кровати.

— Да ладно; и такъ узнаютъ, что тутъ еще наряжаться, — сказала Домна.

Нифать, съ улыбкой одобренія слѣдившій за Наташей и дѣйствіемъ своихъ словъ, сказалъ Домнѣ:

— Нельзя безъ того: дѣло молодое. Вотъ намъ съ дѣдомъ Ермохой такъ, пожалуй, наряды и не надобны. А вы, какъ говорится, на полозу теперя стоите, — а можетъ и сваты какіе подвернутся? и лады будутъ?

— Въ ладахъ-то и все дѣло, — отозвалась Наташа изъ-за занавѣски.

Она вышла, переодѣтая въ новый ситцевый красный сарафанъ, кисейную рубашку и повязанная платкомъ съ яркими ваемками и цвѣтами.

— Дорогушенька, погляди-ка: хорошо ли? — спросила она Домну, поворачиваясь передъ нею со всѣхъ сторонъ, обдергиваясь и охорашиваясь.

— Да ну тебя! Ничего.

И подруги, взявъ пряжи, пошли на супратку, въ деревню.

III.

Ермолай все время наблюдалъ дочь, какъ она просилась у него пойти на супратку, переодѣвалась въ праздничную одежду и, веселая, чуть не побѣжала впередъ Домны изъ избы; — онъ задумался и тяжело вздохнулъ. Его опять стала тяготить неотвязная дума о томъ, что приходитъ, наконецъ, время выдать дочь замужъ, а вмѣстѣ съ этимъ неизбежно должна наступить перемѣна въ его жизни... Къ лучшему или къ худшему будетъ эта перемѣна?..

Нифать прервалъ его размышленія.

— Вѣдь вотъ оно дѣло какое, — заговорилъ онъ съ серьезностью, которой Ермолай не могъ не замѣтить, — кому что требуется: кому жѣнка, кому лежанка, а кому и жѣнка, и лежанка. Пусть погуляють — дѣло молодое.

Онъ подвинулся ближе къ Ермолаю и многозначительно поглядѣлъ на него.

— Ну, какъ, старина, — поди, умаялся, на мельницу-то ѣздивши?.. Знаю. Не молодой вѣдь; мнѣ уже подъ семьдесятъ, а ты вѣдь меня постарше.

— Да, — отвѣчалъ Ермолай, вникая въ смыслъ его словъ и догадываясь, что онъ не спроста говорить это.

— То-то вотъ. Теперича, въ твоихъ годахъ, на печей бы тебѣ лежать да готовый хлѣбъ ѣсть, а не работать.

— Что жъ на печей-то лежать, пова сила есть? И грѣхъ. Да и кто жъ у меня работать тогда станетъ?

— То-то вотъ, что не работать-то тебѣ не отъ кого — во всюду все самъ... Дочка, скажемъ, хоть и не боится работы, да все-жъ, какъ бы ни было, баба, а помощниковъ больше и

нѣтъ. Работника, скажемъ, взять,—хлѣбомъ его надо кормить, да платить, а все не свои руки. Все не лады!

Нифать остановился на минуту, выжидал, что будетъ говорить Ермолай. Но Ермолай молчалъ и думалъ.

— Я, братъ, съ тобой давно потолковать хотѣлъ объ одной статьѣ,— снова заговорилъ Нифать.

— Объ какой?

— Да вотъ все насчетъ твоей жисти и ховяйства...

Онъ отвашлянулся, погладилъ бороду и продолжалъ:

— Что-жъ теперя у тебя: домъ справный — двѣ избы на однихъ сѣняхъ; скотины: три коровы, да еще и теленка на мясо каждый годъ пускаешь; конь хорошій, — что катышекъ конь; хлѣба не поѣсть... Все, одно слово, хорошо, лучше бы быть не надо. Да только то и худо, что старъ ты, а помощника настоящаго, мужика, у тебя нѣту. Ты, Ермолай, пока что, пока въ здоровьи находишься, долженъ объ себѣ позаботиться: домовника хорошаго къ дочкѣ взять.

— Охъ, я и самъ объ этомъ давно думаю, — вздохнулъ Ермолай. — Коли пришло дѣвкѣ время выходить замужъ, ты чѣмъ хочешь ее вызволяй — харчемъ, одежиной — ей это ни къ чему, а ей мужика надо... Ты, Нифать, говоришь все правильно. Да только вотъ — грѣхъ-то великой! — гдѣ хорошихъ домовниковъ возьмешь?.. Нонѣ людей-то твердыхъ не стало. Въ мой домъ — надо правду сказать — никому не стыдно войти. Да вотъ тотъ, глядишь, хмелемъ зашибается, другой — работать не гораздъ. Охъ, грѣхъ великой, мудреное это дѣло!

— Будто уже и вправду никого хорошаго нѣтъ? А мой внучъ, Костя, чѣмъ худой? Въ Питерѣ при книжномъ магазинѣ служилъ, и хозяева иной разъ по сту, а то и больше, рублей довѣряли съ господъ получать. Чѣмъ же онъ худой парень: дюжой, здоровый, на лицо не хуже вого.

— Не въ лицѣ тутъ дѣло.

— Я знаю, что не въ лицѣ. А только, что хорошо, такъ не скажешь, что худо. А Костя и на работу злой, охъ, злой на работу! Онъ у меня вонѣчь на сѣнокосѣ почитай-что за двоихъ безъ малаго работалъ. А въ солдаты его не взяли не изъ-за браку, а по счастью, изъ-за дальняго жеребья. Онъ бы тебя подержалъ. Это вѣрно.

Ермолай молчалъ.

— Такъ какъ же насчетъ этого скажешь? — спросилъ Нифать.

— Не знаю, братъ, что и сказать, такое это мудреное дѣло.

Я, извѣстно, парня не хаяю, — парень не худой, что говорить, — да...

— Такъ что жъ?

— Да такъ, что подумать объ этомъ надо, вотъ что, надо съ дѣвкой поговорить.

— Да что дѣвка! Только бы твое согласіе было, а дѣвка согласится:

Ермолай быстро взглянулъ на него.

— А согласится—Богъ съ ней: пусть вѣнчаются. Мнѣ немного теперя жить осталось, ей больше. Пусть какъ хочетъ.

— Ну и лады, Богъ дастъ, будутъ!—съ облегченіемъ проговорилъ Нифатъ.—Такъ что жъ намъ и откладывать: позвать сюда дѣвку съ парнемъ, да и порѣшить, благословясь? А то что такъ-то мѣшкать?

— Нѣтъ, ты погоди до завтра; завтра за послѣднимъ рѣшеніемъ придите, — подумавъ, сказалъ Ермолай.

— Ладно, завтра—такъ завтра!.

Весь слѣдующій день Ермолай былъ озабоченъ думою о предстоящемъ замужествѣ дочери.

Онъ зналъ Градусова очень отдаленно; послѣ того какъ тотъ уѣхалъ въ городъ—около пяти лѣтъ тому—онъ его не видалъ, а въ этотъ его прїѣздъ въ деревню видалъ только въ церкви и на гульбищахъ, гдѣ Градусовъ ни въ чемъ себя не обнаружилъ настолько, чтобы можно было точно опредѣлить, что это былъ за человѣкъ. При встрѣчахъ онъ со всѣми вѣжливо раскланивался, снимая шапку, и вообще держалъ себя съ виду степенно; игралъ на гармоникѣ и гитарѣ, ни съ кѣмъ не ссорился; дома, у себя, говорятъ, читалъ много книгъ, которыя привезъ съ собой изъ города; въ народѣ шла о немъ недурная слава—вотъ и все, что зналъ онъ о немъ.

Когда они съ Наташей сѣли обѣдать, онъ сказалъ ей, что приходилъ Нифатъ вчера за тѣмъ, чтобы сватать ее за Костю.

Наташа только покраснѣла, потушилась и ничего ему не сказала на это.

Онъ подумалъ спросить: хочетъ ли она быть женой Градусова? Но, видя ея смущеніе и волненіе, рѣшилъ, что лучше будетъ сказать объ этомъ, когда она соберется съ мыслями и хорошенько подумаетъ о томъ, что онъ ей сообщилъ, и когда придутъ къ нему сегодня вечеромъ за послѣднимъ рѣшеніемъ сваты.

Градусовъ былъ удивленъ, когда Нифатъ объяснилъ ему, что у нихъ съ Ермолаемъ дѣло уже почти рѣшено, и ему, Градусову, надо готовиться къ свадьбѣ. Такое быстрое и неожидан-

ное рѣшеніе его смущало, хотя онъ и раньше часто слышалъ въ семьѣ своей разговоръ о томъ, что слѣдовало бы ему жениться на Наташѣ, и онъ не имѣлъ ничего противъ того, чтобы сдѣлаться крестьяниномъ, стараясь привыкнуть къ мысли, такъ настойчиво внушаемой ему Нифатомъ и Ѳеклюю. Онъ иногда съ отрадой вспоминалъ, какъ читалъ Наташѣ „Бѣлу“, Лермонтова, и она плакала, потомъ какъ она безмолвно обнаруживала свою любовь къ нему, — и ему становилось жаль ее, а услужливое воображеніе уже рисовало передъ нимъ въ прекрасной картинѣ тихую и спокойную трудовую жизнь съ неиспорченнымъ, любящимъ и преданнымъ существомъ...

Онъ сообщилъ эту новость товарищу своему, Аванасью, и спросилъ его: какъ онъ смотритъ на это? Аванасій подумалъ и сказалъ со свойственной ему рѣшимостью и убѣжденіемъ:

— А что жъ, ежели думаешь навсегда въ деревнѣ поселиться и заниматься крестьянствомъ, такъ и женись, особенно воли и невѣста по душѣ пришлась.

Градусовъ провѣрялъ про себя свои чувства къ Наташѣ, ея отношенія къ нему — и не находилъ основаній предполагать, чтобы Наташа могла быть ему не по душѣ.

Но больше всѣхъ тревожилась и волновалась Наташа. Она съ замираніемъ сердца ждала вечера, и ей все не вѣрилось, что счастье ея возможно и бракъ ея съ Градусовымъ не разстроится.

Днемъ она нѣсколько разъ забѣгала къ Домнѣ перемолвиться словомъ о дѣлѣ, которое ее такъ волновало, даже всплакнула.

— Дорогушенька, какъ-то Богъ дастъ?.. — говорила она, обнимая ее за шею и прижимаясь къ ней, какъ къ матери.

Домна съ жалостью и грустью смотрѣла на нее и вздыхала.

— Вотъ, ужъ, вечеромъ, все рѣшится. Чего тебѣ плакать-то раньше времени! — утѣшала она ее.

IV.

Вечеромъ Нифатъ и Ѳекла пошли къ Ермолаю, а Градусовъ съ Аванасьемъ послѣдовали за ними, нѣсколько времени спустя.

Войдя въ избу, Градусовъ помолился на образа и, поклонившись Ермолаю, сказалъ:

— Добраго здоровья!

Ермолай внимательно наблюдалъ его.

— Здравствуй, родной, здравствуй,—отвѣчалъ онъ,—милости просимъ.

Градусовъ и Аѳанасій сѣли на лавку.

Въ избѣ, какъ передъ большимъ праздникомъ, все было тщательно прибрано и вымыто; на столѣ постлана „восьмиклещная“, домашней работы, скатерть съ визанными кистями; лампа, жестяная, съ восьмиллинейной горѣлкой и съ тщательно вычищеннымъ стекломъ, повѣшенная на гвоздикѣ, вбитомъ въ стѣну, горѣла свѣтло и привѣтливо; передъ божницею теплилась лампада.

Нѣсколько времени всѣ молчали, какъ бы не осмѣливаясь нарушить торжественнаго настроенія. Наконецъ, Ермолай заговорилъ:

— Ты какъ же, Костентинъ Богданчъ, совсѣмъ отъ мѣста отошелъ, когда сюда поѣхалъ?

— Совсѣмъ,—отвѣчалъ Градусовъ.

— Такъ. Значить, уже больше тебя туда не возьмутъ?

— Не знаю. Нѣтъ, думаю, что возьмутъ—я служилъ хорошо, и мною, кажется, были довольны. Уволиться мнѣ пришлось изъ-за того, что у меня были нарывы на ногѣ, и пришлось лежать въ больницѣ, а послѣ, когда вышелъ изъ больницы, у хозяина мѣста не было свободнаго; онъ велѣлъ подождать,—одинъ изъ служащихъ собирался уѣхать, такъ на его мѣсто. Но это только слезать легко: „подожди“. Въ городѣ дорого стѣитъ это ожиданье... Вотъ такъ и пришлось ѣхать сюда. По роднымъ тоже соскучился: давно не видались.

Ермолай внимательно слушалъ его, одобрительно кивая головой.

— Такъ... Привывши, я думаю, къ городской-то жизни,—въ деревнѣ, теперя, и не гораздо люблю, поди?

— Нѣтъ, Ермолай Иванчъ, это—напротивъ: я деревню очень люблю.

— Такъ... А ежели бы, примѣрно, завсе здѣсь жить пришлось... Какъ скажешь?..

Градусовъ понялъ, почему онъ спрашиваетъ объ этомъ, и ему стало ясно, какія чувства должны были переполнять его сердце въ эту минуту. Онъ съ уваженіемъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и заговорилъ съ искреннимъ чувствомъ:

— Я скажу вамъ вотъ что: всякую малую птичку Богъ создалъ на свѣтъ такъ, что она склонность имѣетъ свое гнѣздо вить и выводить дѣтей, а тѣмъ болѣе—человѣкъ. Въ городѣ намъ не свить себѣ гнѣзда! Вотъ, я служилъ на мѣстѣ, полу-

чалъ жалованье не худое—двадцать-пять рублей—противъ другихъ своихъ земляковъ, полотеровъ, напимѣрь, и очень хорошо; мнѣ одному хватало на прожитіе и оставалось немного про запасъ. А развѣ могъ бы я съ женой и семьей жить на это жалованье?.. Могъ бы лишь ѡбдѣствовать. Да вѣдь и на службѣ-то насъ любятъ, пока служимъ, а заболѣлъ—вся любовь къ тебѣ пропала. Вотъ, тогда и узнаешь городскую жизнь, когда останешься одинъ-одинѣшенекъ и голову тебѣ приклонить негдѣ, и горя не съ кѣмъ раздѣлить,—только одинъ холодный камень кругомъ...

— Да, да; вѣрно,—сказалъ Нифатъ.

— Городъ-то добру не научить, — съ грустью замѣтила Оекла.

— А на крестьянствѣ,—продолжалъ Градусовъ,—на крестьянствѣ, какъ говорятъ старики: „хоть не въ хольѣ, да на своей волеѣ“. Здѣсь и семейные люди живутъ, хоть и не богато, а все-же живутъ сами собой, какъ Богъ указалъ. Работу деревенскую я не забылъ и люблю ее.

— Оно вѣрно,—согласился Ермолай.—Такъ вотъ, родной мой, Костентинъ ты Богданычъ, вотъ намъ это-то и дорого на крестьянствѣ, чтобы ты работалъ да объ хозяйствѣ заботу имѣлъ. Вѣдь крестьянинъ только тѣмъ и живетъ, что работаетъ наравнѣ съ конемъ своимъ, да день и ночь объ хозяйствѣ заботится.

— Это сравненіе съ конемъ нѣсколько обидно... Но я понимаю, что вы это такъ, спроста, говорите. И я, Ермолай Иванычъ, тебѣ по-просту скажу: когда я буду твоимъ зятемъ, ты не станешь меня обижать?

Ермолай ласково посмотрѣлъ на него.

— Я-то, рѣднѣй, тебя не обижу, только ты будь хорошъ. Ежели ты одинъ только разъ будешь со мной хорошъ, а я съ тобой—десять!

Нифатъ поднялся съ лавки.

— Теперича, стало быть, когда согласье у насъ вышло, надо Богу молиться да по рукамъ бить,—сказалъ онъ Ермолаю.—Ну, старикъ, я пойду созывать свою родню, а ты свою созывай,—да благословимъ ихъ; сулеечку винца въ корзинкѣ возьмемъ, да балалайку я свою захвачу—пѣсню разскажемъ. Эхъ, старина!—потрепалъ онъ по плечу Ермолая:—родней сдѣлаемся и такъ жить будемъ, что все горе позабудемъ. Лады!

— Давай Богъ, чтобы твои слова-то да Богу въ уши!—задумчиво произнесъ Ермолай.—Наталушка!—позвалъ онъ дочь:—поди, рѣдная, сядь вотъ тутъ,—поговоримъ.

Наташа, сидѣвшая до сихъ поръ съ Домною въ углу, у кровати, пришла и сѣла съ нимъ рядомъ.

— Вотъ, доченька, что я скажу тебѣ: теперь ты у меня вырощена большая; домъ и хозяйство я для тебя сберегъ,—заботился, сколько моей силы и ума было,—теперь тебѣ и замужь идти пора... Вотъ, дѣдъ Нифатъ съ бабой Ѳеклой тебя за своего внука, Костентина Богданова, сватаютъ... въ нашъ домъ, значить, къ тебѣ хотятъ его отдать, чтобы я взялъ его замѣсто родного сына. Какъ скажешь?

— Я, батюшко, ничего,—робко отвѣчала Наташа.—Я изъ твоей воли не выхожу: какъ ты знаешь...

— Нѣтъ, доченька,—сказалъ Ермолай послѣ нѣкотораго раздумья:—какъ ты?!—тебѣ съ нимъ дольше моего жить придется.

— Если ты... такъ то и я... Я согласна! — проговорила Наташа и заплакала, закрывъ передникомъ лицо.

Ѳекла сѣла съ нею рядомъ и, глядя ее по волосамъ, съ нѣжностью заговорила:

— Ладно, дитѣночко мое милое! чего плакать-то? Благо привелъ Господь за хорошаго человѣка идти. Не плачь, цыпущка, не плачь!

Ермолай пошелъ за занавѣску, къ кровати, и вышелъ оттуда съ овчинною шубой въ рукахъ.

— Стало быть, и взабылъ надо родню созывать,—сказалъ онъ, одѣвая шубу.—Ты, Аюня, не уходи: ты вѣдь свой,—обратился онъ къ Аюнѣ.

Наташа, отеревъ слезы, схватила Домну за руку.

— И ты, дорогуша, не уходи!

Ермолай, одѣвъ шубу и шапку, посмотрѣлъ на всѣхъ, бывшихъ въ избѣ.

— Надо же идти,—сказалъ онъ.

И пошелъ къ порогу. Нифатъ и Ѳекла послѣдовали за нимъ.

V.

Когда они ушли, Аюня дернулъ Домну за руку.

— Иди-ка сюда! — сказалъ онъ ей и повелъ ее за занавѣску, къ лежанкѣ, у печки.

— Миѣ, словно, и стыдно тутъ съ тобой двое-на-двое оставаться,—говорила Домна, идя за нимъ и садясь съ нимъ рядомъ, на лежанку.

— Чего стыдиться-то? Посидимъ да потолкуемъ; ты все отъ меня хоронишься, и поговорить не приходится.

— А что безъ толку-то языкомъ болтать?!

— Зачѣмъ безъ толку? Можно и съ толкомъ.

— Тише говори-то!

Они прижались другъ къ другу плечомъ и стали о чемъ-то шептаться.

Градусовъ остановился среди избы, противъ Наташи, и, нерѣшительно глядя на нее, спросилъ:

— Значить, мы, Наталья Ермолаевна, съ этихъ поръ женихомъ и невѣстой можемъ считаться?

— Да вѣдь какъ же?—съ недоумѣніемъ поглядѣла она на него.

Они замолчали.

Градусовъ сознавалъ, что ему слѣдовало поговорить откровенно со своей невѣстой, и почему-то чувствовалъ себя неловко, не въ силахъ настроиться на надлежащій тонъ. Помолчавъ, онъ снова обратился къ Наташѣ:

— Ну, а никогда тебѣ не приходило въ голову, Наташа: какъ мы въ супружествѣ жить будемъ?

— Какъ? А что жъ, какъ всѣ живутъ, такъ и будемъ жить... А то какъ же?.. Какъ Богъ дастъ!—прибавила она потомъ.

— Конечно, это вѣрно. А все-таки и свое соображеніе надо имѣть.

Наташа выпрямилась и поглядѣла ему въ глаза.

— Люди не богаче насъ, да живутъ, не жалуются. У насъ домъ—не хуже другихъ,—съ достоинствомъ сказала она.

Градусовъ пріободрился.

— Но вотъ еще что, Наташа: бываетъ иногда, что не любя женятся и замужъ выходятъ. Я бы такъ не хотѣлъ... Скажи мнѣ: когда мы обвѣнчаемся, любить ты меня будешь?

— Тогда бы я... я...

Наташа не могла говорить отъ сильнаго волненія.

— Ну, что же ты?—настаивалъ Градусовъ.

— Я давно тебя люблю! — страстнымъ шопотомъ проговорила она.

Онъ съ чувствомъ пожалъ ея руку и съ выраженіемъ нѣжности и благодарности поглядѣлъ на нее.

— Такъ ты о жизни нашей нисколько, нисколько не безпокоишься?—спрашивалъ онъ, сажая ее на лавку, рядомъ съ собой.

— А какъ бы ни жить, только бы съ тобой! — просто и пылко отвѣчала она.

— Милая моя, дорогая Наташа! И я тебя тоже очень люблю...

Онъ держалъ ея руку въ своей и чувствовалъ, какъ и его сердце бьется тою же любовью и счастьемъ, какъ и ея.

— Вотъ, скоро мы будемъ мужемъ и женой, — шопотомъ говорилъ онъ, — и потому я долженъ открыть передъ тобой всю свою душу... Можешь ты исповѣдь мою выслушать?

— Ха-ха-ха! Такъ вѣдь я не попъ, что на исповѣдь ко мнѣ ходить! — весело и громко расхохоталась Наташа.

Этотъ хохотъ нѣсколько расколодилъ его. Но настойчивая мысль поговорить съ своей невѣстой откровенно, по душѣ, не оставляла его.

— Нужды нѣтъ, не въ попѣ суть... Чтобы быть счастливыми, нужно прежде всего быть откровенными другъ съ другомъ. Могу я объясниться съ тобой по душѣ?

— Ну, ладно.

— Вотъ что я скажу тебѣ, Наташа: съ самыхъ малыхъ лѣтъ, я чувствую въ себѣ что-то необыкновенное... присутствіе чего-то, о чемъ не высказать въ словахъ...

Наташа слушала, глядя въ полъ.

— Дѣло въ томъ, — продолжалъ Градусовъ, — что я имѣю... направленіе..., — онъ запнулся, — или, такъ сказать, стремленіе къ... однимъ словомъ, склонность къ сочиненію и стихамъ...

Проговоривъ это, онъ испыталъ такое ощущеніе, какъ если бы свалился съ какой-нибудь головоломной кручи, но, слава Богу, остался цѣлъ и невредимъ, и, почувствовавъ подъ собой твердую почву, сталъ сразу увѣреннѣе и веселѣе. Наташа все такъ же глядѣла въ полъ и, повидимому, слушала его.

— Я выскажусь яснѣе, — продолжалъ Градусовъ: — когда я служилъ въ магазинѣ, я много сочинялъ стиховъ, которые нѣкоторые свѣдущіе люди читали потомъ и хвалили, и убѣждали меня, что у меня есть талантъ... Мнѣ было бы жалко и до страданія больно погубить его безслѣдно; я привезъ съ собой изъ города книжекъ и, между дѣломъ и досугомъ, буду продолжать свое развитіе. О, намъ нужно развиваться! — съ глубокимъ убѣжденіемъ и какимъ-то порывомъ вдохновенія воскликнулъ онъ. — Настало въ жизни крестьянъ это великое переходное время отъ тьмы къ свѣту, а теперь мы стоимъ только на пути къ просвѣщенію...

— Что жъ это народъ-то долго не собирается? — съ тоскою проговорила Наташа, глядя въ сторону.

— Ахъ, ты про народъ...—въ смущеніи пробормоталъ онъ.—
Соберутся скоро, навѣрное, разъ уже за ними пошла...

„Боже мой!“—со вздохомъ подумалъ онъ.

Наступило молчаніе.

— Такъ вотъ, Наташа,—заговорилъ-было Градусовъ, чувствуя, что долженъ чѣмъ-нибудь кончить то, что началъ.

— Да брось ты!—прервала она его, и въ голосъ ея слышалась нескрываемая досада.—Что тамъ? Станемъ жалѣть другъ дружку, да трудиться—и все пойдетъ своимъ чередомъ. Все хорошо тогда будетъ,—уже безъ досады прибавила она.

VI.

Смутно и тяжело было на сердцѣ Градусова.

Онъ бранилъ себя за то, что такъ неумѣло объяснился съ Наташей, которая, очевидно, не поняла его. „Только я одинокъ и глупъ, и виноватъ во всей неловкости и огорченіи,—обвинялъ онъ себя.—У стариковъ все дѣлается стройно, послѣдовательно и неуклонно: они знаютъ, что дѣлаютъ—и спокойны, а мы, молодежь, не можемъ никакъ спѣться и понять другъ друга... И опять я во всемъ виноватъ: началъ объясненіе такимъ дурацкимъ языкомъ... Ломаюсь какъ актеръ на сценѣ!.. Она готова къ жизни трудовой съ любимымъ человѣкомъ и смотреть на это просто, и передъ нею путь ея ясенъ. А передо мной—какая-то мгла. Нѣтъ, мнѣ нужно дѣйствовать осмотрительно, не торопясь, но упорно и смѣло, не отступая отъ своихъ идеаловъ. А главное—связьнуться прежде всего съ этой жизнью, отъ которой я уже немного отвыкъ, понять характеръ и интересы этихъ людей, которымъ хочу быть полезенъ“.

По мѣрѣ того, какъ Градусовъ распутывался въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, къ нему стало возвращаться его прежнее бодрое настроеніе, и онъ опять смотрѣлъ на жизнь смѣло, съ надеждой на лучшее будущее.

Свадьбу рѣшили сыграть черезъ мѣсяць.

Въ продолженіе этого мѣсяца Градусовъ почти каждый день приходилъ къ Наташѣ; она готовила себѣ приданое—шила и вышивала—и за работою пѣла пѣсни или рассказывала о своей прошлой жизни, безъ матери: какъ она училась доить коровъ, топить печь, готовить харчи и печь хлѣбы; какъ часто вспоминала о матери и жалѣла о томъ, что ея уже нѣтъ, молилась

о ней, плакала... Эти рассказы были исполнены грусти и поэтической прелести.

Градусовъ замѣчалъ, что въ то время, когда онъ былъ съ нею просто и ласково, она становилась весела и разговорчива, и въ области, доступной ея уму, обнаруживала способности пылкаго чувства, вымысла, смѣлвости и живого воображенія. Это радовало его, и онъ любилъ слушать ея рассказы...

День свадьбы прошелъ въ какомъ-то туманѣ.

Всѣ деревенскіе свадебные обряды исполнялись старшимъ дружкой, Аванасемъ, неукоснительно, торжественно, медленно и... очень утомительно!

Градусова сперва благословили дома родные, потомъ повезли его въ невѣстѣ, и тамъ ихъ обоихъ вмѣстѣ благословляли, сопровождая этотъ обрядъ декламацией соответствующихъ стиховъ; наконецъ, повезли въ вѣнцу. Здѣсь ихъ не задерживали долго: священникъ, для скорости, обвѣнчалъ за одинъ разъ двѣ пары.

Наташа во время вѣнчанія усердно молилась. Градусовъ тоже молился и чувствовалъ въ себѣ, какъ Наташа теперь стала еще болѣе близка ему, и уже вдвоемъ, вмѣстѣ съ нею, онъ удаляется отъ прежней своей жизни и передъ ними еще не открывается, но намѣчается въ таинственныхъ очертаніяхъ новая жизнь... Какая?.. Ему было жутко думать объ этомъ. „Господи, помоги!“—мысленно говорилъ онъ. И опять въ сердце его проникло знакомое чувство жалости къ Наташѣ и горячее желаніе быть ей полезнымъ, а вмѣстѣ съ этимъ къ нему приходила бодрость духа и надежда на хорошее будущее, вѣра въ свои силы... Вѣнчаніе кончилось. Священникъ сказалъ имъ нѣсколько назидательныхъ словъ о томъ, какъ нужно жить по-христіански, и, благословивъ, отпустилъ.

Они сѣли въ сани крестнаго отца Наташи, Егора Сбитня, бывшаго замѣтно „навеселѣ“, и когда всѣ усѣлись, поѣздъ тронулся, сперва тихо, потомъ лошади, назябшіяся на морозѣ, понеслись во весь духъ. Зазвенѣли разноголосые колокольчики подъ дугами, обернутыми шитыми полотенцами, забрякали бубенцы на сбруяхъ лошадей, замелькали разноцвѣтныя ленточки, вплетенныя въ лошадиныхъ гривахъ, зашипало холоднымъ вѣтромъ лицо поѣзжанъ, и снѣгъ, выбрасываемый копытами лошадей, засыпалъ ихъ легкою пылью...

На свадебномъ пиру стрѣляли изъ ружей, пѣли „князю молодому и княгинѣ молодой“ величанія. Градусовъ сидѣлъ съ Наташей на подушкѣ, подъ образами въ большомъ углу, и молча наблюдалъ веселящуюся толпу. Ему было грустно...

Когда пришли на пиръ приглашенные имъ учитель, фельдшеръ, сидѣлецъ винной лавки, волостной старшина и писарь, Градусовъ съ Наташей пригласили ихъ въ другую избу. Они приглашали туда Аванасья, Грушу съ мужемъ, Романа съ женой и еще одну родственницу-дѣвушку, Сюту. Тѣ отказались отъ этого приглашенія; Аванасій даже какъ-то многозначительно и ѣдко усмѣхнулся и сказалъ:— „Тамъ, ужъ, какъ вздумаемъ, такъ и къ вамъ придемъ“. — Пошла одна Сута и Домна.

Градусовъ радъ былъ уйти подальше отъ свадебной сутолоки и шума. Здѣсь, въ отдѣльной избѣ, было посвѣжѣе, почище, просторнѣе, и онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда сидѣлъ съ гостями за столомъ, покрытымъ чистою скатертью и уставленнымъ холодными закусками— жареной говядиной, селедкой, огурцами, студенемъ,—нѣсколькими бутылками водки и наливки, рюмками и стаканами.

Желая развлечься, Градусовъ выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, но съ каждой рюмкой только чувствовалъ, что хмелѣеть, но не становится веселѣе.

— Ужъ вы, господа, пожалуйста меня извините,—говорилъ онъ своимъ гостямъ:—признаюсь, я не выношу тѣсноты и шума, и у меня тамъ немного разстроилась голова...

— Известно,—отвѣчалъ ему Нилъ Гавриловъ, разглаживая свою пышно расчесанную черную бороду и блестя большой лысиной и круглыми, на выкатѣ, глазами,—известно, тутъ деревня—духота и толкотня. А тамъ, скажемъ, примѣрно, въ Питерѣ, когда служили въ артельщикахъ, такъ, значить, и положеніе было другое.

— Привыкнете и здѣсь, Богъ дастъ,—успокоивалъ Иванъ Михайлычъ, беззаботно и добродушно-весело усмѣхаясь.—Мы, вотъ, къ деревнѣ привыкли, такъ даже нравственность себѣ находимъ... вотъ съ мармазелями!..

И, говоря это, онъ ущипнулъ Домну.

— Ладно, не дурачьтесь!—сурово сказала ему Домна.

Сидѣлецъ винной лавки, Кононъ Ѳедосѣичъ, съ участіемъ и почти съ нѣжностью поглядѣлъ Градусову въ глаза и мягко проговорилъ:

— Вашему объясненію, Константинъ Богданъчъ, можно повѣрить...

Градусовъ задумчиво и разсѣянно слушалъ ихъ.

— Да?—какъ бы пробуждаясь отъ сна, сказалъ онъ Конону Ѳедосѣичу. И не зная, что сказать ему больше, обратился ко всѣмъ сидящимъ за столомъ:—Но что же мы, господа? Выпьемте!

Всѣ мужчины чокнулись, сказали: „горько“. Градусовъ поцѣловался съ Наташей и снова сталъ задумчивъ и разсѣянъ.

— Я, вотъ, завелъ вамъ говорить насчетъ деревни-то, да и не досказалъ, — снова мягко заговорилъ Коновъ Федосѣичъ, изысканно вытирая кончики своихъ черныхъ и тонкихъ усиковъ чистымъ, надушеннымъ платкомъ, который передъ тѣмъ встряхнулъ за концы, вынувъ изъ кармана новенькаго пиджака. — Вамъ, Константинъ Богданычъ, по совѣсти можно повѣрить, что вы должны испытывать скуку. И со мной, я вамъ скажу, въ этомъ же родѣ курьёзъ случается! При винной лавкѣ я вѣдь нахожусь, собственно говоря, не давно, а раньше того долгое время пришлось въ городѣ прожить. Я тоже, знаете, съ однимъ помѣщикомъ былъ довольно коротко знакомъ и у него почастьненьку гостилъ; на охоту съ нимъ нерѣдко ѣздили... и прочее.

Градусовъ слушалъ его плавную, ласковую рѣчь, но смыслъ этой рѣчи какъ-то ускользалъ отъ его вниманія. Но онъ постарался ласково улыбнуться и сказалъ въ отвѣтъ:

— Очень пріятно... Прошу выпить, господа!

Снова чокнулись и выпили.

Въ это время пришелъ Аѳанасій. Войдя, онъ поклонился гостямъ и, улыбаясь загадочной, проницательной улыбкой, громко провозгласилъ:

— Миръ компаніи честной!

— Милости просимъ, — сказалъ Градусовъ.

VII.

Поправивъ рукою свои густые волосы, Аѳанасій медленно, словно смакуя каждое свое слово, заговорилъ, щура глаза, словно въ нихъ ударялъ нестерпимый свѣтъ:

— Фу-ты, вся деревенская „листократія“ тутъ въ одно мѣсто скучилась! Нельзя ли какъ и меня къ ней примазать, хоть я и муженькъ, и сапожникъ?

— И пьянъ, какъ сапожникъ! — вырвалось у Ивана Михайлыча.

Гости разсмѣялись. Аѳанасій выждалъ, когда они перестанутъ смѣяться, и, когда всѣ смолкли, такъ же медленно и вѣско проговорилъ:

— Я—пьянъ, но, кажется, никому изъ васъ, господа, не сказалъ обиднаго слова...

— Ну, оставимъ обидныя слова! — сказалъ Градусовъ. — Садись за столъ!

Аванасій сѣлъ на край скамейки.

— Господа, прошу! — предложилъ Градусовъ, поднимая рюмку.

Всѣ стали чокаться и пить. Аванасій не пилъ и сидѣлъ, никого не замѣчая, словно онъ былъ одинъ. Потомъ медленно досталъ изъ кармана штановъ кисеть съ махоркою, ключокъ газетной бумаги, и принялся свертывать папиросу.

Гости выпили и замолчали, поглядывая на этого невзрачнаго и маленькаго, но увѣреннаго въ себѣ, перевязаннаго черезъ плечо вышитымъ полотенцемъ, въ качествѣ большого дружки, человѣка. Они съ любопытствомъ слѣдили за тѣмъ, какъ онъ, свернувъ папиросу, погладилъ ее двумя пальцами, чтобы сравнить въ ней табакъ, потомъ откусилъ лишніе концы бумаги.

— Я отъ сѣрой компаніи пьяныхъ невѣжь-мужиковъ ушелъ къ вамъ, господа, думалъ, что тутъ благородіе, — такъ, значить, и веселіе. А выходитъ, какъ я вижу, противоположная сторона... — насмѣшливо сказалъ Аванасій.

— Мы тоже будемъ веселиться, — задорно вскричалъ опянѣвшій Градусовъ. — Наташа, нельзя ли мою гитару достать?

Наташа встала, готовясь идти за гитарой, которая была у Нифата въ той избѣ. Домна удержала ее.

— Сиди, ладно! — сказала она ей: — пристало ль тебѣ уходить? Я принесу.

Она вытѣзала изъ-за стола и пошла за гитарой.

Аванасій придвинулъ къ себѣ лампу и закурилъ отъ нея. Потомъ пристально и строго посмотрѣлъ на Ивана Михайлыча.

— Такъ, — задумчиво выговорилъ онъ. — А я тебѣ, господинъ писарь, долженъ вотъ что сказать: благородные люди должны соблюдать правду и гостей, такихъ же какъ и они сами, не огорчать. Еще намъ, мужикамъ-невѣжамъ, простительно, если мы, по сиволапости своей, что и не по правдѣ сдѣлаемъ, а благородный человѣкъ — дѣлай по благородному: по правдѣ, рассуждай правильно, что нужно и что не нужно. Вотъ вамъ моя, — какъ сказать по книжному, — „философистива“! А ежели человѣкъ называется благороднымъ, а дѣлаетъ не по правдѣ, тогда онъ — своть! Это ты мнѣ повѣрь. Завсегда могу сказать.

Слова Аванасыя, сказанныя вѣско, съ убѣжденіемъ, произвели впечатлѣніе.

— Разсужденіе вышло не худое, — замѣтилъ Иванъ Михайлычъ. — Хотя и невзвѣстно... и не совсѣмъ ясно, по какому поводу оно сказано...

— Жалко, что ты этого не знаешь!

Аѳанасій положилъ ногу на ногу и, принявъ небрежную позу, сталъ курить, выпуская густыя облака ѳдакаго дыма.

— Я за словомъ въ карманъ ни къ кому не полѣзу,— продолжалъ Аѳанасій, щурясь однимъ глазомъ отъ дыма,— не гляди, что у меня руки варомъ запачканы. Я хоть въ писаряхъ не служилъ, а когда въ переплетной находился, такъ книжекъ-то больше иного писаря прочиталъ: Пушкины-то да Кольцовы съ Лермонтовымъ—мнѣ не въ диковинку...

— Ну, читалъ, такъ и слава Богу,—отвѣчалъ Иванъ Михайлычъ, не зная, что больше сказать.

Домна принесла гитару.

— Тамъ тебя спрашиваютъ,— сказала она Градусову:— пусть бы, говорить, молодые-то здѣсь погуляли.

— Да? Но... какъ же,—затруднился Градусовъ:—развѣ погода немного?

Аѳанасій обратился къ Домнѣ и, улыбаясь ей, какъ хорошо знакомому и близкому человѣку, проговорилъ:

— Ты насъ не сбивай: объ хорошихъ дѣлахъ—объ книгахъ—рѣчь зашла.

Домна сердито встряхнула головой.

— Да у васъ и все не такъ, какъ у добрыхъ людей! На то и свадьба, чтобы объ какихъ-то книжкахъ звонить!.. Книжники смородливые!

— Правда и есть!—подтвердила Наташа.

Аѳанасій разсмѣялся.

— А все-таки не мѣшайте! — мягко, но настойчиво сказалъ онъ.

Домна нахмурилась и сѣла возлѣ Наташи. Градусовъ, опьянѣвшій отъ выпитой водки, старался сдерживаться, быть любезнымъ съ гостями, и скука его уже проходила; онъ оживленно заговорилъ съ учителемъ и фельдшеромъ о полезности шеоль, библиотекъ и чтеній для народа; Кононъ Ѳедосѣичъ слушалъ ихъ, отмахиваясь своимъ чистымъ, надушеннымъ платкомъ отъ дыма Аѳанасеевой цыгарки; Иванъ Михайлычъ, уже забывшій о разговорѣ съ Аѳанасеемъ, поминутно наклонялся къ уху Сюты и шепталъ ей что-то такое, отъ чего она краснѣла, хмурилась и отмахивалась руками, а онъ сладостно ослаблялся; а Ниль Гавриловъ сидѣлъ спокойно и увѣренно, какъ будто сознавая, что онъ здѣсь исполняетъ свой долгъ, и только изрѣдка позѣвывалъ, сдерживаясь и набожно крестя ротъ.

— Я тоже,—выбравъ удобный моментъ, заговорилъ Кононъ Ѳедосѣичъ, обращаясь главнымъ образомъ къ Градусову,— когда

въ городѣ жилъ, такъ былъ коротко знакомъ съ однимъ помѣщикомъ... гостилъ, знаете, у него долго,—на охоту съ нимъ вмѣстѣ часто ѣздили... Такъ я это къ тому говорю, что и у него тоже большое множество книгъ было. Только такъ онѣ, зря, содержались, почти для моды одной...

Аванасій, настороживъ ухо, прислушивался къ разсказу Конона Федосѣича и усмѣхался.

— Ну, и что-жь?—спросилъ онъ его.

Кононъ Федосѣичъ брезгливо отворотился отъ Аванасія, какъ будто не слышалъ, что онъ говоритъ ему.

— И вотъ, господа, — продолжалъ онъ, — всегда я удивлялся насчетъ книгъ: что въ нихъ, собственно говоря, есть особеннаго?.. Ну, тамъ писатель что-ль какою напишетъ книгу, — ну, и что-жь изъ того? Потомъ ее печатаютъ, — ну, и что-жь въ томъ? Потомъ читаютъ люди...

— Ну, нѣтъ!—горячо воскликнулъ учитель:—это вы напрасно! А скажите: кому же люди ониміамъ курятъ? Все же добру, а не злу? И объ этомъ распространяютъ въ книгахъ.

Кононъ Федосѣичъ посмотрѣлъ на учителя, не зная, что сказать ему, и, очевидно, не понимая значенія его словъ. Нилъ Гавриловъ погладилъ лысину и резонно и вѣско замѣтилъ:

— Ну, въ куреньи-то хорошаго мало, окромѣ одного убытку.

— Но вѣдь онъ не о томъ куреньи говорить, — едва сдерживая улыбку, сказала Градусовъ.

— Я не о томъ куреньи говорю!—загорячился учитель.— Вы думаете, что о табакѣ? О, нѣтъ! Я о куреніи ониміама говорю. Это... какъ бы вамъ растолковать, это куреніе ониміама — вродѣ ладана... Ну, одно слово, если, напримѣръ, вы захотѣли похвалить человѣка, или какую-либо книгу, слѣдовательно, и говорятъ, что вы закурили ониміамъ.

— Ха-ха-ха!—громко расхохотался Аванасій.

— Что жъ смѣшнаго?—обидѣлся учитель.

— Ха-ха-ха!—повторилъ Аванасій.—А что значитъ куреніе-то ониміама? Я хорошенько не разобралъ...

— Брось ты!—дернула Домна Аванасія за рукавъ.

— Да бросьте вы про это!—не удержалась Наташа:—завели разговоръ, что и не понять ничего. Играли бы лучше на гитарѣ.

Кононъ Федосѣичъ сталъ извиняться.

— Мнѣ даже совѣстно, — говорилъ онъ, влады руку на сердце, — что я объ такомъ предметѣ, — объ книгахъ, — рѣчь завелъ. Изъ-за пустяковъ, да вотъ непріятности выходятъ.

— Извините, — перебилъ его фельдшеръ: — какъ можно сказать, что книги — пустяки? Если бы не книги, намъ трудно было бы изучать медицину.

— А какъ бы я безъ книгъ ребятъ учить сталъ? — спросилъ учитель.

— Ну, научныя пособія книгъ — я не говорю! Это — дѣло иное, — защищался Кононъ Ѳедосѣвичъ. — Наука — это дѣло иное!

— Но позвольте, Кононъ Ѳедосѣвичъ, — сказалъ Градусовъ: — для чего же и грамотѣ тогда учиться, воли книгъ не нужно?..

Кононъ Ѳедосѣвичъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ это время заговорилъ Нилъ Гавриловъ.

— Нѣтъ, это — нѣтъ; вѣдь совсѣмъ и безъ книжекъ-то тоже нельзя. Скажемъ, къ примѣру, судьи на суду — и все теперь по книжкамъ присуждаютъ: какой тамъ есть законъ — въ книжкѣ сейчас и найдешь объ немъ статью. А возьмемъ опять въ деревни: и тамъ тоже по книгамъ служба идетъ...

Иванъ Михайлычъ, увлеченный общимъ разговоромъ, на минуту оторвался отъ Сюты и, обнявъ ее одной рукой за талию, повернулся къ Конону Ѳедосѣвичу и произнесъ:

— На что и у насъ, въ правленьи: всѣ дѣла тоже по книгамъ ведутся.

Градусову было неловко за Конона Ѳедосѣвича. И чтобы загладить впечатлѣніе его словъ, онъ снова громко произнесъ:

— Выпьемте, господа!

VIII.

— Да, въ деревнѣ у насъ жизнь одинаковая, — съ одушевленіемъ заговорилъ Иванъ Михайлычъ, уже совсѣмъ оставляя Сюту и увлекался другимъ: — то-есть, что было сегодня, то, навѣрное жди, будетъ и завтра! Только и находишь себѣ удовлетвореніе, что вотъ съ ними иногда, — бивнулъ онъ въ сторону Сюты. — Да вотъ еще на охотишку тоже сходишь. Мнѣ весьма пріятно, что вы, Кононъ Ѳедосѣвичъ, тутъ поселились: въ нашемъ лицѣ я найду навѣрное себѣ сотоварища насчетъ охоты.

— Въ моемъ лицѣ? — отозвался Кононъ Ѳедосѣвичъ. — Да, да; очень пріятно. Но только, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ ни ружья, ни собаки...

— Э, насчетъ ружья вамъ нечего беспокоиться: у меня ихъ два — берите любое. И двѣ собаки имѣю; одну могу уступить.

Кононъ Ѳедосѣвичъ оживился и повеселѣлъ.

— Благодарю. Я охоту необыкновенно люблю! — съ увле-

чениемъ заговорилъ онъ.—Воздухъ, знаете, такой... и природа... птицы разные и пѣвнѣе... все! Слушаешь—и по всему пространству, по всѣмъ вѣткамъ щебетанье идетъ! Войдешь въ лѣсъ—тамъ солнечная тѣнь кругомъ облегаетъ и вездѣ распространяется... Какъ же: деревенская жизнь тѣмъ и мила, что воздухъ въ ней и природа. Крестьянамъ нашимъ въ этихъ случаяхъ можно позавидовать: они постоянно находятся среди природы.

— Ну, и отличное дѣло,—согласился Иванъ Михайлычъ:—значить, поохотимся.

— О, да!

Аванасій сперва сурово, а потомъ съ улыбкой глядѣлъ на нихъ.

— Да объ чемъ вы, господа, сумѣваете? На что вамъ и ружья-то? И ружей для васъ совсѣмъ не надо,—рѣшительно и съ убѣжденіемъ сказалъ онъ, какъ будто вдругъ неожиданно сдѣлалъ какое-то открытіе.

— Какъ такъ?—спросилъ Градусовъ.

— Да такъ: чтобы гонять воронъ да галокъ, будетъ съ нихъ и палокъ.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялись гости.

— У-удумалъ!—едва выговорилъ Нилъ Гавриловъ, хватаясь за животъ и не въ силахъ сдержать смѣха.

— Позвольте, — обидѣлся Кононъ Ѳедосѣичъ: — смѣшного, кажется, нѣтъ ничего.

— „Природа тѣни на солнцѣ распространяется! щебетанье вѣтовокъ по воздуху идетъ!..“ Ха-ха-ха!—не унимался Аванасій.

— Вѣдь я не такъ же сказалъ!—защищался Кононъ Ѳедосѣичъ, дѣлая скорбное лицо.

Новый взрывъ смѣха былъ ему отвѣтомъ.

— Чортъ знаетъ, что такое!—съ недоумѣніемъ пробормоталъ онъ, пожимая плечами.

Аванасій вдругъ пересталъ хохотать и съ серьезнымъ и важнымъ видомъ обратился къ Конову Ѳедосѣичу:

— „Крестьянамъ можно завидовать; они постоянно среди природы живутъ“,—повторилъ онъ слова Конова Ѳедосѣича.— Нѣтъ, ты вотъ что сказалъ бы: придетъ лѣтняя рабочая пора—и въ праздникъ отдыхать некогда: надо справлять и телѣгу, и соху, и борону, все къ утру другого дня готовить. Утромъ, еще въ темную зорю, еще „щебетанье вѣтовокъ по воздуху не идетъ“, а ты долженъ вставать и за конемъ въ поле идти. Потомъ выѣзжай на работушку; въ среднюю упряжку придется подремать, подремлешь, а не то—до темной зари и при не отдохавши! Вотъ

тогда будешь человекомъ, кое-какъ сбиваться будешь. А ежели прослушаешь, какъ „вѣтки по воздуху поютъ“, и будетъ у тебя оброкъ не уплаченъ, одѣжи—что на себѣ, а хлѣба—что въ брюхѣ. Это я тебѣ говорю—и ты мнѣ повѣрь. Ты не сидѣлъ у воды безъ хлѣба?

— Но позволъ: все это такъ. А зачѣмъ же грубости говорить?..

Кононъ Федосѣичъ въ волненіи поднялся съ лавки. Наташа схватила Аванася за руку.

— Да бросьте вы, пожалуйста!

Аванасій сповойно и съ улыбкой глядѣлъ на Конона Федосѣича.

— Не грубости, а правду. Потише!—сдѣлалъ онъ повелительный жестъ.

Кононъ Федосѣичъ сѣлъ.

— Я не меньше твоего свѣту видѣлъ,—продолжалъ Аванасій,—и не меньше твоего книжекъ читалъ, хоть и съ помѣщиками не охотился, и въ кабакѣ сидѣльцемъ не былъ. Отчего же я не зазнаюсь и не ломаю изъ себя, чего не слѣдуетъ? А вѣдь могъ бы и я!

Онъ всталъ передъ Конономъ Федосѣичемъ и, выпрямившись во весь свой небольшой ростъ, принялъ видъ гордый и величавый.

— Вотъ я передъ тобой, видишь, какой есть? Мужикъ необразованный и пьяный. А бери сейчасъ перо и бумагу, садись и пиши, а я начну тебѣ диктовать говорить—и ты сочинишь такую повѣсть, али драму, что иному писателю далеко покопаться. Только описывай мужика правильно, а не такъ, какъ другіе—думаютъ, что ежели объ мужикѣ рѣчь идетъ, такъ и надо его дуракомъ выставить: и говорить онъ скверно, по-дурацки, и ходить, какъ медвѣдь, и только и знаетъ, что пьянствуетъ да ругается. Нѣтъ, врешь, не такъ! Ты, думаешь, этимъ и постигъ мужика, что напишешь: „онъ почесалъ у себя въ затылкѣ, или поясницу; онъ высморкался въ руку; онъ выругался непечатнымъ словомъ; онъ, ни съ того, ни съ сего, избилъ жену до полу-смерти“. Это, братъ, такое писательство—дурацкое дѣло! Это я тебѣ говорю—и ты мнѣ повѣрь. Слово мы и не люди? Нѣтъ, мы—люди; мы—труженики, кормильцы своему отечеству!

Онъ поблѣднѣлъ, глаза его блестя и рѣзкіе звуки голоса его вырывались и сверкали, какъ искры отъ кремня, когда по немъ ударяютъ огнемъ.

Кононъ Федосѣичъ отодвинулся отъ него подальше и, наклонившись къ уху фельдшера, шепталъ:

— Не удивительно ли: какъ это, выпивши, человекъ разную чушь городить!

Фельдшеръ не слушалъ его шопота и съ удивленіемъ глядѣлъ на Аѳанасья; учитель лукаво ухмылялся; Ниль Гавриловъ одобрительно кивалъ головой, говоря про себя, на патетическихъ мѣстахъ Аѳанасьевоѣ рѣчи: „такъ, такъ!"; Иванъ Михайлычъ съ любопытствомъ наблюдалъ движенія Аѳанасья, какъ будто ожидая, что вотъ онъ еще скажетъ или сдѣлаетъ что-нибудь особенное; Наташа глядѣла на Аѳанасья и улыбалась; Домна, сурово сдвинувъ брови, впиалась въ него строгимъ взглядомъ; Сюта встревожилась и боялась, не вышло бы ссоры, а Градусовъ ловилъ каждое слово Аѳанасья, и когда тотъ кончилъ, съ восторгомъ протянулъ ему руку.

— А ты, братъ, молодчина. Скажи пожалуйста, что за диво: я тебя не зналъ до сихъ поръ, и только теперь ты мнѣ настоящее открылся.

— Хоть бы на гитарѣ-то сыграли, — сказала Сюта, уже успокоившаяся и довольная тѣмъ, что все кончилось благополучно.

Домна взяла со стола гитару и сердито сунула ее въ руки Градусову, сказавъ:—На гитару!

— Отлично!—сказалъ Градусовъ.—Сейчасъ сыграемъ.

Наташа сперва слѣдила за тѣмъ, какъ онъ настраивалъ гитару, и ждала, когда онъ заиграетъ. Но, услышавъ что-то незнакомое и непонятное, съ неудовольствіемъ отодвинулась отъ него къ Сютѣ.

Аѳанасій тоже слушалъ, когда Градусовъ настраивалъ гитару, а когда заигралъ, онъ махнулъ рукою, сказавъ:

— Это намъ дешево стѣить. Мы лучше будемъ съ бабами разговоры говорить.—И, закуривъ окурочъ своей погасшей и положенной на концѣ стола цыгарки, онъ пошелъ къ Домнѣ.

— Подъ-ка сюды!—сказалъ онъ ей, беря ее за руку и уводя въ уголь, къ печкѣ:—вотъ тутъ, въ сторонкѣ, „побаемъ“.

Онъ сталъ затягиваться цыгаркой, дыма въ сторону отъ Домны.

Домна отмахивалась отъ ѣдкаго дыма Аѳанасьевоѣ цыгарки и все ждала, когда онъ заговорить.

— Ну, что жъ?—спросила она наконецъ съ нетерпѣніемъ.

— А вотъ сейчасъ начнемъ,—сказалъ Аѳанасій, продолжая затягиваться и пускать дымъ.

— Какъ будешь настоящія рѣчи говорить, такъ стану слушать, а неслѣдующія заведешь—плюну и уйду прочь,—съ отѣнкомъ раздраженія сказала Домна.

Аванасій докуривъ папироску, бросилъ ее на полъ и, затоптавъ ногою, приблизился къ Домнѣ и дружески заговорилъ:

— Не плюйся; слѣдующія, сурьезныя. Я, Домна, только и могу съ тобой отъ души сурьезныя рѣчи вести, больше ни съ кѣмъ... Это вѣдь кто?—кивнулъ онъ на гостей:—писаринша вѣтрогонный, который, какъ машина, только чужія бумаги переписываетъ; волостной старшина, который не имѣетъ ни своего ума, ни своей воли, а служить начальству по-собачьи: поретъ мужиковъ розгами зря, да въ штрафной журналъ вписываетъ; учитель, который заботится не объ школѣ, а объ кутейницвой должности; кабацкій цѣловальникъ — этотъ румяный болванъ, — который дальше кабака ничего не видитъ; фершалъ...

— Ну, да ладно,—съ нетерпѣніемъ прервала его Домна:—всѣхъ перебралъ; брось про это.

— А я тебя люблю, Домна: ты — некрасивая, да хорошая и, кажется, ко мнѣ подъ характеръ подхожа. Я не люблю съ бабами ласы 'точить, а и безъ бабы вѣкъ не проживешь. Кто есть на свѣтѣ хладнокровнѣе лягушки? А и та, какъ отъааетъ весной; тоже себѣ пару ищетъ. А я человекъ... Ты мое положеніе знаешь: имѣю я избушку на подперкахъ, мать-старуху, которую кормить и беречь обязанъ, коровѣнку, да лошадедку, да курицу съ цѣтухомъ — вотъ и все мое имущество. А рожденъ труженникомъ,—и день, и ночь могу работать, если нужно; пашню пашу и сапоги шью. Ты меня поддержишь. Хочешь—я въ поле съ сохой поѣду, а не то—ты поѣзжай, я сапоги буду шить. Ежели моему конишеѣ гдѣ не вывезти, ты вывезешь...

Онъ взялъ ее рукою за плечо и многозначительно посмотрѣлъ на нее.

— Твои, какъ по книжному сказать, мускулы, будутъ покрѣпче, чѣмъ у моего кониши!

— Я за тебя не пойду замужъ,—строго сказала Домна. Аванасій посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Не пойдешь?.. Этого не можетъ быть. Отчего?

— Оттого, что ты водку шибко пьешь и табакъ куришь! Вотъ отчего. Я такихъ не люблю.

— Гм! Такъ... Не пить нельзя, Домна: водка свеселяетъ. Кто черезъ силу пьетъ, тотъ свинья, а я пью, да ума не пропиваю. Ну, курить—я курить брошу, даю въ томъ слово благороднаго крестьянина. Это лишнее и для натуры человѣческой въ пользу не идетъ. Хоть говорить, что отъ табаку нельзя отстать, но это говорить только подлецы да дураки. Нѣтъ, врешь: какъ настоаще захочешь что сдѣлать, такъ сдѣлаешь. Я жьль у переплетчика, въ

городѣ; показалось это мастерство неподходящимъ для крестьянства, бросилъ его и выучился сапоги шить. Это все—пустое дѣло.

Домна внимательно слушала его, и съ лица ея все болѣе и болѣе сходило суровое и строгое выраженіе.

— Бросишь пьяничать да табакъ курить, тогда пойду.

— Идетъ! „Съ этого сладостнаго момента союзъ нашей любви заключается“ ... Извини, что непонятно говорю. Давай же, Домна, поцѣлуемся.

Онъ обнялъ ее одной рукой за шею, привлекая къ себѣ и поцѣловалъ.

— Благо пьяный, такъ не стыдно. Небось, тверезый не сталъ бы...—сказала она, краснѣя и опуская глаза.

— Смотрите-ка: Аѳанасій-то! — вскричалъ Градусовъ, переставая играть: — цѣлуется при народѣ!.. Ай-да Аѳанасій! Молодецъ!..

Аѳанасій оставилъ Домну и подошелъ къ столу.

— Я нивогда не стыжусь того, что дѣлаю, — съ достоинствомъ проговорилъ онъ.—И не боюсь никого, потому что дѣлаю по справедливости.

— Господа, споете хоромъ что-нибудь?—предложилъ Градусовъ.

— Это отлично,—согласился фельдшеръ.

— Да,—поддержалъ его учитель.

— Дамскій полъ тоже надо пригласить,—сказалъ Аѳанасій.

Иванъ Михайлычъ обратился съ любезной улыбкой къ Наташѣ, Сютѣ и Домнѣ:

— Мамзели, пожалуйста пѣсенку спѣть!

Но тѣ холодно встрѣтили это предложеніе.

— Теперь дѣйчить учнуть, — сказала тихо Домна Наташѣ.

— Мы вашихъ пѣсень не знаемъ!—не удержавшись, вскричала Наташа.—Да что! Все для себя только; заведутъ то, что и не понять ничего. Ты бы лучше на гармонь по-деревенски сыгралъ,—сказала она Градусову.

Но Градусовъ запѣлъ: „Вни-изъ по матушкѣ по Волгѣ...“

„По Во-олгѣ!..“—подхватили гости.

IX.

Отрезвившись на другой день, Градусовъ со стыдомъ припоминалъ вчерашнія происшествія: свою несдержанность и холодность къ Наташѣ. Онъ сознавалъ себя неправымъ, извинился

передъ Наташей и далъ ей слово никогда больше такъ не напиваться.

Еще два дня продолжался свадебный пиръ. Градусовъ уже сталъ привыкать къ шуму, пѣснямъ, бессознательной рѣзкости и простодушной, незлобной грубости пьяныхъ гостей. Онъ, скрѣпя сердце, игралъ имъ на разстроенвшейся гармоникѣ, помогая пѣть пѣсни,—и все это ему уже не было такъ тяжело, какъ въ первый день.

И всѣ были довольны имъ: „рѣднѣй нашъ! желанный!“ — поминутно слышалъ онъ со всѣхъ сторонъ...

Но кончилась свадьба—и вотъ началась для Градусова новая жизнь.

И хотъ онъ былъ подготовленъ къ крестьянской работѣ, но трудную показала она ему. У Ермолая былъ купленъ, для постройки риги, лѣсъ, въ тридцати верстахъ отъ ихъ деревни, и имъ приходилось ѣздить туда за бревнами, вставая съ „первыхъ пѣтуховъ“, то-есть съ 12 часовъ ночи, и уже позднимъ вечеромъ возвращаться домой. Такой работы ему не приходилось работать у Нифата. И теперь, тамъ, въ лѣсу, ворочаясь съ бревнами по-попая въ снѣгу, Градусовъ узналъ, какъ вкусенъ сухой хлѣбъ со снѣгомъ, вмѣсто воды, и какъ сладокъ сонъ послѣ поѣздки въ шестьдесятъ верстъ, на вѣтру и морозѣ!

Лѣсъ вывезли. Въ великомъ посту пришлось рубить ригу и, какъ только сталъ снѣгъ и можно было достать мху, стали ставить ее на мѣсто. Потомъ начались работы: пахня подъ яровое, починка изгородей, вывозка навоза, сажаніе овощей и корнеплодовъ и, наконецъ, сѣнокосъ—любимая Градусовымъ работа. На сѣнокосѣ онъ вздохнулъ свободнѣе: хотъ спать приходилось не болѣе четырехъ часовъ въ сутки, но благодатный воздухъ, прекрасный аппетитъ и молодое, сильное здоровье легко перемогли этотъ недостатокъ.

Ермолай и Наташа были веселы и довольны; они не могли нарадоваться и нахвалиться своимъ „домовникомъ“.

Градусовъ терпѣливо несъ свои обязанности, и только порою тосковалъ о томъ, что никакъ не могъ уловить свободнаго времени для чтенія книгъ и для того, чтобы привести въ исполненіе свое заветное желаніе: выучить Наташу грамотѣ.

Когда, въ праздникъ, выдавался свободный часокъ, онъ бралъ книжку и говорилъ женѣ:—Давай же, Наташа, начнемъ... Хотъ немного!

— Да ну тебя, когда тутъ!—съ улыбкой, скрывающей тайное неудовольствіе, каждый разъ отвѣчала она.—Погоди, когда-нибудь

послѣ.. Ужд, можетъ, послободнѣе будетъ, — прибавляла она усвоенительно, видя, какъ лицо его становилось печальнымъ.

Но наступилъ уже второй годъ ихъ супружеской жизни, а Градусовъ не дождался свободы, и нельзя было предполагать, что ужд, послѣ, когда-нибудь, будетъ „слободнѣе“.

Это его печалило. Иногда, въ праздникъ, онъ брался за книги, уходилъ куда-нибудь въ огородъ, или на сѣноваль, въ сарай и принимался читать.

Тогда въ немъ вспыхивали искорки прежняго вдохновенія, риемы ронились въ головѣ, сердце переполнялось чувствомъ грусти и нетерпѣливымъ желаніемъ выразить новыя впечатлѣнія и наблюденія жизни послѣдняго времени. Онъ принимался писать стихи. Но они не давались ему такъ легко, какъ бывало прежде, и та форма въ которую облекалъ онъ свои чувства и мысли, не могла его удовлетворять.

Часто, промучившись думою нѣсколько часовъ, онъ писалъ какое-нибудь стихотвореніе и, случалось, былъ имъ доволенъ. Но потомъ на него находило сомнѣніе — написанные стихи вдругъ казались ему вымученными и чудовищно-бездарными... Тогда онъ приходилъ въ отчаяніе: разрывалъ ихъ въ мелкіе кусочки и бросалъ себѣ подъ ноги со злобою и проклятіями...

Наташа, видя его въ задумчивомъ и подавленномъ настроеніи, удивлялась и съ тревогою спрашивала его: что съ нимъ?

— Ничего! — скорбно отвѣчалъ онъ ей, сознавая, что бесполезно объяснять ей все это, и еще болѣе мучился этимъ сознаніемъ.

Однажды Иванъ Михайлычъ, придя къ нему на сѣноваль и заставъ его за писаніемъ стиховъ, присталъ къ нему съ просьбой прочесть ему что-нибудь изъ его произведеній. Градусовъ сгорѣлъ отъ стыда и былъ радъ-радъ, когда тотъ отвязался отъ него и предложилъ пойти съ нимъ на охоту.

На охоту они ходили часто. Но Градусовъ не могъ увлекаться этимъ занятіемъ — онъ не былъ природеннымъ охотникомъ, для котораго представляется большимъ наслажденіемъ бродить по полямъ и лѣсамъ цѣлый день подъ палящими лучами солнца, безъ ѣды и питья, въ ожиданіи, когда собака нападетъ на дичь или на слѣдъ какого-нибудь зайца. И онъ любилъ бродить съ Иваномъ Михайлычемъ по лѣсамъ, находя удовольствіе только въ томъ, что видѣлъ передъ собой цвѣтущія деревья, цвѣты, болота и озера, размѣромъ немного болѣе болотъ, которыхъ было много въ ихъ мѣстности, и могъ думать и гру-

стить, и даже плакать (что съ нимъ иногда случалось), ничѣмъ не тревожимый.

Грусть одиночества, сперва подкрываясь къ нему незамѣтно, стала все болѣе и болѣе укореняться въ его сердцѣ. Онъ становился все болѣе и болѣе разсѣянъ, задумчивъ и равнодушенъ ко всему окружающему.

Работать сталъ какъ-то нервно: то примется горячо, словно озлобленный на работу, и сдѣлаетъ одинъ за двохъ, то беретъ за нее нѣхотя, вяло, съ пренебреженіемъ, какъ утомившійся поденщикъ.

Ермолай сердился и ворчалъ, когда Градусовъ, противъ обыкновенія, мѣшкотно вставалъ утромъ и нѣхотя принимался за работу. Стало случаться, что онъ не вытерпитъ и скажетъ, что „время дорого—и нужно поторапливаться“. Градусовъ вспыхнетъ и промолчитъ, потомъ примется спѣшить, словно на пожаръ, или—что тоже стало часто повторяться—отвѣтить ему дерзко и работаетъ съ прохладцемъ, доводя тестя до отчаянія.

И такъ глухое недовольство и враждебное чувство въ нему Ермолая росло и укоренялось. Уже нѣсколько разъ между ними были крупныя ссоры, заставлявшія Наташу плакать и горевать. Она ломала голову—и не знала, чѣмъ помочь бѣдѣ, какъ подѣйствовать на мужа.

Разъ, лѣтомъ, они вечеромъ возвращались домой съ сѣнокоса и дружески разговаривали, идя рядомъ, рука съ рукой.

— Я и самъ не радъ тому,—говорилъ Градусовъ,—что не могу вырвать изъ сердца то, что вамъ съ отцомъ ненавистно. Какъ бы это было, и правда, худое, а то—вѣдь вы не понимаете—оно не худое. Ну, подумай сама, худо ли, что я хочу научить тебя грамотѣ? Худо ли, что я люблю читать книги?!

Наташа была задумчива и озабочена. Она слушала его и молчала.

— Вы оба просто не любите меня почему-то,—продолжалъ Градусовъ печально.—Но я не знаю, за что вы не любите меня? Ничѣмъ я этого, кажется, не заслужилъ...

Кровь бросилась въ лицо Наташѣ, и слезы навернулись у нея на глазахъ.

— Это ты все врешь,—сказала она;—самъ все выдумалъ и говоришь, чего не надо!

— Я говорю то, что есть...

— Да что жъ ты зря-то все говоришь!—вскрикнула она съ укоромъ и болью.—Нѣшто я тебя не люблю и не жалѣю? Когда же это видѣлъ ты, чтобы я тебя не жалѣла и худого бы тебѣ

хотѣла?.. Я тебя завсегда жалѣю, да и батюшка—тоже, только ты самъ отъ насъ въ сторону все воротиться...

Она приложила передникъ къ глазамъ и тихо заплакала.

— И все въ тебѣ, все въ тебѣ самомъ состоитъ—больше ни въ комъ!—говорила она, плача.

Но Градусовъ никакъ не могъ понять своей вины. Онъ понималъ только, что бесполезно ему оправдываться передъ Наташей—она не пойметъ его, будетъ плавать отъ „жалости“ къ нему и, въ концѣ концовъ, роптать на судьбу.

— Не будемъ, Наташа, говорить про это, — сердечно сказалъ онъ, схвативъ ея руку. — Лучше такъ, по-просто, безъ разсужденій и обвиненій и оправданій, будемъ любить другъ друга.

Она отерла глаза и ласково улыбнулась ему. На сердцѣ у нихъ прояснѣло, и они тогда замѣтили, какъ былъ прекрасенъ вечеръ.

Вѣтеръ стихъ; воздухъ какъ будто остановился въ своемъ теченіи и, въ низкихъ мѣстахъ, обдавалъ лицо теплыми и слегка влажными, ласкающими волнами; солнышко уже совсѣмъ опустилось за лѣсъ, только уже неяркія полосы лучей его, какъ стрѣлы, рвались вверхъ и, сіяя, тонули въ небесной синевѣ; ближайшія къ нему облака,—тяжелыя и темныя, — и отдаленныя—какъ бѣлые барашки или клочки разбросаннаго пуха—были съ боковъ обращены въ багровый, лиловый и блѣдно-розовый цвѣтъ; туманъ поднимался надъ болотами, и въ концѣ поля низкое моховое мѣсто казалось озеромъ; въ лѣсу, гдѣ-то далеко, куковала кукушка, а изъ деревни слышались гулкіе звуки идущаго съ пастбища стада и отбиваемыхъ кося.

Близъ деревни ихъ догналъ Аѳанасій; онъ везъ небольшой возъ только-что скошенной сырой травы.

— Солнечнымъ заходомъ наслаждаетесь?—сказалъ онъ имъ съ насмѣшливо-веселой улыбкой.

— Да,—сухо отозвался Градусовъ, которому не понравился его насмѣшливый тонъ.

— Такъ. Это и подобаетъ стихотвору... А облака-то, вишь, находятъ все больше да больше—гляди, пожалуй, не будетъ вѣдра завтрашній день!—прибавилъ Аѳанасій, уже безъ усмѣшки.

Съ минуту они молчали.

— А много еще у васъ покосу во ржищѣ?—спросилъ Аѳанасій, обращаясь не то къ Градусову, не то—къ Наташѣ.

— Не много; только на заднихъ полосахъ осталось,—отвѣчала Наташа.

— Вы гоните хлѣсто!—одобрилъ онъ.

И сталъ погонять лошадь, удаляясь отъ нихъ...

Такъ жизнь Градусова текла по своему, давно проточенному, руслу, какъ рѣка: то тихо и покойно, отражая въ чистыхъ водахъ своихъ свѣтлое, лазоревое небо, сіяющее солнце и звѣзды, и луну, и растущія на берегахъ деревья, то—что бывало гораздо чаще—волнуясь отъ напора вѣтра и бури, мутясь и выбрасывая со дна песокъ и иль...

Х.

Прошелъ еще годъ.

Былъ ясный и жаркій лѣтній воскресный день.

Ермолай, несмотря на праздниѳъ, съ ранняго утра, никому ничего не сказавъ, сходилъ въ поле за конемъ и, запретши его въ телѳгу, поѳхалъ въ ржаное поле убирать съ полосъ невысушенное сѣно.

Градусовъ съ ранняго утра ушелъ съ Иваномъ Михайлычемъ на охоту.

Наташа, бывшая въ послѣднемъ періодѣ беременности, истопивъ печку и обрядивши скотину, пошла распускать съ Ермолаемъ на огородѣ привезенное имъ сѣно.

— Поскорѣй распустить, да и пусть тутъ сохнетъ,—говорилъ Ермолай, торопливо растряхивая на землю слежавшееся въ кучахъ и потемнѣвшее отъ дождя сѣно.—А мы, пока, поѳдемъ еще и на первыхъ полосахъ уберемъ кучи... Да куда его-то недобрая занесла? Съ самаго утра съ ружьемъ ушелъ и не приходитъ, словно и не его забота!

— Сегодня праздниѳъ—зато и ушелъ,—сказала Наташа.

— Праздниѳъ! Грѣхъ великой! У насъ все праздниѳи! Тутъ почти-что четыре дня дождь лилъ, горсти сѣна сухого убрать не пришлось, а устоялось вѣдро, такъ то, вишь, праздниѳъ—грѣхъ работать. Такъ что-жь, поѳтому, бросить все—пустъ гнѣтъ! А придетъ зима—чѣмъ скотину кормить? Тоже такая же потатчица: гдѣ бы дѣло сказать мужику, а она еще заставяеть!

— Я не застаиваю. Какъ бы нарядилъ его на работу зарань, онъ и на охоту бы не ушелъ.

— Молчи! Знаю я васъ: вамъ только бы праздновать да отдыхать.

Они замолчали и продолжали свое дѣло.

Ермолай, растряхнувъ тщательно послѣднюю прядку, съ облегченіемъ вздохнулъ, снялъ свой рваный картузъ и, отирая

вспотѣвшее лицо рукавомъ холщевой рубахи, посмотрѣлъ на небо.

— Чисто... О-охъ! Господь пособилъ бы высушить сегодня да убрать.

Они вдвоемъ поѣхали на первыя полосы.

Черезъ нѣсколько времени на огородъ пришли Градусовъ и Иванъ Михайлычъ, съ собакой и ружьями за плечами, одѣтые въ однѣхъ русскихъ рубахахъ и съ пиджаками подъ мышками. Иванъ Михайлычъ былъ въ высокихъ сапогахъ, Градусовъ—въ лаптяхъ съ ременными оборами. Они оба казались очень утомленными. Ставъ въ тѣни сарая, они сняли съ плечъ ружья и, приставивъ ихъ къ стѣнѣ, оба смотрѣли, гдѣ бы поудобнѣе присѣсть.

Градусовъ проворно нагребилъ обѣими руками охапку распущеннаго сѣна и принесъ къ сараю.

— Сядемте тутъ, Иванъ Михайлычъ,—говорилъ онъ, подкладывая ему половину охапки. Иванъ Михайлычъ схватилъ за ошейникъ собаку и сталъ укладывать ее у своихъ ногъ.—Марсь, Марсь! Тубо! Лягъ тутъ! Ну!.. Лягъ!

— Нѣтъ, какая подлость, Иванъ Михайлычъ,—говорилъ Градусовъ:—въ свой домъ не попасть! Вездѣ все на заперѣ, и изволь хоть черезъ тынъ или черезъ крышу влѣзть. Скажите на милость: это развѣ не подло?..

— Нельзя же имъ было оставить домъ незапертымъ, когда они, можетъ быть, надолго въ поле на работу ушли,—отвѣчалъ Иванъ Михайлычъ, усаживаясь поудобнѣе и закуривая торговую папиросу.—Тутъ нищѣ ходять, цыгане... Обокрасть могутъ.

— Нѣтъ, Иванъ Михайлычъ, вы этого не говорите,—можно просто бы на задвижку запереть, а не на замокъ. Это провлятая невѣжественная повадка наукоръ дѣлать; извѣстно, что я ушелъ съ утра, не ѣвши,—ну, и жди, и мри голодомъ, пока они пожалуютъ и отопрутъ. Вы ничего не знаете! Тутъ, въ эти два года, когда я, въ одинъ несчастный день, имѣлъ легкомысліе жениться, много я непосильнаго испытанія переносу!..

— А что же вы переносите?—спросилъ съ участіемъ и отѣвкомъ недоумѣнія Иванъ Михайлычъ.

— Вы не знаете! Я никому не говорю... Никому! Но скажу теперь вамъ, потому что, повѣрьте, очень много напишлю здѣсь!..—онъ указалъ себѣ на грудь.—Тако много, что я радъ излить все это передъ вами... Вотъ, сегодня праздникъ, я съ вами на охоту сходилъ. Хорошо. Завтра же меня,—да что завтра, сегодня,—какъ пилотъ будетъ пилить богоданный отецъ: и „не

хрестьянинъ ты“, и „объ домѣ не заботишься, а только съ ружьемъ да съ собакой шляешься“,—вотъ всѣ эти слова, да съ прибавленіемъ еще адской, прожлятой злобы и ненависти, мнѣ и преподесеть. А за что? Да за то, что я въ праздникъ на охоту сходилъ! Да я и не пошелъ бы, еслибы онъ сказалъ мнѣ раньше, что намѣренъ сѣно убирать.

Градусовъ поникъ головой и задумался. Иванъ Михайлычъ пускалъ тонкія струи дыма изъ рта и ноздрей и молчалъ, выражая готовность слушать.

— Вѣдь на будняхъ-то,—заговорилъ снова Градусовъ,—какъ лошадь, какъ колесо въ грязи, вертишься, да и въ праздникъ-то трже! Да я работой не гнушаюсь: я могъ бы работать до изнеможенія—и былъ бы счастливъ, если бы могъ хоть чѣмъ-нибудь отвести душу. И—нечѣмъ!..

— Ну, деревня, извѣстно,—сказалъ Иванъ Михайлычъ.

— Да, деревня! Глупецъ тотъ, кто думаетъ въ деревнѣ въ спойовствіи прожить! Чортъ знаетъ!—только работой, работой и работой! Больше ничего, удовлетворенія—никакого. Зимой за дровами да за бревнами въ лѣсъ таскайся, вставая по пѣтушинуму крику; весна пришла—въ землѣ и въ навозѣ ройся; лѣтомъ—съ покосомъ и жнивой... а пришла осень—оброки надо платить—и нечѣмъ, и продать нечего! Вотъ плоды нашихъ трудовъ. И какихъ трудовъ!..

— Да-а,—здумчиво и лѣниво процѣдилъ Иванъ Михайлычъ.

Они замолчали. Градусовъ схватилъ изъ-подъ ногъ сухую травку и, нервно раздергавъ ее между пальцами, бросилъ отъ себя. Лицо его вдругъ поблѣднѣло и глаза засверкали.

— Извольте видѣть,—съ раздраженіемъ и злостью проговорилъ онъ,—извольте видѣть: праздникъ пришелъ, а онъ работать ударился, сѣно сушить да убирать потихоньку, словно крадью отъ меня; а потомъ я буду обвиненъ, и еслибы это было можно, то, навѣрное, былъ бы казненъ безъ всякой жалости и состраданія!.. Тутъ по неволѣ овражѣешь и въ животное превратишься, тутъ обалдѣніе найдеть, чертики въ глазахъ начнутъ показываться...

— Но вѣдь что же дѣлать, Константинъ Богданчычъ? Здѣсь и всѣ такъ живутъ.

— Я знаю, что всѣ такъ живутъ. Да это утѣшенія мнѣ нисколько не доставляетъ.

— Конечно, такъ. Но сегодня-то Ермолай работаетъ по всему вѣроятію изъ-за того, что передъ этимъ почти четыре дня дожди стояли; крестьяне, вообще, работой затынулись.

— Я это понимаю. Такъ иной мужикъ хоть во время дождя дастъ вспашку. Но у моего тестя не такъ: и дождь льеть, какъ изъ ведра, а ему покоя нѣтъ—косить надо идти. Да и много ли есть такихъ праздниковъ лѣтомъ, когда бы онъ не работалъ? Отчего же другіе такъ не суетятся, да живутъ же?..

Иванъ Михайлычъ усмѣхнулся.

— Мало ли чтѣ! „Живеть кошка, живеть и собака“, всѣ живутъ. Зато другіе-то крестьяне и нужду терпятъ, а Ермолай Ивановъ богачомъ считается.

— Будь оно проклято, это „богатство“!—съ ненавистью проговорилъ Градусовъ.—Я здѣсь, въ этомъ „богатствѣ“, самъ себя похоронилъ. Городская жизнь мнѣ хоть и не нравилась, но тамъ я, по крайней мѣрѣ, хоть книги могъ читать и въ театръ ходить. А тутъ—ничего нѣтъ. Чему я здѣсь могу научиться, чтѣ въ разумъ взять, услышать и увидѣть умственнаго? Только всѣ изнемогаютъ, злятся, бьютъ лошадей да бабъ, больше ничего... Да будь ты хоть во лбу семи пядей, здѣсь ты весь талантъ свой потеряешь и будешь невѣжественнымъ животнымъ.

— Чтѣ-жъ дѣлать? Терпѣть, видно, надо,—спокойно разсудилъ Иванъ Михайлычъ.—Вотъ зато жениться-то я и не хочу, хоть и совѣтуютъ нѣкоторые,—перевелъ онъ рѣчь на другое.—Холостому жить легче, свободнѣе: съ дѣвчонками волочишься, сколько влѣзеть... Одно только и нехорошо—сына или дочку могутъ привести, а за это, ежели на судъ вызовутъ, насъ не хвалить! Вотъ насчетъ этого, дѣйствительно, худо...

Градусовъ задумался и молчалъ.

— А чтѣ же вы,—осторожно заговорилъ Иванъ Михайлычъ,—стишки-то свои общались мнѣ показать? Я просилъ васъ съ собой захватить. Прочтите, пожалуйста,—очень будетъ любопытно.

— Стишки-то?—не выходя изъ задумчивости, спросилъ Градусовъ.

— Да.

— Послѣ... Въ другой разъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, лучше сейчасъ прочтите. Зачѣмъ же послѣ?

Градусовъ съ минуту колебался и размышлялъ. Потомъ сталъ доставать изъ кармана пиджака небольшую тетрадку.

Видно, надо васъ потѣшить. Посмотримъ творенія тайныхъ мукъ и горькихъ слезъ!

Онъ развернулъ тетрадку и, съ грустью глядя въ нее, задумчиво проговорилъ:

— Знаешь что, Иванъ Михайлычъ: мнѣ все думается, что не долго я проживу въ такихъ обстоятельствахъ; со мной непремѣнно будетъ что-нибудь роковое... Когда я буду уходить изъ этого дома, возьму, затоплю печку и... сожгу стихи. Потомъ прощусь съ женой, съ этими деревьями и кустами, пойду и заплачу... Ахъ!..

Онъ положилъ тетрадку себѣ на колѣни и закрылъ лицо руками.

— Вы теперь-то хоть не плачьте,—съ участіемъ сказалъ Иванъ Михайлычъ.—Какъ-то больно чудно смотрѣть, что мужчина, который уже женатъ, и вдругъ—плачетъ! Вамъ въ городъ бы ѣхать, коли такъ.

— Ха-ха-ха!—истерически захохоталъ Градусовъ.—Не стану плавать. Да, надо уѣхать въ городъ... Кто знаетъ: можетъ, это и разойдется тогда? Здѣсь всякая мысль въ головѣ моей скружилась... Но я расположенъ читать,—энергично встрепенулся онъ:—Что же тебѣ: про любовь, что-ли?

— Да все одно, хоть и про любовь.

Градусовъ прочиталъ ему коротенькое стихотвореніе, въ которомъ утѣшалъ кого-то и просилъ не плавать.

— Очень складно и хорошо,—сказалъ Иванъ Михайлычъ.

Градусовъ слабо и какъ-то болѣзненно улыбнулся.

— Это я женѣ своей написалъ, уже въ бытность свою въ этомъ домѣ.

— Да что же вы ей-то?—удивился Иванъ Михайлычъ.—Вѣдь она, кажись, не охотница?..

— Это не очень давно; мы съ тестемъ однажды побранились шибко, чуть не до драки, а послѣ этого, когда ночью спать съ ней пошли, она бросилась мнѣ на шею и зарыдала.

— Вотъ это, по моему расчету, самое пріятное время, когда онѣ на шею бросаются,—съ живостью замѣтилъ Иванъ Михайлычъ.—А нѣтъ ли еще чего? Прочитайте.

— Еще одно, элегическое, или—для васъ понятнѣе будетъ—„жалостное“ читаю. Это не здѣсь, а въ городѣ написано, когда еще въ магазинѣ служилъ.

И онъ прочиталъ ему длинное стихотвореніе, написанное шестистопными ямбами, въ которомъ жаловался на горькую судьбу свою и въ концѣ проклиналъ и ее, и жизнь, и жестокость людей. Мѣстами онъ читалъ съ дрожью въ голосѣ и былъ близокъ къ тому, чтобы заплакать.

Иванъ Михайлычъ слушалъ съ удивленіемъ и видимымъ удо-

вольствиемъ. Когда Градусовъ кончилъ, онъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ сказалъ:

— Да, братъ, хорошо. Вотъ это такъ хорошо!

Лицо Градусова вдругъ освѣтилось радостнымъ свѣтомъ.

— Такъ тебѣ понравились стихи?—быстро спросилъ онъ. И ударяя себя въ лобъ, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ проговорилъ:—Какъ я, глупый, раньше этого не зналъ! Вѣдь у меня есть хорошія стихотворенія, въ тысячу разъ лучше моихъ,—Пушкина и Лермонтова, Кольцова... Вотъ почитай! А я и не зналъ. Боже мой! Да, тебѣ надо читать, Иванъ Михайлычъ... просвѣщеніе для человѣка—всего дороже. Я тебѣ сегодня же ихъ передамъ.

Въ лицѣ Ивана Михайлыча шевельнулось какое-то беспокойство.

— Ну, да ладно,—довольно равнодушно сказалъ онъ,—хоть и не сегодня, такъ послѣ тамъ, какъ-нибудь. Не къ спѣху вѣдь! Мнѣ вѣдь вотъ понравилось, когда вы читали, а самъ я не любитель ихъ читать, потому что думать вѣдь надо къ этому, а я не люблю... Не привыкъ.

— Не любишь?.. Не привыкъ!—повторилъ за нимъ Градусовъ упавшимъ голосомъ.

— Когда же и любить-то? Времени нѣтъ... то-есть, не то чтобы нѣтъ, а такъ какъ-то... лѣнь приняться.

Они замолчали. Градусовъ поспѣшно убралъ тетрадку въ карманъ и опять впалъ въ задумчивость, положивъ лицо на руку, облокоченную на колѣно.

— А отчего вы въ печатку ихъ не пропустите?—осторожно спросилъ Иванъ Михайлычъ.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся Градусовъ нервнымъ смѣхомъ. Потомъ вдругъ оборвалъ себя и замолчалъ.

Собака, утомленная ходьбой и жарой, растянулась недалеко отъ ногъ его и, положивъ голову себѣ на лапы, пристально глядѣла на него. И Градусову казалось, что она напрягалась понять его, и въ умныхъ глазахъ ея выражалось сочувствіе къ нему...

Ему стало еще грустнѣе...

XI.

— Ваши ѣдутъ!—сказалъ Иванъ Михайлычъ.

Градусовъ поднялъ голову и увидѣлъ подѣвжающую къ нимъ по огороду телѣгу съ сѣномъ; Ермолай велъ лошадь подъ уздцы,

чтобы не задѣть колесомъ за изгородь, стоящую близъ дороги, на границѣ огорода; Наташа шла сзади, съ граблями на плечѣ.

Телѣга подѣхала къ нимъ. Ермолай молча, словно не замѣчая ихъ, развязалъ веревку, которою былъ связанъ возъ, собралъ ее въ рукѣ въ ровные мотки и привязалъ къ „возницѣ“ телѣги. Потомъ влѣзъ на телѣгу и сталъ срывать сѣно. Наташа принялась распускать сѣно на свободныхъ мѣстахъ огорода.

— Здраваться не хотятъ, — довольно громко сказалъ Градусовъ Ивану Михайлычу. — Это вы замѣтите.

Потомъ онъ громко спросилъ Ермолая:

— Все убрали сѣно-то съ первыхъ полосъ?

Ермолай продолжалъ молча дѣлать свое дѣло, не обращая на нихъ никакого вниманія.

— Съ первыхъ полосъ сѣно-то все убрали? — вновь спросилъ еще громче Градусовъ.

Ермолай молчалъ. Онъ срылъ съ телѣги остатки сѣна, поставилъ лошадей въ тѣни сарая и самъ принялся распускать.

Огородъ почти весь былъ засланъ сѣномъ, — оставалось небольшое пространство тамъ, гдѣ сидѣли Градусовъ съ Иваномъ Михайлычемъ. Подойдя къ нимъ съ охапкой, Ермолай толкнулъ ногой собаку и сердито крикнулъ на нее:

— Проклятая, ваторжная собака!.. Развалилась тутъ!..

Собака съ визгомъ вскочила, готовясь уходить прочь. Градусовъ схватилъ ее за ошейникъ и обнялъ рукою.

— Не тронь! — вспльчиво крикнулъ онъ. — Не смѣй собаку трогать — она не твоя. Когда человѣкъ не любитъ животныхъ, такъ онъ самъ хуже животныхъ!

— М-м-мъ! — въ волненіи, едва сдерживаясь, промчалъ Ермолай.

Иванъ Михайлычъ всталъ и взялъ ружье.

— Ну, такъ я теперь пойду, — сказалъ онъ Градусову.

— Посидите. Куда спѣшить? Сегодня — праздникъ!..

— Нѣтъ, ужъ я пойду.

— Вотъ такой же балбесъ ходить! — съ раздраженіемъ и злостью сказалъ Ермолай, когда ушелъ Иванъ Михайлычъ.

Градусовъ вспыхнулъ.

— Скажи, пожалуйста, отецъ: за что ты меня срамишь передъ людьми?.. Возьми, съѣшь меня за то, что я не работалъ тебѣ сегодня, какъ на будняхъ.

— Да бросьте вы, ради Христа! — вступилась Наташа. — И что это только за оказіи у васъ каждый разъ!

Ермолай въ упоръ поглядѣлъ на Градусова и затруднился

найти такія слова, въ которыхъ можно бы было выразить всю силу его негодованія, и громкимъ, угрожающимъ шопотомъ, переходящимъ въ вскрикиванія, проговорилъ:

— Погоди же ты у меня, я тебѣ покажу, какъ на меня лаять! Я тебя, молодца, на судъ выведу, да вотъ какъ поротину-то тебѣ дадутъ хорошую, тогда умнѣ будешь!

— А я тогда тебя убью!—также съ ненавистью вскрикнулъ Градусовъ.

— Не убьешь!

— Клянусь: въ тотъ день, когда я буду выпоротъ, ты будешь убитъ!

Его слова какъ бы смутили и удивили Ермолая.

— М-м-мъ!—промычалъ онъ.—Охъ, грѣхъ великой! Наташка, иди въ ригу, погляди тамъ, протопилась ли печка; я одинъ поѣду, остатки сѣна привезу. Ка-а-торж-жная собака!..

Онъ поспѣшно сѣлъ на коня и поѣхалъ въ поле.

Наташа подошла къ Градусову и поглядѣла ему въ глаза.

— Чтѣ ты такъ затоснулъ?..—съ участіемъ спросила она.—Что жъ молчишь? Али со мной и говорить не хочешь... Богъ съ тобой!

— Наташа, ты этимъ не можешь меня упрекать: я *хочу* съ тобой говорить.

— Хочешь! а спрашиваю—и отвѣту не даешь. Костя, чтѣ съ тобой случилось?.. Ты обидѣлся? Скажи ты мнѣ, ради Господа, скажи: чтѣ съ тобой дѣется? Откройся мнѣ. Вотъ, и глаза заплаканы... Ты плакалъ сейчасъ? Чего ты плакалъ?..

— Я не плакалъ... Я... такъ!

— Не лги. Нешто я не вижу? Вѣдь глаза-то у меня свои!

— Да чего тебѣ-то? — спросилъ Градусовъ, тронутый ея участіемъ.

— Я тебѣ не чужая, — сердечно сказала Наташа, обнявъ его. — Родной мой, ягодиночка, чего ты все тоснешь да плачешь?.. Скажи мнѣ все, откройся!

— Наташа! О, Наташа, еслибы ты знала!.. — вскричалъ Градусовъ, обнимая ее и съ рыданіемъ прикинувъ головой къ ея плечу.

— Такъ говори же. Не плачь. Говори все.

— Дорогая, все тебѣ открою, всю душу свою расскажу. Слушай: скучаю я и не мирюсь съ жизнью оттого, что я не скотина, а человѣкъ, и не могу только ѣсть да пить, да работать плечами, а хочу чувствовать и сердцемъ жить. И мнѣ нельзя такъ жить, мнѣ въ этомъ отказано!.. Пойми же ты эту

ужасную жизнь вѣчнаго, лошадиного труда человѣка, нужды его и злого невѣжества! Это ужасное болото, въ которомъ люди вязнуть и тонуть по горло съ малыхъ лѣтъ!..

Наташа слушала его, напрягая всѣ свои умственные силы.

— Ты не можешь понять, — говорилъ онъ съ сожалѣніемъ и глубокой скорбью; — ты вѣдь не знаешь ни того, что есть въ тебѣ, ни того, что надъ тобой, ни того, что подъ тобой: ты думаешь, что міръ на трехъ вѣтахъ стоитъ, а небо — голубой горшокъ... Ты никогда не воображала, что въ мірѣ есть живая природа, иная жизнь, жизнь ума и сердца; есть стремленіе къ прекрасному, есть искусство, а книги... масса книгъ...

— О-охъ! — съ тоскою вздохнула Наташа.

Градусовъ вдругъ оборвалъ себя, спохватившись, что слишкомъ увлекся, и замолчалъ, не зная, что говорить.

— Эхъ, Костя! Нивакъ я въ тебѣ не примѣнюсь: ты не дуракъ, а словно какой ребенокъ малый... Образумься ты! — сказала Наташа.

— Чего ты отъ меня хочешь? — спросилъ Градусовъ, насто-рожившись.

— Я до тебя просьбу большую имѣю, — съ нѣжной лаской заговорила Наташа: — золотой, кровинушка моя, сдѣлай ты для меня то, что я тебя попрошу?

— Если могу — сдѣлаю.

— Можешь! Коли захочешь, можешь. Мильчикъ, ягода осенняя, я не знаю, чѣмъ бы только ни услужила тебѣ, всѣ бы твои утѣхи справила, ежели бы ты меня послушалъ.

— Да говори же, Наташа, въ чемъ же дѣло?

— Я тебя, какъ Бога, прошу, — говорила она, обнимая его: — брось ты это... Брось ты всѣ эти противныя думы, и книжки, и стишки...

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Но Наташа еще крѣпче обняла его и съ жаромъ и мольбой говорила ему:

— Послушай меня хоть разъ: вѣдь ты этимъ себя мучишь только. Ну, дорогой, разсуди ты: продумаешь ты объ этомъ ночь, а потомъ идешь на работу, какъ обалдѣлый... Что жъ хорошаго?..

— Ты сама не знаешь, чего просишь! — оборвалъ ее Градусовъ, отстраняясь отъ ея объятій.

Но Наташа не отступала; она, держа его одной рукой за шею, другой вынула изъ кармана его пиджака тетрадку.

— Дай ты мнѣ — я ихъ, несчастныхъ, въ печку брошу, а

ты сперва, можетъ, пожалѣешь, а потомъ и привыкнешь безъ нихъ...

Градусовъ быстро освободился отъ ея объятій и вырвалъ у нея изъ рукъ тетрадку.

— Ты съ ума сошла! Дай ихъ сюда! Это—сумасшествіе!— проговорилъ онъ, отворачиваясь отъ нея и хватаясь за голову.

Наташа вдругъ преобразилась: нѣжность и ласка мгновенно сбѣжали съ ея лица, оно поблѣднѣло и въ немъ появилось выраженіе враждебное, холодное, упрямое и злое.

— Вотъ ты-то, такъ это вѣрно, что съ ума сошелъ,— рѣзко сказала она. — Съ этой поры не стану тебѣ ни слова больше говорить,— живи какъ знаешь.

Она заплакала.

— О, мука!—говорилъ Градусовъ, сжимая руками виски.— Скажи мнѣ,— съ отчаяніемъ обратился онъ къ Наташѣ,— за что ты стихи мои ненавидишь?

— За то, что они, окаянные, стоютъ того.

— А я тебя за то ненавижу!— съ порывомъ вспыхнувшей злобы вскричалъ Градусовъ.

— И на томъ спасибо, — упавшимъ голосомъ проговорила Наташа, словно въ ней что-то оборвалось...

XII.

До вечера Градусовъ занимался съ Ермолаемъ и Наташей сушкою и уборкою сѣна. Они работали молча, какъ бы не замѣчая другъ друга; только Наташа и Ермолай иногда обмѣнивались короткими и необходимыми словами, для Градусова же у нихъ не было даже и этихъ короткихъ и необходимыхъ словъ.

Это до того измучило Градусова, что онъ, какъ только убрали сѣно, тотчасъ же пошелъ... къ Ивану Михайлычу!

Ему не къ кому было больше идти. Съ Аванасьемъ — съ тѣхъ поръ, какъ тотъ женился на Домнѣ, спустя великій постъ, послѣ женитьбы Градусова, — Градусовъ видѣлся очень рѣдко. До сихъ поръ они не могли сблизиться, потому что Аванасій недовѣрчиво относился къ просвѣтительнымъ намѣреніямъ Градусова, къ его начитанности и, главное, къ его поэтическому таланту. Градусовъ, однажды, прочиталъ ему одно изъ своихъ чувствительныхъ стихотвореній и ждалъ отъ него не похвалы, но сочувствія. Но Аванасій только саркастически улыбался, слушая чтеніе. Потомъ, когда оно кончилось, попробовалъ между паль-

цами листовъ, на которомъ было написано стихотвореніе, и сказалъ, что „ежели бы бумага была потоньше и помягче, то на цыгарки оно могло бы годиться“. И уже безъ усмѣшки, серьезно, спокойно и убѣжденно прибавилъ: „Когда бы у меня былъ такой талантъ писать стихи, такъ я бы лучше въ пастухи къ мужикамъ нанялся, чѣмъ сталъ бы этимъ заниматься, — пользительнѣе было бы“.

У фельдшера, служившаго прежде гдѣ-то лекарскимъ помощникомъ и считающаго себя крупной величиной въ деревнѣ, Градусовъ тоже рѣдко и неохотно бывалъ, потому что тотъ относился къ нему хотя мягко и вѣжливо, но покровительственно и даже снисходительно; учитель почти все свободное время находился у священника, который былъ ему какимъ-то родственникомъ, а Коновъ Федосѣичъ уже прискучилъ ему своими безконечными рассказами о томъ, какъ онъ былъ знакомъ съ однимъ помѣщикомъ, „у котораго было большое множество книгъ, которыя держались у него такъ, зря, для моды одной“.

Иванъ же Михайлычъ былъ человекомъ, что называется „на всѣ руки отъ скуки“ — и страстный охотникъ, и любитель прочитать иногда занятную книжку, — только небольшую и посмѣшнѣе, и, если можно, съ картинками хорошенькихъ барышень, — и внимательно и сочувственно выслушать какой-нибудь чувствительный стихокъ.

Градусовъ пробылъ у Ивана Михайлыча до темноты и вернулся домой, когда Ермолай и Наташа уже спали. Сегодня за нимъ не пришла Наташа позвать его ужинать и ему не оставлено было ужина. Взявъ ломоть хлѣба, посоливъ его и зачерпнувъ ковшъ воды, Градусовъ поѣлъ и пошелъ спать въ отдѣльную, пустую избу.

Наташа спала въ сѣняхъ, въ пологу, а Ермолай — въ жилой избѣ.

Легши на постель, онъ долго не могъ уснуть: было жарко и его тревожили и волновали безотрадные думы. Онъ сознавалъ, что положеніе, въ которомъ онъ находился, невыносимо какъ для него, такъ для Ермолая и для Наташи, и нужно было какъ-нибудь измѣнить это положеніе, найти выходъ изъ него. И онъ мучился незнаніемъ, какъ это сдѣлать.

И вотъ, когда онъ ломалъ голову придумывая различныя комбинаціи, ему внезапно пришли на память слова Ивана Михайлыча, сказанныя на огородѣ: „вамъ бы въ городъ поѣхать, коли такъ“. Эти слова явились ему какъ свѣтъ во тьмѣ; вопросъ былъ рѣшенъ, выходъ отысканъ — тамъ все, что нужно!

Это нѣсколько успокоило Градусова, и онъ уснулъ съ твердымъ намѣреніемъ отпроситься у Ермолая поѣхать въ городъ.

Онъ проснулся, когда уже рѣдѣла ночная мгла и на востокѣ виднѣлись свѣтло-розовыя полосы занимающейся зари. На задворкахъ, изъ гумень, въ нѣсколькихъ мѣстахъ по деревнѣ слышались то глухіе, шелестящіе, то явственные и звонкіе, дробные удары цѣповъ. Вспомнивъ, что сегодня нужно молотить, Градусовъ быстро всочилъ и побѣжалъ въ другую избу.

Ермолая и Наташи уже не было дома—они ушли молотить, не разбудивши его... Сердце его болѣзненно заняло. Чтобы не терять времени, онъ, не умываясь, торопливо пошелъ въ гумно.

Ермолай съ Наташей съ 12-ти часовъ ночи, „съ первыхъ пѣтуховъ“, пошли молотить и, уже обмолотивъ одну настилу, убрали солому въ стогъ, подмели колосья и кончали настилать вторую настилу.

— Не полно ли?—спрашивалъ Ермолай, высунувъ голову изъ окна колосниковъ риги.

Въ тускломъ свѣтѣ закоптѣвшаго фонаря, висѣвшаго на деревянномъ гвозднѣ, вбитомъ въ стѣну, Ермолай, весь запыленный, виднѣлся въ окнѣ какимъ-то неопредѣленнымъ темнымъ пятномъ, и только явственно виднѣлись бѣлыя его глаза.

— Кинь еще снопокъ пятокъ—и полно,—отвѣчала Наташа, подбирая изъ-подъ окна выкинутые снопы и усталая ихъ на току въ два снопа колосьями въ середину.—Ой, Господи, и грузно!—говорила она, окончивъ настилу, распрямляясь и хватаясь руками за поясницу.

Ермолай, выбросивъ нѣсколько сноповъ, вылѣвъ черезъ окно въ гумно.

— Садилъ, кажись, и небольшую ригу, а, вишь, другая настила цѣлая вышла,—говорилъ онъ, отирая съ лица потъ и снимая съ гвоздя два цѣпа.—Рѣдная, ты, можетъ, нездорова?—спросилъ онъ, съ тревогой глядя на дочь и отдавая ей цѣпъ.—Что-то ты такъ ровно ослабѣла?.. Ежели не въ силу, такъ брось,—я одинъ какъ-нибудь помолочу...

— Какая жъ одному молотьба!—сказала Наташа, принимаясь молотить.

Ермолай вздохнулъ, поплевалъ въ руки и, сказавъ: „Господи, благослови“, сталъ рядомъ съ Наташей и принялся съ плеча ударять цѣпомъ по снопамъ.

— Рожь-то хорошо просохла,—говорилъ онъ,—я нарочно больше топилъ, чтобы намъ полегче молотить.

Наташа ничего ему на это не сказала. Она продолжала работать молча.

— Богъ помочь!—раздался голосъ Домны.

Ермолай и Наташа обернулись къ ней, переставъ молотить.

— Милости просимъ,—отвѣчали они оба разомъ.

— Что жъ, васъ только двое?—спросила Домна, оглядывая гумно.—А „баринъ“—то гдѣ же?

— „Баринъ“ спитъ.—отвѣчалъ Ермолай съ безнадежной тоской.—Вечорась пьяный почти въ полночь пришелъ; на охоту съ писаремъ ходили, когда мы сѣно сушили, а потомъ, видно, къ пріятелю въ кабакъ зашли. А теперь, вотъ, высыпается. И не будили: не проспался, да и побранились вчера—какъ тутъ и будить? Одинъ грѣхъ только.

— Ай, ай, ай!—покачала Домна головой.—Что только у васъ и будетъ?

— Что будетъ? Извѣстно, что будетъ: будетъ мучить насъ, пока совсѣмъ не изведетъ. Я говорю, что—грѣхъ ты великой!—въ этие два года, какъ онъ въ домъ вошелъ, я съ нимъ словно въ котлѣ какомъ киплю. И то я уже самъ все ему слажу и сготовлю: утромъ раньше всѣхъ встану, схожу за вонемъ въ поле, соху и борону налажу, косу отобью—и только-только тогда онъ съ мѣста своротится. Наказалъ насъ Господь! Такъ наказалъ, такъ наказалъ, что и сказать нельзя. Нѣту въ немъ удачи, нѣту...

— Да, невеселое у васъ житье, нечего сказать. Что станешь дѣлать! Видно, терпѣть надо.

Домна сняла съ гвоздя цѣпъ и сильнымъ взмахомъ попробовала его.

— Что это у тебя, дядя Ермоха, цѣпы-то все легонькіе какіе? Все мнѣ не по рукамъ. Ну, вотъ этотъ еще ничего, яблонный,—выбрала она другой цѣпъ. И, поплевавъ въ руки, принялась молотить.—Ну-ка, втроемъ-то у насъ, можетъ, веселѣе пойдетъ!

Наташа пристала къ ней.

— Да ты къ намъ пособлять пришла?—удивленно и благодарно поглядѣвъ на Домну Ермолай, подставая къ нимъ.—Это и спасибо. А какъ же у васъ своя-то молотьба?

— У насъ рожь не досохши; Аванасій завтра хотѣлъ.

— А какъ же ты, рѣдная, дома-то все бросила? Кто жъ тамъ у тебя за ребеночкомъ-то походить?

— Ничего, онъ у меня тихой; какъ покормишь да положишь въ зыбку, такъ онъ и долго не проснется. Да и матушка

покачаетъ, ежели что. Аюня вѣчорась долго сидѣлъ—сапоги фершалу чинилъ; я ушла, онъ и не слышалъ. Пусть отдохнетъ,—разсказывала Домна съ веселымъ самодовольствомъ, ровно, энергично и сильно ударяя цѣпомъ по снопамъ.

Въ это время пришелъ Градусовъ. Онъ молча снялъ съ гвоздя цѣпъ и присталъ къ молотящимъ.

— Выспался ли ты, рѣднѣй?—не удержалась, чтобы не сказать, Домна.—Поспалъ бы еще.. Вѣдь въ кабаки-то съ писаремъ вчера небось замаялся?

Градусовъ молчалъ.

Ермолай одобрительно посмотрѣлъ на Домну. Онъ уже смягчился сердцемъ и сталъ не такъ мраченъ.

Настилу домолотили, снопы разрѣзали въ связкахъ, подмели колосья, и Ермолай сталъ сбоку, чтобы подвѣдывать ногой солому подъ цѣпы.

— Дорогуша, мы тутъ уберемся: уже немного осталось—разсолomitъ только,—сказала Наташа Домнѣ,—можетъ, тебѣ домой надо. Спасибо, что пособила.

— Не на чемъ,—сказала Домна.

И ушла.

Настилу разсолomили, сносили солому въ стогъ. Градусовъ все время намѣревался сказать Ермолаю о своемъ желаніи поѣхать въ Петербургъ, на промыслы, и все не могъ собраться съ духомъ, чтобы заговорить съ нимъ. Но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ сдержанно, серьезно и искренно обратился къ нему.

— Вотъ что я хотѣлъ сказать тебѣ, отецъ: чѣмъ намъ съ тобой ссориться, досадовать и коситься другъ на друга, мы съ тобой лучше сдѣлаемся полюбовно: отпусти меня въ Питеръ—я тебѣ тамъ заработаю больше, чѣмъ здѣсь. И грѣха, повѣрь, будетъ меньше.

Это было такъ неожиданно для Ермолая, что онъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на Градусова, не зная, что ему отвѣчать. Но потомъ, движимый чувствомъ вражды, не обдумывая словъ Градусова, рѣшительно произнесъ:

— Нигдѣ тебѣ не быть!

— Отчего?—спросилъ Градусовъ упавшимъ голосомъ.

Ермолай не отвѣчалъ.

— Отпусти его,—съ неудовольствіемъ и досадою сказала Наташа, собравшаяся было уходить домой затоплять печку, но остановившаяся узнать, чѣмъ кончится этотъ разговоръ,—отпусти его—тамъ безъ него бродягъ мало.

Она словно ударила Градусова этими словами.

— Молчи! — сказала онъ ей. — Ты не знаешь, что говоришь... Надежда отпроситься въ городъ все еще не покидала его, онъ держался за нее крѣпко и не хотѣлъ разставаться съ нею.

— Подумай, отецъ, — снова кротко и серьезно заговорилъ онъ, — я тебѣ не худое говорю. Я вѣдь жилъ на хорошемъ мѣстѣ и мною довольны были; приду опять, попрошусь — безъ вниманія, можетъ быть, не оставятъ. Буду тебѣ денегъ присылать...

Ермолай молчалъ. Градусовъ приободрился.

— Вы оба должны понять мое положеніе и пожалѣть меня, — говорилъ онъ чуть не со слезами въ голосъ; — вѣдь я совсѣмъ здѣсь пропаду, мнѣ дышать здѣсь нечѣмъ... Поймите вы это! Ты знаешь, отецъ, я работы не избѣгаю и люблю работать, но мнѣ здѣсь душу нечѣмъ отвести... Зачѣмъ намъ томить другъ друга!..

Ермолай все молчалъ и думалъ.

— Отпусти его! — опять съ досадой сказала Наташа: — онъ тамъ будетъ пить да гулять, а ты тутъ работой на старости лѣтъ.

Ермолай энергически поднялъ голову, какъ будто вдругъ сбросивъ съ себя тяжесть думы и понявъ и рѣшивъ, что ему нужно сдѣлать.

— Да! этого ты, должно быть, и хочешь? — улыбаясь какою-то жалкою, болѣзненною улыбкой, проговорилъ онъ. — Ты для того, видно, и въ домъ ко мнѣ пришелъ, чтобы здѣсь косыню завести?

Градусовъ опустилъ голову. Лицо его стало мрачно и уныло.

— Я пришелъ къ тебѣ съ добрымъ желаніемъ. Что жъ дѣлать, когда вышла ошибка!

Напоминая объ ошибкѣ, онъ не замѣчалъ, что этимъ прикасался къ больному мѣсту Ермолая.

— Нигдѣ тебѣ не быть! — вдругъ, вспыхнувъ, рѣшительно и со злостью вскрикнулъ Ермолай. — Пока я живъ, нигдѣ не быть! Ты работать не хочешь? Будешь работать, голубчикъ: судомъ заставлю!

Градусовъ молчалъ и чувствовалъ, какъ въ сердцѣ его, точно змѣй, подымается ненависть къ его притѣснителямъ...

М. А.—новѣ.

ФИЛОСОФІЯ ІСТОРІИ

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

О ЧЕРКЪ.

Воздвигнутый на межѣ двухъ міровыхъ періодовъ, градъ Божій Августина ¹⁾ служилъ объединяющимъ ихъ звеномъ, смыкая въ одинъ общій процессъ какъ прошлое, такъ и грядущее человечества. Исходя изъ представленія о славномъ градѣ Сіонѣ, Августинъ въ своей творческой мысли расширилъ тѣсное, національное царство Іеговы въ обширное, универсальное царство Божіе, раздвинулъ его границы до сотворенія человѣка и дальше, до начала всякаго сотвореннаго бытія, охватилъ, съ другой стороны, въ своемъ „градѣ“ и царство, обѣщанное Христомъ, и прослѣдилъ его судьбу до конца всякаго „вѣка“. Такимъ образомъ, идея Божьяго царства, разрѣшая вопросы о происхожденіи человечества, о его земной жизни и конечной цѣли, заключала въ себѣ цѣльную и *первую* философію исторіи.

Какъ всякая философія исторіи, такъ въ особенности и философія исторіи Августина находится въ тѣсной связи съ міровоззрѣніемъ философа,—есть отраженіе этого міровоззрѣнія, его примѣненіе къ исторіи; поэтому, ознакомляясь съ философіей исторіи Августина, мы должны прежде всего дать себѣ отчетъ о его міровоззрѣніи, отмѣчая именно тѣ черты его, которыя повлияли на его философію исторіи. Конечно, міровоззрѣніе Августина совпадаетъ съ міровоззрѣніемъ обще-христіанскимъ, какъ оно

¹⁾ См. выше: „Новый градъ“ бл. Августина, мартъ, стр. 72 и слѣд.

сложилось въ его эпоху. Но самъ Августинъ не мало повлиялъ на это міровоззрѣніе, а кромѣ того и обще-христіанскія представленія проявлялись у Августина въ самобытной индивидуальной окраскѣ.

I.

Основной чертой міровоззрѣнія Августина было стремленіе въ синтезу, и высшимъ проявленіемъ этого стремленія служить центральная идея этого міровоззрѣнія — образъ *единого* Бога, творца всей вселенной. Поэтому тѣоцентрическое міровоззрѣніе Августина стоитъ въ полномъ контрастѣ съ античнымъ политеизмомъ и его антропоморфизмомъ, и воздѣйствіе Августина на современное ему міровоззрѣніе главнымъ образомъ заключается въ проведеніи строгаго монотеизма.

Правда, прежній рѣзкій антагонизмъ между политеизмомъ и монотеизмомъ значительно смягчился ко времени Августина. Подъ влияніемъ философіи и этики политеистическія представленія концентрировались въ понятіи верховнаго Бога. Но несмотря на это Августинъ никакъ не могъ примириться съ философскимъ монотеизмомъ. Поэтому, отдавая справедливость „естественному богословію“ Варрона, онъ полемизируетъ противъ его представленія о Богѣ. Подъ влияніемъ греческой философіи даже римскій политеизмъ, раскрывшій міръ на мелкіе удѣлы, которыми завѣдывали придуманныя жрецами абстракціи физическихъ процессовъ и дѣйствій человѣка, — подобралъ ихъ, наконецъ, подъ понятіе „верховнаго Юпитера“. Самъ Августинъ допускаетъ, что подъ этимъ „ученѣйшій изъ римлянъ“, Варронъ, признавалъ Бога, хотя и „не понималъ этого“, ибо, — объясняетъ Августинъ, — такой ученый человѣкъ, какъ Варронъ, не могъ не полагать, что есть Богъ и что онъ великъ; поэтому онъ и разумѣлъ Бога подъ именемъ того, кого считалъ верховнымъ богомъ. Но Августинъ не могъ простить Варрону того, что онъ считалъ бога *душою міра*, и этотъ „самый міръ считалъ богомъ“... „Мы же, — возражаетъ Августинъ, — почитаемъ Бога, а не небо и землю, и не душу или души, разлитыя во всемъ живущемъ, но Бога, сотворившаго небо и землю и все, что ихъ наполняетъ, сотворившаго и всякую душу, не взирая на различіе въ степени чувствительности и разумѣнія“.

Какъ видно, Августинъ протестуетъ противъ представленія о Богѣ, хотя бы и „верховномъ“, но „имманентномъ“, т. е. жи-

вущемъ въ міръ; ему нуженъ Богъ, стоящій *омъ* міра, выше міра—Богъ трансцендентный.

Въ этомъ отношеніи Августинъ нашель союзника противъ римскаго монотеизма—въ неоплатонизмъ. На почвѣ этой философіи стремленіе древняго міра къ монотеизму достигло своего высшаго проявленія. Здѣсь божество было отождествлено съ конечнымъ (высшимъ) понятіемъ логическаго процесса отвлеченія отъ конкретнаго, съ понятіемъ *чистаго* бытія, т.-е. не заключающаго въ себѣ, помимо бытія, никакого иного опредѣленнаго представленія, и потому не ограниченнаго *предѣлами*, т.-е. абсолютнаго. Это понятіе усвоилъ себѣ Августинъ; онъ внесъ его въ свое сочиненіе о Божьемъ царствѣ. Такое трансцендентное представленіе о Богѣ служило ему для борьбы съ богословіемъ Варрона, съ имманентнымъ монотеизмомъ, съ представленіемъ о богѣ, какъ міровой душѣ.

Но и божество неоплатониковъ не могло удовлетворить Августина. Оно, правда, давало начало всякой жизни, но оно само было безжизненно. А Богъ Августина былъ Богъ живой, не только стоящій внѣ міра и надъ міромъ, но и владычествующій въ немъ.

Въ торжествующемъ гимнѣ, напоминающемъ знаменитый гимнъ св. Франциска, прославляетъ Августинъ своего Бога: „Мы поклоняемся тому Богу,—воскликаетъ онъ,—который установилъ начало и предѣлы существованія и движенія всему бытію природы, имъ сотворенному; въ комъ заключаются причины вещей, кто ихъ вѣдаетъ и ими располагаетъ; кто создалъ силу всѣхъ сѣмянъ; кто далъ, кому хотѣлъ, разумную душу, называемую нами духомъ; кто даровалъ способность къ рѣчи и умѣнье ею пользоваться; кто предоставилъ, кому хотѣлъ, даръ Предсказывать будущее и самъ, черезъ кого хочетъ, предрекаетъ будущее и изгоняетъ болѣзни; кто управляетъ войнами для исправленія и наказанія рода человѣческаго и назначаетъ имъ начало, продолжительность и конецъ; кто создалъ и направляетъ въ этомъ мірѣ сильнѣйшій и свирѣпствующій огонь согласно съ состояніемъ безпредѣльной природы; кто создалъ и направляетъ воды вселенной; кто сотворилъ солнце, величайшее свѣтило изъ небесныхъ тѣлъ, и указалъ ему соотвѣтствующій путь и движеніе; кто самой преисподней не отказалъ въ господствѣ и власти надъ нею; кто всякому существу, сообразно его природѣ, далъ сѣмя и назначилъ и указалъ пищу на сушѣ или въ водѣ; кто орошаетъ землю и даетъ ей плодородіе; кто предоставилъ плоды животнымъ и человѣку; кто знаетъ и устанавливаетъ не только главныя причины всего, но и вытекающія изъ

нихъ—кто указалъ лунѣ ея видоизмѣненія; кто установилъ пути небесныя и земныя; кто далъ людскому уму, имъ созданному, науки и разныя искусства въ помощь жизни и природѣ; кто установилъ сочетаніе мужа и жены для поддержанія человѣческаго рода; кто предоставилъ семьямъ людскимъ способъ пользоваться земнымъ огнемъ для очага и освѣщенія. Все это производитъ одинъ истинный Богъ, какъ Богъ вездѣсущій; повсюду Онъ весь, не заключенный ни въ какихъ предѣлахъ, не стѣсненный никакими узами, не подлежащій никакому раздробленію и никакому измѣненію, наполняя небо и землю присущей вездѣ мощью. Управляетъ же Онъ всѣми твореніями такъ, что предоставляетъ имъ самостоятельно производить и направлять движеніе; и хотя они ничто безъ него, они не то, что Онъ“.

Въ этой похвалѣ Бога заключается сущность богословія Августина, опредѣленіе того Бога, котораго онъ противопоставлялъ „верховному Юпитеру“ Варрона, управляющему съ „избранными богами“ міромъ,—и метафизической сущности неоплатонизма.

II.

Нужно ли видѣть въ этихъ оттѣнкахъ монотеизма проявленіе не только разныхъ культуръ, но и различія расъ? Одинъ изъ лучшихъ современныхъ специалистовъ по исторіи религій, голландскій ученый Тиле, распредѣлилъ религіи на два семейства, сообразно съ тѣмъ, преобладаетъ ли въ ихъ представленіяхъ о божествѣ *тео-антропическое* или *теократическое* начало. Первое исходитъ изъ представленія о божественномъ началѣ въ человѣкѣ, о родствѣ человѣка съ божествомъ,—изъ того мировоззрѣнія, которое такъ наивно и характерно для античнаго міра выразилъ Пиндаръ въ стихѣ: „Одно—родъ боговъ, другое—родъ людской, но отъ одной матери ¹⁾ получили мы жизнь“. Теократическое же начало вытекаетъ изъ представленія о величій Бога и о его безусловной власти надъ людьми и міромъ. Оно подчеркиваетъ недосыгаемость, недоступность божества для человѣка—въ этическомъ смыслѣ его святость—и не допускаетъ, какъ тео-антропизмъ, второстепенныхъ боговъ или воплощенія божества, а знаетъ лишь посланниковъ Бога или пророковъ на землѣ.

Эти двѣ семьи религій, по мнѣнію Тиле, нашли себѣ пред-

¹⁾ Tiele. „Einleitung in die Religionswissenschaft“, перев. Gehrich, 1899, I, 138.

ставителей въ двухъ этнографическихъ семьяхъ арийцевъ и семитовъ. Въ основаніи этого мнѣнія лежитъ—до извѣстной степени давно признанная—истина. Глубокое различіе между семитическими и арийскими религіями по отношенію къ представленіямъ о Богѣ не можетъ подлежать сомнѣнію; нельзя также отрицать сильнаго вліянія семитовъ на водвореніе монотеизма въ мірѣ. Взглядъ, высказанный Тиле, находитъ себѣ подтвержденіе и въ сочиненіяхъ Августина, имѣвшихъ такое вліяніе на латинскій міръ.

Сила теократическаго монотеизма, пламенное преклоненіе передъ владычествомъ Бога въ мірѣ, чувствуются, можно сказать, на каждой страницѣ у Августина. Обусловливается ли все это вліяніемъ Ветхаго Завѣта, или въ этомъ сказывалось также вѣроятное происхожденіе самого Августина отъ кареагенскихъ предковъ—кто можетъ это рѣшить?—но теократическое представленіе такъ сильно господствуетъ у Августина, что онъ не останавливается даже передъ такимъ изображеніемъ божества, въ которомъ идея божества принесена въ жертву идеѣ безусловной власти. Въ одномъ изъ наиболѣе важныхъ богословскихъ сочиненій Августина, въ трактатѣ о Троицѣ, мы читаемъ: „Воля Божія есть первая и высшая причина всѣхъ тѣлесныхъ породъ и движеній. Ибо ничего не происходитъ ни въ мірѣ видимаго, ни въ мірѣ ощущеній, что не было повелѣно или не было разрѣшено при невидимомъ и духовномъ „дворѣ“ верховнаго Государя, сообразно съ неисповѣдимой справедливостью: наградъ и наказаній, милостей и воздаяній въ этомъ какъ бы величайшемъ и безпредѣльнѣйшемъ государствѣ, обнимающемъ все твореніе“.

Съ установленіемъ представленія о Богѣ было дано у Августина и основное положеніе его философіи исторіи. Съ устраненіемъ мировой души и второстепенныхъ боговъ римскаго монотеизма и признаніемъ Бога-творца была признана во всемъ мірѣ, а слѣдовательно и въ судьбѣ человѣчества, единая мысль и единая воля. Съ другой стороны, съ признаніемъ внѣ-мирового божества—его трансцендентности—было внесено въ міръ, какъ указалъ Эйкенъ еще по отношенію къ неоплатонизму, и вложено въ человѣческую душу стремленіе въ даль и въ высоту, желаніе подняться къ идеалу не мірскому; міръ являлся душѣ лишь символомъ, предверіемъ къ болѣе высокой, скрытой пока для глаза реальности ¹⁾—надъ земнымъ царствомъ поднялась заря другого, небеснаго царства.

¹⁾ Eucken, p. 107. Jene Idee einer weltüberlegenen Gottheit giebt den menschi-

Измѣнившіяся представленія о божествѣ повлекли за собою и иныя представленія о мірѣ. Этотъ процессъ начался еще на почвѣ политеизма. Стремленіе къ монотеизму исходило изъ потребности синтеза политеистическихъ представленій; но чѣмъ успѣшнѣе былъ этотъ синтезъ въ области религіозной, тѣмъ болѣе онъ вызывалъ новый дуализмъ—дуализмъ между божествомъ и міромъ. Древніе греки, обожествляя въ своемъ антропоморфизмѣ всю природу, не знали такого дуализма; но по мѣрѣ того, какъ этика вносила въ міеологію болѣе высокія представленія о божествѣ, она лишала міръ его божественности. Чѣмъ возвышеннѣе становилось божество, тѣмъ болѣе расширялось разстояніе между нимъ и міромъ, пока, наконецъ, не установился полный антагонизмъ между божественнымъ и мірскимъ. Этотъ антагонизмъ также все болѣе и болѣе проникался этическимъ началомъ. Онъ заключался сначала въ противоположеніи духовнаго матеріальному, совершеннаго несовершенному, блаженства страданію, переходя отсюда постепенно къ противоположности идеальнаго и чувственнаго, и, наконецъ, добра и зла. Преобладаніе зла надъ благомъ въ обоихъ его значеніяхъ—страданія и нравственнаго несовершенства—стало признаваться господствующей чертой міра. Греческая мысль, воспитанная на представленіи о *космосѣ*, т.-е. на отождествленіи понятій міра и порядка, гармоніи, красоты, долго боролась противъ пессимистическаго воззрѣнія на міръ. Она старалась оспаривать реальность зла, утверждала, что людямъ возможно избавиться отъ зла, поднимаясь надъ ощущеніемъ его; стоики учили, что зло въ мірѣ есть нѣчто мнимое, только кажущееся. Даже Плотинъ училъ, что зло по своей природѣ не представляетъ чего-либо положительнаго: оно лишь нѣчто отрицательное—лишеніе высшаго, лучшаго; оно лишь недостатокъ, дефектъ (*elleipsis*) блага. Но все-же зло въ мірѣ все болѣе и болѣе тревожило людей, и эта тревога все чаще и чаще побуждала ихъ искать выхода изъ этого міра, уходитъ изъ него, спастись отъ него. Это бѣгство изъ міра началось еще въ до-христіанскія времена; въ христіанскомъ обществѣ оно усилилось; правда, въ первые три вѣка оно мало проявлялось, потому что христіанскія общины уже стояли *снѣ міра*, находясь въ полномъ антагонизмѣ съ нимъ и ежечасно ожидая суда надъ нимъ и своего избавленія въ грядущемъ царствѣ. Но когда язичество было побѣждено, когда власть надъ міромъ до-

chen Sinnen den Zug ins Weite und Ferne, den Character aufstrebender Sehnsucht, bisweilen auch träumerischer Hoffnung.

сталась христіанамъ, и перспектива конца міра удалась, тогда среди христіанскаго міра началось бѣгство изъ міра, явилось монашество, возникла теорія о двухъ царствахъ, и появилась философія, для которой вся исторія представляла не что иное, какъ бѣгство съ земли на небо.

Но если одни бѣжали отъ зла въ мірѣ, то другіе задумывались надъ нимъ и старались опредѣлить его сущность или разгадать его происхожденіе. Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ этикѣ принадлежала руководящая роль. По мѣрѣ того, какъ она возвышала представленіе о божествѣ, она одухотворяла и понятіе о злѣ. Если сущность зла по прежнему усматривали въ лишеніи, то такое лишеніе уже не относили къ земнымъ благамъ, здоровью, богатству и т. п., а къ лишенію религіознаго блага. Зло заключалось въ удаленіи отъ божества, въ погруженіи въ чувственный міръ, въ невѣдѣніи божества; зло отождествлялось съ осверненіемъ. Какъ въ этомъ вопросѣ переплетались матеріальныя и этическія представленія, особенно наглядно показываетъ манихейство: этому смѣшенію оно отчасти обязано своимъ успѣхомъ; а съ другой стороны его успѣхъ показываетъ, какъ глубоко проблема зла занимала тогда умы. Для ея разрѣшенія манихейство прибѣгло къ древне-персидскому антагонизму между свѣтомъ и тьмой; зло въ мірѣ не что иное, какъ слѣдствіе побѣды темной силы надъ частичками свѣтлаго начала, оторванными отъ царства Ормузда, и плѣненія ихъ, хотя и временнаго. Но такое рѣшеніе не могло удовлетворить всѣхъ. Уже на почвѣ язычества зло подъ вліяніемъ этическихъ требованій стало представляться не простымъ несчастіемъ, а виной, требующей очищенія (*katharsis*), стало приближаться къ христіанскому представленію о грѣхѣ. Всего яснѣе выступаетъ это на почвѣ неоплатонизма. Для Платона зло заключается въ отпаденіи души отъ божественнаго начала, въ ея погруженіи въ чувственный міръ; лишь послѣ долгихъ страствованій въ этомъ мірѣ, она можетъ посредствомъ очищенія подняться снова до идеальнаго міра. И хотя этотъ подъемъ можетъ быть облегченъ съ помощью аскетизма, т.-е. ослабленія плоти,—но главнымъ образомъ это достигается отрѣшеніемъ души отъ всѣхъ интересовъ міра, направленіемъ воли исключительно на внутренній міръ человѣка.

Однако и это представленіе о злѣ еще не вполне поднялось до понятія о грѣхѣ. По философіи Плотина міръ произошелъ путемъ эманации (истеченія) или *излученія*, какъ выражался метафорически Плотинъ, изъ чистаго бытія. Этотъ процессъ совершался вѣчно и неудержимо. Поэтому и отпаденіе человѣка, его

выпаденіе изъ идеальнаго міра, представлялось въ неоплатонизмѣ какою-то роковою необходимостью, слѣдовательно, все-таки, больше несчастіемъ, чѣмъ виной; человекъ Плотина былъ безъ вины виноватъ. Удаляясь отъ чистаго бытія, человекъ не нарушалъ вѣчнаго мірового порядка, а шелъ за міромъ, повиновался общему, установленному искони теченію. Въ понятіе же грѣха входитъ представленіе о нарушеніи мірового порядка, о противодѣйствіи установленному этическому закону, выразившемся въ послушаніи божественной *воли*. Такое представленіе о злѣ восторжествовало въ мірѣ благодаря христіанству: оно нашло его въ книгѣ Бытія, въ разказѣ о грѣхопаденіи человека, и оно подняло древне-еврейское представленіе о запрещеніи вкусить отъ плода древа познанія добра и зла на степень всемірнаго этическаго принципа.

Историки, изучающіе преимущественно внѣшнія явленія въ жизни человечества и избѣгающіе богословскихъ вопросовъ, до сихъ поръ недостаточно оцѣнили значеніе идеи грѣха для культурнаго, этическаго развитія человечества. Можно сказать, что только благодаря этому понятію человекъ изъ физическаго сталъ этическимъ существомъ.

Если это такъ, то Августину принадлежитъ и въ этомъ отношеніи великая культурная роль. Историки христіанской догматики за послѣднее время—въ особенности Гарнакъ—выяснили, какое первостепенное значеніе имѣла дѣятельность Августина въ углубленіи понятія о грѣхѣ и въ развитіи сознанія грѣховности человека. Но такъ какъ этотъ вопросъ выходитъ изъ предѣловъ философіи исторіи, то мы остановимся лишь на той сторонѣ его, которая непосредственно касается разсматриваемаго здѣсь предмета—а именно на ученіи Августина о происхожденіи грѣха и отвѣтственности за него.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ Августинъ покинулъ манихейство, онъ всю жизнь боролся съ нимъ. Оно было діаметрально противоположно всѣмъ основамъ его міровоззрѣнія. На мѣсто его синтеза оно ставило дуализмъ; оно двоило божество, двоило міръ и хотя указывало человеку этической идеаль и призывало его къ борьбѣ со зломъ, но, признавая зло слѣдствіемъ космическаго процесса, независимаго отъ человека, уничтожало представленіе о винѣ и грѣхѣ.

Въ вопросѣ, что такое зло, — Августинъ стоялъ гораздо ближе

къ греческой философіи, и можетъ быть самая борьба его съ манихейскимъ реализмомъ побуждала его усвоить себѣ греческое представленіе объ отрицательномъ характерѣ зла. Для него зло не есть сущность (*nulla substantia est malum*). „Не можетъ быть никакого зла тамъ, гдѣ нѣтъ никакого блага“¹⁾. Августинъ заимствовалъ у неоплатонизма самые термины, которыми эта философія выражала противоположность добра и зла—*effectio* и *defectio*. Зло есть отпаденіе отъ высшаго къ тому, что ниже. Утверждая, что нельзя найти причину злой воли, Августинъ объясняетъ это тѣмъ, что эти причины не *дѣйствующія*—*causae efficientes non sint, sed deficientes*²⁾—и прибѣгаетъ къ сравненію зла съ тьмой и молчаніемъ; нельзя желать видѣть тьму и слышать молчаніе; хотя то и другое намъ извѣстно, но оно намъ извѣстно не въ видѣ чего-то положительнаго, представляемаго намъ глазами или ушами, а въ видѣ отрицанія свѣта или звуковъ. Но Августинъ рѣшительно удаляется отъ неоплатонизма въ вопросѣ о происхожденіи нравственнаго зла. Если для Плотина міръ былъ *излученіемъ* высшаго бытія, то и зло было явленіемъ неизбѣжнымъ, безличнымъ. Для Августина же міръ былъ результатомъ воли высшаго бытія, т.-е. Бога, актомъ волюнтарнаго творчества; поэтому и нарушеніе этой воли, т.-е. грѣхъ, могло быть только дѣломъ волюнтарнаго акта, *свободной*, а въ данномъ случаѣ злой воли. Понятіе о грѣхѣ несомвѣстимо съ отрицаніемъ свободной воли, ибо безъ нея не можетъ быть отвѣтственности. Это положеніе установилось въ христіанствѣ задолго до Августина Уже Юстинъ сказалъ: „Не было бы ничего похвальнаго, если бы человѣкъ не обладалъ возможностью обратиться по выбору въ ту или другую сторону“. Для Августина не подлежитъ сомнѣнію, что не только самое грѣхопаденіе было актомъ свободной воли, но что свободною волей продолжаютъ обладать и всѣ потомки Адама. Отстаивая это положеніе, онъ борется противъ философовъ, отрицавшихъ свободу воли, и ссылается на тѣхъ, кто ее признавалъ; онъ хвалитъ за это Цицерона, какъ человѣка „великаго и ученаго, опытнѣйшаго и много poradѣвшаго о жизни человѣческой“; онъ его не одобряетъ лишь за то, что тотъ, высоко цѣня свободу воли, и считая ее несомвѣстимой съ предвидѣніемъ будущаго, отрицалъ возможность предвидѣнія, чтобы только отстоять свободу воли. Августинъ желаетъ примирить свободу воли и предвидѣніе Господне.

¹⁾ De Gen. ad. litt. 8, 13, 28.

²⁾ C. D. XII, 7.

„Мы нисколько не вынуждены,—заявляетъ онъ,—удержавъ предвидѣніе Бога, пожертвовать свободою воли, или, сохранивъ свободу воли, отрицать предвидѣніе; это было бы грѣшно; намъ любо и то и другое; мы признаемъ за истину и то, и другое—первое для того, чтобы правильно вѣрить, второе—чтобы праведно жить“.

Много и долго трудился Августинъ, чтобы согласовать свободу воли человѣка со свойствами божества—не только съ его предвидѣніемъ, но и съ его благостью, такъ какъ свобода воли являлась причиною грѣха и зла, а эти явленія было трудно совмѣстить съ благостью Провидѣнія. Какія затрудненія долженъ былъ превозмогъ для этого Августинъ, и какъ онъ ихъ превозмогалъ, это вопросы болѣе богословскіе, чѣмъ историческіе; здѣсь же мы отмѣтимъ лишь самый фактъ, что Августинъ, вывода пороковъ и грѣховъ не изъ природы человѣка, а изъ его злой воли, считалъ возможнымъ совмѣстить свободу воли съ теодицеей. Богъ оставался въ его глазахъ совершеннѣйшимъ творцомъ (*naturarum bonarum optimus creator*) и справедливѣйшимъ судьей надъ злыми волями (*malarum voluntatum justissimus ordinator*): „Какъ тѣ дурно пользуются доброй природою, такъ Онъ направляетъ къ добру и злымъ волямъ“. Можно подвергать критикѣ діалектику, съ помощью которой Августинъ пытался совмѣстить свободу воли человѣка съ своимъ представленіемъ о божествѣ; а для философіи історіи остается знаменательнымъ фактомъ то, что онъ отстаивалъ свободу воли человѣка и призналъ его свободнымъ и нравственно отвѣтственнымъ дѣятелемъ въ історіи. Но такое нарушеніе мірового (божьяго) порядка злою волей человѣка вызывало новую проблему. Чѣмъ болѣе этика возвышала представленіе о божествѣ и углубляла представленіе о злѣ, чѣмъ дальше раздвигалась бездна между божествомъ и человекомъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность побѣдить зло и приблизиться къ божеству. Это стремленіе ярко проявляется уже въ самомъ язычествѣ въ послѣднюю эпоху его развитія, какъ въ области философіи, такъ и на почвѣ нѣкоторыхъ религиозныхъ вѣрувань. Подъ вліяніемъ этого стремленія измѣняется представленіе о жертвѣ и о ея значеніи; если жертва прежде приносилась для умилостивленія враждебныхъ человѣку силъ, или для полученія чего-либо отъ благосклонныхъ боговъ (*do ut des*), то въ концѣ язычества жертва часто становится очистительнымъ, искупляющимъ вину обрядомъ; съ другой стороны, еще на почвѣ язычества мы встрѣчаемъ представленіе о посредникѣ-искупителѣ: „благочестивый мудрецъ“ становится не только

руководителемъ человѣка, его опорой, но и испушителемъ (лотров) для неправеднаго ¹⁾.

Но на почвѣ язычества такое стремленіе не могло найти себѣ выхода. Высшее сочетаніе философской мысли и религиознаго творчества на почвѣ язычества — неоплатонизмъ, — представляя себѣ божество чистымъ бытіемъ, высоко царящимъ надъ міромъ, возлагало всю трудность задачи подняться къ божеству на самого человѣка. Уже манихейство, какъ болѣе активное, воинствующее мировоззрѣніе, считало это недостаточнымъ и признавало вмѣшательство свѣтлаго начала въ борьбу человѣка съ темной силою; но оно откладывало это вмѣшательство до самаго конца міра, до свѣтопреставленія. Совершенно иначе разрѣшала проблему христіанская вѣра; для нея само божество, несмотря на свою трансцендентность, входитъ во всей своей полнотѣ въ міръ, воплощается въ чловѣкѣ и, претерпѣвая смерть въ образѣ страдающаго за чловѣчество Бога, своимъ страданіемъ искупляетъ его вину. Августинъ посвящаетъ не мало страницъ своихъ сочиненій объясненію необходимости такого исхода; такъ, вставая противъ тѣхъ, кто „дерзали въ своей надменности утверждать, что „мудрецы (sapientiae composites) могутъ достигнуть блаженства“, онъ спрашиваетъ, почему же въ такомъ случаѣ они не становятся посредниками между безсмертными блаженными и несчастными смертными? Если же, продолжаетъ онъ, всѣ люди, пока они смертны, по необходимости и несчастны (miseri), то нуженъ посредникъ, который былъ бы не только чловѣкомъ, но и богомъ, для того, чтобы благая смертность этого посредника могла своимъ вмѣшательствомъ перевести людей изъ смертнаго бѣдствія къ блаженному безсмертію.

Ту же мысль Августинъ выражаетъ въ другомъ мѣстѣ, прибѣгая къ любимой имъ, но не поддающейся переводу игрѣ словъ: „Для того, чтобы мы увѣренно шли къ истинѣ, сама истина, Господь, Сынъ Божій, принявъ чловѣчность, но не переставъ быть Богомъ (homine adsumpto, non Deo consumpto) далъ намъ вѣру, что путь чловѣка къ Богу лежитъ черезъ Бога-чловѣка“.

Этотъ основной догматъ христіанской религіи, разрѣшавшій всѣ антиноміи христіанскаго мировоззрѣнія, заключавшій въ себѣ тѣодицею и опредѣлявшій судьбу чловѣчества, сталъ и основнымъ фактомъ Августиновской философіи исторіи. Вся предшествовавшая этому факту исторія становилась подготовленіемъ

¹⁾ Eucken. Die Lebensanschauungen, стр. 110.

єму, вся дальнѣйшая історія—єго послѣдствіємъ. Этотъ фактъ предопредѣлялъ и задачу философіи історіи; она должна была заключаться въ *прославленіи* Бога, проявлявшагося въ історіи человѣчества и въ *просвѣтленіи* человѣка, не столько относительно єго земныхъ, сколько єго загробныхъ чаяній и интересовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ цѣльномъ христіанскомъ міровоззрѣніи, Августинъ почерпнулъ и всѣ основные постулаты философіи історіи: понятіе о *единствѣ* человѣческой історіи, объясненіе причины историческихъ явленій—общаго закона ихъ—представленіе объ *эволюціонномъ* характерѣ историческаго процесса, о постепенномъ развитіи человѣчества и достиженіи имъ цѣли и о *прогрессѣ* въ историческомъ движеніи.

IV.

Но прежде, чѣмъ войти въ болѣе подробное разъясненіе этихъ вопросовъ, мы должны сдѣлать оговорку. Августинъ не задавался систематической философіей історіи, и мы не находимъ у него соотвѣтствующаго представленія.

Его сочиненіе о Божьемъ царствѣ даетъ въ извѣстномъ смыслѣ больше, а въ другомъ смыслѣ меньше, чѣмъ то, что мы привыкли понимать подъ философіей історіи. Чтобы правильно оцѣнить значеніе и характеръ Августиновскаго сочиненія о Божьемъ царствѣ, єго нужно сопоставить съ двумя великими поэмами, имѣвшими аналогическое содержаніе, т.-е. історію спасенія человѣчества—съ „Божественной комедіей“ Данте и съ „Потеряннымъ и вновь приобрѣтеннымъ раемъ“ Мильтона. Каждая изъ трехъ великихъ эпохъ христіанства—вселенская, папско-католическая и протестантская—искала въ нихъ отвѣта на главную тайну человѣческой історіи и сама отпечатлѣлась на этомъ отвѣтѣ. Во время Мильтона свѣтская наука уже отдѣлилась отъ богословія, и вслѣдствіе этого авторъ поэмы о паденіи человѣка и спасеніи єго ограничивается религіозной областью. Для Данте свѣтскій, историческій элементъ еще подчиненъ богословскому, но уже имѣетъ самостоятельный интересъ. Для Августина же, творца той богословской системы, которая охватывала небо и землю въ идеѣ великаго творца Божьяго царства, земная історія человѣчества, какъ все преходящее, была лишь переходной ступенью къ вѣчному—*Alles Vergängliche ist nur ein Gleichniß,*—

но тѣмъ не менѣе онъ въ своей „божественной драмѣ“, исходя изъ своей теодицеи, далъ намъ и философію исторіи.

Господствующая въ христіанствѣ догма о грѣхопаденіи и спасеніи человѣчества уже включала въ себѣ представленіе о единствѣ и общей судьбѣ человѣчества. Идея единства человѣчества была до извѣстной степени подготовлена политическимъ ростомъ Рима. По мѣрѣ того, какъ римское оружіе подчиняло единой власти народы и старыя культурныя страны, выработывалось и представленіе о всеобщей исторіи, т.-е. объ общей связи народовъ съ исключеніемъ варваровъ. Но положеніе дѣла совершенно измѣнилось съ торжествомъ христіанства, не признавашаго различія между эллинами и варварами. Измѣнилось также положеніе еврейскаго народа, занимавшаго очень невидное мѣсто въ представленіяхъ языческаго міра. Съ точки зрѣнія христіанства, вышедшаго изъ нѣдръ еврейства, судьба послѣдняго получила выдающееся значеніе.

Поэтому уже современникъ и биографъ перваго христіанскаго императора, несарійскій епископъ Евсевій, авторъ первой исторіи церкви, установилъ понятіе всеобщей исторіи въ новомъ, болѣе обширномъ смыслѣ, положивъ въ ея основаніе не языческихъ анналистовъ, а Ветхій Завѣтъ. Евсевій слилъ въ одно цѣлое событія, описанныя языческими историками, съ библейскими и провелъ непрерывную нить исторіи отъ Адама до 330 года. Впрочемъ Евсевій объединилъ языческую и христіанскую исторію только чисто вѣшнимъ образомъ. Его сочиненіе было механическимъ сводомъ двухъ руслъ человѣческой исторіи, сухимъ перечнемъ событій въ хронологическомъ порядкѣ. Этотъ сводъ былъ переведенъ на латинскій языкъ современникомъ Августина, св. Иеронимомъ, который значительно его дополнилъ и довелъ до смерти императора Валента, предшественника Θεодосія. Иеронимъ, кромѣ того, примѣнилъ къ исторіи видѣніе Даниила и разбилъ исторію на эпохи четырехъ монархій—ассирійско-вавилонской, мидо-персидской, греческой и римской, которая должна была продолжаться до страшнаго суда.

Такимъ образомъ, въ этой схемѣ уже были даны вѣшнія рамки для исторіи человѣчества, съ указаніемъ исходной точки—появленія перваго человѣка, и конечной—судомъ надъ человѣчествомъ; но исторія эта не имѣла живого содержанія; между двумя половинами ея—языческой и библейской—не было никакой связи. Эту связь установилъ Августинъ своимъ представленіемъ о двухъ царствахъ, и съ помощью той же идеи Августина

превратилъ простой, безжизненный перечень именъ и событій въ великую міровую драму.

Дѣло въ томъ, что Августинъ не былъ компиляторомъ историческихъ фактовъ, какъ современные ему хронографы, а глубокимъ мыслителемъ, одареннымъ фантазіей и творческой силой. Онъ не могъ удовлетворяться наивызываніемъ несвязныхъ между собой событій; его интересовали не факты, а ихъ причина, общая связь и цѣль, — и потому онъ сдѣлался творцомъ философіи исторіи. Августинъ имѣлъ передъ собою два ряда историческихъ фактовъ не только параллельныхъ и не соприкасающихся, но по существу различныхъ: съ одной стороны, исторію языческихъ народовъ, засвидѣтельствованную ихъ лѣтописцами, съ другой — исторію избраннаго Богомъ народа, засвидѣтельствованную Священнымъ Писаніемъ, т. е. откровеніемъ Божиимъ, и не только засвидѣльствованную, но и предсказанную въ общихъ чертахъ пророками, слѣдовательно предусмотрѣнную, предустановленную Богомъ. Чтобы соединить оба теченія въ одно русло, недостаточно было подвести ихъ подъ общую хронологію; нужно было подняться на такую высоту, съ которой видны были бы и общій источникъ обоихъ теченій, и ихъ сліяніе. Хронологическое сочетаніе языческой и еврейской исторіи превратилось поэтому подъ перомъ Августина въ философское объединеніе греко-римскаго міра съ еврейско-христіанскимъ.

Августинъ имѣлъ въ этомъ отношеніи замѣчательнаго предшественника, александрійскаго еврея Филона (30 до и 50 по Р. Х.). Попытка Филона объединить два различныхъ историческихъ процесса, — результаты культуры двухъ различныхъ расъ, была сдѣлана въ знаменательный моментъ. То было наканунѣ завершения самобытной еврейской исторіи и культуры, при самомъ концѣ ветхозавѣтнаго періода исторіи. Синтезъ, предпринятый Филономъ, соответствовалъ глубокой современной потребности; еврейство стало, какъ созрѣвшій плодъ, рассыпаться въ міръ: оно не только притягивало „прозелитовъ“, но и стремилось внести свой вкладъ въ общую культуру; съ другой стороны — эллинизмъ, сдѣлавшись универсальной культурой, не могъ оставаться равнодушнымъ къ итогамъ еврейской культуры. При сочетаніи этихъ двухъ міровъ у Филона, „еврейство внесло съ своей стороны въ этотъ синтезъ твердую основу догматовъ и обрядовъ, взглядъ на міръ, какъ на эволюцію, энергію глубочайшихъ моральныхъ убѣжденій, религіозность, уже обратившуюся внутрь; гелленизмъ же внесъ универсальныя понятія, сильное стремленіе отъ узко-человѣческой точки зрѣнія къ космической, жажду познанія,

наслаждение красотой. Въ этомъ взаимодействіи еврейство расширило свои понятія и одухотворилось; эллинизмо укрѣпилось и приобрѣло углубленіе душевной жизни; на самомъ же дѣлѣ, противорѣчія были не столько сглажены (*überwunden*), сколько вдвинуты другъ въ друга ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ прошло почти четыре вѣка; мѣсто Ветхаго Завѣта занялъ Новый; противъ античной культуры выступило вмѣсто еврейства отложившееся отъ него христіанство, выросшее въ прочную догматическую систему не безъ сильнаго вліянія эллинизма. Взаимное отношеніе двухъ соперничающихъ воззрѣній совершенно измѣнилось со времени Филона. Когда Филонъ пытался при сліяніи двухъ культурныхъ теченій, эллинскаго и еврейскаго, построить свою систему, оба теченія были, можно сказать, равносильны; классическая философія и религія Израиля представляли собою двѣ равныя по достоинству культурныя силы. Съ тѣхъ поръ классическій міръ пережилъ самого себя; самая жизненная его струя, философія, стала искать разрѣшенія своихъ проблемъ въ области религіозной, т.-е. шла на встрѣчу христіанству. Съ другой стороны, христіанство, принявши въ себя наслѣдіе философіи, замѣнивъ узко-національныя представленія еврейства универсальными, стало способно побѣждать противника на его собственной почвѣ. Такимъ образомъ, язычество было побѣждено не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ духовномъ; тѣмъ не менѣе самое міровоззрѣніе его оставалось, и оно со всѣмъ своимъ прошлымъ являлось загадкой, требующей разрѣшенія. Августинъ принялся за разрѣшеніе новой проблемы. На этотъ разъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ „двухъ міровъ“ привелъ къ иному результату: противорѣчія не были только „вдвинуты другъ въ друга“, а были дѣйствительно побѣждены въ высшемъ синтезѣ; классическій міръ вошелъ въ органическую связь съ христіанскимъ,—занявъ въ немъ, какъ его антитеза, *служебное* положеніе.

Но Августинъ не остановился на этомъ синтезѣ античной и священной исторіи,—его взоръ обнялъ все человѣчество. Христіанское ученіе о спасеніи человѣчества Христомъ дало Августину возможность установить единство въ судьбахъ человѣчества, указать начало, общую цѣль и самый конецъ историческаго процесса.

„Отъ одного человѣка, созданнаго Богомъ, произошелъ человѣческій родъ“. Этимъ дано общее начало человѣческой исторіи.

¹⁾ Eucken. Die Lebensanschauungen der grossen Denker. III изд., стр. 109.

Мы видѣли, какъ Августинъ настаиваетъ на расовомъ единствѣ человѣчества, какъ онъ старается обойти затрудненія, которыя ему представляли въ этомъ отношеніи розсказни о разныхъ уродливыхъ народахъ. Кровное единство человѣчества для Августина важнѣйшій и необходимый постулатъ, потому что на этомъ фактѣ основанъ догматъ о первородномъ грѣхѣ, а слѣдовательно и догматъ о ниспосланіи посредника - спасителя (*medius*)—для того, чтобы „вывести людей изъ бѣдствій смерти въ безсмертному блаженству“.

Но положеніе, что отъ одного человѣка, созданнаго Богомъ, произошелъ человѣческій родъ, нужно Августину не только изъ религиозныхъ мотивовъ; онъ выводитъ изъ него чрезвычайно знаменательныя соображенія моральнаго и политическаго характера, на которыхъ отразилось вліяніе на Августина античной гуманности. Августинъ утверждаетъ, что Богъ создалъ одного человѣка — въ отличіе отъ другихъ породъ — не для того конечно, чтобы лишить его человѣческаго общества, но чтобы этимъ способомъ ему сильнѣе внушить единство человѣческаго общества и скрѣпляющее его согласіе, — такъ какъ при такихъ условіяхъ люди связуются между собою не только сходствомъ своей природы, но и основанной на родствѣ любовью.

Началу человѣческой історіи, опредѣленному хронологически временемъ сотворенія перваго человѣка, долженъ соответствовать и опредѣленный во времени конецъ.

Ученіе о спасеніи, связанное съ началомъ человѣческой історіи, опредѣляетъ и этотъ конецъ. Возможно ли, однако, установить его? Августинъ ссылается на слова писанія о томъ, что время пришествія Христова извѣстно только Отцу. Но если отсюда слѣдуетъ, что оно не можетъ быть вычислено человѣкомъ хронологически, то оно можетъ быть опредѣлено иначе. Если історія человѣчества по существу—не чтъ иное, какъ історія его спасенія, то она должна окончиться по достиженіи этой цѣли. По ученію Августина, человѣкъ спасается благодатью; число же людей, которымъ предназначено спасеніе, искони *предусмотрѣно* Богомъ. Отсюда и возможность опредѣлить конецъ міра. Онъ наступитъ тогда, когда заполнится число предназначенныхъ къ спасенію (*numerus praedestinatorum*).

V.

Такимъ образомъ, історія человѣчества поставлена въ опредѣленныя рамки: она является цѣльнымъ процессомъ, у котораго

есть начало, высшая точка и конецъ. Весь процессъ въ своемъ теченіи опредѣляется цифрами—въ прошломъ, числомъ лѣтъ отъ сотворенія человѣка, въ будущемъ—неизвѣстнымъ человѣку числомъ людей, предназначенныхъ къ спасенію.

Въ этомъ единомъ процессѣ, какимъ представляется Августину судьба человѣчества отъ грѣхопаденія до исполненія числа избранниковъ, предназначенныхъ къ спасенію,—уже проявляется дѣйствующая причина историческихъ явленій, или законъ исторіи. Эта причина—само Божество. По Божьей волѣ совершилось искупленіе и происходитъ спасеніе избранныхъ. Исторія человѣчества есть поэтому откровеніе Божества. Оно познается въ общемъ ходѣ исторіи. Но оно и само непосредственно открывается человѣчеству въ продолженіи его исторіи. Этотъ процессъ откровенія начался еще въ раю и совершался затѣмъ въ продолженіи всей исторіи Божьяго царства въ лицѣ патріарховъ и пророковъ, достигнувъ своего высшаго проявленія въ Христѣ, создателѣ церкви. Такъ сама исторія удостовѣряетъ, что она есть осуществленіе воли Божіей; ходъ историческихъ событій управляется промысломъ Божиимъ и направляется къ опредѣленной Божествомъ цѣли.

Итакъ, съ одной стороны само Священное Писаніе—въ исторіи еврейскаго народа,—съ другой, и вообще все христіанское міровоззрѣніе приводятъ Августина къ идеѣ Провидѣнія.

Что воля Божія или Провидѣніе проявляется въ мірѣ, было давно уже установлено какъ Евангелиемъ, такъ и языческими философами. Самъ Августинъ на это указываетъ и сопоставляетъ слова Евангелія о лиліяхъ съ „правильнымъ разсужденіемъ“ Плотина, который доказывалъ существованіе Провидѣнія „красотою такихъ ничтожныхъ и непрочныхъ явленій, какъ цвѣты и листья“.

Но уже и въ исторію проникла идея Провидѣнія. Уже Оригенъ училъ, что не случай, а Богъ соединилъ всѣ народы подъ законами Рима, чтобы облегчить проповѣдь христіанства. Какимъ образомъ могла бы иначе проявиться миролюбивая кротость Иисуса Христа среди войнъ, разъединившихъ народы? Можно усомниться, зналъ ли Августинъ эти слова своего знаменитаго предшественника, но они были ему ненужны, такъ какъ идея Провидѣнія вытекала для Августина изъ самого существа его монотеистическаго міровоззрѣнія. Августинъ выводитъ Провидѣніе изъ самого акта творенія: оно есть его *продолженіе*, посредствомъ котораго Богъ поддерживаетъ все сотворенное (*universam crea-*

tugam) и управляетъ имъ ¹⁾. Сотворивъ міръ, Богъ далъ ему бытіе; продолженіе этого бытія на болѣе или менѣе короткое время зависитъ отъ Провидѣнія. „Богъ разлитъ въ міръ“,—говоритъ Августинъ въ другомъ мѣстѣ,—но какъ творческая сущность его, substantia, управляющая міромъ безъ труда и поддерживающая его безъ напряженія. Въ виду того, что творенія разныхъ качествъ — лишеныя жизни, обладающія жизнью (организмы) и одушевленныя (т.-е. разумныя души),—Августинъ различаетъ два вида Провидѣнія — физическое и волевое ²⁾. Подъ первымъ Августинъ разумѣетъ то тайное дѣйствіе Бога, посредствомъ котораго Господь даетъ ростъ злакамъ и деревьямъ, волевое—проявляется въ дѣйствіяхъ ангеловъ и людей, т.-е. существъ, одаренныхъ свободной волею.

Затаенная сила Бога, проникая всюду, даетъ бытіе всему, что имѣетъ бытіе и насколько оно его въ себѣ имѣетъ. Поэтому Августинъ называетъ волю Божию первою и высшею причиною всѣхъ видовъ тѣлъ и всѣхъ движеній. *Первой* причиною называетъ Августинъ Провидѣніе потому, что при твореніи Господь далъ и твореніямъ способность собственныхъ движеній. Но эти движенія—не что иное, какъ *вторичныя*, т.-е. зависящія отъ первой причины. Такой *вторичной* причиной является, напр., земля—хотя она представляется плодородной матерью всего изъ нея произрастающаго,—когда она даетъ ростъ прозябающимъ сѣменамъ и опору всему, что прикрѣплено къ ней корнями.

Взглядъ Августина на дѣйствіе Провидѣнія въ природѣ необходимо знать, чтобы уяснить себѣ его ученіе о Провидѣніи въ исторіи, о чемъ дальше будетъ рѣчь. Но этотъ взглядъ объясняетъ намъ также его точку зрѣнія на то, что естественно и противоестественно, и основанное на этой точкѣ зрѣнія отношеніе его къ тогдашнимъ представителямъ естественныхъ наукъ—физикамъ, какъ они тогда назывались, отстаивавшимъ законы природы. Изображеніе будущихъ судебъ Божьяго царства дало Августину поводъ подробно коснуться этого вопроса. Согласно ученію церкви, Августинъ приписывалъ мукамъ грѣшниковъ въ аду физическій характеръ и вѣчность. Противники этого ученія утверждали, что тѣла человѣческія не могутъ быть вѣчны и не могли бы вынести мукъ вѣчнаго огня. Полемизируя съ ними, Августинъ указываетъ на живущую въ огнѣ саламандру и на червей, ко-

¹⁾ De Gen. ad. litt. 4, 12. См. Grassmann: Die Schöpfungslehre d. h. Augustinus u. Darwin. Regensb. 1889.

²⁾ De Gen. ad. litt. 8, 9, 17. Gemina operatio providentiae reperitur, partim naturalis, partim voluntaria etc.

торыхъ находятъ въ кипящихъ источникахъ, а затѣмъ проводятъ мысль, что не все кажущееся противоестественнымъ на самомъ дѣлѣ таково, и ссылается на цѣлый рядъ примѣровъ. Такъ, агригентская соль въ огнѣ таетъ, а въ водѣ, наоборотъ, трещить ¹⁾; въ Африкѣ у гарамантовъ есть источникъ, настолько холодный днемъ, что изъ него нельзя пить, а по ночамъ такой горячій, что до него нельзя дотронуться; въ Эпирѣ есть источникъ, въ которомъ зажженные фавелы, какъ въ другихъ, тухнуть; потухшіе же разгораются; въ Аркадіи есть камень, который, если его разжечь, не потухнетъ; въ землѣ Содомской яблони достигаютъ съ виду зрѣлости, но если ихъ взять въ руки, они обращаются въ пепель, и т. п. На свѣтѣ безчисленное множество такихъ диковинъ (*innumerable mirabilia*); если мы привыкаемъ къ нимъ, они перестаютъ быть въ нашихъ глазахъ чудесными (*assiduitate vilescunt*). Примѣромъ можетъ служить известъ, поразительныя свойства которой подъ вліяніемъ огня и воды Августинъ подробно и художественно описываетъ. Если бы, замѣчаетъ онъ, намъ рассказали такія чудеса о какомъ-нибудь камнѣ въ Индіи, мы сочли бы это ложью и во всякомъ случаѣ очень удивились бы. То же бываетъ и наоборотъ. Августинъ сообщаетъ, какъ онъ самъ обомлѣлъ отъ удивленія, когда въ первый разъ увидѣлъ дѣйствіе магнита, притянувшего къ себѣ одно за другимъ цѣлый рядъ желѣзныхъ колецъ. Поэтому его не смущаютъ рассказы о разныхъ диковинахъ у язычниковъ, напр. о томъ храмѣ Венеры, въ которомъ была или есть горящая подъ открытымъ небомъ лампада, которую никакая буря, никакой дождь не въ состояніи погасить. Августинъ объясняетъ это или человѣческимъ искусствомъ, напр. примѣненіемъ къ дѣлу асбеста, или магіей, т.-е. помощью демоновъ; отрицать же возможность помощи демоновъ значило бы войти въ противорѣчіе съ Священнымъ Писаніемъ. „Такъ пусть же язычники, признающіе подлинность такихъ рассказовъ въ своей литературѣ, не ополчаться на насъ, — восклицаетъ Августинъ, — если встрѣтятъ въ христіанской литературѣ рассказъ, который имъ покажется неправдоподобнымъ; если власть демоновъ велика, то насколько выше могущество Бога! и какъ усомниться, что Богъ можетъ творить чудеса, если онъ сотворилъ міръ, полный безчисленныхъ чудесъ, и если этотъ самый міръ есть безъ сомнѣнія величайшее и превосходнѣйшее чудо изъ чудесъ“!

¹⁾ Плиніи. *Hist. Nat.*, XXXI, 41, выражается иначе о свойствахъ этой соли — *ignium patiens ex aqua exjilit*. *Lenz. Mineralogie d. Gr. u. R.* 92.

Если Августинъ въ первой части своей аргументація старался ограничить понятіе *нестественнаго*, то, установивъ, что весь міръ есть чудо, онъ во второй части смѣло берется доказывать скептикамъ, что и противоестественное возможно для Бога. Эти скептики, отрицая возможность чудеснаго, объясняютъ все свойствомъ или природою вещей; и даже если привести имъ въ примѣръ агригентскую соль, которая производитъ дѣйствіе вопреки природѣ огня и воды, расплаваясь въ огнѣ и треща въ водѣ,—они говорятъ: такова природа этой соли. Августинъ ничего не имѣетъ противъ такого объясненія; оно кратко и удовлетворительно. Но такъ какъ Господь творецъ всей природы и всякой природы, то почему же, спрашиваетъ онъ, физики не хотятъ удовлетвориться еще болѣе убѣдительнымъ объясненіемъ того, что имъ кажется невозможнымъ,—т.-е., что такова была воля всемогущаго Бога?

Итакъ, нельзя признать противнымъ природѣ (*contra naturam*) то, что совершается по волѣ Божіей, если воля такого великаго творца именно и составляетъ природу всякой сотворенной вещи. Отсюда слѣдуетъ, что природа вещей не есть нѣчто вѣчно неизмѣнное. Такъ измѣнилась послѣ грѣхопаденія природа человека, данная ему въ раю; измѣнится она и послѣ воскресенія изъ мертвыхъ. Августинъ приводитъ много и другихъ фактовъ изъ Священнаго Писанія въ доказательство того, что Господь измѣнялъ природу вещей,—напр., то, что Господь остановилъ солнце по просьбѣ Иисуса Навина. Но такъ какъ язычники не вѣрятъ Священному Писанію, то Августинъ приводитъ доказательства и изъ сочиненія Варрона, передающаго, что, по свидѣтельству Кастора, вечерняя звѣзда, Венера, однажды измѣнила цвѣтъ, объемъ, форму и движеніе, и что это случилось по вычисленію знаменитыхъ математиковъ Адраста и Діона при царѣ Огигіѣ... Что тверже установлено и точнѣе опредѣлено законами, какъ не движеніе звѣздъ?—спрашиваетъ Августинъ. И однако Господь въ данномъ случаѣ измѣнилъ законъ движенія самой блестящей звѣзды и смутилъ всѣ вычисленія астрономовъ, если таковые тогда были. Но язычники могли не повѣрить этому свидѣтельству Варрона, хотя онъ былъ и ученѣйшій между ними. И Августинъ приводитъ другой примѣръ, достовѣрность котораго, какъ онъ говоритъ, можетъ быть провѣрена,—совершенное измѣненіе характера природы въ содомской, нѣкогда плодородной, долинѣ, въ чемъ легко убѣдиться всякому очевидцу.

Все это должно, какъ заключаетъ Августинъ, убѣдить скептиковъ, что они не имѣютъ права давать предписанія Богу и

отрицать, что онъ въ силѣ совершенно измѣнить то, въ чемъ они видятъ природу вещей, и что ему въ этомъ не можетъ воспрепятствовать никакой законъ природы.

VI.

Таково представленіе Августина о томъ, что онъ называетъ Провидѣніемъ въ природѣ: съ нимъ тѣсно связано, отличаясь отъ него, какъ болѣе сложное, — представленіе о Провидѣніи волею. Оно называется такъ потому, что проявляется чрезъ подчиненныя Богу воли — людей и ангеловъ. Вліяніе Провидѣнія на *тѣла* — по Августину — полное и непосредственное; онъ выражаетъ это такъ, что Богъ управляетъ ими и ихъ движеніями въ пространствѣ и во времени; душами же управляетъ лишь во времени ¹⁾. Такимъ образомъ, и воли людей являются вторичными причинами; онѣ дѣйствуютъ какъ бы независимо отъ первой причины, но на самомъ дѣлѣ являются орудіями первой; такъ, землешащцъ, сѣя пшеницу, не можетъ считаться творцомъ плодовъ, которые выростутъ изъ его сѣмянъ. Въ другомъ примѣрѣ, который приводитъ Августинъ, воля людей, какъ вторичная причина, исполняетъ только начертанія Божьей воли: „Городъ Римъ и городъ Александрію создали не *плотники* и архитекторы, но цари, по волѣ, плану и привязанію которыхъ построены эти города, и потому мы считаемъ основателями ихъ Ромула и Александра; тѣмъ болѣе нужно считать Господа творцомъ всего, что по волѣ его совершаютъ рабочіе, имъ же самимъ сотворенные“.

Такимъ образомъ, все въ мірѣ направляется „по волѣ божественнаго Провидѣнія къ тому исходу, который предначертанъ ею въ общемъ планѣ управленія вселенной“.

Этой волѣ служатъ и ангелы и оповѣщаютъ о ней люди; этой волѣ не могутъ помѣшать и демоны. Божественное Провидѣніе принимаетъ мѣры къ тому, чтобы дьяволъ былъ лишенъ возможности повредить въ чемъ-либо Божьему Царству чрезъ посредство своихъ орудій. А въ другомъ мѣстѣ Августинъ говоритъ, что по волѣ Божіей ангелы всегда торжествуютъ надъ дьяволомъ, и что искушенія его приносятъ пользу святымъ людямъ, которымъ онъ желаетъ вредить. Поэтому, какъ праведные

¹⁾ De Gen. ad litt. 8 c. 26 § 48. Deus... movet per tempus creaturam spiritualem, movet etiam per tempus et locum creaturam corporalem...

могутъ творить благо лишь насколько это угодно Богу, такъ и злое могутъ творить неправду лишь поскольку это попускаетъ Богъ. Итакъ, хотя многое и творится злыми вопреки волѣ Бога, его мудрость и его могущество таковы, что все, хотя бы оно и казалось несогласнымъ съ его волею, ведетъ къ тому исходу, или къ той цѣли, которую онъ призналъ напередъ благою и справедливою.

Утверждая, что все въ мірѣ творится или по волѣ Провидѣнія, или лишь насколько оно допущено имъ, Августинъ примѣняетъ этотъ принципъ и къ исторіи. Въ этомъ случаѣ онъ обыкновенно довольствуется лишь установленіемъ общаго принципа: „Божественнымъ Провидѣніемъ созидаются царства земныя, — заявляетъ онъ отчетливо и внушительно, — и всѣмъ управляетъ и распоряжается единый и истинный Богъ, какъ ему угодно“. Ту же мысль Августинъ примѣняетъ въ другихъ мѣстахъ къ римскому государству, про которое прямо говорить, что „Господь соизволилъ содѣйствовать его расширенію“. Но иногда Августинъ не ограничивается такими общими заявленіями, а пытается указать волю Провидѣнія въ отдѣльныхъ проявленіяхъ ея. Большею частью это такіе случаи, гдѣ онъ усматриваетъ провиденціальныи характеръ событій въ нравственной назидательности ихъ. Такъ, наприм., онъ говоритъ, что Господь предоставляетъ земную власть и дурнымъ людямъ, для того, чтобы поклонники его не считали эту власть за нѣчто великое и желательное. Въ другомъ мѣстѣ, объясняя, что расширеніе и слава римскаго владычества были наградою римлянамъ за ихъ гражданскія доблести, — Августинъ прибавляетъ, что Провидѣніе имѣло при этомъ въ виду и другую цѣль, а именно, чтобы христіане, взирая на примѣры патріотизма, представляемые языческими римлянами, возгарались любовью къ своему вѣчному граду.

Еще рѣже Августинъ рѣшается истолковать промысломъ Божіимъ отдѣльныя событія; такъ, напр., онъ говоритъ о пораженіи, которое потерпѣлъ поклонникъ демоновъ, вождь готовъ Радагайсъ, со своими громадными полчищами, что это совершилось чудеснымъ и милостивымъ дѣйствіемъ Бога. Но вообще Августинъ, тамъ, гдѣ не можетъ опереться на свидѣтельство Священнаго Писанія, очень остороженъ въ указаніи провиденціальныи событій; онъ оговаривается, что обсуждать таинственное превышаетъ его человѣческія силы, и что многое по волѣ самого Господа остается для человѣка скрытымъ. Онъ напоминаетъ, что „само божественное Провидѣніе наставляетъ насъ не хулить безразсудно, но тщательно изучать пользу вещей, и тамъ, гдѣ нашъ

умъ или силы оказываются недостаточными для этого—видѣть тайну, какъ то и съ нимъ неоднократно случалось. Говоря о волѣ Божіей и о промыслѣ его, Августинъ предостерегаетъ противъ примѣненія къ нимъ человѣческихъ представленій. Для Господа нѣтъ—какъ для человѣка—будущаго, на которое онъ взираетъ впередъ (*prospicit*); настоящаго, на которое онъ взираетъ непосредственно (*aspicit*), и прошлаго, на которое онъ смотритъ назадъ (*respicit*); его промыслъ не мѣняется и не раздробляется, и все, что совершается во времени, онъ охватываетъ въ мысли одновременно, а не такъ, какъ будто для него будущее еще не существуетъ, настоящее наступило, а прошлое уже миновало.

Основывая философію исторіи на идеѣ Провидѣнія, Августинъ внесъ въ хаотическій міръ случайныхъ историческихъ фактовъ понятія порядка, закона и конечной цѣли. Въ особенности последнее понятіе было богато послѣдствіями: тамъ, гдѣ есть конечная цѣль, она достигается не сразу, а *постепенно*, слѣдовательно тамъ совершается *развитіе*, тамъ происходитъ *эволюція*. Но можно ли примѣнять къ философіи Августина эти современные представленія?

VII.

Ученые, писавшіе объ Августинѣ, расходятся въ этомъ вопросѣ. Такъ, напр., Эйкенъ говоритъ, что міровой порядокъ обнаруживается для Августина не только въ явленіяхъ одновременно существующихъ (въ статикѣ), но и въ явленіяхъ, совершающихся во времени (въ динамикѣ); что и явленія, „слѣдующія одно за другимъ“, также связаны внутреннимъ сцѣпленіемъ; что для Августина въ томъ, что совершилось раньше, уже заключается будущее; и такимъ образомъ „міръ походитъ на гигантское дерево, корни котораго содержатъ въ себѣ въ незримой возможности и причинной связи (*vi potentiaque causali*) всѣ позднѣйшія образованія. Зейрихъ, напротивъ, старается доказать, какъ неполно и неудовлетворительно представленіе объ историческомъ развитіи (*Entwicklung*) у Августина, и полемируетъ противъ писателей, приписывающихъ ему представленіе о прогрессѣ—Ружемона и Нуриссона ¹⁾.

¹⁾ Seyrich. Die Geschichtsphilosophie Augustins etc., стр. 25 и 42—7. Ружемонъ (Rougemont: Les Deux Cités. Par. 1874), впрочемъ, указываетъ на „осязательный для читателя прогрессъ“ у Августина „лишь въ той части сочиненія его, которая посвящена изложенію пророчествъ“, и здѣсь Ружемонъ совершенно правъ. См. I, 388.

Первый из названных трех писателей утверждает, что о „постепенномъ естественномъ развитіи“ не можетъ быть и рѣчи въ философской системѣ Августина; такое представленіе несовмѣстимо съ господствующимъ надъ всѣмъ и всеподавляющимъ понятіемъ о божествѣ у Августина, которое дѣлаетъ невозможнымъ усовершенствованіе посредствомъ собственной волевой энергіи и дѣятельности. Авторъ, правда, высоко цѣнитъ параллель, устанавливаемую Августиномъ между жизнью единичнаго человѣка и человѣчества, и говорить, что эта мысль открыла невиданныя до того перспективы на исторію и бросаетъ яркій свѣтъ на призваніе Августина къ философіи исторіи. Но затѣмъ Зейрихъ ставитъ на видъ, что Августинъ не воспользовался этой мыслью, и что тамъ, гдѣ надо было бы примѣнить къ исторіи указанную аналогію между жизнью индивидуума и человѣчества, задача остается совершенно неисполненной. Возрасты въ жизни человѣчества остаются у Августина простой аллегоріей; они „постулируютъ“ прогрессъ, но не заключаютъ его въ себѣ. Этотъ недостатокъ Августина авторъ объясняетъ—помимо богословской системы Августина—еще влияніемъ классической древности, которой было чуждо представленіе о генетическомъ и потому необходимомъ развитіи по извѣстнымъ ступенямъ прогресса,—и, наконецъ, влияніемъ идеи красоты (міровой), главной идеи неоплатоновской философіи, усвоенной Августиномъ со всею силою его эстетической натуры.

Разсмотримъ этотъ существенный для философіи исторіи вопросъ подробнѣе. Въ томъ, что въ философскомъ представленіи Августина объ исторіи заключается понятіе *эволюции*, хотя и нѣтъ соответствующаго этому понятію термина, не можетъ быть сомнѣнія. Нельзя не признать, что историческій процессъ представляетъ въ глазахъ Августина постепенное *развитіе*. Эта мысль проявляется у Августина въ двухъ направленіяхъ: въ представленіи о *возрастахъ*, переживаемыхъ человѣчествомъ, и въ томъ представленіи, что исторія есть процессъ воспитанія человѣчества.

Аналогія между смѣною возрастовъ человѣка и ходомъ исторіи представлялась еще задолго до Августина языческимъ писателямъ: Цицеронъ примѣняетъ ее къ исторіи римской республики, отмѣчая въ ея исторіи періоды возникновенія, роста, юности и мужества; во II вѣкѣ по Р. Х., Флоръ, въ своемъ сокращеніи римской исторіи Ливія, также отмѣчаетъ въ ней четыре возраста. Естественно было христіанскимъ писателямъ перенести представленіе о возрастахъ на исторію спасенія человѣчества. Это сдѣлалъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, уже Тертуліанъ.

Что касается Августина, то представление о возрастахъ въ жизни человѣчества непосредственно вытекало для него изъ его вѣры въ Провидѣнiе, которое управляетъ жизнью людей; если Провидѣнiе проявляется въ индивидуальной жизни, то ему подчинена и коллективная жизнь людей; потому мы встрѣчаемъ эту мысль уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ сочиненiй Августина: „Весь родъ человѣческой, жизнь котораго отъ Адама до конца вѣка проходитъ подобно жизни одного человѣка, управляется законами божественнаго Провидѣнiя“, — говоритъ Августинъ въ сочиненiи „Объ истинной религiи“, написанномъ около 390 г. Отсюда легко было по аналогiи заключить, что и человѣчество переживаетъ тѣ же возрасты, которые представляетъ жизнь отдѣльнаго человѣка. И на самомъ дѣлѣ въ томъ же сочиненiи Августинъ различаетъ шесть возрастовъ въ жизни человѣка: младенчество, которое проходитъ въ питанiи тѣла и не оставляетъ слѣда въ памяти человѣка; дѣтство, когда зарождается память; юность, когда человѣкъ достигаетъ физической зрѣлости и вступаетъ въ бракъ; мужество (у Августина — *juventas*), когда наступаетъ гражданская зрѣлость и человѣкъ становится способенъ занимать общественныя должности; послѣ трудовъ этого возраста наступаетъ болѣе мирный *старшiй* возрастъ, а затѣмъ безцвѣтный возрастъ безсилiя и болѣзней до самой смерти. Таковы возрасты человѣка, ведущаго *земную* жизнь; имъ соотвѣтствуютъ возрасты духовнаго, *обновленнаго* вѣрою человѣка. Первый возрастъ онъ проводитъ у сосцовъ исторiи, питающей его полезными примѣрами; во второмъ онъ забываетъ человѣческiе интересы и стремится къ божественному и т. д. до седьмого возраста, представляющаго вѣчный покой и непрерывное блаженство съ исчезновенiемъ возрастовъ.

Это расчлененiе жизни по возрастамъ Августинъ сталъ примѣнять и къ исторiи, отождествляя ея главныя эпохи съ шестью возрастами. Уже Евсевiй въ своемъ сводѣ языческой и еврейско-христiанской исторiи раздѣлилъ исторiю человѣчества на пять периодовъ, разграничивая ихъ крупными событiями изъ свѣтской и изъ священной исторiи: его первая эпоха простиралась отъ царствованiя Нина и времени Авраама до Моисея; вторая — отъ Моисея до Сампсона и взятiя Трои; третья — отсюда до первой Олимпiады и Исаи; четвертая — до рожденiя Христа; пятая — до Никейскаго собора. Переводчикъ Евсевiя, Иеронимъ, видоизмѣнилъ это дѣленiе, различая уже семь периодовъ: отъ Адама до потопа; отъ потопа до Авраама и Нина; отъ Авраама до Моисея и Ке-ропса; отъ Моисея — до построенiя храма Соломонова; отсюда —

до побудови другого храму при Даріусі; шостою—до народження Христа, і сьомою до смерті імператора Валента в битві при Адріанополі (378).

Августин усвоив собі це ділення історії по епохамъ, отміченимъ в Біблії, но видозмѣнивъ схему Іероніма. Основаніємъ для цього послужила Августину родословная Ісуса Христа в Евангелії Маттея. Такъ какъ для Августина вся епоха Вѣтхаго Завѣта єсть время подготовленія и пророческаго предсказанія, завершаемое народженнямъ Христа, главнаго события в історіи челоуѣчества, то Августинъ совершенно послѣдовательно и епоху до Христа расчленяетъ в виду этого главнаго грядущаго события. Основаніємъ для этого послужилъ ему счетъ поколѣній предковъ Христа, сообщаемый Священнымъ Писаніємъ. Благодаря этому, расчлененіе історіи у Августина отличается отъ Іеронимовскаго в своей выгодѣ большею систематичностью и внутреннимъ, движущимъ принципомъ. Такимъ образомъ были имъ установлены слѣдующія епохи: отъ Адама до Ноя десять поколѣній; отъ Ноя до Авраама—десять поколѣній; затѣмъ слѣдуютъ три епохи по четырнадцать поколѣній, предшествующихъ Христу: отъ Авраама до Давида, отъ Давида до Вавилонскаго плѣненія и отсюда до народження Христа; шестая епоха обнимаетъ время до конца міра—, можетъ быть съ такимъ же количествомъ поколѣній, сколько ихъ было в промежутокъ между первымъ Адамомъ и послѣднимъ“.

Вопросъ о расчлененіи історіи по періодамъ усложнился для Августина тѣмъ, что помимо шести возрастовъ ему представлялся еще другой принципъ ділення ея также на шесть періодовъ, сообразно съ шестью днями творенія, за которыми наступилъ покой. Такъ какъ в обоихъ случаяхъ число періодовъ было одинаково, то, естественно, были попытки установить взаимную связь между періодами той и другой очереди. Такое сочетаніе возрастовъ челоуѣчества съ соотвѣтствующими имъ днями творенія мы встрѣчаемъ уже в одномъ изъ раннихъ сочиненій Августина.

Появленіе на свѣтъ челоуѣка можно, по словамъ Августина, прекрасно сравнить съ первымъ днемъ, когда Господь сотворилъ свѣтъ. Это какъ бы младенчество челоуѣческаго рода, простирающееся отъ Адама до Ноя. День этотъ закончился потопомъ, какъ и младенчество наше какъ бы затопляется для насъ забвеніемъ.

Второй вѣкъ, простираясь отъ Ноя до Авраама, представляетъ собою дѣтство и хорошо соотвѣтствуетъ второму дню творенія, когда произошло діленіе водъ небесныхъ и земныхъ; а

ковчегъ Ноя представляетъ при этомъ твердь между влагой земной и небесной.

Третій вѣкъ, простираясь отъ Авраама до Давида, есть отрочество; въ этомъ возрастѣ наступаетъ способность основать семью, а это соотвѣтствуетъ данному Аврааму обѣщанію, что отъ него народится народъ Божій; и подобно тому, какъ народъ этотъ отдѣлился отъ другихъ, такъ въ третій день творенія произошло отдѣленіе суши отъ моря.

Четвертый вѣкъ — эпоха Давида — есть юность, краса человеческой жизни; ему соотвѣтствуетъ четвертый день, когда были сотворены лучезарныя звѣзды.

Пятый вѣкъ начинается съ вавилонскаго плѣненія — это преклонный возрастъ, когда жизнь склоняется отъ юности въ старости; Августинъ, не находя соотвѣтствующаго латинскаго выраженія, обозначаетъ этотъ вѣкъ греческимъ словомъ *presbyter*, въ отличіе отъ *geron* (старика). Съ большой натяжкой старается онъ установить аналогію между этой эпохой и пятымъ днемъ творенія, когда были созданы рыбы и птицы.

Въ шестомъ вѣкѣ, начинающемся съ евангельской проповѣди, обнаруживается дряхлость ветхаго или плотскаго человѣка и въ то же время нарождается новый человѣкъ, живущій духовно. Это шестой день творенія, про который сказано: „да произведетъ земля душу живую“.

Седьмой вѣкъ наступитъ, когда прійдетъ Господь въ славу своей и настанетъ день, который не будетъ имѣть вечера.

Это дѣленіе исторіи Августинъ проводитъ и въ сочиненіи о Божьемъ царствѣ; здѣсь онъ называетъ второй вѣкъ дѣтствомъ (*infantia*), когда человѣкъ начинаетъ говорить, и мотивируетъ свою аналогію тѣмъ, что въ эту эпоху возникъ еврейскій языкъ. Между тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ, Августинъ называетъ еврейскій языкъ древнѣйшимъ человѣческимъ языкомъ и предполагаетъ существованіе этого языка со времени Адама.

Такия противорѣчія и натяжки обнаруживаютъ искусственность схемы, основанной на аналогіи между возрастными вѣками, днями творенія и періодами человеческой исторіи. Но нужно имѣть въ виду необыкновенное влеченіе эпохи Августина ко всему аллегорическому и таинственному. Нужно также сказать, что Августинъ не настаиваетъ безусловно на этой схемѣ; на примѣрл, на ряду съ ней онъ раздѣляетъ жизнь человечества съ точки зрѣнія благодати на три эпохи: до (ветхозавѣтнаго) закона, подъ властью закона и подъ благодатью, — за которыми послѣдуетъ эпоха „блаженства“.

Тѣмъ не менѣе въ этихъ искусственныхъ сопоставленіяхъ чисель, относящихся то къ сотворенію міра, то къ возрастамъ человѣка, то къ періодамъ исторіи, заключается и глубокий смыслъ, а именно, что въ основаніи всѣхъ этихъ процессовъ нужно искать божественный промыслъ, сотворившій міръ и управляющій по извѣстному плану какъ жизнью отдѣльныхъ людей, такъ и исторіей всего человѣчества.

Если исторія человѣчества протекаетъ какъ жизнь отдѣльнаго человѣка по установленному Провидѣніемъ плану, и если въ исторіи избраннаго народа обнаруживается постепенное отверженіе божественной истины, то весь историческій процессъ принимаетъ характеръ *воспитанія* человѣчества Богомъ. Это представленіе о воспитаніи человѣчества такъ свойственно христіанскому міровоззрѣнію, что мы встрѣчаемъ его въ зачаткѣ уже въ самомъ началѣ христіанской проповѣди у апостола Павла (Гал., III, 24). Въ болѣе развитомъ видѣ мы встрѣчаемъ мысль о *подготовленіи* человѣчества къ воспріятію христіанской истины уже у первыхъ отцовъ церкви. Если апостоль Павелъ признавалъ за ветхозавѣтнымъ закономъ „педагогическое значеніе“, то Климентъ Александрійскій, расширяя эту мысль, перенесъ ее уже и на языческую философію. Предназначеніе этой философіи заключалось въ томъ, чтобы подготовить эллиновъ къ христіанству; философы играли въ этомъ отношеніи ту же роль, какую пророки относительно евреевъ. Еще шире идея воспитанія человѣчества у Тертуліана ¹⁾. Онъ уже имѣетъ представленіе о *планѣ* этого воспитанія, и эта мысль уже является исходной точкой для очерка философіи исторіи. Тертуліанъ различаетъ четыре періода въ исторіи человѣчества: дѣтство, когда человѣкъ зналъ только естественный законъ и отличался дикостью нравовъ; въ слѣдующемъ возрастѣ человѣкъ подчиняется закону, какъ мальчикъ школьной дисциплинѣ: Богъ даровалъ ему ветхозавѣтный законъ, подтвердившій законъ естественный; въ этомъ періодѣ зло овладѣло человѣкомъ и нравы стали распущеннѣе; оттого и законъ былъ строгъ и стѣснителенъ. Изъ этого отроческаго возраста Христосъ ввелъ человѣчество въ юношескій возрастъ; кротость заступила мѣсто строгости; но моральное улучшение продолжалось, надо было побѣдить зло и внутри человѣка. Съ ниспосланія Параклета человѣчество вступило въ возрастъ возмужалости.

Августинъ былъ несомнѣнно знакомъ съ этими взглядами

¹⁾ Ritter: D. Christ. Philos. I, 298.

своего знаменитаго соотечественника. Это ясно обнаруживается изъ одного замѣчательнаго мѣста у Августина, въ которомъ онъ пользуется идеей Тертуліана, что явленіе Христа относится къ юношескому возрасту человѣчества для того, чтобы объяснить, почему Христосъ явился спасать человѣчество не тотчасъ послѣ грѣхопаденія, а много времени спустя. Упоминаемое мѣсто замѣчательно еще и потому, что въ немъ съ чрезвычайной ясностью проводится мысль о воспитательномъ характерѣ человѣческой исторіи. Мѣсто это находится въ сочиненіи, озаглавленномъ: „Книга о 83-хъ различныхъ вопросахъ“, начатомъ въ концѣ 388 года, слѣдовательно относящемся къ самому началу литературной дѣятельности Августина. „Всякая красота ведетъ свое начало отъ высшей красоты, т.-е. отъ Бога; мірская же красота проявляется въ смѣнѣ и очереди явленій. Имѣеть свою красоту въ жизни отдѣльныхъ людей каждый отдѣльный возрастъ отъ дѣтства до старости. Неразуменъ былъ бы тотъ, кто пожелалъ бы, чтобы у человѣка, подверженнаго вліянію времени, былъ только одинъ юношескій возрастъ; ибо этимъ онъ проявилъ бы несправедливость по отношенію къ другимъ красотамъ, которыя проявляются въ очереди и порядкѣ прочихъ возрастовъ. Одинаково неразуменъ былъ бы и тотъ, кто захотѣлъ бы, чтобы весь родъ человѣческой въ своей совокупности пережилъ только одинъ возрастъ; ибо родъ человѣческой переживаетъ, на подобіе отдѣльнаго человѣка, свои возрасты. И не иначе слѣдовало придти божественному учителю, чрезъ подражаніе которому родъ человѣческой достигаетъ нравственнаго усовершенствованія, какъ во время юности человѣчества. Къ тому же и апостолъ говорить, что до времени, когда пришелъ тотъ, кто былъ общаеъ пророками, мы находились подъ стражею закона, подобно дѣтямъ подъ руководствомъ педагога (Гал. III, 23).

„Вѣдь не одинаково дѣйствуетъ божественное Провидѣніе по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ и ихъ частнымъ нуждамъ, а съ другой стороны—по отношенію ко всему человѣчеству и къ общимъ нуждамъ. Ибо если отдѣльныя лица достигали прочной мудрости, то они просвѣтлялись въ этой истинѣ лишь благодаря своевременному извлеченному ими опыту изъ прочихъ возрастовъ; а для того, чтобы весь народъ умудрился, человѣкъ былъ просвѣщенъ въ истинѣ въ соответствующемъ возрастѣ всего человѣчества“.

Впослѣдствіи Августинъ измѣняетъ свой взглядъ, что явленіе Христа было необходимо въ эпоху юношескаго возраста человѣчества, и начинаетъ съ рожденія Христа старческаго возраста человѣчества, разумѣя подъ этимъ одряхленіе *земного*

человѣка и царства—и обновленіе человѣчества для новой, духовной жизни. Мысль же, что жизнь отдѣльнаго человѣка и исторія человѣчества представляютъ собою процессъ воспитанія, проведена Августиномъ черезъ все сочиненіе о Божьемъ царствѣ. Уже въ первой книгѣ онъ говоритъ, что христіанинъ не долженъ пренебрегать земною жизнью, такъ какъ онъ въ ней воспитывается къ вѣчной,—а въ концѣ первой части Августина обобщаетъ эту мысль: „Какъ у отдѣльнаго человѣка, такъ и у рода человѣческаго, насколько это касается Божьяго народа, правильное назиданіе (*recta eruditio*) совершается по известнымъ эпохамъ времени, сообразно съ различными возрастами для того, чтобы побудить его стремиться отъ земныхъ къ вѣчнымъ благамъ и отъ видимаго къ невидимому“.

Не вполне логическое построение этой фразы заслуживаетъ вниманія, такъ какъ указываетъ на слабое мѣсто въ философіи исторіи Августина. Совершенно правильно онъ съ своей универсальной точки зрѣнія сравниваетъ воспитаніе отдѣльнаго человѣка съ тѣмъ, которое все человѣчество получаетъ въ исторіи, но затѣмъ, какъ бы одумавшись, онъ ограничиваетъ свою мысль словами, относящими понятіе о воспитаніи къ одному еврейскому народу. Мы видимъ здѣсь колебаніе между универсальной точкой зрѣнія, имѣющей въ виду всеобщую исторію человѣчества, и той, болѣе узкой, которой приходится держаться историку „Божьяго царства“. На самомъ дѣлѣ мысль, что исторія всего человѣчества, а слѣдовательно и язычества, представляетъ собою *воспитаніе* человѣчества Провидѣніемъ, слишкомъ бы ослабила антагонизмъ между земными и Божиимъ царствомъ, на которомъ виждется философія исторіи Августина, и не гармонировала бы съ главной задачей сочиненія—борьбой съ язычествомъ въ настоящемъ и прошломъ.

Насколько этотъ самый рѣзко подчеркнутый у Августина антагонизмъ между христіанствомъ и язычествомъ сгузилъ его представленіе о воспитаніи человѣчества Провидѣніемъ, можно усмотрѣть изъ сопоставленія его съ Климентомъ Александрійскимъ. Стоя, какъ грекъ, ближе къ греческой философіи, этотъ отецъ церкви признавалъ античную философію воспитательнымъ подготовленіемъ къ христіанству (*propraideia*). Въ глазахъ Климента существуетъ *одинъ* лишь законъ спасенія, дѣйствующій во всемъ человѣчествѣ, безъ различія евреевъ и грековъ. Лишь самый способъ воспитанія различенъ, сообразно съ различіемъ народовъ, получающихъ божественную истину различными путями. Это мнимое различіе исчезло со времени явленія Христа; еврей

и эллины теперь составляютъ единый народъ. Даже самое ученіе христіанское представляется Клименту выборомъ истиннаго изъ различныхъ системъ и ихъ синтезомъ.

Такой синкретизмъ, ослаблявшій силу понятія объ откровеніи, былъ немислимъ для Августина, и ему поэтому пришлось внести въ свое представленіе о воспитаніи человѣчества тотъ дуализмъ, который его ученіе о двухъ царствахъ вноситъ вообще въ исторію, вопреки могучему синтезу, которымъ она ее охватываетъ. Почти отождествляя понятіе воспитанія въ исторіи — и *откровенія*, Августинъ однако ограничиваетъ сферу воспитанія человѣчества исторіей патріарховъ еврейскаго народа. Правда, и остальное человѣчество не изъято изъ-подъ руководства Провидѣнія, но оно не воспитывается имъ. Оно, по вѣрному замѣчанію Зейриха, лишь средство для воспитанія гражданъ Божьяго царства, въ назиданію которыхъ оно служитъ¹⁾.

Но какъ бы то ни было, признавая за откровеніемъ воспитательное для человѣчества значеніе, Августинъ переноситъ это понятіе изъ богословской сферы на почву исторіи. Откровеніе служитъ главнымъ двигателемъ исторіи, и не только это: будучи *постепеннымъ раскрытіемъ* божественной воли и истины, откровеніе вноситъ у Августина въ исторію понятіе постуательнаго движенія, усовершенствованія. Смѣна Ветхаго Завѣта Новымъ является крупнѣйшимъ фактомъ въ исторіи человѣческаго прогресса, и, упоминая объ этой смѣнѣ, заявляя, что эта смѣна имѣла эволюціонный характеръ, такъ какъ Новый Завѣтъ скрыто заключался въ Ветхомъ, Августинъ указываетъ на совершившійся въ этомъ прогрессъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ, — говоритъ онъ, — обѣщанія и награжденія носятъ земной характеръ, хотя и тогда духовно настроенные люди понимали, но еще не проповѣдовали открыто, что подъ этими мірскими дѣлами нужно разумѣть „вѣчность“, т. е. вѣчные дары Божіи²⁾.

Такимъ образомъ, мы находимъ у Августина мысль, которую положилъ Лессингъ въ основаніе своего „Воспитанія человѣчества“, а именно, что замѣна матеріальныхъ представленій о мотивѣ добродѣтели и о наградахъ за нее въ Ветхомъ Завѣтѣ — болѣе возвышенными и духовными представленіями объ этомъ Новаго Завѣта — выражаютъ собою воспитательный и прогрессивный характеръ откровенія. Правда, эта мысль у Августина

¹⁾ Seyrich. Die Geschichtsphilosophie Augustins, 1891, p. 48.

²⁾ C. D. L., IV, 83. См. также Ib. X, 17 (Unus Deus) qui per meliorem sacerdotem in melius mutanda praedicans non ista se appetere, sed per haec alia potiora significare testatur...

не розвита подробно и не мотивирована, какъ у Лессинга, недостаточной культурностью той среды, которая получала откровение; она даже ослаблена замѣчаніемъ, что во времена Ветхаго Завета многіе понимали обѣщаніе мірскихъ благъ, — большаго потомства, богатства, долголѣтія, — въ духовномъ смыслѣ; однако идея, что содержаніе откровенія или глубина и возвышенность сообщаемыхъ этимъ путемъ истинъ въ зависимости отъ состоянія и настроенія людей, выражена Августиномъ яснѣе по другому случаю, когда онъ объясняетъ время появленія Христа на землѣ тѣмъ, что въ болѣе раннее время онъ не нашелъ бы людей, которые бы его поняли.

VIII.

Отсюда ясно, что въ представленіяхъ Августина о поступательномъ характерѣ откровенія и о его воспитательномъ вліяніи на человѣчество уже заключается понятіе о прогрессѣ въ исторіи. Усвоеніемъ этого кореннаго понятія въ философіи исторіи Августинъ рѣшительно отдѣляется въ этой области отъ античныхъ философовъ и находившихся подъ ихъ вліяніемъ учителей церкви, въ особенности Оригена. Существенной чертой языческаго міровоззрѣнія, усвоенной затѣмъ упомянутымъ христіанскимъ философомъ, является идея вѣчнаго круговращенія въ мірѣ, а слѣдовательно и въ исторіи. Августинъ положилъ не мало труда на опроверженіе этой теоріи о *круговращеніи* въ исторіи, какъ самъ Августинъ выражается. Приверженцы круговращенія (*circuitus*) представляли себѣ, что міръ, и вмѣстѣ съ нимъ человѣчество, подвергаясь разнымъ катастрофамъ, то погибаетъ, то вновь возникаетъ. Они думали этимъ представленіемъ обойти затруднявшій ихъ вопросъ, какимъ образомъ допустить, чтобы Богъ въ своей безконечности могъ совершить конечный актъ, т.-е. сотворить нѣчто существующее во времени и пространствѣ, нѣчто такое, чего прежде не было, и что получило начало какъ бы въ силу того, что Ему пришла *новая мысль* — *novum consilio*, какъ выражается Августинъ.

Разбирая доводы своихъ противниковъ, Августинъ особенно останавливается на томъ, который онъ называетъ остроумнѣйшимъ. Онъ заключаетъ въ утвержденіи, что никакое знаніе не можетъ объять безконечнаго. Такъ, напр., и самъ Господь не можетъ знать всѣхъ чиселъ. Отсюда выводили, что со всевѣдѣніемъ Бога несомнѣнно представленіе о вѣчномъ твореніи,

ибо въ такомъ случаѣ Господь не могъ бы знать впередъ того, что *стала бы творить* въ безконечномъ будущемъ, или знать всего, что сотворилъ въ безконечномъ прошломъ. Изъ этого возникла дилемма, что міръ или вѣчно существовать, или что онъ вновь возникаетъ и исчезаетъ въ постоянномъ вращеніи, которое всегда будетъ повторяться.

Опровергая „остроумнѣйшій“ доводъ, Августинъ и самъ прибѣгаетъ къ „разсудку“ (ratio), или къ разсужденію, доказывая своимъ противникамъ, что они переносятъ на Бога, котораго не могутъ постигнуть, свои собственные свойства. „Какъ можемъ мы, людишки (homunculi), дерзать опредѣлять границы вѣдѣнію Господа?“— Августинъ ссылается и на авторитетъ Платона, утверждавшаго, что Господь создалъ міръ съ помощью чиселъ. „Но еслибы даже разумъ и былъ не въ силахъ опровергнуть аргументацію, которою нечестивые пытаются совратить съ пути истины нашу благочестивую простоту, чтобы вовлечь насъ въ свои вращенія, то они стали бы для насъ посмѣшищемъ съ точки зрѣнія вѣры“.

Однако приверженцы теоріи вѣчнаго круговращенія могли, повидимому, сами сослаться на авторитетъ Священнаго Писанія. „Что было, то и будетъ!—воскликаетъ Экклезіастъ,—и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ *нѣчто*, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое“; однако *это* было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ“.

Но Августина не смущаютъ эти слова ветхозавѣтнаго мудреца, какъ не смутилъ его въ этомъ вопросѣ авторитетъ мудрѣйшаго въ философіи отца церкви, Оригена, и, возражая обоимъ, онъ восклицаетъ: „Несогласно съ истинной вѣрой думать, что эти слова обозначаютъ то круговращеніе событій, о которомъ идетъ рѣчь, такъ что подобно тому, какъ въ свой вѣкъ философъ Платонъ наставлялъ учениковъ въ городѣ Аеннахъ и въ школь, названной Академіей, такъ же точно много вѣвовъ предъ тѣмъ тотъ же Платонъ въ томъ же городѣ и въ той же Академіи училъ учениковъ, и что то же самое повторится черезъ громадныя, но опредѣленные промежутки времени. „Нельзя этого допустить,—воскликаетъ Августинъ.—Единожды за наши грѣхи умеръ Христосъ и воскресъ отъ смерти“.

Августина особенно возмущаетъ мысль о мытарствахъ, черезъ которыя должна проходить, по теоріи круговращенія, бессмертная душа. Даже познавши мудрость, душа, по этой теоріи, не перестаетъ быть игралищемъ судьбы, постоянно испытывая то мнимое счастье, то истинныя бѣдствія, ибо можетъ ли почитаться

истиннымъ такое счастье, на вѣчность котораго нельзя положиться при постоянномъ опасеніи грядущихъ несчастій? Въ другомъ же мѣстѣ онъ восклицаетъ: „Кто изъ благочестивыхъ въ состояніи вынести мысль, что ему,—по прошествіи жизненнаго пути, столь обильнаго бѣдствіями, послѣ великихъ и ужасныхъ золь, превращенныхъ и искупленныхъ истинною вѣрою и мудростью, по достиженіи блаженства, заключающагося въ созерцаніи безплотнаго свѣта, въ лицезрѣніи Господа и участіи въ его неизмѣнной вѣчности,—снова предстоитъ быть извергнутымъ изъ этого блаженства въ преисподнюю смертности, позорнаго безумія и проклятыхъ бѣдствій, гдѣ теряется мысль о Господѣ, гдѣ истину ненавидятъ, гдѣ ищутъ счастья нечестивыми неправдами, и снова претерпѣвать все это безъ конца черезъ извѣстные промежутки вѣковъ“?

Если въ отрицаніи круговращеній у Августина теорія прогресса только просвѣчиваетъ, то она вполне ясно обнаруживается въ общемъ характерѣ его мировоззрѣнія, основаннаго на христіанскомъ ученіи. Всѣ языческія религіи искали, какъ выше было замѣчено, свой религіозный и этическій идеаль позади, въ незапамятномъ прошломъ; лишь христіанство усматривало въ исторіи человечества, въ его шествіи отъ грѣхопаденія въ спасенію—высокій подъемъ, улучшение, достиженіе истины. А для Августина это поступательное движеніе не останавливалось на жизни и смерти Христа, но продолжалось и послѣ—въ исторіи Божьяго царства и въ увеличеніи его гражданъ, избранниковъ Божіихъ.

Но если такимъ образомъ мировоззрѣніе Августина послужило для него источникомъ представленія о прогрессѣ, то самое это представленіе вполне соответствуетъ этому мировоззрѣнію, находится въ зависимости отъ него, ограничивается и суживается имъ. Прежде всего, въ этомъ отношеніи представленіе Августина о прогрессѣ обуславливается центральной идеей его мировоззрѣнія представленіемъ о Богѣ.

Какъ все мировоззрѣніе Августина, такъ и его представленіе о прогрессѣ имѣетъ теократическій и теоцентрическій характеръ. Виножникъ прогресса—Богъ, содержаніе прогресса дано Богомъ. Міръ есть дѣло Божіе, осуществленіе воли Божіей; если въ мірѣ есть прогрессивное развитіе, то оно заключается именно въ осуществленіи божественнаго промысла; прогрессъ не нарождается, онъ *искомъ* былъ въ мысли Божіей и только становится явственнымъ для людей. Если Эйкенъ уподобляетъ представленіе Августина о мірѣ разросшемуся исполинскому дереву, то этотъ образъ

можно признать правильнымъ только съ точки зрѣнія чело­вѣка. На самомъ дѣлѣ мiръ, какъ объясняетъ Августинъ, весь былъ созданъ съ самаго начала во всемъ своемъ будущемъ развитiи; въ немъ заключались съ самаго момента ихъ творенiя всѣ сѣмена и „сѣмена сѣмянъ“ будущихъ организмовъ, не только тѣ, которымъ впоследствии пришлось проявиться въ жизни, но и тѣ, которымъ не „представился случай“ въ этомъ.

Другой чертой идеи прогресса и другимъ ограничениемъ ея является ничтожная роль, которая удѣляется въ прогрессѣ чело­вѣку. Правда, Августинъ признаетъ свободу воли за чело­вѣкомъ—но только *передъ* грѣхопадениемъ и ради объясненiя по­слѣдняго. Послѣ грѣхопадениа перваго чело­вѣка чело­вѣчество уже не свободно; оно обладало свободой, чтобы *пасть*, но оно не свободно *подняться* и воспользоваться искупленiемъ. Только *избранные* Божьимъ Промысломъ, *предназначенные* къ спасенiю, будутъ спасены.

Такимъ образомъ, догматъ о благодати, какъ его понималъ Августинъ, — а этотъ догматъ былъ неотъемлемъ отъ его абсо­лютнаго монотеизма ¹⁾,—исключалъ идею религиозно-нравствен­наго усовершенствованiа чело­вѣчества.

Идея прогресса суживалась у Августина также и его пред­ставленiемъ о „Божьемъ градѣ“. Устремляя все свое вниманiе на успѣхи Божьяго града, Августинъ не ищетъ признаковъ про­гресса внѣ его—въ области земнаго града; онъ пренебрегаетъ даже относящимися сюда фактами, когда они сами ему пред­ставляются на его пути.

При такомъ настроенiи Августинъ менѣе расположенъ отмѣ­чать факты, свидѣтельствующiе о постепенномъ улучшенiи лю­дскаго быта, чѣмъ предшествующiе ему церковные писатели. Арнобiй, напр., защищая христанъ противъ упрека, что они отступаютъ отъ обычая предковъ, указываетъ на то, что чело­вѣку свойственно предпочитать лучшее худшему, полезное не­годному, и что люди поэтому измышляютъ нравы, обычая и учре­жденiа къ лучшему; онъ приводитъ въ примѣръ, что люди стали питаться хлѣбными растенiями вмѣсто желудей, прикрываться изготовленной ихъ руками одеждой, вмѣсто звѣриныхъ шкуръ, жить въ домахъ, а не въ дуплахъ и пещерахъ. Такъ и Ори­генъ, возражая Цельзу, упрекавшему христанъ за то, что они

¹⁾ Значенiе благодати въ общемъ мировоззрѣнiи Августина прекрасно выяснено въ его высокопочтенномъ трудѣ—Лораномъ, который и самъ приверженецъ идеи про­видѣнiа въ исторiи,—въ его „Etudes s. l'histoire de l'humanité“, IV, 494—576.

отреклісь отъ вѣры своихъ отцовъ (еврейства), указываетъ, что такъ же поступали и философы: убѣдившись въ несостоятельности старинныхъ суетвѣрій, они ихъ покидали ¹⁾.

Августину такъ же хорошо извѣстно различіе между дикой стариной и позднѣйшей „гуманностью“. Въ одномъ случаѣ онъ говоритъ съ восторгомъ объ умѣ человѣка, о его способности познавать мудрость и побуждать заблужденія.

Но эти чудесныя проявленія человѣческаго ума не останавливаютъ вниманія Августина на совершающемся въ исторіи прогрессѣ. Картина успѣховъ человѣческой цивилизаціи наводитъ его лишь на мысль о благодати міра, въ которой отражается благодать божественнаго промысла. Борьба, которую онъ ведетъ съ язычествомъ и со всей языческой культурой, заслоняетъ отъ его взора совершившійся въ этой области прогрессъ. Вспоминая о философахъ, Августинъ вспоминаетъ и о заблужденіяхъ ихъ ума. Онъ забываетъ о томъ, насколько онъ самъ обязанъ языческимъ писателямъ и философамъ, забываетъ, что одинъ изъ трактатовъ Цицерона научилъ его пренебрегать суетою мірской, внушилъ ему неутолимую жажду вѣчной мудрости и побудилъ его поднять свой взоръ къ Богу. Устремившись къ Божьему царству, Августинъ уже не хочетъ, подобно Оригену, видѣть въ античной философіи подготовленіе къ христіанству, не хочетъ признать совершившагося въ данномъ случаѣ прогресса.

Насколько именно *борьба* противъ враговъ церкви—язычества и ересей—вліяла на взгляды Августина и мѣшала ему видѣть прогрессъ тамъ, гдѣ онъ былъ очевиденъ, особенно обнаруживается въ его оцѣнкѣ Моисеева законодательства. Августинъ, конечно, высоко цѣнитъ Ветхій Заветъ; онъ ищетъ въ немъ осуществленія Божьяго царства; ветхозавѣтные патріархи и пророки являются главными свидѣтелями божественности христіанскаго ученія; несмотря, однако, на это, Августинъ не разъ умаляетъ значеніе Моисеева законодательства. Въ полемикѣ съ Пелагіемъ, утверждавшимъ, что оно наравнѣ съ Евангеліемъ ведетъ къ царству небесному, Августинъ, слѣдуя апостолу Павлу, заявлялъ, что законъ только усилилъ грѣхъ, присовокупивъ къ пороку неповиновеніе Богу. Онъ признаетъ и въ еврейскомъ законѣ промыслъ Божій, но усматриваетъ его въ томъ, что законъ обнаружилъ грѣховность человѣка и необходимость искупленія и благодати. Съ этой точки зрѣнія эпоха Моисеева законода-

¹⁾ Laurent. Etudes, IV, 55.

тельства не представляет собою въ глазахъ Августина улучшенія или моральнаго прогресса, а скорѣе наоборотъ.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, какъ повліяла на представленіе Августина о прогрессѣ его тѣодицея, т.-е. его стремленіе оправдать божественный промыслъ въ мірѣ. Вѣра Августина въ благодѣнь Провидѣнія побуждала его смотрѣть на міръ, несмотря на все существующее въ немъ зло, какъ на прекрасный гармоническій порядокъ (космосъ). Не „наслѣдіе неоплатонизма“, не присущее греческому духу поклоненіе *красоты* проявилось въ этомъ взглядѣ Августина на міръ—въ противорѣчій съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ міру,—а глубокая, присущая его духу потребность синтѣзы и гармоніи. Если міръ, разсматриваемый въ пространствѣ, разуменъ и прекрасенъ, то то-же самое слѣдуетъ сказать и о мірѣ, какъ онъ представляется во времени, въ особенности объ исторіи человѣчества. Въ этомъ недостаточно отмѣченномъ положеніи заключается вѣнецъ философіи исторіи Августина. Какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи, зло не нарушаетъ общаго порядка въ его цѣломъ, а составляетъ необходимый элементъ его. Августинъ прибѣгаетъ для объясненія своей мысли къ указанію на красоту рѣчи. Для украшенія рѣчи весьма пригодна (*decentissima*) антитеза. Августинъ приводитъ въ подтвержденіе этой мысли мѣсто изъ апостола Павла (2 Кор. 6, 7) и изъ Экклезіаста (33, 15) и затѣмъ заключаетъ: „И подобно тому, какъ противоположности придаютъ красоту рѣчи, такъ красота временъ (т.-е. исторіи) образуется изъ сочетанія противоположностей, но не въ благолѣпіи словъ, а самихъ вещей“. А на этомъ основаніи Августинъ приходитъ къ замѣчательному уподобленію исторіи человѣчества (чередъ вѣковъ) чудной поэмѣ, разукрашенной Богомъ извѣстными противоположностями.

И какъ въ поэмѣ отдѣльные ея эпизоды могутъ имѣть значеніе не только какъ части цѣлаго, но и сами по себѣ, такъ и въ исторіи каждая ея страница имѣетъ свою красоту. Въ чемъ же она заключается?—По глубокой мысли Августина она обуславливается тѣмъ, что „украшеніемъ каждой эпохи служатъ жившіе въ эту эпоху люди. (*In singulis quibusque hominibus habet decorem suum*)“. Хотя эта мысль не получила у Августина дальнѣйшаго развитія, но она имѣетъ важное значеніе для характеристики его представленія о прогрессѣ. Съ этой точки зрѣнія различныя историческія эпохи не представляются простыми ступенями, по которымъ быстро пробѣгаетъ человѣчество, стремясь къ высшей своей ступени; поколѣнія людскія не являются про-

стыми средствами для цѣлей послѣдняго изъ повольтнй, которое воспользуется плодами ихъ трудовъ и жизни; но каждая эпоха получаетъ самостоятельное значеніе въ *программѣ* всеобщей исторіи, и виновниками и выразителями этого значенія являются отдѣльныя личности. Такъ, красотѣ и гармоніи въ мѣрѣ, т.-е. въ пространствѣ, вытекающимъ изъ идеи божественнаго порядка въ мѣрѣ—соотвѣтствуетъ такая же красота и гармонія во *времени*. Божественный промыслъ выражается какъ въ *статикѣ* природы—въ явленіяхъ одновременно существующихъ, такъ и въ *динамикѣ*—въ явленіяхъ послѣдующихъ (*rebus decedentibus succedentibusque*), т.-е. въ исторіи человѣчества.

IX.

Такова философія исторіи Августина. Ея недомолвки не должны закрывать отъ насъ ея значеніе, ибо онѣ обуславливаются именно самымъ этимъ значеніемъ. Если Августинъ не далъ намъ полной философіи исторіи земныхъ царствъ, то именно потому, что онъ задался исканіемъ *Божьяго царства*. Его цѣль—полемика съ земнымъ царствомъ и прославленіе Божьяго. Какъ уже было выше замѣчено, сочиненіе Августина даетъ меньше, но въ то же время и больше того, чего мы требуемъ отъ философіи исторіи. Если оно не заключаетъ въ себѣ цѣльнаго синтеза всѣхъ историческихъ событій, предшествовавшихъ времени Августина, то это потому, что самый этотъ синтезъ имѣлъ въ глазахъ Августина второстепенное значеніе; главное же назначеніе философіи исторіи у Августина—въ томъ, чтобы служить философіей жизни (*eruditio ad vitam*). Его философія исторіи не только теорія, но этическая система и проповѣдь; она хочетъ овладѣть не умомъ только, а волею человѣка. Она хочетъ дать извѣстное направленіе всей жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества. Она ставитъ ихъ жизни новую цѣль; эта цѣль—трансцендентальная: человѣкъ и человѣчество должны жить на землѣ, имѣя въ виду Божье царство и служа ему. Призывъ человѣка къ грядущему царству Божію составляетъ сущность евангельской проповѣди. Августинъ положилъ этотъ призывъ въ основаніе своей философіи исторіи и, изобразивъ всю исторію человѣчества, какъ паломничество (*peregrinatio*) къ царству Божьему, онъ этой идеей освѣтилъ путь, пройденный прошлыми повольтнями, и указалъ путь для грядущихъ.

Философія исторіи Августина признала жизнь человѣка и

всего человѣчества средствомъ для цѣли, находящейся *сми* жизни, стоящей надъ жизнью. Въ этомъ заключался высочайшій идеализмъ ея, и потому она стала источникомъ и школою идеализма для всей слѣдующей за ней эпохи и, можно сказать, для всей христіанской цивилизаціи.

Такимъ образомъ, новое освѣщеніе исторической жизни сопровождалось и новымъ настроеніемъ. Если міръ нѣчто переходящее и цѣль жизни отдѣльнаго человѣка и всей исторіи человѣчества—внѣ-мировая (трансцендентальная), то такое воззрѣніе на міръ должно было повлечь за собой пренебреженіе къ міру и стремленіе подчеркнуть въ немъ все, что могло оправдать и увеличить это пренебреженіе. Пессимистическое вліяніе ученія Августина усиливалось благодаря тому, что оно внесло въ понятіе о злѣ въ мірѣ представленіе *сми* человѣка и грѣха. Какъ мы видѣли въ предшествовавшей главѣ, Августинъ не скупился на краснорѣчіе, когда изображалъ всевозможныя бѣдствія сего міра, чтобы отвлечь человѣка отъ интересовъ земного царства и побудить его уже въ этой жизни жить исключительно для Божьяго царства и въ Божьемъ царствѣ.

Но, несмотря на всѣ при этомъ обнаруженные Августинъ проблески богатаго воображенія и обильнаго краснорѣчія, не слѣдуетъ преувеличивать пессимизмъ Августина. Для этого интересно сопоставить съ нимъ пессимизмъ современника Августина, Григорія изъ Ниссы. На почвѣ эллинизма греческое поклоненіе красотѣ превращается здѣсь въ полное отрицаніе земной красоты. Такъ же краснорѣчиво, какъ и Августинъ, изображаетъ Григорій разнообразіе бѣдствій и золъ въ жизни, силу страстей и пороковъ, неспособность души отличать истину отъ лжи. Но эти жалобы пронизаны у него захватывающимъ душу самопогруженіемъ въ скорбь, какимъ-то упоеніемъ страданія. Величайшее несчастье для Григорія—нечувствительность къ несчастью. На этомъ основаніи Григорій призываетъ людей не любоваться красотой небеснаго свода, „ни лучами свѣта, никакой земной красотой“, которая должна лишь внушать человѣку стремленіе къ красотѣ не-мірской ¹⁾.

Не то мы находимъ у Августина. Определенно и категорично утверждаетъ онъ, что міръ—видимый міръ—есть благо. Онъ посвящаетъ въ самомъ концѣ сочиненія о Божьемъ царствѣ, вслѣдъ за вышеприведеннымъ перечисленіемъ мірскихъ золъ, длинную главу въ доказательство того, что и здѣшняя жизнь испол-

¹⁾ Eucken. Die Lebensansch., 201.

жена благъ. Августинъ не приглашаетъ своихъ читателей отвращиваться отъ красоты природы, а напротивъ, самъ старается внушить имъ изумленіе и благоговѣніе передъ благами, повсюду разлитыми въ природѣ и въ человѣкѣ.

Августинъ указываетъ на способность, предоставленную всему живущему, порождать новую жизнь до безконечности, способность, поражающую умъ наблюдателя этого явленія даже въ жизни мельчайшей мошки. Еще большее удивленіе вызываетъ самый умъ человѣка, его способность почерпнуть мудрость изъ самихъ заблужденій и бороться противъ нихъ. Августинъ прославляетъ способность человѣческаго ума къ изобрѣтеніямъ и, изображая разнообразныя проявленія этой изобрѣтательности, набрасываетъ цѣлую картину успѣховъ человечества какъ въ матеріальной культурѣ, такъ и въ области искусствъ, литературы и всей духовной цивилизаціи, заключая ее замѣчательнымъ для борца за Божье царство восклицаніемъ: „Навонецъ, кто способенъ достаточно оцѣнить великіе умы философовъ и еретиковъ, прославившихся въ защитѣ заблужденій и ложныхъ ученій“!

Но, отмѣчая эти мѣста, нужно имѣть въ виду, что Августинъ ставитъ себѣ цѣлью прославленіе не человѣка и достигнутыхъ имъ успѣховъ въ цивилизаціи, а прославленіе величія Божьяго, выразившагося въ сотвореніи человѣка. Это видно уже изъ того, что Августинъ затѣмъ переходитъ къ указанію, великой благодати Господа, проявляющейся въ самомъ человѣческомъ тѣлѣ, указывая на поднятый къ небу станъ человѣка, на подвижность его языка и рукъ, предназначенныхъ служить орудіемъ для души. Дѣлая наблюденія надъ организаціей тѣла, Августинъ повсюду видитъ господство двухъ принциповъ—цѣлесообразности и красоты (симметріи) и взаимную ихъ связь. „Въ тѣлѣ мы не находимъ ничего, служащаго на пользу, что не служило бы ему и украшеніемъ“. Августинъ пользуется даже „жестокимъ усердіемъ медиковъ, называемыхъ анатомами“, для того, чтобы указать господствующее въ человѣческомъ тѣлѣ соотвѣтствіе частей, которое греки называютъ *гармоніей*. „Но сколько еще въ этомъ отношеніи для насъ остается скрытымъ, —восклицаетъ онъ,—въ сложномъ мірѣ жилъ и нервовъ, гдѣ хранится тайна жизни, никто не разъяснилъ, никто не дерзалъ разыскать“. А еслибы стала извѣстна гармонія въ тѣхъ внутреннихъ частяхъ тѣла, которыя не представляютъ ничего изящнаго, то нашъ разумъ и въ нихъ узрѣлъ бы красоту, и мы предпочли бы той красотѣ, которая нравится глазамъ, красоту ума, пользующагося глазами, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей.

И та же красота и польза разлиты повсюду въ природѣ. Августинъ приглашаетъ читателя любоваться разнообразной красотой неба и земли, великимъ зрѣлищемъ моря, когда оно покрывается различными красками, какъ разноцвѣтной одеждой, обиліемъ и удивительными оттѣнками свѣта, видомъ солнца, луны и звѣздъ, и долго еще не умолкаетъ рѣчь Августина, прославляющая міръ,—„хотя перечислить всѣ его красоты не въ силахъ никакая рѣчь“. И все это,—заключаетъ Августинъ,—существуетъ для утѣшенія несчастныхъ и осужденныхъ, а не для награды блаженныхъ. „Что же будутъ представлять собою блага загробной жизни, если такъ велики и такъ многочисленны блага земныя“?

Такимъ образомъ, философія исторіи Августина заканчивается гармоническимъ аккордомъ и разрѣшаетъ противорѣчія въ мірѣ и во взглядахъ Августина на этотъ міръ. Когда онъ, желая оторвать человѣка отъ земного царства и сдѣлать его гражданиномъ царства Божьяго, изображаетъ бѣдствія человѣческой жизни, его рѣчь, какъ видно изъ приведенныхъ въ предшествовавшей главѣ образчиковъ, проникнута глубокимъ пессимизмомъ. Подъ впечатлѣніемъ же такихъ страницъ, какія были приведены выше, можно говорить объ оптимистическомъ взглядѣ на міръ у Августина и о противорѣчіи между его оптимизмомъ и его пессимизмомъ. Но на самомъ дѣлѣ это не противорѣчія, а антитезы, и хотя въ изображеніи этихъ антитезъ нельзя не видѣть нѣкотораго вліянія духа времени, склоннаго къ краснорѣчію, оба направленія вытекаютъ по существу изъ міровоззрѣнія автора Божьяго царства, ибо Августинъ признаетъ антитезы не только существеннымъ проявленіемъ краснорѣчія, но и красоты всего мірового порядка. Разумъ и красота вездѣ проявляются въ мірѣ, такъ какъ онъ—твореніе Бога, и если міръ и испорченъ отпаденіемъ демоновъ и грѣхопадениемъ человѣка, внесшимъ въ міръ смерть, то промыслъ Божій обратилъ міръ для человѣка въ школу спасенія и этимъ сдѣлалъ его благимъ. Съ этой точки зрѣнія, зло и бѣдствія въ мірѣ получаютъ свою разумность, служатъ цѣлямъ высшаго порядка, становясь испытаніемъ для однихъ, наказаніемъ для другихъ. Такимъ образомъ, и пессимизмъ, и оптимизмъ мирятся у Августина въ общемъ сивтѣзѣ, въ его представленіи о Богѣ и мірѣ, т.-е. въ его теодицеѣ и основанной на ней философіи исторіи. Заключавшійся въ этой теодицеѣ оптимизмъ, конечно, очень отличается отъ того, который привелъ въ началѣ XVIII в. къ представленію о „лучшемъ изъ возможныхъ міровъ“. Въ это представленіе Лейб-

ница вошелъ уже въ значительной степени рационализмъ: философъ ищетъ и находитъ разумъ въ мірѣ, и разумъ становится связующимъ его съ Богомъ звеномъ. И у Августина разумъ (цѣлесообразность) и красота царствуютъ въ мірѣ, но потому только, что такова *воля* Божія, которая *одна* царствуетъ надъ міромъ. Его связь съ Богомъ—не размышленіе, а страстное всецѣльное поклоненіе. Въ этомъ поклоненіи смолкаютъ всѣ недоумѣнія, исчезаетъ всякая тревога сердца, ищущаго счастья и смущаемаго страданіемъ—своимъ и чужимъ. Теократія Августина—не одинъ только міровой порядокъ, въ космическомъ смыслѣ, а нравственный порядокъ, заключающій въ себѣ торжество добра надъ зломъ.

В. Герье.

ВРАЖДЕБНАЯ СИЛА

РОМАНЪ.

— John-Antoine Nau. „Force ennemie“. Roman. Paris, 1904 (Couronné par l'Académie Goncourt).

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

Какое странное пробужденіе! Я знаю эту комнату, но мнѣ кажется, что я не видалъ ее цѣлые мѣсяцы, можетъ быть цѣлые годы. Эти дощатые желтые стѣны были мнѣ когда-то хорошо знакомы; но почему ихъ обили отъ полу и до высоты человѣческаго роста огромными, толстыми тюфяками, покрытыми сѣрымъ, „вагоннымъ“ сукномъ?

Золотистый свѣтъ утренняго солнца вливается черезъ широкое окно, защищенное рѣшеткой. Я увѣренъ, что если встану и выгляну изъ окна, то увижу передъ собой большое зданіе, бѣлое, блестящее, точно мраморное, огромный садъ съ прямыми аллеями и нѣчто въ родѣ деревянной башни (я потомъ узнаю, что это—сушильня) со множествомъ узкихъ, закрытыхъ ставень.

Ну, да, такъ оно и есть! И я узнаю тамъ, вдали, холмики съ рощей, а ближе—маленькую сѣрую колокольню, слегка розовѣющую среди зелени; а вотъ, на пригорѣхъ, одинокій вязъ, который кажется гигантскимъ. Какимъ образомъ весь этотъ пейзажъ представляется мнѣ одновременно привычнымъ зрѣлищемъ и какимъ-то видѣніемъ изъ далекаго прошлаго? Это странное противорѣчіе возбуждаетъ во мнѣ смутную тревогу: неужели я,

самъ того не зная, сдѣлался глубокимъ старикомъ? Не проспалъ ли я нѣсколько десятковъ лѣтъ, или даже цѣлый вѣкъ? Не превратился ли я въ какого-то смѣшного, глупаго „спящаго царевича“?

Всѣ эти странныя мысли угнетаютъ меня такой тяжелой печалью, такой мучительной „резадумбе“, какъ сказали бы испанцы, что мнѣ хочется опять все забыть. Я снова ложусь, опускаю голову на подушку и закрываю глаза... Скорѣе бы заснуть, забыться!

...Клавъ... фрр!.. Этого рѣзкій стукъ—властный и звучащій какой-то угрозой—сковываетъ ужасомъ мои члены. Я едва рѣшаюсь открыть глаза, и то, что я вижу, далеко не успокаиваетъ меня: въ стѣнѣ, надъ моей головой, открывається окошечко, и два блѣдныхъ голубыхъ глаза разсматриваютъ меня, какъ мнѣ кажется, свирѣпымъ взглядомъ. Но вскорѣ мнѣ становится стыдно, что я струсилъ; я сажусь на постели и кричу какъ можно болѣе грознымъ голосомъ:

— Что вамъ здѣсь надобно? Не мѣшайте мнѣ спать и отправляйтесь шпионить куда-нибудь въ другое мѣсто!

Отверстіе въ стѣнѣ довольно большихъ размѣровъ. Изъ него просовывается голова, которая участливо глядитъ на меня—голова со странными блѣдными глазами, съ тонкимъ носомъ, похожимъ на клювъ попугая, и длинными, опущенными усами, болѣе желтыми, чѣмъ стѣна. Она открываетъ очень некрасивый ротъ, обнажая испорченные желтые зубы, и начинаетъ говорить:

— Я не со злымъ умысломъ заглянулъ къ вамъ, и радъ, что вамъ лучше. Не прикажете ли чего, баринъ? Я сейчасъ же принесу.

— Дайте мнѣ поѣсть... Все равно—чего. Но прежде всего... Не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ это я очутился?

— Сію минуту... Я вамъ все объясню.

Человѣкъ закрываетъ окошко и исчезаетъ. Черезъ десять минутъ я слышу шумъ открываемыхъ запоровъ и щелкъ замка. Человѣкъ съ блѣдными глазами и желтыми усами входитъ въ комнату, звякаетъ огромными ключами, захлопываетъ дверь и подходитъ къ моей постели съ подносомъ въ рукахъ.

— Вотъ то, что вы требовали.

— Спасибо. А теперь отвѣтите мнѣ на мой вопросъ.

— Сейчасъ... Вы прежде покушайте, баринъ.

— Съ удовольствіемъ, я очень голоденъ... Ну, а теперь говорите—куда это я попалъ? Я вижу, что я не въ тюрьмѣ... Двери заперты на замокъ, но...

— Нѣтъ, баринъ, вы не въ „жлицѣ повора“; съ вами только приключилось несчастье. Вы были больны, очень больны...

— Значить, я въ... госпиталѣ?

— Въ нѣкоторомъ родѣ...

— Въ чемъ же дѣло, скажите, наконецъ?

— Это домъ для людей, страдающихъ... такой болѣзью, какъ ваша, баринъ.

— Это... лечебница для душевно-больныхъ?

— Да, иные такъ называютъ этотъ домъ...

По всему моему тѣлу пробѣгаетъ такая сильная дрожь, что я чувствую боль въ затылкѣ и во всей спинѣ...

— Неужели же я очутился въ сумасшедшемъ домѣ?..

— Напрасно вы это такъ объясняете... и незачѣмъ вамъ волноваться—вы не въ рукахъ у монахинь и патеровъ... Здѣсь у насъ всѣ свободны: наше заведеніе не принадлежитъ ни государству, ни патерамъ; это—лечебница доктора Фруана.

— Гдѣ же она находится?

— Въ Вастѣ—развѣ вы не знаете?

— Да вѣдь у меня здѣсь есть родственники.

— Разумѣется. Васъ доставилъ сюда вашъ кузень. Онъ сказалъ, что вы заболѣли во время прогулки, въ Діэппѣ, и что онъ не зналъ, какъ быть съ вами. Только не выдавайте меня—намъ запрещено говорить больнымъ, кто ихъ привезъ,—но я вижу, что вы такъ спокойны и обходительны...

— Ну, да,—если въ это дѣло замѣшанъ Рофѣ, то меня ничто не удивляетъ. Во всякомъ случаѣ, вы правы; я совершенно спокоенъ, и не чувствую ни малѣйшаго гнѣва противъ этого... господина. Но скажите, когда же это онъ меня привезъ? Я здѣсь, въ этой комнатѣ... недавно?

— Послѣ завтра будетъ двѣ недѣли.

— Вы увѣрены, что я никогда не былъ здѣсь... до того? Мнѣ кажется, что я уже жилъ когда-то въ этихъ стѣнахъ, но что это было очень давно.

— Да, инымъ дѣйствительно такъ представляется. Это вы себя только вообразили, баринъ; вотъ я здѣсь уже десять лѣтъ, а другого такого, какъ вы, не видалъ, могу въ этомъ похваляться. Но знаете, какъ это могло случиться: привезутъ иногда сюда, на примѣръ, кого-нибудь въ каретѣ и представляютъ директору, который его принимаетъ. Потомъ, вдругъ, тому, кто привезъ, нужно пойти навѣстить кого-то по сосѣдству; и директору тоже нужно уйти; а „привезенному“ нѣтъ надобности беспокоиться—визитъ въ сосѣду скучный; лучше обождать и отдохнуть. Онъ немножко

усталь, нездоровь и „возбужденъ“; ему уже лучше, а все-же слѣдуетъ побережся. Но ему можетъ надобсть сидѣть въ директорскомъ кабинетѣ—тамъ неуютно. Поэтому его ведутъ въ комнату, гдѣ хорошій видъ изъ оконъ, а на столахъ—журналы съ картинками. Такъ проходитъ съ полчаса. Приѣзжій смотритъ въ окно, осматриваетъ все въ комнатѣ, находитъ, что все очень мило и хорошо устроено. Но потомъ онъ начинаетъ терять терпѣніе, и тогда ему объясняютъ, что за нимъ не могли приѣхать и что директоръ его приглашаетъ такъ, по дружбѣ, переночевать у него въ домѣ; приѣзжій не соглашается, хочетъ уйти, а его не пускаютъ; онъ сердится... съ нимъ дѣлается нервный припадокъ; его укладываютъ въ постель—и онъ проводитъ десять, двѣнадцать дней, то „возбуждаясь“, то засыпая на много часовъ. Когда онъ выздоравливаетъ, то вспоминаетъ мало-помалу о томъ, что произошло въ первый день, но ему кажется, что это было очень, очень давно. При „возбужденіи“ время кажется очень долгимъ... потомъ, когда припадокъ прошелъ, потому что во время его времени не замѣчаютъ.

Человѣкъ съ птичьимъ влкомъ вовсе не такой идиотъ, какъ можно было предположить по первому впечатлѣнію... и по нѣкоторымъ словамъ. Онъ, какъ я теперь понимаю, разсказалъ мнѣ на свой ладъ, то очень глупо и неловко, то съ довольно удачными предосторожностями, исторію моего поступленія въ лечебницу доктора Фруана. Временами даже онъ, въ своемъ короткомъ разсказѣ и въ особенности въ заключительномъ объясненіи, выказалъ нѣкоторую долю элементарнаго психологическаго чутья.

Впрочемъ, нѣтъ, онъ прямо-таки кретинъ—иначе онъ скрылъ бы отъ меня, что я около двѣнадцати дней былъ сумасшедшимъ. Мнѣ слѣдовало бы не знать этого какъ можно дольше. Я бы могъ думать... но что бы я могъ думать?.. Нѣтъ, въ сущности, это я—кретинъ. Чего это я требую отъ несчастнаго малаго, попавшаго въ эту одурающую среду, повидимому, прямо изъ деревни! Какъ бы то ни было, онъ, очевидно, относится сочувственно къ моему несчастію, и мнѣ не слѣдуетъ вооружать его противъ себя; онъ болтливъ—и можетъ мнѣ быть полезенъ, когда я захочу разузнать о чемъ-нибудь...

Я постепенно начинаю все припоминать: да, вспоминаю странное поведение Рофѣе, Діэппъ, карету, прибытіе въ лечебницу, исчезновеніе кузена подъ предлогомъ визита, даже мой гнѣвъ—все это постепенно воскресаетъ въ моей памяти. Но необходимо продолжать разговоръ для того, чтобы сохранить

расположеніе моего „сторожа“. Такого рода люди болѣе всего ненавидятъ молчаливость высокоумныхъ „буржуа“ (увы, я, навѣрное, казусь ему „буржуа“!). Я поэтому спѣшу снова заговорить съ нимъ.

— А Рофѣ, мой кузенъ, — спрашиваю я, — давалъ онъ знаніе о себѣ съ тѣхъ поръ, какъ привезъ меня сюда?

— Да, онъ былъ здѣсь пять дней тому назадъ, въ понедѣльникъ, и уѣхалъ черезъ полчаса, очень разстроенный: ему было непріятно, что вы, баринъ, не захотѣли узнать его, и онъ сказалъ, что опять прійдетъ въ слѣдующій понедѣльникъ, послѣзавтра.

Новая мысль возникаетъ у меня въ мозгу, и я увѣренъ, что она — нелѣпая. Я вспоминаю, что говорилъ съ директоромъ, но мнѣ кажется, что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ съ нимъ произошла полная метаморфоза: сначала онъ былъ большимъ, полнымъ господиномъ лѣтъ шестидесяти, потомъ, вдругъ, сдѣлался молодымъ человѣкомъ, маленькимъ и худощавымъ, и его сѣдые волосы превратились въ ярко-рыжіе. Только голосъ не измѣнился. Я говорю объ этомъ странномъ впечатлѣніи сторожу, подыскивая осторожныя слова, чтобы онъ не считъ меня сумасшедшимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчаетъ мнѣ человѣкъ со скорбно-опущенными усами. — У насъ одинъ директоръ, а не два. Но вотъ въ чемъ дѣло: хозяинъ, докторъ Фруанъ, привезъ, въ качествѣ помощника, какъ говорятъ, со своей родины, Франшъ-Контэ, другого доктора, настоящую обезьяну; у него такой же выговоръ, какъ у хозяина, и онъ всячески ему подражаетъ — и голосомъ, и манерами. Этотъ карликъ все хочетъ доказать, что онъ тоже вліятельная особа въ домѣ, и потому всегда является вслѣдъ за хозяиномъ, когда кого-нибудь привозятъ. Пусть бы это даже былъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати, онъ все-таки явится, чтобы показать, что онъ здѣсь „начальство“. И какъ только докторъ Фруанъ выходитъ за дверь, онъ начинаетъ изображать изъ себя директора, шумѣть и шипѣть. Вы, баринъ, были уставши съ дороги, и потому у васъ все смѣшалось, и вы не замѣтили, какъ маленький докторъ отдѣлился отъ толстаго, продолжая разговоръ въ томъ же тонѣ, какъ хозяинъ, — но менѣе любезно. Я-то ужъ привыкъ и отличаю ихъ голоса съ закрытыми глазами. Маленькій докторъ говоритъ болѣе хрипло, болѣе заносчиво, а у доктора Фруана голосъ спокойный, внушительный. Но съ перваго раза новому человѣку трудно ихъ распознать.

— А докторъ Фруанъ — добрый человѣкъ?

— Онъ очень учтивъ и хорошо говорить. Говорятъ, что онъ ученъ, какъ музей. Во всякомъ случаѣ, онъ хорошо обходится съ больными, не пристаётъ къ нимъ, даже даетъ имъ слишкомъ много свободы, какъ утверждаетъ за его спиной его помощникъ. Да, докторъ Бидомъ вѣчно ворчитъ, что здѣсь нѣтъ дисциплины, что спокойные больные слишкомъ свободно гуляютъ по саду, такъ что даже нѣкоторые изъ нихъ иногда разговариваютъ съ женщинами у входа въ женское отдѣленіе. Онъ говоритъ, что въ г. Ду, гдѣ онъ прежде служилъ, было строже, и что тамъ даже выздоравливающіе не смѣли выходить изъ своихъ отдѣленій; ихъ запирали въ залы и водили гулять на дворъ, ворота котораго открывались только для служащихъ и начальства.

— Вы, кажется, недолюбливаете этого Бидома?

— Онъ мнѣ противнѣе, чѣмъ бронхитъ и мозоли... Какъ только Фруанъ повернетъ спину, онъ начинаетъ всѣмъ докучать. У сидѣлокъ женскаго отдѣленія дѣлаются корчи, когда онъ является одинъ, безъ хозяина. Нашъ братъ, конечно, выносливѣе, но иногда все-таки выходишь изъ себя.

— Такой онъ злой человѣкъ?

— Послушайте, я вамъ скажу то, чего никому бы не сказалъ,—но я вижу, что вы—разсудительный больной.

Снова неприятная дрожь пробѣжала у меня по всему тѣлу.

— Да, я съ вами буду говорить, какъ подъ присягой, но не выдайте того, что я вамъ скажу,—это было бы опасно.

Лицо сторожа принимаетъ таинственное и взволнованное выраженіе. Онъ наклоняется ко мнѣ и шепчетъ едва слышно на ухо:

— Докторъ Бидомъ,—если вы хотите, чтобы я вамъ откровенно сказалъ свое мнѣніе,—это настоящій „Господи помилуй“.

Это ругательство, очевидно, имѣетъ для сторожа страшный смыслъ; эти два слова таятъ въ себѣ, вѣроятно, какіе-то ужасы, составляютъ самое страшное оскорбленіе и позорятъ навсегда, потому что онъ при этомъ невольно крутилъ свой желтый усъ, и по его взволнованному лицу было видно, что онъ уже раскаивается въ своей неосторожной откровенности.

— Я васъ прошу,—говоритъ онъ,—никогда уже болѣе не возвращаться къ этому разговору, никогда, никогда. Да и зачѣмъ? Теперь вы все знаете, и я прошу васъ сохранить это въ глубочайшей тайнѣ.

Я проникаюсь важностью его тайны и, чтобы отвлечь его отъ его безпокойства, прошу убрать тарелки, которыя мнѣ мѣшались; на одной лежалъ ломоть холоднаго мяса, на другой—

большой кусок сыра. Онъ ставитъ первую тарелку въ ящикъ ночного столика, а вторую запираетъ на ключъ въ комодъ, вмѣстѣ съ пустой чашкой, ножомъ и вилкой; потомъ онъ обращивается ко мнѣ, успокоенный сознаниемъ исполненнаго долга, и говорить наставительнымъ тономъ:

— Нужно соблюдать порядокъ: если совать все куда попало, потомъ не найдешь. Я, конечно, не обвиняю васъ, баринъ, въ томъ, что вы захотите присвоить себѣ нашу посуду, но вѣдь бѣда можетъ приключиться въ каждую минуту.

Онъ глядитъ на часы и говоритъ, мѣняя тонъ:

— Но дѣло не въ этомъ: теперь семь часовъ, и къ вамъ скоро явится Бидомъ. Обычный порядокъ таковъ, что онъ начинаетъ обходъ съ этого флигеля, съ отдѣленія больныхъ, занимающихъ отдѣльныя комнаты. Я предпочитаю встрѣтиться съ нимъ въ корридорѣ, а не въ комнатѣ. Онъ сейчасъ же лѣзетъ съ кулаками, а тамъ больше мѣста и можно ударить отъ него.

Сказавъ эти слова, онъ выходитъ, грузно ступая на цыпочки и дѣлая мнѣ таинственные знаки, очевидно съ цѣлью внушить мнѣ какъ можно болѣе осторожности въ сношеніяхъ со страшнымъ маленькимъ докторомъ.

II.

Вѣроятно, что-нибудь нарушило обычный порядокъ, потому что только два часа спустя поворачивается замкъ моей двери; я слышу веселый и въ то же время грубый голосъ — и узнаю его.

— Леонардъ! животное! соня! Куда онъ запропастился? А, вотъ вы, наконецъ! Откройте поскорѣе это логовище, или...

Снова раздается шумъ раскрываемыхъ запоровъ и замковъ. Массивная дверь съ шумомъ растворяется, и предъ мной появляется маленький человечекъ въ черномъ сюртукѣ, въ бѣломъ и нѣсколько пожелтѣвшемъ галстукѣ, въ высокой шапкѣ, въ высокихъ сапогахъ со шпорами и съ хлыстомъ въ рукѣ. У него острые, злые глаза, щетинистыя рыжія брови, еще болѣе рыжіе усы и рыжая борода. Короткій и прямой носъ точно цѣлится своими широкими ноздрями, какъ пушка, въ предметъ или въ человѣка, находящагося на пятнадцати метрахъ разстоянія, и челюсти его, несмотря на покрывающую ихъ растительность, сильно выдаются и кажутся непропорціонально большими, какъ у обезьянъ.

Онъ бросаетъ свой хлыстъ на стулъ.

Его сравнительно высокій и широкій торсъ съ поднятыми плечами—совершенно плоскій въ профиль и точно закованъ въ латы. Толстыя и короткія ноги могли бы принадлежать хорошо развитому двѣнадцатилѣтнему мальчику. Онъ отдувается на ходу и распространяетъ смѣшанный запахъ сигаръ, лекарствъ и конопли. По его манерѣ потирать руки, подмигивать, посмѣиваться разсѣяннымъ смѣхомъ и хмурить отвратительныя взъерошенныя брови, мнѣ не трудно понять, особенно послѣ предупрежденія Леонарда (я теперь знаю, что сторожа зовутъ Леонардомъ), что онъ—грубое животное, и теперь только напускаетъ на себя добродушіе:

— Чортъ побери!—въ другой разъ ужъ меня ни за что не заставятъ ѣздить верхомъ въ такую грязь.

Онъ обращается къ стѣнѣ, къ окну, къ деревьямъ на дворѣ. Я, очевидно, не существую для него, хотя я ясно видѣлъ, что онъ очень пристально поглядѣлъ на меня, когда вошелъ. Онъ подходитъ къ столу, разбрасываетъ книги, лежащія на немъ, точно чего-то ищеть, потомъ разглядываетъ мраморную доску комода. Я съ интересомъ слѣжу за всѣми его движеніями. Но маленькая комедія, которую онъ разыгрываетъ—если это только действительно комедія—не долго длится. Онъ вдругъ поворачивается на каблучкахъ, быстро подходитъ къ моей постели, глядитъ мнѣ прямо въ глаза и начинаетъ хохотать.

— Это что такое? Я, видно, кажусь вамъ чрезвычайно смѣшнымъ, что вы такъ тарачите на меня глаза?

Его гортанный и громкій голосъ звучитъ очень настойчиво; онъ отчеканиваетъ каждое слово, какъ бы стараясь показать, что все, что онъ говорить, чрезвычайно важно.

Я не могу удержаться отъ грубаго отвѣта:

— Вы, конечно, смѣшны, но ничего оригинальнаго я въ васъ не замѣчаю; напротивъ того, вы скорѣе банальны. Прежде чѣмъ я говорилъ съ вами въ кабинетѣ директора, я уже встрѣчалъ васъ въ сказкахъ Гофмана и въ другихъ книгахъ въ этомъ родѣ.

Онъ поднимаетъ свои щетинистыя брови съ такимъ видомъ, точно хочетъ броситься на меня.

— А, вы, значить, вовсе не настолько пришли въ себя, какъ я думалъ... и вы не вспоминаете, что видѣли меня послѣ того, какъ я говорилъ съ вами въ директорскомъ кабинетѣ?

Два послѣднія слова онъ произноситъ съ горечью. Я, очевидно, задѣлъ его самолюбіе, напомнивъ ему, что онъ—только второе лицо въ домѣ.

— Нѣтъ, не помню.

— Это не хорошо, но я такъ и предполагалъ. А какъ вы себя чувствуете сегодня?

— Недурно.

— Вы ѣли что-нибудь?

— Ълъ и съ аппетитомъ.

— Наконецъ-то; все это время васъ почти совсѣмъ нельзя было заставить принимать пищу.

Это меня совсѣмъ не интересуесть—что мнѣ до прошлаго? Меня беспокоить непосредственное будущее, и я его спрашиваю съ нетерпѣніемъ:

— Сколько же времени вы полагаете держать меня здѣсь? Если я и былъ сумасшедшимъ, то теперь выздоровѣлъ. Осталась только нѣкоторая слабость, — больше ничего. Можете вы мнѣ отвѣтить на мой вопросъ?

Бидомъ опять хмурить брови.

— Нельзя ли говорить со мной повѣжливѣе? Но я вамъ точно отвѣчу: вы выйдете изъ этого дома, когда я... когда мы вамъ разрѣшимъ.

— Хорошо утѣшеніе! Вѣдь не имѣете же вы намѣренія безъ конца держать меня на запорѣ? Я вполне здоровъ, и ни для кого не опасенъ.

— Вы еще очень возбуждены и нервны, какъ всѣ, которые доводятъ себя до такого состоянія.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Какъ всѣ алкоголики.

— Что это значить? Вы явились сюда, чтобы оскорблять меня?

— Вы мнѣ наскучили и разстроиваете мнѣ нервы. Развѣ оскорбляешь пьяницу, говоря ему, что онъ—пьяница?

Я употребляю всѣ усилія, чтобы сохранить хладнокровіе, и отвѣчаю очень спокойно:

— Я не отрицаю, что могу упрекнуть себя въ нѣкоторыхъ излишествахъ. Я былъ до послѣдняго времени, несмотря на вѣшнюю хилость, человекомъ очень сильнымъ, много ѣлъ и много пилъ. Но увѣряю васъ, что я не ощущалъ никакого вреда отъ своей невоздержности, прежде чѣмъ не пережилъ недавно большихъ неприяностей. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что роль врача—лечить, а не оскорблять. Когда я уѣду отсюда, вы можете дать мнѣ нѣкоторые совѣты... самымъ вѣжливымъ тономъ. Это все, на что вы имѣете право.

— Вы мнѣ дѣствуете на нервы вашими дерзостями. Ужъ не прикажете ли касаться васъ только въ перчаткахъ?..

— Хорошо, предположимъ на минуту, что вы прекрасно поступаете, говоря со мной въ такомъ тонѣ; но позвольте спросить васъ, кто вамъ сообщалъ о моемъ алкоголизмѣ?

— Этого еще не доставало—вы мнѣ предлагаете вопросы? Мы, кажется, помѣнялись ролями.

— Дѣйствительно, вамъ бы слѣдовало предложить мнѣ нѣсколько вопросовъ, прежде чѣмъ принимать за чистую монету все, что было угодно г. Эльзеару Роффѣ, моему почтенному кузену, сообщить вамъ на мой счетъ. Я отлично помню, что это онъ привезъ меня сюда.

— Отстаньте пожалуйста, вы, положительно, дѣйствуете мнѣ на нервы. Если вы сами знаете, откуда я имѣю всѣ свѣдѣнія, зачѣмъ же вы меня спрашиваете? А такъ какъ вы вывели меня изъ себя, то я и говорю вамъ разъ навсегда, что если больной очутился въ вашемъ положеніи, то на его мнѣнія не обращаютъ никакого вниманія,—въ особенности когда дѣло идетъ о больномъ, который считаетъ себя „поэтомъ“ и уже много лѣтъ занимается риноплетствомъ, не желая дѣлать ничего путнаго, сколько занятій ему ни предлагали. Только мнѣнія родныхъ принимаются въ расчетъ въ такихъ случаяхъ.

Онъ нашелъ неопровержимый, по его мнѣнію, аргументъ, и это преисполняетъ его такой радостью, такимъ уваженіемъ къ самому себѣ, что онъ выпрямляется, какъ маленькій кайенскій пѣтухъ, и говоритъ со мной свысока, если можно такъ выразиться, когда дѣло идетъ о подобномъ гномѣ.

(Эта плохая острога принадлежитъ Леонарду, который, несмотря на свой страхъ передъ маленькимъ докторомъ, не могъ превозмочь любопытства и заходилъ нѣсколько разъ въ комнату подъ разными предлогами.)

Глаза Бидома поднимаются къ нему, или, вѣрнѣе, къ потолку комнаты, и онъ говоритъ повышеннымъ торжествующимъ голосомъ:

— И развѣ вы сами поручили себя нашему попеченію? Нѣтъ, господинъ Филиппъ Вели, васъ передали въ наши руки другіе. Я обязанъ давать объясненія только имъ.

Онъ торжествуетъ, хотя, казалось бы, не имѣетъ на это ни малѣйшей причины.

— Докторъ Бидомъ, я слишкомъ благовоспитанъ, чтобы высказать вамъ мое мнѣніе о вашихъ разсужденіяхъ.

— Думайте, что хотите, — отъ этого дѣло не измѣнится. Впрочемъ, я напрасно теряю здѣсь время—пойду лучше навѣстить менѣ дерзкихъ и упрямыхъ больныхъ, чѣмъ вы. Но я не хочу

уйти ни съ чѣмъ изъ вашей берлоги. Вы очень „возбуждены“ (неужели меня вѣчно будетъ преслѣдовать это ужасное слово?) Леонардъ вамъ вѣроятно далъ сегодня утромъ вина или кофе; все это мы отиѣнимъ: вамъ будутъ давать только слегка окрашенную виномъ воду и липовый чай. Да, еслибы я могъ *полномостно* распоряжаться здѣсь!.. Есть—кажется, въ Вѣнѣ, или въ Брюсселѣ, или въ Копенгагенѣ—отличный госпиталь для такихъ людей, какъ вы. Тамъ пьютъ только чистую воду и больше ничего. А я бы даже хотѣлъ, чтобы такимъ больнымъ давали воду хотя и здоровую, но имѣющую вкусъ чего-то... отвратительнаго. Это бы отрезвило гнусныхъ пьяницъ. Но европейцы еще слишкомъ сентиментальны.

Я, къ сожалѣнію, не могу сдержать бѣшенства и кричу Бидому:

— Когда же наконецъ устроить госпитали для психіатровъ? Еслибы я зналъ о существованіи такого госпиталя, я бы сейчасъ же далъ вамъ рекомендательное письмо къ директору; вамъ нужно лечить, если вы свое обращеніе со мною называете леченіемъ.

Бидомъ серьезно выходитъ изъ себя и совершенно забываетъ о своихъ врачебныхъ обязанностяхъ.

— Ахъ, вы, животное!—кричитъ онъ.—Вы мнѣ разстроиваете нервы! Я видѣлъ много алкоголиковъ на своемъ вѣку, но такого гнуснаго, возмутительнаго пьяницу, какъ вы, впервые встрѣчаю.

Удовлетворенный отпоромъ, который онъ мнѣ далъ, Бидомъ гордо направляется къ двери, беретъ на ходу свой хлыстъ и обмахиваетъ имъ сапоги съ раздражающей развязностью. Я виѣ себя отъ бѣшенства. Онъ открываетъ дверь, его „прекрасная фигура“ исчезаетъ... какъ вдругъ—я положительно самъ не знаю, какъ это случилось,—тарелка, оставленная Леонардомъ въ ящикѣ ночнаго столика, съ шумомъ разбивается о массивную дубовую дверь, которая еще не успѣла захлопнуться. Ящикъ открытъ, и я стою босикомъ, въ одной рубашкѣ, посреди комнаты, весь дрожа отъ припадка бѣшенства, который заставилъ меня соскочить съ постели. Бидомъ вопить:

— Леонардъ! негодий! скорѣй сюда!

Сторожъ былъ недалеко. Онъ прибѣгаетъ съ испуганнымъ лицомъ, съ вытаращенными блѣдными глазами, и его длинные усы имѣютъ еще болѣе безутѣшный видъ, чѣмъ обыкновенно. Онъ входитъ въ мою комнату вмѣстѣ съ Бидомомъ, который толкаетъ его передъ собой, и произноситъ неистовыя проклятія.

Лицо Бидома побагровѣло. Потокъ его гнѣвнаго краснорѣчія заканчивается рядомъ ругательствъ, и онъ кричитъ зычнымъ голосомъ:

— Я расправлюсь съ этой бѣшеной обезьяной! Леонардъ, посадите его сейчасъ же въ ванну... но не въ теплую; напустите воду только изъ второго крана. Вѣдь отъ него несетъ, до того онъ грязенъ (какая гнусная клевета)! И провѣтрите хлѣвъ, въ которомъ онъ спитъ. А когда онъ будетъ спокоенъ и чистъ, проводите его по дворамъ и садамъ (другихъ лечебныхъ мѣръ здѣсь вѣдь не признають), чтобы его утомить. Пусть онъ ходитъ часа три—не меньше, и покажите ему мѣсто, отведенное для „безпокойныхъ“, куда его помѣстятъ, если онъ опять позволить себѣ такія штуки.

Я ничего не имѣю противъ холодной ванны, но дѣлаю видъ, что страшно возмущенъ тираніей доктора. Пусть онъ думаетъ, что я не только взбѣшенъ его обращеніемъ, но и въ ужасѣ отъ его предписанія. Такимъ образомъ, онъ всегда будетъ „наказывать“ меня ваннами; онъ самъ вѣроятно не любитъ брать ванны, насколько я могу судить по сѣроватому цвѣту его шеи. Мнѣ стѣдуетъ теперь посильнѣе кричать для того, чтобы онъ испытывалъ радость инквизитора, заставляя погружать меня въ воду какъ можно чаще.

Я реву изо всѣхъ силъ: — Не хочу холодной ванны! Меня убьетъ холодная ванна! На помощь, караулъ!

Мое желаніе исполнилось. Мой „палачъ“ строитъ насмѣшливыя, дьявольскія гримасы и даетъ слѣдующее распоряженіе Леонарду:

— Мочите каждый день въ водѣ эту сеledку. А если онъ будетъ надоѣдать мнѣ, то два раза въ день. Я ужъ съумѣю справиться съ этимъ животнымъ! Если онъ не угомонится, то мы пропишемъ ему душъ.

Онъ выходитъ изъ комнаты съ неописуемо торжествующимъ видомъ.

III.

Я принялъ очень пріятную ванну, по-моему недостаточно долго дивящуюся, но Леонардъ счелъ нужнымъ сократить ее, чтобы не „захолодить кровь“. Онъ лопочетъ еще что-то про „оконечности“, про „приливы къ мозгу“, помогая мнѣ одѣваться. Такъ какъ я не привыкъ къ услугамъ лакея, то мнѣ скорѣе не-

приятна его помощь при одѣваніи. Наконецъ, туалетъ законченъ, и мы идемъ гулять.

Выйдя изъ „купальнаго павильона“, мы идемъ по узкому проходу подъ открытымъ небомъ между двумя бѣлыми и низкими постройками, похожими на школьныя зданія. Мы останавливаемся передъ дверью стариннаго, средневѣковаго вида; она обшита желѣзомъ и украшена замкомъ величиной съ четыре огромныхъ словаря. Но у моего сторожа виситъ на поясѣ связка огромныхъ ключей, какихъ, вѣроятно, не бывало и въ Бастиліи. Онъ выбираетъ изъ нихъ такой, какимъ можно было бы разбить большой камень, и препятствіе побѣждается почти безъ шума.

Передъ нами большой дворъ, усаженный высокими, густыми деревьями; онъ окаймленъ дорожками, вымощенными асфальтомъ. Посреди двора маленькій лугъ, окруженный красивыми пестрыми клумбами цвѣтовъ.

Вокругъ луга и по дорожкамъ ходятъ группами по двое или по трое, какъ школьники на прогулѣ, люди въ общемъ спокойные на видъ, опрѣтно одѣтые; они, повидимому, мирно разговариваютъ, или погружаются въ глубокое раздумье въ промежуткахъ между нѣсколькими сказанными или выслушанными фразами. Они не обращаютъ на насъ никакого вниманія, точно они выше обычной житейской суеты, и заняты исключительно мыслями, которыми иногда дѣлятся другъ съ другомъ—и то не всегда, но которыя были бы непоняты, или, по меньшей мѣрѣ, ложно истолкованы непонятливыми обыкновенными людьми. Иногда у нихъ блаженный видъ индійскихъ факировъ.

— Это, — сообщаетъ мнѣ Леонардъ, — сливки здѣшняго общества. Съ ними рѣдко выходятъ какія-нибудь неприятели — развѣ ужъ очень ихъ разозлить. Конечно, случается иногда грѣхъ... но въ общемъ они очень благородно ведутъ себя. Настолько, что даже вы, баринъ, хотя вы здоровѣе ихъ, и характеръ у васъ лучше, общительнѣе, — для нихъ не подходящее общество; вы бы могли иногда заразить ихъ своимъ „возбужденіемъ“ (опять это слово!). Одно съ ними несчастье: у нѣкоторыхъ иногда вдругъ мѣняется настроеніе, и они впадаютъ въ „черную болѣзнь“. А во время такихъ припадковъ съ ними — бѣда. Они тогда ужасны... но не злы, не дерутся. Это не то, что „черныя болѣзни“, которыя я вамъ покажу въ другомъ отдѣленіи. Тамъ — самые опасные. Здѣсь вѣтъ нѣсколькихъ больныхъ, которые тоже принадлежатъ къ разряду спокойныхъ, но всѣмъ недовольны и не любятъ своихъ товарищей. Они рѣдко приходятъ сюда, хотя этотъ дворъ — ихній. Они предпочитаютъ маленькій садикъ, по

другой сторонѣ дома; оттуда прямо входъ въ большую красивую комнату, которая служитъ имъ клубомъ. Ихъ всего пять человекъ. Мы ихъ называемъ „философами“; одинъ изъ нихъ былъ докторомъ съ хорошей практикой, двое—адвокатами, четвертый былъ актеромъ, а пятый—самый непріятный; говорятъ, что онъ писалъ „фельетоны въ стихахъ“ и какіе-то рассказы въ газеты...

— Вотъ какъ, у меня здѣсь, оказывается, есть товарищъ по профессіи!

— Хотите зайти къ нимъ? Для этого не нужно переходить въ другое отдѣленіе!

— Конечно, хочу. Я увѣренъ, что легче сойду съ ними, чѣмъ съ этими безмозглыми факирами, для которыхъ я слишкомъ „возбужденъ“.

На этотъ разъ не приходится отворять запертыя двери. Мы входимъ прямо со двора въ большую залу, гдѣ меня непріятно поражаетъ какой-то кислый и въ то же время приторный запахъ, отъ котораго меня слегка тошнитъ. Это—столовая „ханжей“ перваго отдѣленія. Но мы минуемъ столовую, и запахъ геліотропа и резеды прогоняетъ мою тошноту. Мы идемъ по усыпанной мелкимъ пескомъ аллеѣ, окаймленной двумя рядами кустовъ; съ грядокъ доносится запахъ цвѣтовъ. Пройдя шаговъ двадцать, мы поднимаемся на одну ступеньку и входимъ въ комнату, которая мнѣ вовсе не такъ нравится, какъ Леонарду. Она довольно чистая и большая, но въ ней ничего нѣтъ, кромѣ стола и нѣсколькихъ стульевъ.

Пять человекъ въ высшей степени корректныхъ—сторожъ обращаетъ на это мое вниманіе—поднимаются съ мѣстъ съ необыкновенной учтивостью. Я отвѣчаю на пять поклоновъ ижимаю пять рукъ, протянутыхъ мнѣ благороднымъ жестомъ. Четверо изъ этихъ джентльменовъ сейчасъ же снова садятся, прося меня послѣдовать ихъ примѣру, и снова принимаютъ чрезвычайно благородный, хотя я нѣсколько удрученный видъ. Но пятый продолжаетъ стоять и, взявъ меня подъ руку, предлагаетъ мнѣ пройтись по комнатѣ, какъ бы желая показать мнѣ, въ качествѣ хозяина, голыя стѣны, нѣсколько потертую циновку, порывающую полъ, и стулья, разставленные у стѣнъ.

Когда онъ считаетъ, что я въ достаточной мѣрѣ ознакомился съ трещинами штукатурки, онъ подводитъ меня къ стулу, съ котораго предварительно смахиваетъ пыль платкомъ, и умоляетъ меня—именно, умоляетъ—присѣсть. Потомъ онъ беретъ другой стулъ, садится около меня и начинаетъ разговаривать съ

любезностью хозяина, хоторый хочетъ, чтобы его гость чувствовалъ себя какъ дома.

— Надѣюсь, что вы очутились только въ качествѣ посѣтителя въ этомъ домѣ—который, впрочемъ, отлично содержится и довольно удобенъ. Я былъ бы очень огорченъ, узнавъ, что вы здѣсь живете—и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какъ эти господа.

Я ему отвѣчаю, что, къ сожалѣнію, мнѣ вѣроятно придется провести еще нѣсколько недѣль у доктора Фруана.

— Это очень, очень грустно,—отвѣчаетъ онъ.—Я опасаюсь, что вамъ предстоятъ тяжелые дни, тѣмъ болѣе, что ваша форма болѣзни, я въ этомъ увѣренъ, очень легкая. Я—врачъ, докторъ Манъ... (онъ кланяется) и знаю, какъ протекаетъ большинство болѣзней, требующихъ помѣщенія въ лечебницу. Я имѣлъ возможность дѣлать наблюденія надъ моими друзьями, находящимися здѣсь, и надъ самимъ собой—что вовсе не весело, увѣряю васъ. И я поэтому очень огорченъ тѣмъ, что мой коллега будетъ держать васъ здѣсь,—онъ вѣдь рѣдко ошибается... Иногда, впрочемъ...

Онъ улыбается странной улыбкой и таинственно подмигиваетъ мнѣ; я въ этомъ вижу симптомъ его умственного расстройства, и спрашиваю его нѣсколько противъ своего желанія:

— Значить, вы сознаете, что вы... не совсѣмъ здоровы?

— Конечно, хотя шарлатанъ Бидомъ идиотски преувеличиваетъ, утверждая, что всѣ пять человекъ, которыхъ вы видите здѣсь, опасные сумасшедшіе;—я позволю себѣ кромѣ того замѣтить, что врачъ никогда не долженъ такъ выражаться, обращаясь къ больнымъ. Несомнѣнно, однако, что наши мозги функционируютъ не вполне правильно—не правда ли, дорогіе друзья?

Его четыре товарища краснорѣчиво киваютъ головой.

— Мы, напримѣръ, замѣтили слѣдующее явленіе—и другъ у друга, и каждый въ себѣ: часто случается, что мы, противъ своего желанія и несмотря на всѣ старанія удержаться отъ этого, произносимъ слова и совершаемъ дѣйствія, которыя ясно указываютъ на легкое мозговое поврежденіе. Вотъ вамъ одинъ примѣръ изъ тысячи: недавно несносный докторъ Бидомъ доставилъ намъ огромное удовольствіе,—говору это самымъ безжалостнымъ образомъ,—доставилъ неизмѣримое удовольствіе тѣмъ, что схватилъ простуду и долженъ былъ нѣсколько дней лежать въ постели. Мы такимъ образомъ были избавлены на время отъ посѣщеній этого дерзкаго и злого пошляка. Мы всѣ пятеро испытывали отрадное чувство временнаго избавленія, но для меня оно было испорчено преслѣдовавшей меня навязчивой идеей: я самъ отлично пони-

малъ, что это смѣшно, невѣроятно, глупо, но все-же не могъ отвязаться отъ мысли, что если Бидомъ будетъ при смерти, то необходимо, чтобы я, и только я, исповѣдалъ и причастилъ его. Замѣйте, что я не воображалъ себя при этомъ священникомъ, не думалъ, что мнѣ подобаеъ носить рясу... Но какъ только моя воля слабѣла, и я не могъ заставить себя думать о чемъ-нибудь другомъ, меня начинала страшно преслѣдовать странная и смѣшная галлюцинація: я представлялъ себѣ меня, доктора Маня, съ такой же бородой, какую я всегда ношу, одѣтаго въ элегантный костюмъ изъ англійскаго сукна—изящество его вы вѣроятно внутренно уже оцѣнили,—но носящаго поверхъ этого блѣдно-сѣраго пиджака и зеленовато-сѣраго галстука прозрачную рясу,—доктора Маня, который своими торжественными жестами и многословными увѣщаніями сначала приводитъ въ ужасъ, а потомъ умиляетъ маленькаго, похожаго на обезьяну человѣчка, свернувшася въ клубокъ на постели. Самымъ ужаснымъ было то, что, несмотря на мое твердое рѣшеніе избавить моихъ товарищей отъ созерцанія моего отвратительнаго помѣшательства, я противъ моей собственной воли сталъ изображать эту сцену моимъ друзьямъ, любезно слушающимъ меня, хотя это имъ было, очевидно, неприятно. Я видѣлъ передъ собой Бидома, какъ я вижу васъ, воспроизводилъ даже его гримасы, сначала сердитыя, а цотомъ блаженно умиленные; я увѣщевалъ его съ возрастающимъ рвеніемъ и хотѣлъ заставить моихъ друзей повѣрить, что отвратительный маленькій докторъ дѣйствительно тутъ, передъ нашими глазами... Въ то же время мнѣ было стыдно, что я разыгрываю шута, и я чувствовалъ себя похожимъ на дѣтей, играющихъ въ солдаты или въ моряковъ, когда имъ кажется, что они почти дѣйствительно присутствуютъ при отступленіи воображаемыхъ враговъ или при взятіи несуществующаго судна. И была какая-то несчастная латинская фраза, которая мнѣ казалась необходимой для моей проповѣди, при чемъ я не могъ припомнить ничего, кромѣ двухъ начальныхъ словъ текста: *Et nunc... et nunc... et nunc!..* Тщетное стараніе припомнить дальнѣйшія слова страшно меня раздражало. Я излечился отъ этого бреда только тогда, когда Бидомъ, выздоровѣвшій и еще болѣе учтивый, чѣмъ обыкновенно, обругалъ меня при первой утренней встрѣчѣ самыми нелестными эпитетами. Кстати, я покажу вамъ карикатуру на Бидома, которую я нарисовалъ; она сдѣлана не важно, но довольно забавна. Я пойду за ней.

Докторъ Маня выходитъ, отвѣсивъ торжественный поклонъ своимъ товарищамъ, мнѣ, стѣнамъ,—въ особенности стѣнамъ.

Тотчасъ же одинъ изъ его друзей поднимается и занимаетъ его стулъ. Это—человѣкъ лѣтъ пятидесяти, бритый, съ сѣдоватыми волосами; его блѣдное, лоснящееся лицо кажется какъ бы отшлифованнымъ. У него мѣшки подъ глазами—подъ большими выпуклыми глазами, которые лишь на половину прикрываются вѣками, имѣющими видъ раковинъ. У него огромный, крючковатый носъ. Онъ держитъ все время въ рукѣ фуражку, въ родѣ тѣхъ, которые носятъ морскіе офицеры, и временами обмахивается ею. Онъ тоже изысканно вѣжливъ, но говорить съ нѣскольکو большею непринужденностью, чѣмъ докторъ Манъ:

— Другъ мой,—говоритъ онъ,—вы новичокъ въ этомъ домѣ, обрадованномъ и въ то же время огорченномъ вашимъ прибытіемъ. Вы производите впечатлѣніе человѣка умнаго и наблюдательнаго, но все-таки позвольте старому кормчему, хорошо изучившему эти „тихія, но изобилующія подводными камнями воды“, ознакомить васъ съ равными особенностями вашей новой среды. Вы уже знаете наше мнѣніе о Бидомѣ; это—чудовище съ обликомъ, едва напоминающимъ человѣческой; но здѣсь есть еще другія опасности, кромѣ сношеній съ негодяями въ родѣ Бидома. Нѣкоторыя изъ этихъ опасностей вамъ, я полагаю, извѣстны... Но имѣйте также въ виду, что и вы можете нанести вредъ нѣкоторымъ свѣтлымъ умамъ, временно затмившимся...

Леонардъ правъ. Я, вѣроятно, очень опасенъ, если этотъ господинъ замѣтилъ это черезъ четверть часа послѣ моего появленія.

— Будьте всегда осторожны и тактичны въ сношеніяхъ... скажемъ, напримѣръ, съ нашимъ дорогимъ докторомъ Манемъ. Вы сами видите, что мы стараемся во всемъ угождать ему и соглашаемся со всѣмъ, что ему вздумается сказать намъ. Докторъ Манъ, другъ мой, человѣкъ высокаго ума, но онъ слишкомъ много работалъ—такъ много, что у него сдѣлалось малокровіе мозга, и онъ теперь „окутанъ облакомъ“, какъ говорятъ соотечественники моихъ покойныхъ друзей—вѣнценосца Ричарда Львиное Сердце и букмекера Джери Настисвейна. Онъ боленъ и знаетъ это. Къ несчастью, онъ убѣжденъ, что и мы—жертвы ошибокъ или семейныхъ интригъ—также больны, какъ и онъ. А такъ какъ онъ самый лучший и благородный человѣкъ на свѣтѣ, то мы и разыгрываемъ комедію изъ любви къ нему. Но вы знаете теперь, что только онъ одинъ изъ этой маленькой группы товарищей по несчастью дѣйствительно страдаетъ тѣмъ, чего я не хочу назвать, и я надѣюсь, что вы будете съ нимъ деликатно обходиться. Если вы захотите, другъ

мой, сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе на его счетъ, то отведите меня въ сторону и сообщите мнѣ то, что думали сказать,—мнѣ, Дебокѣ, трагику, создавшему—вы это, конечно, знаете—роль Кюзенъ въ „Dangers de la Distillation“, прекрасной драмѣ великаго поэта Ноальи-Прата.

Успокоивъ свою совѣсть, Дебокѣ забываетъ совершенно о моемъ присутствіи и направляется къ Леонарду, который остался стоять въ дверяхъ. Онъ говоритъ ему, что у него слишкомъ выдается челюсть, что у него невозможные усы, которыхъ онъ напрасно не стрижетъ, упрекаетъ его за то, что онъ не умѣетъ ходить носками врозь, и заявляетъ ему—очень деликатно,—что изъ него никогда не выйдетъ хорошій актеръ на роли первыхъ любовниковъ. Еще бы!

Конецъ ихъ бесѣды ускользаетъ отъ меня; видя, что актеръ всецѣло поглощенъ стряпаніемъ искусныхъ фразъ, въ которыхъ порицанія сглаживаются доброжелательнымъ тономъ, — ко мнѣ осторожно приближается другой членъ группы, еще сравнительно молодой человѣкъ; онъ похожъ лицомъ на китайца, но его желтое лицо покрыто багровыми пятнами отъ лопнувшихъ жилъ. У него жесткіе волосы, подавшійся назадъ лобъ, выступающія скулы, узкіе монгольскіе глаза, едва замѣтные усы неопредѣленнаго цвѣта, маленькая сѣдовая борода, имѣющая полинялый видъ, какъ старый коверъ, длинная шея съ адамовымъ яблокомъ, похожимъ на застрявшій по пути большой орѣхъ, торчащія, какъ у очень худой лошади, лопатки, которыя представляютъ странный контрастъ съ его короткимъ, полнымъ туловищемъ.

Онъ садится въ свою очередь на стулъ доктора Маня, пускаетъ мнѣ въ лицо дымъ своей папиросы и берется въ свою очередь „обработывать меня“. У него не таковой цвѣтистый языкъ, какъ у его предшественниковъ; онъ произноситъ слова съ нѣкоторымъ усиліемъ, повидимому отъ робости; у него глухой голосъ и неловкія движенія. Чувствуется, что онъ страшно смущенъ и жалѣетъ, что подошелъ ко мнѣ,—но теперь уже поздно идти на попятный: онъ дѣлаетъ героическое усиліе и начинаетъ говорить—очевидно, съ отчаяніемъ въ душѣ:

— Милостивый государь — въ концѣ концовъ да!.. Милостивый государь... Я не люблю наговаривать на друзей, абсолютно не люблю. Но все-таки я долженъ вамъ сказать, что Дебокѣ гораздо болѣе... абсолютно... (я не могу обойтись безъ этого слова!)—гораздо болѣе... не въ своемъ умѣ, чѣмъ товарищъ Маня. Абсолютно да!

Ему хочется быть откровеннымъ, говорить по душѣ, но онъ ежеминутно раскаявается въ этомъ, зная, что выражается неуклюже, и что надъ нимъ будутъ смѣяться; онъ чувствуетъ себя смѣшнымъ, и страдаетъ оттого, что слишкомъ хорошо себя знаетъ; но его опять охватываетъ потребность въ искренности, желаніе высказаться,—и онъ повторяетъ свои „абсолютно да“ и „абсолютно нѣтъ“, думая, что это ему поможетъ выразить до конца то, что у него на душѣ.

Онъ продолжаетъ говорить:

— Вамъ, можетъ быть, говорили про меня — да, я знаю: блимъ, блумъ,—механика! Абсолютно да! Вамъ сказали, что я литераторъ (а, такъ это и есть коллега!), и что я самый неприятный изъ нашей группы, не правда ли?—это выраженіе Леонарда—да. Конечно, когда я немного... блимъ-блумъ... механика!—когда я не въ духѣ—тогда конечно... Но я совсѣмъ не злой человѣкъ. Эта трудность выразиться несносна, но механика—для меня вѣдь это механика—мнѣ недоступна. Хотите, чтобы я назвалъ вамъ свое имя? Оно, конечно, совершенно неизвѣстно, но я не хочу, чтобы вамъ его называли въ исковерканномъ видѣ. Меня зовутъ Освальдъ-Норбертъ Нижо. Пожалуйста, не произносите Ниго (Nigaud)—я не негодай, нѣтъ. Конечно мои стихи... Ахъ, проклятая механика!.. Я кретинъ, жалкій кретинъ, обуреваемый несчастной страстью къ писанію—и страдающій отъ инженеровъ.—Писать!.. Ужасное ремесло для такихъ мало одаренныхъ людей, какъ я... блимъ-блумъ... и совершенно не умѣющихъ справляться съ механикой словъ. Проклятые инженеры куютъ слова, и бѣдные литераторы не могутъ справиться съ ними. Вѣдь это все механика!.. А къ тому же я выпиваю... Дебокѣ тоже большой пьяница. Вы вѣдь слышали: у него на языкѣ постоянно Кюзенѣ, Ноальи-Пратъ, онъ могъ бы точно также упомянуть и о Перно, изобрѣтателѣ ликера. Эти имена преслѣдуютъ такихъ людей, какъ я и онъ. Вѣдь здѣсь, знаете ли,—трудно раздобыть напитки,—хотя благодаря тому, что сторожа ненавидятъ Бидома (ахъ, проклятое животное!), благодаря также доброму Фруану, который смотритъ на это сквозь пальцы—да впрочемъ, что же въ этомъ дурного?—можно... блимъ-блумъ... войти въ сдѣлку съ небомъ.

Нижо, повидимому, чрезвычайно гордится тѣмъ, что кое-какъ довелъ до конца такую длинную фразу, вставивъ въ нее—сравнительно мало „блимъ-блумъ“ и „механика“. Но, очень довольный своимъ успѣхомъ и стараясь продолжать говорить столь же изысканно, онъ произноситъ странные фразы, въ которыхъ

„проклятые инженеры“ и „блимъ-блумъ“ (не говоря уже объ „абсолютно“) занимають слишкомъ много мѣста, чтобы можно было понять смыслъ его словъ. Впрочемъ, онъ скоро прерываетъ свою рѣчь:

— Я васъ... блимъ... я васъ покидаю. Вотъ... механика!.. Повѣрьте, что передъ вами наименѣе глупый изъ насъ, абсолютно да!

Въ это время входитъ докторъ Мань, держа въ рукѣ листъ картона, на который онъ смотритъ съ гордостью и восхищеніемъ.

— Вотъ,—говоритъ онъ мнѣ,—будьте любезны, посмотрите на эту неприятзательную каррикутуру. Не обращайтесь вниманія на самый рисунокъ,—онъ сдѣланъ по-дѣтски,—но идея очень комична, говорю это безъ малѣйшей скромности.

Нѣтъ, эта каррикутура ничуть не комична. Въ противоположность доктору Маню, я нахожу, что рисунокъ очень хорошъ по исполненію,—но въ немъ нѣтъ ничего смѣшного. На немъ изображенъ Бидомъ, и сходство схвачено очень вѣрно,—но животность, дьявольская злоба его лица преувеличены съ дикой жестокостью; онъ запускаетъ одну изъ своихъ шпоръ въ раскрытый черепъ пациента. Это чудовищно, абсолютно да!—какъ сказалъ бы Освальдъ Норбертъ Нижо.

Я дѣлаю видъ, что нахожу каррикутуру очаровательно комичной, хотя она наводитъ на меня ужасъ. Нижо, актеръ Дебокѣ и два адвоката, молчаніе которыхъ меня удивило, быстро приближаются къ намъ, чтобы тоже посмотрѣть. Ихъ восхищенная улыбка доказываетъ, до чего имъ ненавистенъ Бидомъ. Докторъ Мань смѣется страннымъ смѣхомъ. У меня является новое ощущеніе, болѣе неприятное, чѣмъ первое: неужели онъ менѣе „надеженъ“, чѣмъ я думалъ?

Но вдругъ онъ перестаетъ смѣяться; взглядъ его становится болѣе осмысленнымъ и въ то же время мягкимъ и серьезнымъ; въ немъ свѣтится даже состраданіе. Онъ говоритъ совершенно измѣнившимся голосомъ:

— Теперь, послѣ того, какъ мы позабавились этой каррикутурой, позвольте мнѣ сказать вамъ, что она имѣетъ и печальную сторону... Этотъ маленький врачъ, который такъ терроризируетъ больныхъ, такъ оскорбительно и грубо обходится съ ними—боюсь, какъ бы его роль не измѣнилась, и можетъ быть, очень скоро. Вы его еще мало знаете, хотя онъ навѣрное уже продѣлалъ съ вами кой-какія изъ своихъ штукъ; но я наблюдаю за нимъ уже два года съ возрастающимъ вниманіемъ (странно и даже нѣсколько страшно представить себѣ, что этотъ полу-сумасшедшій

дѣлаетъ наблюденія надъ пользующимъ его врачомъ!), и я замѣтилъ въ немъ очень знаменательныя перемены. Онъ всегда былъ злымъ и непріятнымъ человекомъ; но вначалѣ, когда онъ вполне владѣлъ своими умственными способностями (я васъ удивляю, но вѣдь вы меня понимаете; я дѣйствительно хочу сказать то, о чемъ вы уже догадываетесь), когда, повторяю я, онъ владѣлъ всѣми своими умственными способностями, въ его поступкахъ была нѣкоторая система; теперь же онъ становится все болѣе и болѣе непослѣдовательнымъ. Слѣдите за нимъ, и вы увидите, что я правъ.

Въ эту минуту Леонардъ осторожно отстраняетъ приставаго къ нему Дебокэ и напоминаетъ мнѣ, что, по распоряженію доктора Бидома, я долженъ „ходить до усталости“ по садамъ и дворамъ лечебницы.

Я выхожу изъ комнаты вмѣстѣ съ моимъ „проводникомъ“, обмѣнявшись поклонами и рукопожатіями и съ тремя словоохотливыми джентльмэнами, и съ двумя молчаливыми адвокатами.

Всѣ они ведутъ себя еще болѣе церемонно и учтиво, чѣмъ при моемъ приходѣ. Имъ, очевидно, пріятно выполнять всѣ правила самой изысканной вѣжливости,—это для нихъ своего рода спортъ, а также въ нѣкоторомъ родѣ реабилитація. Имъ хочется, чтобы о нихъ говорили приблизительно слѣдующее: „На этихъ людей взводить напраслину. Вѣдь можно попасть въ лечебницу для душевно-больныхъ—по разнымъ причинамъ,—сохраняя при этомъ полную благовоспитанность. Предположимъ даже, что эти господа не вполне здоровы—хотя это еще не доказано; но, во всякомъ случаѣ, мозговья недомоганія, которыя имъ приписываютъ врачи, ничуть не позорятъ ихъ—это не „простые“ сумасшедшіе.“

IV.

Я былъ такъ занятъ „идеями“ моихъ новыхъ знакомыхъ и страннымъ предсказаніемъ относительно доктора Бидома, что не замѣтилъ, какимъ путемъ меня повелъ Леонардъ. Я слышу какъ во снѣ шумъ отпираемыхъ замковъ и попадаю во дворъ, похожій на дворъ „факировъ“, тѣхъ невмѣняемыхъ счастливецевъ, жалкое блаженство которыхъ Леонардъ просилъ меня не нарушать.

Здѣсь, быть можетъ, нѣсколько меньше цвѣтовъ, и дорожки не такъ тщательно выметены; и здѣсь „больные“ прогуливаются маленькими группами; они тоже прилично одѣты и имѣютъ очень

спокойный видъ; большинство ихъ разговариваетъ другъ съ другомъ безъ излишнихъ жестикюляцій. Но почему-то чувствуется, что здѣсь бываетъ иногда очень жутко, — нѣкоторыя лица имѣютъ странное выраженіе. Вотъ уже первый примѣръ! Мимо насъ бѣжитъ, высоко поднимая ногу и округляя ее на ходу, подражая ходу турецкой лошади, маленькій, худощавый старый господинъ съ бритымъ лицомъ, похожимъ на птичью голову; онъ напѣваетъ на бѣгу странную минорную мелодію, прерывая ее ежеминутно рѣзкими звуками: „пуа! пуа!“ (эти звуки страшно меня раздражаютъ).

— Не сердитесь на него, — говоритъ Леонардъ, замѣтивъ мое раздраженіе, — это очень смирный больной. Если онъ иногда и злится, то совсѣмъ какъ ребенокъ. Его укладываютъ спать, вотъ и все. Это — бывший деревенскій мэръ; онъ былъ богатъ и слишкомъ весело пожилъ въ свое время. Онъ отправлялся кутить на ярмарки, и когда возвращался подвыпивши, то сажалъ къ себѣ въ коляску по три, четыре женщины. Можете себѣ представить! Иногда онъ одну, другую высаживалъ по дорогѣ, безъ всякой церемоніи, прямо на камни, но всегда привозилъ домой по крайней мѣрѣ двухъ. И какъ подумаешь, что онъ въ теченіе двадцати лѣтъ завѣдывалъ своимъ округомъ! Говорятъ, что онъ лѣтъ пять по крайней мѣрѣ былъ въ такомъ состояніи, прежде чѣмъ его смѣнили. Къ нему привыкли, и нѣкоторымъ было удобно имѣть такого мэра, — его и не трогали... Надѣлалъ же онъ дѣлъ на своемъ вѣку, этотъ Марикаль! Онъ тоже отдѣльную комнату имѣетъ, какъ вы, въ томъ же отдѣленіи; онъ — вашъ сосѣдъ.

Марикаль опять проходитъ мимо насъ, на этотъ разъ переваливаясь съ ноги на ногу и подражая ползанію жука. У него безсмысленные, остановившіеся глаза мутнаго цвѣта, и губы его искривлены улыбкой, которая кажется насмѣшливой и циничной.

— Пуа! пуа! — кричитъ онъ и бѣжитъ дальше.

Мимо насъ дважды проходитъ еще одинъ больной, который тоже держится отдѣльно отъ другихъ. Онъ похожъ на римскаго императора — въ карикатурномъ изображеніи Домьё. Онъ имѣетъ спокойный, нѣсколько высокомерный видъ, и былъ бы очень величественъ, если бы отказался отъ странной привычки грызть кусокъ сукна, который онъ вынимаетъ ежеминутно изъ кармана.

Леонардъ продолжаетъ давать мнѣ объясненія:

— Это бывший священникъ (его разстригли противъ воли). Онъ вообразилъ себя антихристомъ, и сталъ курить трубку на кладбищахъ, танцовать на могилахъ, жуя свой носовой платокъ,

когда ему надоѣло курить. Это, конечно, показалось страннымъ. За нимъ стали слѣдить, и, обыскивая его квартиру, нашли въ сундукѣ цѣлую коллекцію маленькихъ скелетовъ изъ проволоки. Онъ заявилъ, что ему, какъ антихристу, приходится дѣлать провѣрку страшнаго суда двадцать-третьяго числа каждаго мѣсяца, и для этого ему нужны „покойнички“. Его, недолго думая, отправили сюда, въ особенности когда узнали, что въ одно изъ воскресеній онъ рычалъ по звѣриному въ церкви, во время проповѣди другого священника, и выкрикивалъ разныя гадости, чтобы мѣшать службѣ; иногда же онъ прятался за дверями, чтобы пугать богомольныхъ старухъ. За нимъ отрядили меня—справиться съ нимъ было не легко, и мнѣ пришлось понатужиться.

Я понимаю, что значитъ „понатужиться“, и у меня пробѣгаетъ дрожь по спинѣ, а человекъ съ блѣдными глазами продолжаетъ:

— И не мало же разгрызъ онъ платковъ, когда его заперли сюда; это разоряло администрацію, которая не такъ щедра, какъ докторъ Фруанъ; вѣдь онъ, къ сожалѣнію, тутъ не полный хозяинъ, а зависитъ отъ акціонерной компаніи. Но у одного изъ сторожей явилась удачная мысль снабжать Маранто—такъ зовутъ бывшаго священника—лоскутами старыхъ жилетовъ и панталонъ; ему все равно, что грызть, а экономъ по крайней мѣрѣ ужъ не ворчитъ. По временамъ онъ злощій-презлющій,—настоящій звѣрь. Онъ именно одинъ изъ одержимыхъ болѣзью, о которой я вамъ говорилъ. Слишкомъ ужъ онъ чудилъ, воображая себя антихристомъ.

Меня удивляютъ нѣсколько чисто парижскихъ выраженій Леонарда, неожиданныхъ въ его обычномъ нормандскомъ говорѣ.

— Что это значитъ, Леонардъ?—спрашиваю я.—Откуда вы знаете такія слова, какъ: „machabés“ (покойнички), „goualer“ (ворчать), „faire le mariolle“ (чудить)? Развѣ вы жили въ Парижѣ? Еслибы не ваша неподдѣльная нормандская рѣчь, я бы по временамъ могъ принять васъ за уроженца парижскихъ предмѣстій.

— Я собирался жениться на одной изъ сидѣлокъ женскаго отдѣленія, а она была парижанка—изъ Клиши-Левалуа. У насъ съ ней дѣло далеко зашло, очень далеко...

Онъ прищелкиваетъ языкомъ и принимаетъ наивно-самодовольный видъ.

— Но она удрала съ поваренкомъ, который обокралъ экономи; такъ ихъ и не поймали. И къ тому же ужъ такая моя

судьба: какъ только сюда попадаетъ парижанинъ, въ нему представляютъ меня для ухода. Такъ и научаешься разнымъ словамъ, и привыкаешь употреблять ихъ. Я увѣренъ, что и вы, баринъ, научите меня разнымъ выраженіямъ,—и я навѣрное запомню не самыя приличныя.

— Я польщенъ вашимъ довѣріемъ,—но, Боже мой, это еще это такой?

Старый человѣкъ, одѣтый, несмотря на жару, въ толстое драповое пальто, и съ какой-то феской изъ сѣроватаго мѣха на головѣ, подошелъ къ одному изъ оконъ, ухватился за рѣшетку, и принимается плясать, стоя на мѣстѣ,—ни дать, ни взять, какъ медвѣдь изъ зоологическаго сада,—грувно притопывая и громко рыча.

— Это Мабиръ, бывший нотаріусъ.

Я собираюсь спросить у Леонарда дальнѣйшія объясненія относительно нотаріуса, но въ эту минуту слышу, что кто-то мчится галопомъ за моей спиной. Я быстро оборачиваюсь и вижу какого-то истинно отвратительнаго человѣка, который сразу останавливается при видѣ меня.

Природа наградила его маленькими злыми свинными глазками, огромнымъ носомъ, такимъ, что въ каждую ноздрю легко можно было бы всунуть большой орѣхъ, багровымъ цвѣтомъ лица и огромными отвратительными усами, какъ у тюленя. У него на головѣ плоская фуражка, онъ одѣтъ въ грязновато-сѣрый костюмъ, поверхъ котораго надѣта разстегнутая сверху синяя блуза, глянцевиная и туго накрахмаленная, такъ что она оттопыривается со всѣхъ сторонъ.

Онъ бѣжитъ галопомъ и тащитъ за собой маленькую повозку на веревкѣ, конецъ которой обмотанъ вокругъ его чернаго, волосатаго большого пальца. Озадаченный на минуту видомъ посторонняго человѣка, наблюдающаго за нимъ, онъ останавливается, потомъ снова пускается въ путь, на этотъ разъ шагомъ и дергая веревку, точно онъ ведетъ подъ уздцы упрямую лошадь. При этомъ онъ скорѣе рычитъ, чѣмъ поетъ на мотивъ пѣсенки парижскихъ уличныхъ продавцовъ слѣдующія слова: „Вотъ капуста для молодыхъ зайчатъ! Капуста! капуста! отецъ мой повѣсилса“!

— Это Жанъ Жюльонъ, пророкъ. Онъ вѣчно придумываетъ что-нибудь новое. Вотъ теперь онъ воображаетъ себя уличнымъ мальчишкой, который везетъ по улицѣ свою повозку; иногда онъ продавецъ овощей, или домашней птицы, или грушекъ, а иногда изображаетъ изъ себя паяца, одержимаго маніей пророчества.

Говорятъ, что онъ былъ прежде уличнымъ продавцомъ или даже чуть ли не акробатомъ. Вотъ онъ опять идетъ сюда—берегитесь! У него отвратительная привычка давать пинки въ спину, когда не обращаютъ достаточнаго вниманія на его штуки. Мнѣ уже отъ него попадало, разъ даже передъ чужой дамой, которая пришла навѣстить здѣсь родственника;—очень это мнѣ было обидно. Конечно, я каждый разъ съ нимъ расправляюсь по-своему. Но онъ все-таки начинаетъ съязнова при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ говоритъ, что эта привычка у него отъ отца, который, будто бы, повѣсилъ, если вѣрить его постоянному припѣву.

Какъ бы въ подтвержденіе словъ Леонарда, Жанъ Жульонъ незамѣтно подкрадывается къ сторожу и пытается нанести ему ударъ сапогомъ пониже спины,—но это ему не удается. Леонардъ быстро оборачивается и хватается его.

— Подожди, попадетъ же тебѣ теперь!—кричитъ Леонардъ.

Пророкъ-акробатъ дѣлаетъ видъ, что онъ очень удивленъ. Лицо его становится такимъ феноменально добрымъ, такимъ невѣроятно небеснымъ, что даже святой заподозрилъ бы его въ притворствѣ.

Ясно, что онъ хочетъ обмануть насъ.

— Чтѣ съ тобой, другъ Леонардъ?—говоритъ онъ елеиннымъ голосомъ.—Ты думалъ, что я хотѣлъ дать тебѣ пинка? Нѣтъ, нѣтъ, я уже оставилъ эту привычку. Я хотѣлъ только дать представленіе тебѣ и этому господину—твоему другу. Вотъ посмотри... Видишь, я одержимъ священнымъ трансомъ.

Онъ ложится на землю, извивается какъ червякъ, на губахъ его показывается пѣна, и онъ рычитъ глухимъ голосомъ:

— Эй, вы, посмотрите на пророка, на замѣчательнаго пророка! Я расскажу вамъ настоящее, прошлое, будущее и остальное. Я вамъ предсказываю на 1859 годъ (а теперь 1897-й) битву при Сольферино, Паликао и всѣ другія битвы. Ну, что, хорошій я пророкъ? Сказалъ я правду? Такъ ли было, какъ я говорю? Вотъ, посмотрите, я вамъ ее представлю—эту битву при Сольферино.

Онъ поднимается, бѣгаетъ галопомъ вокругъ насъ, причеми мы не спускаемъ съ него глазъ. Онъ кричитъ пьянымъ голосомъ:

— Я Макъ-Магонъ, Боливаръ, Гарибальди, и всѣ молодцы государственнаго переворота. Передо мной австрійцы, голландцы и вся компанія. За мной войска, стоящія какъ собачки на заднихъ лапкахъ. Слева—моя артиллерія, справа—гвардія. Да здравствуетъ республика и императоръ! Впередъ, гревадеры и

африканскіе стрѣлки! Идемте на штурмъ Малахова кургана и Лѣтнаго дворца! Вотъ, дѣло и сдѣлано. Штыками можно живо справиться. Съ нами шутки плохи. Гренадеры, я доволенъ вами! Давайте еще пушекъ и гранатъ, чтобы до конца уничтожить казаковъ! Пумъ! Теперь довольно. Всѣ враги побиты. Французы великодушны; они всегда щадятъ мертвыхъ. Я имъ всѣмъ прощаю и награждаю ихъ орденами, какъ и мои полки. Мы всѣ братья, и стѣитъ только хорошенько подраться, чтобы полюбить другъ друга. Теперь нѣтъ больше мертвыхъ. Я васъ всѣхъ воскрешаю. Амнистія! Обнимите другъ друга! Вотъ чтѣ значить война: это школа героизма и великодушія... А, предатель!.. ты запустилъ въ меня сливную восточку!.. Онъ снова падаетъ на землю. — Схватите его прежде, чѣмъ я умру: его потомъ разстрѣляютъ. Я умираю! умираю! Но вотъ Бадингѣ приноситъ мнѣ крестъ ордена народнаго просвѣщенія, украшенный брилліантами, жезлъ майора и все остальное—въ большой шкатулкѣ, выложенной ватой. Онъ третъ крестъ объ полу своего мундира, чтобы брилліанты больше блестѣли. Онъ плачетъ! Слеза императора капнула мнѣ на носъ! Я умираю счастливымъ. Да здравствуетъ Франція! Куиуъ!.. Все кончено, потому что я сказалъ: куиуъ!

Жанъ Жульонъ мимически изображаетъ битву и „все остальное“, штурмъ Малахова кургана, пальбу изъ пушекъ; онъ защищаетъ своимъ тѣломъ убитыхъ враговъ, награждаетъ орденами свои войска и казаковъ, обнимается со всѣми, получаетъ шкатулку съ орденами, протираетъ брилліанты, цѣлуетъ руку императора. Наконецъ-то онъ умираетъ—слава Богу.

Мы отходимъ совершенно спокойно, потому что Жанъ-Жульонъ не торопится подняться съ земли; но мы еще не успѣваемъ отойти шаговъ на десять, какъ Леонардъ подскакиваетъ и хватается за спину:

— Ахъ, обезьяна проклятая! На этотъ разъ онъ вѣрно прицѣлился!—стонетъ Леонардъ, и бросается догонять пророва; но послѣдній уже далеко отъ него, и въ то время какъ взбѣшенный Леонардъ возвращается ни съ чѣмъ ко мнѣ, Жанъ Жульонъ прыгаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ противоположномъ концѣ двора. Повозка подскакиваетъ на веревкѣ, и бывшій разносчикъ и акробатъ оглушительно поетъ уже новую пѣсню.

— Зеленый горошекъ! Свѣжее гуано! Собаки въ сахарѣ! Вотъ продавецъ двойного удобренія! Мой отецъ повѣсился!

V.

Леонардъ не умѣетъ долго злиться. Онъ строитъ смѣшную гримасу, прищуривъ одинъ глазъ, и, поднявъ чуть не до корней волосъ одну бровь, надуваетъ одну щеку, а въ другую вдавли-ваетъ пальцемъ глубокую ямочку. Потомъ, принявъ обычное вы-раженіе лица, онъ говоритъ:

— Онъ мнѣ заплатитъ за это—дороже, чѣмъ по аптечнымъ цѣнамъ. Но теперъ мнѣ некогда гнаться за нимъ. Нужно прежде всего исполнить приказаніе доктора Бидома.

Мы снова пускаемся въ путь, и собираемся уже покинуть резиденцію пророка, когда къ намъ подходитъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, худой и бородатый, внушительный съ виду, и заяв-ляетъ намъ, что хотя у него кроткій нравъ и т. д., но онъ не позволить смѣяться надъ собой.

— Что съ вами, Луазелеръ?—спрашиваетъ Леонардъ.

— Вы знаете, гдѣ моя жена, и причете ее, чтобъ напу-стить ее на меня въ самый неудобный моментъ; у меня не бу-детъ времени уберечься, и эта отвратительная женщина устроитъ мнѣ сцену, на которія она мастерица—къ моему несчастію...

Онъ останавливается, оглядываетъ меня съ головы до ногъ, принимаетъ удовлетворенный и нѣсколько презрительный видъ, и удостоиваетъ мою шляпу нѣсколькими покровительственными хлопками; это напоминаетъ мнѣ прекрасное и въ то же время грустное время, четверть вѣка назадъ, когда я былъ мальчи-комъ девяти лѣтъ; тогда всѣ друзья дома, а также инспек-торъ лицея имѣли обыкновеніе барабанить въ знакъ дружбы по моей круглой, бритой, чистенькой „какъ десертная тарелка“, по сомнительно остроумному выраженію моего дѣдушки, головъ. Луазелеръ продолжаетъ, обращаясь на этотъ разъ ко мнѣ:

— Вы еще слишкомъ молоды, молодой человѣкъ, чтобы знать, что такое женщина, т.-е. законная жена, супруга—какъ гово-рятъ юристы и мастеровые. Да, молодой человѣкъ, это какъ бы ложка ада въ самомъ вкусномъ кушаньи. Впрочемъ, я, кажется, слишкомъ трагично на это смотрю. Не нужно преувеличивать. Законная жена—это нѣчто пошлое—и главное—невыносимое, по-тому что это—длительное мученіе. И къ чему только выдумали законный бракъ? Вотъ, напримѣръ, я вамъ разскажу про себя. Я служилъ въ департаментѣ путей сообщенія. Я любилъ шос-сейныя дороги. Мнѣ хотѣлось бы обить ихъ бархатомъ, чтобы сдѣлать ихъ ровными. Я обожалъ мосты и, еслибы это было

возможно, увѣшивалъ бы ихъ гирляндами цвѣтовъ. Но шутки въ сторону, когда дѣло идетъ о серьезныхъ вещахъ. Я былъ образцовымъ служащимъ, но моя ужасная жена такъ меня преслѣдовала, что мнѣ опротивѣла служба, и нужно было не менѣе четырехъ человекъ—и очень сильныхъ,—чтобы вытаскивать меня изъ северныхъ кабацковъ, гдѣ я прокучивалъ свое состояніе, играя въ домино, и гдѣ я пьянствовалъ по цѣлымъ днямъ. Я сбился съ пути, хотя моя специальность—устроить пути сообщенія. Я теперь не могу видѣть кучки камней, даже на картинѣ, и если мои братья, бродячіе пропойцы, рассчитываютъ на своды мостовъ, построенныхъ мною, чтобы отдохнуть подъ ними ночью послѣ дневныхъ возліяній, то они могутъ съ тѣмъ же успѣхомъ обратиться къ Дашу, служащему, какъ всѣмъ извѣстно, цирюльникомъ въ зуавскомъ полку. Здѣсь, въ этомъ прекрасномъ помѣстьи (говоря между нами, я совершенно не знаю названія этого прекраснаго мѣста... но я готовъ признать, что я здѣсь въ гостяхъ, чтобы не огорчить моего почтеннаго друга, доктора Фруана,—до чувствъ Бидома мнѣ нивакого дѣла нѣтъ!) — такъ вотъ, въ этомъ прекрасномъ помѣстьи, куда меня пригласили, къ величайшей моей гордости, провести нѣсколько мѣсяцевъ или нѣсколько лѣтъ, я пробовалъ вернуться къ моему прежнему увлеченію. Я хотѣлъ, при помощи тѣхъ немногихъ инструментовъ и матеріаловъ, которыми я располагаю,—скоблильнаго ножика, лопаточки для соли и маленькихъ кусочковъ дерева—проводить маленькія дорожки въ нѣсколько метровъ, рыть маленькія искусственныя рѣчки, только изъ любви къ искусству; самый маленькой жукъ прошелъ бы по такой рѣчкѣ, не причинивъ себѣ ни малѣйшаго вреда... Но мнѣ и это не по силамъ; я даже не началъ работы. Что же въ такомъ случаѣ? Я живу, ничего не дѣлая, объѣдаю администрацію, т.-е., простите, пожалуйста, моихъ любезныхъ хозяевъ, сплю подъ едва позолоченнымъ и, быть можетъ, только воображаемымъ балдахиномъ, изнашиваю обувь, гуляя по аллеямъ, распланированнымъ не мною, а садовниками, а въ остальное время плюю въ потолокъ, по милому выраженію одной благородной старой дамы, которая была знакома съ мадамъ де-Жанлисъ... Если бы мнѣ только накрыть ее, мою супругу,—досталось бы ей отъ меня!.. Но вѣдь скорѣе она меня накроетъ, негодная. Прощайте, я васъ покидаю. Я больше не въ состояніи этого выносить, мнѣ тяжело вспоминать о моихъ супружескихъ несчастіяхъ.

— А онъ только о нихъ и говорить!—смѣется Леонардъ.— Такихъ, какъ онъ, впрочемъ, есть еще много здѣсь.

Я вдрагиваю отъ внезапно раздавшагося рычанія. Мабиръ отошелъ отъ рѣшетки и вертится передъ нами. Онъ смотритъ мнѣ прямо въ лицо, кладетъ мнѣ руки на плечи и начинаетъ плясать, испуская хриплые звуки. Потомъ онъ обращается ко мнѣ, говоря грустнымъ и слегка плаксивымъ голосомъ:

— Печальное зрѣлище, не правда ли? И среди этихъ несчастныхъ людей я обреченъ проводить жизнь! Очень измучены всѣ; дьявольскій бредъ у Луазелера, моего стараго товарища. Теперь не узнаешь, но мы были очень близки въ Сентъ-Валери. Я служилъ въ министерствѣ, онъ—въ департаментѣ путей сообщенія. Бѣдняги! Часто творять гадости, напиваются, но всегда виновата семья. Если женаты, почти всегда жалуются на женъ. Знаю—разстройство нервовъ въ семейной жизни, ссоры, сцены, драки, злоба! Объяснить не могу,—я судейскій человѣкъ, естественныхъ наукъ не изучалъ. Навѣрное, дѣло въ магнетизмѣ... И затѣмъ, въ сущности, увѣряю тебя, только *гражданская сила* превратила меня въ медвѣдя, въ жалкаго медвѣдя,—безжалостно поступивъ со мной, не сдѣлавъ меня даже вполне сумасшедшимъ... А моя жена—она такая добрая!

Онъ удаляется, бормоча что-то и хныкая; его толстыя, волосатая щеки отвратительно и жалобно дрожатъ.

Въ другомъ мѣстѣ, и не въ присутствіи Леонарда, этого наивнаго существа, выдавшаго такъ много человѣческаго гора на своемъ вѣку, я бы, можетъ быть, счелъ нужнымъ посмѣяться надъ старымъ медвѣдемъ. Здѣсь же мнѣ не стыдно обнаружить свое волненіе.

Леонардъ, менѣе впечатлительный, конечно, чѣмъ я,—вѣдь онъ видывалъ виды,—только пожимаетъ плечами и начинаетъ мнѣ рассказывать длинную исторію.

— Курьезный онъ человѣкъ, старикъ Мабиръ! И онъ, дѣйствительно, любитъ свою жену. Во всей лечебницѣ онъ одинъ только и страдаетъ этой болѣзью. А еслибы онъ зналъ, что не кто иной, какъ его старуха—настоящая вѣдьма—посадила его сюда. Онъ вѣдь совершенно безвреденъ. Это я доставилъ его сюда. Его провлятая старуха говорила, что онъ точно дикій звѣрь, левъ или тигръ. Я даже трусилъ, отправляясь за нимъ, и взялъ себѣ на подмогу другого молодца, который еще посильнѣе, чѣмъ я, будетъ. Напугала вѣдь злая старуха. А пріѣхавъ къ нему, я увидѣлъ смирнаго человѣка, который ворчалъ что-то про себя, сметая пыль съ маленькихъ игрушекъ на этажеркѣ. Онъ спросилъ меня, не по дѣлу ли о наслѣдствѣ я пріѣхалъ, и очень любезно принялъ меня,—попросилъ сѣсть, налилъ мнѣ

стаканъ вина, извинился, что не можетъ самъ выпить весь стаканъ, чокнувшись со мною; онъ сказалъ, что по утрамъ вино ему портитъ настроеніе, и что онъ пьетъ поэтому только послѣ обѣда. Потомъ онъ попросилъ меня изложить мое дѣло. Я дѣйствовалъ очень осторожно,—сказалъ, что его ждутъ тутъ по содѣйствию по дѣлу о завѣщаніи, что меня прислалъ за нимъ въ каретѣ его другъ, что со мной пріѣхалъ даже племянникъ его друга,—мой помощникъ изображалъ этого племянника. Онъ сейчасъ же согласился побѣхать со мной, и сказалъ женѣ, чтобы она принесла ему шляпу и перчатки. „Впрочемъ,—сказалъ онъ,— вотъ эти перчатки годятся мнѣ, и надѣлъ ручныя цѣпи, которыя я привезъ изъ предосторожности.—Хорошо,—сказалъ онъ,— что мнѣ прислали пару перчатокъ. Будетъ экономія на чистку старыхъ“. И онъ еще поцѣловалъ на прощанье жену, прося ее не беспокоиться, говоря, что она славная старуха, и всякія другія добрыя слова. А она, чертовка, подмигиваетъ намъ и говоритъ въ полголоса: „Будьте осторожны, онъ очень злой, настоящая пантера, левъ африканскій; хорошо бы одѣть ему намордникъ!..“ А все, что онъ сказалъ мнѣ грубаго,—и то, кажется, больше ради шутки,—это, когда мы сѣли въ карету и дверцы захлопнулись, чтобы я хлестнулъ хорошенько кучера. А съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, вотъ уже полтора года, онъ еще ничего гадкаго не сдѣлалъ и не сказалъ. Онъ пляшетъ и рычитъ иногда какъ настоящій медвѣдь, но никогда не сердится, не говоритъ непріятностей. Это она, напротивъ того, злоющая, и всегда, когда приходитъ, устраиваетъ сцены, ругается и требуетъ, чтобы его не такъ хорошо содержали, для того, чтобы это ей дешевле обходилось. Она говоритъ—совершенно справедливо, конечно,—что здѣсь живутъ не для того, чтобы вутить. Да, еслибы онъ это зналъ, бѣдный старикъ!.. Впрочемъ, онъ бы все равно не повѣрилъ.

VI.

Мы входимъ на другой дворъ. Леонардъ мнѣ что-то объясняетъ, но я его не слушаю. Меня преслѣдуетъ странная мысль, порожденная словами Мабира о *враждебной силѣ*. Въ моемъ воображеніи возникаетъ неясное, но страшное видѣніе. Я ничего не вижу, кромѣ ужасающей гримасы и огромныхъ, страшныхъ зогтей... но я потрясенъ выдумкой стараго судейскаго чиновника... *Вражья сила!*

Можетъ быть, дѣйствительно, есть скрытая сила, враждеб-

ная роду человѣческому и неустанно подстерегающая случай мучить нашъ ограниченный разумъ, потерянный въ таинственномъ мірѣ, въ которомъ мы ничего не повинаемъ, кромѣ немногихъ видимостей. И вотъ я во власти этой нелѣпой мысли,— мнѣ страшно!

Да, *враждебная сила* существуетъ. Она часто завладѣваетъ мною, проникаетъ все мое существо; тогда я начинаю видѣть что-то страшное и необъяснимое, *чуждое мнѣ*, и чего нельзя передать никакими словами человѣческой рѣчи.

Господи, неужели *дѣйствительный міръ*—сплошной ужасъ!?

— Слава Богу, это была только галлюцинація! Леонардъ говорить, и я слышу, я понимаю его слова. Но, можетъ быть, страшная предательница только на минуту повинула меня—и снова вернется?

— Нѣтъ, взгляните вы, пожалуйста, на этотъ дворъ,—настаетъ сторожъ:—видали ли вы въ жизни что-либо болѣе грязное и отвратительное?.. Но что это? не... „больны“ ли вы опять?

— Нѣтъ, нѣтъ, это ничего, Леонардъ; уже прошло.

— Слава Богу, у васъ былъ такой странный видъ... Взгляните вы на эту навозную кучу!

Бывшій женихъ молодой парижанки нѣсколько преувеличиваетъ. Очень маленькій дворъ просто засыпанъ листьями; ихъ выдаютъ на землю человѣкъ шесть „больныхъ“, вскарабкавшихся на деревья, уже сильно обципанная ими. Нѣсколько сторожей убѣждаютъ ихъ прекратить эту забаву, но убѣжденія ихъ не очень энергичны. Сторожей, повидимому, занимаетъ представленіе, которое происходитъ на ихъ глазахъ, и они слѣдятъ за нимъ, обмѣниваясь спортсменскими замѣчаніями.

— Смотри, Франсуа! Анкетиль забрался еще выше. Онъ—самый легкій изъ нихъ. Проворный молодецъ!

— Да, ничего себѣ, но Думоро тверже держится. Онъ плотнѣе.

— А посмотри на Фаго! Какіе прыжки онъ дѣлаетъ—вотъ силища-то въ ногахъ!

— Ну, вотъ,—Пальяръ навѣрное сломастъ себѣ шею! Теперь довольно! Эй, вы,—слѣзайте, не то я позову кого-нибудь изъ докторовъ или главнаго надзирателя!

— Слѣзайте, чортовы дѣти! Не серди меня, Шавтебурнь, или тебѣ плохо придется!

— Нѣтъ, посмотри-ка на Безбога! Проказникъ онъ, право!.. Анкетиль побить! Да это настоящее состязаніе, какъ въ Діэппѣ, на ипподромѣ.

— Да слѣзайте же вы наконецъ, черти!

— Вотъ докторъ Бидомъ!

Въ одну секунду всѣ быстро слѣзаютъ съ деревьевъ. Это сторожъ Франсуа задумалъ припугнуть ихъ здѣшнимъ букой.

Но такъ какъ старшаго доктора нигдѣ не видать, то больные переглядываются между собою, и „дѣло можетъ кончиться плохо“, какъ говоритъ Леонардъ, который собирается ужъ „понатужиться“. Безбогъ подходитъ къ Франсуа, тараща на него круглые, бессмысленные глаза, замахивается, ни въ кого не попадая, ударяетъ себя самого по бедру, хватается рукой за животъ, потомъ вертитъ сжатымъ кулакомъ по воздуху, поднимаетъ большой палецъ вверху и говоритъ, принимая идиотски-величественный видъ:

— Вотъ тебѣ за это! Ты солгалъ... и я тебѣ задамъ!

Но въ эту минуту появляется изъ двери, или изъ-подъ земли — я самъ не знаю, откуда — словно выскочившій изъ ящика съ сюрпризами, Бидомъ, маленький, смѣшной, но страшный, какъ огромное насѣкомое.

— Это чтѣ такое? Вы у меня заплашете, негодяи!

Срывавшіе листья больные быстро пускаются бѣжать и скрываются изъ виду. Но — къ нашему великому изумленію — Бидомъ бросается на сторожей и грозить имъ своимъ хлыстомъ.

— Ахъ, вы, ротозѣи, каналы, зѣваки!.. Да какъ вы смѣете утомлять лучшихъ моихъ больныхъ, самыхъ интересныхъ пациентовъ, неизлечимыхъ для всѣхъ, кромѣ меня? Я съ вами расквитаюсь, висѣльники!

Я сказалъ, что „мы“ были удивлены. Но сторожа, кажется, не такъ озадачены, какъ я, страннымъ поведеніемъ любезнаго карлика. Франсуа очень скоро приходитъ въ себя и возражаетъ доктору почтительно, но довольно рѣзко:

— Вѣдь эти проказники портятъ деревья, господинъ докторъ. Вамъ угодно ругать насъ висѣльниками — вы нашъ начальникъ, и мы всегда будемъ почтительно выслушивать все, чтѣ вамъ угодно будетъ сказать. Но вы должны согласиться, что нельзя допустить, чтобы эти озорники превращали дворъ въ помойную яму. И, кромѣ того, мы обязаны заботиться о цѣлости деревьевъ такъ же, какъ и о здоровьи этихъ обезьянъ.

Бидомъ, кажется, успокоился.

— Хорошо сказано, Радамантъ. Я не видѣлъ, что они пор-

тять деревья. Не давайте имъ два дня ничего кромѣ воды—ни капли вина или сидра. И наложите имъ хорошенько въ спину, если они опять возьмутся за свое. Ахъ, жизнь провлятая! Проводить молодые годы въ этой дырѣ, возиться съ разной шушерой—это дѣйствуетъ мнѣ на нервы!

Все ему дѣйствуетъ на нервы! Онъ смотритъ на всѣхъ присутствующихъ еще съ минуту, и его злорадные маленькіе глаза быстро мигаютъ, какъ у обезьяны. Онъ надуваетъ одну щеку и надавливаетъ ее слегка набалдашникомъ хлыста, затѣмъ продѣлываетъ то же самое съ другой, повторяетъ это нѣсколько разъ и наконецъ громко щелкаетъ языкомъ. Въ эту минуту онъ замѣчаетъ насъ, Леонарда и меня, и его неулегшееся бѣшенство снова закипаетъ.

— Чего вы здѣсь стоите? Животное, лѣнтяй! Я велѣлъ вамъ водить этого грязнаго уroda, пока онъ не выбьется изъ силъ, а онъ тутъ грѣется на солнцѣ, какъ ящерица, и глазѣтъ на представленіе, какъ въ театрѣ. Уведите его сейчасъ же, и пусть онъ вспотѣетъ хорошенько. Маршъ!

Ужъ не заразился ли я болѣзнью пророка Жана Жульона? Леонардъ въ-время хватаетъ меня за ногу, которую я уже занесъ, чтобы отплатить проклятому варлику за его оскорбленія. Я уже сегодня разбилъ изъ-за него тарелку, а еслибы далъ теперь волю своему раздраженію, то пришлось бы дорого поплатиться. Сторожъ быстро меня уводитъ и говоритъ безъ умолку, чтобы развлечь меня. Когда онъ видитъ, что я уже менѣе „возбужденъ“, онъ говоритъ, что къ счастью Бидомъ не замѣтилъ моего движенія; но еслибы онъ, Леонардъ, не остановилъ меня, мнѣ бы такъ досталось — по его словамъ, — что „инквизиція и ушная боль—сущіе пустяки въ сравненіи съ этимъ“. Потомъ онъ сокрушенно и глубокомысленно качаетъ головой.

— Ахъ, проклятый Бидомъ!—бормочетъ онъ—я всегда считалъ его чудакомъ. Но послѣ того, что произошло теперь, я готовъ палецъ положить въ огонь за то, что бѣдный докторъ Манъ сказалъ правду. Тутъ происходитъ что-то неладное. Ужъ не напивается ли онъ теперь, или...

Чтобы отвлечься на минуту отъ воспоминанія о почтенномъ психіатрѣ, начинаю спрашивать сторожа о томъ дворѣ, который мы только-что посѣтили.

— Это послѣдній дворъ,—отвѣчаетъ Леонардъ.—Дальше уже идутъ только отдѣльныя камеры для самыхъ неисправимыхъ и для меланхоликовъ, страдающихъ маніей самоубійства; а потомъ —лазаретъ и отдѣленіе для „безпокойныхъ“ въ третьемъ зданіи.

Больные того двора, откуда мы вышли, постоянно подвержены припадкамъ, — „черная болѣзнь“ здѣсь сильно свирѣпствуетъ. Они, вотъ, теперь мирно забавляются, но не посовѣтоваль бы я вамъ навѣстить ихъ сегодня вечеромъ... А въ отдѣльныя камеры входить нельзя. Сторожама вѣрно никого не пускать, кромѣ докторовъ; еслибы сюда стали приходять просто изъ любопытства, это бы мѣшало надзору. Развлеченій не полагается. Каждый изъ сторожей сидитъ въ маленькомъ корридорчикѣ, гдѣ есть только мѣсто для стула между двумя рѣшетчатыми оковчечками, черезъ которыя они смотрять въ камеры. Это—тяжелое занятіе. Я шесть мѣсяцевъ исполнялъ эту должность, и теперь еще, когда мнѣ снится объ этомъ ночью, у меня потомъ весь день подъ ложечкой сосеть. А что касается безпокойныхъ, то мнѣ приказано повести васъ къ нимъ, но ужъ я лучше покажу вамъ только двухъ, которые скорѣе смѣшны, — потому что другіе слишкомъ страшны: человѣкъ возбужденный можетъ сразу обезумѣть, увидавъ ихъ. Такимъ образомъ я исполню приказаніе и вамъ вреда не причиню. Мы пройдемъ черезъ садъ, отправляясь туда.

Проходя еще по одному корридору, мы встрѣчаемъ двухъ „безвредныхъ“, которымъ позволено свободно ходить повсюду—отъ сторожевой будки у воротъ за садомъ и до самой приѣмной.

— Безвреденъ-то, въ сущности, только одинъ изъ нихъ, — говоритъ Леонардъ, — „больной“, тотъ, который идетъ первымъ. Онъ все время не въ своемъ умѣ, но у него не бываетъ припадковъ; другой, „здоровый“, вовсе не безвреденъ для окружающихъ. Я вамъ расскажу о нихъ, когда они пройдутъ.

Но „больной“ останавливается и обращается къ сторожу:

— Леонардъ, другъ мой, вѣдь это чортъ знаетъ, что такое! Администрація этого дома—прямо ужасная: такая халатность, такое преступное невниманіе!.. Вѣдь знаютъ, что я—человѣкъ боязливый, нервный,—и вотъ уже недѣлю, какъ не поправляютъ электрическіе провода въ моей комнатѣ. Я вѣдь пугаюсь грудного ребенка, а долженъ спать въ обществѣ грома, который хлѣбничаетъ у меня.

— Хорошо, Шарлеманъ, вамъ пришлютъ слесаря.

— Такъ не забудьте же, Леонардъ. Потомъ вотъ еще что я хотѣлъ вамъ сказать: ко мнѣ прилетаетъ каждую ночь большая ночная птица и гадить у меня въ каминѣ. Вчера я напустилъ на нее громъ, но ей это было ни почемъ; она разъ-другой ткнула въ него клювомъ, потомъ опять вернулась надѣяться мнѣ; она сломала стулъ и испортила мой барометръ. Такъ что вы пришлите мнѣ вмѣстѣ со слесаремъ столара и оптика. Я

вамъ это приказываю. Я вѣдь капраль... помните это. Если вы не исполните приказанія, я васъ посажу на восемь дней въ карцеръ, а полковникъ Фруанъ удвоитъ наказаніе — будьте увѣрены.

У Шарлемэня очень кроткій видъ. Лицо у него полное и безбородое, совершенно круглое. Ясные, нависые глаза — тоже круглые, также какъ и совершенно дѣтскій ротъ, надъ которымъ возвышается маленькій мясистый носъ; весь онъ похожъ на улитаннаго младенца. Даже когда онъ угрожаетъ на словахъ — очень невиннымъ образомъ, — лицо его остается привѣтливымъ, кроткимъ и удивленнымъ. Онъ жметъ руку Леонарду и продолжаетъ свою нескончаемую прогулку по владѣніямъ... „полковника Фруана“. Онъ вынимаетъ изъ широкихъ кармановъ своего пиджака резиновый мячикъ и ракетку, и медленно удаляется, играя мячикомъ. Маленькій резиновый шарикъ ударяется то объ одну стѣну, то о другую, и онъ подхватываетъ его ракеткой. Вдругъ онъ выбрасываетъ свои игрушки въ окно.

— Ничего, онъ найдетъ мячикъ, когда онъ ему понадобится, — говоритъ Леонардъ. — Онъ акуратень — по своему, конечно, — и знаетъ, куда бросаетъ свои игрушки.

Шарлемэнь снова роется въ карманахъ и вынимаетъ оттуда волчокъ и бильярдный шарикъ, и бросаетъ ихъ въ садъ черезъ другое окно; потомъ онъ опять роется въ карманахъ, гдѣ помѣщаются цѣлые склады разныхъ предметов; онъ вынимаетъ еще маленькую трубу и огромные черные очки, надѣваетъ очки, подноситъ трубу ко рту — къ счастью, она почти совсѣмъ не издаетъ звуковъ — и убѣгаетъ въ другой корридоръ.

Второй пенсіонеръ, — „здоровый“, по выраженію Леонарда, — спокойно ждалъ конца разговора съ Шарлемэнемъ. Теперь онъ въ свою очередь подходитъ къ намъ. Это довольно толстый молодой человекъ, лѣтъ двадцати-двухъ, двадцати-трехъ, съ неприятнымъ, злымъ и хитрымъ лицомъ. Онъ кажется одновременно и робкимъ, и циничнымъ, и глядитъ на насъ нагло и вмѣстѣ съ тѣмъ боязливо. Онъ начинаетъ говорить глухимъ голосомъ:

— Леонардъ, вы знаете, что я ненавижу доносы. Но я вѣдѣлъ слишкомъ много гадостей сегодня. Я знаю, кто крадетъ бутылки вина изъ столовой — это Топсанъ. Онъ прячетъ по двѣ бутылки въ карманы пиджака каждый разъ, когда выходитъ изъ-за стола, и идетъ пить ихъ въ уборную. Я самъ накрылъ его сегодня. Сосо (со второго двора) сломалъ сегодня герань — только изъ желанія попортить что-нибудь... А потомъ будутъ говорить, что сторожа рвутъ цвѣты, чтобы, не тратя ни гроша, подносить букеты сидѣлкамъ.

Это послѣднее замѣчаніе онъ дѣлаетъ съ особымъ ехидствомъ, и его взглядъ становится еще болѣе злымъ и хитрымъ, когда онъ обращаетъ его на блѣдные глаза Леонарда, который видимому нѣсколько смущенъ.

— Гуляя, — продолжаетъ онъ, — которому запретили курить, потому что это вызываетъ у него припадки, все-таки откуда-то достаетъ сигары и закуриваетъ ихъ у плиты въ кухнѣ. — Жоло опять пришелъ пьяный (ему, очевидно, кто-нибудь принесъ вина) въ приемную, какъ разъ когда барышни Мортбраншъ пришли, часовъ въ десять, навѣстить брата. — Легуръ и Бувайль подрались тамъ, за гимнастической залой; я узналъ объ этомъ отъ другихъ. — Кромѣ того, я засталъ Сибурье въ бесѣдѣ съ толстой сидѣлкой... съ Селестиной Буфаръ, — и хороша же была эта бесѣда! Они сидѣли въ бесѣдѣ Б., которая такъ густо заросла зеленью; а вѣдь вы хорошо знаете, что Сибурье не позволено выходить со своего двора. Вотъ какіе здѣсь безпорядки! Онъ навѣрное улизнулъ оттуда, потому что сторожъ забылъ запереть дверь, когда пошелъ выпить къ Леньяну на большой дорогѣ. — Хромой Кольбокъ, имѣющій разрѣшеніе ходить въ садъ, велъ себя очень непристойно съ двумя большими женщинами, которымъ тоже дозволено гулять по саду... Вы бы, Леонардъ, лучше записали все, что я вамъ говорю... Не пропустите ни одного изъ виновныхъ — потому что иначе я пожалуюсь. Вы должны отмѣтить всѣ эти нарушенія правилъ. Когда я „случайно“ доношу на этихъ негодяевъ, то желаю, чтобы всѣмъ досталось за ихъ проступки.

— „Случайно“, — смѣется сторожъ, когда наконецъ отвратительный молодой человекъ отходитъ отъ насъ, ворча какъ Мабиръ, прыгая какъ Мариванъ, а потомъ гарцуя какъ Жанъ Жюльонъ... Случайно! Онъ молчитъ по пѣлымъ часамъ и потомъ раскрываетъ ротъ только для того, чтобы наговаривать на другихъ. — И знаете — почему? Потому что Бидомъ велитъ отпускать порціи табаку и малаги мерзавцамъ, которые шпионятъ. А вѣдь мнѣ придется завтра представить рапортъ обо всемъ, что онъ тутъ намъ наговорилъ, Бидому; — такъ ужъ заведено. А завтра Озу — такъ зовутъ этого отвратительнаго толстяка, который намъ тутъ надоѣдалъ — будетъ курить трубку на счетъ администраціи и заливать глотку малагой.

— У него отвратительное лицо...

— И оно вполне соответствуетъ его характеру. Противнѣе его нѣтъ у насъ ни одного человека.

И сторожъ вкратцѣ рассказываетъ мнѣ исторію Озу.

По словамъ Леонарда, этому пациенту, который ненавидитъ своихъ товарищей по несчастью, мѣсто на каторгѣ, а не въ лечебницѣ для душевно-больныхъ. Онъ не болѣе помѣшанъ, чѣмъ какой-нибудь чиновникъ или капуцинъ. Онъ — сынъ состоятельныхъ крестьянъ. Обозлившись на своего двоюроднаго брата за то, что онъ женился на богатой дѣвушкѣ, къ которой онъ самъ подбирался, онъ поджегъ домъ новобрачныхъ въ надеждѣ, что и они сами сгорятъ. Къ счастью, сгорѣла только вся ихъ мебель и вещи. Тогда его семья, очень благонамѣренная, оппортунистская, какъ самъ покойный Тьеръ, такъ ловко повела дѣло, что судъ объявилъ поджигателя невмѣняемымъ, и потребовалъ заключенія его въ сумасшедшій домъ, а добрякъ докторъ Фруанъ успѣшилъ причислить его къ безвреднымъ. Хорошъ безвредный! — прибавляетъ Леонардъ. — Попавъ въ лечебницу, Озу старается всѣхъ провести. Онъ подлизывается къ доктору Фруану, въ надеждѣ, что тотъ выпишетъ его и заявитъ, что онъ „излечился“ въ его заведеніи; затѣмъ онъ подражаетъ всѣмъ сумасшедшимъ передъ сторожами, для того, чтобы они считали его не преступникомъ, а бѣднягой, у котораго въ головѣ все перепуталось. — Да; онъ подражаетъ каждому изъ больныхъ, — повторяетъ Леонардъ, прибавляя съ презрѣніемъ: — вѣдь ничего оригинальнаго этотъ болванъ не можетъ придумать.

— Ну, а маленький Шарлемэнъ? Что онъ за человѣкъ? Вы мнѣ обѣщали рассказать о немъ...

— Ахъ, бѣдняга, онъ принадлежитъ къ очень несчастной семьѣ! Всѣ они добрые люди, но никуда нѣ годятся. Отецъ его, который былъ лавочникомъ въ Кани и нажилъ большое состояніе, умеръ здѣсь, лѣтъ пять тому назадъ. Послѣ отца къ намъ привезли и сына (онъ заболѣлъ послѣ военной службы; съ нимъ, говорятъ, очень сурово обращались въ казармахъ), а вслѣдъ за нимъ помѣшалась его сестра; я ее привезъ сюда черезъ двѣ недѣли послѣ него, какъ разъ въ обѣденный часъ (въ тотъ день подавали бычачью голову подъ соусомъ и баранину съ бобами — помню, какъ сейчасъ). Это было два года тому назадъ. Затѣмъ еще у насъ содержится — вотъ уже полтора года — его братъ; онъ, несчастный, сидитъ въ отдѣльной камерѣ. А теперь говорятъ, что его мать, которая была двоюродной сестрой его отца, тоже на дняхъ попадетъ сюда — сосѣди ужъ жалуются. Можетъ быть, за ней пошлютъ меня; я деликатнѣе другихъ обхожусь съ больными, и въ такихъ случаяхъ обыкновенно отряжаютъ меня. Такимъ образомъ, вся семья Шарлемэна будетъ здѣсь... И всѣ привезены будутъ мною.

— А онъ выдаетъ сестру и брата?

— Брата? Конечно, нѣтъ. Къ тѣмъ, которые сидятъ въ отдѣльныхъ камерахъ, никого не пускаютъ. Съ сестрой-то онъ иногда выдается,—но на нихъ глядѣтъ больно. Иногда они узнаютъ другъ друга, а иногда нѣтъ, и тогда называютъ другъ друга разными выдуманнными фамиліями; или же они отказываются разговаривать, говоря, что они вовсе не земляки. Ужась, что такое! Сестра Шарлемэня очень миленькая—ее можно принять за даму изъ Діэппа или даже изъ Руана. Слишкомъ только она худая, но всегда такая изящная, аккуратная. И какая она образованная! Она знаетъ стихи, парады, музыку—все, что хотите. Я вамъ ее покажу. Ей предоставляютъ тоже полную свободу—она вѣдь кроткая, какъ новорожденный теленокъ.

Исторія Шарлемэня наводитъ на меня ужась. Судьба этой буржуазной семьи—истинно трагичная! Я уже увѣренъ, что скоро увижу здѣсь мать бѣднаго юноши съ дѣтскимъ лицомъ. Сама судьба толкаетъ ее въ лечебницу Фруана. Я готовъ въ этомъ покаяться.

Замѣтивъ мое волненіе, Леонардъ старается навести меня на другія мысли.

Мы входимъ въ большой садъ—въ тотъ, который я видѣлъ утромъ изъ окна моей комнаты, и сторожъ вдругъ восклицаетъ:

— Посмотрите, господинъ Вели, посмотрите вверхъ! Вотъ ваше окно,—узнаете вы его?

— А, вотъ это! Оно обросло вѣтвями глицины, которыхъ я не видѣлъ изнутри. Голубые цвѣты, голубыя мысли!

А вотъ и женское отдѣленіе, сверкающее своей мраморной бѣлизной и ничѣмъ не отличающееся отъ нашего.

— Вотъ и она—легка на поминѣ!..—шепчетъ мнѣ Леонардъ.

За рѣшеткой окна показывается очаровательное женское личико, веселое и въ то же время мечтательное.

— Вотъ она, сестра Шарлемэня, мадамъ Летелье,—объясняетъ сторожъ.—Она недурна, только ужъ очень костлява.

Костлява! Вотъ дикарь! Мадамъ Летелье не костлява, а тонка и нѣжна, какъ мечта, воссозданная кистью художника-праерафаэлиты.

У нея нѣжный, блѣдно-розовый цвѣтъ лица и черные глаза, какихъ не бываетъ—даже у самыхъ прекрасныхъ антильскихъ мулатокъ. Эти черные глаза гасятъ, убиваютъ все, что ихъ окружаетъ,—они свѣтятся, какъ безумно-прекрасная ночь. Я чувствую, что становлюсь ночной бабочкой при ихъ блескѣ. И у этой сестры невзрачнаго Шарлемэня волосы арабской или индій-

свой женщины, черные, съ синеватымъ отливомъ, волосы, какіе обожалъ и такъ дивно воспѣлъ божественный Бодлеръ. Губы у нея алма, какъ цвѣты мальвы. Эта дочь лавочника кажется очаровательной принцессой изъ „Тысячи и Одной ночи“.

Мы проходимъ мимо ея окна, и я замедляю шагъ, такъ какъ не могу насытиться видомъ красавицы. Вдругъ она оглядается Леонарда, который, очевидно, пользуется популярностью въ лечебницѣ доктора Фруана. Она говоритъ теплымъ, пѣвучимъ голосомъ, который ласкаетъ мой слухъ, какъ нѣжная музыка.

— Леонардъ, Селестина по ошибкѣ заперла меня, а я забыла мое маленькое зеркальце на скамейкѣ въ саду, около оранжев. Будьте добры, принесите мнѣ его. Оно мнѣ нужно для „заключеній“... Нѣтъ, не уводите съ собой этого господина. Зачѣмъ его утруждать? Я бы не позволила себѣ давать ему порученія. Вѣдь онъ не такой старый другъ, какъ вы.

Леонардъ польщенъ, но стоитъ въ нерѣшительности. Онъ искоса глядитъ на меня, — я изображаю на своемъ лицѣ полное равнодушіе. Успокоенный моимъ видомъ, онъ говоритъ:

— Я съ удовольствіемъ сбѣгаю, но это опасно. Правда, что очень ужъ жарко, и что, съ другой стороны, я вернусь черезъ десять минутъ. Я вѣдь не хочу заморить господина Вели. Бидомъ въ эти часы сюда не приходитъ... но... Отойдите немножко подальше отъ окна, господинъ Вели; сидѣлки здѣсь иногда очень сердитыя.

Я дѣлаю нѣсколько шаговъ по направленію къ клумбѣ цвѣтовъ, твердо рѣшивъ подойти снова къ прекрасной „больной“, какъ только мой менторъ скроется изъ виду. Слава Богу, онъ уже повернулъ за уголъ зданія. Передо мной мелькаетъ только одинъ изъ его каблучковъ, огромный и обитый гвоздями...

Мнѣ хочется еще разъ посмотреть на мою восточную принцессу. Какое несчастіе, что она больна!.. Ну, а я самъ? Сегодня я болѣе или менѣе благоразуменъ, но въ какомъ состояніи буду я завтра или черезъ недѣлю? Хорошъ вѣдь я былъ, кажется, въ послѣдніе дни. Но какъ я радъ, что попалъ въ лечебницу, гдѣ надзоръ за больными не строгій. Въ другомъ мѣстѣ я не имѣлъ бы того утѣшенія, которое можетъ доставить мнѣ отъ времени до времени созерцаніе такой красавицы.

Я снова подхожу къ окну, и очаровательная больная съ дивными глазами, напоминающими тропическую ночь, заговариваетъ со мною:

— Подойдите поближе... господинъ Вели, какъ васъ здѣсь

называютъ. Вѣдь это, конечно, не ваше настоящее имя. Вы вѣдь явились сюда переодѣтымъ... Не правда ли... чтобы освободить плѣнницу... можетъ быть, меня? Я васъ знаю. Потому-то я и уснула Леонарда за зеркаломъ, которое мнѣ совершенно не нужно. Не правда ли, вы обыкновенно носите золотую кольчугу, у васъ пламенный конь, который мчится какъ вѣтеръ, шпоры, сверкающія какъ молнія, и мечъ, подобный солнечному лучу? Вы любите „Нибелунги“, или же углубляетесь въ „Освобожденный Иерусалимъ“ или въ „Неистоваго Роланда“. Я знаю также, что, увидавъ меня, вы подумали о женщинахъ Бодлера, а также о Шехеразадѣ и о Нуръ-Магалѣ изъ города Агра, гдѣ ровы поютъ, наполняя воздухъ своимъ ароматомъ на разсвѣтѣ и въ сумерки. Слово „сумерки“ снова напоминаетъ мнѣ о Бодлэрѣ. Сколько плѣнительныхъ сумерекъ въ его стихахъ, даже самыхъ мрачныхъ, и въ особенности въ тѣхъ, которые окутаны тайной!.. Но нѣтъ, не сумерки, а солнце—его стихія; онъ вѣдь былъ богъ. Вы поражены, что скромная принцесса траванкорская, живущая на югѣ Индіи, близъ Цейлона, незамѣтная принцесса изъ Фирузабада въ Персіи, этого города жасминовъ, украшеннаго синими куполами, ничтожная принцесса знойныхъ и сверкающихъ странъ, гдѣ возвышаются старые города, покинутые первыми яванскими султанами, принцесса, которая жила въ Кани, въ простой лавкѣ, прежде чѣмъ вышла замужъ за страшнаго африканскаго волшебника, превращеннаго въ простаго буржуа за свои грѣхи,—что такая принцесса можетъ быть такъ образована? Но развѣ вы не знаете, что отецъ мой былъ волшебникъ,—добрый волшебникъ? Онъ превращалъ простые вещества въ золото, и мнѣ ни въ чемъ не отказывалъ. Въ Кани, гдѣ родился обаятельный Луи Булье, и гдѣ бывалъ великій Флоберъ, у меня была бібліотека, которой завидовали дочери графа Совемара и маркиза де-ла-Гэ-Больвиля. И отецъ мой позволялъ мнѣ превращаться то въ фею, то въ индійскую императрицу. Я была и всѣми героинями Шекспира, а также той подругою Густава Флобера, той мадамъ Бовари, которую вы такъ страстно любили, и которую вы оплакиваете до сихъ поръ...

Неужели же нѣкоторыя лишившіяся разсудка женщины могутъ такъ вѣрно читать въ сердцахъ мужчинъ—тоже больныхъ, какъ и онъ? Я вовсе не герой. Я долженъ даже признаться, что самая мысль о совершеніи какого-нибудь подвига, даже нелѣпаго,—это было бы смягчающимъ обстоятельствомъ,—меня раздражаетъ. Воображеніе принцессы Летелье очень заблуждается въ этомъ отношеніи, но я пораженъ проникательностью этой

очаровательной принцессы всѣхъ восточныхъ странъ; она угадала, что при первомъ взглядѣ на нее въ душѣ моей воскресла вся Индія Бодлера и экзотическія возлюбленныя великаго поэта. ...И она мнѣ уже дорога, эта обаятельно красивая, помѣшанная женщина. Еслибы я открылъ то, что я чувствую въ эту минуту, мнѣ сказали бы, что любовь сразила меня какъ молнія. Но это невѣрно; я не чувствую ничего ошеломляющаго, никакого мгновеннаго потрясенія. Эти нѣсколько минутъ длились очаровательно долго. Меня постепенно завоевывали ея чары. Я восхищенъ невообразимой, сіяющей красотой женщины, которую я теперь люблю,—я уже не скрываю отъ себя, что люблю ее,—но этотъ восторгъ не „воспламенилъ“ меня. Я почти безумствую отъ любви, но это не „пожирающее пламя“, какъ принято говорить. Сердце мое преисполняется райскимъ блаженствомъ... А очаровательная принцесса продолжаетъ говорить:

— Подойдите же поближе. Я хочу взглянуть въ лицо настоящему рыцарю. Такъ вотъ вы какой! Я этого ожидала: вы не красивы, совсѣмъ не красивы, но вамъ не нужна виѣшняя красота. Въ вашихъ глазахъ сверкаетъ огонь, который я предпочитаю красотѣ тысячи фатовъ.

Бѣдные мои глаза! Одна ли любовь ихъ зажгла? Не безуміе ли сверкаетъ въ нихъ?

Въ эту минуту я болѣе, чѣмъ когда-либо, боюсь „враждебной силы“: что если я забуду, что люблю ее, мою красавицу? Что если новый припадокъ опять повергнетъ меня въ бездну, въ которой исчезнетъ мое единственное счастье, счастье любви?

Она продолжаетъ говорить съ нѣкоторой досадой въ голосѣ:

— Вы, однако, очень холодны для героя. Вы мнѣ еще не сказали ни одного слова. Скажите скорѣе, что вы меня любите. Я хочу, чтобы вы меня любили. Но я не могу съ перваго же раза общать вамъ взаимность—женщина должна быть сдержанна. Я вамъ уже оказываю огромную честь тѣмъ, что вызываю васъ на признаніе. Вѣдь это очень много. Скажите же скорѣе, что вы меня любите!

— О! да, я васъ люблю!

— Какъ вы это хорошо сказали! Не говорите больше ничего. Пусть это будутъ единственныя слова, сказанныя вами при нашемъ первомъ свиданіи...

Она вдругъ останавливается, испуганная, и волненіе дѣлаетъ ее еще болѣе прекрасной.

— Уходите скорѣй!—шепчетъ она. — Я слышу шаги Лео-

нарда. Но приходите опять, лучше всего вечеромъ. За мной не очень строго слѣдять въ этой тюрьмѣ.

Леонардъ находитъ меня стоящимъ еще дальше отъ окна, чѣмъ при его уходѣ; повернувшись спиной къ дому, я старательно кручу папироску. Отдавъ зеркальце больной, онъ принимаетъ лукавый видъ и смотритъ мнѣ въ лицо съ дружескимъ состраданіемъ, въ которомъ чувствуется нѣкоторое презрѣніе.

— Ну, что господинъ Вели, вы, кажется, боитесь красивыхъ женщинъ? Будь я на вашемъ мѣстѣ, одѣтый въ таковой изящный восткомъ, который навѣрно стѣитъ больше сорока франковъ, я бы уже навѣрное воспользовался отсутствіемъ дурака Леонарда, чтобы хоть сказать комплиментъ хорошенькой дамѣ. Дальнѣйшее, конечно, не такъ легко, — хотя, конечно, народъ здѣсь добрый — кромѣ Бидома и двухъ-трехъ служительницъ...

— Что это значитъ, господинъ Леонардъ? Не хотите ли вы сказать, что лечебница доктора Фруана можетъ соперничать съ... увеселительнымъ заведеніемъ, и что — я чувствую, что задыхаюсь отъ гнѣва, — что мадамъ Летелье имѣла здѣсь любовныя приключенія?

— Что вы, что вы, Господи помилуй! Какой вы сердитый и неблагодарный! Ужъ не принимаете ли вы меня за служащаго въ притонѣ, чортъ возьми! Не вздумаете ли предлагать мнѣ деньги? Но въ такомъ случаѣ предупреждаю васъ, что я брошу ваши деньги въ помойную яму. Какъ вамъ не стыдно такъ меня обижать!

Я чувствую, что онъ говоритъ искренно и что я его оскорбилъ моимъ подозрѣніемъ. Онъ очень разсердился, но понемногу смягчается.

— Ну, стѣитъ ли выказывать людямъ расположеніе? — говоритъ онъ. — Чтобы пристыдить васъ, я вамъ скажу правду. Знаете, почему я пошелъ за зеркаломъ? Потому что мадамъ Летелье еще никогда не выказывала вниманія никому — она всегда была кроткой, но пугливой, какъ дикій голубокъ. А на васъ она такъ посмотрѣла, что мнѣ захотѣлось доставить ей маленькое развлеченіе; вѣдь никакихъ дурныхъ послѣдствій это не можетъ имѣть. Что жъ подѣлать, — разные бываютъ вкусы, и вѣдь эта женщина невѣжняма. Будь въ своемъ умѣ, — можетъ быть, она бы и выбрала кое-кого другого!

Этимъ намекомъ и ограничивается месть Леонарда, который крутитъ съ намѣреннымъ фатовствомъ свой рыжій усъ. Я понимаю, что онъ „ломаетъ комедію“ безъ всякаго дурного умысла,

и не могу на него сердиться, несмотря на дерзость, заключающуюся въ его словахъ.

Но какъ же мнѣ исполнить желаніе моей принцессы и снова повидать ее? Развѣ мнѣ предоставлятъ когда-нибудь такую свободу, какъ ей? Возможно, что Леонардъ согласится иногда смотрѣть сквозь пальцы на наши случайныя встрѣчи; но дойдетъ ли онъ до того, чтобы забыть—болѣе или менѣе намѣренно—запереть мою дверь,—лучше всего вечеромъ, какъ она просила? Слѣдуетъ ли попросить его объ этомъ, выдумавъ какой-нибудь фантастическій предлогъ, которому онъ повѣритъ—или не повѣритъ?

Эти мысли безпокоятъ меня, но не приводятъ въ отчаяніе. У меня остается въ душѣ нѣкоторая надежда.

VII.

Входя въ садъ, я вижу больныхъ, съ виду мирныхъ, но угрюмыхъ—это преимущественно сельскіе жители; подъ наблюдениемъ сторожей они поливаютъ кусты розъ, срываютъ или выкапываютъ овощи. Дальше—можно бы подумать, что это происходитъ на открытомъ полѣ, еслибы въ глубинѣ не возвышалась высокая каменная ограда, напоминающая витайскую стѣну,—отрядъ пансіонеровъ связываетъ въ пучки разныя травы. Наконецъ, еще одна группа больныхъ копаетъ ровъ; Леонардъ даетъ мнѣ объясненіе, не совсѣмъ понятное для такого неуча, какъ я. Я только соображаю, что дѣло идетъ объ искусственномъ орошеніи. Мы идемъ дальше, но, еще не доходя до стѣны, я чувствую себя дѣйствительно выбившимся изъ силъ, согласно желанію милѣйшаго доктора Бидома. Нѣсколько дней припадкъ, очевидно, ослабили меня. Леонардъ замѣчаетъ, что я усталъ.

— На сегодня довольно,—говоритъ онъ,—тѣмъ болѣе, что приближается часъ обѣда. Хотите вернуться?

— По конѣ,—еслибы это было возможно.

— Мы еще найдемъ въ „безпокойномъ“, какъ вельѣлъ докторъ. Это будетъ для васъ маленькой передышкой. А потомъ еще небольшое усиліе, и вы вполне отдохнете за обѣдомъ въ своей комнатѣ. Мы пойдемъ теперь по самой короткой дорогѣ.

Повернувъ назадъ, мы проходимъ по аллеѣ изъ дроковъ и бузины и вступаемъ въ большой четырехугольникъ, окаймленный деревьями; передъ нами—зданіе изъ темныхъ кирпичей, похожее на тюрьму. Окна защищены огромными рѣшетками; два

Она по срединѣ открыта за рѣшетками; остальные закрыты металлическими ставнями. Мы приближаемся къ открытымъ окнамъ, похожимъ скорѣе на двѣ черныя дыры въ стѣнѣ или на входы въ мрачныя пещеры.

Что-то движется во мракѣ; мы слышимъ страшный хохотъ и ревъ: два страшныхъ живыхъ существа, похожихъ на огромныхъ отвратительныхъ четвероногихъ, одѣтыхъ въ человѣческое платье, появляются за рѣшетками. Они одѣты въ лохмотья, въ которыхъ трудно различить остатки куртуковъ, жилетовъ, панталонъ и рубашекъ; все это одинаковаго грязно-желтаго цвѣта.

У одного — треугольный лобъ, далеко отстоящія одна отъ другой, торчащія острыя скулы и острый подбородокъ; у другого — круглая, чудовищная голова, похожая на большой голландскій сыръ. У перваго на головѣ нѣчто въ родѣ тирольской шляпы съ оборванными узкими полями, на второмъ — соломенная шляпа, похожая на табакерку съ отскакивающей крышквой. Стоящій направо свирѣпо хохочетъ, обнажая обломки гнилыхъ зубовъ; у стоящаго налѣво — на губахъ пѣна. Первый начинаетъ плясать, кувираться, потомъ снова пляшетъ, подражая движеніямъ балаганной танцовщицы. Онъ прыгаетъ, стоя на мѣстѣ, и кричитъ: „гопъ! гопъ!“, покатываясь со смѣху; лицо его проясняется и становится почти веселымъ. Онъ, очевидно, доволенъ собой. Потомъ онъ вдругъ снова начинаетъ реветъ, катается по землѣ, вскакиваетъ, дѣлаетъ рядъ прыжковъ, снова падаетъ и извивается какъ бы въ припадкѣ падучей. Затѣмъ онъ опять танцуетъ, стоя на мѣстѣ, и бессмысленно улыбается. Второй, мрачный больной, карабкается на перекладины рѣшетки, старается плюнуть намъ въ лицо, пробуетъ выломать крѣпкую рѣшетку, реветъ и хрипитъ, тараща глаза. Онъ рветъ свои лохмотья, царапаетъ себѣ лицо до крови, произноситъ несвязные звуки и рыдаетъ отъ безсильнаго бѣшенства, оттого, что не можетъ укусить насъ. Онъ грозитъ намъ своими когтями, задыхается, лицо его становится багровымъ, почти чернымъ отъ натуги.

— Леонардъ, Леонардъ, я не хочу смотрѣть на этихъ несчастныхъ! Они приводятъ меня въ ужасъ. И имъ наше присутствіе тоже вредно. Эти припадки ихъ навѣрное истощаютъ. Когда они одни, они могутъ забраться куда-нибудь въ уголокъ, спать, свернувшись въ клубокъ или внизъ головой — и во всякомъ случаѣ успокоиться. Я уйду отсюда.

— Хорошо, хорошо, мы уйдемъ. Но, — прибавляетъ серьезнымъ тономъ Леонардъ, — это еще самые кроткіе; они почти

приличны. Вотъ „другихъ“ я вамъ не покажу, несмотря на капризы доктора Бидома. Тѣ, дѣйствительно, чудовищны.

Въ это время проходятъ мимо насъ двѣ молоденькія и милыя служительницы. При видѣ ихъ, оба жалкія человѣкоподобныя существа начинаютъ, буквально, ржать, лѣзутъ на рѣшетки, рвутъ на себѣ лохмотья и крипятъ. Служительницы убѣгаютъ, и Леонардъ соглашается, наконецъ, увести меня подальше отъ этого страшнаго зрѣлища—столь печальнаго, что даже исчезаетъ мысль о его непристойности.

Моя усталость начинаетъ причинять мнѣ невыносимыя страданія. Мнѣ кажется, что какія-то металлическія иглы вонзились мнѣ въ спину, и что въ ногамъ моимъ привѣшены огромныя свинцовыя ядра.

Наконецъ-то мы приходимъ въ мое отдѣленіе! Леонардъ открываетъ дверь. Мнѣ кажется, что лѣстница имѣетъ пятьсотъ ступеней, а не двадцать. Я въ изнеможеніи падаю на стулъ, ѣмъ, пью и готовъ исполнить все, что мнѣ прикажутъ, лишь бы меня потомъ оставили въ покоѣ и позволили мнѣ лечь.

VIII.

Я спалъ довольно долго. Моя комната уже не освѣщена яркимъ дневнымъ свѣтомъ; блѣдно-топазовый лучъ, проливающийся какъ бы откуда-то издалека, мягко играетъ на полированныхъ деревянныхъ стѣнахъ; простой стаканъ, изъ котораго я пью, сверкаетъ какъ огромный алмазъ, прикрытый тонкимъ газомъ...

Кто-нибудь, вѣроятно, повернулъ огромный ключъ въ замкѣ, потому что я слышу лязгъ желѣза. Затѣмъ слышится вторичный поворотъ ключа, толстая дубовая дверь растворяется и въ комнату входитъ господинъ, котораго я въ первую минуту не узнаю. Онъ одѣтъ въ изящный фракъ, бѣлый жилетъ и держитъ въ рукѣ шапо-клякъ. Но при этомъ на ногахъ у него высокія сапоги со шпорами. Онъ похожъ скорѣе всего на цирковаго наѣздника, выводящаго дрессированную лошадь.

Но, несмотря на его изящныя манеры, округленные жесты и на поклоны, которые онъ отвѣшиваетъ съ чисто японскою учтивостью, я не могу не признать въ немъ доктора Бидома. Къ моему величайшему удивленію, онъ вдругъ вскакиваетъ на столъ, усаживается на немъ, упираетъ ноги въ кресло, стоящее у стола, и начинать хлестать свои сапоги кнутомъ, котораго я

до сихъ поръ не замѣтилъ. Продѣлавъ это, онъ говоритъ необычайно торжественнымъ тономъ:

— Господинъ адмиралъ (даже на коммерческихъ судахъ я никогда не возвышался надъ чиномъ пассажира), господинъ адмиралъ, я являюсь къ вамъ посломъ, имѣющимъ счастье возвѣстить о скоромъ прибытіи моего достопочтеннаго повелителя, Фруана I-го, короля этого заведенія. Онъ явится въ ваши салоны въ шесть часовъ по полудни. Если онъ не явился раньше завидѣтельствовавъ вамъ свое почтеніе, то только потому, что поврежденіе пяточной кости въ лѣвой ногѣ не давало ему возможности ходить, не хромяя. Позвольте мнѣ удалиться, чтобы предупредить еще нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ о предстоящемъ свиданіи съ нашимъ властелиномъ.

Онъ уходитъ, гарцуя, какъ на лошади, и помахивая хлыстомъ. Теперь уже я не сомнѣваюсь. Бидомъ имѣетъ нѣчто общее съ пророкомъ Жаномъ Жульономъ. Въ хорошія же руки мы попали, несчастные больные! Я съ ужасомъ думаю о моей маленькой принцессѣ.

Во всякомъ случаѣ, странный психіатръ не ошибся, исполняя дипломатическое порученіе, котораго навѣрное никто на него не возлагалъ. Десять минутъ послѣ того какъ онъ ушелъ, или—какъ ему вѣроятно казалось—уѣхалъ верхомъ, Леонардъ открываетъ мою дверь, смотритъ на меня съ покровительственнымъ видомъ, вытягиваетъ губы, какъ бы дунъ на слишкомъ горячій супъ, протягиваетъ руки, точно собираясь дѣлать магнетическіе пассы, и говоритъ, или, вѣрнѣе, какъ-то свиститъ мнѣ на-ухо:

— Ффью, ф-ф-ю-ю-ть, вотъ самъ хозяинъ!

Потомъ онъ исчезаетъ, отвѣшивая поклонъ, который, очевидно, будетъ исполнѣнъ только по ту сторону двери. Вслѣдъ за нимъ появляется высокій, грузный человѣкъ лѣтъ шестидесяти, съ добрымъ, простымъ лицомъ, съ простыми, мягкими манерами. Это—докторъ Фруанъ; я его узнаю.

У него такой же голосъ и такое же произношеніе, какъ у любезнаго Бидома, но онъ говоритъ болѣе тихо и болѣе пріятно. Леонардъ былъ правъ.

— Какъ же вы поживаете, господинъ Вели? Я съ удовольствіемъ узналъ сегодня утромъ, что вамъ лучше; мнѣ было очень жаль, что я не могъ сейчасъ же придти къ вамъ, получивъ это пріятное извѣстіе, но я никакъ не могъ выйти изъ своей комнаты сегодня утромъ. У меня былъ острый припадокъ ревма-

тизма въ лѣвомъ колѣнѣ и въ ступнѣ. Я и теперь еще съ трудомъ хожу, мнѣ все-таки уже лучше.

Онъ дѣйствительно хромаетъ. Я придвигаю къ нему кресло, и онъ усаживается въ него, морщась отъ боли.

— Надѣюсь, что ваша болѣзнь скоро совсѣмъ пройдетъ,— говорю я.— Такъ, значить, это—ревматизмъ. А докторъ Бидомъ говорилъ о какомъ-то поврежденіи...

Докторъ Фруанъ, повидимому, не очень удивленъ.

— Ахъ, докторъ Бидомъ,—онъ...

Онъ, очевидно, хотѣлъ что-то сказать о своемъ помощникѣ, но во-время спохватился. Я не слѣдую примѣру его сдержанности, и говорю совершенно спокойнымъ голосомъ:

— Бидомъ—душевно-больной, и, быть можетъ, болѣе опасный, чѣмъ вы предполагаете.

— Вы хорошо дѣлаете, не скрывая отъ меня своихъ мыслей,—но не судите по внѣшнему виду. Докторъ Бидомъ очень эксцентриченъ, у него много причудъ,—но этимъ все ограничивается.

Однако, докторъ Фруанъ вздрогнулъ—и, кажется, не отъ физической боли. Я это замѣтилъ. Но онъ продолжаетъ говорить очень спокойно:

— Не забудьте, что мой *коллега*,—онъ дѣлаетъ удареніе на этомъ словѣ,— что мой *коллега*, докторъ Бидомъ, приглашенъ мною для того, чтобы лечить больныхъ, и вы должны вполне довѣрять ему. Онъ любитъ озадачивать своихъ пациентовъ... такова его система леченія—я ее понимаю и одобряю. Повѣрьте, что все, что онъ дѣлаетъ и говоритъ, строго обдуманно... Но теперь дѣло идетъ не о немъ, а о васъ. Насколько я вижу, у васъ не было новыхъ... нервныхъ припадковъ.

— Нѣтъ, докторъ. Но я люблю смотрѣть правдѣ въ глаза. У меня былъ, кажется, припадокъ безумія—или горячки, назовите это, какъ хотите. Но я увѣрю васъ, что теперь я здоровъ.

Докторъ Фруанъ внимательно смотритъ на меня. Я тоже дѣйствовалъ по „обдуманному плану“, и, кажется, моя тактика удалась. На лицѣ доктора отражается явное безпокойство честнаго человѣка, разрѣшающаго вопросъ совѣсти. Я читаю у него въ душѣ; онъ говоритъ себѣ: „А что, если я ошибся? Если у этого мнимаго сумасшедшаго, котораго заперли, приставивъ къ нему надвирателя, была только горячка, и онъ теперь вполне здоровъ? По какому праву я могу не выпускать отсюда человѣка, разсуждающаго такъ же здраво, какъ я самъ? Онъ открыто говоритъ о возможности припадка безумія—сумасшедшій

побоялся бы произнести, самое слово „безуміе“, чтобы не повредить себѣ во мнѣніи врача... Какъ же поступить? А что если онъ опять впадетъ въ безуміе, покинувъ мою лечебницу? Вѣдь бываютъ такіе странные случаи“!

Я увѣренъ, что онъ именно такъ разсуждаетъ про себя—и еще болѣе убѣждаюсь въ вѣрности своихъ догадокъ, когда онъ начинаетъ говорить—безъ всякаго вступленія, точно онъ высказалъ вслухъ то, о чемъ только думалъ:

— Впрочемъ, одинъ изъ вашихъ родственниковъ будетъ здѣсь въ понедѣльникъ... послѣ завтра. Мы поговоримъ съ нимъ, и можетъ быть... курсъ вашего леченія здѣсь продолжится не такъ долго, какъ я боялся... Скажите, вы не чувствуете теперь никакого раздраженія противъ кого бы то ни было—противъ меня, напримѣръ, или противъ Леонарда?.. Вы видите, я говорю съ вами, какъ съ человѣкомъ вполне выздоровѣвшимъ... отъ легкаго нервнаго расстройства... Такъ вы не пытаете дурныхъ чувствъ ни ко мнѣ, ни къ Леонарду, ни къ кому-либо другому изъ нашего персонала?

— Дурныя чувства къ вамъ? За что? Вы такъ милы со мной... И противъ Леонарда я ровно ничего не могу имѣть—онъ всячески старается развлечь меня и угодить мнѣ... Что же касается другихъ, то это совершенно иное дѣло. Я долженъ вамъ признаться, что ненавижу шарлатана Бидома. Я, конечно, жалѣю его,—какъ жалѣлъ бы всякаго другого въ его положеніи,—но я не могу видѣть, какъ этотъ сумасшедшій, которому бы слѣдовало надѣть смирительную рубаху, командуетъ всѣмъ въ домѣ. Я ненавижу его! Онъ опасенъ для больныхъ своей злобой и своимъ невѣжествомъ. Не рѣшитесь ли вы, докторъ, посадить подъ замокъ этого опаснаго безумца или отправить его обратно въ Франшъ-Конте, въ его семью, если она согласится взять на себя попеченіе о немъ и держать его связаннымъ по рукамъ и по ногамъ цѣлыми сутками?

Ахъ, зачѣмъ я это сказала?! У доктора Фруана мѣняется выраженіе лица; онъ съ грустнымъ видомъ пожимаетъ плечами. Онъ теперь, очевидно, твердо убѣжденъ, что я одержимъ маніей преслѣдованія, что всѣ мои мысли и вся моя злоба сосредоточены на докторѣ Бидомѣ, и поэтому я считаю его сумасшедшимъ, преслѣдующимъ всѣхъ больныхъ, и въ особенности меня.

Возникшія въ немъ подозрѣнія относительно Бидома, вѣроятно, тоже разсѣялись именно вслѣдствіе моей ожесточенности; онъ думаетъ, что напрасно повѣрилъ на минуту словамъ безумца.

Я въ полномъ отчаяніи, и не знаю, какъ поправить дѣло, какъ вернуть утраченное довѣріе доктора. Что ему сказать? Можетъ быть, благоразумнѣе всего быть съ нимъ откровеннымъ. Я кричу ему—по возможности не слишкомъ громко:

— Докторъ, не осуждайте меня сразу! Я знаю, что вы теперь думаете,—вы считаете меня одержимымъ маніей преслѣдованія. Не отрицайте—я совершенно въ этомъ увѣренъ. Но вы ошибаетесь. Чтобы доказать вамъ, что я вовсе не помѣшанъ, я прибавлю еще нѣсколько словъ къ тому, что только-что утверждалъ,—можетъ быть, съ излишней горячностью. При всемъ моемъ отвращеніи къ доктору Бидому, который несомнѣнно приноситъ вредъ вашимъ пациентамъ, я вовсе не думаю о немъ постоянно; я сегодня занятъ былъ множествомъ мыслей, не имѣющихъ никакого отношенія къ нему. Хотите, чтобы я рассказалъ вамъ о моемъ пробужденіи сегодня утромъ въ этой комнатѣ? Хотите знать, о чемъ я думалъ, ясно сознавая самъ различіе между вполне разумными и ясными сегодняшними мыслями—и тѣмъ, въ чемъ сказывались слѣды моего временнаго умственнаго расстройства? Хотите удостовѣриться, что я не скрытенъ и не мстительнъ, какъ большинство сумасшедшихъ? Слушайте же: вы мнѣ только-что сказали, что одинъ изъ моихъ родственниковъ придетъ сюда въ понедѣльникъ, и вы не назвали его имени, очевидно опасаясь вспышки гнѣва съ моей стороны. Такъ вотъ я самъ его назову: это—Рофье, тотъ, который привезъ меня сюда. Клянусь вамъ, что я не питаю къ нему злобы. Я не хочу лицемерить, и не стану васъ увѣрять, что очень его люблю; но если меня выпустятъ изъ лечебницы, я не причиню ему никакой непріятности, а поступлю такъ, какъ долженъ поступить всякій порядочный человѣкъ на моемъ мѣстѣ. Я постараюсь быть подальше отъ него, такъ какъ онъ мнѣ противенъ, и я вовсе не желаю опять попасться ему въ руки, но мстить ему я не буду.

Мои слова произвели нѣкоторое впечатлѣніе на доктора Фруана. Можетъ быть, однако, у него еще остались кое-какія сомнѣнія—вѣдь сумасшедшіе умѣютъ такъ ловко притворяться. Но онъ все болѣе увѣрляется въ хорошемъ мнѣніи обо мнѣ, взвѣсивая то, что я сказалъ въ свою защиту. Онъ едва замѣтно качаетъ головой, и на губахъ его появляется добрая улыбка. Онъ поднимается—съ большимъ трудомъ,—пожимаетъ мнѣ руку и говоритъ въ заключеніе:

— Я очень доволенъ вами—дѣло идетъ совсѣмъ на ладъ, и ваша болѣзнь пройдетъ безслѣдно. Ваше пребываніе здѣсь

будетъ какъ бы отдыхомъ на дачѣ—вотъ и все. Ыщите побольше, гуляйте по саду съ Леонардомъ или безъ него—я распоряжусь объ этомъ,—но не слишкомъ много, чтобы не утомлять себя; читайте книжки веселаго содержанія—я пришлю вамъ Марка Твэна, Куртелина и еще что-нибудь въ этомъ родѣ; ложитесь рано спать, вставайте попозже—и ваше пребываніе на дачѣ не продолжится слишкомъ долго.

И вотъ именно этотъ моментъ избралъ какой-то тайный врагъ, *притаившійся во мнѣ*—съ какихъ это поръ?—чтобы распатать мои нервы, заставить меня проявить бѣшенство, котораго я вовсе не ощущаю, не хочу ощущать въ себѣ,—чтобы заставить меня кричать, плясать, извиваться въ судорогахъ, какъ тѣ „беспокойные“, которыхъ я видѣлъ сегодня.

Я говорилъ вполне искренно, сказалъ все, что я думалъ, ничего не утаивая и не преувеличивая—и вдругъ теперь все это оказывается неправдой. Я ненавижу Бидома и Рофье, я хочу сейчасъ же растерзать ихъ—и громко кричу объ этомъ. Я вовсе не хочу ихъ ненавидѣть и не хочу кричать—а продолжаю вопить еще сильнѣе.

...Я увѣренъ, что мною завладѣло какое-то враждебное мнѣ существо, которое *вселилось* въ меня,—страшное, жестокое существо! Оно терзаетъ меня, заставляя реветъ и извиваться въ судорогахъ, какъ бѣсноватаго...

Я пользуюсь тѣмъ, что мнѣ на минуту становится легче, и обращаюсь къ доктору съ мольбой, ужасающей по своей бессмысленности:

— Докторъ, докторъ, ради Бога, спасите меня! *Что-то живетъ во мнѣ, какъ въ червивомъ плодѣ!*

Съ франц. Э. В.

„ЖЕЛТАЯ ОПАСНОСТЬ“

О Ч Е Р К Ъ .

I.

Опасность, которую предвидѣлъ покойный Владиміръ Соловьевъ, становится все болѣе близкою и грозною: желтая раса нашла своихъ организаторовъ и руководителей, и „панмонголизмъ“ начинаетъ переходить изъ области мечтаній на почву практической политики. Японія смѣло выступаетъ впередъ и рѣшительно беретъ на себя миссію возрожденія и объединенія народовъ Азій для будущей „мировой борьбы“. Въ этомъ именно и заключается скрытый смыслъ воинственныхъ предпріятій Японіи за послѣдніе годы.

Японія—самая юная изъ современныхъ культурныхъ державъ и въ то же время одна изъ самыхъ старыхъ азиатскихъ монархій. Нынѣшняя династія занимаетъ престолъ съ „незапамятныхъ временъ“, какъ сказано въ манифестѣ японскаго императора о войнѣ, и недавно еще праздновалась въ Токио 2564-я годовщина воцаренія перваго микадо. Между тѣмъ, для европейской цивилизаціи и науки, для торговыхъ и политическихъ международныхъ сношеній Японія сдѣлалась доступною только очень недавно. Еще полвѣка тому назадъ Ив. А. Гончаровъ, въ своемъ описаніи путешествія на фрегатѣ „Паллада“, писалъ о японцахъ: „Вотъ многочисленная кучка человѣческаго семейства, которая ловко убѣгаетъ отъ ферылы цивилизаціи, осмѣливаясь жить своимъ умомъ, своими уставами,—которая упрямо отвергаетъ дружбу, религію и торговлю чужеземцевъ, смѣется надъ нашими

попытками просвѣтить ее, и внутренніе, произвольные законы своего муравейника противопоставляетъ и естественному, и народному, и всякимъ европейскимъ правамъ, и всякой неправдѣ... Хотя бы японцы допустили изучить свою страну, узнать ея естественныя богатства; — вѣдь въ географіи и статистикѣ мѣсть съ осѣдлымъ населеніемъ Земного шара почти только одинъ пробѣлъ и остается—Японія “... Первый трактатъ, отрывшій нѣкоторые японскіе порты иностранцамъ, былъ заключенъ въ 1854 г. съ Сѣверо-Американскими Соединенными - штатами; вскорѣ состоялись такіе же договоры съ другими государствами—съ Англіею и Россіею въ 1855 году, позднѣе—съ Голландіею и Франціею. Но эти трактаты, которыхъ съ трудомъ добились западно-европейскія націи въ пятидесятыхъ годахъ, не могли получить надлежащее практическое значеніе вслѣдствіе крайней вражды туземнаго населенія къ иностранцамъ. Немногіе европейскіе коммерсанты и путешественники, посѣщавшіе Японію, возбуждали противъ себя фанатическую злобу мѣстныхъ патріотовъ, и при малѣйшей своей неосторожности подвергались риску насильственной и жестокой расправы. Движеніе противъ иностранцевъ приняло съ 1861 года опасныя размѣры; частыя нападенія на европейцевъ, особенно на англичапъ, оставались безнаказанными вслѣдствіе безсилія и неискренности японской администраціи, что привело, наконецъ, къ вооруженному вмѣшательству заинтересованныхъ державъ. Въ сентябрѣ 1864 года, появились въ японскихъ водахъ соединенныя эскадры—англійская, французская, голландская и американская—и бомбардировали нѣкоторые японскіе порты. Съ этого момента совершился крутой переломъ въ судьбахъ Японіи. Національное раздраженіе обратилось противъ правительства, не сумѣвшаго ни предупредить наплывъ иноземцевъ, ни дать имъ соотвѣтственный военный отпоръ. Впервые возникло и укрѣпилось тогда въ народѣ сознаніе, что старое дѣленіе страны на особыя самостоятельныя княжества обезсиливаетъ Японію и что необходимо организовать прочную и единую государственную власть взамѣнъ традиціоннаго феодальнаго строя.

Въ Японіи существовала съ конца XII-го вѣка до 1868 года оригинальная форма двоевластія, напоминающая положеніе франкской монархіи при послѣднихъ Меровингахъ: законныя императоры были до того возвеличены и ставились такъ близко къ небу и къ высшимъ божествамъ, что мало-по-малу лишились реальныхъ правительственныхъ функцій, которыя перешли къ ихъ первымъ министрамъ. Должность главнаго начальника войскъ и дѣйствительнаго правителя государства стала наследственною

въ извѣстной фамилии, и рядомъ съ династією недоступнаго для смертныхъ „сына неба“, или микадо, утвердилось владычество свѣтскаго повелителя, шогуна или тайкуна, которому подчинялись владѣтели удѣльныхъ княжествъ, могущественные дайміосы ¹⁾). Неограниченные божественные микадо имѣли свою резиденцію въ Киото, гдѣ ихъ тщательно ограждали отъ всякаго сопривосновенія съ народомъ; а отъ нихъ имени полновластно распоряжались шогуны, имѣвшіе свой дворъ въ Іедо. Неудачи въ сношеніяхъ съ иноземцами вызвали агитацію противъ шогуна и заставили многихъ вспомнить о номинально всемогущемъ микадо; въ 1868 году произошла революція, положившая конецъ господству шогуновъ и восстановившая первоначальный народный характеръ императорской власти. За годъ передъ тѣмъ вступилъ на престолъ новый микадо, пятнадцатилѣтній Муцухито, которому суждено было начать новую эпоху въ исторіи Японіи; онъ торжественно обѣщалъ „управлять странюю въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ“ и для блага народа, — и сдержалъ свои обѣщанія. Шогунатъ былъ уничтоженъ, и вмѣстѣ съ нимъ палъ феодализмъ; послѣ непродолжительной междоусобной борьбы удѣлы дайміосовъ были взяты въ управленіе государствомъ. Съ 1872 года начались радикальныя преобразованія во всѣхъ областяхъ японской жизни, съ заимствованіемъ всего лучшаго изъ передовыхъ европейскихъ странъ; и такимъ образомъ, движеніе, возникшее на почвѣ традиціонной вражды къ иноземцамъ, разрѣшилось эпохою крупнѣйшихъ систематическихъ подражаній тѣмъ же иноземцамъ. Создано новое японское законодательство по готовымъ европейскимъ образцамъ; введена правильная военная организація, установлены прочные судебные и административные порядки, устроены школы общія и спеціальныя, появились фабрики и заводы, желѣзныя дороги, разныя промышленныя предпріятія, выросла періодическая печать съ сотнями тысячъ читателей, — и все это было достигнуто въ теченіе двухъ десятилѣтій. Изъ безсильной, разрозненной и подавленной внутренними неурядицами націи выработалось могущественное единое государство со всѣми вышними признаками культуры и просвѣщенія, и притомъ въ необычайно короткій срокъ. Можно сказать, что современная Японія, какъ культурная держава, получила свое начало въ семидесятихъ годахъ XIX вѣка. Въ 1889 году японскій императоръ призналъ, что страна созрѣла для активнаго общественнаго уча-

¹⁾ См. очеркъ изъ новѣйшей исторіи Японіи В. Д. Черевкова въ „Вѣстн. Европы“ 1894 г., ноябрь и декабрь.

стія въ обсужденіи текущихъ національныхъ потребностей и интересовъ; образовалось народное представительство, неудобства котораго для органовъ власти перевѣшивались важными выгодами для государства и олицетворявшаго его мивадо. Для политической полноправности Японіи недоставало еще только одного, — чтобы иностранцы, пребывающіе въ этой странѣ, были подсудны ея учреждениямъ и законамъ, и чтобы консульская юрисдикція, установленная для европейцевъ въ государствахъ азіатскаго типа, перестала существовать въ Японіи. Съ этой цѣлью общественное мнѣніе настойчиво добивалось пересмотра трактатовъ съ иностранными державами, такъ какъ постановленія о правѣ экстерриториальности проживающихъ въ странѣ иноземцевъ свидѣтельствовали о недовѣрїи къ японской культурѣ и къ японскому правосудію. Успѣшная война съ Китаемъ въ 1894—95 годахъ должна была, между прочимъ, доказать передъ цѣлымъ свѣтомъ политическое совершеннѣе Японіи и фактическое право ея на званіе великой державы. Блестящія японскія побѣды послужили достаточно убѣдительными аргументами для иностранныхъ кабинетовъ, и нѣсколько лѣтъ спустя, въ іюль 1899 года, подписаны были съ Японією новые договоры, на началахъ полной равноправности. Слѣдовательно, какъ полноправное въ европейскомъ смыслѣ культурное государство, на равныхъ правахъ съ Англїей или Россїей, Японія существуетъ всего только *пять лѣтъ*, — представляя собою по истинѣ рѣдкій примѣръ новорожденной великой державы.

Поразительная быстрота, съ какою Японія усвоила всѣ техническія и культурныя приобрѣтенія новѣйшей цивилизаціи, показываетъ необыкновенную умственную подвижность и воспримчивость японской народности, а также ея цѣнныя нравственныя качества — упорное трудолюбіе, выдержку характера, настойчивость въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей. Включеніе Японіи въ число равноправныхъ цивилизованныхъ державъ есть историческій фактъ, о которомъ спорить уже бесполезно; этотъ фактъ получилъ, между прочимъ, свою наглядную санкцію въ коллективныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Китая въ 1900—1901 годахъ. Но было бы крайне ошибочно и даже опасно думать, что японская нація отреклась отъ своей многовѣковой исторіи, забыла свои традиціи и всецѣло прониклась европейскими понятіями и идеалами. Психическое достоинство народа, унаслѣдованное отъ длиннаго ряда поколѣній, не измѣняется въ одно или два десятилѣтія, — тѣмъ болѣе, что совершившіяся перемены въ условіяхъ умственнаго воспитанія и гражданскаго быта должны

были ограничиться въ Японіи небольшимъ верхнимъ слоемъ населенія. Огромное большинство японской народной массы живетъ замкнутою національною жизнью, относится недоувѣрчиво въ иностранцамъ и имѣетъ очень мало общаго съ увлеченіями и идеями привилегированнаго высшаго класса, представители котораго обыкновенно получаютъ свое образованіе въ заграничныхъ университетскихъ центрахъ. Различія между общественными классами и сословіями не могли потерять свое значеніе въ странѣ, недавно еще только вышедшей изъ феодальныхъ путъ, и провозглашенное конституціею равенство всѣхъ передъ закономъ остается лишь отвлеченнымъ принципомъ. По словамъ одного изъ знатоковъ восточно-азиатскихъ дѣлъ, г. Д. Повотилова, при всѣхъ послѣднихъ реформахъ въ Японіи „и до сихъ поръ еще можно прослѣдить средневѣковую борьбу феодальныхъ клановъ, господствовавшую здѣсь съ давнихъ временъ. Инициаторами и исполнителями послѣднихъ реформъ въ странѣ явились именно представители нѣкоторыхъ изъ этихъ клановъ, которые съ тѣхъ поръ, одолевъ своихъ противниковъ, приверженцевъ старины, держатъ власть въ своихъ рукахъ. Сознаніе настоятельности реформъ и необходимости обновленія и прогресса проникло нинѣ во всѣ слои японскаго общества, безъ различія политическихъ партій; но инициаторы реформъ, разъ захвативши власть въ свои руки, не соглашаются разстаться съ нею, и высшія, наиболѣе вліятельныя должности въ государствѣ раздаются исключительно ихъ родичамъ и землякамъ. Такимъ образомъ, въ Японіи царитъ олигархія, противъ которой и ведется въ настоящее время ожесточенная, но пока бесплодная борьба въ парламентѣ“¹⁾. Подъ „всѣми слоями японскаго общества“, о которыхъ говоритъ г. Повотильовъ, слѣдуетъ, очевидно, разумѣть тотъ образованный классъ, съ которымъ болѣе всего приходится имѣть дѣло иностранному наблюдателю. Если предположить, что этотъ классъ совпадаетъ съ высшимъ сословіемъ, то численность его не можетъ быть значительна: по официальнымъ даннымъ 1899 года, въ Японіи числилось „благородныхъ“ 4.551 человекъ, прежнихъ самурайевъ или воиновъ—2.105.698, а простого народа—41.653.166. Милліоны заурядныхъ японцевъ, въ томъ числѣ и самурайевъ, смотрятъ на иностранныхъ гостей, какъ на враговъ, терпимыхъ только на время, ради извѣстныхъ положительныхъ выгодъ, и притомъ лишь въ опредѣленныхъ приморскихъ пунктахъ; всякое проникновеніе иностранца внутрь страны считается враждебнымъ

¹⁾ „Корея и японо-китайское столкновение“. Спб. 1895, стр. 55—56.

дѣйствию, за которымъ можетъ послѣдовать кровавая расправа со стороны туземныхъ патриотовъ. Оттого, несмотря на дѣятельныя торговыя и культурныя сношенія Японіи съ передовыми націями, въ ней проживаетъ сравнительно ничтожное количество иностранцевъ,—всего 5.646 человекъ по даннымъ 1899 года, если не считать китайцевъ,—въ томъ числѣ англичанъ—2.044, американцевъ—1.462, нѣмцевъ—579, французовъ—458 и русскихъ—177, тогда какъ пребывающихъ за границей японцевъ числилось въ двадцать разъ больше, а именно 123.971. Стремленіе изучать иноземныя порядки и науки и посѣщать ради этого чужія страны не соединяется у японцевъ съ готовностью открыть иностранцамъ дѣйствительный свободный доступъ въ свое собственное отечество; напротивъ, будучи безусловными западняками въ своихъ просвѣтительныхъ и техническихъ начинаніяхъ, они остаются узкими націоналистами въ политикѣ и вовсе не желаютъ способствовать привлеченію иностраннаго элемента въ Японію. Японцы отлично сознаютъ свою расовую особенность по отношенію къ европейцамъ и откровенно предпочитаютъ быть первыми въ Азіи, чѣмъ послѣдними въ остальномъ культурномъ мірѣ; они пользуются всѣми средствами и орудіями современной цивилизаціи, чтобы пріобрѣсть обаяніе могущества и нравственный авторитетъ въ глазахъ азіатскихъ и европейскихъ народовъ. Японскіе политическіе дѣятели рассчитывали на взаимное соперничество великихъ державъ при разрѣшеніи старинныхъ споровъ между Китаемъ и Японіею,—и они не ошиблись: не успѣвъ привлечь на свою сторону Россію, они легко заручились дружбою Англии и взились при ея поддержкѣ за осуществленіе грандіознаго плана, который долженъ доставить Японіи первенствующую роль въ судьбахъ Китая и всей восточной Азіи.

Къ сожалѣнію, наша дипломатія не оцѣнила крупныхъ достоинствъ японской націи, не сдѣлала надлежащихъ выводовъ изъ ея необыкновеннаго культурнаго роста и продолжала выказывать замѣтное пренебреженіе къ Японіи, даже послѣ ея военнаго торжества надъ Китаемъ. Трудно вообще опредѣлять тѣ руководящіе принципы, которые были положены въ основу нашей политики на Дальнемъ Востокѣ,—или, вѣрнѣе сказать, эти принципы намъ неизвѣстны. Мы знаемъ только, что восточно-азиатская политика Россіи была безусловно „миролюбива“ и въ то же время ставила передъ нами очень широкія задачи, предполагающія большую предприимчивость и энергію. Намъ пришлось поочередно возстановить противъ себя и Китай, и Японію, и

американскіе Соединенные-Штаты, вслѣдствіе цѣлаго ряда недоразумѣній, причины которыхъ остаются неясными. Незадолго до китайско-японской войны, въ нашей печати раздавались серьезные голоса о необходимости отказаться отъ странныхъ политическихъ симпатій къ Китаю и сблизиться съ прогрессивною Японіею. Между прочимъ, въ книжкѣ А. Я. Максимова, посвященной вопросу о положеніи и интересахъ Россіи на Тихомъ океанѣ, излагались взгляды и факты, не лишенные поучительности и для настоящаго момента. Г-нъ Максимовъ, сторонникъ активной наступательной политики на Дальнемъ Востокѣ, находилъ для насъ крайне желательнымъ и вполне осуществимымъ тѣсный союзъ съ Японіею, причемъ ссылаясь на „существовавшія и существующія симпатіи японской народности къ русской, несмотря на всѣ промахи и ошибки представителей нашего государства“. По мнѣнію г. Максимова, союзъ съ Японіею „положительно необходимъ, разъ мы хотимъ утвердиться на берегахъ Великаго океана и принудить Англію и Китай относиться къ намъ съ должнымъ уваженіемъ и добросовѣстностью. За тѣсный союзъ съ Россіею стоитъ само японское правительство, почти вся печать и здравомыслящее японское общество“.

Г-нъ Максимовъ не поясняетъ только, на какихъ основаніяхъ могъ бы быть заключенъ подобный союзъ, если съ нашей стороны не было сознательной программы дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ. Дипломатія часто создавала матеріалъ для затрудненій, употребляя ненужныя усилія для обезпеченія выгодъ русской торговли въ чужихъ краяхъ и моряхъ, когда этой торговли почти вовсе не существовало въ дѣйствительности. Такого рода затрудненія или недоумѣнія возникали у насъ и съ Японіею, безъ всякой къ тому надобности. Въ прежнее время яблокомъ раздора служилъ островъ Сахалинъ, которымъ совмѣстно владѣли обѣ державы; но независимо отъ этого спорнаго вопроса многое въ нашей политикѣ оставалось не совсемъ понятнымъ для японцевъ. „Мы основали въ Хакодате, — говоритъ г. Максимовъ, — школу для молодыхъ японцевъ, послали нашихъ морскихъ офицеровъ для обученія японцевъ морскому дѣлу, содержали въ Японіи значительныя эскадры и вмѣстѣ съ тѣмъ не переставали увѣрять японцевъ въ нашей неизмѣнной дружбѣ и искреннемъ расположеніи. Между тѣмъ, порты Японіи, открытые трактатами, были уже переполнены коммерческими судами всѣхъ націй, а русскій торговый флагъ все еще не показывался въ водахъ Японіи, что крайне удивляло практическихъ, смѣтливыхъ японцевъ“. Узнавъ причину этого страннаго обстоятельства, японцы должны

были невольно поставить себѣ вопросъ: зачѣмъ Россія хлопочетъ о торговыхъ сношеніяхъ и содержитъ у насъ свои эскадры, когда у нея вовсе нѣтъ коммерческаго флота? Нельзя было предположить, что дипломаты слѣдуютъ просто какимъ-то установившимся шаблонамъ, безъ опредѣленной реальной цѣли, а потому въ умахъ японцевъ стали зарождаться сомнѣнія въ нашей искренности.

Однако проходили годы, и наши мнимыя заднія мысли ничѣмъ не обнаруживали своего существованія; японцы вновь проникались къ намъ довѣріемъ, и мы опять на дѣлѣ убѣждались въ культурности и сообразительности японцевъ. При совмѣстномъ съ ними обладаніи территоріей Сахалина, не разъ случалось, по свидѣтельству г. Максимова, чувствовать превосходство японцевъ передъ нашими мѣстными дѣятелями. На пустынномъ морскомъ побережьи, у устья пограничной рѣки, устроился на одномъ берегу русскій военный постъ, а на другомъ—японскій портъ; представители обѣихъ народностей сошлись тамъ лицомъ къ лицу, и „наша національная гордость была принижена этимъ сопоставленіемъ: оскорбительно было видѣть, насколько ихъ портъ отличался предъ нашимъ заброшеннымъ постомъ своею чистотою, удобствомъ, порядкомъ. Два раза забытый нашъ постъ былъ спасаемъ отъ голода японцами,—фактъ этотъ не требуетъ комментаріевъ“.

Съ переходомъ Сахалина въ полное владѣніе Россіи по договору 1875 года, устранились прежніе поводы къ пререканіямъ съ Японією, и ничто не мѣшало намъ подготовить прочное съ нею соглашеніе. Г-нъ Максимовъ горячо отстаиваетъ мысль о русско-японскомъ сближеніи и восторженно отзываясь по этому поводу о японцахъ вообще. Это, по его словамъ, „народъ рыцарскій, не выносящій высокомѣрія и политическаго двоедушія: онъ признаетъ только политику чести и благоразумія, взаимнаго довѣрія и безпристрастія“... Японцы,—продолжаетъ г. Максимовъ,—„чрезвычайно цѣнятъ искреннюю, безкорыстную дружбу и всегда готовы отнестись къ дружелюбной націи съ рѣдкою, вполне рыцарскою предупредительностью, чтѣ важно помнить при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Они съ презрѣніемъ относятся къ интригамъ и подпольной политикѣ, въ родѣ англійской, и умѣютъ хорошо отличить искренній образъ дѣйствій отъ лицемерія и подтасовокъ“. Г-нъ Максимовъ полагаетъ, что нѣтъ ничего легче, какъ войти съ японцами въ откровенныя соглашенія, и что въ обмѣнъ на нѣкоторыя политическія услуги Японія охотно отказалась бы отъ Кореи и даже согласилась бы признать ее лежащую въ сферѣ политическаго вліянія Россіи. Япон-

цамъ нѣтъ расчета преслѣдовать эфемерныя завоеванія на материкѣ, гдѣ имъ предстояли бы хроническія столкновения съ Китаемъ, и они, по всей вѣроятности, ограничились бы лишь островными пріобрѣтеніями, съ Формозой включительно. Въ виду предстоявшей военной развязки японско-китайскаго конфликта, г. Максимовъ настоятельно совѣтовалъ, не раздумывая, стать на сторону Японіи. „Надо твердо помнить, что здравая политика разрѣшаетъ государству оказывать какую-либо поддержку только „испытаннымъ друзьямъ“, или когда это выгодно. Въ отношеніи Китая мы не видимъ ни того, ни другого. Китай никогда не состоялъ съ нами въ искреннихъ дружественныхъ отношеніяхъ, и этой честной дружбы нельзя ожидать отъ него и въ будущемъ“. Сохраняя съ нами видимую дружбу, Китай „всегда держалъ за пазухой камень, которымъ билъ насъ часто и больно“. Онъ всегда злоупотреблялъ „нашимъ крайнимъ довѣріемъ и рыцарскою честностью. Японія же до послѣдняго времени осталась вѣрною своей прямой, миролюбивой относительно Россіи политикѣ, несмотря даже на то, что наши недалководные политическіе дѣятели крайняго Востока не разъ выывали ее на столкновение. Чѣмъ отплатила, на примѣръ, намъ Японія за цѣлый рядъ насилій отдѣльныхъ личностей, дѣйствовавшихъ какъ бы по инициативѣ русской дипломатіи? Искреннимъ желаніемъ устранить всякій поводъ къ столкновеніямъ и выдающимся дружелюбіемъ. Не Японія ли, — продолжаетъ авторъ, — дала гостепріимный пріютъ сотнямъ нашихъ моряковъ, имѣвшихъ несчастье потерпѣть крушеніе у японскихъ береговъ; не она ли много разъ спасала отъ голода наши заброшенные, забытые военные посты на островѣ Сахалинѣ; не она ли постоянно выражала желаніе войти съ Россіей, преимущественно передъ другими державами, въ дружескія и торговыя сношенія? Японія оказывала намъ свое рѣдкое расположеніе даже въ такое тяжелое время, когда по всей имперіи шло энергическое преслѣдованіе всѣхъ европейцевъ. Въ то время, когда туземные христіане-католики и протестанты гибли тысячами подъ ударами японскихъ фанатиковъ, православные японцы оставались неприкосновенными... Сообразивъ все прошлое, спрашиваемъ: можетъ ли Россія дѣлать выборъ между Японіей и Китаемъ? Ни въ какомъ случаѣ! Всѣ наши симпатіи должны сосредоточиться исключительно на могущественной островной монархіи, которой предстоитъ, въ недалекомъ будущемъ, играть въ Великомъ океанѣ выдающуюся политическую роль“. Японія, — говоритъ г. Максимовъ въ другомъ мѣстѣ, — единственный вѣрный нашъ союзникъ въ Тихомъ океанѣ; „дружба

ея для насъ одинаково дорога, какъ наша дружба дорога для Японіи. Мы должны быть по возможности солидарны съ этой державой, такъ какъ имѣемъ съ нею много общихъ точекъ политическаго соприкосновенія“. Поэтому „въ высшей степени непатріотичны усилія нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ, старающихся обострить дружественныя отношенія, существующія между Россіей и Японіей, обострить въ пользу дикаго, непонятнаго союза съ Китаемъ—исконнымъ нашимъ врагомъ, вѣчно находящимся подъ давленіемъ нашихъ европейскихъ недоброжелателей“¹⁾.

Это высказывалось всего десять лѣтъ тому назадъ, а съ тѣхъ поръ „единственный вѣрный“ нашъ другъ на Дальнемъ Востокѣ превратился въ коварнаго врага, яростно нападающаго на насъ изъ-за угла въ темную ночь, безъ предварительнаго извѣщенія. Чѣмъ объяснить эту метаморфозу? Совершилась ли она сама собою, или ее вызвала дипломатія своими обычными ошибками и недосмотрами? Правда, въ старымъ спорамъ изъ-за Кореи присоединились новые, болѣе щекотливые, относящіеся къ Манчжуріи, и неудовольствіе японцевъ дѣятельно поддерживалось и равогрѣвалось просвѣщенными и могущественными друзьями, англичанами и американцами; но, очевидно, японцы не дошли бы до рокового рѣшенія и ихъ друзья не толкали бы ихъ на пагубный путь, еслибы ихъ крупные матеріальные интересы не были существенно затронуты предполагаемыми стѣсненіями иностранной торговли и предприимчивости въ занятыхъ нами китайскихъ областяхъ,—стѣсненіями, мотивы которыхъ коренятся въ ложной и никому не нужной экономической политикѣ. Японцы почему-то ожесточились противъ насъ изъ-за того, что, владѣя фактически Манчжуріей, мы не допускали даже частичнаго осуществленія ихъ старинныхъ притязаній на Корею, ради которыхъ они вели побѣдоносную войну съ Китаемъ. Слѣдовало ли намъ такъ энергично заступаться за независимость и неприкосновенность корейскаго государства,—это вопросъ особый, зависящій не отъ однихъ только формально-политическихъ соображеній.

Корея, въ сущности, не можетъ быть названа государствомъ въ современномъ смыслѣ этого слова; это—несчастнѣйшая страна, разоряемая внутренними неурядицами и фактически давно уже лишенная самостоятельности. Въ ней нѣтъ настоящаго правительства, хотя есть многочисленные представители власти, без-

¹⁾ А. Я. Максимовъ. „Наши задачи на Тихомъ океанѣ“. Спб. 1894, стр. 57—78.

препятственно обирающие народъ и сурово истребляющие недоброжелательныхъ. Центральная администрація, какъ выражается одинъ снисходительный критикъ, заботится лишь объ исправномъ поступленіи податей, предоставляя губернаторамъ хозяйничать по своему усмотрѣнію въ управляемыхъ ими провинціяхъ. Начальники отдѣльныхъ областей нерѣдко именуются князьями ихъ, такъ какъ они являются почти полными распорядителями ихъ судебъ; чиновничество характеризуется „ужасающею испорченностью нравовъ“, выражающеюся прежде всего въ „повсемѣстномъ взяточничествѣ“. Если въ отдѣльныхъ пунктахъ страны замѣчаются признаки промышленнаго оживленія и культуры, то это значитъ, что въ данной мѣстности дѣйствуютъ японцы. По словамъ г. Покотилова, когда портъ Чемульпо былъ въ 1882 году открытъ для иностранной торговли, онъ представлялъ собою лишь небольшую группу рыбацкихъ мазанокъ; въ настоящее время городъ имѣетъ благоустроенный видъ: появилось много красивыхъ зданій, принадлежащихъ преимущественно японскимъ купцамъ; гостиницы и нѣкоторые изъ магазиновъ освѣщаются электричествомъ. Дѣятельность порта развивается съ каждымъ годомъ, причемъ вся вывозная торговля находится почти исключительно въ рукахъ японцевъ; правильныя пароходныя сообщенія поддерживаются судами японской пароходной компаніи. Точно такъ же южный портъ Кореи, Фузанъ, своимъ современнымъ процвѣтаніемъ обязанъ всецѣло японцамъ. Туземный городъ съ населеніемъ въ двѣ тысячи человекъ состоитъ изъ жалкихъ лачужекъ; „рѣзкій контрастъ ему, — говоритъ г. Покотиловъ, — представляетъ расположенный въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него японскій городъ, отличающійся благоустройствомъ и даже красотой. Всѣ мѣстныя дѣла вѣдаются японскимъ консуломъ, при помощи выборнаго муниципальнаго совѣта“. Предпримчивые японскіе купцы завладѣли всею торговлею Фузана; они учредили тамъ банкъ и пароходную компанію, начали издавать японско-корейскую газету, построили госпиталь и т. п. Въ третьемъ доступномъ портѣ Кореи, Гензанѣ, японцы являются также хозяевами положенія; по ихъ инициативѣ, здѣсь устроена была выставка иностранныхъ и особенно японскихъ товаровъ съ цѣлью ознакомленія съ ними туземцевъ. Единственными иностранными капиталистами, которые имѣли успѣхъ въ Корей, были японцы; они же представляютъ собою главный коммерческій элементъ въ корейскихъ портахъ и содержатъ правильныя пароходныя сообщенія съ Приморскою областью, Японіею и Китаемъ. Въ 1894 году проливалось въ Корей японцевъ всевозможныхъ профессій около

восьми тысячъ человекъ. „Такимъ образомъ, экономическое вліяніе Японіи на полуостровъ весьма значительно и не можетъ быть сравниваемо съ вліяніемъ какой-нибудь иной страны, не исключая и Китая“ ¹⁾. До послѣдняго времени, какъ замѣчаетъ г. А. Максимовъ, восемьдесятъ процентовъ корейской международной торговли находится въ рукахъ японцевъ, счумъвшихъ отлично приоровить свою промышленность и фабричное производство къ нищенскому обиходу корейцевъ ²⁾.

При такихъ условіяхъ бесполезно было думать объ ограниченіи политическаго вліянія японцевъ въ Корей или ставить себѣ задачей вытѣсненіе ихъ съ полуострова: они въ дѣйствительности мало-по-малу приобрѣтали въ странѣ господство, основанное на культурныхъ и промышленныхъ успѣхахъ,—господство реальное, противъ котораго трудно спорить и которое неизбежно влечетъ за собою и соотвѣтственное политическое преобладаніе. Едва ли справедливо также и то предположеніе, что сосѣдство прочныхъ японскихъ колоній на материкѣ было бы для насъ болѣе стѣснительно или опасно, чѣмъ одностороннее морское могущество враждебно настроенной Японіи; напротивъ, сдѣлавшись доступными нашему непосредственному воздѣйствію на сушѣ, японцы гораздо болѣе дорожили бы дружественными отношеніями съ Россією и не соблазнились бы возможностью безнаказанно вредить намъ на морѣ. Во всякомъ случаѣ мы не имѣли, конечно, намѣренія систематически отталкивать отъ себя Японію и заставлять ее искать сближенія съ Англією и Соединенными-Штатами, — какъ не имѣли повода желать возбужденія протестовъ англичанъ и американцевъ противъ неудачной торговой политики въ Манчжуріи, при отсутствіи у насъ реальныхъ торговыхъ интересовъ въ чужихъ краяхъ. Мы съ самаго начала совершенно напрасно возражали противъ принципа „открытыхъ дверей“ подъ вліяніемъ ошибочнаго взгляда, что будто бы наша промышленность, подобно англійской и американской, нуждается въ отдаленныхъ рынкахъ для сбыта своихъ произведеній; наши практическіе дѣятели были почему-то убѣждены, что для насъ, на примѣръ, очень важно способствовать продажѣ дешеваго русскаго сахара китайцамъ, съ сохраненіемъ дороговизны этого товара для собственнаго нашего народа. Эти промышленныя иллюзіи обошлись намъ уже слишкомъ дорого, и необходимо было бы наконецъ отказаться отъ нихъ по крайней мѣрѣ въ международныхъ отношеніяхъ.

¹⁾ Д. Д. Покотилъ, „Корея и японо-китайское столкновение“, стр. 10—45.

²⁾ А. Я. Максимовъ, назв. соч., стр. 90—91.

Какъ бы то ни было, несчастныя обстоятельства привели въ войнѣ, которой никто у насъ не желалъ, и теперь болѣе чѣмъ когда-либо необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, каковы должны быть наши цѣли на Дальнемъ Востокѣ и какихъ результатовъ желательно намъ достигнуть послѣ успѣшнаго отраженія непріятеля. Очевидно, нельзя признавать нормальнымъ такое положеніе, при которомъ мы имѣемъ противъ себя не только Японію и Англию, но и Соединенные-Штаты. Если американцы и англичане волнуются интересами своей обширной восточно-азиатской торговли, то мы можемъ смѣло предоставить имъ свободу дѣйствій въ этой области, не опасаясь какихъ-либо невыгодъ для населенія; наша отечественная производительность нуждается въ улучшеніи общаго народнаго благосостоянія и въ расширеніи внутренняго рынка въ предѣлахъ Россійской имперіи, а не въ жалкихъ попыткахъ соперничества съ иностранцами въ дальнихъ краяхъ и моряхъ. Подъ громкими словами о внѣшнихъ рынкахъ и торговыхъ интересахъ обыкновенно скрывается у насъ стремленіе къ казеннымъ субсидіямъ и хищеніямъ, и это стремленіе ни въ какомъ случаѣ не должно находить себѣ точку опоры въ международной политикѣ, ограждающей общіе національные интересы Россіи. Легко устранить причины, возбуждшія противъ насъ неудовольствіе Соединенныхъ-Штатовъ; не трудно также подготовить почву для соглашенія съ Англіею, а что касается Японіи, то даже полнымъ разгромомъ ея вооруженныхъ силъ мы въ сущности ничего не достигнемъ. Энергическая и предприимчивая японская нація не перестанетъ существовать въ сосѣдствѣ Россіи и Китая; мы будемъ вынуждены постоянно считаться съ чувствами и интересами этого многомилліоннаго народа, упорно завоевывающаго себѣ мѣсто въ культурномъ мірѣ. Японцы—несомнѣнно азіаты, но прошедшіе англо-американскую школу научной техники и дѣловитости; они могутъ играть роль просвѣщенныхъ европейцевъ и тѣмъ не менѣе лелѣять мечту о взятіи въ опеку родственнаго Китая для объединенія желтой расы въ видѣ противовѣса Европѣ и Америкѣ. Пока Японія дѣйствуетъ сама по себѣ, она представляется просто честолюбивою и воинственною державою, похожею какъ будто на Англию; но въ соединеніи съ Китаемъ она можетъ создать огромное расовое движеніе—именно то, что принято называть „желтою опасностью“.

Послѣ японско-китайской войны многимъ казалось, что процессъ радикальнаго обновленія Китая не заставитъ себя долго ждать. Война съ Японіею,—писалъ напр. г. І. Ржевускій,—

„дала Китаю достаточный толчок для пробужденія и указала всю несостоятельность и несовременность его государственнаго строя, весь вред замкнутости, и результаты, которыхъ достигла Японія при противоположныхъ условіяхъ. Вѣковое упорство Китая принуждено теперь уступить, и если онъ пойдетъ по тому же пути, какъ и Японія, то у Россіи явится еще одинъ серьезный и опасный сосѣдь на Дальнемъ Востоку“¹⁾. Китаю не было дано времени для извлеченія надлежащихъ уроковъ изъ полученнаго толчка; великія державы, отгѣснивъ побѣдителей-японцевъ отъ китайской территоріи, тотчасъ же сами занялись предварительнымъ распредѣленіемъ чужой добычи, уже безъ участія Японіи. Въ августѣ 1896 года, получила концессія на постройку манчжурской желѣзной дороги; въ ноябрѣ 1897 года нѣмцы завладѣли мѣстностью Кяо-Чжао, послѣ чего и Россіи пришлось, въ мартѣ 1898 года утвердиться въ Портъ-Артурѣ и Талиенванѣ; затѣмъ Англія заняла Вей-хай-вей; Франція тоже закруглила свои владѣнія около Тонкина. Эти своеобразные уроки международнаго права, преподанные европейскими кабинетами двумъ воевавшимъ между собою азіатскимъ имперіямъ, привели къ извѣстнымъ китайскимъ волненіямъ и окончились новой коллективною экспедиціею противъ Китая. Японія, затаивъ раздраженіе противъ Европы, охотно применила къ совмѣстному военному предпріятію, которое давало японцамъ случай наглядно показать всему міру свою культурность, безкорыстіе, а также превосходство своей военной организаціи. Между Японіею и Китаемъ была тогда, повидимому, непримиримая вражда; манчжурскій вопросъ сблизилъ ихъ и установилъ ихъ солидарность. Дипломатія не сумѣла предупредить это сближеніе; Японіи предоставлено было выступить защитницею территоріальной цѣлости Китая, и подъ этимъ флагомъ начата противъ Россіи настоящая война. Японцы собираются спасти Китай отъ чужихъ посягательствъ, чтобы очистить себѣ дорогу къ заманчивой роли организаторовъ и руководителей китайскаго прогресса. Китай, управляемый японцами или подчиненный ихъ вліянію и авторитету, сдѣлался бы великою угрозою для европейскихъ націй, и новыя, правильно обученныя монгольскія арміи положили бы конецъ хищническому гнету иноземцевъ надъ злосчастными народами желтой расы.

Пригоденъ ли, однако, современный Китай для осуществленія

¹⁾ Японско-китайская война 1894—95 гг. Сиб., 1896, стр. 73.

честолюбивыхъ японскихъ мечтаній? Можемъ ли мы также примириться съ тѣмъ фактомъ, что враждебныя чувства къ Россіи возрастаютъ не только въ Китаѣ и Японіи, но и въ нѣкоторой части Европы и въ Америкѣ,—и не слѣдуетъ ли подумать о способахъ противодѣйствія такому печальному явленію? Объ этихъ важныхъ вопросахъ мы поговоримъ особо.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1904.

Неожиданный юридическій вопросъ. — Что такое правда въ печати?—Предстоящія губернскія совѣщанія.—„Циклопическій трудъ“ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ.— Земство и область Войска Донскаго.—Новый типъ земскихъ учреждений.—Нѣсколько словъ о децентрализаци.—Post-scriptum.

Пожертвованія земствъ и городовъ на нужды военнаго времени, вошедшія въ обычай въ эпоху войны 1877 — 78 г., не встрѣчали до сихъ поръ принципиальныхъ возраженій. Самые ярые противники самоуправленія, старающіеся заключить его въ возможно тѣсныя рамки, не рѣшались оспаривать, съ формальной точки зрѣнія, право земскихъ и городскихъ учреждений на активную роль въ борьбѣ съ результатами такихъ бѣдствій, какъ война. Небывалое оказалось, однако, возможнымъ: въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 57) какой-то „Старый Земецъ“ задумывается надъ вопросомъ, могутъ ли земства, оставаясь на почвѣ закона, жертвовать что-либо по случаю войны. Въ виду того, что жертвуемыя суммы, за отсутствіемъ у земства, большею частью, свободныхъ капиталовъ, должны поступать въ раскладку, авторъ статьи видитъ въ пожертвованіи скрытый налогъ, устанавливать который земство не въ правѣ; единственной законной задачей земства въ военное время признается обязательная для него забота о семьяхъ ушедшихъ на войну *мѣстныхъ* жителей. Не споримъ, буква земскаго положенія можетъ быть толкуема именно такъ, какъ понимаетъ ее г. „Старый Земецъ“; но буквѣдство — не подходящее занятіе въ критическіе моменты народной жизни. Правильная постановка вопроса должна быть слѣдующая: есть ли въ военное время такія потребности, полное удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть достигнуто ни затратами изъ государственной казны, ни частными пожертвованіями — и если есть, то не отрывается ли именно здѣсь широкое поле дѣятельности для общественныхъ учреждений? Въ существованіи потребностей, указанныхъ выше, сомнѣваться нельзя. Государство доставляетъ участву-

щимъ въ его защитѣ извѣстный минимумъ удобствъ, устраиваетъ, опять-таки въ извѣстныхъ, не широкихъ размѣрахъ, уходъ за ранеными и больными, обеспечиваетъ, до нѣкоторой степени, семейства убитыхъ или утратившихъ на войнѣ здоровье и работоспособность; но оно не даетъ *всѣмъ* все уменьшающее тягости войны, *все* смягчающее страданія и возмѣщающее потери. Недостаточны въ этомъ отношеніи, какъ показываетъ опытъ, и частныя пожертвованія—недостаточны въ особенности для *быстрой* организациі всего требуемаго войною. Незамѣнимыми являются, поэтому, вклады земскихъ и городскихъ учрежденій, сразу доходящіе до крупныхъ размѣровъ и позволяющіе сразу повысить уровень попеченія объ участникахъ войны и о ея жертвахъ. Съ другой стороны, этимъ путемъ достигается хоть отчасти солидарность между различными частями государства, создается возможно большая производительность пожертвованій. Въ самомъ дѣлѣ, и по буквѣ закона каждое губернское земство имѣло бы безспорное право ассигновать тѣ или другія суммы на уходъ за ранеными и больными уроженцами данной губерніи, на содержаніе осиротѣвшихъ ихъ семействъ; каждая дума имѣла бы такое же право по отношенію къ уроженцамъ своего города. Къ чему же, однако, привелъ бы подобный способъ дѣйствій, безукоризненно корректный? Во-первыхъ — къ явному неравенству между уроженцами различныхъ мѣстностей: не всѣ губерніи, не всѣ города располагаютъ одинаковыми средствами; отношеніе между цифрой пожертвованія и цифрой населенія не вездѣ было бы одно и то же. Во-вторыхъ — къ большимъ затрудненіямъ въ самомъ оказаніи помощи: вѣдь нельзя же было бы учредить на театрѣ или близъ театра войны отдѣльные лазареты для уроженцевъ каждой жертвовавшей губерніи, для жителей каждаго жертвовавшаго города. Избѣжать всѣхъ этихъ неудобствъ можно только на томъ пути, на который, по примѣру послѣдней турецкой войны, вступили наши города и наши земства и на которомъ г. „Старому Земцу“ хотѣлось бы соорудить искусственную преграду. Для людей этого закала невыносима мысль о какомъ бы то ни было участіи земствъ и городовъ въ всенародномъ всероссійскомъ дѣлѣ.

Изъ сказаннаго нами до сихъ поръ сами собою вытекаютъ нормальные предѣлы земскихъ и городскихъ пожертвованій на нужды военнаго времени. Прежде всего, эти пожертвованія должны соответствовать *средствамъ* города или земства; другими словами, они не должны быть настолько велики, чтобы обратиться въ непосильную тягость для населенія. Здѣсь нѣтъ мѣста для соперничества между общественными учрежденіями, для стремленія ассигновать ту или другую сумму только потому, что подобная ассигновка сдѣлана та-кимъ-то городомъ или такимъ-то земствомъ. Въ особенности обязательна

осмотрительность для земствъ, связанныхъ предѣльностью обложенія и рискующихъ, при чрезмѣрномъ обремененіи своего бюджета расходами на нужды военнаго времени, заградить для себя путь къ увеличенію затратъ на неотложныя потребности мѣстнаго населенія. Всего естественнѣе представлялась бы, при данныхъ условіяхъ, отмѣна закона о предѣльномъ обложеніи—и мы надѣемся, что таковъ и будетъ конечный результатъ совершающихся теперь событій; но пока законъ сохраняетъ свою силу, онъ не долженъ быть упускаемъ изъ виду, даже въ минуты увлеченія. Да и помимо фиксаціи, пожертвованія, въ особенности крупныя, превышаютъ платежеспособность почти всѣхъ уѣздныхъ и нѣкоторыхъ губернскихъ земствъ. Громадныя цифры недоимокъ такъ тяжело ложатся на уѣздныя, а иногда и на губернскія земскія хозяйства, что не позволяютъ имъ вынести, безъ вреда для населенія, новый, значительный расходъ, не предназначенный на мѣстныя надобности.

Не менѣе важно и другое условіе, которому должны удовлетворять пожертвованія городовъ и земствъ: они должны служить *дополненіемъ* къ государственному расходамъ, но отнюдь не ихъ *замѣной*. Защита вооруженною рукою—всецѣло задача государства; къ участию въ ней органы самоуправленія не призваны, назначеніе ихъ исключительно и безусловно мирное. Все необходимое для отпора врагу несомнѣнно будетъ сдѣлано государствомъ—а земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, въ военное время, надлежитъ только пополнять *неизбѣжныя пробѣлы* правительственной дѣятельности. Другое дѣло — частныя лица: ничто не стѣсняетъ ихъ въ выборѣ предмета для пожертвованія. И имъ, какъ намъ кажется, всего естественнѣе заботиться объ уменьшеніи страданій, причиняемыхъ войною; но если они хотятъ принять непосредственное участіе въ увеличеніи средствъ военной обороны; то препятствовать имъ въ томъ нѣтъ причины. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы полагаемъ, что с.-петербургская городская дума поступила бы гораздо правильнѣе, еслибы осталась вѣрна своему первоначальному рѣшенію и обратила пожертвованную ею сумму *всецѣло* на разные виды помощи, вызываемые войною. А эти виды многочисленны и многообразны, обнимая собою, между прочимъ, образованіе лечебныхъ пунктовъ вдали отъ театра войны, для эвакуируемыхъ оттуда больныхъ и раненыхъ. Мы не видимъ, поэтому, ничего ненормальнаго въ постановленіи московскаго уѣзднаго земскаго собранія, рѣшившаго устроить госпиталь для больныхъ и раненыхъ воиновъ въ предѣлахъ московскаго уѣзда. Какъ ни велико разстояніе между Маньчжуріей и Москвою, нѣкоторая часть больныхъ и раненыхъ безспорно можетъ выдержать дальній переѣздъ и найти, въ содѣйствіи съ столицей, всѣ условія для полнаго выздоровленія. Кри-

тикую рѣшеніе московскаго уѣзднаго земства, „Московскія Вѣдомости“ признають цѣлесообразность устройства госпиталей въ большихъ при-волжскихъ городахъ—Саратовѣ, Самарѣ, Симбирскѣ, Казани; но вѣдъ разстояніе между этими городами и Москвою, сравнительно съ разстояніемъ между ними и Харбиномъ, совершенно ничтожно. Кто вынесетъ, безъ вреда, восемь или девять тысячъ верстъ рельсоваго пути, тотъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, легко вынесетъ девятую или десятую, если затѣмъ очутится въ лучшихъ условіяхъ или ближе къ родинѣ. Важно и то, что госпиталь, устроенный въ районѣ дѣятельности земства, можетъ, сослуживъ свою экстренную службу, быть обращенъ въ постоянное лечебное заведеніе, всегда полезное для мѣстныхъ жителей. Чѣмъ свободнѣе земства и города будутъ въ выборѣ формъ помощи, тѣмъ полнѣе и лучше будутъ использованы жертвуемыя ими суммы. Значительную долю самостоятельности предоставляетъ жертвователямъ и циркулярное письмо исполнительній комиссіи главнаго управленія общества Краснаго Креста, разосланное, 24-го минувшаго февраля, предсѣдателямъ земскихъ управъ. Плохую услугу общему дѣлу оказываютъ органы печати, рекомендующіе даже теперь стѣсненіе общественной инициативы.

Стремленіе стѣснить общественную инициативу всегда идетъ рука объ руку съ стремленіемъ стѣснить свободу слова. Геркулесовыхъ столбовъ и въ этомъ отношеніи достигаетъ, въ настоящую минуту, реакціонная печать. Возвращаясь къ мысли, унаслѣдованной отъ Каткова, г. Spectator, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 66), ¹⁾ еще разъ подчеркиваетъ право и обязанность правительства не допускать къ „публичнымъ каеодрамъ“, какими являются газеты и журналы, „завѣдомыхъ лгуновъ“ и удалять съ нихъ всѣхъ тѣхъ, кто сталъ бы проповѣдывать не правду, а ложь. „Значить ли это“,—говоритъ онъ дальше—„что цензура должна слѣдить теперь зорче, чѣмъ прежде, за тѣмъ, чтобы въ русской печати царил*а только правда* и изгонялась всякая ложь? При теперешнемъ положеніи русской печати можно отвѣчать на этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, лишь утвердительно. Мы не поклонники цензуры. Мы всегда отстаивали такую организацію печати въ Россіи, которая оберегала бы доступъ ко всенароднымъ политиче-

¹⁾ Непосредственнымъ поводомъ къ статьѣ г. Spectator'a, какъ и къ другимъ, о которыхъ мы упоминаемъ ниже, послужилъ отвѣтъ Государя Императора на всеподданнѣйшій адресъ представителей петербургской ежедневной печати. Въ заключительныхъ словахъ этого отвѣта выражена надежда, что печать „воспользуется своимъ большимъ вліяніемъ на общественное настроеніе, чтобы вносить въ него правду, и *только правду*“.

скимъ каеэдрамъ съ такою же тщательностью, съ какою учебная организация охраняетъ доступъ къ каеэдрамъ научнымъ. Предоставьте право говорить съ публицистическихъ каеэдръ только людямъ серьезно образованнымъ, безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи—тогда цензура превратится въ синекуру и станетъ излишнею. Но пока вы даете возможность говорить всенародныя политическія проповѣди людямъ, которымъ вы сами не довѣряете, вслѣдствіе ихъ невѣжества, умственной и нравственной незрѣлости, грубой алчности и безсовѣстности,—вы поневолѣ принуждены слѣдить зорко за каждымъ ихъ словомъ, чтобъ они не издѣвались надъ правдой и не заражали общественнаго настроенія возмутительною ложью". Что такое, съ точки зрѣнія добровольцевъ цензуры, правда, что такое ложь — это видно изъ другой статьи той же газеты (№ 63). „Субъективное мнѣніе“ — читаемъ мы здѣсь — „имѣетъ право на высказыванье только послѣ того, какъ оно тщательно провѣрено, продумано, сравнено съ другими мнѣніями, и въ этой критикѣ и изученіи выяснило для автора свою несомнѣнную правоспособность въ области человѣческой мысли. Голось невѣжества и легкомыслія, хотя бы самыхъ искреннихъ, не входитъ въ область *правды* въ сферѣ общественнаго мнѣнія... Учить общество, не будучи къ тому добросовѣстно подготовленнымъ—значитъ нарушать самую основу правды и служить лжи". Къ этимъ цитатамъ присоединимъ еще одну, изъ „Гражданина“ (№ 18). По словамъ еп. Мещерскаго, „свобода говорить правду о каждомъ государственномъ вопросѣ, о каждой нуждѣ русскаго народа, о каждомъ правительственномъ мѣропріятіи, о каждомъ законѣ давно уже полная для тѣхъ, которые хотятъ ея пользоваться для блага народа, соблюдая тактъ и уваженіе къ лицамъ, присущіе каждому порядочному человѣку; а не дозволяется только несоблюденіе такта и порядочности“.

Отъ всѣхъ этихъ полемическихъ цвѣтковъ, собранныхъ въ одинъ букетъ, идетъ по истинѣ ошеломляющій запахъ. Какъ! у насъ въ Россіи, при нашихъ законахъ и нашей административной практикѣ, не допускается въ печати *только* нарушение порядочности и такта? Соблюдая приличія, можно безпрепятственно говорить все и обо всемъ?.. Съ перваго взгляда трудно понять, откуда берется смѣлость писать и печатать нѣчто столь далекое отъ дѣйствительности. Ларчикъ, однако, отворяется очень просто: все дѣло въ жонглировкѣ словами, при которой они получаютъ не ихъ обычный, для всѣхъ понятный, а совершенно особый смыслъ. Ложью, напримѣръ, всегда и всѣми называется сознательное уклоненіе отъ истины—а намъ предлагаютъ считать ложью высказыванье недостаточно провѣреннаго и обдуманнаго мнѣнія. Правда отыскивается и устанавливается путемъ споровъ, въ которыхъ неизбѣжны ошибки—а намъ предлагаютъ выносить на

свѣтъ только то, что уже доказало свою „несомнѣнную правоспособность“. Главная бѣда, главная опасность заключается, впрочемъ, не въ этой игрѣ словами, а въ томъ, что она собою прикрываетъ и къ чему, въ концѣ концовъ, приводитъ. Какъ опредѣлить, достаточно ли „провѣрено и продумано“ высказываемое мнѣніе, достаточно ли добросовѣстна и полна подготовка, съ которою кто-либо выступаетъ въ печати? Гдѣ критерій для безошибочнаго разрѣшенія этого вопроса, гдѣ справедливые и безпристрастные его рѣшители?.. Съ точки зрѣнія г. Spectator'a и К^о „умственно и нравственно незрѣлыми“ являются всѣ „несогласно мыслящіе“, невѣжественными или недобросовѣстными— всѣ осмѣливающіеся „имѣть свое сужденіе“, независимое отъ казенныхъ шаблоновъ. Еслибы печать была подчинена порядку, о которомъ издавна мечтаютъ „Московскія Вѣдомости“, то продиктованный или одобренный разъ навсегда образъ мыслей—все равно, искренній или только аффишируемый—былъ бы необходимымъ условіемъ доступа къ газетной или журнальной работѣ. Пока не осуществленъ этотъ идеалъ, предметомъ реакціонныхъ пожеланій является возможно большее приближеніе къ нему со стороны цензуры, къ зоркости и бдительности которой и взываетъ московская газета. Въ такомъ призывѣ, повидимому, нѣтъ никакой надобности: меньше всего цензурное вѣдомство заслуживаетъ упрека въ бездѣйствіи или снисходительности. Весьма вѣрно замѣтилъ редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, говоря о „праздникѣ русской печати“: „Мало выразить правду— нужно имѣть право и возможность ее обнародовать. До сихъ поръ мы находились въ тяжелыхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи. Надъ печатью тяготѣютъ многочисленныя запреты, она далеко не свободна въ той мѣрѣ, которая дала бы ей возможность высказывать правду открыто и безбоязненно. Часто подъ запретъ попадало мнѣніе не за то, что оно противорѣчитъ истинѣ, но только за несогласованность его съ другими мнѣніями, выразителями и проводниками которыхъ являлись люди, облеченные возможностью похоронить его въ молчаніи... И до сихъ поръ самую грустную правду, которую мы, не погрѣшая, обязаны высказать, это—то, что намъ не всегда позволяли ее говорить“. Радостныя надежды, выраженіемъ которыхъ заканчивается статья г. Столыпина, кажутся намъ преждевременными; но это не уменьшаетъ заслугу автора, на котораго не даромъ съ настоящимъ бѣшенствомъ поспѣшилъ накинуться „Гражданинъ“. Органу несомнѣнно консервативному нельзя противопоставить тѣхъ обычныхъ fins de non recevoir, съ помощью которыхъ реакціонная печать старается наложить молчаніе на сторонниковъ свободы: и вотъ, на г. Столыпина взводятся обвиненія въ неблагонамѣренности и лицемеріи. Онъ пишетъ, „въ газетѣ подъ флагомъ“, „съ задачей казаться бѣлымъ, но быть краснымъ“;

ему дорога правда лишь „какъ вывѣска, подъ прикрытіемъ которой можно было бы всякому сорванцу покушаться на цѣлость основъ государства“. Да, съ точки зрѣнія кн. Мещерскаго и ему подобныхъ, г. Столыпинъ совершилъ тяжкое преступленіе: онъ ясно показалъ главную причину, по которой русская печать не можетъ говорить *только* правду и *всю* правду.

Еще большимъ нарушеніемъ самыхъ элементарныхъ правилъ литературной этики, чѣмъ выходка противъ г. Столыпина, является походъ „Гражданина“ (№ 20) противъ Д. Н. Шипова (предсѣдателя московской губернской земской управы) или, лучше сказать, противъ самостоятельности земства. Только-что сыгравъ роль цензора, кн. Мещерскій съ такимъ же „зеггимъ сердцемъ“ вторгается въ область политической полиціи. Провозгласивъ г. Шипова „лидеромъ какого-то открытаго противодѣйствія правительству“, „усиленіе *шиповщины*“ — послѣдствіемъ оказываемыхъ ей „послабленій“, редакторъ „Гражданина“ прямо взываетъ къ „полному проявленію правительственной силы“, т.-е. къ неутвержденію г. Шипова въ должности предсѣдателя московской губернской земской управы или, смотря по обстоятельствамъ, къ замѣнѣ всей управы членами, назначенными отъ правительства. Что означаетъ такая крайняя мѣра, какой разладъ она вноситъ въ земскія сферы, какъ отзывается на земской дѣятельности, а слѣдовательно и на народной жизни—до всего этого кн. Мещерскому нѣтъ никакого дѣла, какъ нѣтъ дѣла и до требованій закона ¹⁾; ему нужно только *проявленіе силы*, потому что только силу, въ простѣйшей ея формѣ, онъ понимаетъ и уважаетъ. И все это говорится—говорится съ наглою претензіей на авторитетность,—теперь, когда каждому русскому еще больше прежняго должна быть дорога законность, какъ лучшей источникъ нравственной силы! Мы не возражаемъ противъ расширенія административныхъ полномочій на театрѣ войны и въ близкомъ его сосѣдствѣ, вдоль путей, къ нему ведущихъ; но внутри государства, вдали отъ внѣшняго врага, уваженіе къ правамъ лицъ и учрежденій особенно важно, особенно необходимо именно тогда, когда требуется не только вызвать, но и поддержать высокій подъемъ общественнаго духа. Ни для кого, въ такое время, доступъ

¹⁾ На основаніи ст. 119-й земскаго положенія 1890-го года, при неутвержденіи кого-либо въ должности предсѣдателя или члена земской управы производятся новые выборы, и замѣщеніе должности по назначенію отъ правительства можетъ состояться лишь въ такомъ случаѣ, если выборы не состоятся или вновь избранное лицо не будетъ утверждено—а „Гражданинъ“ рекомендуетъ немедленно приступить къ назначенію.

къ общественной дѣятельности, въ ея законныхъ формахъ, не долженъ быть закрываемъ иначе какъ по судебному приговору, состоявшемуся съ соблюденіемъ всѣхъ процессуальныхъ гарантій. Настоящими врагами государства и народа являются тѣ, которые, съ недоувѣріе, стараются водворить кажущееся единодушіе путемъ вынужденнаго молчанія.

Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ скоромъ времени должна начаться работа губернскихъ совѣщаній по пересмотру законоположеній о крестьянахъ—работа, приостановка которой на время войны казалась одно время возможной и вѣроятной. Съ одинаковымъ жаромъ привѣтствуя открытіе совѣщаній, представители реакціонной печати въ Петербургѣ и Москвѣ не одинаково мотивируютъ свое радостное настроеніе. „Гражданинъ“, съ свойственной ему безцеремонностью, прямо выражаетъ надежду, что „успѣхъ губернскихъ совѣщаній вслѣдствіе войны для интересовъ правительства обезнеченъ: при патриотическомъ подъемѣ духа работы совѣщаній пойдутъ какъ по маслу, ибо никто не рѣшится въ такое время выступить въ активной роли оппозиціи губернатору въ совѣщаніи“. Будутъ ли приглашены къ участію въ совѣщаніяхъ земскіе дѣятели, соединяемые вн. Мещерскимъ подъ общимъ именемъ „оппозиціи“—этого мы не знаемъ: но если будутъ, то война, не имѣющая никакого отношенія къ проектируемому законодательному акту, не помѣшаетъ имъ, конечно, высказать, съ возможною откровенностью и полнотою, свой взглядъ на спорные вопросы, въ какой бы мѣрѣ онъ ни шелъ въ разрѣзъ съ мнѣніями губернатора... Болѣе сдержанна и болѣе искусна аргументація „Московскихъ Вѣдомостей“, но цѣль ихъ, въ сущности, та же, что у „Гражданина“: ограничить какъ можно больше свободу дѣйствій совѣщаній и привести рѣшенія ихъ къ одному, заранѣе установленному знаменателю. Соотвѣтственно цѣли выбраны и средства. Сьуживается, прежде всего, задача совѣщаній: дѣлу дается такой видъ, какъ будто бы обращеніе къ мѣстнымъ людямъ приурочено исключительно къ „нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ“ и вызвано единственно недостаточнымъ знакомствомъ петербургской центральной комиссіи „съ мѣстными взглядами, укоренившимися обычаями и т. п.“. Это совершенно невѣрно: составленные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проекты, какъ видно изъ Высочайшаго указа 8-го января, переданы на мѣста не только для „согласованія съ мѣстными особенностями“, но и для „дальнѣйшей разработки“. „Мѣстные люди“ должны внести въ совѣщаніе не только знаніе „мѣстныхъ особенностей“, но и всю сумму опыта и размышленія, изъ которой вытекаетъ усвоенный ими взглядъ на предстоящую реформу. Для самой работы совѣщаній намѣчается,

дальше, рядъ стѣснительныхъ условій. „Ничто такъ не вредитъ при выработкѣ различныхъ проектов“ — восклицаетъ реакціонная газета, — „какъ несогласованность, разрозненность взглядовъ по основнымъ вопросамъ. Мы уже знаемъ изъ печальнаго опыта уѣздныхъ и губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, къ какой болтовнѣ, часто даже зловредной, приводитъ отсутствіе указаній, о чемъ должно говорить, какія мѣстныя нужды нужно указывать. Вездѣ нужны извѣстныя рамки, иначе будетъ рѣшаться не дѣло, а будутъ литься потоки словъ, которымъ мѣсто не въ серьезныхъ, дѣловыхъ совѣщаніяхъ. Такого словоизверженія необходимо избѣгать въ губернскихъ совѣщаніяхъ, которыя несомнѣнно получили отъ министра ясныя и точныя инструкціи“. И здѣсь, думается намъ, нѣтъ ни одного слова правды. Рамки для работы совѣщаній установлены въ Высочайшемъ указѣ 8-го января, предрѣшившемъ сохраненіе крестьянскаго сословнаго строя, общиннаго землевладѣнія и неотчуждаемости надѣльныхъ земель. Никакихъ дальнѣйшихъ ограниченій инструкція министра внутреннихъ дѣлъ создать не можетъ: въ томъ кругѣ, который начертанъ Высочайшимъ указомъ, совѣщанія должны пользоваться полной свободой. „Согласованіе разрозненныхъ взглядовъ“ будетъ дѣломъ законодательной власти: въ средѣ совѣщаній желательна именно „разрозненность“ мнѣній, такъ какъ только она одна служитъ гарантіей всесторонняго, ничѣмъ не стѣсненнаго обсужденія спорныхъ вопросовъ... Заканчивается статья „Московскихъ Вѣдомостей“ указаніемъ тѣхъ группъ, изъ среды которыхъ желательно приглашать земскихъ членовъ совѣщаній: это—землевладѣльцы, постоянно живущіе въ своихъ имѣніяхъ, крестьяне, питающіеся отъ своей земли, и сельскіе священники ¹⁾. Цѣлесообразность участія такихъ лицъ въ составѣ совѣщаній мы, конечно, не отрицаемъ—но болѣе чѣмъ странно было бы обращаться *только* къ нимъ, обходя, напримѣръ, землевладѣльцевъ, зимою живущихъ въ городѣ, или крестьянъ, содержащихъ себя и семью почти исключительно кустарнымъ промысломъ. Между вышеприведенными строками нетрудно прочесть совѣтъ не выходить изъ круга „благонадежныхъ“ элементовъ, неспособныхъ идти въ разрѣзъ съ „начальствомъ“ и нарушать „тишь и гладь“ совѣщаній. Нужно на-

¹⁾ Какъ хорошо реакціонная газета знакома съ существующимъ земскимъ стремемъ—объ этомъ можно судить по слѣдующимъ ея словамъ: „и представители отъ крестьянства, и представители духовенства *чисто* являются членами уѣздныхъ земскихъ собраний“. *Представителей* духовенства со времени введенія положенія 1890-го года въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ нѣтъ и быть не можетъ, а есть *депутаты отъ духовнаго вѣдомства*, если епархіальное начальство признаетъ полезнымъ ихъ назначить. Что касается до представителей отъ крестьянства, то они входятъ въ составъ уѣздныхъ земскихъ собраний не *часто*, а *всегда*.

дѣяться, что надъ этимъ совѣтомъ возьметъ верхъ мудрое правило:
du choc des opinions jaillit la vérité.

Говоря о губернскихъ совѣщаніяхъ, „Московскія Вѣдомости“, какъ мы только-что видѣли, нашли нужнымъ нанести „боковой ударъ“ сельско-хозяйственнымъ комитетамъ, давно уже ненавистнымъ реакціонной печати. Этому боковому удару предшествовали многіе другіе, прямо направленные въ цѣль. Оспаривалась производительность „циклоническаго“ труда, исполненнаго комитетами; выражалось сожалѣніе, что вмѣсто пятисотъ „говорилень“ не было открыто нѣсколько десятковъ агрономическихъ собраний, вмѣсто одиннадцати тысячъ мѣній не было заслушано пятьсотъ, но идущихъ отъ свѣдущихъ и опытныхъ сельскихъ хозяевъ; высказывалось опасеніе, что 67 „громаднѣйшихъ“ томовъ, наполненныхъ отзывами комитетовъ, останутся, именно вслѣдствіе своей громадности, неиспользованными какъ въ законодательныхъ сферахъ, такъ и въ области публицистики. Всѣ эти крокодиловы слезы пролиты совершенно напрасно. Не говоримъ уже о томъ, что собственно труды комитетовъ составляютъ не 67, а 58 томовъ, между которыми „громаднѣйшихъ“ очень мало, небольшихъ—довольно много ¹⁾, а систематическіе своды (18 томовъ) могутъ только облегчить изученіе сырого матеріала; не говоримъ и о томъ, что сътовать на объемъ изданія меньше всего подобаешь тѣмъ сферамъ, откуда вышло колоссальное по величинѣ собраніе сочиненій одного писателя (Каткова), состоящихъ болѣею частью изъ давно потерявшихъ свое значеніе газетныхъ статей. Слѣдуетъ помнить, что труды комитетовъ—не книга, которую нужно прочесть съ начала до конца; каждый ищетъ въ нихъ того, что его главнымъ образомъ интересуетъ—и находить искомое, конечно не безъ значительной затраты времени, но безъ особыхъ затрудненій. Въ журналахъ, общихъ и специальныхъ (напр., въ „Русскомъ Богатствѣ“, въ „Вѣстникѣ Права“) появилось уже нѣсколько статей, основанныхъ на работахъ комитетовъ—и появится, безъ сомнѣнія, еще немало. Ничто не мѣшаетъ примѣнить тотъ же способъ пользованія работами комитетовъ и въ официальномъ мірѣ; трудъ, рационально раздѣленный, вовсе не будетъ особенно тяжелымъ. Драгоценнаго въ журналахъ комитетовъ и въ вызванныхъ ими запискахъ очень много; нужно только взглянуть на нихъ безъ

¹⁾ Каждый томъ трудовъ, за исключеніемъ относящихся къ цѣлымъ краямъ (привислинскому, кавказскому, туркестанскому, степному), посвященъ одной губерніи или области; а такъ какъ комитеты были не вездѣ одинаково многочисленны, и самый размахъ ихъ работы—не вездѣ одинаково широкъ, то величина отдѣльныхъ томовъ колеблется между 5—6 и 60—70 печатными листами:

высокомѣрнаго предубѣжденія, безъ предвзятой мысли объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ“. Только благодаря комитетамъ, напримѣръ, можно нѣсколько приподнять завѣсу, скрывающую желанія и взгляды населенія въ неземскихъ губерніяхъ; только благодаря имъ можно убѣдиться хотя бы въ томъ, какъ широко распространена въ этихъ губерніяхъ и какъ глубоко обоснована мысль о необходимости выборныхъ земскихъ учреждений. Не вездѣ, конечно, комитеты могли высказываться свободно, далеко не вездѣ самый ихъ составъ обезпечивалъ всестороннее и безпристрастное обсужденіе очередныхъ вопросовъ; но при благопріятныхъ условіяхъ они пролили массу свѣта на современную дѣйствительность. Изъ множества доказательствъ возьмемъ одно, случайно подвернувшееся намъ подъ руку. Рижскій корреспондентъ „Новаго Времени“ (№ 10066), рисуя картину обострившихся отношеній между прибалтійскими нѣмцами съ одной стороны, латышами и эстами—съ другой, приписываетъ наступательную роль двумъ послѣднимъ національностямъ, старающимся, будто бы, выбить нѣмцевъ изъ всѣхъ занимаемыхъ ими позицій. Къ иному выводу приводитъ знакомство съ трудами комитетовъ (въ особенности эстляндскихъ и лифляндскихъ; постановленія курляндскихъ комитетовъ отличаются краткостью и безцвѣтностью). Въ эстляндской губерніи главными выразителями потребностей крестьянскаго (т.-е. эстонскаго) населенія явились мѣстные сельско-хозяйственныя общества, представившія губернскому комитету рядъ записокъ, во многомъ сходныхъ между собою. Пожеланія, высказанныя въ этихъ запискахъ, имѣютъ, въ общемъ, весьма скромный характеръ; на первый планъ выдвигается обыкновенно, допущеніе крестьянъ къ участию въ земскомъ дѣлѣ, теперь всецѣло находящемся въ рукахъ дворянства. Отпоръ, встрѣченный этими пожеланіями, не отличается сдержанностью. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ особомъ мнѣніи везенбергскаго уѣзнаго депутата дворянства: „поданныя нѣкоторыми эстонскими сельско-хозяйственными обществами прошенія о допущеніи мелкаго землевладѣнія къ самоуправленію заключаютъ въ себѣ лишь желаніе воспользоваться извѣстными политическими правами, которыя до сихъ поръ правительство имъ не предоставило... Разсмотрѣніе такого рода прошеній тѣмъ менѣе желательно, что общества могутъ придти къ ошибочному заключенію, будто начальство допускаетъ вносить въ кругъ ихъ дѣятельности обсужденіе вопросовъ по администраціи. Ясно, что такое заблужденіе можетъ имѣть роковыя послѣдствія для сельско-хозяйственныхъ обществъ“. За признаніе упомянутыхъ ходатайствъ не подлежащими разсмотрѣнію губернскаго комитета подалъ голосъ и эстляндскій губернский предводитель дворянства. Та же противоположность тенденцій обнаружилась и въ Лифляндіи, гдѣ, напримѣръ, пред-

сѣдатель перновскаго уѣзднаго комитета (уѣздный депутатъ дворянства) не допустилъ обсужденія записки комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, указывавшей на необходимость переимѣны къ лучшему въ правовомъ и экономическомъ положеніи крестьянъ. Попытки наложить молчаніе на самыя разумныя и умѣренныя требованія—плохой путь къ соглашенію и единенію. Если господствовавшіе до сихъ поръ классы, среди которыхъ преобладаетъ нѣмецкая національность, не хотятъ поступиться ничѣмъ изъ своихъ привилегій, то неудивительно, что непримиримыми являются и латыши, и эсты, когда на ихъ сторонѣ случайно оказывается сила. Сближеніе національностей въ остзейскомъ краѣ станетъ возможнымъ только тогда, когда тамъ будетъ проведена, на справедливыхъ основаніяхъ, земская и аграрная реформа.

Почти безслѣдно, среди военного шума, прошло извѣстіе, которое въ другое время обратило бы на себя общее вниманіе. „Донская Рѣчь“ сообщила, ссылаясь на „вполнѣ освѣдомленный источникъ“, что съ вопросомъ о введеніи на Дону земскихъ учрежденій—еще недавно приближавшимся, повидимому, къ благопріятному окончанію,—рѣшено *повременить*, впредь до указаній опыта относительно результатовъ новаго земскаго хозяйства въ губерніяхъ витебской, минской и могилевской. Если это сообщеніе подтвердится, изъ него придется сдѣлать весьма печальный выводъ. До сихъ поръ можно было думать, что новый видъ земскихъ (земскихъ только по имени) учрежденій, призванный къ жизни, въ 1903 г., въ западномъ краѣ, созданъ исключительно въ виду особенностей національнаго состава мѣстнаго населенія и не подлежитъ, слѣдовательно, распространенію на центральныя мѣстности имперіи. Въ иномъ свѣтѣ представляется дѣло, если тѣ же учрежденія признаются, въ принципѣ, примѣнимыми къ такому чисторусскому краю, какъ область Войска Донскаго. Это значить, что допускается возможность превосходства мнимо-земскаго строя надъ дѣйствительно-земскимъ, управленія — надъ самоуправленіемъ, назначенія — надъ выборомъ, едва прикрытаго и чуть-чуть смягченнаго бюрократизма — надъ общественной инициативой. Однажды допустивъ *возможность* превосходства, легко убѣдить себя въ его *реальности*: стоитъ только взглянуть на факты съ предвзятой точки зрѣнія и расположить ихъ въ извѣстной перспективѣ, подчеркивая и ярко освѣщая одно, ступшевая и отодвигая на задній планъ другое. Тѣ немногія свѣдѣнія о сѣверо-западномъ „земствѣ“, которыя проникли до сихъ поръ въ печать, мало поддаются оптимистической окраскѣ; но вѣдь имъ могутъ быть противопоставлены другія, повѣрка которыхъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ меньше развита въ западномъ

(особенно въ сѣверо-западномъ) край независимая періодическая печать, чѣмъ больше распространяетъ въ средѣ населенія страхъ передъ властью. Характерно, во всякомъ случаѣ, сообщеніе минскаго корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 6), изъ котораго видно, что въ минской губерніи введеніе „земскихъ“ учреждений въ значительной степени парализовало дѣятельность мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества ¹⁾; въ засѣданіяхъ его теперь часто приходится слышать, въ видѣ отпора новымъ предложеніямъ, что тотъ или другой вопросъ входитъ въ компетенцію „земства“. Расходованіе „земствомъ“ дорожнаго капитала, по словамъ того же корреспондента, „уже вызываетъ жалобы. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій фактъ: отъ города Борисова до мѣстечка Зембинь идутъ двѣ дороги по обоимъ берегамъ р. Березины. По правому берегу расположено нѣсколько крупныхъ селеній, да и вообще эта дорога пользуется и пользовалась преимуществами. Съ лѣвой стороны по дорогѣ имѣется нѣсколько имѣній. Между тѣмъ комитетъ постановилъ мостить обѣ дороги, что вызываетъ лишній расходъ въ 100.000 руб., такъ какъ, помимо мощенія, на лѣвомъ берегу потребуется мостовое сооруженіе. Населеніе могло бы удовлетвориться и одной дорогой на этомъ участкѣ, тѣмъ болѣе, что другія дороги въ борисовскомъ уѣздѣ продолжаютъ пребывать въ первобытномъ состояніи. Помимо того, постройка дороги на правомъ берегу Березины сдава подрядчику, который остовъ дороги сдѣлалъ изъ торфа (вмѣсто песка и глины), такъ какъ въ окрестностяхъ находятся большіе залежи его. Какъ будетъ держаться эта торфяная мостовая въ осеннюю мокрогодицу, когда въ нее будетъ всасываться дождевая вода, или лѣтомъ, когда она будетъ накалена жарой и сгоритъ отъ первой брошенной искры? Этотъ вопросъ волнуетъ всѣхъ жителей борисовскаго уѣзда“. Читая подобныя вѣсти, невольно вспоминаешь, что за нѣсколько мѣсяцевъ до изданія закона 1903-го года, во время работъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, со всѣхъ концовъ западнаго края слышались голоса—то подавляемые, то болѣе или менѣе свободные—въ пользу введенія настоящихъ земскихъ учреждений.

Въ военныхъ событіяхъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ искать объясненіе и тому, что едва замѣченнымъ остался въ печати слухъ о предстоящемъ введеніи въ астраханской губерніи земскихъ учреждений новаго, третьяго типа, отличнаго и отъ настоящаго земства—земства центральной Россіи,—и отъ такъ называемаго земства западнаго края. Въ астраханской губерніи будутъ существовать, по газетнымъ свѣдѣніямъ, только уѣздныя земства, и притомъ, на пять уѣздовъ, только

¹⁾ Изъ трудовъ минскаго губернскаго сельско-хозяйственнаго комитета можно заключить, что мѣстное сельско-хозяйственное общество еще недавно было способно и расположено къ усердной работѣ.

три: астраханско-красноярское, енотаевско-черноярское и царевское. Гласные въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ будутъ выборные. Губернскаго земства не будетъ вовсе: всѣ функціи какъ губернскаго земскаго собранія, такъ и губернской земской управы приметъ на себя, подъ предсѣдательствомъ губернатора, губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе; оно будетъ утверждать всѣ ассигнованія уѣздныхъ земствъ и, вѣроятно, всѣ остальные ихъ постановленія. Съ особеннымъ восторгомъ привѣтствуютъ проектируемое земство „Московскія Вѣдомости“, исполненныя надежды, что оно послужитъ исходной точкой для общей земской реформы. Уничтоженіе губернскаго земства облегчитъ плательщиковъ земскаго сбора, устранивъ „губернскую земскую бюрократію“; уѣздныя дѣла будутъ находиться въ рукахъ людей дѣйствительно знакомыхъ съ условіями мѣстной жизни; губернское присутствіе не допуститъ чрезмѣрныхъ тратъ и фантастическихъ затѣй. Единственный недостатокъ столь совершеннаго порядка реакціонная газета видитъ въ сохраненіи выборнаго начала—но утѣшаетъ себя мыслью, что новое земство будетъ, въ сущности, только совѣщательнымъ учрежденіемъ: „все разумное, что предложить уѣздныя земства, правительство приметъ, все же вздорное и неразумное—отвергнетъ“. Итакъ, всякій правительственный органъ обладаетъ критеріемъ, позволяющимъ ему безошибочно различать „разумное“ отъ „неразумнаго“? Къ одному непогрѣшному папѣ присоединяется цѣлый рядъ непогрѣшимыхъ губернскихъ присутствій?... Не теряя больше словъ на опроверженіе забавныхъ преувеличеній, обратимся къ самому существу задуманнаго, будто бы, преобразования.

Астраханская губернія не въ первый разъ служитъ предметомъ проектовъ, вызванныхъ съ одной стороны сознаніемъ несостоятельности стараго порядка, съ другой—нежеланіемъ примѣнить къ окраинамъ нормальныя основы земскаго строя. Въ концѣ 1898 г. бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о введеніи земскихъ учрежденій въ трехъ губерніяхъ—астраханской, оренбургской и ставропольской ¹⁾. Предполагалось открыть въ каждой изъ этихъ губерній только *губернское* земское собраніе, избираемое по уѣздамъ и избирающее губернскую земскую управу. Губернскому собранію *предоставлялось* возлагать предварительное разсмотрѣніе подлежащихъ вѣдѣнію его дѣлъ на мѣстныхъ уѣздныхъ совѣщанія; а въ помощь губернской управѣ избирать особыхъ агентовъ, для завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ. Объяснялось все это незначительнымъ числомъ личныхъ землевладѣльцевъ, затрудняющимъ образованіе уѣздныхъ зем-

¹⁾ См. Внутр. Обзорѣніе въ № 2 „Вѣстника Европы“ за 1899 г.

скихъ учрежденій. Проектъ И. Л. Горемыкина не получилъ дальнѣйшаго хода. Преемникъ его, Д. С. Сипягинъ, включилъ астраханскую губернію въ число тѣхъ тринадцати, для которыхъ имъ были намѣчены учрежденія, земскія только по имени. При нынѣшнемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ кругъ дѣйствій этихъ учрежденій рѣшено ограничить девятью западными губерніями. Въ противоположность послѣднимъ, астраханская губернія должна, — если проектъ, изложенный нами выше, дѣйствительно существуетъ, — получить *выборное* земство; но, въ противоположность проекту И. Л. Горемыкина, это земство должно быть исключительное *уѣзднымъ*. На разстояніи немногихъ лѣтъ земскій вопросъ, въ одной и той же мѣстности, предполагается разрѣшить, такимъ образомъ, диаметрально различными способами. Одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы возбудить сомнѣніе въ цѣлесообразности реформъ, имѣющихъ, въ сущности, характеръ экспериментовъ. Нельзя же допустить, чтобы единственнымъ подходящимъ для астраханской губерніи въ 1898 г. было губернское, а въ 1904 г. — уѣздное земство. Мы старались показать, въ свое время, полную возможность открытія въ астраханской губерніи уѣздныхъ земскихъ учрежденій; еще легче убѣдиться въ возможности открытія въ ней губернскаго земства, разъ что признаются осуществимыми уѣздныя земскія собранія и управы. Уѣздныя земства — это фундаментъ, на которомъ вездѣ и всегда безпрепятственно можетъ быть воздвигнуто губернское земство... Каждое уклоненіе отъ типа, созданнаго законодателемъ въ 1864-мъ году, служить новымъ доказательствомъ въ пользу системы, гармонически объединяющей различныя ступени мѣстнаго самоуправленія. Верхняя ступень, взятая отдѣльно отъ нижнихъ, виситъ на воздухѣ; нижнія ступени, не завершаемыя верхнею, остаются разрозненными, лишенными устойчивости и прочности. Намъ говорить о „губернской земской бюрократіи“, отъ которой, благодаря отсутствію губернскаго земства, останется свободной астраханская губернія; но если и допустить — вопреки очевидности — неизбежность бюрократическаго элемента въ губернскомъ земствѣ, то чѣмъ же онъ хуже административно-бюрократическаго начала, свойственнаго всякому присутственному мѣсту? Если отъ него несвободны, въ земскихъ губерніяхъ, губернскія по земскимъ дѣламъ присутствія, функціи которыхъ имѣютъ преимущественно контролирующій характеръ, то въ еще большей степени оно будетъ преобладать въ присутствіи, облеченномъ рѣшающею властью и составляющемъ высшую инстанцію надъ уѣздными земскими собраніями... Въ астраханскомъ проектѣ реакціонная печать видитъ „начало конца“, т.-е. первый шагъ къ совершенному упраздненію губернскаго земства. Не повторяя того, что мы еще недавно говорили противъ этой мѣры, замѣтимъ только одно:

менѣе чѣмъ когда-либо она была бы понятна именно теперь, въ виду земскихъ постановленій, вызванныхъ открытіемъ военныхъ дѣйствій.

Къ числу мало замѣченныхъ явленій послѣдняго времени слѣдуетъ отнести еще работы особаго совѣщанія по вопросу о „децентрализаци“, т.-е. объ окончательномъ разрѣшеніи на мѣстахъ такихъ дѣлъ, которыя до сихъ поръ доходили до центрального управленія. Большого вниманія, впрочемъ, эти работы не обратили бы на себя и въ обыкновенное, мирное время. Никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ наше административное устройство и въ соприкасающіяся съ нимъ области нашей общественной жизни онѣ не вносятъ, свидѣтельствуя только о томъ, какъ много мелочей до сихъ поръ загромождало собою наши столичные канцеляріи. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Губернатору передается выдача разрѣшеній на вступленіе въ бракъ должностнымъ лицамъ V-го и VI-го класса; ему же предоставляется утвержденіе въ званіи ветеринарныхъ фельдшеровъ лицъ, выдержавшихъ соответствующее испытаніе (утвержденіе въ званіи не-ветеринарныхъ фельдшеровъ и фельдшерницъ будетъ зависѣть отъ губернскаго правленія). Попечителю учебнаго округа передается разрѣшеніе на предъявленіе учебными заведениями исковъ цѣною до 2.000 рублей, а управленію государственными имуществомъ — предъявленіе исковъ цѣною до 5.000 руб. (трудно понять, почему управленію государственными имуществомъ довѣріе оказывается въ большей мѣрѣ, чѣмъ попечителю учебнаго округа). Мѣстному епархіальному начальству предоставляется разрѣшать открытіе при церквахъ больницъ, пріютовъ и богадѣленъ... Безспорно, всѣ подобныя перемѣны совершенно рациональны — но столь же безспорно и то, что общій характеръ нашей бюрократіи и послѣ нихъ остается такимъ же, какимъ былъ до сихъ поръ.

PS. Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда мы прочли въ газетахъ извѣстіе о соглашеніи, состоявшемся между председателями губернскихъ земскихъ управъ нѣсколькихъ губерній, гдѣ земскими собраніями сдѣланы пожертвованія на нужды военнаго времени, и исполнительною комиссіею Краснаго Креста. Главные пункты этого соглашенія заключаются въ слѣдующемъ: земства принимаютъ на себя осуществленіе на Дальнемъ Востокѣ санитарно-питательной помощи, путемъ устройства и содержанія этапныхъ, врачебно-продовольственныхъ пунктовъ и эвакуаціонныхъ баржъ-лазаретовъ. Земства могутъ завѣдывать отправкой отрядовъ на мѣста дѣйствія, веденіемъ общей отчетности и рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ органи-

заці дѣла. Земства, соединившіяся для организаціи помощи на театрѣ военныхъ дѣйствій, если пожелаютъ, сохраняютъ свою индивидуальность въ осуществленіи помощи на Дальнемъ Востокѣ. Уполномоченные земства считаются уполномоченными Краснаго Креста. Земства имѣютъ право назначать своихъ представителей въ исполнительную комиссію и наблюдательный комитетъ Краснаго Креста. — Итакъ, земства и ихъ представители сохраняютъ значительную самостоятельность въ завѣдываніи предпріятіями, организуемыми на земскія средства. Не лишено значенія и то, что соглашенію предшествовали совѣщанія предсѣдателей управъ, подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Шипова. Общая работа земствъ остается возможной и при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КЛАССЫ ВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ Г. Г. С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ.

Въ текущемъ 1904-мъ году, а именно 25 мая, исполнится тридцатилѣтіе со времени изданія „Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 года“. Ровно за два года передъ тѣмъ, 31 мая, было издано „Положеніе 1872 года о городскихъ училищахъ“—шестилѣтнихъ (ст. 7). По поводу совершившагося тогда 30-лѣтія этого послѣдняго „Положенія“ мы имѣли уже случай указать на ничтожное развитіе этихъ „городскихъ“ училищъ сравнительно съ „начальными“, основаніемъ для которыхъ послужило училищное „Положеніе“ 1874 года: напримѣръ, въ г. Петербургѣ, къ истеченію 30-лѣтія „Положенія“ 1872 г. было какихъ-нибудь 15—16 „городскихъ“ училищъ, между тѣмъ какъ „начальныхъ“ училища къ этому времени считались уже сотнями; такое же отношеніе между этими двумя типами училищъ сложилось повсюду: вездѣ преуспѣвали одни „начальныя“ училища. Причина того заключалась, прежде всего, въ томъ, что пришлось бы, 30 лѣтъ тому назадъ, распространять „городскія“ училища въ средѣ народной массы, погруженной тогда, въ огромномъ большинствѣ, въ невѣжество; безграмотность въ народѣ составляла тогда еще колоссальный процентъ. Между тѣмъ, „Положеніе“ 1872 г. устанавливало въ ст. 7: „На прохожденіе *полнаго* курса ученія въ городскихъ училищахъ назначается *шесть* лѣтъ“; такому времени соотвѣтствуетъ и самая программа обученія въ нихъ; въ этихъ училищахъ (ст. 18) преподаются: „арифметика; практическая геометрія; географія и исторія отечества съ необходимыми свѣдѣніями изъ всеобщей исторіи и географіи; свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики; черченіе и рисованіе“, и т. д. Сверхъ того, въ этихъ училищахъ могутъ быть вводимы и дополнительные предметы (ст. 14), какъ, напримѣръ, иностранные языки. И въ нихъ же предполагалось обучать „чтенію и письму“, изъ чего можно заключить, что въ городскія училища имѣлось въ виду принимать и безграмотныхъ. Но при тогдашнемъ невѣжествѣ и безграмотности народныхъ массъ, а съ другой стороны, при бѣдности населенія и при невозможности для правительства взять на себя всѣ расходы по народному образованію, въ „городскихъ“ училищахъ были бы переполнены одни младшіе классы, а потому пришлось какъ бы выдѣлить ихъ изъ полного состава городскихъ училищъ и образовать изъ нихъ особую группу „начальныхъ“ училищъ, гдѣ программа была такова, что эти начальныя училища можно было бы разсматривать,

какъ приготовительныя въ послѣднимъ четыремъ классамъ „городскихъ“ училищъ: эти послѣднія такимъ образомъ и сохраняютъ за собою названіе „четыреклассныхъ“ (ст. 11). По программѣ такихъ начальныхъ училищъ (ст. 3, Полож. о начальной училищ. 1874 г.) предметами учебнаго курса въ нихъ, кромѣ Закона Божія, служатъ: „чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; письмо и первыя четыре дѣйствія ариметики“.

Главное преимущество и причина необычайнаго преуспѣянія „начальныхъ“ училищъ сравнительно съ „четыреклассными“ состояли именно въ ихъ дешевизнѣ съ одной стороны, а съ другой—и это самое существенное—въ томъ, что они были изъяты изъ вѣдѣнія дирекціи народныхъ училищъ, а слѣдовательно и учебнаго округа, и переданы въ вѣдѣніе особыхъ городскихъ, губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, гдѣ принимали и принимаютъ дѣятельное участіе въ распоряженіи учебнымъ дѣломъ города и земства, содержащіе на свой счетъ начальныя училища, предсѣдателями же являются предсѣдатели губернскихъ земскихъ собраній и городскіе головы. Въ г. Петербургѣ, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, было 6 городскихъ четырехклассныхъ училищъ и 14—начальныхъ; въ 1877 году министерство народнаго просвѣщенія передало въ вѣдѣніе городской Думы только тѣ 14 начальныхъ училищъ, а четырехклассныя „городскія“ училища удержало за собою, какъ и продолжаетъ удерживать до сихъ поръ. Съ того времени прошло цѣлое 25-лѣтіе, и въ 1902 году въ результатѣ оказалось слѣдующее: число городскихъ четырехклассныхъ училищъ, оставшихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и содержимыхъ на его средства, возросло съ 6 до 17 для обоого пола (14 мужск. и 3 женск.), а вслѣдствіе того, что, наконецъ, въ 1898 году, министерство разрѣшило и городу открывать четырехклассныя училища, но на правахъ частныхъ лицъ, къ тѣмъ 17 присоединилось 3 четырехклассныхъ для обоого пола (2 мужск. и 1 женск.)—всего же въ 1902 году было 20 четырехклассныхъ „городскихъ“ училищъ. Въ тотъ же самый періодъ времени, начальныя училища, содержимыя на счетъ города, возросли съ 14, принятыхъ въ 1877 г. отъ министерства, съ 800 учащимися, до 470 училищъ съ 24.365 учащимися обоого пола (12.420 мальч.; 11.945 дѣв.)!! Итакъ, въ теченіе 25 лѣтъ, число четырехклассныхъ городскихъ училищъ, содержимыхъ на счетъ министерства, едва только утроилось, а число начальныхъ училищъ, содержимыхъ городомъ, возросло почти въ 33 раза!! Въ маѣ 1902 года, изъ начальныхъ училищъ было выпущено, какъ окончившихъ курсъ съ успѣхомъ, около 4.900 дѣтей обоого пола, въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ, а изъ 20 городскихъ четырехклассныхъ—не болѣе 400, а слѣдовательно и важнѣйшій открылось такое же число или немного болѣе—на 4.900 дѣтей,

окончившихъ ученіе въ начальныхъ училищахъ. Въ г. Москвѣ встрѣчается аналогическое явленіе: въ московскихъ начальныхъ училищахъ, содержимыхъ на счетъ города, въ 1900 г. окончило курсъ около 3.000 дѣтей (болѣе 1.600 мальч. и свыше 1.300 дѣв.). „По свѣдѣніямъ, — говоритъ докладъ московской училищной комиссіи, — объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ, извѣстно, что лишь около $\frac{1}{4}$ части (25%) дѣвочекъ и нѣсколько болѣе $\frac{1}{3}$ мальчиковъ (37%) продолжаютъ въ той или иной формѣ дальнѣйшее образованіе“. Для подавляющаго большинства, такимъ образомъ, создается между окончаніемъ начальной школы и началомъ практической жизни болѣе или менѣе продолжительное время праздности, когда затериваются усвоенные въ школѣ знанія и навыки, и развиваются дурныя вліянія и привычки. Заполнить это время ученіемъ, дать средства къ продолженію образованія, отвѣтить на растущую потребность въ болѣе широкомъ знаніи, нежели дается начальной школой, является нынѣ серьезной и уже неотложной задачей, поставленной передъ городскимъ управленіемъ^а — такъ докладывала московская училищная комиссія въ іюнѣ 1903 года. Конечно, открытіе четырехклассныхъ городскихъ училищъ въ числѣ соотвѣтственномъ выпускаемымъ изъ начальныхъ училищъ было бы наилучшею мѣрою къ удовлетворенію потребности населенія въ болѣе широкомъ знаніи, но это требуетъ и большого времени, и слишкомъ большихъ одновременныхъ затратъ, а потому — заключаетъ докладъ московской комиссіи — долженъ быть теперь же поставленъ „вопросъ о тѣхъ мѣрахъ, при помощи которыхъ въ ближайшемъ будущемъ городское (московское) управленіе могло бы въ той или иной мѣрѣ удовлетворить потребность населенія въ дополнительной школѣ. Одною изъ такихъ мѣръ могло бы быть, по нашему мнѣнію, открытіе особыхъ дополнительныхъ курсовъ въ помѣщеніяхъ начальныхъ училищъ въ свободное отъ учебныхъ занятій время. Такіе курсы, не требуя со стороны города особенно высокихъ затратъ, могли бы уже въ ближайшее время получить самое широкое развитіе и временно восполнить недостатокъ въ тѣхъ образовательныхъ средствахъ къ продолженію начальной школы, которыми располагаетъ населеніе Москвы“, — прежде нежели окажется возможнымъ открытіе „городскія“ училища въ должномъ числѣ. А за годъ передъ тѣмъ, во второй половинѣ 1902 года, въ одномъ изъ петербургскихъ начальныхъ училищъ сдѣланъ былъ, съ разрѣшенія недавно скончавшагося, въ сожалѣнію, попечителя учебнаго округа Х. С. Головина, уже и первый опытъ открытія такихъ дополнительныхъ классовъ на основаніи пункта 2-го „Примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ“ (утверждены мин. нар. просвѣщ. 7 февраля 1897 г.). Ссылаясь на этотъ опытъ, годъ спустя, такой же опытъ постановила сдѣлать и мо-

сковская городская Дума, но въ Москвѣ, вѣроятно, иначе посмотрѣли на все это дѣло, нежели въ Петербургѣ, и московскій попечитель остановилъ въ Москвѣ открытіе Думою дополнительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ и перенесъ самое дѣло на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія. Благодаря этому обстоятельству, а также полному сочувствію бывшаго министра народнаго просвѣщенія, Г. Э. Зенгера, цѣли, съ которою было предпринято въ Петербургѣ и Москвѣ открытіе дополнительныхъ, при начальныхъ училищахъ, классовъ,—нынѣ это дѣло является поставленнымъ на прочномъ основаніи закона 20 декабря 1903 года, и потому можетъ быть разсматриваемо какъ новый и вмѣстѣ важный шагъ къ скорѣйшему удовлетворенію естественной потребности городского населенія въ дополнительной школѣ, поставленной отнынѣ между начальными и четырехклассными училищами.

Министерство народнаго просвѣщенія нашло, что „возбужденное московскою городскою Думою ходатайство о разрѣшеніи устройства проектированныхъ ею дополнительныхъ классовъ не можетъ быть удовлетворено въ порядкѣ закона (какъ мы видѣли выше, открытіе дополнительныхъ классовъ могло опереться только на правила, утвержденныя мин. нар. просвѣщенія), а также, что учрежденіе такого класса при Василеостровскомъ начальномъ училищѣ въ городѣ С.-Петербургѣ не оправдывается точнымъ смысломъ законоположеній о начальныхъ народныхъ училищахъ, подчиненныхъ училищнымъ совѣтамъ. Съ другой стороны—по мнѣнію г. министра—образовательныя потребности именно столичнаго населенія неизбѣжно приводятъ къ постановкѣ вопроса о дополненіи курса начальныхъ училищъ именно способомъ, проектированнымъ московскою городскою Думою и уже осуществленнымъ при одномъ училищѣ города С.-Петербурга“...

Но при этомъ министерство народнаго просвѣщенія не могло не принять во вниманіе, что „дѣйствующими законоположеніями допускается дополненіе курса начальныхъ училищъ предметами, не указанными въ ст. 3471 св. законовъ (т. XI, ч. I, изд. 1893 г.), лишь путемъ преобразования ихъ въ двухклассныя приходскія по уставу 1828 г., или же двухклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія по инструкціи 1875 г. Но такое преобразование, требуя затраты значительныхъ денежныхъ средствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сопряжено съ изгачіемъ училища изъ вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ, а слѣдовательно съ устраненіемъ общественныхъ управленій, учреждающихъ училища, отъ участія въ завѣдываніи оными. Признавая такое участие наилучшимъ средствомъ привлеченія общественнаго сочувствія къ дѣлу начального народнаго образованія, министерство народнаго просвѣщенія предполагаетъ въ вырабатываемый имъ нынѣ проектъ

новаго положенія о низшихъ учебныхъ заведеніяхъ ввести соотвѣтственныя измѣненія дѣйствующихъ законоположеній объ училищныхъ совѣтахъ и предметахъ ихъ вѣдѣнія. Но осуществленіе сего предположенія, по сложности вопросовъ, вызываемыхъ столь крупною реформою, требуетъ времени. Между тѣмъ, условія, въ коихъ находится народное образованіе въ столицахъ, какъ въ отношеніи запроса на сіе образованіе, такъ и въ отношеніи имѣющихся въ нихъ на лицо педагогическихъ силъ, позволяютъ нынѣ же допустить въ С.-Петербургѣ и Москвѣ извѣстныя изыатія изъ общаго порядка организаціи сего образованія, тѣмъ болѣе, что учебное начальство въ этихъ городахъ имѣетъ возможность болѣе легкаго и удобнаго контроля надъ школами сравнительно съ прочими мѣстностями Имперіи“.

Въ виду изложеннаго, министерство народнаго просвѣщенія призвало возможнымъ впредь, до изданія новаго общаго положенія о низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, „разрѣшить учрежденія въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, *въ видѣнннхъ городскихъ училищныхъ совѣтовъ*, дополнительныхъ классовъ при начальныхъ народныхъ училищахъ—примѣнительно къ программамъ и продолжительности старшаго класса двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, учрежденныхъ по инструкціи 4-го іюня 1875 г., но безъ предоставленія учащимся, окончившимъ курсъ такихъ дополнительныхъ классовъ, правъ по отбыванію воинской повинности, равныхъ окончившимъ курсъ министерскихъ двухклассныхъ училищъ“.

Впрочемъ, первую льготу по отбыванію воинской повинности учащіяся въ дополнительныхъ классахъ уже получили, какъ окончившіе съ успѣхомъ ученіе въ начальныхъ училищахъ, да и вообще такое лишеніе особыхъ правъ, присвоенныхъ учащимся въ министерскихъ двухклассныхъ училищахъ, можно сказать, является ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣти, въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, не останутся болѣе праздными и не только укрѣпять окончательно пріобрѣтенное ими въ начальныхъ училищахъ, но и значительно расширять его. Сверхъ того, за дополнительными классами останется одно преимущество предъ министерскими двухклассными училищами: они остаются въ вѣдѣннхъ городскихъ училищныхъ совѣтовъ, гдѣ засѣдаютъ члены отъ земства и городовъ, а слѣдовательно, въ завѣдываннхъ ими примутъ участіе и представители общества, что, какъ справедливо призналъ бывшій министр народнаго просвѣщенія, Г. Э. Зенгеръ, служить „лучшимъ средствомъ привлеченія общественнаго сочувствія къ дѣлу народнаго образованія“. Въ министерствѣ, какъ мы видѣли выше, предполагается „въ вырабатываемый имъ нынѣ проектъ новаго положенія о низшихъ учебныхъ заведеніяхъ „внести соотвѣтственныя измѣненія дѣйствию-

щих законоположеній объ училищныхъ совѣтахъ и предметахъ ихъ вѣдѣнія“. Желательно, чтобы, несмотря на личную перемѣну въ министерствѣ, вышеприведенная мысль о необходимости привлеченія общественныхъ силъ къ дѣлу народнаго образованія, легла въ основаніе и новаго проекта положенія о низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; если городскія четырехклассныя училища, какъ мы видѣли, чрезвычайно отстали въ своемъ развитіи отъ начальныхъ училищъ, то главною причиною того было то обстоятельство, что послѣднія находились въ подчиненіи училищнымъ совѣтамъ, гдѣ принимаютъ участіе представители земствъ и городовъ, а первые — остались въ исключительномъ вѣдѣніи министерской администраціи. Желательно также, чтобы этотъ новый шагъ въ дѣлѣ народнаго образованія не ограничился бы Петербургомъ и Москвою—причины, побудившія сдѣлать въ нихъ этотъ шагъ, существуютъ, несомнѣнно, уже теперь и въ такихъ большихъ городахъ, какъ Одесса, Харьковъ, Казань и мн. другіе.—М. М.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1904.

Вопросъ о продолжительности войны и о будущемъ мирѣ.—Военное занятіе Кореи и фиктивный договоръ между двумя „императорскими правительствами“.—Тревожное настроеніе въ Европѣ.—Переговоры объ англо-французскомъ соглашеніи и китайскій нейтралитетъ.—Парламентскіе споры во Франціи.

Война на Дальнемъ Востокѣ не подвигается впередъ съ тою быстротою, какой ожидала публика послѣ первыхъ извѣстій о японскихъ нападеніяхъ. Прошло почти два мѣсяца, а настоящія военныя дѣйствія на сушѣ еще и не начались; дѣйствія же японцевъ на морѣ ограничиваются пока безплодными бомбардировками и атаками, повторяющимися въ водахъ Портъ-Артура черезъ извѣстные промежутки времени съ утомительнымъ однообразіемъ. По общему мнѣнію, военныя операціи примутъ болѣе рѣшительный характеръ, когда сосредоточеніе войскъ будетъ съ обѣихъ сторонъ доведено до конца; многіе признаки указываютъ на неизбѣжность продолжительной и трудной кампаніи при условіяхъ даже менѣе благоприятныхъ, чѣмъ послѣдняя турецкая война,—въ виду дальности разстоянія. Специалисты военнаго дѣла полагаютъ, что война можетъ затянуться на два года или даже больше, такъ какъ намъ придется выбивать японцевъ изъ разныхъ гористыхъ мѣстъ Кореи, гдѣ можетъ встрѣтиться не одна Плевна. Намъ кажется однако, что степенъ продолжительности войны зависитъ и отъ другихъ обстоятельствъ и соображеній, кромѣ техническихъ. Еслибы оказалось, что Японія потерпѣла неудачу въ своихъ военныхъ планахъ, то для нея исчезли бы мотивы къ упорному продолженію начатой кампаніи; точно такъ же и мы съ своей стороны не имѣли бы повода желать непремѣнной кровавой расправы съ непріателемъ, котораго никакъ нельзя устранить отъ постоянного сосѣдства съ нашими владѣніями у Тихаго океана. Первые крупныя встрѣчи у границъ Манчжуріи должны сразу рѣшить вопросъ, могутъ ли японцы вытѣснить насъ изъ предѣловъ занятой нами территории или нѣтъ; не достигнувъ успѣха въ этомъ предпріятіи, они очутились бы въ довольно затруднительномъ положеніи въ Корей и едва ли имѣли бы возможность удержаться тамъ при дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ событій. Японія предпочла бы тогда почетное отступленіе, еслибы оно было ей доступно, и безобидный для нея компромиссъ представлялъ бы и для насъ несравненно больше выгоды, чѣмъ удачное продолженіе войны

Нельзя придавать серьезное значеніе увѣреніямъ, что Японія, будто бы, ведетъ теперь борьбу за свое національное существованіе: захватъ Кореи былъ для нея дѣломъ честолюбія, а вовсе не вопросомъ жизни, такъ какъ въ экономическомъ отношеніи Корея и безъ того находилась въ рукахъ японцевъ; еще менѣе можно допустить, что жизненные интересы Японіи требуютъ восстановленія китайской власти и китайскихъ порядковъ въ Манчуріи. Что касается Россіи, то она съ самаго начала ничего не требовала отъ Японіи и не могла бы также получить отъ нея ничего существеннаго въ случаѣ полной надъ нею побѣды. Уничтоживъ японскую армію, мы не могли бы проникнуть въ предѣлы самой Японіи, отдѣленной отъ насъ океаномъ, и не было бы, конечно, разумнаго разчета въ подобномъ предпріятіи, если бы даже оно было фактически осуществимо. Что могла бы намъ дать или уступить побѣжденная Японія? Ея тѣсныя, густо населенные острова намъ не нужны; денегъ у нея нѣтъ, а если бы были даже колоссальныя средства, то ими нельзя было бы вознаградить потерю хотя бы одной человѣческой жизни. По существу настоящая война остается и должна остаться для насъ чисто-оборонительною, и когда задача обороны будетъ исполнена, намъ нечего будетъ дѣлать съ японцами;— поневолѣ надо будетъ отпустить ихъ съ миромъ, подъ условіемъ прочнаго политическаго соглашенія. Наказывать японцевъ за ихъ ложный патріотизмъ и за ихъ преувеличенное довѣріе къ коварнымъ совѣтамъ друзей—было бы неразсчитливо и безцѣльно; морское могущество Японіи не будетъ поколеблено нашими побѣдами на сушѣ, и такъ или иначе, придется примириться съ существованіемъ этой предпримчивой и энергической державы на Дальнемъ Востокѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ газетъ заранѣе беспокоятся по поводу того, что враждебные намъ иностранные кабинеты помѣшаютъ намъ воспользоваться всѣми плодами нашихъ побѣдъ и опять повлекутъ насъ на какой-нибудь конгрессъ, въ родѣ берлинскаго. Между тѣмъ въ дѣйствительности нѣтъ ни малѣйшаго сходства между настоящею войною и русско-турецкою, и сами патріоты, высказывающіе приведенное опасеніе, не могли бы объяснить, въ чемъ заключались бы желанные реальныя плоды нашего торжества надъ Японією, — тогда какъ всякій точно знаетъ предметъ и цѣль нашихъ походовъ противъ турокъ. Если бы намъ не помѣшали великія державы и наши собственные ошибки, мы могли бы освободить балканскія народности отъ турецкаго гнета, открыть себѣ выходъ изъ Чернаго моря черезъ Босфоръ и Дарданеллы и утвердиться въ Константинополѣ, или по крайней мѣрѣ превратить его въ вольный международный городъ; намъ не удалось достигнуть этихъ традиціонныхъ политическихъ цѣлей, не смотря на военный разгромъ Турціи, и въ этой неудачѣ принято обви-

нять западно-европейскую дипломатию и берлинскій конгрессъ. Имѣется ли въ виду что-нибудь подобное въ нашемъ столкновеніи съ Японіею? Какую страну или близкую намъ народность нужно намъ освободить отъ японскаго владычества? Какіе политическіе и національные интересы Россіи страдаютъ отъ господства Японіи надъ принадлежащими ей островами? Мы не говоримъ уже объ огромномъ принципиальномъ различіи между разлагающимся организмомъ мусульманской Турціи и прогрессивною, бодро пока развивавшеюся японскою имперіею. Было бы большимъ и опаснымъ заблужденіемъ—примѣнять къ настоящей войнѣ политическіе выводы изъ нашихъ испытаній по балканскому вопросу.

Война только начинается, и намъ необходимо теперь же уяснить себѣ ту безспорную истину, что нашъ будущій миръ съ Японіею не можетъ доставить намъ какія-либо существенныя территоріальныя или иныя приобрѣтенія, или открыть намъ новые политическіе горизонты на Дальнемъ Востоке. Рано или поздно японцамъ придется возстановить съ нами дружественныя сосѣдскія отношенія, и поддержаніе этихъ отношеній будетъ для насъ не менѣе важно, чѣмъ для Японіи. Взаимное довѣріе подорвано, правда, тѣми обстоятельствами, при которыхъ начата война, и не скоро могутъ вновь укрѣпиться прежнія связи; но японцы поступали только какъ вѣрные ученики тѣхъ, которые не признаютъ никакой этики въ международныхъ отношеніяхъ. Духъ непримиримости долженъ быть чуждъ вѣрней политикѣ, и наши публицисты должны были бы избѣгать преждевременныхъ угрозъ, осуществленіе которыхъ будетъ неудобно и вредно для самой Россіи. Если война станетъ упорно продолжаться послѣ перваго серьезнаго пораженія японской арміи у границъ Манчжуріи, то это можетъ зависѣть только отъ доброй воли японцевъ; въ нашихъ интересахъ было бы тогда же, удовлетворивъ требованіе чести, согласиться на посредничество дружественныхъ европейскихъ кабинетовъ для возбужденія переговоровъ о мирѣ. Такое посредничество не повредило бы намъ по той простой причинѣ, что никакихъ полезныхъ результатовъ мы вообще не ожидали отъ навязанной намъ войны, и чѣмъ скорѣе она окончится безъ ущерба для нашихъ интересовъ, тѣмъ лучше будетъ для страны и народа. Съ этой точки зрѣнія представляется намъ мало вѣроятнымъ, чтобы война затянулась надолго при нѣкоторой успѣшности операцій нашей арміи. Какъ только Японія придетъ къ убѣжденію, что сдѣлала ошибку, взявъ на себя непосильную задачу,—тотчасъ же явится почва для компромисса, и война можетъ прекратиться за отсутствіемъ достаточныхъ побужденій къ дальнѣйшему кровопролитію.

Въ ожиданіи будущаго поворота событій въ ту или другую сторону, японское правительство успѣшило заручиться внѣшнимъ одобріемъ формальной международной санкціи для оправданія совершившагося факта военнаго занятія Кореи. Корея, бывшая когда-то въ вассальной зависимости отъ Китая, признана недавно самостоятельнымъ и независимымъ государствомъ, съ громкимъ титуломъ имперіи; въ этой имперіи существуетъ императоръ, имѣющій своихъ министровъ, сановниковъ и дипломатовъ. При самомъ началѣ русско-японской войны, Корея, какъ извѣстно, объявила официально о своемъ нейтралитетѣ; но не успѣла она почувствовать себя нейтральной, какъ пришли японскія войска и постепенно заняли страну, не встрѣтивъ нигдѣ сопротивленія. Японцы держатъ корейскаго императора какъ бы въ почетномъ плѣну и свободно распоряжаются въ его государствѣ; затѣмъ они заключили съ плѣннымъ императоромъ формальный договоръ, которымъ вся власть надъ Кореею передается въ руки Японіи. Текстъ договора изложенъ въ шести статьяхъ слѣдующаго содержанія: „Въ видахъ сохраненія постоянной и прочной дружбы между Японіею и Кореею и твердаго установленія мира на Дальнемъ Востокѣ императорское правительство Кореи оказываетъ полное довѣріе императорскому правительству Японіи и принимаетъ совѣты послѣдняго относительно улучшенія администраціи. Императорское правительство Японіи, проникнутое духомъ крѣпкой дружбы, будетъ заботиться о безопасности и спокойствіи императорскаго двора въ Корей; оно также окончательно гарантируетъ независимость и территориальную неприкосновенность корейской имперіи. Въ случаѣ, если благосостояніе императорскаго дома въ Корей или территориальная цѣлость страны подвергнется опасности вслѣдствіе нападеній третьей державы или по причинѣ внутреннихъ замѣшательствъ, императорское правительство Японіи немедленно приметъ необходимыя мѣры, требуемыя обстоятельствами, и въ такомъ случаѣ императорское правительство Кореи предоставитъ всѣ удобства для облегченія дѣйствій императорскаго японскаго правительства. Послѣднее можетъ для достиженія вышеуказанной цѣли занять, если обстоятельства того потребуютъ, такіе пункты, какіе окажутся нужными съ стратегической точки зрѣнія. Правительства обѣихъ странъ не могутъ въ будущемъ, безъ обоюднаго согласія, вступать съ третьей державою въ какое-либо соглашеніе, противорѣчащее принципамъ настоящаго протокола. Подробности, имѣющія связь съ содержаніемъ настоящаго договора, будутъ всегда устанавливаться соотвѣтственнымъ соглашеніемъ между представителями Японіи и министромъ иностранныхъ дѣлъ Кореи“.

Этотъ оригинальный „протоколъ“ принадлежитъ къ числу тѣхъ улюбдовъ международнаго права, въ которыхъ грубое насиліе прикры-

вается мягкими формами внѣшняго приличія. Неожиданно занятая японскими войсками, безсильная Корея не может не соглашаться на все, что предпишетъ ей Японія, и такого рода фиктивная сдѣлка не имѣетъ, конечно, значенія серьезнаго международнаго акта. Въ этомъ документѣ содержится, между прочимъ, внутреннее противорѣчье, дающее матеріалъ для признанія недѣйствительности самого договора. Въ немъ говорится, что Японія окончательно гарантируетъ независимость корейской имперіи, и въ то же время эта независимость уничтожается отдачею Кореи и ея правительства въ полное распоряженіе Японіи. Еслибы протоколъ былъ редактированъ болѣе умѣло, съ устраненіемъ слова „независимость“, то можно было бы утверждать, что Корея формально отреклась отъ своего дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія и признала надъ собою верховную власть Японіи; теперь же выходитъ, что японское правительство своимъ формальнымъ заявленіемъ о независимости Кореи само лишаетъ себя права ставить ее въ зависимое, подчиненное положеніе, и что поэтому всѣ одностороннія полномочія, взятая на себя Японіею по отношенію къ корейской имперіи, должны быть признаны незаконными, вытекающими лишь изъ исключительныхъ обстоятельствъ военнаго времени. Съ окончаніемъ войны теряетъ почву и нынѣшняя военно-политическая оккупация Кореи, явно нарушающая провозглашенный Японіею принципъ независимости и территоріальной неприкосновенности корейскаго государства. Державы, такъ или иначе заинтересованныя въ сохраненіи самостоятельности Кореи, имѣли бы право настаивать на практическомъ соблюденіи этого принципа, вопреки японскимъ притязаніямъ, и вопросъ о Корей могъ бы разрѣшиться благополучно обычнымъ дипломатическимъ способомъ, безъ кровопролитныхъ битвъ съ японскими войсками. Мирное разрѣшеніе корейскаго спора, безъ сомнѣнія, значительно облегчилось бы, еслибы одновременно было окончательно урегулировано положеніе Манчжуріи путемъ надлежащаго формальнаго трактата съ Китаемъ, безъ нарушенія правъ и интересовъ другихъ націй.

Нервное настроеніе, внесенное въ политическую жизнь русско-японскою войною, сказывается не только въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ-Штатахъ, но и въ небольшихъ европейскихъ государствахъ, которыя обыкновенно считаются свободными отъ волненій и заботъ, связанныхъ съ вопросами внѣшней политики. Повсюду принимаются какія-то мѣры безопасности, собираются броненосныя эскадры, готовятся къ дѣлу миноносцы,—точно гдѣ-нибудь въ Европѣ можетъ повториться внезапная ночная атака, въ родѣ случившейся

въ Портъ-Артурѣ. Вооружается на всякій случай даже Данія; вооружается Швеція съ Норвегією, и въ общемъ чувствуется неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Причины этой нервности отчасти понятны: Англія находится въ союзѣ съ Японією, а Франція связана съ Россією, и въ каждый данный моментъ могутъ наступить обстоятельства, при которыхъ англичане сочтутъ себя обязанными присоединиться къ своимъ союзникамъ; вмѣстѣ же англичанъ заставило бы и французовъ принять участіе въ войнѣ, согласно договору о франко-русскомъ союзѣ, и такимъ образомъ разгорѣлся бы тотъ обще-европейскій пожаръ, который издавна пугаетъ воображеніе народовъ. Само собою разумѣется, что ни Англія, ни Франція, не желаютъ активно вмѣшиваться въ событія, происходящія на Дальнемъ Востоцѣ; но британская международная политика не пользуется репутаціею сдержанности и миролюбія, такъ какъ англичане, въ качествѣ островитянъ, не боятся континентальныхъ державъ и сохраняютъ безспорное фактическое преобладаніе на моряхъ и океанахъ. Двусмысленная роль лондонскаго кабинета въ русско-японскомъ дипломатическомъ конфликтѣ и необыкновенно рѣзкій вызывающій тонъ англійской печати относительно Россіи создавали сильную тревогу въ западно-европейскомъ общественномъ мнѣніи, указывая на очевидную солидарность Англіи съ новѣйшимъ воинственнымъ предпріятіемъ Японіи. Особенное безнокойство замѣчалось среди миролюбивыхъ французовъ, которые вообще привыкли равнодушно относиться къ отдаленнымъ международнымъ вопросамъ, не касающимся непосредственно Франціи; перспектива возможнаго участія въ этихъ далекихъ событіяхъ побудила даже нѣкоторыхъ французскихъ политическихъ дѣятелей высказать мнѣніе о неудобствахъ и опасностяхъ франко-русскаго союза. — мнѣніе, встрѣтившее, правда, оживленные протесты въ значительной части публики и печати. Всѣ понимали, что Франція не измѣнитъ своимъ обязательствамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ были въ сущности увѣрены, что эти обязательства не получатъ примѣненія въ данномъ случаѣ, такъ какъ Англія не рѣшится возбудить общую войну изъ-за споровъ о Манчжуріи и Корей.

Успокоенію умовъ во Франціи много содѣйствовали офиціозныя извѣстія объ успѣшномъ ходѣ дипломатическихъ переговоровъ, съ цѣлью заключенія общаго англо-французскаго соглашенія по всѣмъ спорнымъ или нерѣшеннымъ между обѣими державами колониальнымъ вопросамъ. Переговоры касаются и Египта, и центральной Африки, и Марокко, и Сіама, и косвенно также дѣль и событій Дальняго Востока. Англичане придаютъ большое значеніе нѣкоторымъ французскимъ уступкамъ относительно Египта, гдѣ фактически французы продолжаютъ пользоваться большимъ вліяніемъ, въ качествѣ участниковъ

въ ликвидаціи египетскаго государственнаго долга: изъ общей суммы этого долга въ 2.340 милліоновъ франковъ около двухъ-третей, а именно 1.580 милліоновъ франковъ, принадлежитъ французскимъ капиталистамъ. Большинство акціонеровъ и владѣльцевъ облигацій египетскаго поземельнаго кредита состоятъ изъ французовъ. Въ Египтѣ существуетъ 108 французскихъ торговыхъ домовъ; мѣстныя земельныя владѣнія французовъ оцѣниваются въ 53 милліона франковъ. Больше половины всего состава высшей администраціи Суэзскаго канала и почти весь служебный персоналъ составляютъ французы. Французскіе миссіонеры имѣютъ въ своихъ школахъ до пятнадцати тысячъ туземныхъ воспитанниковъ, владѣющихъ французскимъ языкомъ. Благодаря оппозиціи представителей Франціи, англо-египетское правительство не можетъ располагать излишками доходовъ, поступающихъ въ кассу государственнаго долга, и это обстоятельство значительно стѣсняло до сихъ поръ финансовое управленіе Египта. Въ 1896 году, Англія, при содѣйствіи членовъ тройственнаго союза, провела въ египетской коммисіи государственнаго долга постановленіе о выдачѣ пятисотъ-тысячъ фунтовъ стерлинговъ изъ излишковъ дохода этой коммисіи на покрытие издержекъ по экспедиціи въ Суданъ; но Франція обжаловала это рѣшеніе мѣстному смѣшанному трибуналу, и оно было отиѣнено, какъ незаконное; съ того времени строго соблюдается тотъ же порядокъ накопленія излишковъ въ кассѣ государственнаго долга, и только теперь французское правительство соглашается предоставить англо-египетской администраціи бѣльшій просторъ въ употребленіи государственныхъ доходовъ для пользы страны, въ обмѣнъ на соотвѣтственныя уступки со стороны Англіи. По дѣламъ Дальняго Востока выяснилось, что и лондонскій, и французскій кабинеты, не считали бы активное вмѣшательство Китая въ русско-японскую распрю тѣмъ нападеніемъ третьей державы, которое предусматрѣно союзными договорами, и которое обязывало бы заступиться за союзника, подвергшагося новому нападенію; этотъ взглядъ основывается на отсутствіи въ Китаѣ прочнаго центральнаго правительства, отвѣтственнаго за общую политику имперіи, причемъ военныя дѣйствія противъ какой-либо европейской націи или противъ иностранцевъ вообще приобрѣтаютъ характеръ возстаній и безпорядковъ, не зависящихъ отъ воли и власти богдыхана. Другого толкованія нельзя было желать и съ точки зрѣнія Россіи, наиболѣе заинтересованной въ нейтралитетѣ Китая: забота объ этомъ нейтралитетѣ становится общимъ дѣломъ культурныхъ державъ, такъ какъ китайскія народныя волненія были бы неизбѣжно направлены противъ всѣхъ иноземцевъ. Еслибы вмѣшательство Китая въ войну противъ Россіи могло вовлечь въ дѣло и Францію, то въ такомъ случаѣ и Англія съ своей стороны должна была бы вмѣшаться

въ пользу Японіи, и вмѣсто противодѣйствія китайскимъ нападеніямъ произошло бы нѣчто такое, о чемъ и думать не желательно. Европа вышла уже изъ того состоянія, когда еще возможны были колоссальныя міровыя войны, и ни одно разумное правительство не допуститъ увлечь себя на путь, могущій привести къ бессмысленной всеобщей бойнѣ. При настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ можно пока считать локализацию русско-японской войны вполне обезпеченною, и этотъ результатъ достигнуть прежде всего усиліями Франціи, въ связи съ переговорами о будущемъ англо-французскомъ соглашеніи по колониальнымъ вопросамъ.

Министерство Комба, заправляющее дѣлами Франціи уже болѣе двадцати мѣсяцевъ (съ іюня 1802 г.), довело до конца предпринятую имъ упорную и систематическую борьбу противъ духовныхъ конгрегацій. По мѣрѣ того какъ подвигалось впередъ практическое примѣненіе закона, изданнаго при Вальдекѣ-Руссо, расширялось и толкованіе новыхъ ограничительныхъ и упразднительныхъ правилъ: мало-по-малу уничтожены всѣ права и привилегіи, которыя еще оставались за монашескими орденами, особенно въ области воспитанія и обученія молодыхъ поколѣній.

Въ теченіе послѣднихъ недѣль горячо обсуждался въ палатѣ депутатовъ новый законопроектъ, первый параграфъ котораго гласитъ прямо и ясно: „обученіе всякаго рода и свойства запрещено конгрегаціямъ“. Дѣятели консервативной и умѣренно-либеральной оппозиціи настойчиво пытались измѣнить смыслъ проектированнаго правила, вносили разныя поправки и оговорки, болѣе или менѣе остроумныя, и обнаруживали въ этомъ отношеніи замѣчательную изобрѣтательность, которая, однако, не приводила ни къ чему. Аббатъ Лемиръ предлагалъ другую редакцію статьи: „обученіе начальное, среднее и высшее запрещено конгрегаціямъ во Франціи“. Въ этой формѣ законъ допускалъ бы, во-первыхъ, духовныя профессиональныя школы, и во-вторыхъ, французскія учебныя и воспитательныя заведенія монашескихъ орденовъ въ чужихъ краяхъ. Послѣ энергическихъ возраженій министра торговли Трульо и самого Комба статья была принята въ первоначальномъ видѣ, съ прибавкою только словъ: „во Франціи“. Одинъ изъ депутатовъ правой совѣтуетъ вставить слова: „кромѣ сельскохозяйственнаго обученія“; другой вноситъ дополнительную прибавку: „профессиональное обученіе не подлежитъ дѣйствію этого закона“; третій предлагаетъ добавить слова: „кромѣ высшаго образованія“; четвертый проектируетъ такое дополненіе: „кромѣ школъ для дѣвочекъ въ селеніяхъ, имѣющихъ менѣе пятисотъ жителей, и гдѣ не существуютъ общественныхъ училищъ, специально назначенныхъ для дѣ-

вочекъ";—всѣ эти поправки отклонены значительнымъ большинствомъ голосовъ. Болѣе успѣшны были старанія бывшаго министра народнаго просвѣщенія Жоржа Лейга спасти нѣкоторыя категоріи французскихъ духовныхъ школъ за границею и въ колоніяхъ. Въ дополненіе къ параграфу, предписывающему упразднить всѣ семинаріи для образованія монаховъ или новиціаты, Лейгъ настаивалъ на принятіи слѣдующей оговорки: „за исключеніемъ тѣхъ заведеній, которыя предназначены готовить учебный персоналъ для французскихъ школъ за границею, въ колоніяхъ и въ земляхъ, состоящихъ подъ французскимъ протекторатомъ“. Министръ колоній, Гастонъ Думергъ, долго и упорно возставалъ противъ этого предложенія, во имя общихъ принциповъ, но не сумѣлъ ясно отвѣтить на неоднократно поставленный ему вопросъ: можетъ ли онъ помѣшать появленію иностранныхъ религіозныхъ школъ за границею на мѣсто упраздненныхъ французскихъ, и чѣмъ замѣнилъ бы онъ неизбѣжный вслѣдствіе этого упадокъ французскаго вліянія въ далекихъ краяхъ? Поправка Лейга была одобрена палатою послѣ оживленныхъ и продолжительныхъ преній. Депутатъ Дюмонъ добился только весьма важнаго ограниченія для новиціатовъ: воспитанниками ихъ могутъ быть молодые люди не моложе двадцати-одного года. Такимъ образомъ, посвящать себя духовной профессіи предоставлено лишь совершеннолѣтнимъ. Министерство Комба держится и вдохновляется этимъ господствующимъ во Франціи враждебнымъ отношеніемъ къ монашеству и клерикализму, и на этой почвѣ сходятся пока всѣ разрозненные группы парламентскаго большинства.

Недавно бывший министр, социалистъ Мильеранъ, пробовалъ колебать положеніе кабинета при содѣйствіи недовольныхъ элементовъ палаты, но потерпѣлъ неудачу; въ засѣданіи 17 (4) марта онъ неожиданно обратился къ правительству съ рѣзкими упреками въ бездѣйствіи по важнымъ вопросамъ соціальной политики: ни президентъ совѣта министровъ, ни министръ финансовъ не обнаруживаютъ ни малѣйшаго интереса къ занятіямъ парламентской комиссіи, вырабатывающей проектъ закона о пенсіяхъ для рабочихъ, и онъ, Мильеранъ, въ качествѣ предсѣдателя комиссіи, тщетно приглашалъ министровъ въ ея засѣданія для необходимыхъ предварительныхъ объясненій и соглашеній; а безъ этого комиссія лишена возможности исполнить свою задачу. Между тѣмъ, въ программу министерства Комба входили и законопроекты въ пользу рабочаго населенія, а не однѣ только энергическія мѣры противъ конгрегацій, внѣ которыхъ глава кабинета какъ будто ничего не видитъ; такая чрезмѣрная односторонность, по мнѣнію Мильерана, причиняетъ вредъ республикѣ и подрываетъ довѣріе народа къ правительству. Комбъ отвѣчалъ на эту ядовитую

обвинительную рѣчь простыми указаніями на факты: кабинетъ провель законы объ обезпеченіи рабочихъ въ старости и въ случаяхъ инвалидности, осуществилъ крупную военную реформу сокращеніемъ срока обязательной военной службы, ввелъ значительныя финансовыя и фискальныя улучшения, подготавливаетъ почву для установленія общаго подоходнаго налога и вообще далеко не ограничиваетъ своихъ заботъ борьбою противъ конгрегацій. Запросъ Мильерана, по словамъ Комба, вызванъ не столько интересами соціальной политики, сколько закулисными интригами противъ кабинета. Въ защиту министерства выступилъ и лучший ораторъ парламента, социалистъ Жоресь. Онъ прежде всего, какъ членъ комиссіи, председателемъ которой состоитъ Мильеранъ, выразилъ удивленіе по поводу того, что комиссія не была предупреждена о желаніи Мильерана поднять въ парламентѣ вопросъ объ ея занятіяхъ и о равнодушіи къ нимъ правительства. Такого же рода обвиненія высказывались и въ то время, когда Мильеранъ былъ министромъ; представители рабочихъ утверждали, что онъ измѣнилъ своимъ соціалистическимъ убѣжденіямъ, вступивъ въ составъ правительства, и что онъ слишкомъ мало дѣлаетъ для рабочаго класса; Жоресь тогда защищалъ его, и Мильеранъ не былъ тогда такимъ пессимистомъ, какъ теперь. И Жоресь, подобно Комбу, довольно прозрачно намекаетъ на личные мотивы этого внезапнаго пессимизма, обращеннаго въ оружіе противъ кабинета. Вполнѣ возможно разрушить на время силоченность парламентскаго большинства и низвергнуть министерство при помощи правой; но послѣ этого не составится новое республиканское большинство, и Мильеранъ, конечно, не будетъ привлеченъ къ участию въ новыхъ министерскихъ комбинаціяхъ,—такъ что республиканская партія въ цѣломъ пострадала бы безъ всякой пользы для Мильерана и его единомышленниковъ. Мильеранъ говорилъ дважды, стараясь опровергнуть замѣчанія и намеки Комба и Жореса; ему приходилось скорѣе оправдываться, чѣмъ обвинять, и его оправданія не отличались особенною убѣдительностью. Въ палатѣ, какъ и въ печати, господствовало повидимому убѣжденіе, что Мильеранъ заручился содѣйствіемъ вліятельныхъ парламентскихъ дѣятелей, бывшихъ министровъ—Лейга, Поля Думѣ, Этьенна и Кальо, для возбужденія министерскаго кризиса; оттого и весь этотъ инцидентъ получилъ какой-то непріятный отгѣнокъ и послужилъ какъ будто матеріаломъ для разоблаченія заднихъ мыслей нѣкоторыхъ честолюбцевъ, обыкновенно скрывающихъ свои планы и расчеты при публичномъ обсужденіи государственныхъ и политическихъ вопросовъ. Жоресь нанесъ сильный ударъ популярности Мильерана своею рѣчью въ засѣданіи палаты; впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, было тѣмъ сильнѣе, что оба дѣятеля принадлежатъ къ одной и той же

группѣ передовыхъ республиканцевъ-соціалистовъ. Палата, большинствомъ 284 голосовъ противъ 265, приняла формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенную сторонниками правительства, — такъ что послѣднее одержало верхъ только благодаря какимъ-нибудь двадцати голосамъ; изъ этого видно, что значительная часть палаты, начиная съ молчаливой правой, съ нетерпѣніемъ ждетъ министерскаго кризиса и воспользуется всякимъ случаемъ, чтобы способствовать паденію кабинета Комба.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1904.

I.

— Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина, Книга осмнадцатая. Спб. 1904.

Настоящій XVIII томъ „Жизни и трудовъ М. П. Погодина“ исполненъ живѣйшаго интереса. Мы отиѣчаемъ его внѣ связи съ предыдущими томами, предполагая вернуться къ нимъ особо. Живая лѣтопись событій, для которыхъ на нашихъ глазахъ наступаетъ исторія,— обширная работа г. Барсукова освѣщаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, о которыхъ прежде можно было судить лишь болѣе или менѣе гадательно и въ общей формѣ.

XVIII-й томъ посвященъ первымъ годамъ эпохи освобожденія. Онъ открывается знаменитымъ манифестомъ „о волѣ“, написаннымъ, какъ извѣстно, митрополитомъ Филаретомъ. Г. Барсуковъ приводитъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ того, какъ неясность и сбивчивость этого манифеста, мѣстами переходившая въ какую-то боязнь высказать основную мысль открыто и смѣло, повергала многихъ, особенно крестьянъ, въ полное недоумѣніе. Первое время, по отзывамъ очевидцевъ, народъ отнесся къ нему съ полнымъ недоувѣріемъ,—очевидно, манифестъ былъ совершенно не понятъ. И. С. Аксаковъ отзывался о манифестѣ, что онъ былъ написанъ „уродливо“, „на какомъ-то татарскомъ языкѣ“, но самый фактъ освобожденія онъ называлъ необъятнымъ, великимъ и святымъ. У всѣхъ, кто понималъ значеніе совершившагося, дѣло освобожденія вызвало или неподдѣльныя слезы восторга и обновленія, или глубокаго раздраженія и негодованія, какъ это было у потерявшихъ почву завязыхъ крѣпостниковъ. Эта двойственность впечатлѣнія являлась какъ бы соотвѣтствіемъ той неуувѣренности въ себѣ руководящихъ сферъ, которая отзывалась на реформахъ какой-то не-

устойчивостью, половинчатостью въ дѣйствіяхъ и взглядахъ. „Признаюсь,—писалъ И. С. Аксаковъ,—чѣмъ больше я читаю *Положеніе*, тѣмъ мнѣ грустнѣе становится, грустнѣе именно потому, что въ составленіи его участвовали близкіе мнѣ люди. *Положеніе* обличаетъ полную несостоятельность нашего интеллигентнаго класса. Нельзя безнаказанно одной рукой жестиковать въ либеральномъ смыслѣ, а другой сѣчь; нельзя безнаказанно либеральствовать и въ одно и то же время ссылать въ Сибирь Унковскаго, запрещать дворянамъ толковать на выборахъ и налагать молчаніе на литературу. Черкасскій говорить, не было другого практическаго выхода. Мнѣ до этого дѣла нѣтъ“.

Поправить „Положенія“ взялся Погодинъ и написалъ, въ объясненіе ихъ, двѣ „граммотки“ въ слашаво-народномъ духѣ, но онѣ успѣха не имѣли. Вскорѣ послѣ объявленія воли изъ разныхъ мѣстъ стали получаться извѣстія, что крестьяне волнуются, грабятъ помѣщичьи усадьбы и отказываются отъ всякихъ повинностей въ отношеніи къ помѣщикамъ. Помѣщики раздражались въ свою очередь, и столкновенія при надѣлѣ земель казались неизбежны. „Между тѣмъ,—такъ изображалъ современное состояніе умовъ А. В. Никитенко,—такъ называемый, образованный классъ и передовые—какъ они сами себя называютъ—люди, бредятъ конституціей, социализмомъ и проч. Юношество въ полной деморализации. Польша кипитъ—и не одно Царство Польское, но и Литва. Все это угрожаетъ тѣмъ-то зловѣщимъ“...

Въ то же самое время происходили событія, ярко иллюстрировавшія такое положеніе дѣлъ. Разыгралась „Щаповская исторія“. Баккалавръ казанской духовной академіи Щаповъ выразилъ, въ числѣ цѣлой группы студентовъ академіи и университета, сочувствіе крестьянамъ, пострадавшимъ при подавленіи вооруженной силой бунта—„по поводу воли“. На панихидѣ по убитымъ Щаповъ говорилъ рѣчь, какую—въ точности неизвѣстно, но, по отрывочнымъ свѣдѣніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ томъ духѣ, что—„ученіе Христа было демократическое. Онъ умеръ за свободу, какъ умираютъ теперь; наши братья труженики удобряли своею кровію нивы, которыя поили своимъ потомъ, скоро настанетъ минута освобожденія Россіи и что-то о конституціи“... Участь Щапова была бы, вѣроятно, довольно печальная (объ его рѣчи было доложено Государю),—если бы въ немъ не принялъ участіе казанскій попечитель кн. П. П. Вяземскій и не пристроилъ его въ Петербургъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Это покровительство возмутило А. Н. Муравьева, который излил свое негодованіе въ письмѣ къ одному „влиятельному“ лицу, и здѣсь, между прочимъ, писалъ: „Теперь явилась новая книжка: „Земство и Расколъ“ Щапова, который былъ за казанскую исторію чуть не со-

славъ въ Соловецкій монастырь, и вмѣсто того причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, по уваженію къ его таланту (хотя я никакъ не могу сообразить, что можетъ быть сходнаго между Соловками и министерствомъ), а куда направленъ его талантъ, мы видимъ изъ его брошюры. Еще это только первый выпускъ; если же съ рукъ сойдетъ, то каковы будутъ послѣдующіе? И всѣ молчатъ, а брошюра сія была уже напечатана отдѣльными статьями и въ журналахъ.

„Дѣлать изъ нея выписки нахожу излишнимъ, потому что вся она отъ начала до конца проникнута тѣмъ же мятежнымъ духомъ, который обнаруживается въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ.

„Сущность книги: что расколъ есть ничто иное, какъ протестъ земства противъ правительства, по его нестерпимымъ злоупотребленіямъ, и что слѣдственно характеръ раскола не есть религіозный, а гражданскій. Выбрало себя нѣкогда земство царя, но царь не въ силахъ былъ одолѣть всѣхъ злоупотребленій людей и чиновныхъ, и приказныхъ, а сынъ его, царь Алексѣй, составилъ свое *Уложеніе*, мимо земства, и сталъ править по своей волѣ, почему и прослылъ самодержцемъ.

„Отъ сего образовался расколъ въ царствѣ, и земство отпало отъ царя, оттого и первые раскольники стали бѣгать по лѣсамъ и пустынямъ, чтобы отыскать себѣ свободу, такъ какъ иго сіе уже становилось невыносимо.

„Осьмой же царь антихристъ, т.-е., Петръ Великій, въ потокахъ крови похоронилъ старую Русь, и началась еще болѣе тяжкая эпоха при устроителѣ новой политическо-географической, петербургско-губернской централизаціи властей. По выраженію автора, расколъ есть недовольство народное. Все горе, злосчастье, всѣ элементы бунтовъ народныхъ, возвелъ онъ въ вѣковой народный заговоръ, въ согласье, въ доктрину. Духъ Стеньки Разина, духъ стрѣльцовъ воплотился въ живучую, неумиращую вѣковую оппозицію раскола. Это настоящій коммунизмъ съ безпрестанными выходками противъ бояръ и чиновниковъ, требующій уравниенія во всемъ, съ частыми ссылками на раскольничьи книги, изъ которыхъ приводятся цѣлыя тирады съ народными пѣснями; однимъ словомъ, расколъ выбранъ орудіемъ или, лучше сказать, рычагомъ, чтобы все поднять для какой-нибудь новой Пугачевщины“.

„И это поняли весьма хорошо наши заграничные агитаторы, которые къ расколу обращаютъ свои воззванія, надѣясь черезъ его средство возмутить Россію, такъ какъ она, вопреки ихъ чаянію, осталась спокойною послѣ освобожденія крестьянъ. А между тѣмъ, расколъ все болѣе и болѣе распространяется, потому что ему дѣлаютъ всякаго рода поблажки, и напрасно думаютъ, что духовенство само

собой, одними пастырскими увѣщаніями можетъ, безъ содѣйствія правительственныхъ мѣръ, искоренить эту язву, которая теперь дѣйствительно имѣетъ характеръ болѣе политическій, нежели духовный, такъ какъ расколъ образуетъ родъ *status in statu*“.

Посѣтовавъ на цензуру, наблюденіе за которой дѣлилось тогда между министерствами просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, за ея попустительство вреднымъ авторамъ, Муравьевъ продолжаетъ: „Изумительно также равнодушіе нашихъ верховныхъ сановниковъ не только къ сему дѣлу, но и вообще къ либеральному или, лучше сказать, возмутительному настроенію умовъ, котораго они хотя сами и не раздѣляютъ, но однако потворствуютъ ему вполне своимъ равнодушіемъ. Невольно вспомнишь острое слово покойнаго Алексѣя Петровича Ермолова, при учрежденіи корпуса жандармовъ. „Теперь,—говорилъ онъ,—у каждаго или голубой мундиръ, или голубая подкладка, или хотя голубая заплатка“. Не то же ли и теперь можно сказать, съ переменю только голубого цвѣта на красный? Иной улыбается, другой пожимаетъ плечами, всѣ чего-то боятся, а чего—сами не знаютъ, потому что паническій безотчетный страхъ овладѣлъ всѣми.

„Разгулъ небольшой шайки развратныхъ пролетаріевъ или исключенныхъ поповичей представляется имъ какъ-будто голосомъ всего народа, и этой шайкѣ позволяютъ бушевать по произволу. Изъ недостойныхъ видовъ популярности, они прислушиваются къ тому, что скажетъ о нихъ Европа, и не хотятъ слышать того, что вопіетъ въ ихъ слухъ Россія; а между тѣмъ, зло усиливается отъ такого малодушія, которое походить, можно сказать, на какую-то водобоязнь“.

Въ то время, какъ лучшие умы пытались съ разныхъ точекъ зрѣнія осмыслить совершавшійся на ихъ глазахъ пестрый хаосъ явленій, съ запада и съ юга Россіи въ общественное сознаніе входили все новые вопросы: начинала волноваться Польша, Малороссія требовала признанія правъ самобытности и равноправности за малорусскимъ языкомъ и литературой. Загорѣлся принципиальный споръ между И. С. Аксаковымъ и Костомаровымъ. Аксаковъ не вѣрилъ въ возможность образованія малорусскаго общаго литературнаго языка и видѣлъ въ стремленіи къ этому противорѣчіе жизни и исторіи. На это Костомаровъ отвѣчалъ: „Вы находите, что стремленіе писать по-малорусски и создавать особую литературу противно исторіи и жизни. Да, противно исторіи. Но какой? Исторіи войнъ, трактатовъ, министерскихъ распоряженій, кабинетскихъ соображеній, васильственныиъ размежеваній краевъ, составленію данныхъ и вѣрчихъ на милліоны человѣческихъ душъ, живущихъ и грядущихъ въ земной жизни. Но оно не противно Исторіи народной мысли, народныхъ чувствованій и побужденій, слѣдовательно не противно и жизни. Коль скоро существуетъ

народъ съ собственною фізіономією, съ своеобразными приѣмами, съ собственнымъ нарѣчіемъ, то не противно жизни и его своеобразное свободное развитіе. Вы не видите возможности... Будьте логичны и вѣрны себѣ. Откройте намъ принципъ вашъ и дѣйствуйте съ нами сообразно съ нимъ. Либо станьте на точку государственной принудительности и дѣйствуйте за одно съ III-имъ Отдѣленіемъ, либо уважайте права южно-русскаго народа и не приказывайте ему молчать на своемъ языкѣ и говорить на вашемъ. Позвольте ему самому рѣшать свою судьбу, а не закидывайте ему на шею помочей, чтобы вести его; судите южно-русскую литературу по ея плодамъ, а не отдавайте подъ судъ ея существованіе и не осуждайте ея на смерть за то единственно, что она имѣла несчастіе родиться вблизи васъ“...

Въ письмѣ Кохановской къ Аксакову приведено, между прочимъ, мнѣніе А. А. Потебни, тогда еще мало извѣстнаго ученаго. Необходимость малорусской литературы доказывалась имъ на томъ основаніи, что литературный русскій языкъ становится все болѣе и болѣе великорусскимъ. Признавая, что это было шагомъ въ его развитіи, Потебня указывалъ на то, что для малоросса въ этомъ признаніи было мало утѣшительнаго: что, напримѣръ, спрашивалъ Потебня, произведеніе Островскаго имѣетъ общерусскаго для малоросса? Ничего... Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, необходима отдѣльная малорусская словесность, которая живѣе и благодѣтельнѣе поддѣйствуетъ на простой народъ, полнѣе и непосредственнѣе дастъ ему родную живую грамоту, дастъ народу близкое и сподручное первоначальное образованіе. Эти мысли не потеряли своего значенія и до сихъ поръ, особенно если примѣнить ихъ къ племенамъ, занимающимъ то же положеніе, какъ и вопросъ малорусской словесности. Книга на родномъ языкѣ окажется лучшимъ рычагомъ къ просвѣщенію, чѣмъ всякая иная, написанная хотя и на понятномъ нарѣчій, но не на томъ, на которомъ народъ думаетъ и пользуется въ домашнемъ обиходѣ.

Нивогда ранѣе не ставились съ такой жгучей настойчивостью вопросы просвѣщенія, какъ въ ту эпоху. Состояніе университетской науки стояло въ центрѣ вопроса. Университетская жизнь отражала на себѣ общій характеръ борьбы самыхъ противоположныхъ началъ и ставила дѣятелей науки въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Они чувствовали себя между студентами, предъявлявшими къ профессорамъ не только научныя, но и общественныя требованія, и руководящими властями, для которыхъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ сообщеній цитируемой книги, вопросы университетскаго благочинія стояли безконечно выше вопросовъ развитія и достоинства русской науки. Мрачными красками изображали современники нравственную атмосферу университетской жизни. „Нѣтъ, въ этомъ положеніи,—писалъ

одинъ изъ нихъ,—честному человѣку съ честными убѣждениями безчестно принимать каеэдру. Положеніе вещей требуетъ, чтобы профессоръ былъ агитаторомъ, и тогда онъ будетъ имѣть вліяніе на студентовъ, но это гадко. Или онъ долженъ быть кимваломъ бряцающимъ, подобно всѣмъ другимъ, и брать жалованье единственно за упражненіе своихъ легкихъ; но это глупо и также гадко. Если же человѣкъ съ честными убѣждениями не захотѣлъ оставаться кимваломъ бряцающимъ, а сказалъ энергическое слово; захотѣлъ бы провести свое убѣжденіе: исходъ понятенъ—онъ все равно, черезъ нѣсколько дней, долженъ будетъ выйти; его предадутъ, также какъ предадутъ, навѣрно, этихъ благородныхъ молодыхъ людей, которые заявили, что они не хотятъ участвовать въ безпорядкахъ и которые выразили этимъ чистую любовь свою къ наукѣ и довѣріе къ власти. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно будетъ оставаться въ университетѣ этимъ молодымъ людямъ? Развѣ будетъ имъ житье отъ товарищей, когда и теперь не иначе ихъ зовутъ, какъ рабами?

„Нѣтъ, наше Народное Просвѣщеніе прогнило все до костей, и никакая сила не сможетъ поновить его, и всѣ эти полупередѣлы, замазыванья, полууступки ведутъ только къ худшему.

„Исходъ одинъ былъ бы возможенъ: дѣйствительно закрыть университеты и возстановить совсѣмъ въ новомъ видѣ, совсѣмъ на новыхъ началахъ, можетъ быть даже въ другихъ мѣстахъ и подъ другими названіями. Но для этого нужно, чтобы уже былъ готовъ такой проектъ новаго образованія, чтобы онъ былъ придуманъ послѣдовательно, чтобы онъ вполне соображенъ былъ съ истинными потребностями народа, съ задачами государства... Но не правда ли, что когда даже говоришь, это такъ становится смѣшно? При настоящемъ положеніи дѣлъ, при современныхъ людяхъ ждать всесторонняго проекта системы образованія на новыхъ началахъ, логически придуманнаго и соображеннаго съ потребностями народа и съ дѣйствительными задачами государства!..“

Въ эту бурную пору съ особеннымъ вниманіемъ была принята вступительная лекція Б. Н. Чичерина, которою онъ открылъ съ каеэдры московскаго университета свой курсъ государственнаго права. Указавъ на особую важность этой науки въ переживаемый моментъ, ораторъ отмѣтилъ значеніе освобожденія крестьянъ и указалъ на тѣ требованія, которыя предъявляетъ новый порядокъ вещей къ каждому сознательному гражданину. „Поэтому въ настоящее время, въ виду совершающихся перемѣнъ, которыя охватываютъ жизнь до самаго корня, одно непростительное легкомысліе можетъ ограничиваться критикой частныхъ стѣснительныхъ мѣръ или вѣковыхъ злоупотребленій... Истинный патриотизмъ возвышается надъ этими мелкими побужденіями и

обращает свои взоры на то, что составляет существенную пользу отечества... Но государственной дѣятельности мало. Истинное плодотворное развитіе требует содѣйствія всѣхъ гражданъ... Общественное мнѣніе начинаетъ предъявлять у насъ свои требованія“...

Все это было такъ давно—и такъ недавно... словно на нашихъ глазахъ. Эпоха кипучей дѣятельности мысли и сердца, небывалаго подъема общественнаго самосознанія отходить въ исторію, передавая нашему времени сложное наслѣдство поставленныхъ, но не рѣшенныхъ вопросовъ общаго блага, просвѣщенія и культуры.

II.

— Древній міръ и мы. Лекціи, читанныя ученикамъ выпускныхъ классовъ с.-петербургскихъ гимназій и реальныхъ училищъ весной 1903 г. профессоромъ спб. университета Ѳ. Зѣлинскимъ. Спб. 1903.

„Лекціи“ г. Зѣлинскаго имѣютъ кромѣ спеціальнаго и нѣкоторый общій интересъ. Хотя авторъ и ограничиваетъ свою задачу стремленіемъ выяснитъ значеніе „античности“ для юношей, идущихъ въ университетъ, но онъ, можно думать, руководствовался другой, болѣе широкой цѣлю—выступить въ защиту классической системы въ кругахъ, далеко выходящихъ за предѣлы учебной аудиторіи. На это указываютъ и несочувственные намеки на реформу 1900 года, и кое-гдѣ полемическій тонъ по отношенію къ представителямъ взглядовъ противоположнаго свойства. Г. Зѣлинскій — убѣжденный классикъ. Нѣтъ общаго образованія безъ древнихъ языковъ и античнаго міра—такова основная мысль книги г. Зѣлинскаго. Для доказательства этой мысли авторъ обращается къ исторіи, къ исторіи культуры, даже къ аналогіямъ изъ области зоологіи и прочихъ естественныхъ наукъ. Но доказательства автора мало убѣдительны, а „культурно-историческія соображенія“ произвольны, а въ иныхъ случаяхъ и нѣсколько наивны. Считая культурность Россіи фактомъ неоспоримымъ, авторъ такъ объясняетъ его: „Россія долгое время не имѣла классической школы—но за все это время она не была культурной страной; она стала таковою лишь съ тѣхъ поръ, какъ завела у себя классическую школу... Это фактъ (добавляетъ авторъ), и притомъ фактъ вполнѣ подтверждающій нашъ выводъ“. Пусть такъ. Однако, что случилось бы съ „культурной“ Россіей, которая еще не завела у себя всеобщей грамотности для мало-мальски „культурнаго“ пользованія роднымъ языкомъ, еслибы представить себѣ такое положеніе, что классическая школа, исполнивъ, такъ сказать, свою роль, была, вопреки всѣмъ пе-

чальнымъ ожиданіямъ, изъята изъ обращенія? Авторъ, безъ сомнѣнія, отвѣтилъ бы на это, что культурность Россіи снова понизилась бы, и что Россія, чего добраго, впала бы въ прежнее варварское состояніе. Не высокаго же полета эта культурность, которую имѣеть въ виду г. Эблинскій, если она никакъ не можетъ встать на свои ноги и нуждается въ подпоркахъ, надежность которыхъ весьма сомнительна.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ проводитъ аналогію между усвоеніемъ древнихъ языковъ и пищевареніемъ, причемъ древніе языки исполняютъ роль хлѣба, какъ пищи нормальной, рациональной, имѣющей за собой вѣковую традицію. Искусственность подобныхъ аналогій скрывается сама собою: традиціонной пищей у народовъ бываетъ тотъ хлѣбъ, который растетъ на ихъ почвѣ, и врядъ ли самъ авторъ согласится допустить, чтобы традиціонной пищей русскаго народа были рись и кукуруза, не говоря уже о прочемъ изобиліи благъ земныхъ, а не рожь да капуста. Но какой толкъ вышелъ бы изъ того, еслибы русскій землепашецъ вздумалъ замѣнить Богомъ посланные ему знаки прекрасными южными хлѣбами и плодами?

Еще менѣе убѣдительно указаніе автора на то, что споръ объ античности ведется двадцать столѣтій. Во-первыхъ, едва ли можно назвать споромъ то состояніе, въ которомъ находился вопросъ о древнихъ языкахъ въ Западной Европѣ; Россія стояла въ сторонѣ отъ этого спора. Во-вторыхъ, — если вопросъ о классической системѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ острыхъ и жгучихъ вопросовъ нашего времени, то произошло это по той простой причинѣ, что создатели этой системы на Руси смотрѣли на нее нѣкоторымъ образомъ какъ на полицейское средство, которое должно было отвлечь молодые умы отъ интересовъ общественнаго характера. Понятно, что въ зависимости отъ этого взгляда были примѣнены соответственные методы обученія, программы и опредѣлено для древнихъ языковъ количество часовъ, несоизмѣрное съ количествомъ часовъ на прочіе необходимѣйшіе предметы курса. Отсюда понятна та ненависть, съ которой отнеслось подавляющее большинство русскаго общества къ классической школѣ, справедливо усмотрѣвъ въ ней одинъ изъ наиболѣе досадныхъ тормозовъ своего развитія въ послѣдніа десятилѣтія.

Не можетъ не показаться страннымъ, что авторъ не считается въ достаточной мѣрѣ съ подобными обстоятельствами, дѣйствіе которыхъ продолжается по настоящее время. Онъ поднимаетъ вопросъ на высоту слишкомъ отвлеченнаго обсужденія и, по временамъ, кажется, болѣе заботится объ изяществѣ и легкости построенія своей рѣчи, чѣмъ о логической убѣдительности и фактической обоснованности. Но какой же фактической обоснованности можно требовать отъ оратора,

увѣреннаго въ томъ, что когда „развитіе естественныхъ наукъ выдвинуло принципъ эволюціонизма, античность стала намъ вдвойнѣ дорога, какъ родоначальница всѣхъ безъ исключенія идей, которыми мы живемъ повныѣ“? Какой логической убѣдительности вправѣ мы ожидать отъ защитника классической системы, способнаго въ ея пользу привести такой, на примѣръ, аргументъ: „намъ предстоитъ обсудить еще одинъ упрекъ по адресу античности—а именно, что она *ретроградна*. Но, быть можетъ, вы уволите меня отъ обстоятельнаго обсужденія этого пункта и отъ обязанности доказывать вамъ, что античность, этотъ источникъ всѣхъ освободительныхъ идей, которыми живетъ наша цивилизація, никакъ не можетъ быть названа ретроградной“? Думать, что „античность“ бываетъ ретроградна или прогрессивна, могутъ только люди, способные смѣшивать понятія самыхъ разнородныхъ категорій, но что у насъ классическая система вводилась съ ретроградными цѣлями и ретроgrадами по своимъ общественнымъ убѣжденіямъ,—это дѣло другое, независимое отъ понятія „античности“ въ какомъ угодно смыслѣ. Станетъ ли отрицать это г. Зѣлинскій?

Говоря по существу, конечно, нельзя не признать извѣстнаго образовательнаго значенія за изученіемъ „античности“ (отнюдь не понимаемой въ нашемъ учебномъ смыслѣ), но лишь разсматривая ее въ качествѣ одного изъ элементовъ, стоящаго въ системѣ общаго гуманитарнаго образованія далеко не на первомъ планѣ: мѣсто ея—послѣ роднаго языка и литературы, послѣ отечественной исторіи, въ соотвѣтствіи съ курсами всеобщей исторіи и новыхъ языковъ. Но главное—для торжества (хотя бы относительнаго) ея практическаго примѣненія въ русской школѣ—нужна коренная переработка всего фальшиво поставленнаго учебнаго строя, переработка, въ которой приняли бы участіе не односторонніе защитники того или другаго крайняго взгляда, но безпристрастные и благожелательные дѣятели нашего просвѣщенія, способные поставить задачи культурнаго развитія нашей родины выше личныхъ расчетовъ и близорукихъ государственныхъ теорій.

Починъ былъ сдѣланъ реформой 1900 года, но обстоятельства остановили ее на половинѣ. Отсюда и получилось явленіе, справедливо отмѣченное г. Зѣлинскимъ: прежде гимназисты выносили изъ гимназій, по крайней мѣрѣ, твердое механическое знаніе древнихъ языковъ, теперь они оттуда и этого знанія не выносятъ...

III.

- Каллашъ, В. В.—Puschkiniana. Библиографическіе труды о Пушкинѣ, ихъ общій характеръ и научное значеніе. Стихотворенія о Пушкинѣ. (1817—1849). Киевъ. 1902.
- Ояъ же. Puschkiniana. Матеріалы и изслѣдованія о Пушкинѣ. Вып. II. Киевъ. 1903.
- Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. I.—Модзалевскій, Б. Л. Повѣдка въ село Тригорское въ 1902 году. Сиб. 1903.

Намъ уже приходилось упоминать о томъ, что со времени послѣдняго Пушкинскаго юбилея въ Москвѣ и Петербургѣ образовались двѣ спеціальныя комиссіи для изученія творчества и жизни поэта. Въ Москвѣ кружокъ лицъ, изучающихъ Пушкина, примкнулъ къ Обществу любителей русской словесности; въ Петербургѣ, кромѣ лицейскаго кружка, образовалась особая комиссія при Академіи Наукъ, поставившая своей цѣлью продолженіе изданія сочиненій поэта. В. В. Каллашъ принадлежитъ къ дѣятельнѣйшимъ членамъ московскаго кружка. Въ обоихъ выпускахъ его „Puschkinian“ы находимъ обзоръ библиографическихъ трудовъ о Пушкинѣ, опредѣляющій ихъ общій характеръ и научное значеніе, затѣмъ стихотворенія, составляющія дополненіе къ его сборнику „Русскіе поэты о Пушкинѣ“, и цѣлый рядъ матеріаловъ и изслѣдованій. Въ статьѣ „Поэтическая оцѣнка Пушкина современниками“ г. Каллашъ останавливается на стихотвореніяхъ и отрывкахъ, посвящавшихся Пушкину, и приходитъ къ такому общему выводу: „Передъ нами прошла пестрая вереница русскихъ поэтовъ, крупныхъ и мелкихъ, даровитыхъ и бездарныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, съ ихъ оцѣнкою Пушкина. Мы видѣли не только одно безотчетное признаніе силы, преклоненіе предъ мощью генія, но и довольно тонкое пониманіе его своеобразныхъ отличій. За вычетомъ отдѣльныхъ, частныхъ шероховатостей и недоразумѣній, выступаетъ общій яркій, вполне правильный фонъ. Отмѣчены были могучее нравственное воздѣйствіе Пушкинской музыки, необыкновенно тонкій и острый умъ поэта, простодушіе и живость его разсказа, часто лукаваго и проказливаго,—самая ширина размаха и глубина творческихъ силъ, народность, яркое выраженіе своей эпохи, благородное свободолобіе, изящная простота—однимъ словомъ, все то, что мы и теперь больше всего цѣнимъ въ Пушкинѣ“.

Комиссія при Академіи Наукъ посвящаетъ свои труды подготовкѣ для изданія текста произведеній Пушкина, въ основу котораго кладетъ текстъ подлинныхъ рукописей поэта и первопечатныхъ изданій: согласно съ рукописями предполагается издавать тѣ произведенія,

которыя были переписаны самимъ Пушкинымъ; тѣ же стихотворенія и прозаическія статьи, которыя не сохранились въ рукописяхъ, будутъ печататься по изданіямъ, явившимся при жизни поэта. Какъ это уже имѣло мѣсто при первомъ томѣ, въ обоихъ его изданіяхъ, текстъ сочиненій будетъ сопровождаться примѣчаніями, въ которыя войдутъ варианты и краткія объяснительныя замѣтки о лицахъ и событіяхъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ Пушкина. Въ то же время коммиссія признала полезнымъ предпринять изданіе „матеріаловъ для изученія жизни и сочиненій Пушкина“, въ которое могли бы войти: описаніе рукописей поэта, библиографія всей Пушкинской литературы, описаніе бібліотеки Пушкина, статьи объ отдѣльныхъ произведеніяхъ поэта, свѣдѣнія о современникахъ Пушкина, насколько эти свѣдѣнія могутъ быть полезны для выясненія дѣятельности поэта и проч. Первый выпускъ „матеріаловъ“ и посвященъ поѣздкѣ въ с. Тригорское Б. Л. Модзалевскаго.

Въ Тригорскомъ г. Модзалевскій осмотрѣлъ бібліотеку, въ которой, несмотря на то, что въ ней уже не оказалось книгъ съ отмѣтками Пушкина, нашлось кое-что любопытное: характеренъ для эпохи самый подборъ книгъ, наглядно показывающій тѣ литературныя вліянія, которыя были пережиты Пушкинскою Татьяной: списокъ открываетъ цѣлую вереницу романическихъ героевъ, съ Грандисономъ во главѣ, которыми зачитывались юныя современницы Пушкина, а въ числѣ ихъ прообразъ Татьяны—Евпраксія Вульфъ. Затѣмъ Б. Л. Модзалевскому повезло найти письма и бумаги П. А. Осиповой и А. Н. Вульфа; въ числѣ бумагъ оказались три письма А. И. Тургенева къ Осиповой и А. П. Кернъ къ А. Н. Вульфу. Особенно любопытны письма А. И. Тургенева, изъ которыхъ одно, отъ 24-го февраля 1837 г., живо передаетъ нѣкоторыя черты событій, вызванныхъ смертью поэта.

Параллельно съ ростомъ научной Пушкинской литературы идутъ и новыя изданія сочиненій поэта для широкихъ круговъ публики: вышелъ любопытнѣйшій VII томъ собранія сочиненій Пушкина, подъ редакціей П. А. Ефремова, заключающій въ себѣ письма (много новыхъ и цѣнныхъ матеріаловъ и указавій), вышли третій и четвертый томы собранія сочиненій Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова, сумѣвшаго придать изданію симпатичный и изящный по внѣшности видъ.

Къ этимъ изданіямъ намъ придется еще вернуться, когда они будутъ закончены.—Евг. Л.

IV.

— Периодическая печать на Западѣ. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. Спб. 1904 г., стр. 447. Ц. 1 р. 50 к.

Редакція журнала „Образованіе“ отмѣтила двухсотлѣтній юбилей периодической печати въ Россіи изданіемъ сборника статей различныхъ авторовъ о периодической печати на Западѣ. Статьи эти (за исключеніемъ двухъ) принадлежатъ русскимъ, живущимъ за границей, извѣстнымъ своими корреспонденціями или журнальными работами по вопросамъ западно-европейской жизни. Таковы гг. Берлинъ, Гроссманъ, Звѣздичъ, Сатуринъ, Смирновъ и Гурвичъ. Очеркъ исторіи развитія периодической печати въ Англіи составленъ г-жей Пименовой, а очеркъ периодической печати въ Италіи принадлежитъ извѣстному итальянскому писателю, Лабріола. Книга начинается общимъ очеркомъ современной журналистики, а за нимъ слѣдуютъ статьи, посвященныя периодической печати въ Германіи, Австріи, Англіи, Италіи, Франціи и Америкѣ. Эти очерки составлены по одному плану, тѣмъ не менѣе они представляютъ и значительное разнообразіе содержанія. Въ однихъ очеркахъ обращается главное вниманіе на внѣшнюю сторону описываемаго предмета, другіе посвящаются, преимущественно, внутренней характеристикѣ печати.

Хотя рассматриваемое нами изданіе посвящено иностранной печати, но главной его цѣлью, по объясненію издателей, было „уясненіе прошлыхъ и будущихъ судебъ печати въ Россіи“. Прошлыя судьбы периодической печати въ Россіи, — хорошо намъ извѣстны, впрочемъ, и безъ рассматриваемаго изданія. Это — та же исторія, какую переживали прежде и другія культурныя государства. Но то, что для этихъ послѣднихъ отошло въ область преданія — составляетъ и теперь жизненный фактъ въ Россіи, и потому можно утверждать, что современное положеніе печати въ Россіи помогаетъ намъ понимать прошлыя судьбы ея на Западѣ. Литературныя прегрѣшенія, правда, не ведутъ теперь къ смертнымъ казнямъ и къ выставленію къ позорному столбу; но эти мѣры давно перестали служить средствомъ обузданія печати и въ періодъ беззаконнаго положенія ея на Западѣ. Зато полными интереса представляются и теперь страстныя воззванія Мильтона къ англійскому парламенту 250 лѣтъ тому назадъ. „Какое преимущество имѣетъ взрослый человѣкъ передъ мальчикомъ, сидящимъ въ школѣ — спрашиваетъ онъ въ своемъ воззваніи, — если, избавившись отъ школьной ферулы, онъ подпадаетъ подъ указку цензора?.. Если свой трудъ, сопряженный съ ночными бдѣніями, человѣкъ долженъ под-

вергать поверхностному суду заваленнаго дѣлами цензора, быть можетъ, стоящаго далеко ниже его по развитію, быть можетъ, никогда не испытывающаго, что значить писать ученыя сочиненія; если этотъ трудъ, не будучи отвергнутъ или уничтоженъ, можетъ появиться въ печати не иначе, какъ въ видѣ мальчика, сопровождаемаго дядькой, съ помѣткой цензора, служащей ручательствомъ, что авторъ не идиотъ и не распространитель разврата,—развѣ все это не безчестіе и не униженіе для автора, для его сочиненій, для самаго права и достоинства науки?.. Должники и преступники могутъ всюду ходить безъ надсмотрщика, а безобидныя книги не могутъ поступать въ обращеніе, если не видно тюремщика на ихъ заглавномъ листѣ“... „Кто является судьей надъ жизнью и смертью книгъ, долженъ стоять выше обыкновеннаго уровня людей; онъ долженъ быть и трудолюбивъ, и ученъ, и справедливъ,—иначе въ его сужденіяхъ будутъ непремѣнно ошибки, а это должно создать самыя пагубныя послѣдствія. Если же онъ соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя условія,—можетъ ли быть болѣе скучная, неприятная ежедневная работа, большая потеря времени, какъ вѣчное перечитываніе негодныхъ книгъ? Это такая тягость, которую едва ли способенъ вынести человѣкъ, пѣнящій свое время, свои занятія и обладающій чувствомъ и пониманіемъ изящнаго“ (стр. 383—5).

Большую поучительность исторія Запада имѣетъ въ отношеніи уясненія будущихъ судебъ нашей печати. Поученія, извлекаемыя изъ нея, заключаются не въ указаніи тѣхъ путей, какими можно избавиться отъ путъ, связывающихъ литературную дѣятельность, потому что свобода печати является результатомъ общаго, а не специально-литературнаго освободительнаго процесса. Исторія печати въ цивилизованныхъ странахъ предупреждаетъ насъ о томъ, что если развитіе печатнаго дѣла будетъ предоставлено естественному теченію, слагающемуся подъ стихійнымъ дѣйствіемъ силъ и вліяній, нарастающихъ въ процессѣ культурнаго развитія, то за юридическимъ порабощеніемъ печати послѣдуетъ, или къ такому порабощенію присоединится подчиненіе печатнаго слова интересамъ и расчетамъ спекулянтовъ-предпринимателей: „Дѣло въ томъ, что съ теченіемъ времени газета становится промышленнымъ предпріятіемъ, предметомъ спекуляцій, такимъ же объектомъ купли-продажи, какъ и всякій другой товаръ“ (стр. 309) и входитъ въ общій кругъ торгово-промышленныхъ дѣлъ. Чтобы приносить крупный доходъ, она должна имѣть широкій сбытъ, а для этого ее нужно приноровить ко вкусу покупателя и повліять на этотъ самый вкусъ такимъ образомъ, чтобы обезпечить возможно широкое распространеніе газетнаго товара. И вотъ, столбцы распространенной газеты наполняются скандалами, сплетнями, сенса-

ціонными извѣстіями, бульварными романами и т. п. Воскресныя, напр., журнальныя приложенія къ ежедневнымъ американскимъ газетамъ,—говорить одно американское обозрѣніе,—суть „настоящіе магазины взрывчатыхъ веществъ, имѣющихъ весьма смутное сродство съ искусствомъ и литературой, но обладающихъ въкоторыми неприятными свойствами лиддита, если позволительно сравненіе зловонія невещественнаго съ вещественнымъ“ (стр. 353). Одинъ авторъ разсматриваемаго нами изданія—на основаніи статистическихъ свѣдѣній о составѣ нумеровъ газетъ,—выводитъ замѣчаніе, что „чѣмъ лучше расходуется газета, тѣмъ меньше вниманія удѣляетъ она политикѣ и руководящимъ статьямъ и тѣмъ больше мѣста отводитъ хроникѣ преступленій, скандаламъ и иллюстраціямъ“ (стр. 355). Развитію такихъ литературныхъ вкусовъ всего болѣе содѣйствовали сами газеты, такъ какъ огромное большинство грамотныхъ людей Европы и Америки удовлетворяютъ свои умственные интересы исключительно чтеніемъ газетъ.

Кромѣ приспособленія ко вкусу массоваго потребителя, газетный товаръ долженъ удовлетворять другому условію широкаго сбыта—дешевизнѣ, и предприниматель пошелъ въ этомъ отношеніи настолько далеко, что продаетъ свой товаръ ниже стоимости производства. Какъ общее правило, цѣна распространенной газеты покрываетъ теперь лишь расходы на бумагу и типографію; оплата же литературнаго труда и прибыль издателя покрываются побочными доходами изданія—платою за матеріалъ, помѣщенный въ газетѣ въ угоду его авторамъ: объявленія, рекламы и статьи. Для типическаго газетнаго предпринимателя всѣ эти виды публикацій различаются по цѣнѣ, которая за нихъ взимается. Тарифъ на газетныя статьи не подлежитъ, конечно, опубликованію, но что этимъ именно отдѣломъ публикацій можно наживать большія деньги—видно изъ новѣйшаго сообщенія одного французскаго автора, что извѣстная парижская газета „Petit Journal“ за нѣкоторыя рекламныя статьи получала 50 и даже 100 тыс. франковъ.

Съ той же точки зрѣнія современный газетный предприниматель относится къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ и принципамъ. Онъ защищаетъ тѣ принципы, которые лучше оплачиваются или инымъ способомъ приносятъ ему наибольшій доходъ. Этимъ пользуются дѣльцы и закупаютъ нужныя имъ изданія. „Нѣкогда французская газета связана была съ тѣмъ или другимъ политическимъ ученіемъ, съ той или другой партіей; теперь она принадлежит синдикату, пускаетъ въ ходъ или сама дѣлаетъ различныя дѣла“ (стр. 316). „Наиболѣе грустной страницей въ новѣйшей исторіи англійской прессы является переходъ либеральныхъ и радикальныхъ газетъ въ джингонистскій лагерь. Когда большинство газетъ подпало вліанію небольшой

группы безпринципныхъ людей, независимому слову трудно сохранять свои позиціи, и добросовѣстность и серьезность, бывшія отличительными чертами англійской прессы, начали подвергаться остракизму и вытѣсняться ложью и клеветами, диктуемыми корыстными вождельніями. Люди, дорожащіе своими убѣжденіями и свободой критики, стали изгоняться изъ редакцій“ (стр. 211).

Описанное положеніе печатнаго дѣла служитъ объясненіемъ того, почему многіе брезгливые писатели презирали журнальную дѣятельность и всячески отгораживались отъ нея. Но наиболѣе чуткіе изъ нихъ въ общественномъ отношеніи кончали тѣмъ, что сами становились рьяными журнальными дѣятелями. Печать есть огромная общественная сила и великое орудіе воздѣйствія на умы. Девять-десятихъ, вѣроятно, грамотныхъ людей на Западѣ читаютъ только газеты, и кто хочетъ вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ, кому дорого распространеніе въ массахъ истины и справедливости, тотъ не можетъ не принимать участія въ періодической печати. „Въ этомъ отношеніи характеренъ примѣръ покойнаго Зола, который сначала не находилъ достаточно мрачныхъ красокъ для того, чтобы изобразить всѣ грѣхи современной журналистики. Онъ предостерегалъ молодежь отъ участія въ ней и совѣтовалъ лучше кутить съ кокетками и пить вино. А потомъ онъ самымъ крутымъ образомъ измѣнилъ свое къ ней отношеніе“... „Я часто проклиналъ прессу,—пишетъ онъ,—настолько наносимыя ею раны жгучи. Сколько разъ я ловилъ себя на томъ, что поднималъ противъ нея обвиненія моихъ старшихъ собратій: „ремесло журналиста—послѣднее изъ ремеселъ“! И эти жалобы возвращались всякій разъ, когда передъ внезапно открывающеюся грязью чувство тошноты сжимало мнѣ горло. Въ такіе дни кажется, что справедливость погибла навсегда; мечтаешь о томъ, чтобы уединиться въ тиши рабочаго кабинета. Но отвращеніе и гнѣвъ проходятъ—пресса остается всемогущей. Возвращаешься къ ней, какъ къ первой любви. Она—жизнь, дѣйствіе, все, что возбуждаетъ и торжествуетъ. Когда ее покидаешь—нельзя поручиться, что это—навсегда, потому что она—сила, въ которой всегда нуждаются... одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ орудій нашего вѣка“... „Въ этихъ прекрасныхъ словахъ Зола хорошо охарактеризована та гамма настроеній, которую испытываютъ къ печати, какъ пишущая, такъ и читающая братія“ (стр. 50—51).

Если опытъ цивилизованныхъ государствъ можетъ служить предостереженіемъ для другихъ странъ, то понятно, какія новыя важныя задачи возникаютъ въ русской жизни, вдобавокъ, по многимъ другимъ поднятымъ вопросамъ. Русскому обществу вообще и дѣятелямъ печати въ частности предстоитъ бороться всѣми мѣрами противъ утраты печатью той роли идейнаго руководителя общественнымъ мнѣніемъ,

какая принадлежит еще нѣкоторой части нашихъ періодическихъ изданій. Опреѣленное отношеніе общества къ чистоплотнымъ и противоположнымъ изданіямъ, организація писателей для охраны независимости литературной работы, распространеніе въ массѣ населенія литературнаго вкуса и привычки къ серьезному чтенію — таковы, между прочимъ, средства, при помощи которыхъ можно надѣяться предотвратить порабощеніе печати спекуляціею.—В. В.

Въ теченіе марта мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Арнольдъ, Эдв.—Свѣтло Азіи. Въ краткомъ изложеніи. О. Н. Поповой. Спб. 904. Ц. 15 к.

Берманъ, проф. Э.—Первая хирургическая помощь. Перев. д-ра О. Лурье, п. р. проф. К. Сапѣжко. Киевъ, 904. Ц. 50 к.

Бинштокъ, М. Л.—Книга мудрости. Мысли, наблюденія и характеристики, извлеченныя изъ литературъ разныхъ эпохъ. Спб. 904. Ц. 2 р.

Боляновскій, В. Ф.—В. В. Вересаевъ. Критико-биографическій очеркъ. Съ портретомъ и факсимиле В. Вересаева (В. Смидовичъ). Спб. 904.

Брандтъ, В. Ф.—Торгово-промышленный кризисъ въ Западной Европѣ и въ Россіи 1900—1902 г. Ч. II. Торгово-промышленный кризисъ въ Россіи. Спб. 904. Ц. 2 р.

Брояковскій, свящ. С.—Поученія и рѣчи на всевозможные случаи изъ пастырской практики. Спб. 904.

Быстровъ, М. Ф.—Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. Сборникъ чтеній для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Вешеръ, В., д-ръ.—Элада. Очерки и картины древней Греціи, для любителей классической древности и для самообразованія. Перев. П. Евстафьева, п. р. проф. В. И. Модестова. Спб. 904. Стр. 1012. Ц. 5 р.

Викторовъ, П. П.—Ученіе о личности и настроеніяхъ. Вып. 2: Дальнѣйшее развитіе ученія объ основахъ личности, чувствъ, настроеній въ связи съ вопросами усовершенствованія и вырожденія чловѣка. М. 904. Ц. 1 р. 20 к.

Водовозова, Е.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ?—Англичане. Спб. 904. Ц. 40 к.

Водовозовъ, В. И.—Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка. Съ приложеніемъ очерковъ изъ древне-русской жизни и изъ исторіи до-Петровскаго, переходнаго времени. Изд. 3-е. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Волконскій, кн. М. С.—Записки княгини Маріи Николаевны Волконской. Спб. 904. Ц. 4 р.

Г., И.—Магометь-Якубъ, эмиръ Кашгарскій. Историческая повѣсть времени покоренія русскими Средней Азіи. Перев. съ франц. Спб. 903. Ц. 1 р.

Головачевъ, П.—Иркутское лихолѣтье. 1758—1760 гг. („Лѣтопись о Крыловѣ“ и ея разборъ. М. 904. Ц. 40 к.

Гредисовъ, В.—Запретный плодъ. Ром. п. р. Максима Вѣлинскаго. Спб. 904. Ц. 30 к.

Григорьевъ, В. Ю.—Перемѣны въ условіяхъ экономическаго жизни населенія Сибири. Енисейскій край. Красноярскъ, 904. Ц. 50 к.

Десіеръ, гр. А. А., и *Бредовъ*, В. Р.—Сводъ постановленій о горно-промышленности. Т. 1: Объ учрежденіи управленія горнаго. О сѣздахъ горно-золото-нефте-промышленниковъ. О казенномъ горномъ промыслѣ, снабженіи солью и минеральныхъ водахъ. О горныхъ заводахъ и промыслахъ мин. Имп. Двора. Сиб. 904.

Де-Ла-Бартъ, графъ.—Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства. Ч. I. Средніе вѣка и Возрожденіе. Изд. кіевской женской Л. Т. Дучинской гимназіи. Кіевъ, 1903. Стр. III+159. Ц. 1 р.

Доморучковъ, В. А.—Альбомъ „Сибирскаго Наблюдателя“. Вып. II: Виды мѣстностей, зданій, типы народностей. Томскъ, 904. Ц. 1 р.

Дюмоляръ, Г.—Японія въ политическомъ, экономическомъ и социальномъ отношеніяхъ. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Зауэръ, д-ръ Ад.—Минералогическій Атласъ, состоящій изъ 24-хъ хромо-литографическихъ таблицъ съ краткимъ текстомъ. М. 904. Ц. 3 р. 75 к.

Зутмиръ, Берта, фонъ.—Въ цѣляхъ. Съ нѣм. Э. К. Пиненова. Спб. 904. Ц. 80 к.

Ибсенъ, Генрихъ.—Полное собраніе сочиненій. Перев. съ датскаго А. и П. Гавзенъ. Т. VI: Дикая утка; Росмерсгольмъ; Дочь моря; Гедда Габлеръ. М. 904. Ц. 1 р. 20 к.

Калантаръ, Ав. А.—Общедоступное руководство по молочному хозяйству. Съ 85 рис. въ текстѣ. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 50 к.

Кандезъ, Э.—Переселеніе насткомыхъ въ долины Жилепны. Разсказъ для дѣтей. Съ 81 рис. Съ франц. Е. Шевыревой. Сиб. 904. Ц. 1 р.

Кантъ.—Грѣзы духовидца, поясненныя грѣзами метафизика. Съ нѣм. перевелъ Б. Бурдесъ, ч. р. А. Волынскаго. Спб. 904. Ц. 1 р.

Каррикъ, Дж.—О кумысѣ и его употребленіи въ легочной чахоткѣ и другихъ извурительныхъ болѣзняхъ. 2-е изд. Спб. 903.

Карскій, М. А.—Зарубежная Русь. Историческая хроника. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Кейра, д-ръ.—Извращеніе половой идеи. Съ франц. Н. Спиридоновъ. М. 904. Ц. 10 к.

Кѣннингемъ, I.—Ростъ англійской промышленности и торговли. Ранній періодъ и средніе вѣка. Съ англ. 3-е изд., перев. Н. В. Теплово. М. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Котюшевскій, Л., и *Ковалевъ*, П.—Бакальскія мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ. Спб. 903.

——— Описаніе мѣсторожденій Буландихи и Шуйды. Спб. 903.

——— Мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ горы Иркутская. Спб. 903.

Котляревскій, С. А.—Ламеннѣ и новѣйшій католицизмъ. М. 904. Ц. 3 р.

Кранинскій, Н. В.—Ученіе о памяти, съ точки зрѣнія теоріи психической эвргіи. Спб. 903.

Куломзинъ, А. Н.—Доступность начальной школы въ Россіи. Спб. 904.

Кулюкинъ, С. Л.—Первая книга для чтенія послѣ азбуки. М. 903. Ц. 25 к.

Левинсонъ и *Лессинъ*, П. Ю.—Указатели къ Историческому обзору дѣятельности комитета министровъ и дополненіе къ 1 и 2 т., составленное С. Середовинымъ. Спб. 903.

Лобановъ, Д. Д.—Мобилизація земельной собственности въ Калужской губерніи, за 25-лѣтіе: 1874—1901 гг. Съ 7 табл. Калуга. 903.

Ломинозъ, А. В.—Мирные договоры русскѣхъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Од. 904.

Лядскій, К. И.—Крестыанское землевладѣніе и размѣры его обложенія въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатериносл. губ. Новочеркасскъ, 903.

Ляишій, Евг.—Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки. Спб. 904. Ц. 2 р.

Максимовъ, А. Г.—Историко-библиографическое изслѣдованіе; „Осенние вечера“ 1803 года; „Журналъ для милыхъ“ 1804 года. Спб. 904. Ц. 30 к.

Марриотъ, Эм.—Въ защиту животныхъ. Очерки и разсказы. Перев. М. Веселовской. М. 903.

Мейстеръ, А. К.—Геологическая карта Енисейскаго золотоноснаго района. Описаніе листа Л—8. Спб. 904.

Мибишовъ, М. Я.—Исторія сврейскаго народа, отъ Вавилонскаго плѣненія до первой эпохи танаевъ. Спб. 901.

Михайловскій, Г. П.—Средиземноморскія отложенія Томаковки. Спб. 903. Ц. 4 р. 50 к.

Мечниковъ, Илья, проф. Пастеровскаго института.—Невосприимчивость въ инфекціонныхъ болѣзняхъ. Перев. съ франц., п. р. автора. Съ 45 рисунками. Спб. 903. Ц. 5 р.

Модестовъ, В. И.—Введеніе въ Римскую исторію. Вопросы до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-Римскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Ч. II: Эгруски и Мессены, съ 7 фототип. табл. п 54 рис. Спб. 904. Ц. 3 р.

Мускатблитъ, Ф.—Россія и Японія на Дальнемъ Востокѣ. Съ систематич. картой Дальняго Востока. Од. 904. Ц. 25 к.

Мѣсяцъ, М. И.—Сборникъ ариметическихъ задачъ и примѣры на многозначныя числа. Житом. 904. Ц. 25 к.

Новиковъ, Алдръ (авторъ „Записокъ Земскаго Начальника“).—Пьесы: 1) Трутни, ком. въ 4 д. —2) Одна изъ многихъ, др. въ 4 д. —3) Иностранцы, сценн. изъ китайской жизни. Спб. 904. Ц. 1 р.

Новиковъ, Иванъ.—Исканія. Сборникъ (повѣстей, разсказовъ и драмъ). Кіевъ. 904. Ц. 1 р.

Нечаевъ, Алдр.—Очеркъ психологій для воспитателей и учителей. Ч. I: Процессъ умственной жизни. 2-е изд. Спб. 904. Ц. 1 р.

Овсянко-Бумиковскій, проф. Д. Н.—Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Олтмеда, Георгъ фонъ.—Разсказы. Съ предисловіемъ З. А. Венгеровой. Перев. съ нѣм. М. Славинской. Спб. 904. Ц. 1 р.

Пантюховъ, д-ръ И. И.—Куреневка. Медико-антропологическій очеркъ. Кіевъ, 904.

Петрищевъ, А.—Бернадотъ. Драмат. поэма, въ 4 д. Спб. 904. Ц. 50 к.

Плято ф.-Рейсенаръ.—Русско-нѣмецкій самоучитель. Новѣйшая метода для обученія въ три мѣсяца нѣмецкому чтенію, письму и разговору, безъ помощи учителя. Нижній курсъ. 23-е изд. Спб. 904. Вып. 1. Ц. 20 к.

Поворинскій, А. Ф.—Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву. Изд. 2-е, значительно дополн. Спб. 904.

Покровский, І. А.—Лекція по исторіи римскаго права. Изданіе студентовъ. Спб. 904.

Поленицъ, В.—Страна будущаго. Какъ живутъ америкавцы. Сокращ. перев. О. Н. Поповой. Съ 12 рис. Спб. 904. Ц. 30 к.

Рибиндеръ, М.—Задачи общаго образованія. Юр. 904. Ц. 25 к.

Риманъ, Г.—Музыкальный словарь. Переводъ съ 5-го пѣм. изд. Б. Юргенсона, дополн. русскимъ отдѣломъ, п. р. Ю. Энгеля. Вып. XVI: Созвучное средство—Трѣй. М. 904.

Ределингъ, Марія.—Руководство къ хозяйству и домоводству въ вопросахъ и отвѣтахъ. Для семьи и школы, Спб. 904. Ц. 1 р. 50; въ пер. 2 р.

Роденбагъ, Ж.—Мертвый Брюгге. Романъ. Перев. М. Веселовской. М. 904. Ц. 1 р.

— „Прялка тумановъ“. Посмертные рассказы. 2-е изд. Перев. М. Веселовской, съ вступительною статью Юр. Веселовскаго. М. 904. Ц. 75 к.

— „Выше жизни“, ром. Перев. М. Веселовской. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Рудченко, П. И.—Очеркъ развитія и современнаго состоянія мѣстныхъ путей сообщенія въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ и въ Россіи. Спб. 904. Ц. 1 р.

Светъ-Марденъ, Орисонъ.—Пробивайтесь впередъ! Съ англ. М. А. Шинмарева. Спб. 94. Ц. 1 р. 20 к.

Сергеевъ, Г. А.—Школа первоначальнаго рисованія, для дѣтей отъ 8 до 12-лѣтняго возраста въ штриховкѣ двумя цвѣтными карандашами. Вып. 1 и 2. Ц. по 80 коп.

Сланская, Е., жещ.-вр.—День думскаго женщины-врача въ С.-Петербургѣ. Спб. 904. Ц. 40 к.

Соколовъ, П. И.—О растительности и почвахъ быльничковъ. Тайга въ Мариинско-Чулымскомъ районѣ Томской губерніи. Спб. 904.

Танъ.—Очерки и рассказы. Т. I: 1) Изъ хроникъ города Пропадикина. 2) Пашенькина смерть... 2-е изд. Ц. 1 р.—Т. II: По бѣлу свѣту. 2-е изд. Спб. 904. Ц. 1 р.

Тимковский, Н. И.—Тьма, др. въ 4 д. (Удостоена преміи Вучины).—Дѣло жизни, сцены въ 5 д. (тоже). М. 904. Ц. 1 р.

— Повѣсти и рассказы. Т. I. Изд. 2-е. М. 904. Ц. 1 р.

Умановъ-Калауновскій, В. В.—Славянская Муза. Сборникъ переводныхъ стихотвореній. 3-е исправл. изданіе. Спб. 904. Ц. 1 р.

— Лучи и тѣни. Второй сборникъ рассказовъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Хатисовъ, дръ А. И.—Вопросы общественнаго здравоохраненія на выставкѣ германскихъ городовъ въ Дрезденѣ. Тифл. 904.

Черняевъ, М.—Когда и какъ стала Волга русскою рѣкой. М. 904. Ц. 20 к.

Чеховъ, А. П.—Каштанка, рассказъ. Съ 55 рис. худож. Д. Карадавскаго. Спб. 904.

Чистяковъ, С. А.—Исторія Петра Великаго. Съ картинами, портретами, автографами, моделями и пр. и пр. Изд. М. О. Вольфа. Спб. 904. Ц. 5 р.

Шерръ, И.—Всеобщая исторія литературы. Вып. V и VI: Германскія земли: Англія, Сѣв. Америка и Австралія. Германія, Нидерланды, Скандинавія. М. 903. 2-е дополн. изд. п. р. П. И. Вейнберга. Подп. ц. 5 руб.

Шохоръ-Троицкій, С. И.—Наглядность и наглядныя пособія при обученіи арифметикѣ. Спб. 904. Ц. 25 к.

Яковлевъ, Н.—Фауна верхней части палеозойскихъ отложеній въ Донецкомъ бассейнѣ. II: Кораллы. Спб. 903.

Этельмайеръ, А.—Холера. Театральная шутка, въ 1 д. Изъ народнаго быта. Ряз. 903. Ц. 35 к.

— „Волкъ“. Ком. въ 3 д. Изъ народнаго быта. Ряз. 904. Ц. 50 к.

Blanco-Fombona, R.—Contes Americains. Traduits par M. André et Ch. Simond. Par. 903. Pr. 3 fr. 50.

Frey, H., Générales Français et Alliés au Pé-tchè-li. Campagne de Chine de 1900. Avec 5 cartes et 1 carte dans le tafta. Par. 1901.

Loygue, D-r Gaston.—Un homme de génie. Th. M. Dostofewsky. Etude med.-psychologique. Par. 904.

Simmel, G.—Kant. 16 Vorlesungen gehalten an der Berliner Universität. Leipz. 904.

Zabel, Eug.—Auf der Sibirischen Bahn nach China. Mit 36 Illustrations und einer Karten. 2-te Aufl. Berl. 904.

— Азія. Иллюстрированный географическій Сборникъ, составл. преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Гефровымъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М. 904. Ц. 2 р.

— Библиотека для самообразования XXV. В. Я. Желъзновъ, Очерки политической экономіи. М. Ц. 3 р.—XXX. Артуръ Барра. Краткая исторія астрономіи. М. 904. Ц. 2 р. 50 к.

— Вопросы воспитанія и обученія. Труды Педагогическаго Общества, состоящ. при Имп. Москов. Университетѣ. II. Изд. Д. И. Тихомірова. М. 901. Ц. 1 руб.

— Два года жизни и дѣятельности перваго въ Россіи учрежденія на пользу трудящейся молодежи Комитета для оказанія содѣйствія молодымъ людямъ въ достиженіи нравственнаго и физическаго развитія. Спб, Литейн. пр., д. 30, кв. 6.

— Картиныя галереи Европы. Собраніе знаменитыхъ картинъ Музея С.-Петербурга, Флоренціи, Рима, Венеціи, Парижа, Лондона, Амстердама, Вѣны, Берлина, Дрездена, Мюнхена и др. Вып. 1. Изд. Товарищества М. О. Вольфъ. Спб. и М.

— „Лѣтопись войны съ японцами“—въ лѣто отъ Рождества Христова 1904, отъ сотворенія міра 7412. № 1. Ц. 25 к. Изд. на время войны.

— Матеріалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 по 1900 гг. благосостоянія сельскаго населенія среднесемельскихъ губерній, сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи. Прилож. къ II ч. Спб. 903.

— Матеріалы для оцѣнки земель Владимірской губерніи. Т. IV: Вязниковскій уѣздъ. Вып. III: Промыслы крестьянскаго населенія. Влад.-на-Кл. 903.

— Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Орловской губерніи, Дмитровскій уѣздъ. Оцѣнка земельныхъ угодій. Ор. 904.

— Московская губернія по мѣстному изслѣдованію. 1898—1900 г. Т. I: Поселенныя таблицы. Вып. 2. М. 903.

— Отчетъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Спб. 903.

— Отчетъ Общества о дѣятельности Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности за 1901 г., въ 2-хъ частяхъ. Харьк. 903.

— Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Общества, состоящаго при Имп. Московск. Университетѣ за 1902—3 г. Годъ V. М. 904.

— Отчетъ по лѣсному управленію за 1902 г. Спб. 904.

— Сборникъ Спб. Округа Путей сообщенія. Вып. IV. Спб. 904.

— Сводъ статистическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи къ концу XIX-го вѣка. Вып. II. Спб. 903.

— Сельскій Трудъ. № 7: С. Дремцовъ, Луга и ихъ улучшенія, съ 32 рис. Ц. 7 коп. № 8: А. Новиковъ, Объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ не-черноземной Россіи. Ц. 6 к. № 9: Абозинъ, А., Какъ улучшить крестьянское куроводство, съ 3 рис. Ц. 5 коп. Спб. 904.

— Сельскохозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1903 г. Вып. III: ч. I и II. Вятка, 903.

— Списокъ наглядныхъ пособій, имѣющихся при Тамбовской Губернской Земской Управѣ, съ указателемъ статей для объяснительнаго чтенія. Тамб. 903.

— Старина и Новизна. Историческій Сборникъ, издав. при Обществѣ русск. историческаго просвѣщенія въ память имп. Александра III. Кн. VII. Спб. 904.

— Статистическій Сборникъ Новгородскаго Губернскаго Земства за 1902 г. Новг. 903.

— Статистическій Ежегодникъ Полтавскаго Губернскаго Земства на 1903 г. Годъ VII. П. 903.

— Статистическое описаніе Ярославской губерніи. Т. I: Мышкинскій уѣздъ. Вып. II. Территорія. Населеніе. Грамотность и школы. Землевлѣдніе. Яросл. 902.

— Торжественное чествованіе, 29 окт. 1901 г., 100-лѣтней годовщины со дня рожденія основателя Москов. Архитектурнаго Общества, его перваго предсѣдателя и почетн. чл. М. Д. Быковскаго, съ 29 лист. фотот. М. 903. Ц. 3 р.

— Труды VIII-го съѣзда гг. земскихъ врачей и предсѣдателей управъ Воронежской губерніи. Т. II: ч. 1 и 2, съ картограммами и діаграммами. Ворон. 904.

— Тысяча-девятсотъ-третій годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. V: Состояніе озимыхъ всходовъ. Качество зерна. Вліяніе урожая. Съ картой. Спб. 903.

— Уличное освѣщеніе г. С.-Петербурга. Историч. очеркъ, по случаю 200-лѣтія Петербурга. Спб. 904.

— Энциклопедическій Словарь. Т. 39: Чугуевъ—Шень. Т. 39, А. Шень—Шуйскій монастырь. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 903. Ц. по 3 р.

ЗАМѢТКА.

„НИЦШЕАНЦЫ“ О ВОСПИТАНІИ.

I.

Въ нашу эпоху—„переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“,—какъ выражается Ницше,—нѣтъ ничего удивительнаго, что скоро подвергнуть сомнѣнію и фактъ возможности воспитывать людей,—что признавалось въ течение тысячелѣтій. Возможности такого сомнѣнія и посвящена весьма остроумная статья Паланта въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ „Revue Philosophique“, подъ заглавіемъ: „Эдукаціонизмъ—педагогическій идолъ“. Ознакомленіе съ этой статьей и ея критическій анализъ будутъ, какъ надобно думать, не лишними и для нашихъ читателей, интересующихся вопросами воспитанія вообще и „ницшеанствомъ“—въ частности.

Прежде всего остановимся на вопросѣ: что понимаетъ авторъ подъ словомъ „эдукаціонизмъ“ (education)?

„Этимъ словомъ,—говоритъ онъ,—я называю ту теорію, въ силу которой вѣрятъ въ непреложную способность и безграничное могущество эдукаціи—воспитанія“.

Необходимо,—продолжаетъ онъ,—различать два вида такой эдукаціи: одинъ изъ нихъ состоитъ въ постоянномъ, произвольномъ, бессознательномъ и какъ бы механическомъ давленіи окружающей общественной среды на каждого человѣка. Это давленіе производится вліяніемъ окружающихъ нравовъ, обычаевъ, предразсудковъ, примѣровъ и т. п. Совокупность всѣхъ этихъ вліяній образуетъ для индивидуальнаго сознанія нѣкотораго рода моральную атмосферу, его пропитывающую безъ его вѣдома, нѣчто въ родѣ бессознательнаго скрытаго внушенія, производимаго безъ всякаго предвзятаго намѣренія или теоріи со стороны какъ тѣхъ, которые оказываютъ это воздѣйствіе, такъ и тѣхъ, которые его испытываютъ.

Рядомъ съ этимъ роковымъ давленіемъ, производимымъ общественнымъ сознаніемъ на сознаніе индивидуальное, можетъ существовать другое вліяніе, не только различающееся отъ перваго, но иногда совершенно ему противоположное. Это вліяніе, называемое обыкновенно воспитаніемъ, есть дѣйствіе, совершаемое въ силу сознательной воли;

въ немъ участвуетъ разсуждающая способность человѣка, оно можетъ быть систематично и, какъ полагаетъ авторъ, оно есть всегда воздѣйствіе какой-нибудь части общественной группы на другія части этой группы.

„Такое воспитаніе, — по словамъ автора, — есть сознательная дрессировка умственная и нравственная, стремящаяся къ извѣстнымъ коллективнымъ цѣлямъ, совершенно опредѣленнымъ, — къ извѣстнымъ идеаламъ моральнымъ или общественнымъ, которые считаютъ нужнымъ реализовать. Оно является *коллективною морализаціею*; это есть нѣчто повелительное, властное, почти официальное, и предполагаетъ съ одной стороны — управляемыхъ, т.-е. людей, которымъ нужна дрессировка и воспитаніе, а съ другой — управляющихъ, присвоивающихъ себѣ роль руководителей и пастырей человѣческаго стада“...

„Эдукаціонизмъ“, о которомъ говоритъ авторъ, именно и утверждаетъ необходимость, дѣйствительность и законность такого воспитанія.

Несомнѣнно, существуетъ тѣсная связь между первымъ родомъ воспитанія, т.-е. бессознательнымъ коллективнымъ влияніемъ на личность, и этимъ вторымъ родомъ: „вѣдь сами сознательные воспитатели берутъ свои основныя формулы и начала изъ слѣпой и инстинктивной формы морали, господствующей въ окружающей средѣ. Они только придаютъ ей сознательный, систематизированный видъ. Можно даже сказать, что это второе воспитаніе выше перваго, какъ вообще выше то, что обработано разумомъ и наукой. Но какъ бы то ни было, а это воспитаніе, также какъ и первое, есть, такъ сказать, конфискація личности обществомъ: оно подчиняетъ развитіе личности коллективнымъ цѣлямъ, которыя ставятся не только какъ законныя, но и какъ обязательныя, (императивныя). Эдукаціонизмъ безмолвно подразумеваетъ право общества формировать индивидуума. Онъ утверждаетъ сразу и дѣйствительность, и пользу дрессировки. Поэтому всѣ эдукаціонныя теоріи тяготеютъ или стремятся къ тому, чтобы довести до послѣднихъ предѣловъ власть общества надъ личностью. Поэтому же онѣ, въ своей частной области, затрогиваютъ основную задачу, особенно волнующую нашу эпоху, — а именно задачу о противоположности (антиноміи) общества и личности“.

Замѣчательно, что при такомъ властномъ характерѣ эдукаціонизма, онъ въ то же время является и самой демократической теоріей воспитанія — и вотъ — почему.

Всѣ теоріи эдукаціонистовъ, — говорятъ „нищепанцы“, — основаны на вѣрѣ въ способность человѣческаго разума испѣлять самыя различныя бѣды и несовершенства, какъ личныя, такъ и соціальныя. Эта вѣра въ разумъ, этотъ рационализмъ и догматизмъ могутъ быть прослѣжены до Платона. Но въ его время эдукаціонизмъ носилъ харак-

теръ аристократическій. Въ нашу же эпоху, наоборотъ, вѣра въ могущество разума позволяетъ демократіи надѣяться, что неравенства между личностями смоятся какъ бы потокомъ, если у всѣхъ будетъ развитъ воспитаніемъ одинаковый разумъ, т.-е. одинаковыя знанія, идеи, понятія. Всѣ личныя и общественныя несовершенства зависятъ, по этой теоріи, отъ ошибочнаго пониманія и мышленія, отъ незнанія и непросвѣщенности людей. Дайте всѣмъ одинаковыя идеи, одинаковое пониманіе пороковъ и ихъ вреда, одинаковое пониманіе общественного зла,—и все это будетъ сметено.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и здѣсь, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, крайности сходятся. Для Платона государство было исправительнымъ домомъ, достигающимъ этой цѣли посредствомъ воспитанія; для него государство было господиномъ надъ личностью, а личность—вещью, принадлежащей государству. Для современнаго демократизма, наоборотъ,—личность есть все, а государство—ея слуга. Между тѣмъ, и въ томъ, и въ другомъ направленіи надѣются достигнуть совершенно противоположныхъ цѣлей однимъ и тѣмъ же средствомъ, т.-е. воспитаніемъ, уравнивающимъ всеобщую нравственность, утверждающимъ единство вѣрованій, надеждъ на добро, на исполненіе моральныхъ обязанностей, на непогрѣшимость авторитета, и пр., и пр.

Уже одно это совпаденіе одинаковыхъ средствъ у совершенно противоположныхъ цѣлей невольно вызываетъ сомнѣніе и заставляетъ разобратся въ самомъ основаніи вѣрованій въ воспитаніе какъ той, такъ и другой стороны.

И вотъ, авторъ начинаетъ свою критику „эдукаціонизма“ съ самыхъ основъ его, состоящихъ въ вѣрѣ, признающей нервенствующее значеніе разума въ человѣческой жизни. Послѣдуемъ же за нимъ въ его критическомъ анализѣ этого общефилософскаго вѣрованія, хотя и утратившаго давно прежнее поклоненіе, однако и до сихъ поръ влияющаго весьма часто, въ сознательной и безсознательной формѣ, въ приложеніи къ частнымъ вопросамъ, и въ томъ числѣ къ вопросу о воспитаніи.

II.

Авторъ основываетъ свои возраженія на новѣйшей психологіи, родоначальникомъ которой можно считать философа Локка—и которая вообще носить названіе „сенсуалистической“, т.-е. признающей, что въ нашемъ умѣ нѣтъ ничего, что прежде не заключалось бы въ чувствахъ (теорема Локка). Говоря иначе, нашъ умъ не имѣетъ врожденныхъ идей; онъ создаетъ идеи и понятія изъ опыта, а опытъ полу-

часть отъ органовъ чувствъ. Но, — говоритъ Палантъ, — если это вѣрно, то разумъ человѣка, какъ и его нравственность, зависятъ отъ его органическаго, индивидуальнаго строенія. Иными словами, они опредѣляются особенностями, свойственными данному лицу, а не другому, у котораго, въ свою очередь, имѣются свои особенности, и т. д. Не этихъ органическихъ особенностей нельзя замѣнить мыслью. Сама мысль складывается подъ ихъ вліяніемъ. Воспитаніе не можетъ заставить иначе чувствовать, чѣмъ чувствуетъ человѣкъ по своему устройству и его особенностямъ физиологическимъ. Нашу врожденную способность чувствовать можетъ измѣнить только — да и то въ ограниченныхъ предѣлахъ — опытъ всей жизни, потому что жизнь дѣйствуетъ непосредственно и прямо на наши чувства.

Называя теорію интеллектуалистовъ, т.-е. людей, вѣрующихъ въ первенствующее значеніе разума, — дѣтскою, авторъ ссылается, между прочимъ, на знаменитаго французскаго психо-физиолога, Т. Рибо, который указываетъ на противорѣчія, постоянно замѣчаемыя у людей между ихъ мыслью и чувствомъ, между теоріей и практикой, между принципами и склонностями. „Эта противорѣчивая двойственность, — говоритъ Рибо, — до такой степени всеобща, что я не позволилъ бы себѣ о ней много говорить, еслибы она не дѣлала яснымъ, какъ день, бесплодность весьма распространеннаго предразсудка, состоящаго въ томъ, что достаточно вдолбить въ голову извѣстныя правила, принципы или идеи, чтобы они дѣйствовали“. Конечно, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это средство оказывается дѣйствительнымъ, оно дѣйствительно не само по себѣ, такъ какъ оно можетъ оказываться и недѣйствительнымъ. Опытъ всѣхъ такихъ попытокъ приводитъ къ вопросу: нашъ умственный характеръ (если таковой существуетъ въ чистомъ видѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые психологи) идетъ ли рука объ руку съ нашимъ аффективнымъ характеромъ, — т.-е. слагающимся изъ нашихъ душевныхъ движеній, чувствованій и т. п.?

Рѣшеніе этого вопроса лежитъ въ самомъ индивидуумѣ, а не внѣ его. Личность въ концѣ концовъ или отклоняется въ сторону отъ своихъ первоначальныхъ склонностей, или остается имъ вѣрна. Если воспитаніе и склонности индивидуума окажутся въ согласіи другъ съ другомъ, то, конечно, воспитаніе сможетъ оказать свое вліяніе, подчеркивая и подкрѣпляя склонности индивидуума. Въ противномъ же случаѣ, вліяніе его будетъ весьма незначительнымъ, и слабость его окажется тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе характеръ индивидуума по своимъ физиологическимъ и наслѣдственнымъ склонностямъ.

Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи: „Факты и толкованія“, величайшій мыслитель нашей эпохи, недавно скончавшійся, Гербертъ Спенсеръ, говоритъ: „Развитіе умственной стороны личности не оказы-

ваетъ дѣйствія на наши моральныя дѣйствія. Не достаточно научить какимъ-нибудь вѣрнымъ и справедливымъ истинамъ, чтобы заставить поступать вѣрно и справедливо“.

Еслибы эти положенія были голословными, то, конечно, въ нихъ можно было бы видѣть лишь одно личное мнѣніе авторовъ. Но нынѣшняя научная педагогика не довольствуется умозрѣніями; она во всѣ свои изслѣдованія стремится ввести опытъ. Между прочимъ, для рѣшенія этого вопроса было собрано множество отвѣтовъ отъ писателей, артистовъ, вообще отъ лицъ выдающихся и способныхъ сознательно наблюдать себя самихъ,—и отвѣты эти въ большинствѣ случаевъ убѣждаютъ, что воспитаніе имѣетъ самое незначительное вліяніе на развитіе умственной и нравственной личности. Изслѣдованіе по этому вопросу было сдѣлано въ одномъ французскомъ журналѣ, „Revue Blanche“. Жизнь все измѣняетъ. У натуръ, обладающихъ хотя бы нѣкоторой степенью инициативы, поведение слагается изъ воздѣйствія двухъ элементовъ—личнаго фактора и жизни (т.-е. вліянія опыта, создаваемого средой). Только натуры пассивныя, аморфныя, даютъ надъ собой власть идеямъ, уже совершенно приготовленнымъ другими, и замѣткамъ объ этихъ чужихъ идеяхъ въ своей памяти.

Извѣстны остроумныя нападки Шопенгауэра на склонность людей вѣрить въ моральное вліяніе на нихъ самихъ собственнаго разума. Не мало можно отыскать и въ нашей русской беллетристикѣ произведеній, рисующихъ печальную картину паденія теоретически-прекрасныхъ людей подъ вліяніемъ среды. Одно время, выраженіе „заѣденные средой“ было до такой степени общераспространенно, что надоѣло всѣмъ, хотя это вовсе не значить, что оно было невѣрно или кѣмъ-либо опровергнуто. Но именно въ этомъ-то выраженіи резюмируется тотъ фактъ, о которомъ говоритъ Палантъ, а именно, что окончательное воспитаніе даетъ человѣку, по крайней мѣрѣ—среднему—жизнь, т.-е. среда, которая своимъ гнетомъ опровергиваетъ и передѣлываетъ всѣ „убѣжденія“, даже стремленія юности, вынесенныя изъ школы въ высшемъ значеніи этого слова, т.-е. изъ проповѣдей любимыхъ профессоровъ въ университетахъ, какимъ былъ, напримѣръ, у насъ Грановскій, или изъ идей, проводимыхъ лучшими дѣятелями литературы. Стало избитымъ мѣстомъ извѣстное явленіе измѣны всѣмъ этимъ убѣжденіямъ, у однихъ—скорѣе, у другихъ—позже, и вѣрность имъ до конца жизни—лишь у немногихъ, до такой степени у немногихъ, что ихъ имена обыкновенно отмѣчаются въ памяти людей въ исторіи подвиговъ, какъ особаго рода героизмъ: „онъ до конца жизни“—говорять о нихъ—„остался вѣренъ себѣ и боролся за свои убѣжденія“. Но эти борцы, — какъ полагаютъ и Палантъ, и Рибб,—потому и остались вѣрны своимъ убѣжденіямъ, вынесеннымъ изъ школы,

что ихъ собственная нервная организація была въ гармоніи съ убъ-
жденіями, вынесенными изъ школы.

Лично мы далеко не согласны съ такимъ мнѣніемъ Паланта, и постараемся представить свои возраженія, не отступая отъ приведенныхъ имъ фактовъ и не вдаваясь въ односторонній „интеллектуализмъ“ и „эдукационизмъ“. Вся бѣда именно въ этой односторонности, къ которой, однако, склоненъ умъ вовсе не однихъ интеллектуалистовъ и эдукационистовъ, но и ихъ противниковъ.

Перейдемъ пока къ противоположной сторонѣ, къ анти-эдукаціо-
налистическимъ воззрѣніямъ, имѣющимъ непосредственную связь съ идеями Ницше, изъ сочиненій котораго Палантъ приводитъ нѣсколько цитатъ. Всѣмъ извѣстно, хотя бы въ общихъ чертахъ, ученіе этого мыслителя-индивидуалиста, доводившаго до крайней степени свою вражду ко всякому подчиненію личности требованіямъ коллективной, совмѣстной жизни людей. Такое подчиненіе онъ называлъ рабствомъ индивидуума предъ обществомъ.

III.

Никто не станетъ спорить, что въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ и у нѣкоторыхъ натуръ, подчиненіе обществу доходитъ до настоящаго рабства. Въ нашей русской литературѣ, почти за полвѣка до Ницше, Грибоѣдовъ осмѣлялъ это рабство въ знаменитомъ стихѣ: „Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить—Княгиня Марья Алексѣвна!“

Однако, ницшеанцы вообще и ницшеанцы въ педагогикѣ протестуютъ противъ подчиненія индивидуума обществу въ предѣлахъ гораздо болѣе широкихъ. Даже въ томъ, что считается въ извѣстное время „истиной“, они находятъ проявленія рабства. Такъ, Реми-де-Гурмонъ говоритъ: „человѣкъ ассоціируетъ идеи не на основаніи логики, а по своему удовольствію или интересу“. И онъ приводитъ нѣсколько такихъ ассоціацій, какъ, напримѣръ, добродѣтель и награда, порокъ и наказаніе, обязанность и благо, власть и почтеніе, будущее и прогрессъ. И вотъ, оказывается, что среди этихъ ассоціацій могутъ быть сами по себѣ совершенно нецѣпныя, но онѣ были полезны какой-нибудь *группѣ* въ тотъ или иной моментъ ея развитія (эволюціи), и въ послѣдствіи мы „рабски“ отдаемся этой случайности. А между тѣмъ,—говорятъ ницшеанцы,—не слѣдуетъ смѣшивать пользу группы съ пользой индивидуума. Эти двѣ пользы такъ далеки другъ отъ друга, что въ болѣе части случаевъ даже противоположны одна другой. Возьмите какой-нибудь изъ общепринятыхъ предразсудковъ, напр. пресловутую „честь“, заставляющую расплачиваться кровью или жизнью своей или чужой за незначительное оскорбленіе и т. п. Вы увидите,

что этотъ предразсудокъ полезенъ для группы, но для индивидуума онъ является тираніей каждое мгновение. И объ этомъ уже давно говорилъ Шопенгауэръ. Онъ различалъ индивидуума, какъ онъ *есть* самъ въ себѣ, отъ того, что онъ *представляетъ* во мнѣніи другихъ, т.-е. во мнѣніи, которое ему хотѣлось бы, чтобы другіе составили о немъ. И самая главная причина несчастій индивидуума въ томъ именно и состоитъ, что онъ *помышляетъ* свое счастье не въ томъ, что онъ *есть*, а въ томъ, *чѣмъ онъ представляется*, т.-е., въ концѣ концовъ, онъ *помышляетъ* свое счастье въ мозгахъ другихъ людей. „Этотъ,—по словамъ Шопенгауэра,—„глупый предразсудокъ, является причиной постоянного трепета индивидуума, тогда какъ для группы онъ есть средство обезпечить свое господство надъ нимъ“.

„Вотъ такіе-то предразсудки, *полезные для группы*,—говоритъ Палантъ,—старается навязать намъ обманомъ социальный и моральный эдукаціонизмъ, подъ покровомъ нравственныхъ императивовъ Канта и другихъ“... Ниже мы покажемъ, что такое отношеніе къ императиву Канта представляется образцомъ поверхностной, дѣтской и недумчивой критики его моральнаго ученія. Но сперва познакомимся съ мыслью французскаго ницшеанства во всей ея наивной полнотѣ.

Недавно вышла во Франціи книга Жюль Готье, подъ заглавіемъ „Боваризмъ“ (Le Bovarisme). Она именно указываетъ на присутствіе во всей системѣ воспитанія этого принципа, т.-е. нѣкотораго „*смушенія*“ (suggestion) *иллюзіи*“, посредствомъ котораго воспитатель накладываетъ на врожденную личность индивидуума другую, выдуманную, искусственную личность, представляющую извѣстную степень гармоніи съ мнѣніями или желаніями группы. И вотъ эта-то „искусственная“ личность подавляетъ и стираетъ дѣйствительную, реальную личность или „я“. „Такимъ образомъ,—говоритъ Палантъ,—социальныя и моральныя истины представляютъ собою лишь различныя формы *ложі*, полезной для группы и подавляющей индивидуумъ. Долгая наследственная привычка освятила эти обманы. Теперь индивидуумъ не можетъ или не смѣетъ выразить въ нихъ сомнѣнія, и, во всякомъ случаѣ, ему грозитъ опасность, если онъ возстаетъ противъ нихъ. Истина есть условная ложь, сдѣлавшаяся обязательной во имя жизненныхъ интересовъ группы. Или,—говоря словами Ницше,—„истина есть установившееся и признанное полезнымъ заблужденіе; быть справедливымъ, это значитъ—лгать вмѣстѣ со своимъ стадомъ“ („herdenweise Lügen“).

На это ницшеанцамъ возражаютъ, что ихъ протесты, быть можетъ, и не лишены значенія, когда дѣло идетъ о традиціонной, рутинной морали, выработанной въ массѣ безсознательнымъ опытомъ. Но какой же смыслъ имѣетъ ихъ протестъ, когда онъ высказывается про-

тивъ *раціоналистическаго воспитанія*, т.-е., такого, которое предполагаетъ установить научно точныя социальныя и нравственныя истины?

На это ницшеанцы отвѣчаютъ, что вопросъ именно въ томъ и состоитъ, — въ силахъ ли наука и разумъ осуществить (реализировать) согласіе между жизненными претензіями общества или группы и жизненными стремленіями индивидуума? — Именно группа-то и стремится къ тому, чтобы во имя науки и разума установить „приноровленность“ (конформизмъ) между своими членами. Но произвольное индивидуальное чувство противопоставляетъ этому стремленію группы непреодолимое препятствіе.

Группа не имѣетъ ни силы, ни возможности замѣнуть, запретить въ какую-нибудь окончательную социальную или моральную формулу, въ социальный или моральный догматизмъ, хотя бы исходящій отъ разума и науки, — то, что, по природѣ своей, является текучимъ, живымъ, движущимся въ индивидуумѣ, т.-е. чувства. *Даже самая вѣра въ господство разума, въ основѣ своей, есть извѣстное состояніе чувства*, есть стремленіе индивидуальнаго темперамента. У высшихъ умовъ, среди ученыхъ, среди безкорыстныхъ мыслителей, даже вѣра въ науку обращается въ нѣкотораго рода аскетизмъ, въ умственный стоицизмъ, полный благородства (Ницше: генеалогія морали). Но эту вѣру невозможно сдѣлать всеобщей, такъ какъ она отвѣчаетъ на очень специальную и весьма рѣдкую форму чувства, а слѣдовательно и ума. — Впрочемъ, есть и другой типъ людей, вѣрующихъ въ господство разума и науки: у людей этого типа ихъ вѣра обращается въ грубый педантизмъ, если не въ манию — поучать, судить, морализировать. Но не слѣдуетъ же забывать индивидуальный, интимный, неувидимый и непередаваемый характеръ эстетическихъ и моральныхъ истин! Для индивидуума здѣсь истинно то, что гармонируетъ или звучитъ въ униссонъ съ его собственной физиологіей. И чѣмъ выше индивидуумъ, тѣмъ это сильнѣе. У такихъ индивидуумовъ потребность проявить, выразить, выдѣлить свои особенности является закономъ ихъ жизни.

Я не буду излагать подробно критики ницшеанцевъ, обращенной къ другой способности нашей душевной жизни, а именно, къ такъ называемой *интуиціи*, т.-е. къ образованію въ душѣ произвольныхъ, возникающихъ безъ всякихъ разсужденій, аксіомъ или положеній, или реченій, напр. любви, ненависти, антипатій, отвращеній, энтузіазма и т. п. Такія интуиціи обращаются гдѣ-то въ интимной глубинѣ организма, недоступной — по мнѣнію анти-эдукаціонистовъ — вліянію педагога. Поэтому, — говорятъ они, — умственное и моральное единство человѣчества есть дѣтская мечта. Если бы эта мечта, — вопреки явной невозможности, осуществилась, — это было бы концомъ прекраснаго разнообразія эстетическаго и моральнаго, это было бы смертью культуры.

Руководителямъ группъ, конечно, полезно, — говорить ницшеанцы, — установить приноровленность индивидуумовъ, во-первыхъ, къ социальнымъ и моральнымъ учениямъ, господствующимъ и считающимся выражениемъ истины въ данный моментъ, и, во-вторыхъ, приноровленность еще другого рода, состоящую въ *последовательности* самому себѣ, т.-е. своему прошлому. Противъ этой последовательности ницшеанство протестуетъ особенно горячо.

Они указываютъ на то, что это требованіе последовательности есть опять-таки деспотизмъ группы: она хочетъ быть увѣренной и обезпеченной въ томъ, что индивидуумъ не поразитъ ее неожиданностью своихъ мыслей или поступковъ, т.-е. непоследовательностью своему прошлому. Въ свою очередь индивидуумъ трепещетъ отъ мысли, что его могутъ признать непоследовательнымъ, и употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы не отступить отъ этого прошлаго. То-есть, и тутъ онъ является рабомъ группы; его поработщаетъ страхъ передъ мнѣніемъ группы. Противъ этого „предразсудка“, задолго до Ницше, уже говорилъ Эмерсонъ: „Нашъ *духъ последовательности*, наше желаніе быть согласными съ самими собою—это другой „терроръ“, удаляющій насъ отъ довѣрія къ самимъ себѣ. Это нѣкотораго рода благоговѣніе передъ нашими собственными прошлыми словами и дѣйствіями, возникающее вслѣдствіе нашей вѣры въ то, что глаза другихъ не въ состояніи опредѣлить орбиту нашей личности инымъ способомъ, кромѣ наблюденія нашихъ прошлыхъ дѣйствій. И мы боимся обмануть ихъ ожиданія. Но для чего вы обязываетесь постоянно поворачивать голову назадъ? Для чего ташите съ собою тяжесть воспоминаній, помогающихъ избѣгать противорѣчій съ тѣмъ, что вы говорили при такомъ-то или такомъ-то случаѣ? Предположите, что вы противорѣчите себѣ. Ну, что же за бѣда? — Глупое упорство въ одной и той же мысли есть манія маленькихъ умовъ, обожаемая маленькими людьми государства и церкви, маленькими философами и маленькими артистами. Великая душа не беспокоится объ этомъ. Это ее такъ же мало занимаетъ, какъ тѣнь ея на стѣнѣ. Говорите въ сильныхъ выраженіяхъ то, что вы думаете сегодня; и то же самое дѣлайте завтра, хотя бы и могло случиться, что вы противорѣчите себѣ“.

Ницше выразилъ эту же мысль въ другой формѣ, сказавъ, что необходимо быть „умомъ не-историческимъ“ (т.-е. не сковывать себя прошлымъ), если хочешь жить каждый часъ въ свѣжемъ, новомъ воздухѣ и оживлять безпрестанно свѣжесть своихъ впечатлѣній отъ жизни“.

Ницшеанцы-педагоги отрицаютъ совершенно возможность примирить между собою двѣ взаимно-враждебныя противоположности: съ одной стороны, индивидуальность и спонтанность, а съ другой—воспитаніе и

приноравливаніе (конформизмъ). Съ точки зрѣнія тѣхъ, которые за-
даются цѣлью давать направленіе человѣческимъ группамъ, т.-е. съ
точки зрѣнія людей различныхъ партій, или государственныхъ людей,
или политиковъ, или просто политикановъ, понятно, что задача вос-
питанія представляетъ капитальный вопросъ: вѣдь тутъ дѣло идетъ
о направленіи „человѣческаго стада“ на путь, который эти руководи-
тели считаютъ наиболѣе подходящимъ для человѣчества, чтобы до-
стигнуть социальнаго и моральнаго идеала по ихъ выбору.

Авторъ „Боваризма“, Жюль Готье говоритъ: „такъ какъ эти люди
(руководители группъ и партій) отлично знаютъ этотъ механизмъ
(внушенія путемъ вдалбливанія понятій), то весьма понятно, почему
политическія партіи вносятъ такую страстность въ свои усилія за-
владѣть образованіемъ“. Этимъ же объясняется и тотъ фактъ, что
даже тѣ партіи, которыя провозглашаютъ свободу образованія, на
самомъ дѣлѣ добиваются монополіи.

Какъ противоположность эдукаціонизму, выставляется точка зрѣнія
моралистовъ, стремящихся спасти, охранить и поставить на первый
планъ оригинальность и спонтанность (самопроизвольность) человѣче-
скаго индивидуальнаго сознанія.

Статья Паланта кончается совѣтомъ Ницше, обращеннымъ къ „мо-
лодымъ душамъ“,—совѣтомъ, который на первый взглядъ кажется
курьезнымъ противорѣчіемъ съ другимъ совѣтомъ его, приведеннымъ
выше, — о томъ, что необходимо быть „умомъ не-историческимъ“:
„Молодыя души, — говоритъ онъ, —должны бросить взглядъ на свою
прошлую жизнь и спросить себя: что ты дѣйствительно любилъ до
настоящаго момента, что привлекало твою душу, что ее объединяло,
господствовало надъ нею и дѣлало ее счастливой? Отыщи въ твоей
памяти рядъ предметовъ, возбуждавшихъ въ тебѣ благоговѣніе, и они,
быть можетъ, дадутъ тебѣ своей сущностью и послѣдовательностью
законъ, фундаментальный законъ твоего истиннаго существа. Сравни
эти предметы твоего восхищенія, посмотри, какъ одинъ изъ нихъ по-
полняетъ, расширяетъ, превосходитъ и преобразуетъ другой, какъ всѣ
они образуютъ лѣстницу, по которой ты поднимался до сихъ поръ къ
самому себѣ... Вотъ твои истинные воспитатели, они же и твои форми-
ровщики. Они тебѣ говорятъ, каковы первичный смыслъ и элемен-
тарная сущность твоего бытія, то вѣчто, что не поддается ни вос-
питанію, ни формировкѣ, идущей извнѣ... И эти твои воспитатели
будутъ и освободителями“...

Замѣтьте, читатель, что этотъ совѣтъ прямо противоположенъ тому,
что совѣтовалось раньше тѣмъ же самымъ Ницше. Но онъ этимъ не
стѣсняется—*по принципу*: „долой послѣдовательность“! „Долой исто-
рической духъ“!

Однако, всматриваясь глубже въ оба эти совѣта, въ нихъ можно отыскать не одну только противоположность, но и кое-что *общее* или, говоря проще, оба совѣта имѣютъ одну общую цѣль—оградить индивидуальность отъ вліяній среды соціальной, но только первый совѣтъ требуетъ для этого *забыть* свое прошлое, а второй—*припомнить* его, но какъ припомнить и для чего? Припомнить то, что *мнѣ* самому нравилось, возбуждало во мнѣ благоговѣніе. И, выдѣливъ это отъ всего остального, сказать себѣ: вотъ въ этомъ мое настоящее, первоначальное „я“, а потому *буду* *послѣдователенъ* только этому настоящему „я“. Нужно ли доказывать, сколько тутъ наивнаго увлеченія одной и той же *idée fixe*, т.-е. боязнью за свою индивидуальность? Я полагаю, что доказывать это нужно, какъ и вообще необходимо разобрать все это направленіе, чтобы показать его наивныя крайности, крайности, увлеченія и преувеличенія, гипнотизирующія въ послѣднее время значительную массу публики, какъ у насъ, такъ и за границей.

IV.

Начнемъ съ конца, то-есть, съ послѣдняго совѣта. Какимъ образомъ „молодыя души“, припоминая свое прошлое, могутъ отдѣлать въ немъ то, что нравилось ихъ примитивному „я“, отъ того, что нравилось ихъ второму, искусственному, соціальному „я“? Вѣдь для этого необходимъ *геніальный* анализъ, опирающійся на огромную массу данныхъ—историческихъ, психологическихъ, археологическихъ и т. д. И, прежде всего, тутъ необходима огромная работа разума, того самого разума, о которомъ раньше доказывается, что самъ онъ—*ириушка* въ рукахъ групповыхъ интересовъ, мнѣній и пользы!

И вотъ. „нищеанцы“, выгнавъ разумъ въ одну дверь, втаскиваютъ его вновь назадъ въ другую дверь и дѣлаютъ его снова *хозяиномъ* въ вопросѣ, что составляло во мнѣ *самомъ* *мое* собственное „я“, и что было *навѣянннмъ* „я“. То-есть, дѣлаютъ его судьей въ вопросѣ: что же я долженъ поставить своимъ маякомъ въ моемъ *самовоспитаніи*? Хотя тутъ воспитаніе и замѣнено самовоспитаніемъ, однако въ руководители этого послѣдняго взять опять-таки *разумъ*, только-что выброшенный за дверь!

Далѣе: самый вопросъ о томъ, что человекъ долженъ слѣдовать не за голосомъ общества или группы, а только за голосомъ собственного примитивнаго „я“ (если мы даже отбросимъ полную практическую невозможность, полную абсурдность отысканія въ себѣ этого примитивнаго „я“),—этотъ вопросъ рѣшенъ также *разумомъ*. Вѣдь это разумъ сказалъ индивидууму, что его подавляютъ интересы группы и

что „я“ должно бороться съ групповыми вліяніями. Но для чего? Для того, чтобы торжествовала индивидуальность, оригинальность, и чтобы этимъ былъ спасенъ прогрессъ, развитіе культуры, которые останавливаются безъ развитія оригинальности и личнаго творчества.

Но если мы всмотримся немножко въ эти положенія, то легко замѣтимъ, что здѣсь, вмѣсто интересовъ общества или группы (т.-е. все-таки чего-то живого и намъ нужнаго, полезнаго), вводятся двѣ отвлеченныя идеи — прогрессъ и культура. То-есть, педагоги-нищенанцы, желая освободить насъ отъ рабства у группы, желаютъ сдѣлать насъ рабами другихъ идоловъ, которые больше нравятся имъ самимъ. То-есть, они входятъ сами въ роль „эдукаціонистовъ“, т.-е. людей, стремящихся *приноровить* насъ къ *своему* собственному излюбленному идеалу. Однимъ словомъ, и едукаціонизмъ, выгнанный въ одну дверь, введенъ съ почетомъ въ другую!

Но при этомъ нищенанскій едукаціонизмъ такъ увлеченъ своей борьбой за индивидуальность, что забываетъ вотъ что: какъ ни былъ силенъ, особенно въ нѣкоторые періоды исторіи, — гнетъ общества или группы надъ индивидуумомъ, однако прогрессъ продолжался, оригинальныя личности возникали, боролись за свою оригинальность — и человечество шло впередъ. Наша эпоха не только не представляетъ худшихъ условій для свободнаго развитія индивидуальности, а наоборотъ, никогда еще не было такихъ общественныхъ формъ, такой терпимости къ религіознымъ, философскимъ и бытовымъ новшествамъ и оригинальностямъ, какъ въ нашу эпоху. Пусть сравнятъ восточныя деспотіи или кастическія государства, или средневѣковыя цѣпи первонаго догматизма, феодальнаго крѣпостничества, цеховаго режима, монастырскаго аскетизма, когда гибли на кострахъ и въ пыткахъ сотни тысячъ за одно мнѣніе, противорѣчащее мнѣнію группы, за одно слово, — когда за противорѣчіе Галилея идеямъ Аристотеля можно было попасть на костеръ! Но для того, чтобы сравнить то время съ нашей эпохой почти абсолютной свободы мысли и совѣсти, нужно обратиться къ исторіи, а „нищенанство“, какъ мы видѣли, отвернулось отъ исторіи (когда это ему нужно, — и тутъ же обращается къ ней, когда это тоже нужно!).

Итакъ, вся исторія доказываетъ намъ, что индивидуальность боролась за себя въ теченіе вѣковъ и мало-по-малу привела общественныя формы и отношенія между людьми до свободы личности почти абсолютной, если сравнить эту свободу съ прежнимъ рабствомъ.

Но возможно ли и нужно ли доводить эту свободу индивидуума до полного отрицанія общества и всякихъ нашихъ обязанностей по отношенію къ нему, къ своей группѣ, партіи? А этого-то и хотятъ нищенанцы. Между тѣмъ, у свободы есть свои предѣлы, и эти пре-

дѣлы лежать прежде всего въ такомъ же правѣ на свободу у окружающихъ меня ¹⁾. И вотъ, то первое, но необходимое ограниченіе, которое каждому приходится налагать на себя, если только онъ хочетъ оставаться въ обществѣ, пользуясь тѣми благами, какія оно даетъ, благодаря сочетанію единичныхъ силъ для достиженія общихъ групповыхъ цѣлей. Въ числѣ этихъ цѣлей бывала не разъ и цѣль расширенія сферы дѣятельности и свободы для индивидуума, для его мысли, совѣсти, духа, творчества — практическаго, политическаго, научно-философскаго и эстетическаго. И въ періоды таковой борьбы, отъ отдѣльныхъ индивидуумовъ требовалось иногда приносить крупныя жертвы даже жизнью. Но вѣдь это дѣлается для настоящей, реальной свободы той же индивидуальности. А развѣ нищенство, требуя борьбы противъ *всѣхъ* условій общественности, ради неопредѣленнаго будущаго прогресса (достигаемаго и безъ этого въ наше время), не требуетъ жертвы? Развѣ полная разнузданность личности не грозитъ гибелью и ей самой, и тѣмъ лучшимъ формамъ общественности, которыя уже создались тысячекратными усиліями индивидуумовъ, ихъ жертвами, борьбой и страданіями! Вѣдь это новыя формы общества, — чѣмъ онѣ свободнѣе, тѣмъ болѣе требуютъ не внѣшней, а внутренней силы, сдерживающей людей, т.-е. силы *моральной* прежде всего. Внѣшнее сдерживаніе, пытки, казни, костры, плахи именно потому и отступаютъ все дальше и дальше вглубь исторіи, что на ихъ мѣсто выступало постепенно внутреннее сдерживаніе, въ развитіи моральныхъ привычекъ, голоса совѣсти, общественныхъ чувствъ—симпатіи, самоотверженія, служенія благу другихъ (альтруизма).

Отсюда ясно, что нищенская педагогика есть, на самомъ дѣлѣ, врагъ прогресса, свободы и правильнаго развитія той эмансипаціи личности, которая совершалась въ теченіе всей исторіи человѣчества — отъ тѣхъ временъ, когда въ племенахъ и родахъ не было даже слова и понятія „я“, а знали только слово „мы“ — и до нашихъ дней.

Легко доказать, что нищенское отрицаніе общественности и коллективности есть смерть всякой свободы индивидуума, что оно ведетъ къ распаденію общества и его группъ-молекулъ въ отдѣльные атомы, въ пыль, безсильную и потому легко подчиняемую каждымъ „сверхъ-человѣкомъ“, т.-е. узурпаторомъ, или же каждой сплоченной общественной группой, которая не пойдетъ за этой проповѣдью.

И въ то время, когда Европа имѣетъ по сосѣдству такія пробуждающіяся, сплоченныя націи, какъ Японія, Китай, — подобная проповѣдь является величайшей ошибкой больныхъ умовъ. И надо желать одного, чтобы она не была страшнымъ знаменіемъ времени.

¹⁾ Знаменитый императивъ Канта, въ сущности, только это и говорить, требуя, чтобы основанія моихъ поступковъ я могъ пожелать, какъ *всеобщаго закона*.

Повторяю: есть предѣлы личной свободы, необходимые для самой же личной свободы. Нужно поставить девизомъ морали и воспитанія не отрицаніе общественныхъ и групповыхъ связей и обязанностей, а *очистку этихъ связей и обязанностей отъ всего фиктивного, отъ ложнаго понятія объ обществѣ, какъ о чемъ-то имѣющемъ инья цѣли, кромѣ блага индивидуумовъ, входящихъ въ общество.* Съ этимъ ложнымъ понятіемъ объ обществѣ и надо бороться повсюду, и въ частности—въ воспитаніи. И наша литература боролась съ нимъ, начиная съ Грибоѣдова, но ни ему, ни кому изъ другихъ позднѣйшихъ русскихъ писателей, боровшихся за освобожденіе личности отъ гнета общественныхъ предразсудковъ, не могъ и вообразиться мыслитель, который, выходя изъ того же начала независимости личности, будетъ отрицать всѣ даже самыя благородныя обязанности индивидуума передъ требованіями общегитія, если эти требованія приходятся не по вкусу тому или другому Ивану Петровичу или Петру Ивановичу. Крайній индивидуализмъ Ницше—такая же нелѣпость, какъ и крайній коллективизмъ Фамусова, если этотъ послѣдній заслуживаетъ такого названія, имѣя болѣе подходящее въ словѣ „стадность“. Но этимъ послѣднимъ словомъ Ницше обзываетъ всякое принесеніе людьми известной лепты на алтарь общественности. Однако вполне ясно, что если я живу не одинъ, а съ нѣсколькими товарищами, я долженъ избрать какой-нибудь одинъ изъ двухъ возможныхъ выходовъ: или уходить изъ товарищества и не пользоваться отъ него ничѣмъ, или соблюдать тѣ условія, которыя установились между мною и ими ради наилучшей совмѣстной жизни, помощи другъ другу, развлеченій, отдыха и т. п. Невозможно при этомъ, чтобы я не ограничивалъ своей свободы въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ и они ограничиваютъ для меня свою. Невозможно, чтобы я пользовался такой свободой, которая уничтожаетъ ихъ свободу. И наоборотъ, они не должны поступать такъ, чтобы нарушалась моя свобода, равная ихъ свободѣ. Это такъ ясно и просто, что отрицаніе столь простыхъ вещей можно объяснить только крайней полудѣтской реакціей нашей эпохи противъ рабства и стадности предъидущихъ эпохъ и остатковъ этихъ свойствъ въ наше время. Какъ всякая реакція, такъ и эта перетягиваетъ лукъ въ обратную сторону, сверхъ возможности, необходимой въ сферѣ разумныхъ и правильныхъ человѣческихъ отношеній, имѣющихъ въ виду *благо самой же личности*, ея развитіе и ея наибольшую общественную свободу. Такіе крайніе проповѣдники индивидуализма забываютъ, что человѣкъ, разорвавшій съ обществомъ, слабъ и ничтоженъ, какъ малый ребенокъ, какой бы силой (даже исключительной) онъ ни обладалъ, пока жилъ въ обществѣ. Они забываютъ, что такому гордому человѣку пришлось бы вести жизнь первобытнаго дикаря, не пользуясь

ни однимъ изъ изобрѣтеній остальныхъ людей, конечно, въ томъ случаѣ, еслибы онъ желалъ быть послѣдовательнымъ до конца. И вотъ, онъ съ первыхъ же шаговъ потерялъ бы всякіе признаки свободы, потому что сталъ бы рабомъ каждаго куска пищи, каждой защиты себя отъ холода или дожда, которыя теперь пришлось бы добывать *одному* безъ помощи товарищей. Это былъ бы новый Робинзонъ. Но быть Робинзономъ пріятно въ сказкѣ, гдѣ все благополучно. Да, впрочемъ, и тамъ пришлось дать Робинзону—Пятницу.

Конечно, идеаломъ для индивидуума должно быть наиболѣе свободное проявленіе своей личности, наиболѣе соотвѣтствующія этой личности развитіе и совершенствованіе. Но въ томъ-то и дѣло, что крайній индивидуализмъ есть уничтоженіе всякаго развитія, всякой свободы, потому что и развитіе, и свобода возможны только при соединеніи многихъ силъ, при взаимномъ сотрудничествѣ для достиженія общихъ цѣлей. Хороша была бы свобода такого индивидуалиста, еслибы онъ для полученія какого-нибудь каменнаго ножа или топора долженъ былъ обтачивать его недѣлю, если не больше! А если онъ рассчитываетъ купить и ножъ, и топоръ у другихъ людей, онъ уже входитъ съ ними въ извѣстныя условія обмѣна, т.-е. подчиняется требованіямъ общественнаго закона спроса и предложенія.

Или онъ долженъ украсть и ножъ, и топоръ, и ружье. Но... въ такомъ случаѣ съ нимъ поступать, какъ съ воромъ, т.-е. запрутъ этого „сверхъ-человѣка“ въ кутузку. Если же онъ самъ захочетъ сдѣлать себѣ ножъ и топоръ, то... пока сдѣлаетъ, умретъ отъ голода, какъ *раба* природы и собственнаго желудка, покаравшихъ его за его безуміе.

Я не буду возражать противъ психологической части ваззраній, изложенныхъ выше. Преувеличенія здѣсь очевидны. Лишь до извѣстной степени справедливо, что разумъ не играетъ въ поведеніи людей такой первенствующей роли, какую ему давали догматики и рационалисты. Но именно моральное воспитаніе ставитъ одной изъ своихъ цѣлей—выработку въ людяхъ наибольшаго подчиненія разуму, а не мимолетнымъ влеченіямъ, порывамъ, аффектамъ. И такого рода самодерживаніе ставится современной наукой въ тѣсную связь съ физиологіей нервной системы, съ возможностью выработки въ мозгу тѣхъ элементовъ, которые проф. Сѣченовъ назвалъ задерживающими центрами, а нѣкоторые другіе физиологи, не признающіе специальныхъ центровъ задержки, признаютъ, однако, самый фактъ ея и возможность ея развитія путемъ упражненія и привычки.

Но всѣ новѣйшія научныя этики (Гёффдингъ, Мюрхедъ, Вундтъ и др.) видятъ въ этой способности задержки первичный и основной центръ моральнаго воспитанія.

Впрочемъ, сами же „нищепанцы“ не отрицають окончательно способности воспитанія воздѣйствовать на натуру воспитанника. Даже „вдалбливанію“ моральныхъ истинъ они придаютъ значеніе, но только видятъ въ немъ насиліе группы надъ индивидуумомъ, „внушеніе“ (suggestion). Если къ этому добавитъ еще вліяніе привычки, о которой говорилъ уже Аристотель, то отрицать воздѣйствіе моральнаго воспитанія окажется совершенно невозможно. Да еслибы, наконецъ, этого воздѣйствія не было, то для чего бы „нищепанцы“ такъ горячо и страстно боролись противъ воспитанія?

Въ заключеніе, скажемъ два слова и за нихъ. Въ протестъ „нищепанцевъ“ есть, конечно, и нѣкоторый законченный и реальный элементъ; этотъ элементъ—забота о наибольшемъ развитіи личности и оригинальности. И еслибы они не доводили эти заботы до крайности, они оказывали бы значительную услугу человечеству. Личность весьма часто уничтожается различными общественными группами вовсе не ради блага ея самой или общества, а ради корыстныхъ цѣлей господства, эксплуатаціи и т. п. Въ этомъ направленіи и слѣдуетъ бороться научно-раціональной этикѣ и педагогії, какъ теоретически, такъ и практически. Но объ этомъ я уже сказалъ выше. Между тѣмъ, педагогическое „нищепанство“, желая „вылить изъ ванны грязную воду, выбрасываетъ изъ нея и ребенка“.—Александръ Македонскій былъ великій человекъ,—но зачѣмъ же стулья ломать!

Еще два слова: на Западѣ, гдѣ общественныя условія уже сложились такъ, что личность въ юридическомъ и политическомъ отношеніяхъ почти абсолютно свободна, проповѣдь дальнѣйшаго освобожденія индивидуума отъ послѣднихъ остатковъ общественныхъ обязанностей еще имѣетъ хотя какой-нибудь смыслъ, если не жизненный, то логическій. Наоборотъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ личность несвободна даже въ самыхъ элементарныхъ своихъ проявленіяхъ, гдѣ только *соединенными* силами группъ она можетъ добиться для себя нѣкотораго простора,—проповѣдь противъ всякой коллективности и налагаемыхъ ею обязанностей является настоящей бессмыслицей и логической, и жизненной.

Впрочемъ, даже и на Западѣ, гдѣ именно теперь идетъ борьба четвертаго сословія за свои коллективныя политическія права, эта проповѣдь социальнаго „атомизма“ весьма неумѣстна и вредна для дальнѣйшаго прогресса общественныхъ формъ, необходимаго для самой же личности. Но ослѣпленіе реакціей, модой, цвѣтистымъ поэтическимъ и гипнотизирующимъ языкомъ Ницше такъ велико, что эта сторона „нищепанства“ пока еще почти не замѣчается никѣмъ.

Л. Е. Оволенскій.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Arthur Schnitzler, Der einsame Weg. Schauspiel. Berlin, 1904 (S. Fischer, Verlag).

Артуръ Шнитцлеръ—болѣе тонкій, нежели глубокой писатель. Его *faculté maitresse*—острый анализъ противорѣчій, составляющихъ „теанъ души“ современныхъ людей. Дальше психологической правды онъ не идетъ; все его творчество сосредоточено на анализѣ „боли жизни“, создаваемой тѣмъ, что всѣ идутъ врозь, что въ отношеніяхъ людей другъ съ другомъ обнаруживается только обособленность желаній каждаго, сознательный или безсознательный обманъ. Шнитцлеръ—пессимистъ, какъ всѣ ищущіе правды только въ человѣческихъ словахъ и поступкахъ и находящіе вмѣсто нея постоянныя противорѣчія, неразрѣшимое и мучительное сілетеніе истины и лжи. Кто не ищетъ разрѣшенія въ понятіи объ абсолютномъ добрѣ видѣ человѣка, кто не чувствуетъ связи между зломъ жизни и абсолютнымъ добромъ, къ которому стремится душа человѣка,—тотъ роковымъ образомъ осужденъ на безысходный пессимизмъ; ему жизнь должна представляться хаосомъ мелкихъ и грустныхъ въ своей мелочности, противорѣчивыхъ инстинктовъ, дѣлающихъ людей непримиримыми врагами другъ друга, порождающихъ между ними разнь даже когда они связаны любовью, узами дружбы и нѣжности. Свѣтъ въ этотъ хаосъ проливается только пониманіемъ внутренняго трагизма бытія, когда зло и ужасъ человѣческихъ чувствъ и поступковъ—и мелкихъ, и даже чудовищныхъ, какъ, напримѣръ, въ трагедіяхъ Софокла,—становится отраженіемъ вѣчной борьбы противорѣчивыхъ началъ жизни—борьбы, находящей разрѣшеніе въ гармоніи, вѣчно скрытой за предѣлами явленій, но открывающейся внутреннему сознанію.

Трагическаго міропониманія у Шнитцлера нѣтъ, и потому его творчество ограничивается очень тонкимъ, умнымъ и блестящимъ нѣ художественномъ отношеніи анализомъ душевныхъ переживаній съ заключенными въ нихъ контрастами. Всѣ его комедіи и драмы, также какъ рассказы и повѣсти, представляются какими-то качелями: правда и ложь, любовь и измѣна, радость и горе не сталкиваются, порождая катастрофы, заставляя людей глубже проникнуть въ истинный смыслъ жизни и рѣшительно стать на ту или другую сторону—или погиб-

нуть въ борьбѣ; онъ мѣрно и печально раскачиваютъ жизнь изъ стороны въ сторону, какъ равныя силы, причѣмъ гармонія жизни обуславливается ихъ тѣснымъ сплетеніемъ. Одинъ толчокъ, одно раскрывающее скрытую правду обстоятельство—и жизнь становится тревожной и мучительной. Но у Шнитцлера нѣтъ жажды исхода изъ этихъ противорѣчій; онъ не ищетъ примиреній, а только какъ художникъ созерцаетъ ткань жизни, сплетенную изъ противорѣчій, съ большимъ мастерствомъ возсоздаетъ жизненные узлы, въ которыхъ особенно ярко рисуется сплетеніе правды и лжи, и затѣмъ спускаетъ завѣсу, ничего не измѣняя въ теченіи обнаженной имъ правды жизни, довольствуясь раскрытіемъ ея. Таково содержаніе всѣхъ его драмъ и комедій, очень сценичныхъ, художественныхъ, психологически вѣрныхъ и тонкихъ,—но не углубленныхъ до пониманія первопричинъ психологическихъ, противорѣчій—его прославившейся трилогіи „Зеленый попугай“ и другихъ пьесъ: „Анатоль“, „Забава“, „Живые часы“ и т. д.

Новая пьеса Шнитцлера, „Одинокій путь“, тоже освѣщаетъ одно изъ основныхъ противорѣчій въ человѣческихъ чувствахъ. Шнитцлеръ поднимаетъ старый вопросъ объ эгоизмѣ и альтруизмѣ, о жизни исключительно для себя и о жизни для другихъ. Дѣйствующія лица его драмы сознательно или бессознательно исповѣдуютъ принципъ крайняго индивидуализма, ставятъ свою личную свободу выше всѣхъ влеченій сердца, боятся всякихъ длящихся привязанностей и ведутъ намѣренно легкомысленный образъ жизни, съ жестокостью разрывая сердечныя связи, могущія связать ихъ свободу заботами о другомъ, близкомъ существѣ. Этотъ типъ свободолобцевъ, съ крайнимъ легкомысліемъ относящихся къ любви только какъ къ минутной забавѣ, Шнитцлеръ уже выводилъ въ „Анатоль“ и „Забавѣ“, и уже въ этихъ пьесахъ показывалъ всю безотрадность мнимой свободы сердца. Анатолю обманываютъ другихъ—и его обманываютъ; онъ безъ всякаго зарвѣнія совѣсти разрываетъ надобвшія ему связи, но и ему въ свою очередь приходится съ грустью убѣдиться въ равнодушіи женщины, которая, какъ ему казалось, безумно его любила во время короткаго „эпизода“ ихъ взаимнаго увлеченія; и она его не узнаетъ при встрѣчѣ черезъ нѣсколько лѣтъ, и совершенно не можетъ припомнить всего, что было связано съ ихъ общимъ прошлымъ. А другая печальная сторона свободы, которою такъ дорожатъ разные Анатоли въ пьесахъ Шнитцлера,—это неподдѣльныя страданія ихъ жертвъ, простодушныхъ мѣщаночекъ, такъ называемыхъ на вѣнскомъ жаргонѣ „Süsse Mäd'l“. Бутящіе молодые люди предпочитаютъ общество хорошенькихъ модистокъ и продавщицъ въ столичныхъ магазинахъ барышнямъ и дамамъ изъ общества, потому что они чувствуютъ себя съ ними сво-

бодными отъ всякихъ обязательствъ; но безхитростныя гризетки принимаютъ за чистую монету нѣжныя слова ихъ свѣтскихъ ухаживатель, и въ результатѣ получаютъ удручающія жизненныя драмы.

Въ „Одинокѣ пути“ эта тема углублена тѣмъ, что авторъ изображаетъ эгоистическое отношеніе къ любви и жизни не въ настоящемъ, а въ прошломъ; въ драмѣ подводятся итоги жизни эгоиста по принципу, изображена ложь, которую онъ посѣялъ вокругъ себя,—и кара, постигающая его, когда онъ, не признававшій во всю жизнь никакихъ обязательствъ, начинаетъ требовать любви къ себѣ отъ другихъ. И на ряду съ нимъ изображено нѣсколько другихъ людей, тоже идущихъ „одинокимъ путемъ“, т.-е. путемъ эгоизма, или по убѣжденію, или по особенностямъ натуры не выносящихъ близости чьихъ-либо страданій, и тоже страдающихъ и погибающихъ на этомъ пути—такъ же, какъ страдаютъ и погибаютъ жертвы ихъ эгоизма.

Центральное лицо этой „драмы итоговъ“—художникъ Юліанъ Фихтеръ. Онъ въ молодости цѣнилъ выше всего свободу, хотѣлъ, чтобы жизнь принадлежала ему со всѣми ея радостями и красотами, считалъ своей собственностью весь видимый міръ—и природу, красоту которой онъ могъ воссоздавать красками своей палитры, и всѣхъ людей, которыхъ онъ ослѣплялъ своимъ талантомъ и обаяніемъ своей личности. Измѣны себѣ онъ не прощалъ. Онъ любилъ молодую актрису, Ирену Гермсъ,—написанный имъ ея портретъ положилъ начало его славы,—но, узнавъ о какомъ-то ея случайномъ увлеченіи, беспощадно порвалъ отношенія съ ней, хотя не могъ не чувствовать по ея отчаянію, что она дѣйствительно любитъ только его. Она увѣрена, что онъ глубоко страдалъ отъ разрыва съ ней, но въ дѣйствительности Юліанъ былъ слишкомъ эгоистиченъ, чтобы долго отдаваться одному чувству; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, встрѣтившись съ Габріэлю, невѣстой своего друга Веграта, онъ полюбилъ ее—единственной серьезной въ своей жизни привязанностью. Дѣвушка тоже его полюбила и измѣнила жениху. Они рѣшили бѣжать, за недѣлю до ея предполагаемой свадьбы съ Вегратомъ, и уже повѣнчавшись—сообщить родителямъ о случившемся. Но за день до побѣга Юліану вдругъ сдѣлалось страшно утратить свободу и вступить на новый путь семейныхъ обязанностей; глядя на природу, разстилавшуюся передъ его окномъ, онъ вдругъ подумалъ, что перестанетъ быть художникомъ, живущимъ только ощущеніемъ красоты, когда будетъ занятъ заботами о другомъ существѣ. Испугавшись этой перспективы, онъ тотчасъ же уѣхалъ, не повидавшись съ обманутой имъ Габріэлю, и даже не почувствовалъ раскаянія—до того онъ радъ былъ вновь завоеванной свободѣ. „И еслибы даже она убила себя тогда,—говоритъ Юліанъ, много лѣтъ спустя, когда ему приходится рассказать о томъ вре-

мени,—я бы, вѣроятно, считалъ себя имѣющимъ право и на чужую жизнь, до того сильны были во мнѣ сознаніе своей силы и любовь къ своей свободѣ“. Онъ снова вернулся къ жизни свободнаго, вѣчно скитающагося художника, и только десять лѣтъ спустя встрѣтился съ Габріелью, которая вышла замужъ за Веграта; тогда онъ узналъ отъ нея, что ея сынъ Феликсъ, родившійся послѣ брака, въ дѣйствительности—его сынъ. „Простила она тебѣ?“—спрашиваетъ Юліана его другъ, говоря съ нимъ объ этихъ событіяхъ, отошедшихъ уже въ далекое прошлое. „Это было и болѣе, и менѣе, чѣмъ прощеніе,—отвѣчаетъ Юліанъ.—Мы только одинъ разъ говорили съ ней о прошломъ, она—безъ упрековъ, я—безъ раскаянія,—такъ, какъ будто бы все это случилось не съ нами самими, а съ другими людьми“. Но свобода, купленная цѣной лжи, обмана и измѣны, приноситъ все-же горькіе плоды, и „одинокій путь“ Юліана приводитъ его къ заслуженнымъ страданіямъ. Его бывшая возлюбленная искупаетъ свою вину передъ мужемъ скрытыми страданіями и своей преданностью семьѣ, которая живетъ очень согласно и счастливо. „По моему,—говоритъ ей посвященный въ ея тайну другъ,—ложь, которая оказалась достаточно сильной, чтобы стать опорой мирной семейной жизни, по крайней мѣрѣ, столь же достойна уваженія, какъ истина, которая только разрушила бы образъ прошлаго, омрачила бы настоящее и внесла бы хаосъ въ будущее вашей семьи“. Въ этихъ словахъ, напоминающихъ основную идею Ибсеновской „Дикой утки“, Шнитцлеръ возвращается къ излюбленному мотиву всѣхъ своихъ драмъ, утверждая, что гармонія жизни держится сплетеніемъ правды и лжи, и что стѣдуетъ только попытаться отдѣлать истину отъ иллюзіи, чтобы все распалось и началась безысходная „боль жизни“. Раскрытіе лжи, длившейся цѣлую четверть вѣка, и составляетъ душевную драму, изображенную Шнитцлеромъ въ „Одинокомъ пути“. Когда установились и укрѣпились въ теченіе долгихъ лѣтъ опредѣленные отношенія между людьми, то истина, устанавливающая—слишкомъ поздно—безпочвенность мнимыхъ семейныхъ узъ, бессильна измѣнить прошлое и создать новыя привязанности. Ложь въ данномъ случаѣ оказывается болѣе творческой силой, чѣмъ слишкомъ поздно раскрытая правда, которая ничего не измѣняетъ по существу и вноситъ только разладъ и страданія. Другими словами, ложь и правда—равноцѣнные начала жизни, такъ какъ важно не то, чѣмъ вызваны тѣ или другія отношенія между людьми, а сами эти отношенія. Мысль эта, конечно, крайне пессимистическая,—она сводится къ отрицанію внутреннего смысла душевныхъ переживаній. Если истина безразлична для души, то жизнь становится безсодержательной, превращается въ суетную погоню за минутными пріятными ощущеніями. Въ „Царѣ Эдипѣ“ правда тоже слишкомъ

поздно раскрывается для невольнаго нарушителя божескихъ законовъ, но у Софокла эта истина не безсильна; порождая трагическую катастрофу, она освѣщаетъ глубины человѣческой жизни, связь ея съ вѣчной трагедіей міра; Шнитцлеръ же скользитъ по поверхности душевныхъ переживаній, не заглядывая въ ихъ трагическій смыслъ; онъ видитъ разрушительную силу истины, но не вдумывается въ роковое значеніе столкновеній истины съ гармоніей жизни.

Содержаніе „Одинокаго пути“ заключается не только въ вопросѣ о сравнительной цѣнности правды и лжи, а и въ противоположеніи эгоизма и альтруизма. Шнитцлеръ изображаетъ печальную судьбу людей, идущихъ „одинокимъ путемъ“, и на ряду съ этимъ—столь же безотрадную жизнь людей, живущихъ мыслью о другихъ. Съ свойственнымъ ему скептицизмомъ онъ не отдаетъ предпочтенія ни тѣмъ, ни другимъ, а ограничивается созерцаніемъ „качели жизни“, очень художественно и чутко воссоздавая печальный ритмъ ея равномерныхъ движеній. Герой его драмы, Юліанъ Фехтнеръ, до тѣхъ поръ легкомысленно и радостно жилъ для себя и исключительно для себя, пока онъ былъ молодъ и жизнь была для него непрерывной смѣной новыхъ ощущеній. Безслѣдно прошла для его души исторія любви и разрыва съ Иреной Гермсъ: онъ остался ея довольно равнодушнымъ пріятелемъ, не раскаяваясь въ томъ, что разбилъ ея жизнь; съ такой же легкостью онъ отнесся и къ судьбѣ Габріэли Вегратъ, не чувствуя никакой привязанности къ своему сыну, о существованіи котораго онъ узналъ, когда Феликсу было уже около десяти лѣтъ. Ему и въ голову не приходило разрушить тогда семью Вегратовъ, раскрывъ правду, потому что онъ былъ слишкомъ занятъ своими планами, своими путешествіями и разными мимолетными увлеченіями,—онъ шелъ „одинокимъ путемъ“ и не жаждалъ прочныхъ привязанностей. Но на работѣ его отразилась эта разсѣянность жизни; при всей своей талантливости, онъ такъ и остался „многообщающимъ“ художникомъ, не исполнившимъ надеждъ, которыя возлагались на него послѣ его первой блестящей работы. Ему не доставало, какъ объясняетъ его вѣрный другъ Вегратъ, внутренняго спокойствія и сосредоточенности. Но годы проходятъ; слава, улыбкавшаяся Юліану въ началѣ его карьеры, измѣняетъ ему, радости жизни мало-по-малу исчезаютъ—и онъ начинаетъ чувствовать потребность въ прочныхъ привязанностяхъ. Онъ перестаетъ быть „человѣкомъ, являющимся издалека“, какъ называетъ его по дѣтскимъ воспоминаніямъ дочь Веграта и Габріэли, Иоанна, т.-е. вѣчнымъ скитальцемъ, ни съ кѣмъ не связаннымъ. Онъ чувствуетъ потребность въ близкихъ людяхъ, тѣснѣе сходитса съ семьей Веграта и начинаетъ все болѣе и болѣе привязываться къ своему сыну Феликсу, который не подозреваетъ о тайнѣ своего ро-

жденія, но поддается вліянію личности Фехтнера и очень друженъ съ нимъ. Въ началѣ пьесы Феликсу уже двадцать-три года; онъ поступилъ на военную службу и только-что произведенъ въ поручики. Юліанъ, вернувшійся на время домой послѣ долгаго путешествія, узнаетъ, что семья Вегратовъ озабочена болѣзнью Габріэли; она сама ясно сознаетъ опасность своего положенія и говоритъ объ этомъ съ другомъ дома, докторомъ Рейманомъ; ему она довѣрила свою тайну и свои скрытыя страданія, которыя, очевидно, и подточили преждевременно ея силы. Она проситъ его не оставлять семьи послѣ ея смерти; о Юліанѣ она уже давно не думаетъ и искупила вину своей молодости нѣжной преданностью мужу и семьѣ. Юліанъ огорченъ болѣзнью своей бывшей возлюбленной, но болѣе всего онъ занятъ теперь мыслями о сынѣ, къ которому сильно привязался. Утративъ всѣ минувшія радости своего „одинокатаго пути“, онъ хотѣлъ бы заявить свои права на Феликса и приобрести сына, близость котораго примирила бы его съ приближающейся старостью. Онъ уѣзжаетъ на время, и по возвращеніи узнаетъ, что Габріэль умерла. Тогда въ немъ созрѣваетъ рѣшеніе открыть Феликсу, кто его дѣйствительный отецъ; онъ не сомнѣвается, что, узнавъ истину, Феликсъ исполнитъ свой долгъ, т.-е. отдастъ свою привязанность человѣку, имѣющему на него отцовскія права. Феликсъ самъ облегчаетъ Юліану трудность объясненія тѣмъ, что приходитъ къ нему съ просьбой показать ему портретъ матери, сдѣланный Юліаномъ незадолго до ея свадьбы. Она говорила объ этомъ портретѣ наканунѣ смерти. Изъ разговора о прошломъ Феликсъ самъ начинаетъ понимать, что Юліана связывала съ его матерью юношеская любовь; а потомъ Юліанъ чистосердечно, не щадя себя, рассказываетъ сыну всю исторію своей любви и своей измѣны. Но Феликсъ совсѣмъ иначе относится къ раскрывшейся истинѣ, чѣмъ предполагалъ Юліанъ. Онъ заявляетъ, что для него ничто не измѣнилось послѣ разказа Юліана: „Память моей матери осталась для меня такой же святой, какъ была,—говоритъ онъ.—Человѣкъ, въ домѣ котораго я родился, который окружилъ мое дѣтство и мою юность заботами и нѣжностью, и который любилъ мою мать, такъ же дорогъ мнѣ, какъ и былъ—и почти что даже болѣе дорогъ“. Напрасно Юліанъ говоритъ сыну о чувствахъ его матери, давно простившей измѣну и воспитавшей сына въ дружбѣ къ его тайному отцу; напрасно онъ напоминаетъ ему, что передъ смертью его мать думала именно о своей первой настоящей любви, и какъ бы послала привѣтъ своему первому возлюбленному, рассказывая о портретѣ и зная, что Феликсъ пойдетъ за этимъ портретомъ къ своему отцу. „Какъ бы ни смущала тебя открывшаяся тебѣ правда,—говоритъ Юліанъ Феликсу,—все-же ты знаешь ее, знаешь, что мать твоя пожелала передъ смертью, чтобы ты ее

узналъ, и ты теперь не имѣешь возможности забыть, что ты—мой сынъ“. Но Феликсъ не побѣжденъ его доводами. „Вашъ сынъ...,—говоритъ онъ,—это только пустое слово! Я смотрю на васъ, я знаю это, но внутренно не постигаю... Вы же стали мнѣ болѣе чужимъ, съ тѣхъ поръ какъ я это знаю“. Въ этомъ—кара Юліана. Феликсъ не признаетъ правъ природы и не хочетъ считать своимъ отцомъ того, кто всю жизнь не признавалъ обязанностей отца, а потомъ вдругъ явился къ нему съ требованіями сыновней любви. Онъ до прежнему привязанъ только къ своему мнимому отцу Веграту. Совершенно не справляясь съ желаніями Юліана, и даже зная, что приносить ему этимъ горе, Феликсъ собирается ѣхать въ далекую и опасную экспедицію, къ которой его привлекаютъ; онъ жаждетъ какой-нибудь захватывающей дѣятельности, чтобы встряхнуться и выпутаться изъ хаоса новыхъ, смущающихъ его душу чувствъ. Вегратъ, чуждый всякаго себялюбія, не удерживаетъ его. Но Феликсъ все-таки не уѣзжаетъ—изъ любви не къ Юліану, а къ Веграту. Случается новое несчастье,—сестра Феликса исчезаетъ изъ дому, и оказывается, что она бросилась въ воду. Еще прежде, чѣмъ извѣстно о катастрофѣ, Феликсъ говоритъ Веграту, что отказывается отъ экспедиціи, чтобы не оставить его одного. Но Вегратъ не хочетъ принять жертвы. Онъ говоритъ, что всякое несчастье, приходящее извнѣ, можно и должно безропотно нести. Какъ онъ примирился со смертью жены, продолжая работать по-прежнему, такъ онъ переживетъ и непонятное исчезновеніе дочери. Но преступленіе противъ совѣсти, противъ своего внутреннего „я“, непоправимо, и еслибы онъ принялъ жертву Феликса, онъ бы именно совершилъ такое преступленіе. Этими словами Вегратъ, самъ того не зная, произноситъ судъ надъ Юліаномъ, и послѣ его ухода Феликсъ съ горечью говоритъ Юліану о томъ, какъ ужасно, что такого человѣка всю жизнь обманывали его близкіе: „Въ его жизнь внесли ложь и продлили ее до безконечности—вотъ съ чѣмъ я не могу примириться,—говоритъ онъ.—И это сдѣлала моя мать, и тотъ, кто былъ виной этому—вы, и эта ложь—я самъ, пока останется неизвѣстнымъ, чей я въ дѣйствительности сынъ“. Но когда Юліанъ предлагаетъ искупить свою вину раскрытіемъ истины, Феликсъ не соглашается на это. „Сознаніе только тогда искупаетъ вину,—говоритъ онъ,—когда виновный можетъ взять на себя кару за нее. А для васъ это уже слишкомъ поздно“. Но и безъ сознанія Юліанъ претерпѣваетъ жестокое возмездіе, вида, какъ его сынъ безконечно преданъ Веграту. Когда оказывается, что Иоанна бросилась въ прудъ, Феликсъ выказываетъ столько нѣжности Веграту, приготовляя его къ страшной вѣсти, такъ ясно показываетъ, что больше не покинетъ его, и съ такой любовью произносить слово „отецъ“, обращаясь къ нему, что Юліанъ медленно ухо-

дять съ отчаяніемъ въ душѣ, а Веграту кажется, что онъ впервые слышитъ это слово—столько глубокаго чувства вкладываетъ въ него Феликсъ. „Одинокій путь“ Юліана привелъ его къ отчаянію и дѣйствительному одиночеству.

Въ драмѣ выведены еще нѣсколько людей, итоги жизни которыхъ столь же безотрадны, какъ и судьба Юліана—и по той же причинѣ. Эстетъ Сала считалъ себя счастливымъ въ жизни, потому что умѣлъ цѣнить во всѣхъ переживаніяхъ, и радостныхъ, и тяжелыхъ, только силу ощущеній, и оставался почти спокойнымъ созерцателемъ своей собственной жизни,—но, не умѣя ничему и никому отдавать своей души, онъ тоже гибнетъ на своемъ одинокомъ пути. Онъ полюбилъ Іоанну, сестру Феликса, и хотѣлъ бы и эту любовь пережить эстетично, не глубоко, безъ всякихъ внутреннихъ обязательствъ. Но его несчастье въ томъ, что Іоанна тоже принадлежитъ по натурѣ къ людямъ, идущимъ „одинокимъ путемъ“, живущимъ для себя: она не выносить чужихъ страданій, и ей становятся чуждыми люди, на которыхъ лежитъ отпечатокъ близкой смерти. Она разлюбила мать передъ ея смертью, и узнавъ, что Сала страдаетъ болѣзнью сердца, и ему не долго суждено жить, она, при всей любви къ нему, чувствуетъ начинающееся отчужденіе; чтобы не испытать „смерть любви“, она предпочитаетъ умереть первой и бросается въ воду. Сала, сознавая себя виновнымъ въ ея смерти, застрѣливается. „Онъ искупилъ свою вину во-время“, говоритъ Юліанъ Феликсу. Одинока и Ирена Гермсъ, первая возлюбленная Юліана; она слишкомъ поздно начинаетъ чувствовать, что была создана для семейной жизни, и страшится приближающейся старости, съ горечью и раскаяніемъ вспоминая о томъ, что въ молодости преступно избѣгла материнства, когда судьба послала ей его. Судьба всѣхъ этихъ людей, легкомысленно избравшихъ „одинокій путь“, безотраднa. Но не менѣе грустна жизнь противоположныхъ имъ натуръ, выведенныхъ въ драмѣ, въ особенности жизнь Веграта, трудолюбиваго и скромнаго профессора академіи художествъ, „чиновника отъ искусства“, какъ онъ самъ себя называетъ, жившаго всегда мысля о другихъ, близкихъ людяхъ и мирившагося со всѣми невзгодами. Его совѣсть спокойна, но онъ все-таки теряетъ жену и дочь—по чужой винѣ, а опорой его старости остается—чужой сынъ, т.-е. иллюзія, замѣняющая ему навсегда печальную дѣйствительность. Не менѣе печальна судьба доктора Реймана, тоже одного изъ тѣхъ людей, которые, по выраженію Юліана, созданы только для того, чтобы поддерживать слабыхъ и погибающихъ, не предъявляя требованій на личное счастье. Рейманъ безнадежно любитъ Іоанну, и его несчастье въ томъ, что онъ не умѣетъ требовать отъ

жизни чего-либо для себя, и обреченъ быть абсолютно правымъ во всѣхъ отношеніяхъ съ людьми—на горе себѣ.

Шнитцлеръ не приходитъ ни къ какимъ выводамъ въ своей драмѣ; но въ его изображеніи людей, слишкомъ долго жившихъ для себя и слишкомъ поздно понявшихъ, что нужна связь съ ближними, основанная на взаимныхъ обязательствахъ, много психологической правды, придающей несомнѣнный интересъ его драмѣ, изобилующей, какъ всѣ драматическія произведенія Шнитцлера, художественными подробностями.

II.

Rachilde, Le Dessous. Roman. Стр. 278. Paris, 1904 (Edit. du „Mercure de France“).

Французская романистка, которая пишетъ подъ псевдонимомъ „Рашильдъ“,—одна изъ выдающихся современныхъ писательницъ. Къ сожалѣнію, по эксцентричности своей манеры и тяготѣнію къ чрезмѣрно вольнымъ сюжетамъ,—въ особенности въ раннихъ ея произведеніяхъ,—Рашильдъ принадлежала сначала къ разряду обособленныхъ, своего рода отверженныхъ писателей. Она начала писать въ періодъ крайняго расцвѣта натурализма и со всей дерзновенностью крупнаго молодого таланта слишкомъ исключительно сосредоточивалась на изображеніи чувственныхъ инстинктовъ со всевозможными ихъ проявленіями, обычными и необычными. О повѣстяхъ и романахъ этого періода не приходится говорить, потому что по своему содержанию они болѣе курьезны, нежели чисто литературны. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напр., въ „L'Animale“, сказывается въ изображеніи животности большая смѣлость ума и утонченность художественныхъ приемовъ. Съ теченіемъ времени, характеръ произведеній Рашильдъ измѣнился. Она примкнула къ символистамъ въ своемъ болѣе интеллектуальномъ, нежели реалистическомъ творествѣ, и ея новѣйшія произведенія обнаруживаютъ серьезный художественный талантъ, утонченность литературнаго вкуса, умѣнье наблюдать съ большой высоты явленія жизни, видѣть въ нихъ символическое отраженіе вѣчныхъ началъ жизни, чувствовать таинственность бытія и отражать ее въ изображеніи сложныхъ и странныхъ ощущеній исключительныхъ натуръ, или людей, живущихъ въ необыкновенной, настроивающей на глубокія мысли, обстановкѣ. Оригинальная фантазія романистки сказывается въ ея умѣнии создавать крайне своеобразную среду для своихъ героевъ.

Въ настоящее время Рашильдъ состоитъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ журнала „Mercure de France“, издаваемого ея мужемъ

А. Валеттомъ, и помимо беллетристическихъ произведеній помѣщаетъ тамъ ежемѣсячно критическіе обзоры новыхъ романовъ, очень блестящіе и мѣткіе. Острый умъ и тонкій литературный вкусъ Рашильдъ сказываются въ ея критикѣ такъ же, какъ и въ художественномъ творествѣ.

Лучшій изъ ея романовъ за послѣдніе годы, несомнѣнно „*Tout d'Amour*“, очень оригинальный по фабулѣ и глубокой по замыслу. Исторія маяка, стоящаго среди океана, его обитателей, одичавшихъ въ одиночествѣ, ужасовъ, до которыхъ они доходятъ въ своемъ забвеніи человеческого общества и законовъ нравственности, управляющихъ жизнью людей,—все это становится въ романѣ Рашильдъ символическимъ изображеніемъ всего человѣчества, тоже одичавшаго въ своемъ себялюбіи и забвеніи высшихъ началъ жизни. Описание грознаго океана, его многообразной красоты, его таинственности, тающихся въ немъ невѣдомыхъ опасностей, удивительно поэтично и значительно по своей символичности въ романѣ Рашильдъ. Интересны также другіе ея два романа, „*Les Hors-Nature*“ и „*Jongleuse*“, въ особенности первый, очень тонко и умно (умъ—преобладающая черта писательницы, у которой интеллектуальность преобладаетъ надъ не посредственностью художественнаго темперамента) воссоздающей свои образныя и сложныя ощущенія исключительныхъ натуръ.

Новый романъ Рашильдъ, „*Le Dessous*“, сильно отличается оъ предшествующихъ. Написанный со свойственной ей интеллектуальной изысканностью, онъ все-же болѣе реаленъ, чѣмъ другіе, затрогиваетъ жизненные, общественные вопросы современности, что придаетъ ему особый интересъ. Въ „*Le Dessous*“ Рашильдъ разрабатываетъ тему, которая могла бы послужить содержаніемъ романа Золя, но остается при этомъ вполне оригинальной и вѣрной символизму; ея общественный романъ отражаетъ не только временное зло, созданное несправедливостями общественного строя, но углубленъ до смѣлаго обличенія уродливыхъ „*dessous*“, на которыхъ произрастаютъ пышные цвѣты современной культуры; другими словами, она ополчается противъ всей матеріалистической культуры, составляющей гордость современной Франціи—и далеко не одной только Франціи,—и показываетъ, какой мракъ на днѣ этой погони за внѣшними благами, и какъ трудно дышется человѣку съ высшими духовными стремленіями, съ жаждой истинной свободы, среди удушающаго аромата цвѣтниковъ, взрощенныхъ на болотистой почвѣ. Романъ Рашильдъ направленъ противъ хищнической буржуазіи, которая не стѣсняется никакими средствами для своего обогащенія; но за ея страстными обличеніями чувствуется нѣчто большее—не только возмущеніе противъ буржуазнаго общества

и стремленіе къ общественному переустройству, но жажда духовнаго перерожденія чловѣчества, забывшаго о правахъ души.

Содержаніе „Le Dessous“ исполнѣ реально и основано на фактахъ изъ практической жизни современнаго Парижа—фактахъ очень прозаическихъ; но творческая фантазія Рашильдъ сумѣла придать имъ и психологическое, и чисто философское значеніе. Какъ извѣстно, въ Парижѣ уже въ теченіе многихъ лѣтъ практикуется особаго рода канализація, опредѣляемая формулой „tout à l'égout“, т.-е. всѣ отбросы, всѣ нечистоты города отводятся черезъ подводные каналы за городъ, вслѣдствіе чего во многихъ загородныхъ мѣстностяхъ воды Сены отравлены міазмами; почва въ этихъ мѣстностяхъ болотистая и пагубная своими испареніями для людей, обрабатывающихъ ее. Но, осушая болота и пользуясь для удобренія земли отбросами, разлагающимися въ каналахъ, можно достигнуть необычайныхъ результатовъ для садоводства: на этой тучной почвѣ и при такого рода орошеніи растутъ въ изобиліи пышные цвѣты и всякаго рода плоды и овощи, превосходящіе нормальные продукты здоровой почвы и размѣрами, и сочностью. Это и есть система „épanchages“, очень заманчивая для не слишкомъ совѣстливыхъ промышленниковъ, которыхъ не беспокоитъ ни здоровье рабочихъ, гибнущихъ отъ зловредныхъ испареній ядовитой почвы, ни то, что великолѣпные на видъ плоды и овощи таятъ въ себѣ гніеніе и заразу: ихъ приходится употреблять какъ можно скорѣе въ пищу, потому что они страшно быстро портятся, и на нихъ появляются какіе-то необыкновенные черви и паразиты. Такого рода питомникъ на зараженной почвѣ устроилъ Давенель въ помѣстьѣ Флашеръ. Самое помѣстье составляетъ государственную собственность, и Давенель—директоръ фермы-питомника, или, скорѣе, арендаторъ ея, состоящій подъ контролемъ министра земледѣлія и богатѣющій отъ своей системы хозяйства. Давенель—очень твердый въ своихъ принципахъ буржуа, по своему добрый и честный, исполнѣ убѣжденный въ своей непогрѣшимости: его рабочимъ хорошо живется; онъ устроилъ имъ чистыя и удобныя жилища, они питаются въ изобиліи, хозяинъ ихъ даже балуетъ разными удобствами, развлечениями, ноощряетъ веселіе и празднества, не жалѣя расходовъ:—доходы съ зараженной земли таковы, что ему нѣтъ надобности скупиться. Совѣсть его поэтому спокойна; онъ считаетъ себя щедрымъ и добрымъ хозяиномъ, а о томъ, каковы условія работы, среди какихъ ядовитыхъ болотъ проводить дни его рабочіе, осушая почву и удобряя ее, какъ они гибнутъ отъ испареній,—объ этомъ онъ не задумывается: трудъ хорошо оплачивается, и въ свободное время рабочимъ привольно живется,—это ему кажется достаточнымъ. Самъ онъ живетъ мирно и благодушно въ своемъ голландскомъ домикѣ, выстроеномъ далеко отъ болотъ, въ

здоровомъ уголку помѣстья, радуется роскошнымъ primeur'амъ своихъ садовъ и огородовъ, и жалѣетъ только о томъ, что многіе овощи слишкомъ быстро портятся и покрываются какими то особыми—могильными червями. Давенель—вдовець; жена его рано умерла, потому что недостаточно береглась, выходила по вечерамъ въ садъ, а „всѣ духъ, полезный для нашихъ цвѣтовъ,—говоритъ самъ Давенель,—не то чтобы былъ вреденъ для людей, но все-же...“ онъ предпочитаетъ не договорить фразу. Радость жизни Давенеля составляетъ его дочь, прекрасная, нѣжная, какъ выхоленный оранжерейный цвѣтокъ, Маргарита. Эта дѣвушка представлена въ романѣ Рашильдъ самымъ ядовитымъ продуктомъ болотистой почвы помѣстья Флашеръ, и символизируетъ буржуазное общество съ его отравленными dessous. Она—пышный, манящій своими красками и ароматомъ цвѣтокъ, взрощенный буржуазной культурой, но при этомъ она безошадно черствая, насквозь пропитанная буржуазными инстинктами натура;—у нея пустая душа, въ которой нѣтъ мѣста ни любви, ни благодетству. Она безмятежно живетъ въ роскошной обстановкѣ отцовскаго дома, содержитъ въ педантичной чистотѣ и аккуратности свою бѣленькую дѣвичью комнатку, одѣвается всегда въ бѣлыя платья и производитъ впечатлѣніе чарующей душевной чистоты. Она нѣсколько скучаетъ отъ однообразія своей жизни, проводитъ время за чтеніемъ романовъ, не особенно впрочемъ увлекаясь ими и не воспринимая вредныхъ вліяній новѣйшей литературы,—она слишкомъ трезва для этого. При этомъ она—практичная хозяйка, соблюдаетъ интересы отца, строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ничего не пропадало,—въ ней сильно развиты инстинкты собственности; она занимается въ надлежащей мѣрѣ и благотворительностью, завѣдуетъ яслями для дѣтей рабочихъ и т. д. Она честолюбива и мечтаетъ о блестящемъ бракѣ, но такъ какъ такового не предвидится, то изъ гордости заравѣе заявляетъ, что не выйдетъ со-всѣмъ замужъ.

Истинная натура Маргариты—болотнаго цвѣтка, воплощающаго внутреннюю гнилость блестящей съ виду буржуазной культуры,—обнаруживается тогда, когда въ Флашеръ попадаетъ неожиданно человекъ совершенно иного душевнаго склада—мятежный, свободолюбивый Фульбертъ. Его считаютъ анархистомъ, но на самомъ дѣлѣ онъ не исповѣдуетъ никакихъ политическихъ принциповъ, не принадлежитъ ни къ какой партіи, а только жаждетъ личной свободы и независимости. Ненавидя рабство буржуазнаго строя, онъ не хочетъ поддерживать его своимъ трудомъ, и предпочитаетъ нищету и скитальческую, бездомную жизнь обезпеченности, которой онъ могъ бы достигнуть, пользуясь своимъ образованіемъ и своими выдающимися умственными способностями. Изъ Парижа онъ бѣжалъ, потому что думаетъ, что онъ

убилъ свою подругу; въ дѣйствительности же онъ только ранилъ ее, и она выздоровѣла, такъ что его вовсе не разыскиваетъ полиція. Сбитаясь по окрестностямъ Парижа, Фульбертъ попадаетъ въ широко раскинувшіеся сады Давенеля и живетъ тамъ нѣсколько дней, укрываясь на ночь въ пустомъ шалашѣ и питаясь сочными вишнями, которыя онъ срываетъ прямо съ дерева,—даже не задумываясь о томъ, что сезонъ вишенъ еще не наступилъ, и что онъ уничтожаетъ рѣдчайшіе дорогіе primeurs'ы. На этомъ занятіи его застаютъ Маргарита, отправляясь подъ вечеръ нарвать вишенъ къ десерту. Фульбертъ не смущенъ появленіемъ молодой хозяйки, такъ какъ не признаетъ собственности и не считаетъ себя воромъ; онъ спокойно объясняетъ ей, что голоденъ, и выражаетъ претензію на то, что ему приходится питаться одними только плодами. Испуганная неожиданнымъ появленіемъ чужого человѣка, Маргарита не знаетъ, какъ поступить, и почти противъ желанія приводитъ ободраннаго, грязнаго бродягу къ обѣду домой, гдѣ ее ждетъ отецъ. Чтобы не разсердить отца, она начинаетъ выдумывать разные предлоги, но Фульбертъ останавливаетъ ее и говоритъ правду, потомъ спокойно садится за столъ и, не дожидаясь дальнѣйшихъ приглашеній, сѣдаетъ обѣдъ съ большимъ аппетитомъ. Озадаченный сначала, Давенель рѣшаетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ анархистомъ, но проявляетъ большое добродушіе; онъ предлагаетъ бродягѣ, въ которомъ сразу видитъ образованнаго человѣка, работу у себя въ помѣсти; когда же Фульбертъ на это не соглашается, онъ все-таки предоставляетъ ему свободу, позволяетъ ему жить сколько угодно въ Флашерѣ и приходитъ ѣсть въ столовую для рабочихъ. Давенель щедръ, и лишній человѣкъ въ хозяйствѣ не смущаетъ его; онъ къ тому же великодушенъ, и вовсе не намѣренъ выдать бродягу полиціи, хотя и увѣренъ, что онъ—скрывающійся преступникъ. Фульбертъ остается въ Флашерѣ, но для сохраненія своей свободы не хочетъ поселиться въ домѣ для рабочихъ, а живетъ какъ дикарь въ шалашѣ, изрѣдка только показываясь на людяхъ. Маргарита заинтересовывается этимъ страннымъ человѣкомъ, очень дерзкимъ въ обращеніи съ нею, но говорящимъ любопытныя и новыя для нея вещи. Она ищетъ случая видаться съ нимъ и много думаетъ о немъ въ его отсутствіе; чувствуя, что ея красота производитъ на него впечатлѣніе, она задумываетъ приручить его и сдѣлать изъ него забаву для своей праздности. При всей своей молодости Маргарита очень трезва и понимаетъ, что ей не пара этотъ человѣкъ, желающій жить внѣ закона; она ищетъ поэтому только развлеченія въ флиртѣ съ нимъ, зная, что для нея это не можетъ стать опаснымъ, и что она сумѣетъ во-время прекратить игру. Она ведетъ себя очень смѣло, доходитъ даже до того, что призываетъ Фульберта въ домъ и угощаетъ его

виномъ во время прїѣзда министра, явившагося осматривать сады и ферму Давенеля. Она мечтала, что министр—уродливый старикъ, товарищъ молодости ея отца—будетъ ухаживать за ней и, быть можетъ, даже сдѣлаетъ ей предложеніе; но когда она видитъ, что онъ относится къ ней какъ къ ребенку, она отъ досады начинаетъ еще болѣе заигрывать съ Фульбертомъ. Отецъ ей дѣлаетъ строгій выговоръ за излишнюю любезность къ бродягѣ,—но это ее не останавливаетъ, а побуждаетъ только скрывать свои встрѣчи съ Фульбертомъ. Игра, затѣянная Маргаритой, становится опасной—больше для Фульберта, чѣмъ для дѣвушки. Онъ начинаетъ сильно увлекаться ею при всемъ своемъ презрѣніи къ буржуазіи вообще,—а къ хозяину Флашеры въ частности. Познакомившись съ предпріятіемъ Давенеля, увидавъ болота и систему ихъ осушки, онъ глубоко возмущенъ зрѣлищемъ богатства, добываемаго цѣной человѣческихъ жизней. Но такъ велико обаяніе самаго ядовитаго цвѣтка садовъ Давенеля—прекрасной, сверкающей бѣлизной своихъ одеждъ Маргариты,—что Фульбертъ на время даже отказывается отъ своихъ принциповъ, поступаетъ служащимъ въ контору Давенеля, становится гостемъ въ ихъ домѣ,—ненадолго, впрочемъ. Ему противно трудиться на пользу возмущающаго его дѣла, и, высказавъ все свое негодованіе Давенелю, онъ опять поселяется въ шалашѣ и живетъ дикаремъ, собираясь уйти потомъ въ какое-нибудь другое мѣсто. За время его службы у ея отца, Маргарита еще болѣе смѣло вела съ нимъ любовную игру, принимала его тайно въ своей комнатѣ, позволяла ему говорить о любви и выказывала ему самую нѣжность, говорила съ нимъ на „ты“, дразнила его своей близостью, и постепенно стала смотрѣть на него, какъ на свою собственность. Совершенно владѣя собой, она опутала его своимъ тонкимъ кокетствомъ, тѣша только свое холодное любопытство, не допуская себя до искренняго и сильнаго чувства любви и гордясь тѣмъ, что завладѣла такимъ мятежнымъ, свободолюбивымъ человѣкомъ. Когда Фульбертъ все-таки сбрасываетъ цѣпи и скрывается отъ нея въ своемъ одинокомъ шалашѣ, она загорается негодованіемъ. Ей кажется, что отъ нея отняли нѣчто ей принадлежавшее, и въ ней говоритъ буржуазный инстинктъ собственности, замѣняющей въ этой мертвой душѣ любовь и благородство. Она не можетъ примириться съ утратой Фульберта; ея гордость оскорблена тѣмъ, что онъ пренебрегъ ея ясно выказаннымъ ему расположеніемъ, и она измышляетъ предлоги, чтобы отправиться къ нему въ его убѣжище и снова подчинить его своей власти. Но въ жизни Фульберта произошла перемѣна; къ нему пришла его подруга—та, изъ-за которой онъ бѣжалъ, думая, что убилъ ее въ припадкѣ ревности. Она простила ему его отчаянный поступокъ и вернулась къ нему съ прежней страстью и покорностью. Фуль-

бертъ, измученный разсчетливымъ кокетствомъ Маргариты, охвачень возрожденной страстью къ Флорѣ. Она остается у него, въ его жалкомъ жилищѣ, и онъ забываетъ всѣ свои невзгоды въ охватившемъ его порывѣ страсти, причемъ однако мучаетъ свою подругу ревностью, обвиненіями въ измѣнѣ во время ихъ разлуки. Фульбертъ и Флора живутъ почти голодая, потому что онъ рѣдко соглашается пойти доставать пищу въ столовой для рабочихъ; но все-таки Флора старается внести нѣкоторую хозяйственность въ ихъ бѣдную лачугу. До Маргариты доходятъ слухи о томъ, что у Фульберта поселилась женщина, и ревность такъ овладѣваетъ ею, что она рѣшается пойти къ Фульберту. Она застаётъ одну только Флору,—Фульбертъ ушелъ добывать что-нибудь для пропитанія,—и Флора, которая хочетъ сохранить Фульберту привязанность Маргариты, выдаетъ себя за его сестру. Она такъ умѣло разыгрываетъ эту роль, что Маргарита ей вѣритъ. У Флоры при этомъ свой разсчетъ: она привязана къ Фульберту, но очень больна, и знаетъ, что не можетъ остаться съ нимъ: она рѣшила поэтому уйти къ одному изъ своихъ прежнихъ друзей, зовущему ее на югъ. Когда Фульбертъ возвращается домой, онъ уже не застаётъ Флоры; она ушла, оставивъ ему письмо, въ которомъ объясняетъ, что сдѣлала все, чтобы возстановить хорошее отношеніе къ нему дочери владѣльца, и потому надѣется, что его судьба измѣнится къ лучшему. Маргарита возвращается домой успокоенная, но къ отцу ея является гость, журналистъ, пріятель Фульберта,—и разговоръ съ нимъ мѣняетъ настроеніе Маргариты. Онъ пріѣхалъ подъ предлогомъ осмотрѣть сады Давенеля и сдѣлать имъ рекламу въ печати, но въ дѣйствительности онъ хочетъ отомстить Фульберту, съ которымъ поссорился и отъ котораго знаетъ о дружбѣ его съ Маргаритой. За обѣдомъ у Давенеля онъ рассказываетъ поэтому всю исторію Фульберта и Флоры. Маргарита узнаетъ такимъ образомъ о томъ, что она обманута, и безпощадная месть, которую она задумываетъ и исполняетъ, обнаруживаетъ дно ея души. Она ищетъ встрѣчи съ Фульбертомъ и говоритъ ему, что ждетъ его поздно вечеромъ у себя въ комнатѣ, указывая ему, какъ пройти къ ней незамѣченнымъ для другихъ. Фульбертъ озадаченъ этимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, но попадаетъ на удочку хитрой буржуазки. Онъ любитъ Маргариту—возродившаяся на короткое время страсть къ Флорѣ была только слѣдствіемъ его отчаянія—и счастливъ явнымъ доказательствомъ любви Маргариты. Онъ понимаетъ, что это можетъ перевернуть всю его жизнь, заставить его стать рабомъ буржуазіи, вопреки его убѣжденіямъ, но въ немъ говоритъ живое, сильное чувство, и онъ идетъ на свиданіе въ „бѣлую комнату“ Маргариты. Она спокойно пообѣдала съ отцомъ, провела съ нимъ часть вечера и медленно идетъ въ свои

комнату, распускает волосы на ночь и ждет условного стука в дверь. В ее комнату висит плащ, который ей дала Флора, потому что она ушла из шалаша Фульберта в дождь. Свиданіе Фульберту Маргарита назначила под тѣмъ предлогомъ, чтобы онъ зашелъ за плащомъ своей „сестры“. Но в тотъ моментъ, когда Фульбертъ входитъ въ комнату, и прежде чѣмъ онъ успѣваетъ произнести слово, Маргарита начинаетъ звать отца и кричить, что въ ее комнату забрался воръ. Отецъ является съ револьверомъ и, увидавъ темную мужскую фигуру въ комнатѣ дочери, спускаетъ курокъ, прежде чѣмъ узнаетъ, въ кого онъ цѣлится. Фульбертъ падаетъ—выстрѣлъ попалъ въ грудь. Маргарита искусно разыгрываетъ роль испуганной жертвы, симулируя истерическій припадокъ, необходимый для даннаго случая. Добросердечный по натурѣ Давенель—въ отчаяніи отъ невольно совершеннаго имъ убійства—идетъ звать людей. Тогда Маргарита поднимается съ постели, наклоняется надъ извивающимся въ предсмертныхъ судорогахъ Фульбертомъ и шепчетъ ему на ухо: „Теперь ты получилъ плащъ своей возлюбленной!“ Затѣмъ она снова ложится въ постель, чтобы болѣе удобно упасть въ обморокъ при появленіи новыхъ свидѣтелей.

Такъ заканчивается этотъ романъ, въ центрѣ котораго стоитъ оригинальная героиня, символизирующая душевное растрѣпаніе буржуазной Франціи. И Маргарита, и Фульбертъ въ ихъ рѣзкомъ антагонизмѣ, заканчивающемся катастрофой, очерчены очень смѣло, и вся жизнь въ отравленномъ помѣстьи, столь прекрасномъ и цвѣтущемъ на видъ, описана въ высшей степени художественно, ярко освѣщая основную идею автора, ненавистника буржуазнаго бездушія и эгоизма.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1904.

Первые шаги обновленной с.-петербургской городской думы, какъ указаніе на недостатки послѣдней городской реформы.—„Сердечность“, образованіе и педагогическій опыт.—Сенатъ передъ судомъ „Гражданина“. — Легкомысленныя обвиненія. — Д. Н. Набоковъ †.

Военныя событія отодвинули на задній планъ только-что начавшуюся работу обновленной с.-петербургской городской думы. Она имѣетъ, однако, безспорное право на нѣкоторую долю общественнаго вниманія, не только потому, что отъ нея зависитъ, въ значительной степени, благосостояніе столичнаго населенія, но и потому, что тотъ или другой результатъ реформы, затронувшей, пока, одинъ Петербургъ, не можетъ не отразиться на всемъ вообще городскомъ общественномъ управленіи. Во многихъ большихъ городахъ—напр., Москвѣ, Одессѣ—предстоятъ, въ близкомъ будущемъ, новые выборы. Справедливо ли, целесообразно ли было бы произвести ихъ на основаніи того самаго городского Положенія, неудовлетворительность котораго привела къ изданію закона 8-го іюня 1903-го года? Конечно—нѣтъ; но едва ли желательно было бы и простое распространеніе круга дѣйствій этого послѣдняго закона, если на практикѣ уже успѣли ясно обнаружиться нѣкоторые его недостатки. Съ этой точки зрѣнія все происходящее въ новой петербургской думѣ приобретаетъ весьма серьезное значеніе.

„Единодушіе“ такъ называемой „старо-думской“ партіи (обнимающей собою немалое число и новыхъ гласныхъ, подобно тому, какъ къ „новой“ партіи примкнули нѣкоторые изъ прежнихъ городскихъ дѣятелей)—„единодушіе“, о которомъ мы говорили два мѣсяца тому назадъ, — оказалось достаточнымъ для успѣшной, въ личныхъ вопросахъ, борьбы съ противниками, но недостаточнымъ для столь же успѣшнаго распредѣленія плодовъ побѣды между союзниками. Гладко прошли только выборы на наиболѣе видныя должности—предсѣдателя думы, члена особаго присутствія, ихъ замѣстителей, городского головы и его товарища; большинство, располагавшее приблизительно 95 голосами, образовало здѣсь плотно сплоченный отрядъ, дисциплина котораго была доведена до высокой степени совершенства. Картина измѣнилась, какъ только дѣло дошло до избранія членовъ управы: вмѣсто восьми членовъ избрано было сразу только пять, къ которымъ въ слѣдующемъ засѣданіи присоединилось еще одно лицо; двѣ вакансіи

такъ и остались незамѣщенными. Зависѣло это, безъ сомнѣнiя, не отъ „новой“ партiи, всѣ кандидаты которой были забрасываемы черняками, а отъ „старой“, не пожелавшей пожертвовать личными симпатiями и вмѣсто того принесшей въ жертву—выборное начало ¹⁾!.. Въ настоящую минуту составъ городской управы очень мало отличается отъ того, какой она имѣла при дѣйствiи прежняго городского положенiя. Сохранили свои мѣста городской голова, его товарищъ и четыре члена управы; къ нимъ присоединены бывший предсѣдатель одной изъ исполнительныхъ комиссiй и одинъ новый гласный (конечно—проведенный въ управу голосами „старой“ партiи). Чтобы судить о томъ, чего можно ожидать отъ столь мало обновившейся коллегiи, необходимо ознакомиться съ прежней ея дѣятельностью, насколько она отразилась въ докладахъ, уже разсмотрѣнныхъ новою думой.

Первый докладъ управы, внесенный на разсмотрѣнiе новой думы, касался очень важнаго вопроса—о выборѣ мѣста для больницы имени Петра Великаго (на тысячу кроватей), постройкою которой рѣшено ознаменовать двухсотлѣтiе со времени основанiя Петербурга. Рѣчь шла о затратахъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей; выборъ предстояло сдѣлать между двумя участками, приблизительно одинаковой цѣнности; за одинъ изъ нихъ, менѣе обширный (около 56 тыс. кв. саж.), стояла управа, за другой (около 93 тыс. кв. саж.)—финансовая комиссiя. Публикацiй, которыми вызывались бы желающiе продать нужную для больницы землю, сдѣлано не было. Возникла мысль объ обращенiи подъ больницу земельныхъ участковъ на Малой Охтѣ, подаренныхъ городу купцомъ Зубовымъ и обнимающихъ собою до 35 десятинъ, но лежащихъ черезполосно съ другими участками, принадлежащими наследникамъ Зубова. Чтобы образовать площадь, достаточную для возведенiя больничныхъ зданiй, необходимо было бы приобрести нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ участковъ. Наслѣдники Зубова отказались отъ продажи земли, соглашаясь только на обмѣнъ участковъ. Городской юрисконсультъ призналъ обмѣнъ невозможнымъ, „такъ какъ, по закону, подаренныя земли не могутъ быть ни продаваемы, ни закладываемы“. Въ такомъ сырѣ видѣ дѣло было представлено думѣ. Само собою разумѣется, что докладъ управы возбудилъ множество возраженiй, основанныхъ въ особенности на неполнотѣ и неразработанности доклада. Какое громадное сбереженiе было бы сдѣлано городомъ, еслибы найдено было возможнымъ обойтись безъ покупки земли—это не требуетъ поясненiй; между тѣмъ, дума не была ознакомлена

¹⁾ На основанiи ст. 109 закона 8-го iюня 1903-го года, если выборы два раза не состоятся, должности, остающiяся свободными, замѣщаются, въ случаѣ надобности, по назначенiю министра внутреннихъ дѣлъ.

ни съ условіями, на которыхъ Зубовымъ была подарена земля, ни съ мотивами, по которымъ городской юрисконсультъ не признавалъ возможнымъ *обмѣнъ* участковъ. Не были достаточно освѣщены, путемъ сравненія, недостатки и достоинства земельныхъ участковъ, о которыхъ говорилось въ докладѣ городской управы и въ заключеніи финансовой комиссіи. Невыясненнымъ оставалось, наконецъ, и то, для кого предназначается новая больница—для однихъ ли хрониковъ, или также для острыхъ заболѣваній. Исходъ преній былъ всемъ этимъ предрѣшенъ заранѣе: пришлось возвратить все дѣло въ управу, для новаго разсмотрѣнія! Отложеннымъ на неопредѣленное время оказался, такимъ образомъ, первый шагъ къ осуществленію одного изъ важнѣйшихъ городскихъ предпріятій. Существующія городскія больницы переполнены до крайности; давно пора вернуться къ нормѣ, путемъ постройки новыхъ больничныхъ зданій. Есть для этого и средства (три милліона рублей изъ городского займа)—но все еще нѣтъ тщательно обдуманнаго плана дѣйствій... Въ слѣдующемъ засѣданіи думы аналогичная судьба постигла докладъ объ отпускѣ воды изъ городского водопровода въ Полюстровскій пригородный участокъ; недостаточная разработка вопроса и здѣсь воспрепятствовала окончательному его рѣшенію.

На утвержденіе думы былъ представленъ расходъ по устройству телефоннаго сообщенія между двумя пожарными резервами и одною изъ полицейскихъ частей. Одинъ изъ гласныхъ удостовѣрилъ, что такое сообщеніе уже существуетъ, и потому новыхъ затратъ не требуется! Во время преній, представителями управы были даны противорѣчивыя разъясненія. Одинъ изъ нихъ сообщилъ, что расходъ уже произведенъ и рѣчь идетъ, слѣдовательно, только о санкціонированіи его думою; другой удостовѣрилъ, что деньги еще не израсходованы... Нѣсколько дней спустя, въ думѣ слушался докладъ по возбужденному въ концѣ 1901-го года ходатайству командира с.-петербургскаго порта о прирѣзкѣ къ порту участка городской земли, называемаго *Портвыми* полями. Ходатайство это было мотивировано тѣмъ, что въ погребахъ морского вѣдомства хранится большое количество пороха и другихъ взрывчатыхъ веществъ, а между тѣмъ на сосѣдней городской землѣ пасется скотъ, пастухи разводять костры и существуетъ свалка легко воспламеняющагося сухого мусора. Городская управа, не находя возможнымъ согласиться на уступку городской земли, признала необходимымъ возбудить передъ высшимъ правительствомъ ходатайство о выводѣ за городскую черту помѣщающагося въ портѣ склада взрывчатыхъ веществъ, грозящаго, на этомъ мѣстѣ, громаднымъ бѣдствіемъ для всего города. При разсмотрѣніи этого доклада было замѣчено, что онъ составленъ въ мартѣ 1902-го года. Изъ объясненій, данныхъ

управой, оказалось, что въ апрѣлѣ того же года онъ былъ внесенъ въ думу, но разсмотрѣніе его было откладываемо. Почти *два года*, слѣдовательно, оставалось безъ движенія такое дѣло, скорѣйшаго разрѣшенія котораго настоятельно требовала общественная безопасность. На кого упадетъ отвѣтственность за подобную медленность—на прежнюю ли думу, или на городскую управу, или на городского голову, до послѣдняго времени бывшаго предсѣдателемъ думы—это вопросъ, въ обсужденіе котораго мы теперь не входимъ; для нашей цѣли достаточно показать, что оказывалось возможнымъ при дѣйствіи прежнихъ порядковъ и при прежнемъ составѣ городской управы, который и теперь, какъ мы видѣли, болѣе, чѣмъ на половину остался тотъ же, съ тѣмъ же предсѣдателемъ и его товарищемъ.

Что медленность въ движеніи городскихъ дѣлъ была до сихъ поръ не исключеніемъ, а скорѣе общимъ правиломъ—это доказывается массою докладовъ, переданныхъ въ новую думу какъ наслѣдство ея предшественницы и все еще, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, угрожающихъ собою думскія засѣданія, въ ущербъ болѣе важнымъ вопросамъ. Съ начала 1903-го и даже съ конца 1902-го года оставались неразрѣшенными, напримѣръ, многіе доклады объ отчужденіи или приобрѣтеніи городомъ разныхъ земельныхъ участковъ. Не отличалось быстротою и движеніе такого крупнаго дѣла, какъ увеличеніе числа мировыхъ участковъ. Столичный мировой съѣздъ еще въ 1902-мъ году представилъ управѣ данныя, ясно свидѣтельствовавшія о чрезмѣрномъ обремененіи мировыхъ судей (на долю каждаго изъ нихъ приходилось, въ среднемъ, до 4.300 дѣлъ, между тѣмъ какъ нормальной цифрой признается 3.000 или во всякомъ случаѣ не болѣе 3.500). Докладъ по этому предмету былъ составленъ управой въ маѣ 1903-го года, а обсуждался думой лишь въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ. Что же предлагала управа? Учредить подготовительную комиссію¹⁾, которая обратила бы вниманіе на различныя категоріи дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировому суду,—категоріи, требующія не одинаковаго труда и не одинаково продолжительнаго производства. Такая мѣра, надолго отсрочивъ разрѣшеніе давно назрѣвшаго вопроса, несомнѣнно оказалась бы излишней: кто же не знаетъ, что количество труда, и времени, затрачиваемаго судьей, обуславливается не названіемъ дѣла, а степенью сложности обстоятельствъ, составляющихъ предметъ судебного-производства? Чтобы констатировать ничтожное правонарушеніе,

¹⁾ На что управа даже не уполномочена закономъ: ст. 83 Полож. 8 іюня 1903 г. предоставляеть ей представлять думѣ о назначеніи однихъ исполнительныхъ комиссій. Для управы было бы очень удобно, вмѣсто исполненія своихъ обязанностей или порученій думы, предлагать ей передать дѣло подготовительной комиссіи, какъ она распорядилась и въ настоящемъ случаѣ.

нужно иногда допросить, а можетъ быть и переспросить немалое число свидѣтелей—и наоборотъ, установить наличность и наказуемость тягчайшаго изъ проступковъ, подсудныхъ мировому судѣ (кражи съ однимъ изъ менѣе опасныхъ видовъ взлома), можно въ самое короткое время, если имѣется въ виду полное, не возбуждающее никакихъ сомнѣній сознание обвиняемаго... Пока управа колебалась и стремилась къ тому, чтобы ея колебанія раздѣлила и дума, число дѣлъ у мировыхъ судей продолжало расти и достигло въ 1903-мъ году небывалой цифры въ 207 тысячъ, что составляетъ болѣе 4.900 дѣлъ на каждого изъ 42 участковыхъ судей. Понятно, что дума не только не вступила на ложный путь, указанный управою, но не остановилась и на полу-мѣрахъ, предложенныхъ финансовою комиссiею, а согласилась всецѣло съ мировымъ съѣздомъ и рѣшила открыть, съ 1905-го года, десять новыхъ мировыхъ участковъ, при чемъ на долю каждого судьи должно упасть около 4.000 дѣлъ.

Кромѣ неполноты докладовъ и медленности въ движеніи дѣлъ, есть, повидимому, еще одна черта, характеризующая дѣятельность прежней городской управы: нерѣшительность въ защитѣ правъ и интересовъ города. Наиболѣе яркимъ ея примѣромъ могутъ служить слѣдующія данныя, обнаруженные ревизионною комиссiею. Изъ ассигнуемыхъ на содержаніе пожарной команды денегъ непосредственно городскою управою расходуются только 138 тыс. рублей; остальную сумму—около 350 тыс.—расходуетъ брантъ-маіоръ. На запросъ управы, обязанъ ли послѣдній представлять ей для повѣрки приходо-расходныя книги и оправдательные документы, городской юрисконсультъ отвѣтилъ утвердительно; тѣмъ не менѣе управа не приняла никакихъ серьезныхъ мѣръ для осуществленія своего права. Подолгу остаются неуваженными и представленія управы объ очищеніи помѣщеній, неправильно занимаемыхъ, въ городскихъ аданіяхъ, полицейскими чинами. Въ декабрѣ 1902-го года, управѣ поручено было снестись съ подлежащими правительственными установленіями о состояніи остатковъ по ассигнованіямъ изъ городскихъ средствъ и о возвращеніи могущихъ оказаться остатковъ въ городскую кассу. Управа исполнила данное ей порученіе въ концѣ апрѣля 1903-го года и на этомъ успокоилась, хотя никакого отвѣта не получила. Съ 1899-го года остается неразрѣшеннымъ представленіе о необходимости, въ виду вздорожанія предметовъ первой необходимости, повышеніи платы за помѣщаемыхъ въ городскія богадельни—и со стороны управы не было, повидимому, сдѣлано ничего, чтобы ускорить ходъ этого дѣла.

Многочисленные дефекты, замѣченные ревизионною комиссiею въ положеніи городскихъ больницъ, объясняются, повидимому, не столько

недостаткомъ надзора со стороны больничной комиссіи, сколько инерцией, составлявшей, до послѣднихъ выборовъ, отличительную черту петербургскаго городского общественнаго управленія. Совершенно правильно, поэтому, поступила новая дума, поручивъ особой подготовительной комиссіи привести въ ясность настоящее положеніе больничнаго дѣла и намѣтить планъ его переустройства. Аналогичную работу та же комиссія должна произвести и относительно санитарной части, устройство которой возбуждаетъ, въ послѣднее время, весьма сильныя возраженія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ составъ подготовительной комиссіи войдутъ главные дѣятели комиссіи больничной и санитарной. Съ этимъ еще можно примириться, хотя правильнѣе было бы, не предоставляя имъ роль судьбы въ собственномъ дѣлѣ, ограничиться выслушаніемъ ихъ объясненій; но никакихъ серьезныхъ результатовъ отъ дѣятельности подобной подготовительной комиссіи ожидать нельзя, если она *вся* или почти *вся* будетъ состоять изъ представителей „старо-думской“ партіи. А между тѣмъ, этого можно ожидать, судя по выборамъ, происходившимъ въ засѣданіи думы 10-го марта. Думѣ предстояло избрать восемнадцать гласныхъ губернскаго земскаго собранія: большинство голосовъ получили шестнадцать лицъ— и изъ нихъ только *одно* не принадлежитъ къ старой партіи. Въ ревизіонную комиссію выбрано тогда же четыре члена и одинъ кандидатъ (а нужно было выбрать семь членовъ и трехъ къ нимъ кандидатовъ); изъ этихъ лицъ четверо принадлежатъ „къ старой“ партіи¹⁾. Въ финансовую комиссію выбрано семь членовъ и три къ нимъ кандидата; изъ этихъ десяти лицъ къ „новой“ партіи несомнѣнно принадлежитъ только одно. Между тѣмъ, именно въ такія комиссіи, какъ финансовая и ревизіонная—комиссіи, дающія возможность близкаго, детальнаго знакомства со всѣми сторонами городского хозяйства—слѣдовало бы возможно шире раскрыть доступъ для членовъ группы, представляющей собою въ думѣ элементъ повѣрки и критики, но этого-то именно и боится полу-старая управа. Большинство, какъ показали первые выборы, располагаетъ въ думѣ 95, меньшинство—65 голосами; на сторонѣ перваго, слѣдовательно, $\frac{3}{5}$, на сторонѣ втораго— $\frac{2}{5}$ членовъ думы. Въ этой, приблизительно, пропорціи представители обѣихъ группъ должны были бы входить въ составъ комиссій, не имѣющихъ исполнительнаго характера, а также и въ составъ депутаціи, посылаемой думою въ губернское земское собраніе. Этого требуетъ и самая простая справедливость, и польза дѣла, такимъ лишь путемъ могущаго получить всестороннее освѣщеніе; это под-

¹⁾ Въ засѣданіи 19-го марта въ ревизіонную комиссію вошелъ еще одинъ гласный, принадлежащій къ „новой“ партіи.

сказывается и обычаемъ, установившимся не только за границей, но и у насъ, во многихъ земскихъ собраніяхъ. Одномастный—*sit venia verbo*—составъ *исполнительныхъ* органовъ можетъ быть оправдываемъ, хотя и не безъ натяжки, необходимостью единодушія; но въ органахъ *совѣщательныхъ* единодушіе, возведенное на степень общаго правила—не достоинство, а прямо недостатокъ. Особенную важность представляетъ меньшинства—представительство, достаточно сильное и количественно, и качественно—приобрѣтаетъ тогда, когда предстоитъ подвести итоги той или другой сторонѣ дѣятельности большинства и опредѣлить, насколько и въ чемъ она должна подвергнуться измѣненію. Именно такова задача, которую будетъ имѣть передъ собою подготовительная коммиссія по больничному и санитарному дѣлу.

Возвратимся теперь къ нашей исходной точкѣ и спросимъ себя, какія указанія для общей городской реформы даетъ короткій, но уже довольно богатый опытъ новой петербургской думы. Поводомъ къ изданію закона 8-го іюня 1903-го года послужила явная неспособность прежней думы и особенно ея исполнительнаго органа, городской управы, справиться съ сложнымъ и труднымъ дѣломъ городского управленія; цѣлью закона было такое измѣненіе состава думы—а слѣдовательно, и избираемыхъ ею учреждений,—которое влило бы въ нихъ свѣжія силы и поставило бы ихъ на высоту ихъ призванія. Эта главная цѣль, какъ оказывается теперь, вовсе не достигнута: составъ думы хотя и обновился, но численный перевѣсъ остался на сторонѣ прежнихъ дѣятелей, и они воспользовались имъ для удержанія за собою всѣхъ главныхъ своихъ позицій, а потому и управа осталась почти совсѣмъ та же, такъ какъ и новыя ея члены (всего два пока) одного и того же происхожденія. Объясняется это тѣмъ, что законъ 8-го іюня, создавъ такъ называемый первый разрядъ, т.-е. предоставивъ *одной шестидесятой* части избирателей выбирать *одну треть* гласныхъ, парализовалъ этимъ самымъ значеніе реформы, распространившей избирательное право на плательщиковъ квартирнаго налога. На выборахъ перваго разряда прошли исключительно главари прежней думы и завербованные ими союзники. Чтобы заручиться большинствомъ въ думѣ, имъ стоило только привлечь на свою сторону небольшую, сравнительно, часть избранниковъ втораго разряда,—и это удалось имъ тѣмъ легче, что, вслѣдствіе высоты квартирнаго ценза, квартиронанимателей съ правомъ голоса въ нѣкоторыхъ избирательныхъ участкахъ оказалось очень мало. Отсюда ясно, какихъ подводныхъ камней слѣдуетъ избѣгать при общемъ пересмотрѣ городского положенія 1892-го года для Москвы и прочихъ городовъ Россіи: это—выдѣленіе крупныхъ плательщиковъ въ особую, привилегированную группу и допущеніе къ участию въ вы-

борахъ только нанимателей сравнительно дорогихъ квартиръ. Въ другихъ городахъ система, созданная закономъ 8-го іюня для Петербурга, привела бы къ результатамъ еще болѣе печальнымъ. Это видно, напримѣръ, изъ свѣдѣній, собранныхъ одесскимъ городскимъ головою ¹⁾. Въ Одессѣ, при полумилліонномъ населеніи, число избирателей въ настоящее время едва превышаетъ двѣ тысячи, что, конечно, до крайности мало; но если распространить на Одессу тѣ начала, которыя легли въ основаніи закона 8-го іюня, то новыхъ избирателей, при устраненіи изъ ихъ числа евреевъ, оказалось бы только 845, а вмѣстѣ съ евреями—1690. Отсюда П. А. Зеленый выводитъ заключеніе о необходимости предоставить квартирнанимателямъ избирательное право уже при квартирной платѣ въ 540 рублей (т.-е. вдвое меньшей чѣмъ та, которая даетъ право голоса въ Петербургѣ) и включить въ число избирателей и евреевъ, образовавъ изъ нихъ особое избирательное собраніе. Съ мнѣніемъ г. Зеленаго согласились всѣ члены одесской городской управы, кромѣ двухъ, по мнѣнію которыхъ единственной гарантіей правильнаго служенія городскимъ интересамъ является владѣніе въ городѣ недвижимымъ имуществомъ или торговымъ предпріятіемъ. Двѣнадцатилѣтній опытъ съ достаточною ясностью доказалъ несостоятельность этого взгляда—но сторонники его, какъ видно, все еще не перевелись, да едва ли и переведутся до тѣхъ поръ, пока охраной закона интересы небольшихъ группъ пользуются въ болѣшей мѣрѣ, чѣмъ интересы массы.

Незамѣщеніе, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, должности министра народнаго просвѣщенія даетъ просторъ предположеніямъ и толкамъ, иногда до крайности... своеобразнымъ. Пальма первенства въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, безспорно принадлежитъ „Гражданину“. Вотъ нѣкоторыя изъ требованій, которыя, по мнѣнію кн. Мещерскаго, слѣдуетъ предъявить къ „руководителю нашей школы“. „Это долженъ быть человекъ съ сердцемъ любящимъ молодежь честно (?); человекъ твердой воли, сильной энергіи и большого такта; человекъ образованный, и наконецъ, не выслужившійся чиновникъ, перешедшій изъ своей узкой среды въ среду государственную, а родившійся въ средѣ широкой“. Чтобы пояснить свою мысль, „Гражданинъ“ приводитъ управленіе гр. Д. А. Толстого—въ примѣръ тому, какъ культъ науки, безъ сердечнаго участія въ школѣ, „разрушаетъ духовный міръ молодежи“; управленіе П. С. Ванновскаго—въ примѣръ тому, какъ опасно исканіе популярности, если оно ставится выше любви къ молодежи („любовь“—поясняется въ скобкахъ—и строга, и добра“); управленіе гр. И. Д. Делянова—въ примѣръ тому, какъ

¹⁾ Сж. одесскую корреспонденцію въ № 21 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

сердечное участіе къ молодежи можетъ возбудить „проходящее всю школу, сверху до низу, вѣяніе чего-то добраго“... Всѣ эти приемы одинаково неудачны. Стремленіе водворить въ средней школѣ мертвящій, чисто формальный классицизмъ не имѣло ничего общаго съ „культутомъ науки“ или, лучше сказать, было ему прямо противоположно. Популярности среди молодежи П. С. Ванновскій вовсе не искалъ; сдѣлать для высшей школы что-либо прочное онъ не успѣлъ; остановлена была въ самомъ началѣ и предпринятая имъ реформа среднего образованія. При графѣ Деляновѣ, несмотря на личную его мягкость, начался рѣшительный упадокъ университетовъ и только немного свободнѣе вздохнула средняя школа, оставаясь, въ общемъ, на томъ уровнѣ, на который ее низвела система гр. Д. А. Толстого. Безспорно, *сердечность*, искренняя сердечность, желательна вездѣ и всегда; но какъ опредѣлить, составляетъ ли она достоинствѣ даннаго лица? Ничего не доказываютъ, въ этомъ отношеніи, слова и другіе внѣшніе признаки чувствительности; ничего не доказываютъ даже отдѣльными проявленія доброты въ частной жизни. Нужны дѣла, нуженъ цѣлый рядъ дѣлъ, совершенныхъ на поприщѣ общественнаго служенія и свидѣтельствующихъ объ умѣнѣ изъ-за регламентовъ и формъ, изъ-за бумагъ и книгъ видѣть человѣка. Недостаточно, съ другой стороны, однихъ хорошихъ намѣреній, диктуемыхъ добрымъ сердцемъ; нуженъ еще запасъ знаній, общихъ и специальныхъ, нуженъ умственный горизонтъ, ширина котораго соотвѣтствовала бы ширинѣ и важности задачи. Болѣе чѣмъ странно, говоря о министрѣ народнаго просвѣщенія, отодвигать образованіе куда-то на задній планъ, какъ условіе второстепенной важности. Невольно рождается мысль, что и сюда-то оно поставлено только про forma, а настоящій центръ тяжести лежатъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ... Въ какой сферѣ, затѣмъ, всего легче встрѣтить соединеніе образованія и опыта съ *доказанною* сердечностью по отношенію къ учащимся и учащимъ? Конечно—въ той, въ которой приходится дѣйствовать министру народнаго просвѣщенія. Мы очень хорошо знаемъ, что можно пробыть много лѣтъ профессоромъ, ректоромъ университета, попечителемъ учебнаго округа—и не обладать качествами, особенно дорогими въ министрѣ народнаго просвѣщенія; мы знаемъ также, что можно оказаться на высотѣ задачи, приступивъ къ ней безъ специальной подготовки (вспомнимъ А. В. Головинина); но это не мѣшаетъ намъ думать, что шансы удачной находки особенно велики, когда поиски производятся въ районѣ, не слишкомъ далеко отъ цѣли. Положеніе, которое профессоръ занялъ въ университетѣ (или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи), можетъ, до известной степени, служить указаніемъ на то, чѣмъ онъ можетъ стать въ новой, болѣе обширной сферѣ дѣятельности.

Не совсѣмъ вразумительно послѣднее требованіе, предъявляемое

кн. Мещерскимъ къ министру народнаго просвѣщенія: „это долженъ быть не выслужившійся чиновникъ, перешедшій изъ своей узкой среды въ среду государственную, а *родившійся въ среду широкой*“. Что такое „широкая среда“, противопоставляемая здѣсь средѣ служебной? Ужь не среда ли крупнаго дворянскаго землевладѣнія, изъ которой выходятъ, болѣею частью, уѣздные и губернскіе предводители дворянства? Но гдѣ же ея права на эпитетъ, прельщающій кн. Мещерскаго? Чѣмъ именно и въ какомъ направленіи она расширяетъ кругозоръ лицъ, къ ней принадлежащихъ? Не приучаетъ ли она, наоборотъ, смотрѣть на все или на многое съ узко-сословной точки зрѣнія? Существенно ли, далѣе, различіе между предводителями дворянства и другими должностными лицами, объединяемыми подъ именемъ чиновничества? Не втягиваются ли предводители, въ силу лежащихъ на нихъ многочисленныхъ административныхъ обязанностей, въ общую колею бюрократическихъ навыковъ и взглядовъ? Не стремятся ли наиболѣе способные и энергичные изъ нихъ къ переходу въ ряды профессиональныхъ администраторовъ? И почему же среда, въ которой вращается, напримѣръ, профессоръ, должна быть признана болѣе узкой, менѣе соприкасающейся съ областью государственныхъ дѣлъ, чѣмъ среда, въ которой вращается сегоднешній предводитель дворянства—завтрашній губернаторъ?.. Историческій опытъ удостовѣряетъ, что истинно государственный умъ можетъ созрѣть среди самой неблагоприятной служебной обстановки—въ канцеляріи генераль-прокурора, гдѣ началъ свою карьеру Сперанскій, въ хозяйственномъ департаментѣ времени Перовскаго, гдѣ работалъ Николай Милютинъ. Возможно, конечно, иѣчто подобное и на почвѣ дворянской выборной службы—но намъ что-то не помнится, чтобы она давала такіе блестящіе всходы...

Кстати о „Гражданинѣ“. Давно уже извѣстно, что немного найдется такихъ добрыхъ начинаній, такихъ отрадныхъ явленій, которыя газета кн. Мещерскаго не поспѣшила бы облить желчью или грязью. Порицаніе, идущее изъ этого источника, приобрѣло, въ глазахъ огромнаго большинства, значеніе похвалы; его ожидаютъ, какъ чего-то должнаго, какъ своеобразной награды. Чтобы поставить внѣ всякаго сомнѣнія великую важность сенатскаго рѣшенія, о которомъ мы упоминали въ предъидущей хроникѣ—рѣшенія, возстановившаго свободу защиты и права присяжныхъ засѣдателей,—недоставало только, чтобы на него ополчился „Гражданинъ“. И онъ исполнилъ свою обычную функцію—исполнилъ ее, какъ всегда, съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ правдѣ. Прекрасный отпоръ „Рѣчамъ Консерватора“, заступившимъ, на этотъ разъ, мѣсто „Дневника“ кн. Мещерскаго, данъ В. Д. Набоковымъ, въ № 10 „Права“. Смѣшеніе вердикта присяж-

ныхъ съ приговоромъ магистратуры, болтовня о двухъ судебныхъ рѣшеніяхъ, когда было и могло быть только одно, провозглашеніе нормальной функціи высшаго суда (отмѣны рѣшеній, несогласныхъ съ закономъ) попраиеніемъ авторитета низшихъ инстанцій—все это какъ нельзя лучше выставлено на видъ въ статьѣ юридической газеты. Прибавимъ только одно замѣчаніе. Произвольно и совершенно невѣрно дѣла дѣятельность по-реформеннаго сената на какіе-то три періода, г. „Консерваторъ“ утверждаетъ, что въ теченіе перваго изъ нихъ сенатъ систематически отказывалъ въ поддержкѣ такой „ретроградной вещи“, какъ правительственный авторитетъ, даже противъ либерализма „въ духѣ гражданки Засуличъ“. На самомъ дѣлѣ оправдательный приговоръ по дѣлу Вѣры Засуличъ былъ *отмѣненъ* уголовнымъ кассационнымъ департаментомъ сената. Et voilà comme on écrit l'histoire... на страницахъ невѣжественной реакціонной газеты.

Другая характерная черта „Гражданина“—упорное нежеланіе сознаться въ ошибкѣ, вольной или невольной. Припомнимъ, наприимѣръ, обвиненіе литературнаго фонда въ невниманіи къ просьбамъ Достоевскаго—обвиненіе, которое кн. Мещерскій повторялъ нѣсколько разъ, несмотря на документальныя и неоспоримыя опроверженія комитета фонда. То же самое мы видимъ и теперь: 7-го марта въ „Правѣ“ появилась статья В. Д. Набокова, разъяснявшая „Гражданину“, что дѣло о членахъ новоторжской уѣздной земской управы, обвинявшихся въ преступленіи должности, не производилось и не могло производиться въ окружномъ судѣ, а было рассмотрѣно и рѣшено, въ первой инстанціи, судебной палатой, откуда восходило до сената въ апелляціонномъ порядкѣ. И что же? Это не мѣшаетъ кн. Мещерскому, въ „Дневникѣ“, помѣченномъ 11-мъ и напечатанномъ 14-го марта, повторить, какъ нѣчто не подлежащее сомнѣнію, что сенатъ оправдалъ новоторжскую управу, признанную виновною двумя судебными приговорами. Еслибы редакторъ „Гражданина“ считалъ нужнымъ хоть сколько-нибудь знакомиться съ предметомъ, о которомъ онъ говорить, ему было бы извѣстно, что *въ порядкѣ инстанцій* каждое дѣло можетъ разсматриваться *по существу* не болѣе двухъ разъ и, слѣдовательно, *оправдательный* приговоръ сената самъ по себѣ устраняетъ предположеніе о *двухъ* предшествовавшихъ ему приговорахъ низшихъ инстанцій. Дѣло, рѣшенное сначала окружнымъ судомъ, потомъ—судебной палатой, можетъ дойти до сената не иначе, какъ *въ кассационномъ порядкѣ*, при которомъ немислимо есужденіе или оправданіе, а возможна только *отмѣна* обжалованнаго рѣшенія (или всего судебного производства). Съ невѣжествомъ часто идетъ рука объ руку безперемонность—и „Гражданинъ“ доводитъ ее до крайнихъ предѣловъ. Утверждая, со словъ полученнаго имъ письма

(ссылка на никому невѣдомыхъ корреспондентовъ — обычный приѣмъ этой газеты), что въ не существующей болѣе новоторжской уѣздной земской управѣ оказался недочетъ въ 50 тысячъ рублей, кн. Мещерскій заимствуетъ изъ того же письма слѣдующій объѣмъ мыслей, будто бы происходящій на мѣстѣ: „говорять о необходимости предать суду старую управу за обнаруженныя упущенія. Не стоитъ,—отвѣчаютъ на это практическіе люди,—*вѣдь все равно сенатъ оправдаетъ все дѣйствія старой управы, хотя бы они были преступными*“. Итакъ, изъ того, что сенатъ отклонилъ недоказанное обвиненіе управы въ чисто формальныхъ упущеніяхъ, слѣдуетъ заключить, что онъ отвергнетъ доказанное обвиненіе ея въ растратѣ? И это говорится о высшемъ судѣ имперіи, говорится въ газетѣ, одинаково игнорирующей и правду, и справедливость? Возможно ли было бы появленіе въ печати подобныхъ отзыовъ о какомъ-либо высшемъ административномъ учрежденіи? Конечно, достоинству сената сужденія „Гражданина“, въ чемъ бы они ни заключались, повредить не могутъ. и онъ совершенно правъ, оставляя ихъ безъ вниманія. Меньше тѣмъ кто-либо мы желали бы принятія противъ нихъ какихъ-нибудь административныхъ мѣръ: перемѣнятся обстоятельства—перемѣнится самъ собою и тонъ „Гражданина“.

Для органа печати, сколько-нибудь понимающаго ея призваніе, осторожность въ сообщеніи фактовъ и въ выводѣ изъ нихъ заключеній особенно обязательна тогда, когда рѣчь идетъ объ учрежденіяхъ или лицахъ, не обрѣтающихся въ авантажѣ. Къ числу такихъ учрежденій принадлежитъ, въ настоящую минуту, бывшая новоторжская управа, на которую „Гражданинъ“ такъ развязно взводитъ обвиненіе въ *недочетъ*—т.-е., говоря точнѣе, въ *растратъ*. У насъ нѣтъ фактическихъ данныхъ, съ помощью которыхъ можно было бы опредѣлить степень основательности — или неосновательности — этого обвиненія; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что опроверженіе его заключается въ томъ же „письмѣ“, на которомъ строить его кн. Мещерскій. Сообщивъ о пустотѣ земской кассы и о недочетѣ въ 50 тыс. рублей, корреспондентъ продолжаетъ: „тайные клеветы стараго состава земской управы принялись немедленно подпольно подавать счеты новой управѣ, чтобы сразу ее явить передъ разными поставщиками несостоятельною“. Итакъ, „клеветы“—т.-е. друзья—старой управы взяли на себя починъ обнаруженія ея грѣховъ, мѣшая ей, тѣмъ самымъ, пополнить растраченную сумму? Развѣ это вѣроятно, развѣ это возможно? Сказанное въ письмѣ прямо наводитъ на мысль, что если земская касса, въ моментъ сдачи дѣлъ старой управой, и была пуста, то безъ всякой вины со стороны управы, просто въ виду слабаго поступленія земскихъ сборовъ (какъ это часто бываетъ именно въ началѣ года). Явная несостоятельность одной части со-

судебныхъ уставовъ идетъ теперь извнѣ, встрѣчая со стороны министерства юстиціи если не твердый отпоръ, то по крайней мѣрѣ сдерживающее, умѣряющее воздѣйствіе. Перемены допускаются—но именно допускаются, а не вызываются, не требуются, и большая заботливость прилагается къ тому, чтобы смягчить ихъ рѣзкость“. Напомнивъ, дальше, съ какимъ успѣхомъ были отражены, въ 1884-мъ году, нападенія на судъ присяжныхъ, мы видѣли въ этомъ крупный вкладъ въ активъ баланса, оставляемаго Д. Н. Набоковымъ въ лѣтописяхъ русскаго суда. Правда, при Д. Н. Набоковѣ состоялся законъ 20-го мая 1885-го года, ограничившій несмѣняемость судей; но „составители этого закона поступили такъ, какъ дѣйствуетъ капитанъ корабля во время сильной бури,—они выбросили за бортъ часть груза, чтобы спасти остальное“. Это сравненіе примѣнимо, до извѣстной степени, ко всему управленію Д. Н. Набокова, далеко не бѣдному, впрочемъ, и положительными заслугами: достаточно назвать начатое при немъ составленіе новыхъ уложеній, уголовного и гражданскаго.. Еще болѣе благоприятной, чѣмъ параллель съ предшественникомъ, является для Д. Н. Набокова сопоставленіе съ его преемникомъ (Н. А. Манасенымъ), при которомъ пало раздѣленіе властей судебной и административной, уничтоженъ почти безъ остатка мировой судъ, значительно ограниченъ кругъ дѣйствій суда присяжныхъ, впервые допущено смѣшеніе обязанностей слѣдователя и судьи, созданы новыя, существенныя ограниченія судебной гласности ¹⁾. Менѣе замѣтна, но чрезвычайно важна перемена, происшедшая, послѣ Д. Н. Набокова, въ отношеніяхъ между судомъ и судебной администраціей. Въ судебное вѣдомство проникъ бюрократическій духъ, проникъ съ такою силой, о которой не могло быть и рѣчи въ первыя два десятилѣтія со времени судебной реформы... Теперь, оглядываясь на долгое и во многихъ отношеніяхъ печальное прошлое, мы съ большимъ еще основаніемъ, чѣмъ прежде, можемъ сказать, что Д. Н. Набоковъ „имѣетъ право на благодарное воспоминаніе всѣхъ тѣхъ, кому дороги краеугольные камни новаго суда“.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 2 „Вѣстника Европы“ за 1894 г.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1904.

Книга третья. — Мартъ.

	СТР.
Церковная школа въ Англіи.—С. Р.	5
Братья.—Повѣсть.—XII-XVII.—П. Д. БОБОРЫКИНА	21 ✓
„Новый градъ“ владѣннаго Августина.—I-IX.—В. И. ГЕРБЕ	72
Уральскіе этюды.—I. Поздней осенью.—П. Лѣтней ночью.—ГРИГ. БЪ- ЛОРЪЦКАГО	111
Н. А. Некрасовъ.—Обзоръ его литературной дѣятельности.—I.—А. Н. ПЫПИНА	135 ✓
Городъ и деревня.—Разсказъ изъ современнаго жителя-бытѣя.—Часть первая: I-XX.—М. А.—НОВА	154 ✓
I. Л. Рунебергъ и его поэзія.—Памяти финскаго поэта, по поводу совершивша- гося столѣтія со дня его рожденія: 1804—1877 г.—I. Э. МАНДЕЛЬ- ШТАМЪ	228 ✓
„Сожъзъ душь“.—„Souls“. A Comedy of intentions, by „Rita“.—XX-XXXII.— Съ англ. З. В	259 ✓
Стихотворенія.—Изъ Франсуа Коппе.—I. Сирень.—II. Весной на могилѣ.— Н. Б. ХВОСТОВА	315
Хроника.—Круговая порука и отмена ея.—Ө. Ө. ВОРОПОНОВА	317
Внутреннее Овозрѣніе.—Война и гражданская жизнь.—Вопросъ о мелкой зем- ской единицѣ и о земскомъ представительствѣ въ московскомъ земскомъ собраніи.—Личныя переѣмы въ высшемъ государственномъ управленіи. —Земская школа и г. Спектаторъ.—Циркуляръ министра юстиціи и рѣшеніе сената.—Статистическія данныя о репрессіи присяжныхъ засѣ- дателей	329
Иностранное Овозрѣніе.—Война на Дальнемъ Востоку.—Правительственныя сообщенія и официальные акты по поводу русско-японской войны.— Возможныя дипломатическія погрѣшности.—Вопросы о нарушеніяхъ международнаго права.—Нейтральныя державы и общее политическое положеніе	345
Литературное Овозрѣніе.—I. Религіозные отщепенцы, А. С. Пругавина.—А. П. —II. Философія и ея общія задачи, Н. Я. Грота.—III. Обь идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи, Н. М. Соколова.—IV. „Urbi et Orbi“, Вал. Брюсова.—Евг. Л.—V. Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабо- чими за 1901 г.—VI. А. Веберъ, Ростъ городовъ; Э. Вандервельде, Бѣг- ство изъ деревни.—В. В.—VII. Государственный строй и политическія партіи въ зап. Европѣ и Америкѣ.—VIII. Вопросы мѣстнаго управленія, В. Гессена.—IX. Ив. Страховскій, Крестьянскія права и учрежденія.— М. Г-анъ.—Новыя книги и брошюры	361
Новости Иностранной Литературы.—I. Jules Renard, Comédies.—II. G. Freiherr v. Ompteda, „Nerven“. Novellen.—З. В.	403
Изъ Общежитвенной Хроники.—Общественныя настроенія во время двухъ послѣд- нихъ войнъ и въ началѣ войны съ Японіею.—Печальные диссонансы и легкомысленное обращеніе съ исторіей.—„Просвѣтительная“ дѣятель- ность земства.—Соперничество между школами.—Н. К. Михайловскій, Б. П. Чичеринъ, П. С. Ванновскій †.—Postscriptum	418
Извѣщеніе.—Отъ Врачебно-Педагогическаго Института для отсталыхъ и не- услѣбвающихъ дѣтей	432
Бивлогграфическій Листокъ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кв. XVIII.—Мушкетовъ, И. В., Физическая Геологія, т. II, вып. 1.— Русскій Биографическій Словарь.—Лукрецій Каръ, „О природѣ вещей“, перев. И. Рачинскаго.—Основныя начала финансовой науки, Ив. Янжула. —Американская школа, Екат. Янжуль	
Объявленія.—I-IV; I-XII стр.	

Книга четвертая. — Апрель.

	стр.
✓ Изъ жизни на Дальнемъ Востоку. — 1900-1903 г.г. — Южно-Уссурийскій край. Печилійская провинція. Японія и Южная Манчжурія. — Письмо 1—18. — W.	438
✓ БРАТЯ. — Повѣсть. — XVIII—XXII. — Окончаніе. — П. Д. БОБОРЫКИНА	479
✓ Н. А. НЕКРАСОВЪ. — Обзоръ его литературной дѣятельности. — II. — Окончаніе. — А. Н. ПЫШИНА	524
Стихотворенія. — I. Не помни! — II. У выходной двери. — III. Возвращеніе холодовъ. — А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	556
✓ ШКОЛА Байрона. — Сравнительно-историческіе очерки. — АЛЕКСѢЯ ВЕСЕЛОВСКАГО	562
✓ ГОРОДЪ и ДЕРЕВНЯ. — Разсказъ изъ современнаго житія-бытія. — Часть вторая: I—XII. — М. А. — НОВА	621
Философія истории влаженнаго Августина. — I—IX. — В. И. ГЕРЬЕ	670
✓ ВРАЖДЕБНАЯ СИЛА. — Романъ. — John-Antoine Nau, „Force ennemie“, roman. — Первая часть: I—VIII. — Съ франц. З. В.	712
✓ ЖЕЛТАЯ ОПАСНОСТЬ. — Д. З. СЛОНИМСКАГО	762
ХРОНИКА. — Внутреннее Овозрѣніе. — Неожиданный юридическій вопросъ. — Что такое правда въ печати? — Предстояція губернскаго совѣщанія. — Циклопическій трудъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. — Земство и Область Войска Донскаго. — Новый типъ земскихъ учреждений. — Нѣсколько словъ о децентрализаци. — Post-scriptum	777
Дополнительные классы въ начальныхъ училищахъ г.г. С.-Петербурга и Москвы. — М. М.	794
Иностранное Овозрѣніе. — Вопросъ о продолжительности войны и о будущемъ мирѣ. — Военное занятіе Кореи и фиктивный договоръ между двумя императорскими правительствами. — Тревожное настроеніе въ Европѣ. — Переговоры объ англо-французскомъ соглашеніи и китайскій нейтралитетъ. — Парламентскіе споры во Франціи	800
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — I. Барсуковъ, Н., Жизнь и труды Погодина, кн. 18. — II. О. Зѣлинскій, Древній миръ и мы. — III. Каллашъ, Puschkiniana. — Модзалевскій, Б. А., Пушкинъ и его современники. — Евг. Л. — IV. Периодическая печать на Западѣ. — В. В. — Новыя книги и брошюры	811
Замѣтка. — „Ницшеанцы“ о воспитаніи. — Д. Е. ОВОЛЕНСКАГО	832
Новости Иностранной Литературы. — I. Arthur Schnitzler, Der einsame Weg. Schauspiel. — II. Rachilde, Le Dessous, roman. — З. В.	848
Изъ Овещественной Хроники. — Первые шаги обновленной с.-петербургской городской Думы, какъ указаніе на недостатки послѣдней городской реформы. — „Сердечность“, образованіе и педагогическій опытъ. — Сенатъ передъ судомъ „Гражданина“. — Легкомысленныя обвиненія. — Д. Н. Набоковъ †	864
Библиографическій Листокъ. — С. Саблеръ и И. Сосновскій, Сибирская желѣзная дорога, очеркъ, составл. п. р. А. Н. Куломзина. — Эллада, В. Вегнера, перев. П. Евстафьева, п. р. В. И. Модестова. — Ив. Ал. Гончаровъ, критическіе очерки Евг. Ляцкого. — Разсказы и стихотворенія изъ русской истории, К. Елпатьевскаго. — Азія, сборникъ, составл. А. Круберомъ и др. — Eugen Zabel, Auf der Sibirischen Bahn nach China.	
Овѣявленія. — I—IV; I—XII.	

ВЪСТАНКЪЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ТРИТЦЕТАТЬ.

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1904.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 3-я. — МАРТЬ, 1904.

Стр.

I.—ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА ВЪ АНГЛИИ.—С. Р.	0
II.—БРАТЯ.—Повесть.—XII-XVII.—П. Д. Воборыкина	21
III.—„НОВЫЙ ГРАДЪ“ ВЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА.—I-IX —В. И. Герье	73
IV.—УРАЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ.—I. Поздний осеню.—II. Лютый ночью.—Григ. Вѣлорѣцкаго	111
V.—П. А. НЕКРАСОВЪ. — Обзоръ его литературной дѣятельности.—I — А. И. Иванова	180
VI.—ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ.—Разсказъ изъ современнаго жита-быта.—Часть первая: I-XX.—М. А.—ноя	154
VII.—I. Л. ГУНЕБЕРГЪ И ЕГО ПОЭЗІИ.—Памяти финскаго поэта, по поводу совершившагося столѣтія со дня его рожденія: 1804—1877 г.—I. Э. Мандельштамъ	228
VIII.—„СОВОЗЪ ДУШЪ“.—„Souls“. A Comedy of intentions, by „Rita“.—XXI-XXXII.—Окончаніе.—Съ англ. Я. В.	239
IX.—СТИХОТВОРЕНІИ.—Изъ Франсуа Ковок.—I. Сирин.—II. Веснръ на могилѣ.—П. В. Христова	313
X.—ХРОНИКА.—Круговая порука и отмена ея.—О. О. Воропонова	317
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Война и гражданская жизнь.—Вопросъ о мелкой земской единицѣ и о земскомъ представителствѣ въ московскомъ земскомъ собраніи.—Личныя пережитыя изъ высшаго государственнаго управленія.—Земская школа и г. Спектаторъ.—Циркуляръ министра вѣстий и рѣшеніе сената.—Статистическія данныя о репрессіи присаживныхъ закладовъ	329
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Война на Дальнемъ Востоцѣ.—Правительственныя сообщенія и официальные акты по поводу русско-японской войны.—Возможныя дипломатическія интриги.—Вопросъ о нарушеніи международнаго права.—Нейтральная держава и общее политическое положеніе	333
XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Религіозныя отщепенцы, А. С. Пругавина.—А. П.—II. Философія и ея общія задачи, Н. Я. Грога.—III. Объ идеалахъ и идеалахъ русской интеллигенціи, Н. М. Соколова.—IV. „Urbi et Orbi“, Вал. Врисова.—Евг. Л.—V. Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими на 1901 г.—VI. А. Веберъ, Ростъ городовъ; Э. Вандервельде, Бѣство изъ деревни.—В. В.—VII. Государственный строй и политическія партія въ зап. Европѣ и Америкѣ.—VIII. Вопросы жѣстнаго управленія, В. Гессена.—IX. Нв. Страховскій, Крестьянскія права и учрежденія.—М. Г.—X.—Новыя книги и брошюры	361
XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Jules Renard, Comédies.—II. G. Freiherr v. Ompfeda, „Nerven“. Novellen.—З. В.	379
XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Общественныя настроенія во время двухъ послѣднихъ войнъ и въ началѣ войны съ Японіею.—Печальныя замечанія и легкомысленныя обращенія съ исторіей.—„Прогрѣвительная“ дѣятельность общества.—Соперничество между школами.—Н. К. Михайловскій, Б. Н. Чечеринъ, П. С. Ванновскій †.—Postscriptum	413
XVI.—ИЗВѢЩЕНІЕ.—Отъ Врачебно-Педагогическаго Института для отсталыхъ и неуспевающихъ дѣтей	470
XVII.—БИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, ил. XVIII.—Мушкетеры, Н. П., Физическая Геологія, т. II, вып. I.—Русскій Биографическій Словарь.—Луcretій Каръ, „О природѣ вещей“, перек. Н. Рачинскаго.—Основныя начала финансовой науки, Нв. Яакула.—Американская школа, Ежат. Инжуль	470
XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII	

№ 3.

ПОДВИЖНОЙ БАТАЛОГЪ

№ 3.

КНИЖНАГО СКЛАДА ТИПОГРАФІИ

М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на комиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателемъ, и высылаетъ иногороднымъ заказы съ надлежащимъ платежомъ по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку *).

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ.

Артамонова, Серафима. Панна Іоанна и Донъ-Жуанъ. Психологическій этюдъ. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

Аскольдовъ, С. Основныя проблемы теоріи познанія и онтологіи. (Сознаніе и познаніе. Качественность и структурность познанія. Эмпирізмъ и апирізмъ. Сознаніе какъ „вещь въ себѣ“. Витіе неодушевленное. Матерія и сила. Проблема внѣшней одушевленности. Всеобщая одушевленность. Понятіе души. Герархія душъ. Взаимодѣйствіе. Единство мировой системы.) Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к. 6207

Валлеръ, К. Простая жизнь. Переводъ съ французскаго С. Леонтьевой. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Лесскій, Н. О. Основныя ученія психологовъ съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мицше, Фридрихъ. Афоризмы, изреченія и аллегоріи. Переводъ съ нѣмецкаго В. А. Попова. Москва. 1903 г. Ц. 75 к. 6717

— Такъ говорилъ Заратустра. Переводъ съ нѣмецкаго Ю. М. Антоновскаго. Изд. 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. 7052

Полетаевъ, Н. А. Что такое философія и гдѣ ея предѣлы? Спб. 1903 г. Ц. 20 к. 6892

Спенсеръ, Гербертъ. Факты и мысли. (Facts and comments). Переводъ съ ан-

глійскаго Г. Г. Оршанскаго. Харьковъ. 1903. Ц. 1 р. 7048

Стасюлевичъ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Челпановъ, Г. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апиріорности и врожденности. Часть I. Представленіе пространства съ точки зрѣнія психологіи. Кіевъ. Ц. 2 р. 50 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

Араго, Жакъ. Воспоминанія слѣпого. Путешествіе вокругъ свѣта. Съ портретомъ автора и рисунками. Переводъ съ пятаго изданія П. Канчаловскаго. Москва. 1904 г. Ц. 80 к. 7064

Брусаминъ, Вас. Ни живые—ни мертвые. (Очерки Петербургской жизни). Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 7073

Вербичная, А. Чья вина? Погѣсть въ 2-хъ частяхъ. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 6964

— Всеобщая Библиотечка Г. Ф. Львовича: 1) Миландъ, А. Фортума. Романъ. Переводъ А. А. Русаковой-Львовичъ. Спб. 1903 г. Ц. 25 к.

— — — — — Ядъ. Романъ. Переводъ А. А. Русаковой-Львовичъ. Спб. 1903 г. Ц. 25 к.

2) Наутомъ, Е. Возникновеніе брака и семьи. Переводъ Г. Ф. Львовича. Спб. 1903 г. Ц. 25 к.

* Книжки, вновь поступившія въ складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны:

Вѣстникъ Европы.—Мартъ, 1904.

A

Национальность нашего времени. Переводъ Г. Ф. Львовича. Слб. 1903 г. Ц. 10 к.
3) Успенскій, Г. И. Отцы и дѣти. Слб. 1903 г. Ц. 10 к.

Невидимки: Слбной пѣвецъ. Чуткое сердце. Слб. 1903 г.

Идилія. Обстановочка. Невидимка Авдотья. Слб. 1903 г. Ц. 10 к.

Пришло на память. Слб. 1903 г. Ц. 10 к.

Богъ грѣхамъ терпитъ: „Свои средства“.—Отрадна явленія.—„Съ человѣкомъ — тихо!“ — Деревенская молодежь. Слб. 1903 г. Ц. 10 к. 7090

Голіковъ, В. Г. Разказы. Слб. 1904 г. Ц. 1 р.

Карпентеръ, Эдуардъ. О бракѣ. (Magis). Переводъ съ англійскаго М. И. Бруслиной. Слб. 1904 г. Ц. 25 к. 7074

Маусай, Карлъ. Очерки и этюды. Собрание и переводъ Г. Ф. Львовича. Слб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 году. Переводъ Г. Ф. Львовича. Слб. 1902 г. Ц. 35 к. 7090

Недрезъ, В. Въ чемъ истинное значеніе творчества Максима Горькаго? Опытъ критическаго анализа произведеній М. Горькаго. Слб. 1904 г. Ц. 60 к. 7092

Комиссій-Перебенди, О. Я. Твори. Т. IV. Одесса. 1903 г. Ц. 60 к. 7084

Лавриченко, К. Вѣра въ жизнь. Шестидесятие годы. Романъ въ двухъ частяхъ. Содержаніе: Письмо къ автору М. Салтыкова. Изъ письма къ автору Н. Аксакова. Юбилей нашего вѣщаго слова. Общаніе К. Карелина. Общаніе А. Суворина. Слб. 1902 г. Ц. 2 р.

Нерасовъ, Н. А. Кому на Руси жить хорошо? Поэма. Слб. Цѣна въ переплетѣ 1 рубль.

Новицкій, А. И. Сборникъ разказовъ. Слб. 1904 г. Ц. 1 р.

Періодическая печать на Западѣ. Сборникъ статей П. Верлина, Г. Гросмана, П. Звѣздича, Д. Сатурина, А. Лабріола, Е. Смирнова, И. Гурвича, Э. Пименовой. Слб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. 6898

Полагаева, О. Г. Наши боли и скорби. Слб. 1903 г. Ц. 50 к. 7059

Празднованіе двадцатипятилѣтія С.-Петербургскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ. Изданіе Комитета О—ва для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Слб. 1904 г. Ц. 40 к. 7080

„Привѣтъ“. Художественно-научно-литературный сборникъ. Изданъ обществомъ вспомошествованія нуждающимся ученицамъ Васильеостровской женской гимназіи въ С.-Петербургѣ. Слб. 1898 г. Цѣна 3 руб.

Розаль, Габриелъ. Курсистки. (Les Sévériennes). Романъ. Переводъ съ франц. Н. Дадюновой. Москва. 1904 г. Ц. 80 к. 6964

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). Избранные отрывки изъ сочиненій: Губернскіе очерки.—Исторія одного города.—Господа Ташкентцы.—Васюганскіе рѣчи.—Помпадуръ и пр. Слб. Цѣна въ переплетѣ 1 р.

Сиробицкій, А. И., д-ръ. Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ изреченія на Западѣ. Съ чертежами въ текстѣ и пятью таблицами. Слб. 1903 г. Ц. 6 р.

Толстой, гр. Л. Н. Избранные отрывки изъ соч. Дѣтство. Севастополь. Три смерти. Война и Миръ. Разказы дѣтей. Василъ-Анна Каренина. Слб. Цѣна въ переплетѣ 1 р.

Шапиръ, Ольга. Записки мужа. Изд. 3-е. Слб. 1904 г. Ц. 1 р. 6941

Шенелавичъ, Л. „Безъ долгаго“. Романъ Сенкевича. (Изъ публичной лекціи, читанной въ пользу первой бесплатной Харьковской читальни 8-го мая 1894 г.). Харьков. Ц. 20 к.

„Донъ-Кихотъ“. Аверлинеи въ вопросѣ объ авторѣ этого романа. Критическій этюдъ. Харьков. Ц. 40 к.

III. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ — ВЪЯКОВАНІЕ.

Еврейская Библия. Историко-литературный сборникъ. Т. X. Слб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. 7066

Шенелавичъ, Л. Кудруна. Историко-литературный этюдъ. Харьков. Ц. 1 р. 6924

Кудруна. Переводъ II-а повни (Гильда) и опытъ ея истолкованія. Харьков. Ц. 1 р.

Этюды о Данте. I. Аморино-ское „Видѣніе св. Павла“. 2 части. Харьков. Ц. 2 р.

Каледра исторіи всеобщей литературы въ имп. харьковскомъ университетѣ. Историческая записка. Харьков. Ц. 50 к.

IV. ПЕДАГОГИКА.

Деминъ, М. И. Исторія русскаго педагогіи. Ч. I. Древне-русская педагогія (X—XVII вв.) Изд. 2-е, переработанное. Ц. 2 р.

Часть II. Новая русская педагогія (XVIII-й вѣкъ). Слб. 1897 г. Ц. 2 р.
Понровская, М. И., жемчужина питаніе здоровыхъ привычекъ. Слб. 1908 г. Ц. 45 к.

Чезарь, П., д-ръ. Уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ по англійскому способу. Пер. съ англійск. Е. Д. Ильиной. Слб. Ц. 1 р. 50 к.

V. УЧЕБНИКИ.

Бареничъ, Л. Ф., проф. Коммерческаго арифметика. Изданіе второе. Слб. Ц. 1 р. 50 к.

Видеманъ, К. И. Книжно-торговая бухгалтерія. Руководство къ изученію веденія книжно-торгового счетоводства по двойной бухгалтеріи. Слб. 1903 г. Ц. 2 р.

Дерюгинъ, М. Е. Начала механики. Курсъ средн. учебн. заведеній. Изд. 3-е. Слб. Ц. 1 р. 268

Базилъ, З. Конторская практика. Руководство къ теоретическому и практическому изученію коммерческихъ документовъ въ связи съ существующими узаконеніями. Вып. II и III. Слб. 1903 г. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 р. 25 к. 7053

Здѣвскій, Ф., проф. Древній міръ и мн. Лекціи, чтанія ученикамъ вышнихъ классовъ Слб. гимназій и реальныхъ училищъ весной 1903 г. Слб. 1903 г. Цѣна 80 к. 7056

Латышевъ, В. В. Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ и для начинающихъ филологовъ. Часть 1-я: Государственные и военные древности. Изд. 3-е, пересмотрѣнное А. Н. Щукаревымъ. Слб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. 6776

Морозовъ, В. Космографія въ историко-генетическомъ изложеніи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вильна. Ц. 1 р. 40 к.

Обломовъ, П. Краткій учебникъ географіи. Курсъ I. Общій обзоръ земного шара. Съ чертежами и рис. въ текстѣ, съ приложеніемъ краткаго обзоренія Россійской Имперіи и трехъ картъ: 1) полушарій, 2) океаническихъ теченій и осадковъ и 3) Европейск. Россіи. Слб. 1902 г. Цѣна 70 к.

Смирновъ, И., Яковничъ, О., и Суриковъ, И. Учебникъ латинскаго языка. (Для среднихъ учебныхъ заведеній). Изд. 5-е. Слб. 1901 г. Ц. 1 р. 40 к. 687

Сомовъ, Г. Начертательная геометрія. Изд. 6-е. Слб. Цѣна текста съ чертежами 2 р.

Тамбеля, П. Курсъ французскаго языка. 1-я часть (1-й годъ). Слб. 1901 г. Ц. 45 к.

Тростниковъ, М. А. Обученіе грамматикѣ русскаго литературнаго языка. Изд. журнала „Русская Школа“. Слб. 1903 г. Ц. 25 к.

VI. НАРОДНЫЯ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Абаза, К. К. Отечественные героическіе разказы. Съ рисунками, картами и планами. Ц. 2 р. въ переплетѣ; въ бумажкѣ 1 р. 50 к.

— Героическіе разказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Цѣна 2 р. въ переплетѣ; въ бумажкѣ 1 р. 50 к.

Азбелевъ, Н. Дѣтскій маскарадъ-звѣринецъ. Съ рисунками. Слб. Ц. 20 к.

Анненская, А. Н. Зимніе вечера. Разказы для дѣтей. Изд. 5-е. Слб. 1903 г. Ц. 2 р.

— Свѣтъ и тѣни. Повѣсти и разказы для дѣтей. Слб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Мои двѣ племянницы. Сборникъ разказовъ для дѣтей. 2-е изд. Слб. 1900 г. Ц. 50 к.

— Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 4-е. Слб. 1903 г. Ц. 50 к.

— Братъ и сестра. Разказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Слб. 1900 г. Ц. 50 к.

Бенкертъ, В. А. Галль. Сцены изъ римской жизни времянь Августа. Слб. Ц. 1 р.

— Харикль. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. Слб. Ц. 1 р. 25 к.

Богаевская, А. — Веселая азбука. Пособіе для матерей, воспитательницъ и дѣтскихъ садовъ. Слова и музыка—собственность автора. Слб. Ц. 1 р.

— Любимыя сказки. Слова и музыка. Слб. Ц. 1 р.

— Привѣтъ! Сборникъ поздравительныхъ пѣсенъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ на 1, 2 и 3 голоса. Слб. Ц. 1 р.

Bogaiewsky, A. „Amusons-vous!“ Petits-airs et petits-jeux. Слб. 1894 г. Ц. 1 р.

Бутневичъ, С. Дневникъ дѣвочки. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Иллюстр. П. А. Ассатурова. Приложение: съ картинъ С. Зейденберга. Рисунокъ обложки Г. Шварца. Изд. 3-е. Цѣна въ папкѣ 1 р. 10 к.

В. Р. Щ. Дюжника. XII пьесокъ для дѣтскаго театра. Одуванчикъ.—Стрекоза и муравей.—Кто милѣ.—Тройка.—Старый уголокъ.—Воевода.—Что купить.—Ножницы.—Несчастная.—Чижикъ.—Большое дурно.—Вѣдная Амичка. Слб. Ц. 1 р.

Вейбергъ, Петръ.—Для дѣтей (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рисунк. Е. Вемъ. Н. Каразина, Ф. Мирбаха и С. Соломо. Ц. 1 р. 50 к. въ изящномъ переплетѣ.

Вервь, Жюль. Вокругъ лунн. Съ 40 рисунками. Сиб. Ц. 2 р.

Путешествіе къ центру земли. Съ 80 рис. художника Ріу. Изд. 2-е. Сиб. Ц. 2 р.

Отъ земли до лунн, 97 часовъ прямого пути. Перев. съ французскаго. Сиб. Ц. 1 р.

Герасимовъ, П. Въ подарокъ дѣтямъ. Четыре разсказа изъ ихъ жизни. Съ 4-ми рисунками. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Народные разсказы. 1) Усердіе не по разуму. Ц. 10 к. 2) Койбіку бросишь—рубль подберешь. Ц. 30 к. 3) Дома и у турокъ. Ц. 30 к. 4) Покойница выросла. Ц. 20 к. 5) Нахалъ и чуть не въхалъ. Ц. 10 к. 6) Грѣхъ и покаяніе Петра Великаго. Ц. 15 к. 7) На грѣхъ минута—на отвѣтъ жизнь. Ц. 15 к.

Гранотрѣвъ, Эд. Варооломеевская ночь. Историческій разсказъ. Съ 63 рисунками. Ц. 2 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ бесплатныя читальни. Учебн. Ком. Собств. Его Импер. Велич. Канц. по учрежденіямъ Императрицы Маріи допущена въ учебныя бібліотеки старшаго и средняго возрастовъ среднихъ учебныя заведеній.

Въ странѣ чудесъ. Сцены изъ жизни и природы Индіи. Разсказъ для дѣтей средняго возраста. 3-е изд. Съ 4 раскраш. карт. по акварелямъ. В. Брюлова и съ 64 рис. Ц. 2 р. 25 к.

Въ царствѣ черныхъ. Сцены изъ жизни и природы средней Африки. Разсказъ для дѣтей средняго возраста. Изданіе второе. Съ 50 рис. Ц. 2 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ учебныя бібліотеки средняго и старшаго возраста среднихъ учебныя заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а равно въ народныя читальни.

Въ дебряхъ сѣвера. Приключенія волка, медвѣдя и лисицы. Для младшаго возраста. Изданіе третье. Съ 21 рисункомъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Два героя. I. Въ Новомъ Свѣтѣ. —II. Завоеваніе Мексики. Изд. второе. Съ 13 рис. Цѣна 2 руб.

Дѣдушкина внучка. Разсказъ для дѣтей средняго возраста. Изд. 2-е. Съ 98 рисунками. Цѣна 2 руб.

Елена Робинзонъ. Приключенія одной дѣвочки на необитаемомъ островѣ. Съ 78 рисунками В. Табурина, В. Брюлова и др. Изданіе второе. Ц. 2 р. 50 к. Учебн. Комит. Собственной Его Импер. Велич. Канц. по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрена для учебныя бібліотеки младшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныя заведеній.

Живчикъ. Разсказъ для дѣтей средняго возраста. Изд. второе. Съ 20 рис. Цѣна 2 руб. Учебн. Ком. Собств. Его Импер. Велич. Канц. по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрена для учебныя бібліотеки младшихъ классовъ среднихъ учебныя заведеній.

Забитые разскази гѣнца, муга и страшилка. Съ 100 рисунками. Ц. 2 р.

Исторія одного маленькаго ребенка. Разсказъ для дѣтей средняго возраста. Изданіе третье, съ 4 раскраш. карт. по аквар. В. Брюлова и 86 рис. Ц. 2 р. 25 к.

Калевала, финская народная поэма. Съ 40 рисунками. Цѣна 2 р. 30 к., безъ перепл. 2 р. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для учебныя бібліотеки старшаго возраста бібліотеки среднихъ учебныя заведеній, городскихъ училищъ и бесплатныя читальн. Учебн. Комит. Собств. Его Импер. Велич. Канц. по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрена для учебныя бібліотеки средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныя заведеній.

Крошка Ася. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ 47 рисунками. Цѣна 2 р. 50 к.

Лѣтописи отчего и оттого. Съ 69 рисунками. Цѣна 2 р. 50 к.

Маленькія школьнички и ихъ чистей свѣта. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ 98 рисунками. Цѣна 2 руб. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ учебныя бібліотеки младшаго возраста бібліотеки среднихъ учебныя заведеній, городскихъ училищъ и бесплатныя читальни.

Маленькій миллионеръ. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ 45 рис. Цѣна 2 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ учебныя бібліотеки младшаго и средняго возраста бібліотеки среднихъ учебныя заведеній, какъ мужскихъ и женскихъ. Учебн. Ком. Собств. Его Импер. Велич. Канц. по учрежденіямъ Императрицы Маріи допущена въ учебныя бібліотеки младшихъ классовъ среднихъ учебныя заведеній.

Маленькій разношникъ. Разсказъ для дѣтей средняго возраста. Изданіе второе. Съ 26 рис. Ц. 2 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ учебныя бібліотеки младшаго и средняго возраста среднихъ учебныя заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Пылающій островъ. Разсказъ о послѣднихъ событіяхъ на Куду. Цѣна 2 руб.

Ради золота. Разсказъ о событіяхъ въ Южной Африкѣ. Съ 40 рисунками по акварелямъ. Цѣна 2 р. 25 к.

— Семь мудрых школяровъ. Разсказы для дѣтей средняго возраста. Съ 88 рисунками. Цѣна 2 руб.

— Сказочный островъ Ципангу. Съ 4 раскрашенными рисунками по авторамъ В. Крюкова и 36 рисунками. Ц. 2 р. 50 к.

— Сказки проф. З. Топелюса. Изданіе 4-е, дополненное, съ раскрашенными картинками и 36 рисунками. Цѣна 2 руб.

— Всемирные свѣточи. Разсказы изъ жизни великихъ людей: Шиллеръ и Гёте. Ц. 2 р.

— Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 гг. Изданіе четвертое. Съ картою и 65 рисунками. Ц. 1 р. 50 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Свѣтлый король. Сцены изъ тридцатилѣтней войны. Изданіе второе. Съ 45 рисунками. Цѣна 2 руб.

— Синее знамя. Историческій разсказъ временъ нашествія монголовъ. Изд. второе. Съ 65 рис. и картою походовъ Чингисхана. Ц. 2 р.

— Всемирные свѣточи. Разсказы изъ жизни великихъ людей: Шекспиръ и его время. Съ 68 рис. Въ роскош. перепл. 2 руб.

— Столѣтіе открытій, въ біографіяхъ замѣчательныхъ мореплавателей и завоевателей XV и XVI вѣковъ. Изд. второе. Съ 71 рисунокъ и картою путешествій. Цѣна 2 руб. Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для ученическихъ старшаго и средняго возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Въ дѣсахъ Флориды. Приключенія трехъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Изд. второе. Съ 23 рисунками. Ц. 2 р.

Григорова, Е. Н. Вилліамъ Шекспиръ, для юношескаго возраста, съ портретомъ и рисунками. Москва. Ц. 75 к.

Т. Г. Шевченко. Біографія. Для юношества. Съ 4 рис. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

— Разсказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е, доп. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Магометъ. Для юношескаго возраста. Москва. Ц. 25 к.

Денисовъ, Д. Вѣтлыя лилія. Разсказъ для дѣтей. (Изъ записокъ дѣвочки). Съ 15-ю рисунками. Москва. Ц. 75 к.

Дергачевъ, И. Прежде азбуки. Первые вопросы ребенку и первое чтеніе съ малолѣтками. Изд. 3-е. Съ рисунками въ текстѣ. Тула. Ц. 1 р.

Дмитріева, В. Г. Горнякъ. Разсказъ. Изданіе Фребел. О—ва. Сиб. 1902 г. Ц. 50 к.

Жизнь дѣтей, въ разсказахъ изъ иностранной дѣтской литературы. Сиб. Ц. 30 к.

Каранашъ, Над. За Кавказскимъ хребтомъ. Очерки природы и быта. Съ 87 рисунками. Сиб. 1904 г. Ц. 1 р. 7062

Карасевичъ, С. Земля и небо. Описание важнѣйшихъ явленій изъ области астрономіи, въ формѣ разсказовъ для дѣтей средняго возраста. Съ 30 рис. Сиб. Ц. 75 к.

Красильникова, Н. Прочти и разскажи! Сборникъ статей для пересказа и стихотвореній для заучиванія наизусть. Сиб. 1901 г. Ц. 40 к.

Лукашевичъ, К. Рыбка-колюшка-рѣзвуха. Разсказъ. Сиб. Ц. 50 к.

— Птичица Агаея. Разсказъ. Сиб. Ц. 50 к.

— Аксютка—нянька. Изд. Фребел. О—ва. Сиб. Ц. 50 к.

Лункевичъ, В. Землетрясенія и огнедышащія горы. 2-е изд. Съ рис. Ц. 16 к. Среди свѣговъ и вѣчнаго льда. Съ рис. Ц. 24 к. Земля. Съ рис. Ц. 8 к. Семейная жизнь животныхъ. Съ рис. Ц. 15 к. Общественная жизнь животныхъ. Съ рис. Ц. 12 к. Обезьяны. 2-е доп. изд. Съ рис. Ц. 15 к.

Пчелы, осы и термиты. Съ рис. Ц. 18 к.

Вода. Съ рис. Ц. 28 к. Подводное царство. Съ рис. Ц. 20 к. Воздухъ. Съ рис. Ц. 15 к.

Степь и пустыня. Съ рис. Ц. 18 к. Тайга и тундра. Съ рис. Ц. 14 к.

Некрасовъ, Н. А. Русскими дѣтямъ. Иллюстрированное изданіе, съ 16 картинками работы барона М. П. Клодта, рѣзаными на деревѣ и отпечатанными въ Лейпцигѣ, у Брокгауза. Сиб. Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ, тисненномъ золотомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Ольготъ, Л. Маленькія женщины уже взрослые. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Перев. съ англ. Ольги Кларкъ. Сиб. Цѣна 1 р. 25 к.

— Семь братьевъ и сестра. Пер. съ англ. О. Бутеневой. Изд. 3-е. Сиб. Ц. 1 р. 25 к.

— Юность — Розы. Продолженіе повѣсти „Семь братьевъ и сестра“. Пер. О. Бутеневой. Сиб. Ц. 1 р. 25 к.

— Подъ сиренями. Пер. Бутеневой. Изд. 2-е. Сиб. 1 р. 50 к.

П. В. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Сиб. 20 к.

Петровская, Е. И. Картинки изъ дѣтской жизни. Разсказы-быль. Съ рисунками А. Шнейдеръ и др. Сиб. Ц. 1 р.

— Мама—дѣткамъ о природѣ. Для первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ явленіями четырехъ стихій. Съ рис. А. Шнейдеръ и др. Сиб. Ц. 1 р.

— Какой у насъ сегодня праздникъ, мама? Съ картинками въ текстѣ и

на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1900 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Плахово, Н. Ѳ. Волшебница весна. Рассказъ для дѣтей младшаго возраста, удостоенный преміи Спб. Фребельскаго О-ва. Съ рисунками К. В. Изенберга. Спб. Ц. 50 к.

Саломовъ-Меситловъ, Н. А. Липшій. Повѣсть. Съ 12 рисунками К. Д. Савицскаго. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 7062

Туръ, Е. Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроникки. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р.

Княжна Дубровина. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Сергій Боръ-Раменскій. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. третье. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Черезъ край. Рассказъ. Изданіе 2-е. Москва. Ц. 40 к.

Три разсказа для дѣтей: 1) Жемчужное омерзѣе. 2) Звѣздочка. 3) Хрустальное сердце. Изд. 5-е. Москва. 1901 г. Ц. 1 р.

VII. ИСТОРИЯ—БЮГРАФІЯ.— ПУТЕШЕСТВІЯ.

Александрово, В. Н. Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ. 2 тома. Варшава. Цѣна т. I-го—3 р., т. II-го—2 р. 25 к.

Батуринскій, В. П. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Т. I. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к. 7090

Берсъ, А. А. Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ III. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Бонъ, Викторъ. Петръ Изъ Добровольскій. Критико-биографическій очеркъ. Спб. 1904 г. Ц. 25 к. 7083

Бунгеваденъ, баронъ А. Русскій Китай. Очерки дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ. I. Пекинскій договоръ. 1860 г. Портъ-Артуръ. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к. 7060

В. Б. На рубежѣ XIX-го столѣтія. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к. 7090

Герье, В. Идея народовластія и Французская революція 1789 года. Введеніе въ исторію революціи 1789 года. Москва. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к. 7076

Корсановъ, Д. А. Изъ жизни русскихъ дѣателей XVIII вѣка. Казань. Ц. 3 р.

Объ историческомъ значеніи наступательнаго движенія великорусскаго племени на востокъ. Казань. Ц. 40 к.

Ленцъ, Э. Опись собранія оружія гр. С. Д. Шереметева. Съ приложеніемъ 26 фототипическихъ таблицъ. Спб. Ц. 10 р.

Лясковскій, Валерій. Братья Кирѣвскіе. Жизнь и труды ихъ. Спб. Ц. 80 к.

Новодворскій, В. Беръба за Ливонію между Москвою и Рѣвель-Посколотомъ (1670—1682). Историко-критическое исследование. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к. 7066

Павловъ, Н. М. Русская исторія до новѣйшихъ временъ. (Второе изд. жидкой перваго тысячелѣтія). (1862—1862 г.г.). Томъ II. Москва. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. 6996

Переписка и бумаги Бориса Петровича Шереметева. 1794—1722 гг. Спб. Ц. 3 р.

С.-Петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ. 1878—1903. Очерки и матеріалы. Изданіе Комитета О-ва для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ въ С.-Петербургѣ. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 7090

Сологубъ, В., графъ. Биографія генерала Котляревскаго. Изд. 3-е. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Старина и Новизна. Книга VI. Историческій сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. Изданіе въ продажѣ первая пять книгъ. Цѣна каждой книги—2 р.

Матлаевъ, Дм., проф. Положеніе ивѣрія въ Россіи. Историческое обозрѣніе. Варшава. 1904 г. Ц. 25 к. 7067

Шепелевичъ, Л. Жизнь Сервантеса и его произведенія. Т. I. Харьковъ. 1903 г. Ц. 2 р. 40 к.

Щеголевъ, В. Г., проф. Высшее учебное заведеніе въ г. Ярославлѣ имени Замидова въ первый вѣкъ его образованнаго дѣятельности (6 іюня 1803—1903 года). Историческій очеркъ. Ярославль. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к. 6996

VIII. ГЕОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ— СТАТИСТИКА.

Крамержъ. Сибирь и значеніе великаго Сибирскаго пути. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Крауфордъ, Маріонъ. Константинополь. Вып. I Переводъ съ англійскаго графа Е. П. Шереметева, подъ ред. проф. Мясловскаго. Спб. Ц. 50 к.

IX. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ— МЕТЕОРОЛОГІЯ.

Обломовскій, Д. Д. Симметричныя функціи. Посмертное изданіе работъ Д. Ѳ. Селиванова. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Нессе, К., проф. Курсъ дифференціального и интегральнаго исчисленія. 1903 г. Ц. 4 р.

X. ЕСТЕСТВОВѢДЕНІЕ—ФИЗИКА—
ХИМИЯ.

Алферанн, С. Н. Гуси Россіи. Съ 25 таблицами въ краскахъ. Москва. 1904 г. Ц. 12 р. 6868

Бертъ, Поль. Лекціи зоологіи. Анатомія и физиологія. Переводъ съ франц. д-ра А. Н. Симонова. 3-е русское изд. И. И. Вилибина, подъ редакц. и съ доп. проф. М. А. Мензбира. Съ 402 рис. въ текстѣ. Спб. Ц. 2 р. 661

Бергъ, Р. С. Курсъ общей эмбриологіи. Съ 126-ю рис. въ текстѣ. Подъ редакціей проф. В. М. Шимкевича перевелъ, съ разрѣшенія и съ дополненіями автора, Б. Сукачевъ и А. Линко. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 80 к. Весь чистый сборъ съ изданія поступаетъ въ пользу столовой студентоваго свѣ. университета. 631

Карденъ, А. Книга медумовъ. Изложене и обзоръ спиритическихъ явленій. Переводъ съ французскаго. Редактировалъ и сдѣлалъ примѣчанія съ предисловіемъ Асгарта. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к. 7027

Черемновскій, В. С. Обь электрическихъ атомъ или электроновъ. (Новѣйшіе взгляды на природу вещества). Съ 28-ю рис. въ текстѣ. Спб. 1904 г. Ц. 75 к. 7077

Мушкетовъ, И. В., проф. Физическая геологія. Т. I. Общія свойства и составъ земли. 2-ое изд., значительно переделанное. Съ 4 картами и 708 политипажными въ текстѣ. Спб. Ц. 6 р. 615

Физическая геологія. Т. II. Денудационные процессы. Вып. I. (Геологическая дѣятельность атмосферы и подземной воды). Второе изданіе, значительно переделанное, съ 4 картами и 229 политипажными въ текстѣ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Парнеръ, Д. и Гасвелль, В. Руководство къ зоологіи. Переводъ съ англійскаго проф. М. А. Мензбира. Томъ I. (Первая половина). Съ 317 рисунками. Москва. 1904 г. Ц. 3 р. 6799

Страсбургеръ, Эдуардъ, проф. унив. въ Боннѣ. Краткій практической курсъ растительной гистологіи. Руководство для самостоятельнаго изученія микроскопической ботаники и введеніе въ микроскопическую технику. Съ 128 рис. въ текстѣ. Переводъ съ четвертаго нѣмецкаго изданія В. С. Бутельскаго, пр.-доц. московск. унив. Съ предисловіемъ проф. московск. унив. К. А. Тимирязева. Москва. 1904 г. Ц. 3 р. 7064

Страсбургеръ, Э., проф. унив. въ Боннѣ. Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній. Переводъ съ пятаго

нѣмецкаго изданія прив.-доц. Москов. унив. М. И. Голенкина и В. А. Дейнеги. Изданіе второе, полное, съ 668 рис. Москва. 1904 г. Ц. 4 р. 6799

Чеглоковъ, А. Родная природа. Птицы, звѣри и сады Россіи. 16 рассказовъ изъ жизни животныхъ. Съ 69 картинками. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Вып. I. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.; въ переплетѣ—1 р. 30 к. 6961

XI. ЮРИДИЧЕСКІЯ И СОЦІАЛЬНЫЯ
НАУКИ.

Александренко, В. Н., проф. Варш. унив. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и международное право. Вып. I-й. Въшняя политика. Ученіе Монороз. Спб. 1903 г. Ц. 85 к. 7045

Бухъ, Л. Основные элементы политической экономіи. Съ предисловіемъ Эд. Вернштейна. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ. Т. I: Проф. Ю. Гамбаровъ: Предисловіе. II. Звѣздичъ: Австрія, Д. Сатуринъ: Англія. Ю. Стекловъ: Бельгія. 16 портретовъ и 4 рисунка на отдѣльныхъ листахъ. Спб. Ц. 2 р. 25 к. 7075

Каутскій, Карлъ. Торговые договоры и торговая политика. Переводъ съ нѣмецкаго Ф. Шинулинскаго и А. Фина, подъ редакціей А. С. Заллунина. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 7070

Козалевскій, С. Покровительственная пошлина, что она даетъ населенію и что у него беретъ. Цифры и факты. Спб. Ц. 50 к.

Корнуновъ, Н. М., проф. Русское государственное право. Томъ I. Введеніе и обща часть. Изданіе пятое (безъ перемены). Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

Томъ II. Часть особенная. Изд. 4-е, безъ перемены. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.

Исторія философіи права. Посobie къ лекціямъ. Изданіе третье (безъ перемены). Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Листъ, фонъ, Францъ, проф. берлинск. унив. Учебникъ уголовного права. Общая часть. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ 12-го переработаннаго изданія Ф. Ельзашевича. Съ предисловіями автора и проф. московск. унив. М. В. Духовскаго. Москва. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. 7064

Мартенсъ, Ф., проф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. I. Изд. 5-е, дополненное и исправленное. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к. 6779

Моревъ, Д. Руководство политической экономіи. Изд. 6-ое. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

848

Несовичъ, С. И. Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи 1861—1863. Съ предисловіемъ В. И. Семевского. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Наранго, А. Практическое руководство для волостныхъ судовъ, преобразованныхъ по закону 12 іюля 1889 года. Изд. 2-е, исправленное по продолженію Свода Законовъ 1902 г. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

7067

Пиленко, Аз. Привилегія на изобрѣтенія. (Практическое руководство, съ приложеніемъ текста закона 20 мая 1896 г., позднѣйшихъ дополненій, формъ дѣловыхъ бумагъ и краткихъ свидѣній объ иностранныхъ законахъ). Второе, исправленное и дополненное, изданіе. Спб. 1903 г. Ц. 85 к.

Право изобрѣтателя. (Привилегія на изобрѣтенія и ихъ защита въ русскомъ и международномъ правѣ). Историко-догматическое изслѣдованіе. Томъ I-й. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.

Томъ II. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Сергѣевичъ, В., проф. Русскія юридическія древности. Томъ I. Территорія и населеніе. Изд. 2-е, съ перемѣнами и дополненіями. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.

Русскія юридическія древности. Т. II. Вѣче и князь. Советники князя. Изд. 2-е, съ поправками. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

Древности русского права. Томъ III. Землеуладѣніе. Тягло.—Порядокъ обложенія. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Лекція и изслѣдованія по древней исторіи русского права. Изд. 3-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Случескій, В., проф. Уголовно-процессуальная казуистика. Посobie для лекцій и экзаменовъ. Спб. Ц. 1 р.

Учебникъ русского уголовного процесса. Судостройство — судопроизводство. Изд. 2-е, передѣланное и дополненное. Спб. Ц. 5 р.

Добавленіе къ учебнику русского уголовного процесса. Спб. 1900 г. Ц. 35 к. Покупателямъ „Учебникъ“ добавленіе выдается безплатно. 616

Табурне, I. П. Эскизный обзоръ финансово-экономическаго состоянія Россіи за послѣдніе 20 лѣтъ (1882—1901 г.г.). Въ книгѣ имѣется особое приложеніе изъ 29-ти статистическихъ таблицъ и 22-хъ графиковъ. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 7079

Щегловъ, В. Г., проф. Государственный совѣтъ въ Россіи въ первый вѣкъ его образованія и дѣятельности (80 марта 1801 — 1901 года). Историко-юридическій

очеркъ. Ярославль. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

6867

Юмановъ, С. Н. Соціологическіе этюды. Т. II, издан. дополненное. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе очерки.—Реформа средней школы.—Системы и задачи высшего образованія.—Гимназическіе учебники.—Вопросы всенароднаго обученія.—Женщина и просвѣщеніе. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

XII. МЕДИЦИНА — ГИГИЕНА — ВѢТРИНАРИЯ.

Билль, Ф. Новые естественныя методы леченія. Полный переводъ съ англійскаго (сотого) нѣмецкаго изданія д-ра Ж. Шехтера 2274 страницы съ 874 рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 8 р.

Добрянскій, П. И., д-ръ. Медицинское руководство къ изученію повивальнаго искусства, съ изложеніемъ правилъ ухода и пособій при женскихъ болезняхъ. Съ 486 рис. въ текстѣ. Третье, вновь пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1901 г. Ц. 5 р.

Емстратъ, А., прив.-доц. Медицинскій университетъ. Прикрѣпленія женщины къ животнымъ. (Врачебно-ветеринарскія изслѣдованія). 1903 г. Ц. 2 р.

Жумовскій, В. П., д-ръ. Клиника акушерно-кишечнаго заболѣванія и смерти дѣтей. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Иванъ, Р., д-ръ мед. О вреднѣйшихъ отъ вѣтннхъ вредныхъ климатическихъ факторахъ. Исправленное и дополненное, съ рисунками. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

Мондратъ, А. И., д-ръ. Курсъ военной гигиены, со включеніемъ въ него подачи первой помощи въ дѣлѣ случаевъ и на погѣ сраженія. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Lesser, проф. и Schudler, больные сифилисомъ могутъ служить Пер. съ нѣмецкаго. Спб. Ц. 40 к.

Уваровъ, М. С. Гигиена. Медицинскій курсъ для лицъ, получающихъ среднее образованіе. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шейль, О., проф. Человѣкъ и его ученія о чловѣкѣ и его животнѣхъ съ нѣмецкаго подл. перев. В. В. Половцовыхъ. Съ 41 рисункомъ и 8 въ краскахъ. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Бедоревскій, В. Къ вопросу о значеніи санитарнаго микробологіи сравнительной патологіи и діагностическаго значенія санитарнаго микробологіи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

XIII. ТЕХНОЛОГИЯ—СТРОИТЕЛЬНОЕ И ИНЖЕНЕРНОЕ ДѢЛО—РЕМЕСЛА.

Бобылевъ, Д., проф. Прибавленіе къ курсу аналитической механики. Спб. 1908 г. Ц. 1 р.

— Курс аналитической механики. Ч. I, кинематическая. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Ч. II, кинетическая. Вып. I. Механика материальной точки. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Вып. II. Механика системъ, составленныхъ изъ материальныхъ точекъ. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

— Очеркъ теоріи водяныхъ теченій, выработанной Буссинекомъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

— Руководство къ курсу теоретической механики. Съ 6-ю листами чертежей. Спб. Ц. 4 р. 40 к. 6397

Камбеседесъ, Ф. Теоретическій и практический курсъ горнаго искусства. Перев. Н. Ганъ и А. Н. Митинскаго. Вып. III. Брѣвленіе. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

XIV. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Неупоковъ, лейтенантъ. Мензурный способъ опредѣленія мѣста въ морѣ. Портъ-Артуръ. 1901 г. Ц. 30 к. 7060

Россовъ, П. Русскій Китай. Очерки занятія Квантуна и бита туземнаго населенія. Съ приложеніемъ карты „Квантуна“. Портъ-Артуръ. 1901 г. Ц. 2 р. 7060

Яичевецкій, Дмитрій. У стѣвъ недвижнаго Китая. Дневникъ корреспондента „Новаго Края“ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Китаѣ въ 1900 году. 100 портретовъ, 250 рисунковъ, фотографій, 8 фотографий, 2 хромолитографія, 2 плана и 1 указатель, исправленный и дополненный, 7 рисунковъ художника I. Смуровича. Изд. 2-е. Портъ-Артуръ. 1903 г. Ц. 8 р.

XV. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Демиденко, В. Выгоды: сельское хозяйство въ жаркомъ, фабрики и науки въ холодномъ климатѣ. Варшава. 1904 г. Ц. 1 р. 7066

Королевъ, Ф. Н. Львоводство. Руководство къ львовоздѣлыванію, полученію

льняного волокна и сельско-хозяйственной его обработкѣ. Съ 47 чертежами въ текстѣ. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное! Спб. Ц. 86 к.

— Сельское строительное искусство. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р.

Лашнаревъ, А. Сѣнные прессы, ихъ описаніе и устройство. Съ 22-ми рисунками и чертежами. Спб. Ц. 50 к.

— Сѣно и сѣнопрессованіе. Спб. Ц. 30 к.

Мигулинъ, П. П., проф. Русскій сельско-хозяйственный банкъ. Къ вопросу о нуждахъ нашей сельско-хозяйственной промышленности. Харьковъ. 1902 г. Ц. 50 к.

XVI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Вальтеръ, В. Г. Какъ учить игръ на скрипкѣ. Практическое пособіе для учителей и учащихся. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное авторомъ. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

— Музыкальное образованіе любителей. Опытъ общедоступнаго изложенія музыкальной теоріи и эстетики. (Мелодія, гармонія и контрапунктъ, формы.). Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

— Въ защиту искусства. Мысли музыканта по поводу статьи Л. Н. Толстого: „Что такое искусство“. Спб. Ц. 40 к.

6842

Гауптманъ. — Меримэ. — Д'Аннуцио. Три драмы: 1) Флоріанъ Гейеръ. 2) Жакрїя. 3) Франческа да Римини. Переводы съ нѣмецкаго, французскаго и итальянскаго Зинаиды Венгеровой и Петра Морозова, съ ихъ статьями о трехъ авторахъ, подъ редакціей, съ введеніями и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к. 6978

XVII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Гинлейнъ, Р. Эд. Адресная книга книгопродавцевъ, издателей, торговцевъ нотами, редакцій газетъ и журналовъ, библиотекъ для чтенія и заведеній печати въ Россіи 1903—1904 г. Спб. Ц. 2 р. 7041

„Хозяина дома“. Подарокъ березливой хозяйкѣ дома и заботливой матери семейства. Съ рисунками и виньетками. Въ пакѣ. Спб. Ц. 2 р. 6966

НОВЫЯ КНИГИ,
отпечатанныя въ типографіи М. М. СТАСЮЛЕВИЧА
въ февралѣ 1904 г.:

- БАРСУКОВЪ, Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина. Бн. 18-л. Слб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.
- ВАГНЕРЪ, Н. П., проф.** Романы, повѣсти и рассказы Кота-Мурлыки. Т. VII, изд. 2-е. Слб. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.
- ДМИТРИЕВА, В. І.** Машинъ и Жучка. Рассказъ. Изданіе 2-е. Изд. Фребелевскаго О—ва. Слб. 1904 г. Ц. 50 к.
- КАРЬЕВЪ, Н. И., проф.** Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 8-е. Слб. 1904 г. Ц. 50 к.
- LODGE, O.** Электричество и матерія. Переводъ В. Мерешковскаго. Съ 5 рисунками. Слб. 1904 г. Ц. 50 к.
- NEERNST, W.** Теоретическая химія съ точки зрѣнія закона Авогадро и термодинамики. Переводъ В. Вурдакова съ 3-го нѣмецкаго изданія. Съ 36-ю рисунками. Слб. 1904 г. Ц. 4 р.
- НОВИКОВЪ, А. И.** Пьесы: 1) „Трутни“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. 2) „Одинъ изъ многихъ“. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. 3) „Иностранецъ“. Сцена изъ китайской жизни. Слб. 1904 г. Ц. 1 р.

Находятся въ печати:

- Александръ, В.**—Хрестоматія по исторіи древней Греціи.
- Анненковъ, К.**—Система русскаго гражданскаго права. Т. IV.
- Анненская, А.**—Фридрихъ Нансенъ и его путешествія. Изд. 2-е.
- Арефа.**—Руководство для чиновъ уездной полицейской стражи. Изд. В. А. Барзювскаго.
- Арцимовичъ, В. А.**—Биографія.
- Вайковъ, А. Л.**—Историческій очеркъ развитія элементовъ международной правды способности напства.
- Барсуковъ, А.**—„Родъ Шереметевыхъ“. Книга VIII-я.
- Беръ, Поль.**—Лекціи по зоологіи. Изд. 4-е.
- Бредовъ, В., и Девіеръ, гр. А.**—Сводъ постановленій о горнопромышленности.
- Вулчичъ, Н. Н.**—Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка.
- Вормсъ, Рене.**—Мораль Спинозы.
- Водовозовъ.**—Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Изд. 3-е.
- Водовозова, Е. Н.**—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Изд. 3-е.
- Де-Жоржъ, Н.**—Курсъ элементарной геометріи, А. Боса и М. Ребьера.
- Алгебра, А. Боса и М. Ребьера.
- Де-Морале, А.**—Права женщины и взаимоотношеніе половъ.—Вопросы совѣснаго воспитанія.
- Дьяконова, П. И.**—Краткая русская грамматика.
- Дювернуа, Н. Л., проф.**—Чтенія по гражданскому праву. Т. I, выш. 3.
- Историческое обозрѣніе.** Т. XIII. Изд. Историч. О—ва при Слб. унн.
- Историческій каталогъ Севастопольской обороны.**
- Исторія факультета восточныхъ языковъ при Слб. унн.**
- Каръевъ, Н. И., проф.**—Монархіи древняго Востока.
- Косиновскій.**—Сборникъ приказовъ по военному вѣдомству. Изд. В. А. Барзювскаго.

- Костомаровъ, Н. И.—Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. 3-я.
 Лукьяновъ.—Основанія общей патологіи диханія.
 Мушкетовъ, Н. В., проф.—Туркеставъ. Т. II.
 Польде, баронъ, В.—Послѣднее нейтральное государство.
 Оппель.—Лекціи по анатоміи.
 Петровъ, М. Н.—Изъ всемірной исторіи. Очерки. Изд. 4-е.
 ——— Сочиненія.
 Пирри, Р.—Путешествіе по Греціи.
 Пирожковъ, М. В.—Дифференціальныя исчисленія, Бертрана.
 ——— Арифметика, Серре.
 Циссма и бумаги Суворова.
 Цукровскій, I., проф.—Лекціи по исторіи римскаго права.
 Цюграммъ чтенія для самообразованія.
 Сборникъ въ память проф. Н. В. Мушкетова.
 Сергѣевичъ, В. И., проф.—Русская правда.
 Соколовъ, А.—Краткая всеобщая географія. Ч. I, изд. 2-е.
 Старина и нормаца. Кн. VII.
 Толстой, гр. А. К.—Полное собраніе сочиненій. Т. III. Драматическая трилогія.
 Хвольсонъ.—Курсъ физики. Т. III. Изд. 2-е.
 Шмидтъ. Рыбы восточныхъ морей. Изд. Географ. Общ.
 Щербатовъ, князь.—Исторія Россійская, т. VI и т. VII, ч. 2-я.

Въ книжномъ складѣ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА
 (Спб., Вас. Остр., 5 лин., д. 28).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

„СВОДЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ О ГОРНОПРОМЫШЛЕННОСТИ“

Гр. А. Девіера и В. Бредова, въ 4-хъ томахъ.

Цѣна полнаго изданія — 6 р. 50 к. безъ пересылки; плата за пересылку взимается по почтовой стоимости при доставкѣ книгъ.

При подпискѣ вносятся 2 р. 50 к. и выдается томъ I-й. При полученіи II-го и III-го томовъ уплачивается по 2 р. IV-й томъ выдается безплатно.

По выходѣ всего изданія цѣна будетъ повышена.

Содержаніе: **ТОМЪ ПЕРВЫЙ**—Учрежденіе управленія горнаго, о сѣздахъ горнопромышленниковъ, о казенн. горномъ промыслѣ, о казенн. снабженіи солью, о казенн. минеральныхъ водахъ и о Кабинетскихъ гори. завод. и пром. **ТОМЪ ВТОРОЙ**—о частной горнопромышленности (о разв., завѣд. и отводахъ)—положенія общія, о горнопромышленности на казенныхъ земляхъ и въ губ. Царства Польскаго, о золото-нефте- и соле-промышленности. **ТОМЪ ТРЕТІЙ**—о наймѣ рабочихъ, о производствѣ горнотехническихъ работъ и о сборахъ съ горнопромышленниковъ. **ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ**—о взысканіяхъ за нарушенія горныхъ постановленій и особня приложения (извлеченія изъ закон. гражд. и др., распоряженія по перевозкѣ минер. продуктовъ и пр.).

ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИГАМЪ

КНИГА ВТОРАЯ,

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ,

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА

издаваемого Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ
и ученымъ (Литературнымъ Фондомъ).

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

С.-Петербургъ, 1904 года. X Ц.—4 руб., безъ перес.

ПОДПИСКА.—Цѣна, по подпискѣ, за полное изданіе въ восьми книгахъ въ общемъ объемѣ около 375 печатныхъ листовъ (войдутъ сюда одніе историческіе монографіи и изслѣдованія покойнаго историка, въ числѣ 21 тома) — безъ перес. 20 рублей, уплачиваемыхъ въ такомъ порядкѣ: при подпискѣ вносится 4 руб. и подписчику выдается билетъ на получение всѣхъ 8 книгъ; затѣмъ уплачиваются по 3 рубля при выдачѣ I и II книгъ; по 2 рубля при выдачѣ III, IV, V и VI книгъ, а VIII книга будетъ видана бесплатно подписавшимся лицамъ.

По выйдѣ въ свѣтъ всего изданія, которое предложено окончить въ декабрѣ черезъ два года (къ маю 1905 года), цѣна будетъ повышена, а каждая изъ восьми книгъ 25 руб. и при покупкѣ отдѣльными книгами 1-я и 7-я книги по 50 коп., 2-я, 4-я, 5-я и 6-я книги по 4 рубля, 3-я книга 2 руб. 50 коп., 8-я 4 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича, въ С.-Петербургѣ,
Вас. Остр., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается по почтовой стоимости при доставкѣ книгъ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас.-Остр., 5 л., № 28.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга 18-я. Сиб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Мы еще не так давно указывали на подвиге из печати 17-го тома, обширнаго предпріятія Н. П. Барсукова, а теперь вышла и его продолженіе. Содержаніе новаго выпуска относится къ интереснѣйшему году только-что окончившагося года, а потому неудивительно, что этотъ выпускъ превосходить значительно своимъ интересомъ предшествующіе ему выпуски. Во главѣ этого выпуска помѣщено полный текстъ манифеста 19 февраля 1861 года, которымъ было заявлено, что „въ силу новыхъ положеній крѣпостные люди получать, въ свое время, права свободныхъ сельскихъ обывателей“. Читатели найдутъ вслѣдъ за тѣмъ массу документовъ, писемъ того времени, расклинныхъ въ тѣ годы по различнымъ изданіямъ и теперь тщательно собранныхъ вмѣстѣ составителями настоящей хроники той замѣчательной эпохи. Менѣе видное мѣсто, но также обратившее на себя вниманіе современниковъ, занимаетъ впервые обнаружившееся въ томъ же 1861 г. броженіе въ средѣ университетской молодежи; въ хроникѣ приводится не мало весьма интересныхъ документовъ, объясняющихъ причину этого явленія. Настоящій выпускъ заключается подробностями любовитной исторіи, теперь, вѣроятно, совсемъ забытой, со статьи самого Погодина: „Три вечера въ Петербургѣ“—въ учебномъ обществѣ, у Козарева и въ вольноситскомъ салонѣ. Въ письмѣ къ Шеншрелу Погодинъ пишетъ, что за эту статью „мнѣ сваражали въ Вилку... Рѣшился замолчать; стѣну злобы не прошибешь“.

Мѣшкетовъ, И. В.—Физическая Геологія—Т. П. Деунаціонные процессы. Вып. 1. Над. 2-е.

Извѣстный трудъ двойнаго профессора, въ Горномъ Институтѣ, не успѣлъ выйти весь изъ печати при его жизни, а настоящій второй томъ Физической Геологіи былъ отпечатанъ при немъ, не болѣе четверти его. По смерти его, издатель долженъ былъ отказаться отъ первоначальной мысли—выпустить въ свѣтъ одновременно весь второй томъ, подобно первому, и раздѣлить этотъ томъ на два выпуска. Настоящій, первый выпускъ состоитъ изъ двухъ частей: первая содержитъ въ себѣ геологическую дѣятельность атмосферы, ея свойства и механическую дѣятельность, а также процессы выветриванія; вторая часть, особенно интересная, посвящена подробному изложенію геологической дѣятельности воды, при чемъ подробно разъясняется происхожденіе грунтовыхъ водъ и источниковъ, какъ безразличной воды, такъ и теплыхъ минеральныхъ водъ. Изданіе богато снабжено картинками, числомъ свыше 200, и 4 картами.

Русскій Биографическій Словарь: Сабаньевъ—Смеловъ. Сиб. 904.

Новый выпускъ Словаря продолжаетъ разн. принятую систему—въ сдѣлать, въ отношеніи порядка выпусковъ, обширнѣйшему алфавитному порядку, а издавать томи по мѣрѣ накопленія матеріаловъ. Такъ, нынѣ помѣщаются въ алфавитномъ порядкѣ біографіи лицъ, имена которыхъ могутъ быть поставлены между вышеназванными фамилиями. Такими образомъ, здѣсь встрѣчаются довольно обстоятельныя біографіи

какъ Сабаньевъ, одинъ изъ героев 12-го года; Саловскій, артистъ; графиня Саласъ; Салтаковъ, М. Е.; Самарина, Юрій и артистъ; Самойловъ, артистъ; Семеновъ, артистъ; Сенковский; Скобелевъ, М. Д., и мн. др. Было бы весьма желательнаго, чтобы, при продолженіи этого полезнаго справочнаго изданія, хотя бы на дѣйств. обложкѣ каждаго новаго выпуска помѣщалось содержаніе выпусковъ, предшествовавшихъ ему.

Т. Лукьянъ Каръ, „О природѣ вещей“. Переведъ съ латинскаго разбиромъ подлинника Иванъ Рачинскій. М. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Знаменитой древней классической поэзіи Лукреція: „De natura rerum“, завершится сборъ цѣлыхъ двѣ тысячи строкъ; она и до сихъ поръ сохраняетъ свое значеніе памятника, отразившаго въ себѣ то нравственное состояніе, въ какомъ находился римскій язычскій міръ наканунѣ торжества христіанства. Поэму Лукреція можно назвать блестящимъ проявленіемъ рационализма въ язычествѣ. „Мозги—говоритъ, между прочимъ, поэту—могутъ происходить отъ многихъ причинъ, но для насъ уже довольно знать, что она есть проявленіе силъ природы, а не страля Юпитера“... Лѣтъ десять тому назадъ мы помѣстили въ себя переводъ самой интересной изъ всѣхъ книгъ поэмы Лукреція, а именно пятой, гдѣ поэту излагаютъ, съ своей точки зрѣнія, исторію міротворенія, происхожденія рода человѣческаго и постепенный прогрессъ въ его дальнѣйшемъ развитіи (1898 г., февр., 511 стр.). Поэма давно уже переведена цѣлкомъ на другіе языки, а потому астага является полный переводъ ея и на русскій.

Основныя начла финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Изд. Института, 4-е изданіе. Первое было удостоено Имп. Академіею Наукъ преміи С. А. Грейга. Сиб. 904. Ц. 3 р. 50 к.

Мы имѣли уже случай упоминать о предыдущихъ изданіяхъ труда бывшаго профессора московскаго университета: этотъ трудъ первоначально составлялъ сокращенный курсъ факультетскихъ лекцій. Въ настоящемъ изданіи сдѣланы значительныя измѣненія, согласно передѣлкамъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ по разнымъ видамъ государственныхъ доходовъ, съ необходимыми дополненіями, излагая, чего издать все устарѣвшее отъ прежняго времени. Въ отдѣлѣ промышленнаго обложенія издатель помѣстилъ впервые обзоръ результатовъ швейцарскихъ реформъ промышленнаго налога.

Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. Еватерини Якузъ. 2-ое изданіе. Сиб. 904. Ц. 2 р.

Не болѣе какъ два года тому назадъ появилась въ свѣтъ эта книга, а вотъ уже предъ нами второе ея изданіе. Это дало возможность автору ввести въ свой трудъ многія вопросы и дополненія, вызванныя новыми фактами изъ текущей педагогической интентуры, съ арискованіемъ двухъ выхвѣтъ. Читателю онъ скажетъ: „Америка въ Петербургѣ“! Такъ названо описаніе новыхъ начальныхъ училищъ съ „содвиженіемъ классовъ“,—и „о зліишн физиче-“

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1904 г.

(Тридцать-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ: По полугодіямъ: По четвертямъ года:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрель	Іюль	Октябрь
Взъ доставленъ въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ году почтов. сбора . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Выбсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписки по полугодіямъ: въ январь и іюль, и по четвертямъ года: въ январь, апрѣль, іюль и октябрь, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Безплатныя заказы, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

ВЪ МОСКВѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Губаснинова, на Моховой, и въ Конторѣ П. Печниковой, въ Петровскихъ линияхъ.

ВЪ ПІЕВѢ:

ВЪ ОДЕСѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

- въ книжн. магаз. „Образованіе“ Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбисникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый сборъ* долженъ закладываться изъ себя; имѣя отчетливо, фактически, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ извѣщеніемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдѣла журналовъ, если гдѣ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Переменная адресъ* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики переходя изъ иногороднаго, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе—40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была отдана въ вышеназванныхъ мѣстахъ и, согласно обязанности отъ Почтоваго Департамента, не имѣетъ какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Выписка* на полученіе журнала высылается Конторѣ „изъ рукъ“ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прикладываютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марокъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. И. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галервал, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦИИ ЖУРНАЛА:

FEB 2 - 1955

